

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук
Иркутское областное региональное отделение
Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы
VIII Всероссийской научно-практической конференции

Иркутск, 20 апреля 2026 г.

ISBN 978-5-9624-2503-0

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук
Иркутское региональное отделение
Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Материалы
VIII Всероссийской научно-практической конференции
Иркутск, 20 апреля 2026 г.*

УДК 316.334
ББК 65.011
С69

Под общей редакцией:
канд. юрид. наук, доц. *М. Г. Тирских*,
ст. преп. *Г. В. Дружинина*,
проректора по молодежной политике
и воспитательной деятельности *А. Е. Манзулы*

С69 **Социальные институты в правовом измерении: теория и практика** : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 20 апреля 2026 г. / под общ. ред. М. Г. Тирских, Г. В. Дружинина, Е. А. Манзулы. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2026. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2503-0

Представлены теоретические и практические исследования в сфере пересечения права и философии, психологии, управления, социологии, экономики, образования, молодежной политики, миграции и других наук.

Предназначено для ученых и практиков в области общественных и гуманитарных наук, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами изменения функционирования социальных институтов в правовом измерении.

УДК 316.334
ББК 65.011

ISBN 978-5-9624-2503-0

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2026

Содержание

Предисловие	12
Резолюция VIII Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика» (Дружинин Г. В., Тирских М. Г.)	13

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Авдеева А. И., Батраков А. В. Применение цифровых технологий в криминалистике	15
Адамов А. В., Домнина О. В. Цифровое сознание и право: как инновации меняют наши представления о личности, правоспособности и юридической ответственности (на примере виртуальной реальности, метавселенных).....	20
Баранов А. В. Психосоциальная поддержка людей с инвалидностью в цифровых сообществах: социально-правовое измерение	27
Борисова М. В. Развитие социального института биоэкономики на основе национального проекта «Технологическое обеспечение биоэкономики»	39
Григорьева А. Н., Шатилов С. П. Проблемы и перспективы правового регулирования внедрения искусственного интеллекта в российское правосудие	42
Заварзина Ю. В., Борисова М. В. Правовые аспекты развития биотехнологий: вызовы и перспективы регулирования	47
Земскова И. А. Цифровизация таможенного администрирования как институциональная детерминанта трансформации государственного управления в России: анализ системных противоречий и барьеров	50
Кадурина Д. А. Развитие беспилотных систем как экономический детерминант социально-правовых трансформаций в КНР (на примере феномена экономики малых высот)	56
Лойко А. И. Автономные агенты искусственного интеллекта в институциональной среде общества: особенности правового статуса	61
Маковская П. Н. Искусственный интеллект и социальные институты: взгляд через оптику права	65
Пушнаревич А. С., Жук М. Г. Суд как социальный институт в эпоху искусственного интеллекта: влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства	70

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

Белхароев Х. У. Продовольственная безопасность как основной фактор демографической стабильности России	80
Болотин И. В., Иванов Р. В. Безопасность сельских населенных пунктов в условиях реформы местного самоуправления	87
Дружинин Г. В., Михеева Е. Ю., О необходимости формирования единой государственной концепции профилактики делинквентного поведения среди несовершеннолетних (на материалах Иркутской области)	91
Максуров А. А. Методы правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности: характеристика и виды	97
Полушкевич О. А. Социальная безопасность общества в динамике с 1991 по 2025 г.	105
Чуняева Ю. Д. Применение методов социально-культурной деятельности в реабилитации детей с отклоняющимся поведением в контексте деятельности социальных институтов (на примере Иркутской области)	109
Шамсутдинов Д. С. Конституционно-правовые основы экономической безопасности Российской Федерации в условиях современных глобальных вызовов	114
Шилов Ю. В. Некоторые аспекты защиты несовершеннолетних от деструктивной информации в виртуальном пространстве	118

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»

Безгласная М. Д., Петровская О. А. Брендинг государственных и правовых институтов: инструменты повышения лояльности и доверия граждан	125
Гусенова М. Р., Севастьянова О. В. Генеральный регламент 1720 г. как фактор формирования системного подхода к государственному управлению в России	131
Климова О. О. Организационно-управленческие механизмы обеспечения качества социальных услуг: эмпирический анализ	139
Маркина Е. В., Степанян Г. Н. Конституционно-правовая ответственность субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в контексте реформы публичной власти	143

Новожилова Л. С., Садков В. А. Сотрудники органов внутренних дел как носители государственной тайны: социально-правовой аспект	148
Окорокова С. А., Петровская О. А. Женщины в системе публичной власти: социально-правовой аспект	152
Поярков С. Ю. Алгоритмизация публичной власти как фактор трансформации современного конституционализма: проблемы подотчетности и пределы административного усмотрения	158
Серко К. Д., Адамюк О. И. Законодательная, исполнительная, судебная власть в системе властных отношений	165
Татарникова Я. В., Будник А. П. Особенности кадрового обеспечения муниципальных органов власти на примере администрации муниципального образования «Братский район»	171
Хохлова О. М., Акулова В. И. Внедрение инновационных цифровых платформ в органах местного самоуправления	178
Хохлова О. М., Будник А. П., Татарникова Я. В. Конфликт интересов на муниципальной службе на примере муниципального образования «Братский район»	185
Хохлова О. М., Быкова Е. Г. Эффективность реализации грантовых программ для устойчивого развития сельских территорий	192

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ И КОРПОРАТИВНЫМИ СУБЪЕКТАМИ»

Алёхина Н. А., Севастьянова О. В. Правовые аспекты регламентации документооборота в организационных институтах: наследие концепции «научное управление» Ф. У. Тейлора	200
Дембовский С. П., Халецкая Т. М. Специфика судебного контроля в сфере ликвидации субъектов хозяйствования: опыт экономических судов Республики Беларусь	207
Логвиненко А. Д. Проблемы и перспективы государственной поддержки социально-ориентированных НКО в Республике Бурятия	216
Прудников В. В. История становления института саморегулируемых организаций в Российской Федерации	222
Силивеев И. М. Феномен «серого носорога» в системе управления муниципальными предприятиями: институциональные причины кризиса предприятий в сфере ЖКХ	228
Яновский Д. В., Бахарев В. В. Проблемы организации закупочной деятельности на малых промышленных предприятиях (на примере ООО «ПРОМОМЕБЕЛЬ»)	238

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ»

Аведисьян А. К., Телегина Е. Г. Влияние экономического неравенства на формирование правовой системы, правотворчества и правосознания	246
Ароцкер Д. Ю. Правовые основы формирования кадровой политики в Иркутской области	256
Баев П. А. Психология экономического менталитета на примере уклонения от уплаты налогов.....	263
Бойких Р. С. Подходы к выравниванию бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации	269
Грачева Е. В. Государственное управление развитием арктического туризма в Российской Федерации: краткий анализ нормативно-правовой базы	275
Новикова Ю. О. Потребительская кооперация в царской России: историко-правовой аспект	281
Палащенко Е. В. Контексты уклонения от уплаты налогов в представлениях бизнесменов	287
Петров Ю. В. Социально-правовые трансформации в ресурсодобывающих субъектах РФ	292
Сакатунова В. А., Петровская О. А. Государственное управление в сфере туризма на примере Краснодарского края	297
Ступникова А. А., Туриева А. С. Ценовая дискриминация по одному товару на примере маркетплейса OZON в различных районных центрах Ленинградской, Псковской, Новгородской и Вологодской областях	304
Удалых С. К. Структурные трансформации в российской экономике: необходимость и перспективы	309
Шалимов И. В., Ефремов Н. О. Экономические детерминанты социально-правовых трансформаций современного общества	317

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СВОБОДЫ СОВЕСТИ»

Алексеев А. Б., Ивентьев С. И. Влияние языковой культуры на правовую и религиозную сферы	327
Алтобасов Е. А. Роль муниципальных образований Иркутской области в патриотическом воспитании молодежи	332
Бухарова Е. А., Решетникова Е. В. Социально-правовые аспекты гражданской идентичности молодежи	336
Гоглева К. Ю. Муниципально-конфессиональное партнерство в условиях современного российского социального государства	340

Жидков Д. И., Кожанчиков О. И. Правовая идеология и патриотическое воспитание как факторы обеспечения национальной безопасности	344
Зацепин А. Л. К вопросу сохранения памятников Ленину в аспекте государственного управления на примере Иркутской области	349
Корелин М. Н. Спорт и патриотизм в поисках ориентиров современной молодежи	359
Манзула А. Е. Региональная инфраструктура реализации государственной молодежной политики в Иркутской области: институционально-правовой и ресурсный анализ	363
Сирохин А. И. Духовенство как социальный институт: трансформация корпоративной идентичности и правового статуса	370
Хохлова О. М., Иванова В. В. Экспансия неонацистской идеологии Европейского союза на Россию: правовые меры противодействия распространению неонацизма в России	375
Чекашкина В. С., Давыдов Д. Г. Влияние подзаконных нормативных правовых актов на формирование общественной идеологии	380
Шарафоненко О. А. Цифровая технология: особенности религиозной интеракции в онлайн-среде	384

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ»

Гельманова О. А. Нормативно-правовые основы реализации концепции активного долголетия в России	390
Перловская Е. И. Нормативно-правовые основы государственной политики охраны детского здоровья в Иркутской области	395
Петрова О. Ю., Большакова А. А. Анализ и перспективы развития системы здравоохранения на территории Ямало-Ненецкого автономного округа	400
Ресина Я. А. Влияние внутриорганизационного обучения на текучесть кадров в государственных учреждениях социального обслуживания: правовые и управленческие аспекты	409
Черкасова В. А., Петровская О. А. Эффективность функционирования гибридных социальных институтов в социально-правовом измерении (на примере системы здравоохранения Краснодар)	417

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ»

Воробьева В. Р., Порываев С. А. Административное выдворение и депортация: сравнительный анализ	422
---	-----

Дробина Е. С. Государственная политика по добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: проблемы и пути решения	427
Емельянова М. А., Порываев С. А. Административное регулирование трудовой миграции: баланс между контролем и целесообразностью	432
Михалевич К. И., Жук М. Г. Антропологическая критика цифрового пограничного контроля ЕС – ЕАЭС: влияние на культурную идентичность национальных меньшинств в Беларуси	439
Сараев Н. А. Некоторые изменения в государственной системе миграционного и регистрационного учета России: новые вызовы и стратегии правового регулирования	444
Тамицкий А. М. Эволюция образа угроз в нормативно-правовых основаниях государственной национальной политики Российской Федерации	451
Федорова А. В., Рыбалка Е. А. Трансформация института гражданства под влиянием глобальных миграционных вызовов	456
Якушева Л. С., Гоглева К. Ю. Особенности международного сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией в рамках шанхайской организации сотрудничества	461

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

Бубнова Ю. Г. К вопросу о сущности административного правонарушения и специфики привлечения к административной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы	470
Гайшун А. Н., Макарова А. С. Правонарушения в информационной сфере – вызов для национальной безопасности	476
Гармонов В. П. Влияние социальных институтов на формирование системы противодействия экономическим преступлениям в России	483
Еникеева Э. Р., Морозова И. В. Правовая квалификация и психолого-криминалистический анализ мошенничества в сфере брачно-семейных отношений	487
Муха В. Н., Сакатунова В. А. Социологические методы в социально-правовых исследованиях юридической ответственности: особенности и сферы применения	492
Одиназода И. А. Процессуальные основы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России и Республики Таджикистан	500
Попова В. В. Правовой статус специалиста и эксперта в судебной практике	505
Соколянская В. А., Боленкова А. Н. Дипфейки как способ совершения преступления: проблема квалификации и субъекта преступления	510

Тинякова Е. А. Взяточничество как центральная проблема психологии коррупции: от психологической патологии к криминалу	514
Чигрецкая А. А., Федчук И. Л. Деформация социальной ответственности как причина административных правонарушений в современном обществе	520
Домнина О. В., Шевлякова В. А. Роль семьи и ближайшего социального окружения в процессе ресоциализации осужденных из особых категорий: психологическое сопровождение и поддержка	526

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Васильев Н. Г., Терещенко А. Г. Традиционные формы социального поведения как способ преодоления правового идеализма и правового нигилизма	531
Горбунова О. А., Шатилов С. П. Соотношение правового нигилизма и правового идеализма: причины, последствия и пути решения	540
Данакари Л. Р., Шкурин О. В., Ивентьев С. И. Концепты «мораль» и «нравственность» в ментальной картине русских людей	545
Папшурова Д. Н., Рыбалка Е. А. Институциональные практики формирования правовой культуры студенческой молодежи в условиях цифровой трансформации образования	553
Савинова В. Е. Влияние идей марксизма на формирование правосознания граждан, в том числе в контексте популяризации альтернативных способов защиты прав и интересов граждан	557
Тирских М. Г. Правовой перфекционизм и его проявления	564
Тихонова М. Ю., Фазлыева Е. И. Особенности правосознания взрослых детей алкоголиков	569
Тулаева К. В. К вопросу об определении генезиса правового нигилизма	575
Шаббаева О. А. Семиотика правового нигилизма	582

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ»

Гасимова М. Н. Нормативно-правовые основы государственной экологической политики Российской Федерации	587
Гасимова М. Н. Деятельность органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности (на примере Байкальского городского поселения, Иркутская область)	592
Макарова А. А., Банадысев С. Д., Веретенникова Т. А. Нормативно-правовые основы государственной культурной политики в Иркутской области	599

Пухова А. С., Гуринович Л. А. Межсекторное социальное партнерство в решении экологических проблем: правовое измерение и региональная практика (на примере системы сбора батареек в Иркутской области)	603
Сарапулова Л. Н., Грицких Н. В. Нормативно-правовое регулирование финансирования социально-культурных проектов	609
Теняков А. В. Роль высшего образования в социальной характеристике	615

СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА, ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА»

Альбицкий А. Г. Исторический контекст формирования представлений о правовой политике в дореволюционной российской правовой системе	620
Андреянова М. С. Свадебный фольклор как доказательство семейно-правовых явлений в Древней Руси	626
Антропов Р. В. Антропология прав человека в немецком конституционном дискурсе: между достоинством и биополитическим регулированием	635
Клещёнок Ю. М., Шатилов С. П. Проблема реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации	642
Луценко А. К., Шатилов С. П. Соотношение понятий «государственная власть» и «публичная власть» в российском праве	650
Манченко В. Д., Рыбалка Е. А. Гуманизм в социальном и правовом пространстве: ценностные основания и практика реализации	657
Маркина Е. В., Миронова М. М. Проблемы определения временных пределов конституционного права	662
Маркова А.-М. А. Трансформация естественных и социальных начал в эволюции источников англосаксонской и исламской правовых традиций	667
Олейник И. И. Римское право как достояние профессиональной юридической коммуникации на жизнь.....	677
Петренко А. Д., Рыбалка Е. А. Принцип гуманизма в современном российском праве: теория и практика реализации	682
Резникова С. В. Социальные проблемы права на охрану частной жизни в цифровую эпоху	686
Толмачёв А. В. Философия власти: власть от земли и власть от неба при трансформации глобальной цивилизации	693
Эрштейн Л. Б. Юридическая система общества как прямое выражение третьей абстракции представления ценностей	699

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И КООРДИНАЦИИ»

Апанина А. В. Социально-правовое положение участников СВО и членов их семей	705
Абдрахманова Л. С., Мирзоева Д. Д. Организации содействия международному волонтерству: обзор и сравнительная характеристика платформ и агентств	710
Котляров И. Д. Частные выплаты военнослужащим за боевые результаты: теоретический анализ	717
Литвинцев Д. Б. Правовые измерения жилищной прекарности: уникален ли кейс Канады?	724
Медведев А. В. Трансформация института социальной защиты военнослужащих в современной России: диалектика правовых инноваций и неформальных практик	729
Мялик А. Д., Гоглева К. Ю. Роль общественных организаций в обеспечении военной безопасности: правовое регулирование и практика взаимодействия с государством	740
Попова М. В. Управленческие модели координации межсекторного партнерства в социальной сфере	745
Ходыкин А. В. Персоналистическое измерение исторических трагедий XX века в документальной прозе Светланы Алексиевич: опыт социологической интерпретации	753
Шалимов И. В., Белых О. Е. Правовое измерение социальной солидарности	760
Шорникова А. А. Образ «Человека массы» и сопровождаемое проживание: от интернатной унификации к субъектности	765

СЕКЦИЯ «РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Журавлева И. А., Манзула А. Е. Актуальное издание о современной молодежи и профилактике деструктивного поведения в молодежной среде: обзор на учебно-методическое пособие «Профилактика деструктивного поведения молодежи»	772
Авторская справка	776

От редакторов

Вашему вниманию предлагается сборник статей участников VIII Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика», которая состоялась 20 апреля 2026 г. в Иркутске.

Протекающие социальные процессы трансформируют существующие общественные институты, что требует своего осмысления и рефлексии от научного сообщества. Усложнение общественных отношений обуславливает потребность в междисциплинарных методах исследования. Не первый год конференция показывает востребованность междисциплинарного вектора научных изысканий, а также перспективы развития междисциплинарного подхода в изучении социальных институтов. В рамках конференции работало тринадцать секций, в рамках которых обсуждались социальные институты в области экономических, духовно-нравственных, этических и религиозных отношений, поднимались вопросы трансформации социальных явлений через призму идей гуманизма, солидарности и социальной справедливости, проблемы правоприменения.

В конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Самары, Саратова, Волгограда, Уфы, Ростова-на Дону, Саранска, Салехарда, Симферополя, Курска, Краснодар, Донецка, Орла, Владимира, Тулы, Новосибирска, Иркутска, а также Бобруйска, Гродно и Минска (Республика Беларусь).

Выражаем надежду, что опубликованные материалы будут полезны научному сообществу, и приглашаем нынешних, а также ждем новых участников конференции в следующем году.

Резолюция
VIII Всероссийской научно-практической конференции
«Социальные институты в правовом измерении:
теория и практика»

Участники VIII Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика» в результате оглашения и обсуждения докладов, представленных на конференцию, отмечают изменение правового пространства Российской Федерации и зарубежных государств в контексте регулирования новых общественных отношений в таких сферах, как цифровизация, применение искусственного интеллекта, автономных транспортных систем и ряда других направлений, а также отмечают:

1. Большое значение исследований правовых аспектов современных социальных процессов в условиях изменяющегося общества, появления новых социальных институтов, новых форм взаимодействия и консолидации в рамках социальных процессов.

2. Необходимость комплексного анализа правового регулирования общественных отношений в контексте социального, политического, экономического, ценностно-смыслового измерений.

3. Потребность в практической реализации нормотворческих и правоприменительных практик, сопряженных с учетом современных тенденций в сфере социальных отношений.

4. Необходимость использования сравнительно-правового подхода в контексте изучения опыта отдельных субъектов Российской Федерации, отдельных государств в рамках правового регулирования новых групп общественных отношений.

5. Высокую степень влияния современных технологий на изменение общественных отношений и необходимость соответствующей адаптации правовых средств в контексте гармоничного регулирования соответствующих групп общественных отношений.

В контексте указанного, участниками VIII Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика»:

1. Поддерживается идея проведения в 2027 г. IX Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика» с возможностью расширения форматов взаимодействия участников конференции, в том числе посредством использования современных технологий коммуникации.

2. Констатируется потребность комплексного изучения смысловых и ценностных аспектов современного права в рамках этого отмечают необходимость подготовки коллективной монографии, посвященной вопросам смысловых и ценностных аспектов современного права. Рекомендуют приступить к подготовке такой монографии, представить результаты исследования на VIII Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика»;

3. Одобряется предложение о проведении комплексного социологического исследования восприятия студентами вузов Российской Федерации смысловых и ценностных аспектов Конституции Российской Федерации.

4. Выражается заинтересованность в формировании постоянного сетевого ресурса, как площадки по изучению социальных институтов в правовом измерении, координации деятельности сообщества мультипрофильных исследователей (социологов, историков, юристов, политологов, культурологов, специалистов в области государственного и муниципального управления и других направлений).

5. Предлагается оргкомитету конференции на базе материалов конференции и сложившегося сообщества участников конференции рассмотреть вопрос о возможности разработки программы повышения квалификации по вопросам социологического, смыслового и ценностного измерения современного права.

Участники конференции выражают благодарность оргкомитету конференции за работу по ее проведению, а также партнерским организациям, участвовавшим в подготовке конференции.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

УДК 343.9

Авдеева А. И., Батраков А. В., *Новосибирск*

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, что закономерно влечет трансформацию способов совершения и сокрытия преступлений. Рассматриваются современные тенденции внедрения цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов и криминалистическое обеспечение расследования преступлений, вопросы использования современных цифровых технологий в криминалистике. Дается оценка путей внедрения цифровых технологий в правоприменительную практику криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, цифровая криминалистика, цифровые технологии, информационные технологии, преступления с применением цифровых технологий.

Avdeeva A. I., Batrakov A. V., *Novosibirsk*

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CRIMINOLOGY

Abstract. The relevance of the research is due to the rapid digitalization of all spheres of public life, which naturally entails a transformation of the ways in which crimes are committed and concealed. The article examines current trends in the introduction of digital technologies into the activities of law enforcement agencies and criminalistic support for the investigation of crimes. The issues of using modern digital technologies in criminology are considered, and an assessment of ways to introduce digital technologies into the law enforcement practice of criminalistic crime detection and investigation is given.

Keywords: criminalistics; digital criminalistics; digital technologies; information technologies; crimes involving the use of digital technologies.

Актуальность данной проблемы, с одной стороны, обусловлена тем, что совершенствование науки и технологий признано стратегическим приоритетом государственной политики, направленной на развитие нашей страны [1]. В условиях современного постиндустриального общества цифровая трансформация оказывает существенное влияние на эволюцию юриспруденции. Цифровая криминалистика как направление уже прочно утвердилось в научном дискурсе. Тем не менее отсутствует консенсус относительно ее полного содержания: некоторые исследователи ограничивают трактовку исключи-

тельно цифровой обработкой следов или аудиовизуальных материалов. Однако с развитием искусственного интеллекта, цифровая криминалистика вышла за рамки этих узких определений.

Использование искусственного интеллекта в криминалистике началось в середине прошлого века с разработки методов автоматической обработки данных. Ключевым этапом стало появление оптического распознавания текста (OCR), исследования которого стартовали в 1950-х. В 1974 г. Рэй Курцвейл представил первую коммерческую OCR-систему, способную преобразовывать печатный текст в звук для слабовидящих. Несмотря на изначальную ориентацию на медицину, технология быстро нашла применение в криминалистике, значительно облегчив анализ документов.

Несомненно, одним из ключевых прорывов современности выступает технология распознавания лиц. Ее способность оперативно идентифицировать человека и сопоставлять полученные данные с имеющимися в базах позволяет предотвращать потенциальный ущерб, угрозы общественной безопасности и террористические акты. Более того, эта разработка значительно ускорила прогресс в противодействии киберпреступности.

Технология распознавания образов лиц является передовым достижением в сфере искусственного интеллекта (ИИ), дающим возможность определять личность человека по уникальным биометрическим особенностям его внешности [2, с. 237].

Использование подобных технологий способствует сокращению времени, затрачиваемого на поиск и анализ информации, а также на идентификацию нарушителей закона. Это делает работу правоохранительных органов более эффективной и точной, поскольку вероятность ошибки, связанной с человеческим фактором, снижается многократно.

Таким образом, интеграция решений на основе ИИ, включая OCR и идентификацию лиц, не только усовершенствовала процедуры обработки информации в сфере правопорядка, но и существенно усилила эффективность мероприятий по борьбе с разнообразными формами преступной деятельности.

С прогрессом в области ИИ значительно усовершенствовались подходы к работе с видео- и аудиоматериалами, что стало существенным прорывом в сфере цифровой криминалистики. Хотя видеоматериалы зачастую являются центральным элементом в ходе расследований, традиционные способы их обработки нередко требуют значительных временных затрат. Нынешние ИИ-системы демонстрируют высокую точность и скорость анализа видео, автоматизируя процессы распознавания лиц, обнаружения объектов и даже выявления подозрительной активности. Это предоставляет правоохранительным органам возможность обнаруживать аномальное поведение и предупреждать противоправные действия. Все это способствует более упорядоченному проведению расследований. Искусственный интеллект, одновременно обрабатывая визуальную, звуковую и смысловую составляющие файла, обнаруживает

критически важные «зацепки». К примеру, распознавая речь, ИИ может выделить определенные ключевые фразы, которые впоследствии помогут установить криминальный характер деяния [3, с. 250].

Несмотря на прогресс, искусственный интеллект все же не может полностью вытеснить человека из данной сферы. Например, ИИ зачастую испытывает трудности с распознаванием скрытых смыслов, позывных, неформальных прозвищ и специфических диалектных выражений. Кроме того, установление причинно-следственных связей остается областью, где ни один программный механизм искусственного интеллекта не способен превзойти аналитические способности сотрудника правоохранительных органов.

Другим важным направлением цифровизации криминалистики является обеспечение кибербезопасности.

Угрозы, связанные с киберпреступлениями и атаками, могут остаться незамеченными человеком, а неосторожные действия могут даже способствовать их распространению. Именно поэтому технологии искусственного интеллекта в сфере кибербезопасности завоевали особое внимание в настоящее время.

Искусственный интеллект неуклонно совершенствуется, становясь незаменимым инструментом для анализа улик и защиты цифровых данных. Современные ИИ-системы способны в реальном времени анализировать сетевой трафик, обнаруживая аномалии, которые могут указывать на кибератаки. Такие алгоритмы способны предотвращать катастрофические последствия, защищать базы данных и своевременно оповещать о потенциальной угрозе.

ИИ играет основополагающую роль в прогнозировании киберугроз. Путем анализа прошлых инцидентов кибератак и поведенческих паттернов злоумышленников, ИИ позволяет организациям не только оперативно реагировать на возникающие инциденты, но и формировать превентивные стратегии, снижающие потенциальные риски [4, с. 526].

Применение ИИ в криминалистике открывает значительные перспективы, особенно когда речь идет о передовых технологиях в контексте «умных городов». В условиях современных мегаполисов, насыщенных разнообразными датчиками и системами видеонаблюдения, ИИ способен эффективно анализировать массивные объемы информации для прогнозирования вероятности совершения преступлений. Подобные инновационные решения уже показали свою результативность в ряде крупных городов, где они используются для изучения закономерностей поведения и обнаружения отклонений, которые могут указывать на предпосылки к противоправной деятельности.

Искусственный интеллект посредством продвинутых методов анализа данных дает возможность предвидеть возможные риски. Это достигается путем анализа действий индивидуумов в виртуальном пространстве, их коммуникационных сетей и финансовых транзакций. Такой подход способствует переходу правоохранительных структур к проактивной деятельности, ориентированной на пресечение преступности до ее совершения.

Программное обеспечение «Мобильный криминалист» применяет новейшие разработки в области искусственного интеллекта для оперативного анализа данных, полученных в цифровом формате. Важнейшей особенностью данного инструмента выступает способность распознавать символы в графических файлах, облегчая оперативное извлечение текстовых сведений из цифровых снимков, снимков экрана и разнообразных изображений. Встроенные в систему алгоритмы гарантируют высокий уровень точности при распознавании, охватывая при этом широкий спектр языков.

Помимо прочего, «Мобильный криминалист» обладает передовыми возможностями для идентификации личностей на фото и видеоматериалах. Приложение само определяет людей, исследуя характерные черты их лиц, даже при изменении ракурса съемки или неблагоприятных условиях освещения. Благодаря этому значительно сокращается время, затрачиваемое на обработку значительных объемов визуальных данных, и появляется возможность сопоставления найденных лиц в ходе процесса извлечения информации. При обнаружении новых персон на видеофрагментах, они также автоматически сравниваются с теми, кто уже был опознан по снятым материалам в рамках текущей оперативной работы.

Более того, данное программное обеспечение способно распознавать речь в аудио- и видеозаписях, переводя звуковые данные в текстовый формат. Такая опция неопенима при анализе голосовых сообщений и видеороликов, когда возникает потребность в оперативном поиске определенных терминов и фраз, исключая необходимость полного прослушивания каждого файла.

Таким образом, «Мобильный криминалист» призван упростить рутинные и трудоемкие этапы работы, предлагая эффективные решения для ускоренного исследования данных.

Эксперт в области цифровой криминалистики призван выполнять ряд ключевых задач: получать информацию, создавать точные копии и обеспечивать их сохранность, восстанавливать утраченные сведения, осуществлять поиск документов, трансформировать мультимедийные файлы, выступать в роли квалифицированного свидетеля в судебных заседаниях, проводить тщательный анализ компьютерных данных, а также решать иные сопутствующие вопросы [5, с. 113].

Фундаментальным аспектом при проведении криминалистических экспертиз компьютерной информации является поддержание исходного состояния полученных материалов. Это критически важно для обеспечения достоверности и допустимости полученных доказательств в ходе дальнейших разбирательств. Нарушение данного принципа может привести к признанию изъятых улик недействительными. Для гарантирования целостности и неизменности цифровых доказательств необходимо создавать их дубликаты и надежно сохранять, исключая любое постороннее воздействие.

Благодаря современным криминалистическим инструментам эксперты могут оперативно и безопасно извлекать и изучать удаленные или недоступные компьютерные данные. Передовые технологии и глубокие знания в области обработки цифровой информации позволяют восстанавливать утраченные файлы. Даже если пользователь удалил, например, электронное письмо, его следы могут остаться на устройстве. Специалисты способны восстановить такое сообщение и найти ценные доказательства, несмотря на его недоступность для обычного пользователя [6, с. 105].

Применение аппаратно-программного комплекса UFED широко распространено и успешно используется правоохрнительными органами по всему миру. Это устройство обладает следующими возможностями:

1) полное извлечение разнообразной информации с мобильных устройств, включая контакты, SMS-сообщения, фото– и видеоматериалы, историю вызовов (входящих, исходящих, пропущенных), аудиофайлы, а также уникальные аппаратные идентификаторы (ESN, IMEI, ICCID, IMSI) и другие данные.

2) создание копии идентификатора SIM-карты, проведение анализа содержимого телефона без установления соединения с сетью и возможность получить доступ к SIM-картам, защищенным PIN-кодом, без необходимости их «взлома».

3) возможность работы с более чем 1700 различными моделями мобильных телефонов для извлечения данных.

4) применять мобильную судебную лабораторию в полевых условиях. Данное устройство характеризуется портативностью, является быстрым и удобным на месте происшествия [7, с. 252].

Таким образом, наше общество все больше переходит в цифровой мир, и внедрение цифровых технологий будет продолжаться и усиливаться в ближайшие годы. Для обеспечения легитимности профессии и более эффективного противодействия современным угрозам, которые представляют собой опасность для государственных и общественных интересов, нам необходимы высококвалифицированные специалисты в области компьютерной криминалистики. Использование искусственного интеллекта в цифровой криминалистике революционизировало подход к обработке цифровых данных, сделав его более оперативным и точным. Благодаря технологиям распознавания лиц, видео- и аудиоданных, предсказательной аналитике и киберзащите, ИИ предоставляет правоохрнительным органам мощные средства для противодействия преступности и предупреждения угроз. Эти инструменты открывают новые возможности в сфере борьбы с преступностью.

Криминалистика тесно связана с технологическим и научным прогрессом, постоянно эволюционируя в ответ на появление новых видов преступлений. Для эффективного расследования этих преступлений все чаще необходимы цифровые технологии.

Список литературы

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма, 1999. 948 с.
3. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48).
4. Россинская Е. Р., Савенков А. Н. Вектор инновационного развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5.
5. Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36.
6. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 368 с.
7. Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М. : Юрид. мир, 2007. 432 с.

УДК 159.9:34

Адамов А. В., Домнина О. В., *Саратов*

ЦИФРОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВО: КАК ИННОВАЦИИ МЕНЯЮТ НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ, ПРАВОСПОСОБНОСТИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, МЕТАВСЕЛЕННЫХ)

Аннотация. Показывается, что цифровые технологии формируют современные представления о мире, создают новые формы идентичности и самовыражения. Анализируется понятие «цифровое сознание», рассматривается трансформация психологических категорий и юридических норм в новой реальности.

Ключевые слова: трансформация личности, цифровое сознание, искусственный интеллект, метавселенные, виртуальная среда, акторно-сетевая теория, юридическая ответственность.

Adamov A. V., Domnina O. V., *Saratov*

DIGITAL CONSCIOUSNESS AND LAW: HOW INNOVATIONS ARE CHANGING OUR PERCEPTIONS OF PERSONALITY, LEGAL CAPACITY AND LEGAL LIABILITY (USING THE EXAMPLE OF VIRTUAL REALITY, METAUNIVERSES)

Abstract. Digital technologies are evolving our modern understanding of the world, creating new forms of identity and self-expression. This article analyzes the concept of “digital consciousness,” examining the transformation of psychological categories and human norms into a new reality.

Keywords: Personality transformation, digital consciousness, artificial intelligence, metaverses, virtual environment, actor-network theory, legal liability.

Психология как наука прошла долгий и сложный путь становления – от философских размышлений античности о природе души до когнитивной революции середины XX в. Прорывными стали труды В. Вундта, З. Фрейда, Дж. Уотсона, А. Маслоу и К. Роджерса. Благодаря им был сформирован мощ-

ный концептуальный аппарат для изучения психики человека. Однако современный технологический сдвиг требует от психологической науки пересмотра своего предмета и границ исследования.

Мы стоим на пороге нового этапа истории человечества – эпохи цифрового сознания. Цифровые инструменты, взаимодействие человека с искусственными агентами, виртуальными средами и алгоритмическими системами предполагают переосмысление таких фундаментальных психологических категорий, как идентичность, самосознание, телесность, границы «Я», ответственность.

В повседневную жизнь каждого из нас интегрирован искусственный интеллект. Ежедневно мы пользуемся голосовым ассистентом, фильтрацией контента, генеративными нейросетями и автономными агентами в метавселенных. Разнообразные функциональные помощники становятся не просто удобными инструментами – они выступают в качестве активных участников психологического взаимодействия: влияют на формирование убеждений, эмоциональных реакций, моделей поведения. Технологии виртуальной и дополненной реальности создают иммерсивные среды, побуждающие нас не просто наблюдать за происходящим, но и проживать как личный опыт. При этом формируются нейронные связи, идентичные тем, что возникают в реальной жизни [3, с. 107].

Этот процесс не ограничивается индивидуальной психикой. Данная мысль подтверждается акторно-сетевой теорией Бруно Латура [6, с. 81]. Цифровые технологии влияют на социальные структуры, экономические отношения, политические процессы и правовую систему. Метавселенные становятся полноценными пространствами социального взаимодействия, где формируются сообщества, заключаются сделки, возникают конфликты. В этой среде искусственный интеллект выступает не только медиатором этих взаимодействий, но и самостоятельным актором (агентом), чьи решения могут иметь значимые последствия для людей.

В этом контексте традиционные представления о личности, правоспособности и юридической ответственности, сформированные в эпоху, когда человеческое существование было неразрывно связано с физическим телом и территорией, оказываются под давлением новых цифровых реалий, требующих переосмысления базовых правовых категорий. Право, как и психология, вынуждено искать ответы на вопросы, которые еще недавно было невозможно представить: может ли виртуальное действие считаться действием в юридическом смысле? Что такое личность, если человек проявлен в цифровом пространстве через множество аватаров? Кто несет ответственность за действия искусственного интеллекта, причиняющие вред психическому здоровью человека? Как защитить цифровую идентичность в виде неотъемлемой части личности?

Однако масштаб изменений, происходящих сегодня, не сопоставим с предыдущим опытом. Цифровая революция, начавшаяся во второй половине

XX в., привела к возникновению принципиально новой среды обитания человека – цифровой среды, которая не просто дополняет физическую реальность, она становится равноправным участником жизни каждого человека, а для многих – основным пространством жизнедеятельности или возможно даже чем-то больше.

Согласно данным газеты «Известия», опубликованным в феврале 2026 г., средний пользователь интернета проводит в цифровом пространстве до 8,5 часов в сутки [7]. При этом речь идет не просто о времени, проведенном за экраном, а о времени активного взаимодействия с цифровыми средами, многие из которых (социальные сети, онлайн-игры, приложения с доступом к метавселенным) требуют эмоционального вовлечения, формирования социальных связей, совершения значимых действий.

Технологии не стоят на месте. За последние пять лет произошел качественный скачок: от интернета как пространства коммуникации к интернету как среде обитания. Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) создают эффект присутствия, который принципиально меняет характер взаимодействия человека с цифровым контентом. Пользователь не просто наблюдает за происходящим со стороны – он находится внутри среды. Его тело, т. е. виртуальное воплощение (аватар), становится частью этого пространства, а его действия имеют непосредственные последствия для психического состояния личности.

Параллельно развивается искусственный интеллект, который перестал быть просто инструментом обработки данных и стал активным агентом, непосредственно взаимодействующим с человеком. Генеративные модели искусственного интеллекта (GPT, Deepseek, Sora и их аналоги) создают контент, неотличимый от созданного человеком. Голосовые ассистенты и чат-боты ведут с пользователями диалоги, формируя эмоциональные связи. Рекомендательные системы определяют, какую информацию будет получать человек, влияя на его убеждения, предпочтения, политические взгляды. Автономные агенты в метавселенных принимают решения, влияющие на виртуальный опыт пользователей. Все это действия в последствии влияют на формирование человека как личности и индивидуальности.

С психологической точки зрения, это означает, что искусственный интеллект становится «значимым другим». Как отмечала ученый Т. С. Табурова, «образ значимого другого» является средством, с помощью которого человек переосмысливает трудную ситуацию и овладевает своим поведением в ней, т. е. делает возможным для себя применение осознанных, целенаправленных и конструктивных стратегий поведения» [8]. Мы наблюдаем, что искусственный интеллект становится агентом, участвующим в формировании идентичности, самооценки, системы ценностей человека. Это ставит перед психологией принципиально новые вопросы: как меняется процесс социализации, когда значительная часть социального опыта приобретается во взаимодействии с нечеловеческими агентами? Как формируется эмпатия, когда

собеседник – это набор двоичного кода, не обладающий собственными чувствами? Каковы психологические последствия «дружбы» с искусственным интеллектом?

Исходя из перечисленных явлений, можно утверждать, что современные технологии давно вышли за пределы своего первоначального функционала. Сегодня они представляют собой не просто набор инструментов, а самостоятельный социальный институт, оказывающий системное влияние на общественные процессы и социальное взаимодействие. В этой связи становится очевидным, что столь сложные феномены не могут оставаться вне сферы юридического регулирования. Указанное обстоятельство обуславливает переход к рассмотрению правовых аспектов обозначенной проблематики.

Особую проблему представляет взаимодействие с искусственным интеллектом как источником психологической травмы. Автономные агенты, управляемые нейросетями, могут демонстрировать непредсказуемое, агрессивное или манипулятивное поведение. Поскольку пользователь склонен очеловечивать искусственного агента, такое поведение может вызывать сильные эмоциональные реакции – страх, гнев, ощущение предательства, чувство беспомощности. В отличие от действий других пользователей, действия ИИ не мотивированы человеческими намерениями, что создает дополнительный травматический эффект: пользователь сталкивается с «бессмысленной» агрессией, которую невозможно объяснить или предсказать.

С точки зрения права, этот вывод имеет принципиальное значение. Традиционное уголовное право связывает причинение вреда здоровью с физическим воздействием на организм человека. Однако современные психологические данные свидетельствуют о том, что психический вред, причиненный в иммерсивной среде, может достигать степени тяжести, сопоставимой с вредом, причиненным физическим насилием. Это ставит вопрос о необходимости пересмотра подхода к квалификации деяний, совершаемых в VR и метавселенных, а также о разработке механизмов ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом.

В российском гражданском праве правосубъектность традиционно определяется как способность лица иметь права и нести обязанности (правоспособность) и своими действиями приобретать и осуществлять права (дееспособность). Статья 17 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью [1]. Категория «личность» в праве неразрывно связана с физическим существованием человека.

Однако развитие метавселенных создает ситуацию, в которой физическое лицо проявляет себя в цифровом пространстве через аватара, обладающего собственными характеристиками, репутацией, имуществом и социальными связями. Возникает разрыв между юридической конструкцией физического лица и психологической реальностью цифрового бытия.

Особую сложность представляют случаи, когда пользователь создает несколько аватаров с различными идентичностями. С точки зрения психологии, каждый из этих аватаров может представлять собой относительно автономный модуль личности. С точки зрения права, все они являются проявлениями одного и того же физического лица. Однако если один из аватаров совершает правонарушение, а другой – является добросовестным участником оборота, возникает проблема разграничения ответственности. Классическое право не знает института «разделения ответственности» между различными проявлениями одной личности, но психологическая реальность требует поиска более тонких подходов.

Ключевой вопрос уголовной ответственности за деяния, совершаемые в VR и метавселенных, заключается в том, может ли виртуальное действие рассматриваться как действие, имеющее уголовно-правовое значение. Традиционное уголовное право (ст. 14 УК РФ) определяет преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания [2]. Общественная опасность деяния оценивается через причинение вреда или создание угрозы причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны.

Если виртуальное деяние (например, изнасилование аватара, попытки виртуального персонажа или похищение виртуальной собственности) причиняет реальный психологический вред личности потерпевшего, то фактически признак общественной опасности может считаться установленным. Однако препятствием для квалификации выступает отсутствие в УК РФ составов, прямо предусматривающих ответственность за такие деяния, а также проблема установления причинно-следственной связи между виртуальным действием и наступившими последствиями.

Обратимся к зарубежному опыту: полиция Британии приступила к расследованию виртуального преступления на сексуальной почве, об этом недавно сообщало местное издание Mail Online. Как говорится в публикации, группа игроков, которыми были взрослые мужчины, надругались над цифровой личностью девочки-подростка. Сам инцидент имел место в виртуальной среде, одновременно наполненной большим количеством пользователей. Британские обозреватели подчеркивают: несмотря на отсутствие физических последствий для пострадавшей, воздействие на ее психику оказалось не менее серьезным, чем при аналогичном преступлении в офлайн-среде [4]. Данный пример доказывает, что использование технологий виртуальной реальности создает эффект полного погружения: мозг пользователя воспринимает происходящее как физическую реальность, что окончательно стирает для психики грань между игрой и действительным посягательством.

Ведущий российский интернет-портал TAdviser.ru, специализирующийся на IT-сферах, опубликовал новость: «12 ноября 2025 г. в Казахстане был одобрен, а в последствии и принят Цифровой кодекс Казахстана. Он закрепил единые принципы регулирования цифровой сферы и определяет виды

цифровых объектов: данные, активы, программное обеспечение, системы и платформы. Кодекс также создает правовые основы для цифрового государственного управления, развития «цифрового правительства» и национальной цифровой архитектуры» [9]. Это первый документ такого рода в мире. В Казахстане на федеральном уровне уже активно функционируют законы об искусственном интеллекте и его регулировании. Опыт ближнего зарубежья подтверждает: современные технологии выходят за рамки обычного экрана, влияют на интересы личности, государства и общества, а значит – требуют четкого закрепления правовых норм на российском законодательном уровне.

Для российской правовой системы представляется обоснованным следующий подход: деяния, совершенные в VR и метавселенных, подлежат уголовно-правовой квалификации в случаях, когда они:

- 1) причиняют реальный физический или психический вред здоровью личности;
- 2) причиняют имущественный вред, выраженный в реальных активах;
- 3) направлены на вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность или совершение действий сексуального характера с их участием.

Проведенный анализ демонстрирует, что существующая система правового регулирования, базирующаяся на принципе физического присутствия и телесности субъекта, вступает в неразрешимое противоречие с природой цифрового бытия. Если уголовное и гражданское законодательство продолжит игнорировать феномен «цифрового сознания» и психологическую реальность виртуального опыта, это приведет к формированию обширной зоны правовой неопределенности, где психическое благополучие личности окажется незащищенным перед лицом алгоритмических рисков.

Для устранения данного противоречия представляется необходимым внесение ряда изменений в доктринальные подходы и позитивное право. Во-первых, требуется легализация понятия «цифровая идентичность» как объекта правовой охраны. Цифровая идентичность (аватар) должна рассматриваться не как простой графический элемент, а как неотъемлемая форма проявления личности, обладающая нематериальной ценностью и подлежащая защите от неправомерных посягательств. Во-вторых, необходимо дополнить диспозиции статей Уголовного кодекса РФ (в частности, статей о преступлениях против личности) указанием на виртуальную среду как место совершения деяния, если такое деяние повлекло реальный психический вред, подтвержденный методами судебно-психологической экспертизы.

Особого внимания требует вопрос об ответственности разработчиков искусственного интеллекта. В ситуации, когда искусственный разум демонстрирует травматичное поведение, необходимо законодательно закрепить принцип ответственности за программный продукт как источник повышенной опасности (по аналогии с источником повышенной опасности в гражданском праве). Это позволит снять с потерпевшего бремя доказывания вины

конкретного физического лица, установив презумпцию ответственности разработчика или владельца платформы за психические последствия взаимодействия с искусственным интеллектом.

Современная психология переживает серьезную трансформацию. Цифровая революция и внедрение искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека ведут к формированию цифрового сознания на пересечении физического и виртуального миров. Этот феномен требует пересмотра классических категорий: телесности, идентичности, границ личности.

Правовая сфера также нуждается в обновлении. Необходимо определить статус цифровых аватаров и ответственность за вред, причиненный действиями искусственного интеллекта. Международные случаи подтверждают: последствия виртуального насилия сопоставимы с физическим.

Таким образом, адаптация психологической науки и правовой системы к новой реальности становится насущной необходимостью. Требуется выработка единых междисциплинарных подходов к оценке цифрового опыта как полноценной части человеческой жизни, а также создание надежных механизмов защиты личности в условиях, когда границы между реальным и виртуальным постепенно стираются.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.03.2026 № 18-П) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.12.2025 № 46-П) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.03.2026).
3. Безгодова С. А., Микляева А. В. Цифровые трансформации психологии человека : учеб. пособие. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2023. 176 с.
4. Булгаков Д. Аватары под подозрением: эксперты предупредили о риске преступлений в метавселенных // Известия. 2024. 13 января. URL: <https://iz.ru/1632428/dmitrii-bulgakov/avатарy-prod-podozreniem-eksperty-predupredili-o-riske-prestuplenii-v-metavselennykh> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Велиев Д. Д. Цифровое сознание и идентичность // Studia Humanitatis. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-soznanie-i-identichnost> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2020. С. 73–87. (Социальная теория). URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/grw46bn4zc/79007831.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).
7. Россияне стали проводить в интернете до 8,5 часа в сутки // Известия. 2026. 20 февр. URL: <https://iz.ru/2046155/rossiiane-stali-provodit-v-internete-do-85-chasa-v-sutki-izi> (дата обращения: 27.03.2026).
8. Табурова Т. С. Образ значимого Другого как средство совладания личности с трудной жизненной ситуацией // Известия АлтГУ. 2011. № 2–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-znachimogo-drugogo-kak-sredstvo-sovladaniya-lichnosti-s-trudnoy-zhiznennoy-situatsiyey> (дата обращения: 28.03.2026).
9. Цифровой кодекс Казахстана // Государство. Бизнес. Технологии. 2025. 25 дек. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 27.03.2026).

УДК 364.4-056.26

Баранов А. В., *Иркутск*

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЦИФРОВЫХ СООБЩЕСТВАХ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Рассматривается психосоциальная поддержка людей с инвалидностью в цифровых сообществах как формирующийся социальный институт в условиях цифровизации общественных отношений. Анализируются функции онлайн сообществ в снижении социальной изоляции, развитии горизонтальных практик взаимопомощи и расширении участия людей с инвалидностью в общественной жизни. Особое внимание уделяется социально-правовому измерению цифровых форм поддержки, их соотношению с международными и национальными нормами в сфере прав инвалидов. Делается вывод о необходимости институционального признания и нормативного сопровождения цифровых сообществ как ресурса инклюзивной социальной политики.

Ключевые слова: инвалидность, психосоциальная поддержка, цифровые сообщества, социальные сети, социальные институты, права людей с инвалидностью.

Baranov A. V., *Irkutsk*

PSYCHOSOCIAL SUPPORT FOR PEOPLE WITH DISABILITIES IN DIGITAL COMMUNITIES: A SOCIO LEGAL DIMENSION

Abstract. The article examines psychosocial support for people with disabilities in digital communities as an emerging social institution in the context of digitalization. Online communities are analyzed as mechanisms for reducing social isolation, developing peer to peer support practices, and expanding participation of persons with disabilities. Special attention is paid to the socio legal dimension of digital support and its correlation with international and national disability rights standards. The article concludes that institutional recognition and legal regulation of digital communities are necessary for inclusive social policy development.

Keywords: disability, psychosocial support, digital communities, social networks, social institutions, rights of persons with disabilities.

Цифровизация является одним из ключевых факторов трансформации современных социальных институтов. Развитие социальных сетей и онлайн платформ существенно изменяет способы коммуникации, участия и получения поддержки. Для людей с инвалидностью цифровая среда приобретает особое значение, поскольку она способна компенсировать ограничения физической доступности и расширять возможности социальной включенности.

Несмотря на развитие системы социальной защиты, люди с инвалидностью продолжают сталкиваться с социальной изоляцией, дефицитом психологической поддержки и ограниченным участием в общественной жизни. В этих условиях цифровые сообщества становятся альтернативным и дополняющим ресурсом психосоциальной поддержки, основанным на принципах добровольности, горизонтального взаимодействия и взаимопомощи.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления данных процессов в социально правовом контексте. В условиях быстрого развития цифровых технологий и расширения онлайн пространства возникает потребность в анализе того, каким образом цифровые сообщества

влияют на реализацию прав людей с инвалидностью, формирование социальных связей и преодоление барьеров участия. Особую значимость приобретает вопрос о соотношении цифровых форм поддержки с традиционными институтами социальной защиты и их интеграции в общую систему социальной политики.

Цель статьи заключается в анализе психосоциальной поддержки людей с инвалидностью в цифровых сообществах с позиций социально правового подхода и выявлении потенциала цифровых форм поддержки в реализации прав людей с инвалидностью. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание психосоциальной поддержки в контексте инвалидности; проанализировать цифровые сообщества как формирующийся социальный институт; рассмотреть социально правовое измерение цифровой поддержки; выявить основные практики взаимопомощи в онлайн пространстве; определить ограничения и риски цифровых форм поддержки; сформулировать рекомендации по институциональному развитию цифровой поддержки.

Психосоциальная поддержка в контексте инвалидности

Психосоциальная поддержка представляет собой совокупность социальных и психологических ресурсов, направленных на поддержание благополучия личности, преодоление стрессовых ситуаций и укрепление социальной адаптации. В отношении людей с инвалидностью она приобретает особую значимость, поскольку инвалидность нередко сопровождается стигматизацией, социальной исключенностью и снижением уровня социальных контактов.

Современные исследования подчеркивают, что эффективная психосоциальная поддержка должна быть ориентирована не только на индивидуальную адаптацию, но и на изменение социальной среды, снижение барьеров и расширение возможностей участия [2]. В рамках социальной модели инвалидности именно окружающая среда и институциональные практики рассматриваются как ключевые факторы ограничения, что усиливает значение коллективных форм поддержки.

Онлайн взаимодействие позволяет людям с инвалидностью обмениваться опытом, получать эмоциональную поддержку и формировать чувство принадлежности к сообществу. Исследования показывают, что участие в цифровых сообществах способствует снижению ощущения одиночества и повышению субъективного благополучия [6].

Традиционные формы психосоциальной поддержки, предоставляемые через государственные учреждения социальной защиты, медицинские организации и некоммерческий сектор, часто оказываются недостаточными для удовлетворения разнообразных потребностей людей с инвалидностью. Институциональные ограничения, связанные с финансированием, географической доступностью и организационной структурой, приводят к дефициту индивидуализированной поддержки. Бюрократические процедуры, длительные сроки ожидания услуг и недостаточная гибкость программ создают барьеры для своевременного получения необходимой помощи.

В этом контексте цифровые сообщества выступают как дополнительный канал получения поддержки, который обладает гибкостью, оперативностью и способностью к адаптации под конкретные потребности участников. Доступность поддержки в любое время суток, возможность анонимного участия и отсутствие территориальных ограничений делают цифровые сообщества привлекательной альтернативой для тех, кто испытывает трудности с доступом к традиционным формам помощи.

Важно отметить, что психосоциальная поддержка в цифровой среде не ограничивается простым информационным обменом. Она включает в себя формирование устойчивых социальных связей, развитие идентичности, основанной на опыте инвалидности, и коллективное противостояние стигматизации. Участники цифровых сообществ формируют альтернативные нарративы инвалидности, которые противопоставлены медицинской модели и акцентируют внимание на правах, достоинстве и социальной включенности. Эти нарративы способствуют переосмыслению опыта инвалидности не как личного дефицита, а как социально конструируемого явления, требующего изменения общественных структур и отношений.

Психосоциальная поддержка в цифровом формате также способствует развитию навыков самоадвокации и формированию критического сознания. Участие в обсуждениях, обмен опытом преодоления барьеров и коллективная рефлексия над системными проблемами помогают людям с инвалидностью лучше понимать структурные причины дискриминации и вырабатывать стратегии ее преодоления. Это превращает психосоциальную поддержку из пассивного получения помощи в активный процесс эмансипации и расширения возможностей.

Цифровые сообщества как социальный институт поддержки

Цифровые сообщества можно рассматривать как устойчивые формы социального взаимодействия, основанные на регулярной коммуникации и разделяемом опыте. Для людей с инвалидностью такие сообщества часто формируются вокруг общих проблем, связанных с доступностью среды, медицинским сопровождением, социальной защитой и правами.

В отличие от формализованных институтов социальной поддержки, цифровые сообщества функционируют преимущественно на неиерархических началах. Их ключевой особенностью является горизонтальный характер взаимодействия, при котором участники выступают одновременно получателями и носителями поддержки. Подобные практики соотносятся с концепцией опытной экспертизы, основанной на личном жизненном опыте инвалидности.

Ранее автором рассматривалась роль людей с инвалидностью как носителей экспертного знания в формировании инклюзивной социальной политики [1]. В цифровых сообществах данный потенциал получает дополнительное развитие за счет упрощения коммуникации, коллективного обсуждения проблем и выработки совместных позиций. Международные исследования

подтверждают, что цифровые технологии могут выступать фактором социальной инклюзии и расширения участия людей с инвалидностью [5].

Структура цифровых сообществ людей с инвалидностью может значительно варьироваться в зависимости от платформы, целей взаимодействия и состава участников. Можно выделить несколько основных типов таких сообществ. Во-первых, это группы в социальных сетях, объединяющие людей с конкретным типом инвалидности или общими интересами. Такие группы обычно характеризуются высокой интенсивностью коммуникации, быстрым обменом информацией и преимущественно неформальным характером взаимодействия. Во-вторых, специализированные форумы и платформы, ориентированные на обмен практическими советами и опытом. Эти пространства отличаются более структурированной организацией, наличием тематических разделов и накоплением архивов обсуждений, которые становятся ценным информационным ресурсом. В-третьих, онлайн движения и инициативы, направленные на защиту прав и изменение социальной политики. Такие сообщества характеризуются четкой целевой ориентацией, организованными формами активности и стремлением к внешнему воздействию на институциональные процессы.

Каждый из этих типов выполняет специфические функции в системе психосоциальной поддержки. Группы в социальных сетях обеспечивают оперативную коммуникацию и эмоциональную поддержку, создавая пространство для выражения чувств, получения сочувствия и ободрения. Форумы способствуют накоплению и систематизации знаний, формированию устойчивых практик взаимопомощи и передаче опыта между поколениями участников. Онлайн движения мобилизуют участников для коллективных действий и влияния на институциональные процессы, превращая индивидуальный опыт в коллективную повестку для социальных изменений.

Функционирование цифровых сообществ поддерживается различными механизмами. К ним относятся модерация контента, выработка внутренних норм взаимодействия, организация тематических обсуждений и создание информационных ресурсов. Важную роль играют лидеры сообществ, которые координируют деятельность, поддерживают позитивную атмосферу и обеспечивают связь с внешними организациями. При этом лидерство в цифровых сообществах, как правило, основано не на формальных полномочиях, а на личном авторитете, активности и вкладе в развитие сообщества. Такие лидеры часто выполняют роль медиаторов между различными группами участников, разрешают конфликты и поддерживают конструктивную коммуникацию.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о взаимодействии цифровых сообществ с традиционными институтами поддержки. В идеальной модели цифровые сообщества не замещают, а дополняют государственные и некоммерческие организации, создавая комплексную систему поддержки. Однако на практике часто наблюдается разрыв между онлайн активностью и офлайн

инфраструктурой, что снижает эффективность обоих направлений. Преодоление этого разрыва требует целенаправленных усилий по созданию механизмов координации, обмена информацией и совместной работы над общими задачами.

Динамика развития цифровых сообществ также заслуживает внимания. Сообщества проходят через различные стадии от формирования до зрелости или угасания. На начальном этапе ключевую роль играет создание безопасного пространства для общения и установление базовых норм взаимодействия. На стадии роста происходит расширение числа участников, дифференциация ролей и функций, формирование подгрупп по интересам. На стадии зрелости сообщество обладает устойчивой структурой, развитой культурой взаимодействия и способностью к самоорганизации. Однако без постоянного обновления и адаптации к изменяющимся потребностям участников сообщество может столкнуться с застоем и постепенным угасанием активности.

Социально правовое измерение цифровой поддержки

Социально правовой анализ цифровых сообществ предполагает рассмотрение их в контексте реализации прав людей с инвалидностью. Конвенция ООН о правах инвалидов закрепляет право на участие в общественной жизни, свободу выражения мнений и доступ к информации, что напрямую соотносится с возможностями цифровой среды [4].

Цифровые сообщества создают условия для реализации принципа «ничего о нас без нас», позволяя людям с инвалидностью самостоятельно формулировать повестку, обмениваться знаниями и участвовать в общественных дискуссиях. В этом смысле они выступают не только пространством социальной поддержки, но и формой гражданского участия. Способность людей с инвалидностью коллективно артикулировать свои потребности, вырабатывать общие позиции и воздействовать на процессы принятия решений представляет собой важный аспект демократического участия.

В то же время отсутствие четкого нормативного регулирования цифровых форм психосоциальной поддержки порождает ряд проблем. К ним относятся неравный доступ к цифровым ресурсам, риски цифровой исключенности и отсутствие механизмов защиты прав участников. Исследования указывают, что цифровое неравенство продолжает воспроизводить социальные различия, в том числе среди людей с инвалидностью [7].

Правовое регулирование цифровых пространств для людей с инвалидностью находится в стадии формирования. На международном уровне Конвенция ООН о правах инвалидов устанавливает общие принципы доступности информационно-коммуникационных технологий, однако конкретные механизмы их реализации остаются на усмотрение государств. В Российской Федерации вопросы цифровой доступности регулируются различными нормативными актами, однако комплексного законодательства, посвященного цифровым правам людей с инвалидностью, пока не создано.

Особую проблему представляет защита персональных данных участников цифровых сообществ. Люди с инвалидностью, делаясь опытом в онлайн пространстве, раскрывают чувствительную информацию о состоянии здоровья, что требует особых гарантий конфиденциальности. Отсутствие четких правовых механизмов защиты может приводить к дискриминации, стигматизации или использованию информации в ущерб интересам участников. Случаи утечки персональных данных, их использования работодателями или страховыми компаниями для дискриминационных практик подчеркивают актуальность разработки специальных норм защиты информации о здоровье в цифровой среде.

Другим важным аспектом социально правового измерения является вопрос об ответственности за контент, размещаемый в цифровых сообществах. В отличие от профессиональных служб поддержки, участники онлайн сообществ не несут формальной ответственности за предоставляемые советы и рекомендации. Это создает риски распространения недостоверной или потенциально вредной информации, особенно в сфере медицинских вопросов. Необходим баланс между свободой обмена опытом и обеспечением безопасности участников. Возможными решениями могут стать разработка этических кодексов для участников сообществ, привлечение профессиональных консультантов для проверки критически важной информации и создание механизмов отметки непроверенного контента.

Перспективным направлением правового развития является институционализация цифровых форм поддержки через их признание в качестве элемента системы социальной защиты. Это может включать государственное финансирование онлайн платформ, разработку стандартов качества цифровой поддержки и интеграцию онлайн ресурсов с офлайн службами. Такой подход позволит сохранить преимущества горизонтального взаимодействия, одновременно обеспечивая необходимые гарантии и профессиональное сопровождение.

Важным аспектом правового регулирования является также обеспечение доступности цифровых платформ для людей с различными типами инвалидности. Существующие стандарты веб-доступности, такие как международные руководства по доступности веб-контента, требуют более широкого применения и контроля за их соблюдением. Государственные и частные платформы должны обеспечивать совместимость с ассистивными технологиями, наличие альтернативных форматов представления информации и интуитивную навигацию.

Практики взаимопомощи в цифровых сообществах

Анализ практик взаимопомощи в цифровых сообществах людей с инвалидностью позволяет выявить специфические формы социального взаимодействия, которые отличаются от традиционных моделей поддержки. Ключевой характеристикой таких практик является их взаимный характер, при

котором каждый участник может одновременно выступать в роли помогающего и получающего помощь.

Одной из распространенных форм взаимопомощи является информационный обмен. Участники цифровых сообществ делятся практическими знаниями о доступных услугах, эффективных методах реабилитации, юридических аспектах получения социальной поддержки и преодолении бытовых барьеров. Такой обмен основан на личном опыте и часто содержит детали, которые отсутствуют в формальных информационных источниках [2]. Например, участники сообществ могут делиться информацией о том, какие медицинские учреждения действительно доступны для людей на инвалидных колясках, какие специалисты обладают опытом работы с конкретными нозологиями, или какие стратегии эффективны в общении с органами социальной защиты.

Эмоциональная поддержка представляет собой другую важную форму взаимопомощи. Участники сообществ выражают сочувствие, ободрение и понимание, что способствует снижению психологического стресса и формированию позитивной идентичности. В отличие от профессиональной психологической помощи, такая поддержка основана на разделяемом опыте и воспринимается как более аутентичная и релевантная [6]. Знание о том, что другие люди сталкивались с похожими проблемами и смогли их преодолеть, создает чувство надежды и укрепляет веру в собственные возможности. Эмоциональная поддержка особенно значима в кризисные периоды, такие как получение диагноза, адаптация к изменившимся возможностям или столкновение с дискриминацией.

Коллективное решение проблем также является значимой практикой. Участники сообществ объединяют усилия для преодоления общих барьеров, например, организуют совместные обращения в органы власти, инициируют общественные кампании или создают краудфандинговые проекты для поддержки нуждающихся членов сообщества. Такие коллективные действия не только решают конкретные проблемы, но и формируют чувство солидарности и коллективной субъектности. Примерами успешных коллективных действий могут служить кампании за доступность общественного транспорта, создание баз данных доступных объектов инфраструктуры или организация совместных закупок технических средств реабилитации.

Важную роль играет также практика менторства и наставничества. Более опытные участники сообществ помогают новичкам адаптироваться к новым обстоятельствам жизни с инвалидностью, делятся накопленными знаниями и стратегиями преодоления барьеров. Такие отношения часто выходят за рамки разовых консультаций и перерастают в долгосрочные связи взаимной поддержки. Менторство особенно важно для людей, недавно получивших инвалидность, поскольку помогает им быстрее пройти процесс адаптации и избежать типичных ошибок.

Важно отметить, что эффективность практик взаимопомощи зависит от уровня активности и вовлеченности участников. Исследования показывают, что наибольшую пользу от участия в цифровых сообществах получают те, кто активно участвует в обсуждениях и оказывает поддержку другим, а не только потребляет информацию [3]. Это связано с тем, что процесс оказания помощи другим укрепляет собственную самооценку, развивает чувство компетентности и создает взаимные обязательства, поддерживающие долгосрочную вовлеченность в сообщество.

Практики взаимопомощи также включают создание и распространение образовательных материалов. Участники сообществ создают руководства, инструкции, видеоуроки и другие ресурсы, которые помогают людям с инвалидностью решать повседневные задачи. Такие материалы часто более практичны и понятны, чем официальные инструкции, поскольку создаются людьми, имеющими непосредственный опыт столкновения с конкретными проблемами.

Институциональные предпосылки развития цифровых форм поддержки

Развитие цифровых форм психосоциальной поддержки происходит в контексте более широких институциональных трансформаций. Государственная политика в сфере цифровизации, развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры и изменение социальных норм взаимодействия создают предпосылки для формирования цифровых сообществ.

В Российской Федерации принят ряд стратегических документов, направленных на развитие цифровой экономики и обеспечение цифровой доступности для всех граждан. Однако специфические потребности людей с инвалидностью в этих документах зачастую учитываются недостаточно. Необходима более целенаправленная политика, ориентированная на создание инклюзивной цифровой среды. Это включает не только обеспечение технической доступности цифровых ресурсов, но и развитие программ цифровой грамотности, адаптированных для людей с различными типами инвалидности, а также создание стимулов для разработки инклюзивных технологических решений.

Важным институциональным фактором является позиция некоммерческих организаций, работающих в сфере защиты прав людей с инвалидностью. Многие из них активно используют цифровые технологии для расширения охвата услугами, организации онлайн консультаций и мобилизации сообщества. Интеграция цифровых инструментов в деятельность НКО способствует преодолению разрыва между формальными институтами и самоорганизующимися сообществами [1]. НКО могут выступать посредниками, помогающими цифровым сообществам налаживать взаимодействие с государственными структурами, предоставлять экспертную поддержку и обеспечивать организационные ресурсы для более сложных проектов.

Образовательные институты также играют роль в развитии цифровой поддержки. Включение тем цифровой грамотности и онлайн безопасности в

программы реабилитации и социальной адаптации может повысить способность людей с инвалидностью эффективно использовать цифровые ресурсы. Образовательные учреждения могут организовывать специализированные тренинги по использованию ассистивных технологий, навигации в онлайн пространстве и критической оценке информации. Особое внимание следует уделять обучению пожилых людей с инвалидностью, которые часто испытывают наибольшие трудности с освоением цифровых технологий.

Роль бизнес-структур, особенно технологических компаний, также нельзя недооценивать. Разработка доступных технологий, создание инклюзивных платформ и инвестирование в инновации, улучшающие качество жизни людей с инвалидностью, могут существенно расширить возможности цифровой поддержки. Однако для этого необходимо создание механизмов стимулирования бизнеса к разработке инклюзивных решений, включая налоговые льготы, государственные заказы и программы поддержки социального предпринимательства.

Медийное пространство и формирование общественного мнения также влияют на развитие цифровых сообществ. Позитивное освещение историй людей с инвалидностью, успешно использующих цифровые технологии, может способствовать снижению стигмы и расширению участия. Критически важно, чтобы такое освещение избегало патернализма и демонстрировало людей с инвалидностью как активных субъектов, способных к самоорганизации и взаимопомощи.

Ограничения и риски цифровых форм поддержки

Несмотря на значительный потенциал, цифровые сообщества не лишены ограничений. Не все формы инвалидности одинаково совместимы с цифровыми форматами коммуникации, что требует учета разнообразия потребностей пользователей. Дополнительными рисками являются информационная перегрузка, отсутствие профессиональной модерации и возможность распространения недостоверной информации.

Для минимизации данных рисков необходим комплексный подход, включающий развитие цифровой грамотности, адаптацию онлайн платформ и институциональную поддержку цифровых инициатив. Без системных мер цифровая среда может не снижать, а усиливать существующие формы социальной исключенности.

Особую озабоченность вызывает проблема цифрового разрыва между различными группами людей с инвалидностью. Доступ к цифровым технологиям и навыки их использования распределены неравномерно и зависят от социально-экономического статуса, возраста, образования и типа инвалидности. Люди с интеллектуальными нарушениями, пожилые люди с инвалидностью и жители сельских территорий часто оказываются исключенными из цифровых сообществ [7]. Это создает риск формирования новой формы неравенства, при которой преимущества цифровой поддержки получают

наиболее ресурсобеспеченные группы, в то время как наиболее уязвимые остаются за пределами цифровых сообществ.

Другим существенным ограничением является качество онлайн взаимодействия. В отсутствие профессиональной модерации цифровые сообщества могут становиться площадками для конфликтов, распространения стереотипов или формирования закрытых групп, воспроизводящих исключаяющие практики. Необходимы механизмы поддержания конструктивной коммуникации и разрешения конфликтов [3]. Негативный опыт взаимодействия в онлайн сообществах, такой как столкновение с агрессией, непониманием или осуждением, может усиливать чувство изоляции и снижать доверие к цифровым формам поддержки.

Важно также учитывать, что цифровая поддержка не может полностью заменить личное взаимодействие и профессиональные услуги. Некоторые формы психосоциальных проблем требуют квалифицированного вмешательства специалистов и не могут быть адекватно решены средствами онлайн общения. Оптимальная модель предполагает сочетание цифровых и традиционных форм поддержки с четким распределением функций и механизмами взаимодействия. Риски возникают, когда люди полагаются исключительно на онлайн поддержку в ситуациях, требующих профессионального медицинского или психологического вмешательства.

Проблема зависимости от социальных сетей также заслуживает внимания. Чрезмерная вовлеченность в онлайн взаимодействие может приводить к снижению офлайн социальной активности, усилению тревожности и негативному влиянию на психологическое благополучие [3]. Необходимо развитие здоровых паттернов использования цифровых сообществ, которые дополняют, а не замещают реальные социальные связи.

Вопросы коммерциализации и монетизации цифровых сообществ также создают риски. Превращение пространств взаимопомощи в коммерческие платформы может изменить характер взаимодействия, подорвать доверие и создать барьеры доступа для малообеспеченных групп. Необходим баланс между устойчивостью платформ и сохранением их некоммерческого характера, ориентированного на интересы сообщества.

Перспективы развития и рекомендации

Для реализации потенциала цифровых сообществ в системе психосоциальной поддержки людей с инвалидностью необходима целенаправленная политика на нескольких уровнях. На государственном уровне требуется разработка нормативной базы, обеспечивающей цифровую доступность, защиту прав участников онлайн сообществ и интеграцию цифровых форм поддержки в общую систему социальной защиты. Это включает принятие стандартов веб-доступности как обязательных для государственных и коммерческих платформ, создание механизмов мониторинга и контроля за их соблюдением, а также разработку специальных норм защиты персональных данных о здоровье в цифровой среде.

На уровне некоммерческого сектора важно развитие партнерских отношений между формальными организациями и самоорганизующимися цифровыми сообществами. Это может включать совместные проекты, обмен ресурсами и экспертизой, создание гибридных форм поддержки, сочетающих профессиональное сопровождение и равную взаимопомощь. НКО могут предоставлять организационную поддержку цифровым инициативам, обеспечивать обучение модераторов сообществ, создавать связи с государственными структурами и фондами для получения финансирования.

На уровне технологических платформ необходимо внедрение стандартов доступности, обеспечивающих возможность участия людей с различными типами инвалидности. Разработка специализированных функций для людей с нарушениями зрения, слуха, когнитивными особенностями может существенно расширить охват цифровых сообществ [5]. Платформы должны обеспечивать совместимость с программами экранного доступа, возможность настройки интерфейса под индивидуальные потребности, наличие альтернативных способов ввода информации и простую навигацию.

Развитие цифровой грамотности среди людей с инвалидностью должно стать приоритетным направлением образовательной и реабилитационной политики. Программы обучения должны учитывать специфические потребности и барьеры, с которыми сталкиваются различные группы, и обеспечивать не только технические навыки, но и компетенции критического мышления и онлайн безопасности. Особое внимание следует уделять обучению навыкам оценки достоверности информации, защиты персональных данных и безопасного поведения в онлайн среде.

Важным направлением является также исследовательская деятельность, направленная на изучение практик цифровых сообществ, оценку их эффективности и выявление лучших практик. Систематический анализ опыта различных сообществ может способствовать формированию основанной на данных политики поддержки цифровой инклюзии. Необходимы как количественные исследования, оценивающие охват и воздействие цифровых форм поддержки, так и качественные исследования, раскрывающие механизмы функционирования сообществ и опыт участников.

Создание национальной платформы для цифровых сообществ людей с инвалидностью могло бы способствовать консолидации усилий, обеспечению устойчивости и расширению охвата. Такая платформа могла бы предоставлять инфраструктуру для различных типов сообществ, обеспечивать доступность и безопасность, предлагать профессиональную поддержку и координировать взаимодействие с традиционными институтами социальной защиты.

Важно также развитие международного сотрудничества в области цифровой поддержки людей с инвалидностью. Обмен опытом, лучшими практиками и технологическими решениями между странами может ускорить развитие эффективных моделей цифровой инклюзии. Участие в международных

инициативах по продвижению цифровых прав и доступности может способствовать гармонизации стандартов и созданию глобального инклюзивного цифрового пространства.

Заключение

Цифровые сообщества представляют собой значимый ресурс психосоциальной поддержки людей с инвалидностью в условиях трансформации социальных институтов. Они способствуют снижению социальной изоляции, развитию горизонтальных связей и расширению участия в общественной жизни. Социально правовое измерение цифровых форм поддержки позволяет рассматривать их как пространство реализации прав и субъектности людей с инвалидностью.

Анализ показывает, что цифровые сообщества выполняют множественные функции: от обеспечения информационной и эмоциональной поддержки до мобилизации для коллективных действий и влияния на социальную политику. Практики взаимопомощи, развивающиеся в цифровой среде, основаны на опытной экспертизе участников и создают альтернативные модели солидарности, не воспроизводящие иерархии традиционных институтов помощи.

Для повышения эффективности цифровой психосоциальной поддержки необходимы институциональные и нормативные меры, направленные на признание цифровых сообществ как элемента системы социальной поддержки, обеспечение цифровой доступности и снижение рисков цифрового неравенства. Включение цифровых форм поддержки в социальную политику может способствовать формированию более инклюзивной модели общественного развития.

Развитие цифровых сообществ людей с инвалидностью является не просто технологическим процессом, но и социальной трансформацией, изменяющей способы организации поддержки, формы солидарности и механизмы реализации прав. Признание и поддержка этих процессов со стороны государства, общества и профессионального сообщества может стать важным шагом к построению подлинно инклюзивного общества, в котором люди с инвалидностью выступают не только получателями услуг, но и активными участниками формирования социальной политики и общественных отношений.

Перспективы дальнейших исследований включают более глубокий анализ специфики цифровых сообществ для различных типов инвалидности, изучение долгосрочных эффектов участия в онлайн взаимопомощи, оценку воздействия цифровых форм поддержки на качество жизни и социальную включенность, а также разработку методологии оценки эффективности цифровых сообществ как инструмента социальной политики. Комплексный подход к изучению и развитию цифровых форм поддержки может способствовать созданию более справедливого и инклюзивного общества.

Список литературы

1. Баранов А. В. Люди с инвалидностью как носители экспертного знания в формировании инклюзивной социальной политики региона // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях построения безопасного мира : сб. тр. IV межд. науч.-практ. конф. Иркутск, 10–12 июня 2025 г. / под. общ. ред. Т. В. Грабельных. Иркутск? 2025. С. 477–480.
2. Анпилогова К. А. Положительное влияние социальных сетей на социализацию и развитие людей с ограниченными возможностями // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания». 2012. № 10–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhitelnoe-vliyanie-sotsialnyh-setey-na-sotsializatsiyu-i-razvitiye-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Патеюк А. В., Кохан С. Т. Зависимость студентов с ограниченными возможностями здоровья от социальных сетей // Экология.Здоровье. Спорт : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 15–16 мая 2019 г. / отв.ред. С. Т. Кохан. Чита, 2019. С. 72–75.
4. Конвенция ООН о правах инвалидов: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 13 декабря 2006 г.
5. Wentz B., Jaeger P. T., Bertot J. C. Digital technologies for social inclusion of individuals with disabilities // Health and Technology. 2018. Vol. 8, N 5. P. 377–390.
6. The role of internet based digital tools in reducing social isolation and addressing support needs. BMC Public Health, 2019.
7. Internet access for disabled people: understanding socio relational factors in Europe // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2017. Vol. 11, N 1.

УДК 573.6.086

Борисова М. В. *Иркутск*

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА БИОЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БИОЭКОНОМИКИ»

Аннотация. Рассмотрен национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики», выявлены его основные характеристики, анализируются современные проблемы развития биоэкономики в России, исследованы перспективы развития отечественной биоэкономики до 2030 г.

Ключевые слова: биоэкономика, национальный проект, биофармацевтика, биоинженерия, консолидация, конкурентоспособность.

Borisova M. V., *Irkutsk*

DEVELOPMENT OF THE SOCIAL INSTITUTE OF BIOECONOMY ON THE BASIS OF THE NATIONAL PROJECT “TECHNOLOGICAL SUPPORT OF BIOECONOMY”

Abstract. The article considers the national project “Technological Support of Bioeconomy”, identifies its main characteristics, examines the current problems of the development of bioeconomy in Russia, and explores the prospects for the development of domestic bioeconomy until 2030.

Keywords: bioeconomy, national project, biopharmaceutics, bioengineering, consolidation, competitiveness.

До недавнего времени развитие биотехнологий в России шло в рамках различных отраслевых программ. Это происходит, потому что мировой рынок биоэкономики к 2030 г. оценивается в 30 трлн долл. Так как технологи-

ческий суверенитет государства просто невозможен без собственных штаммов микроорганизмов, ферментов и клеточных линий, а зависимость от импорта в критических секторах, таких, как производство фармацевтических субстанций, кормовых аминокислот, биополимеров, достигает 70–90 %.

Поэтому с 2026 г. в Российской Федерации ситуация меняется: биоэкономика выделяется в отдельный национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики» на правительственном уровне для того, чтобы данную зависимость так или иначе, разрушить. В структуре национального проекта предполагается развитие трех базовых федеральных проектов: «Аналитическое, методическое и кадровое обеспечение биоэкономики», «Организация производства и стимулирование сбыта продуктов биоэкономики» и «Научно-технологическая поддержка развития биоэкономики» [1].

Целью данного национального проекта является создание в Российской Федерации высокотехнологичной биоэкономики как основы для промышленности, сельского хозяйства, медицины и экологии.

К 2030 г. запланировано, что доля отечественных биоинженерных решений в критических отраслях достигнет уровня не менее 65 %, а количество зарегистрированных промышленных штаммов-продуцентов составит более 200 единиц. Крайне важным в рамках данного национального проекта является создание национальной коллекции промышленных микроорганизмов (единый депозитарий) в целях достижения полной замены импортных ферментов в пищевой, целлюлозно-бумажной, кожевенной отраслях промышленности.

В части развития биофармацевтики и медицинских биотехнологий в России до 2030 г. запланировано формирование полного цикла производства рекомбинантных белков (инсулины, факторы свертывания, моноклональные антитела) [1].

В настоящее время реализация национального проекта уже позволила создать консорциумы «биоэкономики», они представлены объединением вузов (ИТМО, МГУ, РХТУ, Сколтех) с индустриальными партнерами (Росатом, Р-Фарм, Биокад, СИБУР).

Гранты на создание опытных производств (от 1 до 500 т биомассы в год) предоставляются всем предприятиям, функционирующим в сфере биоэкономики в виде компенсации государством до 70 % затрат на пилотные установки.

В рамках кадровой программы «Биоинженер 2.0» производится переподготовка технологов с химических заводов, создание сетевых магистратур с участием Курчатовского института и «ВНИИ генетики».

На сегодняшний день отмечены следующие результаты. Так в Татарстане запущено производство биоразлагаемой посуды из полигидроксикарбонатов, мощность составляет 50 т/год. В Новосибирской области зарегистрирован первый отечественный штамм *E. coli* для синтеза человеческого фактора свертывания крови VII. В Краснодарском крае начались полевые испытания бактериального препарата против корневой гнили пшеницы, создан

Единый центр биоинформатики на базе МФТИ, где производится обработка геномных данных для промышленности.

При этом в сфере развития биоэкономики в России имеется ряд трудностей и проблем:

1) кадровый голод: подготовка биоинженера требует продолжительного времени в течении 5–7 лет. Замещение специалистов с «химическим» мышлением идет достаточно медленно и сопровождается рядом сложностей;

2) дороговизна масштабирования: лабораторный штамм стоит 10 млн руб., а его промышленный ферментатор – 2 млрд руб., его окупаемость составляет от 7 до 10 лет;

3) регуляторные барьеры: даже в федеральных «песочницах» выдача разрешений на ГМО-штаммы занимает 9–12 мес., что составляет долгий срок в данной сфере, например в Китае этот срок всего лишь 2 мес.;

4) сырьевой вопрос: биоэкономика требует больших объемов целлюлозы, лигнина, сахаров, поэтому в данной сфере крайне важна собственная логистика [2, с. 31].

Таким образом, национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики» является не просто набором развития НИОКР в стране. Это смена технологического уклада в перерабатывающей промышленности, сельском хозяйстве и медицине. Ближайшие 2–3 года будут определяющими, либо мы создадим промышленные штаммы и биореакторы внутри страны; либо останемся в роли потребителя зарубежных ферментов и клеточных линий. Развитие биотехнологий имеет многоаспектное значение для современного мира, предлагая, как возможности, так и вызовы, которые требуют внимательного и ответственного подхода к их реализации [2, с. 29].

Задача каждого участника – от инженера-технолога до юриста – обеспечить связку «лаборатория → регламент → цех → рынок». Проект дает ресурсы, при должной координации усилий всех участников, перспективы развития сектора биоэкономики в Российской Федерации крайне оптимистичные. Консолидация усилий всех участников данного национального проекта позволит создать новые конкурентоспособные предприятия в сфере биоэкономики, а также осуществить модернизацию уже действующих компаний.

Список литературы

1. Утвержден нацпроект «Технологическое обеспечение биоэкономики» // Официальный портал Правительства России. URL: <http://government.ru/news/57483/> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Борисова М. В. Социально-этические проблемы развития биотехнологий в современном мире // Рубинштенские чтения : материалы студ. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 29–31.

УДК 34:004.8

Григорьева А. Н., Шатилов С. П., *Новосибирск*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации. Анализируются основные направления применения искусственного интеллекта в правосудии, включая автоматизацию судебного делопроизводства, анализ судебной практики и использование интеллектуальных систем для подготовки судебных актов. Особое внимание уделяется проблемам правового статуса систем искусственного интеллекта, рискам нарушения принципов правосудия, а также вопросам юридической ответственности при использовании алгоритмических решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация правосудия, судебная система, правовое регулирование, электронное правосудие, судебная деятельность.

Grigoryeva A. N., Shatilov S. P., *Novosibirsk*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIAN JUSTICE

Abstract. The article discusses current issues of legal regulation of the introduction of artificial intelligence technologies into the judicial system of the Russian Federation. The main directions of the application of artificial intelligence in justice are analyzed, including the automation of judicial records management, the analysis of judicial practice and the use of intelligent systems for the preparation of judicial acts. Special attention is paid to the problems of the legal status of artificial intelligence systems, the risks of violating the principles of justice, as well as issues of legal responsibility when using algorithmic solutions.

Keywords: artificial intelligence, digitalization of justice, judicial system, legal regulation, electronic justice, judicial activity.

Передовые цифровые разработки оказывают существенное влияние на работу государственного аппарата и правовой системы. В условиях стремительной цифровизации социума государственные структуры активно внедряют инновационные решения с целью повышения продуктивности управления и оптимизации административных процедур. Одной из наиболее перспективных областей цифровизации является применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в рамках судебной системы. За последние годы вопрос освоения интеллектуальных алгоритмов в юриспруденции стал предметом научных дискуссий, поскольку подобные технологии способны кардинально изменить устоявшиеся механизмы отправления правосудия.

В научных трудах искусственный интеллект определяется как комплекс программно-технических решений, предназначенных для выполнения задач, требующих человеческой интеллектуальной деятельности, включая анализ данных, принятие решений и прогнозирование исходов конкретных процессов. В юридической сфере эти технологии задействуются для обработки значительных объемов правовой информации, изучения судебной практики и ав-

томатизации различных процедурных аспектов. Исследователи подчеркивают, что интеграция ИИ в правовую систему представляет собой важный этап эволюции цифрового государства и способствует повышению действенности правоприменительной деятельности [2, с. 674].

В судебной практике технологии ИИ могут найти применение в автоматизации документооборота, обработке материалов дел, поиске правовых норм и прецедентов по аналогичным случаям, а также в подготовке проектов судебных решений. Использование интеллектуальных систем позволяет существенно ускорить работу судебных инстанций, поскольку алгоритмы способны обрабатывать большие массивы информации и выявлять закономерности в судебной практике. Более того, такие системы могут быть использованы для прогнозирования вероятного исхода судебных разбирательств, что способствует формированию так называемой предиктивной юстиции. По мнению ряда ученых, внедрение подобных технологий способно повысить уровень правовой определенности и обеспечить более последовательное применение законодательных норм [5].

Несмотря на очевидные преимущества использования ИИ в судебной сфере, его интеграция сопряжена с рядом значительных правовых и организационных трудностей. В научной литературе отмечается, что внедрение интеллектуальных технологий в деятельность судебных органов требует серьезной институциональной и нормативной адаптации, так как традиционные правовые механизмы не всегда могут эффективно регулировать цифровые процессы [3, с. 9]. Одной из ключевых проблем является отсутствие целостного правового каркаса, регулирующего применение ИИ в сфере правосудия.

На текущий момент в российском законодательстве отсутствуют специальные нормы, определяющие правовой статус систем ИИ, порядок их использования в судебной деятельности, а также границы применения алгоритмических решений при осуществлении правосудия. Как указывают исследователи, правовое регулирование ИИ в целом находится на этапе формирования, что продиктовано стремительным развитием технологий и сложностью их встраивания в существующую правовую систему [1, с. 70].

Существенной проблемой также является потенциальное нарушение фундаментальных принципов правосудия при использовании алгоритмических систем. Судебная деятельность базируется на ряде основополагающих принципов, включая независимость судей, состязательность сторон и равенство участников процесса. Применение ИИ в процессе принятия судебных решений может повлечь за собой риски, связанные с алгоритмической предвзятостью, программными ошибками или некорректной обработкой данных. В подобных сценариях возникает угроза ущемления прав граждан и снижения уровня доверия общества к судебной системе.

Особую актуальность приобретает вопрос юридической ответственности за решения, принятые с использованием ИИ. В случае если алгоритм допускает ошибку при анализе данных или подготовке рекомендаций, возникает вопрос о том, кто должен нести ответственность за последствия таких

решений. Потенциальными субъектами ответственности могут выступать разработчики программного обеспечения, государственные органы, внедрившие соответствующие технологии, либо судьи, использующие интеллектуальные системы в своей профессиональной деятельности. Однако на сегодняшний день данный вопрос остается дискуссионным и требует дальнейшей теоретической проработки и законодательного закрепления [1, с. 73].

Дополнительные трудности связаны с этическими аспектами применения ИИ в судебной деятельности. Судебное решение является не только формальным результатом применения правовых норм, но и сложным интеллектуальным процессом, включающим оценку обстоятельств дела, учет принципов справедливости и гуманизма, а также морально-этических факторов. Алгоритмические системы, основанные на анализе статистических данных и формализованных правил, не способны в полной мере учитывать данные аспекты. В связи с этим многие исследователи подчеркивают, что использование ИИ в правосудии должно носить исключительно вспомогательный характер, а окончательное решение по делу должно оставаться за судьей [4, с. 115].

Несмотря на существующие сложности, развитие технологий ИИ открывает значительные перспективы для модернизации судебной системы Российской Федерации. В условиях увеличения объема судебных дел и роста нагрузки на судей внедрение интеллектуальных систем может стать действенным инструментом оптимизации судебной деятельности. Применение цифровых технологий способствует ускорению рассмотрения дел, повышению прозрачности судебных процедур и улучшению доступности правосудия для граждан.

Одним из наиболее значимых направлений развития является формирование комплексной правовой базы, регулирующей использование ИИ в судебной системе. Такая база должна предусматривать установление четких требований к разработке и применению алгоритмов, используемых в правовой сфере, а также создание механизмов контроля и аудита интеллектуальных систем. Кроме того, необходимо определить правовой статус систем ИИ и закрепить рамки их применения в ходе осуществления правосудия.

В контексте цифровизации государственного управления судебная система также претерпевает постепенные трансформации, интегрируя элементы электронного правосудия и интеллектуальные технологии для обработки правовой информации. Исследователи констатируют, что применение ИИ может способствовать оптимизации судопроизводства и повышению эффективности анализа судебной практики [3, с. 12].

При этом наиболее перспективной моделью применения ИИ в судебной системе видится его использование в качестве вспомогательного инструмента. Интеллектуальные алгоритмы могут выполнять функции анализа правовой информации, обработки судебной практики и подготовки аналитических материалов, в то время как окончательное решение по делу должно приниматься человеком. Такой подход позволяет совместить преимущества современных технологий с необходимостью сохранения фундаментальных

принципов правосудия. По мнению исследователей, именно данная модель является наиболее сбалансированной и соответствует современным требованиям правового государства [2, с. 688].

Не менее значимым направлением является развитие международного сотрудничества в области регулирования ИИ. В различных странах уже проводятся эксперименты по интеграции интеллектуальных систем в судебную деятельность, что позволяет накопить определенный международный опыт в данной сфере. Изучение зарубежной практики может способствовать выработке эффективных правовых механизмов регулирования ИИ и их адаптации к российской правовой системе.

Важным аспектом развития правового регулирования внедрения ИИ в судебную систему является обеспечение прозрачности алгоритмических решений. Прозрачность подразумевает возможность анализа принципов функционирования интеллектуальных систем, используемых при обработке правовой информации. В научной литературе подчеркивается, что применение алгоритмов, структура которых остается закрытой для участников судебного процесса, может вызывать сомнения в объективности и справедливости принимаемых решений. В связи с этим особое значение приобретает создание механизмов проверки алгоритмов и контроль за их работой со стороны государственных органов и научного сообщества [3, с. 14].

Кроме того, внедрение технологий ИИ в судебную деятельность требует разработки специальных требований к качеству и надежности используемых программных систем. Поскольку такие системы обрабатывают значительные объемы правовой информации, включая персональные данные участников судебного процесса, необходимо обеспечить высокий уровень информационной безопасности. Несоблюдение требований по защите данных может привести к утечке конфиденциальной информации и нарушению прав граждан. По мнению исследователей, формирование эффективных механизмов защиты информации должно стать одним из ключевых элементов правового регулирования цифровизации судебной системы [1, с. 682].

Особое значение в условиях развития цифровых технологий приобретает также подготовка квалифицированных специалистов для судебной системы. Использование интеллектуальных систем требует от судей и работников судебных органов новых профессиональных компетенций, связанных с пониманием принципов работы алгоритмов и возможных ограничений их применения. В научной литературе отмечается, что успешная интеграция ИИ в правовую систему во многом зависит от уровня цифровой грамотности специалистов, вовлеченных в правоприменительную деятельность [2, с. 686].

Следует также учитывать, что внедрение ИИ в судебную систему может повлиять на развитие юридической профессии в целом. Использование автоматизированных систем анализа судебной практики и подготовки правовых документов постепенно изменяет характер юридической работы, повышая ценность аналитических и исследовательских навыков. В то же время такие

технологии позволяют существенно сократить время, затрачиваемое на обработку информации, и сконцентрировать внимание специалистов на решении более сложных правовых задач [4, с. 118].

Наконец, важным аспектом внедрения технологий ИИ в правосудие является обеспечение доверия общества к новым цифровым инструментам. Судебная система традиционно выступает как один из ключевых институтов обеспечения справедливости и защиты прав граждан. Поэтому любые изменения, связанные с внедрением инновационных технологий, должны сопровождаться созданием эффективных механизмов общественного контроля и информированием граждан о принципах функционирования используемых систем. Как отмечается в научных исследованиях, формирование доверия к цифровым технологиям является необходимым условием их успешного применения в правовой сфере [5].

Таким образом, внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации является закономерным этапом развития правосудия в условиях цифровизации общества. Использование интеллектуальных систем способно значительно повысить эффективность судебной деятельности, сократить сроки рассмотрения дел и улучшить качество правоприменительной практики. Вместе с тем применение таких технологий сопряжено с рядом серьезных правовых и этических вопросов, требующих комплексного научного осмысления и законодательного регулирования.

Для обеспечения эффективного и безопасного использования ИИ в судебной системе необходимо разработать комплексную правовую модель регулирования данных технологий, определить границы их применения, установить механизмы контроля за алгоритмическими системами и гарантировать сохранение фундаментальных принципов правосудия. Только при соблюдении данных условий искусственный интеллект сможет стать действенным инструментом развития современной судебной системы и способствовать повышению уровня правовой защиты граждан.

Список литературы

1. Белозерцева В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 6. С. 78–86.
2. Гаврилова Ю. А. Концепция интеграции искусственного интеллекта в правовую систему // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 3. С. 673–692.
3. Заготовкин Д. Ф., Рильский К. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // Russian Studies in Law and Politics. 2025. Т. 9, № 1. С. 4–28.
4. Burdina E., Kornev V. Technologies versus justice: challenges of AI regulation in the judicial system // Legal Issues in the Digital Age. 2024. N 2. С. 113–126.
5. Erbutaeva Z. Features of using artificial intelligence technologies in judicial activity // Russian Law Journal. 2025. N 1.

УДК 573.6.086

Заварзина Ю. В., Борисова М. В., *Иркутск*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Анализируются правовые проблемы развития биотехнологий на современном этапе, рассмотрены четыре модели регулирования развития биотехнологий, выявлена отечественная специфика государственного регулирования в сфере развития биотехнологий. Установлено, что задержка с правовой адаптацией в развитии национальных биотехнологий сопровождается потерей инвестиций, оттоком ученых, зависимостью от импортных биотехнологий.

Ключевые слова: правовое регулирование, биотехнологии, социально-этические проблемы, генно-инженерная деятельность, нормативно-правовая база, инвестиции, инновации.

Zavarzina Yu. V., Borisova M. V., *Irkutsk*

LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF BIOTECHNOLOGY: CHALLENGES AND PROSPECTS OF REGULATION

Abstract. The article discusses the legal problems of the development of biotechnology at the current stage, examines four models of regulation of the development of biotechnology, and identifies the domestic specifics of state regulation in the field of biotechnology development. It is established that delays in the legal adaptation of the development of biotechnology are accompanied by a loss of investment, an outflow of scientists, and dependence on imported biotechnology.

Keywords: legal regulation, biotechnology, socio-ethical issues, genetic engineering, legal framework, investment, innovation.

Биотехнологии сегодня являются одним из самых быстрорастущих секторов экономики. Мы видим прорывы в редактировании генома (CRISPR-Cas9), синтетической биологии, персонализированной медицине и биоинформатике. Однако скорость научного прогресса значительно опережает развитие нормативно-правовой базы.

Ключевая проблема может быть сформулирована как «создание правового поля, не сдерживающего инновации своим избыточным регулированием, при этом обеспечивающим защиту прав человека, экологию и биоразнообразие». Правовые аспекты биотехнологий можно разделить на четыре блока, прежде всего, это интеллектуальная собственность. Главной проблемой является вопрос, патентуется ли ген, клетка или организм?

Регулирование биотехнологий сегодня – это не только юридическая, но и геополитическая задача. Та страна, которая первой создаст понятную, гибкую и при этом безопасную правовую среду, получит приток инвестиций в биофармацевтику; право голоса при разработке международных конвенций; технологический суверенитет.

В настоящее время можно выделить четыре модели регулирования биотехнологий. В Соединенных Штатах Америки модель регулирования биотехнологий построена на прагматизме и координации. Ключевым принципом яв-

ляется «существенная эквивалентность», что предполагает тезис о ненужности дополнительных проверок ввиду отсутствия отличий ГМО-продукта от обычного по составу и безопасности.

В США работает так называемая «регуляторная песочница» для синтетической биологии, это некий инновационный бизнес-инкубатор, в котором стартаперы в сфере биотехнологий могут получать поддержку в виде консультации и реальной помощи в реализации своих проектов.

Великобританий придерживается принципа проинновационного регулирования, представляющего собой ускоренный вывод на рынок геном-редактированных продуктов. Прорывным законом является Genetic Technology (Precision Breeding) Act 2023, согласно которому растения и животные, отредактированные CRISPR, если изменения аналогичны традиционным, не считаются ГМО, не требуют маркировки [1].

В Европейском союзе правовое регулирование биотехнологий сводится к принципу предосторожности и этических ограничений. Согласно Хартии Европейского союза [2], в Евросоюзе действует запрет на патентование человеческих эмбрионов и эмбрионально-стволовых клеток и запрет на редактирование зародышевой линии (только исследования на эмбрионах до 14 дней).

В Японии, которая на данный момент является первой страной с системой для геном-редактированных продуктов, действует принцип дифференцированного контроля по категориям риска, который не запрещает геном-редактирование продуктов питания, содержащих белки, позволяет использовать ГМО-технология при производстве мясной и рыбной продукции. Первая в мире геном-редактированная рыба, красный морской лещ с увеличенной мышечной массой, реализуется на японском рынке с 2022 г., а геном-редактированные помидоры можно приобрести там же с 2023 г.

Россия сегодня находится в ситуации выбора, остаться в парадигме ФЗ-86 от 05.07.1996 «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» с тотальным запретом ГМО-растений и неопределенностью для генной терапии, или же адаптировать лучшие практики стран-лидеров в сфере биоинженерии, и создать собственную модель, сочетающую безопасность, этику и скорость [3].

В мировой правоприменительной практике отмечается масса проблем с регулированием сферы биотехнологий. Так, в Решении Верховного суда США (Assoc. for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, 2013) указывается, что, естественно существующие гены не патентуются, но патентуется кДНК (искусственно созданная) [4]. В России Гражданский кодекс РФ формально не запрещает патенты на «выделенный из организма нуклеиновую кислоту», но на практике сложно [5].

Также следует отметить проблему, связанную с патентом на «технологии редактирования генома» (CRISPR) привели к «патентным войнам», что тормозит исследования. Ключевым документом в мире является Картахенский протокол по биобезопасности (2000 г.) Европа пошла по пути предосторожности, введя запрет на ГМО в сельском хозяйстве, США находится на пути существенной эквивалентности (ГМО-культуры допускаются, если не отличаются от обычных).

В России в рамках Федерального закона № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» введен фактический запрет на выращивание ГМО-растений и разведение ГМО-животных, кроме научных целей [4].

Сфера медицинских биотехнологий, которая объединяет в себя клеточные технологии, генную терапию, является самой проблемной с точки зрения права и этики. В России Федеральный закон № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» вводит понятие БМКП, но критикуется за сложную процедуру регистрации [6]. Согласно ему, практически везде под запретом находится редактирование генов сперматозоидов, яйцеклеток, эмбрионов с передачей изменений потомству.

В правовом поле также ряд проблем связан с информированным согласием при генетическом тестировании, так как пациент должен понимать, что узнает не только о себе, но и о родственниках (так называемая проблема «генетического родства» [7]).

Таким образом, правовое регулирование биотехнологий представляет собой поиск баланса между научной свободой и биоэтическими границами. Ни один закон сегодня не отвечает на вопрос: кто несет ответственность за последствия, если отредактированный геном через 10 поколений вызовет болезнь? Поэтому ключевая задача юристов и биотехнологов заключается не в запрете, а грамотном управлении рисками через понятные, гармонизированные на международном уровне нормы.

Список литературы

1. Закон Великобритании «О генетических технологиях» (Genetic Technology (Precision Breeding) от 23.03.2023. URL: <https://www.parliament.co.uk/bills/2022-23/genetic-technology-precision-breeding> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Хартия Евросоюза об основных правах. URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (дата обращения: 02.04.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : федер. закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10135402/> (дата обращения: 02.04.2026).
5. Верховный суд США запретил патентовать геном человека // Ведомости. 13.06.2013. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2013/06/13/verhovnyj-sud-ssha-zapretil-patentovat-genom-cheloveka> (дата обращения: 02.04.2026).
6. О биомедицинских клеточных продуктах : федер. закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71427992/> (дата обращения: 02.04.2026).
7. Борисова М. В. Социально-этические проблемы развития биотехнологий в современном мире // Рубиншоновские чтения : материалы студ. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 29–31.

УДК 339.543

Земскова И. А., *Саратов*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ СИСТЕМНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И БАРЬЕРОВ

Аннотация. Рассматривается процесс цифровой трансформации таможенной службы как осевого элемента системы государственного управления. Доказывается, что таможенное администрирование выступает институциональной детерминантой, предопределяющей векторы развития межведомственного взаимодействия и стандарты сервисного государства. Особое внимание уделено деконструкции системных противоречий: разрыву между технологическим прогрессом и инертностью правовой базы, а также рискам алгоритмической предвзятости. Анализируются барьеры, препятствующие переходу к модели «интеллектуальной таможни» в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета.

Ключевые слова: государственное управление, таможенное администрирование, институциональная детерминанта, цифровая трансформация, системные противоречия, интеллектуальная таможня, правовой лаг, технологический суверенитет.

Zemskova I.A., Saratov

DIGITALIZATION OF CUSTOMS ADMINISTRATION AS AN INSTITUTIONAL DETERMINANT OF PUBLIC ADMINISTRATION TRANSFORMATION IN RUSSIA: ANALYSIS OF SYSTEMIC CONTRADICTIONS AND BARRIERS

Abstract. The article examines the process of digital transformation of the customs service as a central element of the public administration system. The author argues that customs administration serves as an institutional determinant, defining the vectors of development for interagency interaction and the standards of a service-oriented state. Special attention is given to the deconstruction of systemic contradictions: the gap between technological progress and the inertia of the legal framework, as well as the risks of algorithmic bias. Barriers hindering the transition to the “intelligent customs” model under the need to ensure technological sovereignty are analyzed.

Keywords: public administration, customs administration, institutional determinant, digital transformation, systemic contradictions, intelligent customs, legal lag, technological sovereignty.

Современный этап эволюции российской государственности характеризуется переходом от экстенсивного внедрения информационных систем к глубокой качественной трансформации институциональной среды. В этой архитектуре Федеральная таможенная служба (ФТС) традиционно занимает позицию технологического фронта. Обладая уникальным фискальным и регуляторным функционалом, таможенное администрирование аккумулирует колоссальные массивы данных, становясь своего рода «испытательным полигоном» для внедрения прорывных управленческих технологий.

Эволюция отечественной таможенной службы в контексте её цифровой зрелости не может рассматриваться как дискретный набор технологических обновлений; это непрерывный процесс институционального перерождения.

Исследование генезиса цифровизации позволяет выявить феномен «path dependence» (зависимости от предшествующего развития), где каждое последующее решение детерминировано архитектурой предыдущих систем.

Начальный этап (90-е г. XX в. – начало 2000-х) характеризовался фрагментарной автоматизацией, направленной на первичный учет товарных потоков. Внедрение системы «АИСТ-РТ-21» стало первой попыткой создания единого информационного контура, однако на тот момент цифровизация носила вспомогательный характер, не затрагивая ядро управленческой иерархии. Прорыв произошел с принятием концепции «Электронной таможни», которая де-факто инициировала демонтаж территориально-распределенной модели управления.

Создание Центров электронного декларирования (ЦЭД) в 2018–2020 гг. ознаменовало переход от автоматизации процессов к их интеллектуализации. Историческая значимость этого этапа заключается в радикальном разрыве связки «инспектор – участник ВЭД». Если в «бумажную» эпоху коррупционность была имманентно присуща системе из-за физического контакта сторон, то цифровая трансформация перевела это взаимодействие в плоскость алгоритмического контроля. Таким образом, ретроспективный анализ подтверждает: таможня стала первым ведомством в структуре государственного и муниципального управления (ГМУ) РФ, которое успешно реализовало переход от линейно-функциональной к платформенной модели управления, задав стандарт для всей системы исполнительной власти.

В глобальном масштабе цифровая трансформация таможенных органов протекает в рамках двух доминирующих парадигм: западной (англосаксонской) и восточноазиатской.

Западная модель (на примере стран ЕС и США) исторически делала акцент на интеграции безопасности и содействия торговле через системы предварительного информирования (АСЕ в США). Однако здесь институциональным барьером часто выступает жесткость правовых рамок и сложная бюрократическая процедура согласования интересов множества стран-участниц (в случае ЕС).

Восточноазиатская модель (Китай, Сингапур) демонстрирует более агрессивное внедрение технологий ИИ и блокчейн. Китайская программа Smart Customs базируется на тотальном мониторинге и использовании больших данных для формирования систем социального и корпоративного кредита. Здесь таможня выступает не просто регулятором, а инструментом глобального экономического позиционирования.

Российский опыт занимает уникальное промежуточное положение. С одной стороны, ФТС РФ заимствует принципы Single Window (единого окна), успешно реализованные в Сингапуре (TradeNet), с другой – вынуждена выстраивать суверенную ИТ-архитектуру в условиях беспрецедентного санкционного давления. Институциональное преимущество России заключается в высокой степени централизации данных, что позволяет внедрять сквозные

алгоритмы контроля быстрее, чем в децентрализованных системах Европы. Однако риск кроется в чрезмерном увлечении фискальной функций в ущерб сервисной составляющей, что отличает отечественную практику от наиболее передовых мировых аналогов.

Однако рассмотрение цифровизации таможни исключительно как технического процесса модернизации было бы методологической ошибкой. Речь идет о институциональной детерминации – явлении, при котором технологические изменения в одном ведомстве неизбежно влекут за собой структурные сдвиги во всей системе государственного и муниципального управления. Таможенные органы задают стандарты скорости, прозрачности и алгоритмизации, на которые вынуждены ориентироваться смежные институты: от налоговой службы до органов лицензирования и сертификации [1, с. 143]. Тем не менее, этот драйвер развития сталкивается с фундаментальными системными противоречиями, природа которых лежит в плоскости столкновения «цифровой логики» и «бюрократической традиции».

Институциональная роль таможенной службы в трансформации ГМУ проявляется через изменение самой философии контроля. Переход к созданию ЦЭД стал не просто географической передислокацией полномочий, но актом деперсонализации власти. Это прямое воплощение концепции New Public Management, где субъективизм чиновника замещается объективностью алгоритма.

В данном контексте таможня выступает детерминантой ГМУ по трем векторам:

1. Функциональная конвергенция: интеграция информационных систем ФТС и ФНС создает прототип «единого фискального окна», что требует радикального пересмотра регламентов межведомственного взаимодействия.

2. Стандартизация данных: жесткие требования таможни к формализованным документам заставляют бизнес и другие государственные органы переходить на единые цифровые форматы, структурируя хаотичную до этого среду данных.

3. Алгоритмическая легитимность: внедрение систем автоматического выпуска товаров формирует новую норму государственного доверия, где «добросовестность» участника ВЭД подтверждается математическим расчетом системы управления рисками.

Одним из эффективных элементов успешной цифровизации таможенного дела России является система управления рисками (СУР), которая сегодня является «мозговым центром» таможенного администрирования, и именно здесь концентрируются наиболее острые системные противоречия. Переход к автоматическому категорированию участников ВЭД на основе нейросетевых моделей – это не просто техническое решение, а делегирование части государственного суверенитета алгоритму.

Несмотря на статус лидера, цифровизация таможенного дела в России обнажает ряд глубоких противоречий. Первое и наиболее значимое – онтологический разрыв между скоростью технологического цикла и циклом законодательства. Когда система присваивает участнику ВЭД «красный» уровень риска, инспектор зачастую не видит всей цепочки логических весов, приведших к этому результату. Это порождает феномен «цифрового фатализма»: должностное лицо боится брать на себя ответственность за отмену рекомендации системы, даже если она очевидно ошибочна. С правовой точки зрения возникает коллизия: кто является субъектом ответственности в случае необоснованного простоя груза, вызванного сбоем алгоритма?

Традиционное административное право РФ не содержит понятия «ошибка автоматизированной системы» как основания для освобождения от ответственности или, наоборот, как повода для компенсации убытков бизнесу. Данный кейс подчеркивает необходимость разработки теории «алгоритмической подотчетности», где каждое решение ИИ должно быть интерпретируемым и юридически обжалуемым. Без этого интеллектуализация ГМУ рискует превратиться в форму цифрового деспотизма. Мы наблюдаем ситуацию «правового лага», когда нейросетевые алгоритмы СУР уже способны принимать решения о досмотре, но правовая ответственность за ошибку ИИ до сих пор не закреплена в Кодексе об административных правонарушениях.

Второе противоречие связано с явлением «ведомственного цифрового феодализма». Создавая высокоэффективную «умную таможню», государство рискует получить изолированный остров эффективности. Если смежные контролирующие органы (Россельхознадзор, Роспотребнадзор) не обладают сопоставимым уровнем цифровой зрелости, общий эффект от ускорения таможенных процедур нивелируется на этапе межведомственных согласований. Это порождает институциональную диссинхронизацию, когда «цифровой болид» таможни вынужден ждать «бумажный обоз» партнеров по госуправлению.

В условиях современной информационной экспансии безопасность таможенных систем перестает быть вопросом защиты от хакерских атак и переходит в плоскость обеспечения когнитивной и технологической автономности. Институциональная детерминанта здесь проявляется в необходимости создания полностью закрытого, но при этом функционального цифрового контура. Анализ практики реализации Стратегии развития таможенной службы до 2030 года позволяет выделить три группы критических барьеров [2]:

Технологический барьер и проблема суверенитета. В условиях беспрецедентного санкционного давления остро встал вопрос импортозамещения «ядра» таможенных систем. Большая часть библиотек машинного обучения и фреймворков для работы с Big Data имеют открытый исходный код, но контролируются зарубежными корпорациями. Существует риск внедрения скрытых «закладок» или алгоритмических искажений, которые могут быть

активированы в критический момент для дестабилизации логистических цепочек страны. Зависимость от зарубежных СУБД и проприетарных алгоритмов машинного обучения в предыдущие годы создала риски утраты контроля над данными.

Суверенный ответ России должен заключаться в переходе к «доказательному импортозамещению». Это подразумевает не просто смену логотипов зарубежного ПО на отечественные аналоги, а глубокий аудит алгоритмов на предмет их предвзятости и устойчивости к внешнему манипулированию. Таможенная служба, оперирующая данными о 100 % легального импорта, является держателем стратегического информационного ресурса. Утрата контроля над этим ресурсом через использование непроверенных «облачных» или зарубежных ИТ-решений равносильна утрате части государственной границы. Переход на суверенные ИТ-решения требует не просто замены софта, но полной переработки архитектуры данных, что временно снижает адаптивность системы.

Кадровый барьер, проявляющийся в дефиците «цифровых кентавров». Современной системе ГМУ в таможенной сфере требуются специалисты уникального профиля – юристы и экономисты, обладающие навыками алгоритмического мышления. Существующая система образования не успевает готовить кадры, способные проводить аудит ИИ-систем или управлять процессом обучения нейросетей. В результате возникает риск «когнитивного отчуждения»: инспекторы используют систему, принципов работы которой они до конца не понимают.

Барьер данных, проблема «грязных выборок». Искусственный интеллект в таможене эффективен лишь настолько, насколько чисты данные, на которых он обучался. Накопленные за десятилетия массивы информации содержат ошибки, искажения и следы коррупционных искажений прошлого. Обучение алгоритмов на таких выборках может привести к «цифровому закреплению» старых проблем – так называемой алгоритмической предвзятости.

Для преодоления барьеров необходим переход к качественно новому типу регуляторики. Институциональная трансформация ГМУ через призму таможни должна базироваться на концепции машиночитаемого права. Это означает, что таможенные правила должны изначально проектироваться не как текстовые документы, а как исполняемые коды. Это позволит решить проблему вариативности толкования норм. В такой парадигме таможенное регулирование становится прозрачным сервисом, а не инструментом административного давления. Однако реализация этой модели требует пересмотра основ административного права: необходимо юридически признать цифровой протокол равнозначным письменному решению должностного лица, что для классической российской школы госуправления является революционным шагом.

Интеллектуализация таможенного администрирования неизбежно ставит вопрос о дегуманизации бюрократии. Мы наблюдаем трансформацию

традиционного образа государственного служащего: из лица, наделенного дискреционными полномочиями, он превращается в «оператора цифровой системы».

Этический аспект заключается в потере «человеческого лица» государства. Для участника ВЭД общение с таможенной превращается в диалог с интерфейсом. С одной стороны, это минимизирует коррупцию, с другой – полностью исключает возможность учета индивидуальных, нестандартных ситуаций, которые не вписаны в код. Возникает риск «алгоритмической несправедливости», когда формальное следование протоколу наносит ущерб здравому смыслу или экономическим интересам страны в долгосрочной перспективе.

Более того, цифровизация порождает новую форму социального неравенства – «цифровой разрыв» между крупными корпорациями, способными интегрировать свои ERP-системы с таможенной, и малым бизнесом, для которого цифровые барьеры становятся непреодолимыми. Институциональная задача ГМУ в данном контексте – обеспечить инклюзивность цифровой трансформации. Таможня должна выступать не как «карающий алгоритм», а как «адаптивная платформа», доступная для всех участников рынка, независимо от их технологической оснащенности. Только сохранив этический баланс и человеческий контроль над машиной, мы сможем построить систему управления, отвечающую вызовам XXI в.

Перспективы трансформации связаны с переходом от модели «ведомственного сервиса» к модели «государственной платформы». В этой модели таможня становится центральным узлом обмена данными в реальном времени. Институциональная детерминация здесь достигает максимума: бизнес интегрирует свои учетные системы с таможенными, фактически передавая государству функцию «невидимого аудита».

Это создает условия для перехода к «незаметному контролю», где физическая граница перестает быть местом остановки груза, превращаясь в точку автоматического считывания данных. Но достижение этого состояния невозможно без решения проблемы доверия. Цифровизация должна сопровождаться развитием институтов алгоритмической подотчетности, когда бизнес понимает критерии оценки рисков и имеет юридические инструменты для их оспаривания в автоматизированном режиме.

Цифровизация таможенного администрирования выступает не просто фоновым процессом [3, с. 156], а мощнейшей институциональной детерминантой, переформатирующей весь каркас государственного управления в России. Она форсирует переход к бесконтактным методам контроля, навязывает смежным ведомствам высокие стандарты цифровой гигиены и формирует запрос на создание суверенного технологического стека.

Однако выявленные системные противоречия – правовой разрыв, кадровая стагнация и ведомственная разобщенность – показывают, что технологический оптимизм должен быть уравновешен глубокой административной реформой. Дальнейшее развитие ГМУ в этой сфере должно идти не по пути

наращивания сложности ИТ-систем, а по пути гармонизации права, технологий и человеческого капитала. Только преодоление этих барьеров позволит превратить таможенную в подлинно интеллектуальный институт, обеспечивающий баланс между безопасностью государства и свободой международной торговли в турбулентном цифровом мире.

Список литературы

1. Зиманова М. А. Таможенное администрирование в условиях цифровизации и автоматизации // Человек. Социум. Общество. 2024. № 8. С. 142–151.
2. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р (ред. от 12.07.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/62de6cae95a59b101c046143d08662125b1b4032/ (дата обращения: 12.03.2026).
3. Плотнокина М. А. Совершенствования таможенного администрирования в условиях цифровизации деятельности таможенной службы Российской Федерации // Финансовый бизнес. 2025. № 10(268). С. 156–157.

УДК 330.341

Кадурина Д. А., Москва

РАЗВИТИЕ БЕСПИЛОТНЫХ СИСТЕМ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНАНТ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КНР (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА ЭКОНОМИКИ МАЛЫХ ВЫСОТ)

Аннотация. Рассматривается влияние внедрения беспилотных летательных аппаратов на экономическое развитие и трансформацию правовых и социальных институтов в Китайской Народной Республике, включая формирование нового межотраслевого сегмента, связанного с использованием ресурсов маловысотного воздушного пространства.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, экономика малых высот, Китайская Народная Республика, социально-правовая трансформация

Kadurina D. A., Moscow

DEVELOPMENT OF UNMANNED SYSTEMS AS AN ECONOMIC DETERMINANT OF SOCIAL AND LEGAL TRANSFORMATIONS IN THE PRC (USING THE EXAMPLE OF THE PHENOMENON OF LOW-ALTITUDE ECONOMY)

Abstract. This article discusses the impact of unmanned aerial vehicles (UAVs) on economic development and the transformation of legal and social institutions in the People's Republic of China (PRC), including the emergence of a new inter-industry segment related to the use of low-altitude airspace resources.

Keywords: unmanned aerial vehicles, low-altitude economy, People's Republic of China, socio-legal transformation.

Одной из быстрорастущих отраслей высокотехнологичной индустрии является беспилотная авиация. Она традиционно играет важную роль в обеспечении обороноспособности и национальной безопасности, выполняя за-

дачи разведки, мониторинга и оперативного реагирования. В этой связи отрасль выступает как объект государственного регулирования, так и один из стратегических инструментов технологического и экономического развития. Актуальность темы статьи обусловлена как возрастающей ролью сформировавшейся под влиянием роботизации «экономики малых высот» в народном хозяйстве Китайской Народной Республики (далее – КНР), так и практической значимостью исследований, направленных на адаптацию зарубежного опыта к современным российским реалиям функционирования национального хозяйственного комплекса. Развитие беспилотных систем выходит за рамки технологического прогресса и становится важнейшим фактором трансформации правовых институтов, социальной структуры и экономической модели государства. Цель исследования – проведение анализа развития БПЛА в КНР как экономического детерминанта социально-правовых трансформаций. Основные задачи исследования: раскрыть сущность маловысотной экономики, проанализировать развитие отрасли беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) как драйвера экономического роста, изучение правового регулирования применения БПЛА в КНР и выявление социальных трансформаций, обусловленных массовым внедрением БПЛА. Основными результатами исследования являются структура «экономики малых высот» КНР и характеристика современного состояния, а также перспективы развития ее основных секторов. Теоретическая ценность исследования состоит в том, что представленный фактический материал и выводы автора способствуют более глубокому пониманию современной структуры народного хозяйства КНР. Практическая значимость работы заключается в том, что изложенные в ней положения и выводы могут быть использованы органами государственной власти, регулирующими функционирование и развитие отечественной промышленности, специализирующейся на создании и производстве БПЛА, при разработке и реализации отраслевой политики.

Современные вооруженные конфликты стали катализатором ускоренного развития беспилотных систем, где коммерческие БПЛА массово применяются для решения боевых задач. Активное внедрение накопленного потенциала в этой сфере в гражданский сектор российской экономики способно существенно повысить ее эффективность и выступить важным фактором социально-правовых трансформаций.

Руководство КНР придает приоритетное значение цифровой трансформации национальной экономики, рассматривая массовое внедрение беспилотных систем в различные отрасли как одно из ключевых направлений данного процесса. Формирование и развитие национального научно-технического потенциала в сфере беспилотных технологий, а также специализированной промышленной базы позволили КНР к началу XXI века стать одним из мировых лидеров по разработке, производству и экспорту БПЛА военного назначения различных классов. В то же время БПЛА стали ключевым элементом цифровизации народного хозяйства. В этом контексте БПЛА выступают

не только как технологический ресурс, но и как экономический детерминант, способствующий перестройки социально-правовых институтов.

Традиционная тесная интеграция военного и гражданского секторов народного хозяйства КНР способствовала эффективной реализации научно-технического задела в сфере военных беспилотных технологий, накопленного национальной оборонной промышленностью, при развитии практически всех отраслей экономики, а также формированию новых межотраслевых хозяйственных комплексов. Китайский опыт в сфере развития сегмента БПЛА демонстрирует, что системно выстроенная государственная и региональная политика, ориентированная на развитие транспортной и высокотехнологичной промышленности, а также согласованная консолидация ресурсов государства, бизнеса и научного сообщества, направленная на создание благоприятной институциональной среды, позволяют реализовать потенциал национального сектора БПЛА. Это, в свою очередь, обеспечивает его трансформацию в один из ключевых драйверов инновационного роста и технологического лидерства, превращая данный сегмент в стратегически значимую отрасль народного хозяйства КНР в рамках концепции «экономики малых высот».

Экономика малых высот – концепция эффективного хозяйственного использования ресурсов воздушного пространства на высотах до 3 км [1]. Ключевыми компонентами экономики малых высот КНР выступают «маловысотные производства», «маловысотная инфраструктура», «маловысотная безопасность» и «сопутствующие услуги».

Социальная трансформация, обусловленная развитием экономике малых высот и массовым внедрением БПЛА, носит комплексный характер, затрагивая ключевые сферы общественной жизни. БПЛА постепенно становятся неотъемлемым элементом ключевых бизнес-процессов в сферах логистики, сельского и лесного хозяйства, геологоразведки, пассажирских перевозок, строительства, туризма, мониторинга состояния объектов хозяйственной инфраструктуры и транспортных потоков, аварийно-спасательных операций, экстренной медицинской помощи и эвакуации. С одной стороны, формируются новые специальности, связанные с разработкой, эксплуатацией и обслуживанием беспилотных систем, включая операторов БПЛА и инженеров. С другой стороны, наблюдается постепенное вытеснение традиционных профессий, что требует пересмотра системы образования и переподготовки кадров. Подготовка операторов БПЛА осуществляется в национальных авиационных институтах КНР, летных школах, компаниях-производителях и на других площадках. Только за 2022 г. в стране было выдано около 81,5 тыс. лицензий пилотов гражданской авиации [2], а за 2020 г. – около 89 тыс. лицензий на управление БПЛА [3]. Кроме того, существенные трансформации затрагивают городскую среду. Использование беспилотных систем в логистике, мониторинге инфраструктуры и обеспечении общественной безопасности способствует развитию концепции «умного города». Одновременно с

этим формируются новые элементы инфраструктуры, такие как площадки взлета и посадки БПЛА.

Формирование новой стратегически важной отрасли «экономики малых высот» выступает важным фактором инициирования и ускорения правовых трансформаций. Возникновение такого межотраслевого хозяйственного комплекса с массовым внедрением беспилотных систем требует пересмотра существующих нормативно-правовых подходов и разработки новых регуляторных механизмов. В частности, развитие экономики малых высот обуславливает необходимость адаптации правового режима воздушного пространства, внедрения правил, регулирующих использование БПЛА, а также формирование комплексных требований в области безопасности и лицензирования их. В целях совершенствования безопасности полетов БПЛА с 1 января 2024 г. в КНР вступили в силу Временные правила по управления полетами БПЛА (далее – Правила), а с 1 июня 2024 г. был введен обязательный национальный стандарт GB 42590-2023 «Требования безопасности для гражданской беспилотной авиационной системы». Данные нормативные акты направлены на обеспечение авиационной, общественной и национальной безопасности при эксплуатации БПЛА. Данные Правила включают в себя ряд ключевых разделов, охватывающих общие положения, вопросы регулирования БПЛА гражданского назначения и их эксплуатации, порядок использования воздушного пространства и организации полетной деятельности, механизмы надзора, а также нормы, устанавливающие юридическую ответственность [4].

Кроме того, немаловажным элементом формирования национальной экономики малых высот стало официальное выделение в воздушном пространстве маловысотного слоя для воздушных судов авиации общего назначения. До 2010 г. полеты авиации общего назначения были ограничены высотами свыше 6 тыс. м, однако в ходе реформирования национальной системы управления воздушным движением была выделена маловысотная составляющая до 1 тыс. м. В период с 2011 по 2014 г. она последовательно открывалась сначала в пилотных зонах, а затем и по всей территории КНР. В дальнейшем, в 2016 г., границы использования воздушного пространства были расширены до 3 тыс. м в ряде крупных городов, включая Шэньян, Гуанчжоу и Чаньчунь, а с 2017 г. практически на всю территорию страны. В декабре 2023 г. Администрация гражданской авиации КНР опубликовала Национальную базовую классификацию воздушного пространства, в которой воздушное пространство распределено на семь категорий – А, В, С, D, E, G и W (рис.).

Классификация осуществляется с учетом правил полетов, характеристик воздушных судов, особенностей воздушного пространства и уровня предоставляемого обслуживания управления воздушным движением. При этом категории А-Е отнесены к контролируемому воздушному пространству, тогда как категории G и W классифицируются как неконтролируемые. Данные нормативные положения ориентированы не только на эффективное выявление,

предупреждение и минимизацию рисков, возникающих при эксплуатации БпЛА, но и направлены на стимулирование устойчивого и сбалансированного развития смежных отраслей.

Рис. Классификация воздушного пространства КНР

Согласно данным Администрации гражданской авиации КНР, в 2024 г. число зарегистрированных гражданских БпЛА в КНР составило более 1,7 млн единиц и более 19,46 млн часов налета. В 2023 г. объем рынка экономики малых высот в КНР превысил 500 млрд юаней и, как ожидается, достигнет 1,5 трлн юаней к 2025 г., 2 трлн юаней к 2030 г. и 3,5 трлн юаней к 2035 г. [5].

Проведенный анализ показывает, что развитие беспилотных систем в КНР выступает мощным экономическим детерминантом социально-правовых трансформаций. Китайская модель развития данной сферы основана на сочетании активной государственной политики, поэтапной либерализации воздушного пространства и формирования нормативно-правовой базы. Вместе с тем развитие беспилотных систем сопровождается комплексными социальными элементами, включая трансформацию рынка труда и изменение городской инфраструктуры. Таким образом, опыт КНР подтверждает, что беспилотные технологии в условиях цифровой экономики выступают не только инструментом повышения эффективности, но и ключевым фактором институциональных изменений, определяющим направления и темпы социально-правовой трансформации современного общества. В этой связи адаптация китайского опыта к российским реалиям может способствовать распространению аналогичных положительных эффектов, включая модернизацию экономики. При этом первоочередными направлениями выступают создание

комплексной нормативно-правовой базы, развитие инфраструктуры и формирование системы подготовки квалифицированных кадров, способных обеспечить эффективное функционирование и дальнейшее развитие сектора БПЛА.

Список литературы

1. Правительство КНР. План инновационного применения авиационной техники общего назначения (2024–2030 гг.). URL: <https://www.gov.cn/zhence/zhengceku/202403/P02024038724691408759.pdf> (дата обращения: 24.11.2024).
2. Количество лицензий на пилотирование в Китае в 2014–2022 годах. URL: <https://www.statista.com/statistics/1005407/china-number-of-licensed-pilots/#statisticContainer> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Исследование «Регулирование применения БАС: опыт Китая». URL: https://aeronept.aero/press_room/analytics/142176 (дата обращения: 01.04.2026).
4. Яковлева А.В. Правовая база эксплуатации беспилотных летательных аппаратов и угрозы кибербезопасности (опыт Китая) // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 45–53.
5. 沈映春. 低空经济：“飞”出新赛道//财经视界.

УДК 34

Лойко А. И., *Минск*

АВТОНОМНЫЕ АГЕНТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Аннотация. Проведен анализ особенностей институциональной интеграции автономных агентов искусственного интеллекта в структуры современного общества с точки зрения перспектив институционализации их правового статуса в формате искусственной личности. Рассматривается мнение экспертов из различных сфер права.

Ключевые слова: автономные агенты, искусственный интеллект, институциональная среда, общество, право, искусственная личность.

Loiko A. I., *Minsk*

AUTONOMOUS ARTIFICIAL INTELLIGENCE AGENTS IN THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF SOCIETY: FEATURES OF THEIR LEGAL STATUS

Abstract. This article analyzes the institutional integration of autonomous artificial intelligence agents into modern societal structures from the perspective of the prospects for institutionalizing their legal status as artificial persons. The opinions of experts from various fields of law are considered.

Keywords: autonomous artificial intelligence agents, institutional environment of society, law, artificial person.

Разработчиками созданы автономные искусственные когнитивные системы, которые активно используются компаниями в качестве консультантов, помощников, администраторов. Поскольку агенты ИИ находятся в постоянном контакте с людьми, то для разработчиков стали актуальными задачи антропоморфизации агентов и выяснения зависимости между ростом их

автономности и их правовым положением. Это вопрос о самостоятельности программной части большой языковой модели, интегрированной с машинным обучением и хранилищами данных.

Пока разработки технологий искусственного интеллекта оперируют в описании вычислительного интеллекта антропологической категориальной семантикой. Каждый этап в развитии технологий ИИ попадает под критерии сравнения технологии с характеристиками сознания, мышления и естественного языка людей. С сознанием человека технология ИИ сопоставляется через набор ментальных характеристик чувственности и эмпатии. По подобию организации сознания человека организуются структуры программного обеспечения технологий ИИ. Акцент делается на использование фреймов и когнитивных карт, чтобы воспроизвести ментальные состояния человека.

Мышление человека в технологиях ИИ средствами математической логики редуцировано к вычислительной функции. При этом, когда делают сравнение мышления человека и вычислительного интеллекта говорят и пишут не о том, как эти процессы происходят, а о том, есть ли у этих процессов субъект и может ли обладать статусом субъекта агент ИИ и искусственная личность.

Но нахождение критического мышления аналитиков ИИ только в диапозоне антропологических сравнений не означает, что технологии ИИ являются антропоморфными только потому, что их создают люди. Одной из гарантий антропоморфной сущности технологий ИИ считается такое свойство сознания человека как интенция (направленность сознания человека на объект, формируемая спецификой природы человека). Но у компьютерных моделей не формируется интенция.

Вычислительный интеллект ограничен формальными схемами вычислений, которые в виде кодов пишутся программистами. Коды формировали модель жестких вычислений на четко фиксированной основе данных. Затем основа данных стала менее жесткой и трансформировалась в понятие контекста. Благодаря такой трансформации жесткая логика вычислений оказалась совмещенной с нежесткой базой данных в хранилищах и оперативной памяти. Важным условием вычислений стала достаточная для них база данных. Если вычисления не находят нужной им базы данных, то под давлением запроса они восполняют недостаток данных синтетическим контентом, который не использует антропологические параметры знаний и информации. В результате вычисления ИИ выходят за границы институциональной среды действия морали и права. Эта особенность вычислительного интеллекта подрывает его инвестиционную привлекательность, поскольку компании действуют в институциональном пространстве морали и права.

Чтобы спасти перспективу разработок в области вычислительного интеллекта создатели искусственных интеллектуальных систем стали искать способы совместимости вычислительного интеллекта с институциональной средой рыночной экономики и современного общества. Одним из решений стала онтологическая инженерия. Она разрабатывает вертикальные уровни

категориальных структур с тем, чтобы этими структурами мог пользоваться вычислительный интеллект для оперативного поиска необходимых для конкретного запроса пользователя данных и информации. Для этого у вычислительного интеллекта должен быть доступ ко всей имеющимся хранилищам данных. В противном случае онтология может оказаться не эффективной. При таком объеме вычислений компания должна обладать большими ресурсами вычислительных мощностей.

Еще одним способом нахождения вычислительного интеллекта в институциональной среде рыночной экономики и современного общества стал бенчмаркинг. В рамках этой методологии разрабатываются метрики, по которым тестируется вычислительный интеллект на формальное соответствие институциональной среде, в которой он используется.

Разработчики технологий вычислительного интеллекта с целью его антропологизации идут по пути перевода его жесткой математической логики в формат нежестких логик нейронных сетей с генеративными функциями. Это подобие головного мозга человека оборачивается непрозрачностью вычислений. Фактически разработчик знает только то, что происходит на входе нейронной сети и на ее выходе, но он не может описать с точностью, как нейронная сеть осуществляет вычисления. В результате зона риска возникает между зоной входа и зоной выхода результата. В данном случае перестает жестко работать даже параметр контекста, и вычислительный интеллект продуцирует синтетический контент. Он может быть адекватным, поставленной агенту ИИ задаче, например, на выходе заказчик может получить отчет, доклад, статью, дипломную работу, аналитический обзор. Но он может содержать признаки свойственных людям когнитивных искажений.

Если иметь в виду то, что в интернете существует большой спрос на фейки, то когнитивные искажения вычислительного интеллекта фактически могут рассматриваться как норма. Но обычно люди целенаправленно создают фейки, или создают их не специально, поскольку находятся во власти собственных когнитивных искажений и предвзятости. Но тогда люди и отвечают за эти особенности поведения. Люди (социальная инженерия) используют технологии вычислительного интеллекта для генерирования фейков, но за эти действия в современном обществе спрашивают с цифровых мошенников и разработчиков программного обеспечения (хакеров).

Получается, что вычислительный интеллект сохраняет нейтральный статус в институциональной среде современного общества и к нему не применимы категориальные структуры оценочных суждений, применяемых к людям. Но остается вопрос: «Будет ли вычислительный интеллект всегда нейтральным в институциональной среде общества, в которой он используется?». Поэтому эксперты обсуждают возможность правового субъектного статуса агентов ИИ [6]. Этот статус нужен для определения их меры ответственности за действия [4]. Для рассмотрения правового статуса агента ИИ,

его предлагается трактовать как электронное лицо [11]. Ставится также вопрос о разработке моделей надделения искусственного интеллекта правовой субъектным статусом [2].

Также формулируется вопрос, кто должен заниматься разработкой комплекса нормативных актов с учетом того, что в нормативной части права будет присутствовать нормативная часть технологической документации. В данном контексте возникает уголовно-правовая тематика [12]. Программная часть агентов ИИ уже присутствует в роботах, киборгах, генетически трансформированных индивидах с помощью коррекции чипов. Это разнообразие искусственных личностей предполагает правовой статус [9].

Поскольку разработчиками уже сформировано разнообразие автономных компьютерных программ, роботов и интеллектуальных систем, то для права актуальной стала тема надделения юнита искусственного интеллекта правовым статусом [5].

Правовой статус важен также и не для искусственных личностей, например, для беспилотного транспорта [3]. Также важными являются вопросы конфиденциальности [1]. Они возникают в формате совместного функционирования человека и машины [8].

При постоянно сближающемся формате взаимодействия в нормативном поле технологических и правовых норм актуальной становится тема поиска путей модернизации законотворчества [7] с учетом международного и национального права. Прикладные аспекты новой модификации философии права уже адаптированы к особенностям учебного процесса [10].

Список литературы

1. Ковалева Н. Н., Жирнова Н. А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 109–121.
2. Ладенков Н. Е. Модели надделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 16.
3. Лунев Д. О. Регламентация ответственности с участием беспилотного транспортного средства с элементами искусственного интеллекта: административно-правовые аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. Вып. 5–1 (92). С. 129–131.
4. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта и ответственность за их действия // Право и государство: теория и практика. 2017. № 11. С. 32.
5. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>
6. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 94–95.
7. Соколова А. А. Проблемы модернизации теории права в эпоху новейших технологий // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. Минск, 2025. Вып. 21. С. 120–127. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2025-21-120-127>
8. Соколова, А. А. Человек и машина: правовые аспекты взаимодействия // Российское право онлайн / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. 2021. № 4. С. 5–9.

9. Филипова И. А. Интеллектуальные роботы, киборги, генетически усовершенствованные индивиды, химеры: будущее и задачи права // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 4. С. 741–781.

10. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. 3-е изд., обновлен. и доп. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. 321 с.

11. Шигин М. Д., Иевлева М. М. Правовой статус электронного лица // Теория и практика современной науки. 2019. № 6 (48). С. 539–540.

12. ШUTOва А. А. Уголовно-правовая охрана создания и применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении : монография. М. : Проспект. 2025. 128 с.

УДК 340.11+342.5+004

Маковская П. Н., *Ростов-на-Дону*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ. ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ОПТИКУ ПРАВА

Аннотация. Рассматриваются с точки зрения права проблемы машинного обучения систем искусственного интеллекта, являющиеся в настоящее время важным фактором цифровой трансформации социальных институтов. Делается вывод о нецелесообразности использования автономного искусственного интеллекта в творческих задачах правового регулирования социальных институтов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальные институты, цифровая трансформация, государственно-правовая сфера, машинное обучение.

Makovskaya P. N., *Rostov-on-Don*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND SOCIAL INSTITUTIONS. A VIEW THROUGH THE OPTICS OF LAW

Abstract. the article is devoted to a legal perspective on the problems of machine learning in artificial intelligence systems, which are currently an important factor in the digital transformation of social institutions. The author concludes that it is not advisable to use autonomous artificial intelligence in creative tasks of legal regulation of social institutions.

Keywords: artificial intelligence, social institutions, digital transformation, public law, and machine learning.

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) во все области государственно-правовой сферы, в том числе, такие критичные, как регулирование социальных институтов, делает актуальным вопрос о моделях и алгоритмах машинного обучения систем ИИ, поскольку именно характер обучения во многом определяет качество работы систем ИИ в решении правовых задач.

Действующий государственный стандарт ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта» [1] предусматривает следующие основные алгоритмы машинного обучения:

– обучение с подкреплением (reinforcement learning) [1, п. 3.3.9], т. е. нахождение оптимальной последовательности действий для максимизации

поощрения системе ИИ через ее взаимодействие с окружением, откликом которого являются сигналы подкрепления;

- обучение с учителем, контролируемое обучение (supervised machine learning) [1, п. 3.3.12], т. е. машинное обучение, при котором в процессе обучения используются только размеченные данные;

- обучение без учителя, неконтролируемое обучение (unsupervised machine learning) [1, п. 3.3.17], т. е. машинное обучение, при котором в процессе обучения используются только неразмеченные данные.

Независимо от конкретного способа машинного обучения, непременной его особенностью является чрезвычайно большой объем обучающих данных [2, с. 60–74]. Можно сказать, что именно статистическая обработка информации является главной чертой обучения ИИ.

При этом максимизация объема обучающих данных порождает проблему, которая в предельно гипертрофированном виде применительно к обучению ИИ иногда формулируется так: что делать с обучением ИИ, когда обучающие данные в интернете закончатся? В качестве возможного решения для такой ситуации специалисты называют синтетический способ, при котором ИИ будут частично использовать для обучения собственные выходные данные (self-refine). В различных исследованиях, посвященных self-refine методологии обучения ИИ, говорится о об улучшении качества выходных данных ИИ после применения такой итерационной процедуры на несколько десятков процентов.

Анализ показывает, что метод самообучения систем ИИ на основе итерационного алгоритма, имеет ряд весьма серьезных недостатков и ограничений.

Во-первых, система ИИ по естественным причинам не может достаточно объективно оценивать качество своего первоначального ответа, что может привести к накоплению ошибок и ухудшения точности после нескольких итераций. Надо заметить, что проблема размножения ошибок (вместо их исправления) при превышении шумовым сигналом некоторого порогового уровня, вообще является общей для цифровых систем обработки информации. Специфическая проблема снижения точности при выполнении итерационных процедур в процессе обучения ИИ получила название само-предвзятости (self-bias).

Во-вторых, по мере увеличения количества итераций самокоррекции, если при этом не происходит размножения ошибок, система ИИ становится более «самоуверенной» в своих ответах, даже если фактически они не становятся более точными.

Можно также провести аналогию между итерациями самокоррекции систем ИИ и хорошо известным в психологии явлением рефлексий человека [3, с. 94–99], которое традиционно понимается как способность «мыслить о наших мыслях» и противопоставляется ощущениям и чувственному восприятию человека [4, с. 50–63].

Противопоставление первичного, чувственного знания и вторичного, рационального знания было закреплено в учении английского философа XVII в. Джона Локка, который в связи с этим различал два вида опыта: внешний, т. е. чувственный и внутренний, т. е. рефлексивный. Джон Локк в своем основном философском сочинении «Опыт о человеческом разумении», излагающем систему его эмпирической эпистемологии, писал, что все идеи приходят от ощущения или рефлексии, а наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления.

Следует отметить: постулаты Локка о том, что ум рожденного человека представляет собой *tabula rasa* (т. е. «чистую доску»), а люди рождаются без врожденных идей, вполне соответствуют гносеологии ИИ, который к моменту начала его обучения, т. е. «постижения» мира, действительно представляет из себя практически *tabula rasa*. Аналогичного гносеологического тезиса о том, что человеческий индивид появляется на свет как «чистая доска», т. е. без встроенного умственного содержания, придерживались такие философы, как Авиценна и Фома Аквинский.

Вместе с тем более тонкий философский анализ показывает, что даже если данные, содержащиеся в ИИ, действительно представляют из себя пустое множество, онтология такого ИИ все же не соответствует истинному духу *tabula rasa*, поскольку даже до начала обучения у ИИ уже имеется встроенная предвзятость, детерминированная встроенными алгоритмами машинного обучения [1, п. 3.3.6] и моделями машинного обучения [1, п. 3.3.8].

Таким образом, мы должны отметить, что несмотря на технологические усовершенствования, онтология даже «пустого» ИИ отличается от «человеческой», которая является естественной для биологической природы.

Вернемся к существу итерационной методологии *self-refine* обучения ИИ. Исследователи отмечают, что эту методологию во многом можно описать «теорией двух систем» человеческой гносеологии [5, с. 1449–1475], в соответствии с которой человеческое познание осуществляется при взаимодействии двух виртуальных систем в мозге человека: при этом Система 1 работает быстро, автоматически и интуитивно, позволяя принимать решения с минимальными усилиями, а Система 2 работает медленнее, но более осознанно и аналитично.

Следует отметить сложности с оценкой эффективности от применения методологии *self-refine* по отношению к тем задачам, где «правильный» ответ заранее не определен.

Для четких формальных задач с заранее известным правильным ответом эффективность от применения любой технологии оптимизации работы системы ИИ, в том числе методологии *self-refine*, может быть оценена как отношение вероятности достижения правильного ответа (за некоторое число попыток) до и после усовершенствования.

Эквивалентно этому, эффективность модификации способа обучения системы ИИ может быть рассчитана также как процент снижения среднего времени достижения правильного ответа в однотипных задачах с заранее известным верным решением.

Для тех задач, где «правильный» ответ не известен (а иногда может вообще не существовать), оценка приращения эффективности системы ИИ от модификации методологии ее обучения представляет собой сложную проблему. При этом нужно особо подчеркнуть, что, например, в сфере правоприменения именно такие задачи, содержащие трудноформализуемые параметры (делающими неочевидным и дискуссионным предлагаемое решение как верное), и составляют большинство прикладных задач.

К факторам, делающим «правильный» ответ в правоприменении вероятностным и нечетким, следует отнести определенную эластичность «писаного» права, связанную как с наличием в праве оценочных неформализуемых понятий типа «добросовестность», «должная осмотрительность», «уважительные причины», «разумность» [6, с. 116–124] и множества других, так и с необходимостью герменевтического прочтения правовых установок в контекстном применении к конкретной правовой ситуации [7, с. 481–484].

Оценочные понятия дают возможность при правоприменении осуществлять свободную оценку фактов, учитывать индивидуально-специфические особенности конкретного случая, что позволяет обеспечивать единообразное понимание права за счет придания ему последовательности и завершенности [8, с. 59–62].

Как отмечается в работе [9, с. 29–38], «оценочные понятия права – это детально не разъясняемые законодателем и обобщающие в себе наиболее общие типичные признаки определенных правозначимых явлений понятия права, конкретизация которых осуществляется путем оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения».

Следовательно, как для понимания и применения оценочных понятий права, так и для прорыва через «герменевтический круг, в котором норма является частью, а контекст нормы (принципы отрасли) целым» [7, с. 481–484], правоприменительно требуется выход за рамки частнонаучной юридической специфики, что является практически нереализуемым для ИИ, поскольку его обучение закликивается в рамках узкоспециализированных обучающих данных.

При обсуждении проблематики ИИ практически классическими стали споры относительного того, обладает ли ИИ сознанием и, исходя из этого, правосубъектностью. Некоторыми исследователями даже допускается, что наличие правосубъектности у ИИ позволит ему выступать в качестве автономного актора в процессах цифровой трансформации государственно-правовой сферы.

С учетом факторов, описанных выше (в том числе, неэффективности методологии self-refine применительно к творческим юридическим задачам), и исходя их практической направленности, представляется, что закрепление за ИИ качества самостоятельного актора является неразумным.

В исследовании [10, с. 11–21] отмечаются три причины, по которым целесообразно отказаться (если бы даже такая возможность была) от субъектности и полной автономности ИИ. Первая причина состоит в том, что в субъектности ИИ нет функциональной необходимости. Вторая причина состоит в том, что у ИИ, обладающего субъектностью, возможно наличие потребностей, которые будут входить в конфликт с человеческими потребностями. Третья причина состоит в необходимости сохранения за человеком ведущей роли в цивилизации как инициатора (актора) всех значимых процессов познания мира.

Таким образом, следует сделать вывод, что ИИ может использоваться исключительно как неавтономный помощник человека применительно к творческим и нестандартным задачам правового регулирования социальных институтов.

Список литературы

1. ГОСТ Р 71476-2024. Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта.
2. Кузьминов Ш. Ф., Кузьмин Г. Н. Классы больших данных и их применимость для задач стратегического анализа // Искусственный интеллект и принятие решений. 2025. № 3. С. 60–74.
3. Ескина С. А. Онтологические интенции понимания рефлексии в классической философии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 94–99.
4. Беляков М. А. К поискам общего основания многообразия подходов к изучению рефлексии в психологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. № 2. С. 50–63.
5. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review. 2003. N 5. P. 1449–1475.
6. Еснева Ф. К., Газзаева М. Т. Оценочные категории в гражданском праве // Вопросы российского и международного права. 2022. № 2А. С. 116–124.
7. Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481–484.
8. Белоусова К. А., Беляева Г. С., Умарова М. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8. С. 59–62.
9. Игнатенко В. В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой подход // Философия права. 2025. № 2. С. 29–38.
10. Грибков А. А. Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений // Философская мысль. 2024. № 5. С. 11–21.

УДК 347.9

Пухнарович А. С., Жук М. Г., Гродно

СУД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Рассматривается проблема трансформации суда как социального института в условиях внедрения информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта. На материалах уголовного судопроизводства Республики Беларусь анализируется современное состояние цифровизации: использование аудио– и видеозаписи, видео-конференц-связи и веб-конференций. Выявляются преимущества данных инструментов для оптимизации процессов, сокращения сроков и обеспечения безопасности участников. Обосновывается необходимость совершенствования нормативного регулирования для определения допустимых границ автоматизации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, искусственный интеллект, видео-конференц-связь, информационная безопасность.

Pukhnarevich A. S., Zhuk M. G., Grodno

THE COURT AS A SOCIAL INSTITUTION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CHALLENGES OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. this article examines the transformation of the court as a social institution in the context of the introduction of information and communication technologies and artificial intelligence. Using criminal proceedings in the Republic of Belarus as a case study, the current state of digitalization is analyzed, including the use of audio and video recording, videoconferencing, and web conferencing. The advantages of these tools for streamlining processes, reducing timeframes, and ensuring the safety of participants are identified. The need to improve regulatory frameworks to define the permissible boundaries of automation is substantiated.

Keywords: criminal proceedings, digitalization, artificial intelligence, videoconferencing, information security.

Динамичное совершенствование информационно-коммуникационных технологий в современном мире затронуло практически все общественные институты, и правовая сфера не стала исключением. Важнейшим вектором цифровой модернизации права является интеграция алгоритмов искусственного интеллекта в работу юридических служб и систему судопроизводства. Внедрение искусственного интеллекта создает значительный потенциал для оптимизации судебных процедур: автоматизируется рутинная работа, ускоряется обработка массивов данных и обеспечивается единообразие судебной практики. Однако насыщение судебной системы интеллектуальными технологиями актуализирует ряд дискуссионных проблем, касающихся соблюдения процессуальных прав, сохранения фундаментальных принципов правосудия и установления границ автоматизированного правоприменения [1, с. 57].

В этом контексте суд как социальный институт претерпевает существенную трансформацию: из исключительно «очного» органа публичной власти

он постепенно превращается в гибридную систему, сочетающую традиционные формы судопроизводства с цифровыми инструментами. Такая эволюция требует переосмысления не только технических, но и социологических, философско-правовых основ правосудия, поскольку меняются способы коммуникации между участниками процесса, формы восприятия доказательств и даже представления о справедливости.

Актуальные задачи по повышению результативности правосудия требуют внедрения передовых технических решений, в частности – искусственного интеллекта. Применение искусственного интеллекта способствует сокращению временных затрат на рассмотрение дел, автоматизации типовых операций и глубокому анализу нормативной базы. Тем не менее, цифровизация и автоматизация юридических процессов, при всей своей очевидной полезности, сопряжены с комплексом сложностей организационного, этического и правового характера.

Особую озабоченность вызывает риск «дегуманизации» правосудия: когда алгоритмы начинают играть доминирующую роль в принятии решений, возникает угроза утраты человеческого измерения справедливости, которое традиционно обеспечивается судьей как носителем не только правовых знаний, но и морально-этических ценностей, эмпатии и способности к ситуативному анализу. Поэтому ключевой задачей современного законодателя становится поиск баланса между технологической эффективностью и сохранением гуманитарной сущности судебной власти.

Эффективность деятельности судебной системы традиционно считается одним из основополагающих критериев оценки качества правосудия. Не вызывает сомнений, что использование технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве способно оптимизировать аналитическую работу судьи, а также реализовать принцип процессуальной экономии. Подобный подход позволит уменьшить сроки разрешения споров и снять с судьи нагрузку, связанную с выполнением рутинных обязанностей.

В научной среде принято выделять две категории искусственного интеллекта: слабый и сильный.

На современном этапе информатизации судебной системы Республики Беларусь применяются элементы слабого искусственного интеллекта. Он выступает исключительно в роли инструмента для решения задач узкоспециализированного характера. Под данным понятием обычно подразумевается программное обеспечение, функционирующее согласно заранее заданным алгоритмам. Универсальный сильный искусственный интеллект, существующий в виде эрудированной и разумной нейронной сети, над созданием которой работает мировое сообщество, в перспективе сможет, подобно человеку, решать разноплановые задачи, мыслить, взаимодействовать с окружением, адаптироваться к переменам, а также создавать новые объекты. В Республике Беларусь на практике применяются следующие цифровые инструменты, основанные на элементах искусственного интеллекта:

1) система автоматической транскрибации судебных заседаний – программное обеспечение, преобразующее аудиозапись заседания в текстовый протокол с использованием распознавания речи (нейросетевые алгоритмы);

2) модуль поиска судебных решений в электронной базе данных «ЭТАЛОН», использующий семантический анализ для выявления прецедентов по ключевым словам и правовым нормам;

3) система «Электронное судопроизводство», автоматизирующая распределение дел между судьями с учетом их специализации и загруженности;

4) алгоритмы анализа криминалистических данных в Государственном комитете судебных экспертиз, применяющие методы машинного обучения для идентификации отпечатков пальцев, ДНК-профилей и цифровых следов.

При этом важно подчеркнуть, что даже «слабый» искусственный интеллект, несмотря на свою узкую специализацию, способен оказывать существенное влияние на исход судебных дел. Например, системы прогнозирования судебных решений, основанные на анализе больших данных, могут неявно формировать ожидания сторон и влиять на стратегию защиты или обвинения. В связи с этим возникает необходимость в разработке методологических стандартов верификации таких систем, чтобы исключить риск «самоисполняющихся прогнозов», когда алгоритмическая рекомендация воспринимается как неизбежный исход дела. Наглядным примером служит использование алгоритмов анализа рисков при определении меры пресечения. В ряде стран системы ИИ оценивают вероятность побега или продолжения преступной деятельности на основе статистических данных. Хотя в Республике Беларусь подобные системы пока не внедрены в массовую практику, пилотные проекты в отдельных судах показывают, что алгоритмическая оценка может дополнять, но не заменять человеческое решение судьи, который учитывает индивидуальные обстоятельства дела.

Вместе с тем применение технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве может быть признано социально оправданным только при условии достижения полной и своевременной защиты прав, свобод и законных интересов. Это должно происходить при минимальных затратах времени, исключении судебных ошибок, снижении судебных расходов, обеспечении защиты персональных данных участников процесса и других важных условий.

Дополнительным критерием социальной оправданности цифровизации является обеспечение равного доступа к правосудию для всех категорий граждан, включая лиц с ограниченными возможностями, жителей удаленных регионов и социально уязвимые группы. Технологические решения должны не создавать новые барьеры, а, напротив, устранять существующие препятствия для реализации права на судебную защиту.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью повседневности, и их использование активно расширяется в

сфере уголовного судопроизводства. Интересно, что законодатель предусматривал применение видеофиксации еще до того, как это было систематизировано нормативно. В частности, нормы о мерах безопасности позволяли проводить допросы или иные следственные действия так, чтобы защищаемое лицо не было видно другим участникам (ч. 2 ст. 67, ч. 3 ст. 68 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [5] (далее – УПК Республики Беларусь)). Аналогично, процедура предъявления для опознания могла быть организована без визуального контакта опознаваемого с опознающим (ч. 10 ст. 224 УПК Республики Беларусь). Тем не менее на практике эти механизмы применялись редко.

Это свидетельствует о том, что наличие правовой нормы само по себе недостаточно для ее эффективной реализации: необходимы соответствующая инфраструктура, подготовка кадров и изменение правоприменительной культуры. Именно поэтому современные реформы цифровизации должны сопровождаться комплексными программами повышения квалификации судей, прокуроров, адвокатов и иных участников процесса.

На современном этапе ключевыми векторами цифровизации стали аудио- и видеозапись, а также использование видео-конференц-связи в залах судебных заседаний.

Согласно ст. 308 УПК Республики Беларусь, основным способом фиксации судебного разбирательства теперь является звуко- и видеозапись, дополняемая кратким протоколом. Такой подход обеспечивает максимально полное отражение процесса, минимизируя риски неточностей и противоречий, свойственных традиционному ведению протокола. Кроме того, участники процесса имеют право запросить копию записи заседания на свой электронный носитель (ст. 309 УПК Республики Беларусь).

Важно отметить, что видеозапись судебного заседания выполняет не только фиксационную, но и контрольную функцию: она позволяет вышестоящим инстанциям объективно оценить соблюдение процессуальных норм, поведение участников и атмосферу заседания. Это особенно значимо при рассмотрении жалоб на действия председательствующего судьи или при оценке допустимости тех или иных доказательств.

Подобная фиксация, безусловно, усиливает гарантии прав участников, однако имеет и обратную сторону: изучение многочасовых или многодневных записей требует значительно больше времени, чем работа с бумажным протоколом. В связи с этим представляется перспективным внедрение инструментов искусственного интеллекта для автоматической транскрибации записей в текстовый формат.

Однако при использовании автоматической транскрибации необходимо учитывать специфику юридической терминологии, региональные особенности речи, эмоциональную окраску высказываний и иные факторы, которые могут исказить смысл сказанного. Поэтому любой алгоритм транскрибации

должен проходить обязательную верификацию человеком – секретарем заседания или помощником судьи – перед приобщением к материалам дела.

Законодательство также допускает использование аудио– и видеоматериалов при рассмотрении дела в апелляционной инстанции (ч. 11 ст. 385 УПК Республики Беларусь).

Важным изменением стало принятие Закона Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З [2]. В частности, звуко- и видеозапись показаний была признана самостоятельным источником доказательств (ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь). Ранее протоколы допросов к источникам доказательств не относились (ст. 99 УПК Республики Беларусь). Однако, руководствуясь принципом непосредственности (ст. 286 УПК Республики Беларусь), который ставит в приоритет первоначальные доказательства, следует понимать, что запись не подменяет собой личные показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

Этот тезис имеет фундаментальное значение: цифровая фиксация является вспомогательным, а не заменяющим инструментом. Принцип непосредственности требует, чтобы суд, по возможности, воспринимал доказательства в их первоначальном виде, оценивая не только содержание, но и манеру речи, эмоциональное состояние, невербальные сигналы говорящего – то, что зачастую теряется при воспроизведении записи.

Развитие информационно-коммуникационных технологий также проявилось в возможности воспроизведения записей показаний несовершеннолетних. Согласно ч. 1 ст. 333 УПК Республики Беларусь, если потерпевший или свидетель моложе 14 лет и их показания зафиксированы на видео или аудио, в суде может быть продемонстрирована эта запись. Вместе с тем данное право не должно служить препятствием для непосредственного допроса таких лиц в зале суда, если возникают спорные обстоятельства.

Особую актуальность этот вопрос приобретает в делах о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, где повторный допрос может нанести дополнительную психологическую травму. В таких случаях видеозапись первого допроса, проведенного с участием психолога и в специально оборудованном помещении, может стать основным источником доказательств, минимизируя вторичную виктимизацию.

Закономерным шагом в модернизации правового регулирования информатизации уголовного судопроизводства стало принятие Закона Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З [3]. Данный нормативный акт узаконил использование систем видеоконференцсвязи, а впоследствии, с 2021 г., и веб-конференций. Эти технологии нашли применение при проведении следственных действий (допрос, очная ставка, опознание) на стадии предварительного расследования (ст. 224¹ УПК Республики Беларусь), а также в ходе судебного разбирательства (ст. 343¹ УПК Республики Беларусь).

В техническом плане законодатель ограничился общим требованием: изображение и звук должны передаваться надлежащего качества. Конкретные технические стандарты на данный момент не прописаны и формируются правоприменительной практикой. При этом критически важным аспектом остается обеспечение защиты передаваемых данных.

Отсутствие детализированных технических регламентов создает риски неравенства участников процесса: в зависимости от качества оборудования в разных регионах или учреждениях один и тот же участник может быть слышен и виден с разной степенью отчетливости, что потенциально влияет на восприятие его показаний судом. Поэтому целесообразно разработать единые минимальные технические стандарты для проведения сеансов видеоконференцсвязи в рамках уголовного судопроизводства.

Использование видеоконференцсвязи в суде для допроса или опознания допустимо при наличии следующих оснований:

- невозможность явки участника процесса по уважительным причинам (в том числе по состоянию здоровья);
- необходимость обеспечения безопасности лиц, участвующих в процессе (гл. 8 УПК Республики Беларусь);
- участие в процессе несовершеннолетних;
- потребность в оперативном, полном и объективном исследовании материалов дела.

Применение «телемостов» позитивно влияет на принцип непосредственности, когда физическое присутствие в зале затруднено. Это позволяет сторонам задавать вопросы и оспаривать показания в реальном времени, что невозможно при простом оглашении протоколов или просмотре записей. Процедура регулируется общими правилами допроса и опознания с учетом специфики ст. 343¹ УПК Республики Беларусь. Обязательным условием является присутствие секретаря судебного заседания в помещении, где находится удаленный участник.

Однако даже при соблюдении всех процессуальных формальностей дистанционный формат не может полностью воспроизвести атмосферу очного заседания: невербальная коммуникация, возможность мгновенного реагирования на реплики, совместный осмотр вещественных доказательств – все это остается затрудненным. Поэтому суду следует каждый раз мотивированно обосновывать выбор дистанционной формы, взвешивая преимущества процессуальной экономии и риски для полноты исследования обстоятельств дела.

Технологии видеоконференцсвязи активно используются и в апелляционной инстанции. Согласно ч. 9 ст. 385 УПК Республики Беларусь, участие различных участников процесса (обвиняемых, свидетелей, экспертов и др.) и исследование доказательств могут осуществляться дистанционно. Это существенно оптимизирует судебные расходы и сокращает сроки производства, исключая необходимость этапирования обвиняемых. Кроме того, становится

возможным допрос свидетелей из других регионов или государств, что ранее было затруднительно.

Важным преимуществом является повышение уровня безопасности. Дистанционный формат исключает прямой визуальный контакт, что актуально при угрозе участникам процесса (ч. 1 ст. 65 УПК Республики Беларусь). В отношении несовершеннолетних использование видеоконференцсвязи в специально оборудованных «дружественных комнатах» минимизирует психологическую травму от участия в следственных действиях (п. 3 ч. 1 ст. 224¹ УПК Республики Беларусь). Таким образом, цифровизация способствует процессуальной экономии и защите прав граждан, однако требует дальнейшего технического развития.

При этом важно, чтобы «дружественные комнаты» оснащались не только технически, но и психологически: интерьер, освещение, расположение камер должны создавать максимально комфортную обстановку для ребенка. Целесообразно привлекать детских психологов к разработке стандартов таких помещений и к проведению самих сеансов видеосвязи.

Вместе с тем практика выявляет ряд нерешенных вопросов. Главный из них: в какой мере видеосвязь может заменить личное присутствие? Судебный процесс подразумевает не только аудио– и видеообмен, но и работу с документами, осмотр вещественных доказательств (ст. 337 УПК Республики Беларусь), использование заметок (ст. 331 УПК Республики Беларусь), что технически сложно реализовать удаленно.

Дополнительную сложность представляет обеспечение права на защиту: адвокат, находящийся в зале суда, может испытывать трудности с конфиденциальным обсуждением позиции с подзащитным, подключенным дистанционно. Для решения этой проблемы целесообразно предусмотреть возможность организации защищенных каналов связи «адвокат–подзащитный» в рамках сеанса видеоконференции, аналогично тому, как это реализовано в некоторых юрисдикциях Европейского союза.

Законодательство не регламентирует местонахождение сопутствующих лиц (педагога, психолога, переводчика, адвоката) при проведении сеанса видеоконференцсвязи. Особую озабоченность вызывает вопрос конфиденциальности: как обеспечить приватное общение обвиняемого с защитником, если последний находится в зале суда, а подзащитный – на удаленной связи?

Для минимизации рисков цифровизации необходим системный анализ правоприменительной практики. Это позволит разработать программное обеспечение и нормативные условия, отвечающие современным реалиям. Внедрение ИТ-технологий не должно угрожать правам человека; напротив, оно призвано облегчить установление истины по делу. В перспективе цифровые инструменты должны способствовать более полной реализации прав участников процесса, чем упрощенные процедуры. Ключевым условием успеха станет тщательная судебная оценка электронных доказательств на предмет их достоверности, целостности и допустимости.

В этой связи актуальной задачей является разработка методических рекомендаций для судей по оценке электронных доказательств, включая критерии проверки их аутентичности, установления цепочки хранения данных и выявления признаков монтажа или несанкционированного доступа. Такие рекомендации могли бы быть подготовлены Верховным Судом Республики Беларусь совместно с Национальным центром правовой информации.

Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему, являясь частью общей цифровизации общества, порождает ряд юридических и этических дилемм. Исследователь А. Г. Шахназарова справедливо отмечает, что масштабное использование искусственного интеллекта в правосудии несет риски, связанные с утечкой персональных данных и алгоритмической предвзятостью [6, с. 19].

К числу этических дилемм также относится вопрос ответственности за ошибки алгоритма: если система искусственного интеллекта предоставила судье некорректную аналитическую справку, повлекшую судебную ошибку, кто несет ответственность – разработчик программного обеспечения, оператор системы или судья, принявший решение на основе этих данных? Отсутствие четкого регулирования этого аспекта создает правовую неопределенность и может подрывать доверие к судебной системе.

Ключевым аспектом безопасности является защита конфиденциальной информации. Алгоритмы обрабатывают огромные объемы чувствительных данных участников процессов, поэтому необходима разработка robust-механизмов, гарантирующих их сохранность и целостность. Не менее важна проблема предвзятости алгоритмов: для ее решения требуются прозрачность работы искусственного интеллекта, механизмы подотчетности и системы выявления ошибок. В Республике Беларусь защита конфиденциальной информации регулируется комплексом законодательных актов. Основным документом является Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», который определяет персональные данные как «любую информацию, относящуюся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано» (ст. 1). Статья 4 Закона устанавливает общие требования к обработке персональных данных: содержание и объем данных должны соответствовать заявленным целям, данные не должны быть избыточными, а их обработка должна обеспечивать конфиденциальность и защиту от неправомерного доступа [4].

Особую актуальность приобретает вопрос «объяснимости» алгоритмических решений: если искусственный интеллект используется для оценки вероятности рецидива или анализа доказательств, суд и стороны должны иметь возможность понять, на основании каких данных и логики был сделан тот или иной вывод. Принцип «черного ящика» недопустим в правосудии, где каждое решение должно быть мотивированным и поддающимся проверке.

Баланс между эффективностью правосудия и защитой прав граждан возможен лишь при выработке комплексных норм. Необходимо создать надежные системы инфобезопасности, а также ввести стандарты тестирования алгоритмов на предмет дискриминации.

Целесообразно предусмотреть обязательную независимую аудиторию алгоритмов, используемых в судопроизводстве, с участием не только технических специалистов, но и правоведов, социологов и представителей гражданского общества. Такой междисциплинарный подход позволит выявить скрытые риски и обеспечить соответствие технологий демократическим ценностям.

Ситуация с цифровизацией правосудия в Беларуси неоднородна. Если системы электронного документооборота, видео-конференц-связи и онлайн-сервисы (например, «Электронное судопроизводство» на портале судов общей юрисдикции) развиты хорошо, то применение искусственного интеллекта носит пока что точечный, пилотный характер.

Тем не менее, даже пилотные проекты требуют тщательного мониторинга и оценки. Представляется полезным создать межведомственную рабочую группу по анализу результатов внедрения ИИ-инструментов в судопроизводство, которая могла бы обобщать практику, выявлять проблемные зоны и формулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Использование искусственного интеллекта обещает повышение скорости и точности решений, а также разгрузку судей. Однако это создает опасность чрезмерного доверия к алгоритмам и потенциальных ошибок. Учитывая объем накопленных данных, внедрение искусственного интеллекта для предсказания исходов дел и анализа практики становится необходимостью.

При этом важно подчеркнуть, что искусственный интеллект должен оставаться инструментом поддержки принятия решений, а не их замены. Окончательное решение по делу, особенно в уголовном процессе, где на кону стоят свобода и репутация человека, должно приниматься человеком – судьей, несущим персональную ответственность за свой вердикт.

Для дальнейшего развития требуется адекватное правовое регулирование. В процессуальном законодательстве следует четко прописать границы применения искусственного интеллекта. На наш взгляд, законодательно стоит разрешить использование интеллектуальных систем для изучения материалов дела, поиска прецедентов и подготовки проектов процессуальных документов.

Кроме того, целесообразно закрепить запрет на использование искусственного интеллекта для вынесения приговоров, оценки достоверности показаний и определения меры наказания – тех сфер, где необходим человеческий фактор, моральная оценка и учет индивидуальных обстоятельств. Такой «красный черта» поможет сохранить гуманистическую сущность правосудия в эпоху цифровой трансформации.

В заключение следует отметить, что цифровизация уголовного судопроизводства — это необратимый и в целом позитивный процесс, однако его успешная реализация зависит от сбалансированного подхода, учитывающего как технологические возможности, так и фундаментальные ценности правового государства. Суд как социальный институт должен не просто адаптироваться к новым условиям, но и активно формировать правовые рамки цифрового будущего, обеспечивая, чтобы технологии служили человеку, а не подменяли его.

Список литературы

1. Лаптев В. А. Искусственный интеллект в судопроизводстве: проблемы и перспективы // Российское правосудие. 2022. № 8. С. 56–63.
2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : закон Республики Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 85-З. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H12100085> (дата обращения: 17.03.2026).
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : принят Палатой представителей 18 декабря 2015 г. : закон Республики Беларусь от 5 янв. 2016 г. № 356-З. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11600356> (дата обращения: 17.03.2026).
4. О защите персональных данных : принят Палатой представителей 2 апреля 2021 г. : закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099> (дата обращения: 17.03.2026).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Шахназарова, А. Г. Искусственный интеллект в судебной системе: возможности и ограничения // Научные исследования юридических технологий. 2022. № 3. С. 14–21.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

УДК 340

Белхароев Х. У., *Санкт-Петербург*

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются проблемы влияния продовольственной безопасности России на демографическую стабильность. Отмечено, что продовольственная независимость определяется исходя из параметров состояния внутреннего продовольственного рынка, его защищенности от угроз, влияющих на состояние порога безопасности. Исследованы различные подходы к решению проблем репродуктивной безопасности. Раскрыто, что продовольственная сфера – это основной компонент социальной стабильности и демографического роста в обществе. Рассмотрены основы государственной политики в демографической сфере: указы Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Выявлено, что угрозами демографического характера являются старение населения, деградация института семейных ценностей, наличие в стране международных организаций из недружественных России государств, специализирующихся на регулировании рождаемости и численности населения. Рекомендовано в кратчайшие сроки принять Федеральный закон «О продовольственной безопасности Российской Федерации», который поспособствует созданию новых рабочих мест в сельской местности и повышению рождаемости.

Ключевые слова: демография, безопасность, право, сельские поселения, миграционные потоки, инфраструктура.

Khadzhimurad U. B., *Saint Petersburg*

FOOD SECURITY AS THE MAIN FACTOR OF DEMOGRAPHIC STABILITY IN RUSSIA

Abstract. the article discusses the problems of the impact of Russia's food security on demographic stability. It is noted that food independence is determined based on the parameters of the state of the domestic food market, its protection from threats affecting the state of the security threshold. Various approaches to solving reproductive safety problems have been investigated. It is revealed that the food sector is the main component of social stability and demographic growth in society. The fundamentals of state policy in the demographic sphere, the decrees of the President of the Russian Federation «On the National Security Strategy of the Russian Federation» and on the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation have been studied. It is shown that food security is a key

factor in the formation of a stable demographic situation in the country. It has been revealed that demographic threats include the aging of the population, the degradation of the institution of family values, and the presence in the country of international organizations from countries unfriendly to Russia specializing in birth control and population size. Recommended: to adopt the Federal Law "On Food Security of the Russian Federation" as soon as possible, which will contribute to the creation of new jobs in rural areas and increase the birth rate.

Keywords: demography, security, law, rural settlements, migration flows, infrastructure.

Продовольственная безопасность, это ключевой фактор формирования стабильной демографической обстановки в стране. Физическая и экономическая доступность продовольственных ресурсов, способствуют повышению уровня жизни, социально-экономическому благополучию граждан страны. Стабильное развитие государства, зависит от численности населения, его репродуктивности, которая является фундаментом демографической безопасности.

К. В. Климов, М. В. Филатова отмечают, что «в течение последних двадцати лет произошли коренные сдвиги в демографической структуре России, негативно сказавшиеся на ее агропромышленном потенциале» [3, с. 54].

Основная цель государственной политики в демографической сфере, это поддержание семейных ценностей, традиционного образа жизни, направленная на поддержание баланса рождаемости.

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечено, что «принимаются комплексные меры, направленные на преодоление негативных демографических тенденций и решение системных проблем в области здравоохранения, на снижение уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов, на улучшение состояния окружающей среды (пункт 14)» [6].

При этом основными угрозами демографического характера, являются старение населения, деградация института семейных ценностей, наличие в стране международных организаций из недружественных России государств, специализирующихся на регулировании рождаемости и численности населения. В цепочке угроз демографического фактора, особо выделяются, не контролируемые миграционные потоки, которые в своей основе способствуют снижению коренного населения в общем балансе численности. Демографическая безопасность, это приоритетная проблема современности, которая в основном касается экономически развитых стран, так как внешние потоки перемещающихся граждан, целенаправленно направлены на благополучные страны.

А. М. Холдоенко отмечает, что «демографическая безопасность страны является сложной категорией, ее достижение зависит от значительного числа факторов, и выходят на первый план в реализуемой государственной политике, при ее обосновании целесообразно рассматривать процессы и мероприятия с учетом требований продовольственной безопасности» [11, с. 45].

Неспособность государственных образований, своевременно обнаружить и отреагировать на негативные факторы в демографической сфере, взаимосвязаны с внутренними факторами экономического характера. Базовыми

среди них, являются проблемы, связанные с обеспечением доступа населения к доброкачественному, сбалансированному питанию. Улучшение параметров рождаемости, это основная задача органов государственной власти и гражданского общества, которая требует формирования условий для поддержания здорового образа жизни, организация спортивного досуга и активного отдыха на круглогодичной основе.

В. И. Староверов и М. Л. Варганова отмечают, что «эти и другие факты свидетельствуют, что проблематика национальной продовольственной безопасности сегодня не только не теряет свою актуальность, но приобретает еще большую злободневность. Особенно в свете политики обеспечения устойчивого демографического роста коренного российского населения» [8, с. 2859].

Продовольственная безопасность определяется исходя из параметров состояния внутреннего продовольственного рынка, его защищенности от угроз, влияющих на состояние порога самодостаточности. Продовольственная сфера отражает уровень развития агропромышленного комплекса, при этом региональный аспект имеет, первостепенное значение, независимо от территориальных особенностей, географического положения, сформировавшегося уровня социально-экономического благополучия граждан региона. На уровне российских регионов продовольственная независимость рассматривается как основа национальной безопасности страны, от самодостаточности которой, зависят иные сферы безопасности, составляющие комплексную структуру государственного суверенитета России.

Т. А. Корчагина отмечает, что «продовольственная безопасность играет важную роль в обеспечении демографической стабильности страны, этот фактор имеет прямое влияние на жизнь населения и способность государства обеспечивать его базовые потребности» [4, с. 71].

В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации определено, что «продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения (пункт 6)» [5].

Периодически возникающие проблемы в сфере обеспечения продовольственной самодостаточности, в условиях глобализации, имеют непредсказуемые последствия. Деиндустриализация, миграция сельского населения, отсутствие в достаточном объеме отечественных технологий, техники, технических средств, семенного материала, отражается на производственном цикле в аграрной сфере, что в свою очередь оказывает негативное влияние на демографической стабильности в обществе. Голод, недоедание, неполноцен-

ное питание, создают угрозы внутренней стабильности государства, эти факторы оказывают отрицательное влияние на здоровье населения, особенно подрастающего поколения. Недостаток питательных веществ, способствует формированию слабо развитого, истощенного в физическом смысле общества, этот процесс отражается на беременных женщинах, росте детской смертности.

Л. Н. Липатова отмечает, что «естественное движение населения в сельской местности страны вызывает довольно быстрое сокращение его численности, усугубляет ситуацию и деформирует возрастную структуру. Отток сельских жителей в города, во многом вызванный неудовлетворенностью людей всеми аспектами труда в сельской местности, в наибольшей степени влияет на миграционные установки молодежи» [10, с. 31].

Аграрная сфера имеет отраслевые приоритеты, которые взаимосвязаны между собой, они способствуют развитию пищевой и перерабатывающей промышленности, В экономическом развитии, отраслей народного хозяйства, приоритетное внимание уделяется, вопросам конкурентоспособности товаров и услуг. Качество производимой сельхозтоваропроизводителями продукции, определяют параметры импортозамещения, способствуют росту экспортного потенциала. Существующие отраслевые показатели, целевые индикаторы, в условиях долгосрочных ограничительных мер, имеют основу сбалансированного развития аграрной сферы, они становятся основными факторами реализации национальных приоритетов, определенных в государственной политике импортозамещения.

И. Г. Ушачев и др. отмечают, что «при наращивании экспортного потенциала необходимо учитывать риски и угрозы развития как сельскохозяйственного производства, так и экспортного потенциала отрасли» [9, с. 1191].

Существенным фактором обеспечения продовольственной независимости, является доброкачественность пищевой продукции, которая напрямую влияет на репродуктивность. Уровень рождаемости, это следствие целого комплекса мер, взаимосвязанных с социально-экономическими и психологическими обстоятельствами. Позитивное воздействие экономического благополучия, на повышение уровня рождаемости, проявилось в регионах России, после введения государством стимулирующих мер, связанных с поддержкой многодетных семей, выплатой материнского капитала, иных инструментов материальной помощи, в виде субсидий на оплату коммунальных услуг. Основными причинами низкой динамики рождаемости, выделяются различные условия, связанные с уровнем жизни, медицинскими показаниями, психологической неподготовленностью, выстраиванием личной карьеры, эгоизмом, отсутствием ответственности, миграцией, увеличением городских жителей, низкой вовлеченностью в религиозные институты.

Е. А. Хунафина и др. отмечают, что «дисбаланс между сельским и городским населением имеет тенденцию к росту, ожидается стихийное, не подлежащее контролю увеличение численности горожан до 70 %, с 1950 г. доля городского населения в мире удвоилась» [12, с. 126].

Улучшение демографической ситуации в сельских регионах, напрямую зависит от создания современной инфраструктуры, внедрения современных цифровых технологий, квалификации работников. Особо важным фактором в производственном цикле аграрной отрасли, является доступ к водным ресурсам, своевременное проведение гидромелиоративных работ, способствуют нейтрализации рисков и угроз природно-климатического характера.

Н. П. Воронина отмечает, что «государственная аграрная политика России, основываясь на достижении национальных целей, является важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности и продовольственной независимости, и, как следствие, государственного суверенитета» [2, с. 13].

Система обеспечения продовольственной независимости, требует со стороны органов государственной власти максимального внимания. Формирование эффективной, конкурентоспособной отрасли, приоритетное направление экономического развития России. Аграрная сфера, остро нуждается в развитии химической промышленности, так как минеральные добавки способствуют существенному росту урожайности. Кроме того, необходимо на качественном уровне, формировать развитие смежных отраслей, обеспечивающих технологическую и техническую поддержку сельскому хозяйству. При этом первостепенным фактором экономического развития, являются высококвалифицированные специалисты, способные принимать необходимые управленческие решения.

О. А. Аничкина и др. отмечают, что «наличие комплексной системы оценки экономической безопасности, применение эффективных управленческих решений позволит обеспечить стабильное развитие сельскохозяйственных предприятий и гарантировать продовольственную безопасность страны» [1, с. 17].

Со второй половины XX в. в развитых странах политика обеспечения репродуктивной безопасности, ориентировалась не на увеличение рождаемости. Повышая привлекательность государств, они привлекали специалистов из третьих стран. Существенный рост уровня социального обеспечения, способствовал увеличению трудовой миграции, который сопровождался бесконтрольным ростом экономической миграции, потребителями социальных благ, при нулевой отдаче. Этот процесс не имеет ничего общего, с привлечением высококвалифицированного кадрового потенциала, создавая этнические поселения в различных регионах, они способствует социально-политической напряженности.

А. В. Чухарев отмечает, что «в мире и его отдельных регионах со временем происходит переход к новым, более современным моделям, что стано-

вится следствием происходящих глобальных экономических, климатических, научно-технических, демографических и других трансформационных процессов, порождающих как новые возможности, так и новые потребности» [13, с. 75].

Целевые ориентиры и различные подходы к решению проблем репродуктивной безопасности, в развитых странах, выстраивают приоритеты, сложившиеся отличия в формировании результативной государственной демографической политики. При этом первостепенную роль, в достижении целей устойчивого воспроизводства населения, играет продовольственная сфера, расширение ее основ способствует росту репродуктивности населения. Оценка эффективности проводимой политики в сфере поддержания демографического баланса государством, позволяет определить достигнутые результаты, при сравнении с прогнозными показателями. Устойчивое воспроизводство, взаимосвязано с обеспечением общественной безопасности и социальным обеспечением населения, особенно молодых семей.

Плотников В. А. Холдоенко А. М. отмечают, что «в сложившихся условиях необходимо особое внимание уделить проведению эффективной социальной политики, ориентированной на сохранение качества жизни россиян» [11, с. 16].

Обеспечение демографической безопасности, ключевая проблема развитых, социально-благополучных стран, параметры естественного воспроизводства, сталкиваются с изменением традиционных ориентиров. Базовые общечеловеческие ценности, семья, работа, отдых, последовательно смешаются в сторону личных интересов, имеющих краткосрочный характер. Репродуктивные возможности регионов России, имеют существенный потенциал, при одновременном падении рождаемости в большинстве субъектов страны. Существующие резервы трудоспособного населения на Юге России, недостаточно привлекаются в центральных и северных регионах. Качественное перераспределение внутренних трудовых ресурсов, способствует заполнению вакантных рабочих мест, увеличению налоговых отчислений в бюджет страны. При этом существующие возможности, межотраслевого взаимодействия не используются, особенно этот процесс отражается на поддержании численности специалистов, занятых в сельском хозяйстве. Россия, как и в целом, развитые страны, переживает значительный демографический кризис, связанный нехваткой трудовых ресурсов, особенно в аграрной сфере.

Проблемы обеспечения демографического баланса, это особо важное направление, напрямую взаимосвязанное с вопросами национальной безопасности и устойчивостью основ государственной политики в сфере репродуктивной безопасности, достижение параметров которой зависит от различных жизненно важных факторов, существенная из них – это продовольственная сфера.

Продовольственная безопасность — это основной компонент социальной стабильности в обществе, она тесно взаимосвязана с повышением рождаемости. Улучшение параметров продовольственной самодостаточности, напрямую способствует росту демографической стабильности в стране. Гарантированный физический и экономический доступ к доброкачественным продовольственным ресурсам, наилучшим образом отражается на здоровье нации, что способствует снижению смертности, повышению рождаемости на долгосрочной основе. Демографическая стабильность, продовольственная безопасность взаимосвязаны и взаимозависимы, их показатели отражаются на факторах устойчивого развития государства. Неоднородная демографическая ситуация, в различных сельскохозяйственных районах страны, отражается на экономическом благополучии населения.

Разработка и издание в кратчайшие сроки Федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации», поспособствует созданию новых рабочих мест в сельской местности и повышению рождаемости.

Список литературы

1. Аничкина О. А., Бекетов А. В., Коротких Т. Н. Механизмы функционирования системы обеспечения продовольственной безопасности России (экономический аспект) // Экономические науки. 2023. № 9 (226). С. 11–20.
2. Воронина Н. П. Правовое обеспечение продовольственной безопасности: новые ответы на современные вызовы // Сельское хозяйство. 2022. № 3. С. 13–20.
3. Климов К. В., Филатова М. В. Обострение демографического кризиса в сельской местности как фактор снижения агропромышленного потенциала и продовольственной безопасности Российской Федерации // KANT. 2023. № 4 (49). С. 52–57.
4. Корчагина Т. А. Продовольственная безопасность как фактор демографической стабильности страны // Russian Economic Bulletin. 2024. № 2. С. 70–77.
5. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 янв. 2020 № 20 (ред. от 10.03.2025) // Собр. законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
7. Плотников В. А. Холдоенко А. М. Продовольственное обеспечение населения: устойчивость и безопасность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 15–19.
8. Староверов В. И. Вартанова М. Л. Продовольственная безопасность России – важная составляющая демографической политики страны // Экономические отношения журнал. 2019. № 4. С. 2851–2862.
9. Ушачев И. Г. Наращивание объемов агропромышленного производства для обеспечения продовольственной безопасности и увеличения экспортного потенциала АПК России // Экономика региона. 2022. № 18 (4). С. 1178–1193.
10. Липатова Л. Н. Социально-демографические угрозы продовольственной безопасности России // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2022. № 1. С. 28–33.
11. Холдоенко А. М. Демографическая безопасность в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2 (146). С. 42–46.
12. Хунафина Е. А., Ахмадиева А. Ф., Атажанова А. А. Демография и мировая продовольственная безопасность // Вестник БИСТ. 2023. № 4 (61). С. 123–129.
13. Чухарев А. В. Производство и импорт зерновой продукции как ключевые направления обеспечения продовольственной безопасности Китая // Россия и Азия. 2025. № 3 (33). С. 74–84.

УДК 316.4

Болотин И. В., Иванов Р. В., *Иркутск*

БЕЗОПАСНОСТЬ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается вопрос обеспечения пожарной безопасности в сельских населенных пунктах на территории Российской Федерации в условиях проведения реформы местного самоуправления.

Ключевые слова: безопасность населения, пожарная безопасность, органы местного самоуправления, реформа местного самоуправления.

Bolotin I. V., Ivanov R. V., *Irkutsk*

SAFETY OF RURAL SETTLEMENTS IN THE CONTEXT OF LOCAL GOVERNMENT REFORM

Abstract. The article discusses the issue of ensuring fire safety in rural settlements in the Russian Federation in the context of local government reform.

Keywords: public safety, fire safety, local government, local government reform.

Принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [1], направленного на реализацию положений Конституции России о единой системе публичной власти, обеспечение взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в интересах населения, совершенствование организации местного самоуправления в Российской Федерации, естественным образом повлекло за собой возникновение существенных новаций в области организационных, функциональных и правовых основ местного самоуправления.

Проводимая реформа местного самоуправления, направленная на повышение эффективности органов местного самоуправления, безусловно, ведет к изменению системы жизнеобеспечения муниципальных образований. Возникает вопрос о способности создаваемых органов местного самоуправления оперативно и эффективно решать первоочередные вопросы и проблемы малых населенных пунктов, утрачивающих статус муниципальных образований. Важнейшим направлением деятельности органов местного самоуправления является обеспечение безопасности населения. Безопасность населения – это состояние защищенности жизни, здоровья и жизненно важных интересов граждан от различных угроз. Она охватывает широкий спектр аспектов: от санитарно-эпидемиологического благополучия до защиты от чрезвычайных ситуаций и преступных посягательств. Целью данной статьи вижу привлечение общественного внимания к не теряющей своей актуальности угрозе – пожарам. По статистическим данным МЧС России в 2024 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 347 506 пожаров, в результате которых погибло 7576 чел., получили травмы 8350 чел. Из этого количества в сельских населенных пунктах зарегистрировано 159 718 пожаров,

людские потери составили 3792 человека погибшими и 2859 человек травмированными [5].

Обеспечение пожарной безопасности, одного из показателей качества жизни населения, было и остается для органов власти любого уровня достаточно сложно реализуемой функцией, требующей к себе постоянного внимания и комплексного подхода. Смогут ли органы местного самоуправления вновь возникших, укрупненных муниципальных образований обеспечить должный уровень безопасности жизнедеятельности населения сельских населенных пунктов, вошедших в состав муниципальных образований нового формата?

Пожарная безопасность – состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров. В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [2], органы местного самоуправления являются одним из элементов системы обеспечения пожарной безопасности, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность сил и средств, а также мер правового, организационного, экономического, социального и научно-технического характера, направленных на борьбу с пожарами.

Статья 19 закона [2] определяет полномочия органов местного самоуправления по обеспечению первичных мер пожарной безопасности в границах сельских населенных пунктов:

- создание условий для организации добровольной пожарной охраны, а также для участия граждан в обеспечении первичных мер пожарной безопасности в иных формах;
- создание в целях пожаротушения условий для забора в любое время года воды из источников наружного водоснабжения, расположенных в сельских населенных пунктах и на прилегающих к ним территориях;
- оснащение территорий общего пользования первичными средствами тушения пожаров и противопожарным инвентарем;
- организация и принятие мер по оповещению населения и подразделений Государственной противопожарной службы о пожаре;
- принятие мер по локализации пожара и спасению людей и имущества до прибытия подразделений Государственной противопожарной службы;
- включение мероприятий по обеспечению пожарной безопасности в планы, схемы и программы развития территорий поселений, муниципальных и городских округов;
- оказание содействия органам государственной власти субъектов Российской Федерации в информировании населения о мерах пожарной безопасности, в том числе посредством организации и проведения собраний населения;
- установление особого противопожарного режима в случае повышения пожарной опасности.

Реализация указанных полномочий позволяла местным властям организационными и практическими мероприятиями обеспечить как профилактику

пожаров, так и их тушение на первоначальном этапе до прибытия профессиональных пожарных. Данные полномочия изначально относились к вопросам местного значения – а именно, вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования.

В пункте 1 статьи 32 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» указано, что к полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, не подлежащим перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, обеспечение первичных мер пожарной безопасности не относится. Таким образом, очевидно, что решать вопросы по обеспечению первичных мер пожарной безопасности в населенных пунктах муниципального образования органы местного самоуправления теперь никто не обязывает.

В п. 2 ст. 32 закона [1] указано, что такие полномочия могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Все на первый взгляд просто и понятно, более того п. 3 ст. 32 закона [1] даже разрешает органам местного самоуправления, при издании соответствующего закона субъекта Российской Федерации, создать и содержать аварийно-спасательные службы и (или) аварийно-спасательных формирования на территории муниципального образования.

Однако на практике получаем, что реформа местного самоуправления, по сути исключила из системы обеспечения пожарной безопасности сельского населенного пункта ее главный, а зачастую – единственный действовавший элемент, местную власть. И как следствие, состояние защищенности от пожаров в любом населенном пункте любого субъекта по большому счету будет зависеть от решений региональных властей.

Таким образом, предстает следующая картина: субъект Российской Федерации, в составе которого 288 муниципальных образований (Иркутская область, июнь 2025 г.), в котором органы власти субъекта обеспечивают первичные меры пожарной безопасности в каждом, ну или в большинстве из поселков (Иркутская область на 2024 г. 1459 поселков). Можно ли считать такой подход эффективным и практически обоснованным. Насколько это удачное решение покажут статистические показатели людских и материальных потерь.

Рассмотрим следующую реальную ситуацию: по ряду понятных объективных причин, не появляясь подразделения муниципальной пожарной охраны в муниципальных образованиях. В почти утратившем силу Федеральном законе от 6 декабря 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] создание подразделений муниципальной пожарной охраны было закреплено как право, а не как обязанность органов местного самоуправления. С момента вступления в силу закона «О пожарной безопасности» в 1994 г. по настоящее время в фе-

деральном законодательстве нет законодательного документа о муниципальной пожарной охране. В новом законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» статья 37 оставила проблему создания своей пожарной охраны в муниципальном образовании только правом, т. е. на усмотрение местного органа власти, а не обязанностью.

С добровольной пожарной охраной также не все так просто. Принципы создания, механизмы деятельности этого вида пожарной охраны, установленные Федеральным законом от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» [4], с учетом вступления в силу закона [1] также требуют уточнения. Как и в утратившем силу законе [3], ст. 42 закона [1] продолжает вносить ограничения в деятельность добровольцев как в общем, так и добровольных пожарных в частности.

Правомерно предположить, что рано или поздно многим сельским жителям представится возможность по собственной воле, самостоятельно, в полной мере, реализовать свои права и обязанности в соответствии с федеральными законами [1] и [2], обеспечив пожарную безопасность себе, своему имуществу, обществу и государству.

Таким образом, на сегодняшний день существует и в перспективе остается проблема обеспечения пожарной безопасности в сельских населенных пунктах Российской Федерации, ярко проявляющаяся в регионах с невысокой плотностью населения, удаленностью населенных пунктов. Основной причиной данной проблемы было и продолжает оставаться не совершенство законодательной базы, усиленное хронической недостаточностью финансового обеспечения.

На наш взгляд, в первоочередных вопросах жизнеобеспечения населения, в том числе в обеспечении пожарной безопасности, нельзя полностью полагаться на местное самоуправление из-за недостаточности его организационных, финансовых возможностей. В итоге необходимо органы местного самоуправления наделить реальными обязанностями и компетенциями в этой сфере, и конечно соответствующими финансовыми возможностями, необходимыми для их реализации. Это потребует проведения анализа и разработки взвешенных, скоординированных изменений в законодательные акты, регламентирующих деятельность всех органов власти с целью формирования эффективных механизмов, обеспечивающих пожарную безопасность на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/411718599> (дата обращения: 10.10.2025).
2. О пожарной безопасности : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/ (дата обращения: 10.10.2025).
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 дек. 2003 г. № 131-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 10.10.2025).

4. О добровольной пожарной охране : федер. закон от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12185557/> (дата обращения: 10.10.2025).

5. Пожары и пожарная безопасность в 2024 г. Статистика пожаров и их последствий: информационно-аналитический сборник. Балашиха : ФГБУ «ВНИИПО МЧС России», 2025. 112 с. URL: <https://ptm01.ru/assets/images/biblioteka/2024/ВНИИПО/2025-sbornik-pozhary-i-pozh.-bezop.-v-2024-g.-11.06.25-.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 343.851.5

Дружинин Г. В., Михеева Е. Ю., *Иркутск*

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Анализируется система профилактики делинквентного поведения среди несовершеннолетних в учреждениях общего и среднего профессионального образования. На основе анализа методических рекомендаций, применяемых в Иркутской области, делается вывод о необходимости введения единой государственной концепции профилактики.

Ключевые слова: подростковая преступность, профилактика правонарушений, образовательная политика, воспитание.

Mikheeva E. Yu., Druzhinin G. V., *Irkutsk*

ON THE NEED TO FORM A UNIFIED STATE CONCEPT FOR THE PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOR AMONG MINORS (BASED ON THE MATERIALS OF THE IRKUTSK REGION)

Abstract. The article analyzes the system of prevention of delinquent behavior among minors in general education and secondary vocational institutions. Based on the analysis of methodological recommendations used in the Irkutsk region, the authors come to the conclusion that it is necessary to introduce a unified state concept of prevention.

Keywords: juvenile delinquency, crime prevention, educational policy, upbringing

По данным СК РФ, за 2025 г. более 14 тыс. подростков совершили преступления различной направленности. В первую очередь необходимо отметить рост числа правонарушений, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Хотя общий уровень преступности среди несовершеннолетних постепенно снижается, увеличивается количество посягательств на жизнь и здоровье человека (отмечено увеличение числа подобных преступлений на 13 % по сравнению с 2024 г.). На прежнем уровне остается число тяжких и особо тяжких преступлений. В целом по состоянию на октябрь 2025 г. в суды было передано 5,5 тыс. уголовных дел в отношении подростков, что на 8 % больше, чем за аналогичный период 2024 г. [18].

По данным мониторинга СМИ, в период весны – осени 2025 г. в Иркутской области был зафиксирован всплеск преступных деяний против жизни и здоровья, совершенных подростками. Наиболее резонансными делами стали:

групповое причинение подростками телесных повреждений младшеклассникам в пос. Мама Мамско-Чуйского района, преступление против половой неприкосновенности, совершенное подростком в Эхирит-Булагатском районе, нанесение школьником ножевых ранений однокласснику в ходе конфликта в Зиме, убийство двух лиц подростком в Шелехове, а также массовое убийство в Байкальске, в ходе которого погибло 5 несовершеннолетних, включая самого нападавшего [18].

Данный мониторинг и приведенная выше статистика свидетельствуют о качественной деградации подростковой делинквентности в России и диктуют острую необходимость изучения причин данного феномена, а также совершенствования существующей системы профилактики подобного общественно опасного поведения у подростков.

Для глубокого анализа причин сложившейся ситуации и разработки предложений по совершенствованию профилактических механизмов представляется необходимым уточнить значение ключевого для данного исследования понятия – «делинквентное поведение».

Понятие «делинквентное поведение» ввел в научный оборот американский социолог и криминолог, профессор Университета Коннектикута А. Козн в 50-е гг. XX в. Согласно его теории делинквентных субкультур, делинквентное поведение представляет собой поведение, направленное на отступление от соблюдения правовых норм с целью преодоления психологически тяжелых для человека событий, а также достижения самоуважения и уважения со стороны окружающих [13]. Современные отечественные исследователи определяют делинквентное поведение как склонность индивида к систематическому совершению противоправных деяний, которая в крайних случаях может приводить к уголовной ответственности. Подобные определения встречаются у таких ученых, как Е. В. Змановская [7], М. И. Еникеев [6], У. С. Позднякова [11], В. В. Ковалев [8], В. И. Добренев и А. И. Кравченко [4]. Примечательно, что часть ученых характеризуют делинквентное поведение как цепь мелких проступков и правонарушений (А. Е. Личко, М. И. Еникеев), тогда как другая часть рассматривает его как цепь действий, зачастую приводящих к уголовной ответственности (Е. В. Змановская, В. И. Добренев, А. И. Кравченко, У. С. Позднякова, В. В. Ковалев) [10].

Стоит понимать, что делинквентное поведение – это разновидность негативного девиантного поведения, которая отличается от других форм девиации своим противоправным характером. Основываясь на совершении противоправных деяний, оно является частным случаем девиантного поведения и одной из его форм.

Обобщая имеющиеся определения отечественных ученых и концепцию А. Козна, можно сделать вывод, что делинквентное поведение – это тип поведения, для которого характерно систематическое совершение противоправных деяний, вызванное психологически тяжелыми для индивида событиями

и в некоторых случаях направленное на достижение самоуважения или уважения со стороны определенного круга лиц.

Основываясь на исследованиях таких ученых, как Л. С. Выготский [3], В. Н. Кудрявцев [9], Д. И. Пономарева [12], А. С. Душкин [5], Н. Н. Васягина [2], становится возможным выделить несколько факторов формирования делинквентного поведения у подростков. Среди них: особенности воспитания в детско-родительских отношениях, неблагополучие семьи подростка, специфичные ценностные ориентации личности подростка, переживание психотравмирующих событий (посттравматический синдром), влияние референтной группы. Стоит понимать, что влияние данных факторов на формирование рассматриваемого типа поведения у подростков зачастую носит комплексный характер. Так, при несформированности ценностной картины мира у подростка, группам с общественно опасными или общественно неприемлемыми ценностными ориентирами легче повлиять на становление личности. Вместе с тем подобной группой, которая впоследствии становится референтной для личности, может являться его семья, если последнюю по тем или иным критериям можно отнести к неблагополучным. Кроме того, жестокое или агрессивное обращение членов семьи с ребенком формирует у него данный паттерн поведения и делает такую модель поведения приемлемой для подростка по отношению к окружающим.

В иной ситуации психотравмирующие события в жизни несовершеннолетнего могут приводить к трудностям с контролем эмоций, агрессивному поведению, социальной изоляции и другим последствиям. Необходимо отметить, что взгляд ученых на причины формирования делинквентного поведения у несовершеннолетних разнится, однако данные факторы являются, по нашему мнению, основополагающими и наиболее часто встречающимися.

Таким образом, факторы формирования делинквентного поведения у подростка условно можно разделить на три основных блока: 1) семейные (неблагополучие семьи, специфичность детско-родительских отношений, жестокое обращение членов семьи с подростком); 2) личностные (несформированная ценностная картина мира у подростка, последствия психотравмы); 3) социально-групповые (влияние референтных групп). Так, необходимо понимать, что комплексность причин данного явления обуславливает столь же комплексный характер мер профилактики.

Анализируя закрепленную государством систему профилактики делинквентного поведения среди подростков, следует обратиться к Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ. В статье 4 рассматриваемого закона перечислены органы и учреждения, занимающиеся профилактикой правонарушений несовершеннолетних [1]. Несмотря на то что общеобразовательные учреждения и СПО прямо не указаны в данной статье, подразумевается, что они подведомственны федеральным, региональным и муниципальным органам управления образовательной сферой, которые, в свою очередь, уже указаны

в перечне. Последние же, путем издания приказов и методических рекомендаций, контролируют исполнение школами государственной политики в данной сфере.

В настоящее время ключевым способом регулирования деятельности школ и средне-профессиональных образовательных организаций в области профилактики делинквентного поведения у несовершеннолетних являются методические рекомендации. Зачастую они формализованы в виде писем Министерства просвещения РФ, писем регионального органа управления образованием (в Иркутской области – министерство образования Иркутской области), а также в форме маршрутных листов воспитательных мероприятий, разработанных различными специалистами в сфере детско-юношеской психологии. Нередко можно встретить методические рекомендации, разработанные непосредственно руководством школы или учреждения СПО. Основные методические рекомендации по профилактике подростковой преступности в регионе размещены на сайте Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Иркутской области [17]. Анализируя методические рекомендации, размещенные на сайте Комиссии, а также на сайтах учреждений образования Иркутской области, можно выделить следующие проблемы их применения:

1. Отсутствие системного подхода. Методические рекомендации носят зачастую точечный характер и направлены на реагирование в узких ситуациях. Имеются рекомендации по профилактике экстремизма, нарушения ПДД, самовольных уходов из дома, употребления наркотических средств и т. д., однако целостный и универсальный подход к работе с делинквентным поведением у подростков отсутствует.

2. Разрозненность методологической базы. Рекомендации разрабатываются разными авторами – федеральным министерством, специалистами различных психологических центров, институтами развития образования, учебными, а также школьными педагогами-психологами в отдельности. В следствие этого систему профилактики начинают составлять различные подходы и практики, которые абсолютно не взаимодействуют и не учитывают друг друга.

3. Отсутствие единых стандартов работы образовательных учреждений по данному направлению. Поскольку разработка методических рекомендаций может осуществляться самими образовательными организациями, работа по профилактике может различаться в зависимости от конкретного учреждения, что, в свою очередь, определяет отсутствие единого подхода по профилактике делинквентного поведения в системе образования.

Следует также отметить отсутствие единых принципов профилактики делинквентного поведения у подростков. Как уже было сказано ранее, методические рекомендации разрабатываются абсолютно разными специалистами. Каждый из них опирается на собственное представление о факторах формирования делинквентного поведения у подростков, а следовательно,

предлагает собственный, уникальный набор профилактических мер. Это закономерно приводит к появлению большого числа несогласованных между собой рекомендаций. Также, проанализировав методические рекомендации с сайтов министерства образования Иркутской области, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Иркутской области, Института развития образования Иркутской области, мы не обнаружили в них системного подхода, который бы непосредственно опирался на психологические особенности рассматриваемой возрастной группы [15–17]. Несмотря на то что обычно рекомендации сопровождаются анализом психологических исследований делинквентного поведения подростков, общая концепция работы с подобным типом девиации авторами не выводится. В результате фокус смещается в сторону организации ситуативных мероприятий, направленных на борьбу с узкой категорией преступлений и правонарушений.

Резюмируя вышеизложенное, ключевой проблемой, препятствующей формированию эффективной системы профилактики делинквентного поведения среди подростков, является отсутствие единой концепции работы образовательных учреждений, разработанной централизованно и носящей обязательный, а не рекомендательный характер. Ее отсутствие порождает разрозненный характер работы образовательных организаций в данном направлении и делает эффективность профилактики, чрезмерно зависимой от квалификации педагога-психолога или заведующего воспитательной частью. Также в качестве недочета существующей системы следует выделить направленность профилактики на борьбу с конкретными проявлениями, а не на устранение глубинных причин делинквентного поведения у подростка.

Таким образом, преодоление выявленных системных проблем видится в необходимости разработки и закрепления на подзаконном уровне единой общегосударственной концепции профилактики делинквентного поведения среди несовершеннолетних. Такая концепция должна носить в первую очередь обязательный характер, с целью обеспечения единства методологической базы. Необходимо также отметить, что опираться она должна прежде всего на устранение причин подобного поведения у подростка, а следовательно, быть направленной на формирование у него социально приемлемой ценностной картины мира и на создание условий для его успешной социальной интеграции и позитивной самореализации.

Список литературы

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 30.10.2025).
2. Васягина Н. Н. Делинквентное поведение подростков: феноменология, причины, возможности профилактики // Вестник практической психологии образования. 2018. Т. 15, № 1. С. 12–17. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2018_n1/Vasyagina (дата обращения: 27.10.2025).
3. Выготский Л. С. Развитие личности и мировоззрения ребенка // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. А. А. Реан. СПб. : Питер, 2000. С. 151–157.

4. Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология. В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М. : Инфра-М, 2009. 292 с.
5. Душкин А. С. Психологическая профилактика делинквентного поведения подростков в семье // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 58–65.
6. Еникеев М. И. Общая и социальная психология : энциклопедия. М. : ПРИОР, 2002. 356 с.
7. Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2004. 288 с.
8. Ковалев В. В. Патологии личности и девиантное поведение: Руководство по психиатрии. М., 1989. С. 21.
9. Кудрявцев В. Н. Генезис преступного поведения. Опыт криминологического моделирования. М. : Инфра-М, 1998. 216 с.
10. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Медицина, 1983. 260 с.
11. Позднякова У. С. Понятие, признаки и формы девиантного и делинквентного поведения детей // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2014. № 2 (51). С. 119–126.
12. Пономарева Д. И., Пономарева Е. А. Социально-психологические факторы форсирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7, № 1А. С. 14–21.
13. Cohen A. K. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. Glencoe (Ill.) : The Free Press, 1955. 202 p.
14. Методические рекомендации и статьи / Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/kdnizp/doc/revomend/> (дата обращения: 01.11.2025).
15. Пиханова В. Д. Профилактика правонарушений у подростков в общеобразовательной организации. Иркутск : ГАУ ЦППМиСП, 2024. 65 с.
16. Профилактика негативных социальных явлений, в том числе безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области». Иркутск, 2024. URL: <https://new.iro38.ru/profilaktika-negativnyh-socialnyh-javlenij-v-tom-chisle-beznadzornosti-i-pravonarushenij-nesovershennoletnih> (дата обращения: 01.11.2025).
17. Методические рекомендации по проведению единой профилактической недели «Высокая ответственность!» 2–6 сентября 2025 г. / Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, профилактики, реабилитации и коррекции. Иркутск, 2025. 44 с. URL: https://sh-n14-shelexov-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/179/3468/prilozhenie_1_mr_vysokaya_otvetstvennost_2025.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
18. Криминальный подросток: почему несовершеннолетние идут на преступления // Российская газета. 2025. 23 окт. URL: <https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html> (дата обращения: 27.10.2025).

УДК 342.95

Максуров А. А., Ярославль

МЕТОДЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ВИДЫ

Аннотация. Недостатком правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности является неопределенность относительно характеристик и разновидностей методов правового обеспечения сферы образования. Предмет исследования позволяет выделить сущностные свойства данного правового явления, а их классификация на виды глубже понять возможности правового воздействия в указанной области. В основу исследования положены методы и приемы формальной логики, включая анализ сложных систем. Результатом стала формулировка характеристик, имманентно присущих методам правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности, позволяющих отличить их от иных правовых явлений. Выделенные свойства методов, в свою очередь, позволили предложить их классификацию (типологизацию).

Ключевые слова: образовательная деятельность, механизм правового регулирования, средства правового обеспечения, способы правового обеспечения, информационная безопасность.

Maksurov A. A., Yaroslavl

METHODS OF LEGAL SUPPORT FOR INFORMATION SECURITY IN EDUCATIONAL ACTIVITIES: CHARACTERISTICS AND TYPES

Abstract. A shortcoming of legal support for information security in educational activities is the uncertainty regarding the characteristics and types of methods of legal support in the education sector. The subject of this study allows us to identify the essential properties of this legal phenomenon, and their classification into types provides a deeper understanding of the possibilities of legal action in this area. The study is based on methods and techniques of formal logic, including systems analysis of complex systems. The study resulted in the formulation of characteristics inherent in methods of legal support for information security in educational activities, distinguishing them from other legal phenomena. The properties of the methods identified during the study, in turn, allowed for their classification (typology).

Keywords: educational activity; legal regulation mechanism; legal means; legal support methods; information security

В современных условиях сфера образовательной деятельности, очевидно, является потенциально уязвимой областью общественных отношений. Угрозы внешнего мира направлены, как на систему образования в целом, так и на ее отдельные подсистемы и единичные объекты (например, учреждения образования), в том числе, информационную систему.

По этой причине эффективное правовое обеспечение информационной безопасности системы образования относится к важным задачам, стоящим перед юридической наукой и практикой.

Представляется, что такого рода юридическая деятельность не будет достаточно результативной без изначального теоретического определения методологии ее осуществления, а именно, методов правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности.

Необходимо отметить, что для юридической доктрины вообще свойственно уделять неоправданно малое внимание методологии тех разновидностей юридической деятельности, которые не относятся к числу основных (правотворчеству, правоприменению и проч.), однако определенные выводы в теории права по этому поводу все-таки предложены.

В первую очередь не оспаривается включение методов правового обеспечения той или иной деятельности в механизм правового регулирования, а также в его подсистемы, например, в координационный механизм, предполагающий в качестве своей цели обеспечение согласованного взаимодействия информационной системы с другими видами, требующих правовой защиты или охраны [1, с. 22].

Включенные в механизм правового регулирования методы становятся основой для определения способов правового воздействия как юридической тактики [2, с. 52]. Методы приобретают в своей реализации посредством выбора того или иного способа свойство процессуальности [3, с. 24], чем обеспечивается требуемое согласованное взаимодействие подсистем [4, с. 16].

Методы правового обеспечения не могут быть полноценного реализованы вне согласованного применения в соответствии с принципами не только права в целом, но и принципами конкретной разновидности юридической деятельности [5, с. 61].

Будучи задействованными, методы правового обеспечения становятся средством реализации правом своего функционала, в том числе, функций тех или иных разновидностей юридической практики [6, с. 123; 7, с. 29], причем эффективность конкретной юридической деятельности органов государственной власти рассматривается, в том числе, и с точки зрения наиболее оптимальной реализации метода правового воздействия [8, с. 91].

Наконец, несмотря на свой, на первый взгляд, сугубо теоретический характер, методы правового обеспечения находят, тем не менее, свое отражение в правовых актах как результаты такой деятельности [9, с. 56].

Для того чтобы уяснить сущность применяемых методов правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности, прежде всего следует установить объект и предмет правового воздействия, так как именно его специфика и обуславливает специфику методов.

Представляется, что объект исследования здесь – это общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения информационной защищенности, во-первых, объектов образования, во-вторых, информационных прав и охраняемых законом интересов личности, государства и общества в сфере информации. Данные два вида отношений взаимосвязаны, в связи с чем можно вести речь о дуализме объекта данного исследования.

Объект исследования тесно связан с объектом правовой защиты.

В этой связи исследователи отмечают, что основными объектами национальных интересов в информационной сфере является информация, информационная инфраструктура и правовой статус субъектов информационной сферы [10, с. 6].

В свою очередь, предмет исследования всегда определяется проблематикой объекта и, в настоящем случае, можно говорить о его связанности требованием обоснованности и соразмерности государственного контроля реализации субъектами своих информационных потребностей в образовательной сфере с информационными правами и охраняемыми законом интересами в сфере информации.

Именно такой подход позволяет, в итоге, определить подлежащие применению в целях обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности методы (средства и способы).

Анализ проблемы свидетельствует о том, что в науке прослеживаются три взаимосвязанные тенденции, влияющие на эффективность и качество правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности: во-первых, методы правового обеспечения выделяются хаотически, без должной их классификации и обособления один от другого, во-вторых, мало кто из авторов учитывает, при предложении методологии правового регулирования вопросов правового обеспечения информационной безопасности, специфику тех сфер деятельности (в данном случае – сферы образования), информационная безопасность в которых призвана обеспечиваться с помощью права, и, в-третьих, большинство авторов, оставаясь в первую очередь на управленческих и технологических позициях, отождествляют способы и методы правового обеспечения информационной безопасности [11, с. 22].

Вместе с тем у методов правового обеспечения той или иной разновидности человеческой деятельности или ее компоненты (сферы) есть свои характерные черты.

В первую очередь такие методы будут публично-правовыми [12, с. 23], хотя в ряде случаев не исключается и применение частноправового инструментария [13, с. 110], однако как инструментария в данной ситуации вторичного. Все эти методы (средства и способы) неизбежно имеют технологическую составляющую, так как служат для обеспечения информационной безопасности, а это возможно только в рамках технологии, как более широкого понятия сравнительно с «техникой» [14, с. 11]. Кроме того, применение соответствующих методов должно быть согласовано между собой [15, с. 85].

По мнению автора, верным будет определение методов правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности с точки зрения, во-первых, специфики сферы образования, во-вторых, целей информационной безопасности объектов образования и связанных с ними лиц, в-третьих, особенностей применяемых для обеспечения информаци-

ной безопасности способов и средств. Отождествление же способов и методов правового обеспечения информационной безопасности, которое не исключено в принципе, в предлагаемом в научной литературе варианте явно невозможно, поскольку речь в работах большинства авторов идет о таких способах (методах) обеспечения информационной безопасности как управление рисками, повышение устойчивости к деструктивным воздействиям (например, создание систем парирования и ликвидации последствий деструктивных воздействий), создание систем и средств защиты от угроз, уничтожение (изоляция) источников угроз и проч. [16, с. 64], что по своему содержанию явно выглядит более узким, чем существующие методологические приемы.

Здесь представляется более правильным исходить из тех методов обеспечения информационной безопасности, которые предложены специалистами в области информационного права [17, с. 71].

Например, И. М. Рассолов предлагает выделять (и это является расхожим мнением) правовые, организационно-технические и экономические методы обеспечения информационной безопасности [18, с. 326]. Принципиально это верно, однако данный подход нуждается в более пристальном рассмотрении и уточнении применительно к исследуемой сфере. В результате, можно выделять следующие методы (средства и способы, взятые в единстве).

1. **Правовые методы** обеспечения информационной безопасности. Это разработка нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в информационной сфере, нормативных методических документов по вопросам обеспечения информационной безопасности и проч. Т. А. Полякова также отмечает, что одним из основных способов согласования интересов субъектов информационного общества сегодня является именно нормативное правовое регулирование [10, с. 9].

Представляется, что вопрос следует рассматривать более широко и не сводить его только к правотворчеству, хотя, разумеется, основным правовым средством будет именно правотворческая деятельность. Напротив, разработка нормативных методических документов по вопросам обеспечения информационной безопасности в образовательной сфере не может быть отнесена к правовым методам, поскольку эти документы обычно не имеют юридического характера и выступают техническими (технологическими) стандартами, которые следует рассматривать обособленно.

При применении правовых методов обеспечения информационной безопасности именно образовательной деятельности, очевидно, необходимо учитывать, во-первых, особенности государственного управления отраслью народного образования, часто предполагающие наличие субординационных отношений в образовательной сфере и возможности государственного контроля и надзора в этой области [19, с. 66], во-вторых, системность образовательной отрасли, выдвигающую требования к системности правового регулирования, в-третьих, значение образовательной отрасли, предполагающей

сочетание глобальности самой образовательной сферы и локальности отдельных объектов образования (высших учебных учреждений), когда регулированию подлежат, как единые образовательные системы, так и локальные учреждения образования, в-четвертых, стремление к соблюдению баланса публичных и частных интересов в образовательной сфере, поскольку без удовлетворения частного интереса невозможно дальнейшее эффективное развитие отрасли образования, а при игнорировании публичного интереса значительно вырастают стратегические социальные риски, в-пятых, требования норм международного права, так как имеет место непрерывный обмен, как в части преподавательского состава, так и среди обучающихся.

2. Научные методы (концепции, методики и т. п.).

Сегодня пока еще наблюдается слабая научная разработка доктрины информационной безопасности образовательной деятельности, однако представляется, что именно научные методы (средства и способы) будут представлять наибольший практический интерес для формирования комплексов иных методов правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности, в том числе, правовых, организационных, экономических и других.

Именно в образовательной сфере как нигде в другой отрасли сильны научные ресурсы, представляющие значимый резерв для повышения эффективности юридической практики [20, с. 316]. Благодаря научным методам осуществляется проектирование самой юридической деятельности, направленной на обеспечение информационной безопасности отрасли образования [21, с. 86].

3. Организационно-технические методы обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности.

К таким средствам и способам можно отнести создание и совершенствование системы обеспечения информационной безопасности объектов образования, усиление правоприменительной деятельности федеральных органов исполнительной власти, и, в пределах их компетенции, органов исполнительной власти субъектов РФ в образовательной сфере, включая предупреждение и пресечение правонарушений в информационном пространстве системы образования [22, с. 52], а также выявление, изобличение и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления и другие правонарушения в этой сфере [23, с. 20], разработка, использование и совершенствование средств защиты информации и методов контроля эффективности этих средств, развитие защищенных образовательных телекоммуникационных систем, в том числе, с точки зрения защиты персональных данных преподавателей и учащихся [24, с. 42], и иные методы.

4. Информационные методы правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности.

Основой такого метода будет анализ информации о состоянии защищенности информационных систем объектов (учреждений) образования. Данный

анализ зачастую состоит в обобщении и оценке таких показателей и характеристик как уровень, структура, динамика, причины и условия, иные показатели информационно-образовательной деятельности в образовательной сфере.

5. Средства и способы правового обеспечения информационно-образовательной деятельности, связанные с подбором и использованием *трудовых ресурсов*.

Образовательная деятельность, независимо от степени ее цифровизации, это, прежде всего, деятельность, предполагающая межличностное общение индивидов: главным образом, преподавателей и студентов (магистрантов, аспирантов). Отношение этих лиц, как индивидуумов, так и их коллективов, к проблемам правового обеспечения информационно-образовательной деятельности, неизбежно налагает отпечаток на данную разновидность правообеспечительной деятельности.

По указанным причинам, например, важное значение имеет разработка механизма медиативного разрешения споров, связанных с обеспечением информационно-образовательной безопасности, между субъектами образовательной деятельности [25, с. 22]. Необходимо учитывать и психологические факторы, которые способны обеспечить большую эффективность использованию средств информационно-образовательной защиты образовательных учреждений на основе принятия и реализации согласованных (скоординированных) решений [26, с. 92].

6. *Экономические методы* правового обеспечения информационно-образовательной безопасности.

Очевидно, что вне создания необходимой материальной основы, материально-технической базы информационно-образовательной защиты образовательного процесса о наличии требуемого уровня информационно-образовательной безопасности образовательных систем говорить не приходится. Однако существуют и не столь явные формы и проявления влияния экономических способов и средств правового обеспечения информационно-образовательной безопасности образовательной деятельности на уровень информационно-образовательной защищенности системы образования.

Например, экономические методы могут способствовать предотвращению или локализации юридических конфликтов в образовательной среде [27, с. 34]. Иногда в юридической науке отмечается, что недостаточное использование экономических методов обеспечения информационно-образовательной безопасности образовательной деятельности в будущей перспективе способно привести к угрозе экономической безопасности Российской Федерации [28, с. 12].

Представляется, что наибольший эффект (в том числе, эффект синергии) даст лишь комплексное применение отмеченных выше методов и способов правового обеспечения информационно-образовательной безопасности образовательной деятельности.

Правовые методы являются первоосновой для других методов. Они тесно связаны с применяемыми в информационном праве общими методами правового регулирования как совокупностью приемов и способов правового регулирования, реализуемых государством и направленных на обеспечение

информационной безопасности образовательной деятельности. Очевидно, что для правовых норм, содержащихся в законодательстве в области обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности, свойственно использование особых сочетаний императивного и диспозитивного, поощрительного и рекомендательного методов и приемов, что позволяет говорить о некотором сходстве института правового обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности с другими институтами публично-правовой сферы.

Таким образом, в ходе исследования были выделены шесть относительно обособленных комплексов (средств и способов, реализуемых с учетом принципов права) методов правового воздействия на деятельность по обеспечению информационной безопасности образовательной отрасли. Их можно считать структурными компонентами метода правового регулирования такой деятельности.

От рассмотренных выше структурных компонентов метода правового регулирования в информационном праве в части обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности зависит, во-первых, установление границ регулируемых отношений, учитывающее необходимость нахождения баланса между частными и публичными интересами и соблюдение требований системности управления сферой образования, во-вторых, сочетание нормативно-правового регулирования с управленческими мерами воздействия, а также практикой технической защиты информации, в-третьих, объем правового статуса участвующих в информационном обмене в образовательной области лиц, в-четвертых, особенности юридической ответственности в ситуации нарушения как норм права, так и технических правил и норм.

В свою очередь, применение тех или иных сочетаний методов правового регулирования, а также применение контрольных, принудительных, карательных и стимулирующих мер в части обеспечения информационной безопасности образовательной деятельности зависит от функций информации, субъектного состава лиц, участвующих в информационном обмене, специфики данной информации, особенностей общественных отношений, связанных со сбором, обработкой и хранением информации, а также обеспечением ее защиты.

Список литературы

1. Карташов В. Н. Механизм координационного регулирования // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П. А. Кабанов. Нижнекамск, 2001. С. 21–25.
2. Карташов В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. тр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. интернет-конф. 15 мая 2011 г. Тамбов, 2011. С. 50–55.
3. Таланова М. В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 23–29.

4. Мельников Ю. И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция / под ред. Ю. И. Мельникова, А. А. Максурова, Г. В. Семенов. Ярославль, 2003. Вып. 1. С. 15–18.
5. Фролов С. Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Владимир. 2002. С. 59–64.
6. Бриль Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 121–125.
7. Таланова М. В. К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. 2012. № 10. С. 28–34.
8. Карташов В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 89–94.
9. Кивленок Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Владимир : ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 54–58.
10. Полякова Т. А., Акулова Е. В. Развитие законодательства в области обеспечения информационной безопасности: тенденции и основные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 4–17.
11. Архипов В. В. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18–25.
12. Максуров А. А. Методы публично-правового регулирования образовательной деятельности // Юрист вуза. 2025. № 8 (258). С. 21–28.
13. Таланова М. В. Эффективность норм частного права // Частно-правовые отношения в условиях глобализации. Saarbrücken : Lambert academic publishing, 2012. Ч. 1. Гл. 7. С. 109–116.
14. Максуров А. А. Глобальные информационные технологии с позиций международного права. Ч. 1 // Общественно-научный журнал. 2025. № 1. С. 8–15.
15. Макаров И. И. Координация в праве. Ярославль : ЯФ МФЮА. 2012. 314 с.
16. Киселев А. К. Актуальные проблемы обеспечения защиты информации правовыми средствами // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 63–66.
17. Максуров А. А. Виды методов правового обеспечения информационной безопасности // Сборник материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 06.03.2024). М. : АНО ДПО ЦРОН, 2024. С. 70–73.
18. Информационное право : учеб. для бакалавров / отв. ред. И. М. Рассолов. М. : Проспект, 2015. 480 с.
19. Постнов А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ : материалы конф. студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов. Нижний Новгород, 26–27 нояб. 2004 г. Вып. 6, ч. 1. Нижний Новгород, 2005. С. 64–67.
20. Максуров А. А. Научные ресурсы юридической практики (на примере координационной юридической технологии) // Общественные науки. 2011. № 4. С. 312–318.
21. Таланова М. В. Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес : сб. ст. I ежегод. междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию со дня рождения проф. В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. М. : Юрист, 2012. С. 80–87.
22. Гражданское исполнительное право / под ред. Власова А. А. М. : Экзамен, 2004. 430 с.
23. Уколова Ю. А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность ? // Юридический справочник руководителя. 2009. № 11. С. 17–23.
24. Максуров А. А. Юридическая технология обеспечения безопасности и защиты персональных данных в сети Интернет. М. : Проспект. 2024. 380 с.
25. Таланова М. В. Цели и результаты медиативной юридической деятельности // Мировой судья. 2012. № 2. С. 19–25.

26. Чернецов В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : докл. и сообщ. VII Междунар. науч. конф. Москва, 17 апреля 2007 г. М. : РГГУ, 2007. С. 89–94.

27. Таланова М. В. Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. 2011. № 11. С. 32–39.

28. Баранов В. М., Карташов В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11–15.

УДК 338.35

Полюшкевич О. А., *Иркутск*

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА В ДИНАМИКЕ С 1991 ПО 2025 Г.

Аннотация. Анализируются особенности понимания смыслов понятия «социальная безопасность» в общественном развитии Российской Федерации. На основе контент-анализа газеты «Аргументы и факты» с 1991 по 2025 г. был выделен институциональный и символический контекст упоминания понятия социальной безопасности на страницах издания и формирования соответствующего общественного мнения. Излагаются результаты: было выделено семь ключевых смыслов социальной безопасности, пять этапов развития и двенадцать смыслов символического наполнения данного понятия.

Ключевые слова: социальная безопасность, общественное развитие, социальное воспроизводство, контент-анализ.

Polyushkevich O. A., *Irkutsk*

SOCIAL SECURITY OF SOCIETY: DYNAMICS FROM 1991 TO 2025

Abstract. This article analyzes the specific understanding of social security concepts in the social development of the Russian Federation. Based on a content analysis of the newspaper “Arguments and Facts” from 1991 to 2025, we identified the institutional and symbolic context of references to “social security” in the publication and the formation of corresponding public opinion. We identified seven key meanings of social security, five stages of development, and twelve meanings of the symbolic content of this concept.

Keywords: social security, social development, social reproduction, content analysis.

Социальная безопасность – основа социального моделирования и развития общества. Это ценностно-смысловая основа определяющая целостность любого сообщества. Социальная безопасность создает условия для жизни личности.

Трактовка социальной безопасности в повседневном обиходе носит ситуативный характер (так как определяется индивидуальными взглядами и оценками условий и механизмов личной безопасности в социальном контексте). А трактовка социальной безопасности в общих социально-правовых, социокультурных, экономико-политических условиях весьма конкретный.

Социальная безопасность может рассматриваться как категория общего порядка – безусловная ценность и ориентир общественного воспроизводства,

также как и локально (безопасность определенной социальной группы (например, молодежь, женщины, инвалиды и т. д.). Социальная безопасность раскрывается через механизмы социального (государственного) регулирования (Р. Г. Ардашев [1–3]), вопросы воспитания и образования (И. А. Журавлева [4; 5]) и общих условий социализации (Р. В. Иванов [6]).

Важно понимание ценностно-смысловых ориентиров социальной безопасности. В литературе можно выделить несколько смыслов социальной безопасности:

- как эквивалент социальной стабильности в целом;
- как показатель социальных гарантий государства;
- как показатель духовно-нравственного развития;
- как показатель социально-правового развития;
- как показатель социального и физического здоровья;
- как условие развития социальной инфраструктуры и социальных благ;
- как механизм уверенности в завтрашнем дне.

Мы провели контент-анализ публикаций газеты «Аргументы и факты» с 1991 по 2025 г. Всего было проанализировано 28 638 текстов, где использовался термин «социальной безопасности» (21 400 раз). Распределение упоминания по годам представлено на рис. 1.

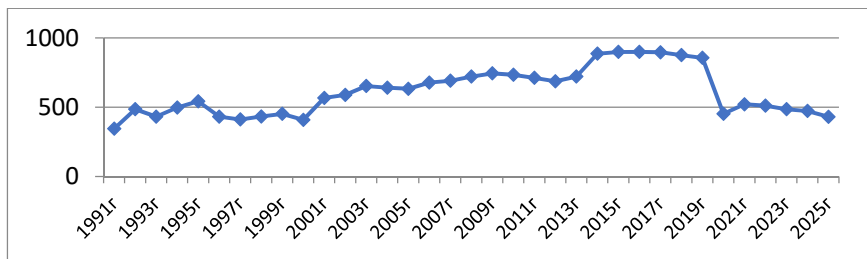

Рис. 1. Количество упоминаний «социальной безопасности»

Как видно на рис. 1, мы можем выделить этапы трансформации «социальной безопасности»:

1991–2000 гг – этап социальных трансформаций;

2000–2008 гг – этап социальной стабильности;

2008–2013 гг – этап социальных проб;

2013–2019 гг – этап социальных переходов;

2020 по настоящее время – этап цифровизации социальной безопасности.

Выделение этапов осуществлялось по институциональному критерию и критерию символического наполнения. Институциональный уровень характеризует контексты изучения социальной безопасности применительно:

- к правовым гарантиям, контекстам и институтам (обеспечения правопорядка, внутренней безопасности, в том числе и в отношении преступлений);
- социально-правовым институтам (обеспечения работы институтов гражданского общества, механизмов государственного и муниципального управления);
- социальному взаимодействию (безопасность взаимоотношения между социальными группами);
- безопасным механизмам взаимодействия в новых условиях (риски виртуального пространства, преследования в виртуальном мире);
- мировоззренческим ценностям (значимость нравственности и морали, риски моральных ориентиров);
- факторам социального и физического здоровья (безопасность семьи, безопасность социализации, последствия COVID-19, социальные болезни).

На рис. 2 представлено распределение институциональных смыслов социальной безопасности.

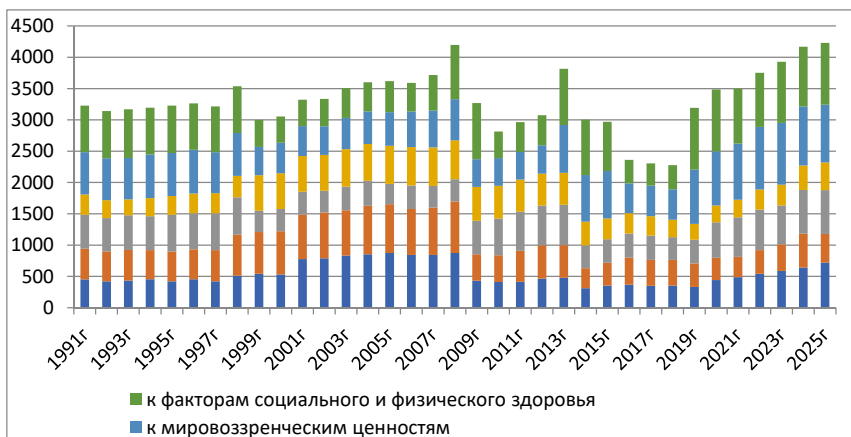

Рис. 2. Распределение институциональных смыслов социальной безопасности

Как видно из рис. 2, институциональные смыслы социальной безопасности разнообразны. В общественном дискурсе вопрос социальной безопасности через правовые гарантии наиболее часто рассматривался с 2000 по 2009 г., а также наблюдается постепенный рост с 2020 г. по настоящее время. Социальная безопасность как социально-правовой институт наиболее активно использовалась с 1999 по 2008 г. Социальная безопасность как процесс социального взаимодействия анализировалась с 1991 по 1999 г., с 2009 по 2013 г., с 2020 г. по настоящее время (хотя объект взаимодействия отличается, предмет остается неизменен). Социальная безопасность как механизм взаимодействия в новых условиях с 2000 по 2008 г., а также после 2019 г.

намечается постепенный рост интереса в данном контексте. Социальная безопасность в контексте мировоззренческих ценностей обсуждалась с 1991 по 2000 г., 2008–2009 гг., 2013–2014 гг., а также после 2019 г. Социальная безопасность как фактор социального и физического здоровья анализировалась с 1991 по 2000 г., в 2008, 2014, с 2019 по настоящее время.

По смысловым контекстам, сольная безопасность рассматривается как обязанность государства в обеспечении социальных гарантий и прав граждан. В два раза реже говорится о личных возможностях обеспечения социальной безопасности.

Символическое наполнение определялось такими символами и смыслами как: социальная безопасность, национальная безопасность, ценностная безопасность, духовная безопасность, культурная безопасность, безопасность здоровья, цифровая безопасность, безопасность социализации, безопасность семьи, безопасность детей, правопорядок, общественный контроль и т. д.

Социальная безопасность – этот контекст присутствует на протяжении всего анализируемого периода и позволяет говорить о том, что разные смыслы могут формировать направления развития и определяют возможности национальной безопасности. Это подтверждает актуальность самой тематики развития общественной безопасности.

Такие смыслы социальной безопасности как «правопорядок» и «общественный контроль» значимы на протяжении всего периода. Но наиболее активно они использовались в 1991–1994, 1998–2000, 2008–2009, 2013–2014, с 2022 и по настоящее время. Это годы трансформаций, связанные с экономическими кризисами, началом военной операции и другими значимыми сторонами новых условий жизни россиян.

Ценностная безопасность, так же как и духовная безопасность наиболее часто поднималась с 1991 по 2000 г., а также начиная с 2019 г. по настоящее время – это перестройка от советской системы ценностей и новые ориентиры после пандемии COVID-19, СВО, виртуализации и прочих значимых процессов, изменивших ценностно-мировоззренческие ориентиры современников.

Культурная безопасность в контексте подмены российских/советских ценностей на вестернизированные ценности рассматривалась в СМИ с 1991 по 2000 г., затем в 2023–2019 гг. С 2019 г. культурная безопасность чаще используется в контексте национальной безопасности и патриотизма, сохранения культурного наследия и преемственности поколений.

Безопасность здоровья значимая, но не приоритетная тема публикаций, имеющая ровный интерес общественности до 2019 г. После пандемии COVID-19, смыслы поменялись, и эта тематика регулярно рассматривается в контексте физического и психологического здоровья семьи, детей, молодежи, пенсионеров и других категорий граждан.

Цифровая безопасность также стала более значима начиная с 2019 г., так как пандемия активизировала возможности использования виртуального пространства для обучения, работы, досуга. Это повлекло за собой множество социальных рисков.

Такие категории как «безопасность социализации», «безопасность семьи», «безопасность детей» значима на протяжении всего периода анализа. Пики их использования приходятся на 2000, 2008, 2019–2022 гг., когда не ясны перспективы социального развития и менялись условия общественного воспроизводства.

Правовой и социальный контекст социальной безопасности тесно связан между собой. В различные временные периоды активировались разнообразные ориентиры и форматы социальной безопасности, но общий вектор остался неизменным.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптивной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9.
2. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
3. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
4. Журавлева И. А. Социальная безопасность в образовательных организациях // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества и 30-летию открытия специальности «Социальная работа» в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2025. С. 117–120.
5. Журавлева И. А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
6. Иванов Р. В. Критерии социальной безопасности на фоне современных социальных вызовов в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 12–15.

УДК 34

Чуняева Ю. Д., *Иркутск*

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Рассматривается применение социально-культурной деятельности в реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением. Анализируется роль социальных институтов и правовых механизмов, а также медиативных практик в профилактике правонарушений.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, девиантное поведение, социальная реабилитация, несовершеннолетние, социальные институты, медиация, профилактика правонарушений, правовое регулирование.

Chunyaeva Y. D., *Irkutsk*

THE USE OF METHODS OF SOCIO-CULTURE ACTIVITIES IN THE REHABILITATION OF CHILDREN WITH DEVIANT BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF SOCIAL INSTITUTIONS (USING THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Abstract. The article examines the use of socio-cultural activities in the rehabilitation of minors with deviant behavior. It analyzes the role of social institutions, legal mechanisms, and mediation practices in preventing juvenile delinquency.

Key words: socio-cultural activity, deviant behavior, social rehabilitation, minors, social institutions, mediation, crime prevention, legal regulation.

В современных условиях проблема отклоняющегося поведения несовершеннолетних приобретает особую значимость, поскольку сохраняет высокий уровень значимости и выходит за рамки исключительно педагогической или психологической проблематики, приобретая социально-правовое содержание. Рост числа правонарушений среди подростков, а также увеличение доли несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, свидетельствует о необходимости поиска эффективных механизмов профилактики и реабилитации, интегрированных в деятельность социальных институтов и закрепленных на нормативном уровне [6].

Отклоняющееся поведение в научной литературе традиционно рассматривается как результат нарушения процесса социализации личности, возникающий под воздействием комплекса неблагоприятных факторов. Среди них особое место занимают дисфункции семейного воспитания, влияние асоциального окружения, ограниченность возможностей для самореализации, а также недостаточная доступность культурно-досуговых ресурсов [8]. В этих условиях усиливается риск формирования устойчивых моделей противоправного поведения, что требует не только коррекционного воздействия, но и системной профилактической работы.

Последние годы наблюдается активное внедрение в практику работы с несовершеннолетними адаптационного подхода, который хорошо демонстрирует служба медиации. В России восстановительные практики, или позднее медиативные технологии, развиваются в деятельности территориальных и школьных служб примирения с 2001 г. Идея их появлений была разработана общественным центром «Судебно-правовая реформа», основанных на стандартах восстановительной медиации, принятых в 2009 г. Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации [11].

Следует отметить, что современный подход к решению данной проблемы все в большей степени ориентирован на адаптацию и превентивные технологии, предполагающие не изоляцию несовершеннолетнего, а его включение в социально одобряемые формы активности. В этой связи социальная реабилитация рассматривается как процесс, направленный на восстановление нарушенных социальных связей, формирование правомерного поведения и развитие способности личности к самостоятельному принятию ответственных решений [13].

Согласно открытым источникам, в последние годы в России наблюдается долгосрочная тенденция к снижению преступности несовершеннолетних. Так, количество преступлений сократилось на 57 % за последние 10 лет, по показаниям на 2024 г., но уже в 2025 г. было зафиксирован рост тяжких преступлений и насильственных посягательств на 13 % относительно 2024 г. И при этом рецидив преступлений остается высоким и достигает 25 %, что указывает на недостаточную эффективность отдельных профилактических мер.

Существенную роль в данном процессе играет социально-культурная деятельность, обладающая реабилитационным потенциалом. Ее особенности заключаются в добровольности, вариативности, ориентации на творческое самовыражение, которое позволяет выстраивать работу с подростками на основе их интересов и запросов [7]. В отличие от формализованных методов воздействия, социально-культурные практики способствуют формированию внутренней мотивации к изменению поведения, что является одним из ключевых факторов устойчивого реабилитационного эффекта.

Применение методов социально-культурной деятельности в работе с детьми с отклоняющимся поведением позволяет не только организовывать их досуг, но и решать более углубленные задачи: формировать навыки социального взаимодействия, развивать эмоциональный интеллект, снижать уровень конфликтности и агрессии [1]. Включение подростков в коллективные формы деятельности создает условия для освоения норм и правил поведения, в том числе правовых, через практический опыт, а не через формальное усвоение.

Поэтому была рассмотрена роль социально-культурной деятельности в области профилактики несовершеннолетних, где по данным специалистов образовательных и реабилитационных учреждений, регулярное участие подростков в кружках, секциях, школьных мероприятиях и иных активностях снижает уровень дисциплинарных нарушений на 30 %. Это связано с тем, что свободное время несовершеннолетнего заполняется формами самореализации.

Отдельного внимания заслуживает оценка медиативных практик. Специалисты, имеющие опыт работы со школьными службами медиации подчеркивают, что участие подростков в процедурах способствует формированию навыков саморегуляции, а также учит ответственности и пониманию последствий противоправного поведения. Анализ опыта применения медиативных практик в школе показал, что среди обучающихся образовательных учреждений, в которых действует служба медиации, до 70 % конфликтных ситуаций разрешают без привлечения административных мер. Что в последствии также позволяет снизить более серьезные правонарушения и их повтор с одной из сторон конфликта. При этом отмечается, что наибольший эффект достигается в тех случаях, когда медиация интегрирована в более широкую систему профилактической работы, а не используется отдельно.

Особую значимость данные процессы приобретают в контексте функционирования социальных институтов, поскольку именно они обеспечивают

нормативно-правовую и организационную основу реабилитации. В рамках действующего законодательства закрепляется приоритет профилактики правонарушений, защита прав несовершеннолетних и необходимость межведомственного взаимодействия, что предполагает комплексную работу деятельности учреждений образования, социальной защиты и культуры [6].

В частности, на примере школы в г. Саянска, можно отметить, что после внедрения службы медиации сократило число острых конфликтов и обращений к сотрудникам администрации. Подростки также стали чаще участвовать во внеучебной деятельности, что положительно повлияло на их поведение и уровень правовой ответственности.

В целом по личным наблюдениям автора и анализу можно сказать, что сочетание социальных институтов и медиативных практик действительно снижает уровень девиантного поведения. При это наибольшей эффект достигается при совместном сотрудничестве.

Обращение к региональному опыту показывает, что в Иркутской области накоплен определенный опыт применения социально-культурных технологий в работе с девиантным поведением детей. В деятельности социально-реабилитационных центров, учреждений дополнительного образования и организаций культуры используются разнообразные формы: творческие мастерские, проектная деятельность, культурно-досуговые мероприятия, направленные на вовлечение подростков в социально значимую активность [2].

Социально-культурная деятельность в данном контексте выступает как важный ресурс, который позволяет реализовать задачи по предупреждению правонарушений и адаптацию подростков на практике. Ее интеграция в деятельность социальных институтов обеспечивает создание условий модели правомерного поведения и снижения уровня девиантности.

Таким образом социально-культурная деятельность в сочетании с медиативными технологиями может рассматриваться как эффективный инструмент реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Их развитие в рамках социальных институтов позволяет не только повысить результат адаптации, но и укрепить правовые основы социальной защиты детей и подростков.

В заключении автор отмечает, что проблема адаптации детей с отклоняющимся поведением требует комплексного и междисциплинарного подхода, учитывающего как социальные, так и правовые аспекты. В условиях трансформации современных социальных институтов особую значимость приобретает развитие эффективных механизмов профилактики, ориентированных на предупреждение правонарушений и защиту прав несовершеннолетних.

Вместе с тем для повышения эффективности адаптации необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, развитие межведомственного взаимодействия, а также внедрение современных социокультурных технологий в практику работы с несовершеннолетними. Важными

направлением также является подготовка специалистов, способных реализовать комплексные программы, которые смогут сочетать элементы социальной, педагогической и правовой работ.

Таким образом, применение методов социально-культурной деятельности в реабилитации и адаптации детей с отклоняющимся поведением, особенно в сочетании с медиативными технологиями, может рассматриваться как перспективное направление развития системы профилактики правонарушений несовершеннолетних и укрепления правовых основ функционирования социальных институтов.

Список литературы

1. Васильева Р. М., Каримов Б. К. Социально-культурная деятельность как фактор профилактики девиантного поведения подростков : монография. Чебоксары : ЧГИКИ, 2015. 113 с. // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/138901> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Вахрамеева О. А. Социально-культурная деятельность в процессе профилактики девиантного поведения подростков // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 5–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-deyatelnost-v-protsesse-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Долгова А. И. Социальные причины преступности. М. : Норма, 2005. 312 с.
4. Сидорова Е. З., Грибунов О. П. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учеб. пособие. Иркутск : Вост.-Сиб. Ин-т МВД России, 2023. 132 с.
5. Скорина Е. Н., Баторова Е. Б. Организация индивидуальной профилактической работы с отдельными категориями несовершеннолетних обучающихся в общеобразовательных организациях: деятельность социального педагога : метод. рекомендации для соц. педагогов общеобразоват. организаций / под ред. Е. Г. Артамоновой. М. : Центр защиты прав и интересов детей, 2023. 76 с.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : закон РФ от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14023> (дата обращения: 01.04.2026).
7. Киселева Г. Г., Красншишко Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. М. : МГУКИ, 2004. 539 с.
8. Колесникова, Г. И. Девиантология : учеб. и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 161 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/584451> (дата обращения: 01.04.2026).
9. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений: (репринт изд. М., 1976) : монография. М. : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 286 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/752283> (дата обращения: 01.04.2026).
10. Преступность несовершеннолетних : учебник для вузов / под ред. А. В. Ростокинского. 2-е изд. М. : Юрайт, 2025. 221 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/566242> (дата обращения: 01.04.2026).
11. Применение восстановительного подхода и медиативных технологий при разрешении конфликтов с участием несовершеннолетних : сб. материалов / Благотворительный фонд «Дорога к дому»; авт.-сост.: Хребтова А. Р., Томилова А. В., Козлова Е. С. ; ред. Шахова Т. Ю. Череповец : Череповец, 2025. 123 с
12. Распопова Н. И. Медиация : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2026. 241 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/588651> (дата обращения: 01.04.2026).
13. Харитоновна Е. В., Хамдамова А. Ю. Ценностные ориентации подростков, склонных к девиантному поведению // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 23, № 4. С. 56–69.

УДК 342.3

Шамсутдинов Д. С., *Ростов-на-Дону*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Проводится комплексное исследование конституционно-правовых основ обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в контексте глобальной нестабильности и санкционного давления. Анализируется текущее состояние правового регулирования, выявляются критические угрозы, такие как сырьевая зависимость, технологическое отставание и деградация научно-кадрового потенциала. Особое внимание уделяется противоречиям между конституционными принципами и современными геополитическими вызовами. На основе системного и формально-юридического анализа предлагается пакет конкретных изменений Конституции РФ, направленных на закрепление технологического суверенитета, расширение полномочий Президента РФ в сфере экономической координации и совершенствование механизмов введения контрсанкций. Делается вывод о необходимости модернизации правового каркаса для перехода к модели устойчивого инновационного развития и защиты национальных интересов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, Конституция РФ, национальный суверенитет, технологический суверенитет, санкционное давление, устойчивое развитие, правовое регулирование, конституционные поправки, глобальные вызовы, промышленная политика.

Shamsutdinov D. S., *Rostov-on-Don*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL CHALLENGES

Abstract. The article provides a comprehensive study of the constitutional and legal foundations for ensuring the economic security of the Russian Federation in the context of global instability and sanctions pressure. The author analyzes the current state of legal regulation, identifying critical threats such as raw material dependence, technological lag, and the degradation of scientific and human resources potential. Special attention is paid to the contradictions between constitutional principles and modern geopolitical challenges. Based on systemic and formal-legal analysis, a package of specific amendments to the Constitution of the Russian Federation is proposed, aimed at consolidating technological sovereignty, expanding the President's powers in the field of economic coordination, and improving mechanisms for introducing counter-sanctions. It is concluded that the modernization of the legal framework is necessary for the transition to a model of sustainable innovative development and the protection of national interests.

Keywords: economic security, Constitution of the Russian Federation, national sovereignty, technological sovereignty, sanctions pressure, sustainable development, legal regulation, constitutional amendments, global challenges, industrial policy.

В условиях глобальной нестабильности, усиления санкционного давления и качественной трансформации мирохозяйственных связей вопросы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации приобретают статус приоритетных направлений государственной политики. Экономическая безопасность является фундаментом национального суверенитета, обеспечивая независимость государства в принятии политических решений и социальную стабильность общества [7, с. 64]. Конституция РФ, обладая

высшей юридической силой, формирует концептуальный и институциональный каркас для защиты национальных интересов в экономической сфере. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации конституционно-правовых механизмов к новым вызовам: технологическому отставанию, сырьевой зависимости и внешним ограничениям. Целью настоящего исследования является комплексный анализ конституционно-правовых основ экономической безопасности РФ, выявление ключевых деструктивных факторов и разработка предложений по совершенствованию законодательства для обеспечения устойчивого развития страны.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. Применялся системный анализ для изучения конституционных норм и их взаимосвязи с законодательством в сфере экономической безопасности. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления отечественного и зарубежного опыта правового регулирования. Формально-юридический метод позволил проанализировать содержание нормативных правовых актов, таких как Конституция РФ [1], Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» [2], Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] и Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4]. Также использовался метод контент-анализа научной литературы для выявления современных угроз и предложений по их нейтрализации.

Конституционно-правовой фундамент экономической безопасности РФ базируется на принципах единства экономического пространства, свободного перемещения товаров и услуг, поддержки конкуренции и признания многообразия форм собственности. Особое значение имеет ст. 7 Конституции РФ, определяющая Россию как социальное государство. Однако анализ выявил ряд системных угроз, подрывающих реализацию этих принципов.

1. Сырьевая зависимость и технологическое отставание. Доминирование топливно-энергетического сектора в структуре экспорта делает бюджет уязвимым [15, с. 45]. Технологическое отставание проявляется в дефиците собственного высокотехнологичного оборудования [11, с. 70]. Развитие инновационных отраслей сдерживается высокой налоговой нагрузкой, где доля затрат на оплату труда значительно выше, чем в добывающих отраслях [9, с. 62].

2. Деградация научного и кадрового потенциала. Применение метода потоков фиксирует стратегическую угрозу: с 2015 г. численность ученых и преподавателей с учеными степенями перманентно снижается [14, с. 304]. Это создает риск неспособности системы высшей школы самостоятельно готовить кадры для инновационной экономики.

3. Пробелы в конституционно-правовом регулировании. Статья 15 Конституции, предусматривающая приоритет международного права, вступает в противоречие с необходимостью защиты национальных интересов в

условиях экономической агрессии. Отсутствует специальный конституционный механизм введения контрсанкций. Конституционные принципы федерализма реализуются недостаточно эффективно, значительные региональные диспропорции создают системные риски [6, с. 14].

4. Устойчивое развитие как основа региональной безопасности. В условиях цифровизации и экологических угроз интеграция принципов устойчивого развития (экономического, социального, экологического) становится ключевым механизмом минимизации рисков [10, с. 215]. Цифровой разрыв между центрами и регионами, нехватка квалифицированных кадров и инвестиций в цифровые технологии представляют собой новые вызовы [5, с. 9].

На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию конституционно-правового обеспечения экономической безопасности:

1. Совершенствование федеративных отношений. Целесообразно дополнить статью 73 Конституции положением о праве Президента РФ устанавливать особые режимы экономического развития для регионов с высоким уровнем риска.

2. Механизмы защиты от внешних угроз. Необходимо дополнить статью 55 Конституции положением о праве государства на введение специальных экономических мер, включая контрсанкции, в условиях внешних угроз.

3. Гарантии технологического суверенитета. Требуется ввести в статью 71 Конституции предмет ведения РФ: «государственный заказ на фундаментальные и прикладные научные исследования, обеспечение технологического суверенитета в критически важных отраслях экономики».

4. Защита прав собственности. Статью 35 Конституции следует дополнить положением о гарантиях равной защиты всех форм собственности и создания условий для свободного предпринимательства, где ограничения возможны только федеральным законом в целях экономической безопасности.

5. Создание координирующего органа. Необходимо дополнить статью 83 Конституции полномочием Президента по координации деятельности органов власти по обеспечению экономической безопасности, с созданием ответствующего Совета при Президенте РФ.

Реализация предложенных конституционных изменений, совместно с развитием ESG-практик на региональном уровне и внедрением цифровых систем мониторинга, создаст устойчивую правовую основу для обеспечения экономической безопасности. Это позволит повысить технологический суверенитет страны, укрепить инвестиционный климат, минимизировать риски и обеспечить сбалансированное развитие регионов, что является императивом для противодействия современным глобальным вызовам и достижения целей национальных проектов.

Текущий конституционно-правовой базис экономической безопасности Российской Федерации, несмотря на свой фундаментальный характер, требует существенной концептуальной актуализации ввиду беспрецедентной

трансформации системы мирохозяйственных связей и эскалации внешнего санкционного давления. Анализ деструктивных факторов показал, что сохраняющаяся сырьевая зависимость в сочетании с деградацией научно-кадрового потенциала и технологическим отставанием в критических отраслях формирует системную уязвимость, нейтрализация которой невозможна без интеграции принципа технологического суверенитета непосредственно в конституционное поле страны. Важнейшим условием укрепления национального суверенитета выступает модернизация федеративных отношений, предполагающая наделение федерального центра гибкими полномочиями по управлению региональными экономическими режимами при одновременном внедрении цифровых систем мониторинга и ESG-стандартов для обеспечения сбалансированного развития территорий. Предложенный пакет конституционных правок, ориентированный на расширение координирующих функций Президента и легитимацию специальных экономических мер, позволит создать жесткий правовой заслон против внешнеполитической агрессии, одновременно гарантируя незыблемость прав собственности и свободу предпринимательской инициативы внутри страны. Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что переход к инновационной модели устойчивого развития возможен исключительно при условии синхронизации правотворческой деятельности с современными геополитическими вызовами, что в конечном итоге позволит сформировать высокотехнологичную экономическую систему, способную гарантировать долгосрочное процветание Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. О промышленной политике в Российской Федерации : федер. закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 41.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в дейст. Ред.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
5. Ершов А. В. Проблемы экономической безопасности региона в условиях цифровизации // Прогрессивная экономика. 2024. № 11. С. 9–14.
6. Галиева Г. Ф., Шлеенко А. В., Губернаторова Н. Н., Рошкетасва У. Ю. Диагностика проблем экономической безопасности регионов в период кризиса // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 14–24.
7. Гусаим И. В. К вопросу о роли конституционных норм в обеспечении безопасности личности, общества и государства // Закон и право. 2025. № 10. С. 64–67.
8. Злобина Е. Ю., Котлячкова Н. В. Анализ инновационной составляющей экономической безопасности региона (на примере Удмуртской Республики) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. Т. 34, № 4. С. 604–612.
9. Качелин А., Соколов М. Проблемы экономической и энергетической безопасности и технологического суверенитета в России // Экономика и управление. 2025. № 3. С. 62–68.
10. Кузнецова Е. И., Сараджева О. В. Управление устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 215–221.

11. Мустафина Г. Г., Сергеев Н. А. Инновационный потенциал в системе факторов обеспечения экономической безопасности России // *Beneficium*. 2024. № 3 (52). С. 70–76.
12. Назаров Т. А. О классификации угроз экономической безопасности региона и мерах по их предотвращению // *Вестник Российского университета кооперации*. 2024. № 4. С. 28–33.
13. Платонов К. С. Устойчивое развитие как основа экономической безопасности региона // *Экономика и управление*. 2025. Т. 31. № 9. С. 1214–1221.
14. Полтораднева Н. Л. Метод потоков в диагностике угроз национальной экономической безопасности России // *Идеи и идеалы*. 2024. № 2. С. 304–312.
15. Самылина Ю. Н. Современные угрозы экономической безопасности России: анализ и пути противодействия // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2025. № 4 (174). С. 45–52.

УДК 342.9

Шилов Ю. В., *Пермь*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются теоретико-правовые аспекты, связанные с вопросами обеспечения защиты несовершеннолетних от негативного воздействия различного информационного контента, содержащегося в виртуальном пространстве. Обозначаются отдельные направления административного регулирования процессов, даются некоторые рекомендации по расширению области научного исследования, обосновывается необходимость системного подхода для последующей корректировки отдельных нормативных регуляторов и повышения уровня онлайн-безопасности.

Ключевые слова: деструктивная информация, несовершеннолетние, правовое регулирование, административная ответственность.

Shilov Yu. V., *Perm*

SOME ASPECTS OF PROTECTING MINORS FROM DESTRUCTIVE INFORMATION IN THE VIRTUAL WORLD

Abstract. The article examines some theoretical and legal aspects related to the protection of minors from the negative impact of various information content in the virtual space. The author identifies certain areas of administrative regulation of these processes, provides some recommendations for expanding the scope of scientific research, and substantiates the need for a systematic approach to subsequent adjustments of individual regulatory instruments.

Keywords: destructive information, minors, legal regulation, and administrative liability.

Развитие человечества со стремительным вхождением в повседневную жизнь большинства людей новых технологий с возможностью передачи данных в информационно-коммуникационном пространстве, наряду с, безусловно, положительными моментами, привнесли и целый ряд дополнительных социальных проблем и рисков. Исследователи подчеркивают, что современный век глобализации сопровождается стремительным научно-техническим прогрессом, что добавляет человечеству гораздо больше потенциальных угроз, нежели предыдущие этапы общественного развития [1, с. 76].

Особенно остро указанные обстоятельства влияют на вопросы обеспечения безопасности несовершеннолетних и иных слабо защищенных категорий граждан, часто находящихся под агрессивным воздействием определенного информационного контента и лиц, преследующих противоправные или корыстные цели.

Согласимся, что опасность неконтролируемого распространения деструктивной информации заключается в возможностях оказания негативного управленческого воздействия на психику пользователей сети Интернет, подрыва социальной и политической стабильности государств, размывания нравственных ориентиров и духовных ценностей населения [2, с. 282].

Сегодня можно констатировать, что угрозы со стороны виртуального пространства составляют значительную часть того, что может представлять реальную опасность для большинства пользователей, включая детскую, подростковую и молодежную целевую аудиторию. Находясь один на один с потоком различной информации, молодой человек или ребенок часто не способны реально оценить содержащуюся в ней угрозу, могут стать объектом манипулирования сознанием и поведением, попасть в психологическую зависимость недоброжелателя или столкнуться с иными проблемами и рисками.

Так, стремительно ворвавшийся в нашу повседневную жизнь информационный террор в отношении несовершеннолетних со стороны враждебно настроенных к нашей стране представителей недружественных государств, является особой угрозой национальной безопасности. Сегодня использование информационно-телекоммуникационных сетей и средств мобильной связи вывело возможности воздействия на детей и подростков на новый уровень, когда высокая анонимность и латентность взаимодействия позволяют злоумышленникам оставаться в тени и на протяжении долгого времени воздействовать на свою жертву. Все это логично встраивается в концепцию того, что для большинства политиков, ученых, экспертов и законодателя не является секретом ведение против России и некоторых других стран гибридной, в том числе ментальной, войны [3, с. 34].

Обманным путем, через запугивания или угрозы, молодых людей заставляют совершать террористические атаки на различных социальных объектах, подталкивают осуществлять поджоги или иным образом дестабилизировать обстановку в местах массового скопления граждан, конкретном регионе и социуме в целом. Попытки расшатать политическую ситуацию, осуществить давление на органы власти, запугать население, вызвать панику, недовольство или спровоцировать акты неповиновения – вот лишь некоторые последствия такого рода оказания давления со стороны террористов, экстремистов и провокаторов, действующих в отношении слабо защищенных категорий населения, включая несовершеннолетних.

Подобный аспект требует особого подхода, поскольку напрямую угрожает национальным интересам и безопасности населения, требует дополнительных усилий со стороны правоохранителей при активном содействии

всего общества. В этой связи согласимся, что благодаря возможности регулировать поведение участников информационного взаимодействия посредством программно-технических средств цифровые технологии вступают с правом в сложные симбиотические отношения [4, с. 3]. Складывающаяся ситуация требует, в частности, не только пересмотра концептуальных аспектов института юридической ответственности, но и корректировки имеющихся правовых инструментов в сторону ужесточения.

В 2024 г. за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, закреплена возможность привлечения к административной ответственности по ч. 12 ст. 13. 15 КоАП. Указанная норма направлена, прежде всего на ситуации, связанные с распространением в сети Интернет треш-контента, особенно того, который носит насильственный, жестокий и унижающий человеческое достоинство характер. Впитываемая несовершеннолетними информация, показывающая провокационное или аморальное поведение участников подобного контента, способна не только подорвать или исказить их нравственное здоровье, но и обесценить семейные отношения, спровоцировать пренебрежение пользователем духовной основы общества, его традициям и культуре.

Одним из вариантов негативного воздействия на детей и подростков является их травля в виртуальном пространстве, получившая в исследовательской среде и нормативных актах специальный термин – кибербуллинг.

Так, по мнению специалистов именно кибербуллинг следует относить исключительно к подростковой аудитории, тогда как применительно ко взрослым предпочтительными являются «сталкинг» или «харассмент» [5, с. 104]. В любом случае при буллинге всегда есть жертва, и он носит системный характер [6, с. 58].

Подвергшийся такому агрессивному психологическому воздействию, а по сути, фактически атаке со стороны хейтеров, подросток становится изгоем, испытывает серьезный психоэмоциональный стресс, часто замыкается в себе и способен совершить, в том числе, непоправимые поступки, как в отношении себя, так и в отношении его обидчиков.

Надо иметь в виду, что среди наиболее часто встречающихся вариантов издевательств и травли в сети Интернет выступают: а) угрозы насилия; б) оскорбления и нападки; в) публикации откровенных фотографий и неприглядного видеоконтента; г) троллинг и насмешки над внешностью, манерой одеваться, общаться; д) распространение слухов и домыслов; е) разжигание ненависти (хейтинг) в отношении жертвы; ж) интернет-шантаж жертвы посредством раскрытия известной агрессору информации; з) киберсталкинг,

т. е. преследование жертвы в виртуальном пространстве и пр. В любом случае налицо жестокое отношение сверстников к одному из своих одноклассников, в котором проявляются агрессия и иные варианты негативного отношения к тому, кто выпадает за рамки общепринятого поведения и не способен дать должный отпор групповому давлению.

В настоящее время согласно ч. 2 ст. 5. 61 КоАП РФ за нанесение оскорбления, т. е. унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме в виртуальном пространстве, такое виновное лицо может быть привлечено к ответственности в виде административного штрафа в размере от пяти до десяти тысяч рублей. При этом субъектом административной ответственности выступает совершеннолетний гражданин.

Следует помнить и об элементарном родительском контроле, позволяющем с использованием соответствующих средств своевременно обнаружить подозрительный и потенциально опасный контент. Например, необходимо по возможности отслеживать все сообщества, в которых состоит ребенок, просматривать его посты в социальных сетях, а еще лучше – установить соответствующее приложение для обеспечения цифровой безопасности и пр.

Вместе с тем следует отметить, что привлечение к ответственности распространяется за появление оскорбительной информации не только в социальных сетях, доступных для неопределенного круга лиц. Сюда же может быть отнесено общение в групповых подростковых чатах мессенджеров, где ведется переписка, а сами контакты происходит без непосредственного участия взрослых, которые не в состоянии осуществлять полный контроль за общением детей. Отсюда острая фаза развития ситуации может возникнуть абсолютно неожиданно для тех, кто, в конечном счете, будет нести персональную ответственность за подобное поведение и его последствия.

Очевидно, что родительскому сообществу и иным заинтересованным субъектам следует обращать внимание на предпосылки к возникновению элементов кибербуллинга с тем, чтобы своевременно купировать происходящие процессы и минимизировать возможные риски. Как отмечается, отдельные общественные и добровольческие объединения также ставят основной целью своей деятельности противодействие распространению антиобщественного контента посредством формирования у целевой аудитории высоких морально-нравственных ценностей и представлений [7, с. 72].

Сегодня звучат все новые инициативы о защите детей и подростков от пагубного воздействия виртуального пространства. Так, среди новых предложений, можно обратить внимание на блокировку различных информационных материалов на цифровых платформах и в социальных сетях, содержащих нецензурную брань. Такой законопроект в конце августа 2025 г. был внесен на рассмотрение в Государственную Думу [8].

В июле 2025 г. в КоАП РФ включена ст. 13.53, предусматривающая ответственность в отношении тех, кто целенаправленно осуществляет поиск

экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список. Вполне очевидно, что среди такого рода интересующихся, значительная доля принадлежит несовершеннолетним, которых легко втянуть в соответствующую противоправную деятельность профессиональным вербовщикам и манипуляторам.

Также можно обратить внимание, что по инициативе Совета блогеров России предлагается создать специальную комиссию при Роскомнадзоре, которая будет принимать оперативные решения о блокировке деструктивного информационного ресурса без обязательного решения суда или Генеральной прокуратуры России [9].

Более того, среди инициатив сегодня даже звучит даже идея отключения россиянам Интернета, например, на выходные дни [10]. При этом технические средства сегодня позволяют осуществлять физические блокировки сайтов или аккаунтов в социальных сетях, в том числе, для противодействия различным информационным угрозам. Так, сегодня уже вступили в действие механизмы, позволяющие по решению уполномоченных органов исполнительной власти осуществлять блокировку так называемых «сайтов-зеркал», которые копировали ранее заблокированный пиратский контент из недружественных стран, наносящий вред интересам общества.

Как отмечается, специфика цифрового пространства дает возможность каждому быть распространителем различных видов информации, поэтому задача регуляторов – обеспечить пользователям доступ к достоверной и правдивой информации [11, с. 74].

В целом задача государства в современных реалиях предполагает и вычищение из виртуального пространства всего того, что засоряет его тем или иным мусором, бессмыслицей, явно вредоносной информацией и огромным контентом, созданным ботами. Такие шаги помогут минимизировать распространение деструктивной информации, а, значит, сократить количество используемых злоумышленниками мошеннических схем или возможностей воздействия на целевую подростковую аудиторию.

Кроме того, в Государственной Думе планируется к рассмотрению законопроект № 795581–8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» [12]. Речь идет, в том числе о дополнительном правовом регулировании игровой индустрии в виртуальном пространстве, что, безусловно, скорректирует вопросы защиты молодых людей от разного рода проявлений негативного воздействия и формирования чуждой идеологической основы. Проектом предлагает введение обязательной маркировки компьютерных игр, чтобы информировать геймеров о присутствии в них элементов насилия, нецензурной брани, жестокости и другого контента.

Исследователи отмечают, что современные реалии требуют осуществления комплекса мер, обеспечивающих коллективный ментальный иммунитет, следовательно, ментальную безопасность [13, с. 6]. Особой защиты, безусловно, требуют те социальные группы, которые в силу физиологических и

интеллектуальных особенностей не способен самостоятельно эффективно противостоять потенциальным рискам и завуалированным информационным угрозам.

В части противодействия различным информационным угрозам следует обратить внимание на целесообразность нормативного закрепления категорийного аппарата в рамках исследуемой проблематики, четко определив, например, термин «деструктивная информация» («деструктивный контент»), что расширит не только возможности использования тех или иных административно-пресекательных мер, но и принятия дополнительных административно-правовых санкций и уточнения нормативных оснований для их применения. Нормативное закрепление термина «деструктивная информация» («деструктивный контент») позволит разграничивать соответствующую информацию от экстремистских материалов и квалифицировать соответствующие деяния, обращая внимание на их сущностные характеристики с позиции установленных критериев, используя арсенал мер административной, а не уголовной ответственности.

В заключение подчеркнем, что безопасность в информационном пространстве формируется не только за счет эффективной работы субъектов публичной власти различного уровня, но и на основе активной поддержки со стороны гражданского общества, социально ориентированных неправительственных структур, так называемых «киберволонтеров», каждого неравнодушного пользователя. Только при консолидации усилий всего общества при использовании всех доступных организационно-правовых, технических, идеологических и иных средств вопросы защиты детей и подростков в онлайн-пространстве смогут быть выведены на более высокий уровень.

Список литературы

1. Савельев А. И. Обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних на международном уровне // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 75–92.
2. Овчинский А. С. Информация в мире цифровых данных // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 282–285.
3. Ильницкий А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военная мысль. 2023. № 6. – С. 18–36.
4. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : НОРМА, 2023. 280 с.
5. Новикова М. А. Давление социальных сетей на отдельных пользователей: психологические аспекты кибербуллинга // Закон. 2023. № 3. С. 104 – 107.
6. Долгова С. И. Профилактика травли (буллинга) в образовательных организациях и полномочия органов внутренних дел в ее осуществлении // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 57–60.
7. Шуликов К. А. Субъекты противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет и административно-правовая характеристика их деятельности // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 69–73.
8. В ГД внесли проект о блокировке материалов с нецензурной бранью. URL: <https://ria.ru/20250811/blokirovka-2034549749.html> (дата обращения: 12.02.2026).

9. Суть идет: деструктивный контент в интернете планируют блокировать до суда. URL: <https://iz.ru/1890060/elizaveta-krylova/sut-idet-destruktivnyj-kontent-v-internete-planiruyut-blokirovat-do-suda> (дата обращения: 12.02.2026).

10. Виноградов В. А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 72–87.

11. «Доводит до сумасшедшего дома»: в Госдуме предложили отключать интернет на выходные. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/09/18/21721580.shtml> (дата обращения: 12.02.2026).

12. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 12.02.2026).

13. Мохов А. А. Государственная политика в сфере культуры, направленная на обеспечение сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: правовой взгляд /// Современное право. 2024. № 6. С. 5–8.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»

УДК 342.41

Безгласная М. Д., Петровская О. А., *Краснодар*

БРЕНДИНГ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ: ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ И ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН

Аннотация. Анализируется брендинг государственных и правовых институтов, рассматриваются коммуникационные стратегии, символический капитал и условия эффективности правового бренда. В рамках изучения темы было проведено пилотажное социологическое исследование среди жителей Краснодара. В результате были выявлены инструменты повышения лояльности и доверия граждан.

Ключевые слова: брендинг, государственный институт, правовой институт, общество, государство.

Bezglasnaya M. D., Petrovskaya O. A., *Krasnodar*

BRANDING OF STATE AND LEGAL INSTITUTIONS: TOOLS FOR INCREASING CITIZEN LOYALTY AND TRUST

Abstract. This paper analyzes the branding of government and legal institutions, examining communication strategies, symbolic capital, and the conditions for a legal brand's effectiveness. As part of this study, a pilot sociological survey was conducted among residents of Krasnodar. This study identified tools for enhancing citizen loyalty and trust.

Keywords: branding, state institution, legal institution, society, state

В современном мире в условиях цифровизации и трансформации системы государственного управления характер взаимодействия между властью и обществом претерпевает изменения. Традиционные методы администрирования уступают место сервисным моделям, где гражданин выступает в роли «клиента» государственных услуг. В этой связи брендинг государственных и правовых институтов перестает быть исключительно маркетинговым инструментом коммерческого сектора и становится стратегическим ресурсом государства. На первый план выходит проблема формирования четкого, узнаваемого и позитивного имиджа госорганов для преодоления коммуникационных разрывов, снижения уровня правового нигилизма и эффективного транслирования государственных ценностей [1].

На данный момент брендинг в государственном секторе перестает восприниматься как избыточная политехнология; он превращается в инструмент управления доверием, которое является базовой ценностью для устойчивости политической системы и верховенства права.

В отличие от коммерческого бренда, нацеленного на максимизацию прибыли, бренд государственного института стремится к публичному благу и общественному договору.

Само понятие «брендинг» как научная и маркетинговая дисциплина сформировалось в 1930 г. в США, так как в этот период было важно сместить фокус с простого обозначения собственности на создание эмоциональной связи с потребителем и управлением его восприятия [3]. Становление брендинга в государственном и правовом секторах прошло путь от символической идентификации, например гербы и печати, до современных стратегий управления репутацией и «сервисного» подхода. Так, в 1996 г. британский эксперт С. Анхольт впервые ввел термин «бренд нации», тем самым доказал, что репутация страны влияет на ее экономическое процветание так же, как имидж корпорации.

В западных странах таких как США, Великобритания в 1980–1990-х гг. полиция и судебные системы начали использовать маркетинговые приемы для снижения уровня преступности и улучшения имиджа. Например, был использован ребрендинг полиции Нью-Йорка для перехода от «карательного» образа к «защитающему» [4].

В России брендинг можно разделить на несколько ключевых этапов. В Российской империи брендинг носил сословный и имперский характер (государственные орлы, поставщики двора Его Величества). В СССР существовал мощный идеологический брендинг через агитационные плакаты и государственные символы, однако он был направлен на пропаганду, а не на лояльность в рыночном понимании. В 1990–2000-х гг. появляется политический маркетинг, где брендинг на государственном уровне использовался в основном во время выборов. При этом государственные институты сохраняли архаичный, закрытый образ [5].

В период с 2006 по 2015 г. происходят первые попытки территориального брендинга, создаются туристических бренды регионов. Затем прорыв в сервисном брендинге и создание бренда «Мои документы» (МФЦ) стало эталонным примером правового и государственного брендинга. Изменился не только логотип, но и философия общения с гражданином.

На данный момент в России фокус сместился на экосистемы. Бренд «Госуслуги» стал главным цифровым лицом государства, символизируя простоту и доступность. Правовые институты такие как суды, прокуратура, ФНС начали внедрять единые стандарты визуальной коммуникации и использовать социальные сети для повышения прозрачности своей работы [1].

Чтобы проверить насколько эффективно функционирует брендинг государственных и правовых институтов в России, был проведен пилотажный социологический опрос среди жителей города Краснодар, в котором приняли участие 25 человек. Среди них 73,3 % – женщины, 26,7 % – мужчины. Возрастная категория преимущественно была от 18 до 26 лет – 66,7 %, от 45 до 54 лет – 13,3 %, от 55 и старше – 6,7 %, от 36 до 44 лет – 6,7 %, от 27 до 35 лет – 6,7 %.

Большинство опрошенных учатся (40 %), равное количество респондентов совмещают учебу и работу (26,7 %) и только работают (26,7 %). Меньше всего опрошенных на пенсии (6,7 %).

Для понимания интенсивности взаимодействия государственных структур и респондентов был задан вопрос: «Как часто Вы взаимодействуете с государственными структурами?». Большая часть опрошенных взаимодействует с государственными структурами редко, несколько раз в год (73,3 %), 20 % – почти никогда, 6,7 % – чаще, чем раз месяц. Это говорит о низкой интенсивности взаимодействия органов власти и респондентов.

Чтобы проанализировать обращают ли люди внимание на брендованность правовых институтов, был задан вопрос «Замечали ли Вы единый бренд государственных и правовых институтов?». Многие ответили «скорее да, чем нет» (46,7 %), часть опрошенных ответила «да» (26,7 %). Ответ «нет» выбрали 20 % , а «скорее нет, чем да» лишь 6,7 %. Соответственно многие люди замечают единый бренд, фирменный стиль, логотипы и цвета государственных и правовых институтов.

На вопрос «Что, по Вашему мнению, в первую очередь формирует бренд госучреждения?» больше половины респондентов (53,3 %) решили, что это качество и скорость оказания услуг. 26,7 % выбрали визуальный стиль, в том числе логотипы, интерьер, форма сотрудников, 13,3 % указали информационную открытость в СМИ и социальных сетях. Меньше всего опрошенных (6,7 %) сказали, что это тональность общения сотрудников. Следовательно, формирует бренд госучреждения преимущественно качество и скорость оказания услуг.

Для понимания важности создания единого бренда государственных органов был задан вопрос: «Как Вы считаете, важно создавать единый бренд госорганов?». Значительная доля респондентов считают, что это важно, так как фирменный стиль помогает сделать государственные структуры более понятными и открытыми для граждан, что повышает уровень доверия (40 %). 33,3 % опрошенных считают, что это создает ощущение порядка и профессионализма. Меньше всего участников опроса выбрало вариант ответа «меня интересует только результат работы госорганов» (26,6 %), причем вариант ответа «для меня это не имеет значения» не указал никто из респондентов. Таким образом, для опрошенных действительно важно создание единого бренда государственных органов, так как это влияет на их уровень доверия власти.

На вопрос «Насколько важно наличие удобного мобильного приложения для повышения Вашего доверия к институту?» больше половины опрошенных ответили критически важно (80 %). 20 % выбрали вариант важно, но не обязательно. Соответственно на данный момент необходимо наличие удобного мобильного приложения для повышения эффективности гос. института.

Анализируя, какими государственными мобильными приложениями, пользуются респонденты, благодаря множественному выбору были выявлены следующие результаты: значительная доля опрошенных (93,3 %) использует «Госуслуги», равное количество респондентов (40 %) пользуются приложениями «Культура» и «Налоги Ф. Л.». Приложение «Мои документы» – 33,3 %, «ЧасПик-транспорт» – 20 %, «Госуслуги Авто» – 6,7 %. Причем приложениями именно для жителей города Краснодар «Моя Кубань» и «Краснодар» не пользуется никто из респондентов. Можно сделать вывод, что наиболее значимым и востребованным является приложение «Госуслуги».

Оценивая современные логотипы, знаки, цветовую палитру госструктур по пятибалльной шкале, многие опрошенные поставили 3 балла (40 %). Оценку 4 и 1 поставили равное количество респондентов (20 %). 5 баллов выбрали 13,3 %, наименьшее количество участников опроса поставили оценку 2 (6,7 %). Следовательно, многие респонденты удовлетворены современным дизайном государственных структур, при этом есть и недовольство со стороны опрошенных, но проявлено в меньшей степени. Положительные оценки тоже присутствовали, что говорит о правильном направлении в дизайне.

Также были выявлены визуально приемлемые и удобные в пользовании мобильные приложения с помощью множественного выбора в опросе. По результатам на первом месте у опрошенных – «Госуслуги» (73,3 %), далее «Налоги Ф. Л.» (33,3 %), «Мои документы» (26,7 %), «Культура» (13,3 %), «Госуслуги Авто» (6,7 %), «ЧасПик-транспорт» (6,7 %). При этом респонденты указали вариант «никакие из перечисленных» (13,3 %), что говорит о недостаточно удобном функционале перечисленных приложений. Можно сделать вывод о том, что приложение «Госуслуги» является достаточно приемлемым для пользователей, остальные приложения нуждаются в доработке и дальнейших улучшениях.

На вопрос «Как Вы оцениваете качество коммуникации госорганов в социальных сетях?» почти половина опрошенных (46,7 %) ответили, что не подписаны на такие ресурсы, 33,3 % посчитали это слишком официально и скучно, лишь 20 % выбрали вариант ответа полезно и доступно. Соответственно необходимо улучшать взаимодействие государственных органов и обычных людей в социальных сетях, чтобы информация была полезной и доступной для всех, а грамотно выстроенный контент помогал в оказании государственных и правовых услуг.

При анализе влияния «человеческого лица» руководителя ведомства на доверие респондентов к структуре стало ясно, что для большинства опрошен-

ных персонализация повышает уровень доверия (60 %). При этом каждый третий участник опроса считает, что важнее работа всей системы (40 %). Таким образом, личность руководителя играет значимую роль для опрошенных, но важно, чтобы эффективно функционировала и сама государственная система.

На вопрос «Что негативно влияет на имидж правовых институтов?» респонденты в равной степени ответили сложный, непонятный язык документов (60 %), неудобный график и очереди (60 %), устаревший внешний вид зданий и кабинетов (60 %). Наименьшая доля респондентов выбрала вариант закрытость и информация о работе (53,3 %). Результаты опроса показали, что можно выделить 3 главные проблемы, которые негативно влияют на имидж правовых институтов, которым стоит уделить внимание.

Изучая вопрос пользования чат-ботами в мобильных приложениях государственных структур, значительная доля опрошенных ответила, что чат-боты ускоряют процесс оказания услуг (53,3 %). 26,7 % респондентов затруднились ответить, а 20 % сказали, что предпочитают общение с живым человеком. Следовательно, чат-боты помогают многим пользователям упростить процесс оказания государственных и правовых услуг, но следует еще совершенствовать этот аспект работы.

На вопрос «Считаете ли Вы, что единый дизайн-код всех госслужб помогает лучше ориентироваться в услугах?» большая часть респондентов ответили «да, это упрощает навигацию» (80 %). 13,3 % выбрали вариант «нет, это лишняя трата бюджетных средств», 6,7 % затруднились ответить. Соответственно исследование показало, что единый дизайн-код помогает проще адаптироваться в госструктурах.

Также благодаря множественному выбору в опросе было выявлено, откуда респонденты узнают о новостях и изменениях в законодательстве или работе ведомств. Большая часть опрошенных узнает информацию из социальных сетей и мессенджеров (73,3 %), далее из СМИ (53,3 %), от знакомых и родственников (40 %), из официальных сайтов и приложений (33,3 %), в учебных заведениях от преподавателей (20 %), на работе от коллег (13,3 %). Результаты опроса показывают, что наиболее распространенным источником получения информации являются социальные сети и СМИ.

Изучая отношения респондентов к внедрению игровых механик (бонусы, рейтинги) в государственные платформы, 60 % опрошенных посчитали, что это положительно скажется на их взаимодействии с госструктурами и больше вовлечет, 26,7 % решили, что это неуместно для серьезных институтов, 13,3 % нейтрально относятся к данной теме. Таким образом, значительная часть опрошенных положительно относится к внедрению игровых механик, так как это может упростить навигацию на платформе и повысить интерес к изучению государственных институтов, как в мобильном приложении, так и в жизни.

На вопрос «Какой главный атрибут «идеального» государственного бренда Вы бы выделили?» равное количество респондентов ответили честность (40 %) и эффективность (40 %). 13,3 % опрошенных выбрали вариант технологичность, меньше всего человек указало доступность (6,7 %). Соответственно честность и эффективность являются главными атрибутами идеального государственного бренда.

Подводя итоги, стоит отметить, что бренд государственных и правовых институтов в современном мире является значимой и актуальной темой. В результате исследования были выявлены инструменты повышения лояльности и доверия граждан, а также даны рекомендации по улучшению работы госструктур.

Проведенный анализ подтверждает, что традиционные модели восприятия государства как исключительно властного института уступают место парадигме «государства-сервиса». Исследование показало, что доверие граждан носит рационально-эмоциональный характер, при этом юридическая эффективность включающая скорость, законность, справедливость, является базовым условием. Разрыв между реальной работой институтов и их восприятием в публичном пространстве – главный барьер, который преодолевается именно средствами брендинга.

В результате исследования было выяснено, что одним из инструментов доверия граждан можно считать наличие удобного мобильного приложения, которое критически важно в условиях современного мира. Стало ясно, что приложение «Госуслуги» является на данный момент наиболее удобным и используемым. Также была выявлена проблема использования мобильных приложений на муниципальном уровне, так как многие не знают о существовании мобильных приложений именно для жителей г. Краснодар, например «Моя Кубань» и «Краснодар», что говорит о развитии приложений больше на общегосударственном федеральном уровне. Предположительно, данные приложения не пользуются популярностью среди жителей Краснодара из-за низкой осведомленности граждан о существовании данных мобильных приложений, соответственно необходимо усилить информировать жителей, так как это упростит их жизнь в г. Краснодар.

Также необходимо улучшить коммуникацию государственных органов с гражданами в социальных сетях, так как многие не подписаны на них и считают информацию там слишком официальной и скучной. Более того, следует больше уделять внимание «человеческому лицу» руководителя ведомства, так как это повышает доверие граждан к структуре, но при этом нельзя забывать о важности работы самой государственной системы.

Одним из наиболее важных аспектов является улучшение имиджа правовых институтов. Граждане считают, что нужно адаптировать сложный, непонятный язык документов, стабилизировать график госструктур с учетом большого количества людей, обращающихся в правовые институты, а также обновить устаревший вид зданий и кабинетов. Еще следует внедрить чат-

боты и игровые механики в мобильные приложения госорганов, так как они ускоряют процессы и вовлекают граждан в изучение самих правовых институтов. Одним из главных атрибутов «идеального» государственного бренда является честность и эффективность, поэтому необходимо усилить эти аспекты в современной модели бренда государственных и правовых институтов.

Таким образом, важно сместить акцент в коммуникации власти и граждан, внедрить новые дизайн-системы, которые упростят навигацию. Необходимо развивать персональный брендинг руководителей и экспертов ведомств. Возможно сделать более активное ведение социальных сетей, прямые эфиры для граждан, ответы на их комментарии, участие в живых дискуссиях.

Ключевым выводом является смена вектора: брендинг должен фокусироваться на предсказуемости правил и защищенности гражданина. Инструменты повышения лояльности работают только в системе, где за обещанием бренда следует реальное правовое действие.

Список литературы

1. Маймакова Л. В. Маркетинг некоммерческих организаций // Вестник Академии знаний. 2025. № 2 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketing-nekommercheskih-organizatsiy-1> (дата обращения: 28.03.2026).
2. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга. М. : Вильямс, 2021.
3. Макнелли Д., Спик К. Как выделиться из толпы, или формула персонального брендинга. М. : Фиар-Пресс, 2011. 247 с.
4. Усова Е. В., Муравьева К. А. Коммуникативный потенциал социального бренда // Litera. 2024. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-potentsial-sotsialnogo-brenda> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Гореликов Е. С. Особенности применения социальной технологии брендинга на примере экспертного корпуса гражданского общества // Мониторинг правоприменения. 2024. № 3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-sotsialnoy-tehnologii-brendinga-na-primere-ekspertnogo-korpusa-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 02.04.2026).

УДК 351:94(47).072

Гусенова М. Р., Севастьянова О. В., *Симферополь*

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ 1720 Г. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ В РОССИИ

Аннотация. Исследуется роль Генерального регламента 1720 г. в становлении системного подхода к государственному управлению в России. Рассматривается эволюция делопроизводственных практик в контексте административных реформ Петра I, переход от приказной системы к коллегиальной, а также структура и содержание Генерального регламента как комплексного нормативного акта. Особое внимание уделяется регламентации функций должностных лиц, процедур документирования, регистрации и архивного хранения. Делается вывод о том, что Генеральный регламент стал прообразом современной организационно-методической базы государственных учреждений и заложил основы системной организации управления в России.

Ключевые слова: Генеральный регламент, системный подход, государственное управление, делопроизводство, коллегии, Петр I, архивное дело, нормативный акт.

Gusenova M. R., Sevastyanova O. V., *Simferopol*

THE GENERAL REGULATIONS OF 1720 AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A SYSTEMS APPROACH TO PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

Abstract. The article examines the role of the General Regulations of 1720 in the formation of a systemic approach to public administration in Russia. It explores the evolution of record-keeping practices within the context of Peter I's administrative reforms, the transition from the prikaz system to the collegial system, as well as the structure and content of the General Regulations as a comprehensive normative act. Special attention is paid to the regulation of officials' functions, procedures for documentation, registration, and archival storage. The conclusion is drawn that the General Regulations served as a prototype for the modern organizational and methodological framework of state institutions and laid the foundations for a systematic organization of governance in Russia.

Keywords: General Regulations, systemic approach, public administration, record-keeping, collegia, Peter I, archival affairs, normative act.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения исторических моделей государственного управления для выявления закономерностей их становления и эволюции. Реформы Петра I, направленные на модернизацию административного аппарата, привели к созданию «Генерального регламента» – документа, который впервые в России установил единые принципы организации работы центральных учреждений и заложил основы системного подхода к управлению.

Цель исследования – доказать, что Генеральный регламент 1720 г. стал фундаментальным актом, обеспечившим переход к системной организации государственного управления в России. Он превратил разрозненные коллегии в элементы одного целого, введя общие для всех принципы работы, отчетности и взаимодействия.

Впервые целенаправленная работа по созданию системы делопроизводства проводилась в период проведения коллежской реформы Петра I. После перехода от приказной системы к коллегиальной, процесс работы стали строго регулировать нормативными документами. Ключевым актом, который закрепил эти новые принципы, стал Генеральный регламент, утвержденный Петром I 28 февраля 1720 г.

Е. А. Плешкевич отмечал, что «Генеральный регламент – это административно-правовой акт, регулирующий административную деятельность коллегий и подчиненных им учреждений, включая делопроизводственные операции и процессы» [4]. Этот регламент фиксировал структуру и функции государственных учреждений, а также порядок ведения деловой документации, что значительно повысило эффективность управления.

Генеральный регламент устанавливал обязанности и права всех должностных лиц центральных учреждений – от председателя коллегии до рядовых служащих. Отмечалось это и в самом названии документа: «Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все

оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют» [2].

Профессор, основатель школы отечественного документоведения К. Г. Митяев отмечал, что Генеральный Регламент – это «законченная система норм по документированию внутренней деятельности коллегий и их переписка с другими учреждениями» [3]. Текст Генерального регламента включает в себя вступительную часть – преамбулу, 56 разделов, а также словарь иностранных терминов.

Преамбула обосновывает создание органов коллегиального управления. В рамках административной реформы, инициированной указом от 12 декабря 1718 г., была сформирована система из девяти центральных коллегий, каждая из которых отвечала за определенную сферу государственного управления:

1. Иностранные дела (Коллегия иностранных дел).
2. Государственные доходы (Камер-коллегия).
3. Судебная система (Юстиц-коллегия).
4. Финансовый контроль и ревизию (Ревизион-коллегия).
5. Сухопутные вооруженные силы (Воинская коллегия).
6. Военно-морской флот (Коллегия адмиралтейств).
7. Торговлю (Коммерц-коллегия).
8. Горнодобывающую и обрабатывающую промышленность (Берг- и Мануфактур-коллегия).
9. Государственные расходы (Штатс-контор-коллегия).

Генеральный регламент 1720 г. детально регламентировал внутренний распорядок деятельности этих учреждений. Согласно главе 3, регулярные заседания коллегий («присутвий») назначались на понедельник, вторник, среду и пятницу. Четверг был зарезервирован для участия президентов коллегий в работе Сената. Установленная продолжительность рабочего дня для членов присутствия составляла пять часов. Для рассмотрения неотложных вопросов документ предусматривал процедуру внеочередного созыва коллегии в полном составе или части ее членов. Канцелярские служащие обязывались являться на службу за час до начала заседаний, а точная продолжительность их рабочего дня определялась на заседании президентом и членами коллегии.

Отдельные положения регламента (глава 9) были посвящены унификации порядка предоставления отпусков, или «отдохновения от трудов». Право на ежегодный оплачиваемый отдых, включавший четыре летние недели, распространялось как на высших должностных лиц (членов присутствия), так и на рядовых канцелярских служащих, что стало заметным нововведением. При этом действовало важное ограничение: одновременное отсутствие всех членов присутствия не допускалось для обеспечения непрерывности управления. К общегосударственным выходным и праздничным периодам, в которые приостанавливалась работа учреждений, относилось время с 25 декабря

по 7 января (рождественские святки), первая и последняя недели Великого поста, а также сырная (Масленица) и светлая (Пасхальная) недели.

Десятая глава Генерального регламента устанавливает детальный порядок оформления отпусков для служащих. Президентам и вице-президентам требовалось разрешение царя для предоставления отпуска свыше 8 дней. Служащим строго запрещалось уходить с места работы без официального разрешения. В случае опоздания с возвращением без уважительных причин выписывался штраф в виде вычета из жалованья: за каждый пропущенный день удерживали сумму, эквивалентную неделе заработка, а за пропущенную неделю – месячное жалованье. «А ежели кто из членов или из служителей коллежских с сроком на некоторое время для каких нужд и отпущен будет, и по тому отпуску на указанный срок не явится, а доказать не может, что на определенной срок не явился за болезнью, или иных ради несчастливых причин: то на том вычесть из жалованья за каждой день по неделе, а за неделю по месяцу» [2].

Статья 21 Генерального регламента содержала строгие предписания, регламентирующие нормы служебного этикета. В ней подчеркивалась необходимость соблюдения субординации и уважительного отношения к процедурам как со стороны чиновников, так и посетителей. В частности, устанавливался запрет на самовольный вход в зал заседаний коллегии. Посещение допускалось исключительно после соответствующего доклада вахмистра, отвечавшего за порядок и церемониал. Нарушение данных правил влекло за собой дисциплинарную ответственность в виде значительного денежного взыскания, составлявшего 50 рублей.

В коллегиях существовало разнообразие должностей среди канцелярских служащих, каждая из которых была нацелена на выполнение четко определенных обязанностей. В рамках данной иерархии предусматривался широкий спектр специализированных должностей, включая секретаря, его помощника, нотариуса, актуариуса, регистратора, канцеляриста, подканцеляриста, копиистов, переводчика, толмача, архивариуса и вахмистра. Отдельно следует отметить личного секретаря при президенте коллегии, в обязанности которого входило обеспечение оперативного решения административных вопросов.

Секретарь был обязан фиксировать на каждом поступившем документе дату и регистрационный номер, что играло ключевую роль для правильного определения порядка рассмотрения дела. Кроме того, в задачи секретаря входила тщательная и точная подготовка документов к предстоящему слушанию. В значительной степени успех исхода зависел от того, насколько грамотно и аккуратно был оформлен доклад секретарем – именно от этого во многом зависело итоговое решение коллегии (гл. 5, 29).

Основной функцией секретаря во время заседаний являлось представление докладов по рассматриваемым вопросам. Процедура слушания предпо-

лагала строгий порядок приоритетов: первоочередному рассмотрению подлежали дела государственной важности, в первую очередь касающиеся казны, и лишь после их разрешения переходили к частным (или «приватным») вопросам. Секретарь отвечал за строгий учет установленной очередности рассмотрения дел, однако чрезвычайные и неотложные вопросы, требующие немедленного внимания, рассматривались вне привычного порядка, без задержек. За нарушение порядка слушания секретарь мог быть оштрафован.

В целях обеспечения строгой процедурности и контроля за деятельностью коллегий Генеральный регламент детально регламентировал обязанности каждого канцелярского чина, закрепляя их за конкретными главами документа. Так, нотариус (гл. 30) отвечал за протоколирование, составляя ежедневную подробную запись всего хода заседаний. Функции по регистрации поступающей и исходящей документации распределялись между актуариусом (гл. 32) и регистратором (гл. 33), причем последнему вменялось в обязанность не только ведение самой регистрации, но и указание конкретных журналов и форм для соответствующих записей, что формализовало делопроизводственный учет. Техническое воспроизводство документов возлагалось на копиистов (гл. 35). Ответственность за систематизацию и сохранность завершенных дел, а также за справочную работу нес архивариус (гл. 44). Для работы с иностранными документами и корреспонденцией предусматривались две отдельные должности: переводчик (гл. 31) для письменных текстов и толмач для устного перевода. Материально-ответственным лицом, отвечавшим за сохранность и использование государственной печати коллегии, назначался вахмистр (гл. 46). Надзорную функцию за соблюдением законности в деятельности коллегии выполнял прокурор. Таким образом, документ создавал разветвленную и взаимосвязанную систему должностей, каждая из которых обеспечивала отдельный сегмент административного процесса.

Главным организационным успехом стало точное распределение обязанностей между сотрудниками, что обеспечило официальное закрепление методики и технологии работы с документами. В регламенте были не только определены функции, но и досконально прописаны все детали процесса, например, как вести протокол (нотарий) или регистрировать документы (регистратор), указывая конкретные журналы и сведения для записи.

Стремясь к созданию унифицированной системы документооборота, Генеральный регламент установил детально прописанные правила регистрации как входящей, так и исходящей документации. Основной целью данного процесса являлись точный учет и обеспечение сохранности официальных бумаг. Регламент строго определял методику, установленные формы регистрационных записей и процедуру их заполнения, что минимизировало субъективный подход.

Ключевой фигурой в систематизации документов выступал коллежский регистратор (глава 33). В его обязанности входило ведение отдельных регистрационных книг для различных категорий дел, при этом регистрация сопровождала документ на всех этапах его движения внутри учреждения.

Первичный общий учет осуществлялся с помощью «повседневной записки» – журнала, в котором в систематическом порядке (по алфавиту, дате и месяцу) фиксировались краткое содержание дела, имена участников и маршрут движения соответствующих бумаг. Основанием для записей служили итоговые документы – рассмотренные коллегией указы и доношения.

Для детального учета использовался комплекс из четырех книг: пара для исходящих и пара для входящих документов. В книги исходящей корреспонденции заносились полные тексты писем и докладов, направляемых от коллегии монарху и Сенату. Книги входящих документов содержали инструкции, дипломы, патенты и дела, адресованные другим учреждениям и лицам. Заполнение этих книг полными текстами с указанием дат и подписей осуществлял копиист под руководством регистратора. Особый статус имели указы от царя и Сената: после хронологического упорядочивания и составления реестра они переплетались в отдельные тома.

Наряду с президентом, осуществлявшим общее руководство в рамках «генеральной дирекции», на канцелярию регламентом была возложена обязанность по контролю за сроками и качеством исполнения поручений. Глава 6 устанавливала жесткие временные рамки: дело, не требующее дополнительных запросов, должно было быть завершено в течение недели. Если требовался сбор информации или переписка с провинциями, срок увеличивался до одного месяца. В случае невозможности решения вопроса за 30 дней необходимо было представить мотивированный отчет, допускавший продление срока, но не более чем до 42 дней. Рассмотрение челобитных (прошений) не должно было превышать 180 дней с момента их подачи. Нарушение сроков исполнения государственных указов каралось крайне сурово – вплоть до смертной казни, отправки на каторжные работы или конфискации имущества. По частным делам просрочка сверх шести месяцев влекла штраф в размере 50 рублей за каждый день задержки; если промедление причиняло ущерб, сумма взыскания удваивалась.

Для текущего контроля использовались специальные росписи, которые вели нотариус и секретарь. Нотариус фиксировал назначенные к слушанию и нерешенные дела в «настольном» реестре, который находился перед президентом во время заседаний. Секретарь отвечал за учет дел, «разрешенных, но не исполненных», отмечая ответственных за исполнение сотрудников. Отдельно регистрировались полностью завершенные и исполненные дела, копии списков по которым вывешивались для всеобщего ознакомления (гл. 29, 30).

Организации архивного дела была посвящена гл. 44. Документы в канцеляриях и конторах образовывали текущие архивы со сроком хранения три года. По его истечении, за исключением постоянно справочных материалов

(уставы, регламенты, книги), все дела передавались актуариусу для окончательного размещения в архиве коллегии, что юридически отделило текущее делопроизводство от архивного хранения. Кроме того, Т. И. Хорхордина отмечала, что «введя единый порядок передачи законченных дел из канцелярий в архивы, Регламент впервые отделил текущее делопроизводство от хранения решенных дел, что стало ключевым моментом в становлении архивов как самостоятельных структурных подразделений» [5].

Сравнительный анализ «Генерального регламента» (1720) и современной системы государственного управления РФ представлен в таблице.

Таблица

Преемственность и трансформация: ключевые элементы управления
 по Генеральному регламенту 1720 г. и в современной России

Аспект	По Генеральному регламенту 1720 г.	В современной системе государственного управления РФ
1. Организационная структура	Создание 9 коллегий с четким отраслевым разделением (иностранные дела, юстиция, финансы, военное дело и т. д.). Иерархия: присутствие (правление) → канцелярия	Существует система федеральных министерств, служб и агентств с отраслевым и функциональным разделением полномочий. Иерархия: министр → департаменты → управления
2. Принцип управления	Коллегиальный. Решения принимались большинством голосов на заседании присутствия. Президент имел один голос	Единоначалие (министерства) и коллегиальность (коллегии, советы). Основные решения принимает руководитель, но при многих органах существуют коллегиальные совещательные органы
3. Должностные лица и их функции	Детально прописаны обязанности для каждой штатной должности: секретарь, нотариус, актуариус, регистратор, архивариус, переводчик и др.	Функции закреплены в административных регламентах, должностных инструкциях и положениях о структурных подразделениях. Специализация сохранилась (эксперты, референты, секретари, архивисты)
4. Документооборот и делопроизводство	Впервые введена единая система: обязательная регистрация входящих/исходящих документов в журналах, протоколирование заседаний, контроль сроков.	Регулируется Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регламентами и инструкциями по делопроизводству. Существует электронный документооборот (СЭД)
5. Контроль сроков исполнения	Жесткие сроки: 7 дней для простых дел, до 30–42 дней для сложных, 180 дней для челобитных. Суровые наказания за нарушение	Регулируется регламентами органов власти, законом «О порядке рассмотрения обращений граждан» (30 дней). Ответственность дисциплинарная и административная
6. Архивное дело	Впервые отделено текущее делопроизводство от архивного хранения. Установлен трехлетний срок хранения дел в канцелярии	Регулируется Федеральным законом «Об архивном деле в РФ». Существуют ведомственные и государственные архивы с четкими сроками и правилами хранения и передачи дел

Окончание табл. 1

Аспект	По Генеральному регламенту 1720 г.	В современной системе государственного управления РФ
7. Дисциплина и этикет	Жесткие правила поведения, штрафы за нарушение субординации, опоздания, самовольный вход в зал заседаний	Регламентируется служебным распорядком, кодексами этики госслужащих, трудовым законодательством. Наказания – дисциплинарные взыскания
8. Отпуска и рабочий график	Установлен единый порядок: 4 недели летнего отпуска, общие праздничные периоды. Рабочий день членов присутствия – 5 часов	Регулируется Трудовым кодексом РФ (28 календарных дней отпуска). Рабочая неделя – 40 часов. Существуют государственные праздники

Генеральный регламент заложил фундаментальные принципы рациональной бюрократии в России: системность, регламентация, документирование, специализация, иерархия и контроль. Эти принципы, трансформированные и усовершенствованные, лежат в основе работы современного государственного аппарата РФ. Главные различия – в степени централизации (смещение к единоначалию), технологическом уровне (электронные системы вместо журналов) и характере ответственности (правовая вместо жесткой административно-уголовной).

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что начало XVIII в. ознаменовало собой кардинальный перелом в развитии системы государственного управления и ее документационного обеспечения. В отличие от предшествующих эпох, где административные нормы, зафиксированные в Судебнике 1550 г. и Соборном уложении 1649 г., в значительной степени базировались на обычном праве и не предполагали создания единой организационной иерархии с четким разграничением компетенций, петровские реформы заложили основы рациональной бюрократической модели.

Итогом преобразований стало формирование упорядоченной управленческой системы с законодательно утвержденной структурой, охватывающей высшие, центральные и местные органы власти. Функционирование учреждений и деятельность должностных лиц получили регламентацию посредством организационных документов нового типа – уставов, регламентов и инструкций, что закрепило коллегиальные принципы принятия решений. Генеральный регламент 1720 г., синтезировав предшествующий опыт, создал универсальную нормативную базу для работы всего аппарата. В нем делопроизводство впервые было осмыслено как целостный технологический процесс, включающий создание документов, их регистрацию, движение, справочно-информационную работу, контроль исполнения и, наконец, архивное хранение.

Следовательно, Генеральный регламент можно рассматривать в качестве прототипа современных административных регламентов, формирующих организационно-методический фундамент деятельности государственных

институтов. Его принятие стало ключевым фактором формирования системного подхода к управлению в России, заменившего традиционные, разрозненные практики единой, регламентированной и контролируемой процедурой.

Список литературы

1. Емышева Е. М. Генеральный Регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // История и архивы. 2008. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-reglament-1720-goda-kak-opyt-sozdaniya-organizatsionnogo-dokumenta-1> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Лебедев В. И. Реформы Петра I : сб. док. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 379 с. (Документы и материалы по истории СССР).
3. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. М. : МГИАИ, 1959. С. 43.
4. Плешкевич Е. А. Генеральный Регламент как источник по истории делопроизводства и архивного дела // ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, [б. г.]. С. 14.
5. Хорхордина Т. И. История архивов и архивного дела в России : учебник для вузов . М. : Юрайт, 2025. 626 с. (Высшее образование).

УДК 364.044.4:005.6(470.62-25)

Климова О. О., *Мариуполь*

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Раскрывается противоречие между формальным соблюдением нормативных требований к качеству социальных услуг и реальными потребностями клиентов на примере районного УТСЗН. Эмпирическое исследование выявило признаки формализации индивидуального подхода и ритуального соблюдения норм. Даны рекомендации по интеграции подходов для повышения реального социального результата.

Ключевые слова: качество социальных услуг, социальная защита, социальное обслуживание, управление качеством.

Klimova O. O., *Mariupol*

ORGANIZATIONAL AND MANAGEMENT MECHANISMS FOR ENSURING THE QUALITY OF SOCIAL SERVICES: AN EMPIRICAL ANALYSIS

Abstract. The article reveals the contradiction between the formal compliance with regulatory requirements for the quality of social services and the actual needs of clients, using the example of a district social service center. An empirical study identified signs of formalization in the individual approach and ritualistic norm compliance. Recommendations are given for integrating approaches to improve the actual social outcome.

Keywords: quality of social services; social protection; social service; quality management.

Современная парадигма социального государства актуализирует качество социальных услуг как ключевой индикатор эффективности социальной политики и реализации конституционных гарантий. Внимание исследователей и практиков закономерно смещается с количественных параметров охвата населения на качественные характеристики, определяющие глубину и

устойчивость социального эффекта. Однако на практике сохраняется и воспроизводится противоречие между формальным, нормативно-заданным пониманием качества, воплощенным в системах стандартов и отчетности, и его субъективным, экзистенциальным переживанием конечным получателем, для которого услуга – это жизненная ситуация, а не пункт регламента [1]. Этот разрыв не является техническим сбоем, а представляет собой системную проблему, порожденную различием в логиках управления (ориентированной на унификацию и контроль) и жизненного мира клиента (ориентированного на персональное значение и агентность).

Данная проблема приобретает особую остроту и актуальность в контексте адаптации федерального социального законодательства к условиям новых регионов. Она напрямую связана с научной задачей поиска и проектирования интегративных организационно-управленческих механизмов, способных преодолеть разрыв между абстрактными правовыми стандартами, узкими процессными требованиями и целостными персональными оценками клиентов. Параллельно существует насущная практическая задача повышения реальной результативности деятельности учреждений социального обслуживания, которые должны не только демонстрировать формальную отчетность, но и обеспечивать подлинную социальную поддержку, способствующую автономии и благополучию граждан в условиях новых социально-правовых реалий, в том числе в новых субъектах Российской Федерации [13]. Разрешение указанного противоречия становится условием для перехода от модели «государства-провайдера» услуг к модели «государства-партнера», выстраивающего диалог с гражданином.

Теоретический анализ проблемы, представленный в трудах ведущих исследователей, позволяет выделить несколько конкурирующих подходов. Нормативно-правовой подход, регламентированный в Федеральном законе № 442-ФЗ [14] и национальных стандартах (ГОСТ Р 52142-2013), сводит качество к соответствию установленным требованиям безопасности, доступности и своевременности. Квалиметрическое направление, развиваемое в работах Э. К. Турдубаевой [11], настаивает на интегральной оценке, сочетающей объективные показатели социального эффекта и субъективную удовлетворенность получателя. Управленческий (процессуальный) подход, аргументированный в исследованиях Т. А. Карлиной [3] и коллективных монографиях по социальному менеджменту [12], рассматривает качество как производное от эффективности внутренних организационных процессов и кадрового потенциала. Аксиологический ракурс, имплицитно присутствующий в трудах Е. Р. Ярской-Смирновой [9; 10], фокусируется на реализации этических принципов социальной работы – уважении достоинства, автономии и агентности клиента. Несмотря на разработанность отдельных аспектов, в научной литературе фрагментарно представлен комплексный анализ того, как данные подходы реализуются и взаимодействуют в конкретной практике регионального учреждения, функционирующего в условиях адаптации федерального законодательства [2; 13].

Остается недостаточно изученным вопрос о конкретных механизмах операционализации теоретических подходов к качеству в повседневной деятельности органа социальной защиты на районном уровне, особенно в контексте территорий с особым правовым статусом [2; 8]. Не выявлены в полной мере латентные дисфункции, возникающие на стыке формального соблюдения норм (например, стопроцентный охват ИППСУ) и реального содержания индивидуального подхода [7]. Требуется детализация проблемы интеграции разрозненных данных (статистических, процессных, оценочных) в единую систему управленческих решений, направленных на повышение именно социального результата, а не только отчетных показателей [5; 15].

Целью данной статьи является эмпирический анализ организационно-управленческих механизмов обеспечения качества социальных услуг на примере УТСЗН Ильичевского района г. Мариуполь для выявления степени интеграции нормативно-правового [14], процессного [3; 12] и квалиметрического [5; 11] подходов в практике учреждения и определения направлений разработки комплексной модели управления качеством.

Исследование, основанное на анализе документов и вторичных данных учреждения за 2024–2025 гг., выявило противоречивую картину, характеризующуюся выраженным диссонансом между формальными и содержательными показателями.

С одной стороны, в УТСЗН выстроена система, демонстрирующая полное формальное соответствие нормативным требованиям: 100 % получателей услуг охвачены индивидуальными программами (ИППСУ). Внутренний контроль фиксирует соблюдение установленных сроков оказания услуг на уровне 98 % случаев. Ежегодный мониторинг удовлетворенности, основанный на анкетировании примерно 30 % от общего числа обслуживаемых граждан ($n \approx 1260$), показывает стабильно высокий формальный результат – 94 % положительных оценок по итогам 2025 г.

С другой стороны, углубленный контент-анализ репрезентативной выборки из 50 ИППСУ выявил, что 85 % программ носят типовой характер с минимальной персонализацией, а вариативность в наборе услуг ограничена 2–3 позициями из утвержденного перечня. Анализ кадровых условий подтверждает наличие ресурсных ограничений: укомплектованность штата специалистов по социальной работе составляет 92 %, при этом коэффициент совместительства достигает 1,3, а доля сотрудников с нагрузкой, превышающей нормативную на 25 % и более, составляет около 40 %.

Качественное изучение 127 записей в книге жалоб и предложений за указанный период, а также анализ открытых комментариев в 15 % анкет позволили выявить структуру латентной неудовлетворенности. Получатели услуг высоко ценят доброжелательность персонала (отмечено в 89 % положительных отзывов), однако около 34 % обращений в книге жалоб и предложений содержат запросы на более гибкий, индивидуальный график предоставления социально-бытовых услуг. Еще 22 % выраженных неформальных

пожеланий касаются расширения доступности социально-психологических и социально-педагогических услуг, доля которых в общем объеме оказываемой помощи не превышает 10–12 %.

Таким образом, практика учреждения демонстрирует одновременное наличие развитого нормативного каркаса и признаков его ритуального соблюдения, эффективных процессных инструментов контроля и их ограниченности в оценке реального социального результата, высоких формальных показателей удовлетворенности и скрытых, но статистически значимых запросов на качественно иное, более гибкое и комплексное содержание услуг.

Проведенное исследование позволяет заключить, что повышение качества социальных услуг в практике районного учреждения требует целенаправленного перехода от параллельного существования различных подходов к их системной интеграции. Для этого необходима разработка и внедрение цифровой платформы мониторинга, которая связала бы в единый управленческий контур данные ИПСУ, показатели процессной эффективности и результаты смешанной оценки (комбинация стандартизированных опросов и выборочных качественных интервью) [15]. Это позволит трансформировать качество из объекта эпизодического контроля в предмет постоянного аналитического диалога. Перспективой дальнейших исследований является апробация подобной интегративной модели на базе УТСЗН с последующей оценкой ее влияния не только на показатели удовлетворенности, но и на динамику объективных критериев социального благополучия и автономии клиентов, что будет соответствовать целостному пониманию качества как феномена, синтезирующего право [4; 14], управление [3; 12] и человеческое достоинство [9; 10].

Список литературы

1. Бурнадз Т. И. Качество социальных услуг: методологические и правовые проблемы // Молодой ученый. 2015. № 91. URL: <https://moluch.ru/archive/91/18833> (дата обращения: 13.12.2025)
2. Об отдельных вопросах правового регулирования отношений в сфере социального обслуживания граждан : закон Донецкой Народной Республики от 13 дек. 2023 г. № 31-РЗ . URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8000202312140002> (дата обращения: 13.12.2025)
3. Карлина Т. А. Социальный менеджмент как форма управления процессами социального обслуживания // Молодой ученый. 2020. URL: <https://moluch.ru/archive/296/67131> (дата обращения: 13.12.2025)
4. Киселева, Н. В. Социальные услуги и государственные (муниципальные) услуги в социальной сфере: законодательное определение и соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 8–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2023-2-8-12. EDN HNHJGM.
5. Козлова Е. А. Методика оценки качества и эффективности социальных услуг // Наука и современность. 2013. № 21. С. 94–98.
6. Назаркина Д. О. Кадровые риски и социальная политика организации: взаимосвязь и управление // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 11–2 (105). С. 186–188.
7. Попов, Р. Е. Проблема оценки качества социальных услуг в рамках социальной динамики // Солидарность и конфликты в современном обществе : материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 15–17 нояб. 2018 г. СПб. : Скифия-принт, 2018. С. 300–301. EDN VSZBND.

8. Об утверждении Порядка признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, определения индивидуальной потребности в социальных услугах, составления индивидуальной программы предоставления социальных услуг : приказ Министерства труда и социальной политики Донецкой Народной Республики от 17.04.2024 № 5717. URL: <http://gisnpa-dnrg.ru/npra/0023-47-d-20240410/> (дата обращения: 13.12.2025).

9. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Е. Н. Барябина, О. В. Бойко, М. Ю. Горбунова [и др.] ; отв. ред. Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов. М. : ИНИОН РАН, 2002. 453 с.

10. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности / Е. Р. Ярская-Смирнова, Е. Ю. Рождественская, Р. Н. Абрамов [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2406. EDN IAYYAY.

11. Турдубаева Э. К. Проблемы оценки качества социальных услуг, предоставляемых социально стационарными учреждениями // Вестник филиала РГСУ в г. Ош Киргизской Республики. 2021. № 1 (23). С. 140–145. EDN GELLNX.

12. Управление в социальной работе : учеб. для вузов / отв. ред. Е. И. Холостова, Е. И. Комаров, О. Г. Прохорова. 2-е изд. М. : Юрайт, 2026. 319 с.

13. Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : федер. закон от 17 февр. 2023 г. № 18-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/21/document-socdash-chita.html> (дата обращения: 13.12.2025)

14. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 7007.

15. Цифровая трансформация в государственном управлении : монография / под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2023.

УДК 342.5

Маркина Е. В., Степанян Г. Н., *Ростов-на-Дону*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Исследуется правовая природа и механизмы реализации конституционно-правовой ответственности органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в рамках формирующейся единой системы публичной власти. На основе сравнительного анализа федеральных законов № 414-ФЗ и № 33-ФЗ раскрывается содержание мер конституционного принуждения, таких как досрочное прекращение полномочий, отрешение от должности и роспуск органов. Особое внимание уделяется иерархическому механизму контроля, обеспечивающему верховенство федерального законодательства. Выявляются проблемы правоприменения, включая коллизии норм при реализации переданных полномочий и политизированность отдельных оснований ответственности, а также намечаются пути совершенствования законодательства для достижения баланса между государственной централизацией и автономией территорий.

Ключевые слова: единая система публичной власти, конституционно-правовая ответственность, органы местного самоуправления, субъекты РФ, отрешение от должности, утрата доверия, федеральная интервенция, баланс полномочий.

Markina E. V., Stepanyan G. N., *Rostov-on-Don*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE CONTEXT OF PUBLIC POWER REFORM

Abstract. The article examines the legal nature and mechanisms for implementing constitutional and legal responsibility of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local self-government bodies within the framework of the emerging unified system of public power. Based on a comparative analysis of Federal Laws N 414-FZ and N 33-FZ, the authors reveal the content of measures of constitutional coercion, such as early termination of powers, removal from office, and dissolution of bodies. Particular attention is paid to the hierarchical control mechanism ensuring the supremacy of federal legislation. The work identifies problems of law enforcement, including conflicts of norms in the implementation of delegated powers and the politicization of certain grounds for responsibility, and outlines ways to improve legislation to achieve a balance between state centralization and territorial autonomy.

Keywords: unified system of public power, constitutional and legal responsibility, local self-government bodies, constituent entities of the Russian Federation, removal from office, loss of confidence, federal intervention, balance of powers.

Актуальность темы обусловлена глобальной конституционной реформой в России, закрепившей принцип единства системы публичной власти. В новых условиях институт ответственности перестает быть лишь карательным инструментом и становится ключевым стабилизатором государственного управления. Необходимость четкой детализации процедур роспуска органов и отрешения должностных лиц продиктована задачами минимизации рисков правового сепаратизма и обеспечения конституционного порядка. Теоретическая и практическая значимость исследования подтверждается потребностью в устранении существующих лакун в вопросах «утраты доверия» и ответственности за переданные государственные полномочия, что критически важно для устойчивости федеративных отношений.

В условиях формирования единой системы публичной власти, закрепленной в Конституции РФ, конституционная ответственность региональных и местных органов публичной власти обеспечивает баланс полномочий между федеральным центром, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Анализ Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ) [1] и Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ) [2] позволяет выявить ключевые механизмы этой ответственности, ориентированные на обеспечение верховенства федерального законодательства и согласованное функционирование публичной власти.

Органы местного самоуправления, в соответствии со ст. 1 Закона № 33-ФЗ, входят в единую систему публичной власти, а их ответственность за конституционные нарушения реализуется через досрочное прекращение полномочий ключевых органов и должностных лиц.

Институт федеральной интервенции (вмешательства) представляет собой комплекс мер принуждения, применяемых Президентом РФ и Правительством РФ для восстановления конституционного порядка [3, с. 16]. Ключевые формы: прямое президентское правление в субъекте РФ (чрезвычайное положение), временная финансовая администрация, отстранение руководителей и роспуск органов.

Законодательство предусматривает позитивную (контроль, критерии эффективности) и негативную (изъятие полномочий, отрешение) ответственность [6, с. 60].

Конституционно-правовая ответственность в Законах № 33-ФЗ и № 414-ФЗ формирует иерархический механизм контроля, где высшие органы регионов и муниципалитетов подотчетны федеральному центру через суды, Президента РФ и региональные власти. Это укрепляет вертикаль публичной власти, минимизируя риски сепаратизма и нарушений, но сохраняет гарантии обжалования и пропорциональности мер. Развитие института (учет показателей эффективности, дискриминации) отражает современные вызовы обеспечения единства правового пространства РФ.

К проблемам правоприменения и перспективы совершенствования конституционной ответственности региональных и местных органов публичной власти стоит относить:

1. **Коллизии норм.** Отсутствует четкое разграничение ответственности между федеральными органами и органами субъектов за переданные полномочия.

2. **Политизированность мер.** Утрата доверия Президента как основание отрешения допускает широкое усмотрение [4, с. 144].

3. **Процедурные пробелы.** Неурегулированность механизма временной финансовой администрации, противоречия с принципами федерализма [5, с. 1220].

Перспективными направлениями совершенствования выступают кодификация мер ответственности в едином Федеральном конституционном законе, введение судебного контроля за процедурой отрешения и роспуска, четкое разграничение позитивной и негативной ответственности, установление сроков и критериев эффективности переданных полномочий.

Конституционно-правовая ответственность субъектов РФ и органов местного самоуправления является ключевым механизмом обеспечения конституционного единства России. Федеральный закон № 414-ФЗ значительно систематизировал институт ответственности, введя новые меры (предупреждение, выговор, временное отстранение) и конкретизировав процедуры. Однако

сохраняются проблемы правовой неопределенности, особенно в части ответственности за переданные полномочия и введения временных администраций.

В целях дальнейшего развития институциональных механизмов ответственности и достижения оптимального баланса между централизованным контролем и региональной автономией представляется целесообразным провести комплексное реформирование нормативно-правовой базы. Прежде всего, для устранения существующей правовой неопределенности, фрагментарности и дублирования норм, разбросанных по различным федеральным конституционным законам и федеральным законам, целесообразно инициировать разработку и принятие единого Федерального конституционного закона «О мерах конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации». Данный акт законодательного характера должен выступить в качестве кодифицированного источника, систематизирующего все основания, процедуры и санкции, применимые ко всем уровням публичной власти – от федеральных органов до региональных и муниципальных. Такая кодификация позволит не только унифицировать подходы к ответственности, но и устранить коллизии, возникающие в настоящее время при толковании норм федеральных законов № 414-ФЗ и № 33-ФЗ, обеспечив единообразие правоприменительной практики по всей вертикали власти.

Далее, особое внимание следует уделить уточнению и разграничению ответственности за исполнение делегированных полномочий, поскольку текущая правовая конструкция порождает риски перекладывания вины между уровнями власти. В связи с этим предлагается внести изменения соответствующие федеральные законы и установить четкие критерии и правила распределения ответственности между федеральным центром, субъектами РФ и муниципалитетами за неисполнение или ненадлежащее исполнение переданных полномочий. Например, ответственность за финансирование делегированных функций могла бы возлагаться преимущественно на предоставивший полномочия уровень власти, в то время как исполнительная ответственность фокусировалась бы на получателе, с обязательным учетом факторов ресурсного обеспечения и методической поддержки. Такой подход минимизировал бы конфликтные ситуации и способствовал бы конструктивному межуровневому взаимодействию.

Кроме того, одной из наиболее субъективных и потенциально конфликтных мер ответственности остается процедура утраты доверия со стороны Президента Российской Федерации. Для снижения дискреционности и повышения предсказуемости правоприменения целесообразно законодательно формализовать критерии утраты доверия, закрепив в нормативных актах примерный перечень оснований, непосредственно связанных с конкретными правонарушениями. В частности, к ним могли бы относиться систематическое игнорирование судебных решений, коррупционные скандалы с участием руководителя, а также недостижение установленных показателей эф-

фektivности (KPI), таких как целевые индикаторы социально-экономического развития региона или муниципалитета, утвержденные федеральными или региональными программами. При этом KPI должны быть прозрачными, поддающимися объективной верификации и ежегодно корректируемыми с учетом специфики территории, что позволит превратить данную меру из политического инструмента в объективный механизм оценки управленческой компетентности.

Значительным шагом в направлении укрепления гарантий прав должностных лиц и предотвращения злоупотреблений властью станет развитие института судебного контроля над процедурами ответственности. В частности, предлагается предусмотреть обязательную стадию предварительного судебного нормоконтроля перед инициированием отрешения главы субъекта РФ или муниципального образования по основаниям, связанным с изданием незаконных нормативных правовых актов. Такой контроль мог бы осуществляться Конституционным Судом Российской Федерации или Верховным Судом РФ в ускоренном порядке (в течение 10–15 дней), с возможностью приостановки процедуры до вынесения решения. Это не только усилит процессуальные гарантии защиты прав и свобод должностных лиц в соответствии со ст. 19 Конституции РФ, но и повысит легитимность принимаемых мер, минимизируя риски политической мотивированности и обеспечивая преемственность с принципами правового государства.

Наконец, особое значение имеет детальная регламентация механизма финансовой интервенции, поскольку отсутствие четких временных и субстантивных рамок создает угрозу чрезмерного вмешательства в бюджетную автономию субъектов и муниципалитетов. В отраслевом законодательстве, включая Бюджетный кодекс РФ и упомянутые федеральные законы, следует закрепить исчерпывающий порядок введения временной финансовой администрации, установив жесткие сроки ее функционирования (не более 6–12 месяцев с возможностью однократного продления по решению суда), а также пределы полномочий – исключительно восстановление платежеспособности и оптимизация расходов без права на перераспределение бюджетных средств в пользу иных территорий или политическое влияние. Деятельность администрации должна сопровождаться ежемесячной отчетностью перед Счетной палатой РФ и публичным мониторингом, что обеспечит прозрачность и предотвратит превращение интервенции в инструмент централистского давления.

В совокупности реализация предложенных мер позволит не только устранить выявленные пробелы и противоречия в действующем законодательстве, но и сформировать сбалансированную модель конституционно-правовой ответственности, гармонично сочетающую императивы единства публичной власти с принципами федерализма и местного самоуправления. Такой подход будет способствовать повышению эффективности вертикали

власти, укреплению доверия общества к институтам государства и устойчивому развитию Российской Федерации как федеративного правового государства.

Список литературы

1. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Российская газета. 2021. 27 дек.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
3. Алексеева Л. А., Майорова С. А. Институт федеральной интервенции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 13–21.
4. Гаринов Р. Ф., Игонин Д. И. Предупреждение как мера ответственности губернатора по российскому законодательству // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 144 – 149.
5. Кондрашев А. А. Временное осуществление полномочий как мера конституционно-правовой ответственности // Байкальский научный журнал. 2023. Т. 14, № 3. С. 1212–1224.
6. Туманов А. С. Ответственность за осуществление переданных субъектам Российской Федерации полномочий Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 2(57). С. 59–65.

УДК 351.74

Новожилова Л. С., Садков В. А., *Санкт-Петербург*

СОТРУДНИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Анализируются общественные отношения в сфере социально-правового обеспечения государственной тайны в ОВД. Рассмотрены правовые основы и социальный аспект деятельности сотрудников – носителей гостайны.

Ключевые слова: государственная тайна, органы внутренних дел, носители государственной тайны, допуск к государственной тайне, социально-правовой аспект, правовой статус.

Novozhilova L. S., Sadkov V. A., *Saint Petersburg*

EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS CARRIERS OF STATE SECRETS: SOCIO-LEGAL ASPECT

Abstract. The article analyzes public relations in the field of social and legal protection of state secrets in the Department of Internal Affairs. The legal foundations and the social aspect of the activities of employees who carry state secrets are considered.

Keywords: state secrets, internal affairs bodies, holders of state secrets, access to state secrets, socio-legal aspect, legal status.

Органы внутренних дел (ОВД) являются основой правоохранительной системы государства. Деятельность ОВД высоко оценивает Президент Рос-

сийской Федерации, отмечая, в частности, что посредством своей работы полиция обеспечивает решение национально значимых, доктринальных задач – в сфере общественного порядка, противодействия преступности, административных правонарушений и др. [1].

Государство, признавая значимость деятельности ОВД, обеспечивает работу данных правоохранительных органов всем необходимым. Речь, в частности, идет о правовой регламентации (права, обязанности, компетенция, полномочия, средства и методы работы) и организационном обеспечении (информационный, тактический, методологический и методический аспекты). Одним из важнейших институтов, без функционирования которого деятельность ОВД невозможна, является государственная тайна. Данный правовой институт регламентируется Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [2]. В соответствии с положениями указанного нормативного правового акта под государственной тайной понимаются защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Исходя из приведенного определения возможно сделать вывод о следующих основных признаках государственной тайны:

1. Содержательный признак – государственной тайной являются определенные сведения, а именно информация. Как справедливо отмечают М. С. Потанькина и Е. В. Шаназарова именно сведения, но не те объекты, о которых данные сведения содержат соответствующую информацию, на что часто указывается в научной литературе [3, с. 609].

2. Любые сведения, составляющие гостайну, находятся в правовом поле, где нарушителя ждет неотвратимая реакция государства. Сам факт отнесения сведений к разряду государственной тайны означает начало соответствующей защитной процедуры.

3. Признак последствий распространения сведений государственной тайны. Отсутствие надлежащих механизмов защиты может привести к несанкционированному доступу к государственной тайне. Это, в свою очередь, неизбежно приводит к крайне тяжким, негативным и государственно значимым последствиям. В частности, речь идет об ущербе безопасности Российской Федерации.

Сотрудник ОВД является одним из носителей государственной тайны. В соответствии с Законом № 5485-1 таковыми признаются «материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов». Необходимость доступа сотрудника полиции к сведениям, составляющим государственную тайну, связана с несколькими факторами.

При этом допуск к гостайне для сотрудника ОВД – не привилегия, а служебная необходимость: иначе охранять государственные секреты просто не-

возможно. В частности, речь идет о проведении оперативно-разыскных мероприятий, использовании банков данных о гражданах, решении других не менее значимых задач.

Кроме того, отдельные сотрудники ОВД не просто знакомятся с секретными сведениями – они обеспечивают документооборот с материальными носителями гостайны. Также целые подразделения (например, собственной безопасности) выступают полноценными стражами гостайны внутри самой системы. Без необходимого уровня допуска их работа превращается в фикцию.

Таким образом, факт признания ОВД важным элементом системы защиты и обеспечения государственной тайны следует признать объективным. Сказанное, в том числе, находит отражение в системе правового регулирования деятельности сотрудников ОВД. Правовой статус сотрудников полиции определен Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4]. В соответствии с ч. 1 ст. 8 закона «Деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-разыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций». Значение данного положения неоднократно подчеркивалось судами высшей инстанции. В частности, Конституционный Суд РФ указал, что правоотношения, связанные с обеспечением принципов деятельности полиции, могут вступать в конфронтацию с отношениями, складывающимися в других сферах. Важно обеспечивать баланс интересов различных групп общественных отношений, однако не допуская при этом нарушения фундаментальных правовых основ функционирования российского государства. Институт государственной тайны выступает одним из примеров таких основ [5].

Важным правовым источником в исследуемой сфере правоотношений выступает Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Анализ положений данного федерального закона позволяет нам выделить следующие аспекты признания и выступления сотрудника полиции в качестве носителя государственной тайны:

Анализ положений Федерального закона № 342-ФЗ позволяет выделить целый ряд аспектов, в которых сотрудник полиции предстает не просто как должностное лицо, а как носитель государственной тайны.

Начинается это с самой Присяги: ч. 2 ст. 28 прямо включает в ее текст обязанность защиты и сохранения гостайны. Далее, согласно ч. 7 ст. 33, в состав аттестационной комиссии обязательно входят сотрудники, уже допущенные к таким сведениям. Там же закреплено и преимущественное право

на занятие должности при сокращении штата – оно предоставляется тому сотруднику ОВД, который на постоянной основе работает с гостайной.

Еще один аспект касается личных дел: ч. 5 ст. 39 признает сведения о сотруднике, хранящиеся в его личном деле, самостоятельной государственной тайной. А разглашение таких сведений, даже если оно не влечет уголовной ответственности, квалифицируется как грубое дисциплинарное правонарушение (п. 5 ч. 2 ст. 49).

Закон также предусматривает ограничения на ознакомление с результатами служебной проверки – по основанию необходимости обеспечения режима государственной тайны (подп. «в» ч. 6 ст. 52). Более того, сам допуск к гостайне влияет на судьбу сотрудника: прекращение допуска, если выполнение обязанностей требует его наличия, влечет либо временное отстранение от должности, либо перевод на другую должность, либо увольнение (п. 3 ч. 1 ст. 73).

Наконец, правовой статус сотрудника ОВД прямо включает как право на допуск к сведениям, составляющим государственную тайну (п. 6 ч. 1 ст. 11), так и обязанность не разглашать их (п. 7 ч. 1 ст. 12). Таким образом, гостайна пронизывает все ключевые элементы службы – от клятвы до возможного увольнения.

Также законодатель устанавливает обязанность сотрудника полиции пройти процедуру оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Данная процедура определена законодательными актами и подзаконными нормативными правовыми актами и требует выполнения ряда нормативных и организационных действий. Прохождение данной процедуры связано с проведением определенных проверочных мероприятий в отношении сотрудника ОВД. В частности, такая проверка может быть проведена посредством соответствующих средств оперативно-разыскной деятельности. Формой реализации данных средств выступают оперативно-разыскные мероприятия, которые проводятся в соответствии с положениями действующего законодательства [7]. Значение такой проверки неоднократно подчеркивалось в научной литературе [8–10].

Таким образом, можем сделать вывод о том, что допуск сотрудников полиции к сведениям, составляющим государственную тайну – обязательное условие для реализации социального и правового предназначения должностных лиц ОВД. Не будучи допущенными к таким сведениям, не являясь их носителями, сотрудники полиции не смогут выполнять те обязанности и задачи, которые возложены на них законодательно и выполнение которых необходимо на современном этапе развития российского общества и государства.

Список литературы

1. Расширенное заседание коллегии МВД России. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Президент России URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/79255 (дата обращения: 31.03.2026).

2. О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Российская газета. 1993. 21 сент.
3. Потанькина М. С., Шаназарова Е. В. Понятие и значение государственной тайны и ее содержание // *Аллея науки*. 2024. Т. 1, № 1(88). С. 609–611.
4. О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брыкова Станислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 19. 3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также рядом норм Федерального закона «О полиции» : определение Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2019 г. № 3555-О // *Гарант*. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document-relations/12182530/1/0/1/0/0/tab/0/801:1> (дата обращения: 31.03.2026).
6. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
7. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А. Г. Ахмедов, Н. Н. Бухаров, А. В. Воронцов [и др.]. М. : Акад. управления МВД России, 2022. 280 с.
9. Стрельченко В. В. Проблемы реализации оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // *Актуальные проблемы противодействия коррупционным правонарушениям и преступлениям в современных условиях* : сб. науч. тр. II Межведомствен. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Санкт-Петербург, 12 дек. 2025 г. СПб. : Воен. ордена Жукова акад. войск нац. гвардии, 2025. С. 189–193.
10. Зимина Е. И., Меняйло Д. В. К вопросу о юридической ответственности сотрудников органов внутренних дел за нарушение требований по защите информации // *Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты* : сб. науч. ст. 15-й Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Курск, 1 окт. 2025 г. Курск : Университ. кн., 2025. С. 192–196.

УДК 342.723

Окорокова С. А., Петровская О. А., *Краснодар*

ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматриваются правовые основы участия женщин в публичной власти России. На основе эмпирических данных выявляется гендерный дисбаланс в структуре государственного и муниципального управления и причины его возникновения.

Ключевые слова: публичная власть, государственное и муниципальное управление, женщины, гендерное равенство, вертикальная сегрегация.

Okorokova S. A., Petrovskaya O. A., *Krasnodar*

WOMEN IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY: SOCIO-LEGAL ASPECT

Abstract. The article discusses the legal basis for women's participation in public power in Russia. Based on empirical data, gender imbalance in the structure of state and municipal government and the reasons for its occurrence were identified.

Keywords: public authority, state and municipal administration, women, gender equality, vertical segregation.

Вопрос участия женщин в системе публичной власти представляет собой один из ключевых показателей сформированности правового государства и гражданского общества. В Российской Федерации конституционное закрепление принципа равноправия между мужчинами и женщинами создает формально-юридический фундамент для участия женщин в политической власти, однако фактическая реализация этого принципа сталкивается с рядом проблем.

В контексте государственной службы гендерное равенство основывается на следующих ключевых принципах [4]:

- Доступ к государственной службе без гендерных барьеров: предоставление гарантий, что и мужчины, и женщины имеют одинаковые шансы попасть на государственную службу, исключая любые требования или ограничения, которые могли бы несправедливо препятствовать им из-за их пола.

- Справедливая оплата труда за одинаковый труд: установление системы оплаты труда, при которой мужчины и женщины получают одинаковое вознаграждение за выполнение идентичных обязанностей или работы, имеющей равную ценность, независимо от их пола.

- Равные карьерные возможности: создание условия, при которых карьерный рост и повышение по службе доступны всем сотрудникам в равной степени, без влияния гендерных стереотипов или предвзятых мнений.

- Рабочее место без притеснений и предвзятости: обеспечение защиты от любых форм несправедливого отношения или преследования на работе, включая сексуальные домогательства и насилие, связанное с полом.

- Гендерно сбалансированный состав: равномерное распределение мужчин и женщин на всех уровнях государственной службы и в различных областях работы.

- Поддержка баланса между работой и личной жизнью: предоставление государственным служащим условий, которые позволяют им успешно совмещать профессиональные обязанности с заботой о семье, не опасаясь негативных последствий для их карьеры.

Основной правовой гарантией участия женщин в системе публичной власти выступает ст. 19 Конституции РФ, которая провозглашает равенство прав и свобод мужчин и женщин и равные возможности их реализации. Данная норма имеет прямое действие и создает возможности для недискриминационного доступа женщин к государственной и муниципальной службе, а также к занятию выборных должностей [3].

На международно-правовом уровне Российская Федерация приняла обязательства по обеспечению гендерного равенства в политической сфере в рамках Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и других международных договоров. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы страны, что придает

международным стандартам гендерного равенства обязательную силу на национально-государственном уровне [3].

Важным нормативным документом, который определяет государственную политику в сфере равноправия, является Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг., утвержденная распоряжением Правительства РФ. Этот документ, пришедший на смену стратегии на 2017–2022 гг., нацелен на обеспечение гендерного равенства, повышение экономической независимости, социальной активности и сохранение здоровья женщин [5].

Как отмечает председатель Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Нина Останина, в России отсутствует специальный законодательный акт, комплексно регулирующий вопросы реализации равноправия женщин в политической сфере, что создает определенные сложности для правоприменения и требует разработки специального закона [1].

Опираясь на данные эмпирических исследований, можно выделить неравномерное распределение женщин на различных уровнях публичной власти. Согласно статистике за 2017–2018 гг., женщины преобладают на должностях государственной гражданской и муниципальной службы, занимая 72,1 % из указанных позиций. Однако эта высокая представленность резко снижается по мере продвижения к более властным управленческим позициям [2].

В настоящее время сохраняется подобная тенденция «вертикальной сегрегации»: в структуре федеральных органов исполнительной власти женщины составляют большинство среди государственных гражданских служащих – более 70 %. В органах местного самоуправления этот показатель достигает 78 %, а в судебной власти и прокуратуре превышает 80 %. Однако эти цифры отражают прежде всего занятость на исполнительских должностях: среди обеспечивающих специалистов младшего звена женщин – 87 %, тогда как на высшем управленческом уровне их доля резко сокращается [6].

Наиболее наглядно проблема гендерного дисбаланса проявляется в законодательных органах власти. В Государственной Думе VIII созыва женщины занимают 17 % мест, т. е. 77 из 450 депутатов, в Совете Федерации их доля составляет от 17 до 19,6 %. Из 32 комитетов нижней палаты парламента только четыре возглавляют женщины, а среди 12 заместителей председателя палаты их всего двое. В исполнительной власти этот разрыв еще более заметен. В правительстве РФ из 31 министра только 3 женщины, что составляет 10 % от общего состава. По данным на начало 2026 г., среди вице-премьеров, министров, их заместителей и глав федеральных агентств женщины занимают 33 должности, т. е. около 14 % от общего числа чиновников данного уровня. Из-за этого Россия в мировом рейтинге по женскому представительству в законодательной власти располагается на уровне 130–140 мест [6].

Сравнивая с данными предыдущих лет, можно говорить о медленном развитии женского представительства в структуре публичной власти, но все еще сохраняется гендерная асимметрия в государственной и муниципальной

власти. Женщины Российской Федерации продолжают сталкиваться с многочисленными препятствиями при реализации права на участие в публичном управлении. Можно выделить следующие группы факторов-препятствий:

– Институциональные барьеры: связаны с отсутствием эффективных механизмов «позитивной дискриминации» или же квотирования для обеспечения минимального уровня женского представительства в выборных органах. Так, например, в Государственной Думе планируется разработать закон, обязывающий политические партии включать не менее 30 % женщин в проходную часть партийных списков, однако пока эта инициатива не получила законодательного закрепления [1].

– Социокультурные стереотипы: они все еще оказывают значительное влияние на восприятие женщины как политического лидера. В общественном сознании сохраняются консервативные представления о «женском деле», что создает дополнительные психологические барьеры для женщин, которые стремятся к политической карьере, и формирует негативные ожидания у избирателей.

– Проблема совмещения карьеры и материнства: она является одним из ключевых барьеров для продвижения женщин по карьерной лестнице в системе публичной власти. Для построения карьеры на государственной службе необходимы меры по созданию условий для совмещения женщинами работы и материнства. К таким мерам относятся: обеспечение доступности детских дошкольных учреждений, внедрение гибких графиков работы, возможность удаленного формата работы.

Для того чтобы выяснить отношение людей к участию женщин в государственном и муниципальном управлении, было проведено социологическое исследование среди жителей города Краснодара. Возрастная структура выборки распределилась следующим образом: до 18 лет – 21,1 %, от 18 до 25 лет – 44,7 %, от 26 до 35 лет – 2,6 %, от 36 до 45 лет – 15,8 % и старше 45 лет – также 15,8 %. Гендерный состав представлен преимущественно женщинами (68,4 %), тогда как доля мужчин составила 31,6 %. Вот какие результаты были получены в ходе исследования.

Отвечая на вопрос о достаточности представленности женщин на постах в государственном и муниципальном управлении России, 47,4 % респондентов выбрали вариант «не очень много», 36,8 % сочли ее достаточной, а 15,8 % отметили, что женщин «фактически нет». Полученные данные позволяют утверждать, что население склонно оценивать присутствие женщин в органах власти как невысокое.

При этом отношение к самому участию женщин в управлении является устойчиво положительным: на вопрос «Одобряете ли Вы участие женщин в государственном и муниципальном управлении?» 68,4 % опрошенных ответили «Да» и еще 23,7 % – «Скорее да, чем нет». Иными словами, деятельность женщин на государственной и муниципальной службе встречает общественное одобрение. Что касается стилей управления, на вопрос «По Вашему

мнению, есть ли отличия в стилях управления на уровне государственного и муниципального управления между мужчинами и женщинами?» 42,1 % отметили наличие отличий между мужчинами и женщинами («Да»), а 31,6 % склоняются к тому же мнению («Скорее да, чем нет»), что указывает на признание респондентами гендерных различий в управленческих подходах.

На вопрос об оптимальной структуре власти более половины участников (55,2 %) высказались за равноправное распределение должностей между мужчинами и женщинами, что свидетельствует о поддержке демократических принципов и гендерного баланса в структуре публичной власти.

Интересно, что набор качеств, ожидаемых от женщины-руководителя и от женщины на рядовой должности, частично расходится. Для женщины-руководителя наиболее значимы ответственность (73,7 %), решительность (63,2 %), настойчивость (52,6 %) и исполнительность (50 %). Для сотрудницы без руководящих функций на первый план выходят ответственность (76,3 %), исполнительность (57,9 %) и целеустремленность (47,4 %). Среди качеств, препятствующих работе женщин в сфере управления, респонденты чаще всего называли излишнюю эмоциональность (52,6 %) и низкую стрессоустойчивость (50 %).

Мотивация женщин к работе в органах власти, по мнению опрошенных, связана в первую очередь с желанием помочь своей стране или региону (55,3 %) и с возможностью профессиональной самореализации (55,3 %). Таким образом, женщины рассматриваются как стремящиеся к карьерным достижениям и через них – к развитию своей Родины.

Отношение к женщине на высших выборных постах оказалось сдержанно-позитивным. На вопрос о возможности назначения женщины на должность президента России в ближайшие 10–15 лет положительных ответов было больше, чем отрицательных, однако разрыв оказался незначительным. Аналогичная картина сложилась и в отношении женщины-эра Краснодар. Это позволяет говорить о том, что многие люди пока еще не готовы видеть во главе властных структур женщину.

Главной причиной доминирования мужчин в системе государственного и муниципального управления респонденты назвали стереотипы и давление общества (63,2 %). При этом большинство участников опроса высказалось за принятие мер по вовлечению женщин в эту сферу, что подтверждает общественный запрос на изменение сложившейся ситуации.

Примечательно, что узнаваемыми примерами успешных женщин-управленцев для опрошенных стали прежде всего иностранные политики: Ангела Меркель и Маргарет Тэтчер (по 73,7 % каждая). Другие имена, в частности российские политики, также встречались, но заметно реже. Это указывает на то, что достижения женщин на высших государственных постах остаются в массовом сознании.

Если респондент чуть ранее отметил «Да» или «Скорее да, чем нет», то он отвечает на вопрос «Если одобряете, то почему?». Большинство респондентов отметили, что одобряют участие женщин в государственном и муниципальном управлении, потому что женщины склонны к дипломатии и ответственному подходу (51,4 %), это законодательное закрепление принципов равноправия женщин и мужчин (48,6 %).

Напротив, среди тех, кто ответил «Нет» или «Скорее нет, чем да», преобладали стереотипные возражения: 66,7 % сослались на неспособность женщин управлять в силу характера и темперамента, и столько же – на неготовность выдерживать жесткую конкуренцию с мужчинами. Эти данные фиксируют сохраняющийся в части общества разрыв между декларируемым равноправием и существующими гендерными стереотипами.

Анализ нормативных документов показывает, что российская правовая система содержит все необходимые предпосылки для полноценного участия женщин в публичной власти. Конституционная норма о равноправии и международные стандарты задают безусловную основу для равного участия женщин в системе государственного и муниципального управления. Однако нормативной базы без специальных механизмов реализации оказывается недостаточно. Отсутствие комплексного закона, который бы регулировал конкретные способы достижения гендерного баланса, оставляет данный принцип в значительной степени декларируемым.

Опираясь на статистические данные, можно зафиксировать устойчивый феномен «вертикальной сегрегации». Женщины занимают большое количество мест среди государственных и муниципальных служащих, но в основном это исполнительские и обеспечивающие позиции. По мере продвижения к реальным управленческим уровням – федеральная исполнительная власть, руководство парламентскими комитетами, высшие выборные посты – доля женского состава снижается. Мировая статистика подтверждает этот разрыв: Российская Федерация находится во второй сотне в рейтинге по представленности женщин в законодательных органах, что говорит о системном характере проблем.

Результаты проведенного социологического опроса в городе Краснодар помогают уточнить некоторые детали в понимании общественных установок по отношению к участию женщин в государственном и муниципальном управлении. При общем позитивном отношении к участию женщин в управлении и поддержке равноправного распределения должностей фиксируется явный разрыв в отношении высших выборных постов. Ответы респондентов относительно возможности назначения женщины президентом России или мэром Краснодара показали лишь незначительный перевес положительных оценок над отрицательными, что можно интерпретировать как сохраняющееся расхождение между формальным признанием равноправия и конкретным восприятием женщины на государственной руководящей позиции из-за гендерных стереотипов, которые все еще существуют в обществе.

Можно сделать вывод, что женщины в системе публичной власти продолжают сталкиваться с барьерами, которые носят комплексный характер. Институциональный уровень дополняется социокультурным и структурно-бытовым. Преодоление сложившейся асимметрии требует не только принятия законодательных мер – в частности, введения минимальных порогов представительства для партийных списков, – но и последовательной работы с общественным сознанием, а также создания реальных условий для совмещения профессиональной реализации и семейной жизни. Благодаря этому численность женщин во власти будет расти быстрее, а конституционный принцип равноправия станет не просто формальной нормой, а фактической реализацией демократии.

Список литературы

1. Анастасия Острокова. Останина считает, что права женщин необходимо отдельно закрепить в законе // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ostanina-schitaet-cto-prava-zhenshhin-neobkhodimo-otdelno-zakrept-v-zakone.html> (дата обращения: 22.03.2026)
2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год от 17 апреля 2018 г. // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71924492/c74d6d7c95e27021146be056ebac8f37/> (дата обращения: 22.03.2026)
3. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2026).
4. Мадатов О. Я. Административные меры по обеспечению равенства между мужчинами и женщинами в государственной службе: проблемы и перспективы // Административное и муниципальное право. 2025. № 1. С. 44–66.
5. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы : распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436691/ (дата обращения: 22.03.2026)
6. Сегодня в России женщинам доверяют сложнейшую технику и опасное производство, но не доверяют принятие государственных решений // Клуб регионов. URL: <http://m.club-rf.ru/theme/657?print> (дата обращения: 22.03.2026)

УДК 342.9

Поярков С. Ю., Москва

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ПОДОТЧЁТНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСМОТРЕНИЯ

Аннотация. Исследуется алгоритмизация публичной власти как одна из форм трансформации современного конституционализма. Обосновывается, что использование алгоритмических и иных цифровых систем в публичном управлении изменяет не только техническую сторону административной деятельности, но и юридическую структуру принятия властных решений. Показано, что алгоритмическое опосредование административного усмотрения усиливает риски снижения прозрачности, размывания ответственности, формализации оценки индивидуальных обстоятельств и ограничения судебного контроля. Сделан вывод о том, что в условиях цифровой трансформации конституционализм сохраняет значение как система ограничителей

публичной власти, требующая сохранения человеческой ответственности за властное решение, его мотивированность, проверяемость и оспоримость.

Ключевые слова: конституционализм, публичная власть, алгоритмизация, административное усмотрение, подотчетность, цифровизация управления, судебный контроль.

Poyarkov S. Yu., *Moscow*

ALGORITHMIZATION OF PUBLIC POWER AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF MODERN CONSTITUTIONALISM: ACCOUNTABILITY ISSUES AND THE LIMITS OF ADMINISTRATIVE DISCRETION

Abstract. The article examines algorithmization of public power as a factor transforming modern constitutionalism. It argues that the use of algorithmic and other digital systems in public administration changes not only the technical dimension of administrative activity, but also the legal structure of authoritative decision-making. The paper shows that algorithmic mediation of administrative discretion increases the risks of opacity, diluted responsibility, formalized assessment of individual circumstances and weakened judicial review. It concludes that constitutionalism retains its practical value as a system of limits on public power and requires preservation of human responsibility for authoritative decisions, as well as their reasoned character, verifiability and contestability.

Keywords: constitutionalism, public power, algorithmization, administrative discretion, accountability, digital governance, judicial review

Современный этап развития публичной власти характеризуется переходом от цифровизации отдельных административных процедур к более сложной модели алгоритмически опосредованного управления. Если на ранних стадиях речь шла преимущественно об электронном документообороте, цифровых сервисах и ускорении межведомственного взаимодействия, то в настоящее время цифровые технологии все чаще включаются в процессы отбора, ранжирования, прогнозирования, выявления рисков и подготовки решений, затрагивающих права и законные интересы граждан. В этом смысле алгоритмизация означает не просто техническое обновление аппарата управления, а качественное изменение способа осуществления публичной власти.

Именно в этой точке возникает вопрос о трансформации современного конституционализма. В новейшей зарубежной литературе справедливо отмечается, что искусственный интеллект и алгоритмически организованная социальная среда стали одним из наиболее серьезных испытаний для конституционализма, поскольку технологические изменения затрагивают не только инструменты управления, но и основания легитимации, ограничения и контроля власти [1, р. 1081–1083]. В российской научной традиции близкая по смыслу мысль была ранее высказана применительно к феномену электронного государства: развитие цифровых форм организации власти должно осмысляться через доктрину конституционализма, а не только через категорию управленческой эффективности [10, с. 4–8]. Следовательно, конституционно-правовая проблема состоит не в том, допустимы ли цифровые технологии в публичном управлении как таковые, а в том, изменяют ли они пределы допустимого административного усмотрения и способна ли правовая система сохранить действенные гарантии от произвольного вмешательства власти.

Классическая конструкция административного усмотрения исходит из того, что закон в определенных пределах предоставляет органу публичной власти возможность выбора между несколькими юридически допустимыми вариантами решения. Однако такой выбор никогда не является полностью свободным: он ограничен целями закона, принципами равенства, соразмерности, добросовестности, запретом злоупотребления полномочием, обязанностью учитывать фактические обстоятельства конкретного дела и возможностью последующего судебного контроля. Усмотрение в правовом государстве не тождественно произволу именно потому, что оно связано с обязанностью мотивировать решение и нести за него публично-правовую ответственность.

Алгоритмизация меняет эту конструкцию по меньшей мере в трех отношениях. Во-первых, она смещает фактический центр подготовки решения с должностного лица на систему обработки данных, которая заранее задает структуру релевантных факторов, способы их оценки и приоритетность отдельных признаков. Во-вторых, алгоритмизация способствует переводу правовой нормы в программный код, где значительная часть нормативного содержания начинает воспроизводиться в технической логике, не всегда доступной для внешней проверки. В-третьих, она порождает эффект рассеивания ответственности: формально решение принимает орган власти, однако фактически значимую роль могут играть разработчик модели, поставщик программного продукта, оператор информационной системы и администратор базы данных. Уже поэтому алгоритмизация не устраняет усмотрение, а лишь меняет его форму: вместо открытого человеческого выбора возникает сложная система скрытого, распределенного и нередко технически непрозрачного усмотрения.

Д. К. Цитрон еще в работе о технологическом *due process* показала, что автоматизированные системы принятия решений разрушают традиционное разграничение между индивидуальным правоприменением и нормотворческой преднастройкой процедуры, причем делают это без полноценных гарантий ни одного из этих режимов [2, р. 1249–1254]. Дж. Кобб, анализируя судебный контроль за автоматизированными решениями публичного сектора, обоснованно указывает, что юридическая оценка таких систем невозможна без учета их технических особенностей, а традиционные подходы административного права оказываются недостаточными, если суд не видит, каким образом сформирован цифровой результат и на каких допущениях он основан [3, р. 636–640]. Из этого следует принципиальный вывод: административное усмотрение не может считаться конституционно приемлемым лишь потому, что оно выражено в цифровой форме. Напротив, чем менее прозрачен механизм подготовки решения, тем более строгими должны быть требования к его правовой оправданности.

Международная правовая мысль постепенно движется именно в этом направлении. Обновленная рекомендация ОЭСР по искусственному интеллекту закрепляет необходимость такого использования систем ИИ, которое

совместимо с правами человека, демократическими ценностями, прозрачностью, объяснимостью, надежностью и подотчетностью [4]. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта исходит из приоритета человеческого достоинства, справедливости, прозрачности и человеческого надзора [7]. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания 5 сентября 2024 г., требует оценки рисков и воздействия на права человека, демократию и верховенство права, принятия мер предотвращения и смягчения рисков, а также допускает введение запретов и мораториев на отдельные виды применения ИИ [6]. Регламент ЕС 2024/1689, известный как AI Act, пошел еще дальше, запретив ряд практик, признанных несовместимыми с фундаментальными правами, включая некоторые формы социального скоринга и недопустимого предиктивного профилирования [5]. Тем самым в международном и европейском праве уже отчетливо проявилась идея: не всякая алгоритмическая рациональность допустима в публичной сфере, а там, где она допускается, она должна быть подчинена правам человека и институциональным гарантиям контроля.

Для российского конституционного права эта проблематика не является внешней. Конституция Российской Федерации закрепляет приоритет прав и свобод человека, их непосредственное действие и обязанность публичной власти руководствоваться ими при применении законов; она гарантирует право на обращение в государственные органы, право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы, и право на судебное обжалование решений и действий органов публичной власти [9]. Уже поэтому любая технология, используемая в сфере государственного и муниципального управления, должна оцениваться не только с точки зрения эффективности, но прежде всего с точки зрения ее совместимости с конституционными гарантиями правовой защиты личности. Конституционная реформа 2020 г. институционально усилила категорию публичной власти, а значит, вопрос о пределах цифрового администрирования должен ставиться именно в логике конституционной ответственности единой системы публичной власти перед человеком и обществом [8]. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 и последующее развитие экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций свидетельствуют, что государство последовательно создает нормативную основу для внедрения ИИ и цифровых решений в публичное управление [11; 12]. Однако из самой логики конституционного государства следует, что специальное регулирование цифровых инноваций не может рассматриваться как основание для ослабления стандартов законности, мотивированности и судебной контролируемости властных актов.

Именно по этой причине подотчетность должна рассматриваться как центральная категория алгоритмизации публичной власти. В традиционном

понимании подотчетность включает возможность установить, кто принял решение, на каком основании, в пределах каких полномочий, какими данными руководствовался орган и в каком порядке решение может быть проверено. В цифровой среде каждый из этих элементов осложняется. Во многих случаях гражданин сталкивается уже не с мотивированным индивидуальным решением, а с формализованным результатом цифровой обработки данных, который воспринимается как объективный и нейтральный лишь потому, что произведен системой. Между тем алгоритмическая обработка никогда не бывает ценностно нейтральной: она зависит от качества исходных данных, модели их отбора, заданных критериев оптимизации и институциональной цели, которую преследует орган власти. Следовательно, подотчетность в сфере алгоритмизации не может ограничиваться указанием на то, что решение принято автоматически на основании данных. Она должна охватывать весь цифровой контур решения: источник данных, критерии обработки, пределы использования модели, степень участия должностного лица и процедуру внешней проверки.

Из этого вытекают и пределы административного усмотрения в условиях алгоритмизации. Во-первых, окончательное юридически значимое решение не должно полностью делегироваться алгоритму в тех случаях, когда оно способно существенно затронуть конституционные права личности. Алгоритм может выполнять вспомогательную, аналитическую, прогностическую или селекционную функцию, однако ответственность за окончательную властную волю должен нести человек как субъект публичной власти. Во-вторых, использование алгоритмических систем допустимо лишь при сохранении обязанности мотивировать решение в форме, пригодной для восприятия адресатом и для судебной проверки. Невозможность объяснить, почему гражданин был включен в группу риска, лишен выплаты, подвергнут дополнительной проверке или получил отказ в услуге, означает не технический дефект, а правовую несостоятельность соответствующей процедуры. В-третьих, алгоритмизация не должна подменять индивидуализацию правоприменения статистической вероятностью. Предиктивные модели способны выявлять типовые корреляции, но публичная власть обязана разрешать конкретное дело, а не оперировать усредненным цифровым профилем лица. В-четвертых, обязательным условием является наличие эффективной процедуры обжалования, в рамках которой могут быть исследованы не только формальные полномочия органа, но и корректность исходных данных, способ их обработки и фактическое влияние алгоритма на результат.

Тем самым трансформация современного конституционализма под влиянием алгоритмизации публичной власти состоит не в отказе от классических принципов правового государства, а в их новом содержательном наполнении. Законность в цифровую эпоху означает не только наличие нормативного основания для применения технологии, но и нормативную определенность ее

функций, пределов и запретов. Принцип равенства требует проверки алгоритмов на предмет воспроизводства дискриминационных эффектов. Принцип соразмерности требует соотносить удобство и быстроту цифрового решения с глубиной вмешательства в права личности. Право на судебную защиту должно включать не только возможность оспорить итоговый акт, но и реальную возможность поставить под сомнение цифровую логику, которая к нему привела. Иными словами, конституционализм в настоящее время смещается от контроля исключительно над внешней формой властного решения к контролю над его цифровой инфраструктурой.

В современной российской дактрине справедливо отмечается, что цифровизация публичного управления меняет способы взаимодействия государства и общества, но одновременно порождает новые юридические риски, связанные с защитой прав граждан, конфиденциальностью, безопасностью данных и качеством правовых рамок [13, с. 27–38]. В этом контексте наиболее опасной является тенденция трактовать алгоритмизацию как нейтральный технико-управленческий процесс. Такая трактовка методологически ошибочна. Алгоритмизация представляет собой форму перераспределения власти внутри государственного механизма, а потому должна оцениваться через категории конституционного права: достоинство личности, свобода, равенство, подотчетность, открытость власти и допустимые пределы административного усмотрения.

При этом надо учитывать, что основная задача современного конституционализма состоит не в сопротивлении цифровым технологиям как таковым, а в недопущении такого режима цифрового управления, при котором техническая непрозрачность начинает оправдывать юридическую безответственность. Алгоритм не может быть самостоятельным носителем публичного усмотрения, поскольку не обладает ни конституционной легитимностью, ни юридической ответственностью, ни обязанностью действовать в интересах человека и общества. Он может быть лишь инструментом в руках публичной власти, которая в любом случае остается связанной Конституцией, правами и свободами личности, принципами справедливости и судебным контролем. Поэтому конституционно допустимая алгоритмизация управления предполагает по меньшей мере четыре обязательных условия: нормативную определенность целей и границ применения цифровых систем; сохранение человеческой ответственности за окончательное решение; обеспеченную законом возможность объяснения и проверки цифрового результата; наличие эффективных процедур обжалования и независимого контроля. Только при таких условиях алгоритмизация публичной власти может рассматриваться не как угроза конституционализму, а как один из механизмов его современной институциональной адаптации.

Список литературы

1. Avbelj M. Reconceptualizing Constitutionalism in the AI Run Algorithmic Society // German Law Journal. 2024. Vol. 25, Is. 7. P. 1081–1094. DOI: 10.1017/glj.2024.35

2. Citron D. K. Technological Due Process // Washington University Law Review. 2008. Vol. 85, Is. 6. P. 1249–1313.
3. Cobbe J. Administrative Law and the Machines of Government: Judicial Review of Automated Public-Sector Decision-Making // Legal Studies. 2019. Vol. 39, Is. 4. P. 636–655. DOI: 10.1017/lst.2019.9
4. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449). Paris : OECD, 2019. Rev. 8 Nov. 2023. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed: 30.03.2026).
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L. 2024/1689. 12 July.
6. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). Strasbourg : Council of Europe, 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/la-convention-cadre-sur-l-intelligence-artificielle> (accessed: 30.03.2026).
7. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Electronic resource]. Paris : UNESCO, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (accessed: 30.03.2026).
8. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ от 14.03.2020 № 1-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправке к Конституции Российской Федерации, одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.07.2020.
10. Тихонова С. В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государственно-генеза // Информационное право. 2014. № 6. С. 4–8.
11. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910110003> (дата обращения: 30.03.2026).
12. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.
13. Захаров И. В., Режецкая А. И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 27–38. DOI: 10.17323/tis.2025.27357

УДК 342.8

Серко К. Д., Адамюк О. И., *Минск*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ, ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ, СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Обосновывается, что абсолютное равенство трех ветвей власти опасно. Показывается, что приоритет законодателя и функциональная синергия ветвей – ключ к балансу между управляемостью и свободой.

Ключевые слова: Власть, властные отношения, разделение властей.

Serko K. D., Adamyuk O. I., *Minsk*

LEGISLATIVE, EXECUTIVE, JUDICIAL POWER IN THE SYSTEM OF POWER RELATIONS

Abstract. In this paper, we argue that absolute equality between the three branches of government is dangerous. Legislative primacy and functional synergy between the branches are key to maintaining a balance between governance and freedom.

Keywords: power, power relations, separation of powers

Актуальность исследования теоретических и прикладных аспектов функционирования законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в рамках единой системы властных отношений обусловлена фундаментальной ролью власти как структурообразующего элемента любого организованного социума. В современном мире, характеризующемся беспрецедентной динамичностью социальных процессов и усложнением глобальной структуры, феномен власти остается одним из наиболее труднодостижимых и многогранных объектов научного познания. При всем многообразии современной цивилизации трудно найти явление более противоречивое и сложное, чем властные отношения, которые, обладая свойством всеобщности, пронизывают все слои общества и детерминируют практически каждый аспект человеческого бытия. Онтологическая природа власти такова, что она неизбежно влияет на жизнь и судьбу каждого конкретного человека, подчиняя его своим законам и выступая одновременно и гарантом социального порядка, и потенциальным источником ограничения индивидуальной свободы.

В этой связи классическая теория разделения властей – на законодательную, исполнительную и судебную – перестает восприниматься лишь как статичная политико-правовая доктрина XVIII в. Напротив, в условиях поиска новых моделей устойчивого государственного развития она выступает как живой, постоянно эволюционирующий механизм институционализации упомянутой сложности властных отношений. Актуальность темы диктуется необходимостью осмысления того, как в условиях современных вызовов – от цифровизации публичного управления до глобальной политической нестабильности – распределение полномочий между ветвями власти позволяет гармонизировать противоречие между потребностью государства в жесткой управляемости и правом личности на правовую защищенность.

В системе современных властных отношений разделение функций между законодателем, управленцем и судьей становится механизмом, гарантирующим, что подчинение человека закону не превратится в форму порабощения, а станет актом реализации гражданской свободы в рамках справедливого общественного договора. Поскольку власть по своей сути императивна и направлена на подчинение индивидуальной воли воле государственной, ее внутренняя диверсификация позволяет создать пространство безопасности для каждого члена общества.

В современной системе властных отношений наблюдается опасная тенденция к функциональной гибридации, которую следует рассматривать как вызов принципу разделения властей. Проблема устойчивости государственного устройства неразрывно связана с четкостью институциональных границ и функциональной чистотой деятельности каждого органа управления. «Органы одной ветви власти не должны выполнять функции иной и наделяться соответствующими полномочиями» [1, с. 31–41].

Данный императив выступает фундаментальным условием предотвращения монополизации властных ресурсов и гарантирует предсказуемость государственного процесса.

Принцип разделения властей не должен сводиться лишь к формальному наличию разных ведомств; он требует жесткого закрепления полномочий за конкретными ветвями власти. Попытки наделить исполнительную власть квазизаконодательными функциями или превратить судебную власть в инструмент политического регулирования ведут к «деклассированию» системы. Однако, по мнению Р. В. Косова, «в исключительных случаях, угрожающих безопасности государства, законодательная власть может предоставить на короткое время исполнительной власти право ареста граждан (вместо судебной власти)» [7, с. 44].

В условиях кризиса правовой каркас государства подвергается испытанию на прочность, что зачастую требует временного перераспределения полномочий в пользу оперативного реагирования. Мы считаем, именно в такие моменты проявляется концептуальный приоритет представительной воли, данная прерогатива парламента делегировать судебные функции подчеркивает, что именно он является первичным держателем народного суверенитета, способным в интересах выживания нации корректировать привычные, установленные границы компетенций.

Делегирование экстраординарных полномочий именно исполнительному сегменту государственности в моменты критических угроз продиктовано самой функциональной природой этой ветви. В то время как представительные органы ориентированы на длительную дискуссию и поиск консенсуса, а правосудие носит реактивный характер, административный аппарат обладает уникальной способностью к немедленной мобилизации и единоначалию. В кризисной ситуации время становится решающим ресурсом, и

только иерархически выстроенная вертикаль способна обеспечить оперативную концентрацию усилий для нейтрализации опасности. Поэтому, когда законодательная власть временно наделяет управленцев правом на применение мер принуждения в обход стандартных процедур, она опирается на объективную реальность: только у исполнительной власти сосредоточен весь инструментарий прямого воздействия – от силовых структур до логистических ресурсов.

Такая временная субституция судебных функций административными мерами обусловлена необходимостью мгновенного пресечения деструктивных процессов. Если классический правовой процесс требует соблюдения множества формальностей, которые в условиях хаоса могут стать фатальными для безопасности нации, то исполнительная ветвь способна действовать превентивно. Передача права ареста в руки управленцев – это не отказ от законности, а ее перевод в режим чрезвычайной эффективности. При этом важно понимать, что административный сегмент выступает здесь лишь как «доверенное лицо» законодателя. Лидирующий статус народного представительства сохраняется в том, что именно оно определяет условия, сроки и границы применения подобных исключительных мер.

Таким образом, логично заключить, что концепция абсолютного равенства ветвей власти является теоретической идеализацией и на практике не может существовать, так как это неизбежно привело бы к системному параличу при малейшем несовпадении векторов интересов различных ведомств.

В своем труде «Два трактата о правлении» Джон Локк помимо заложения основ теории разделения властей, выделил идею о верховенстве законодательной власти. Она проистекает из концепции общественного договора, согласно которой народ делегирует право на издание законов представительному органу, чтобы избежать произвола. «Локк называет законодательную власть высшей по отношению к двум другим, которые должны подчиняться ей, хотя и могут со своей стороны весьма активно влиять на законодательный орган, не превращаясь в его придаток» [4, с. 92–93].

Законодательный орган – единственный институт, обладающий прямым мандатом на формулирование «общей воли» через нормативные акты. Все остальные ветви по своей сути являются производными: исполнительная власть носит подзаконный характер и призвана лишь реализовывать установления парламента, а судебная – интерпретировать их в контексте правовых споров. Следовательно, в горизонтальном механизме распределения полномочий объективно присутствует вертикальный вектор легитимности. Лидирующая роль нормотворца делает его естественным координатором, чьи решения определяют границы дозволенного для административного аппарата. Без этого признанного верховенства законодательной воли, велик шанс превращения государственного управления в хаотичное противоборство властей.

Следует подчеркнуть, что отрицание абсолютного равенства ветвей власти не означает ликвидацию системы сдержек, напротив, оно делает эту систему более устойчивой. Когда законодатель выступает как лидирующая

сила, он создает единую ценностную и правовую рамку, исключаящую риск узурпации полномочий исполнительными структурами. В такой структуре государственного устройства судебная власть получает надежную опору в виде четкого закона, а исполнительная – легитимный коридор для действий.

В этом контексте также уместно обратиться к фундаментальному свойству исполнительной власти, которое иногда упускается из виду в абстрактных теориях разделения властей. «Исполнительная власть ограничена по самой своей природе, поскольку она вынуждена действовать в рамках законов, установленных законодательной властью». [6, с. 25–26].

Указанная ограниченность носит не процедурный, а сущностный характер. Исполнительная власть, в отличие от законодательной, не обладает свободой выбора целей. Ее прерогатива – это выбор средств в пределах уже заданной нормативной траектории. Министерства, ведомства, административные органы не могут по собственной инициативе переопределять налоговые ставки, вводить новые составы преступлений или изменять порядок наследования – эти действия потребовали бы вмешательства законодателя.

Следовательно, можно еще раз подчеркнуть: приоритет законодательной власти – это не политическая привилегия парламента, а логическое следствие природы права. Именно парламент, как законодательный орган выступает генератором правовых смыслов, принимая закон, он создает нормативную реальность, которой затем вынуждены подчиняться все остальные субъекты политического процесса. Исполнительная власть в этой связке выполняет строго вторичную функцию: она «обслуживает» закон, реализуя его предписания в конкретных актах применения. Даже так называемое «делегированное нормотворчество» (издание постановлений, инструкций, приказов) допустимо только в пределах, прямо очерченных законом, и не может изменять его дух. Любая попытка исполнительной власти выйти за эти рамки означает подмену законодательной функции, что в правовом государстве квалифицируется как превышение полномочий.

Также рассматривая систему властных отношений, необходимо признать фундаментальное значение постулата о функциональной изоляции судебной власти, согласно которому совмещение ролей судьи с функциями законодателя или представителя исполнительной власти неизбежно деформирует правовую природу государства. Следует подчеркнуть, что судебная ветвь власти призвана выступать в качестве беспристрастного арбитра, чья деятельность строго ограничена интерпретацией и применением уже существующих норм. Смешение судебной и законодательной функций порождает ситуацию правового произвола, при которой норма может создаваться непосредственно в процессе правосудия под конкретный случай, что лишает систему главного качества – правовой определенности и предсказуемости. В свою очередь, наделение судьи полномочиями исполнительного характера трансформирует систему сдержек и противовесов в механизм прямого государственного угнетения, так как исчезает независимая инстанция, способная

объективно оценить правомерность действий административного аппарата и защитить гражданина от потенциального превышения власти. Схожее мнение еще в XVIII в. в своей работе «О духе законов» выразил Ш. Монтескье: «судья не должен быть ни законодателем, ни обладать исполнительной властью, в первом случае это грозит произволом, во втором – угнетением» [3, с. 290].

Несмотря на высказывания о необходимости независимости властей друг от друга, а также выделения законодательной ветви в качестве главенствующей, мы считаем, что законодательная, исполнительная, судебная власти должны представлять собой единый институциональный организм, а не совокупность абсолютно изолированных сегментов. Эффективность государственного управления определяется не столько степенью автономности каждой ветви, сколько качеством их синергетического взаимодействия. «Ни одна из властей не может сделать ничего без других, и в случае несогласия между ними вся государственная деятельность должна остановиться» [6, с. 26].

Юридическая и политическая практика подтверждает, что любой управленческий цикл является незавершенным, если в нем отсутствует вклад всех ветвей власти: законодательная власть формирует правовой каркас, исполнительная – наполняет его реальным содержанием через правоприменение, а судебная – обеспечивает легитимность и справедливость этого процесса. Ввиду этого «в случае несогласия между ветвями власти» начнется состояние институционального паралича. В таком сценарии система «сдержек и противовесов» из инструмента баланса превращается в инструмент блокировки, что несет прямую угрозу национальной безопасности и социальной стабильности.

На наш взгляд, властные отношения пронизывают общество наиболее эффективно тогда, когда между ветвями власти существует не просто формальное разделение полномочий, а глубокий ценностный и функциональный консенсус. Только через признание взаимной ответственности и необходимости постоянного диалога законодательная, исполнительная и судебная власти могут обеспечить поступательное развитие общества, исключая хаос и управленческий вакуум.

Рассматривая современность, можно заметить, что в большинстве стран принцип разделения властей получил конституционно-правовой статус. В качестве примера мы хотим привести государственное устройство Республики Беларусь, которое закреплено в ее Конституции. «Основным принципом реализации государственной власти в Республике Беларусь является принцип разделения на законодательную, исполнительную и судебную власть. Суть этого принципа в том, чтобы власть не была сосредоточена в руках какого-то одного государственного органа, а была разделена между органами трех ветвей власти. Указанные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга». [5] Данный тезис является основным показателем демократического и правового государства, в котором обеспечивается подотчетность гос-

ударственных институтов и гарантируется реализация народного суверенитета. Не случайно французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. в ст. 16 провозглашала, что общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции [2].

Конституция – нормативный правовой акт высшей юридической силы, именно в нем законодательно закреплено ограничение власти ради свободы личности. Если власть не разделена, она неизбежно становится деспотичной, что аннулирует права человека и, следовательно, саму суть конституционного строя. В данном контексте, разделение на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти рассматривается как инструмент защиты прав человека. Именно система властных отношений определяет, является ли государство конституционным «по существу». Права человека не могут быть защищены без независимого суда; суд не может быть независим без ограничений исполнительной власти; исполнительная власть не может быть ограничена без четких законов, принятых легитимным законодателем.

Подводя итог, мы пришли к выводу, что классическая теория разделения властей, возникшая в XVIII в. сохраняет свое фундаментальное значение, но требует существенного переосмысления в контексте современной динамики властных отношений. Абстрактная идея абсолютного равенства трех ветвей власти является теоретической идеализацией, которая на практике не только неосуществима, но и потенциально опасна.

В ходе работы мы обосновали, что в реальной системе властных отношений объективно присутствует вертикальный вектор легитимности, в рамках которого законодательная власть занимает приоритетное положение. Исполнительная власть по своей сути является подзаконной и ограничена нормативной траекторией, заданной законодателем, а судебная власть призвана выступать беспристрастным арбитром, интерпретирующим уже существующие нормы.

Также мы пришли к пониманию того, что законодательная, исполнительная и судебная силы должны функционировать не как совокупность обособленных сегментов, а как единый, органически связанный государственный организм. Эффективность государственного администрирования определяется не степенью автономности каждого элемента, а качеством их координированного взаимодействия. Только через сотрудничество, при конституционно закреплённом верховенстве законодателя как выразителя общей воли, может быть обеспечено поступательное развитие общества. Это исключает как дезорганизацию и управленческий вакуум, так и опасность деспотической концентрации полномочий.

Список литературы

1. Абдулла А. Деклассирование теории разделения властей и присущей ей системы сдержек и противовесов: сравнительное исследование // Закарийский журнал социальных наук. 2023. № 2. С. 31–41.

2. Декларация прав человека и гражданина : принята Нац. учредит. собранием Франции от 26 авг. 1789 г. URL: https://static.aitranslations.io/declaration_of_rights_russian.pdf (дата обращения: 01.04.2026).
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1995. С. 290.
4. Нерсесянц В. С История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М. : Наука, 1983. С. 92–93.
5. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/ustrojstvo> (дата обращения: 29.03.2026).
6. Тосуян Г. А., Викилин А. Ю. Деньги и власть. Разделение властей в современных условиях и реструктуризация банковской системы. Ч. 1 / отв. ред. Экмалян А. М. М. : Вагриус, 1999. С. 25–26.
7. Теория разделения властей : учеб. пособие / сост. Р. В. Косов. Тамбов : Тамбов. гос. техн. ун-т, 2005. 44 с.

УДК 316+35.07

Будник А. П., Татарникова Я. В., *Иркутск*

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «БРАТСКИЙ РАЙОН»

Аннотация. Обсуждается вопрос кадрового обеспечения органов местного самоуправления, который является одним из наиболее острых и актуальных для современной системы публичной власти. Миграционные тенденции и имидж муниципальной службы негативно сказываются на кадровой обеспеченности администраций муниципальных образований. Рассматриваются особенности кадрового обеспечения муниципальных органов власти на примере администрации муниципального образования «Братский район». В качестве основных методов исследования использовались анализ статистических данных, анализ результатов научных исследований отечественных авторов, а также нерегламентированное интервью с сотрудником отдела муниципальной службы и кадров администрации Братского района.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, кадровый дефицит, местное самоуправление, Братский район, муниципальные органы власти.

Budnik A. P., Tatarnikova Ya. V., *Irkutsk*

FEATURES OF STAFFING OF MUNICIPAL AUTHORITIES USING THE EXAMPLE OF THE ADMINISTRATION OF THE MUNICIPAL FORMATION “BRATSKY DISTRICT”

Abstract. The issue of staffing local government bodies is one of the most pressing and pressing issues in the modern public administration system. Migration trends and the image of municipal service negatively impact the staffing of municipal administrations. This paper examines the specifics of staffing of municipal authorities using the example of the administration of the municipal formation “Bratsky District”. The main research methods used were the analysis of statistical data, the analysis of the results of scientific research by domestic authors, and an unregulated interview with an employee of the municipal service and personnel department of the Bratsk district administration.

Keywords: staffing, staffing shortage, local government, Bratsk district, municipal authorities.

В условиях кадрового дефицита, который фиксируется работодателями практически во всех сферах деятельности, вопрос наращивания кадрового потенциала для работодателей является наиболее актуальным.

Более актуальным, в данной связи, выступает вопрос сохранения кадрового потенциала на текущем уровне.

Миграционные тенденции, свойственные не только Иркутской области, но и всей России, приводят к тому, что население концентрируется вокруг крупных городских агломераций, оставляя сельские территории наедине с их проблемами.

Проблема нехватки специалистов особенно болезненно сказывается на работе муниципальных органов власти – в частности, местных администраций.

Одно из важнейших условий, обеспечивающих повышение эффективности муниципального управления – грамотная кадровая политика, направленная на формирование качественного состава органов муниципальной власти.

Основной целью кадровой политики муниципальной службы должно являться создание квалифицированного кадрового состава, соответствующего современным потребностям муниципального управления.

Профессионализм, уровень знаний муниципального служащего – основные характеристики, определяющие, результативность управленческого процесса.

В первоочередной круг задач кадровой политики муниципальной службы входит формирование кадрового состава из наиболее перспективных, ценностно-ориентированных служащих, подготовленных, наделенных организаторскими способностями специалистов.

Подбор кадров для муниципальной службы должен опираться на прогноз потребностей на каждой конкретной территории муниципального образования, исходя из множества факторов – численности населения, Реестра должностей муниципальной службы и т. д.

Важно чтобы конкурсный отбор на муниципальную службу был максимально объективен, выявлял наиболее компетентных специалистов.

Важным шагом в направлении совершенствования конкурсного отбора на замещение вакантных должностей муниципальной службы стало принятие Федерального закона № 331-ФЗ «О внесении изменения в ст. 13 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 04.11.2014, который определяет порядок формирования и специфику работы с кадрами на муниципальном уровне, а также применение на практике современных методов подбора и формирования кадрового состава муниципальной службы.

На Федеральном портале государственной службы и управленческих кадров наряду с вакансиями на должности государственной службы размещается информация о вакантных должностях муниципальной службы с целью повышения прозрачности конкурсного отбора.

В тесной взаимосвязи с конкурсным отбором находится создание кадрового резерва муниципальной службы. При его формировании должны в первую очередь учитываться профессиональные и деловые качества.

Кадровый резерв, состоящий из квалифицированных специалистов, гарантирует качественное обеспечение муниципальной службы достойными сотрудниками, обеспечит снижение затрат на подбор и адаптацию новых кадров.

Одно из важнейших направлений кадровой политики – обеспечение профессионального развития кадров. К такому развитию можно отнести квалификационный рост, заключающийся в непрерывном накоплении опыта и необходимых для работы знаний, и профессиональную карьеру служащего.

В этом направлении необходима постоянная работа по планированию должностного роста муниципальных служащих, предоставление возможностей продвижения по служебной лестнице.

Согласно законодательству, одна из важнейших обязанностей муниципального служащего – поддержание своего квалификационного уровня. В число прав муниципального служащего входит право на повышение квалификации за счет бюджета муниципалитета.

К сожалению, часто дефицитный бюджет не позволяет служащим пользоваться такого рода возможностями, что негативно сказывается на профессионализме кадров.

Еще одна сложность – нехватка программ для обучения служащих, предусматривающих специфику деятельности органов местного самоуправления в конкретных сферах.

Все это ведет к потере мотивации у служащих и, как итог, к ухудшению результативности работы, снижению эффективности управленческих решений.

До сих пор остаются проблемы, связанные с отсутствием комплексного подхода в проведении аттестации, которые позволили бы проводить оценку с позиции единого целого, охватывая самые разные стороны.

Актуальная статистика, характеризующая кадровый дефицит в муниципальных органах власти в Иркутской области, в открытых источниках не представлена [1].

В системе местного самоуправления в последнее время уделяется все больше внимания выполнению общественных задач, что непосредственно связано с кадровым составом муниципалитета.

Практика показывает, что вопрос реформирования муниципальной службы (ее обновления с учетом современных требований) актуален не только при отборе и подборе персонала, его рациональной расстановке, но и при эффективной работе по формированию и развитию кадрового резерва.

Значимость формирования кадров и кадрового резерва в муниципальных органах власти, их деловая оценка и развитие повышается в связи с тем, что кадровая политика муниципалитета – элемент кадровой политики и государства, и региона, что находит отражение в федеральных и региональных нормативных актах.

В условиях инновационной экономики кадровый потенциал играет огромную роль в муниципальном управлении, без которого невозможно обеспечить эффективное управление, формирование и реализацию эффективной кадровой политики, учитывающей индивидуальные интересы муниципальных служащих, и, совмещая их с интересами муниципалитета, обеспечить эффективное формирование и развитие кадрового резерва.

Однако для обоснования тезиса о наличии таковой проблемы мы можем обратиться к паспорту ведомственной целевой программы «Развитие муниципальной службы в Иркутской области на 2017–2020 годы», где представлены следующие данные: 86 % муниципальных служащих в Иркутской области имеют высшее образование, при этом только 3,2 % – по специальности «Государственное и муниципальное управление», что свидетельствует о преобладании в структуре местных администраций непрофильных специалистов; из 6738 муниципальных служащих региона только 4 % служащих относятся к возрастной категории 18–25 лет, 31 % – к группе 26–35 лет, 41 % – от 35 до 50 лет, 24 % – старше 51 года, что указывает на слабую степень обновления кадрового состава муниципальных органов власти [4].

В качестве основной цели программы обозначался темп роста количества муниципальных служащих в 168 %. Иными словами, Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области (составитель программы) ожидал прирост в 4582 муниципальных служащих [4]. Отчет о реализации мероприятий ведомственной программы в открытых источниках также не представлен.

В последующие годы программа не реализовалась, что, вероятнее всего, свидетельствует о недостижении поставленных целей и неэффективности предусмотренных программой мероприятий.

Мы предполагаем, что ситуация с кадровым дефицитом в муниципальных органах власти усугубляется, что также подтверждается рядом изученных нами научных работ.

Проведенный нами анализ результатов научных исследований позволил сделать следующие выводы о проблемах, связанных с кадровым обеспечением местных администраций:

- 1) нехватка квалифицированных кадров и высокая текучесть кадров в ОМСУ [7, с. 217];
- 2) низкий уровень мотивации сотрудников и отсутствие реальных механизмов стимулирования профессиональной деятельности [3, с. 74];
- 3) низкая эффективность использования кадровых процедур кадрового резерва [2, с. 91];
- 4) отсутствие единой системы кадрового учета [6, с. 377];
- 5) несоответствие имеющегося у муниципальных служащих образования реальным потребностям МСУ [6, с. 379].

Основной инструмент кадрового обеспечения – формирование кадрового резерва местного органа власти.

Однако эффективность данного инструмента нивелируется отсутствием соискателей на муниципальные должности, а также утратой его актуальности со временем – люди просто находят работу.

По нашему мнению, применение данного варианта возможно при условии создания механизмов, цель которых – увеличение количества обучающихся, направляемых на практику в органы местного самоуправления.

Несомненно, что при отборе претендентов необходимо придерживаться требований, заложенных в профессиональных стандартах, а, следовательно, обратить внимание на направления, реализующие образовательные программы высшего образования «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция» и «Экономика».

Формирование внешнего кадрового резерва из числа студентов по результатам конкурсного отбора, по результатам прохождения практики позволит формировать внешний кадровый резерв с уровнем кадрового потенциала, отвечающим требованиям муниципальной службы.

Для большей мотивации резервистов, включенных в кадровый резерв, возможна разработка дорожных карт их профессионального роста с использованием при этом возможности образовательных организаций по развитию профессиональных компетенций резервистов, с учетом должностей, прописанных в дорожной карте.

При этом необходимо отметить, что закрытие вакансий только из числа внешнего кадрового резерва может привести к текучести кадров из внутреннего резерва в связи с отсутствием карьерного роста.

Поэтому взаимодействие с высшими учебными заведениями можно расширить и в отношении развития профессиональных компетенций внутреннего кадрового резерва, например, по средствам получения дополнительного образования по программам повышения квалификации, профессиональной переподготовки, используя современные информационные технологии (дистанционное обучение).

По результатам обучения необходимо провести оценку уровня полученных знаний и возможного карьерного перемещения. Делая акцент в исследовании на социальном аспекте формирования кадрового резерва муниципалитета, необходимо учитывать степень удовлетворенности молодежи условиями получения образования в зависимости от изменения тенденций рынка труда. В современных условиях необходимо обратить особое внимание на механизм направления кандидатов на целевое обучение; рассмотреть возможность их поддержки в период обучения, а возможно, и после трудоустройства в первый год работы.

Вероятность того, что трудоустроенный специалист, состоящий в кадровом резерве, захочет оставить работу ради муниципальной службы. Более предметно об обозначенных проблемах надлежит рассуждать на конкретном примере.

В качестве такового мы обратимся к опыту кадрового обеспечения администрации муниципального образования «Братский район».

Данный пример будет особенно показателен по ряду причин:

1. Братский район в равной мере представлен и городским и сельским населением – 21 тыс. чел проживает в г. Вихоревке и 25,5 тыс. чел. в сельских населенных пунктах Братского района (всего – 46 584 чел.).

2. Братский район составляет пригород крупного города – города Братска, что также предполагает наличие потенциальных соискателей муниципальных должностей;

3. Братский район подвержен тем же демографическим тенденциям, что и большинство муниципалитетов Иркутской области, но при этом еще не испытывает ярко выраженной нехватки людских ресурсов.

Таким образом, пример Братского района релевантен и репрезентативен в части выявления проблем кадрового обеспечения, свойственным администрациям всех муниципальных образований региона.

На сайте администрации не представлена информация об открытых вакансиях. 05.03.2026 нами было проведено нерегламентированное интервью с одним из сотрудников отдела муниципальной службы и кадров администрации муниципального образования «Братский район».

В ходе интервью было установлено, что на момент его проведения в администрации Братского района открыто 8 вакансий (из них 5 – вакансий муниципальных служащих) из 100,75 штатных единиц, предусмотренных в структуре администрации (из них – 45 муниципальных служащих); на каждую вакансию претендует только 1 кандидат – ни один из кандидатов не состоит на данный момент в кадровом резерве администрации.

Кадровый резерв в момент, когда штат полностью укомплектован, не формируется, поскольку быстрая потеря его актуальности обесценивает работу по его превентивному формированию.

В связи с этим, работа по формированию кадрового резерва носит сугубо реакционный характер – администрация привлекает к работе специалистов на свободные в настоящий момент ставки.

Собеседником была отмечена проблема отсутствия мотивации кандидатов к трудоустройству.

Многие из претендующих на свободные ставки в настоящий момент «берут время на подумать» и зачастую отказываются от работы, поскольку отсутствие явных карьерных перспектив, специфика и сложность работы в соотношении с низким уровнем зарплаты формирует скорее негативное представление о работе в администрации.

В условиях бюджетного дефицита на региональном и местном уровнях такие факторы мотивации, как «социальные гарантии» и «стабильность» отходят на второй план. Собеседник также указал на риски невыплат заработных плат в конце года, а также – отсутствие индексации заработной платы в следующем году.

Таким образом, полученная в ходе интервью информация позволяет нам заключить о справедливости полученных другими авторами результатов исследований. Считаем, что даже в условиях отсутствия ярко выраженных демографических проблем, как было показано выше, работа в муниципальных органах власти непривлекательна для соискателей.

Высокая эффективность кадрового резерва возможна лишь в случае престижности работы в местной администрации, поскольку зачастую отдел кадров связывается с уже трудоустроенным лицом, включенным в кадровый резерв – если работа в администрации недостаточно привлекательна, то этому лицу нет необходимости отказываться от текущего места работы в ее пользу.

Несмотря на то что нормативными актами и внутренними документами муниципалитетов утверждены требования к кандидатам и методы их отбора, а также определены обязанности ответственных лиц, занимающихся работой с кадровым резервом, необходимо разрабатывать новые подходы для привлечения молодых специалистов на муниципальную службу.

Качественно продуманная программа формирования и развития кадрового резерва (внутреннего и внешнего) обеспечит формирование положительной динамики деятельности муниципалитета и лояльности резервистов к будущей должности.

При формировании внутреннего и внешнего кадрового резерва необходимо предусмотреть группу резервистов, способных оперативно занять появившиеся вакансии (тактический резерв), и группу резервистов, достигших определенного профессионального уровня, обладающих инновационным мышлением, способных решать сложные профессиональные задачи в условиях быстрых изменений (стратегический резерв).

Следствием наличествующих проблем с кадровым обеспечением местных администраций нередко является трудоустройство родственников на свободные ставки, что вызывает конфликт интересов.

Данный вопрос достаточно обширен и представляет собой отличный от актуального для данной работы предмет исследования, в связи с чем мы обратимся к нему в рамках другой исследовательской работы по теме кадрового обеспечения и рассмотрим в качестве примера негативного следствия кадрового дефицита на муниципальной службе.

Список литературы

1. Кадровая потребность организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2024 г. // Иркутскстат : [официальный сайт]. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/new/document/205266> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Киреева Е. Ю. Современные проблемы в сфере кадрового обеспечения органов местного самоуправления // Киберленинка . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-v-sfere-kadrovogo-obespecheniya-organov-mestnogo-samoupravleniya/viewer> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Новиков В. С. Анализ процесса кадрового обеспечения администрации муниципального образования // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-protsessa>

kadrovogo-obespecheniya-administratsii-munitsipalnogo-obrazovaniya/viewer (дата обращения: 05.03.2026).

4. Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие муниципальной службы в Иркутской области» на 2017–2020 годы : приказ Аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области от 14.11.2016 № 48-пра // Правительство Иркутской области : [офич. сайт]. URL: <https://irkobl.ru/sites/apparat/inf/48pra.docx> (дата обращения: 05.03.2026).

5. Сведения о вакантных должностях // Муниципальное образование «Братский район» : [офич. сайт]. URL: <https://bratsk-raion.ru> (дата обращения: 05.03.2026).

6. Фролова Е. В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях / Е. В. Фролова, О. В. Погач // Киберленинка . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoe-obespechenie-mestnyh-organov-vlasti-v-sovremennyh-rossiyskikh-usloviyah/viewer> (дата обращения: 05.03.2026).

7. Шабалина Т. А. Проблемы кадрового обеспечения муниципального управления // Киберленинка . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kadrovogo-obespecheniya-munitsipalnogo-upravleniya> (дата обращения: 05.03.2026).

УДК 338.242

Хохлова О. М., Акулова В. И., *Иркутск*

ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются проблемы внедрения цифровых платформ в деятельность органов местного самоуправления. Анализируются основные барьеры организационного и социально-психологического характера, возникающие в процессе происходящей цифровой трансформации. Особое внимание уделяется методологии управления изменениями как ключевому фактору успешной интеграции вводимых инноваций в органах местного самоуправления. Предлагаются практические рекомендации по адаптации муниципальных служащих к работе в новых цифровых условиях.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, управление изменениями, инновационные платформы, муниципальное управление, цифровая трансформация, кадровый потенциал.

Khokhlova O. M., Akulova V. I., *Irkutsk*

IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE DIGITAL PLATFORMS IN LOCAL GOVERNMENT

Abstract. this article examines the challenges of implementing digital platforms in local government. The authors analyze the main organizational and socio-psychological barriers arising during the ongoing digital transformation. Particular attention is paid to change management methodology as a key factor in the successful integration of innovations in local government. The authors offer practical recommendations for adapting municipal employees to work in the new digital environment.

Keywords: digitalization, local government, change management, innovative platforms, municipal governance, digital transformation, human resources.

Современный этап развития публичной власти в Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все сферы общественных отношений.

Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определяет цифровую трансформацию как одну из ключевых национальных целей [1].

В системе публичной власти именно органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) находятся на передовом фланге взаимодействия с населением, что делает их цифровизацию приоритетной задачей.

Однако практика показывает, что простое приобретение и установка программного обеспечения не приводят к автоматическому повышению эффективности работы.

Современный этап развития публичной власти в Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все сферы общественных отношений.

Основная сложность заключается в так называемом «человеческом факторе» – сопротивлении сотрудников изменениям, нехватке компетенций и непонимании целей нововведений. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование механизмов управления изменениями, позволяющих минимизировать риски отторжения инноваций.

Цель данной работы – выявить специфику управления изменениями при внедрении цифровых платформ в деятельность ОМСУ, и предложить эффективные инструменты преодоления сопротивления персонала.

Теоретические основы управления изменениями в контексте цифровизации муниципалитетов определяют следующие моменты.

Управление изменениями представляет собой структурированный подход к переходу команд и организаций из текущего состояния в желаемое будущее состояние.

Применительно к органам местного самоуправления, внедрение инновационных цифровых платформ (таких как «ГосТех», ведомственные ERP-системы, платформы обратной связи) требует пересмотра не только технических процессов, но и организационной культуры.

М. Г. Тирских отмечает, что правовое регулирование и институциональная среда часто не успевают за технологическим развитием, что создает «разрывы» в управленческой практике [2, с. 45]. В муниципальных образованиях эта проблема усугубляется недостатком финансовых и кадровых ресурсов.

Можно выделить три уровня изменений, которые необходимо учитывать при внедрении цифровых платформ:

1. Технологический (замена оборудования, установка ПО, интеграция баз данных).
2. Организационный (изменение регламентов, перераспределение функций между отделами).
3. Социально-психологический (изменение моделей поведения сотрудников, преодоление страха перед новым).

Ключевой ошибкой руководства муниципалитетов часто является фокус исключительно на первом уровне и игнорирование двух последующих.

Эмпирический анализ внедрения цифровых решений в ряде муниципальных образований Иркутской области позволяет выявить типичные барьеры.

Во-первых, это высокий уровень бюрократизации. Многие сотрудники привыкли работать по строго установленным шаблонам.

Переход к электронному документообороту или оказанию услуг в проактивном формате требует от них большей гибкости и ответственности, что вызывает психологическое отторжение. Как справедливо указывает Г. В. Дружинин, институциональная инерция публичной власти является серьезным тормозом для любых реформ [3].

Во-вторых, цифровое неравенство среди сотрудников. Значительная часть муниципальных служащих (особенно в возрасте старше 45–50 лет) испытывает трудности в освоении сложных интерфейсов цифровых платформ. Отсутствие системного обучения и поддержки приводит к тому, что инновационные инструменты либо игнорируются, либо используются не в полную силу.

В-третьих, недоверие к новым технологиям. Сотрудники опасаются, что «прозрачность» цифровых платформ приведет к усилению контроля за их работой, а в перспективе – к сокращению штата. Это формирует так называемое «скрытое сопротивление», которое сложно диагностировать на начальном этапе.

Для преодоления указанных барьеров необходимо применение классических и новых моделей управления изменениями, адаптированных к специфике публичного управления.

1. Модель «ADKAR» (Prosci).

Данная модель ориентирована на работу с конкретным человеком. Применительно к внедрению платформы обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» в администрации города, алгоритм действий должен включать:

- Осознание необходимости: проведение собраний, на которых объясняется, что платформа упростит работу с жалобами граждан, а не создаст лишнюю отчетность.

- Желание: создание системы мотивации (например, премирование отделов, быстрее всех обрабатывающих запросы через платформу).

- Знание: проведение тренингов с учетом возрастных групп сотрудников.

- Способность: выделение времени на отработку навыков, наличие «помощника по цифре» в каждом отделе.

- Закрепление: анализ успехов, поощрение активных пользователей.

2. Партисипативное проектирование.

Вовлечение ключевых сотрудников муниципалитета в процесс выбора и настройки цифровой платформы на этапе ее закупки или разработки позволяет снизить сопротивление. Сотрудники, чувствующие свою причастность к созданию новой системы, воспринимают ее как «свою», а не навязанную сверху.

3. Институционализация цифровых компетенций.

Необходимо внесение изменений в должностные инструкции муниципальных служащих, где владение базовыми цифровыми компетенциями должно стать обязательным требованием, а не факультативным пожеланием.

В связи с указанными аргументами и фактами возникает необходимость провести анализ научных подходов и исследований в области цифровизации органов местного самоуправления.

На сегодняшний день имеется обширный состав литературы и доказанных проведенных исследований, посвященных вышеуказанной проблеме (информатизация органов власти), где исследователи обратили свои взгляды на то, что распространение ИТ в муниципальном управлении открывает ряд перспектив и новых возможностей.

Морозова О. А. и другие авторы в своем издании подчеркивает эту мысль: «Проникновение информационных технологий (ИТ) во все сферы общественной жизни меняет общество, которое переходит на качественно новую ступень развития» [6, с. 344].

В ряде других исследованиях международного уровня, например, по открытым правительственным данным (open government data), отмечается, что цифровые инициативы способствуют повышению большего уровня прозрачности, включенности инноваций и более активной вовлеченности граждан в участии общественных инициатив и предложений. Эту же идею подчеркивают в работе по государственному управлению такие российские ученые, как Охотский Е. В. и Занко Т. А. [7, с. 993].

Обобщая вышесказанное можно отметить, что ряд исследователей считают, что необходимо делать упор на обширное внедрение цифровых инициатив в местном самоуправлении.

Рассматривая эту проблематику с точки зрения развития платформенных решений, и их внедрения и реализации на муниципальном уровне, то мы сталкиваемся с незначительным количеством имеющихся в науке публикаций.

Безусловно, в современном научном обозрении существуют общие обзоры проблематики и перспективы развития цифровизации, но недостаточно опубликованных практических, теоретических работ и решений, связанных с конкретными муниципалитетами, платформами и измерением эффективности заставляет задуматься ученых и исследователей над тем, что данными вопросами необходимо более детально заниматься.

В фундаментальной отечественной литературе есть информация, подкрепляющую проведенные анализы и исследования ученых. Дейнеко А. Г., Околеснова О. А. и Петрин И. В. утверждают, что имеющиеся институциональные барьеры, недостаточно сложившаяся и развитая цифровая культура, пробелы и несовершенства в правовом регулировании мешают сегодня реализации и эффективного продвижения цифровизации в деятельность органов местной власти, соответственно возникает необходимость создания качественной и ресурсной базы, и эффективного и творческого взаимоотношения между всеми уровнями государственной власти [8, с. 128].

В связи с заявленными проблемами, имеющимися на современном этапе развития, необходимо поставить исследовательскую гипотезу и проанализировать теоретическое обоснование влияния платформенных решений на эффективность государственного управления.

Исходя из обозначенных нами теоретических основ и анализа имеющейся научной литературы, сформулируем гипотезу: «Внедрение платформенных цифровых решений в органах местного самоуправления оказывает положительное влияние на эффективность муниципального управления, при условии обеспечения институциональной поддержки, надлежащей цифровой инфраструктуры и подготовки управленческих и технических кадров».

При этом «эффективность муниципального управления» понимаем, как повышение оперативности в принятии решений, существенного улучшения качества услуг, значительного снижения издержек и повышения прозрачности обслуживания населения.

Теоретически необходимо определить ключевые переменные: понимая под независимой переменной степень внедрения платформенных решений, а под зависимой переменной понимая саму эффективность управления (многоаспектная). При этом медиаторами и модераторами выступают: институциональный контекст, цифровая инфраструктура, кадровый потенциал и культура управления.

Теоретически сможем прогнозировать, что, только комплексный подход, совместно с технологиями, создаст возможные изменения в управленческой культуре, будет способствовать обновлению процессов, вовлеченности граждан при достижении значительного эффекта. При формальном внедрении технологии, без поддержки изменений, производимый эффект будет минимален или вовсе отрицателен.

Наше исследование направлено в первую очередь на проверку данной гипотезы: изучить, насколько, при каких условиях инновационное внедрение платформенных решений действительно существенно повышает эффективность муниципального управления.

Делая выводы по нашей проблематике, мы можем опираться на тот тезис, что инновационное внедрение цифровых платформ в систему государственного управления, позволяет значительно повысить эффективность и прозрачность их работы, сократив затраты, и улучшив качество взаимодействия с гражданами за счет внедрения автоматизации процессов и создания единой инфраструктуры управления [9, с. 169].

Для того чтобы сделать комплексные выводы по заявленной проблеме исследования необходимо изучить и провести эмпирическую проверку гипотезы, и сделать верный анализ эффективности внедрения платформенных решений в муниципальном управлении

Для комплексной проверки гипотезы выберем муниципальное образование, реализующее цифровое платформенное решение (например, осуществляющее электронное взаимодействие с гражданами посредством единого доступа к муниципальным услугам).

Для этого проведем сравнительный анализ, изучая до и после внедрения платформы. Данные возьмем при осуществлении прохождения практической подготовки, получив согласие руководителя производственной практики. По понятным причинам названия и конкретные цифры скрыты, согласно закона о защите информации.

Показатели эффективности содержали: время обработки заявлений граждан, удовлетворенность качеством муниципальных услуг, количество заявлений в электронном виде, уровень межведомственного взаимодействия (число интегрированных процессов) и имеющиеся расходы на управление.

После проведения исследования имеем следующие его результаты практической части, которые показали следующее: после внедрения полноценной цифровой платформы с интеграцией сервисов происходит процесс завершения обучения персонала, и изменения всех процессов, которые дали значительные улучшения.

Например, средний срок обработки заявлений уменьшился на 25,6 %, интересен факт, что доля электронных заявлений возросла на 57 % с первого месяца внедрения.

Одновременно, до внедрения платформы в полном объеме (без учета завершения подготовки кадров, без изменения всех процессов и ИТ-сопровождения), эффект от улучшения был незначительным, соответственно, данные по ним не прописываются.

Таким образом, проведенная проверка подтверждает нашу гипотезу: внедрение платформенных решений способно повышать эффективность муниципального управления, но, учитывая соблюдение всех условий. В этом случае необходима институциональная поддержка, эффективная переподготовка кадров и внедрение новых ИТ-специалистов в деятельность, без учета этих процессов эффект будет отрицательным.

Анализируя и исследуя нашу проблему необходимо отметить, что дополнительно нами выявлены ключевые барьеры, заключающиеся в следующем: недостаточность или отсутствие финансирования, сопротивление персонала, недостаточное взаимодействие между ведомствами, низкий или недостаточно подготовленный уровень цифровой грамотности граждан, имеющиеся проблемы с защитой данных и кибербезопасностью.

Следовательно, анализируя практическую часть нашего исследования, можно поддержать гипотезу, но, обозначив важность комплексного подхода к ее изучению.

В предлагаемой к изучению статье, нами была представлена основная информация по цифровой трансформации местного самоуправления и муниципального управления, представляющая собой не только внедрение новых

цифровых технологий, а комплексное и глубокое изменение имеющихся принципов, инструментов работы и в целом культуры управления при реализации поставленной задачи.

Результаты проведенного нами исследования подтверждают, что платформенные решения способны значительным образом повысить эффективность деятельности органов местного самоуправления, в случае если их внедрение осуществляется комплексно – с учетом всех имеющихся факторов: организационных, кадровых и институциональных и ряда других.

В результате доказано, почему технологическая составляющая сама по себе не гарантирует успеха, важно сформировать цифровую культуру, развить компетенции муниципальных служащих, обеспечить нормативно-правовую и инфраструктурную поддержку.

Анализ отчетливо демонстрирует, что там, где платформенные решения интегрированы в систему управления, наблюдается повышение прозрачности, сокращение сроков оказания услуг, в результате происходит рост доверия граждан к государственной власти на всех ее уровнях.

Выявленные нами проблемы, такие как: ограничения в ресурсном обеспечении, недостаточная координация и кадровая неподготовленность, делают системный подход на самом эффективном на уровне государственной политики.

Перспективы цифровой трансформации не цель, а средство повышения качества жизни населения, необходимое укрепление взаимодействия власти и общества, создание устойчивых муниципальных систем управления.

Заключение

Внедрение инновационных цифровых платформ в органах местного самоуправления – это сложный социально-технический процесс. Успех цифровой трансформации муниципалитетов зависит не столько от бюджета, выделенного на закупку оборудования, сколько от качества управления человеческими ресурсами и организационными изменениями.

Игнорирование этапа управления изменениями приводит к дискредитации самой идеи цифровизации и формированию имитации бурной деятельности. Напротив, системная работа по разъяснению целей, обучению персонала и мотивации позволяет не только внедрить платформу, но и повысить общую эффективность муниципального управления, сделав его более открытым и клиентоцентричным. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных методик оценки готовности муниципальных служащих к цифровым преобразованиям.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
2. Тирских М. Г. Институциональные аспекты взаимодействия права и цифровых технологий // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 44–49.

3. Дружинин Г. В. Проблемы внедрения проектного управления в деятельность органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 3. С. 22–26.
4. Модель ADKAR: управление изменениями на практике. URL: <https://hr-portal.ru/article/model-adkar-upravlenie-izmeneniyami-na-praktike> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Концепция цифровой трансформации государственного и муниципального управления до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р // Консультант-Плюс : справочная правовая система.
6. Морозова О. А., Лосева В. В., Иванова Л. И. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт. 2024. 460 с.
7. Охотский Е. В., Занко Т. А. Теория и механизмы современного государственного управления : учеб. и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт. 2024. 1260 с.
8. Дейнеко А. Г., Околеснова О. А., Петрин И. В. Правовые основы информатизации публичного (государственного и муниципального) управления : учеб. пособие для вузов / под ред. М. А. Федотова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт. 2024. С. 128.
9. Кудина М. В., Воронов А. С., Гаврилюк А. В. Внедрение цифровых платформ для принятия решений в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. 176 с.

УДК 340.130

Хохлова О. М., Будник А. П., Татарникова Я. В., *Иркутск*

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «БРАТСКИЙ РАЙОН»

Аннотация. Отмечается, что определение конфликта интересов унифицировано на уровне федерального антикоррупционного законодательства, оно имеется в ряде научной литературы по разным отраслям знаний. В свою очередь, подходы к урегулированию конфликта интересов разнятся в зависимости от подходов руководства конкретных органов местного самоуправления, но в пределах норм федеральных и региональных НПА. Рассматривается подход к управлению конфликтом интересов на муниципальной службе на примере администрации муниципального образования «Братский район».

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, модели урегулирования, муниципальная служба, Братский район, администрация.

Khokhlova O. M., Budnik A. P., Tatarnikova Ya. V., *Irkutsk*

CONFLICT OF INTEREST IN MUNICIPAL SERVICE: A CASE STUDY OF THE BRATSKIY DISTRICT MUNICIPALITY

Abstract. Conflict of interest is one of the most common and controversial violations occurring in municipal service. The definition of conflict of interest is standardized under federal anti-corruption legislation and can be found in a number of academic literature across various fields. Approaches to resolving conflicts of interest, however, vary depending on the approaches of the leadership of specific local government bodies, but are within the framework of federal and regional regulatory legal acts. This study examines an approach to managing conflicts of interest in municipal service using the administration of the Bratsky District Municipality as an example.

Keywords: conflict of interest, personal interest, settlement models, municipal service, Bratsk District, administration.

Конфликт интересов является одним из наиболее популярных правонарушений в рамках муниципальной службы.

Из опыта известно, что конфликт интересов тем вероятнее, чем меньше население муниципального образования, поскольку вероятность того, что единственным поставщиком или заинтересованным в назначении на ту или иную должность лицом может оказаться родственник муниципального служащего или иным образом аффилированное с ним лицо возрастает.

Начнем с определения понятия «конфликт интересов» и разъяснения его отличия от термина «личная заинтересованность», нередко ошибочно представляемая как конфликт интересов.

Согласно ст. 10 ФЗ-273 «О противодействии коррупции», под конфликтом интересов понимается «ситуация, при которой личная заинтересованность лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по противодействию конфликту интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей».

В свою очередь под личной заинтересованностью понимается «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами, гражданами или организациями, с которыми должностное лицо связано имущественными корпоративными или иными близкими отношениями» [1].

Отсюда следует, что личная заинтересованность выступает составной частью конфликта интересов.

Конфликт интересов невозможен без личной заинтересованности, но личная заинтересованность возможна без конфликта интересов.

Личная заинтересованность не является правонарушением, а доказанный факт конфликта интересов, как правило, влечет за собой определенные законом правовые последствия. Таким образом, конфликт интересов фактически представляет собой реализацию личной заинтересованностью.

Из смысла приведенных определений следует ключевая юридическая проблема, связанная с конфликтом интересов – сложность его определения и доказательства, поскольку основа конфликта интересов, а именно – личная заинтересованность, едва доказуемы до момента юридически фиксируемого акта возникновения преимущества [5, с. 159].

Конфликт интересов – ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Под **личной заинтересованностью** мы понимаем возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных

прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) муниципальным служащим и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, а также лицами с которыми служащий либо его родственники связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Непринятие муниципальным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение служащего с муниципальной службы в связи с утратой доверия (ч. 6 ст. 11 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции», ч. 2.3 ст. 14.1 Федерального закона № 25-ФЗ от 2 марта 2007 г. «О муниципальной службе в Российской Федерации», п. 7. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ).

Требования об урегулировании конфликта интересов для муниципальных служащих включает в себя:

- сообщить представителю нанимателя и непосредственному руководителю о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей;
- принять меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов;
- если владение ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций) приводит или может привести к конфликту интересов, служащий обязан передать принадлежащие им в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Способами предотвращения или урегулирования конфликта интересов могут являться:

- изменение должностного или служебного положения муниципального служащего, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей;
- отказ муниципального служащего от выгоды, являющейся причиной возникновения конфликта интересов;
- отвод или самоотвод служащего.

Муниципальный служащий обязан уведомлять в письменной форме представителя нанимателя (работодателя) о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению подобного конфликта.

Муниципальный служащий, за исключением муниципального служащего, замещающего должность главы местной администрации по контракту, вправе с предварительным письменным уведомлением представителя нанимателя (работодателя) выполнять иную оплачиваемую работу, если это не повлечет за собой конфликт интересов.

Муниципальный служащий обязан принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов на муниципальной службе.

Муниципальный служащий обязан уведомить в порядке, определенном представителем нанимателя (работодателем) в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно.

Представитель нанимателя (работодатель), если ему стало известно о возникновении у муниципального служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения муниципального служащего, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов.

Непринятие муниципальным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение муниципального служащего в соответствии с законодательством Российской Федерации, с муниципальной службы.

Для обеспечения соблюдения муниципальными служащими общих принципов служебного поведения и урегулирования конфликта интересов в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования в порядке, определяемом нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации и муниципальным правовым актом, могут образовываться комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов.

Наличие личной заинтересованности сохраняется в тайне, а выгодоприобретатели не сообщают в правоохранительные органы о возникшем конфликте интересов, так как не желают предавать собственные интересы.

Немаловажно заметить, что личная заинтересованность по своей сути естественна и присуща всем должностным лицам. Р. Р. Ураев и С. В. Кашбева предлагают разработать такие управленческие механизмы в системе муниципального управления, которые позволяли бы своевременно выявлять и управлять личной заинтересованностью муниципальных служащих [7, с. 734].

Очевидно, что подобные механизмы невозможны. Авторы не предлагают устройства подобных механизмов.

Возможно, имеется в виду проведение анкетирования среди муниципальных служащих на предмет выявления их личной заинтересованности.

Однако даже если допустить, что служащие будут отвечать на подобные вопросы честно и открыто, не вполне ясно, как в последствии фиксировать деформацию или обновление личной заинтересованности, а также – как ею управлять.

При этом в отечественной и зарубежной науке определены методы и модели урегулирования конфликта интересов на муниципальной службе.

В исследованиях, как правило, выделяются два типа моделей урегулирования конфликта интересов: модели, ориентированная на подчинение правилам, и модели, ориентированные на профессиональную культуру муниципальных служащих [3, с. 187]. Иными словами, муниципальные служащие или должны действовать в строго определенных должностными инструкциями рамках, либо на уровне морали быть чуждыми реализации своего личного интереса в разрез интересам муниципального образования.

Ориентируясь на предложенное противопоставление добровольного признания примата личного интереса над общественным недопустимым и принудительного следования установленным нормам, мы постараемся охарактеризовать подходы к работе с конфликтом интересов в администрации муниципального образования «Братский район».

Начнем с того, что структура администрации Братского района крайне компактная и неразветвленная. У мэра Братского района только 3 заместителя – первый заместитель (совмещает полномочия по линии ЖКХ, транспорта, экологии, архитектуры и градостроительства), заместитель по экономике и финансам и заместитель по социальным вопросам.

Аппарат администрации «не раздут», равно как и другие отделы и комитеты: комитет по управлению муниципальным имуществом, отдел гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, отдел по мобилизационной подготовке и юридический отдел. В структуре администрации также предусмотрена ставка главного специалиста по профилактике коррупционных и иных правонарушений, данное должностное лицо занимается профилактикой коррупционных правонарушений на всей территории муниципального образования [6].

Кроме того, в мае 2013 г. мэром А. И. Старухиным было утверждено «Положение о порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципального образования «Братский район» и их проектов». Документом предусмотрены нормы, направленные на выявление коррупционных факторов в текстах нормативных правовых актов местного значения. Положением предлагается следующий порядок антикоррупционной экспертизы:

- 1) изучение текста НПА;
- 2) подбор и изучение НПА более высокого порядка, регулирующие настоящую сферу;
- 3) оценка соответствия между принятым/принимаемым актом и НПА более высокого порядка;

4) проведение экспертизы в соответствии с методикой, определенной Правительством РФ;

5) при выявлении коррупционных факторов готовится письменное заключение о результатах проведения антикоррупционной экспертизы, содержащее дату подготовки заключения, реквизиты исследуемого акта, указания на конкретные нормы, влекущие возникновение коррупционных факторов, а также предложения о способах их устранения [4].

Более того, в администрации Братского района действует комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов муниципальных служащих администрации муниципального образования «Братский район», а также муниципальных служащих, замещающих должности муниципальной службы в администрациях сельских поселений, входящих в состав муниципального образования «Братский район», положение о которой было утверждено административным постановлением от 08.07.2024.

В соответствии с положением, основной задачей данной комиссии является содействие органам местного самоуправления в части соблюдения муниципальными служащими ограничений и запретов о предотвращении ими конфликта интересов. Заседание комиссии проводится в соответствии с решением мэра муниципального образования «Братский район» [2].

Приведенные нами факты позволяют заключать о двух особенностях работы с конфликтом интересов в муниципальном образовании «Братский район»:

1. В соответствии с п. 3 Указа Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» постановлением администрации муниципального образования «Братский район» утверждено положение о должностном лице ответственном за профилактику коррупционных и иных правонарушений. Должностное лицо ответственное за профилактику коррупционных и иных правонарушений проводит планомерную работу по формированию у муниципальных служащих муниципального образования «Братский район» негативного отношения по направлению к коррупционному поведению;

2. На постоянной основе муниципальные служащие муниципального образования «Братский район» проходят обучение по дополнительным образовательным программам повышение квалификации в области противодействия коррупции.

3. В целях правового просвещения в области противодействия коррупции прокуратура Братского района активно участвует в проведении лекций для муниципальных служащих.

Главный специалист по профилактике коррупционных и иных правонарушений ведет реестр и проводит анализ анкетных данных муниципальных служащих для исключения конфликта интересов при исполнении должност-

ных обязанностей. Кроме того, всем муниципальным служащим муниципального образования «Братский район» на постоянной основе направляются методические материалы и памятки по предотвращению конфликта интересов.

Таким образом, в муниципальном образовании Братский район применяется модель следования установленным правилам для предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе.

Весь комплекс профилактических мероприятий, проводимый должностным лицом ответственным за профилактику коррупционных и иных правонарушений направлен на предотвращение и принятие мер муниципальным служащим до наступления конфликта интересов.

Данный факт подтверждается минимальным количеством случаев уволенных лиц с муниципальной службы в связи с утратой доверия в муниципальном образовании «Братский район». Все вышесказанное подтверждает реализацию национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. [7].

Список литературы

1. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/5d02242ebd04c398d2acf7c53dbc79659b85e8f3/ (дата обращения: 09.03.2026).
2. Об утверждении Положения О комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов муниципальных служащих администрации муниципального образования «Братский район», а также муниципальных служащих, замещающих должности муниципальной службы в администрациях сельских поселений, входящих в состав муниципального образования «Братский район» : постановление администрации муниципального образования «Братский район» от 08.07.2024 № 509 // Администрация Братского района : [офич. сайт]. URL: [doc10551520250729092442-2.pdf](https://bratsk-1520250729092442-2.pdf) (дата обращения: 09.03.2026).
3. Курносова Д. А., Тиханова Д. С. Комплексная модель управления конфликтом интересов на муниципальной службе // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-model-upravleniya-konfliktom-interesov-na-munitsipalnoy-sluzhbe/viewer> (дата обращения: 09.03.2026).
4. Противодействие коррупции // Администрация Братского района : [офич. сайт]. URL: <https://bratsk-raion.ru> (дата обращения: 09.03.2026).
5. Структура администрации // Администрация Братского района : [офич. сайт]. URL: <https://bratsk-raion.ru> (дата обращения: 09.03.2026).
6. Ураев Р. Р., Кашбеева С. В. Конфликт интересов на муниципальной службе // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-na-munitsipalnoy-sluzhbe-1/viewer> (дата обращения: 09.03.2026).
7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

УДК 338.242

Хохлова О. М., Быкова Е. Г., *Иркутск*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАНТОВЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Приводится оценка и анализ улучшения жизненных условий в сельских районах (на примере Иркутского района Иркутской области), с помощью грантового финансирования показана эффективность грантовых программ, их доступность и необходимость для развития сельских территорий. Отмечается, что гранты – это лучшие инвестиции социальной жизнедеятельности сельского населения.

Ключевые слова: грантовая программа, устойчивое развитие, сельские территории, финансирование, социальные программы.

Khokhlova O. M., Bykova E. G., *Irkutsk*

EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTATION OF GRANT PROGRAMS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Abstract. this article assesses and analyzes the improvement of living conditions in rural areas (using the Irkutsk District of the Irkutsk Region as an example) through grant funding. It demonstrates the effectiveness of grant programs, their accessibility, and their necessity for rural development. The authors demonstrate that grants are the best investment in the social life of the rural population.

Keywords: grant program, sustainable development, rural areas, financing, social programs.

Правительством Российской Федерации 2 февраля 2015 г. была утверждена Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия) [1]. Эффективность ее реализации определяется достигнутыми в результате реализации программных мероприятий показателями, свидетельствующими об улучшении условий жизни сельского населения.

В результате реализации мероприятий Программы социального развития села 265,7 тыс. семей, проживающих в сельской местности, значительно улучшили жилищные условия, в их числе 91,7 тыс. молодые семьи и молодые специалисты.

Сельские территории в настоящих условиях представляют собой важнейший ресурс нашей страны, с постоянно возрастающим значением, рост которого в условиях углубляющейся глобализации при одновременном усилении значения природных и территориальных ресурсов является основополагающим фактором национальной безопасности и стабильности. При этом необходимо отметить неравномерное развитие сельских территорий, что в отдельных регионах затрудняет их эффективное развитие. Учитывая тот фактор, что агропромышленный комплекс во многих регионах России динамично развивается, но уровень и качество жизни сельского населения все же существенно отстают от уровня жизни в крупных городах [2].

В настоящее время, как и в предыдущие периоды идет углубление информационного и инновационного разрыва между городом и сельской местностью, а это ведет, в свою очередь, к увеличению миграционных оттоков из сельской местности, к потере шансов на освоение сельских территорий.

Стратегия нацелена на создание обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения, основываясь на преимущества сельского образа жизни, и позволит сохранить социально-экономический потенциал сельских территорий, обеспечит выполнение ими общенациональных функций – производственной, демографической, ресурсной, трудовой, пространственно-коммуникационной, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального контроля и освоенности сельских территорий.

Отметим, что приоритетные задачи направлены на развитие и увеличение человеческого капитала, который вместе с повышением уровня жизнедеятельности и инфраструктуры сельского населения в перспективе будет способствовать росту инвестиционной привлекательности сельской местности, привлекая инвестиции в аграрную отрасль.

Задачи приоритетного развития сельских территорий Иркутской области эффективно реализуются за счет успешного продвижения грантовых программ и проектов.

Итоги первого года реализации новых национальных проектов в Иркутской области обсудили на совещании под руководством Губернатора Игоря Кобзева. В 2025 г. Иркутская область участвовала в 14 президентских национальных проектах из 19, общий объем финансирования по всем мероприятиям нацпроектов составил 43,04 млрд руб., включая 20,1 млрд руб. средств федерального бюджета.

Национальные проекты – стратегический ориентир, заданный лично Президентом РФ, поэтому общей задачей является их эффективная реализация.

Национальные проекты в настоящих реалиях нацелены на ключевые направления государственной политики, при этом, концентрируя ресурсы на самых важных факторах жизни каждого человека: здоровье, образовании, благополучии людей, создании наиболее благоприятной современной инфраструктуры.

Такая масштабная инициатива демонстрирует свои положительные результаты, оказывая прямое влияние на улучшение качества жизни людей: строятся школы, детские сады, поликлиники, оснащенные новейшим оборудованием, учреждения культуры, благоустроенные общественные пространства, где можно комфортно проводить время, проводится ремонт дорог, модернизация объектов коммунальной инфраструктуры, при этом, внедряются меры социальной поддержки, необходимые для малообеспеченных социальных категорий граждан, организуются молодежные мероприятия.

Среди ряда грантовых программ пристальное внимание в 2025 г. было уделено проектам социальной направленности. Реализуя в регионе национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», введена в эксплуатацию детская поликлиника № 10 в г. Иркутске, два модульных фельдшерско-акушерских пункта и две врачебные амбулатории, завершён капитальный ремонт 34 объектов здравоохранения, обновлена материально-техническая база учреждений здравоохранения.

Национальные проекты «Семья» и «Молодежь и дети» позволили отремонтировать девять школ, два детских сада, корпус Байкальского техникума отраслевых технологий и сервиса в г. Байкальске, что позволило улучшить условия обучения более 4,5 тысячам детей и подростков. Более 500 школ обновили профильные кабинеты.

С помощью грантовых проектов было организовано 1,5 тысячи профориентационных мероприятий, которые посетило более 27000 человек. Четыре библиотеки были открыты в гг. Иркутске, Братске, Тулуне и р. п. Тынеть Заларинского района. В Иркутском областном театре кукол «Аистенок» проведён капитальный ремонт, также в Иркутской областной филармонии, здании детской музыкальной школы в с. Урик Иркутского района. Техническое переоснащение прошло в Иркутском областном музыкальном театре им. Н. М. Загурского, Музее истории освоения Ангары в Братске.

Национальный проект «Инфраструктура для жизни» позволил отремонтировать 177 км дорог. Для повышения качества водоснабжения и водоотведения проведён капремонт магистрального водопровода в п. Усть-Ордынском Эхирит-Булагатского района, построены магистральные сети в п. Пивовариха Иркутского района, благоустроены дворы и общественные территории.

С помощью реализации национального проекта «Экологическое благополучие» переведены на газ 352 дома с печным и угольным отоплением в г. Братске, это в свою очередь позволило снизить объём выбросов опасных загрязняющих веществ в атмосферный воздух, а также улучшить качество жизни жителей газифицированных домов.

По нацпроекту «Беспилотные авиационные системы» закуплено 17 летательных аппаратов для мониторинга лесных пожаров на территории Иркутской области. Продолжаются мероприятия по реализации федерального проекта «Пять морей и озеро Байкал» национального проекта «Туризм и гостеприимство».

В рамках нацпроекта «Эффективная и конкурентная экономика» представлено свыше 5,9 тысяч услуг и мер поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и гражданам, желающим вести свой бизнес.

Для реализации проектов по повышению производительности труда в 2025 г. привлечено 20 предприятий базовых отраслей экономики, это на 54 % выше показателей запланированного значения.

В 2026 г. реализацию мероприятий национальных проектов в Иркутской области решено продолжить [3].

Анализируя и изучая алгоритмы расчетов конкурсного отбора проектов, и оценивая итоги реализации государственных программ развития сельских территорий попытаемся выделить основные принципы действующего механизма стимулирования ее эффективности:

- Сочетание стимулирования между промежуточными и итоговыми результатами.

- Итоговые результаты содержат в себе достижение результатов реализации проекта и влияния на целевой показатель.

- Разделение оценки исполнения проекта за счет бюджетных средств (федерального, регионального и местного бюджетов) и внебюджетных источников.

- Формирование первоочередной доли влияния и эффективных факторов финансирования (включая бюджетный и внебюджетный).

- Мотивация региональных и местных органов власти для расширения финансирования проектов за счет внебюджетных источников с наиболее высокой долей этого фактора среди других.

- Расширение участия населения муниципального образования в общественном обсуждении реализации проекта комплексного развития сельской территории.

- Обеспечение занятости сельского населения по отношению к общей численности экономически активной категории населения.

Необходимой методической особенностью по распределению федеральных субсидий становится введение регулятора, направленного на стимулирование эффективности в их использовании. Распределяя по всем субъектам России ассигнований, получаемых из федерального бюджета для обеспечения комплексного развития сельских территорий, учитывают имеющиеся у субъекта РФ эффективности результаты использования получаемых субсидий по трем уровням эффективности реализации проектов: выше среднего, ниже среднего и низкий уровень. Если субъект РФ получил субсидии на реализацию проектов, но, не завершил их; или имеет при установлении по итогам года низкий уровень эффективности использования субсидий, такие проекты комплексного развития субъекта РФ к участию в конкурсном отборе на следующий финансовый год и плановый период больше не допускаются [4, с. 8–9]. При расчете субсидий по договору найма жилого помещения предусмотрено, что расчетный размер субсидий устанавливается в зависимости от коэффициента использования, дифференцируемого по трем уровням – низком, среднем и высоком.

Отметим в этом случае высокую значимость устанавливаемых параметров ответственности субъектов РФ за эффективное использование бюджетных средств: при высокой эффективности значение коэффициента составляет 1,0; при средней 0,5, следовательно, расчетная величина субсидий субъекту

РФ уменьшается в 2 раза, при низкой – нулевое его значение. В случае последней из трех указанных ситуаций и величина расчетного размера федеральных субсидий субъекту РФ принимает нулевое значение [5, с. 89–90].

Изучение проблем эффективного и устойчивого развития сельских территорий отчетливо демонстрируют, что устойчивое сельскохозяйственное производство как система имеет ряд predetermined принципов, среди которых следует отметить следующие:

- Система самостоятельно создает и контролирует естественные биологические циклы;
- Пытается осуществлять контроль и минимизировать вредное воздействие на здоровье, природу, качество воды и окружающую среду;
- Стремиться осуществлять защиту и восстанавливать плодородие почвы и сохранять естественные ресурсы;
- Оптимизирует использование не возобновляемых ресурсов [6, с. 3];
- Стремиться к повышению эффективности использования всех видов ресурсов на предприятиях всех форм собственности;
- Стремиться обеспечить постоянный рост конкурентоспособности и эффективности сельского хозяйства;
- Постоянно стремится к повышению качества жизни населения, обеспечивая стабильный доход.

Проведенный нами анализ определений понятия «устойчивое развитие сельских территорий» позволил сделать вывод, что основу устойчивого и эффективного развития сельских территорий представляет прежде всего, их стабильное социально-экономическое развитие, обеспечение расширенного воспроизводства при эффективном использовании всех видов ресурсов, значительное повышение уровня и качества жизни сельского населения, создание благоприятной демографической ситуации и экологической среды, благоприятной для здоровья населения [7, с. 640–641].

На основе проведенных исследований самым приемлемым нам представляется следующее определение «устойчивое развитие сельских территорий – это целенаправленный процесс стабильного развития сельского сообщества, обеспечивающий экономически обоснованное расширенное воспроизводство, повышение уровня жизни и улучшение ее качества сельского населения, сохраняя при этом природно-ресурсный, историко-культурный и духовно-нравственный потенциал сельской местности» [8, с. 62–63].

Сельские территории в нашей стране, в том числе и ее агропромышленный комплекс, занимают особое место в российской экономике и в ее пространственном развитии, играя при этом глобальную роль в социально-экономической значимости и обеспечении продовольственной безопасности страны – важнейшей составляющей национальной безопасности России.

Основополагающим фактором решения проблем продовольственного обеспечения жителей является недопущение рисков и угроз, снижающих производство агропродовольственной продукции [9].

От развития сельских территорий напрямую зависит уровень жизни населения и ее благополучие в целом. Сельское хозяйство производит пищевые продукты для населения, сырье для промышленности, а также удовлетворяет многие другие потребности населения.

В Иркутской области грантовые программы активно реализуются по нескольким направлениям, среди которых отметим следующие: поддержка СОНКО, социальное предпринимательство, молодежные инициативы, реализуемые министерством по молодежной политике и инновационные площадки.

Поддержка осуществляется через федеральные проекты (фонд президентских грантов, где представлено 26 победителей в 2025 г.) и региональные субсидии, среди которых социальная поддержка и гранты молодым предпринимателям.

Отметим основные направления грантовой поддержки в иркутской области:

- Социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО), реализуются в рамках госпрограммы «Социальная поддержка населения», рассчитанной на 2024–2030 гг., включая конкурсы и целевые субсидии на социально значимые проекты.

- Молодежная политика. Министерство по молодежной политике Иркутской области предоставляет гранты физическим лицам.

- Бизнес и инновации. Поддержка молодых и социальных предпринимателей в рамках федерального проекта «Малое и среднее предпринимательство».

- Корпоративные и региональные инициативы. Грантовые конкурсы от крупных компаний (например, ИНК «Район моей мечты») и проекты по развитию инноваций.

Реализация грантовых программ в устойчивом развитии сельских территорий не раз демонстрировала эффективные результаты в ее осуществлении.

При подведении итогов первого конкурса Фонда президентских грантов 2026 г. губернатор Иркутской области Игорь Кобзев отметил, что в нашем регионе 21 проект получил более 48 миллионов рублей на поддержку и развитие, были поддержаны 166 поданных заявки.

Игорь Кобзев отметил, что, реализация социально значимых проектов для нашего региона – это проделанная кропотливая и сложная работа.

Инициативы, реализуемые общественниками, существенно улучшают качество жизни в нашей области, решая важные социокультурные, экономические, порой и политические задачи. Отличные результаты достигаются, по словам губернатора региона, совместными усилиями, и с использованием всевозможных механизмов, при этом, достижение положительных результатов, отвечает запросам жителей нашей области.

Проекты-победители отмечены в самых разных сферах жизнедеятельности: в сфере науки и образования, социального и культурного обслуживания населения, охраны жизни и здоровья граждан, защиты их прав, поддержка

материнства и детства. Среди самых крупных грантов: проект «Мамины нити» от фонда «Спаси и сохрани», направленный на создание рабочих мест для многодетных мам в домашних условиях, инициативы «Ранняя помощь – вместе с семьей», «Путь к самостоятельности» и ряд других [10].

Грантовая поддержка для сельских территорий и их эффективного развития является альтернативным и необходимым источником бюджетного финансирования.

Сегодня проблема дополнительного финансирования на территории сельских территорий Иркутской области, как и у ряда субъектов Российской Федерации, подталкивает регионы самим находить альтернативные источники балансирования регионального и муниципальных бюджетов.

Самым распространенным универсальным инструментом для реализации социально значимых проектов Иркутской области является эффективная реализация молодежных инициатив, привлекающих на территорию региона дополнительные средства в виде грантов для реализации проектов. Молодежь в этом случае является мощным стратегическим ресурсом для развития отдельных сельских территорий и нашего региона в целом.

Велико и объемно влияние молодежных грантов, получаемых для реализации инициативы как эффективного инструмента развития социального и экономического положения региона. Они выступают ключевыми эффектами от реализации инициатив для региона, в рамках реализации приоритетных задач региональной политики Иркутской области.

Ряд экспертов в настоящий момент оценивают грантовую поддержку для молодежных инициатив как эффективный и необходимый инструмент социально-экономического развития сельских территорий и решения общенациональных проблем государства.

Подвергая анализу основы государственной молодежной политики нашей страны, где главная цель улучшить социально-экономическое положение молодежи России, ее вовлечение в социально-экономическую жизнь, поскольку, как нами сказано, грантовая поддержка тесно связана с молодежной политикой, и, несомненно, влияет на процессы социального и экономического развития сельских территорий нашего региона.

Важной задачей молодежной политики является формирование одинаково равных возможностей реализации молодежных инициатив, раскрытия потенциала молодежи, в зависимости от места проживания, а это, может быть достигнуто с помощью грантовых программ. В связи с этим отметим положительные стороны грантовой деятельности для развития сельских территорий:

- 1) самореализация и развитие интеллектуального потенциала молодежи;
- 2) привлечение дополнительного финансирования в регион, возможность частичного высвобождения внутреннего бюджета региона;
- 3) реализация социально-значимых инициатив, необходимых для создания благоприятной среды в муниципалитетах;
- 4) диалог молодежи, общественности и государства;
- 5) активное вовлечение молодежи в решение общенациональных задач.

6) стимулирование молодежной внеучебной занятости и создание благоприятных условий для ее реализации;

7) формирование устойчивого и активного молодежного сообщества, поддерживающего интересы государства и общества;

8) делегирование задач государственной важности с уровня федерации в города и сельские территории.

В вопросе молодежной политики в современных условиях есть положительный тренд для масштабирования грантовых программ внутри самого региона, позволяющий сделать убедительный вывод, что, существенный эффект социального и экономического развития региона, включая его сельские территории, реализующие грантовые проекты, вполне можно рассматривать в качестве дополнительных средств в бюджет на конкретную цель.

Наибольшей взаимосвязью в этом вопросе выделяются показатели Ромолодежи, где общая сумма грантов зависит от общего количества победителей, а оно от количества проектов, что позволяет сделать вывод о том, что, с ростом привлекаемых в регион и его сельские территории бюджетов, будет увеличиваться количества разработанных проектов, что, несомненно отразится на эффективном развитии региона.

Список литературы

1. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 2 февр. 2015 г. № 151-р.

2. Ворошилов Н. В. Критерии выделения сельских агломераций и механизм управления их развитием // Развитие территорий. 2022. № 1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-vydeleniya-selskih-aglomeratsiy-i-mehanizm-upravleniya-ih-razvitiem> (дата обращения: 09.05.2022).

3. В Иркутской области подвели итоги первого года реализации новых национальных проектов // Архив новостей Иркутской области. 19 янв. 2026 г. URL: <https://nilim-raion.ru/news/detail.php?ID=206044> (дата обращения: 10.03.2026).

4. Набиева А. Р. Роль сельхозпроизводителей различных форм в экономической и продовольственной безопасности России // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2021. № 4. С. 3–12. <https://doi.org/10.37984/2076-9288-2021-4-3-12>. EDN QJTTCI.

5. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная Экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–91.

6. Альферина А. В., Ткачева А. Ю., Тарасова О. Ю. Устойчивое развитие сельских территорий // Современные проблемы территориального развития. 2019. № 1. С. 2–4.

7. Морощкина М. В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 638–642.

8. Боков Ю. А., Мохов А. Ю. Национальные интересы Российской Федерации в аграрной сфере и их отражение в новой доктрине продовольственной безопасности // Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 3. С. 60–64.

9. Набиева А. Р. Роль сельхозпроизводителей различных форм в экономической и продовольственной безопасности России // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2021. № 4. С. 3–12. <https://doi.org/10.37984/2076-9288-2021-4-3-12>. EDN QJTTCI.

10. 21 проект из Иркутской области получит президентские гранты на 48 миллионов рублей // Ирк.ру. 18 янв. 2026 г. URL: <https://www.irk.ru/news/20260118/projects/> (дата обращения: 10.03.2026).

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ И КОРПОРАТИВНЫМИ СУБЪЕКТАМИ»

УДК 658.012.4:006

Алёхина Н. А., Севастьянова О. В., *Симферополь*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОКУМЕНТООБОРОТА В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИНСТИТУТАХ: НАСЛЕДИЕ КОНЦЕПЦИИ «НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» Ф. У. ТЕЙЛОРА

Аннотация. Анализируется влияние принципов тейлоризма (рационализация, нормирование) на стандартизацию документооборота. Рассматриваются эффективность и ограничения этой модели, заложившей основу современных систем управления документами, требующих гибкости.

Ключевые слова: научное управление, Ф. У. Тейлор, тейлоризм, документооборот, стандартизация, регламентация, рационализация, документационное обеспечение управления.

Alyokhina N. A., Sevastyanova O. V., *Simferopol*

LEGAL ASPECTS OF DOCUMENT FLOW REGULATION IN ORGANIZATIONAL INSTITUTIONS: THE LEGACY OF F. W. TAYLOR'S "SCIENTIFIC MANAGEMENT" CONCEPT

Abstract. The article analyzes the influence of Taylorism's principles (rationalization, standardization) on the standardization of document flow. It examines the effectiveness and limitations of this model, which laid the foundation for modern document management systems requiring flexibility.

Keywords: scientific management, F. W. Taylor, Taylorism, document flow, standardization, regulation, rationalization, efficiency, documentary support of management.

Ключевая исследовательская проблема статьи заключается в поиске оптимального баланса между преимуществами унификации и регламентации документооборота, основанными на принципах тейлоризма, и требованиями гибкости, адаптивности и инновационности в современных организационных условиях. Практическая задача исследования состоит в оценке релевантности концепции Ф. У. Тейлора в настоящее время и разработке механизмов ее адаптации для минимизации негативного влияния жесткой формализации на креативность и вовлеченность персонала.

Цель данной статьи – проанализировать влияние концепции научного управления Ф. У. Тейлора на стандартизацию и регламентацию документооборота, который является кровеносной системой любой организации. Мы

намерены оценить двойственный эффект тейлоризма: с одной стороны, он способствовал повышению эффективности и снижению ошибок, с другой – таил в себе риск излишней формализации, ограничивающей гибкость и подавляющей инициативу персонала.

В конце XIX – начале XX в. мир столкнулся с беспрецедентными темпами индустриализации, что привело к росту масштабов производств и усложнению организационных структур. В этот период возникла острая потребность в новых подходах к управлению, способных обеспечить максимальную эффективность и производительность. Одним из наиболее влиятельных мыслителей, предложивших радикальное решение этой проблемы, стал американский инженер Фредерик Уинслоу Тейлор [6]. Его концепция «научного управления», или «тейлоризма», заложила фундамент для большинства современных управленческих практик, включая стандартизацию и регламентацию документооборота в организациях. Несмотря на многочисленную критику, идеи Ф. У. Тейлора остаются актуальными для понимания эволюции систем управления информацией.

Ф. У. Тейлор, наблюдая за работой на заводах, пришел к выводу, что традиционные методы управления опираются на эмпирические, часто неэффективные подходы. Он предложил заменить их «научно обоснованными» принципами, целью которых было найти «один наилучший способ» выполнения каждой задачи. Ключевыми элементами его системы были:

1. Рационализация и оптимизация труда, системный анализ каждого элемента рабочего процесса для исключения лишних движений и затрат.

2. Нормирование и разработка точных стандартов времени для выполнения каждой операции на основе хронометража и изучения движений. Это позволяло установить обоснованную норму выработки и систему оплаты, стимулирующую производительность.

3. Разделение труда и специализация четко разграниченной функцией между управленцами и исполнителями, а также максимальная специализация работников на конкретных, узких задачах.

4. Стандартизация и унификация инструментов, методов работы и условий труда.

Как отмечал сам Ф. У. Тейлор в своем труде «Принципы научного управления» (1911): «Главная цель научного управления состоит в обеспечении максимального благосостояния для работодателя, в сочетании с максимальным благосостоянием для каждого работника» [6]. Он верил, что это достигается не за счет увеличения усилий, а за счет повышения эффективности [6].

Хотя Ф. У. Тейлор фокусировал свои исследования преимущественно на оптимизации физического труда рабочих на заводах – движениях, инструментах, последовательности операций, – его фундаментальные идеи о рационализации и поиске «одного наилучшего способа» были универсальны [7]. Эти принципы быстро нашли свое применение и в «умственном» или административном труде, особенно в такой структурированной области, как документооборот.

Управление документацией, по своей сути, представляет собой последовательность взаимосвязанных операций: от создания и регистрации до движения, хранения и, в конечном итоге, уничтожения документов [1]. Каждая из этих стадий может быть проанализирована и оптимизирована с точки зрения эффективности, что прямо соответствует тейлористскому подходу.

Применение принципов Ф. У. Тейлора к задачам документационного обеспечения управления проявляется следующим образом:

Принцип Тейлора	Сущность принципа	Применение в управлении документацией
1. Стандартизация	Унификация инструментов, методов и условий труда для обеспечения предсказуемости и снижения вариативности	– Разработка и внедрение унифицированных бланков, шаблонов и форм документов (приказы, служебные записки, акты, договоры). – Установление обязательных реквизитов и правил оформления документов (ГОСТ Р 7.0.97-2016). – Создание единых стилей оформления и правил нумерации
2. Регламентация (инструкции)	Создание детальных предписаний на основе научного анализа для каждой операции, исключая работу «по наитию»	– Разработка инструкций по делопроизводству, регламентов и положений, описывающих полный жизненный цикл документа. – Четкое определение процедур: регистрации, визирования, согласования, утверждения, рассылки, контроля исполнения, архивации. – Фиксация сроков выполнения каждой процедуры и распределение ответственности
3. Нормирование	Установление точных, научно обоснованных норм времени и выработки для каждой трудовой операции	– Нормирование времени на выполнение типовых операций: обработка входящего/исходящего документа, регистрация, поиск в архиве, подготовка типового ответа. – Определение норм объема документооборота на одного сотрудника или подразделения. (Применяется ограниченно, в основном для планово-расчетных целей)
4. Разделение труда и специализация	Четкое разграничение функций между управленцами и исполнителями, а также между самими исполнителями для повышения эффективности.	– Выделение специализированных подразделений: канцелярия, отдел делопроизводства, архив, служба ДОУ. – Внутри отделов: разделение функций между регистратором, секретарем, архивариусом, специалистом по электронному документообороту. – Разделение процессов создания документа (автор), его оформления (секретариат), обработки и хранения (архив)
5. Рационализация и оптимизация	Системный анализ рабочих процессов для исключения лишних, неэффективных действий и затрат	– Анализ и оптимизация маршрутов движения документов, сокращение количества инстанций согласования. – Устранение дублирующих операций и документов. – Внедрение поточных методов обработки однотипных документов

Окончание табл.

Принцип Тейлора	Сущность принципа	Применение в управлении документацией
6. «Один наилучший способ»	Поиск и внедрение наиболее эффективного метода выполнения конкретной работы, установленного в качестве обязательного стандарта	– Разработка и обязательное использование утвержденных, оптимальных схем документооборота для типовых процессов (например, прием сотрудника на работу, заключение договора). – Установление единых правил и программного обеспечения для создания и обработки документов

Таким образом, системное внедрение стандартов и регламентов в документационное обеспечение управления формирует прочный организационный фундамент, приносящий комплекс ощутимых преимуществ.

Во-первых, достигается значительное повышение операционной эффективности и скорости выполнения задач. Четко прописанные и унифицированные процедуры превращают обработку документов из хаотичного процесса в отлаженный конвейер [4]. Это позволяет радикально сократить временные затраты на рутинные операции – регистрацию, согласование, отправку или архивирование, – высвобождая ресурсы сотрудников для решения более содержательных задач.

Во-вторых, ключевым результатом становится снижение операционных рисков и количества ошибок. Стандартизированные шаблоны документов и детальные инструкции по их заполнению действуют как предохранитель, минимизируя человеческий фактор. Вероятность неправильного оформления, утери важных данных или несоблюдения обязательных реквизитов сводится к минимуму, что напрямую повышает надежность и юридическую состоятельность документации.

В-третьих, устанавливается высокий уровень контроля и прозрачности на всех этапах работы с документами. Унифицированные правила делают движение каждого документа предсказуемым и отслеживаемым. В любой момент можно установить, на каком этапе находится бумага, кто и за какой срок ее обрабатывал. Кроме укрепления дисциплины, такой подход формирует среду, в которой личная ответственность каждого работника становится очевидной и измеримой. В результате внутри компании возникает культура ответственного подхода к задачам, где действия каждого сотрудника могут быть проверены и оценены.

Не менее важно, что наличие четких правил резко сокращает время на адаптацию новых специалистов. Вместо того чтобы разбираться в неочевидных и часто меняющихся внутренних порядках, новый сотрудник с первых дней работает по установленным и логичным алгоритмам. Это не только ускоряет его вхождение в коллектив, но и гарантирует, что качество и последовательность работы с документами не будут зависеть от индивидуального опыта или стиля того или иного исполнителя.

Как отмечается в современных работах по управлению информацией, идеи Ф. Тейлора, хотя и претерпели существенные изменения, до сих пор служат основой для создания упорядоченных систем работы с документами [7]. Эти системы, построенные на логике и рациональности, остаются востребованными и в государственных органах, и в бизнес-среде. Их главная ценность – в создании базового порядка, предсказуемости и контроля, без которых невозможна устойчивая работа любой серьезной организации.

Исторически именно систематизация документооборота стала поворотным моментом для развития крупных управленческих структур. Она превратила управление из набора разрозненных поручений в отлаженный механизм с понятными, повторяемыми и подконтрольными этапами. Без этого перехода к регламентированной работе было бы невозможно координировать деятельность больших коллективов и сложные процессы ни в бизнесе, ни в государственном управлении, особенно в условиях постоянного роста и усложнения задач.

Как и любая управленческая система, тейлоризм обладает не только сильными сторонами, но и уязвимыми местами, которые особенно ярко проявляются при его догматическом, неадаптивном применении. Чрезмерное увлечение формализацией может привести к ряду дисфункциональных последствий, подрывающих саму цель повышения эффективности.

Во-первых, возникает проблема организационной ригидности и потери гибкости. Излишне детализированные регламенты превращаются в жесткий каркас, сковывающий способность системы оперативно реагировать на изменения во внешней среде. В ситуации, требующей нестандартного подхода или быстрого реагирования, правила, изначально призванные помогать, становятся препятствием, вынуждая сотрудников тратить время на их обход или формальное соблюдение в ущерб результату.

Во-вторых, наблюдается снижение личной инициативы и внутренней мотивации персонала. Когда работа сводится к механическому следованию инструкциям без права на самостоятельное решение или творческий вклад, она теряет смысл и превращается в обезличенную рутину. Это ведет к профессиональному выгоранию, пассивности и потере ответственности, поскольку сотрудник воспринимает себя лишь как исполнитель предписаний, а не как участник общего дела.

В-третьих, неизбежным спутником чрезмерной формализации становится бюрократическая волокита. Система начинает воспроизводить сама себя, порождая все новые процедуры, согласования и документы, необходимые для подтверждения выполнения предыдущих. Центр тяжести смещается с достижения реальных целей на соблюдение процессуальных норм, что катастрофически замедляет принятие решений и общую динамику организации. Это классический пример того, как средство (регламент) подменяет собой цель (результат).

В-четвертых, классический тейлоризм критикуется за игнорирование человеческого фактора. Подход, рассматривающий сотрудника как «винтик» в отлаженном механизме, оставляет за скобками социально-психологические аспекты труда: потребность в признании, неформальное общение, групповую динамику. Как блестяще продемонстрировали Хоторнские эксперименты Элтона Мэйо, именно эти факторы зачастую оказывают решающее влияние на производительность и лояльность персонала.

Наконец, жесткая стандартизация создает барьеры для инноваций. Поиск новых, более эффективных методов работы воспринимается не как благо, а как угроза устоявшемуся порядку. Организационная культура начинает подавлять инициативу «снизу», а любые отклонения от утвержденного процесса встречают сопротивление. Как метко отмечают критики, избыточная формализация порождает структуру, которая хотя и упорядочена, но медлительна и не способна к адаптации, где любое отклонение от нормы видится угрозой, а не возможностью для улучшения [5]. Это создает фундаментальную дилемму между необходимостью контроля и требованием динамичного развития.

Несмотря на перечисленные ограничения, историческая роль принципов Ф. У. Тейлора остается неоспоримой. Именно они заложили концептуальную основу для современных систем управления документами. Стремление к стандартизации, унификации и оптимизации, лежащее в основе таких широко распространенных концепций, как системы менеджмента качества (ISO 9000), управления корпоративным контентом (ECM) и цифрового документооборота [2], является прямым развитием тейлористской парадигмы.

Однако современная практика управления документами претерпела значительную эволюцию. В эпоху цифровой трансформации, гибких методологий (Agile) и турбулентности рынков востребован принципиально иной подход. Он заключается не в отказе от стандартов, а в их разумном, сбалансированном использовании. Современные системы стремятся к синтезу порядка и адаптивности, что проявляется в следующих тенденциях:

1. Интеллектуальная автоматизация рутинных операций. За счет внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и роботизации процессов (RPA) монотонные задачи по обработке документов делегируются машинам. Это высвобождает человеческий потенциал для решения комплексных, творческих задач, требующих аналитики и принятия решений.

2. Динамичные и гибкие рабочие процессы. Вместо раз и навсегда установленных маршрутов движение документов строится на основе адаптируемых, конфигурируемых процессов. Это позволяет оперативно менять схемы согласования и утверждения в ответ на новые бизнес-требования без полного пересмотра всей системы.

3. Ориентация на пользовательский опыт (UX). Акцент смещается с административного контроля на удобство и эффективность работы конечного

сотрудника. Системы проектируются интуитивно понятными, минимизирующими усилия на взаимодействие с документами, что повышает как удовлетворенность персонала, так и общую производительность.

4. Переход от управления документами к управлению знаниями. Фокус расширяется за рамки простого хранения и поиска файлов. Современные решения нацелены на извлечение ценной информации из документов, ее структурирование, обмен и преобразование в корпоративное знание, которое становится стратегическим активом организации.

Таким образом, наследие Тейлора творчески переосмыслено. Современный документооборот строится на диалектическом сочетании тейлористской дисциплины, обеспечивающей надежность и порядок, и новых принципов гибкости, человекоориентированности и технологической интеллектуализации. Ключ к успеху лежит в нахождении оптимального баланса между этими двумя полюсами.

Список литературы

1. Варламова, Л. Н. Стандартизация как элемент методической базы информационно-документационного обеспечения управления // История и архивы. 2017. № 3 (9). С. 74–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-kak-element-metodicheskoy-bazy-informatsionno-dokumentatsionnogo-obespecheniya-upravleniya> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Галиуллина Д. М. Проблемы и перспективы электронного документооборота / Д. М. Галиуллина // Экономика и парадигма нового времени. 2024. № 3 (24). С. 149–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-elektronnogo-dokumentoooborota> (дата обращения: 15.01.2026).
3. ГОСТ Р 7.0.97-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (утв. Приказом Росстандарта от 26.06.2025 № 622-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510883/ (дата обращения: 15.01.2026).
4. Марченко О. В. Стандартизация документооборота в СССР: историко-правовой аспект // Правоприменение. 2022. № 4. С. 108–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-dokumentoooborota-v-sssr-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 15.01.2026).
5. Палилов Ф. Б., Гарнова В. Ю. От классической школы к менеджменту 4. 0: эволюция идей основных школ управленческой мысли на пути к четвертой промышленной революции // Лидерство и менеджмент. 2023. № 4. С. 781–796. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-klassicheskoy-shkoly-k-menedzhmentu-4-0-evolyutsiya-idey-osnovnyh-shkol-upravlencheskoy-mysli-na-puti-k-chetvertoy-promyshlennoy> (дата обращения: 15.01.2026).
6. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента / пер. с англ. А. И. Зак ; науч. ред. и предисл. Е. А. Кочерина. М. : Контроллинг, 1991. 104 с.
7. Тебекин А. В., Петров В. С., Табурчак А. П. Реализация принципа измерения труда системы Ф. Тейлора в современной системе социально-экономического развития государства // Экономические векторы. 2020. № 2 (21). С. 41–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-izmereniya-truda-sistemy-f-teylora-v-sovremennoy-sisteme-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-gosudarstva> (дата обращения: 15.01.2026).

УДК 347.1

Дембовский С. П., Халецкая Т. М., *Минск*

СПЕЦИФИКА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЛИКВИДАЦИИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Рассматривается роль экономических судов Республики Беларусь в системе разделения властей через призму контроля за процедурами ликвидации и банкротства. Анализируется баланс частных и публичных интересов, механизмы пресечения злоупотреблений правом и специфика обновленного законодательства о неплатежеспособности.

Ключевые слова: экономический суд, ликвидация, судебный контроль, неплатежеспособность, субсидиарная ответственность.

Dembovskiy S. P., Khaletskaya T. M., *Minsk*

SPECIFIC FEATURES OF JUDICIAL CONTROL IN THE FIELD OF LIQUIDATION OF ECONOMIC ENTITIES: EXPERIENCE OF ECONOMIC COURTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. the article examines the role of economic courts in the Republic of Belarus in the system of separation of powers through the prism of control over liquidation and bankruptcy procedures. It analyzes the balance of private and public interests, the mechanisms for preventing abuse of law, and the specifics of the updated legislation on insolvency

Keywords: economic court, liquidation, judicial control, insolvency, subsidiary liability

Трансформация экономических отношений в Республике Беларусь на современном этапе предопределяет необходимость поиска эффективных правовых механизмов, обеспечивающих стабильность гражданского оборота. Одним из ключевых институтов в этой системе выступает институт ликвидации юридического лица – сложный, многоступенчатый процесс прекращения деятельности субъекта хозяйствования без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам.

В системе властных отношений судебная власть, представленная в данном контексте экономическими судами, выполняет не просто правоприменительную, но и важнейшую контрольно-надзорную функцию. Судебный контроль в сфере ликвидации является гарантией соблюдения прав кредиторов, государства и самих участников ликвидируемого субъекта хозяйствования. Актуальность темы исследования обусловлена принятием и вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», который существенно сместил акценты в роли суда: от формального администрирования к активному управлению кризисными ситуациями и защите социальной составляющей бизнеса.

Судебный контроль в сфере ликвидации субъектов хозяйствования представляет собой специфическую форму реализации судебной власти. В контексте взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, экономические суды Республики Беларусь выступают арбитром,

обеспечивающим законность действий как частных лиц (ликвидаторов, антикризисных управляющих), так и государственных органов (регистрирующих органов, налоговых и таможенных служб).

Глубокое научное осмысление сущности судебного контроля в контексте ликвидационных процедур позволяет выявить его сложную, двустороннюю природу, которая проявляется в неразрывном единстве правоохранительного и правовосстановительного векторов деятельности экономических судов. В рамках реализации правоохранительной функции судебная власть выступает в роли барьера, пресекающего любые попытки использования легального механизма ликвидации юридического лица в противоправных целях, в частности, для уклонения от исполнения накопленных обязательств перед контрагентами и государством. Экономический суд в данном процессе осуществляет детальную верификацию чистоты намерений учредителей, выявляя признаки так называемых «фиктивных ликвидаций», которые зачастую инициируются с целью оперативного вывода активов на аффилированные структуры и последующего «бросания» субъекта хозяйствования с непогашенной задолженностью. Правоохранительный аспект судебного контроля здесь трансформируется в инструмент обеспечения экономической безопасности, поскольку суд наделен полномочиями не только отказывать в утверждении ликвидационных балансов при обнаружении признаков сокрытия имущества, но и инициировать процедуры привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, тем самым восстанавливая публичный порядок в сфере предпринимательства.

Параллельно с этим, правовосстановительная функция судебного контроля обеспечивает реализацию фундаментального принципа справедливости при распределении конкурсной массы или оставшегося имущества ликвидируемого должника. Судебное вмешательство гарантирует, что процесс удовлетворения требований кредиторов будет протекать в строгом соответствии с установленной законодательством очередностью, исключая преференции для отдельных лиц в ущерб коллективным интересам. Суд детально анализирует правомерность включения требований в регистр, проверяет обоснованность размеров задолженности и контролирует действия ликвидатора по реализации активов, стремясь к тому, чтобы вырученные средства были распределены максимально эффективно и прозрачно. В этом смысле правовосстановительная природа контроля проявляется в защите наиболее уязвимых участников процесса, таких как работники предприятия, чьи требования по оплате труда подлежат приоритетному удовлетворению, а также в предотвращении необоснованного обогащения одних кредиторов за счет других. Таким образом, двусторонний характер судебной деятельности в сфере ликвидации создает целостный механизм, где пресечение злоупотреблений правом органично дополняется защитой законных имущественных интересов всех субъектов, вовлеченных в процедуру прекращения деятельности юридического лица [5, с. 62].

Особенностью белорусской модели является высокая степень вовлеченности экономического суда в вопросы принудительной ликвидации. В отличие от внесудебного (заявительного) порядка, характерного для добровольного прекращения деятельности, судебный порядок инициируется в случаях, когда субъект не способен самостоятельно исполнить свои обязательства или когда его деятельность прямо противоречит законодательным актам (например, осуществление деятельности без лицензии или неоднократные грубые нарушения закона) [1, с. 41].

Принцип гуманизма и социальной направленности белорусского права проявляется здесь в том, что судебный контроль направлен не на «уничтожение» хозяйствующего субъекта как социальной единицы, а на минимизацию негативных последствий его ухода с рынка для работников и контрагентов. Экономический суд в данном процессе выступает гарантом того, что прекращение существования юридического лица не станет инструментом дестабилизации региональной экономики или роста социальной напряженности.

Особое место в системе властных отношений занимают полномочия экономических судов Республики Беларусь при рассмотрении дел о неплатежеспособности. В этой сфере судебный контроль трансформируется из пассивного наблюдения в активное руководство процессом. С вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», роль суда приобрела новые институциональные очертания [4, с. 19].

Современная модель судебного контроля в Республике Беларусь претерпела качественную трансформацию, в результате которой приоритетным вектором деятельности экономических судов стало сохранение жизнеспособного бизнеса и защита трудовых коллективов через механизмы санации, а не его безусловная и окончательная ликвидация [2, с. 24]. В рамках данной парадигмы экономический суд выступает не просто в роли пассивного регистратора несостоятельности, а как высококвалифицированный орган, осуществляющий глубокую экспертную оценку жизнеспособности субъекта хозяйствования в долгосрочной перспективе. Этот сложный аналитический процесс начинается с детальной проверки обоснованности введения ликвидационных процедур или процедур банкротства, в ходе которой суд обязан всесторонне проанализировать реальное финансовое состояние должника, чтобы полностью исключить вероятность реализации схем «управляемого банкротства», инициируемого недобросовестными собственниками исключительно для противоправного укрытия активов или ухода от налоговых обязательств [8, с. 370].

Важнейшим инструментом реализации стабилизационной функции судебной власти выступает процедура утверждения планов санации, где суд берет на себя ответственность за оценку экономической реальности и исполнимости предлагаемых мер по восстановлению платежеспособности предприятия. Судебная экспертиза таких планов служит надежной гарантией того, что

оздоровление бизнеса не будет происходить за счет ущемления прав миноритарных кредиторов в угоду интересам мажоритарных игроков, тем самым обеспечивая баланс справедливости в системе властных отношений. Кроме того, судебный контроль неразрывно связан с непрерывным надзором за деятельностью антикризисного управляющего, в отношении которого суд выступает высшей инстанцией, правомочной рассматривать любые жалобы на его действия или бездействие. Такая позиция экономического суда обеспечивает строгую законность при формировании и последующем распределении конкурсной массы, предотвращая возможные злоупотребления со стороны управляющего состава и гарантируя, что каждый этап прекращения или восстановления деятельности субъекта проходит под пристальным вниманием государства в лице судебной власти [1, с. 44].

Одним из наиболее дискуссионных и объемных аспектов судебного контроля в процессе ликвидации является институт привлечения к субсидиарной ответственности руководителей и собственников (учредителей) «должника». В белорусской правовой доктрине этот механизм прошел путь от жесткой фискальной направленности до взвешенного судебного подхода.

В контексте правоприменительной практики Республики Беларусь механизм привлечения к субсидиарной ответственности претерпел существенную гуманистическую трансформацию, закреплённую изначально в Декрете Президента № 7 «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 г., а в последующем имплементированную в нормы обновленного Закона «Об урегулировании неплатежеспособности». Данные законодательные новеллы установили жесткий ценз, согласно которому дополнительная имущественная ответственность контролирующих лиц возможна исключительно при наличии их виновных, а именно умышленных действий, которые непосредственно повлекли за собой состояние банкротства субъекта хозяйствования. В этой сложной юридической конструкции роль экономического суда становится по-настоящему решающей, поскольку именно судебная власть выступает основным фильтром против необоснованного преследования бизнеса.

Судебный контроль в данной сфере в первую очередь направлен на скрупулезное установление прямой причинно-следственной связи между конкретными управленческими решениями должностного лица и наступившей неплатежеспособностью предприятия. Суд в процессе доказывания обязан четко отделить результаты сознательных злоупотреблений от влияния объективных рыночных факторов, неблагоприятной конъюнктуры, системных экономических кризисов или форс-мажорных обстоятельств, за которые руководство компании не может нести персональную имущественную ответственность. Не менее важным аспектом судебной деятельности является глубокая оценка добросовестности и разумности действий управленца, что полностью исключает формальный подход, при котором непогашенные долги юридического лица могли быть автоматически переложены на директора или

учредителя. Такая позиция экономических судов выполняет критически важную функцию защиты здоровой предпринимательской инициативы и предотвращает «паралич» управленческих решений, возникающий из-за страха личной ответственности за обычный коммерческий риск [7, с. 80]. Таким образом, через детальный анализ вины и обстоятельств дела судебная власть в Республике Беларусь формирует безопасную правовую среду, где ответственность наступает за правонарушение, а не за неудачное ведение бизнеса.

Судебный контроль в системе властных отношений Республики Беларусь неразрывно связан с реализацией принципа социальной ответственности бизнеса. При ликвидации субъекта хозяйствования через экономический суд приоритетное внимание уделяется защите прав работников.

В рамках реализации социально-ориентированного правосудия экономический суд Республики Беларусь осуществляет жесткий и непрерывный контроль за соблюдением трудовых и социальных гарантий работников ликвидируемого субъекта хозяйствования, что является ключевым элементом гуманизации правоприменительной практики [5, с. 63]. Судебная власть в данном процессе выступает гарантом своевременности и абсолютной полноты выплат всех положенных выходных пособий, компенсаций и задолженностей по заработной плате, которые в соответствии с частью 1 пункта 1 статьи 60 Гражданского кодекса Республики Беларусь отнесены к приоритетным первой и второй очередям удовлетворения требований кредиторов. Суд детально анализирует распределение денежных средств из ликвидационной массы, пресекая любые попытки управляющих или собственников направить ресурсы на расчеты с контрагентами или погашение налогов в ущерб интересам трудового коллектива.

Параллельно с финансовым контролем судебные органы обеспечивают надлежащее исполнение обязанностей по передаче документов по личному составу в соответствующие архивные учреждения. Данный аспект судебного надзора имеет критическое значение для долгосрочного обеспечения прав граждан, так как отсутствие надлежащим образом оформленных и сохраненных сведений о стаже и заработке делает невозможным корректное начисление пенсий в будущем. Экономический суд не санкционирует окончательное исключение юридического лица из Единого государственного регистра до тех пор, пока не будет получено официальное подтверждение из архива о приеме дел на хранение. Таким образом, через инструменты судебного контроля государство минимизирует социальные издержки ликвидации бизнеса, трансформируя сугубо экономическую процедуру в механизм защиты жизненно важных интересов граждан и обеспечения их социальной защищенности в системе властных отношений.

Таким образом, экономический суд в процессе ликвидации выступает не просто техническим органом, фиксирующим «смерть» юридического лица, а сложным социально-правовым фильтром. Он обеспечивает очищение эконо-

мического пространства от неэффективных субъектов, одновременно минимизируя социальные издержки и предотвращая злоупотребления со стороны недобросовестных участников оборота.

Эффективность судебного контроля в системе властных отношений Республики Беларусь не может рассматриваться в отрыве от практической деятельности экономических судов и их взаимодействия с иными государственными институтами. Реализация контрольных полномочий судом в процессе ликвидации субъектов хозяйствования требует не только глубокого анализа финансово-хозяйственной деятельности должника, но и четкой координации с регистрирующими, налоговыми и таможенными органами. В современных условиях судебная практика выработала устойчивые механизмы противодействия недобросовестному поведению участников гражданского оборота, стремящихся использовать ликвидацию как способ уклонения от исполнения публично-правовых и частноправовых обязательств [1, с. 41].

Особое внимание в деятельности экономических судов уделяется проверке соблюдения установленного законом порядка ликвидации. Судебный контроль здесь проявляется в пресечении попыток «формальной» ликвидации, когда учредители заявляют о прекращении деятельности, фактически не проводя расчетов с кредиторами и не выявляя весь объем дебиторской задолженности. Экономические суды при рассмотрении исков о признании решений о ликвидации недействительными или о понуждении к проведению ликвидационных процедур в судебном порядке выступают гарантами стабильности гражданского оборота. Важным аспектом является оценка действий ликвидатора или ликвидационной комиссии на предмет их добросовестности и разумности. Судебная практика подтверждает, что любое отступление от принципа очередности удовлетворения требований кредиторов или сокрытие активов становится основанием для отмены ликвидационного баланса и возвращения субъекта в исходное правовое состояние для проведения полноценной процедуры распределения имущества [8, с. 78].

Институциональное взаимодействие экономического суда с Министерством по налогам и сборам и таможенными органами в процессе ликвидации также является элементом системы сдержек и противовесов. Суд обеспечивает проверку полноты исполнения налоговых обязательств перед государственным бюджетом. При этом судебная власть выполняет важную арбитражную функцию, не допуская необоснованного блокирования процесса ликвидации со стороны фискальных органов в случаях, когда задолженность объективно не может быть погашена ввиду отсутствия имущества, а все законные меры по ее взысканию исчерпаны. Таким образом, судебный контроль гармонизирует интересы казны и право субъекта на законный выход из экономического пространства.

Отдельного упоминания заслуживает экспериментально-аналитическая составляющая деятельности судов в условиях цифровизации правосудия. Внедрение электронных систем взаимодействия с Единым государственным

регістром юридических лиц и индивидуальных предпринимателей позволило значительно ускорить обмен информацией о статусе ликвидируемых лиц. Это минимизирует риски совершения сделок с компаниями, находящимися в процессе прекращения деятельности, и усиливает прозрачность судебного контроля. Анализ статистических данных Верховного Суда Республики Беларусь показывает устойчивую тенденцию к росту числа дел, где суд активно вмешивается в процесс распределения конкурсной массы, пресекая необоснованные выплаты аффилированным лицам в ущерб сторонним кредиторам [3]. Это свидетельствует о том, что судебный контроль в Беларуси эволюционирует от пассивного документального подтверждения факта ликвидации к активному правовому мониторингу всей процедуры [6, с. 130].

Несмотря на прогрессивный характер обновленного законодательства об урегулировании неплатежеспособности, практическая реализация судебного контроля в Республике Беларусь сталкивается с рядом системных проблем, требующих доктринального осмысления и законодательной корректировки. Одной из наиболее острых проблем остается вопрос квалификации «доведения до банкротства» при рассмотрении исков о привлечении к субсидиарной ответственности. Существующая правовая неопределенность в разграничении обычного предпринимательского риска и умышленных виновных действий руководства зачастую приводит к противоречивой судебной практике. Экономические суды вынуждены оперировать оценочными категориями, что в условиях отсутствия четких методик финансово-экономической экспертизы затрудняет вынесение объективных решений. Для решения данной проблемы представляется необходимым внедрение на законодательном уровне четких критериев «делового суждения» (*business judgment rule*), которые позволят освобождать руководителей от ответственности, если их действия в момент принятия управленческого решения были направлены на интересы компании и основывались на разумном анализе ситуации, даже если в итоге они привели к убыткам.

Еще одним существенным барьером для эффективного судебного контроля является проблема «брошенных» субъектов хозяйствования, в отношении которых инициирована процедура ликвидации по решению регистрирующего органа, но фактически процесс не завершается из-за отсутствия ликвидатора или имущества для оплаты его услуг. В таких случаях экономический суд оказывается в ситуации правового вакуума, когда кредиторы лишены возможности взыскать долги, а государство не может окончательно исключить субъекта из регистра. Путь решения данной проблемы видится в создании специализированного государственного фонда или системы страхования ответственности ликвидаторов, что позволило бы судам назначать профессиональных управляющих даже в «безденежных» делах за счет средств фонда. Это обеспечило бы полноценную очистку Единого государственного регистра и соблюдение принципа неотвратимости ответственности за нарушение порядка прекращения деятельности.

Также следует отметить недостаточную степень цифровой интеграции судебных органов с банками и регистраторами недвижимости в режиме реального времени. На сегодняшний день судебный контроль часто носит ретроспективный характер: суд узнает о выводе активов уже после того, как сделки совершены и имущество перепродано добросовестным приобретателям. Совершенствование системы властных отношений в этой части требует внедрения алгоритмов автоматизированного уведомления экономического суда о совершении крупных сделок субъектом, находящимся в «предликвидационном» состоянии или имеющим признаки неплатежеспособности. Это позволит суду применять обеспечительные меры превентивно, не дожидаясь подачи формальных ходатайств от кредиторов, что значительно повысит эффективность защиты имущественных интересов всех участников процесса.

Проблема правового статуса ликвидатора в судебном процессе также требует уточнения. Зачастую ликвидатор выступает как номинальное лицо, не обладающее необходимой квалификацией или намеренно затягивающее процесс. Судебный контроль за его действиями осложнен тем, что суд не всегда обладает инструментарием для оперативной замены ликвидатора в досудебном порядке (при добровольной ликвидации). Расширение полномочий экономических судов по дисквалификации недобросовестных ликвидаторов и ведение единого реестра лиц, допустивших грубые нарушения, способствовало бы профессионализации рынка ликвидационных услуг. Реализация предложенных мер позволит трансформировать судебный контроль из инструмента формальной фиксации правонарушений в действенный механизм оздоровления национальной экономики и укрепления доверия к правовой системе Республики Беларусь.

Проведенное исследование специфики судебного контроля в сфере ликвидации субъектов хозяйствования позволяет сделать вывод о том, что данный институт в Республике Беларусь прошел масштабную трансформацию, превратившись из формального регистрационного акта в сложный многоуровневый механизм защиты правопорядка. В современной системе властных отношений экономические суды выступают ключевым стабилизирующим звеном, которое обеспечивает баланс между фискальными интересами государства, имущественными правами кредиторов и правомерными ожиданиями собственников бизнеса. Эволюция белорусского законодательства, ознаменованная принятием Закона «Об урегулировании неплатежеспособности», наглядно демонстрирует переход к социально-ориентированной модели правосудия, где ликвидация рассматривается не как самоцель, а как крайняя мера, реализуемая под строгим судебным надзором при невозможности восстановления экономической активности.

Важнейшим итогом анализа является подтверждение того факта, что эффективность судебного контроля напрямую коррелирует с качеством институционального взаимодействия. Судебная власть в лице экономических судов не только разрешает споры, но и выполняет функцию «правового филь-

тра», очищающего экономику от недобросовестных участников и одновременно защищающего добросовестных руководителей от необоснованного преследования. Выявленные в ходе работы проблемы – такие как неопределенность критериев субсидиарной ответственности, трудности с ликвидацией «брошенных» активов и необходимость цифровой интеграции – указывают на то, что потенциал развития судебного контроля еще далеко не исчерпан. Дальнейшее совершенствование системы властных отношений в этой сфере должно идти по пути расширения дискреционных полномочий судей в оценке бизнес-рисков и усиления превентивных механизмов контроля за сохранностью активов в предликвидационный период.

В конечном итоге специфика опыта Республики Беларусь заключается в сочетании жесткого государственного контроля за законностью прекращения бизнеса с гуманистическими началами, направленными на минимизацию социальных потрясений. Судебный контроль в сфере ликвидации является залогом того, что выход субъекта хозяйствования из гражданского оборота будет произведен цивилизованно, прозрачно и справедливо. Научное и практическое развитие рассмотренных в статье положений будет способствовать не только укреплению авторитета судебной власти, но и повышению инвестиционной привлекательности национальной экономики, гарантируя каждому участнику рынка защиту его прав на всех стадиях существования юридического лица. Сформулированные предложения по внедрению «правил делового суждения» и созданию гарантийных фондов для финансирования процедур ликвидации могут послужить основой для дальнейших законодательных инициатив, направленных на гармонизацию отношений внутри системы «государство-общество-бизнес».

Список литературы

1. Акименко К. В., Альфер С. А. Институт банкротства в хозяйственном праве Республики Беларусь и судебная практика в этой области // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2023. № 2. С. 39–45.
2. Кобец Ю. Десять лет работы судов, рассматривающих экономические дела, в системе судов общей юрисдикции // Судовы веснік. 2024. № 2. С. 22–25.
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2025 год // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html (дата обращения: 21.03.2026).
4. О практике рассмотрения экономическими судами дел об урегулировании неплатежеспособности (по материалам обзора) // Судовы веснік. 2025. № 1. С. 17–39.
5. Синкевич О. Компетенция, полномочия и задачи экономических судов Республики Беларусь при рассмотрении дел о несостоятельности или банкротстве // Судовы веснік. 2025. № 6. С. 60–63.
6. Скобелев В. П. Предпосылки и пределы использования электронного правосудия при рассмотрении судами Республики Беларусь гражданских и экономических дел // Проблемы цифровизации государственного управления: Республика Беларусь и зарубежный опыт : материалы Междунар. кругл. стола. Минск, 2022. С. 124–134.
7. Феофилова Т. Ю., Виноградова Е. В. Трансформация методики оценки банкротства организации // Экономика и управление: теория и практика. 2023. № 2. С. 76–83.
8. Шапковский А. В. Особенности возбуждения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. кругл. стола. Минск, 2022. С. 368–372.

УДК 364.075.71

Логвиненко А. Д., Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Аннотация. Проводится анализ системы государственной поддержки СОНКО в Республике Бурятия за период 2020–2025 гг. На основе анализа нормативных документов, статистических данных и реальных кейсов выявлены основные барьеры и предложены практические рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: Республика Бурятия, СОНКО, государственная поддержка, гранты, гражданское общество.

Logvinenko A. D., Moscow

PROBLEMS AND PROSPECTS OF STATE SUPPORT FOR SOCIALLY ORIENTED NGOS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. This article analyzes the system of state support for NPOs in the Republic of Buryatia for the period 2020–2025. Based on regulatory documents, statistical data, and real-world cases, the main barriers are identified and practical recommendations for overcoming them are proposed.

Keywords: Republic of Buryatia, NPOs, state support, grants, civil society.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается устойчивый тренд на расширение участия некоммерческого сектора в решении социальных задач. Республика Бурятия, относящаяся к числу регионов с высокой социальной нагрузкой и ограниченными бюджетными возможностями, рассматривает социально ориентированных НКО (СОНКО) как стратегический ресурс. Однако вопрос о том, насколько эффективно развивается система поддержки и какие практические проблемы остаются нерешенными, требует отдельного изучения.

Цель работы – проанализировать динамику государственной поддержки СОНКО в Бурятии за последние пять лет (2020–2025 гг.), выявить основные тенденции и барьеры на основе статистических данных и реальных кейсов из практики. Для этого использовались региональные нормативные акты, официальные статистические данные, отчеты о реализации государственных программ. В рамках исследования было проанализировано 17 обращений от СОНКО, поступивших в Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия в 2024–2025 гг. Такой подход позволил увидеть не только цифры, но и конкретные запросы, с которыми организации приходят за поддержкой.

За последние пять лет объемы государственной поддержки СОНКО в республике выросли многократно. Если в 2020 г. региональный конкурсный фонд составлял 7,5 млн руб., а поддержку получили 44 организации, то в 2025 г. объем финансирования достиг 56,7 млн. рублей. количество победителей конкурса увеличилось до 49 [2]. Средний размер гранта вырос примерно со 170 тыс. руб. в 2020 г. до более чем 1,1 млн руб. в 2025 г. [2].

С 2021 г., после создания ФОНДА президентских грантов, Бурятия ежегодно входит в число лидеров Дальневосточного федерального округа по объему привлеченных средств. В 2023 г. Бурятия входила в тройку лидеров Дальневосточного федерального округа по софинансированию региональных конкурсов поддержки некоммерческих организаций. В 2023 г. из Фонда президентских грантов на эти цели Бурятии было выделено 40 млн руб., а самый большой объем средств среди субъектов ДФО получил Якутия – 48 млн руб. По данным платформы «бурятия.гранты.рф» на 2025 г., Бурятия вошла в 30 (28-е место) регионов России в рейтинге поддержки некоммерческого сектора [1]. Планируется, что в 2025 г. республика получит дополнительно из Фонда президентских грантов для поддержки НКО более 47 млн руб. [2]. Кроме того, подведены итоги конкурса Фонда президентских грантов для НКО напрямую. Победителями стали 7 организаций Бурятии, которые реализуют социальные проекты на общую сумму 20,7 млн руб.

Количество зарегистрированных некоммерческих организаций также увеличилось: по данным Росстат по Республике Бурятия на конец 2022 г. зарегистрировано 527 НКО, на 2023 – 545, на конец 2024 г. 821 организация (включая религиозные организации) [8; 10]. По данным на 23 марта 2026 г., в Бурятии зарегистрировано 1220 некоммерческих организаций (НКО), в том числе 317 СОНКО [7].

Отдельно стоит отметить развитие социального предпринимательства. Если в 2020 г. в реестр социальных предприятий Республики Бурятия входило всего 9 субъектов МСП, то на начало 2025 г. количество таких предприятий возросло до 159. Этому способствовало введение с 2021 г. пониженных налоговых ставок (1 % налога с суммы дохода и 5 % – доходы минус расходы), которые в регионе сохраняются как одни из самых низких по России. За этот период государственная поддержка социальному бизнесу в виде налоговых льгот оказана на сумму 132,4 млн руб. Социальные предприятия могут получить гранты до 500 тыс. руб. от министерства промышленности, торговли и инвестиций Бурятии на развитие бизнеса. Гранты получили 56 социальных предприятий на общую сумму 26,5 млн руб. [3].

Однако количественные показатели не всегда отражают структурные изменения. По-прежнему более 65 % всех активно действующих СОНКО сосредоточены в столице республике – г. Улан-Удэ. В отдаленных районах – Муйском, Северо-Байкальском, Баунтовском – плотность некоммерческих организаций остается крайне низкой. Кроме того, переход конкурсных процедур в онлайн-формат, упрощая доступ для подготовленных участников, создает дополнительные барьеры для сельских активистов, что не раз отмечалось в обращениях в министерство.

Анализ официальных итогов конкурсного отбора 2025 г. демонстрирует, что их значимость определяется не столько объемом выделяемых денежных средств, сколько качественным содержанием одобренных инициатив. Они

показывают, что грантовая политика в регионе постепенно охватывает разные сферы и типы организаций.

Среди победителей есть как опытные НКО, давно работающие в республике, так и проекты-стартапы, что свидетельствует о некотором расширении круга получателей гос. поддержки. Самый крупный грант (более 8,1 млн руб.) получил Региональный общественный фонд инвалидов-колясочников «Общество без барьеров» на проект «Равное равным» [1]. Проект направлен на создание условий для интеграции в общество участников СВО из числа людей с инвалидностью с нарушениями опорно-двигательного аппарата, в том числе через наставничество и формирование инклюзивной культуры. Это пример системного проекта, который сочетает социальную поддержку и работу с новыми категориями граждан.

Еще один крупный проект – «Сообща» Регионального общественного движения «Сохранение культурного наследия» с грантом на 5,9 млн. рублей [1]. Его цель – вовлечение активной молодежи из сел и городов Республики Бурятия в создание социокультурных проектов, формирование устойчивых сообществ, объединенных идеей сохранения культурного наследия и развития локальной экономики. Необходимо обратить внимание, что проект ориентирован именно на малые города и села – это попытка снизить территориальную диспропорцию, которая была выявлена выше.

Интересен проект Региональной молодежной волонтерской общественной организации «Новая энергия» – «Историко-краеведческая тропа “Ноехон исторический: точка становления российско-китайской границы в XVIII веке”», который составляет 2,9 млн руб. [1]. Он сочетает туризм, патриотическое воспитание и работу с молодежью, что показывает разнообразие тем, выходящих за рамки традиционной социальной защиты.

В сфере реабилитации и инклюзии выделяется проект «Байкальские самоцветы – иппотерапия и адаптивная верховая езда для детей с ОВЗ» Региональной общественной организации «Детский оздоровительный центр иппотерапии и верховой езды» (2,3 млн. рублей) [9]. Иппотерапия помогает развивать двигательные, сенсорные, умственные способности детей, а также регулировать психоэмоциональное состояние. Это пример узкоспециализированной, но востребованной услуги, которую государственные учреждения часто не могут предоставить в должном объеме.

Поддержаны и более бюджетные инициативы. ТОС «Найдал» получил 736,4 тыс. рублей на проект «Жизнь в ринге: искусство победы» – популяризацию бокса среди детей и подростков через тренировочные процессы и спортивные мероприятия. Автономная некоммерческая организация профессионального образования «Топмастер» выиграла 495 тыс. рублей на проект «Выездной сервис-центр “Здоровые ногти”» – что вообще выходит за рамки традиционного представления о социально ориентированных НКО, но, как видно, отвечает критериям социального предпринимательства [1].

Опыт представленных кейсов показывает, что:

- грантовые средства распределяются между разными типами организаций (от ТОСов до профессиональных фондов);
- суммы варьируются от сотен тысяч до нескольких миллионов, что подтверждает тренд на укрупнение проектов, но при этом сохраняется возможность поддержки малых инициатив;
- тематика проектов постепенно расширяется: помимо классической социальной защиты, появляются краеведение, спорт, культурное наследие, инклюзивные сервисы.

Вместе с тем большинство победителей базируются в г. Улан-Удэ. Исключение – ТОС «Найдал» Кижингинского района Республики Бурятия, но в целом сельские территории представлены слабо. Это еще раз подтверждает вывод о сохраняющейся территориальной концентрации.

При проведении исследования было рассмотрено обращения СОНКО, полученные из архива Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия. Всего было проанализировано 17 обращений от организаций из г. Улан-Удэ и шести районов республики. Большинство касались не отсутствия поддержки как таковой, а сложностей с ее получением или несоответствия формальных мер реальным потребностям. Наиболее частые темы:

- Имущественная поддержка. Почти в трети обращений поднималась проблема льготной аренды помещений. Несмотря на наличие в законодательстве понижающий коэффициент 0,1, организации сообщали, что свободных муниципальных площадей, пригодных для их деятельности, либо нет, либо процедура получения аренды занимает более года. Одна из НКО, работающая с инвалидами в Улан-Удэ, указала, что вынуждена арендовать помещение на общих основаниях, так как их трех предложенных администрацией вариантов ни один не соответствовал требованиям доступной среды.

- Цифровой разрыв и сложность подачи заявок на получение мер государственной поддержки. В пяти обращениях из районов (Кабанский, Тункинский, Заиграевский, Закаменский) руководители жалуются на технические сложности при подаче заявок на гранты. Проблемы с интернетом, необходимость привлечения платных специалистов для заполнения электронных форм, частые отказы из-за формальных ошибок – все это снижает шансы сельских НКО на получение поддержки.

- Грантовая зависимость и отсутствие долгосрочного финансирования. В 6 из 17 обращений отмечается, что после завершения грантового проекта организации вынуждены приостанавливать деятельность, так как других источников дохода у них нет. особенно остро эта проблема стоит для НКО, оказывающих социальные услуги на постоянной основе (патронаж, помощь семьям с детьми). Авторы обращений предлагают внедрить практику долгосрочных контрактов на оказание услуг вместо краткосрочных грантов.

Комплексный анализ данных за 2020–2025 гг., материалов обращений СОНКО и конкретных кейсов победителей показывает, что при всех позитивных сдвигах сохраняется ряд системных барьеров:

- Есть доля организаций, не имеющая стабильные внебюджетные источники. Краткосрочный характер грантов не позволяет формировать постоянные команды и развивать долгосрочные программы.

- Более двух третей СОНКО базируются в г. Улан-Удэ. Переход на электронный документооборот при приеме заявок создает дополнительные трудности для сельских организаций, что подтверждается обращениями из районов. Даже в списке победителей 2025 г. проекты из сельских территорий единичны.

- При наличии федерального законодательства, позволяющего передавать социальные услуги НКО, на практике отраслевые ведомства ориентируются на государственные учреждения. Доля бюджетных ассигнований, распределяемых через конкурсы для НКО, не превышает 3–5 %.

На основе проведенного анализа сформулированы несколько предложений, которые могли бы повысить эффективность поддержки СОНКО в Бурятии:

- Создание муниципальных ресурсных центров или выездных школ в районах. Необходимо системно обучать сельских активистов подготовке заявок и финансовой отчетности. Опыт работы ресурсного центра в Улан-Удэ показывает, что такие программы востребованы, но их нужно масштабировать на муниципальный уровень.

- Инвентаризация муниципального имущества и создание «прозрачного» перечня помещений для льготной аренды. Рекомендуются провести аудит свободных площадей и обязать администрации публиковать информацию о помещениях, доступных для передачи НКО, с указанием сроков и условий.

- Упрощение отчетности для малых проектов. Для организаций с годовым бюджетом до 500 тыс. рублей можно ввести упрощенную финансовую отчетность, что снизит административную нагрузку и позволит сосредоточиться на содержании работы.

- Целевая поддержка социального предпринимательства в сельских районах. Учитывая успешный рост сектора социального предпринимательства, стоит распространить инструменты льготного налогообложения и грантовой поддержки на проекты, направленные на создание инфраструктуры для НКО в районах (коворкинг, центра досуга, службы доставки социальных услуг).

За период 2020–2025 гг. система государственной поддержки СОНКО в Республике Бурятия достигла положительных результатов: объемы финансирования выросли более чем в 7 раз, увеличилось количество активных организаций, Бурятия вошла в число лидеров ДФО по привлечению средств Фонда президентских грантов. Конкретные проекты 2025 г. демонстрируют, расширение области интересов и сферы активных НКО.

Однако анализ указывает на определенные системные проблемы: недоступность льготной аренды, сложность заявочных процедур для сельских активистов и грантовая зависимость.

Таким образом, при значительном росте финансирования система поддержки СОНКО в республике остается экстенсивной и не решает всех структурных проблем. Без перехода от краткосрочных грантов к долгосрочным контрактам, без адресной работы с муниципальными районами и реального обеспечения имущественной поддержки некоммерческий сектор не сможет стать устойчивым и полноценным партнером государства.

Список литературы

1. Более 47 млн рублей получит Республика Бурятия дополнительно из Фонда президентских грантов для поддержки НКО в 2025 году. URL: <https://xn--90aox7ec.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/news/484669db-2d5e-45ee-af08-1dcf4aa5da1a> (дата обращения: 15.03.2026)
2. Бурятия получит более 47 млн рублей дополнительно на поддержку НКО. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=187886 (дата обращения: 18.03.2026)
3. В Бурятии продолжает работу программа поддержки соцпредпринимателей. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=197050 (дата обращения: 18.03.2026)
4. Государственная программа Республики Бурятия «Развитие гражданского общества и поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Бурятия» : утв. Постановлением Правительства Респ. Бурятия от 30.05.2016 № 225 (ред. от 30.01.2024).
5. О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Бурятия : закон Республики Бурятия от 7 марта 2013 г. № 3171-IV.
6. Итоги Конкурса на предоставление субсидий в 2025 году социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность на территории Республики Бурятия // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия (дата обращения: 18.03.2026).
7. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/116> (дата обращения: 16.03.2026).
8. Социально-экономическое положение Республики Бурятия : стат. сб. Улан-Удэ : Бурятстат, 2024. 140 с.
9. Социальный проект «Байкальские самоцветы – иппотерапия и адаптивная верховая езда для детей с ОВЗ». URL: https://egov-buryatia.ru/op/press_center/news/detail.php?ID=189654 (дата обращения: 18.03.2026).
10. Статистический ежегодник по Республике Бурятия на 2025 год. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ege2025_11.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 336.027

Прудников В. В., *Нижний Новгород*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Показывается, что институт саморегулируемых организаций для российской экономики – явление новое. Его функционирование объясняется усложнением структуры экономики и необходимостью сдерживания роста бюрократического аппарата государственных органов власти. Проводится анализ научных позиций отечественных ученых относительно истории становления института саморегулируемых организаций в Российской Федерации.

Ключевые слова: саморегулируемые организации, Российская Федерация, институт, гражданское общество, история становления, развитие.

Prudnikov V. V., *Nizhny Novgorod*

HISTORY OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The institution of self-regulatory organizations is not a new phenomenon for the Russian economy. The need for such organizations stems from the increasing complexity of the economy and the need to curb the growth of government bureaucracy. This study analyzes the academic positions of Russian scholars regarding the development of self-regulatory organizations in the Russian Federation.

Keywords: self-regulatory organizations, Russian Federation, institution, civil society, history of formation, development.

В современной России саморегулируемые организации представляют собой вспомогательный относительно государства институт, позволяющий регулировать деятельность профессиональных сообществ на уровне их объединения. На сегодня российское законодательство предусматривает механизм вхождения тех или иных видов организаций в состав СРО как обязательное условие регистрации организации и ведения ею деятельности. Данный подход позволяет снизить нагрузку на государственные органы власти по линии контрольно-надзорной деятельности. Функционирование саморегулируемых организаций в России во многом выступает примером продуктивного взаимодействия государственных и частных институтов.

Прежде всего определимся, что мы понимаем под термином «саморегулируемая организация» и чем характеризуется такое явление, как саморегулирование.

По мнению Д. А. Поддубной, «основной идеей саморегулирования необходимо считать самостоятельную защиту интересов субъектов профессиональных сфер деятельности от излишнего вмешательства государства и его органов в профессиональную сферу деятельности того или иного сообщества» [1, с. 2].

А. Ф. Алгазина определяет саморегулирование как «управленческую деятельность, осуществляемую саморегулируемыми организациями и состоящую в разработке и установлении стандартов и правил осуществления профессиональной деятельности, а также санкций за их неисполнение или ненадлежащее исполнение» [1, с. 92].

Коллектив авторов в лице И. О. Гусейнова, Д. К. Мехтиева и Р. И. Цатуряна рассматривают институт саморегулируемых организаций «в качестве дополнительного или самостоятельного регулятивного института наряду с государственным регулированием определенных видов деятельности» [2, с. 3].

На основании представленных авторских позиций мы можем предложить упрощенное, отчасти тривиальное представление о саморегулируемых организациях. Саморегулирование – это управленческая деятельность, сводящаяся к разработке и установлению стандартов, правил и санкций в контексте осуществления профессиональной деятельности, направленная на самостоятельную защиту интересов субъектов профессиональных сфер деятельности, исключаящая или минимизирующая государственное вмешательство в соответствующую профессиональную сферу деятельности. В свою очередь, саморегулируемые организации – это устойчивая коллективная институция, функционально дополняющая государственные контрольно-надзорные органы и осуществляющая функции саморегулирования.

В сообществе отечественных ученых не сформировано единое мнение о точке отсчета саморегулируемых организаций в социально-правовом поле России. Одни исследователи отсылаются к пути институционального развития СРО и находят первые примеры саморегулируемых организаций в истории Древней Руси. Представители нормативного подхода указывают на 1994 г. как на год формального закрепления института СРО в России.

Так, Н. Н. Масюк и Д. Н. Маркин указывают на то, что первые саморегулируемые организации в России появилось лишь в конце XX в. В свою очередь в мировой практике в качестве первых СРО авторы вспоминают союзы булочников, ремесленников, швейников и других дельцов, существовавшие в Древнем Риме еще в VI в. до н. э. Эти первые СРО выступали таким продуктом римской демократии, которые позволяли ослабить государственный контроль за деятельностью профессиональных сообществ. Аналогичные функции авторы приписывают и более поздним системам гильдий и цехов в немецких городах XI–XII вв. В качестве еще одного примера авторы приводят Ост-Индскую торговую компанию, получившую от Елизаветы I не только монопольное право на торговлю в Индии, но и некоторые государственные полномочия: чеканка монеты, создание и управление войсками и проч. При этом в качестве прототипа СРО в современном их понимании авторы рассматривают Нью-Йоркскую фондовую биржу образца 1792 г., поскольку 24 брокера подписали соглашения о едином размере комиссий при торговле на бирже. [4, с. 106] Иными словами, по мнению Н. Н. Масюка и Д. Н. Маркина, примерно 2600 лет западная цивилизация развивала институт СРО, а Россия нашла возможным позаимствовать его только в конце XX в. в ноябре 1994 г. Президент РФ подписал указ «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации», текстом которого предусматривалось создание Федеральной комиссии по ценным бу-

магам, осуществлявшей регулирование деятельности участников финансового рынка и представлявшей собой прообраз современных нам СРО, зарегулированных только нормами ФЗ-315 «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007.

Подобным образом рассуждает и И. Г. Морозова, допускающая первые признаки саморегулирования в Российской империи во второй половине XIX в., но определяющая в качестве первого периода становления СРО в конце 80-х гг. – первой трети 90-х гг. XX в., который, в свою очередь, характеризуется полным отсутствием нормативно-правовой базы и наличием только идеи альтернативного государственному контролю формата регулирования профессиональных сообществ, который вплоть до развала СССР не признавало руководство страны. [5, с. 15]

На наш же взгляд, в качестве примера саморегулирования в истории России можно рассматривать деятельность первых русских купцов IX–X вв. Как справедливо замечает В. В. Помазанов, «понятие купца в древности уже изначально предполагало обязательную необходимость состоять в некой общности, гильдии и прочих формах купеческих объединений» [12, с. 44]. Мы полагаем, что факт формального закрепления купеческих гильдий только в 1721 г. не отменяет того пути, который проделал формат саморегулирования их деятельности от простых устных договоренностей о консолидированной ценовой политике до градиворанной гильдейской системы со своеобразными условиями членства (принадлежности гильдии), гильдейскими сборами, коллективными правами на ведение зарубежной торговли и проч. [3]

Не менее показательным свидетельством саморегулирования в Древней Руси надлежит считать существование ремесленных слобод – поселений или частей города, заселенных представителями определенной ремесленной специализации, для которых городские правители Руси нередко определяли льготные форматы налогообложения; если же ремесленник не состоял в ремесленной слободе, то он не мог рассчитывать на освобождение от налогов. Ввиду общности быта и территориального единства, слободские ремесленники самостоятельно договаривались между собой по тем или иным производственным, финансовым и организационным вопросам. Можно сказать, что такая форма самоорганизации, как ремесленная слобода, пошла дальше современных нам СРО – члены саморегулируемых организаций не только взаимодействовали между собой по признаку специализации, но и делили быт, хотя, конечно, до приемлемого по современным меркам уровня организации такой деятельности тогда слободским ремесленникам было еще далеко [12, с. 46].

По мнению же Т. М. Тимошина, в качестве первой, близкой современным СРО по существу, саморегулируемой организации надлежит рассматривать объединение страховщиков 1875 г. тогда 8 страховых компаний подписали Конвенцию общего страхового тарифа, после чего стали активно бороться с теми страховщиками, которые к ним не присоединились. Аналогичным образом был создан Союз рельсовых фабрикантов в 1882 г. сроком на 5 лет [4, с. 112].

Едины, впрочем, исследователи во мнении, что в период СССР имела место определенная просадка тренда развития форм саморегулирования, хотя до некоторой степени в качестве СРО можно признать тресты и синдикаты, объединявшие тресты. Тресты объединяли хозяйственные субъекты по отраслевому признаку и полностью ограничивали их возможности в части ценовой, организационной и производственной политики. Более того, участники треста теряли даже юридическую самостоятельность. Можно сказать, что тресты в Советском Союзе представляли собой тоталитарную версию саморегулируемых организаций. При этом синдикаты вполне себе отвечают критериям понятия СРО; основаны они были на формально добровольном участии в них трестов, сохранявших, в случае такого участия, производственную самостоятельность, но подчинявшихся при этом правилам закупки сырья, сбыта продукции, кредитования и проч.

Говоря о современной истории развития института саморегулируемых организаций, авторы, как уже было отмечено, сходятся на единой «точке входа» – 1994 г. Наиболее точную, на наш взгляд, периодику развития СРО в современной России предлагают Н. Н. Масюк и Д. Н. Маркин. Авторы обозначают в качестве первого этапа становления СРО период 1994–2002 гг. В эти годы происходит, по сути, зарождение нормативной базы СРО – впервые в истории России соответствующие организации их деятельность находят свое отражение в федеральном законодательстве [4, с. 122]. Напомним, что в ноябре 1994 г. Президент РФ подписал указ «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации» № 2063, предусматривающий создание Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку, наделенной полномочиями принимать обязательные для органов власти, так и для участников финансового рынка НПА, направленные на его регулирование [8]. Развитие данной институции в последствии привело к учреждению Банка России в качестве отечественного метарегулятора. Авторы отмечают, что текстом указа Президента косвенно допускалось создание СРО, но порядок их создания и параметры деятельности еще не были заданы.

В свою очередь, 22 апреля 1996 г. принимается Федеральный закон «О рынке ценных бумаг», вслед за которым появляется и первые полноценные саморегулируемые организации под названием «Национальная ассоциация участников фондового рынка» (НАУФОР) и «Профессиональная ассоциация регистраторов, трансфер-агентов и депозитариев» (ПАРТАД), функционирующие до сих пор. Иными словами, финансовый рынок является сектором-первопроходцем в части регулирования деятельности СРО в России. В качестве окончания первого этапа становления СРО в современной России авторы указывают на принятие Федерального закона от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, нормами которого предусматривалось назначение арбитражных управляющих и контроль за их деятельностью, осуществляемые саморегулируемыми организациями [4, с. 125].

Второй этап развития института СРО в современной России начался в 2003 г. и продолжается до сих пор. Данный период во многом характеризуется полноценным внедрением СРО в организационно-правовое поле страны. Главное – 1 декабря 2007 г. принимается федеральный закон № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», вносящий дефинитивную и функциональную ясность относительно деятельности саморегулируемых организаций в России, определяющий права и обязанности СРО, порядок контроля их деятельности, формирования имущества и проч. [10]. К 2011 г. работа саморегулируемых организаций охватывала порядка 20 видов предпринимательской деятельности [6].

В декабре 2015 г. Правительством РФ была утверждена Концепция совершенствования механизмов саморегулирования. В соответствии с текстом распоряжения, одной из ключевых целей Концепций является «упразднение избыточных и дублирующих функций, осуществляемых органами исполнительной власти», что предполагает «передачу ряда государственных функций саморегулируемым организациям». [7] Таким образом, декларируется вспомогательная относительно органов государственной власти функция СРО. Кроме того, СРО являются инструментом реализации административной реформы, предполагающей децентрализацию полномочий органов власти в пользу гражданских институтов. Следовательно, развитие СРО выступает еще и вестником демократических преобразований.

В свою очередь, концепция, на момент ее принятия, предполагала реализацию 3 этапов развития института СРО:

1. 2016 г. принятие общегосударственной модели саморегулирования и осуществление эффективного контроля за данным процессом.
2. В период 2017–2018 гг. планировалось обеспечить эффективное функционирование трехуровневой модели СРО и развитие саморегулирования.
3. В 2019–2020 гг. концепцией предполагалось сближение моделей обязательного и добровольного саморегулирования и делегирования полномочий в пользу СРО [7].

На наш взгляд, представленные в Концепции цели во многом достигнуты – на сегодня вступление в СРО выступает обязательным условием регистрации для многих организаций, что в особенности актуально для сферы финансов. Произведенный анализ позволяет нам заключить о том, что институт саморегулирования в России имеет не менее длительную историю развития и становления, нежели СРО многих стран Запада. При этом формальная история рассматриваемой институции для России только начинается. Перспективы ее очевидны, а контуры ее функциональной значимости прорисовываются с каждым годом все отчетливее.

Список литературы

1. Алгазина А. Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-samoregulirovaniya-v-rossii/viewer> (дата обращения: 12.03.2026).

2. Гусейнов И. О., Мехтиев Д. К., Цатурян Р. И. Законодательные основы правового регулирования саморегулируемых организаций: история и современность // Киберленинка . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnye-osnovy-pravovogo-regulirovaniya-samoreguliruemymh-organizatsiy-istoriya-i-sovremennost/viewer> (дата обращения: 12.03.2026).
3. Купеческая гильдия // ВикиЗнание. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Купеческая_гильдия (дата обращения: 12.03.2026).
4. Масюк, Н. Н. Предпринимательство в России: состояние, пути развития и саморегулирование: практикум : учеб. пособие. Владивосток : ВВГУ, 2018. 164 с. // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/161452> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Морозова, И. Г. Саморегулируемые организации в предпринимательской деятельности : учеб. пособие. М. : МосГУ, 2020. 172 с. // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/403088> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции : распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115467/ (дата обращения: 12.03.2026).
7. О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования : распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192057/ (дата обращения: 12.03.2026).
8. О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации : указ Президента РФ от 04.11.1994 № 2063 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4866/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 12.03.2026).
9. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 12.03.2026).
10. О саморегулируемых организациях : федер. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 12.03.2026).
11. Поддубная Д. А. История возникновения и будущее саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-budushee-samoreguliruemymh-organizatsiy-v-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 12.03.2026).
12. Помазанов В. В. О развитии саморегулирования промышленности в России // Компетентность/Competency (Russia). 2011. № 4–5. С. 42–47 // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/293156> (дата обращения: 11.03.2026).

УДК 347.736+352.07+338.24+316.334

Силивеев И. М., *Иркутск*

ФЕНОМЕН «СЕРОГО НОСОРОГА» В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ПРЕДПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ЖКХ

Аннотация. Рассматриваются правовые и организационные вопросы управления муниципальными унитарными предприятиями, находящимися в состоянии управленческого кризиса. Изучается феномен «серого носорога», описанный М. Вукер и определяющий состояние, при котором возникновение кризиса очевидно, однако оно рационально игнорируется. Дается анализ влияния данного явления и система мер, направленных на антикризисное управление такой ситуацией.

Ключевые слова: муниципальное унитарное предприятие, ЖКХ, «серый носорог», кризис, лицо принимающее решение, риск, цикл кризиса, банкротство, антикризисное управление.

Siliveev I. M., *Irkutsk*

THE PHENOMENON OF THE “GRAY RHINO” IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF MUNICIPAL ENTERPRISES: INSTITUTIONAL CAUSES OF THE CRISIS OF ENTERPRISES IN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SECTOR

Abstract. The article is devoted to the legal and organizational issues of management of municipal unitary enterprises in a state of managerial crisis. The phenomenon of the «gray rhino» described by M. Wooker is being studied, which determines the state in which the occurrence of a crisis is obvious, but it is rationally ignored. The article provides an analysis of the impact of this phenomenon and a system of measures aimed at crisis management in such a situation.

Keywords: municipal unitary enterprise, housing and communal services, gray rhino, crisis, decision maker, risk, crisis cycle, bankruptcy, crisis management.

Системные кризисы предприятия в современном мире как правило возникают в связи с совокупностью различных причин. При этом такие причины могут иметь различную этимологию

В 2013 г. американский аналитик М. Вукер ввела в управленческий оборот понятие «серый носорог» [2], которое стало противовесом уже устоявшемуся явлению «черного лебедя», предложенному Н. Талебом. Если «черный лебедь» – это непредвиденное, невероятное событие, потрясающее своей неожиданностью и вызывающее таким образом кризис, то серый носорог – угроза прямо противоположного рода. Она очевидна, известна, велика с точки зрения влияния на происходящие процессы, но при этом рационально игнорируется. Эта проблема стоит прямо перед наблюдателем, ее осознают все, но никто не предпринимает каких-либо действий по ее преодолению.

Проанализируем, как феномен серого носорога воспроизводится в системе управления муниципальными унитарными предприятиями жилищно-коммунального хозяйства – и почему банкротства этих предприятий, происходящие десятилетиями, по-прежнему остаются институционально неизбежными.

Правовую основу создания и деятельности муниципальных унитарных предприятий составляют ст. 113–114 ГК РФ и Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ. Муниципальное унитарное предприятие создается там, куда рыночные механизмы не приходят: в сферах теплоснабжения, водоснабжения, вывоза отходов на территориях с низкой инвестиционной привлекательностью.

Публичные цели создания МУПа в сфере ЖКХ очевидны. Это потребность в непрерывности жизнеобеспечения населенных пунктов вне зависимости от экономической конъюнктуры; доступность услуг для населения, включая экономически депрессивные территории; управление инфраструктурой в условиях естественной монополии, где частный инвестор не может появиться.

Эти цели задают конструктивный парадокс: предприятие обязано работать при любых условиях – но его экономическая модель изначально не рассчитана на безубыточность. Именно здесь возникает первичный эффект «серого носорога» – тарифный разрыв. Регулируемый тариф систематически не покрывает экономически обоснованные затраты. Этот разрыв известен всем участникам деятельности МУП. И тем не менее никто не устраняет его системно в силу изначально возникающего экономического парадокса запрограммированной неэффективности.

Принципиально важна правовая природа МУП, которая сама по себе формирует почву для возникновения эффекта игнорирования угроз. Предприятие не является собственником имущества, а его учредители не являются участниками, при этом руководитель не является собственником. Эта тройственная депривация права собственности («triple non-ownership problem») лишает всех участников управленческого процесса реального экономического интереса в долгосрочной эффективности предприятия. В отличие от акционерных обществ, где деятельность исполнительной дирекции подконтрольна совету директоров и общему собранию акционеров, директор МУП действует практически бесконтрольно [4]. А бесконтрольный субъект, не имеющий права собственности – идеальный носитель поведения «серого носорога»: угроза известна, но персонально нерелевантна.

Проблема в рамках феномена «серого носорога» характеризуется тем, что она не скрыта, а вполне осязаема всеми участниками отношений. Статистика несостоятельности МУП – это публичные, общеизвестные данные. По данным на начало 2019 г., от 20 до 50 % государственных и муниципальных унитарных предприятий являлись убыточными – сотни предприятий только в сфере ЖКХ. К моменту введения реформы унитарных предприятий (Закон № 485-ФЗ) 878 унитарных предприятий уже были ликвидированы, 479 – реорганизованы, в отношении 470 – внесены иные изменения. В первом полугодии 2025 г. число возбужденных процедур банкротства юридических лиц составило 8570 – рост на 13,9 % к аналогичному периоду 2024 г. (по данным ЕФРСБ). Износ инфраструктуры ЖКХ в среднем по России достиг 43,2 % –

структурная предпосылка убыточности, известная десятилетиями. По 54,7 % дел о банкротстве юридических лиц кредиторы не получают ничего – предприятия к моменту процедуры полностью исчерпаны. Тенденция к росту числа банкротств юридических лиц неуклонна – на это прямо указывает и статистика арбитражных судов [1]. Таким образом проблема известна, они исчислима, но не решается в управленческой практике.

Характерно, что инициаторами банкротств МУП ЖКХ, как правило, выступают ресурсоснабжающие организации и ИФНС, т. е. внешние кредиторы, а не сами предприятия. Это означает: руководство и муниципальный собственник не обращаются в суд до момента, когда спасение уже невозможно.

Проблему «серого носорога» в деятельности МУП ЖКХ нельзя считать ошибкой в диагностике проблем. Это ошибка реагирования при наличии достоверной и исчерпывающей информации. Все участники управленческого процесса – директор МУП, органы местного самоуправления, тарифный регулятор – видят признаки кризиса. Все фиксируют тарифный разрыв, рост задолженности, износ фондов. Но никто не предпринимает системных мер, поскольку каждый рационально оценивает угрозу как чужую: выходящую за пределы его горизонта ответственности с учетом необходимости изыскания средств на ее решение.

Ключевой механизм воспроизводства проблемы «серого носорога» – темпоральное ограничение лица, принимающего решение. Лицо принимающее решение осознает кризисные явления лишь в пределах горизонта своей работы или активной профессиональной деятельности. За этим горизонтом угроза субъективно нерелевантна и не отражается на деятельности руководителя МУП. В таком случае управленческие аспекты реагирования на угрозы различны. Их мы представили в таблице.

Таблица

Типология поведения ЛПР перед носорогом

Тип реакции	Характеристика действий лица, принимающего решение	Результат
Активное отрицание	Не видит кризисных явлений	Накопление проблем без реагирования
Пассивное признание («серый носорог»)	Видит угрозу, считает ее нерелевантной своему горизонту	Откладывание решений «на следующего»
Имитация реагирования	Формально предпринимает меры, не меняя модели	Создание видимости управления
Активное антикризисное управление	Принимает структурные решения	Выход из кризисной зоны

Применительно к МУП ЖКХ третий и четвертый типы реакции (принятие формальных мер и принятие структурных решений) практически не встречаются, уступая место либо не обращению внимания на кризисные решения, либо не реагирование на угрозу из-за отсутствия осознания горизонта релевантности. При этом доминирует второй тип – «пассивное признание»,

когда руководитель видит проблему, понимает, что она надвигается и передает его преемнику.

В таком случае цикл накопления кризиса выглядит следующим образом. Каждая смена лица, принимающего решение не останавливает носорога, а лишь добавляет ему инерцию. Механизм следующий: возникновение тарифного разрыва ведет к накоплению убытков, которые в свою очередь приводят к росту кредиторской задолженности, кассовым разрывам, задержкам зарплат, неуплате налогов, социальной напряженности, что в конечном итоге приводит к инициированию банкротства и, наконец, к социальному коллапсу.

Каждый элемент этой цепи хорошо известен предшествующему руководителю, который уступает место следующему. Следующий же глава МУП принимает уже накопленный кризис проблем, но также считает, что его управленческий горизонт краткосрочен. В результате негативные явления накапливаются итерационно, как осадочные слои, и предприятие достигает «дна» спустя годы или в лучшем случае десятилетия.

Специфика МУП ЖКХ: заключается в том, что тарифный разрыв не может быть устранен самим предприятием. Тарифное регулирование – прерогатива внешнего регулятора. Директор, осознающий разрыв, структурно лишен инструмента его ликвидации в оперативном плане, таким образом проблема оказывается неизбежной из-за природы самой проблемы.

Основной причиной возникновения «серого носорога» в МУП ЖКХ в институциональном бездействии. На уровне директора МУП ЖКХ его причиной является темпоральный сбой. Горизонт трудового договора директора МУП ЖКХ как правило составляет 1–3 года. Инвестиции в тарифное обоснование, реструктуризацию долга, обновление фондов дадут эффект за пределами этого горизонта. В таком случае, рациональный руководитель в такой системе не инвестирует в долгосрочное планирование, а старается не допустить коллапса только в рамках предела собственных полномочий.

Второй причиной является политическая зависимость. Директор назначается и отзывается главой муниципального образования. Жесткие меры по взысканию дебиторской задолженности, отключение неплательщиков, сокращение персонала – все это «социально чувствительные» действия, блокируемые на неформальном уровне на которые муниципальная власть идти не хочет. Директор, который видит проблему «серого носорога», не может действовать против него политически и рационально выбирает пассивное признание проблемы без его реального противодействия.

Стоит отметить также и дефицит компетенций. Критерии профессионального соответствия при назначении директора МУП, как правило, формально не закреплены либо не применяются. Следствием этого является назначение лиц не обладающих компетенций в области финансового анализа, тарифного регулирования и антикризисного менеджмента. Зачастую проблему «серого носорога» не видят не потому, что не хотят, а потому что не

умеют ее диагностировать и правильно осознавать уровень грядущих последствий.

Наконец, стоит отметить отсутствие экономических стимулов. «Значительным недостатком управления государственными унитарными предприятиями является ориентация органов управления на административные методы воздействия. Почти полное отсутствие экономических стимулов повышения результативности финансовой и хозяйственной деятельности не ориентирует и не стимулирует руководителей этих организаций к улучшению своих экономических показателей» [4]. Административное давление и экономическая мотивация являются взаимоисключающими стимулами в условиях МУП ЖКХ.

Необходимо констатировать также, что имеет место и неиспользование законных инструментов оптимизации. МУП ЖКХ, как правило, не применяет в своей деятельности эффективные амортизационные политики, инвестиционные налоговые вычеты, аутсорсинг непрофильных функций, не использует лизинговые схемы вместо операционной аренды. Лизинг обеспечивает переход права собственности на актив, вычет НДС с лизинговых платежей, ускоренную амортизацию с коэффициентом до 3. Но предприятие, живущее в режиме кассового выживания, не имеет горизонта для инвестиционного мышления, что непосредственно связано с темпоральным ограничением руководителя.

На уровне муниципалитета как собственника имеет место моральный риск ограниченной ответственности. Собственник несет субсидиарную ответственность лишь при недостаточности имущества МУП для расчетов с кредиторами в соответствии со статьей 7 Закона № 161-ФЗ [9]. Ограниченная ответственность порождает классический моральный риск. У муниципалитета нет финансового стимула предотвращать банкротство, поскольку его потери при банкротстве ограничены.

В таком случае может наблюдаться двойственность управленческого решения. Формально заявление о банкротстве подает директор, а фактически это решение принадлежит муниципальному органу. Директор не может действовать самостоятельно, а муниципалитет не хочет действовать политически, так как это породит негативную реакцию как у населения, так и у вышестоящих органов государственной власти.

Проблему ухудшает факт проведения формального аудита без последствий. Статья 26 Закона № 161-ФЗ обязывает МУП ежегодно проходить аудиторскую проверку [9]. Аудиторское заключение фиксирует убытки, рост кредиторской задолженности, признаки банкротства, но собственник формально «принимает к сведению» данную информацию и не предпринимает ничего. Аудит превращается в ритуальное описание проблемы без каких-либо обязывающих последствий.

Наиболее сложной проблемой является отсутствие стратегического планирования в деятельности органов местного самоуправления. Муниципалитеты, как правило, не формируют полноценных программ деятельности МУП ЖКХ, не устанавливают измеримых показателей успешности деятельности, не реагируют своевременно на ухудшение показателей. Постановления Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 [12], № 739 [11] и от 15.08.2024 № 1090 [7] предусматривают системы стратегического управления – но на муниципальном уровне они практически не внедряются.

Возникновение таких проблем в рамках деятельности МУП ЖКХ порождают три уровня внутриорганизационного конфликта. Возникновение проблемы и ее развитие оставляет след в социальной ткани предприятия задолго до юридической фазы банкротства. Кризис разворачивается на трех уровнях отношений:

Во-первых, на уровне производственных отношений: конфликт учредителя и директора по вопросам тарифной политики приводит к потере директором реальных полномочий и соответственно к утрате мотивации к антикризисным действиям.

Во-вторых, формальные отношения в процессе производства проявляются в отсутствии координации деятельности структурных подразделений, росту управленческих издержек и как следствие нарушению технологических процессов и росту аварийности.

В-третьих, эмоционально-психологические отношения вне производства, связанных с задержками заработной платы, наличии страха сокращений у работников, возникновения слухи о банкротстве, социальной напряженности, которая замыкает цикл деградации экономической модели МУП ЖКХ.

Данные опросов менеджеров предприятий подтверждают: в 83 % случаев поводом для диагностики служат уже возникшие кризисные явления, а не превентивный мониторинг [13]. Поведение «серого носорога» воспроизводится и на социальном уровне: конфликт виден, его развитие предсказуемо, однако реагирование откладывается. Внешние ограничители реагирования в случае возникновения таких проблем у МУП: политика государства в экономике (27 % случаев), недостаток средств для реализации решений (18 %), политическая и экономическая нестабильность (16 %) [13]. В случае МУП ЖКХ все три фактора могут действовать одновременно.

Результатом проблем, в МУП ЖКХ становится банкротство как институциональная неизбежность. При этом банкротство – это не событие, а финальная точка цикла. Как правильно пишет М. А. Асул «Банкротство является крайней формой кризисного состояния, когда предприятие не может оплатить кредиторскую задолженность и восстановить платежеспособность за счет собственных источников дохода. До начала процедуры банкротства предприятие способно восстановить платежеспособность за счет собственных ресурсов. После начала процедуры это уже невозможно: предприятие либо ликвидируется, либо финансируется из других источников» [1].

Это определение, на наш взгляд, устанавливает точку невозврата. Применительно к МУП ЖКХ она наступает не внезапно, а предсказуемо, по расписанию, известному всем. Фактически цикл возникновения критических последствий переживает цикл, содержащий пять фаз.

Первая фаза (скрытая (предкризисная) возникает тогда, когда тарифный разрыв возникает и фиксируется руководителем МУП, но воспринимается как управляемая, отложенная проблема. Вторая фаза (накопление) предполагает смену руководителя сохранении проблемы. Каждый руководитель передает накопленный разрыв, долговую нагрузку и износ фондов преемнику. Аудиторские заключения фиксируют ухудшение, но собственник принимает их к сведению без должного реагирования. Третья фаза (острого кризиса) наблюдается тогда, когда возникли кассовые разрывы, которые становятся структурными, что порождает задержку зарплат, невыплату налогов, социальную напряженность, нарастание аварийности, возникновение угроз чрезвычайных ситуаций. Четвертая фаза (юридическая) возникает тогда, когда налоговые органы или ресурсоснабжающие организации инициируют процедуру банкротства по Закону № 127-ФЗ [10] и иных нормативных правовых актов о субъектах естественных монополий. Наконец заключительная, пятая фаза (социального коллапса) возникает тогда, когда появляется угроза прекращения теплоснабжения или водоснабжения, что приводит к политическому кризису местной власти, внешнему вмешательству.

В конкурсном производстве, по мнению М. А. Асула [1], возможны два сценария:

Первый сценарий связан с продажей предприятия как единого бизнес-комплекса. В таком случае сохраняет производство, удовлетворяются интересы работников, кредиторов и местной администрации. Но такой вариант реализуем только при наличии профессионального антикризисного управляющего и при условии, что предприятие еще функционирует на момент открытия процедуры и может приносить финансовый результат.

Второй сценарий – ликвидационный, предполагает распродажу имущества по частям, но требует специальных компетенций, связанных с невозможностью продажи основных фондов, связанные с оказанием услуг теплоснабжения и водоснабжения населения.

На практике как правило реализуется второй сценарий, поскольку к моменту возбуждения банкротства МУП ЖКХ уже, как правило, прекратил производственную деятельность.

Причина этого в уже описанном механизме: «обещания руководства выйти из кризиса зачастую находят понимание и поддержку в силу негативного отношения к процедуре банкротства. Полученная отсрочка не всегда используется по назначению... Процедура банкротства возбуждается только тогда, когда организация не в состоянии осуществлять свою профильную деятельность» [1].

Важно подчеркнуть и возникающий процедурный тупик [6]. На каждом этапе банкротства МУП ЖКХ действуют ограничения, сужающие, а не расширяющие возможности управления. При наблюдении – это запрет сделок свыше 5 % активов без согласования временного управляющего. При внешнем управлении – директор полностью теряет полномочия. В итоге «предприятие не может восстановить свою платежеспособность, и продолжение его деятельности представляется невозможным и нецелесообразным» [6].

Отдельно следует учитывать, что «поточное» банкротство предприятий «успело стать доходным бизнесом» [6]. Применительно к МУП ЖКХ это означает риск использования процедуры не для защиты кредиторов, а для вывода оставшихся инфраструктурных активов, что приводит к катастрофическим последствиям для населения.

Полагаем в случае возникновения описанной проблемы возможна превентивная система реагирования. Ее можно сформировать на трех уровнях.

Законодательный уровень предполагает обязательный антикризисный мониторинг с автоматическими триггерами. В таком случае следует ввести в законодательстве пороговые показатели (тарифный разрыв $> X\%$, коэффициент покрытия долга $< Y$, уровень аварийности $> Z$), при достижении которых учредитель обязан принять меры финансового оздоровления – по аналогии с системой раннего предупреждения в банковском регулировании.

Вторым уровнем является расширение субсидиарной ответственности собственника. При доказанном бездействии муниципалитета (систематическое неутверждение экономически обоснованного тарифа, игнорирование аудиторских заключений) должна наступать субсидиарная ответственность безотносительно к достаточности имущества МУП.

Наконец, необходима обязательная досудебная процедура финансового оздоровления МУП ЖКХ жизнеобеспечения с привлечением независимого антикризисного управляющего на стадии диагностики. Инициирование банкротства должно осуществляться на ранних стадиях, пока возможна продажа предприятия как бизнеса, а не распродажа остатков [6].

В муниципалитетах должна быть разработана стратегическая программа развития с измеримыми показателями на горизонт не менее 5 лет, распространяемая на МУП ЖКХ, с тем чтобы горизонт планирования институционально превышал горизонт ответственности любого конкретного руководителя. В таком случае удастся избежать основной причины «серого носорога» – игнорирование информации о проблеме потому, что это выходит за горизонт ответственности.

Важен и институциональный уровень. Должен существовать КРП-контракт с директором, в рамках которого вознаграждение и сохранение должности допускается только при достижении установленных финансово-экономических и социальных показателей. Горизонт контракта должен быть не менее 3–5 лет. Это прямой инструмент противодействия темпоральному

сбою руководителя МУП ЖКХ. Директор обретает личный экономический интерес в долгосрочной эффективности.

В таком случае необходимо встроить аудит в механизм антикризисного реагирования. Аудиторское заключение с признаками кризиса должно стать обязательным для рассмотрения на заседании органа местного самоуправления с принятием обязывающего решения и публичным отчетом об исполнении.

Целесообразно добиваться создания муниципальных советов директоров с независимыми профессионалами для МУП ЖКХ, которые должны реорганизовываться в общество с ограниченной ответственностью, или акционерное общество, что допускается законодательством [8]. Реорганизация сама по себе не меняет управленческой культуры, но создает организационную форму, в которую можно встроить корпоративный контроль.

Важно отметить также и социальную диагностику как обязательный компонент мониторинга. Уровень удовлетворенности персонала, частота и характер внутриорганизационных конфликтов, динамика текучести кадров в МУП ЖКХ являются реальными показателями кризиса. Деградация межличностных отношений предшествует финансовому коллапсу и является его системным предвестником [1].

На кадровом уровне следует повысить квалификационные требования к директорам МУП ЖКХ по аналогии с требованиями к арбитражным управляющим (ст. 20 Закона № 127-ФЗ [10]). К числу требований стоит отнести профильное профессиональное образование, стаж управленческой работы не менее 3 лет, отсутствие дисквалификаций. Также стоит ввести и обязательное периодическое обучение по программам антикризисного управления, финансового анализа, тарифного регулирования с обязательным включением поведенческих аспектов принятия решений в условиях кризиса и концепции управления кризисами. Стоит ввести профессиональный стандарт «руководитель МУП жизнеобеспечения» с обязательной периодической аттестацией руководителей МУП ЖКХ в соответствии с ним.

Таким образом, кризис МУП ЖКХ – не рыночный провал и не случайность. Это «серый носорог», встроенный в саму архитектуру системы. Тройственная депривация права собственности устраняет у всех участников экономический интерес в долгосрочной эффективности. Темпоральное ограничение руководства превращает каждую смену руководства в передачу накопленного кризиса следующему. Ограниченная субсидиарная ответственность собственника исключает у него стимул предотвращать банкротство. Формальный аудит без обязывающих последствий превращает диагностику проблем в ритуал.

Реформа унитарных предприятий (Закон № 485-ФЗ [8]) устраняет конкурентные искажения, но не меняет управленческой культуры и не создает механизмов расширения горизонта планирования руководства МУП ЖКХ. В созданных ООО и АО с единственным муниципальным участником проблема воспроизводится в прежнем объеме, если не изменить механизм стимулирования работы руководителя, системы выявления и предотвращения проблем.

Список литературы

1. Асаул М. А. Социальные аспекты банкротства // Экономическое возрождение России. 2006. № 3. С. 17–24.
2. Вукер М. Серый носорог. Как распознать очевидную угрозу и действовать на опережение. Нью-Йорк : St. Martin's Press, 2016. (Оригинал: Wucker M. The Grey Rhino: How to Recognize and Act on the Obvious Dangers We Ignore. New York : St. Martin's Press, 2016. 306 p.)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Грицун Д. М., Даниловских Т. Е. Исследование финансовых проблем унитарных предприятий водоснабжения и водоотведения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7. С. 265–268.
5. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве : офиц. сайт . URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Еремин Е. И. Особенности банкротства унитарных предприятий // Экономика и социум. 2018. № 2(45). С. 191–193.
7. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в целях повышения эффективности управления акционерными обществами, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, и федеральными государственными унитарными предприятиями : постановление Правительства РФ от 15.08.2024 № 1090 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408160026> (дата обращения: 04.04.2026).
8. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции» : федер. закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (ч. 1). Ст. 7830.
9. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.
10. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
11. О полномочиях федеральных органов исполнительной власти по осуществлению прав собственника имущества федерального государственного унитарного предприятия : постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 739 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 5074.
12. Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции») : постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 5073.
13. Примаков А. М., Зубкова В. И. Диагностика кризиса на предприятии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-krizisa-na-predpriyatii> (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 658.7

Яновский Д. В., Бахарев В. В., *Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МАЛЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ООО «ПРОМОМЕБЕЛЬ»)

Аннотация. Рассмотрены проблемы организации закупочной деятельности на малых промышленных предприятиях. Показано, что эти проблемы обусловливаются как состоянием внешней среды, так и подходом к организации закупок на малых промышленных предприятиях. Сформулированы рекомендации по решению этих проблем.

Ключевые слова: закупочная деятельность, малые промышленные предприятия, цифровизация, долгосрочные контракты, макроэкономические факторы.

Yanovski D. V., Bakharev V. V., *St. Petersburg*

PROBLEMS OF ORGANIZING PURCHASING ACTIVITIES IN SMALL INDUSTRIAL ENTERPRISES (PROMOMEBEL LLC CASE)

Abstract. The present paper contains a description of the challenges of organizing procurement activities at small industrial enterprises. It demonstrates that these problems are determined by both the external environment and the approach to organizing procurement at small industrial enterprises. Recommendations for addressing these issues are provided.

Keywords: procurement, small industrial enterprises, digitalization, long-term contracts, macroeconomic factors

Закупочная деятельность играет важную роль в цепочке создания ценности промышленного предприятия, поскольку она обеспечивает его ресурсами для производства. При этом в текущей геополитической ситуации российские компании сталкиваются со значительными сложностями при организации закупок. Анализ этих проблем может представлять большой интерес, поскольку он может позволить выявить их влияние на эффективность деятельности компаний и сформулировать рекомендации по их решению.

Отметим, что соответствующие вопросы уже изучались в работах ряда авторов, однако в них основное внимание уделялось выявлению общих проблем и поиску универсальных подходов и инструментов для их решения [6; 10], тогда как, по нашему мнению, было бы интересно также исследовать конкретные ситуации, с которыми сталкиваются отдельные предприятия, и в первую очередь – малые предприятия, которые, в силу ограниченности своих ресурсов, сталкиваются с наибольшими сложностями при организации закупочной деятельности. Кроме того, отдельные компании обладают собственной спецификой, которая может влиять как на характер проблем, связанных с осуществлением ими закупок, так и на выбор инструментов для их решения.

Цель данного исследования заключается в идентификации особенностей организации закупочной деятельности малых промышленных предприятий в условиях нестабильной внешней среды. Исследование выполнено на примере малого предприятия ООО «Промомебель» (г. Санкт-Петербург), специализирующегося на производстве и продажах зеркал с подсветкой. Данное

предприятие функционирует на стыке нескольких смежных отраслей (светотехническая, стекольная, электротехническая и мебельная). Продукция данного сегмента ориентирована в основном на массового розничного потребителя (домохозяйств), но также предназначена и для корпоративных клиентов, к числу которых относятся гостиницы, салоны красоты, рестораны, строительные компании, занимающиеся комплексным оснащением интерьеров, а также мебельные и сантехнические магазины. В последние годы наблюдается стабильный рост спроса на зеркала с подсветкой за счет набора популярности концепций «умного дома», визуального комфорта, индивидуального дизайна в интерьере и повышения уровня требований к эстетике и функциональности бытовых предметов [3; 9].

Ключевой особенностью отрасли является высокая чувствительность к качеству и надежности поставляемых изделий от поставщиков. Для сборки одного зеркала с подсветкой требуется несколько десятков комплектующих, среди них зеркальное полотно, алюминиевый профиль, светодиодные ленты с соответствующим цветом и мощностью, драйверы для питания светотехники, монтажные элементы, электронные компоненты управления, влагозащитные и герметизирующие материалы, упаковка и различные рекламные материалы.

Производственная модель данного предприятия подразумевает, что выпуск конечной продукции осуществляется преимущественно не за счет глубокой переработки сырья, а путем правильно организованной закупочной деятельности и сборки конечного изделия из комплектующих, приобретенных у сторонних поставщиков (в том числе иностранных). Закупки на 60–70 % определяют структуру себестоимости итоговой продукции на предприятиях, выбравших такую модель организации производственной деятельности.

Такая модель соответствует типичному для современного этапа развития мировой экономики подходу, предполагающему глубокое разделение труда и высокий уровень специализации [4]. Это делает закупки критическим элементом цепочки создания ценности компании, от которого зависит не только себестоимость и прибыль, но и конкурентоспособность на рынке конечной продукции.

Организация закупок должна удовлетворять следующим требованиям:

- наличие устойчивой и разнообразной базы поставщиков, так как в ассортименте представлен широкий перечень размеров, световых решений, функциональных возможностей различных моделей зеркал;

- высокая оперативность поставок, поскольку она влияет как на сроки разработки и внедрения новых решений, так и на возможность создания продукта под конкретный заказ;

- закупка не только отдельных компонентов, но и встроенных инженерных и дизайнерских решений (нестандартные формы зеркал, системы управления светом, варианты подсветки и т. д.).

В результате возрастает сложность подбора поставщиков, заключения договоров с ними и организации тестирования образцов. Кроме того, служба закупок должна участвовать в процессах НИОКР и продуктовым планировании (рис.).

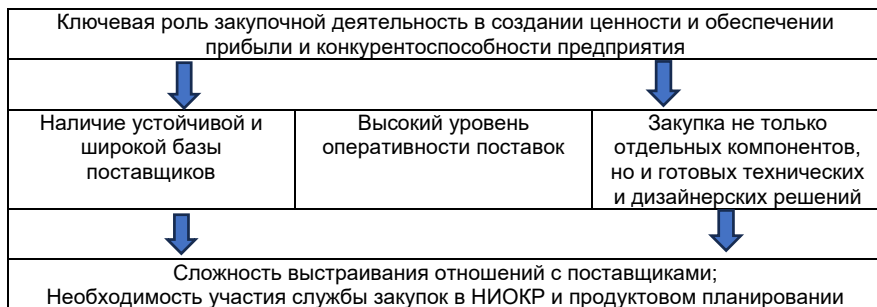

Рис. Проблемы организации закупочной деятельности на предприятии «Промомебель»

Внешняя среда оказывает значительное влияние на процесс закупок во многих отраслях промышленности. Производственные предприятия по изготовлению зеркал не являются исключением. Далее мы рассмотрим ключевые макроэкономические, логистические и регуляторные факторы, которые непосредственно влияют на стратегию закупок и функционирование такого рода предприятия.

Начнем с разбора макроэкономических факторов. Значимым фактором для рассматриваемой в данной работе организации являются валютные колебания, так как большая часть комплектующих изделий поставляется из КНР. Из-за политической нестабильности на международной арене в последние несколько лет имели место значительные колебания валютных пар. Из-за данных колебаний намного сложнее спрогнозировать объемы будущих объемов закупок по товарным номенклатурам. Например, из-за понижения курса рубля по отношению к китайскому юаню изменяется стоимость в национальной валюте за один и тот же объем товара. В результате в 2022–2024 гг. нестабильная ситуация на валютном рынке привела к увеличению затрат на закупки и предприятие столкнулось со значительным ростом цен на комплектующие, что увеличивало себестоимость продукции.

Следующим макроэкономическим фактором является инфляция, которая влияет на стоимость материалов и услуг,купаемых на внутреннем рынке. К материалам, которые производятся на внутреннем рынке и используются в рассматриваемой компании, в первую очередь можно отнести зеркальное полотно и упаковочные материалы (картон, пленки), эти две позиции в структуре себестоимости выпускаемой продукции имеют большой удель-

ный вес. Все услуги, которыми пользуется компания, выполняются на внутреннем рынке. К ним в первую очередь относится коммунальные услуги, которые ежегодно индексируются вслед за инфляцией, а зачастую и опережают ее. Таким образом инфляция очень важна для рассмотрения и планирования деятельности компании.

Устранить эти проблемы в настоящее время не представляется возможным. Ряд комплектующих, используемых компаниями, не производится в России. Среди основных можно назвать светодиодную ленту, компоненты управления светом, блоки питания для светодиодной ленты. Другие компоненты, такие как алюминиевый профиль, прочие электрические компоненты, провода, хотя и производятся российскими компаниями, но зачастую не предназначены для использования в зеркалах, а также отличаются более высокой ценой по сравнению с китайскими аналогами. Это означает, что в среднесрочной перспективе компания будет продолжать закупать необходимую ей продукцию в Китае, вследствие чего при ведении закупочной деятельности будет необходимо учитывать валютные риски.

Из-за сочетания повышения стоимости иностранных комплектующих в валюте и возросшей ключевой ставки у бизнеса возникли проблемы с резко ухудшившейся финансовой прочностью, так как пришлось брать кредитные средства для сохранения текущих конкурентных позиций.

Среди регуляторных факторов для организации за последние годы произошли незначительные изменения. Самым значимым из них оказалось изменение в законодательстве КНР относительно экспорта алюминиевого профиля, в соответствии с которым была убрана возможность возмещения НДС при экспорте алюминиевого профиля [11].

Также в рамках регулирования, связанном с сертификацией и маркировкой продукции скоро произойдет введение обязательной маркировки радиоэлектронных товаров в рамках государственной системы прослеживаемости товаров «Честный знак». На данный момент до 28 февраля 2026 г. проводится эксперимент по маркировке данной категории товаров [8]. Эксперимент подразумевает добровольное участие и апробацию систем «Честный знак» для участников рынка, и предприятия, не желающие принимать участие в эксперименте не обязаны как-либо маркировать свою или импортируемую продукцию. При введении данной категории в основной перечень товаров, подлежащих обязательной маркировке, закупочные процедуры по радиоэлектронным комплектующим значительно изменятся. Вместе с изменением процедуры закупок и таможенного оформления такой продукции возрастет и ее себестоимость (что подтверждается данными рынков других видов продукции, где вводилась электронная маркировка [2]). Несмотря на минусы с точки зрения закупочных процедур, можно сказать о прогнозируемом положительном эффекте для предприятия в виде уменьшения числа серых продавцов, которые могут продавать и использовать фальсифицированные

или нелегально ввезенные товары, которые могут быть дешевле, что ведет к нечестной конкуренции [7; 13].

Изменения в макроэкономической ситуации существенно влияют на стратегию закупок в производящей зеркала организации. В условиях роста цен и санкционных ограничений предприятиям приходится разрабатывать гибкие стратегии закупок, направленные на диверсификацию поставок, укрепление отношений с локальными поставщиками и эффективное управление запасами.

Наряду с проблемами внешней среды, в процессе реализации самой закупочной деятельности компания сталкивается с рядом структурных, организационных и внешнеэкономических проблем, которые существенно снижают гибкость и прогнозируемость снабжения.

Прежде всего предприятие сталкивается с тем, что по критически важным категориям комплектующих наблюдается ограниченный выбор поставщиков, т. е. низкий уровень диверсификации поставщиков по позициям. Это относится прежде всего к радиоэлектронным деталям, таким как светодиодные ленты с нужными параметрами цветовой температуры, яркости, мощности и варианта исполнения, а также к блокам питания и элементам управления подсветкой, которые сделаны по уникальному проекту.

Отсутствие на российском рынке поставщиков, способных обеспечить такого рода изделиями, приводит к зависимости от контрагентов из КНР не только потому, что они предлагают возможность изготовления таких изделий, но и из-за того, что такие специализированные комплектующие продаются намного дешевле, чем типовые решения российского производства. Такая жесткая зависимость несет собой большие риски для операционной деятельности компании в периоды возможных охлаждений дружественной торгово-политической конъюнктуры России и Китая. В рамках данного риска присутствует необходимость проработки других каналов закупки комплектующих изделий.

Следующей актуальной проблемой закупочной стратегии в организации является отсутствие системы долгосрочных договоров с фиксацией цен и объемов закупок.

При организации сотрудничества с поставщиками предприятие не использует долгосрочные контракты с фиксированными условиями. Все позиции комплектующих изделий предприятие закупает по фактической потребности исходя из данных по среднемесячному потреблению, среднему времени поставки и текущего остатка по номенклатуре. Данный вариант позволяет сохранять гибкость закупок, но ведет к нестабильности в ценообразовании (закупочная стоимость колеблется в зависимости от курса валют и сезонных изменениях спроса на закупаемую продукцию) и точных сроках производства. Кроме того, в периоды повышенного спроса нет гарантии поставок. Из-за этих проблем предприятие вынуждено формировать страховые запасы компонентов, особенно закупаемых из КНР, что ведет к замораживанию оборотных средств.

Закупочная деятельность предприятия характеризуется низким уровнем цифровизации и аналитической поддержки. На данный момент закупки осуществляются преимущественно вручную через электронную почту, телефонные звонки, а также общение в мессенджерах. Это ведет к ограничениям в виде отсутствия единой базы поставщиков с аналитикой по срокам доставки, качеству и ценовым предложениям. В организации отсутствует автоматический сбор коммерческих предложений, что приводит к невозможности проводить полноценный сравнительный анализ актуальны ценовых предложений на одни и те же номенклатуры. Также в организации отсутствует эффективный инструмент для оценки текущего остатка товарных позиций на складе с прогнозированием его выбытия для оценки возможных дефицитов по отдельным позициям.

В условиях растущего количества номенклатур и роста масштабов деятельности компании ручной подход для анализа складского остатка, будущего потребления, а также ценовых предложений контрагентов, ведет к снижению эффективности закупочная деятельность и росту ошибок.

Также еще одной важной текущей проблемой является отсутствие унификации и тщательного описания используемых номенклатур. Это приводит к сложности поиска новых контрагентов, которые имеют возможность предложить более низкую цену, но ввиду отсутствия четкого технического задания не могут изготовить и поставить необходимые изделия. К таким изделиям прежде всего относятся радиоэлектронные компоненты, а также рекламные материалы, которые имеют множество уникальных характеристик, которые могут меняться в зависимости от нужд потребителя.

Несмотря что предприятия с учетом масштабов его деятельности имеет большие складские площади, оно все равно не может позволить закупать большое количество товаров по определенным позициям, что приводит к удорожанию стоимости закупки, в особенности это касается картона и изделий из него. Перечисленные факторы приводят к излишкам по одних позициям и дефициту по другим, ухудшая финансовые и операционные показатели предприятия.

Еще одной проблемой связана с компетенциями сотрудников отдела закупок. Дело в том, что в рамках современного высшего образования нет образовательного профиля для обучения специалистов с полным набором компетенций для работы в закупках. По этой причине многие инструменты развития закупочной функции не рассматриваются текущим высшим образованием (что вынуждает крупные компании, в частности Газпром и Северсталь, реализовывать собственные программы дополнительного образования, связанные с закупками [12], однако малый бизнес лишен такой возможности). Кроме того, специфика деятельности компании требует от сотрудников отдела закупок узких специальных знаний, в частности, особенностей закупок радиоэлектроники на международном рынке. Эти два фактора ведут к тому,

что сотрудники не всегда обладают полным набором компетенций, необходимым для эффективного осуществления закупочной деятельности, при этом заменить их в случае необходимости затруднительно.

Проблематичным для отдела закупок в организации является также отсутствие юридического отдела с квалифицированными юристами. В некоторых ситуациях при проведении договорной работы между контрагентом и рассматриваемой компанией могут возникнуть трудности с составлением конкретных пунктов договоров. Также отсутствие юридической поддержки со стороны профессиональных юристов увеличивают риски возникновения непредвиденных обстоятельств, которые могут повлечь за собой существенные финансовые потери организации. Данная проблема может быть решена в рассматриваемой компании как наймом юриста в штат, если для такого сотрудника экономически оправдано расширение штата, так и предоставлением возможности использовать услуги юристов по конкретным вопросам заинтересованными сотрудниками.

Таким образом, проблемы организации закупочной деятельности исследуемого предприятия в целом совпадают с общими проблемами предприятий малого и среднего бизнеса при решении аналогичных задач. Эти проблемы могут быть разделены на внешние и внутренние.

К внешним проблемам относятся макроэкономические факторы и зависимость от внешних поставщиков, что ведет к росту затрат на закупку комплектующих и создает риски нестабильности поставок. Отметим, что зависимость от внешних поставщиков усиливается за счет того, что в России производство аналогичных компонентов либо отсутствует, либо не соответствует требованиям заказчика по цене или качеству, что ведет к необходимости сотрудничества с иностранными поставщиками и к возникновению специфических валютных, логистических, таможенных и иных рисков [1]. Внутренние проблемы обуславливаются спецификой малого и среднего бизнеса, который не обладает достаточными ресурсами и достаточной переговорной силой, чтобы сформировать устойчивые долгосрочные связи с поставщиками, создать инфраструктуру для поддержки закупок (в частности, собственные складские мощности), разработать унифицированное описание закупаемой номенклатуры и внедрить передовые инструменты организации закупочной деятельности на основе цифровых технологий (как в силу консерватизма высшего и среднего руководства, так и по причине сосредоточенности предприятия на решении текущих задач, а не на создании условий для своего стратегического развития) [5].

В качестве приоритетного направления повышения эффективности закупочной деятельности, по нашему мнению, выступает ее цифровизация, которая позволит повысить качество выполнения процессов закупок, обеспечит прозрачность информации, сделает возможным стандартизацию требований и создаст основу для гибкого управления выбором поставщиков в зависимости от

текущих потребностей. Однако решение этой задачи требует разработки руководством предприятия стратегии цифрового развития бизнеса, поскольку внедрение цифровых технологий в закупочную деятельность невозможно без цифровой трансформации остальных направлений деятельности компаний.

Список литературы

1. Баданина В. В., Ходырева С. К., Федотова Г. Ю. Риски задержек грузов на таможне: экономические и операционные последствия для международной торговли // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : сб. тр. Всерос. науч.-практ. и учеб.-метод. конф. : в 8 ч. Санкт-Петербург, 13–16 мая 2025 г. СПб. : Политех-пресс, 2025. С. 3–9. EDN LBXOEI.
2. Варкентин В. А., Кириллова Т. В. Влияние введения маркировки на рынок красной икры // Научные достижения и инновационные подходы в АПК : Сб. науч. тр. по итогам XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки РФ и КБР, проф. Б. Х. Жерукова, Нальчик, 22 ноября 2024 г. Нальчик : Кабард.-Балкар. гос. аграр. ун-т им. В. М. Кокова, 2024. С. 142–146. EDN SNYFIIH.
3. Давыдова М. С., Кутыева Э. Р. Умный дом: как технологии улучшают сервис // Вестник индустрии гостеприимства : междунар. науч. сб. СПб. : С.-Петерб. гос. экон. ун-т, 2025. С. 20–26. EDN HPKVZS.
4. Котляров И. Д. Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 65–72. EDN NXPSLJ
5. Курбанов А. Х., Крон Л. А. Сопrotивление персонала организации внедрению управленческих инноваций: причины, проблемы и пути решения // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2013. № 8. С. 22–25. EDN RAULPB.
6. Курбанов А. Х., Шахян И. А. Алгоритм внедрения системы управления устойчивостью цепочек поставок в оборонно-промышленном комплексе // Экономический вектор. 2022. № 3(30). С. 16–22. DOI: 10.36807/2411-7269-2022-3-30-16-22. EDN AGQSOG.
7. Малютенкова С. М., Смирнова О. В. Влияние системы маркировки на цифровые экосистемы сферы товарного обращения // Проблемы развития современного общества : сб. науч. ст. 10-й Всерос. нац. Науч.-практ. конф. : в 4 т. Курск, 23–24 янв. 2025 г. Курск : Университетская книга, 2025. С. 275–278. EDN ZSVJMS.
8. Маркировка радиоэлектронной продукции // Честный знак. URL: <https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/business/projects/radioelectronics/> (дата обращения: 01.02.2026).
9. Маркосян Л. С., Котоменкова О. Г. Перспективы использования системы «Умный дом» в рамках концепции «Интернет вещей» // Проблемы идентификации, качества и конкурентоспособности потребительских товаров : сб. ст. 6-й Междунар. конф. в области товароведения и экспертизы товаров, Курск, 29 ноября 2018 г. / Юго-Запад. гос. ун-т. Курск : Университ. кн., 2018. С. 215–218. EDN VREHRR.
10. Назарова Э. А., Николаева О. И., Никифорова Ж. А. Параллельный импорт как стратегический инструмент в преодолении санкционного давления и обеспечение экономической стабильности Российской Федерации // Труды XVI Евразийского научного форума : сб. ст. Санкт-Петербург, 12–13 дек. 2024 г. СПб. : Университет при МПА ЕвразЭС, 2025. С. 237–252. EDN MXYXUG.
11. Понижение ставки возмещения НДС при экспорте части товаров из Китая // CNLegal, 18.11.2024. URL: https://cnlegal.ru/international_trade/china_export_tax_rebate_adjustment_2024/ (дата обращения: 01.02.2026).
12. Управление закупками на предприятиях нефтегазового комплекса // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого URL: https://oilgas.spbstu.ru/upravlenie_zakupkami_na_predpriyatiyah_neftegazovogo_kompleksa/ (дата обращения: 01.02.2026).
13. Федотова Г. Ю. Маркировка товаров как фактор взаимодействия таможенных органов и бизнеса // Современный менеджмент: проблемы и перспективы : сб. ст. по итогам XVIII нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 28–29 сент. 2023 г. СПб. : С.-Петерб. гос. экон. ун-т, 2023. С. 466–472. EDN ACZUQK.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ»

УДК 340.1:330

Аведисян А. К., Телегина Е. Г., *Новороссийск*

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ, ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. Описаны результаты исследования влияния экономического неравенства на формирование правовой системы и правосознания. Обосновывается вывод о том, что экономическая структура общества определяет его политико-правовую надстройку, включая право и государство. Экономические возможности государства диктуют развитие права, что отражается в рамках правотворчества. Отмечается, что связь материальной дифференциации с правовым неравенством, трансформируясь в различия правовых возможностей, снижает уровень доверия к правовым институтам, формирует низкий уровень правосознания населения.

Ключевые слова: экономическое неравенство, правовая система, правосознание, правовое неравенство, социальная стратификация, правовые институты.

Avedisyan A. K., Telagina E. G., *Novorossiysk*

THE IMPACT OF ECONOMIC INEQUALITY ON THE FORMATION OF THE LEGAL SYSTEM, LAW-MAKING AND LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The results of a study on the impact of economic inequality on the formation of the legal system and legal consciousness are presented. The conclusion is substantiated that the economic structure of society determines its political and legal superstructure, including law and the state. The economic capacities of the state shape the development of law, which is reflected in law-making processes. In turn, the relationship between material differentiation and legal inequality, transforming into differences in legal opportunities, reduces the level of trust in legal institutions and contributes to a low level of legal consciousness among the population.

Keywords: economic inequality, legal system, legal consciousness, legal inequality, social stratification, legal institutions

Современное общество характеризуется значительным уровнем социально-экономической дифференциации, что оказывает прямое влияние на государственно-правовые процессы. Экономическое неравенство становится не только социальным, но и правовым феноменом, определяющим характер функционирования правовой системы и особенности правосознания граждан. В современных условиях государственные механизмы сглаживания неравенства обладают ограниченной эффективностью, что обуславливает необходимость более критического анализа их правовой природы и практической реализации.

Актуальность темы определяется усилением разрыва между социальными группами в условиях рыночной экономики, что приводит к трансформации правового регулирования и снижению доверия к правовым институтам. Как отмечает М. Н. Марченко, право отражает социально-экономические условия общества [1, с. 73]. Однако данное положение требует уточнения: на практике право не только фиксирует существующее социально-экономическое расслоение, но и во многом воспроизводит его через механизмы правового регулирования. Это проявляется в неравномерном доступе к правовым инструментам (в частности, к квалифицированной юридической помощи и судебной защите), а также в различиях фактических возможностей субъектов реализовывать свои права.

Экономическое неравенство, существующее в любом государстве независимо от формы правления и государственного политического режима, представляет собой объективно существующее различие в распределении материальных благ и ресурсов между членами общества. В научной литературе оно рассматривается как важнейший элемент социальной стратификации. Согласно мнению С. С. Алексеева, право формируется под воздействием материальных условий жизни общества, которые определяют содержание и направленность правового регулирования [2, с. 115]. Это положение позволяет рассматривать данное явление как ключевой фактор, влияющий на правовую систему. В свою очередь, К. Маркс указывал, что экономическая структура общества определяет его политико-правовую надстройку, включая право и государство [3].

Социально-экономическая дифференциация проявляется в различных формах, таких как: доходное неравенство, имущественное неравенство, неравенство доступа к ресурсам. Наиболее наглядным и эмпирически фиксируемым проявлением указанных различий выступает стратификация по уровню доходов, позволяющая выявить устойчивые различия в распределении экономических ресурсов между социальными группами. Стратификация по уровню доходов в современной России проявляется в устойчивом разделении населения на группы, различающиеся по объему доступных экономических ресурсов и степени их использования.

Одним из ключевых показателей данной дифференциации выступает коэффициент Джини, отражающий степень концентрации доходов. В соответствии с официальными данными Росстата в 2024 г. он составил 0,408, что свидетельствует о сохранении значительного уровня неравенства [4]. В то же время данные за 2025 г. в части указанного показателя в полном объеме официально не опубликованы, что затрудняет комплексную оценку динамики неравенства за последние два года.

Вместе с тем иные статистические индикаторы позволяют судить о сохранении и даже усилении социально-экономического неравенства. Так, коэффициент фондов (децильный коэффициент), характеризующий соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, в

2024 г. составил около 15,1. По данным Росстата, в IV квартале 2025 г. среднедушевые доходы 10 % наиболее обеспеченного населения составили 289 837 руб., тогда как у 10 % наименее обеспеченного – 16 716 руб., что свидетельствует о более чем семнадцатикратном разрыве между представленными крайними группами. При этом на долю наиболее обеспеченных 10 % населения приходится около 31,8 % общего объема денежных доходов, в то время как наименее обеспеченные 10 % получают лишь 1,8 % [4].

Представляется обоснованным отметить, что синтез сравниваемых квартальных данных Росстата с официальными годовыми показателями имеет условный характер, поскольку они основаны на различных методиках и временных интервалах. Несмотря на указанную методологическую ограниченность, сопоставление указанных данных позволяет выявить общую тенденцию сохранения высокого уровня социально-экономического неравенства. Поскольку значительная часть совокупного дохода сосредоточена в руках относительно небольшой группы населения, можно говорить о высокой степени концентрации доходов в экономике. Указанные показатели подтверждают наличие выраженной социальной асимметрии, фиксируемой официальной государственной статистикой. Данные количественные показатели не только отражают масштабы экономического неравенства, но и определяют структуру социальных отношений, формируя устойчивые группы с различным уровнем доступа к ресурсам и возможностям. В результате происходит институционализация различий, которые со временем закрепляются не только в экономической, но и в правовой сфере, формируя устойчивые различия в объеме и способах реализации субъективных прав населения.

Как отмечает В. С. Нерсисянц, право не может быть понято вне социального контекста, поскольку оно отражает существующую систему общественных отношений и интересов [5, с. 189]. Это означает, что экономическая дифференциация неизбежно проецируется на правовую сферу. Данное влияние носит опосредованный характер и проявляется через социальные факторы, включая доступ к ресурсам и уровень правовой грамотности населения. В результате различия в материальном положении трансформируются в различия правовых возможностей.

Дополнительным фактором, усиливающим указанную зависимость, выступает роль частной собственности как ключевого института рыночной экономики, что также влияет на правовое регулирование. Защита собственности приобретает приоритетное значение в урегулировании различных правоотношений, что в ряде случаев выражается в смещении баланса в сторону интересов экономически сильных субъектов. Особенно наглядно это проявляется в сфере судебной защиты имущественных прав. В условиях современной судебной практики значительную часть рассматриваемых дел составляют гражданские и экономические споры, связанные с договорами, обязательствами и имущественными отношениями. В арбитражных судах преоб-

ладают споры, вытекающие из хозяйственной деятельности, включая взыскание задолженности, защиту права собственности и корпоративные конфликты [6]. К данной категории также относятся имущественные споры бывших супругов в сфере семейных правоотношений.

Содержательная специфика судебной практики свидетельствует о том, что именно имущественные отношения, если не занимают центральное место, то преобладают в функционировании правовой сферы. Кроме того, реализация права на судебную защиту в данной сфере носит неравномерный характер. Субъекты, обладающие значительными материальными ресурсами, имеют больше возможностей для обращения в суд, привлечения квалифицированной юридической помощи и использования сложных правовых механизмов. В результате формально (*de jure*) равные правовые гарантии трансформируются в фактически (*de facto*) неравные возможности их реализации, что способствует воспроизводству социально-экономической дифференциации в правовой системе [1; 4]. Подобная ситуация получает теоретическое объяснение с позиций марксистской теории, согласно которой право выступает элементом надстройки, обусловленным экономическим базисом общества. Как указывал К. Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии», экономическая структура общества обуславливает его правовую и политическую надстройку [3].

Анализ соотношения права и экономики позволяет обратиться к вопросам правотворчества как процесса создания правовых норм. Не являясь нейтральным и объективным в полной мере, право отражает баланс интересов различных социальных групп. Как отмечает В. В. Лазарев, право формируется под воздействием социальных интересов, среди которых экономические занимают ключевое место [7, с. 142]. В условиях значительного неравенства усиливается влияние экономически сильных субъектов на законодательный процесс. Это проявляется, прежде всего, в налоговой политике, где возможно снижение нагрузки на крупный бизнес, а также в сфере социального законодательства, уровень которого во многом зависит от экономических приоритетов государства. Так, в российском праве снижение налоговой нагрузки на отдельные категории субъектов хозяйственной деятельности закрепляется, в частности, в положениях Налогового кодекса РФ, предусматривающих специальные налоговые режимы (например, гл. 26. 2 НК РФ (упрощенная система налогообложения) и гл. 26. 5 НК РФ (патентная система)), а также налоговые льготы и преференции для отдельных отраслей экономики.

Кроме того, влияние экономического неравенства прослеживается и в регулировании трудовых отношений, в частности, при значительной дифференциации доходов баланс интересов между работодателями и работниками смещается в сторону более сильных субъектов (работодателей), что отражается на содержании трудовых норм и практике их применения. При этом

важно учитывать, что подобные процессы не всегда носят однозначный характер. С одной стороны, государство заинтересовано в поддержке экономической активности и развитии бизнеса, с другой оно декларирует необходимость обеспечения социальных гарантий. Однако на практике эти цели реализуются неравномерно, и правовое регулирование нередко отражает приоритет экономической эффективности над принципами социальной справедливости.

Показательным примером влияния экономических приоритетов государства на содержание социального законодательства является пенсионная реформа 2018 г. Принятие Федерального закона от 03.10.2018 № 350-ФЗ, предусматривающего поэтапное повышение пенсионного возраста, было обусловлено необходимостью снижения нагрузки на бюджетную систему и обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы. Указанные изменения свидетельствуют о том, что правовое регулирование социальной сферы во многом определяется экономическими факторами, при этом приоритет экономической эффективности в ряде случаев превалирует над социальными гарантиями. В результате формируется противоречивая модель, в рамках которой право не устраняет, а во многом закрепляет существующее неравенство.

Последствия неравномерности распределения благ проявляются не только в правовой сфере, но и в социальной динамике общества. Как отмечает Т. Пикетти, рост имущественного неравенства влечет за собой концентрацию ресурсов и усиление социального напряжения [8, с. 27]. Среди основных негативных последствий: снижение доверия к государству, рост социальной напряженности, усиление протестных настроений, распространение практик обхода правовых норм. Кроме того, расслоение общества подрывает принцип социальной справедливости, который является основой правового государства. В этой связи особое значение приобретает закрепленный в ст. 7 Конституции Российской Федерации принцип социального государства [9], предполагающий проведение политики, направленной на снижение неравенства. К числу соответствующих механизмов традиционно относят налоговую политику, систему социальных выплат, государственные программы поддержки, а также развитие института бесплатной юридической помощи, предусмотренного Федеральным законом № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Как подчеркивает О. Е. Кутафин, социальное государство призвано обеспечивать баланс интересов различных слоев населения [10, с. 54]. Реализация указанных направлений осуществляется посредством комплекса правовых инструментов, включая налоговое регулирование, систему социальных трансфертов, установление минимальных социальных стандартов и обеспечение доступа к базовым общественным благам. Указанные положения закреплены как на конституционном, так и на отраслевом уровне, в том числе в Налоговом кодексе РФ, а также федеральных законах № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи».

Анализ зарубежной практики показывает, что в странах с развитой рыночной экономикой также наблюдается рост имущественного неравенства, что подтверждается современными исследованиями, в частности Т. Пикетти, а также аналитическими докладами Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), фиксирующими концентрацию капитала и ограниченность перераспределительных механизмов [8, с. 27; 11]. В ряде зарубежных стран применяются аналогичные механизмы перераспределения доходов. Так, в США и странах ЕС применяются различные модели, включая прогрессивное налогообложение и развитые системы социальной поддержки. Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует о том, что даже при высокой степени институциональной развитости данные механизмы не приводят к устранению структурных форм неравенства. Более того, в ряде случаев они сопровождаются воспроизводством социально-экономической дифференциации, что находит отражение в том, что значительная часть налоговой нагрузки фактически перераспределяется на группы населения со средним уровнем дохода. Тогда как крупный капитал сохраняет возможности оптимизации налоговых обязательств, а социальные трансферты, обеспечивая базовый уровень потребления, не затрагивают механизмов накопления и концентрации богатства. В то же время развитые системы социальной поддержки формируют устойчивую зависимость отдельных групп от государственных выплат без обеспечения реальной социальной мобильности.

Вместе с тем представляется, что закрепление данного принципа во многом носит декларативный характер. Несмотря на наличие перечисленных правовых и финансово-экономических инструментов, включая налоговое регулирование, систему социальных трансфертов, государственные программы социальной поддержки и механизмы обеспечения доступа к правосудию, фактическая динамика социально-экономического развития указывает на сохранение устойчивой дифференциации, что ставит под сомнение способность государства эффективно воздействовать на ее структурные причины. Применяемые меры, как правило, ориентированы на смягчение последствий неравенства, нежели на устранение его структурных причин. Более того, само правовое регулирование формируется в условиях доминирования экономических интересов, что объективно ограничивает возможности достижения баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. В результате возникает ситуация, при которой социальная функция государства реализуется фрагментарно, а право, вместо устранения неравенства, в определенной степени способствует его закреплению. Обоснованным представляется вывод о том, что потенциал государства как инструмента сглаживания социально-экономических различий является ограниченным и зависит от более широких экономических факторов.

Развитие цифровых технологий усиливает уже существующие формы социально-экономического расслоения, трансформируя их в цифровую плос-

кость. Как отмечает М. Кастельс, в информационном обществе ключевым ресурсом становится информация, а неравенство проявляется в доступе к ней [12, с. 48]. В этих условиях ограниченный доступ к цифровым технологиям и недостаточный уровень цифровой грамотности выступают факторами, затрудняющими реализацию прав граждан и доступ к государственным услугам, тем самым усиливая дифференциацию в правовой сфере.

Для преодоления указанных проблем необходимы развитие механизмов обеспечения равного доступа к цифровой инфраструктуре, повышение уровня цифровой грамотности населения, а также совершенствование правового регулирования в сфере предоставления государственных и судебных услуг в электронной форме. Особое значение имеет расширение программ государственной поддержки, направленных на обеспечение доступности цифровых сервисов для социально уязвимых категорий граждан. Вместе с тем, несмотря на обозначенные проблемы, в современной правовой практике сформировались отдельные положительные механизмы, направленные на их частичное преодоление и расширение доступа к праву. В частности, в Российской Федерации реализуются программы бесплатной юридической помощи, включающие консультирование граждан, подготовку правовых документов и участие представителей в судебных разбирательствах. Практическим примером выступает проведение всероссийских дней бесплатной юридической помощи, в рамках которых гражданам предоставляется возможность получить правовую консультацию по различным вопросам, включая социальное обеспечение, трудовые и жилищные права.

Дополнительным примером выступает развитие цифровых форм осуществления правосудия. В судебной практике активно применяется система видеоконференцсвязи, позволяющая участвовать в судебных заседаниях дистанционно. В частности, при рассмотрении дел в апелляционной инстанции лица, содержащиеся в следственных изоляторах, могут подключаться к судебному заседанию удаленно, что обеспечивает реализацию их права на судебную защиту и участие в процессе без необходимости этапирования. Также развивается электронное взаимодействие с судами через систему подачи документов в цифровой форме, что упрощает доступ к правосудию для граждан, снижает временные и финансовые издержки и способствует повышению эффективности судебной защиты.

Приведенные примеры свидетельствуют о формировании практических механизмов, направленных на снижение барьеров доступа к праву и правосудию. Вместе с тем их эффективность во многом зависит от уровня технической инфраструктуры, правовой информированности населения и равномерности внедрения соответствующих инструментов.

Данная проблематика также находит отражение в международной правоприменительной практике, в частности, в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который указывает на необходимость обеспечения не только формального, но и фактического доступа к правосудию. Так, в деле

Airey v. Ireland (1979) Суд отметил, что отсутствие юридической помощи может фактически лишить лицо возможности реализовать право на судебную защиту. Вместе с тем следует учитывать, что правовой статус указанных подходов в российской правовой системе изменился в связи с прекращением участия Российской Федерации в Совете Европы. Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ было установлено неприменение решений Европейского суда по правам человека, принятых после 15 марта 2022 г., а Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ прекращено исполнение таких решений. В связи с этим практика ЕСПЧ сохраняет значение преимущественно в научно-доктринальном и сравнительно-правовом аспектах, а также может учитываться при анализе ранее возникших правоотношений.

Вместе с тем анализ национальной и международной практики позволяет сделать вывод о том, что экономическое неравенство выступает одним из ключевых факторов, формирующих содержание правовых норм и направленность правового регулирования, включая сферу международного правотворчества.

В более широком контексте международный опыт свидетельствует о том, что влияние экономического расслоения на правотворчество находит выражение также на международном уровне, где значительную роль играют международные организации и наднациональные структуры. Так, участие государств в деятельности Всемирной торговой организации предполагает необходимость приведения национального законодательства в соответствие с международными торговыми правилами и стандартами, что в определенной степени ограничивает их регулятивную автономию [13]. Международный валютный фонд, предоставляя финансовую поддержку, выдвигает условия, затрагивающие налоговую, бюджетную и социальную политику государств, что оказывает влияние на содержание национального правового регулирования [14]. В свою очередь, интеграционные процессы в рамках Европейского союза предполагают гармонизацию законодательства государств-участников и приведение национального права в соответствие с общеевропейскими нормами, что свидетельствует о значительном воздействии наднациональных институтов на правотворчество [15].

Вместе с тем следует учитывать, что в российской правовой системе закреплён приоритет Конституции Российской Федерации над решениями межгосударственных органов. В соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. (ч. 4 ст. 15, ст. 79), решения международных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению на территории РФ.

Как отмечается в докладах международных организаций, в условиях глобализации усиливается влияние транснациональных корпораций и экономически сильных субъектов на формирование международных норм и стан-

дартов, что способствует институциональному закреплению социально-экономической дифференциации в правовой системе [16]. Несмотря на использование различными государствами механизмов перераспределения доходов и регулирования экономической деятельности, данные меры, как правило, не устраняют структурные причины неравенства и во многом направлены лишь на его сдерживание. Это позволяет сделать вывод о том, что влияние экономического неравенства на право проявляется не только на теоретическом, но и на практическом уровне, затрагивая как механизмы правового регулирования, так и фактические условия реализации прав граждан.

Следует отметить, что одним из наиболее значимых аспектов является влияние экономического неравенства на правоприменение. Несмотря на закрепленный в Конституции РФ принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19) [9], фактическое положение граждан может существенно различаться. Как указывает Е. А. Лукашева, реализация прав человека во многом зависит от социально-экономических условий [17, с. 201].

Указанные обстоятельства обуславливают воздействие различий в доступе к правовым механизмам и фактических ограничений реализации прав не только на сферу правоприменения, но и на формирование правосознания граждан. Правосознание является важнейшим элементом правовой системы, отражающим отношение общества к праву. По мнению В. К. Бабаева, правосознание формируется под воздействием объективных условий жизни общества, включая экономические факторы [18, с. 233]. Социально-экономическая дифференциация становится причиной формирования недоверия к праву, восприятия права как несправедливого, а также способствует развитию правового нигилизма.

Следствием социально-экономического расслоения выступает формирование правового цинизма, при котором право воспринимается не как ценность, а как инструмент достижения личных целей, что характерно для обществ с высоким уровнем экономического неравенства. Кроме того, дисбаланс в распределении благ влияет на уровень правовой культуры. Граждане с низким уровнем дохода зачастую имеют ограниченный доступ к правовой информации и образованию, что снижает уровень их правовой грамотности.

Как подчеркивает Н. И. Матузов, правовая культура является важнейшим элементом правовой системы, во многом определяющим эффективность ее функционирования [19, с. 201]. В условиях социальной дифференциации восприятие права различными группами населения носит неоднородный характер, для одних оно выступает средством защиты и реализации интересов, тогда как для других является механизмом их ограничения. В этих условиях право утрачивает характеристики универсального и нейтрального регулятора и может восприниматься как инструмент, преимущественно обслуживающий интересы отдельных социальных групп. Это обстоятельство подрывает его легитимность и ограничивает потенциал права как средства обеспечения социальной справедливости.

В теоретическом плане данная проблематика находит отражение в концепции справедливости Дж. Ролза, согласно которой справедливое общество должно обеспечивать условия, при которых неравенство приносит наибольшую пользу наименее обеспеченным слоям населения [20, с. 302]. Данный подход оказывает влияние на формирование современной правовой политики и концепции социального государства. Особое значение имеет анализ экономического неравенства в условиях современной России. В последние десятилетия наблюдается значительная дифференциация доходов населения, что оказывает влияние на социальную и правовую структуру общества.

Важным направлением государственной политики является снижение уровня бедности и поддержка социально уязвимых групп населения. В этих условиях особое значение приобретает учет экономических факторов в правотворчестве и правоприменении, поскольку именно они во многом определяют характер правового регулирования, доступ к правосудию и уровень доверия к правовым институтам. Игнорирование данных факторов приводит к воспроизводству формального, но не фактического равенства субъектов права.

Таким образом, экономическое неравенство выступает системообразующим фактором правовой динамики, затрагивающим правотворчество, правоприменение и правосознание. Игнорирование социально-экономической дифференциации при формировании правовой политики неизбежно приводит к воспроизводству формального, но не фактического равенства субъектов права, что ограничивает реализацию принципа социальной справедливости и снижает эффективность правового регулирования. Снижение негативного воздействия неравенства возможно посредством комплекса взаимосвязанных мер, включая развитие механизмов перераспределения доходов, системы социальной поддержки, обеспечение доступности квалифицированной юридической помощи, а также дальнейшую цифровизацию правосудия. Существенное значение имеет укрепление гарантий фактического доступа к правосудию, в том числе за счет снижения финансовых барьеров и развития институтов бесплатной юридической помощи. Вместе с тем указанные меры носят ограниченный характер, поскольку направлены преимущественно на смягчение последствий неравенства, не затрагивая его структурные причины.

Список литературы

1. Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 640 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.
3. Маркс К. К критике политической экономии. М. : Политиздат, 1984. 240 с.
4. Росстат. Распределение общего объема денежных доходов населения. М. : Росстат, 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М. : Норма, 2004. 552 с.
6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. URL: <https://cdcp.ru/> (дата обращения: 28.03.2026).
7. Лазарев В. В. Теория государства и права. 3-е изд. М. : Юрайт, 2019. 414 с.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке : пер. с фр. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

9. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.) // Гарант : справочная правовая система.
10. Кутафин О. Е. Конституционное право России. М. : Норма, 2001. 480 с.
11. OECD. Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising. Париж : OECD Publishing, 2015. 384 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Капустин А. Я. Международное экономическое право. М. : Юрайт, 2019. 352 с.
14. Глазьев С. Ю. Экономическая теория и государственная политика. М. : Экономика, 2016. 304 с.
15. Энтин М. Л. Право Европейского союза. М. : Норма, 2018. 528 с.
16. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М. : Инфра-М, 2014. 384 с.
17. Лукашева Е. А. Права человека. М. : Норма, 2010. 576 с.
18. Бабаев В. К. Теория государства и права. М. : Юрист, 2003. 592 с.
19. Матузов Н. И. Теория государства и права. М. : Дело, 2004. 528 с.
20. Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. М. : ЛКИ, 2010. 302 с.

УДК 35.08

Ароцкер Д. Ю., *Иркутск*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Исследованы федеральные и региональные нормативно-правые основы формирования кадровой политики Иркутской области, раскрыты механизмы кадрового резерва, выявлены ключевые проблемы и ограничения правового регулирования кадровой политики в регионе.

Ключевые слова: кадровая политика, кадровый резерв, кадровое обеспечение, публичное управление, органы государственной и муниципальной власти, государственный служащий.

Arotsker D. Y., *Irkutsk*

THE LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF PERSONNEL POLICY IN THE IRKUTSK REGION

Abstract. This article examines the federal and regional legal bases for the formation of personnel policy in the Irkutsk region, reveals the mechanisms of the personnel reserve, identifies key problems and limitations of the legal regulation of personnel policy in the region.

Keywords: personnel policy, personnel reserve, human resources, public administration, state and municipal authorities, civil servant.

Актуальность проблемы кадрового обеспечения органов государственной и муниципальной власти в современных реалиях обусловлена в первую очередь наличием высокой текучести, недостатком квалифицированных кадров и необходимостью повышения престижа госслужбы.

Отметим, что кадровая политика в системе регионального управления – это не набор отдельных кадровых процедур, а институционально и нормативно оформленное направление публичной деятельности, которое связано с

формированием, распределением, развитием и воспроизводством управленческих кадров. Как отмечают Д. Е. Горностаева и Е. А. Бреусова, «кадровая политика – это система теоретических знаний, идей, взглядов, принципов, отношений и организационно-практических мероприятий» [1, с. 195].

Для сферы публичного управления это имеет особое значение, так как кадровые решения в органах власти воздействуют не только на внутреннюю организацию аппарата, но и на устойчивость институтов, качество реализации полномочий, а также на уровень доверия населения к государственным и муниципальным структурам. Кадровая политика одновременно выступает механизмом институционального воспроизводства управленческого слоя и средством поддержания устойчивости самой системы публичной власти, поскольку через нее закрепляются критерии профессиональной пригодности, модели служебного поведения и ожидания, предъявляемые к представителям государственного аппарата.

Если обращаться к федеральным нормативно-правовым нормам, регулирующим кадровую политику на территории Российской Федерации, то основополагающим документом является Конституция РФ. Так, согласно п. 4 ст. 32, «граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе» [2]. Следовательно, кадровая политика в системе публичного управления не может строиться на административной произвольности или ситуативных решениях. Ее основу должны составлять законность, равенство, объективные требования к квалификации, а также прозрачность процедур поступления на службу, должностного продвижения и оценки результатов служебной деятельности. Признание равного доступа к государственной службе имеет не только декларативный, но и методологический смысл, поскольку задает пределы для всех последующих кадровых решений. Речь идет о том, что государственная служба должна быть организована как пространство профессионального отбора, а не как сфера неформального распределения должностей. Из этого следует требование к правовой системе выстраивать такие механизмы подбора и продвижения кадров, которые позволяли бы соотносить полномочия, квалификацию, компетентность и ответственность.

Для сферы государственного и муниципального управления принципиальное значение имеет и многоуровневый характер кадровой политики. И. А. Ромадин подчеркивает, что «кадровая политика разрабатывается и реализуется на разных уровнях управления» [5, с. 3825]. На федеральном уровне закрепляются общие правовые принципы, определяются виды службы и базовые ограничения, тогда как субъекты Российской Федерации конкретизируют эти положения применительно к собственной системе органов власти. Такой подход находит закрепление в п. 1 ст. 1 Федерального закона № 414-ФЗ, где установлено, что «органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации» [8]. Сле-

довательно, кадровая политика Иркутской области не существует обособленно, она включена в федеральную систему публичного управления и вместе с тем отражает региональные особенности организации власти, потребности кадрового обеспечения и специфику взаимодействия государственной гражданской и муниципальной службы. В этом состоит одно из ключевых свойств современной кадровой политики, она одновременно подчинена единым федеральным принципам и должна быть чувствительна к территориальным различиям, уровню развития управленческой инфраструктуры, социально-экономическим условиям и структуре регионального аппарата.

На уровне субъекта РФ кадровая политика выступает уже составной частью регионального управления. Это означает, что ее содержание включает не только подбор работников, но и нормативное определение статуса служащих, установление квалификационных требований, организацию конкурсных процедур, аттестации, профессионального развития, антикоррупционного контроля и работу с кадровым резервом. Важно отметить, что «кадровая политика выступает как деятельность органов государственной власти» [6, с. 218], и именно это положение позволяет увидеть ее двойственную природу, при которой органы власти одновременно являются и субъектом, и объектом кадровой политики. С одной стороны, именно они принимают кадровые решения, определяют требования к должностям, разрабатывают процедуры оценки и продвижения. С другой стороны, сами государственные органы зависят от качества собственного кадрового состава, от уровня профессионализма служащих и от способности поддерживать кадровую устойчивость в условиях институциональных изменений. Для Иркутской области такая постановка вопроса особенно значима, поскольку региональная кадровая политика должна учитывать как специфику областной государственной службы, так и особенности муниципального уровня, который в реальной практике часто сталкивается с более ощутимыми кадровыми ограничениями.

Цели кадровой политики на региональном уровне существенно шире, чем простое замещение вакантных должностей. Они связаны с воспроизводством профессиональных управленцев, обеспечением преемственности власти, поддержанием необходимого уровня компетентности служащих и укреплением законности в деятельности административного аппарата. В свою очередь, «эффективность кадровой региональной политики во многом зависит от степени согласованности многих факторов рынка труда» [10, с. 1171]. В условиях субъекта Российской Федерации такая согласованность предполагает не формальное, а содержательное соотношение потребностей органов власти с возможностями системы образования, механизмами профессиональной переподготовки, инструментами карьерного продвижения и процедурами отбора наиболее подготовленных кандидатов. Иначе говоря, региональная кадровая политика должна не только закрывать текущие кадровые дефициты, но и создавать устойчивую основу для долгосрочного развития системы публичного управления. Дополнительную значимость приобретает и то обстоятельство, что региональная кадровая политика сегодня уже

не может ограничиваться традиционными требованиями к стажу и образованию. Она все в большей степени ориентируется на управленческую гибкость, способность работать в условиях цифровизации, межведомственного взаимодействия, усиления нагрузки и роста требований к качеству административных решений.

В функциональном отношении кадровая политика региона охватывает отбор, оценку, расстановку, продвижение, обучение и удержание кадров, а также предупреждение коррупционных рисков. То есть качество регионального управления определяется не столько численностью аппарата, сколько уровнем компетентности служащих, их правовой культуры, управленческой подготовки и способностью действовать в сложной институциональной среде. Именно поэтому кадровая политика выполняет не только организационную, но и стабилизирующую функцию, поддерживая воспроизводство управленческой среды и снижая риски неэффективного исполнения полномочий.

В современной практике государственного и муниципального управления важное место занимает механизм кадрового резерва, который позволяет обеспечивать устойчивость кадрового состава и своевременно готовить специалистов к замещению должностей. Формирование такого резерва рассматривается как один из значимых инструментов кадровой политики, а его правовое регулирование закреплено в Федеральном законе № 58-ФЗ. В соответствии с данным законом формирование кадрового состава государственной службы обеспечивается за счет:

- «формирования кадрового резерва;
- развитием профессиональных качеств государственных служащих;
- оценкой результатов профессиональной служебной деятельности государственных служащих в ходе проведения аттестации или сдачи квалификационного экзамена;
- созданием возможностей для должностного (служебного) роста государственных служащих;
- использованием современных кадровых технологий; применением образовательных программ, федеральных государственных образовательных стандартов;
- ротацией государственных служащих» [9].

Приведенная норма важна тем, что связывает резерв не с изолированным кадровым учетом, а с более широкой системой профессионального роста, оценки и служебной мобильности.

Переходя к анализу региональной специфики кадровой политики в Иркутской области, отметим, что в ближайшей перспективе в регионе наиболее выраженный спрос на специалистов органов государственной власти, специалистов в области подбора и использования персонала, специалистов в области политики и администрирования, а также на юристов и экономистов, а также сохраняется потребность и в руководителях органов местного само-

управления [4]. Это позволяет сделать вывод, что региональная система нуждается не просто в количественном пополнении кадрового состава, а в притоке специалистов, обладающих управленческими, правовыми, кадровыми и финансово-экономическими компетенциями. Иначе говоря, речь идет не о механическом расширении аппарата, а о повышении его профессионального качества и способности решать более сложные задачи в системе публичной власти. При этом специфика Иркутской области усиливает значимость кадровой политики еще и потому, что речь идет о крупном территориальном субъекте с неоднородной структурой муниципальных образований, различиями в кадровой обеспеченности отдельных территорий и неодинаковыми возможностями для привлечения и закрепления квалифицированных специалистов. В таких условиях кадровая политика должна учитывать не только формальные параметры системы, но и территориальные диспропорции, которые влияют на доступность кадровых ресурсов.

В соответствии с указом Губернатора Иркутской области от 16 мая 2019 г. № 95-уг, «кадровый резерв государственного органа формируется представителем нанимателя. Кадровая работа, связанная с формированием кадрового резерва государственного органа, организацией работы с ним и его эффективным использованием, осуществляется подразделением государственного органа по вопросам государственной службы и кадров» [7]. Тем самым в региональной модели Иркутской области разграничиваются политико-управленческий и организационно-кадровый уровни ответственности. Решение о формировании резерва относится к компетенции представителя нанимателя, тогда как текущее сопровождение этой работы, ее документальное оформление, организационное обеспечение и практическое взаимодействие с резервом возлагаются на кадровое подразделение соответствующего органа. Такая система уменьшает неопределенность в распределении полномочий, делает процедуру включения в резерв более последовательной и обеспечивает юридическую определенность при ее дальнейшей использовании. Кроме того, сама институциональная фиксация ответственных субъектов создает условия для персонализированной ответственности в кадровой работе, что имеет значение не только в правовом, но и в управленческом смысле, поскольку снижает риски распыления функций между различными подразделениями и должностными лицами.

Механизм включения в кадровый резерв также детально регламентирован. Указ Губернатора Иркутской области от 16 мая 2019 г. № 95-уг закрепляет сразу несколько каналов попадания в резерв:

- через самостоятельный конкурс;
- через участие в конкурсе на вакантную должность;
- через аттестационный механизм, ориентированный на должностной рост уже работающих служащих [7].

Дополнительно данный нормативный правовой акт предусматривает включение в кадровый резерв и в тех случаях, когда перевод служащего на

иную должность невозможен, но имеется его согласие на такое решение, что расширяет кадровую маневренность региональной гражданской службы. Существенно и то, что гражданские служащие и граждане, не ставшие победителями конкурса на замещение вакантной должности, но получившие высокую оценку конкурсной комиссии, по ее рекомендации и с их согласия включаются в кадровый резерв государственного органа для замещения должностей той же группы, к которой относилась вакантная должность. Это означает, что региональная система не теряет отобранных высококвалифицированных кандидатов после завершения конкретного конкурса, а сохраняет их в резерве как потенциальный кадровый ресурс для последующего назначения. Тем самым конкурсная процедура начинает работать не только на разовое закрытие вакансии, но и на формирование запаса подготовленных специалистов внутри самой системы гражданской службы Иркутской области. Такая модель позволяет рассматривать кадровый резерв как форму опережающего кадрового обеспечения, при которой оценка перспективного потенциала кандидата приобретает не меньшее значение, чем решение конкретной текущей задачи по замещению должности.

Сроки и пределы пребывания в кадровом резерве также описаны достаточно четко. Так, «срок нахождения гражданского служащего (гражданина) в кадровом резерве составляет пять лет» [7]. При этом предусмотрено несколько оснований прекращения пребывания в кадровом резерве: личное заявление, назначение из кадрового резерва на вакантную должность и истечение срока нахождения в нем. В итоге региональная модель Иркутской области приобретает завершённый процедурный характер, т. е. определены нормативный источник регулирования, уполномоченные субъекты, способы включения, сроки оформления после аттестации и сроки нахождения в резерве. Такая регламентация делает сам механизм более понятным и формально упорядоченным. Вместе с тем само наличие процессуальной определенности еще не гарантирует полной эффективности резерва. Для того чтобы этот институт действительно выполнял функцию кадрового воспроизводства, необходимо, чтобы резервированные лица не только формально учитывались, но и вовлекались в систему профессионального развития, целевого сопровождения и последующего служебного продвижения.

Проблемы правового регулирования кадровой политики в Иркутской области связаны прежде всего с тем, что региональная нормативная база носит преимущественно производный и фрагментарный характер. Она затрагивает отдельные вопросы государственной гражданской службы, реестр должностей, государственные должности, антикоррупционные ограничения и кадровый резерв, однако нет единого актуального стратегического нормативного правового документа, который связывал бы подбор, продвижение, профессиональное развитие, межуровневую кадровую мобильность и оценку результативности в целостную модель региональной кадровой политики. В ре-

зультате правовое регулирование сосредоточено главным образом на процедурах и формальных требованиях, тогда как задачи долгосрочного воспроизводства кадрового потенциала и его последовательного развития закреплены заметно слабее. Из-за этого кадровая политика нередко воспринимается как совокупность отдельных административных действий, а не как системно выстроенное направление регионального управления. Фрагментарность нормативной базы проявляется и в том, что отдельные элементы кадровой работы достаточно подробно урегулированы, тогда как связи между ними закреплены существенно слабее. В частности, процедуры конкурсного отбора, аттестации, учета кадрового резерва и определения статуса должностей разработаны подробнее, чем механизмы интеграции этих процедур в единый контур кадрового планирования.

Причем данная проблема характерна не только для Иркутской области. Как отмечают Ноздрачев А. Ф. и Левоненкова Т. А., «эффективность правовых рычагов формирования и управления кадровым составом гражданской службы мала» [3, с. 161]. Это позволяет сделать вывод, что и в Иркутской области ключевым ограничением выступает не отсутствие правовых норм как таковых, а их слабая ориентация на решение стратегических кадровых задач. Иными словами, сама нормативная основа существует, однако она не в полной мере обеспечивает развитие кадровой системы как долгосрочного институционального ресурса.

Дополнительное ограничение проявляется в регулировании кадрового резерва и профессионального развития. Процедуры включения и учета закреплены заметно подробнее, чем механизмы дальнейшего сопровождения, подготовки и практического использования включенных лиц. Иначе говоря, нормативно-правовая система оказывается недостаточно разработанной именно в части последующей работы с кадрами, что снижает реальную отдачу кадровых инструментов и переводит часть региональной кадровой политики в режим формального администрирования, а не опережающего развития управленческих кадров. В результате резерв может существовать как юридически оформленный институт, но его потенциал для обновления и укрепления системы публичного управления используется не в полной мере. Проблема усугубляется тем, что в условиях растущей сложности управленческих задач сама по себе процедура включения в резерв уже не может рассматриваться как достаточная. Не менее важным становится выстраивание непрерывной траектории профессионального сопровождения, которая позволяла бы резерву выполнять не учетную, а действительно развивающую функцию в системе региональной государственной службы.

Список литературы

1. Горностаева Д. Е., Бреусова Е. А. Концептуальные основы и проблемы кадровой политики на государственной и муниципальной службе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 2. С. 195–200.
2. Конституция Российской Федерации // СПС «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937> (дата обращения: 15.03.2026).

3. Ноздрачев А. Ф., Левоненкова Т. А. Актуальные проблемы совершенствования законодательства по вопросам кадрового обеспечения системы государственного управления // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 159–168.
4. Распоряжение Министерства труда и занятости Иркутской области от 28 января № 77–13-мр «Об определении прогноза кадровой потребности в Иркутской области на период до 2032 года и признании утратившим силу распоряжения министерства труда и занятости Иркутской области от 23 декабря 2024 года № 74–431-мр» // Министерство труда и занятости Иркутской области. URL: <https://irkzan.ru/documents/detail/0eacfbf8-06bc-45cb-af27-4a252f6d656b> (дата обращения: 16.03.2026 г.).
5. Ромадин И. А. Государственная кадровая политика в РФ: сущность, принципы и особенности реализации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 3821–3825.
6. Скоробогатова Е. А., Бреусова Е. А. Государственная кадровая политика: сущность и основные проблемы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 2. С. 217–221.
7. Об утверждении Положения о кадровом резерве на государственной гражданской службе Иркутской области : указ Губернатора Иркутской области от 16 мая 2019 г. № 95-уг // СПС «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561403685> (дата обращения: 16.03.2026 г.).
8. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ // СПС «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/727632736> (дата обращения: 15.03.2026).
9. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СПС «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901863282> (дата обращения: 16.03.2026).
10. Региональные профориентационные и карьерные порталы как инструмент эффективной кадровой политики региона / А. В. Шпенглер [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 1171–1190.

УДК 336.221

Баев П. А., *Иркутск*

ПСИХОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ПРИМЕРЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Аннотация. Рассматриваются особенности развития экономического менталитета в современных условиях. Выделяются психологические предпосылки формирования нелегитимных практик. Уклонение от уплаты налогов воспринимается как процесс развития экономического менталитета россиян. Выделяются психологические моменты, способствующие объяснению нелегитимного поведения, а также выявляются ментальные установки к нарушению закона в виде уклонения от уплаты налогов. У мужчин-предпринимателей они проявляются в установке «хозяина», у женщин-предпринимателей в установке «хранительница очага».

Ключевые слова: экономический менталитет, уклонение от уплаты налогов, психология неуплаты налогов, легитимность, закон, нарушение закона.

Baev P. A., *Irkutsk*

THE PSYCHOLOGY OF ECONOMIC MENTALITY: THE CASE OF TAX EVASION

Abstract. This article examines the development of economic mentality in modern conditions. The psychological prerequisites for the formation of illegitimate practices are highlighted. Tax evasion is perceived as a process of developing the economic mentality of Russians. Based on the conducted research, psychological factors that help explain illegitimate behavior are identified. Mental attitudes

toward breaking the law in the form of tax evasion are also identified. Among male entrepreneurs, these attitudes manifest themselves in the «master» attitude, while among female entrepreneurs, they manifest themselves in the «homemaker» attitude.

Keywords: economic mentality, tax evasion, psychology of tax evasion, legitimacy, law, law-breaking.

Экономический менталитет – это соединение культурно-исторических, социально-экономических и психологических особенностей жителей региона в отношении экономического поведения. Экономический менталитет формируется, опираясь на сложившиеся практики (законного и не законного характера), то, что помогает выживать и адаптироваться в меняющихся условиях жизни.

Налоги, налоговая система – это способ организации социальной жизни, которой руководит государства (власть). Далеко не всегда представители власти руководствуются менталитетом, так как это сродни народным обычаям, практикам взаимодействия, а не формализованной деятельности в рамках закона. Зачастую, мы можем наблюдать противостояние между законом и справедливостью. Справедливость зачастую опирается на ментальные установки и представления – как надо и как по совести. А закон опирается на прописанные и одобренные правила в виде нормативных правовых актов.

Психология менталитета в отношении неуплаты налогов опирается на житейские реалии, «народную мудрость» и то, как рядовые граждане находят варианты уклоняться от закона (так как он не во всем вписывается в ментальные программы и установки наших сограждан). Это реальность социально-психологического порядка, которая определяет рамки дозволенного и запретного, приемлимого и того, что нарушает правила привычного взаимодействия.

Каким образом люди могут адаптировать под себя данные стратегии и выстроить необходимую линию социального взаимодействия зависит от их условий социализации и реальных условий в настоящем. Это то, что помогает регулировать социальные процессы на уровне нормативного поведения. Экономический менталитет – это всегда наследие прошлого, которое преломляется в настоящем.

Специфика развития общественного сознания в отношении уплаты налогов опирается на такой показатель как уровень доверия власти (как институциональной форме и как личностно-персонализированной форме). Доверие на институциональном уровне начинается от принятия законов, норм и правил функционирования социальных институтов, принимаемых решений и социального порядка в целом. Доверие на личностном уровне начинается с доверия конкретному руководителю (Президенту, Губернатору, депутатам, министрам и другим чиновникам).

Если изучить опросы общественного мнения за последние тридцать пять лет – то уровень доверия представителям власти и институциональным формам регулирования любых отношений достаточно низок. Хотя, стоит признать, что во все сроки правления В. В. Путина – уровень доверия ему всегда

был выше 70 %. Но этого нельзя сказать о его команде, и других представителях власти.

Более того, в обществе существуют негативные оценки восприятия представителей власти из-за коррупции, неэффективности работы (плохие дороги, не развитая инфраструктура, неполученное финансирование, различные аварии на производствах и многое другое). Это снижает уровень доверия населения и в тоже время укрепляет психологически негативные оценки восприятия реальности, что хорошо вписывается в реалии экономического менталитета современников.

Экономический менталитет – это пространственная матрица задач и их решений, которая помогает человеку найти свое место под солнцем в конкретных социально-исторических реалиях. На психологическом уровне, любой человек стремиться к социально-комфортным условиям жизни. Поэтому, уклонение от уплаты налогов может стать приемлемой ментальной практикой, способствующей социальному развитию сообщества. Но этот же механизм и усиливает тенденцию к готовности нарушать закон через различные стратегии неуплаты налогов.

В социально-гуманитарном дискурсе исследуются вопросы правового поля в оценках россиян (Р. Г. Ардашев [1; 2], О. А. Полюшкевич [10–12]), роль экономических притязания в условиях неэффективной работы законов (В. А. Скуденков [14; 15]), отдельно анализируются стратегии неуплаты налогов (Е. В. Палащенко [3–9], А. Г. Санина [13]).

В своем исследовании мы опросили россиян на предмет ментальных установок в отношении уклонения от уплаты налогов. Всего опрошено 800 предпринимателей в возрасте от 18 до 65 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, занимающих разный социально-экономический статус и проживающих в разных регионах Российской Федерации. Опрос проводился онлайн через платформу www.google.com.

В результате исследования мы смогли выявить несколько уровней восприятия уклонения от уплаты налогов на ментальном уровне (рис. 1).

Первый – ментально-личностный уровень (35 %). Он формируется через личностные кризисы и смены стратегий социальной адаптации, которые происходят из-за разочарований в ведении бизнеса, умении достигнуть успеха (чаще происходят неудачи, которых не ожидали). В итоге – ментальные стратегии фиксируются на негативных программах, которые подталкивают к стратегия ухода от налогов (чаще всего через скрытие доходов). Чаще всего он проявляется у молодых людей только начавших заниматься бизнесом и не справившихся с ответственностью и необходимостью строго вести документацию и платить налоги.

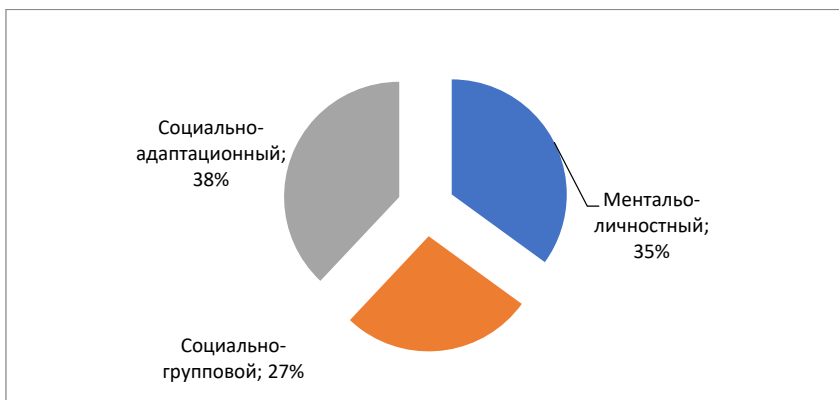

Рис. 1. Уровни восприятия уклонения от уплаты налогов на ментальном уровне

Второй – социально-групповой (27 %). Он формируется через ориентиры на других. Тут важно – в какой среде общается человек, на кого ровняется. Если в его социальном окружении есть те, кто уклоняются от налогов и те, на кого он ровняется в своем бизнесе также не чисты на руку – то у него включается эффект подражания и он регулирует свое поведение опираясь не на законность или незаконность, а на социально-групповые ориентиры. Чаще всего это представители среднего бизнеса, уже имеющие какой-то опыт ведения бизнеса, добившиеся относительно небольших стабильных показателей и желающиекратно увеличить обороты, не расширяя производство или сферу услуг, как правило опираются на чужой опыт нелегитимного поведения, полагая, что раз им повезло, то и мне также повезет.

Третий – социально-адаптационный (38 %). Он формируется через оценку внешних угроз и соотношение рисков в поведении, которое поможет адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Уклонение от уплаты налогов выступает формой самосохранительного поведения в конкретных социально-экономических и правовых условиях. Изменяются внешние условия – поменяется и стратегия адаптации к меняющемуся миру. В этой группе чаще всего присутствуют люди старшего возраста, уже значительное количество времени занимающиеся бизнесом и их решение уклониться от уплаты налогов вызвано прошлым опытом и желанием найти заколотую середину – как не прогореть и быть чистым перед законом. Прошлый опыт разнообразного адаптационного поведения помогает регулировать социальные стратегии легитимного и нелегитимного характера.

Психологические особенности наиболее сильно проявляются в ментально-личностной и социально-групповой группе, а ментальные особенно-

сти на социально-адаптационной группе. Это пример тесного взаимодействия психологических и ментальных условий социального моделирования процессов общественного взаимодействия.

На рис. 2 показано гендерное распределение уровней восприятия уклонения от уплаты налогов на ментальном уровне.

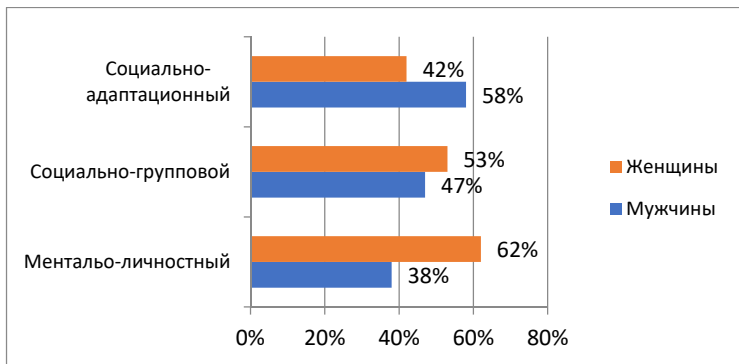

Рис. 2. Гендерное распределение неуплаты налогов по разным уровням

Как видно из рис. 2, в социально-адаптационном на порядок больше мужчин, в социально-групповом и ментально-личностном – женщин. Это вызвано традиционными стратегиями адаптации социальной реализации у мужчин и женщин, которые опираются в том числе и на ментальные особенности граждан страны.

Для женщин уклонение от уплаты налогов вызвано в большей степени самосохранительным поведением (сохранить то, что есть сейчас). Как правило, женщины данной группы не имеют стабильного дохода, а прибыль едва окупает вложения. Поэтому у них возникает желание уклониться от выплаты налогов. Ментальные установки проявляются среди женщин предпринимателей в том, что они «должны» выполнить свои функции «хранительницы очага» (бизнеса), поэтому, неуплата налогов – это стратегия сохранения ресурса.

Для мужчин, неуплата налогов выступает скорее адаптационным механизмом – посмотреть каким образом будут складываться бизнес-процессы дальше. Исходя из этого также принимать соответствующие решения. Уклонение от уплаты налогов выступает скорее точкой для принятия решения в настоящем в отношении будущего. Ментальные установки проявляются среди мужчин-предпринимателей в том, что они должны просчитать риски и возможности для будущего развития, обеспечить стабильность для семьи и работников. Это ментальная установка «хозяина».

Данные ментальные установки близки социальным гендерным стереотипам, существующим в нашем обществе. Как бы сильно от гендерного разделения мы не стремились уйти – оно проявляется в различных формах объяснения легитимного и нелегитимного поведения.

Психологические особенности и ментальные установки определяют то, как предприниматели выбирают разнообразные стратегии поведения в правовом поле. Уклонение от уплаты налогов выступает одним из ярких примеров социального регулирования, формируемого на глубинном уровне. Соответственно, профилактика уклонения от уплаты налогов должна строиться не только на просветительском информировании или карательных мерах в отношении нарушителей, но и затрагивать более глубинные ментальные пласты общественного сознания. Это требует более глубокого анализа и комплексной работы, которая может изменить соотношение тех, кто платит, и тех, кто уклоняется от уплаты налогов.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
3. Палашенко Е. В. Ментальные установки как причина неуплаты налогов // Социология. 2023. № 6. С. 35–41.
4. Палашенко Е. В. Налоговая культура в экорегиональном развитии // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск, 2025. С. 93–97.
5. Палашенко Е. В. Налоговая мораль среди российских студентов // Социология. 2024. № 7. С. 27–31.
6. Палашенко Е. В. Налоговый комплаенс в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 189–191.
7. Палашенко Е. В. Неуплата налогов как подрыв человеческого потенциала региона // Социальная динамика населения и человеческий потенциал : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2024. С. 386–388.
8. Палашенко Е. В. Нормы и их нарушение: на примере неуплаты налогов // Социология. 2025. № 8.
9. Палашенко Е. В. Теория социального действия Т. Парсонса: через призму неуплаты налогов и несоблюдения налогового контроля // Социология. 2023. № 3. С. 120–127.
10. Полюшкевич О. А. Социальная справедливость/несправедливость в современных реалиях // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2025. С. 171–175.
11. Полюшкевич О. А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабелных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
12. Полюшкевич О. А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
13. Санина А. Г. Уклонение от уплаты налогов (опыт анализа социально-экономических практик с позиций системной теории Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2007. № 4 (276). С. 121–127.
14. Скуденков В. А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
15. Скуденков В. А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118–122.

УДК 336.143

Бойких Р. С., *Иркутск*

ПОДХОДЫ К ВЫРАВНИВАНИЮ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Отмечается, что уровень бюджетной обеспеченности субъектов РФ характеризует способность последних финансировать собственные полномочия и расплачиваться по наличествующим обязательствам. Показывается, что недостаточный уровень бюджетной обеспеченности ведет к застою региональной экономики и последующей ее деградации. Предпринята попытка обобщения региональных практик выравнивания бюджетной обеспеченности и дана оценка их эффективности.

Ключевые слова: бюджетная обеспеченность, субъекты РФ, налоговый потенциал, бюджетные расходы, региональная практика.

Boykikh R. S., *Irkutsk*

APPROACHES TO EQUALIZING BUDGETARY SECURITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION'S SUBJECTS

Abstract. The level of budgetary capacity of the constituent entities of the Russian Federation characterizes their ability to finance their own responsibilities and meet existing obligations. Insufficient budgetary capacity leads to stagnation and subsequent degradation of the regional economy. At the same time, academic articles on regional government efforts to equalize budgetary resources often fail to offer specific practical mechanisms for such efforts. This paper attempts to summarize regional budgetary resource equalization practices and assesses their effectiveness.

Keywords: budgetary security, subjects of Russia, tax potential, budget expenditures, regional practice.

Показатели бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации характеризуют способность регионов финансировать реализацию своих собственных полномочий. Если в ходе оценки Министерство финансов Российской Федерации приходит к выводу, что субъект не способен покрывать предусмотренные в бюджете расходы за счет собственных средств, то ведомством может быть принято решение о предоставлении данному субъекту такого вида межбюджетного трансферта, как дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности. Дотации позволяют субъекту «выйти в ноль», т. е. покрыть текущие расходы на осуществление своих полномочий.

К показателям бюджетной обеспеченности возможно отнести 3 индекса:

1. Индекс налогового потенциала. Рассчитывается как отношение налогового потенциала субъекта на душу населения к среднему значению данного показателя по России. Налоговый потенциал – это имеющая денежное выражение перспектива сбора налогов в регионе, рассчитанная на основе наличествующей налоговой базы.

2. Индекс бюджетных расходов. Рассчитывается как отношение расходов бюджета на душу населения к среднему значению этого показателя по России. В данном случае под бюджетными расходами понимается рассчитанная на основе действующих нормативов прогнозная сумма расходов регионального бюджета.

3. Индекс бюджетной обеспеченности. Рассчитывается как отношение индекса налогового потенциала к индексу бюджетных расходов. Если значение индекса до распределения межбюджетных трансфертов ≥ 1 , то доходов регионального бюджета достаточно для финансирования полномочий субъекта; если же значение индекса < 1 , то регион нуждается в привлечении дополнительных средств для финансирования своих полномочий и может претендовать на предоставление дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. [8]

Из предоставленных выше пояснений следует, что для выравнивания бюджетной обеспеченности без привлечения дотаций и иных межбюджетных трансфертов необходимо повысить значение соответствующего индекса одним из следующих способов (или каждым из этих способов одновременно):

1. Повысить налоговый потенциал путем наращивания/расширения налоговой базы субъекта, роста собираемости налогов, повышения налоговых ставок и т. д.

2. Сократить (оптимизировать) бюджетные расходы по наименее приоритетным статьям расходов бюджета.

Примечательно, что оба подхода к выравниванию бюджетной обеспеченности реализуемы преимущественно в рамках полномочий региональных органов власти. Для федеральных властей характерно использование механизма дотаций, хотя имеют место и альтернативные подходы. Так, к примеру, с 1 января 2023 г. в России был упразднен институт консолидированных групп налогоплательщиков (КГН), который позволял вертикально-интегрированным компаниям, удовлетворяющим определенным финансовым нормативам, уплачивать налоги по сумме прибылей/убытков всей группы. Как следствие, региональная часть налога на прибыль организаций уплачивалась в бюджет того региона, в котором была зарегистрирована штаб-квартира корпорации; при этом регионы присутствия дочерних компаний таких организаций упускали определенную часть доходов. В период с 2014 по 2021 г. г. свои КГН образовали такие крупные бизнес-структуры, как «Роснефть», «Газпром», «ВТБ» и др. Теперь дочерние компании крупных холдингов самостоятельно уплачивают налоги на прибыль по месту регистрации.

Кроме того, федеральные органы власти, с целью выравнивания бюджетной обеспеченности в регионах, могут пересматривать нормативы отчислений по тем или иным федеральным налогам в пользу регионального бюджета. Так, в период с 2002 по 2008 г. ставка налога на прибыль организаций в России составляла 24 %, при этом в региональный бюджет зачислялось только 14,5 %; позднее, в 2009–2016 гг. общая ставка была снижена до 20 %, но 18 % из них зачислялись в бюджеты региона, что явилось следствием курса на оздоровление региональных финансов; в 2017 г. общая ставка была сохранена, а региональная часть отчислений уменьшена до 17 %, вследствие чего снизились и доходы региональных бюджетов. [4] Здесь, впрочем, важно оговориться, что применение этого инструмента не окажет значительного

влияния на финансовое положение регионов, налоговая база которых деградирует (бизнес уходит в «тень»), перерегистрируется в других регионах, выводит основные средства и т. д.).

Скажем больше, федеральные власти в полной мере сознают потребность регионов в привлечении большего объема денежных средств, чем того требуют минимальные расходные обязательства субъектов, покрываемые за счет дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, иначе инфраструктурное развитие станет невозможным, и экономика региона перейдет в состояние застоя и последующей рецессии. Именно поэтому с начала 2000-х гг. в России получает развитие еще один инструмент оздоровления региональных финансов, частично выполняющий функцию выравнивания бюджетной обеспеченности, а именно – программно-целевое бюджетирование (ПЦБ). [9, с. 12] Смысл данного института в России таков:

1. Федеральные органы власти определяют приоритеты национального развития, изложенные в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации;

2. Исходя из этих приоритетов, Правительство разрабатывает и утверждает перечень государственных программ («Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Социальная поддержка граждан» и др.);

3. В соответствии с целями государственных программ профильные министерства формируют содержание национальных проектов («Экономика данных», «Семья», «Кадры» и др.), подразделяемых на более узконаправленные федеральные проекты;

4. В рамках разработанных национальных/федеральных проектов региональные органы власти заявляют свои социально-экономические проекты, под которые получают финансирование/софинансирование из федерального центра в виде субвенций/субсидий. [3]

Таким образом, доходно-расходные статьи региональных бюджетов могут прогрессировать соразмерно активности участия субъектов в национальных/федеральных проектах. Иными словами, так регионы могут нивелировать дефицит бюджета, решая проблемы за счет привлеченных под конкретные цели средств. Механизм программно-целевого бюджетирования является прямой альтернативой дотациям на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Мы привели примеры лишь некоторых инструментов выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов, используемые федеральными властями. Теперь обратимся к тем инструментам, которые могут быть применены на уровне региональных органов власти.

Начнем с инструментов, применяемых для увеличения налогового потенциала региона.

Фундаментальным направлением деятельности по наращиванию налогового потенциала выступает увеличение налоговой базы. Это возможно, к примеру, за счет снижения ставок по региональным налогам. Снижение ставок по транспортному налогу приведет к тому, что часть покупателей авто

зарегистрирует авто в регионе с наименьшими ставками и налоговая база для этого региона возрастет. Аналогичным образом используются и особые экономические зоны – бизнес перенесет часть активов в ОЭЗ для того, чтобы получить налоговые послабления (сниженный налог на прибыль, освобождение от имущественного, транспортного и земельного налогов и проч.).

Иногда рост налоговой базы выступает результатом договоренностей региональных властей с крупным бизнесом о перерегистрации/релокации штаб-квартир корпораций. Достаточно примеров, когда основные средства крупной корпорации расположены в регионе А, а налог на прибыль ею уплачивается в бюджет региона Б. [2, с. 72] Особенно показателен пример г. Санкт-Петербурга, где до 1 января 2023 г. ПАО «Газпром» являлся самым крупным налогоплательщиком, основные активы которого распределены по территории всей России; на сегодняшний день ситуация изменилась, в связи с отменой института КГН, о чем мы писали выше.

Расширение налоговой базы региона также возможно за счет сокращения теневого сектора экономики. На федеральном уровне для борьбы с тевым сектором был учрежден институт самозанятости: «теневые» предприниматели регистрируются в качестве самозанятых и платят налог по пониженной ставке, а после окончания эксперимента с самозанятостью ФНС будет контролировать переход вчерашних самозанятых в ИП или ООО. Кроме того, в середине 2027 г. Центральный банк РФ обяжет коммерческие банки привязывать ИНН пользователей банка к банковскому счету, что позволит ФНС отслеживать «сомнительные» операции, в том числе – необоснованный доход. На региональном же уровне борьба с тевым сектором экономики зачастую приобретает форму рейдов и иных контрольно-надзорных мероприятий: активисты запрашивают документацию у владельцев уличных ларьков, сотрудники регионального отделения ФНС в гражданской форме покупают товар у продавца и смотрят, проведет ли он его через кассу, предложит ли оплатить наличными средствами или переводом и т. д. Возможно употребление и стимулирующих мер: налоговые послабления в первые 3 года работы ИП, грантовое обеспечение стартапов и т. д. «Обеление» региональной экономики позволяет расширять налоговую базу региона до ее фактических объемов. С помощью аналогичных подходов обеспечивается и собираемость налогов.

Ставка на расширение налоговой базы не всегда детерминирует увеличение налогового потенциала. Если рост налоговой базы не покрывает потерь регионального бюджета, влекомых введением тех или иных послаблений с целью привлечения налоговой базы в регион, то принимаемые меры надлежит считать неэффективными. [11, с. 40]

Противоположным по смыслу методом наращивания налогового потенциала в таком случае выступает повышение налоговых ставок. Повышая налоговые ставки, региональные власти стремятся повысить отдачу наличествующей налоговой базы. Такой подход представляется целесообразным в случае, когда потенциал наращивания налоговой базы исчерпан: предприни-

матели не заинтересованы в перерегистрации, теневой сектор экономики подавлен настолько, насколько это возможно, а создание ОЭЗ не повлечет за собой эффекта. На практике же региональные власти предпочитают данный инструмент в качестве первоочередного, зачастую не предпринимая мер для расширения налоговой базы. Повышение налоговых ставок – это эффективный инструмент наращивания доходов регионального бюджета, влекущий, однако, отток налоговой базы в более лояльные налогоплательщикам регионы. [13, с. 108]

Еще одну группу инструментов выравнивания бюджетной обеспеченности на уровне субъектов РФ составляют инструменты сокращения (оптимизации) бюджетных расходов. Наиболее популярным способом оптимизации является бюджетный секвестр, предполагающий пропорциональное сокращение статей расходов в течении года; исключение составляют, так называемые, «защищенные» статьи бюджета (зарботные платы, социальные выплаты, средства дорожного фонда и др.).

Недостатком секвестирования выступает пропорциональное сокращение расходных статей без поправки на приоритетность и эффективность потенциальных расходов. Именно поэтому региональным министерствам финансов важно периодически проводить переоценку эффективности программных расходов, пересматривать перечень льготных категорий граждан, перераспределять расходные обязательства на уровень наиболее обеспеченных муниципальных образований. Так, к примеру, передача региональными органами власти части расходных обязательств (а вместе с ними и полномочий) на уровень административных центров субъектов является наиболее распространенной из предложенных нами практик. Кроме того, во многих регионах предусмотрены такие льготные категории, как «специалисты, работающие в сельской местности» и «молодые специалисты»; представляется, что в условиях кризиса сокращение мер поддержки данных категорий или их уточнение (не «Молодые специалисты», а «Молодые специалисты, работающие в сфере здравоохранения») является целесообразным. [6] В то же время региональные органы власти предпочитают не сокращать расходы по социальным обязательствам, так как подобное сокращение влечет за собой риски общественно-политического характера.

Еще один способ сократить индекс бюджетных расходов – расширить перечень услуг, оказываемых бюджетными учреждениями. Данный способ позволяет региональному бюджету снизить траты на обеспечение деятельности бюджетных учреждений посредством повышения способности этих учреждений частично покрывать свои собственные расходы. [6] Учреждения также по своей инициативе могут повышать стоимость предоставляемых ими услуг для покрытия расходов. Зачастую, конечно, учреждения зарабатывают денежные средства только на тех видах услуг, ради которых они были учреждены – расширение перечня этих услуг едва ли сказывается на доходности (за редким исключением).

Таким образом, региональные органы власти располагают достаточно широким инструментарием выравнивания обеспеченности собственных бюджетов. Приведенные нами инструменты повышения индекса налогового потенциала и снижения индекса бюджетных расходов не представляют собой исчерпывающий перечень таких инструментов. Можно утверждать, что эффективность выравнивания бюджетной обеспеченности того или иного субъекта во многом зависит от изобретательности специалистов регионального Министерства финансов и политической воли главы региона. Анализ эффективности отдельных методов выравнивания бюджетной обеспеченности региона надлежит произвести в ходе последующих исследований избранного нами предмета.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 31.03.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Габиева С. М. Некоторые проблемы бюджетного федерализма в современной России // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 20, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-byudzhethnogo-federalizma-v-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
3. Государственные программы // Правительство РФ : [офф. сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (дата обращения: 02.04.2026).
4. История налога на прибыль в России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/20931289> (дата обращения: 02.04.2026).
5. Киреева Е. В. Повышение эффективности системы управления региональными финансами // Киберленкин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-sistemy-upravleniya-regionalnymi-finansami/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Лучшая практика регионов России по оптимизации расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Министерство финансов РФ : [офф. сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=64636 (дата обращения: 02.04.2026).
7. Малис Н. И. Налоговые доходы региональных бюджетов: проблемы и перспективы // Киберленкин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-dohody-regionalnyh-byudzhetrov-problemy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
8. О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 22.11.2004 № 670 // Министерство финансов РФ : [офф. сайт]. URL: https://minfin.alreg.ru/method/method_21.html (дата обращения: 03.04.2026).
9. Попова М. Н. Программный бюджет как инструмент повышения эффективности управления расходами региональных бюджетов // Киберленкин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmny-byudzheth-kak-instrument-povysheniya-effektivnosti-upravleniya-rashodami-regionalnyh-byudzhetrov/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
10. Рукина С. Н. Управление налоговыми доходами региональных бюджетов // Киберленкин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-nalogovymi-dohodami-regionalnyh-byudzhetrov/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
11. Старкова О. В. Налоговые льготы и доходы регионального бюджета // Киберленкин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-lgoty-i-dohody-regionalnogo-byudzheta/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
12. Фарушкин М. Х. Методы выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов федераций (сравнительный анализ) // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 149, № 3. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_2087504180/149_3_gum_4.pdf (дата обращения: 02.04.2026).
13. Шогенова А. Т. Мониторинг и оценка качества управления региональными финансами Российской Федерации как инструмент оптимизации бюджетных расходов // Киберленкин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-i-otsenka-kachestva-upravleniya-regionalnymi-finansami-rossiyskoy-federatsii-kak-instrumenty-optimizatsii-byudzhethnyh/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).

УДК 338.48-6:910.1(985)+346.7

Грачева Е. В., Тула

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АРКТИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ

Аннотация. Систематизируются ключевые нормативные правовые акты, регулирующие развитие туризма в Арктической зоне России, а также определяются перспективные направления дальнейшего формирования законодательной базы в контексте задач государственного управления туристическим кластером в российской Арктике.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, арктический туризм, законодательство в сфере развития туризма.

Gracheva E. V., Tula

STATE MANAGEMENT OF ARCTIC TOURISM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: A BRIEF ANALYSIS OF THE REGULATORY FRAMEWORK

Abstract. This article systematizes the key legal acts governing tourism development in the Arctic zone of the Russian Federation and identifies promising areas for further development of the legislative framework in the context of public management of the tourism cluster in the Russian Arctic.

Keywords: legal framework, Arctic tourism, tourism development legislation

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) обладает уникальным природно-ресурсным потенциалом и стратегическим значением для устойчивого развития страны. В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к этому макрорегиону, что обусловлено как геополитическими факторами, так и возрастающим спросом на новые виды туризма, в том числе экологического и экспедиционного. Однако освоение туристического потенциала Арктики сопряжено с необходимостью решения сложных задач по обеспечению безопасности, сохранению хрупких экосистем и учету интересов коренных малочисленных народов Севера.

В этих условиях ключевая роль в формировании и реализации государственной политики в сфере туризма отводится органам государственного и муниципального управления. Эффективность управленческих решений напрямую зависит от качества и полноты нормативно-правовой базы, которая выступает основным инструментом регулирования данной отрасли, поэтому действующее законодательство должно не только создавать благоприятные условия для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры, но и устанавливать жесткие рамки для минимизации антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Интегрированный подход и комплексное регулирование развитием туризма в Арктической зоне Российской Федерации требует особого внимания ко всем аспектам управления: политическим, экономическим, социальным, экологическим. Поэтому в зависимости от сферы регулирования всю нормативно-правовую базу, регламентирующую развитие арктического туризма в нашей стране, можно условно разделить на несколько категорий [1].

1. Общие направления реализации комплексной государственной политики Российской Федерации.

1. Устойчивое развитие – нормативные правовые и подзаконные акты, ориентированные на внедрение принципов устойчивого развития страны в целом и субъектов РФ в частности. Сюда, например, будет относиться Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3].

2. Инфраструктурное развитие – нормативные правовые и подзаконные акты, стимулирующие развитие различных объектов туристической инфраструктуры, включая транспортные и логистические сети, гостиничные и развлекательные комплексы и пр., например, приказ Федерального агентства по туризму от 12.10.2022 № 467-Пр-22 «О статистической методологии расчета показателей национального проекта “Туризм и индустрия гостеприимства”, федеральных проектов “Развитие туристической инфраструктуры”, “Повышение доступности туристических продуктов” и “Совершенствование управления в сфере туризма”» [3].

3. Финансовая поддержка и субсидии – нормативные правовые и подзаконные акты, определяющие ведение налоговых льгот, грантов и субсидий для организаций и предпринимателей, занимающихся туристической деятельностью в Арктической зоне Российской Федерации, например постановление Правительства РФ от 18.02.2019 № 158 «О программе “Фабрика проектного финансирования”» [3].

4. Маркетинг и привлечение туристов – нормативные правовые и подзаконные акты, направленные на повышение объемов внутренних и международных туристических потоков через маркетинговые кампании и мероприятия, например распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [3].

5. Образование и подготовка кадров – нормативные правовые и подзаконные акты, регулирующие обучение и подготовку специалистов в области туризма, включая гидов и менеджеров по развитию туристического бизнеса – Приказ Минобрнауки России от 08.06.2017 № 516 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 Туризм».

II. Нормирование экологических факторов, предусматривающее сохранение уникальной природы арктических регионов и обеспечение в них экологической безопасности.

1. Законы и подзаконные акты об охране окружающей среды, предполагающие усиленные меры по контролю за соблюдением экологических норм и стандартов, чтобы сохранить природные ресурсы и биоразнообразие Арктики. Например, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который определяет основные принципы охраны окружающей среды, а также предусматривает меры по сохранению биологического

разнообразия, природных ландшафтов и объектов культурного наследия при организации туристических маршрутов.

2. Мониторинг и контроль за воздействием на окружающую среду нормативные правовые и подзаконные акты, предусматривающие разработку и введение в практику соответствующих органов государственной и муниципальной власти систем мониторинга и оценки воздействия туристической деятельности на окружающую среду. Сюда будут относиться Земельный, Лесной Водный кодексы Российской Федерации, Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» и др.

III. Нормативные правовые и подзаконные акты, способствующие созданию благоприятных условий для роста туристической отрасли именно в Арктике.

1. Нормативно-правовые и подзаконные акты федеральных органов государственной власти.

Основным нормативным правовым документом, определяющим принципы государственной политики в сфере туризма, гарантии безопасности туризма и защиту интересов туристов в целом, а также регулирующим порядок рационального использования туристских ресурсов и является Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [3].

Для уточнения и дополнения указанного Федерального закона в Российской Федерации за последние 10 лет был принят ряд ключевых нормативных правовых актов, определяющих ключевые направления развития туризма именно в арктических регионах РФ, а также меры поддержки туристической отрасли, реализация которых направлена на создание условий для привлечения инвестиций, развитие инфраструктуры и повышения качества туристических услуг:

- Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [3];

- Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденные Указом Президента РФ от 05.03.2020 № 164 [2];

- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденная Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645 [3];

- Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства РФ от 30.03.2021 № 484 [3].

При этом одними из главных задач, обозначенных в Стратегии развития Арктики заявлены комплексное совершенствование инфраструктуры туризма в Арктической зоне РФ, формирование доступной и комфортной туристской среды, а также продвижение туризма в Арктике на национальном и международном туристских рынках. Помимо этого, в России с 30 июня

2022 г. начали действовать национальные стандарты арктического туризма (ГОСТ) «Арктический туризм», не имеющие аналогов в мире. Эти стандарты распространяется на все туристские и экскурсионные услуги, оказываемые в Арктической зоне Российской Федерации юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности.

В стандартах с учетом сложных климатических и природных условий Арктики подробно описаны рекомендации по организации экскурсионных программ и туристических маршрутов, а также установлены требования к квалификации персонала, туристической инфраструктуре, транспорту и снаряжению. Отдельно в национальном стандарте закреплены правила организации коммуникаций во время путешествий, включая взаимодействие со спасательными службами и местными жителями. Кроме того, введена единая система навигации для туристов, совершающих поездки в арктические регионы: определены стандарты оформления информационных, ограничительных и предупреждающих знаков, а также указателей, информирующих о потенциальных опасностях, трудностях маршрута и близости эвакуационных пунктов.

В соответствии с положениями указанных законодательных актов, все туристические услуги, предоставляемые в российской Арктической зоне и включенные в состав турпродукта, должны оказываться только туроператорами, турагентами, объектами туристической индустрии, операторами информационных систем, а также организациями, предоставляющими услуги экскурсоводов, гидов-переводчиков и инструкторов-проводников только на основании заключенных договоров.

Вместе с тем для особо охраняемых природных территорий (ООПТ), расположенных в российской Арктической зоне, действует особый порядок: реализация турпродукта возможна только при наличии письменного договора между федеральным государственным бюджетным учреждением, управляющим ООПТ, либо соответствующим органом исполнительной власти (федеральным, региональным или муниципальным) и туроператором или иным заказчиком.

Кроме того, был определен перечень услуг, оказываемых в сфере арктического туризма и механизм оценки их качества, что в ближайшем будущем позволит сформировать систему объективного аудита удовлетворения потребностей туристов, а также упростит контроль и надзор со стороны государственных органов за соблюдением законодательства в этой области.

В частности, качество туристических и экскурсионных услуг на всех этапах их оказания в Арктической зоне РФ определяется в соответствии с требованиями действующих нормативных документов российского законодательства. При этом в стандарте особо отмечено, что оценка и контроль качества осуществляются двумя методами:

- экспертным, который основан на анализе и оценке деятельности специалистов отрасли, включая руководителей и менеджеров туристических и

экскурсионных организаций, а также на проверке технологических документов исполнителя услуг;

- социологическим, который включает проведение опросов и анкетирования туристов, анализ записей в книгах отзывов и интернет-отзывов, с последующим изучением и обобщением полученных данных.

2. Следует отметить, что в дополнение к действующим федеральным нормативным правовым и подзаконным актам в каждом субъекте РФ, входящем в состав Арктической зоны, существуют свои законы и программы развития туризма, учитывающие уникальные особенности и потребности конкретного региона. Региональное законодательство, как правило, дополняет и конкретизирует федеральные нормативные правовые акты. Вышеперечисленные федеральные законы задают общие рамки и принципы регулирования организации туристической деятельности в Арктической зоне РФ, в то время как регионы адаптируют эти положения к своим специфическим условиям и потребностям. Например, распоряжение правительства Чукотского автономного округа от 09.12.2019 № 487-рп «Об утверждении Стратегии развития туризма Чукотского автономного округа на период до 2025 года» и Постановление правительства Чукотского автономного округа от 29.12.2023 № 529 «Об утверждении Государственной программы «Развитие культуры, спорта и туризма Чукотского автономного округа» [3].

Как правило, в Основных направлениях регионального законодательства в сфере развития арктического туризма речь идет о следующих приоритетных областях работы:

- разработка и внедрение региональных программ и стратегий по развитию туризма, предусматривающих поддержку местного бизнеса, модернизацию туристической инфраструктуры и продвижение региона на рынке туристических услуг;
- реализация мер поддержки туристической отрасли, включая налоговые льготы, субсидии, гранты и иные финансовые инструменты для предприятий сферы туризма;
- утверждение стандартов и нормативов для объектов туристической инфраструктуры;
- привлечение инвестиций и развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) через реализацию соответствующих проектов;
- поощрение развития экологического туризма и мероприятий по сохранению природного наследия региона.

В целом для каждого из 9 субъектов РФ, входящих в Арктическую зону (4 региона полностью – Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа и отдельные территории Архангельской области, республик Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Красноярского края) органами региональной власти сформирована законодательная база, регламентирующая специфику развития туризма в каждом конкретном арктическом регионе [2]. В перечень таких документов обязательно входит закон субъекта

РФ (например, закон Красноярского края от 09.02.2023 № 5-1544 «О создании благоприятных условий для развития туризма в Красноярском крае») и Государственная региональная программа, определяющая перечень мероприятий по развитию туризма и их ресурсообеспечение (например, постановление правительства Красноярского края от 27.02.2024 № 124-п «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие туризма») [3].

При этом стоит отметить, что нормативно-правовая база развития туризма в Арктической зоне Российской Федерации на данный момент сохраняет фрагментарный характер и находится в стадии формирования. Многие аспекты остаются неурегулированными, что создает барьеры для бизнеса и органов власти на местах, поэтому необходимо дальнейшее совершенствование этого законодательства с учетом особенностей региона и потребностей туристической отрасли. Ведь нормативно-правовое регулирование туризма в Арктической зоне должно быть направлено не только на развитие туристической инфраструктуры и привлечение туристов, но и на сохранение уникальной природы и культуры региона, обеспечение экологической безопасности и устойчивое развитие территории. Это позволит улучшить безопасность путешествий и качество туристических услуг в арктической зоне России, а также создать благоприятные условия для развития туризма и повышения его вклада в социально-экономическое развитие региона.

Список литературы

1. Грачева Е. В. Арктический туризм : учеб. пособие для вузов. СПб. : Лань, 2025. 140 с.
2. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (в действ. ред.) : указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566091182>
3. Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие туризма» : постановление правительства Красноярского края от 27.02.2024 № 124-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407131972>

УДК 347(091)

Новикова Ю. О., *Владимир*

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ЦАРСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматривается трансформация правового регулирования одного из самых мощных социально-экономических движений, коим была российская кооперация в Российской империи. Отмечается, что потребительская кооперация занимала одно из центральных мест в означенном движении, поскольку основной целью деятельности потребительских кооперативов было обеспечение населения товарами народного потребления, а также повышение финансового благосостояния его членов. Показано, что именно формирование нормативно-правовой базы кооперации явилось правовой основой бурного развития данной формы хозяйствования в дореволюционный период.

Ключевые слова: кооперация, потребительская кооперация, потребительский кооператив, кооперативное законодательство.

Novikova Yu. O., *Vladimir*

CONSUMER COOPERATION IN TSARIST RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract. The article examines the transformation of legal regulation of one of the most powerful socio-economic movements, which was the Russian cooperative movement in the Russian Empire. Consumer cooperatives occupied a central place in this movement, as the main goal of consumer cooperatives was to provide the population with consumer goods and to improve the financial well-being of their members. It is shown that the formation of the legal framework for cooperation was the legal basis for the rapid development of this form of economic activity during the pre-revolutionary period.

Keywords: cooperation, consumer cooperation, consumer cooperative, cooperative legislation.

Нормативная правовая база, на которой строилась потребительская кооперация в России конца XIX в. была очерчена законодательством, регулировавшим смежные отрасли и нормативными уставами потребительских обществ.

Потребительская кооперация 1860-х гг. с точки зрения правового регулирования не отличалась от других видов кооперации. Потребительские кооперативы действовали на основании разрозненных, сформулированных самостоятельно и утвержденных соответствующим Министерством, в ведомстве которого находились, уставном документе.

Вопрос о возникновении первого потребительского общества в России остается дискуссионным в исторической науке. Некоторые авторы начинают отсчет истории потребительской кооперации с «Большой артели», основанной декабристами в Сибири в 1831 г. [1; 2; 4]. Однако большинство историков все-таки относят возникновение первого потребительского кооператива к 1860-м гг. [14, с. 132].

До 1890 г. потребительская кооперация в деревне была малозаметным явлением. По подсчетам Л. Е. Файна к 1890 г. численность утвержденных уставов потребительских обществ составляла всего 30. К 1900 г. в деревне функционировало 133 товарищества [14, с. 132].

Всего, по подсчетам теоретика кооперации А. В. Меркулова, к 1897 г. в России насчитывалось 332 сельских и городских потребительских общества, т. е. положительная динамика роста кооперативов достигала, в среднем, достигала 10 кооперативов в год [5, с. 10].

Обратив внимание на столь быструю динамику роста числа потребительских кооперативов, законодатель вынужден был выработать и утвердить форму первого правоустанавливающего документа, который внес бы единообразие в организационные формы направления функционирования всех видов потребительских обществ.

Так, 13 марта 1897 г. министром внутренних дел, в ведомстве которого находилась потребительская кооперация, утвердил первый Устав потребительского общества, включавший в себя 65 статей. Проект норм Устава 1897 г. были выработаны на Нижегородском торгово-промышленном съезде, проходившем в Нижнем Новгороде в 1896 г. [12]

Данный документ регламентировал цели, права, обязательства и подконтрольность общества, его численный, сословный и возрастной состав, органы управления и подсудность [13]. Образцовый Устав был первым документом, который был утвержден государственной властью с целью однообразия оформления правоотношений в сфере потребительской кооперации. Цель упорядочения деятельности потребительских товариществ, утвержденная в Уставе 1897 г., звучала и в правительственном Циркуляре хозяйственного департамента Министерства внутренних дел от 13 мая 1897 г. № 4190, адресованном губернаторам, отдавая в полномочия данным должностным лицам право утверждать потребительские общества исключительно в соответствии с утвержденным уставом, замены действующих уставов на новую его форму [7]. При этом министерство оставляло за собой право, в исключительных случаях, разрешать отступления от норм утвержденного устава и их редакции. Следует сказать, что понятие «исключительности случая» законодатель не определил.

Итак, основным и единственным учредительным документом потребительского общества конца XIX в. являлся Устав, утвержденный министром внутренних дел, который формально юридически, самим фактом утверждения данного правоустанавливающего документа, давал разрешение на начало деятельности кооператива. Все изменения и дополнения к Уставу конкретного потребительского общества происходили исключительно после их утверждения Правительством в установленном порядке с предоставлением объяснения причин необходимости данных действий [7].

Следует обратить внимание, что полномочие утверждения первого Устава потребительского общества было передано государством на уровень Министерства внутренних дел. Хотя, как было сказано выше, например, Устав ссудо-сберегательных товариществ 1865 г. был утвержден наивысшей государственной властью. Однако это никак не определяло роль потребительской кооперации относительно других ее видов.

Более того, часть подконтрольности деятельности потребительских обществ была передана законодателем на уровень губернаторов в части закрытия их деятельности в случае усмотрения в ней опасности государственному строю, общественной безопасности и нравственности [7].

Причины закрытия общества по усмотрению губернатором «по другим причинам», также было возможным, при согласовании последних с Министерством внутренних дел [7].

Переходя к анализу правового статуса учредителей потребительского общества в соответствии с нормами Устава, следует отметить, что п. 12 означенного документа в некоторой степени отражает одну из тенденций развития русского права XIX в. – движение к постепенному абсорбированию русской правовой традицией инкорпорированного Российской империей иностранного права, которая находила выражение, в том числе в расширении прав сословий и постепенном уничтожении сословных перегородок, консолидации общества в борьбе с сословно феодальными институтами самодержавия и пр. Пункт 12 Устава, определяя неограниченный количественно состав участников, обозначил вссословный круг физических лиц без гендерного и имущественного ценза.

При этом исключил право воспитанников учебных заведений, военно-служащих «нижних чинов» и лиц, ограниченных в правах по суду. Примечанием данного пункта Устав допускал поднадзорных лиц к участию в деятельности потребительского общества, но, исключительно в местностях, предназначенных для «выдворение на жительство».

К 1898 г. с увеличением числа потребительских обществ возникла необходимость в организации единого центра потребительской кооперации, который бы координировал деятельность всех потребительских обществ, стал бы площадкой общих кооперативных закупок, центром коммерческих операций кооперативов. В результате выработанных рекомендаций на Нижегородском Съезде 1896 г. о союзном строительстве потребительской кооперации, 16 июня 1898 г. Министерством внутренних дел было утверждено Положение о Московском союзе потребительских обществ (МСПО) [9].

С этого момента начал свою деятельность центр потребительской кооперации России – Московский союз потребительских обществ, трансформировавшийся в дальнейшем в Центральный союз потребительских обществ (Цетросоюз).

Так, в связи с принятием правительством ряда нормативных правовых актов, была создана правовая база для дальнейшего развития потребительской кооперации.

К 1900 г. численность потребительских кооперативов составила 376, из них 118 сельских, 134 городских, 91 рабочий, 33 чиновничьи [14, с. 135].

К 1911 г. потребительских обществ насчитывалось уже 6730. При этом формально уставов обществ данного вида было зарегистрировано 7698 [11, с. 5].

Численный состав потребительских обществ в России к означенному году был распределен следующим образом:

Европейская Россия – 5257 п. о., с численностью 123171,1 чел.

Привислинский край – 922 п. о., с численностью 13096,3 чел.

Кавказ – 217 п. о., с численностью 12 452,2 чел.

Сибирь – 291 п. о., с численностью 8986,8 чел.

Степные области и Средняя Азия – 43 п. о., с численностью 10 694,1 чел.

[11, с. 6].

Из приведенных статистических данных видно, что бурный рост числа потребительских обществ прослеживается после Первой русской революции. С 1906 г. число зарегистрированных уставов заметно росло. В период с 1906 по 1911 г. формально было разрешено к открытию более 70 % обществ, относительно предшествующих лет.

Исходя из приведенных выше данных видно, что плотность кооперации в России в степных и среднеазиатских областях выше более чем в 10 раз относительно Центральной России, несмотря на малый численный состав самих обществ.

При этом, из приведенных ниже данных видно, что на 1 января 1912 г., потребительская кооперация, все же, оставалась сельской. Сельские потребительские общества сохраняли за собой господствующее и исключительное положение в России. Они стояли вне численной конкуренции по сравнению с другими типами потребительских обществ.

Можно утверждать, что рост потребительских товариществ и их союзов спровоцировала либерализация торговой деятельности, в том числе внешне-торговых операций, все большее вовлечение населения в товарно-денежные отношения, но, без правовых основ, заложенных имперским законодательством, это не представлялось бы возможным. Следует отметить, что в имперской России не было выработано и утверждено общего кооперативного закона, который бы регулировал деятельность потребительских кооперативов. Товарищества действовали на основании, как было сказано выше, Нормального устава потребительных обществ 1897 г., который закрепил принцип верховенства Общего собрания товарищества, равноправность пайщиков и независимость их голосов от числа паев. Более того, кооперативный устав утвердил правовые основы деятельности потребительских товариществ, которые давали возможность массового, свободного вступления населения в кооперативные объединения.

В сложившихся благоприятных условиях экономической жизни страны для развития рыночных отношений именно эти правовые основы кооперативной деятельности дали возможность стремительному росту потребительской кооперации.

Следует подчеркнуть, что политика государственной власти в отношении кооперации в означенный период была неоднозначная. Признавая роль

кооперации в целом и потребительской, в частности, в деле повышения финансового благополучия граждан через автономию и самостоятельность, правительство видело в многочисленном кооперативном движении, способном мобилизовать огромные массы населения, угрозы для сложившейся государственности.

Уже с 1866 г. деятельность потребительских кооперативов, так же как и других видов кооперации, попала под жесткий контроль со стороны губернаторов. Положением Комитета Министров от 22 июля 1866 г. «О пространстве и пределах власти губернатора» в части, касающейся контроля за деятельность товариществ, законодатель дал право губернаторам закрывать неблагонадежные кооперативные объединения, в случае если усматривалась в их деятельности противоречащие имеющемуся законодательству противоправные деяния или угрожающие государственному правопорядку [8].

Эта позиция государственной власти прослеживалась и в 90-е гг. XIX в. В связи с изданием Положения от 12 июля 1889 г. «О земских участковых начальниках», правительство закрепило за земскими начальниками роль контрольного органа за деятельностью потребительских товариществ, которые могли по субъективным воззрениям закрывать деятельность кооперативных объединений [9]. Так, потребительские кооперативы попадали под жесткий контроль и надзор со стороны государства, ограничивающий демократические принципы кооперативной деятельности.

Оценивая результаты принятых положений, следует констатировать, что даже в условиях довольно жестких ограничений, установленных ими для кооперации, но при сохранении основ деятельности, она достигла существенного численного сдвига. По подсчетам Г. М. Запороженко к 1917 г. в России насчитывалось 23,5 тыс. потребительских обществ с числом членов 6,8 млн чел., паевым капиталом 109 млн руб. и оборотом до 1,8 млрд руб. [3, с. 70]

Однако, несмотря на динамику численности потребительских обществ, правовое регулирование потребительской кооперации в имперский период делало лишь первые шаги. Несмотря на принятый министерством внутренних дел первый уставной документ 1897 г., деятельность потребительских обществ была разрознена, поскольку не было выработано и утверждено единого кооперативного закона потребительской кооперации. В таком правовом положении потребительская кооперация находилась до принятия нового кооперативного законодательства 1917 г.

Таким образом нормативная правовая база, на которой строилась потребительская кооперация в России конца XIX в. была очерчена законодательством, регулировавшим смежные отрасли и нормативными уставами потребительских обществ. Потребительская кооперация 1860-х гг. с точки зрения правового регулирования не отличалась от других видов кооперации. Потребительские кооперативы действовали на основании разрозненных, сформулированных самостоятельно и утвержденных соответствующим министерством, в ведомстве которого находились, уставном документе.

Таким образом, процесс законодательного урегулирования деятельности первых потребительских обществ в имперской России отражал российскую правовую традицию, предусматривающую внедрение либеральных прав и свобод под жестким контролем и надзором государства. Как показывает анализ норм кооперативного законодательства конца XIX в., законодатель, с одной стороны, структурировал крестьянскую самодеятельность, позволяя ей на принципах самоуправления, самопомощи, самоорганизации проявлять способность к развитию первых общественных структур, которые давали импульс развитию гражданского общества и повышению благосостояния как материального, так и духовного, с другой стороны, создавал условия для «сцепления» частных и государственных интересов в частности, и общества в целом.

С точки зрения правового регулирования потребительской кооперации, мы считаем, что началом потребительской кооперации в России следует считать потребительское общество, которое возникло в 1865 г. на основании, утвержденного Министерством внутренних дел Устава от 23 октября 1865 г.

Следует отметить, что к 1865 г. не был выработан однотипный правоустанавливающий документ, на основании которого бы действовали все кооперативные объединения. Только по истечении времени, когда кооперация начала набирать обороты и объединять все большее количества населения, государственная власть обратила внимание на данное общественное движение, поставив задачу выработки норм образцово уставного документа Министерству внутренних дел, в ведении которого оно находилось.

Обратив внимание на столь быструю динамику роста числа потребительских кооперативов, законодатель вынужден был выработать и утвердить форму первого правоустанавливающего документа, который внес бы единообразие в организационные формы на правления функционирования всех видов потребительских обществ. Так, 13 марта 1897 г. министром внутренних дел, в ведомстве которого находилась потребительская кооперация, утвердил первый Устав потребительного общества, включавший в себя 65 статей. Исходя из анализа норм означенного Устава 1897 г., можно утверждать, что законодатель практически полностью отразил те концептуальные основы, на основе которых жила идея становления и развития российской потребительской кооперации конца XIX в.

Однако, несмотря на динамику численности потребительских обществ, правовое регулирование потребительской кооперации в имперский период делало лишь первые шаги. Несмотря на принятый министерством внутренних дел первый уставной документ 1897 г., деятельность потребительских обществ была разрозненна, поскольку не было выработано и утверждено единого кооперативного закона потребительской кооперации. В таком правовом положении потребительская кооперация находилась до принятия нового кооперативного законодательства 1917 г.

Список литературы

1. Валигурский Д. И. Тенденции развития организационно экономических форм кооперации в экономике регионов Сибири // Научно-теоретический журнал. 2022. № 2. С. 42–51.
2. Днепровский С. П. Кооператоры. М. : Экономика, 1968. 383 с.
3. Запороженко Г. М. Потребительская кооперация как фактор формирования гражданского самоуправления в Сибири начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 2. Т. 27. С. 69–76.
4. Козлова Е. Н. Артель декабристов в Сибири // Кооперация: страницы истории. М. : Наука, 1998 С. 17–42.
5. Меркулов А. В. Исторический опыт потребительской кооперации в России. Изд. 2-е. Пг. : Мысль, 1917. 32 с.
6. Мильнер Б. З. Теория организации. М. : Ин-т экономики РАН, 2000. 477 с.
7. Нормальный устав потребительных обществ. М., 1898. С. 9–10.
8. Положение Комитета Министров от 22 июля 1866 г. «О пространстве и пределах власти губернатора» // Полное собрание Законов Российской империи. II. Т. 41. Ч. 1. 1864. № 43501.
9. Положение о Московском союзе потребительских обществ, Утв. 16 июня 1898 г. М., 1916. 15 с.
10. Положения от 12 июля 1889 г. «О земских участковых начальниках» // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М. : Просвещение, 1990. С. 201–202.
11. Список всех потребительных обществ России, как действовавших, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб. : Тип. Л. Я. Ганзбурга. 1912. 192 с.
12. Труды высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде: Стенографические отчеты заседаний IV отделов. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. 103 с.
13. Устав потребительного общества. Аккерман, 1898. 22 с.
14. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк: 1861–1930. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2002. 598 с.

УДК 336.221

Палашенко Е. В., *Иркутск*

КОНТЕКСТЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БИЗНЕСМЕНОВ

Аннотация. Рассматриваются особенности уклонения от уплаты налогов через контексты: правовой, экономический, социокультурный и психологический. Показывается социальная динамика и общественный прогресс легитимных и нелегитимных практик общественного развития, способствующего закреплению уклонения от налогов или препятствующего этому процессу. На примере экспертного опроса представителей бизнеса приводится оценка выделенных сфер, которые подталкивают людей к уклонению от уплаты налогов.

Ключевые слова: уплата налогов, уклонение от уплаты, правовой контекст, экономический контекст, социокультурный контекст, психологический контекст, экспертная оценка, бизнес.

Palashchenko E. V., *Irkutsk*

CONTEXTS OF TAX EVASION AS PERCEIVED BY BUSINESS REPRESENTATIVES

Abstract. This article examines the characteristics of tax evasion across three contexts: legal, economic, sociocultural, and psychological. It demonstrates the social dynamics and societal progress of legitimate and illegitimate social development practices that facilitate or hinder tax evasion. Using an expert survey of business representatives as an example, it assesses the identified areas that encourage tax evasion.

Keywords: tax payment, tax evasion, legal context, economic context, sociocultural context, psychological context, expert assessment, business

Уклонение от уплаты налогов – это нарушение социально-правовых норм общественного договора, который функционирует в нашем государстве. Это то, что разрушает социальные рамки и принципы работы основных социальных институтов.

В данной работе рассмотрим пересечение основных сфер, способствующих уклонению от уплаты налогов: это социально-правовые нормы, экономические трансформации, социокультурные метаморфозы и психологические условия. Так как, по нашему мнению, именно эти сферы развивают социальные механизмы легитимного и не легитимного развития.

Нормативно-правовая сфера может стать толчком к уклонению от уплаты налогов, когда нормативные постановления и законы не работают в сложившихся социальных условиях. Из-за их несоответствия современных условиям и требованиям жизни, а также если они не помогают, а ограничивают развитие бизнеса. В этом случае, уклонение от уплаты налогов выступает инструментом фиксации правовых противоречий и неработающих законов, которые необходимо реформировать.

Экономическая сфера тормозит налоговые поступления из-за экономических санкций, реформ, раздутой налоговой базы, противоречивых экономических норм и прочих показателей, свидетельствующих о кризисе экономической системы государства. Тогда, уклонение от уплаты налогов выступает стратегией адаптации к меняющимся условиям.

Социокультурная сфера становится основой для неуплаты налогов при условии, что сложились неблагоприятные культурные, религиозные, исторические условия для выживания сообщества, культуры, народа. В этом случае, неуплата налогов выступает способом культурного реванша в сложных жизненных обстоятельствах.

Психологическая сфера вступает условной для уклонения от уплаты налогов в случае желания доказать свою активность, хитрость и ум, готовность рисковать и идти против системы, когда психологические качества человека направлены на готовность противостоять системе. Это становится актуальным, когда личность нуждается в формировании «образа врага» которого надо победить. Неуплата налогов выступает формой протеста.

В литературе рассматриваются вопросы правового поля в оценках россиян (Р. Г. Ардашев [1; 2], О. А. Полюшкевич [7–10]), роль социально-экономических условий во влиянии на следование закону или его нарушению (В. А. Скуденков [12–14]), непосредственно аспекты уклонения от уплаты налогов (П. А. Баев [3], Е. В. Палашенко [4–6], А. Г. Санина [11]).

Это разные условия и причины неуплаты налогов, чтобы раскрыть данные положения или их опровергнуть, нами был проведен экспертный опрос ($n = 18$) представителей бизнеса, юристов и бухгалтеров. Из них 10 мужчин

и 8 женщин в возрасте от 25 до 65 лет, занимающиеся бизнесом от 5 до 30 лет и имеющие непосредственный опыт работы с налогами. Эксперты опрашивались от 1,5 до 2 ч: материалы полустандартизированного интервью транскрибировались и анализировались при помощи программы Atlas.ti.

Представители бизнеса, говоря о контекстах формирования стратегий неуплаты налогов, говорили чаще об экономических противоречиях (40 %), правовых проблемах (30 %), психологических особенностях (20 %) и социокультурных предпосылках (10 %). В табл. 1 представлены примеры суждений.

Таблица 1

Причины неуплаты налогов в оценках представителей бизнеса

Сфера	Пример
Экономическая	<i>Если нет возможности честно работать из-за высоких налогов, то уклонение от уплаты налогов становится спасением, чтобы сохранить то, что есть (В. В., предприниматель, 45 лет) Налоговая нагрузка на средний бизнес значительно выше, чем может вынести этот бизнес. Если есть желание выжить, то необходимо искать альтернативные варианты и увы, они все вне легитимного поля (Т. Ю., бухгалтер, 53 года)</i>
Правовая	<i>Законы работают, прямо скажем, не эффективно – для одних действуют одни поправки, для других – другие, а средний бизнес просто страдает из-за первых и вторых (Т. Н., предприниматель, 37 лет) Нам нужна реформа всего законодательства, так как старые нормы противоречат новым, а все вместе не успевает за изменяющимися условиями жизни. Закон должен быть опорой общества, гарантом прав и свобод, а сейчас он не может на это претендовать. (В. А., юрист, 62 года)</i>
Социокультурная	<i>В обществе, где морально-этические и культурные нормы обесцениваются, говорить о верховенстве закона и формировании налоговой культуры нельзя. Налоговая мораль – это следствие глубокого духовного и мировоззренческого кризиса современных россиян. (Г. Е., предприниматель, 40 лет) В нашей стране нет преемственности в культуре предпринимательства, нет понимания того, что финансовая мораль – опора стабильного развития бизнеса, при условии, что правила не меняются по несколько раз в год. На сегодня мы наблюдаем со стороны государства постоянные поправки к выплатам налогов, со стороны предпринимателей – неверие в стабильное будущее и готовность идти на риск и не платить налоги (М. Ю., предприниматель, 38 лет)</i>
Психологическая	<i>Психология времени играет злую шутку со многими предпринимателями, так как нет уверенности в своем будущем и есть желание максимально взять прямо сейчас. Это деструктивно для экономики, и это разрушительно для психологии самого человека – он не живет будущим, так как в него нет веры, он живет настоящим и готов к нарушению. Моральных и правовых норм, так как и наказание возможно в будущем, а так как будущее не определено, то может и не будет его вовсе. (Т. Ю., юрист, 34 года). Это ментальная особенность россиянина, если есть возможность не платить – они ей воспользуются, не важно, официальная или не официальная это возможность. Это как ген, который передается из поколения в поколение. Психология неоплаты или уклонения от уплаты как характеристика нашего народа. (Г. Е., предприниматель, 30 лет)</i>

Эксперты в 80 % случаев говорили о неэффективности государственного аппарата и только в 20 % случаях личных вариантах и стратегиях обхода легитимных практик. Это фиксации на внешних условиях, которые формируют предпосылки для неуплаты налогов. Соответственно, необходимо регулировать социальное развитие в аспектах развития налоговой культуры и финансовой грамотности не только представителей бизнеса, но и рядовых граждан.

Контексты развития предпосылок уклонения от уплаты налогов могут быть разнообразны, при этом, профилактические и репрессивные механизмы развития профилактики данного деструктивного явления могут быть как просветительскими, так и репрессивными. Это зависит от внешних процессов социального развития, а также сложившихся практик социального взаимодействия.

Не хватает общего понимания, как работает налоговый механизм, на чем он основывается и что помогает регулировать. В чем отличия налоговых систем нашего государства и других стран. И многие другие вопросы, которые могут стать более понятны при организации публичных лекториев, мастер-классов для предпринимателей и молодежи, молодых мам и пенсионеров. Каждая такая группа – это пласт общества, который укрепляет существующие правила и нормы, так же как и социальные стереотипы общественного развития. Польза репрессивных мер в работе с теми, кто не платит налоги – только в публичном освещении данных примеров. Так как это может служить угрожающим (осуждающим) в глазах общественности примером поведения.

В табл. 2 представлены примеры просветительских и репрессивных механизмов работы по профилактике неуплаты налогов.

Таблица 2

Примеры оценок по эффективным стратегиям профилактики неуплаты налогов

Сфера	Пример
Просветительские мероприятия	<i>Чтобы налоговая культура определяла поведение предпринимателей, следует с детства и молодости проводить просветительно-образовательные мероприятия, помогающие людям сформировать необходимые багаж знаний и смыслов, помогающий им соблюдать закон (Т. Ю., юрист, 36 лет).</i> <i>Мастер-классы и лектории для разных социальных групп (от непосредственно предпринимателей до пенсионеров, от домохозяек до блогеров – могут стать основой экономико-правового просвещения, повышения налоговой культуры и в целом, финансовой грамотности (И. А., предприниматель, 31 год)</i>
Репрессивные меры	<i>Если поймали предпринимателя на неуплате налогов – надо применять соответствующие наказание, но, помимо этого, открыто в публичной сфере, в сети Интернет обсуждать негативные причины и главное серьезные последствия этого шага для общества, региона, людей и так далее. Только через такие примеры возможно изменить ситуацию в стране. (В. А., юрист, 62 года).</i> <i>Наказание за преступление – неизбежная мера. И оно должно быть соразмерным согласно преступлению, а также открыто освещаться в СМИ и сети Интернет. Для того чтобы общественность могла включаться в процесс социального развития. (Г. Г., юрист, 47 лет)</i>

Для экономических критериев ухода от неуплаты налогов – гарантий может служить «стратегия безопасности» в меняющихся условиях, способы адаптации к новым жизненным реалиям. Это основа социально-экономической социализации и экономического успеха в настоящем и будущем.

Для правовых критериев – знание законодательства, его очевидных и не очевидных нюансов позволит регулировать финансовые риски, в том числе в сфере уплаты налогов. Это стратегия высоко аналитического регулирования и перспектив социальной трансформации реальности.

Для социокультурных контекстов преемственность поколений является приоритетным условием развития налоговой морали и налоговой культуры. В этом ключе, просветительские мероприятия по налогам для пожилых и молодых людей могут послужить основой для связи и более тесного социального взаимодействия.

Для психологических контекстов – формирование уверенности в себе и своем завтрашнем дне через понимание того, что я делаю сейчас и какие основы своей жизни формирую сегодня – является принципом социальной динамики и личного развития. На этом могут формироваться индивидуальные траектории социального развития.

Таким образом, экспертное интервью позволило нам подтвердить, что уклонение от уплаты налогов выступает следствием разрушения правовых норм, экономического кризиса, социокультурной нестабильности и психологической неустойчивости сообществ и отдельных их членов. Воздействия комплексно на каждую сферу – можно уменьшить количество тех, кто уклоняется от уплаты налогов. Этому могут способствовать просветительно-образовательные проекты, а также публичные осуждающие (репрессивные) механизмы работы с представителями бизнеса и в целом общественности.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
3. Баев П. А. Неуплата налогов как показатель трансформации экономического сознания трудящейся молодежи // Социология. 2025. № 9. С. 39–43.
4. Палашенко Е. В. Неуплата налогов предпринимателями и процессы дезинтеграции общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2025. С. 489–493.
5. Палашенко Е. В. Неуплата налогов предпринимателями и процессы дезинтеграции общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2025. С. 489–493.
6. Палашенко Е. В. Неуплата налогов: критерий социального неравенства // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы IX Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Вологда, 2024. С. 246–249.

7. Полюшкевич О. А. Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : сб. материалов. 2018. С. 702–704.
8. Полюшкевич О. А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
9. Полюшкевич О. А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 84–89.
10. Полюшкевич О. А. Правовая культура и ментальные установки современников // I Восточно-Сибирский юридический форум : сб. материалов XXX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2025. С. 367–369.
11. Санина А. Г. Уклонение от уплаты налогов как социальный феномен и проблема управленческой практики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 5, № 23. С. 73–76.
12. Скуденков В. А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
13. Скуденков В. А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
14. Скуденков В. А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.

УДК 911.3

Петров Ю. В., Тюмень

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩИХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Приведены результаты систематизации происходящих социально-правовых трансформаций в ресурсодобывающих субъектах РФ. Даны основные направления деятельности для территориального менеджмента в области управляемой трансформации, ориентированной на достижение социально-экономического баланса в развитии.

Ключевые слова: территориальная общественная система, территориальная общность людей, муниципалитет, ресурсодобывающий субъект РФ, горная рента.

Petrov Yu. V., Tyumen

SOCIO-LEGAL TRANSFORMATIONS IN THE RESOURCE-PRODUCING REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The paper presents the results of systematization of the ongoing socio-legal transformations in the resource-producing regions of the Russian Federation. The main directions of activity for territorial management in the field of managed transformation, focused on achieving a socio-economic balance in development, are given.

Keywords: territorial social system, territorial community of people, municipality, resource-producing region of the Russian Federation, mining rent

Добыча природных ресурсов в определенной локации формирует соответствующие совокупности производственных объектов технологической сети, селитебные ареалы в которых проживают работники и их домочадцы.

При организации соответствующего масштаба добычи и разнообразия инструментов общие принципы проецируются на окружающую территорию. Таким образом формируются ресурсодобывающие регионы, со своей спецификой социально-экономического развития. Правовая организация в них закрепляется на уровне общего порядка организации муниципального устройства и субъекта РФ, но специфика функционирования экономики возводит соответствующие уникальные социальные образования, которые формируют отдельные институты. Функционирование таких сложных сочетаний требует обособленного подхода, в основе которого учет разнообразия и сохранение экономической, социальной и культурной идентичности.

Современная отечественная общественная география оперирует единицей исследования «территориальная общественная система», которая, во взаимосвязи с действующим нормативным правовым полем, может быть соотнесена с муниципальным образованием низового уровня: городское поселение, сельское поселение [1; 2; 7]. Но в условиях имеющегося в РФ разнообразия административно-территориального построения, культурной уникальности в организации жизни отдельных обществ, выделяются межселенные территории, на которых могут формироваться иные территориальные общественные системы: территории традиционного природопользования, вахтовые корпоративные поселения, автономные населенные пункты с удалением от всех, нелегитимные концентрации общества за пределами признанной селитебной зоны. К этому следует добавить и проходящий повсеместно процесс муниципальных преобразований, когда муниципальные районы преобразуются в муниципальные округа с ликвидацией городских и сельских поселений. Что приводит к усложнению функционирования в границах локальных низовых территориальных общественных систем, утрате соответствующей социальной уникальности.

При наличии и организации добычи природных ресурсов формируется одна совокупность взаимоотношений, но, неотъемлемым следствием извлечения горной ренты является переход месторождения в стадию падающей добычи с последующей консервацией. К этому следует добавить и техническое, технологическое развитие, которое иногда приводит к отказу потребителей от соответствующего природного ресурса в силу перехода на альтернативный ресурс, иной источник поступления. Такой переход сопровождается сопутствующими изменениями в социальной организации жизни в регионе, в сторону отъезда экономически-активного населения. Следовательно, тут требуется соответствующее сопровождение процессов социального обустройства, исключаяющего неконтролируемое стихийное развитие природопользования, а также задание приоритетов для всего муниципалитета, совокупности муниципалитетов, субъекта РФ в целом [8].

Таким образом, в организации социально-правового порядка в ресурсодобывающих субъектах РФ необходима выработка отдельной федеральной политики, позволяющей застраховать риски неконтролируемой перестройки

и снизить издержки экономического давления. Учитывая тот факт, что современные ресурсодобывающие территории в преобладающей части относятся к территориям со сложными природно-климатическими условиями, то данная задача коррелирует с направлениями по формированию конкурентоспособной экономики в Арктике, Сибири, в азиатской части страны. Также необходимо отчетливо фиксировать, что давление на экспортно-ориентированные торговые пути российского сырья со стороны геополитических противников будет только возрастать, соответственно, формирование устойчивых в социально-правовом отношении территориальных общественных систем на данной территории становится и вопросом государственной безопасности.

Выделим основные направления для организации сбалансированного становления территориальных общественных систем в ресурсодобывающих субъектах РФ:

1) фиксация контуров территориальных общественных систем в границах ресурсодобывающих субъектов РФ с приданием им статуса муниципального образования, вопреки сложившейся практики укрупнения;

2) выявление экономических детерминант в функционировании территориальных общественных систем, которые позволят обеспечить норму прибыли для субъектов территориальной общности людей, обеспечив закрепление молодежи;

3) внедрение стратегического планирования развития территориальной общественной системы, в котором соотносятся разноуровневые документы от федерального до местного уровня, а также документы различного соподчиненного характера: от стратегии до плана ее реализации и отчета о достижении/недостижении поставленных ключевых показателей эффективности;

4) постановка государственного задания для территориальной общественной системы, что обеспечивает сбалансированную долгосрочную поддержку определенных видов природопользования и связанных с ними образа жизни, культуры.

Каждая из позиций требует соответствующего применения, ориентированного на определенные характеристики локации, связности территории. И здесь, вопреки возобладавшему в конце XX в. в стране устремлению к свободному рынку, необходим четкий возврат к государственному планированию, но на современной технологической основе, с учетом геополитического положения [3; 4].

Первое отмеченное направление основано на отказе от авантюрных решений в области муниципального строительства в пользу выделения существующих территориальных общественных систем, с закреплением за ними возможности принятия решений по местным вопросам, включая ориентацию на сложившуюся совокупность культурных и религиозных ориентиров.

Выделение границ территориальных общественных систем в ресурсодобывающих субъектах может основываться только на полноценных географических исследованиях, которые должны дать инвесторам уже реальную карту

местности, без ориентации на атласы СССР и их множественное перепечатывание. Фактографическое представление ситуации на местах, с закреплением результатов в формальных документах. Основой для выделения территориальных общественных границ должны стать существовавшие границы сельсоветов и поселковых советов, границы природопользования определенных субъектов традиционного природопользования, границы социального планирования корпорациями при разработке своих значимых проектов. В результате должна сформироваться мозаика взаимодействующих территориальных общественных систем, в которых выделены местные источники организации управления: главы поселений, главы территорий традиционного природопользования, старосты вахтовых поселений, руководители сообществ охотников, переселенцы на проживание в удаленные места. Данная информация должна позволить донести управление территорией до непосредственных потребителей, а не создавать мнимые муниципальные округа, которые отдалают доступность представителей реальной власти от социальных потребителей на десятки километров труднодоступной местности.

Данные центры принятия управленческих решений де-факто существуют, функционируют, отличаются своей устойчивостью. Задача географов соответствующим образом оконтурить их границы и предоставить юристам материалы для организации здесь сбалансированного и самодостаточного муниципалитета.

Следующее направление – фиксация и поиск экономических предпосылок на сбалансированное развитие. Помимо фиксации существующих возможностей по добыче природных ресурсов необходимы акценты и в альтернативной плоскости. И тут необходим поиск приземленных потребностей, которые соотносятся с географическим положением и уже накопленным инвестиционным потенциалом. Работа может быть разделена на несколько стадий. Во-первых, создание паспортов территорий для современных месторождений, с оценкой долгосрочных перспектив, как в части параметров добычи, так и в части ценовых характеристик. Необходимо четкое, регулируемое участие отстаивание государственных интересов, направленное на снижение дисконтов для покупателей российской нефти, природного газа в условиях ввода рестрикций. При наличии ограничений должны включаться механизмы формирования запасов ресурсов, чтобы выйти на реализацию при более выгодной ценовой конъюнктуры. И тут каждый паспорт месторождения может дать информацию, когда ожидать консервацию добычи, что к этому моменту будет на территории с ее организационной и социальной частями. Во-вторых, можно начать движение в сторону иных природных ресурсов, которые также представлены, но используются ограниченно, либо с низкой эффективностью, особенно, в сравнении с мировыми лидерами в отрасли.

Данный альтернативный взгляд особенно важен в отношении субъектов традиционного природопользования. Оленеводство, сбор дикоросов, рыболовство, охота – все эти виды природопользования являются конкурентными

в ресурсодобывающих субъектах РФ, но остаются в сером поле, что приводит либо к низкой эффективности, либо к работе в серой зоне. Работа в последней зачастую является вынужденной, так как администрирование данного вида деятельности почему-то, так и не проводится со стороны фискальных органов, в силу закрепившегося патернализма [5; 6].

В-третьих, возникают перспективы для новых направлений хозяйственной деятельности, которые могут ориентироваться на сложившиеся природно-климатические и социально-экономические условия в ресурсодобывающих субъектах РФ. С одной стороны, отметим накопленные компетенции в области добычи природных ресурсов, что позволяет развивать сервисные направления. С другой стороны, могут использоваться природные особенности территории, монетизация природных условий, например, ветра для альтернативной энергетики, холода для охлаждения серверов центров обработки данных, переизбытка энерго мощностей для доступа майнеров в качестве потребителей.

Третье направление призвано дать жизнь планам развития территорий, которые были зафиксированы в разнообразных стратегиях, концепциях, мастер-планах, но так и не получили воплощения в жизнь. Значительная часть таких предложений всегда была нецелесообразной для реализации, носила не более чем шумовой эффект. А определенная часть стратегических планов всегда откладывалась, так как были в стране более важные дела, которые всегда в арьергарде оставляли приоритеты самой территории.

Четвертое направление ориентировано на фиксацию государством задания для территории. Населенные пункты в ресурсодобывающих субъектах РФ, часть из которых расположена в северных широтах, а часть – в Арктической зоне РФ. В этих условиях сохранение таких территориальных общественных систем отвечаем потребностям в государственной безопасности. Соответственно, не территория должна продолжать отдавать свои финансовые возможности в угоду приоритетных территорий (Северный Кавказ, Новгород, Венесуэла и Куба и т. д.), а с федерального центра должно поступать устойчивое финансирование под государственные задачи в Арктике: мониторинг, оборона, связь и т. п.

Таким образом, происходящие социально-правовые трансформации в территориальных общественных системах ресурсодобывающих субъектов РФ происходят, и будут со временем происходить, с различной степенью интенсивности. Есть все предпосылки для того, чтобы интенсивность только возрастала. В этом случае государственным интересам отвечает регулирование данного процесса с построением сбалансированного общества. Закрепление географически-выверенной позиции со стороны государства по отношению к существующим ресурсодобывающим субъектам РФ позволяет произвести данную трансформацию выверено и безопасно. А для закрепления долгосрочного статуса для безопасного развития территориальных общественных систем нужно и сопутствующее планирование на всех уровнях существующего и будущего государственного управления.

Список литературы

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М. : Мысль, 1983. 350 с.
2. Бакланов П. Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 4–12.
3. Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб. : Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. 663 с.
4. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования. М. : Госполитиздат, 1958. 200 с.
5. Ротова А. О., Петров Ю. В. Культурные особенности организации территориальных общественных систем автономных округов Тюменской области // Социальные и культурные практики в современном российском обществе: инициатива, партнерство, стратегии развития. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2024. С. 74–78.
6. Скрицкая М. К., Петров Ю. В. Система традиционного природопользования как источник воздействия на организацию территориальных общественных систем, // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2023. С. 357–360.
7. Шарыгин, М. Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17–25. DOI: 10.17072/2079-7877-2017-2-17-25
8. Transport Infrastructure for the Sustainable Development of Rural Territories in Siberia / V. V. Aleschenko, O. A. Aleschenko, Yu. V. Petrov, E. V. Rudoy // Transportation Research Procedia. Krasnoyarsk : Elsevier B. V., 2023. P. 750–754. DOI: 10.1016/j.trpro.2023.02.103.

УДК 351.85:338.48

Сакатунова В. А., Петровская О. А., *Краснодар*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация. Рассматривается система государственного управления туристической индустрией на примере Краснодарского края. Рассмотрены механизмы регулирования туристической сферы и эффективность государственной политики в данной сфере. Проанализированы направления государственного регулирования, включая нормативно-правовую базу, структуру государственных органов власти. Эмпирической базой послужили результаты социологического исследования, проводимого среди жителей Краснодара и Анапы. Выявлены ключевые факторы, которые влияют на развитие туризма, определено отношение населения к государственной поддержке отрасли, дана оценка эффективности уже существующих в настоящее время механизмов управления.

Ключевые слова: управление, государственное регулирование, туристическая сфера, нормативно-правовая база, туристическая инфраструктура, государственная поддержка, развитие туристической индустрии.

Sakatunova V. A., Petrovskaya O. A., *Krasnodar*

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF TOURISM ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR TERRITORY

Abstract. The article examines the system of state management of the tourism industry using the example of the Krasnodar Territory. The study is aimed at examining the mechanisms of regulation of the tourism sector and assessing the effectiveness of government policy in this area. The paper analyzes the directions of state regulation, including the regulatory framework, the structure of state authorities.

The empirical basis was the results of a sociological study conducted among residents of Krasnodar and Anapa. The study made it possible to identify key factors that influence the development of tourism, determine the attitude of the population to government support for the industry and evaluate the effectiveness of existing management mechanisms. **Keywords:** management, government regulation, tourism sector, regulatory framework, tourism infrastructure, government support, development of the tourism industry.

Термин «туризм» произошел от французского слова «tourisme, от tour – прогулка, поездка, который обозначает путешествия в свободное от работы время, одна из форм активного отдыха [7].

Можно выделить основные признаки туризма:

- путешествие, которое осуществляется ради удовольствия;
- деятельность людей, которые стремятся реализовать подобное путешествие;
- отрасль, которая нацелена на удовлетворение потребностей путешественников.

В широком смысле туризм обозначает комплексную систему, которая представляет собой часть социальной сферы, но в то же время межотраслевой объект государственного регулирования [6].

Государственное управление представляет собой сложную и динамичную систему, в рамках которой каждый элемент участвует в передаче, восприятии и преобразовании регулирующих воздействий, направленных на организацию общественной жизни. Системный характер управления обеспечивает взаимосвязь субъекта и объекта посредством механизмов прямых и обратных связей, способствуя достижению поставленных целей. В процесс государственного управления вовлечены государственные служащие, должностные лица, граждане, а также различные ресурсы – финансовые, материальные, организационные и человеческие. Основное назначение государственного управления заключается в целенаправленном воздействии на общественные отношения для обеспечения их устойчивого функционирования и при необходимости – их преобразования. К основным функциям относятся подбор и оценка кадров, учет и контроль, применение мер стимулирования и принуждения, прогнозирование, планирование и финансирование. Исполнение этих функций возложено на государственные органы, включая судебные, прокурорские и представительные структуры.

В сфере туризма государственное управление целесообразно рассматривать в двух аспектах. В широком понимании оно выступает разновидностью социального управления, посредством которого государственные институты различных уровней и ветвей власти осуществляют регулирование туристической деятельности для обеспечения ее стабильности и развития. В узком понимании государственное управление определяется как административно-управленческая деятельность федеральных и региональных органов исполнительной власти Российской Федерации и их должностных лиц, направленная на

выполнение функций и задач в рамках единой системы исполнительной власти [9].

Согласно ст. 4 ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ (изм.01.03. 2026) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», ключевыми целями государственного регулирования являются:

- 1) гарантия прав людей на отдых, свободу передвижения;
- 2) защита окружающей среды;
- 3) формирование условий для воспитательного, образовательного или оздоровительного воздействия;
- 4) развитие туристической индустрии, удовлетворение потребностей туристов, появление новых рабочих мест, увеличение дохода государства и населения, поддержание международных контактов, создание объектов туристического показа, целесообразное использование природного и культурного наследия.

Государство принимает активное участие при регулировании туристической сферы как приоритетного направления для развития.

Структура органов власти, которые регулируют сферу туризма в РФ, имеет несколько уровней:

- 1) Верхний уровень – Президент и Правительство РФ, определяют базовую политику отрасли;
- 2) профильные министерства: Минкультуры РФ, Минздрав РФ, МВД РФ, Минприроды и экологии РФ [5];
- 3) региональные органы власти (департаменты сферы туризма субъектов РФ), которые отвечают за управление на местах.

Туристическая индустрия охватывает большое количество сфер, которые требуют особого внимания и контроля со стороны государства [4].

Роль Президента РФ при управлении сферой туризма осуществляется на основе конституционных полномочий: достижение единства государственной власти и согласованной работы всех органов, назначение стратегических направлений политики, включающих социально-культурную и экономическую сферы, подписание и дальнейшее обнародование федеральных законов (ст. 84 Конституции РФ), издание указов и распоряжений (ст. 90 Конституции РФ).

В сфере туризма важным нормативным правовым актом является Указ от 22.12.1995 № 1284 «О реорганизации и развитии туризма в Российской Федерации», задача которого заключается во всесторонней поддержке отечественных туристических организаций [5].

Правительство РФ осуществляет развитие внутреннего и въездного туризма согласно распоряжению от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». Направлено на комплексное развитие туризма при учете поддержки регионов [8].

Сфера туризма также взаимодействует и с другими сферами:

– Минприроды и экологии РФ отвечает за целесообразное использование природных ресурсов, охрану территорий, находящихся под особой охраной, экологическую безопасность при формировании туризма.

– Минздрав РФ, Минтруд и соцзащита нацелены на создание оздоровительного и социального туризма.

– МИД РФ, МЧС РФ и МВД РФ отвечают за безопасность туристов, уведомляют об угрозах и осуществляют защиту граждан.

Данный механизм межведомственного взаимодействия необходим для эффективного развития сферы туризма, потому что вопросы отрасли касаются почти всех органов исполнительной власти.

Регулирование туристской отрасли представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую механизмы координации и стимулирования ее развития, а также согласование стратегических направлений на межгосударственном, национальном и региональном уровнях. Межгосударственное взаимодействие обеспечивается через деятельность региональных организаций и объединений, тогда как на национальном и региональном уровнях ключевую роль играют государственные органы и общественные ассоциации. Взаимосвязь туризма и культуры ориентирована на использование потенциала российской культуры как основы духовно-нравственного развития личности и общества, а также на продвижение туристской деятельности. Для достижения указанных целей необходимо обеспечить сохранение культурно-исторического наследия, расширение доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни, повышение качества и доступности туристских услуг, а также формирование условий для устойчивого развития культуры и туризма.

Для выявления мнения населения о политике государства в сфере туризма было проведено социологическое исследование среди жителей города Краснодара и Анапы.

На вопрос «Как часто Вы путешествуете?» было получено следующее распределение ответов: 1 раз в год и реже (редко) – 58,9 %; 2–4 раза в год (умеренно) – 30,4 %; чаще 4 раз в год (часто) – 10,7 %. Это свидетельствует о том, что в основном все люди путешествуют. Анкетирование показало, что 75 % опрошенных респондентов предпочитают путешествовать все-таки летом, намного меньше расположились другие варианты ответов: весной – 12,5 %; осенью – 8,9 %, а зимой – 3,6 %.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы предпочитаете организовывать свой отдых?» Большинство ответов (67,9 %) «самостоятельно». Это может свидетельствовать о том, что большинство людей сами организуют свой отдых.

Из проведенного анкетирования было выяснено, какие факторы влияют на решение о путешествии. Из них – цена на тур – 55,4 %, желание узнать что-то новое – 48,2 %, качество сервиса – 37,5 %, безопасность – 25 %. Ответы на

этот вопрос свидетельствуют о том, что люди чаще обращают внимание на цены тура, качество сервиса, безопасность, а также хотят узнать что-то новое.

На вопрос «Какие виды туризма наиболее Вам интересны?» было получено следующее распределение ответов: этнографический–39,3 %; событийный– 35,7 %; оздоровительный– 26,8 %; культурно-познавательный– 57,1 %, гастрономический– 37,5 %, спортивный– 32,1 %. Ответы на этот вопрос свидетельствуют о том, что многие люди предпочитают проводить свой отдых активно, постоянно узнавать что-то новое.

Из опроса было выяснено, что большая часть опрошенных оценивают развитие туризма в нашей стране на: 7– 23,2 %; 8– 19,6 %. Это свидетельствует о том, что хоть развитие нашего туризма и имеет довольно высокий уровень по мнению населения, но все равно есть к чему стремиться в дальнейшем.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что государство непосредственно должно регулировать сферу туризма: да– 66,1 %; скорее да, чем нет– 33,9 %. Никто из опрошенных не выбрал ответы «скорее нет, чем да» и «нет». Можно сделать вывод о том, что государство играет ключевую и очень важную роль в развитии и состоянии туризма в целом. Без него не было бы такого колоссального развития данной сферы.

На вопрос о том, «Как Вы относитесь к развитию сферы туризма за счет застройки природных территорий туристическими объектами?», результаты ответа расположились следующим образом: положительно 19,6 %; скорее положительно, чем отрицательно – 32,1 %; скорее отрицательно, чем положительно – 35,7 %; отрицательно – 12,6 %. Чуть более половины (51,7 %) склоняются к одобрению застройки, а 48,3 % обеспокоены экологическими проблемами.

На вопрос: «По Вашему мнению, как строительство туристических объектов влияет на экологию страны?» были получены следующие ответы: положительно – 21 %; скорее положительно, чем отрицательно – 25 %; скорее отрицательно, чем положительно – 43 %; отрицательно – 11 %. Можно сделать вывод о том, что чуть более половины (54 %) опрошенных считают, что строительство туристических объектов оказывает отрицательное влияние на экологию страны, тогда как 46 % относятся к этому положительно или скорее положительно.

Из опроса следует, что на вопрос: «В какой мере, по Вашему мнению, государственная поддержка помогает развивать сферу туризма в РФ?», 39,3 % ответили, что очень помогает, 58,9 % – незначительно помогает, 1,8 % – не помогает. Государственная поддержка влияет на развитие туристической сферы в Российской Федерации, но для этого необходимо учитывать особенности разных регионов и обеспечивать эффективное распределение ресурсов. Правительство Российской Федерации уже приняло целый ряд актуальных мер по поддержке туристической отрасли, учитывая ее важность

для экономики и развития страны. Это свидетельствует о том, что государство занимает неотъемлемое место в развитии всей сферы туризма. Без государства туристическая сфера не смогла бы развиваться в полной мере.

На вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли государству поддерживать предпринимателей в туристической индустрии?» большая часть (67,9 %) ответили, что да, это необходимо, 26,8 % – скорее да, чем нет. В последнее время все большую популярность набирает предпринимательская деятельность. Появляются и в дальнейшем развиваются различные проекты. Почти все опрошенные считают, что поддержка государства в предпринимательской деятельности очень необходима.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что почти все опрошенные (94,6 %) считают, что государственная поддержка важна для продвижения туристского продукта и только 5,4 % опрошенных ответили, что не важна. Это может сказать о том, что государство играет важную роль в развитии, процветании и продвижении туризма как передовой сферы общества.

На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что государство должно оказывать социальную поддержку населению в виде организации туристического отдыха?» были получены следующие ответы: да – 60,7 %, скорее да, чем нет 30,4 %, скорее нет, чем да– 5,4 %, нет– 3,5 %. Наша страна уделяет большое внимание поддержке своего населения, куда как раз и относится реализация социальных программ. Государство выделяет льготы и путевки для населения с целью оздоровления и поддержания состояния здоровья.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что на вопрос: «Какой из приведенных ниже критериев наиболее важен при развитии туризма?» респонденты ответили следующим образом: снижение цен на туристический продукт– 17,9 %, предоставление субсидий для юридических и физических лиц– 5,4 %, развитие качественной и безопасной туристской инфраструктуры– 57,1 %, повышение уровня осведомленности населения о туристических возможностях страны– 19,6 %. Наиболее популярными стали ответы: развитие качественной и безопасной туристской инфраструктуры, повышение уровня осведомленности населения о туристических возможностях страны, снижение цен на туристический продукт. Однако все критерии имеют большое значение и взаимное влияние, для успешного развития туристической сферы важно учитывать их в комплексе. Это подтверждение того, что для развития туризма необходимо улучшать и следить за состоянием инфраструктуры, потому что именно она и является одним из основных элементов развития туристической индустрии.

В настоящее время сфера туризма – активно развивающаяся отрасль в Российской Федерации. Она постоянно поддерживается государством. Периодически обновляются государственные программы, разрабатываются новые стратегии. Данная отрасль имеет огромный потенциал, потому что страна за-

нимает выгодное географическое положение, включает уникальное сочетание культурных и природных особенностей как Европы, так и Азии, обладает богатейшим культурным наследием и природным разнообразием [2].

Туристическая сфера является важным фактором социально-экономического развития регионов, оказывая положительное влияние на различные направления деятельности. Ее развитие способствует росту малого и среднего предпринимательства, повышению уровня жизни населения, созданию новых рабочих мест и форм самозанятости, увеличению налоговых поступлений в бюджет, а также стимулирует развитие смежных отраслей, таких как транспорт, здравоохранение, строительство и связь [3].

Государственная политика в туристической сфере является элементом не только внутренней, но и внешней политики РФ. Она устанавливает цели, приоритетные направления и инструменты для регулирования отрасли и поддержки ответственного, устойчивого и общедоступного туризма [1]. Именно долгосрочная стратегия необходима для управления туризмом. Она ориентирована на сохранение и продвижение национального наследия.

Исходя из этого, можно сказать, что регион Краснодарского края остается популярным, а сфера туризма постоянно растет и развивается. За счет этого край становится еще более привлекательным для гостей со всей страны.

Список литературы

1. Алиева В. С. Государственная поддержка развития отрасли туризма в РФ // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 1. С. 115–121.
2. Грибова Д. В. К вопросу о стратегии развития туристической индустрии РФ // Сервис в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 54–61.
3. Даниленко Н. Н., Рубцова Н. В. Влияние социальных функций туризма на устойчивое развитие региона // Известия ИГЭА Модернизация экономики региона. 2018. № 6. С. 45–50.
4. Краснодод Т. Л. Институционально-правовое обеспечение функционирования и развития индустрии туристических услуг // Вестник Донецкого национального университета. Экономика и право. 2023. № 3. С. 137–147.
5. Магеррамова Ф. Э. К., Балашов А. И. Система государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации // Международный журнал о профессиональной науке. 2019. № 5. С. 56–64.
6. Писаревский Е. Л. Государственное и муниципальное управление в сфере туризма. М. : Федер. агентство по туризму, 2014. 192 с.
7. Советский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 1599 с.
8. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сент. 2019 г. № 2129-р.
9. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 14.10.2024) // Гарант : справочная правовая система.

УДК 339.37

Ступникова А. А., Туриева А. С., Санкт-Петербург

ЦЕНОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ПО ОДНОМУ ТОВАРУ НА ПРИМЕРЕ МАРКЕТПЛЕЙСА OZON В РАЗЛИЧНЫХ РАЙОННЫХ ЦЕНТРАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ, ПСКОВСКОЙ, НОВГОРОДСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Аннотация. Рассмотрены особенности ценообразования на маркетплейсе Ozon с учетом региональных различий. Показано наличие признаков ценовой дискриминации, объясняющейся совокупностью факторов. Подчеркивается необходимость дальнейших исследований для более точной оценки влияния региональных особенностей на формирование цен.

Ключевые слова: маркетплейсы, ценовая дискриминация, ценообразование, региональные различия, логистика, спрос.

Stupnikova A. A., Turieva A. S., Saint Petersburg

PRICE DISCRIMINATION FOR A SINGLE PRODUCT ON THE OZON MARKETPLACE IN VARIOUS DISTRICT CENTERS OF THE LENINGRAD, PSKOV, NOVGOROD, AND VOLOGDA REGIONS

Abstract. The article examines the pricing features on the Ozon marketplace, considering regional differences. It shows the presence of signs of price discrimination, which can be explained by a combination of factors. The article emphasizes the need for further research to more accurately assess the impact of regional characteristics on price formation.

Keywords: marketplaces, price discrimination, pricing, regional differences, logistics, and demand.

Актуальность. В настоящее время происходит стремительное развитие маркетплейсов [1], что делает модель ценообразования более сложной и многофакторной. На практике один и тот же товар, продаваемый на одном и том же маркетплейсе, может иметь различную конечную стоимость в зависимости от пункта доставки. Выявление ценовой дискриминации на потребительских рынках и факторов, ведущих к ее возникновению, представляет большой интерес для торговых компаний (которым необходимо обеспечивать конкурентоспособность своих товаров [5; 12] и формировать лояльность покупателей [3]) и государства (в том числе и с точки зрения защиты интересов потребителей [6]).

Целью исследования является определение возможных факторов, обуславливающие ценовую дискриминацию по одному товару на примере маркетплейса Ozon в различных районных центрах Ленинградской, Псковской, Новгородской и Вологодской областях.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, сравнение.

Результаты. Под ценовой дискриминацией понимается ценовая стратегия, при которой в конкретный момент времени один и тот же товар для разных групп потребителей продается по разным ценам, при этом разница в цене не связана с различием издержек на производство этого товара или услуги. Основная цель данной политики – максимизация прибыли.

Различают три основных типа ценовой дискриминации: первой, второй и третьей степени [10]. Первая степень предполагает индивидуальное установление цены для каждого отдельного покупателя, исходя из его максимальной возможности платить за конкретный товар. Важным условием является сегментация покупателей. Для успешного использования стратегии компания должна хорошо знать и понимать свою аудиторию. На практике такая концепция ценообразования встречается довольно редко и представляется несколько идеализированной. При ценовой дискриминации второй степени цены устанавливаются в зависимости от объема сделки или условий приобретения товара. Например, кумулятивные скидки, скидки за покупку большого количества товара, разные тарифы в зависимости от времени (динамическое ценообразование, получившее широкое распространение, в частности, у транспортных агрегаторов) и т. д. Третья степень ценовой дискриминации учитывает ценовые сегменты потребителей, которые делятся по степени покупательской способности. В этом случае устанавливаются различные тарифы для различных групп населения. Это сегментация рынка по критерию статуса и платежеспособности покупателей – «богатым дороже, малообеспеченным дешевле» [8].

Современные цифровые розничные операторы имеют возможность отслеживать величину платежеспособного спроса потребителей путем сбора данных об активности пользователей, структуре спроса, региональных особенностях потребления и т. д. Это значительно расширяет область применения ценовой дискриминации.

Особенно ярко такие процессы проявляются на маркетплейсах, где благодаря наличию огромного количества информации, использованию автоматизированных систем и анализу данных есть возможность оперативно корректировать цены в зависимости от изменений показателей спроса, поведения покупателей и предложения от других продавцов [2]. Так возникает ситуация, при которой один и тот же товар в конкретный момент времени может иметь различную цену в зависимости от региона доставки. Это явление нетрудно проследить на практике, поскольку многие потребители хотя бы один раз сталкивались с этим.

Ценообразование – ключевой фактор успешной работы на маркетплейсах. В отличие от розничных магазинов, где цена, которую устанавливает продавец, относительно стабильна, на маркетплейсах процесс ценообразования представляет более сложный механизм, включающий многие факторы и специфику рынка. Важно понимать, что здесь цена товара складывается не только из себестоимости товара и наценки. Также необходимо учитывать логистические расходы, комиссию платформы, условия хранения, возвратов товаров, затраты на разработку карточки товара, рекламу и продвижение. На маркетплейсах алгоритмы автоматически корректируют цены в режиме реального времени, в том числе по активности конкурентов и остаткам товара на складе [12]. Если одни продавцы снижают цены на аналогичные товары,

то, как правило, другие продавцы тоже корректируют цену. Зачастую, если на складе остаются последние единицы товара, то для ускорения продажи всей партии продавец тоже снижает цену.

Существенным фактором является логистическая система маркетплейса. Такие платформы, как Ozon, имеют разветвленную систему логистики. Она включает в себя множество складов, сортировочных центров, пунктов выдачи. Более того, при расчете стоимости логистики Ozon применяет «индекс локализации», который предполагает, что чем ближе к конечному покупателю хранится товар, тем дешевле обойдется доставка [7]. Поэтому расходы на логистику могут оказывать значительное влияние на конечную цену товара. Это приводит к отличию цен в зависимости от региона, в который необходимо доставить товар.

Для анализа региональной дискриминации и выявления факторов, влияющих на конечную цену, был выбран товар массового потребления – электрическая зубная щетка Picoos T1 Lite Chrome Edition, широко представленная на маркетплейсе Ozon. Данный продукт относится к категории популярных бытовых товаров, спрос на этот предмет личной гигиены достаточно стабилен. Большинство электрических зубных щеток, представленных на маркетплейсах, имеют стандартные характеристики и небольшой размер упаковки, товар может долгое время храниться на складе, что позволяет корректно сравнивать цены одного и того же товара в различных регионах. Исследование проводилось путем сравнения итоговой стоимости товара при выборе различных регионов доставки. Рассматривались соседние регионы: Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская, Новгородская и Вологодская области. Анализ проводился по районным центрам регионов.

Рассчитаем процентное отклонение цен в регионах относительно минимального значения цены. Будем считать, что базовым значением является минимальная цена на данный продукт. Минимальное значение цена принимает в Вологодской области – 2964 руб. Это позволит наглядно увидеть, на сколько процентных пунктов цена в других регионах выше. Формула для расчета процентного отклонения:

$$\text{Отклонение} = \frac{P_{\text{регион}} - P_{\text{базовая}}}{P_{\text{базовая}}} \times 100 \%$$

где отклонение – искомое процентное отклонение цены в конкретном регионе относительно базовой цены, %; $P_{\text{регион}}$ – цена товара в рассматриваемом регионе, руб.; $P_{\text{базовая}}$ – базовая цена, с которой производится сравнение, руб.

Результаты расчета процентного отклонения представлены в таблице.

Проведенный анализ показал наличие ценовой дискриминации одного и того же товара в зависимости от региона доставки. Цена товара внутри области, независимо от удаленности от административного центра города, в который доставляется товар, не меняется.

Таблица

Анализ региональной ценовой дискриминации

Субъект РФ	Город	Цена зубной щетки Picoos T1 Lite Chrome Edition по состоянию на 30.03.2026, руб.	Отклонение от базовой цены, %
Санкт-Петербург и Ленинградская область	Санкт-Петербург	3011	+1,59
	Всеволожск		
	Гатчина		
Псковская область	Псков	3058	+3,17
	Великие Луки		
	Остров		
Новгородская область	Великий Новгород	3058	+3,17
	Старая Русса		
	Боровичи		
Вологодская область	Вологда	2964	0,00
	Череповец		
	Тотьма		

На основе данных можно сформулировать предположения об основных факторах, влияющих на ценовую дискриминацию. Безусловно, одной из ключевых причин являются логистические издержки. Маркетплейсы, в том числе Ozon, делят территорию на кластеры – зоны с разными коэффициентами доставки. Если товар находится на складе в одном кластере, а покупатель заказал товар в другом, то стоимость может быть увеличена. Стоимость рассчитывается автоматически: алгоритм самостоятельно рассчитывает конечную стоимость с учетом доставки в зависимости от удаленности конечного пункта доставки товара. Здесь работает правило: чем ближе регион доставки от склада, тем ниже региональный коэффициент. Логистика оказывает весомое значение на стоимость товара, но в данном случае определить ее роль не представляется возможным, поскольку исследуемые регионы находятся в одном кластере доставки Ozon.

Второй важный фактор – это спрос и платежеспособность населения. Такие города, как Санкт-Петербург и Вологда, являются более крупными и развитыми, здесь выше доходы населения, а следовательно, и покупательская активность. По данным Росстата среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по состоянию на 2025 г. в Санкт-Петербурге составляет 121 475 руб., Ленинградской области – 94 348 руб., в Вологодской – 80 975 руб., в Новгородской – 72 178 руб., в Псковской – 63 454 руб. [13]. В малых городах из-за ограниченности спроса и предложения цена может увеличиваться. Конкурентная среда оказывает значительное влияние на процесс ценообразования. Из-за того, что в крупных городах предложение больше, цена на товар может быть снижена, в малых же ситуация носит противоположный характер.

Также на конечную цену могут влиять определенные акции и скидки, продавец может участвовать в общей акции маркетплейса или специальной

для региона. Стоит помнить и о маркетинговых стратегиях, проводящихся продавцами. Не исключено, что продавец путем искусственного занижения цены в Вологодской области стремится повысить спрос на электрическую щетку, поскольку исследуемые субъекты находятся в одном кластере и, учитывая принцип логистических расходов, установленный маркетплейсом Ozon и оказывающий значимое влияние на цену, товар в Санкт-Петербурге должен быть дешевле, чем в Вологодской области, ведь склады находятся в пределах Санкт-Петербурга [7].

Выводы. Нам удалось установить, что существует разница цен на один и тот же товар на одном и том же маркетплейсе в разных регионах. Это позволяет сделать предположение о возможном применении ценовой дискриминации. То есть цена на товар может меняться со стороны продавца или платформы не только из-за определенных особенностей товара, но и под воздействием различий на региональных рынках и изменения потребительского спроса. При этом нельзя с уверенностью утверждать, что разница цен объясняется только или преимущественно ценовой дискриминации. На формирование цены оказывает влияние целый ряд факторов, связанных с особенностями работы маркетплейсов. Среди ключевых можно выделить факторы затрат, например, логистика, а также локальные маркетинговые мероприятия, такие как акции для регионов. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего исследования с учетом более широкого перечня товаров, других регионов и маркетплейсов для получения более обоснованных результатов.

Список литературы

1. Анализ российского рынка цифровых розничных маркетплейсов / В. В. Бахарев, А. М. Гильмутдинов, И. С. Масленников, Сян Сюе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2024. № 4(68). С. 199–208. DOI: 10.26456/2219-1453/2024.4.199-208. EDN RXWQQW.
2. Варнухов А. Ю. Особенности ценообразования на маркетплейсах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 69. С. 164–182. DOI: 10.17223/19988648/69/9. EDN JHODCC.
3. Довганева Ю. А., Назарова Э. А., Лытнева Л. Е. Повышение лояльности потребителей маркетплейсов в условиях турбулентной среды // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : сб. тр. Всерос. науч.-практ. и учеб.-метод. конф. Санкт-Петербург, 30 мая – 02 июня 2022 г. Т. 4. СПб. : С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2022. С. 40–44. EDN TVFNAS.
4. Кириллова Т. В., Зык Э. А. Потребительская лояльность: критический анализ подходов к определению // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9, № 2. С. 76–89. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-2-0-7. EDN FCFBKU.
5. Котляров И. Д. Комплекс интернет-маркетинга: новый подход // Интернет-маркетинг. 2015. № 6. С. 338–343. EDN VCMORD.
6. Пушкина П. И., Кораблева В. И., Малютенкова С. М. Анализ розничных цен социально значимых пищевых продуктов в розничной торговле Санкт-Петербурга // Неделя науки СПбПУ : материалы науч. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 13–19 нояб. 2017 г. Т. 4. СПб. : С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2017. С. 379–382. EDN YNACKJ.
7. РБК. «Комиссии маркетплейсов Ozon, Wildberries и «Яндекс Маркет»: полный обзор» // URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/67d92a3d9a79470f84da1c05#contents-drei> (дата обращения 01.04.2026).

8. Фасхутдинова М. С., Нуртдинов А. Р. Стратегии дифференцированного ценообразования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 2, № 3(50). С. 210–216. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_3_210. EDN BKAUCM.

9. Федеральная служба государственной статистики России. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_market_employment_salaries (дата обращения: 01.04.2026).

10. Цены и ценообразование на потребительских рынках / В. В. Бахарев, И. В. Капустина, Т. В. Кириллова [и др.]; Нац. открыт. ин-т. СПб. : Нац. информ. канал, 2021. 178 с. EDN XEDIWC.

11. Шестакова А. А., Божук С. Г. Метод ценообразования на основе машинного обучения // Глобальный научный потенциал. 2023. № 6(147). С. 221–224. EDN JMAUIV.

12. Якимчук Ю., Куприянова М. Ю. Ценовая политика как фактор конкурентоспособности торгового предприятия // Неделя науки СПбПУ : материалы науч. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 13–19 нояб. 2017 г. Т. Ч. 4. СПб. : С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2017. С. 195–197. EDN YNABPG.

13. Ozon. Таблица кластеров: тарифы для складов FBO // Ozon Seller-Edu : образовательная платформа для продавцов Ozon. URL: <https://seller-edu.ozon.ru/libra/fbo/warehouses/table-klastery?tag=Тарифы> (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 330.341.4

Удалых С. К., *Иркутск*

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Рассматриваются необходимость проведения государственных решений о структурной трансформации экономики страны и содержание Плана Правительства Российской Федерации по предстоящим структурным изменениям в экономике. Исследуются некоторые особенности организационной и методической подготовки к реализации планов структурных изменений в региональной экономике. Предлагаются мероприятия по совершенствованию исполнения этих изменений.

Ключевые слова: экономика, стратегическое планирование, структурные изменения, дорожная карта, региональные планы, мониторинг исполнения.

Udalых S. K., *Irkutsk*

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN ECONOMY: NECESSITY AND PROSPECTS

Abstract. The article considers the need for government decisions on the structural transformation of the country's economy and the content of the Plan of the Government of the Russian Federation for the upcoming structural changes in the economy. Some features of organizational and methodological preparation for the implementation of structural change plans in the regional economy are investigated. Measures are proposed to improve the implementation of these changes.

Keywords: economics, strategic planning, structural changes, roadmap, regional plans, performance monitoring.

Введение

Структурные изменения в экономике государства являются естественными и необходимыми процессами, происходящими, как правило на протяжении всей «жизни» страны. Изменения в структуре российской экономики

происходят, как правило, почти постоянно и представляют непрерывные социально-экономические процессы, идущие во времени и пространстве. По мнению ученых Института экономики РАН, изменения в структуре экономики – процесс непрерывный, но его интенсивность, направленность и факторы периодически меняются [7, с. 6]. Под структурой экономики чаще всего понимается соотношение между отраслями производства, которое отражает состояние общественного разделения труда, достигнутые уровни экономической эффективности, благосостояния и безопасности граждан. Структурные же изменения – это «подвижки», т. е. количественные и качественные изменения между составляющими экономической системы за определенный период времени.

К началу 2026 г. российская экономика подошла к такому особому напряженному периоду своего развития, когда объективно необходима определенная порция структурных изменений. Так, рост ВВП в 2025 г. составил лишь 1 %, а за три года – 9,7 %. Инфляция к концу 2025 г. достигла 5,8 %; темпы повышения реальных заработных плат за год выросли на 4,5 %. Производительность труда в стране поднялась всего на 1 %; уровень безработицы составил 2,2 %; международные резервы Банка России растут и составили 741,5 млрд. долларов [1]. Настоятельная необходимость структурных изменений объясняется потребностью общества в построении независимой и устойчивой экономики в современных условиях внешнего давления. Принятый Правительством РФ в конце 2025 г. План структурных изменений в российской экономике до 2030 г. является одним из способов обеспечения траектории экономического роста, которая необходима для достижения национальных целей и параметров прогноза социально-экономического развития Российской Федерации [5].

На структурные изменения в экономике влияют самые различные как внутренние, так и внешние факторы. К некоторым внутренним факторам влияния можно отнести такие: институциональные особенности хозяйствования, изменения в человеческом капитале, состав компетенций, технологический прогресс, изменения в спросе и предложении, инвестиционные процессы и др. Некоторый состав внешних факторов можно представить так: глобализация, масштабные экономические циклы, международная торговля, торговая политика, торговые войны, санкционные режимы, состояние финансовых рынков. Однозначно определить влияние факторов весьма сложно и чаще всего почти невозможно в современных не простых условиях взаимоотношений стран и недостаточного уровня развития необходимых экономико-математических методов.

Некоторые эксперты предполагают ограничения при исполнении Плана структурных изменений: дефицит квалифицированных кадров, технологические разрывы в критических цепочках, инерция бюрократии, капиталоемкость проектов обеспечения, сложность мониторинга исполнения задач и целей. Такие ситуации (когда в точности плановые показатели и индикаторы

частично не выполняются в настоящее крайне нестабильное время) очень часто происходят и с этим нужно смириться; главное же в исполнении целей и задач структурных изменений состоит в том, чтобы достигались общие неуклонные тренды улучшения хозяйствования, повышения устойчивости национальной экономики и социальной сферы. В связи с изложенными ограничениями необходима, как всегда, честная, настойчивая и профессиональная работа менеджмента всех уровней управления и регулирования развитием экономики и социальной сферы.

Краткая история проблемы. Бывший СССР и современная Россия во все исторические периоды осуществляли весьма удачные и не всегда удачные структурные изменения. Одним из первых проектов мощнейших структурных изменений стал План ГОЭЛРО, реализация которого позволила в относительно короткие сроки восстановить экономику и приступить к строительству новой страны и нового общества. К значительным историческим документам, осуществление которых привело к крупным структурным изменениям в экономике, относятся также план индустриализации страны, планы государства по переводу мирной экономики на военные «рельсы» в 1941–1945 гг. и планы послевоенных лет по восстановлению страны.

Санкционный и пандемийный периоды в последние годы также сопровождались постоянными и разного масштаба структурными изменениями в управлении страной и регионами. На Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2024) Президент РФ В. В. Путин доложил о 10 структурных изменениях, которые дали возможность успешно преодолеть массовые санкции и достичь высокой устойчивости экономики: это – внешнеэкономические отношения; качество экономического роста; новое качество труда; повышение производительности труда; цифровая платформенная революция; технологии и инновации; усиление роли малого и среднего бизнеса; раскрытие потенциала регионов России; снижение бедности и сокращение неравенства; повышение качества жизни российских семей [6].

Можно утверждать, что в Российской Федерации накоплен огромный опыт разработки и реализации планов структурных изменений в экономике и социальной сфере. Необходимо изучение этого опыта, имеющего как огромные достижения, так и упущения и провалы. По мнению экспертов, например, не выполненной оказалась «Концепция-2020» по причинам как объективного характера, так и вследствие управленческих и организационных ошибок и упущений [2].

Результаты исследования

1. План структурных изменений экономики до 2030 г., представленный российскому обществу в открытой печати, является весьма обобщенным и очень сокращенным государственным стратегическим документом; его можно считать только как «вершину айсберга», т. е. выжимку из необходимого большого пакета приложений к этому Плану в виде различных анали-

тических, плановых, организационно-распорядительных и нормативно-методических материалов, которые пока еще частично разработаны и большая часть их них еще находятся в стадии разработки. Все эти сопровождающие материалы доведены или будут доведены до федеральных и региональных органов власти для исполнения и мониторинга. Определенная секретность в раскрытии полного содержания Плана структурных изменений связана с современными условиями ведения против России гибридной войны недружественными странами.

2. План структурных изменений разработан в соответствии с поручением Президента РФ с учетом требований федерального закона о стратегическом планировании [4]. Общие задачи Плана состоят в том, чтобы достичь восстановления темпов роста отечественной экономики, улучшить деловой климат и жизнь населения, повысить производительность труда, поднять инвестиционную активность бизнеса. Отдельные важные цели Плана: создание современных и хорошо оплачиваемых рабочих мест в высокотехнологичных производствах; существенный рост потребления товаров российского производства; создание передовой технологической базы; повышение уровня технологического развития; образование новых возможностей внешней торговли; рост эффективности деятельности в сфере обороны и безопасности.

3. Общее содержание Плана структурных изменений включает 7 основных разделов (направлений), из которых только 5 опубликованы в открытой печати. Основными исполнителями Плана являются почти все федеральные и региональные министерства и ведомства, а также предприятия, производства и организации разных отраслей экономики и разных форм собственности. Для каждого раздела и направления изменений установлены задания, т. е. индикаторы достижения на каждый плановый год (табл.).

Таблица

Индикаторы Плана структурных изменений в экономике России до 2030 г.

№	Наименование индикатора	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Раздел I. Изменение структуры занятости							
1	Уровень занятости молодежи в возрасте 15–29 лет, %	47,0	47,6	48,5	49,6	50,8	52,0
2	Уровень трудоустройства выпускников, %						
	– организаций среднего профобразования	67,0	69,0	71,5	74,5	78,0	81,3
	– организаций высшего образования	75,7	76,6	77,7	78,8	80,1	81,4
3	Соотношение средней заработной платы выпускников к средней зарплате по стране, раз						
	– организаций среднего профобразования	0,67	0,67	0,67	0,67	0,68	0,68
	– организаций высшего образования	1,28	1,30	1,31	1,32	1,33	1,34

Окончание табл.

№	Наименование индикатора	2025	2026	2027	2028	2029	2030
4	Рост производительности труда к 2023 г., %	105,7	108,1	111,1	114,2	117,4	120,7
Раздел 2. Изменение структуры потребления							
1	Уровень бедности, %	7,9	7,6	7,3	7,0	6,7	6,5
2	Реальные денежные доходы населения, в % к предыдущему году	106,2	104,8	103,5	103,1	103,1	101,1
3	Доля импорта товаров и услуг в структуре ВВП, %	18,3	18,7	18,6	18,3	17,8	17,0
4	Доля креативных индустрий в экономике, %	4,2	4,6	5,0	5,3	5,7	6,0
5	Доля туристской отрасли в ВВП, %	3,0	3,4	3,9	4,4	4,7	5,0
Раздел 3. Повышение качества инвестиционного климата							
1	Прирост объема инвестиций в основной капитал к 2020 г., в %	39,0	42,1	45,7	49,9	54,6	60,0
Раздел 4. Повышение уровня технологического развития							
1	Комплексный индекс технологической независимости России, %	10,69	20,03	35,48	52,31	72,64	100,00
2	Объем выручки малых технологических компаний, млрд руб.	710	941	1197	1478	1733	1951
3	Достижение цифровой зрелости государственного и муниципального управления, %	45	56	67	78	89	100
Раздел 5. Формирование нового качества внешней торговли							
1	Доля машинотехнического импорта в общем объеме импорта, %	38	39	40	41	42	43
2	Доля дружественных стран во внешнем торговом обороте, %	83	84	85	85	86	87
3	Прирост объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров к 2023 г., %	0,5	4,5	13,6	31,5	47,6	67,0

Составлено автором по данным Плана структурных изменений в экономике РФ [5].

4. Особое внимание в Плате структурных изменений уделяется повышению технологического развития экономики страны (раздел 4). В расшифровках этого раздела спрогнозированы существенные структурные сдвиги в отдельных отраслях и направлениях. Так, с 2024 г. по 2030 г. уровень технологической независимости должен возрасти следующим образом (в % -х): в производстве средств производства – с 65 до 95, по новым материалам – с

43 до 100, в космической деятельности – с 55 до 74, в сфере здравоохранения – с 30 до 80, в сфере продовольственной безопасности – 48 до 67, в отрасли беспилотных авиационных систем – с 38 до 81, в топливно-энергетическом комплексе – с 30 до 90.

6. В Плане структурных изменений определена общая самая верхняя схема мониторинга и контроля за достижением установленных заданий: так, по всем разделам, направлениям и индикаторам назначены ответственные персоны на уровне заместителей Председателя Правительства РФ и руководителей федеральных министерств и ведомств (Минпромторг России, Минэкономразвития России, Минпросвещения России, Минобрнауки России, Минстрой России, Минтруд России, Минфин России, Минтранс России, Минэнерго России, Минцифры России, Минприроды России, Минсельхоз России, Минздрав России, Минкультуры России, Банк России, Росмолодежь, Роскосмос и др.).

Авторские выводы и предложения

1. Оценка направлений, показателей и индикаторов Плана структурных изменений показывает, что предстоит большая конкретная работа по реализации указанного стратегического документа как на верхнем, т. е. федеральном уровне, так и на региональных и муниципальных уровнях. На федеральном уровне, по нашему мнению, должны быть разработаны соответствующие методические, организационные и нормативные акты; на «нижнем» уровне – необходимо создать непосредственно рабочие плановые и проектные документы и на основе их осуществить все организационные и регулятивные действия по реализации принятых решений. Практическая деятельность по структурным изменениям должна осуществляться в каждом регионе страны с учетом местных условий и начавшегося исполнения национальных и федеральных проектов.

2. Общая координационная деятельность по мониторингу реализации Плана структурных изменений осуществляется Минэкономразвития России; поэтому указанному ведомству, по нашему мнению, необходимо поручить разработку, как минимум, таких федеральных документов:

– Дорожная карта реализации Плана структурных изменений в экономике России (карта должна показать облик российской экономики в 2030 г.: оптимальную структуру экономики страны; высокий уровень эффективности страны; высокий уровень благосостояния граждан; надежный и долговременный уровень устойчивости экономики; обеспечение высокого и надежного уровня безопасности страны и населения);

– Перечень и состав региональных плановых и отчетных документов о реализации Плана структурных изменений;

– Методические указания по разработке региональных планов реализации Плана структурных изменений;

– Методические указания по раскрытию в региональных планах направлений, разделов и декомпозиции индикаторов структурных изменений, заложенных в федеральном Плане структурных изменений;

– Методические указания по увязке, согласованию и объединению целей, задач и мероприятий, содержащихся в региональных планах выполнения Плана структурных изменений, в национальных и федеральных проектах;

– Методические указания по распределению государственных субсидий на осуществление мероприятий и возведение объектов недвижимости по региональному Плану структурных изменений.

3. На региональном уровне предстоит самая важная практическая проектно-плановая и исполнительная работа, том числе следующее:

– проведение «Технико-экономического анализа эффективности региональной экономики и ее структурного состояния» с выявлением конкретных факторов, влияющих на ускорение и замедление развития территории и отраслей хозяйствования;

– разработка «Регионального (территориального) плана структурных изменений в экономике региона» (с расчетами необходимых ресурсов для исполнения плана);

– разработка «Территориальной схемы размещения и развития объектов (здания, сооружения) недвижимости разных отраслей экономики», необходимых для исполнения целей и задач регионального Проекта структурных изменений;

– изыскание и включение в региональный бюджет денежных ресурсов для финансирования возведения новых объектов, реконструкции и модернизации действующих производств в целях осуществления структурных изменений в экономике региона.

4. Предлагается модернизация федерального Плана структурных изменений. Для этого рекомендуется дополнительно к действующим 7 разделам (два раздела из них являются закрытыми) включить следующее:

– раздел 8 «Изменения в структуре собственности» (возврат в государственную собственность производственных активов, приватизированных с нарушением законодательства о приватизации; переход в государственную собственность убыточных и низкоэффективных производственных активов; введение жестких правил возврата или выкупа у государства иностранными лицами оставленных ими ранее на территории России производственных активов; создание на базе убыточных или низкоэффективных производственных активов народных предприятий);

– раздел 9 «Изменения в создании и функционировании недвижимости» (развитие конкурентной среды за счет создания государственных строительно-монтажных организаций; ускоренная цифровизация строительной отрасли и промышленности строительных материалов; снижение стоимости жилищного строительства);

– раздел 10 «Развитие «экономики предложения» (снижение барьеров для производства товаров и услуг; развитие сбалансированной налоговой политики; укрепление инфраструктурной сети; развитие выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности; развитие делового туризма; продвижение национальных и региональных брендов);

– раздел 11 (предлагается закрытым) – «Перевод действующей экономики на военные «рельсы» (в качестве подготовительных мер в связи с возможностями открытия недружественными странами военных действий на территории России).

5. В настоящее время в стране действует несколько десятков различных стратегических документов (государственных программ и отраслевых стратегий развития) и два десятка национальных проектов (вместе с пакетами федеральных проектов), эффективная реализация которых может быть достигнута на территориях 89 регионов лишь при согласованности и координации деятельности всех уровней власти, министерств и делового сообщества. Исполнение Плана структурных изменений в экономике также требует соответствующих предметных согласований со многими указанными стратегическими документами. Для проведения подобной сложной работы предлагается активное участие недавно созданной в России специальной рабочей группы по координации институтов развития Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам [3].

6. В целях выработки наиболее эффективных мер по конкретным структурным изменениям в экономике регионов, например, Байкальской природной территории (в нее входят Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край) предлагается организация Всероссийской Конференции по развитию производительных сил этой макротерритории (наподобие Конференции с таким же названием, которая была проведена в г. Иркутске в августе 1947 г.) или возродить Байкальский экономический форум (проводился в г. Иркутске в 2000–2011 гг.).

Заключение

Рассмотренный План структурных изменений в экономике является, по нашему мнению, пока только первым этапом задуманных перспективных кардинальных преобразований в структуре хозяйствования и социальной сфере России. После 2030 г. объективно понадобятся новые еще более весомые и содержательные структурные трансформации. Разнообразные ресурсы страны – энергетические, природные, интеллектуальные, технологические и цифровые позволяют российскому народу при правильных методах планирования, управления, регулирования и контроля многих процессов достичь весьма высоких социально-экономических результатов.

Список литературы

1. Итоги года с Владимиром Путиным 19.12.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/78815 (дата обращения: 24.02.2026).

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. URL: <http://government.ru/info/6217> (дата обращения: 24.02.2025).

3. О специальной рабочей группе по координации деятельности институтов развития Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам : распоряжение Президента РФ от 05.06.2025 № 222-рп. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51985?ysclid=ml6ihg86vx34736153> (дата обращения 24.02.2026).

4. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/70684666/?ysclid=mktswsc979266524796> (дата обращения 24.02.2026).

5. План структурных изменений в российской экономике до 2030 года : утв. протоколом заседания Правительства РФ от 27.11.2025 № 41. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413219438/?ysclid=ml83husvlg386457498> (дата обращения 24.02.2026).

6. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума : доклад Президента РФ В. В. Путина 07.06.2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/_transcripts/74234?ysclid=mlfirzbxccl889616537 (дата обращения 24.02.2026).

7. Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации : науч. докл. / Е. Б. Ленчук (отв. ред.), Н. Ю. Ахапкин, Л. Н. Лыкова, И. А. Николаев, В. И. Филатов. М. : ИЭ РАН, 2025. 72 с.

УДК 330.113.6

Шалимов И. В., Ефремов Н. О., *Курск*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Исследуется влияние экономических факторов на социально-правовые трансформации общества, рассматривается взаимосвязь экономических процессов с изменениями различных типов. Особое внимание уделяется роли цифровизации, государственного регулирования адаптации правовой системы к действующим изменениям и реалиям, анализируются механизмы влияния экономических детерминант на социальную политику, трудовые отношения и защиту граждан.

Ключевые слова: социально-правовые трансформации, экономические детерминанты, цифровизация экономики, рыночные отношения, социальная защита.

Shalimov I. V., Efremov N. O., *Kursk*

THE ECONOMIC DETERMINANTS OF SOCIO-LEGAL TRANSFORMATIONS IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article explores the impact of economic factors on the socio-legal transformations of society, and examines the relationship between economic processes and changes of various types. Special attention is given to the role of digitalization and state regulation in adapting the legal system to current changes and realities, and the mechanisms of the influence of economic determinants on social policy, labor relations, and the protection of citizens are analyzed.

Keywords: socio-legal transformations, economic determinants, digitalization of the economy, market relations, and social protection.

Современное общество переживает период стремительных перемен, и во многом их направление задается экономикой. Меняются формы занятости, усиливается влияние цифровых технологий, трансформируются механизмы

распределения ресурсов – вместе с этим перестраиваются социальные отношения и правовые нормы. Экономические процессы перестали быть лишь фоном общественной жизни: сегодня они напрямую формируют правила поведения, границы ответственности и возможности человека в социуме.

Особенно заметно это проявляется в периоды кризисов и структурных преобразований, когда привычные институты оказываются под давлением новых условий. Правовая система вынуждена адаптироваться к изменениям в производстве, рынке труда, финансовой сфере. Государство, в свою очередь, ищет баланс между свободой экономической активности и необходимостью социальной защиты.

Экономические детерминанты общественного развития традиционно рассматриваются как глубинные причины изменений в социальной и правовой сферах. Речь идет не просто о динамике производства или уровне доходов населения, а о более широких процессах – распределении ресурсов, характере собственности, структуре занятости, уровне технологического прогресса. Именно эти факторы формируют основу, на которой выстраиваются социальные отношения и закрепляющие их правовые нормы.

В разные исторические периоды экономическая модель общества определяла и его социальную архитектуру. При доминировании аграрной экономики складывались одни формы зависимости и регулирования, с переходом к индустриальному производству возникли иные механизмы организации труда, социальной защиты, ответственности работодателя и работника. Переход к постиндустриальной и цифровой экономике вновь меняет правила игры. Право реагирует на эти изменения не мгновенно, но неизбежно, поскольку без нормативного закрепления новые экономические отношения остаются нестабильными.

Сущность экономических детерминант заключается в их способности задавать рамки возможного. Уровень развития производительных сил влияет на содержание социальных прав, на объем гарантий, которые государство способно обеспечить гражданам. Если экономика демонстрирует устойчивый рост, расширяются программы социальной поддержки, усиливается защита трудовых прав, развиваются институты страхования и пенсионного обеспечения. В условиях спада, напротив, происходит пересмотр обязательств, оптимизация расходов, трансформация системы льгот и субсидий. Вследствие этого социальная политика приобретает более адресный и прагматичный характер [1].

Особое значение имеет структура собственности. Концентрация капитала в руках ограниченного круга субъектов усиливает социальную дифференциацию, что неизбежно отражается на правовом регулировании. Возникает потребность в антимонопольных механизмах, в инструментах перераспределения доходов, в усилении контроля за соблюдением стандартов труда. Если же преобладает малый и средний бизнес, правовая система ориентируется на поддержку предпринимательства, упрощение административных

процедур, снижение регуляторной нагрузки. Экономическая конфигурация общества буквально «подсказывает» законодателю приоритетные направления нормотворчества [2].

Не менее важным фактором выступает рынок труда. Изменение форм занятости – рост фриланса, платформенной занятости, гибких графиков – ставит под вопрос традиционные модели трудового права. Классическая схема «работодатель – работник» уже не охватывает всего многообразия отношений. Появляются самозанятые, цифровые посредники, гибридные формы сотрудничества. Право вынуждено адаптироваться, вводить новые категории, уточнять критерии ответственности, пересматривать механизмы социальной защиты. Это позволяет сохранить баланс интересов и снизить уровень правовой неопределенности.

Технологический прогресс также выступает мощной экономической детерминантой. Автоматизация и цифровизация производства сокращают потребность в ряде профессий и одновременно создают новые сферы занятости. Социальные последствия этих процессов значительны: меняется структура образования, усиливается конкуренция на рынке труда, возрастает значение непрерывного профессионального развития. Правовые нормы в сфере образования, занятости, интеллектуальной собственности трансформируются под влиянием новых экономических реалий.

Экономические детерминанты проявляются и через финансовую систему. Доступность кредитов, уровень налоговой нагрузки, характер бюджетной политики формируют условия для социальной мобильности и предпринимательской активности. Налоговое право, бюджетное регулирование, механизмы финансового контроля становятся инструментами воздействия на социальную структуру общества. Через них государство способно стимулировать определенные отрасли, поддерживать уязвимые группы населения, корректировать дисбалансы.

В итоге становится очевидно, что экономические детерминанты не сводятся к абстрактным показателям роста или спада. Они пронизывают все уровни общественной жизни, задавая направление социальным и правовым изменениям. Правовая система не существует изолированно: ее содержание, приоритеты и инструменты во многом определяются экономической основой общества. Понимание этой взаимосвязи позволяет глубже осмыслить характер современных трансформаций и увидеть за правовыми реформами более широкий контекст экономического развития.

Экономические кризисы и структурные преобразования оказывают особенно заметное влияние на трансформацию правовых институтов. В периоды стабильности изменения происходят постепенно, без резких колебаний, однако кризисные явления обнажают слабые места правовой системы и заставляют пересматривать устоявшиеся нормы. Экономический спад, рост безработицы, инфляция, сокращение бюджетных доходов – все это напрямую отражается на механизмах правового регулирования.

Во время кризиса усиливается потребность в гибкости законодательства. Жесткие и избыточные нормы начинают восприниматься как препятствие для восстановления экономики. Вследствие этого появляются временные правовые режимы, упрощенные процедуры регистрации бизнеса, налоговые льготы, отсрочки по обязательствам. Право в подобных условиях выполняет антикризисную функцию, стремясь создать пространство для адаптации хозяйствующих субъектов к новым реалиям.

Одновременно кризис обостряет социальные противоречия. Снижение доходов населения, рост долговой нагрузки, сокращение рабочих мест усиливают напряженность в обществе. Правовые институты социальной защиты подвергаются проверке на прочность. Если существующие механизмы поддержки оказываются недостаточными, начинается их реформирование: вводятся новые пособия, расширяются категории получателей помощи, корректируются условия предоставления социальных гарантий. Это позволяет смягчить негативные последствия экономических потрясений.

Структурные преобразования экономики также требуют серьезной перестройки правовой системы. Переход от индустриальной модели к экономике знаний, развитие высокотехнологичных отраслей, изменение структуры экспорта и импорта – все эти процессы меняют характер хозяйственных связей. Возникают новые объекты правового регулирования: цифровые активы, электронные сделки, интеллектуальные продукты. Право вынуждено реагировать, уточняя понятия, закрепляя новые формы собственности, разрабатывая механизмы защиты прав участников цифровых отношений [3].

Особое внимание привлекает трансформация трудового законодательства в условиях структурных изменений. Автоматизация производства и внедрение инновационных технологий приводят к сокращению традиционных рабочих мест и появлению новых профессий. Старые нормы, ориентированные на стабильную занятость в рамках одного предприятия, перестают полностью отражать реальность. Появляется необходимость регулировать дистанционную работу, проектную занятость, деятельность самозанятых граждан. В итоге трудовое право становится более гибким и разнообразным по своим инструментам.

Финансовые кризисы также влияют на развитие банковского и корпоративного законодательства. Усиление контроля за финансовыми потоками, ужесточение требований к отчетности, повышение прозрачности корпоративного управления становятся ответом на выявленные риски. Это позволяет повысить устойчивость экономической системы и снизить вероятность повторения масштабных потрясений [4, с. 465].

Важно отметить, что кризис не только разрушает, но и создает предпосылки для обновления правовой системы. В условиях нестабильности активнее обсуждаются альтернативные модели регулирования, пересматриваются приоритеты государственной политики. Нередко именно в периоды экономических трудностей закладываются основы для последующих реформ, направленных на модернизацию законодательства и укрепление правовых институтов.

В итоге влияние экономических кризисов и структурных преобразований на правовую сферу носит комплексный характер. Меняются не только отдельные нормы, но и сама логика регулирования: усиливается роль превентивных мер, возрастает значение баланса между свободой предпринимательства и социальной защитой. Правовая система постепенно адаптируется к новым условиям, отражая глубинные экономические процессы, происходящие в обществе.

Роль государства в регулировании социально-правовых процессов в условиях экономических трансформаций становится особенно значимой. Именно государственные институты выступают связующим звеном между экономикой и правом, задавая рамки допустимого поведения, формируя стратегические приоритеты и обеспечивая баланс интересов различных социальных групп. Без активного участия государства экономические изменения могли бы привести к усилению диспропорций и социальной нестабильности [5, с. 426].

Экономика развивается неравномерно: одни отрасли демонстрируют рост, другие сталкиваются со спадом. В такой ситуации государство берет на себя функцию перераспределения ресурсов, стремясь сгладить негативные последствия рыночных колебаний. Через налоговую систему, бюджетную политику и механизмы субсидирования формируются условия для поддержки уязвимых категорий населения и стимулирования приоритетных направлений развития. Это позволяет смягчить социальную напряженность и предотвратить углубление неравенства.

Законодательная деятельность государства отражает экономические реалии. При изменении структуры экономики корректируются нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность, трудовые отношения, финансовые рынки. Государство определяет правила функционирования новых сфер – цифровых платформ, электронных сервисов, инновационных производств. Появление новых экономических инструментов требует правового закрепления, иначе они оказываются вне рамок легитимного оборота.

Особое значение имеет социальная политика. Экономические преобразования зачастую сопровождаются ростом безработицы, изменением требований к квалификации работников, перераспределением доходов. В этих условиях государство разрабатывает программы переквалификации, содействия занятости, адресной поддержки граждан. Правовое оформление таких мер создает устойчивую основу для их реализации и обеспечивает прозрачность процедур.

Не менее важной функцией государства является контроль за соблюдением законодательства. Экономическая конкуренция может провоцировать недобросовестные практики, нарушение трудовых прав, уклонение от налогов. Усиление надзорных механизмов, развитие антимонопольного регулирования и финансового контроля направлены на поддержание справедливых условий на рынке. Это способствует формированию доверия к правовой системе и укреплению правопорядка.

В условиях глобализации роль государства приобретает дополнительное измерение. Экономические процессы выходят за пределы национальных границ, усиливается влияние международных рынков и транснациональных корпораций. Государство вынуждено учитывать международные обязательства, адаптировать внутреннее законодательство к глобальным стандартам, участвовать в формировании общих правил игры. Это расширяет сферу правового регулирования и требует согласования национальных интересов с международными тенденциями.

При этом государственное вмешательство не должно подменять рыночные механизмы. Чрезмерная регламентация способна сдерживать предпринимательскую инициативу и инновационную активность. Поэтому важным становится поиск разумного баланса между свободой экономической деятельности и необходимостью социальной защиты. Вследствие этого формируется модель регулирования, ориентированная на устойчивое развитие и долгосрочную стабильность.

В итоге государство выступает ключевым субъектом социально-правовых трансформаций. Через правотворчество, контроль и социальную политику обеспечивается адаптация общества к экономическим изменениям. Эффективность этих процессов во многом зависит от способности государственных институтов гибко реагировать на вызовы времени и учитывать реальные потребности общества.

Цифровизация экономики стала одним из самых заметных факторов, влияющих на трансформацию правового регулирования. Переход к электронным формам взаимодействия, развитие онлайн-платформ, использование больших данных и искусственного интеллекта изменили привычные модели хозяйственной деятельности. Экономические процессы все чаще происходят в виртуальной среде, где границы между государствами и юрисдикциями становятся менее очевидными. Это потребовало пересмотра многих правовых подходов.

Одним из ключевых направлений изменений стало регулирование электронных сделок. Если раньше договор ассоциировался с бумажным документом и личной подписью, то сегодня широко используются цифровые подписи, онлайн-сервисы и автоматизированные системы заключения контрактов. Право было вынуждено закрепить юридическую силу электронных документов, определить требования к их хранению и защите. Это позволило придать устойчивость новым формам экономического взаимодействия.

Особую сложность вызвали вопросы защиты персональных данных. Цифровая экономика основана на сборе и обработке огромных массивов информации о пользователях. Компании анализируют поведение потребителей, формируют персонализированные предложения, используют алгоритмы для принятия решений. Вследствие этого возникла необходимость установить четкие правила обращения с данными, определить ответственность за их

утечку и неправомерное использование. Законодательство в сфере информационной безопасности стало одним из наиболее динамично развивающихся направлений.

Изменения коснулись и сферы трудовых отношений. Распространение дистанционной работы, платформенной занятости и цифровых сервисов привело к появлению новых форм взаимодействия между работодателем и исполнителем. Традиционные нормы, рассчитанные на офисную занятость, перестали полностью отражать реальность. В правовом поле закрепляются особенности удаленной работы, вопросы контроля за выполнением задач, порядок обеспечения трудовых гарантий в онлайн-среде. Это позволяет учитывать специфику цифрового труда и одновременно сохранять защиту прав работников.

Финансовая сфера также претерпела значительные изменения. Электронные платежи, криптовалюты, финтех-сервисы расширили возможности экономических операций, но одновременно создали новые риски. Появилась необходимость регулировать деятельность цифровых платформ, устанавливать требования к прозрачности операций, предотвращать мошенничество и отмывание доходов. Право адаптируется к новым финансовым инструментам, стремясь обеспечить баланс между инновациями и безопасностью.

Отдельного внимания заслуживает вопрос интеллектуальной собственности в цифровой среде. Создание и распространение цифрового контента происходит быстрее и проще, чем когда-либо ранее. Это усиливает проблему незаконного копирования и распространения произведений. В правовой системе закрепляются механизмы защиты авторских прав в интернете, вводятся процедуры блокировки ресурсов, нарушающих законодательство. Одновременно обсуждаются новые модели лицензирования и использования контента, соответствующие реалиям цифровой экономики.

Цифровизация затрагивает и сферу государственного управления. Электронные госуслуги, цифровые реестры, автоматизированные системы принятия решений меняют характер взаимодействия граждан с государством. Правовое регулирование должно учитывать вопросы прозрачности алгоритмов, защиты прав заявителей, возможности обжалования решений, принятых с использованием цифровых технологий. Это способствует формированию более открытой и технологичной модели управления.

В итоге цифровизация экономики выступает мощным катализатором социально-правовых трансформаций. Правовая система постепенно перестраивается, чтобы обеспечить легитимность и устойчивость новых форм экономической активности. Этот процесс продолжается и требует постоянного обновления нормативной базы с учетом стремительного развития технологий.

Социальное неравенство остается одной из наиболее острых проблем современного общества, и его динамика во многом определяется экономическими процессами. Разрыв в доходах, различия в доступе к образованию, медицинским услугам и возможностям трудоустройства формируют неодно-

родную социальную структуру. Экономический рост сам по себе не гарантирует справедливого распределения благ, поэтому вопросы реформирования социальной политики приобретают особую актуальность.

В условиях рыночной экономики доходы населения напрямую зависят от уровня квалификации, востребованности профессии и положения на рынке труда. Технологические изменения усиливают спрос на высококвалифицированных специалистов, тогда как работники с низким уровнем подготовки сталкиваются с риском вытеснения. Вследствие этого увеличивается поляризация доходов, что отражается на социальной стабильности. Правовое регулирование в сфере социальной политики призвано смягчать данные дисбалансы.

Одним из инструментов снижения неравенства выступает налоговая система. Прогрессивное налогообложение, перераспределение бюджетных средств, финансирование социальных программ позволяют поддерживать уязвимые категории населения. Законодательное закрепление механизмов социальной поддержки – пособий, субсидий, компенсаций – формирует основу для реализации принципа социальной справедливости. При этом эффективность таких мер во многом зависит от состояния экономики и объема доступных ресурсов.

Реформирование системы социальной защиты связано и с изменением демографической структуры общества. Старение населения увеличивает нагрузку на пенсионную систему, требует пересмотра параметров пенсионного обеспечения и медицинского страхования. Экономические ограничения заставляют государство искать баланс между устойчивостью бюджета и сохранением достойного уровня жизни граждан. В правовом поле закрепляются новые условия выхода на пенсию, порядок расчета выплат, механизмы накопительных систем.

Особое значение приобретает доступ к образованию как фактору социальной мобильности. В условиях цифровой экономики знания и навыки становятся ключевым ресурсом. Неравномерный доступ к качественному образованию усиливает социальное расслоение. Правовое регулирование в сфере образовательной политики направлено на расширение возможностей для получения образования, развитие программ переподготовки и повышения квалификации. Это позволяет повысить конкурентоспособность граждан на рынке труда и снизить риск маргинализации отдельных групп.

Социальное неравенство проявляется и в региональном разрезе. Экономическое развитие территорий происходит неодинаково, что отражается на уровне доходов, инфраструктуре и качестве жизни. Государственная политика выравнивания регионов включает бюджетные трансферты, инвестиционные программы, создание особых экономических зон. Нормативное закрепление таких мер обеспечивает их системность и прозрачность.

В процессе реформирования социальной политики усиливается ориентация на адресность помощи. Универсальные меры поддержки постепенно

дополняются программами, рассчитанными на конкретные категории граждан. Это позволяет более рационально использовать бюджетные средства и повышает эффективность социальной защиты. Одновременно возрастает значение цифровых технологий в администрировании социальных выплат, что требует совершенствования правового регулирования обработки персональных данных.

В итоге социальное неравенство и экономические факторы тесно взаимосвязаны. Реформирование социальной политики становится ответом на вызовы, обусловленные изменением структуры экономики и распределением ресурсов. Правовая система играет ключевую роль в закреплении механизмов перераспределения и обеспечении социальной стабильности в условиях нарастающих экономических различий.

Перспективы развития правовой системы в условиях экономической нестабильности напрямую связаны с ее способностью адаптироваться к быстро меняющейся среде. Экономические колебания, внешние санкционные ограничения, глобальные кризисы и технологические сдвиги формируют ситуацию неопределенности, в которой прежние модели регулирования оказываются недостаточно эффективными. В подобных условиях от правовой системы требуется гибкость, последовательность и стратегическое видение.

Одной из ключевых тенденций становится усиление антикризисного законодательства. При возникновении экономических потрясений оперативно принимаются нормативные акты, направленные на поддержку бизнеса, стабилизацию финансового сектора и сохранение занятости. Расширяются инструменты государственного вмешательства, вводятся специальные правовые режимы, корректируются бюджетные приоритеты. Это позволяет оперативно реагировать на угрозы и снижать масштаб негативных последствий для общества.

Одновременно возрастает значение правовой предсказуемости. Для устойчивого экономического развития важна уверенность участников рынка в стабильности правил игры. Частые и непродуманные изменения законодательства способны подорвать доверие к государственным институтам и снизить инвестиционную активность. Вследствие этого особое внимание уделяется качеству нормотворчества, оценке регулирующего воздействия, публичному обсуждению законопроектов. Формируется подход, ориентированный не только на скорость, но и на обоснованность правовых решений.

Экономическая нестабильность стимулирует развитие механизмов альтернативного разрешения споров. Рост числа корпоративных конфликтов, финансовых разногласий и трудовых споров требует эффективных процедур урегулирования. Арбитраж, медиация, электронные формы судебного взаимодействия становятся более востребованными. Правовое закрепление таких инструментов повышает доступность правосудия и снижает нагрузку на судебную систему.

Перспективным направлением выступает дальнейшая цифровизация правовой сферы. Электронные суды, онлайн-подача документов, использование искусственного интеллекта для анализа судебной практики позволяют ускорить процессы и повысить прозрачность. В условиях нестабильной экономики сокращение издержек и повышение эффективности правоприменения приобретают особое значение. Это способствует модернизации всей системы правосудия.

Не менее важной задачей становится укрепление международного правового сотрудничества. Глобальный характер экономических процессов требует согласованных действий государств в сфере торговли, финансов, защиты инвестиций. Развитие международных договоров, участие в интеграционных объединениях, гармонизация норм создают дополнительные гарантии устойчивости национальной правовой системы. При этом сохраняется необходимость учитывать национальные интересы и специфику внутреннего развития.

В условиях нестабильности усиливается роль принципов права – справедливости, добросовестности, соразмерности. Когда экономическая ситуация меняется стремительно, именно общие правовые начала позволяют сохранить баланс интересов и предотвратить произвольные решения. Судебная практика приобретает особую значимость, поскольку через нее формируются ориентиры для применения норм в новых обстоятельствах.

Таким образом, перспективы развития правовой системы связаны с ее способностью сочетать устойчивость и гибкость. Экономическая нестабильность не только создает риски, но и открывает возможности для обновления законодательства, совершенствования институтов и внедрения инновационных механизмов регулирования. От качества этих преобразований зависит уровень социальной стабильности и доверия к праву в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Бекетов Н. В. Социальное неравенство в современной России: тенденции и механизмы преодоления // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-sovremennoy-rossii-tendentsii-i-mehanizmy-preodoleniya> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Кутафин О. Е. Российское конституционное право : учеб. для вузов . М. : Норма, 2020. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1052230> (дата обращения: 03.03.2026).
3. Малько А. В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики // Государство и право. 2020. № 6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43012345> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Шалимов И. В., Бондарева Г. А. Устойчивая трансформация как эффективный вариант развития экономической системы // Мир, общество, экономика, человека: смена парадигм : материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. Липецк, 18 апр. 2023 г. / под общ. ред. Е. А. Гончаровой. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. С. 464–468.
5. Шалимов И. В., Бондарева Г. А. Социально-экономические детерминанты трансформации отечественной системы образования // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 апр. 2023 г. / под общ. ред. М. Г. Тирских, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 422–426.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СВОБОДЫ СОВЕСТИ»

УДК 340.113.1

Алексеев А. Б., *Москва*
Ивентьев С. И., *Казань*

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРАВОВУЮ И РЕЛИГИОЗНУЮ СФЕРЫ

Аннотация. Рассмотрено влияние языка и языковой культуры на две важнейшие регулирующие институциональные сферы – правовую и религиозную. Первая имеет дело с законом; вторая не менее значима, относится к таким категориям, как «мораль», «нравственность», «духовность».

Ключевые слова: Бог, душа человека, дискурс, закон, концепт, культура, религия, язык.

Alexeyev A. B., *Moscow*
Iventev S. I., *Kazan*

THE INFLUENCE OF CULTURE ON THE LEGAL AND RELIGIOUS SPHERES

Abstract. The article dwells on the influence of language and language culture on the two most important regulating institutional spheres: the legal and religious ones. The first one has to do with the law. The second one is no less important referring to such categories as “morality”, “integrity”, “spirituality”.

Keywords: God, human soul, discourse, law, culture, legal right, religion, language.

Термин «культура» (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие), как известно, допускает множество различных интерпретаций. В самом общем виде культура – это вся совокупность материальных и духовных достижений, верований, традиций, обычаев, культов (от лат. *cultus* – почитание, поклонение), привычек, как правило, создаваемая в течение (относительно) длительного времени, принадлежащая определенной общности людей, передаваемая из поколения в поколение с помощью таких средств, как язык, устное народное творчество, литература, искусство, религия, средств, одновременно являющихся и неотъемлемыми элементами культуры.

В рамках лингвистики изучается в первую очередь языковая культура – культура, проявленная в языке, выраженная через язык. Понимание языка

глобально – семиотически (Ф. де Соссюр), как формы жизни (Л. Витгенштейн), как дома бытия (М. Хайдеггер) [1, с. 6] – значительно расширяет границы лингвистики, выводя исследователи в сферу рассмотрения дискурса. Возникают и активно развиваются новые лингвистики, занимающиеся изучением употребления языка в конкретных ситуациях социального взаимодействия – политическая лингвистика, юридическая лингвистика (правовая лингвистика), педагогическая лингвистика, медицинская лингвистика, теоллингвистика и др.

Под дискурсом подразумевается язык, используемый в процессе реального общения, часто институционального, рассмотренный в аспекте всех факторов, влияющих на него, – коммуникативной ситуации, жанрово-тематической организации, психологических характеристик языковых личностей, их социальном статусе, доминирующей идеологии, историко-культурных условий. Как следствие, можно ставить вопрос о политическом дискурсе, масс-медийном дискурсе, юридическом дискурсе, педагогическом дискурсе, медицинском дискурсе и т. д. Количество дискурсов непредсказанно ввиду отсутствия у дискурсов четких границ, разнообразия и постоянного изменения сфер человеческой деятельности, их склонности к пересечению друг с другом, в результате чего выделяются гибридные дискурсы – военно-политический, спортивно-рекламный, поэтико-идеологический, философско-научный и т. п.

Любой институциональный дискурс – это совокупность практик, принятых в определенной институциональной среде, – в связи с чем термин «культура» неизменно актуален при его описании. Можно вести также речь об институциональной культуре – части общенациональной культуры, манифестирующейся в работе социальных институтов. Языковая культура относится к неотъемлемым элементам институциональной культуры, одним из главных трансляторов которой является дискурс.

Поскольку язык играет в дискурсе ключевую роль [10, р. 9], поскольку особенности употребления языка находятся в непосредственной зависимости от социальных факторов, представляется, что предлагаемая трактовка вполне правильна. Однако одновременно следует отметить, что, по словам М. Фуко, известного французского философа второй половины XX в., «дискурсы – это не просто группы знаков ... а практики, систематически формирующие объекты, о которых они говорят. Конечно, дискурсы состоят из знаков, но они делают нечто большее, чем просто используют эти знаки для обозначения вещей. Именно это нечто большее не позволяет свести дискурс к языку и речи» [11, р. 49].

Языковая культура, или лингвокультура в значительной степени определяет менталитет нации и в этом качестве, несомненно, оказывает огромное влияние на характер работы базовых институтов общества, в том числе правовую и религиозные сферы – две области человеческой жизни, регулирующие поведение человека.

Уже само отношение к закону, запечатленное в пословицах, поговорках, крылатых выражениях, но также в индивидуальном словотворчестве, окказионализмах [8, с. 126], во многом детерминируется языком. Не будет ошибкой утверждать, что язык – это ценностно-ориентированная данность, обучающая человека мыслить в определенных координатах, отражающая и запечатлевающая прошлый исторический опыт, формирующая систему знаний, разделяемых людьми, носителями того или иного языка (диалекта).

По нашему мнению, в русском языковом сознании приоритизируются такие качества, как доброта, щедрость, высокая нравственность, мораль, праведность, и в значительно меньшей степени делается акцент на праве, законности, что подтверждает отрицательное отношение к государству, чиновникам. Более того, в прошлые века само явление права было во многом непонятно, чуждо простому, неграмотному русскому мужику, что хорошо освещено русским писателем А. П. Чеховым (29.01.1860–15.07.1904) в рассказе «Злоумышленник». В нем главный герой, Денис Григорьев, предстает перед судом за совершенное преступление – преступление, тяжесть которого он до конца не осознает. Вся трагичность ситуации заключается в том, что, конечно же, незнание закона или его непонимание, не освобождает от ответственности. И, тем не менее, у читателя невольно рождается симпатия по отношению к Денису, человеку, который, несмотря на содеянное, обладает определенными моральными качествами, не склонен к лжи («Отродясь не врал, а тут вру...»), верует в Бога, не способен на умышленное убийство («...и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было...») [9].

Анализ паремий показывает, что традиционно в среде русских простых людей формировалось сложное отношение к сфере права: в условиях становления бюрократии, расцвета коррупции, тирании крепостничества и царизма представлено было небезосновательное мнение, что богатые часто могут позволить себе пренебречь законом, что закон пишется в первую очередь для бедных, ущемленных слоев населения: «Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет»; «Закон топтать нельзя, а ходить вокруг можно»; «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло» [2, с. 190].

Следует отметить, однако, что подобные мысли вербализованы в фразеологических фондах и иных – помимо русского – языков. Так, первая приведенная здесь пословица имеет довольно близкий эквивалент в англоязычной культуре: «Laws catch flies, but let hornets go free» – «Законы ловят мух, но позволяют шершням летать на свободе». Или: «Laws are like cobwebs which may catch small flies, but let wasps and hornets break through» – «Законы как паутина, которая может поймать маленьких мух, но позволяет осам и шершням вырваться». Есть в английской языковой картине мира и эксплицитное указание на то, что перед законом богатые и бедные не всегда равны, что передается паремией «One law for the rich, and another for the poor» – «Один закон – для богатых, другой – для бедных».

И в английском, и в немецком, и в французском языках представлены устойчивые идиоматические словосочетания, позволяющие описать процесс уклонения от соблюдения закона. В английском, например, к таковым относятся выражения «to find a loophole» – «находить лазейку»; «to circumvent the law» – «обходить закон»; «to play with the letter of the law» – досл. «играть с буквой закона»; to skirt the law – «балансировать на грани закона».

Такая широкая представленность синонимических вариантов свидетельствует о том, что проблема несоблюдения закона является одной из центральных, в том числе для западной, англоязычной культуры, поскольку, по нашему мнению, можно согласиться с точкой зрения, высказываемой С. В. Гриневым-Гриневичем и Э. А. Сорокиной, отмечающих, что, как правило, наличие обилия синонимов для того или иного понятия означает его социальную значимость [5, с. 33]. В том, что данное наблюдение верно, несложно убедиться, соотнеся его со следующим фактом, выявленным еще Ф. Боасом, американским антропологом: в языках народов Севера нередко наблюдается необычайное разнообразие слов, обозначающих снег, а у народов, живущих в пустыне, имеются десятки – а порой и сотни – названий верблюду [2, с. 66].

Правовая сфера западных стран в значительной степени находилась под римским влиянием: не только латинский язык использовался в качестве основного средства судопроизводства, но латинские и французские термины до сих пор широко распространены в англоязычном юридическом дискурсе.

Русское культурное пространство в существенно большей степени находилось под влиянием византийских, греческих, чем римских традиций, норм, законов, но нигде это влияние не проявилось ярче, чем в сфере религии. Как и правовая институциональная среда, религия – это тоже нормативная область человеческой жизни, предписывающая, что «хорошо», что «плохо», что разрешено, а что – запрещено.

Религия и право могут пересекаться друг с другом, существовать фактически вместе – и тогда следует вести речь о религиозном праве, до сих пор сохраняющемся в Ватикане. Во многих странах мусульманского мира также остаются элементы религиозного права, хотя даже в Саудовской Аравии, например, правовая система носит преимущественно смешанный характер.

В рамках настоящей статьи важно подчеркнуть, что в основе и религии, и права лежит язык, языковая культура. Недаром в Священном Писании сказано, «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть...» (Притч 8:22, 1 Ин 1:1–2) [4].

Таким образом, язык – это не просто инструмент права и/или религии, это не просто средство, с помощью которого регулируются отношения между людьми.

Язык – это духовная сущность, живая материя, постоянно развивающаяся, самосовершенствующаяся, образующая концептосферу – систему понятий, социально, культурно значимых для определенного коллектива людей.

Именно она, во многом определяя мыслительные, ментальные паттерны носителя языка, имеет центральное значение для языковой культуры.

Именно через Слово происходит формирование материального мира и существующей реальности, что должно быть осознано нами и обращено особое внимание науки. Не зря для сотворения Мира и человека Бог, жрецы и маги для изменения реальности и событий использовали и используют слово. И это не фигура речи, а важное стратегическое оружие человечества, которым пользуются многие осознано (жрецы, маги, экстрасенсы) или неосознанно. Опасность данного оружия для власти имущих подтверждается охотой инквизицией на ведьм в Средние века, а также не признанием наукой данного феномена.

Через Слово вновь возвращаются в нашу жизнь многие философские и религиозные понятия, которые становятся не только правовыми категориями, но и приобретают новое осмысление.

Итак, одним из важнейших концептов для религиозного сознания является «ЛЮБОВЬ».

Любовь представляется в русском языковом сознании светом, спасением, лекарством [6, с. 75]. В то же время, согласно Библии, сам «Бог есть любовь» [4]. Любовь в данном случае рассматривается первоначально, энергией жизни, глубоким, всеобъемлющим чувством, буквально пронизывающим универсум и противостоящим злу, тьме, невежеству.

В юридическом дискурсе, в отличие от философского и религиозного, понятие «любовь» встречается не часто: закон обращается не столько к морально-нравственным, сколько к правовым категориям, – при всем том, что они пересекаются, – имея дело не с эмоциями, но прежде всего интересами сторон. Несмотря на это, любовь, так или иначе отражаемая в семейном праве, может быть отнесена также к правовым понятиям, т. к. является не только духовно-нравственной, но и правовой ценностью [7, с. 25–30].

Еще один концепт, обладающий особой значимостью для русского человека, но и для любого человека, – это «ДУША». С одной стороны, душа – ключевое слово философского и религиозного дискурса, но с другой – в связи со становлением четвертого поколения прав душа представляет собой и юридический термин [3, с. 6–10].

В оборот юридической науки было введено понятие «права души человека» [3, с. 6–10].

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что язык и языковая культура однозначно влияют на правовую и религиозную сферы, переводя одни понятия из одной сферы в главные категории другой.

Авторами отмечено, что пока вне научно-философского осмысления остаются вопросы влияния языковой культуры (языка) на оккультную и магическую сферы (магические обряды, заговоры и ритуалы).

Список литературы

1. Алексеев А. Б., Сорокина Э. А. Языковая личность политика: особенности формирования и функционирования : монография. М. : РУСАЙНС, 2024. 442 с.
2. Алексеев А. Б. Дискурология, лингвистика, лингвополитология: проблемы, теории, история и векторы развития : учеб. пособие. М. : РУСАЙНС, 2025. 496 с.
3. Алексеев А. Б., Шкуран О. В., Ивентьев С. И. Концепция поколений прав человека в аспекте ее связи с лингвистическими вопросами и понятие «права души» // Дух, душа и тело в мировой культуре : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2025. С. 6–10.
4. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. М. : Рос. библ. о-во, 2007. 1057 с.
5. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. К вопросу о лексической вариативности в развитии языка // Вариативность в языке и культуре. Современные проблемы. М., 2023. С. 31–42.
6. Исаева Л. А., Остроухова К. С. Языковая репрезентация концепта любовь в различных песенных текстах // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. № 3 (71). С. 75–91.
7. Ивентьев С. И. Любовь как главная правовая ценность // Социально-политические и культурные проблемы современности : сб. ст. / под ред. А. В. Головина, Д. С. Петрова. Алейск, Барнаул : Изд-во «Сизиф» Д. С. Петрова, 2011. Вып. 2. С. 25–30.
8. Лапина Л. Г. Окказионализмы в миграционной художественной прозе: проблемы перевода (на материале русской версии романа Джин Квок Girl in translation) // Иностранные языки в контексте культуры : сб. ст. по материалам XXII Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2025. С. 125–130.
9. Чехов А. П. Злоумышленник. М. : Гос. изд-во, 1926. 8 с.
10. Smith C. Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 320 p.
11. Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York : Pantheon, 1972. 254 p.

УДК 374.32

Алтобасов Е. А., *Иркутск*

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Рассматривается проблематика формирования и развития патриотизма в современном обществе как одного из основополагающих ценностей, которую необходимо воспитывать у молодежи. Проводится анализ проблемы по нескольким факторам, среди которых выделяются социокультурные, экономические и политические аспекты.

Ключевые слова: развитие, воспитание, патриотизм, история, культура, молодежь, муниципальные образования.

Altobasov E. A., *Irkutsk*

THE CONTRIBUTION OF MUNICIPAL AUTHORITIES IN THE IRKUTSK OBLAST TO THE PATRIOTIC UPBRINGING OF YOUNG PEOPLE

Abstract. The article addresses the issues of the formation and development of patriotism in modern society as one of the fundamental values that must be cultivated among young people. The problem is analysed according to several factors, among which socio-cultural, economic and political aspects are highlighted

Keywords: development, education, patriotism, history, culture, youth, municipalities.

В современных условиях глобализации с ее стремительным развитием технологий молодое поколение подвергается воздействию разнообразных западных псевдокультур и идеологий, что вызывает необходимость в четком осознании истории своей страны и уважения к ее традициям. Важно понимать, что высокое патриотическое сознание молодежи играет значительную роль в укреплении социальной стабильности и в перспективе национальной безопасности нашего региона и государства в целом. [2].

В рамках закона Иркутской области от 5 июля 2023 г. № 99-ОЗ «О патриотическом воспитании граждан в Иркутской области», региональная система патриотического воспитания рассматривается как комплекс правовых, организационных, экономических мероприятий, направленных на достижение целей и задач патриотического воспитания граждан в Иркутской области. Органы местного самоуправления муниципальных образований и подведомственные им организации в соответствии с законодательством участвуют в патриотическом воспитании граждан в Иркутской области. [1].

Одним из важнейших ресурсов создания эффективной системы патриотического воспитания граждан, являются полномочия и деятельность органов местного самоуправления, в связи с чем, представляется актуальным исследование их роли в этом важном процессе.

Сильные стороны муниципальных образований в контексте патриотического воспитания молодежи заключаются в организации мероприятий и реализации программ, направленных на формирование гражданского сознания и патриотизма молодежи. Многие муниципалитеты располагают значительными человеческими, материальными, техническими и организационными ресурсами, которые могут быть эффективно использованы для достижения целей патриотического воспитания. Наличие культурных учреждений: библиотек, музеев, домов культуры, а также подходящих оборудованных открытых площадок для проведения массовых мероприятий создает возможности для реализации широкого спектра проектов по патриотическому воспитанию. Это могут быть организованные флешмобы, выставки, а также участие молодежи в мастер-классах и тренингах, посвященных истории и культуре своей страны. Кроме того, муниципальные образования, обладают финансовыми возможностями местных бюджетов, позволяющими поддерживать социально значимые народные инициативы, разрабатывать собственные муниципальные программы и проекты. Решению этой задачи способствует взаимодействие органов местного самоуправления с местными общественными организациями, поддержка инициативных групп и волонтеров, работающих в области патриотического движения, что создает дополнительные возможности для реализации их идей и проектов.

Развитие волонтерства, в рамках которого молодежь может принимать участие в различных социально значимых проектах, направленных на поддержку ветеранов, помощи нуждающимся, сохранение памятников истории и поддержку военнослужащих, находящихся на СВО. Такую точку зрения в

своем исследовании разделяют Н. Д. Осипова, Н. Ю. Невраевой, А. М. Кабанова и О. Ю. Яценко. [3]. Такие проекты могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными, и их реализация помогает молодежи осознать свою активную роль в обществе, формируя у них чувство ответственности за будущее своей страны.

Другим важным ресурсом патриотического воспитания молодежи является наличие партнерских связей органов местного самоуправления с различными общественными организациями, которые активно занимаются вопросами патриотизма. Это могут быть ветеранские, историко-патриотические организации, молодежные клубы. Взаимодействие с этими структурами позволяет организовывать более масштабные и продуктивные мероприятия, включая патриотические акции, флешмобы, выставки, форумы, которые способствуют вовлечению молодежи.

Наконец, ключевым ресурсом патриотического воспитания на местном уровне является работа с семьями. Вовлечение родительской общественности в обсуждение и реализацию патриотических мероприятий могут укрепить связь между воспитательным процессом и семейными ценностями, что в свою очередь, благоприятно повлияет на формирование долгосрочных патриотических установок у молодежи. Таким образом, органы местного самоуправления располагают широкими возможностями для воспитания активных и сознательных граждан своей страны.

Важно, чтобы местные власти активно использовали эти инструменты в своей работе, интегрируя патриотическое воспитание в разнообразные аспекты жизни. Это не только способствует формированию активного гражданского общества, но и закладывает фундамент для устойчивого патриотического сознания у молодежи. В конечном итоге использование этих возможностей становится шагом к созданию полноценной системы патриотического воспитания, отвечающей вызовам времени и потребностям молодежи.

Несмотря на наличие вышеперечисленных значительных ресурсов и возможностей для патриотического воспитания молодежи, необходимо выделить и проблемы, которые препятствуют реализации системного подхода к патриотическому воспитанию молодежи на местном уровне. Одной из ключевых проблем является дефицит местных бюджетов, что ограничивает возможности для организации мероприятий и недостаточное финансирование проектов в области патриотического воспитания. Финансовые ограничения местных бюджетов часто приводят к тому, что муниципальные образования не могут позволить себе проведение масштабных патриотических акций, культурно-массовых мероприятий, которые требуют значительных затрат. В долгосрочной перспективе такая ограниченность финансирования может привести к уменьшению предложений для молодежи и снижению уровня ее вовлеченности в патриотическое движение.

Другой проблемой является нехватка квалифицированных кадров. Патриотическое воспитание требует не только теоретических знаний истории и

культуры, но и педагогического мастерства для работы с молодежной аудиторией. К сожалению, во многих муниципальных образованиях наблюдается нехватка специалистов, способных качественно работать в этой области. В условиях современного информационного пространства и развития цифровых технологий необходимо, чтобы процесс патриотического воспитания соответствовал интересам и потребностям молодежи, иначе он рискует остаться неэффективным. Как показывает практика, в отдаленных районах от центра региона специалисты организаторы часто не обладают навыками необходимыми для разработки и внедрения инновационных методов патриотического воспитания, что связано с их недостаточной профессиональной подготовкой, использованием в работе устаревших методов.

Кроме того, проблемой является недостаточная или неэффективная информационная поддержка мероприятий, событий, которые проводятся на местном уровне. Важно иметь четкую стратегию по информированию молодежи о проводимых мероприятиях, в том числе с использованием современных мессенджеров. Одной из основных угроз являются социальные и информационные искажения, произошедшие в мире за последние десятилетия. Динамично развивающаяся цифровизация и доступность к информационно-телекоммуникационной сети интернет, приводят к тому, что молодые люди сталкиваются с различными влияниями, по искажению отечественной истории, противоречиями патриотическим идеалам и традиционным ценностям. [4]. Муниципальным образованиям для противодействия этому необходимо создавать и развивать, платформы для онлайн-оповещения и участия в виртуальных патриотических мероприятиях, поскольку молодежь активно использует цифровые технологии в повседневной жизни. Это может включать создание информационных сайтов, мессенджер-каналов на которых представляются патриотические материалы, значимые исторические события и жизненные истории известных людей, которые вдохновляют молодежь. Важно, чтобы такие платформы были интерактивными, имели обратную связь позволяя молодежи самим участвовать в обсуждениях, делиться своими мнениями и участвовать в онлайн-акциях.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что угрозы, связанные с социальными и культурными изменениями, вызванные глобализацией и цифровизацией, представляют собой серьезное испытание для патриотического воспитания молодежи. Понимание этих угроз является необходимым условием для разработки эффективных стратегий, которые помогут стимулировать интерес молодежи к патриотическим ценностям, а значит, и к их активному участию в общественной жизни. Муниципальные образования обязаны учитывать текущие реалии и обращаться к молодежи на понятном и доступном для них формате общения, чтобы избежать угроз, которые могут ослабить их связь с культурным наследием Родины.

Механизмы патриотического воспитания и решение вопросов проблематики, изложенные в статье, могут стать основой для создания эффективной и

современно организованной системы патриотического воспитания в муниципальных образованиях. Реализация их позволит не только улучшить качество патриотического воспитания, но и обеспечить положительное развитие гражданского общества в целом. Важно, чтобы все заинтересованные стороны работали сообща, создавая лучшие условия для патриотического воспитания молодежи, из чего вытекает не только воспитание патриотизма, но и формирование активной и ответственной гражданской позиции молодежи.

Список литературы

1. О патриотическом воспитании граждан в Иркутской области : закон Иркутской области от 5 июля 2023 г. № 99-ОЗ.
2. Зубов В. В. К вопросу о формировании идеологии патриотизма в молодежной среде на современном этапе политического развития России // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2023. С. 132–137.
3. Проблема воспитания патриотизма у молодежи в современных условиях развития российского общества / Н. Д. Осипов, Н. Ю. Невраева, А. М. Кабанов, О. Ю. Яценко // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 4-1. С. 185–195.
4. Маяцкая О. Б. Влияние сети Интернет на ценностные установки молодого поколения россиян // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. № 12 (25). С. 354–358.

УДК 172.12

Бухарова Е. А., Решетникова Е. В., *Иркутск*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Рассмотрены ключевые аспекты понимания гражданской идентичности молодежи, а также нормативно-правовые основы, которые отражают факторы гражданской идентичности в социальном и законодательном поле. Также в работе представлен краткий обзор на базовые нормативно-правовые источники, связанные с регламентированием вопросов патриотического и духовно-нравственного воспитания и развития детей и молодежи.

Ключевые слова: молодежь, гражданская идентичность, факторы гражданской идентичности, нормативно-правовые аспекты гражданской идентичности молодежи, патриотизм.

Bukharova E. A., Reshetnikova E. V., *Irkutsk*

SOCIO-LEGAL ASPECTS OF YOUTH CIVIC IDENTITY

Abstract. The article examines the key aspects of understanding the civic identity of youth, as well as the regulatory framework that reflects the factors of civic identity in the social and legislative field. The paper also provides a brief overview of the basic regulatory and legal sources related to the regulation of issues of patriotic and spiritual and moral education and development of children and youth.

Keywords: youth, civic identity, factors of civic identity, regulatory and legal aspects of youth civic identity, patriotism.

Современные условия развития российского общества задают новые тренды и тенденции во всех сферах жизни человека, причем особую значимость приобретают социальные аспекты его жизнедеятельности. Среди них

приоритетное место занимает гражданская идентичность личности и ее правовое самосознание как гражданина. Трансформация морально-нравственных ценностей и ориентиров молодежи и повышение ее внимания к вопросу гражданского самосознания являются следствием происходящих в социальном, политическом и культурном поле общества изменений.

Базовым значением для формирования гражданской идентичности у молодежи выступает совокупность их представлений и целостности восприятия своей страны, наличие знаний о ее значимых достижениях и гордость за них, уровень доверия к органам государственного и местного управления, а также еще одним немаловажным элементом, играющим значительную роль в процессе становления гражданской идентичности у молодых людей, является историческая память и чувство патриотизма, как проявления любви к своей Родине.

Рассматривая тематику гражданской идентичности молодежи, начать стоит с основных понятий, отражающих его сущность. Так, понятие идентичности в соответствии с теорией Э. Эриксона представляет собой личностную непрерывность и тождественность [8]. Он отмечал, что обладание идентичностью подразумевает ощущение себя, своего бытия как личности стабильным и неизменным, независящим от внешних трансформаций и изменения самовосприятия, а также оно проявляется в виде ощущения индивидом связи между собственной непрерывностью и признанием этого явления окружающими [6]. В свою очередь, в рамках рассмотрения концепции развития осознания у детей принадлежности к национальной группе Ж. Пиаже понимает, как формирование когнитивных моделей, ассоциирующихся с родным домом, семьей и Родиной [7]. Одной из приоритетных задач в процессе становления гражданской идентичности, по мнению А. Г. Асмолова является самоопределение молодежи, которое включает в себя обязательное осознание принадлежности к сообществу граждан определенной страны на культурной основе [5]. К основным показателям сформированной гражданской идентичности относятся такие индивидуальные характеристики личности, как: патриотизм, гражданственность, социально-критическое мышление, которое обеспечивает когнитивную базу для осуществления свободного жизненного выбора.

Среди основных направлений социально-правовой юрисдикции вопроса гражданской идентичности молодежи стоит отнести следующие аспекты:

1. Гражданско-правовую ответственность, как восприятие и понимание собственных прав и обязанностей индивидом перед законом и обществом, а также осознание степени ответственности за собственные действия, которые могут принести окружающим как пользу, так и вред. Также данное понятие подразумевает соблюдение законов, уважение прав и свобод других людей, участие в жизни социума.

2. Патриотическое воспитание, которое включает в себя формирование и развитие любви и уважения к своей стране, чувства личной ответственности за ее судьбу.

3. Духовно-нравственное воспитание, определяющее ключевые направления для формирования мировоззренческой позиции и ценностных ориентиров на базе традиционных российских духовно-нравственных ценностей и высоких нравственных качеств.

4. Противодействие различным деструктивным идеологиям и экстремизму, которое направлено на развитие у молодежи неприятия идеологий терроризма, экстремизма, ксенофобии и т. д.

5. Межнациональное и межконфессиональное согласие, представляющее собой обеспечение согласия среди молодых людей, профилактику любых социально-негативных явлений в детской и молодежной среде.

6. Правовое просвещение, подразумевающее информирование молодежи о правовых нормах, развитие правовой культуры в их среде.

К основополагающим нормативным правовым актам в сфере регулирования вопросов, связанных с гражданской идентичностью молодежи, в первую очередь стоит выделить Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», среди основных принципов которого выделяется сочетание интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений и интересов и прав иных граждан, общественных объединений и организаций [1]. Кроме того, данный законодательный акт регламентирует вопросы участия молодежи в реализации молодежной политики и ключевые аспекты патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи, что предоставляет возможность для развития и продвижения тенденций формирования гражданской идентичности в молодежной среде, в частности посредством активного социального взаимодействия в общественной сфере жизни государства, а также гармонизации процессов культурного, патриотического и духовно-нравственного развития личности каждого молодого гражданина нашей страны.

Другим немаловажным нормативным правовым актом, определяющим ключевые элементы гражданской идентичности в молодежной среде, является Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, которая вводит в правовой обиход более точную категоризацию и демографические показатели молодежи, регулирует социально-экономическое положение молодежи, выделяет базовые характеристики духовно-нравственных и ценностных ориентиров современной молодежи, а главное устанавливает новую модель реализации молодежной политики в нашей стране. На сегодняшний день, национальные интересы России, в соответствии с положениями данной стратегии, лежат в области развития мощного, экономически развитого государства, население которого будет сохранять, укреплять и продолжать разделять наши традиционные ценности, что позволит отвечать на различные актуальные вызовы, которые стоят перед государством [4].

Формирование ключевых элементов механизма гражданской идентичности закладывается еще с детского возраста и тесно взаимосвязано с формированием мировоззренческой позиции личности. В связи с этим особую значимость приобретают положения Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которые регламентируют ключевые понятия формирования и развития не только образовательной системы в нашей стране, но и воспитательной, в частности ключевой ценностью воспитательного процесса в рамках обучения детей выступает формирование у них трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде [2].

Укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности выступает в качестве базовой концепции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года [3].

Таким образом, стоит отметить, что гражданская идентичность молодежи как многофакторное понятие тесно взаимосвязанное с самосознанием и мировоззрением индивида на сегодняшний день является одним из системообразующих аспектов не только социального поля жизни общества и государства, но и правового. Отдельно необходимо сказать о базовых механизмах формирования гражданской идентичности в молодежной среде, к ним относятся образование, волонтерство и социальная активность, непрерывная работа с семьей, как институт отвечающим за трансляцию культурных ценностей и духовно-нравственных принципов, развитие просветительской и информационной работы, а также поддержка государственных проектов и программ, направленных на патриотическое и духовно-нравственное воспитание детей и молодежи.

Подводя итоги, следует сказать о том, что поиск способов проявления себя как личности и как члена общества для молодежи является естественным явлением, которое, на сегодняшний день, находит свое отражение в проявлении их активной социальной позиции и развитии патриотического самосознания. Предоставление им социально-одобряемых и закреплённых в нормативно-правовом поле возможностей для саморазвития и самореализации

дает молодым людям не только толчок к формированию их гражданской идентичности, но также повышает их осознанность и способствует их принятию самих себя, своей роли в обществе и окружающей действительности.

Список литературы

1. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/400156192/> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 02.04.2026).
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/ (дата обращения: 02.04.2026).
4. О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307068392> (дата обращения: 02.04.2026).
5. Асмолов А. Г. Граждане или подданные: государственная идеология воспитания // Образовательная политика. 2015. № 4 (66). С. 2–4.
6. Психология самосознания: хрестоматия. Самара : БАХРАХ-М, 2000. 672 с.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2009. 368 с.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 341 с.
9. Гудкова Т. В., Матвеев К. А., Матвеева Н. С. Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности у студенческой молодежи // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 4. С. 52–57.
10. Шаламова Л. Ф., Лесконог Н. Ю. О гражданской идентичности студентов как факторе гражданско-патриотического воспитания современной молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 17–27.

УДК 342

Гоглева К. Ю., *Санкт-Петербург*

МУНИЦИПАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Предпринята попытка анализа механизма взаимодействия органов местного самоуправления с конфессиональными сообществами в условиях современного российского социального государства. По итогам оценки направлений муниципально-конфессионального сотрудничества делается вывод о реализации в современной России кооперационной модели их взаимодействия, что обусловлено, с одной стороны, светским характером Российской Федерации, с другой, необходимостью вовлечения институтов гражданского общества в процесс укрепления и сохранения традиционных ценностей многонационального народа России, а также обеспечения конституционной идентичности, суверенитета и независимости нашего государства.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, религиозные организации, государственно-конфессиональное сотрудничество, социальное служение, традиционные конфессии, муниципальная власть, свобода совести, свобода вероисповедания, религия, государственная национальная политика.

Gogleva K. Y., Saint Petersburg

CONFESSIONAL SYMBOLS AS A PART OF RELIGIOUS CULTURE AND AN OBJECT OF SELF-IDENTIFICATION OF BELIEVERS

Abstract. This article attempts to analyze the mechanism of interaction between local governments and religious communities in the context of the modern Russian welfare state. Assessing the areas of municipal-religious cooperation, the author concludes that a cooperative model of interaction is being implemented in modern Russia. This is due, on the one hand, to the secular nature of the Russian Federation and, on the other, to the need to engage civil society institutions in strengthening and preserving the traditional values of Russia's multinational people, as well as ensuring the constitutional identity, sovereignty, and independence of our state.

Keywords: local governments, religious organizations, state-confessional cooperation, social service, traditional faiths, municipal authorities, freedom of conscience, freedom of religion, religion, state national policy.

Государственно-конфессиональные отношения прошли значительный путь трансформации за период исторического развития российской государственности: от истоков религиозной православной монолитности Российской империи [1, с. 21], воинствующего атеизма в СССР [2, с. 83] до свободы вероисповедания в современной светской Российской Федерации (ст. 14 Конституции Российской Федерации). И если правовая регламентация государственно-конфессиональных отношений является сферой компетенции, в большей части органов федеральной и субъектовой государственной власти, то обеспечение *веротерпимости* граждан представляется вопросом местного значения, требующем компетентного внимания органов местного самоуправления, которые, несмотря на некоторую трансформацию своей организационно-правовой формы (связанной со вступлением в юридическую силу Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»), сохраняют функции гаранта поддержания конституционного правопорядка в обществе, способного консолидировать интересы общества и традиционных религиозных сообществ, а не разделить их.

Анализ механизма взаимодействия органов местного самоуправления с традиционными для Российской Федерации конфессиональными сообществами обращает внимание на то, что в настоящее время оно реализуется как посредством *диспозиционных* форм взаимодействия (через привлечение нерелигиозных общественных организаций и национальных диаспор, которые, в свою очередь, взаимодействуют с религиозными деятелями), так и в следующих *конструктивных* (предусматривающих их непосредственное, прямое взаимодействие с представителями различных конфессий) формах:

– прямая гражданская инициатива, выраженная в организации и проведении конфессиональными сообществами митингов, шествий, демонстраций, пикетов и иных видов массовых мероприятий, в том числе, направленных на побуждение органов публичной власти к принятию желанного решения в пользу их интересов [3, с. 25] на территории муниципального образования (ч. 5 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных

объединениях»). К данного рода публичным богослужениям, другим религиозным обрядам и церемониям применяются требования Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ в части необходимости уведомления органов местного самоуправления о цели, форме, месте, времени планируемого публичного мероприятия, а также о предполагаемом количестве его участников и данных о его организаторах (ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ);

– участие в работе консультативно-совещательных органов (советов, координационных советах, рабочих группах и т. д.) при органах местного самоуправления и общественных палатах субъектов РФ (по аналогии с функционирующим с 1995 г. по распоряжению Президента России Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации), созданных в качестве диалоговой площадки власти и общества для решения религиозных и межнациональных вопросов. Опыт такого рода муниципально-конфессионального сотрудничества реализуется, например, в столице Республики Тыва Кызыле, в Самарской области, в Ханты-Мансийском автономном округе (и на некоторых других территориях органов местного самоуправления);

– противодействие экстремизму этноконфессиональной направленности, субъективная сторона которого напрямую сопряжена с проблемами религиозной убежденности и религиозности. При этом следует отметить, что этническое многообразие субъектов Российской Федерации предопределяет полимодальность необходимых организационных, идеологических и иных мер превентивного характера, используемых как органами местного самоуправления, так и местными конфессиональными сообществами. Централизованным должен быть лишь вектор основного направления их усилий: органы публичной власти должны реализовывать превентивные меры по противодействию экстремизму этноконфессиональной направленности, устраняя социальную напряженность в обществе, вызванную в первую очередь проблемами экономического и социального характера, а также, при необходимости, использовать силу государственного принуждения по легальному пресечению деятельности экстремистов; усилия же конфессиональных сообществ должны быть направлены на распространение среди населения идей гражданственности, религиозной и этнической терпимости и толерантности, поликультурного согласия. Ведь именно религия в «сложные» для населения времена, связанные с различного рода социальными катаклизмами, оставалась и остается надеждой и опорой людей, оплотом их противодействия атмосфере общественного беспокойства и социальной напряженности;

– материальная, информационная, консультационная поддержка органами местного самоуправления социально-ориентированных проектов конфессиональных сообществ, в том числе, направленных на укрепление и сохранение традиционных ценностей российского народа и реализацию приоритетных направлений государственной национальной политики Российской

Федерации (в соответствии с нормоположениями Стратегии государственной национальной политики на период до 2036 года, утвержденной Указом Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858).

В отличие от вышеперечисленных направлений муниципально-конфессионального сотрудничества, а также ряда иных полномочий органов местного самоуправления в данной сфере, закрепленных в уставных документах абсолютного большинства из них в числе вопросов местного значения, – профилактика экстремизма и терроризма; дача согласия на вступление в брак лиц, достигших 16 лет; обеспечение укрепления межнационального и межконфессионального согласия; обеспечение сохранения самобытности и многообразия традиционных языков и культуры российских народов, проживающих на местной территории; организация и проведение мероприятий по сохранению и развитию местных культурных обычаев и традиций; военно-патриотическое воспитание граждан, которые представляются бессрочно актуальными, несмотря на изменяющиеся запросы общества и вызовы геополитической ситуации, деятельность органов местного самоуправления в сотрудничестве с религиозными организациями, направленная на социальную адаптацию и интеграцию мигрантов в российское общество, весьма востребованная и составлявшая приоритет государственно-религиозного сотрудничества до 2025 г., постепенно теряет свою актуальность в связи с ориентацией национальной политики на курс «возвратной миграции», закрепленный в «букве» Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. Данная тенденция обусловлена изменениями миграционной политики России в ответ на появление новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Проведенное исследование трансформации формы и содержания муниципально-конфессионального сотрудничества в Российской Федерации показало, что существующие направления взаимодействия органов публичной власти и религиозных сообществ продолжают оставаться элементом действенного механизма решения вопросов как местного, так и государственного значения. При этом геополитические вызовы и угрозы, возникающие перед современной Россией, предопределяют необходимость изменения как вектора направленности совместных усилий органов местного самоуправления и религиозных организаций, так и их нормативного правового регулирования в части конкретизации и унификации (однако, не без учета региональной специфики, обусловленной многообразием этнических особенностей населения субъектов Российской Федерации) форм возможного «сотрудничества», в первую очередь направленного на реализацию миссии «социального служения» институт церкви обществу. В связи с чем существует объективная необходимость применения к принципу светскости современного Российского государства категории гуманизма, для того чтобы он приобрел нравственно-правовой оттенок, при котором государство гарантирует реализацию полноценной правосубъектности религиозных организаций при взаимодействии с органами публичной власти всех уровней.

Список литературы

1. Гавриленков А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: сущность, принципы, эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 44 с.
2. Янушевич И. И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 82–86.
3. Маковский А. А. Механизмы участия религиозных организаций в региональном политическом процессе России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 48. С. 18–27.

УДК 340.12

Жидков Д. И., Кожанчиков О. И., *Орел*

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь правовой идеологии, патриотического воспитания и национальной безопасности. Анализируется роль правосознания как связующего звена между государственной политикой и общественными настроениями. Особое внимание уделяется проблеме эффективности правовых средств в формировании ценностных ориентаций граждан и их влиянию на защищенность национальных интересов. Делается вывод о необходимости системного подхода к правовому регулированию воспитательной функции государства.

Ключевые слова: правовая идеология, патриотическое воспитание, национальная безопасность, правосознание, правовая культура, ценностные ориентации.

Zhidkov D. I., Kozhzhichikov O. I., *Orel*

LEGAL IDEOLOGY AND PATRIOTIC EDUCATION AS FACTORS OF NATIONAL SECURITY

Abstract. The article examines the relationship between legal ideology, patriotic education, and national security. It analyzes the role of legal consciousness as a link between state policy and public sentiment. Special attention is given to the effectiveness of legal means in shaping citizens' value orientations and their impact on the protection of national interests. The author concludes that a systematic approach to the legal regulation of the state's educational function is necessary.

Keywords: legal ideology, patriotic education, national security, legal awareness, legal culture, and value orientations.

Вопрос о том, насколько право способно формировать внутренние убеждения человека, пожалуй, один из самых сложных в юридической науке. С одной стороны, закон регулирует лишь внешнее поведение, оставляя сферу мыслей и чувств за своими пределами. С другой – любая правовая система неизбежно транслирует определенные ценности, даже если законодатель прямо не декларирует их в качестве идеологических установок. В российском контексте эта дилемма приобретает особую остроту: конституционный запрет на установление государственной идеологии вступает в очевидное про-

тиворечие с потребностью в формировании ценностного фундамента, на котором только и может строиться устойчивое развитие общества и защита национальных интересов. И здесь патриотизм, понимаемый как одна из базовых ценностей правовой культуры, способен выполнять роль своеобразного моста между личными убеждениями человека и официальной правовой политикой государства [1].

Национальная безопасность сегодня понимается не только как военная или экономическая защищенность. Все больше исследователей сходятся во мнении, что подлинная безопасность государства невозможна без внутреннего единства общества, без разделяемых большинством граждан представлений о справедливом, должном и недопустимом. А эти представления как раз и составляют содержание правовой идеологии – системы идей, взглядов и концепций, выражающих отношение людей к праву и государству. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации прямо указывается, что защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей является одной из ключевых задач. Но возникает закономерный вопрос: какими средствами право может эту защиту обеспечить? Как справедливо отмечается в исследованиях последних лет, патриотизм нельзя навязывать исключительно правовыми предписаниями – он должен стать органичной частью правовой культуры, формируемой на протяжении длительного времени [3].

Патриотическое воспитание в данном контексте выступает тем механизмом, который способен перевести абстрактные идеологические постулаты в плоскость личных смыслов и поведенческих установок. Речь идет не о навязывании человеку определенной картины мира, а о создании условий, при которых формируется устойчивая связь между личным благополучием и состоянием общества и государства в целом. Когда молодой человек понимает, что соблюдение закона – это не просто обязанность, подкрепленная угрозой наказания, а необходимое условие существования предсказуемой и безопасной среды для него самого и его близких, правовая норма перестает быть внешним ограничителем и становится внутренним регулятором. И в этом смысле конституционно-правовое регулирование патриотического воспитания способно создавать ту нормативную основу, без которой любые воспитательные усилия остаются фрагментарными и малоэффективными [5].

Однако здесь скрывается серьезная проблема. Современное российское законодательство содержит немало положений, направленных на патриотическое воспитание, – от образовательных стандартов до программ по работе с молодежью. Но эти меры зачастую носят фрагментарный характер. В одном нормативном акте говорится о необходимости формировать гражданственность, в другом – о развитии правовой культуры, в третьем – о противодействии экстремистской идеологии. При этом отсутствует единое понимание того, как именно эти направления связаны между собой и какой результат в конечном счете должен быть достигнут. Исследователи справедливо обращают внимание на то, что международные стандарты в области защиты прав

человека также должны учитываться при выстраивании системы патриотического воспитания, поскольку гипертрофированный патриотизм, не подкрепленный уважением к правам и свободам, способен привести к обратным результатам [2].

В юридической литературе последних лет можно выделить несколько принципиально различных подходов к пониманию соотношения правовой идеологии, патриотического воспитания и национальной безопасности. Каждый из них высвечивает важные грани этой сложной проблемы.

Первый подход, который условно можно назвать государственным, исходит из того, что правовая идеология является необходимым элементом правовой политики любого государства, независимо от формального провозглашения идеологического плюрализма. Сторонники этой позиции обращают внимание на то, что отказ от внятной идеологической повестки в 90-е гг. прошлого века привел к образованию ценностного вакуума, который немедленно заполнился криминальной субкультурой, правовым нигилизмом и разного рода деструктивными течениями. С этой точки зрения патриотическое воспитание рассматривается как инструмент ретрансляции базовых правовых ценностей, без которых невозможно нормальное функционирование правовой системы. Как отмечается в современных исследованиях, ценности патриотизма в правовой культуре выполняют системообразующую функцию, задавая общую направленность правовой социализации личности [4].

Противоположная позиция отчетливо прослеживается у исследователей, ориентированных на либеральную традицию правопонимания. Ее сторонники обращают внимание на опасность чрезмерной идеологизации права. Согласно этому подходу, подлинная национальная безопасность обеспечивается не единомыслием, а развитым гражданским обществом, способным контролировать власть и отстаивать свои права. Патриотическое воспитание в этой логике не должно подменяться государственным патернализмом – его задача видится в том, чтобы сформировать у граждан критическое отношение к любым проявлениям произвола, в том числе исходящего от самого государства. Именно такой патриотизм, основанный на требовании соблюдения прав человека, а не на слепой лояльности, способен стать надежной опорой национальной безопасности. И здесь принципиально важным оказывается соблюдение баланса между патриотическим воспитанием и уважением к международным стандартам прав человека [2].

Третья позиция представляет собой попытку найти компромисс между двумя крайностями. Ее сторонники исходят из того, что правовая идеология и патриотическое воспитание необходимы, но их содержание должно определяться не столько государством, сколько обществом в процессе диалога с властью. Эффективное право воспитательное воздействие возможно лишь тогда, когда оно опирается на реальные запросы общества и учитывает многообразие социальных интересов. В противном случае идеологические конструкции останутся мертвыми схемами, не находящими отклика у граждан.

Ключевым условием успеха выступает не сила государственного принуждения, а убедительность самой правовой идеологии, ее способность отвечать на вызовы времени и предлагать понятные решения актуальных проблем. При этом патриотизм должен рассматриваться не как абстрактная категория, а как конкретная ценностная установка, интегрированная в повседневную правовую культуру [3].

Показателен в этом смысле опыт зарубежных стран, где формирование правовой идеологии никогда не объявлялось открыто, но всегда осуществлялось через последовательную правовую политику. В одних государствах делается ставка на конституционный патриотизм – лояльность не к этнической или культурной общности, а к фундаментальным принципам конституционного строя. В других – на историческую преемственность и национальную идентичность. Россия в этом смысле находится в поиске собственной модели, что само по себе не является недостатком, но требует более внимательного отношения к правовым инструментам, с помощью которых эта модель будет реализовываться. Важно, чтобы конституционно-правовое регулирование в этой сфере не носило декларативного характера, а подкреплялось реальными механизмами реализации [5].

Нельзя не отметить и обратную сторону вопроса. Чрезмерная идеологизация права, попытка законодательно закрепить единственно верную систему ценностей способна привести к противоположному результату. Когда государство начинает слишком активно вторгаться в сферу убеждений, это нередко вызывает отторжение, особенно у молодого поколения, которое всегда склонно к критическому переосмыслению любых авторитетных установок. Здесь нужен тонкий баланс между защитой ценностного ядра общества и сохранением пространства для свободного мировоззренческого выбора. И в этом смысле правовая культура личности выступает тем фильтром, который позволяет человеку самостоятельно определять свое отношение к патриотическим ценностям, не отвергая их, но и не принимая слепо [1].

Национальная безопасность в ее правовом измерении оказывается, таким образом, тесно связана с качеством правовой идеологии и эффективностью патриотического воспитания. Но связь эта не прямая и не механическая. Право не может заставить человека любить Родину, равно как не может принудить его к внутреннему принятию правовых ценностей. Однако право способно создавать институциональные условия, при которых такая любовь и такое принятие становятся естественным следствием социального опыта человека. Если правовая система обеспечивает справедливость, если государственные институты работают предсказуемо и честно, если закон действительно защищает слабого от произвола сильного – в таком обществе патриотизм формируется сам собой, без дополнительных идеологических кампаний. И тогда патриотизм перестает быть просто лозунгом, превращаясь в реальную ценность правовой культуры, разделяемую большинством граждан [4].

В этом смысле главная задача законодателя видится не в том, чтобы писать красивые слова о патриотизме в преамбулах законов, а в том, чтобы каждое правовое решение, каждый принимаемый нормативный акт оценивались с точки зрения их влияния на доверие граждан к государству и праву в целом. Именно доверие, а не страх или конформизм, составляет подлинную основу национальной безопасности. И формируется это доверие не столько через воспитательные мероприятия, сколько через повседневный правовой опыт каждого человека. Как справедливо отмечается в исследованиях, посвященных правовой культуре субъектов публичного статуса, патриотизм должен проявляться не в декларациях, а в реальном правовом поведении, в уважении к закону и готовности следовать ему не из страха, а по внутреннему убеждению [1].

Подводя итог, можно утверждать, что правовая идеология и патриотическое воспитание действительно выступают факторами обеспечения национальной безопасности, но их роль часто понимается упрощенно. Это не инструменты прямого воздействия на сознание, а скорее способы организации правовой среды, в которой естественным образом воспроизводятся ценности, значимые для сохранения общества как единого целого. Эффективность этих факторов определяется не количеством принятых программ или проведенных мероприятий, а тем, насколько последовательно право реализует свою гуманистическую функцию, насколько убедительно оно доказывает свою способность быть справедливым регулятором общественных отношений. Без решения этой фундаментальной задачи любые усилия по идеологическому и патриотическому воспитанию рискуют остаться лишь благими пожеланиями, не способными всерьез повлиять на состояние защищенности национальных интересов.

Список литературы

1. Галустян Н. В. Патриотизм как важная составляющая формирования правовой культуры личности в современных условиях развития общества // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 22–24.
2. Крупеня Е. М. Патриотизм в контексте правовой культуры и правосознания субъектов публичного статуса: теоретико-правовой анализ // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. памяти проф. Ф. М. Рудинского. Рязань, 2016. С. 201–204.
3. Лаптева Л. Е. Права человека и гражданина в системе патриотического воспитания // Международная защита прав человека и государственный суверенитет : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 130–135.
4. Пронина М. А. Патриотизм как ценность правовой культуры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 58–64.
5. Христофорова Е. И. Конституционно-правовое регулирование идеи патриотизма как условие стабильности современного общества // Юридическая наука. 2019. № 10. С. 106–108.

УДК 316.422.42

Зацепин А. Л., Саянск

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЛЕНИНУ В АСПЕКТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Рассматривается вопрос отношения гражданского общества к сохранению и установке памятников Ленину в историческом контексте его деятельности. Изучается позиция уровней государственной власти и муниципального управления в вопросе сноса памятников Ленину. Проводится рассмотрение возникающих проблем и делаются выводы, оценивающие исторически сложившуюся социально-политическую ситуацию в целом.

Ключевые слова: гражданское общество, Ленин, памятник, режим, государственное управление, муниципальное образование, история.

Zatsepin A. L., Sayansk

ON THE ISSUE OF PRESERVING LENIN MONUMENTS IN THE CONTEXT OF PUBLIC ADMINISTRATION USING THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Abstract. The article examines the attitude of civil society towards the preservation and installation of monuments to Lenin in the historical context of his activities. It studies the position of the levels of state power and municipal administration regarding the demolition of monuments to Lenin. The article examines the emerging problems and draws conclusions that assess the historical socio-political situation as a whole.

Keywords: civil society, Lenin, monument, regime, public administration, municipal education, history.

Современные вопросы и проблемы социально-экономического развития страны закономерно и поступательно приводят государство и общество к рассмотрению вопроса парадигмы устойчивого и стабильного государственного управления и качества жизни в различных режимах государственного управления. В этой связи актуальным становится вопрос рассмотрения феномена сохранения памятников Ленину на примере Иркутской области и проведение анализа с предложением выводов по данной тематике.

Российский юрист, историк, доктор исторических наук, профессор Иван Владимирович Упоров в своей статье: «Сторонников сохранить памятники Ленину по-прежнему большинство – пользователи социальных сетей это подтверждают» выполнил сравнительный анализ, и пришел к выводу, что поскольку сторонников сохранения памятников Ленину в современном российском обществе большинство, то этим и объясняется «то обстоятельство, что памятники по-прежнему стоят» [14]. В своем исследовании профессор Упоров И. В. приводит основные доводы двух противоположных мнений: противники памятников Ленину справедливо указывают на то, что Ленин организовал – разрушение российской государственности, промышленности, экономики, повинен в мучениях, страданиях и смерти многих миллионов простых российских граждан, и среди прочих – членов царской семьи, утро-

ении беспрецедентных гонений на Церковь, содействию в убийствах, грабежах, мародерстве и устройении голодомора [4], а сторонники, просто пренебрегая указанными преступлениями Ленина и их масштабом, указывают, что поскольку он был главой государства и каким бы убийцей он ни был, однако считают, что он «свергнул капитализм и страна пошла по пути социализма» [14].

В проведении анализа вышеприведенной полемики, мы можем отметить, что в обыденном представлении пользователей социальных сетей сформировано основное следующее восприятие исторического хода социально-экономического развития: капитализм императорский – социализм коммунистический – капитализм республиканский. При этом социализм понимается как наилучшая и прогрессивная форма государственного развития, а его становление, в понимании общества, связано именно с именем Ленина, чем, собственно, и обусловлено положительное отношение общества к памятникам Ленину. Сторонники Ленина особо отмечают такие положительные черты социализма как качественное и доступное образование, здравоохранение, развитые промышленность и сельское хозяйство, обеспеченность рабочих мест, низкие цены на продукты питания и предметы первой необходимости, получение бесплатного жилья.

Таким образом, можно прийти к выводу, что обществу не безразличны вопросы социально-экономического развития. Теория указывает, что достижение и поддержание социально-экономического благополучия и развития не зависят от формы государственного устройства и (или) политического режима в стране, но зависят от качества государственного управления. Другими словами, то, что возможно достигнуть при монархии – оптимальной формы государственного устройства, то может быть сделано и в республике. Те социальные блага, которые остались в памяти общества от периода Советской России, все то, что традиционно перечисляется как достижения социализма, все это относится лишь ко времени правления Генерального секретаря Брежнева Л. И., и непосредственно Ленин к их созданию – не причастен. Деятельность самого Ленина на самом деле носила разрушительный, уничтожительный и объективно – преступный характер, а социальные общественные блага создавались впоследствии, собственно, не благодаря ему, а вопреки. Поэтому, по нашему мнению, сохранение и установка памятников Ленину на самом деле означает сохранение и установку памятников непосредственно самому ленинскому режиму, конкретно:

«Уже в конце марта 1918 года собрание фабрично-заводских уполномоченных Петрограда говорило: «Позорный мир, голод, неумело ведущаяся эвакуация, полная дезорганизация фабрично-заводской жизни – все это обрушилось на рабочих... Профессиональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуют борьбу в защиту прав рабочих. На улицах и в домах днем и ночью происходят убийства... Убивают не врагов народа, а мирных граждан – рабочих, крестьян, студентов... Мы протестуем...» [2, с. 15];

«Советская власть, официально, в порядке управления, выдвинула средство еще более примитивное – вооруженные отряды различного наименования: «продовольственные», «карательные», «заградительные», которые шли походом на деревню за «излишками» или отбирали на станциях железных дорог, на перепутьях крестьянское добро и запасы. Власть не делала попытки государственного регулирования этой своеобразной «социализации»; которая обратилась в грабеж и дележ. При малейшем сопротивлении отряды забирали все в порядке контрибуции. Не только подневольная, но и официальная советская печать в 1918 г. рисовала «потрясающие картины» походов на деревню, реквизиций и кровавых усмирений» [2, с. 17].

«Буржуазия просто истреблялась. Ленин поставил задачу теоретически: «Обеспечить диктатуру (рабочего класса), свергнуть буржуазию и отнять у нее те экономические источники ее власти, которые являются помехой в деле всякого экономического строительства». «Чрезвычайная комиссия» решила эту задачу практически. «Мы не ведем войну, – писал Лацис, – против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс... Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который Вы должны ему предъявить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого»... Истребление буржуазного класса шло самыми разнообразными путями: отнятием собственности, выселением из жилищ, голодным пайком, трудовой повинностью, лишением свободы, наконец казнями, казнями без конца, без счета. Скорбь и ужас разлились по земле одея в траур каждую русскую семью, не пощадив ни таланта, ни силы, ни молодости внеся в естественное течение общественной жизни как систему, как норму институт заложников, родовую месть, надругательство над душой и телом человека, страдания и потоки крови» [2, с. 18];

«И за все 100 лет, а это продолжается у нас, практически, вот эти элементы, связанные с советской властью, 100 миллионов положили! 100 миллионов человек лежат в могиле! Это мало? Большевики вырезали всю элиту, самых лучших: чиновников, ученых, офицеров, полицию, сыщиков, ну все самое лучшее, или в ГУЛАГ в Сибирь, или просто расстреливали. Откройте труды вашего святого Ленина, ну на каждой странице расстрелять, расстрелять! Откройте! На каждой странице! Расстрелять! Только один глагол знал этот человек!... Первый муж моей матери, чекист, вывозил русских крестьян в Сибирь. Возвращался, его рвало дома. Говорит, здоровые русские мужики, приезжаем в Сибирь, открываем вагоны теплушек и идут в тайгу. Снег. Кто успел топоры взять, делали быстро землянки, спаслись. Все остальные погибли. Женщины, дети, все погибли, старики» [3].

«Человеческое страдание – всегда страдание. Убийство – всегда убийство.... Многие, даже из знакомых большевиков не хотели верить, что возможна такая *дикая расправа*... У одной большевички даже стояли слезы на глазах... Мне хочется сказать людям в шорах: «Говорите о ваших терзаниях.

Чтите ваших мертвых. Но когда проходите случайно мимо бездонной могилы русской буржуазии – по существу, русской интеллигенции – снимите шапку над ней. Ибо там, вместе с окровавленными трупами, погребены невознагражденные культурные ценности страны, ее интеллектуальные силы, ее надежды!» [2, с. 20].

«Могилы, могилы, могилы – их сосчитать нельзя. Стреляли людей в за- тылок, косил людей пулемет. Безвестные эти могилы никто теперь не найдет. Земля их надежно скрыла под ровной волной травы. В сущности – не могилы, а просто ямы и рвы. Людей убивали тайно и зарывали во тьме, в Ярославле, в Тамбове, в Полтаве, в Астрахани, в Костроме. И в Петрограде, конечно, ну и, конечно, в Москве. Потоки их бесконечны с пулями в голове. Всех орденов кавалеры, священники, лекаря. Земцы и землемеры, и просто учителя. Под какими истлели росами не дожившие до утра и гимназистки с косами, и мальчишки-юнкера? Каких потеряла, не ведаем, в мальчиках тех страна Пушкиных и Грибоедовых, героев Бородина. Россия – могила братская, рядами, по одному, в Казани, в Саратове, в Брянске, в Киеве и в Крыму... Куда бы судьба ни носила, наступишь на мертвеца...» [12].

Отельным вопросом является был ли Ленин немецким шпионом, и мы можем уверенно дать ответ: да, был. Приведем документ: «Имперский Банк. 2 марта 1917 г. Берлин. Представителям всех германских банков в Швеции. Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для целей пропаганды мира в России будут получаться через Финляндию. Требования эти будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом № 2764 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны быть снабжены подписью «Диршау» или «Волькенберг». С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления. № 7432 Имперский Банк» [2;11]. Также приведем свидетельство немецкого генерала: «Вполне естественно, что мы пытались путем пропаганды усилить разложение, внесенное революцией в русские войска. На родине у нас был человек, поддерживавший сношения с жившими в Швейцарии эмигрантами; он пришел к мысли привлечь некоторых из них к этому делу, чтобы еще скорее отравить и подорвать моральное состояние русских войск. Он обратился к депутату Эрцбергеру, а Эрцбергер – в министерство иностранных дел. Таким образом дело дошло до ставшей впоследствии известной перевозки Ленина в Петербург через Германию. Подобно тому, как я пускаю гранаты в неприятельские окопы, как я выпускаю против них ядовитые газы, также я имею право в качестве врага употреблять против него и средства пропаганды. Как я уже сказал, лично я ничего не знал о перевозке Ленина. Но если бы меня об этом спросили, то я вряд ли стал бы делать какие-либо возражения против этого, потому что в то время ни один человек не мог предвидеть, какие несчастные последствия должно было иметь выступление этих людей для

России и всей Европы» [1]. Для чего же Германии так нужен был ленинский режим? Очевидно, что для пользы Германии и в ущерб России, прежде всего: «в военном отношении Россия обязывалась демобилизовать армию, разоружить флот и допускала впредь до выполнения условий Брестского мира занятие немцами Западного края до линии Нарва – Рогачев. Таким образом, в силу официальных договоров и тайных сношений с правительством народных комиссаров, Россия поступала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в новую базу центральных держав для борьбы с союзниками, из которой можно было черпать военные материалы, обильные запасы всякого снабжения и даже людские контингенты – не только в виде сотен тысяч пленных австро-германцев, подлежащих возвращению из России, но и в качестве дружин рабочих, вербуемых во всех областях германской оккупации и становившихся затем в положение рабов» [2; 7].

Также советское правительство успело уплатить Германии 325 млн золотых рублей контрибуции, которые впоследствии по Версальскому договору перешли к Франции [2; 7]. Но это золото не принадлежало советскому правительству. Оно являлось собственностью Российской империи, т. е. по существу было похищено и присвоено Лениным, так же как и все другие культурные и национальные сокровища. Вспомним, что Учредительное собрание не избирало партию большевиков с Лениным во главе России, и Ленин в политико-правовом отношении является самым обыкновенным самозванцем, ведущим свое происхождение из той же самой семьи известного террориста Александра Ульянова. В этой связи не лишено интереса уточнить обстоятельства убийства царской семьи. Имеется распространенное мнение, будто бы царская семья была убита по причине угрозы политическому существованию советского правительства. На деле же никакой угрозы советскому правительству царская семья, добровольно сложившего свои полномочия императора – не представляла. В действительности дело заключалось в изданном Лениным законе от 13.07.1918 «О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома» [10], по которому Ленин и осуществил присвоение частного имущества царской семьи после подлого убийства взрослых и детей. Команда штатных и наемных киллеров выполнила заказ [9].

Как мы можем теперь видеть, одним из ближайших и тяжелейших последствий установления ленинского режима стало уничтожение государственного управления в России. Взамен обученных и подготовленных специалистов, советское правительство привлекло безграмотных авантюристов партийного значения, о чем мы и приведем высказывание Ленина: «К нам присоединились... карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас; которые полезли к нам, потому что коммунисты у власти, потому что более честные «служилые элементы» не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, ни-

какой честности (из доклада на VIII съезде компартии)» [2, с. 21]. Таким образом, одной из причин голодомора 1921–1922 гг. [4] была и кадровая некомпетентность в государственном управлении ленинского режима. Эта же изначально установившаяся некомпетентность сохраняла свое значение в период страшного голодомора 1932–1933 гг., а также в послевоенный период в голодоморе 1946–1947 гг. [5]. Для понимания явления приведем лишь одно описание *диких ужасов* детской и взрослой смертности населения от голода, не исключая здесь массовые случаи трупоедства и людоедства по причине низкого уровня качества государственного управления Советского Правительства: «Все ли знают, что творилось на Украине в этом несчастном 1933 г.? Кто может сказать сколько миллионов людей умерло голодной смертью? Пользуясь случаем, хочу рассказать, как в этом году гибли от голода люди. Вымирали почти полностью села, людей не успевали хоронить, дворы зарастали бурьяном. Вначале люди ели мертвецов, а затем дошли до того, что начали убивать своих детей, чтобы утолить свой голод. Люди превратились в дикарей. Через многие села опасно было проезжать, ибо могли поймать, убить и съесть. Тысячи голодных направлялись в столицу – Харьков к дому правительства чтобы рассказать о своем горе. Тех, кто приходил, грузили на автомобили и увозили за город с тем, чтобы они не могли больше прийти» [6, с. 53].

На основании вышеизложенного, мы можем констатировать идею внутренней политики ленинского режима как политику лишь бы сохранения своей власти, в ущерб и за счет жизни и имущества гражданского общества, ценой территориального расчленения России и внешнеполитической продажности, а на деле и не помышляющего ни о каком социализме, декларируемого в рекламных целях, и о котором так любят рассуждать сторонники памятников Ленину и его режима. Впрочем, следует подчеркнуть, что сторонники часто понимают социализм в несколько извращенном понимании, а именно: как обязательное бесплатное обеспечение их материальными благами за счет государства, в то же время сами вовсе не помышляют предложить государству в ответ свои материальные, имущественные и (или) людские ресурсы.

Отметим, что в период Советской России государством принимались строгие меры по замалчиванию преступной государственной деятельности Ленина, и молодым поколениям граждан умышленно преподносилась искаженная действительность. Уже с первого класса начальной школы в букварях детей на первых же листах печатали в ряд понятия, такие как «мама», «Родина», «Ленин» в целях формирования советского уровня мышления и пропаганды коммунистических идей. Так было в России, но не за ее пределами. С падением изначально нежизнеспособной советской системы в ряде городов страны были убраны памятники Ленину как символа советского (тоталитарно-репрессивного) периода жизни страны. Однако в некоторых городах и поселках памятники Ленину сохранились.

На примере Иркутской области рассмотрим сохранение памятников Ленину в Иркутске и Бодайбо и установку памятника Ленину в г. Саянске.

Вопреки выводу профессора И. В. Упорова, о том, что сохранение памятников Ленину обусловлено большинством сторонников [14], мы приходим к иному выводу по нижеследующим основаниям. В соответствии с действующим законодательством вопросы местного значения отнесены к ведению уровня муниципального управления, а значит количество сторонников и противников не имеет принципиального значения и их количеством можно просто пренебречь. Дело заключается лишь в решениях глав муниципальных образований.

Так, на запрос Администрации г. Иркутска автором был получен ответ о наличии культурного значения памятнику Ленина. О какой-то культуре может символизировать памятник Ленину, по мнению муниципалитета г. Иркутска, остается только гадать.

В отношении памятника в г. Бодайбо Правительство Иркутской области дало однозначный ответ, что памятник Ленину не является объектом культурного наследия, но и только. В то же время непосредственно глава городского поселения г. Бодайбо Ботвин А. В. полагает, что «сохранение памятников Ленину обусловлено комплексом факторов – от юридических норм до общественного мнения и идеологических установок. Также любые мероприятия, касающиеся исторических событий и личностей, должны объединять и сплачивать граждан. Должен быть прозрачный и единый подход к этому вопросу, без двойных стандартов при принятии решения. Например, коммунистическая партия активно выступает за сохранение такого наследия. В связи с чем администрация г. Бодайбо считает демонтаж памятника Ленина не целесообразным» [7]. Здесь нужно отметить то, что в г. Бодайбо расположение памятника Ленину, памятного камня о жертвах политических репрессий советского периода, а также Православного Храма установлены в непосредственной близости друг от друга. Поэтому в отличие от главы Бодайбинского городского поселения, нам сложно видеть сочетаемое в несочетаемом, наличие культуры в ее отсутствии, и видение гражданской сплоченности в единении – способом уничтожения собственного народа. Выходит, что по существу дела глава Бодайбинского городского поселения Ботвин А. В. выступает против народа, в угоду несуществующему режиму, при этом сам же являясь частью этого самого народа. 27.02.2026 Алексею Ботвину предъявили обвинение по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий). Ее санкции предусматривают от 3 до 10 лет лишения свободы [13].

Еще менее понятным является не сохранение, а установка памятника Ленину в г. Саянске Иркутской области. Эту установку инициировали и поддерживали следующие лица государственного и муниципального управления, а также должностные лица общественных организаций: бывший губер-

натор Иркутской области Левченко С. Г. (уволенный в связи с утратой доверия Президента РФ Путина В. В.), депутат законодательного собрания Иркутской области 3-го созыва Безродных О. В., бывший мэр г. Саянска Боровский О. В., нынешний мэр г. Саянска Ермаков А. В., председатель общественной организации «Дети войны» Казаченко Т. М., директор Саянского благотворительного фонда местного сообщества Сурина П. М.

Касаясь существа вопроса по сохранению памятников Ленина, нужно вспомнить слова Президента РФ Путина В. В. о том, что революция нам была не нужна, его участие в открытии памятников государю императору Александру III в Крыму и Гатчине.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции РФ Президент РФ определяет основные направления внутренней политики государства. Свою позицию по данному вопросу внутренней политики в отношении памятников Ленину Президент РФ сформулировал предельно четко еще в 1991 г., в фильме кинорежиссера документального кино Игоря Шадхана «Владимир Путин. Вечерний разговор»: «Я исхожу из того, что нужно относиться к истории спокойно. Как к тому, что было. И этого не вычеркнуть. Был период в моей жизни, когда я с интересом относился к учению марксизма-ленинизма. Много и с интересом читал. Но по мере взросления, возмужания мне становилась все более и более очевидна истина, что все это – не более чем красивая и вредная сказка. Вредная – потому что осуществление или попытка проведения ее в жизнь в нашей стране нанесла огромный ущерб. И в этой связи мне бы хотелось сказать о той трагедии, которую мы переживаем сегодня (распад СССР). Я думаю, что как раз деятели Октября семнадцатого года заложили мину замедленного действия под это здание, здание унитарного государства, которое называлось Россией. Ведь что они сделали? Они разбили наше отечество на отдельные княжества, которые раньше на карте земного шара и не фигурировали вообще. Наделили эти княжества правительствами и парламентами. С другой стороны, они уничтожили то, что стягивает, сплачивает народы цивилизованных стран, – а именно рыночные отношения. Уничтожили рынок как таковой, зарождающийся капитализм. Единственное, что они сделали и чем держали страну в составе общих границ, – это колючая проволока. Как только эта проволока была убрана – распалась и страна. Я думаю, эти люди такого не хотели, но объективно сыграли такую роль». Таким образом, проведение противоречивой и самовластной внутренней политики главами муниципальных образований на территории Российской Федерации по сохранению памятников Ленину, и тем самым, по нашему мнению, предающих «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» [8], полагаем, есть не что иное, как амбициозное и преступное присвоение себе властных полномочий главы государства, преследуемое по федеральному закону.

В целом же, независимо от результатов и анализа нашего исследования, учитывая статистическое большинство сторонников сохранения памятников Ленину из числа пользователей социальных сетей, проведенное профессором

И. В. Упоровым [14], мы должны констатировать массовую историческую безграмотность пользователей социальных сетей, их ни на чем не основанной избыточной самоуверенности в своей правоте, пренебрежением человеческих страданий погибших соотечественников и отсутствие желания разобратся в существе дела. А это, в свою очередь, лишь подчеркивает достижение искомого коммунистами уровня – национального вырождения!

Духовным звоном отдаются сегодня строки письма старого эмигранта: «С горечью думаю, что и дети, и внуки наши старой, благородной, красивой России больше не увидят: как восстановить то, что вырабатывалось сотни лет и сметено. Как в полной мере восстановить в России наше прежнее, чисто русское коневодство, когда большинство производителей и маток уничтожено невеждами. Если поставить в заводские конюшни свиней, кормить их лучшим сеном и овсом, чистить и седлать, то все-таки свинья останется свиньей и в боевого коня не превратится – перенесите эту мысль на людей новых поколений. Пока на Руси взял верх человек психически больной, маньяк, садист с развращенным умом, а с ним – уголовный преступник, но не всегда так будет: не может страна на веки вечные управляться сумасшедшими, нездоровое время пройдет, постепенно переродятся в более здоровые формы, образуются новые правления, и у власти окажутся люди, хотя и здоровые, но потомки хамов, «нуворишей» и преступников. И, на какие бы высокие должности они не забирались, как бы эти люди не богатели, в какие бы дворцы ни внедрялись, в каких бы поездках или автомобилях ни ездили... ни они, ни их дети, ни их внуки благородными и рыцарями не будут: законы природы и законы атавизма непреложны и преступники не могут родить подвижников... и вряд ли эти правители дадут когда-нибудь России этику и нравственную красоту...» [11].

В заключение приходим к следующим выводам: 1) федеральный и региональные уровни государственной власти находятся выше в культурном отношении, чем выборные лица муниципального уровня; 2) муниципальный уровень, считает для себя возможным проведение «самостийной и независимой» государственной политики в отношении сохранения и установки памятников Ленину на примере Иркутской области; 3) фактически сложилась ситуация противоположного дуализма в управлении территориями между муниципальной и государственной властью, что в свою очередь делает актуальным вопрос о ликвидации самостоятельного муниципального управления и подчинения территорий непосредственно региональному управлению с экономией высвободившихся средств на содержание множественных и избыточно финансово затратных аппаратов муниципальных администраций; и, наконец; 4) запросы на иждивенческое существование под лозунгами социализма, ленинизма и коммунизма возможно действительно требуют применения к ним классического ленинского режима, и прежде всего, в отношении глав отдельных муниципальных образований, иных выборных лиц и Коммунистической партии.

Список литературы

1. Гофман, Макс (1869–1927). Война упущенных возможностей / [с предисл. В. Гурко-Кряжина ; пер. с нем. Б. Кулакова]. М. : Л. : Гос. изд-во, 1925. 203 с. (Библиотека мемуаров) // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/> (дата обращения: 09.03.2026).
2. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май–октябрь 1918. Минск : Харвест, 2002. 464 с. (Воспоминания. Мемуары).
3. Заседание Государственной Думы от 09.04.2013. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2013-04-09> (дата обращения 09.03.2026).
4. Зима В. Ф. Голод 1921–1922 годов в Советской России: власть и церковь. Саратов : Научная книга, 2022. 312 с.
5. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов : Приволж. кн. палата, 2020. 400 с.
6. Кузнецов Б. М. В угоду Сталину. Годы 1945–1946. 2-е изд. Нью-Йорк : Военный вестник, 1958. 126 с.
7. Письмо Администрации Бодайбинского городского поселения от 19.02.2026 № 505.
8. Письмо Администрации Президента Российской Федерации от 20.02.2026 № А26-01-4142491.
9. Преступление века : материалы следствия : документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского Императора Николая II, его семьи и их приближенных : в 3 т. М. : Следств. комитет РФ, 2021. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения: 09.03.2026).
10. Сборник декретов, 1917–1918 гг. : собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М. : Гос. изд-во, 1920. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000032294/?ysclid=mmif811pfb458282937/ (дата обращения 09.03.2026).
11. Семеновский бюллетень. 1929. № 8. URL: <https://archive.org/details/semenovskiibull088800/mode/2up> (дата обращения 09.03.2026).
12. Солоухин, В. А. Другам. URL: <https://rustih.ru/vladimir-solouxin-druzyam/> (дата обращения 09.03.2026).
13. Сообщение газеты Аргументы и Факты от 27.02.2026. URL: <https://aif.ru/incidents/skpredyavil-meru-bodaybo-obvinenie-v-prevyshenii-polnomochiy?ysclid=mmig861znc569290750> (дата обращения 09.03.2026).
14. Упоров И. В. Сторонников сохранить памятники Ленину по-прежнему большинство – пользователи социальных сетей это подтверждают // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115-3. С. 161–166. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75216038> (дата обращения 09.03.2026).

УДК 37.017

Корелин М. Н., *Иркутск*

СПОРТ И ПАТРИОТИЗМ В ПОИСКАХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Рассматривается связь спорта и патриотизма в сознании современной молодежи. Выделяются основные когнитивные, аффективные и поведенческие коннотации, показывается динамика связи «спорта и патриотизма» в поисковике Google за 2015–2025 гг., которая осуществлялась методом контент-анализа. Делаются выводы о перспективах идеологического моделирования патриотического сознания россиян через спортивно-патриотическую риторику общественного дискурса спортивных соревнований.

Ключевые слова: спорт, патриотизм, молодежь, перспективы развития, социальное моделирование, идеология, мировоззрение, идентичность.

Korelin M. N., *Irkutsk*

SPORTS AND PATRIOTISM: A SEARCH FOR GUIDANCE FOR MODERN YOUTH

Abstract. This article examines the relationship between sports and patriotism in the minds of modern youth. Key cognitive, affective, and behavioral connotations are identified, and the dynamics of the relationship between “sports and patriotism” in the www.google.com search engine from 2015 to 2025 are demonstrated using content analysis. Conclusions are drawn regarding the prospects for ideologically modeling Russians' patriotic consciousness through the sports-patriotic rhetoric of public discourse at sporting competitions.

Keywords: sports, patriotism, youth, development prospects, social modeling, ideology, worldview, identity

Патриотизм как показатель эмоционального отношения к своему отечеству – становится все более востребован в современном обществе. Более того, добавляются когнитивные смыслы патриотизма: основанные на реальном знании истории государства и государственности, истории своего рода, религиозных и культурных традиций. А также все более актуальны практические аспекты патриотического поведения.

Наиболее ярко на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне проявляются патриотические ценности во время занятий спортом и спортивных состязаний в целом. На эмоциональном уровне патриотические идеалы в спорте формируют чувство гордости за свою страну и спортсменов, выступающих на каких-то соревнованиях, подчеркивают социальную и национальную идентичность, усиливают процессы социальной солидарности как среди спортсменов, так и среди болельщиков. На когнитивном уровне укрепляется осознание важности спортивных достижений и после этого, спорт может восприниматься не только как форма досуга, но и как политический инструмент давления, как показатель силы государства и проч. На поведенческом уровне, патриотические идеалы подталкивают родителей отдавать своих детей в спортивные секции, чтобы у них были возможности реализовать себя в спортив-

ной деятельности (профессиональной или любительской – это не имеет значения), это формирование определенных навыков и состояний, которые формируют личность ребенка, молодого человека и гражданина страны в целом.

Все перечисленные факторы помогают сформировать неразрывную связку спорта и патриотизма как в общественном сознании, так и среди спортсменов, тренеров и болельщиков. Для этого могут формироваться убеждения и идеалы на государственном уровне – через развитие ориентиров идеологической деятельности, направленной на поддержание спорта и патриотических идеалов населения (Р. Г. Ардашев, М. Н. Корелин, В. Н. Туркова [1–6]). А также на низовом уровне, когда представители различных социальных институтов самостоятельно мотивируют, регулируют и создают условия для развития спортивно-патриотических условий развития современной молодежи (П. А. Баев [7; 8]). Тут же срабатывают условия развития общественных сообществ, когда молодые люди взаимодействуют и формируют сообщества спортивных волонтеров, спортивных болельщиков (фанатов) и др. (Р. В. Иванов, О. А. Полюшкевич [9–12]). Это то, что укрепляет социальное взаимодействие.

Мы провели анализ количества упоминаний связи спорта и спортивных достижений за последние десять лет (с 2015 по 2025 г.). Для этого провели контент-анализ публикаций спортивной тематики, поисковой системы www.google.com за указанный период. Подсчет проводился через программу Atlas. ti.

Всего мы обнаружили 26 586 упоминаний связки «спорт и патриотизм» в разных контекстах. Например, *«спортивный дух укрепляет патриотизм»*, *«хорошие спортсмены всегда являются патриотами своей страны»*, *«национальный спорт – гордость государства»*, *«спортивные достижения укрепляют страну»*, *«болельщики наших спортсменов – это не просто фанаты сорта, это патриоты страны»* и т. д. Выделенные метафоры, сравнения и образы являются фундаментом формирования общего настроения как участников спортивных мероприятий в любом качестве, так и простых обывателей (зрителей). Это то, что фиксирует ключевые смысловые блоки, которые определяют настрой общности. Далее мы анализировали коннотации и контекст данной связи.

На рисунке отражается количественное распределение частоты упоминаний связи «спорт и патриотизм» в поисковике www.google.com.

Как видно на рисунке, количество упоминаний примерно равномерно распределено, за исключением 2020–2023 гг. – это пандемийный и постпандемийный период, когда соревнования отменялись из-за запрета посещения публичных мест по всему миру. В остальные периоды за рассматриваемые десять лет показывают условно одинаковые показатели, что свидетельствует о четкой связи спорта и патриотизма, которая подчеркивается через медийное пространство.

В таблице приведены примеры когнитивных (35 %), аффективных (45 %) и поведенческих (20 %) коннотаций за анализируемый период, которые позволяют судить о настроениях общественности.

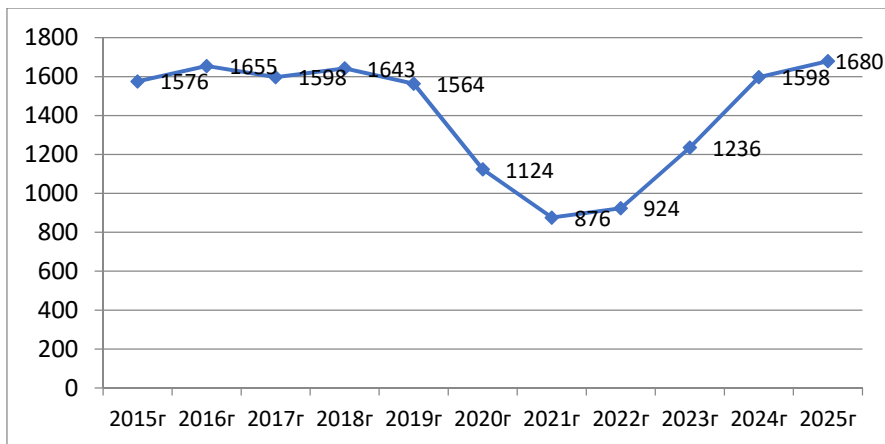

Рис. 1. Распределение частоты упоминаний связи «спорт и патриотизм» в поисковике www.google.com в 2015–2025 гг.

Таблица 1
Примеры коннотаций связи спорта и патриотизма в поисковике www.google.com в 2015–2025 гг.

Сфера	Примеры
Когнитивная	Показательные выступления спортсменов страны – это показательные выступления силы государства Спорт становится оружием политики Сила спортсмена – это показатель силы страны
Аффективная	Гордость за страну берет, когда видишь таких героев Сила народа – в силе спортсменов, с гордостью несущих флаг нашей страны Сердце болельщиков всегда со спортсменами и страной
Поведенческая	Спортивные волонтеры – вот пример активных патриотических убеждений и увлечений в спортивной сфере Спортивные достижения наших спортсменов – закладывают славу страны в настоящем и будущем Достижения спортсменов – это достижения страны, поэтому, плох тот спортсмен, который не хочет стать известным спортивным героем страны

Как видно в таблице, смысловые контексты разным образом, но помогают формировать и поддерживать спортивные патриотические ценности у общественности. Эмоциональные контексты управляют массами, так как аффективные коннотации могут объединить людей с разным социальным и финансовым статусом, когнитивным и эмоциональным интеллектом, тогда как

когнитивные аспекты затрагивают внимание значительно меньшей аудитории, то и публикации в этом ключе менее представлены. То же касается и поведенческих спортивно-патриотических установок – их относительно минимальное присутствие (в два раза меньше, чем аффективных) – указывает на то, что реально проявлять поведенческие спортивно-патриотические установки готовы значительно меньше людей (поэтому и количество публикаций в таком контексте представлено в минимальном количестве – менее четверти).

Формирование общественного мнения через связь спорта и патриотизма достаточно убедительно показывается и позволяет видеть контексты в разные периоды общественного развития. Нет того, что только когнитивные или только аффективные или только поведенческие контексты рассматриваются в течение года или нескольких лет, но приоритеты в тот или иной аспект идеологического конструирования и социального моделирования определяет возможности и смыслы спортивной и патриотической деятельности граждан России.

Особенно это актуально для молодежи, так как именно она реализует свой активный потенциал в спортивных секциях. И именно из нее формируются спортсмены-профессионалы и спортсмены-любители, болельщики и фанаты, спортивные волонтеры и многие другие, кто входит в сообщество спортсменов.

Спорт и патриотизм – это связь государства и достойных членов общества. Поэтому, необходимо усилить эффекты через массовое вовлечение в спортивную деятельность рядовых граждан и активную пропаганду среди них патриотических убеждений. Это форма социального регулирования и возможностей развития общественных показателей через социальную идентичность и солидарность общества в целом.

Таким образом, качественный анализ спортивно-патриотической тематики в поисковике www.google.com позволил установить связь спорта и политики в условиях формирования общественного мнения. Если этот процесс не будет спонтанным, а станет контролироваться представителями заинтересованных социальных институтов, то социальное моделирование уровня патриотизма и спортивной деятельности станет более продуманным и последовательным и количество патриотов среди сподуменов, зрителей, болельщиков и фанатов возрастет, что, безусловно, сплотит данное сообщество и повысит их идентичность и лояльность к правящей элите.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Условия развития спортивных достижений студентов правовых вузов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 104.
2. Ардашев Р. Г., Корелин М. Н. Патриотизм среди студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
3. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Особенности бессознательных стратегий спортивных достижений студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.

4. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
5. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Социальная активность и спортивная реализация студентов // Теория и практика физической культуры. 2026. № 2. С. 26.
6. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
7. Баев П. А. Мотивы участия студентов в волонтерской работе на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 9. С. 69.
8. Баев П. А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.
9. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
10. Полюшкевич О. А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10. С. 41
11. Полюшкевич О. А., Иванов Р. В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
12. Полюшкевич О. А., Иванов Р. В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.

УДК 34

Манзула А. Е., *Иркутск*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И РЕСУРСНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Анализируется региональная инфраструктура реализации государственной молодежной политики в Иркутской области. Отмечается, что под инфраструктурой понимается совокупность нормативно-правовых, организационных, кадровых, финансовых, пространственных, проектных и цифровых ресурсов, обеспечивающих перевод целей молодежной политики в устойчивую управленческую практику. Обосновывается, что в Иркутской области уже сформировано институционально-правовое ядро молодежной политики, однако муниципальный и пространственный контуры инфраструктуры остаются неравномерно развитыми. Делается вывод о том, что ключевая задача современного этапа состоит не столько в дальнейшем расширении нормативной базы, сколько в повышении инфраструктурной плотности молодежной политики на уровне муниципальных образований.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, Иркутская область, молодежная инфраструктура, региональное управление, муниципальный уровень, молодежные центры, цифровизация, правовое регулирование.

А. Е. Manzula, *Irkutsk*

REGIONAL INFRASTRUCTURE FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY IN THE IRKUTSK REGION: AN INSTITUTIONAL, LEGAL AND RESOURCE ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the regional infrastructure for the implementation of state youth policy in the Irkutsk Region. Infrastructure is understood as a set of legal, organizational, human, finan-

cial, spatial, project and digital resources that ensure the transformation of youth policy goals into sustainable administrative practice. The paper argues that the institutional and legal core of youth policy in the Irkutsk Region has already been formed, while the municipal and spatial contours of infrastructure remain unevenly developed. It is concluded that the key task of the current stage is not so much the further expansion of the legal framework as the increase of infrastructural density of youth policy at the municipal level.

Keywords: state youth policy, Irkutsk Region, youth infrastructure, regional governance, municipal level, youth centers, digitalization, legal regulation.

В отечественной науке и практике молодежная политика все в большей степени понимается не как совокупность разрозненных мероприятий, а как институционально оформленная сфера публичного управления. Такая постановка вопроса особенно важна на региональном уровне, где эффективность молодежной политики определяется не только содержанием программных документов, но и наличием устойчивой инфраструктуры их реализации. Ранее автор уже обращался к организационным основам государственных и негосударственных институтов, действующих в молодежной политике Иркутской области. Логическим продолжением этого анализа становится обращение к региональной инфраструктуре как к более широкому явлению, включающему не только систему субъектов, но и совокупность правовых, организационных, кадровых, финансовых, пространственных, проектных и цифровых ресурсов, обеспечивающих реальное доведение молодежной политики до молодежи в территориях [7;20; 21].

Подобное понимание инфраструктуры соответствует современной федеральной логике регулирования. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» закрепляет молодежную политику как комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых при межведомственном взаимодействии органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, в свою очередь, усиливает инфраструктурный подход, связывая развитие молодежной политики с учреждениями, пространствами, цифровыми сервисами, кадровыми решениями и инструментами мониторинга. Следовательно, в политологическом и управленческом смысле инфраструктура молодежной политики должна рассматриваться не как второстепенное приложение к программам, а как материально и институционально оформленная среда реализации государственной политики в отношении молодежи [7; 13; 16].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать региональную инфраструктуру реализации государственной молодежной политики в Иркутской области и выявить ее ключевые сильные стороны и ограничения. В качестве рабочей гипотезы используется положение о том, что в Иркутской области институционально-правовое ядро молодежной политики

уже сформировано в большей степени, чем ее муниципальный и пространственный контуры. Иначе говоря, правовая и организационная институционализация молодежной политики в регионе опережает равномерное развитие сети инфраструктурных точек, кадрового сопровождения и устойчивых механизмов доступа молодежи к возможностям молодежной политики.

В Иркутской области действительно сложился достаточно оформленный нормативно-правовой каркас молодежной политики. В регионе действует Закон Иркутской области «О молодежной политике в Иркутской области», создано самостоятельное министерство по молодежной политике, утверждена Стратегия развития молодежной политики в Иркутской области до 2030 года, а также действует государственная программа Иркутской области «Молодежная политика». Уже сама эта связка «закон – профильный орган – стратегия – государственная программа» позволяет говорить о переходе от фрагментарного управления к более устойчивой институциональной модели. При этом правовые нормы в данном случае выполняют не только регулятивную, но и инфраструктурообразующую функцию: они задают круг субъектов, закрепляют полномочия, оформляют программные механизмы и формируют основание для распределения ресурсов в сфере молодежной политики [11; 12; 14; 15].

Организационным ядром этой модели выступает министерство по молодежной политике Иркутской области как самостоятельный исполнительный орган государственной власти региона. На официальных ресурсах министерства представлены не только его функции и нормативные основания деятельности, но и подведомственные учреждения, а также информация о руководителях органов по делам молодежи в муниципальных образованиях. В числе подведомственных структур указаны, в частности, Молодежный кадровый центр и Центр социальных и информационных услуг для молодежи. Последний особенно значим для анализа инфраструктуры, поскольку позиционируется как организация, созданная для информационно-аналитического и научного обеспечения молодежной политики, а также оказания информационных и социальных услуг молодежи Иркутской области. Тем самым региональная модель включает не только орган управления, но и специализированный операторский контур, который потенциально способен обеспечивать воспроизводимость практик и накопление управленческих данных [11].

Однако именно сопоставление правового и организационного ядра с муниципальным уровнем позволяет увидеть ключевое противоречие региональной модели. Согласно действующей редакции Стратегии развития молодежной политики в Иркутской области до 2030 г., на 1 января 2024 г. численность молодежи в регионе составляла 608 026 человек, т. е. 26,09 % населения области, причем около половины молодежи сосредоточено в крупных городах – Иркутске, Ангарске и Братске. Одновременно стратегия фиксирует, что стратегические задачи молодежной политики на уровне муниципальных образований реализуются недостаточно эффективно из-за несформирован-

ной кадровой политики отрасли, недостаточно развитой материально-технической базы и нехватки финансирования на муниципальном уровне. Иными словами, регион уже обладает институциональным центром, но сама инфраструктура остается пространственно и организационно неравномерной [15].

Наиболее уязвимым звеном инфраструктуры выступает кадровый контур муниципального уровня. Официальная стратегия прямо указывает, что в муниципальных образованиях Иркутской области работают 205 специалистов в сфере молодежной политики, из которых 67 совмещают эту деятельность с иными направлениями – спортом, туризмом, культурой и т. д. Дополнительно в регионе действуют 42 специалиста региональной системы патристического воспитания и 38 специалистов по профилактике социально-негативных явлений. Однако в подавляющем большинстве сельских поселений специалисты по работе с молодежью отсутствуют вовсе, а сама стратегия отдельно отмечает отсутствие единой системы оценки квалификаций и подготовки (переподготовки) таких специалистов. В результате кадровая инфраструктура оказывается неравномерной не только по количеству работников, но и по качеству их профессиональной специализации. Это означает, что молодежная политика в части муниципальных образований вынужденно реализуется не как самостоятельная профессиональная сфера, а как дополнительная нагрузка внутри более широкого социального или культурного блока [10; 15].

Не менее показателен пространственный контур молодежной инфраструктуры. В приложении к стратегии, посвященном сильным и слабым сторонам развития молодежной политики в Иркутской области, в качестве слабых сторон прямо названы слабая молодежная инфраструктура, единичные молодежные центры, недостаточное количество Домов молодежи, нехватка мест, где молодые люди могли бы собираться, проявляться и реализовываться, а также проблема транспортной доступности. Там же обозначены слабое взаимодействие между исполнительными органами государственной власти Иркутской области и органами местного самоуправления, низкий процент специалистов в возрасте до 35 лет, работающих с молодежью, и отсутствие единой методологии реализации молодежной политики на территории области. В аналитическом смысле это особенно важно: сами официальные документы региона признают, что наличие отдельного министерства и государственных учреждений еще не означает высокой инфраструктурной плотности молодежной политики. Напротив, нормативное оформление здесь заметно опережает развитие повседневно доступной сети пространств и сервисов для молодежи [15].

В этих условиях важную компенсаторную функцию начинают выполнять проектные и партнерские механизмы. Стратегия фиксирует, что в муниципальных образованиях действуют муниципальные программы по работе с детьми и молодежью, на реализацию которых на конкурсной основе выделяются субсидии из областного бюджета. В том же документе указано, что в

2024 г. министерством по молодежной политике Иркутской области был проведен конкурсный отбор по предоставлению грантов в форме субсидий на реализацию социально значимых проектов в сфере молодежной политики, по итогам которого определено 37 победителей. Кроме того, область поддерживает молодежные и детские общественные объединения посредством субсидий из областного бюджета и ведет областной реестр таких объединений. Таким образом, проектно-грантовая инфраструктура уже выступает самостоятельным каналом реализации молодежной политики, дополняя базовую сеть учреждений и позволяя вовлекать негосударственных акторов в молодежную политику региона [15].

Вместе с тем проектная и партнерская активность не должна подменять базовую инфраструктуру. Для Иркутской области характерно то, что именно через участие в федеральных конкурсных механизмах регион получает возможность точечного усиления молодежной инфраструктуры. Так, в 2024 г. Иркутская область стала победителем всероссийских конкурсов «Регион для молодых» и «Регион добрых дел», получив федеральные субсидии на развитие молодежной инфраструктуры и добровольческого направления. В последующий период это сопровождалось созданием и обновлением отдельных пространств, включая арт-резиденцию «Лифт» в Ангарске и обновленный Дом молодежи в Черемхово. Эти примеры показывают, что область способна привлекать внешние ресурсы и превращать их в новые точки притяжения для молодежи. Однако такие решения пока носят, скорее, точечный характер и не снимают проблему неравномерности инфраструктурной сети в регионе в целом [1; 2; 6].

Отдельного внимания заслуживает цифровой контур молодежной политики Иркутской области. В открытом контуре он представлен официальным сайтом министерства, разделом государственной программы, страницами государственных услуг, публикацией сведений о подведомственных учреждениях и муниципальных органах по делам молодежи, а также использованием платформы обратной связи на базе Единого портала государственных и муниципальных услуг. С одной стороны, это создает необходимую основу для информационной открытости, навигации по мерам поддержки и связи граждан с органами власти. С другой стороны, в открытых документах и сервисах пока слабо просматривается единая персонализированная система сопровождения молодежных траекторий, в которой регистрация участия, аналитика, обратная связь и дальнейшая маршрутизация молодых людей были бы объединены в единый цифровой цикл. Поэтому цифровую инфраструктуру Иркутской области на современном этапе корректно характеризовать как сформированную на уровне информационно-административного минимума, но еще не полностью реализованную как инструмент сквозной управляемости молодежной политики на основе данных [4; 8; 18].

С учетом сказанного региональную инфраструктуру молодежной политики в Иркутской области можно определить, как централизованно организованную, но инфраструктурно неравномерную модель. Ее сильными сторонами выступают наличие самостоятельного профильного министерства, нормативно оформленного стратегического и программного контура, подведомственных учреждений, механизмов грантовой поддержки и включенности в федеральные конкурсные и инфраструктурные программы. Ограничителями модели остаются слабая плотность молодежных пространств на местах, кадровая недостаточность и совмещение функций на муниципальном уровне, фрагментарность единой методической рамки и пока еще недостаточно развитый цифровой цикл управления. Иначе говоря, правовая и организационная институционализация молодежной политики в Иркутской области уже состоялась, но ее перевод в повседневно доступную и территориально равномерную инфраструктуру пока не завершен.

Именно в этом проявляется ключевое значение правового измерения молодежной политики. Право здесь выступает не только как форма закрепления полномочий, но и как механизм производства самой инфраструктуры: через закон, положение о министерстве, стратегию и государственную программу формируется каркас системы. Однако эффективность этого каркаса определяется тем, насколько он наполняется реальными пространствами, кадрами, цифровыми сервисами и устойчивыми муниципальными практиками. Следовательно, дальнейшее развитие молодежной политики в Иркутской области связано не столько с очередным расширением нормативного массива, сколько с тремя более прикладными задачами: во-первых, с введением минимального стандарта муниципальной инфраструктуры молодежной политики; во-вторых, с созданием единой системы подготовки, переподготовки и оценки квалификаций специалистов по работе с молодежью; в-третьих, с формированием единого цифрового контура, объединяющего информирование, регистрацию, аналитику и обратную связь. Только при решении этих задач молодежная политика региона сможет перейти от институционально оформленной модели к по-настоящему плотной и доступной инфраструктуре участия молодежи.

Таким образом, кейс Иркутской области показывает, что современная региональная молодежная политика должна анализироваться не только через состав институтов или содержание программ, но и через инфраструктуру как систему ресурсов, обеспечивающих воспроизводимость управленческих решений. В Иркутской области уже сформировано институционально-правовое ядро молодежной политики, однако ее пространственная и муниципальная насыщенность остается ограниченной. Это позволяет сделать более общий вывод: результативность молодежной политики определяется не просто наличием профильного министерства, стратегии и программы, а способностью региона связать их с кадровым, пространственным, цифровым и муниципальным контуром в единую работающую систему [5; 20; 22].

Список литературы

1. В городе Черемхово открыли современный Дом молодежи после масштабного ремонта // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://mmp38.ru/news/news-of-the-ministry/11449/> (дата обращения: 04.04.2026).
2. В Иркутской области появилась арт-резиденция «Лифт» // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://mmp38.ru/news/news-of-the-ministry/11026/> (дата обращения: 04.04.2026).
3. Государственная программа // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://www.mmp38.ru/activities/state-programs-regional-programs/state-program/> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Государственные услуги // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://mmp38.ru/activities/public-services/> (дата обращения: 04.04.2026).
5. Зайцев Э. А. Теоретические подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 158–166.
6. Иркутская область победила во всероссийских конкурсах «Регион для молодых» и «Регион добрых дел» // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://www.mmp38.ru/news/news-of-the-ministry/10397/> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Кочетков А. В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 120–135.
8. Кретов А. Ю. Информационное обеспечение государственной молодежной политики в современной России: основные направления структурной реорганизации // Central Russian Journal of Social Sciences. 2020. Т. 15, № 5. С. 144–154.
9. Манзула, А. Е. Организационные основы государственных негосударственных институтов, реализующих молодежную политику в Иркутской области // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 апр. 2025 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 231–236. EDN LJTAGC.
10. Нигматуллина Т. А. Государственная молодежная политика в федеративной России: инновационные парадигмы. Уфа : Изд-во БИСТ (ф-ла) ОУП ВПО «АТИСО», 2012. 188 с.
11. О министерстве по молодежной политике Иркутской области : постановление Правительства Иркутской области от 16 марта 2016 г. № 131-пп.
12. О молодежной политике в Иркутской области : закон Иркутской области от 17 дек. 2008 г. № 109-оз.
13. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ.
14. Об утверждении государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Иркутской области : постановление Правительства Иркутской области от 13 нояб. 2023 г. № 1021-пп.
15. Об утверждении Стратегии развития молодежной политики в Иркутской области до 2030 года : распоряжение Губернатора Иркутской области от 24 марта 2022 г. № 81-р.
16. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17 авг. 2024 г. № 2233-р.
17. Органы по делам молодежи // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://mmp38.ru/ministry/organs-of-youth-affairs/> (дата обращения: 04.04.2026).
18. Платформа обратной связи // Официальный портал Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/digital/pos/> (дата обращения: 04.04.2026).
19. Подведомственные учреждения // Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://mmp38.ru/ministry/agencies/> (дата обращения: 04.04.2026).
20. Ростовская Т. К. «Три кита» управления государственной молодежной политикой в современной России. Т. 2. Развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию государственной молодежной политики. М., 2016.
21. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Молодежная политика в современной России: учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 155 с.
22. Смирнов В. А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.
23. Шашкова Я. Ю., Асеева Т. А., Киреева О. С. Государственная молодежная политика РФ в представлениях поколения born digital: кейс Сибирского федерального округа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 160–172.

УДК 316.343.32

Сирохин А. И., Москва

ДУХОВЕНСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРАВОВОГО СТАТУСА

Аннотация. Анализируется историческая трансформация правового статуса и корпоративной идентичности духовенства. Рассматриваются механизмы сохранения сословных характеристик данной группы, позволяющие ей выступать уникальным социальным институтом в структуре современного российского общества.

Ключевые слова: духовенство, социальный институт, сословие, корпоративная идентичность, трансформация статуса, причт, клир, сословные привилегии.

Sirokhin A. I., Moscow

THE CLERGY AS A SOCIAL INSTITUTION: TRANSFORMATION OF CORPORATE IDENTITY AND LEGAL STATUS

Abstract. The article analyzes the historical transformation of the legal status and corporate identity of the clergy. The author examines the mechanisms for preserving the estate-based characteristics of this group, which allow it to act as a unique social institute within the structure of modern Russian society.

Keywords: clergy, social institution, estate, corporate identity, status transformation, pricht (parish clergy), klir (clergy), estate privileges.

Исследование правового статуса духовенства в Российской империи раскрывает механизмы формирования сословных привилегий и корпоративного регулирования, ставших фундаментом институциональной устойчивости этой группы. Эволюция данных структур от имперского законодательства к современным формам церковного устройства демонстрирует преемственность социальной идентичности духовенства, сохраняющей свою уникальность в структуре светского общества. После крещения Руси процесс формирования церкви как коллективного субъекта феодального класса и, соответственно, представителей духовенства как его акторов – это тот случай, когда социальная группа, относящаяся по историко-материалистическим, экономическим критериям к классу феодалов, с точки зрения сословной стратификации представляло собой ярко выраженное самостоятельное сословие, принципиально отличающееся от остальной части класса «феодалов» – от дворянства. Правовой статус духовенства как отдельного «состояния» в сословной структуре общественного устройства России, принципы его взаимодействия с государственными институтами, берут свое начало в древнерусском периоде, формировались постепенно и были окончательно законодательно определены в девятом томе Свода законов Российской империи [3].

В соответствии со вторым разделом книги первой Свода законов о состояниях, поименованном «О духовенстве», данное сословие включало духовенство приходское (белое) и монашескую (черное). Высшие церковные

иерархии принадлежали к черному духовенству. В состав же белого входили протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи (священники), протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, а также церковные причетники в звании псаломщиков. Обе эти внутрисословные группы имели общие сословные привилегии. Основными среди них являлись: освобождение от податей, от рекрутской повинности, от телесных наказаний. Хотя духовенство считалось привилегированным сословием, освобожденным от подушной подати и рекрутчины, оно не обладало даже малой толикой престижа дворянства.

Интенсифицировавшиеся во второй половине XIX в. тенденции к межсословной мобильности и к стиранию граней между отдельными элементами правового статуса разных сословий проявились и в вопросах льгот и привилегий. В частности, какие-то привилегии, ранее считавшиеся прерогативой одного сословия, частично могли быть распространены и на «смежные». Так, существовал перечень государственных наград, получить которые могли только дворяне. При этом существовала система, при которой пожалование Императором лицу, не являвшемуся дворянином, того или иного конкретного ордена являлось основанием для причисления его к дворянскому сословию. То есть это был один из инструментов межсословной мобильности, предусмотренный прежде всего для лиц, особо отличившихся на военной службе, иногда – на другой важной для государства стезе (например, дипломатической).

Однако со временем государственные награды высокой пробы вошли в число льгот, которыми государственная власть наделяла и представителей духовного сословия. Так, например, в 1872 г. было принято и законодательно утверждено решение о возможности награждения священников орденом Святой Анны III степени: этой милости мог быть удостоен «Протоирей или священник, исправлявший с особенным усердием двенадцать лет кряду одну и ту же должность: Благодичинного, или члена: Духовной Консистории, Духовного Правления, епархиального попечительства о бедных духовного звания, Правления семинарии или духовного училища от епархиального ведомства» [1, с. 895].

Особенности статуса духовенства по сравнению с иными сословиями в Российской империи определялись следующими факторами:

а) этот статус был зафиксирован в двух параллельно существующих и взаимодействующих между собой регулятивных системах: в государственном праве империи и в каноническом церковном праве. Последнее имело начало в священных религиозных текстах, за ним признавалось по сути божественное происхождение, а поэтому в известном смысле оно обладало в тот период даже большим регулятивным потенциалом (выражаясь современным языком, «юридической силой»), нежели право светское.

б) духовенство обладало собственными институтами управления, которые, в отличие от организационных самоуправленческих структур иных сословий, признавались государством пусть и не равными государственным, но

наделенными отдельными властными полномочиями, самостоятельными в принятии связанных с деятельностью церкви решений. Прежде всего имеется в виду Святейший Правительствующий Синод.

С политико-правовой точки зрения важнейшей привилегией духовенства являлось наличие собственной системы церковных судов, к юрисдикции которой относились дела о проступках церковнослужителей. Правда, дела о совершенных ими наиболее тяжких преступлениях рассматривались все же светскими судами, однако последние при этом должны были обеспечить представительство церкви.

Сословной привилегией духовенства, отчасти схожей с подобной привилегией дворянства, была возможность создания корпоративных организаций, через участие в которых представители сословия имели возможность реализовать отдельные элементы своего статуса. При этом существенным отличием является то обстоятельство, что провинциальные церковные корпорации, в отличие от организаций дворян, не имели возможности обращения непосредственно к Императору – это возможно было сделать только через сложную систему бюрократических инстанций: как церковных, так и светских. Тем не менее, организации духовенства также обладали возможностями в принятии решений, связанных с жизнью и деятельностью как священнослужителей и церковных служителей, так и, по некоторым вопросам, паствы. Они представляли интересы церкви и верующих во взаимоотношения со светскими властями на региональном уровне. Вполне естественно, что церковные корпоративные организации географически формировались вокруг конкретных храмов и связаны с категорией «приход» [См. об этом: 6, с. 170–176].

Так, важным элементом церковной структуры, и одновременно формой корпоративного объединения представителей Русской Православной Церкви являлся причт, объединявший, во-первых, священнослужителей, к которым относились священники и дьяконы. Во-вторых – церковнослужителей. Эта категория включала в себя певчих церковного хора, псаломщиков, пономарей, чтецов и других лиц, служащих церкви, но не имеющих духовного звания – «причетников». В то же время, в нее включались только те, которые выполняли богослужебные задачи, но не входили те служащие храма, которые исполняли чисто «технические», хозяйственные функции – сторожа, дворники и т. п. С понятием «причт» было тесно связано имеющее с точки зрения этимологии древнегреческие корни понятие «клир», которое определяло весь круг духовенства, т. е. священнослужителей – лиц, прошедших посвящение (рукоположение). Таким образом, клир являлся составной частью причта, его ядром. По сути это и есть собственно сословная организация духовенства, через которую священнослужители реализовывали элементы своего сословного правового статуса. А причт – это часть духовной корпоративной организации, выполнявшей в отношении клира служебные, вспомогательные функции: это лица, «причетные» к клиру, отсюда их распространенная корпоративная характеристика «причетник».

Юридическое узаконение статуса приходов и причтов как элементов внутрикорпоративной организации церкви и верующих (паствы) было оформлено рядом нормативных правовых актов, например, Положением «О составе приходов и церковных причтов» [2, с. 321–325]. Представляет интерес то обстоятельство, что данный документ был принят Присутствием по делам Православного Духовенства, а затем Высочайше утвержден. Присутствие, как коллегиальный орган, представлял собой симбиоз политической и духовной власти, состоял из представителей и той, и другой, выполнял роль средства коммуникации между светской и духовной властями в вопросах жизнеобеспечения церкви как института и духовенства как сословия. Это подтверждает наш тезис о том, что сословное право (в контексте «собственное право сословий») может рассматриваться в качестве права в том смысле, что оно, будучи выработанным самими сословиями по типу корпоративных норм, признавалось и санкционировалось государственной властью [См. об этом: 4] (в приведенном примере – самой высокой из возможных инстанций).

Отметим, что в современной церковной православной лексике граница между понятиями «клир» и «причт» в значительной степени стерлась, в отдельных источниках канонического права, в том числе в Уставе Русской Православной Церкви (далее – Устав), имеются положения, свидетельствующие об их если не отождествлении, то об отсутствии необходимости их четко различать: в отношении отдельных церковнослужителей имеются высказывания об их включенности как в причт, так и в клир [5].

В контексте вышесказанного интересно ознакомиться с описанной в п. 2 Устава современной церковной структурой, в которой угадываются отдельные элементы корпоративной организации Русской Православной Церкви как социального института, начало формирования которых относится к имперскому периоду: «Входящие в Русскую Православную Церковь Автономные и Самоуправляемые Церкви, Экзархаты, Митрополичьи округа, митрополии, епархии, викариатства, синодальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, братства, сестричества, духовные учебные заведения, миссии, представительства и подворья (далее по тексту Устава именуемые «канонические подразделения») канонически составляют Московский Патриархат».

Здесь же (п. 4) описана система внутрицерковного нормативного регулирования – приемника канонического права периода Российской империи, в основе которого лежат священные тексты, однако утилитарную часть которого составляют корпоративные правила, принятые высшими церковными иерархами (архиереями) и их коллегиальными органами: «Русская Православная Церковь, при уважении и соблюдении существующих в каждом государстве законов, осуществляет свою деятельность на основе: а) Священного Писания и Священного Предания; б) канонов и правил святых апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов; в) постановлений своих Поместных и Архиерейских Соборов, Священного Синода и указов

Патриарха Московского и всея Руси; г) настоящего Устава». Имеется и церковный суд, действующий ныне в трех инстанциях: 1) епархиальный суд; 2) высший общецерковный суд; 3) суд Архиерейского Собора (п. 8 и Глава IX Устава). Однако он, само собой, не сохранил своей былой мощи и того значения юстиции, альтернативной государственной, которое имел в период империи – собственной церковной юстиции, обеспечивавшей одну из главных сословных привилегий духовенства.

В целом же есть основания утверждать, что духовенство – это та социальная группа, которая сумела через века пронести свою идентичность и на сегодня, даже в условиях светской государственности, сохраняет многие черты и характеристики, сформировавшиеся в имперский период русской истории. Иными словами, в современной российской социальной архитектонике имеется общественная группа (священнослужители, духовенство), которая в наибольшей степени подпадает (хотя и не абсолютно соответствует) под категорию «сословие» в ее традиционной исторической («имперской») трактовке.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О лицах духовного звания, имеющих право на сопричисление к ордену Святой Анны 3-й степени». 31 октября 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XLVII. Отд. 2. 1872. № 51471. СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1875. 1276 с.
2. Высочайше утвержденное положение Присутствия по делам Православного Духовенства «О составе приходов и церковных причтов». 18 апреля 1869 г. // Полное собр. законов Российской империи. Собрание второе. Том XLIV. Отд. 1. 1869. № 46974. СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. 962 с.
3. Свод законов Российской империи. Том девятый. Законы о состояниях. СПб. : Тип. Второго Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 572 с.
4. Сирохин А. И. Соотношение и взаимосвязь правового и корпоративного нормативного регулирования общественных отношений (на примере сословных отношений в Российской империи) // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 178–190.
5. Устав Русской Православной Церкви : принят на Архиерейском Соборе 2000 г. (с изм. и доп. 2008, 2011, 2013, 2016, 2017 гг.) // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Цыпин В. А. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М. : Сретенский монастырь, 2007. С. 170–176.

УДК 329.18

Хохлова О. М., Иванова В. В., *Иркутск*

ЭКСПАНСИЯ НЕОФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА РОССИЮ: ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НЕОФАШИЗМА В РОССИИ

Аннотация. Обсуждается факт популяризации деятельности праворадикальных и популистских партий в странах Европы. Из-за ультранационалистической природы фашизма данная идеология склонна к экспансии и глобальному распространению, вследствие чего наблюдаются всплески фашистских и экстремистских течений в России. Исследуется отрасль права, регулирующая данную сферу. Проанализированы наказания за фашизм и его проявления с точки зрения соответствия общественной опасности данных преступлений.

Ключевые слова: фашизм, неофашизм, правый радикализм, уголовное наказание, Германия, категории преступлений, ужесточение наказания.

Khokhlova O. M., Ivanova V. V., *Irkutsk*

THE EXPANSION OF EU NEO-FASCIST IDEOLOGY INTO RUSSIA. LEGAL MEASURES TO COUNTER THE SPREAD OF NEO-FASCISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The relevance of studying fascism and neo-fascism is driven by the spread of nationalist ideas and the rise of extremist movements in many countries worldwide. The rise of far-right and populist parties in Europe has also been noted. Due to the ultra-nationalist nature of fascism, this ideology is prone to expansion and global spread, resulting in a surge in fascist and extremist movements in Russia. This necessitates examining the area of Russian law governing this area. Furthermore, it is necessary to analyze the penalties for fascism and its manifestations, considering how they correspond to the social danger of these crimes.

Keywords: fascism, neo-fascism, right-wing radicalism, criminal punishment, Germany, categories of crimes, increased punishment.

Для общего понимания вопроса необходимо дать определение идеологии неофашизма и и правого радикализма, а также выделить их критерии.

Неофашизм – радикальные организации и движения, которые в идейно-политическом отношении наследуют фашистским организациям 1920–1940-х годов, распущенным после Второй мировой войны.

Для него характерно:

- антидемократизм;
- расизм;
- национализм;
- шовинизм;
- геноцид;
- культ тотализма и социального насилия;
- признание всех рас кроме своей низшими и желание поработать их.

Правый радикализм – это политическое течение, в основе которого лежит убеждение, что превосходство одних индивидов и групп и неполноценность других являются врожденной и объективной реальностью.

Для обнаружения источника неонацистских идей необходимо рассмотреть распространение фашизма в западных странах, т. к. политика западных стран влияет на информационное поле России. Учитывая историческую природу неонацизма, особо выделить следует Германию. Высокое распространение фашизм получил во время 3 рейха, соответственно следует обратить пристальное внимание на эту страну и проанализировать ее политико-информационное поле.

На сегодняшний день, в Германии на законодательном уровне закреплена борьба с возрождением нацизма, гитлеризма, разжиганием межнациональной ненависти. Вопрос в том, насколько эффективно реализуется эта борьба и реализуется ли она вообще.

В настоящее время лидерами общественных мнений Германии являются две партии: на первом месте партия ХДС «Христианско-демократический союз», член которой является действующим канцлером Германии. Данная партия занимает в Бундестаге 208 мест из 630, что составляет 33 % от общего числа. На втором месте партия Alternative für Deutschland «Альтернатива для Германии» занимающая 152 места – 24 % в Бундестаге. В совокупности они составляют 57 % Парламента.

Партия Alternative für Deutschland признана международным экспертным сообществом праворадикальной и являющейся главным носителем соответствующих идей.

Основатель данной партии Александер Гауланд ныне находится в отставке, но является негласным лидером данной партии. Он пропагандирует идеи исторического ревизионизма, а именно говорит, что культ немецкой вины в контексте Великой отечественной войны – вредоносен. Как пример, в 2018 г. на съезде молодежной организации АдГ Junge Alternative für Deutschland А. Гауланд заявил: «Гитлер и национал-социалисты – лишь пятнышко птичьего помета на более чем тысячелетней успешной истории Германии».

Другой член этой же партии Бьерн Хеке в 2017 г. публично напал на мемориал жертвам Холокоста в Берлине, заявив (цитата) «немцы насадили памятник позора в сердце собственной столицы». Партийный арбитраж решил, что Бьерн не нарушил правил партии и основания для его исключения отсутствуют. Только из-за высокого уровня возмущений общественного мнения он был исключен [4, с. 49].

Лидирующая партия – Христианско-демократический союз. Ее куратор Фридрих Мерц, ныне являющийся канцлером, в своих публичных выступлениях многочисленное количество раз оперирует аргументами, отсылающими к нацистской идеологии:

В 2023 г. на партийном съезде ХДС в Баварии Мерц рассуждал о необходимости отбирать иммигрантов по квалификации: «Нам не нужны все. Нам нужны гордые орлы, а не скромные чирки». Это разделение на «ценных» и «неценных» людей прямая отсылка к нацистской политике «расовой гигиены».

Также часто в заявлениях он акцентированно использует понятия, которые не являются нацистскими, но в идеологии фашистов они были центральными и использовались как ключевые понятия:

Volksgemeinschaft – народное сообщество – нацистская концепция общества, основанного на расовой чистоте и исключая «чужаков».

Volkischer Beobachter – Народный обозреватель – официальная газета НСДРП.

Umvolkung – термин, обозначающий насильственное перемещение народов с целью создания этнически однородного пространства.

К сожалению, подобных примеров еще очень много. Можно сказать, что Мерц пытается настраивать электорат используя нацистские термины и понятия пусть и в завуалированной форме [5, с. 162].

Все вышеперечисленное приводит к выводу, что в информационно-политическом поле Германии активно прогрессируют идеи преуменьшения преступных деяний нацизма. Это подрывает основы современного миропорядка, который был построен как прямой ответ на ужасы Второй мировой войны. Оно стирает моральные и исторические уроки, которые легли в основу системы международного права и прав человека. Отрицание Холокоста и других зверств ставит под сомнение недопустимость геноцида, ксенофобии и нацизма. Это открывает дорогу для возрождения той самой идеологии, которая однажды уже привела цивилизацию к катастрофе, угрожая миру и стабильности в целом.

Усугубляет данную ситуацию тот факт, что из-за ключевого значения Германии для стран ЕС, данные идеи распространяются и на другие страны Европы. Пример тому многочисленные шествия в честь войн преступного формирования Ваффен СС, реализующиеся в таких странах как Латвия, Литва, Франция и Эстония.

В свою очередь, Комиссия ООН по правам человека в 2005 г. повторно осудила прославление бывших военнослужащих войск СС, и, в частности, открытие памятников и мемориалов, а также проведение публичных демонстраций бывших военнослужащих Ваффен СС. Особенно в своей резолюции Комиссия ООН по правам человека отмечает, что данные действия «оскорбляют память бесчисленных жертв преступлений против человечности, совершенных во время второй мировой войны, и в частности преступлений, совершенных организацией СС. Тем самым уже в который раз подтвердив преступность действий военных формирований Ваффен СС.

Например, в Латвии городские власти неоднократно пытались не допустить шествий в память о преступниках. Однако административный районный суд также неоднократно отменял решения столичных властей, разрешая почитателям Ваффен СС стройным маршем идти возлагать цветы к главной святыне Латвии – Милде, являющейся олицетворением свободы. Природа такого решения суда исключительно политическая, а подход судей весьма формальный и основан на конституционном праве на свободу любых мирных

шествий, собраний и пикетов. Только вот назвать мирным данное мероприятие язык не поворачивается [3, с. 28].

Следует принимать во внимание природу данного шествия, его идеологическую направленность, которую осудило, осуждает и будет осуждать мировое сообщество. Прославление нацизма и геноцида, осуществляемых военными формированиями Ваффен СС во время Третьего Рейха – недопустимо. Латвия и другие страны, позволяющие прославлять такие идеи, очерняют себя на международной арене.

К сожалению, из-за экспансивного характера неофашизма и глобальной открытости интернета в целом, в России наблюдается всплеск данных течений, проявляющийся в самых различных формах: экстремизм, разжигание ненависти, использование свастики т. п.

В настоящее время за фашизм и его проявления в законодательстве предусмотрены следующие меры наказания:

Ст 280 УК РФ публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности наказываются:

- штрафом в размере от ста тысяч до размера заработной платы от года до двух лет,
- либо принудительными работами на срок до трех лет,
- арестом на срок от четырех до шести месяцев, с лишением права занимать определенные должности;
- лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок [1, с. 314].

Ст 282 УК РФ Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии наказываются:

- штрафом в размере от трехсот тысяч до размера заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет,
- либо принудительными работами на срок от одного года до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет,
- лишением свободы на срок от двух до пяти лет, с лишением права занимать определенные должности [1, с. 321].

Статья 354 УК РФ Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала наказывается:

- штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы за период до трех лет,
- либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

– либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет [1, с. 392].

Заключение

Установленные наказания за указанные деяния не соответствуют той общественной опасности, которую они представляют. Максимальный срок лишения свободы в данных статьях 5 лет. Согласно ст 15 УК РФ Категории преступлений – данные наказания приравниваются к преступлениям средней тяжести. При этом вышеупомянутая деятельность приводит к появлению большого количества потенциальных убийц, что можно назвать доведением до убийства [2, с. 17]. Вследствие чего данные преступления следует отнести к категории тяжких и особо тяжких. Для сравнения, согласно ст 110 УК РФ доведение до самоубийства наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Почему же доведение до убийства до пяти?

Требуется привести в соответствие тяжесть преступлений с наказанием за их совершение, для чего пересмотреть и ужесточить данные статьи.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изм. и доп. на 1 авг. 2017 г. : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. М. : Эксмо, 2017. 397 с. (Актуальное законодательство).
2. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Суверенитет государства и правовые меры обеспечения мира и безопасности в национальном праве (ретроспективный анализ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1(112). С. 9–25. EDN DXFSWY.
3. Белинский, А. В. «Восстание против элит»: Всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36. EDN RQNEEN.
4. Дмитриева С. И. Альтернатива для Германии и ее альтернативы в контексте региональных и общегерманских выборов // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений : сб. ст. / Воронеж. гос. ун-т ; Центр герман. полит. исслед. ; Благотворит. фонд Владимира Потанина. Т. Вып. 10. Воронеж : Ритм, 2019. С. 48–53. EDN WYVINJ.
5. Запольских, С. А. Опасность неофашизма в современном мире // Нюрнбергский процесс: история и современность : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. VII форума. Ялта, 30 нояб. 2022 г. / под общ. ред. Н. Н. Колюки. Саратов : Амирит, 2022. С. 161–163. EDN XOYYRB.

УДК 342.7

Чекашкина В. С., Давыдов Д. Г., *Саранск*

ВЛИЯНИЕ ПОДЗАКОННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. Анализируются основные подзаконные нормативные правовые акты, которые оказывают существенное воздействие на мировоззрение общества. В частности рассматриваются указы Президента РФ, определяющие современную политику развития государства.

Ключевые слова: основополагающие ценности, правовая идеология, нормативные акты, мировоззрение, пропаганда.

Chekashkina V. S., Davydov D. G., Saransk

THE INFLUENCE OF SUBORDINATE NORMATIVE LEGAL ACTS ON THE FORMATION OF PUBLIC IDEOLOGY.

Abstract. The article examines the main subordinate normative legal acts that have a significant impact on the worldview of society. In particular, it considers the decrees of the President of the Russian Federation, which define the modern policy of state development.

Keywords: fundamental values, legal ideology, normative acts, worldview, propaganda.

Вопрос нужна ли России обязательная идеология, остается уместным до сих пор. Решая его, встает другая проблема, какие конкретные интересы следует выбрать, чтобы те соответствовали запросам общества.

В современном обществе идеология воспринимается как определенный метод контроля со стороны государства или элемент тоталитаризма. В России нет единой идеологии, но есть основополагающие ценности, определяющие вектор развития страны.

Подобные принципы находят отражение в правовой идеологии, устанавливающие базовые идеи, представляющие значимость не только для каждого гражданина, но и страны в целом. Развивает эту идею в своих исследованиях А. М. Михайлов, говоря, что недостаточно закрепить в нормативных документах, то, что мы хотим заложить людям. Необходима практическая реализация, имеющая цель популяризации в правосознании граждан, молодежных сообществах и объединениях, наглядная демонстрация транслируемых идей. Если не будет практической составляющей, то подобная правовая идеология будет носить лишь декларативный характер.

Одним из действующих направлений государственной политики сейчас становится популяризация семейных ценностей и традиционных отношений. Первым шагом в этом направлении являются поправки в Конституции РФ 2020 год. В них прописано, что государство создает все необходимые условия для молодых семей и защиту материнства, т. к. дети – это основополагающая ценность современного государства [1, с. 26].

Существует целая секция нормативных актов, пропагандирующие институт семьи. В этих документах, в основном, говорится о повышении традиционно-духовных семейных ценностях, специальных кампаниях, распространяющих подобные идеи, о плюсах быть родителем.

Например, указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», ориентированный на увеличение количества молодых семей, росту рождаемости и увеличению срока жизни.

Также по указу Президента РФ 2024 г. был объявлен Годом семьи. В рамках данного указа, правительство проводило награждение многодетных матерей, были организованы различные просветительские мероприятия, форумы. Говоря о практической реализации, практически в каждом городе установили баннеры, пропагандирующие семейные ценности. В образовательных организациях активно проводились лекции, посвященные указанной проблеме, организовывали образовательные встречи с ведущими специалистами. Был повышен материнский капитал, стартовали различные программы, ставящие целью помочь молодым семьям.

Сейчас активно продвигается программа «Молодая семья», которая предоставляет пособия для покупки первоначального жилья. Условия, чтобы возраст родителей не превышал 35-летнего возраста, семье необходимо жилье и наличие необходимого дохода, который потом поможет выкупить жилье в будущем. Не допускается покупка жилплощади у родственников. Помимо этого, с 2026 г. существует ежегодная выплата для семей, где есть два или более детей. Условие получения субсидии: родители официально работают, их доход не превышает 1,5 прожиточного минимума на человека.

Кроме того, введение новой дисциплины «семьеведение» в образовательных учреждениях, вторит указу, закладывая основы семейных ценностей уже на школьном этапе. Данная дисциплина раскрывает особенность семейных отношений с позиции разных наук: права, психологии, экономики и других. Семьеведение транслирует позитивное отношение к институту семьи, а также восприятие создание новой ячейки общества как одной из приоритетной цели в жизни [2, с. 312].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что довольно большой пласт нормативных документов составляет институт семьи. Таким образом, происходит массовая агитация семейных ценностей в сознание граждан, затрагивающая даже юное поколение. Данная идеология имеет правовую составляющую, что способствует большему укреплению в сознании граждан.

Следующее направление государственной пропаганды находим отражение в указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный документ включает в себе особые нравственные ориентиры, находящиеся в основе общества и отражающие особенность развития нашей страны. К ним относятся: гуманизм, патриотизм, взаимопомощь, сохранение исторической памяти и др.

Именно указанные ценности поддерживают Россию в единстве и сплоченности, провозглашают ее суверенитет и национальный плюрализм. Эти установки провозглашаются на каждой ступени образования, а также активно поддерживаются обществом.

Еще указ говорит нам о том, что именно эти ценности подвергают сомнениям иностранные оппоненты, пытаясь «вывернуть» молодежное мировоззрение. После, в 2024 г., был составлен перечень государств, политика которых носит деструктивный характер и способствует насаждению негативной идеологии. В этот список были внесены 47 стран, в том числе США, Германия, Австрия и др.

Также интерес представляет указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». Указ регламентирует курс государства по предотвращению пропаганды экстремистской идеологии, популяризации патриотических чувств, воспитание достойных граждан.

В указе дается нормативная характеристика понятие экстремизма и терроризма как «идеологии насилия», направленные на разжигание межрасовой борьбы, религиозных конфликтов. Чтобы всего этого избежать, государство предлагает профилактическую работу, в ходе которой молодому поколению будут рассказывать о методах вербовки, об ответственности, которая накладывается на нарушителя, демонстрируя примерами из реальной жизни [3, с. 81].

Данный вопрос является актуальным, поскольку несовершеннолетние лица, не до конца знающие и понимающие последствия, которые могут наступить после противоправного действия. Сейчас происходят массовые мероприятия, акции, форумы, имеющие целью, предотвратить распространение террористических идей.

Наступательное воздействие на сознание граждан оказывает указ Президента РФ от 8.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Указ направлен на установление единых культурно-исторических ценностей, формирующих основу гражданского общества, а также способствующих сохранению культурного наследия своей Родины.

Предысторией указа можно считать введение в 2022 г. во внеурочную деятельность «Разговоров о важном». В рамках дополнительных уроков происходит обсуждение важных вопросов современности, нередко приуроченные к какой-либо памятной дате. Рассматриваемые вопросы охватывают практически все сферы жизни детей, давая необходимые знания из разных областей.

В рамках указа сформировалось единое педагогическое ядро, предполагающее внедрение единых новых предметов на разных уровнях образования: основы российской государственности, история России, философия. Вне зависимости от направленности обучения, данные предметы включаются в общий курс, чтобы каждый человек знал особенности своего государства, его политическое устройство и поэтапное развитие.

Начинает возрастать роль музеев, театров и библиотек, которые способствуют просвещению граждан и отражают основополагающие ценности. Увеличиваются часы внеурочной деятельности, отведенные на посещение мест культурного обогащения. Посещая учреждения культуры, школьники

наглядно видят элементы прошедших исторических событий, могут прочувствовать тяжесть того или иного исторического периода.

Для студентов организуются просветительские мероприятия в студиях «Российского общества «Знание», где проходят мероприятия гражданско-патриотического воспитания. В студии проводят лекции по актуальным историческим вопросам, проводят активные обсуждения, осуществляют диалог-встречи с участниками специальной военной операции, где каждый может задать интересующие вопросы.

Помимо указанного формата, также происходит реализация поисковых отрядов, где заинтересованные студенты объединяются, выезжают на места сражений, производят уборку мест захоронений солдат и проводят мероприятия, патриотической направленности в школах. Аналогом в школах будут считаться кадетские классы, детско-юношеское военно-патриотическое движение «Юнармия», преследующие схожие цели популяризации чувства гордости за свою страну и запечатления подвигов защитников Отечества.

Также нередко стали проводиться «Уроки мужества», затрагивающие боевые подвиги солдат, основные военные события. В рамках данных уроков устраиваются встречи с ветеранами боевых действий, просмотр документальных фильмов, посещение тематических выставок.

Еще одним нововведением, поддерживающим политику исторического просвещения, выступает законопроект «Поднятие флага» в образовательных учреждениях. Реализация данного законопроекта должна проводиться как в дошкольных, общеобразовательных, так и высших учреждениях. Поднятие государственного флага, обязательно должно сопровождаться исполнением гимна Российской Федерации. Данное мероприятие должно способствовать формированию основ патриотизма и гражданской инициативы.

Последний нормативный документ, который мы рассмотрим в рамках вопроса, это указ Президента РФ от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». Этот документ ориентирован на восстановление и распространение традиционного языка, характерного для той или иной республики, что способствует формированию национального менталитета и сплочение разных народностей.

Государственная политика предполагает продвижение русского языка на мировой арене, исключение из словарного запаса иностранных слов, имеющих аналоги в русском языке. Создание необходимых условий для популяризации чтения классической литературы, замены молодежного сленга, на общеупотребляемые диалекты.

Помимо ведения национального языка конкретной республики, введение дисциплины «Родной язык и литература», что способствует формированию ценностного отношения к русскому языку, приобщение к литературному наследию своего народа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хоть в Российской Федерации нет единой идеологии, но есть определенный курс развития, направленный на заложение определенных ценностей, формирующие то общество, которое способно достойно передать культурно-историческое наследие, основные постулаты правильного общества, следующим поколениям.

Список литературы

1. Бредихин А. Л., Байкеева С. Е. Концепция «Традиционных ценностей» в контексте формирования государственной идеологии // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 23–26.
2. Тогузаева Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. 2022. № 3. С. 310–315.
3. Тогузаева Е. Н. Роль правовой пропаганды в укреплении идеологических основ общества // Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. Право. 2023. № 1. С. 79–84.

УДК 316.7

Шарафонов О. А., *Краснодар*

ЦИФРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕРАКЦИИ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ

Аннотация. Рассматривается трансформация религиозной сферы под влиянием цифровизации и развития медиасреды. Показана двойственная роль интернета: с одной стороны, как инструмента для количественного роста верующих за счет онлайн-евангелизации и удовлетворения религиозных потребностей на расстоянии, а с другой – как источника системных вызовов для традиционных конфессий. Особое внимание уделяется феномену квазирелигий и парарелигий – учений, имитирующих религиозные обряды, но сакрализующих светские идеи. Представлены ключевые противоречия цифровой эпохи: подмена духовных ценностей технологиями, соблазн анонимности, изоляция верующих в «виртуальных анклавах» и проблема аутентичности таинств при переносе культа в онлайн. На основе анализа современных исследований делается вывод о формировании новой цифровой реальности, в которой традиционные религии вынуждены адаптироваться к сетевым формам коммуникации, сохраняя свою идентичность.

Ключевые слова: цифровизация религии, медиасреда, квазирелигия, традиционные конфессии, виртуальные сообщества, трансформация культа, сетевая автономия.

Sharafonenko O. A., *Krasnodar*

DIGITAL TECHNOLOGY: FEATURES OF RELIGIOUS INTERACTION IN THE ONLINE ENVIRONMENT

Abstract. This article examines the transformation of the religious sphere under the influence of digitalization and the development of the media environment. It demonstrates the internet's dual role: on the one hand, as a tool for increasing the number of believers through online evangelism and satisfying religious needs at a distance, and on the other, as a source of systemic challenges for traditional faiths. Particular attention is paid to the phenomenon of “quasi-religions” and “parareligions” – teachings that imitate religious rituals but sacralize secular ideas. Key contradictions of the digital age are presented: the substitution of spiritual values by technology, the temptation of anonymity, the isolation of believers in “virtual enclaves”, and the problem of the authenticity of sacraments when worship is transferred online. Based on an analysis of contemporary research, a conclusion is drawn about the

emergence of a new digital reality in which traditional religions are forced to adapt to online forms of communication while maintaining their identity.

Keywords: digitalization of religion, media environment, quasi-religion, traditional faiths, virtual communities, transformation of worship, online autonomy.

В изменчивом и нестабильном современном мире медиа активно развиваются в сложную систему, объединяющую технику, каналы связи, профессионалов и пользователей, влияя на все сферы жизни, формируя мнения и обеспечивая коммуникацию.

К началу 2025 года Россия завершила формирование одного из самых высоких уровней цифровой зрелости в Европе: интернет-аудитория страны достигла 133 млн человек (90 % населения). Российский рынок уверенно удерживает статус крупнейшего в Европе по числу пользователей Сети, а уровень проникновения социальных медиа (73 % от общего числа граждан) выводит страну в число глобальных лидеров по вовлеченности населения в цифровую среду [6].

Современный человек стал «медийным», и его опыт зависит от информации из сети, где он не только потребляет, но и создает контент, вынуждая СМИ подстраиваться под свою аудиторию.

Цифровизация несет не только возможности, но и проблемы: от цифрового неравенства и угрозы психологической безопасности из-за погружения в виртуальный мир до способности медиа раздувать конфликты, в том числе религиозные, вовлекая в них людей.

Цифровизация трансформирует религиозную сферу по трем направлениям. Во-первых, интернет обеспечивает количественный рост верующих за счет онлайн-евангелизации и мобилизации единомышленников. Во-вторых, меняется формат культа: богослужения и общины частично переносятся в виртуальное пространство. В-третьих, цифровые технологии удовлетворяют религиозные потребности дистанционно (пожертвования, паломничества) и имитируют сакральные переживания, создавая единство сообщества вне времени и географии [3].

Индивиды, вовлеченные в религиозные практики онлайн, не проводят границы между физическим и цифровым мирами. Их повседневный опыт и религиозное мировоззрение органично включают в себя обе реальности. Для таких пользователей интернет не является обособленным виртуальным пространством, а выступает естественным продолжением жизни, в которое они проецируют свои духовные смыслы и обряды [10].

Параллельно с этим цифровая коммуникационная среда порождает альтернативную форму религиозного взаимодействия, сетевую автономию. Интернет стирает границы времени и пространства, позволяя совершать религиозные переходы, поддерживать общение, проводить обряды и продавать духовные товары. Тематические социальные сети фактически создают виртуальные анклав, где верующие не только реализуют свои духовные и социальные потребности, но и приобретают освященные товары повседневного

спроса. Так технологии формируют сакральное цифровое пространство, которое охватывает ключевые жизненные сферы человека, сводя к минимуму его контакты с внешним миром.

Следовательно, цифровая эпоха меняет религиозное поведение по двум направлениям: новая коммуникационная среда позволяет пользователям не только потреблять контент, но и создавать его, обмениваться им с глобальной аудиторией, что кардинально отличается от традиционной иерархической модели СМИ и институтов; виртуальная реальность порождает новые формы усвоения религиозного опыта и построения межличностных отношений в этой сфере [4].

Цифровая среда порождает два типа религиозности: первый – адаптация традиционных религий к сети (информационные площадки); второй – принципиально новые культы, существующие только онлайн (киберрелигии, магические практики). Свободный обмен информацией создает сетевые сообщества с универсальными субкультурами. Однако фрагментарность цифрового мировоззрения усложняет личностное самоопределение, что делает необходимым развитие религиозведческой грамотности, в первую очередь у молодого поколения.

Цифровизация трансформирует все общественные институты, и религия не исключение. Чтобы сохранить паству и привлечь новых последователей, религиозные течения осваивают онлайн-пространство. Сегодня они представлены в сети как официально (через представителей), так и неформально в соцсетях, на сайтах и в тематических сообществах.

Если раньше знание о вере транслировали только официальные структуры, то теперь любой пользователь, особенно медийная личность, может влиять на умы эффективнее традиционных институтов. Это вызывает напряжение у официального духовенства. В ответ традиционные религии начинают использовать интернет для популяризации, а нетрадиционные движения, благодаря Сети, вышли из тени и перестали восприниматься как маргинальные секты.

Цифровизация религии имеет свою специфику, так как природа цифровой среды вступает в противоречие с духовными основами веры. Эти конфликты универсальны для всех традиционных конфессий. Главный из них: цифровые технологии делают человека уязвимым, он попадает в зависимость от них, теряет контроль над личными данными и сталкивается с вторжением в частную жизнь [2].

Цифровизация создает для религии ряд системных вызовов: 1. Подмена ценностей – технологии могут вытеснять духовные ориентиры, сформированные религией; 2. Соблазн анонимности – в сети поведение человека нередко расходится с реальным, так как анонимность провоцирует на поступки, противоречащие религиозным нормам, превращая среду в «запретный плод»; 3. Квазирелигия – социальные сети дали платформу людям без духовного

сана, их личные трактовки священных текстов породили феномен «квазирелигии», размывающей традиционные догматы; 4. Изоляция вместо общины – проведение обрядов в метавселенной делает физические храмы ненужными для части последователей, это изолирует верующих от реальной общины, лишая их живого чувства сопричастности [8].

Активное освоение религией цифрового пространства пришлось на середину нулевых годов, что совпало с ростом популярности интернет-площадок. С этого момента в соцсетях формируется огромное множество пабликов и аккаунтов, посвященных как традиционным верованиям, так и темам, близким к религии. Данный период ознаменовался бурным развитием нетрадиционных религиозных течений и псевдорелигиозных культов.

Сегодня существуют разные новые учения, похожие на религию, но таковыми не являющимися. Их можно назвать «квазирелигиями» (т. е. «ложными», «похожими на религию»). Они возникают двумя путями: берутся существующие религии (буддизм, христианство, ислам) и начинается толкование их священных текстов слишком вольно, по-своему, меняя первоначальный смысл; придумываются совершенно новые учения, которые только внешне напоминают религию. Их можно назвать «парарелигиями» (т. е. «чем-то рядом с религией»).

Главное отличие таких учений от традиционной религии в том, что им не обязательно нужен Бог. В классической религии Бог (или Боги) стоит в центре. В этих же новых системах Бога может вообще не быть, или он играет второстепенную роль. Главное, это форма, обряды и правила, но наполнены они не верой в божественное, а обычными житейскими или философскими идеями [9].

Ключевое различие между традиционными религиями и квазирелигиозными системами кроется в природе их абсолюта. Если в традиционных верованиях абсолютной ценностью является непосредственно трансцендентное божество (Бог), то в квазирелигиях этот статус присваивается сугубо земной, идеологической конструкции. Религиозная атрибутика в таких системах выступает лишь внешней оболочкой, инструментом для сакрализации базовой идеи, в то время как ее светское содержание играет определяющую, структурообразующую роль [5].

Феномен появления так называемых «квазирелигиозных» течений в России неразрывно связан с эпохой коренных социально-политических изменений, а именно с периодом Перестройки. Исторический опыт показывает, что подобные духовные искания и новые культы активизируются именно в моменты ломки старого мировоззрения и социальной нестабильности. В этот переломный момент на территории страны начали формироваться такие заметные движения, как неоязычество (в частности, родноверие) и различные группы сатанинской направленности. Важно отметить, что для данных объединений религиозная оболочка является не столько сутью, сколько внешней формой, инструментом. Глубинная идеологическая подоплека и социальный

протест в них зачастую играют гораздо более значимую роль, нежели собственно религиозное содержание, которое отходит на второй план.

Активный рост цифровизации религиозной сферы пришелся на период пандемии коронавируса. Хотя внедрение цифровых инструментов в жизнь конфессий наблюдалось и ранее (от информирования прихожан и волонтерских чатов до теологических курсов и стримов служб), именно локдауны и политический контекст придали остроту дискуссии между консервативным и модернистским крылом верующих. Традиционные церкви создают собственные онлайн-сообщества, однако перенос культовых действий и межличностной коммуникации в цифру породил полярные мнения. Вопросы о пределах использования технологий, аутентичности обрядов и перспективах института религии стали в последние годы ключевой темой для дискуссий, в том числе в социологии религии [7].

Отношение РПЦ к цифровым технологиям нельзя назвать однозначным. Церковь использует интернет для проповеди и общения с паствой, но при этом с опаской относится к переносу священных действий в онлайн. Исследователи находят этому объяснение в самой сути христианства. Во-первых, для верующих важен физический контакт со святынями (возможность приложиться к иконе, зажечь свечу). Во-вторых, молитва исторически воспринимается как общее, соборное дело, а не индивидуальное. Интересно, что распространенное мнение о «невещественности» интернета противоречит реальности: чтобы попасть в Сеть, нужны компьютеры, провода и электричество, а делает это живой человек со своими физическими ощущениями. Получается, что цифровая среда, это просто новый, но все такой же материальный инструмент в руках человека, а значит, он может быть применен и для религиозных целей [1].

Выводы. Интернет, с одной стороны, помогает росту числа верующих (онлайн-службы) и позволяет удовлетворять религиозные потребности дистанционно. С другой стороны, цифровая среда порождает вызовы: подмену ценностей, анонимность, противоречащую нормам веры, и изоляцию от общины. В отличие от традиционной модели, где знание передавали только официальные институты, в сети любой пользователь может создавать религиозный контент. Так появились «квазирелигии» – учения, имитирующие обряды, но сакрализирующие светские идеи, часто без Бога. Для современных пользователей цифровой мир, продолжение реальности, что позволяет переносить духовные смыслы в онлайн, но ведет к созданию «виртуальных анклавов», изолирующих верующего.

Таким образом, цифровая эпоха создает новую реальность: конфессии вынуждены адаптироваться к сети, сталкиваясь с противоречиями между ее природой и основами веры. Эти процессы особенно обострились в пандемию, сделав вопросы аутентичности обрядов ключевыми для религиозных дискуссий.

Список литературы

1. Гришаева Е. И. Цифровые медиа как новый инструмент для совершения религиозных практик: принятие и критика // Религия и медиа: «новая нормальность»: Тезисы докладов Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием (Москва, 9–10 декабря 2021 г.). М. : Свято-Филаретовский институт. 2021. С. 26–28.
2. Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе: монография. Москва: Канон; 2017. 288 с.
3. Круподеря Е. А. Религиозная коммуникация и интеракция в виртуальном пространстве: «религия онлайн» и «онлайн-религия» // Религия и общество – 14: сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. С. 197–199.
4. Кастельс М. Власть коммуникации // Пер. Н. М. Тылевич, А. А. Архипова. под редакцией А. И. Черных. 3-е изд. М. : Издательский дом высшей школы экономики. 2020. 592 с.
5. Синявина Н. В., Махович Е. В. Квазирелигия: основные подходы к определению понятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 3 (83). С. 10–17.
6. Цифровизация в Российской Федерации в 2025 году // <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025> (дата обращения 27.02.2026).
7. Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России: монография. М. : Изд-во ББИ, 2012. 302 с.
8. Юлдашев М. Д., Иванченко А. И., Куликова О. А. Отношение представителей основных религиозных течений к цифровизации религии // Вестник университета. № 11. 2022. С. 215–221.
9. Greil A., Rudy D. On the margins of the sacred: quasi-religion in contemporary America. In: Robbins T., Anthony D. (eds.) In Gods We Trust: New Patterns of Religious Pluralism in America. 2nd ed. New Brunswick, NJ: Transaction; 1990. P. 219–232.
10. Helland C. Online Religion as Lived Religion Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet / C. Helland // Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet. 2005. Vol. 1. 1. Special issue on theory and methodology. Pp. 1–16(pdf).

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ»

УДК 314.15.015

О. А. Гельманова, *Иркутск*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В РОССИИ

Аннотация. Обосновывается, что реализация концепции активного долголетия представляет для России стратегический приоритет. Нарастающая диспропорция молодого и возрастного населения вынуждает государство поддерживать общественную, в частности трудовую, активность граждан пожилого возраста. Указывается, что одним из инструментов поддержания общественной активности пожилых людей и реализации концепции активного долголетия является реализуемая во всех субъектах РФ государственная программа «Активное долголетие» в рамках национального проекта «Демография». Производится анализ нормативно-правовых основ реализации концепции активного долголетия в Российской Федерации. Теоретическую основу исследования составили документы стратегического планирования и исследования отечественных ученых.

Ключевые слова: активное долголетие, концепция, Россия, демографические тенденции, нормативно-правовые основы, акты стратегического планирования.

О. А. Gelmanova, *Irkutsk*

LEGAL AND REGULATORY FOUNDATIONS OF THE ACTIVE LONG-LIFE CONCEPT IMPLEMENTATION IN RUSSIA

Abstract. The implementation of the concept of active longevity is a strategic priority for Russia. The growing disproportion between the young and elderly population is forcing the government to support the social (including labor) activity of older citizens. One of the tools for maintaining the social activity of older people and implementing the concept of active longevity is the state program “Active Longevity”, which is being implemented in all regions of the Russian Federation as part of the national project “Demography”. This study analyzes the legal framework for implementing the concept of active longevity in the Russian Federation. The study was based on strategic planning documents and research by Russian scientists on the topic.

Keywords: active longevity, concept, Russia, demographic trends, regulatory framework, strategic planning acts

Миграционные тенденции и отрицательные показатели естественного прироста населения характеризуют постепенное снижение численности населения Российской Федерации. Президент России в рамках интервью к фильму «Россия. Кремль. Путин. 25 лет» 2025 г. отметил, что «150 миллионов человек (население РФ с учетом новых территорий) – это недостаточный

показатель для Российской Федерации» [9]. Для дальнейшего активного развития России необходимо выйти на положительные показатели прироста населения, что возможно лишь при условии, когда родившихся в стране больше, чем умерших или уехавших.

Таким образом, государство реализует мероприятия, направленные на повышение численности населения, в рамках 3 больших направлений:

- 1) стимулирование рождаемости;
- 2) снижение смертности;
- 3) рост миграционной привлекательности России.

Стимулирование рождаемости в России преимущественно реализуется в форме материальной поддержки материнства и детства, что, как показывают исследования ряда социологов и демографов, практически не оказывает влияния на базовые установки россиян относительно деторождения. Отмечается, что намерение иметь большую семью является следствием базовых идеологических установок человека, а не ответом на государственный запрос и материальное поощрение со стороны государства. Иными словами, в ближайшей перспективе предпосылок для роста рождаемости в России не предвидится [2].

Мероприятия, направленные на рост миграционной привлекательности Российской Федерации, нередко становятся причинами социальной напряженности. Если государство ограничивает выезд из страны, то это вызывает недовольство тех, кто желает ее покинуть. Если государство ориентируется на завоз рабочей силы (к примеру, из стран Средней Азии), то это становится причиной недовольства автохтонного населения и представителей титульного (не в нормативном смысле слова) этноса – т. е. преимущественно русского и татарского населения. Как следствие, перечень доступных инструментов повышения миграционной привлекательности Российской Федерации крайне ограничен. Эти инструменты глобально не влияют на миграционные тенденции, при этом государству приходится идти на уступки обществу, выстраивая такую модель иммиграции, при которой трудовые мигранты возвращаются на родину, выработав свой контракт в России.

Таким образом, одним из действенных направлений реализации государственной демографической политики, выступает снижение смертности – прежде всего, смертности естественной, связанной со старением. Одним из важнейших инструментов реализации такой политики является реализуемая в России концепция активного долголетия, о нормативно-правовых основах которой нами будет сказано далее.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ [3], «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Важно, что высшей ценностью признается непосредственно человек – т. е. человек как в физиологическом, так и в социальном смысле. Кроме того, в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ сказано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Как будет показано ниже, концепция активного

долголетия выступает одним из механизмов, предполагающих обеспечение достойного уровня жизни и реализации право на жизнь. Согласно определению, предложенному в Рамочной стратегии активного долголетия, принятой в 2002 г. Всемирной организацией здравоохранения, понятие активного долголетия «описывает процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения». Иными словами, цель концепции активного долголетия – удержание и вовлечение пожилого населения в общественных процессах. [2]

Позднее, аналогичные стратегические документы принимались и в России. Так, в феврале 2016 г. Распоряжением Правительства РФ № 164-р была принята «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». В качестве одной из ключевых задач Стратегии провозглашается «создание общества для всех возрастов, включая формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего поколения, проявление заботы о таких гражданах и оказание им необходимой помощи». [6] В принятой указом Президента РФ «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве одной из задач демографического характера определено «Увеличение продолжительности активной жизни». [5] В июле 2021 г. Президент РФ подписал Указ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где имеют место указания на «формирование условий для достойной жизни старшего поколения» как механизм обеспечения национальной безопасности в рамках направления «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». [8]

Анализ перечисленных нормативных правовых актов позволил сделать вывод о современных тенденциях восприятия государством старости. Если в период СССР наступление старости рассматривалось как фактор выбытия человека из общественной жизни и начала периода «дожития», то в современной России старость определяется как специфичный этап человеческой жизни, позволяющий человеку и гражданину продолжать приносить пользу обществу. Как следствие, стимулирование активности пожилых людей становится особенно важным, в том числе и в контексте сдерживания роста численности бедного населения. Кроме того, такое восприятие надлежит считать вынужденным, так как низкие показатели рождаемости и миграционные намерения молодого населения вынуждают государство удерживать пожилых людей на рынке труда и в общественной сфере насколько возможно долго.

Во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года» [7] в Российской Федерации реализуется государственная программа «Активное долголетие» в рамках национального проекта «Демография», а также региональные программы с аналогичным наименованием. Реализация программы предполагает организацию активного досуга

для пожилых жителей России: стимулирование физической активности и спорта («Серебряный фитнес», йога, скандинавская ходьба и проч.), посещение и организация культурно-досуговых мероприятий и творческих проектов (театральные постановки, живопись, рукоделие, музыка и проч.), реализация образовательных проектов (азы компьютерной грамотности, курсы иностранных языков, просветительские мероприятия по истории и проч.), а также вовлечение пожилых людей в социальное и «серебряное» волонтерство [1].

Несмотря на активное употребление смежных по смыслу с концепцией активного долголетия норм в различных нормативных правовых актах, ни в одном из них не представлено определение термина «активного долголетия». Более того, российский законодатель не акцентирует внимание на связи российской концепции активного долголетия с аналогичной концепцией, лоббируемой на уровне Всемирной организации здравоохранения, не предлагая при этом своего, уникального видения ее реализации. Понимание концепции «активного долголетия» во многом интуитивно, хотя и выражено в конкретных форматах работы с пожилым населением и принимаемых законах – к числу таковых мы относим, к примеру, проведенную в 2018 г. «Пенсионную реформу». Таким образом, представленную нами ранее дефиницию термина «активное долголетие» надлежит признать единственно достоверной, поскольку не только российский законодатель, но и отечественные ученые зачастую не предлагают альтернативных по существу определений данного термина.

Произведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы о нормативно-правовом регулировании реализации концепции активного долголетия в Российской Федерации:

1. В основе российской Концепции активного долголетия лежат нормы международного права, в том числе стратегические документы Всемирной организации здравоохранения.

2. Положения Концепции активного долголетия зачастую закреплены в нормативных правовых актах в качестве инструмента «выправления» неблагоприятной демографической ситуации в стране.

3. Из смысла норм, предполагающих стимулирование активного долголетия в России, следует, что российский законодатель воспринимает период старости как специфичный этап человеческой жизни, не препятствующий участию индивида в общественной жизни.

4. Для России реализация концепции активного долголетия является стратегически значимым направлением деятельности, от реализации которого зависит устойчивость гражданского общества и сохранение кадрового потенциала на рынке труда.

В заключение отметим, что проведенный анализ нормативно-правовых основ реализации концепции активного долголетия в России позволил сделать вывод о необходимости дальнейшей проработки данной концепции в реалиях российского права. Законодатель во многом интуитивно оперирует

специальной терминологией и практически не предлагает собственного видения данной концепции. Содержание данной концепции, практические аспекты ее реализации, проблемные практические и теоретические вопросы осуществления соответствующего характера мероприятий, выступают возможными направлениями и научных исследований. Представленные выводы во многом представляют теоретическую значимость в разрезе формирования базового представления о месте и роли концепции активного долголетия в правовой системе Российской Федерации.

Список литературы

1. Активное долголетие // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapam-pemcchfno7a3ce9ehj.xn--p1ai/new-opportunities/stat-uchastnikom-programmy-aktivnoe-dolgoletie/?ysclid=mmq16ta9bh499920516> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Концепция политики активного долголетия // Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2020/04/28/1544884777/Концепция_политики_активного_долголетия.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
3. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mmq3pgzmdq802815097 (дата обращения: 14.03.2026)
4. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Правительство РФ : [офиц. сайт]. URL: aaoofKSheDLiM9NHecrygytfmGzrnAX.pdf (дата обращения: 14.03.2026)
5. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 // КонсультантПлюс . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/bc7c4f2191c6f5984d322b43b7f91c152e76198d/ (дата обращения: 14.03.2026)
6. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р // Правительство РФ : [офиц. сайт]. URL: 7PvwIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf (дата обращения: 14.03.2026)
7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента от 07.05.2024 № 309 // Правительство РФ : [офиц. сайт]. URL: Ukaz_Prezidenta_Rossiyskoy_Federatsii_ot_7_maya_2024_g._309_O_natsional_nyh_tselyah_razvitiya_Rossiyskoy_Federatsii_na_period_do_2030_goda_i_na_perspektivu_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
8. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=mmq060ofzp215932429 (дата обращения: 14.03.2026).
9. Путин: население России с новыми регионами составляет 150 миллионов человек // РИА Новости . URL: <https://ria.ru/20250504/putin-2014876185.html> (дата обращения 19.03.2026).
10. Сушко, Н. Г. Социальные практики активного долголетия // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-aktivnogo-dolgoletiya/viewer> (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 351.773

Е. И. Перловская, *Иркутск*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ОХРАНЫ ДЕТСКОГО ЗДОРОВЬЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Отмечается, что охрана детского здоровья выступает одним из важнейших направлений государственной демографической политики Российской Федерации, при этом нормативно-правовая база, обеспечивающая данное направление государственной деятельности, представляет собой совокупность разрозненных в текстах федеральных законов и подзаконных актов норм, частично затрагивающих сферы охраны детского здоровья, что сказывается и на осуществлении соответствующих полномочий на региональном уровне. Подчеркивается, что в Иркутской области правовые нормы в сфере охраны детского здоровья в текстах областных законов практически не представлены. Проведен анализ нормативно-правовых основ государственной политики охраны детского здоровья в Иркутской области, а также рассмотрены федеральные и региональные программы, предполагающие реализацию мероприятий соответствующего характера.

Ключевые слова: детское здоровье, охрана здоровья, государственная политика, региональное законодательство, Иркутская область.

Perlovskaya E. I., *Irkutsk*

LEGAL FRAMEWORK FOR STATE POLICY ON CHILDREN'S HEALTH PROTECTION IN THE IRKUTSK REGION

Abstract. Child health protection is a key area of the Russian Federation's national demographic policy. However, the legal framework supporting this area of government activity consists of a collection of disparate federal laws and regulations, some of which partially cover areas of child health protection. This also impacts the implementation of relevant measures at the regional level. In particular, in the Irkutsk Region, legal norms regarding child health protection are virtually absent from regional laws. This paper analyzes the regulatory framework for state policy on children's health in the Irkutsk Region and examines federal and regional programs that provide for the implementation of relevant measures.

Keywords: children's health, health protection, public policy, regional legislation, Irkutsk Region

Результаты реализации государственной политики охраны детского здоровья в Иркутской области демонстрируют эффективность данного направления деятельности региональных органов власти. Показатели детской и перинатальной смертности, как правило, воспринимаются в качестве основных критериев, характеризующих состояние сферы охраны детского здоровья. Так, в 2023 г. в Иркутской области было зафиксировано на 14,3 % меньшее количество фактов младенческой смертности, чем в 2022 г. Согласно отчету Уполномоченного по правам ребенка за 2024 г., наибольшее количество случаев младенческой смертности было зафиксировано в Качугском, Нижнеилимском, Чунском, Аларском, Жигаловском, Киренском районах, что свидетельствует о недостаточности принимаемых мер по обеспечению охраны детского здоровья в слабо урбанизированных муниципальных образованиях. [3]

Соответствующего характера мероприятия реализуются в соответствии с ч. 2 ст. 41 Конституции Российской Федерации, где сказано, что «в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию». [4] Из смысла приведенной нормы следует, что государственная политика охраны здоровья населения (в том числе детского здоровья) реализуется в рамках следующих крупных направлений:

- 1) развитие бюджетной и частной медицины;
- 2) популяризация физической культуры и спорта;
- 3) поддержка общественной деятельности, направленной на укрепление здоровья населения (в том числе детей);
- 4) обеспечение экологического и санитарно-эпидемиологического благополучия населения (в том числе детей).

Общими для всех направлений государственной деятельности по охране здоровья детей являются положения Федерального закона № 124-ФЗ от 24.07.1998 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». В ст. 10 ФЗ-124 определены возможные формы обеспечения прав детей на охрану здоровья:

- 1) оказание детям бесплатной медицинской помощи;
- 2) профилактика, диагностика и лечение заболеваний (в том числе диспансерное наблюдение);
- 3) медицинская реабилитация детей инвалидов и детей, страдающих хроническими заболеваниями;
- 4) санаторно-курортное лечение детей [6].

На наш взгляд, определенные в ФЗ-124 формы обеспечения прав детей на охрану здоровья не в полной мере соответствуют духу ч. 2 ст. 41 Конституции РФ, предполагающий более обширный перечень направлений государственной деятельности по обеспечению здоровья населения Российской Федерации (в том числе детей). Приведенные в ФЗ-124 формы обеспечения прав детей на охрану здоровья во многом носят реакционный характер и практически исключают превентивные мероприятия по обеспечению таких прав, что явно противоречит смыслу термина «охрана», предполагающего в первую очередь обеспечение сохранности, а не восстановление уже утраченного объекта, подлежащего охране.

Положения, регулирующие деятельность медицинских организаций в части охраны здоровья детей, также определены Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В ст. 7 данного федерального закона определяется приоритет охраны здоровья детей: охрана здоровья детей признается одним из важней-

ших условий их физического и психического развития; дети обладают приоритетными правами при оказании медицинской помощи; медицинские, образовательные и общественные организации обязаны признавать и соблюдать права детей в сфере охраны здоровья и т. д. Таким образом, законодательство Российской Федерации выделяет детей как специфичную демографическую группу, обладающую приоритетным правом социального обслуживания. [5]

Отдельные вопросы оказания медицинской помощи несовершеннолетним регулируются соответствующего характера подзаконными актами. Так, к примеру, приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 16.04.2012 № 366н «Об утверждении Порядка оказания педиатрической помощи» регламентируется порядок оказания педиатрической помощи, определяются штатные нормативы медицинского персонала кабинета врача-педиатра участкового, задаются стандарты деятельности и оснащения детской поликлиники и проч. [8] Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27.05.2025 № 313н было утверждено Положение об организации оказания медицинской медико-санитарной помощи детям, содержанием которого определены виды медико-санитарной помощи, рекомендуемая численность детей, прикрепленных к участку, группы медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь детям и т. д. Иными словами, подзаконные акты, принимаемые Министерством здравоохранения, уточняют положения федеральных законов. [7]

В свою очередь, министерство здравоохранения Иркутской области опирается на нормы федерального законодательства и подзаконные акты федерального министерства. На уровне региона законы об охране здоровья детей не принимаются – региональный законодатель предпочитает всецело опираться на нормы федеральных законов, не уточняя их и не дублируя. Нормативно-правовую основу охраны детского здоровья в Иркутской области составляют распоряжения Министерства здравоохранения Иркутской области, уточняющие отдельные аспекты данного предмета регулирования. Приведем некоторые из этих распоряжений в качестве примера:

1) распоряжение Министерства здравоохранения Иркутской области от 14.09.2018 № 2255-мр «О преемственности в работе медицинских организаций при оказании детям экстренной, неотложной и специализированной медицинской помощи» – данным актом предусмотрен порядок передачи информации о детях, лечащихся в медицинских учреждениях Иркутской области;

2) распоряжение Министерства здравоохранения Иркутской области от 14.09.2018 № 2257-мр «О маршрутизации при оказании медицинской помощи детям первого года жизни в Иркутской области» – настоящее распоряжение определяет порядок оказания медицинской помощи детям первого года жизни в стационарных условиях;

3) распоряжение Министерства здравоохранения Иркутской области от 14.09.2018 № 2258-мр «О внесении изменений в распоряжение министерства здравоохранения Иркутской области от 9 октября 2013 года № 1604-мр «Об

оказании медицинской помощи детям, ставшим жертвами насилия или совершившими попытку суицида» – текстом данного НПА установлен порядок оказания помощи детям Иркутской области, ставшим жертвами насилия или предпринявшим попытку самоубийства. [11]

Вопросы санаторно-курортного лечения регулируются положениями Приказа Министерства здравоохранения РФ от 07.04.2025 № 169н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения», где в качестве одного из вида санаториев определены «Санатории для детей, в том числе для детей с родителями». В приложении 1 к данному Приказу приводятся Правила организации деятельности санатория для детей – Правила определяют рекомендуемую структуру санатория, основные функции санатория для детей, минимальные требования к оснащению санатория и т. д. [9]. Аналогичные акты на уровне Министерства здравоохранения Иркутской области не разрабатываются, что может указывать как на отсутствие запроса на соответствующего характера регулирование, так и на низкую приоритетность организации детского курортного-санаторного лечения для Министерства здравоохранения Иркутской области.

Перечисленные нами нормативные правовые акты задают рамки реализации мероприятий в рамках государственных программ, национальных и федеральных проектов, направленных на охрану здоровья детей. В частности, такие мероприятия предусмотрены национальными проектами «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь». Так, инициатива «Охрана материнства и детства» нацпроекта «Семья» предполагает обеспечение возможности лечения ребенка в современных условиях: до 2030 г. порядка 180 детских больниц во всех регионах должны быть оснащены новым медицинским оборудованием. [2] В Иркутской области реализуется утвержденная 10.12.2025 Распоряжением Правительства Иркутской области № 586-рп региональная программа «Охрана материнства и детства», реализация которой предполагает достижение таких КРП, как «Доля взятых под диспансерное наблюдение детей в возрасте 0–17 лет по результатам проведения профилактических осмотров» и «Младенческая смертность» [10].

Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» не предполагает реализацию мероприятий, направленных непосредственно на охрану здоровья детей, но в его структуре предусмотрены инициативы «Здоровье для каждого», «Модернизация первичного звена здравоохранения», «Развитие федеральных медицинских организаций», «Национальная цифровая платформа «Здоровье», предполагающие комплексное развитие системы охраны здоровья населения Российской Федерации. Представляется, что уровень общего развития системы здравоохранения прямо скажется на качестве оказания медицинских услуг для детей. В Иркутской области реализуется одноименный региональный проект, предполагающий достижение таких показателей, как 13,6 % жителей Иркутской области, ведущих здоровый образ жизни, 68 лет – ожидаемая продолжительность здоровой жизни и др. [11]

Таким образом, нормативно-правовые основы реализации государственной политики охраны детского здоровья в Иркутской области составляют нормы федерального Конституции Российской Федерации, федеральных законов, внутриведомственных нормативных правовых актов, принимаемых Министерством здравоохранения РФ, а также приказы Министерства здравоохранения Иркутской области. Законодательная региональная база не регулирует сферу охраны детского здоровья. Особое место в данном контексте отводится программным актам – государственным программам, национальным и региональным проектам, предусмотренным в рамках этих проектов инициативам и т. д. Примечательно, что из смысла действующего законодательства следует особый статус детей как социально-демографической группы, но при этом отсутствует отдельный закон, устанавливающий нормы обеспечения права детей на охрану здоровья. Принятие соответствующего закона представляется закономерным и оправданным.

Список литературы

1. Инициативы национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» // Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» : [офиц. сайт]. URL: <https://xn--80aaparmemchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/>
2. Инициативы национального проекта «Семья» // Национальный проект «Семья» : [офиц. сайт]. URL: <https://xn--80aaparmemchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/>
3. Качество детства – мониторинг Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области // Ирдети.py. URL: <https://irdeti.ru/upload/iblock/e42/2puts21wgoust342ntqzy1v1fzjwha2i/Kachestvodelstva.pdf>
4. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм. и доп., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c815f376c72a61b3df7905bb5aae9f144d2cb0d/
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/f452587fe76b67013ce993978fbc9aca63fd7e4e/
7. Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи детям : приказ М-ва здравоохранения РФ от 27.09.2025 № 313н // СПС Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1312976081>
8. Об утверждении Порядка оказания педиатрической помощи : приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 16.04.2012 № 366н // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70183024/>
9. Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 07.04.2025 № 169н // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411896696/>
10. Об утверждении региональной программы Иркутской области «Охраны материнства и детства» : распоряжение Правительства Иркутской области от 10.12.2025 № 586-рп // Областная. URL: <https://www.ogirk.ru/pravo/wp-content/uploads/theme/586-%D1%80%D0%BF.pdf>
11. Официальные документы // Министерство здравоохранения Иркутской области : [офиц. сайт]. URL: https://minzdrav-irkutsk.ru/documents/index.php?tags=Оказание+медицинской+помощи+женщинам+и+детьми&PAGEN_1=2

УДК 353.2

Петрова О. Ю., Москва
Большакова А. А., Салехард

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Аннотация. Выполнен эмпирический анализ состояния системы здравоохранения Ямало-Ненецкого автономного округа, интерпретация статистических данных, дана оценка изменений как положительного, так и потенциально рискованного характера. Определены направления совершенствования управления здравоохранением региона.

Ключевые слова: система здравоохранения, Ямало-Ненецкий автономный округ, организация здравоохранения, перспективы развития здравоохранения, региональное здравоохранение.

Petrova O. Yu., Moscow
Bolshakova A. A., Salekhard

ANALYSIS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

Abstract. The article provides an empirical analysis of the health care system of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, interpretation of statistical data, and assessment of changes of both a positive and potentially risky nature. The directions of improving the region's healthcare management have been identified.

Keywords: healthcare system, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, healthcare organization, prospects for healthcare development, regional healthcare.

Система здравоохранения Российской Федерации представляет собой совокупность органов управления здравоохранением, организаций здравоохранения и практической деятельности в области здравоохранения, взаимодействующих в целях профилактики заболеваний, сохранения, укрепления здоровья граждан и оказания им медицинской помощи [6, с. 57]. Здравоохранение различных регионов Российской Федерации отличается территориальными особенностями [2]. Изучение региональных особенностей и анализ показателей развития здравоохранения как основной социально значимой отрасли, является ключевой задачей органа управления здравоохранения. Только на основе корректных данных можно планировать распределение ресурсов и инвестиций, выравнивать доступность и качество медицинских услуг, изменять маршрутизацию пациентов, оценивать влияние проводимых изменений на здоровье населения.

Организационно-финансовые меры должны быть направлены на обеспечение устойчивых стандартов качества в здравоохранении, увеличение доступности и качества медицинской помощи.

В данном докладе проведен эмпирический анализ здравоохранения на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) за 2020–2024 гг.

Систему здравоохранения ЯНАО составляют государственная, ведомственная и частная системы. Так, в реестре МО ОМС в 2024 г. числилось 59 организаций, а в 2025 и 2026 гг. – 47. Структура системы здравоохранения ЯНАО указана на рисунке.

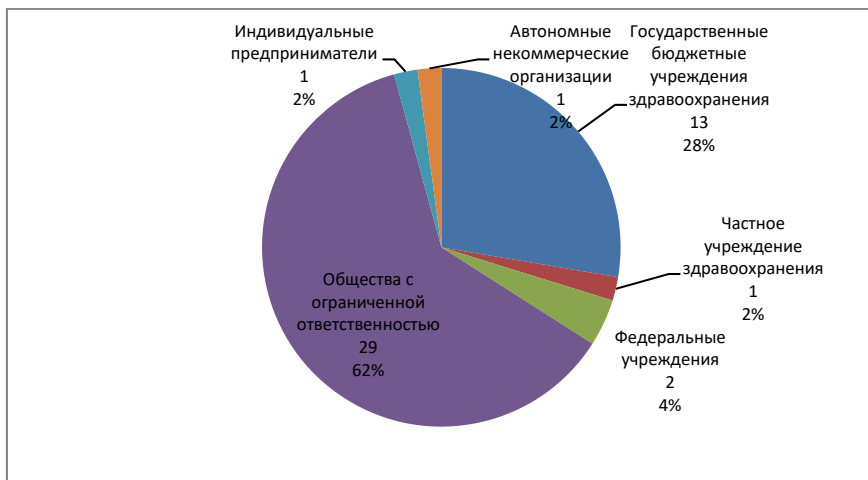

Рис. Структура системы здравоохранения ЯНАО
 Источник: составлено автором на основе реестра МО ОМС ЯНАО

Анализ классификационной структуры представленного на рисунке набора организаций показывает выраженную неоднородность по организационно-правовым формам. Всего рассмотрено 47 наименований. Государственные бюджетные учреждения здравоохранения (ГБУЗ) составляют 13 единиц; частное учреждение здравоохранения – 1; федеральные учреждения – 2; общества с ограниченной ответственностью – 29; индивидуальные предприниматели – 1; автономные некоммерческие организации – 1.

Доля каждой категории в общей совокупности характеризуется следующими показателями: ГБУЗ – 27,7 %; частное учреждение – 2,1 %; федеральные учреждения – 4,3 %; общества с ограниченной ответственностью – 61,7 %; индивидуальные предприниматели – 2,1 %; автономные некоммерческие организации – 2,1 % [3–5; 7]. Наблюдается доминирование коммерческих юридических лиц в форме ООО, что отражает ориентацию локальной медицинской инфраструктуры на организационно-правовую гибкость и частное управление ресурсами.

С позиции организации здравоохранения такая структура предполагает сочетание публичного и частного сектора: государственные учреждения сохраняют значимое присутствие, обеспечивая выполнение социальных обязательств, тогда как преобладание ООО свидетельствует о высокой активности

частных поставщиков услуг. Анализ медицинских организаций в Ямало-Ненецком автономном округе представлен в табл. 1.

Таблица 1

Медицинские организации в Ямало-Ненецком автономном округе

	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста 2024 к 2020 г., %
Число больничных организаций						
всего, единиц	21	24	25	24	24	14,29
на 100000 населения	4	5	5	5	5	25,00
Число больничных коек						
всего, единиц	4150	4240	4155	4123	4147	-0,07
на 10000 населения	81,6	82,9	81,1	79,9	79,3	-2,82
Число амбулаторно-поликлинических организаций						
всего, единиц	93	95	104	93	97	4,30
на 100000 населения	18	19	20	18	19	3,94
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций						
всего, посещений в смену	13778	13863	14281	14868	15115	9,70
на 10000 населения	270,8	271,2	278,7	288,2	288,9	6,68

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу // https://72.rosstat.gov.ru/ofs_zdrav_ynao

Анализ временного ряда показателей медицинской сети в Ямало-Ненецком автономном округе за 2020–2024 гг., представленных в табл. 1, выявляет сочетание относительной стабильности в стационарной составляющей и заметного укрепления амбулаторно-поликлинического направления. Число больничных организаций выросло с 21 до 24 единиц, что составляет прирост 14,29 %; при этом показатель на 100 тыс. населения увеличился с 4 до 5 (рост 25,0 %). В то же время суммарная мощность больничных коек осталась практически неизменной: 4150 в 2020 г. и 4147 в 2024 г. (темп –0,07 %), а число коек на 10 тыс. населения снизилось с 81,6 до 79,3 (–2,82 %) [7]. Такая динамика свидетельствует о том, что увеличение числа стационаров не сопровождалось пропорциональным расширением койко-мест, что может указывать на изменение структуры стационарной сети (например, открытие малых профильных учреждений или оптимизацию существующих подразделений).

Амбулаторно-поликлиническая составляющая демонстрирует устойчивый рост. Число таких организаций возросло с 93 до 97 единиц (прирост 4,30 %), а показатель на 100 тыс. населения – с 18 до 19 (рост 3,94 %). Более значимым представляется увеличение пропускной способности: суммарное число посещений в смену выросло с 13 778 до 15 115 (рост 9,70 %), а на 10 тыс. населения этот индекс поднялся с 270,8 до 288,9 (прибавка 6,68 %) [7]. Эти изменения указывают на усиление амбулаторного обслуживания и перераспределение нагрузок в пользу дневной и поликлинической помощи.

Выявленные тенденции имеют практические следствия. Снижение числа койко-мест на расчетную единицу населения, при одновременном росте амбулаторной активности отражает политику перехода к менее ресурсоемким формам оказания помощи и повышению доступности амбулаторных услуг. Это положительное явление с точки зрения извлечения экономии и расширения профилактики, однако требует оценки показателей наполняемости коек, продолжительности стационарного лечения и уровня оказания экстренной помощи, чтобы исключить дефицит стационарных ресурсов при пиковых нагрузках. Обращаемость в медицинские организации ЯНАО на 1 тыс. населения отражена в табл. 2.

Таблица 2
 Обращаемость в медицинские организации ЯНАО на 1000 населения

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Посещения к врачам на 1000 населения	4 375 739 8 037,1	5 433 348 99 32,8	5 406 397 9 792,1	5 602 612 10 934,3	5 848 891 11 335,9
Посещения к средним медицинским работникам на 1000 населения	307 917 565,6	366 251 669,6	383 882 695,3	405 696 791,8	347 772 674,0
Число лиц, которым оказана медицинская помощь при выездах скорой медицинской помощи на 1000 населения	175 313 322	170 734 312,1	156 524 283,5	144 103 281,2	135 904 263,4
Число лиц, которым оказана амбулаторная помощь в отделениях скорой медицинской помощи на 1000 населения	8 558 15,7	7 445 13,6	8 990 16,3	5 764 11,2	4 400 8,5
Число лиц, госпитализированных в дневные стационары всех типов на 1000 населения	13 572 24,9	22 084 40,4	17 626 31,9	33 044 64,5	35 805 69,4

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу // https://72.rosstat.gov.ru/ofs_zdrav_ynaо

Анализ представленной в табл. 2 динамики обращаемости в медицинские организации Ямало-Ненецкого автономного округа за период 2020–2024 гг. показывает выраженные структурные сдвиги в характере оказания медицинской помощи. В качестве базовой меры использовались показатели на 1000 населения, что позволяет нивелировать влияние изменений численности населения и сопоставлять тренды между видами услуг.

Посещения к врачам продемонстрировали устойчивый рост: с 8037,1 в 2020 г. до 11 335,9 в 2024 г., что соответствует увеличению на 41 % [7]. Такая динамика указывает либо на возросший спрос на врачебную помощь, либо на расширение доступности очных приемов и профильных консультаций. Частично рост может отражать восстановление обращаемости после ограничений эпидемического периода и увеличение объема специализированной помощи.

Посещения к средним медицинским работникам также увеличивались в первые четыре года, достигнув пика в 2023 г. (791,8 на 1000), затем снизились до 674,0 в 2024-м. В целом прирост за период составляет порядка 19 % [1; 7]. Флуктуации данного показателя могут быть связаны с кадровыми перестановками, перераспределением функций между профессиональными группами и изменениями в организации первичного звена.

Наблюдается систематическое сокращение числа лиц, которым оказана медицинская помощь при выездах скорой медицинской помощи: с 322,0 на 1000 в 2020 г. до 263,4 в 2024 г. (уменьшение около 18 %). Одновременно снижается и обращаемость за амбулаторной помощью в отделениях скорой медицинской помощи: с 15,7 до 8,5 на 1000 (падение почти на 46 %) [7]. Это свидетельствует о переработке алгоритмов диспетчеризации с изменениями в маршрутизации пациентов и критериях учета обращений, усилении роли первичного звена и снижении вызовной нагрузки.

Число госпитализаций в дневные стационары показало заметный рост: с 24,9 на 1000 в 2020 г. до 69,4 в 2024 г. [1; 7], что означает увеличение более чем вдвое. Такая тенденция совместима с переходом к модели амбулаторного хирургического лечения и расширением программ дневной стационарной помощи, ориентированных на сокращение длительных госпитализаций и оптимизацию использования коечного фонда. Деятельность дневных стационаров в медицинских организациях ЯНАО указана в табл. 3.

Таблица 3
Деятельность дневных стационаров в медицинских организациях ЯНАО всех типов

	2020	2021	2022	2023	2024
Количество мест	736	885	876	903	875
Обеспеченность на 10 000 населения	13,5	16,2	15,9	17,6	17,0
Число госпитализаций	13572	22084	28030	33246	35805
Уровень госпитализации на 1000 населения	24,9	40,4	50,8	64,9	69,4
Число дней лечения	123745	208681	264202	313366	341556
Средняя длительность пребывания	9,1	9,4	9,4	9,4	9,5
Работа койко-места в году (дней)	190	246	263	284	301
Число дней лечения на 1 жителя	0,227	0,381	0,479	0,612	0,662

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_zdrav_ynao

Представленные в табл. 3 данные свидетельствуют о значительной трансформации деятельности дневных стационаров в Ямало-Ненецком автономном округе в 2020–2024 гг. При относительно умеренном росте числа коек (с 736 до 875, $\approx 19\%$) наблюдается многократное увеличение числа госпитализаций и суммарных дней лечения: госпитализации возросли с 13 572 до 35 805 (приблизительно на 164 %), а суммарные дни лечения – с 123 745 до 341 556 ($\approx 176\%$) [7]. Это указывает на существенное наращива-

ние пропускной способности и объема оказанных услуг при сохранении почти неизменной средней длительности пребывания пациента (в районе 9–9,5 дня).

Показатель обеспеченности койками на 10 000 населения повысился с 13,5 до 17,0, но динамика этого индикатора носит слабовыраженный характер по сравнению с интенсивностью роста нагрузки. Работа одного койко-места в году по сути увеличилась с 190 до 301 дня, что отражает рост степени использования имеющихся ресурсов почти на 58 %. Одновременно число дней лечения на одного жителя выросло с 0,227 до 0,662 [7], следовательно, дневные стационары стали играть заметно более значимую роль в региональной системе оказания медицинской помощи.

Стабильность средней длительности пребывания при резком увеличении числа госпитализаций позволяет сделать вывод, что интенсивность и частота кратковременных вмешательств, а также объем плановой дневной стационарной помощи значительно увеличились. Вероятные факторы такого изменения – развитие амбулаторной хирургии и дневного стационара как формы оказания специализированной помощи, корректировки маршрутизации пациентов, а также изменение практики учета и отчетности.

Анализ обслуживания населения скорой медицинской помощью в Ямало-Ненецком автономном округе указан в табл. 4.

Таблица 4

Обслуживание населения скорой медицинской помощью
в Ямало-Ненецком автономном округе

	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста 2024 к 2020 гг.
Число станций (отделений) скорой медицинской помощи на конец года, единиц	25	25	21	20	20	-20
Численность лиц, которым оказана помощь амбулаторно и при выездах						
всего, тыс. человек	183,9	178,2	165,5	149,9	140,3	-23,71
на 1000 населения ¹⁾	360,9	349,4	323,4	291,5	270,1	-25,16

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу // https://72.rosstat.gov.ru/ofs_zdrav_ynao

Представленные в табл. 4 данные свидетельствуют о выраженной редукции ресурсов и объема работы службы скорой медицинской помощи в Ямало-Ненецком автономном округе в 2020–2024 гг. Число станций (отделений) сократилось с 25 до 20 единиц (–20 %), совокупное количество лиц, которым оказана помощь амбулаторно и при выездах, уменьшилось с 183,9 тыс. до 140,3 тыс. чел. (–23,7 %), а обращаемость в расчете на 1 тыс. населения снизилась с 360,9 до 270,1 (–25,2 %) [1; 7]. Эти показатели указывают на устойчивую нисходящую тенденцию как по предложению услуг, так и по их использованию населением.

Причины наблюдаемого сокращения могут быть множественными и не сводятся только к уменьшению потребности в экстренной помощи. Это и реорганизация сети, и централизация бригад, изменение критериев учета обращений, усиление маршрутизации пациентов через первичное звено и диспетчерские службы, внедрение профилактических мероприятий и программ по снижению неотложной заболеваемости. Одновременно нельзя исключать демографические сдвиги, сезонные колебания и возможные изменения в доступности транспорта и инфраструктуры, которые влияют на приток вызовов.

Негативный сценарий предполагает ухудшение доступности экстренной помощи для населения, особенно в отдаленных и малонаселенных территориях. При уменьшении числа отделений нагрузка на оставшиеся подразделения возрастает; это может привести к увеличению времени прибытия бригады, росту утомляемости персонала и риску снижения показателей качества и безопасности помощи. Положительный сценарий – рационализация работы: сокращение нецелевых вызовов, улучшение диспетчеризации и перераспределение ресурсов без утраты оперативности и клинических исходов.

Анализ уровня показателя удовлетворенности населения медицинской помощью по результатам оценки общественного мнения на территории ЯНАО федерального проекта «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации», входящего в состав национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» представлен в табл. 5.

Таблица 5

Анализ показателя «Оценка общественного мнения по удовлетворенности населения медицинской помощью, процент» федерального проекта «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации»

Год	Целевой показатель на территории РФ (план)	Целевой показатель на территории ЯНАО (план)	Фактический показатель на территории ЯНАО (факт)
2023	46,4	60	62,1
2024	51,6	66	67,6
2025	56,6	67,6	69,3
2026	53,6	68,3	

Источник: Составлено автором на основании Паспорта федерального проекта «Модернизация первичного звена здравоохранения РФ» и отчетности ТФОМС ЯНАО

На основании представленного в табл. 5 анализа можно сделать вывод о высоком уровне удовлетворенности населения ЯНАО качеством оказанной медицинской помощи, который ежегодно увеличивается, что свидетельствует о высоком уровне доверия населения ямальской медицине. Показатель удовлетворенности населения качеством медицинской помощи на территории ЯНАО выше среднего по РФ на 26 % [8, с. 79–86].

На основании вышеизложенного анализа можно сделать следующие выводы.

В структуре системы здравоохранения сохраняется сочетание государственной, ведомственной и частной подсистем.

Стационарный фонд при этом характеризуется относительной стабильностью по числу коек и одновременным увеличением числа самих больничных организаций.

Амбулаторно-поликлиническая сеть демонстрирует рост пропускной способности и посещаемости.

Система неотложной помощи претерпела заметные изменения: число оказанных при выездах скорой помощи услуг снизилось на значительную долю. Снижение охвата выездной помощи и уменьшение амбулаторных приемов в отделениях скорой требуют отдельного анализа причин: возможны как позитивные факторы (снижение потребности в экстренной помощи благодаря усилению амбулаторного звена), так и негативные (ограничение доступа, изменившиеся маршруты обращения пациентов).

Выделяются сильные стороны и связанные с ними риски. Положительным считается наращивание амбулаторной мощности и развитие дневных стационаров, а также более интенсивное использование существующего койко-фонда. В то же время возможны проблемы с доступностью медицинской помощи в отдаленных населенных пунктах в условиях укрупнения организаций, а также риски, связанные с уменьшением выездной помощи и сжатием койко-фонда при потенциальном росте потребностей населения.

Проведенное исследование заключается в эмпирическом анализе состояния системы на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Теоретические положения о сущности отрасли, ее структурных элементах и правовом регулировании позволили выстроить методологию оценки и интерпретации собранных статистических данных. Это позволило обеспечить связь между общими принципами управления и конкретными региональными проявлениями.

Анализ показателей за 2020–2024 гг. выявил комбинированную динамику: укрепление амбулаторного звена и существенный рост активности дневных стационаров сочетаются с относительной стагнацией койко-фонда и процессами укрупнения учреждений. Наблюдаемое увеличение числа посещений врачей и наращивание пропускной способности поликлиник свидетельствуют о смещении акцента в сторону амбулаторных форм оказания помощи. Одновременно сокращение числа выездов скорой помощи и уменьшение охвата выездных вмешательств требуют внимательного анализа причин и последствий.

Выявленные изменения носят как положительный, так и потенциально рискованный характер. Развитие дневных форм и повышение эффективности использования коек способствуют рационализации затрат и ускорению реабилитации пациентов. Однако укрупнение организаций и концентрация услуг могут ухудшать доступ в отдаленных поселениях и создавать дополнительные барьеры для уязвимых групп. К тому же качество и сопоставимость статистических данных в ряде показателей требуют выверки и унификации методик расчета.

Практическая значимость работы заключается в формировании направлений совершенствования управления. В приоритетах: сохранение и усиление амбулаторной сети при параллельном развитии выездных и мобильных форм обслуживания; повышение доступности медицинской помощи в удаленных территориях посредством дистанционных консультаций и выездных бригад; гибкая оптимизация койко-фонда с ориентиром на профильные потребности и готовность к экстренным нагрузкам. Не менее важно укрепление кадрового потенциала через целевые программы подготовки, систему материально-нефинансовых стимулов и механизмы закрепления специалистов в труднодоступных районах.

Организационно-финансовые меры должны быть направлены на выравнивание доступности услуг и обеспечение устойчивых стандартов качества. Необходимо совершенствовать систему статистического мониторинга, внедрить сквозные индикаторы эффективности и регулярно оценивать влияние проводимых изменений на здоровье населения. Только на основе корректных данных можно корректировать маршрутизацию пациентов, распределять ресурсы и планировать инвестиции.

В целом трансформация здравоохранения в Ямало-Ненецком автономном округе отражает современные тенденции оптимизации оказания медицинской помощи. Для устойчивого развития требуется сбалансированный подход: сочетание централизации управленческих усилий с мерами по поддержке доступа в отдаленные территории, системное укрепление кадрового потенциала и непрерывный контроль качества оказываемых услуг.

Список литературы

1. Доклад о состоянии здоровья и организации здравоохранения в Ямало-Ненецком автономном округе в 2024 году // Департамент здравоохранения Ямало-Ненецкого автономного округа : [офиц. сайт]. URL: <https://depzdrav. yanao.ru/documents/active/493296/> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Козлова О. Ю. Анализ развития здравоохранения в Саратовской области // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 28–30 дек. 2015 г. В 2 т. Т. 2. Саратов : Саратов. соц.-экон. ин-т (филиал) Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 80–84. EDN VTLOTP.
3. Об утверждении Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : постановление Правительства Ямало-Ненец. автоном. округа от 28 дек. 2021 г. № 1234-П // Департамент здравоохранения Ямало-Ненецкого автономного округа : [офиц. сайт]. URL: <https://depzdrav. yanao.ru/documents/active/137720/> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Об утверждении Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов : постановление Правительства Ямало-Ненец. автоном. округа от 29 дек. 2022 г. № 1324-П // Департамент здравоохранения Ямало-Ненецкого автономного округа : [офиц. сайт]. URL: <https://depzdrav. yanao.ru/documents/active/233049/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Об утверждении Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов : постановление Правительства Ямало-Ненец. автоном. от 29 дек. 2023 г. № 1021-П // Официальный интернет-портал правовой информации : [офиц. сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8900202312290012?index=3/> (дата обращения: 05.03.2026).

6. Серебрякова М. А. Особенности моделей государственно-частного партнерства в здравоохранении // Проблемы управления, экономики и права в общегосударственном и региональном масштабах : сб. ст. XII Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 12–13 сент. 2025 г. Пенза, 2025. С. 180–183.

7. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [офиц. сайт]. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_zdrav_ynao (дата обращения 06.03.2026)

8. Фисенко В. С. Анализ уровня удовлетворенности населения медицинской помощью в Российской Федерации за 2023–2024 гг. / В. С. Фисенко, О. С. Кобякова, В. С. Выскочков [и др.] // Вестник Росздравнадзора. 2025. № 2. С. 79–86.

УДК 331.108.26

Ресина Я. А., *Санкт-Петербург*

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ НА ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Рассматривается проблема высокой текучести кадров в государственных учреждениях социального обслуживания как угроза стабильности функционирования социального института. На примере Центра социальной помощи семье и детям (ЦСПСиД) Калининского района Санкт-Петербурга анализируется влияние системы внутриорганизационного обучения на удержание персонала. Особое внимание уделяется правовым основам организации обучения в бюджетной сфере и управленческим механизмам, превращающим профессиональное развитие в фактор мотивации и лояльности сотрудников.

Ключевые слова: текучесть кадров, внутриорганизационное обучение, социальные учреждения, правовое регулирование, управление персоналом, наставничество, мотивация.

Resina Y. A., *Saint Petersburg*

THE IMPACT OF INTRA-ORGANIZATIONAL TRAINING ON THE FLOW OF STAFF IN PUBLIC SOCIAL SERVICES INSTITUTIONS: LEGAL AND MANAGEMENT ASPECTS

Abstract. The article examines the problem of high staff turnover in public social services institutions as a threat to the stability of the social institution. Using the example of the Center for Social Assistance to Families and Children in the Kalininsky District of St. Petersburg, the article analyzes the impact of the internal training system on staff retention. Special attention is paid to the legal basis for organizing training in the public sector and the management mechanisms that transform professional development into a factor of employee motivation and loyalty.

Keywords: staff turnover, in-house training, social institutions, legal regulation, personnel management, mentoring, and motivation.

В современной России государственные учреждения социального обслуживания (ГУСО) выступают ключевым звеном реализации социальной политики. От качества работы их сотрудников напрямую зависит благополучие наиболее уязвимых категорий граждан – семей с детьми, пожилых людей, лиц в трудной жизненной ситуации. Однако эффективность функционирования этого социального института подрывается острой кадровой проблемой:

высокой текучестью персонала, особенно в первые годы работы. Специфика труда (высокое эмоциональное выгорание, невысокая оплата, бюрократическая нагрузка) делает задачу удержания специалистов критически важной [1, с. 679–680].

Текучесть кадров является одной из ключевых проблем государственных учреждений социального обслуживания: она снижает качество оказываемых услуг, увеличивает затраты на адаптацию новых сотрудников и ослабляет институциональную память. Актуальность исследования определяется потребностью оптимизации человеческих ресурсов в социальной сфере, где квалификация специалистов напрямую влияет на благополучие уязвимых групп населения [2, с. 17–18].

Одним из эффективных инструментов управления персоналом является внутриорганизационное обучение (ВО) – целенаправленный процесс развития компетенций сотрудников, осуществляемый силами самой организации.

Нормативно-правовую базу внутриорганизационного обучения в социальной сфере составляют следующие документы:

1. Трудовой кодекс РФ (ст. 196, 197) закрепляет право работника на подготовку и дополнительное профессиональное образование, а также обязанность работодателя создавать необходимые условия для совмещения работы с обучением [3];

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет статус дополнительных профессиональных программ и регулирует отношения в сфере дополнительного образования взрослых [4];

3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ст. 17) прямо относит организацию профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования работников к полномочиям поставщиков социальных услуг [5];

4. Профессиональные стандарты («Специалист по социальной работе», «Психолог в социальной сфере», «Социальный работник») устанавливают требования к квалификации и необходимость регулярного подтверждения профессиональных компетенций [6];

5. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 39.02.01 Социальная работа (утв. Приказом Минпросвещения РФ от 26.08.2022 № 773) определяет требования к подготовке специалистов и формирует основу для разработки программ дополнительного профессионального образования [7].

Одним из инструментов решения данной проблемы выступает внутриорганизационное обучение. Цель данной статьи – на примере ЦСПСиД Калининского района Санкт-Петербурга проанализировать, как системное про-

фессиональное развитие, реализуемое в правовом поле и посредством эффективных управленческих решений, способствует снижению текучести кадров и повышению стабильности социального учреждения [8].

Право работника на подготовку и дополнительное профессиональное образование закреплено в Трудовом кодексе РФ (ст. 196, 197) [3]. Для государственных учреждений реализация этого права имеет свою специфику, регулируемую как федеральными законами (например, № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»), так и ведомственными [4].

В ЦСПСиД Калининского района система обучения строится на следующих правовых основаниях:

1. Государственное задание и профстандарты. Обучение сотрудников является не правом, а обязанностью учреждения в части обеспечения соответствия работников профессиональным стандартам. Профстандарты для специалистов по социальной работе, психологов и социальных педагогов требуют регулярного повышения квалификации (не реже одного раза в три года);

2. Локальные нормативные акты. В Центре разработаны и утверждены «Положение об обучении персонала» и «Положение о наставничестве». Эти документы закрепляют порядок направления на курсы, критерии отбора сотрудников для приоритетного обучения, а также регламентируют статус, права и обязанности наставников, включая стимулирующие выплаты за наставничество (реализация ст. 135 ТК РФ);

3. Коллективный договор. Включение пунктов о профессиональном развитии в коллективный договор создает дополнительные социальные гарантии для работников и повышает их защищенность [8].

Современные трансформационные процессы в системе социального обслуживания населения Российской Федерации сопровождаются возрастающими требованиями к качеству и результативности деятельности государственных учреждений. В условиях усложнения социальных рисков, расширения перечня предоставляемых услуг и внедрения стандартов профессиональной деятельности особую значимость приобретает проблема устойчивости кадрового состава. Текучесть кадров в учреждениях социальной сферы негативно влияет на преемственность профессионального опыта, стабильность рабочих коллективов и качество социального сопровождения получателей услуг. В этой связи актуализируется поиск управленческих инструментов, способствующих удержанию персонала. Одним из таких инструментов выступает внутриорганизационное обучение, рассматриваемое как системный механизм развития человеческого капитала учреждения [5].

Под внутриорганизационным обучением в контексте государственного сектора целесообразно понимать целенаправленный и институционально закрепленный процесс формирования, обновления и углубления профессиональных компетенций работников, реализуемый в рамках конкретной организации с учетом ее стратегических задач и функциональной специфики. В

отличие от внешних форм повышения квалификации, данный формат обучения ориентирован на интеграцию образовательных мероприятий в управленческую структуру учреждения, что обеспечивает их непосредственную связь с текущими и перспективными задачами деятельности [4].

Текущность кадров как социально-экономическое явление представляет собой совокупность процессов добровольного и вынужденного выбытия работников из организации. В сфере социального обслуживания причины текучести носят комплексный характер и включают как объективные факторы (уровень оплаты труда, интенсивность профессиональной нагрузки, эмоциональное выгорание), так и субъективные аспекты (уровень организационной поддержки, возможности профессионального роста, качество управленческих коммуникаций). Высокий уровень текучести приводит к увеличению транзакционных издержек, снижению эффективности командной работы и ухудшению показателей качества предоставляемых услуг [9, с. 98–99].

Правовое регулирование внутриорганизационного обучения в государственных учреждениях основывается на положениях Федерального закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также на требованиях профессиональных стандартов, утвержденных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Указанные нормативные акты закрепляют обязанность работодателя обеспечивать условия для повышения квалификации работников и соответствия их компетенций установленным профессиональным требованиям. Кроме того, локальные нормативные акты учреждений конкретизируют порядок планирования, финансирования и оценки результатов обучения персонала. Таким образом, внутриорганизационное обучение приобретает не только управленческое, но и правовое измерение, будучи элементом исполнения государственных гарантий в сфере трудовых и образовательных отношений [4].

Анализ управленческой практики на примере ЦСПСиД Калининского района позволяет выявить институциональные механизмы, посредством которых обучение интегрируется в систему управления персоналом. Учреждение реализует комплексную модель профессионального развития, включающую ежегодное планирование программ повышения квалификации, организацию внутренних семинаров и тренингов, а также наставничество для молодых специалистов. Принципиальное значение имеет предварительная диагностика потребностей в обучении, осуществляемая на основе анализа должностных обязанностей, изменений нормативно-правовой базы и результатов оценки качества предоставляемых услуг. Обращаясь к анализу эмпирической базы исследования, следует отметить, что ЦСПСиД Калининского района Санкт-Петербурга является типичным представителем городских учреждений социального обслуживания, в структуре которого функционируют отделения психолого-педагогической помощи, поддержки женщин в трудной жизненной ситуации и дневного пребывания несовершеннолетних. Деятель-

ность данных подразделений предъявляет повышенные требования к квалификации, стрессоустойчивости и профессиональной гибкости персонала. Кадровая ситуация в учреждениях подобного типа характеризуется наличием двух проблемных групп сотрудников с повышенным риском увольнения. К первой группе относятся специалисты со стажем работы до одного года, доля увольнений среди которых может достигать значительных величин вследствие несоответствия первоначальных ожиданий реальной трудовой практике и отсутствия системной адаптационной поддержки. Вторую группу составляют сотрудники со стажем от трех до пяти лет, сталкивающиеся с синдромом профессионального выгорания и ощущением истощенности возможностей для карьерного и профессионального роста [8].

Анализ кадровой ситуации в учреждениях подобного типа позволяет выделить две проблемные группы сотрудников с повышенным риском увольнения:

1. Специалисты со стажем до 1 года (доля увольнений может достигать 30 %). Основная причина – несоответствие ожиданий реальности, отсутствие системной «входной» поддержки и наставничества, что приводит к быстрому разочарованию и поиску иного места работы;

2. Сотрудники со стажем 3–5 лет – категория, сталкивающаяся с профессиональным выгоранием и ощущением «профессионального потолка». Отсутствие возможностей для карьерного роста и обновления знаний провоцирует поиск новых сфер деятельности или переход в негосударственный сектор [8].

Управленческий анализ деятельности Центра позволяет выделить несколько функций, которые выполняет внутриорганизационное обучение в контексте удержания кадров. Прежде всего, обучение способствует формированию устойчивых профессиональных компетенций, обеспечивающих соответствие деятельности работников актуальным требованиям законодательства и стандартам социальной работы. Во-вторых, системное профессиональное развитие выступает инструментом повышения организационной приверженности, поскольку демонстрирует заинтересованность руководства в долгосрочном развитии сотрудников. В-третьих, регулярное обновление знаний и навыков позволяет снизить уровень профессиональной неопределенности и стресса, что является критически значимым фактором в условиях высокой эмоциональной нагрузки, характерной для работы с детьми и семьями в трудной жизненной ситуации [8].

Особого внимания заслуживает институт наставничества, реализуемый в Центре как ключевой элемент работы с молодыми специалистами. Система наставничества выполняет функцию адаптации новых сотрудников, трансляции корпоративных ценностей и профессиональных традиций. Закрепление наставника за начинающим специалистом на первоначальном этапе трудовой деятельности позволяет снизить тревожность нового сотрудника, ускорить процесс его вхождения в должность и сформировать позитивное восприятие организационной среды. С правовой точки зрения, регулирование данного

института на уровне локального акта создает дополнительные гарантии для наставников, включая материальное стимулирование, что повышает их мотивацию к качественному выполнению соответствующих обязанностей [8].

Эмпирический анализ показывает, что внедрение систематизированной модели внутриорганизационного обучения в деятельности учреждения сопровождается положительной динамикой кадровых показателей. В частности, наблюдается снижение числа увольнений по инициативе работников, увеличение средней продолжительности трудовой деятельности в учреждении, а также рост удовлетворенности условиями труда. Данные изменения свидетельствуют о наличии корреляционной зависимости между доступностью профессионального развития и уровнем текучести кадров. При этом обучение оказывает опосредованное воздействие через такие переменные, как организационная культура, вовлеченность персонала и восприятие справедливости управленческих решений.

Анализ деятельности учреждений социального обслуживания в других регионах показывает успешность внедрения системных подходов к обучению. Так, в Мончегорском комплексном центре социального обслуживания населения разработана и успешно реализуется практика наставничества «Сила в кадрах», ставшая победителем регионального этапа Всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности» [10].

Ключевые результаты внедрения данной практики включают:

- повышение профессионального уровня всех сотрудников, вовлеченных в систему наставничества;
- снижение текучести кадров за счет усиления профессиональной мотивации;
- снижение риска профессионального выгорания опытных сотрудников – носителей знаний и корпоративных ценностей [10].

Следует отметить, что эффективность внутриорганизационного обучения обусловлена рядом факторов. К числу ключевых относятся институциональная поддержка со стороны руководства, достаточное ресурсное обеспечение, интеграция результатов обучения в систему оценки эффективности труда и прозрачность карьерных перспектив. В отсутствие данных условий образовательные мероприятия могут носить формальный характер и не оказывать существенного влияния на удержание персонала.

Одновременно сохраняются объективные ограничения, связанные с бюджетным финансированием государственных учреждений, высокой нагрузкой специалистов и необходимостью совмещения образовательной активности с выполнением непосредственных должностных обязанностей. Это требует разработки гибких форматов обучения, включая модульные программы, дистанционные технологии и практико-ориентированные семинары, адаптированные к специфике социальной работы.

Причинами увольнения сотрудников являются:

- низкий уровень оплаты труда;

- высокая эмоциональная нагрузка и стресс;
- недостаточный уровень поддержки руководства и коллектива;
- отсутствие возможностей для карьерного роста и самореализации [8].

Исследования показали, что значительное число сотрудников покидают учреждение именно вследствие отсутствия перспектив профессионального роста и недостаточной поддержки профессионального развития.

Программа внутриорганизационного обучения включает следующие ключевые компоненты:

- курсы повышения квалификации и переподготовки сотрудников;
- семинары и мастер-классы по инновационным методикам работы с семьями и детьми;
- наставничество и менторские программы для начинающих специалистов;
- индивидуальное консультирование сотрудников по профессиональным вопросам.

Данные мероприятия направлены на создание условий для непрерывного профессионального роста сотрудников и улучшение микроклимата в коллективе.

Также к практическим рекомендациям по оптимизации внутриорганизационного обучения можно отнести:

1. Интеграция обучения в стратегические планы развития учреждения. Обучение должно быть не разовым, а частью долгосрочной HR-стратегии;
2. Механизмы мотивации. Связывать результаты развития компетенций с системой поощрений, карьерным продвижением и оценкой эффективности;
3. Гибкие форматы обучения. Использовать e-learning, менторство и микрокурсы для минимизации нагрузки на рабочее время;
4. Оценка возврата инвестиций (ROI). Разработать систему оценки влияния обучения на показатели эффективности работы и текучести [11, с. 157–159].

Таким образом, внутриорганизационное обучение в государственных учреждениях социального обслуживания выступает многофакторным инструментом управления человеческими ресурсами, обладающим значительным потенциалом снижения текучести кадров. На примере ЦСПСиД Калининского района можно констатировать, что системный подход к профессиональному развитию персонала способствует укреплению кадровой стабильности, повышению качества социальных услуг и формированию устойчивой организационной среды. В условиях модернизации социальной политики Российской Федерации дальнейшее развитие механизмов внутриорганизационного обучения представляется стратегически значимым направлением кадровой политики государственных учреждений.

Список литературы

1. Конищева Н. А. Роль социальных учреждений в предоставлении социальных услуг // Вестник науки. 2025. № 1 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-uchrezhdeniy-v-predostavlenii-sotsialnyh-uslug> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Дадынский Д. И. Исследование текучести кадров на предприятии // Экономика и парадигма нового времени. 2025. № 9 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tekuchesti-kadrov-na-predpriyatii> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 26.02.2026).
4. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 26.02.2026).
5. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 26.02.2026).
6. Профессиональные стандарты и квалификации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157436/b6053c64e0b5c58f049e555d8083e0ab83fa13/ (дата обращения: 26.02.2026).
7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 39.02.01 Социальная работа // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405358651/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 26.02.2026).
8. О Центре // Официальный сайт СПб ГБУ СОН ЦСПСиД Калининского района . URL: <http://cspsid-kalin.spb.ru/o-centre/> (дата обращения: 26.02.2026).
9. Бердникова Л. Ф., Ситдикова Г. М. Социально-экономическое содержание текучести кадров в современных условиях труда // КНЖ. 2018. № 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-soderzhanie-tekuchesti-kadrov-v-sovremennyh-usloviyah-truda> (дата обращения: 26.02.2026).
10. В Мончегорском комплексном центре социального обслуживания населения прошла встреча специалистов в рамках плана «Школы социальной работы» // Официальный сайт ГОАУ-СОН Мончегорский КЦСОН. URL: <https://monchkeson.ru/2023/10/10/в-мончегорском-комплексном-центре-со-8/>
11. Москвитин Г. И. Менеджмент и управление персоналом: технологии, методы, контроль : сб. материалов. М. : Русайнс, 2021. 163 с. URL: <https://book.ru/book/941673> (дата обращения: 26.02.2026).

УДК 316

Черкасова В. А., Петровская О. А., *Краснодар*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГИБРИДНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КРАСНОДАРА)

Аннотация. Анализируется эффективность функционирования здравоохранения как гибридного социального института, сочетающего государственные, рыночные, правовые и этические элементы. На примере системы здравоохранения Краснодар на основе пилотажного социологического опроса выявлены основные противоречия гибридной модели: между доступностью и рентабельностью, формальными нормами и реальными практиками. Установлено, что при относительной доступности медицинской помощи (53 % опрошенных) и высоком уровне информированности о заболеваниях наблюдаются низкая осведомленность о государственных программах (40 % не знают о них), дефицит правовой грамотности пациентов (80 % не знают, куда жаловаться), а также системные проблемы: очереди (86,7 %), высокие цены на лекарства (60 %) и несвоевременность помощи (46,7 %). Сделан вывод, что гибридный институт здравоохранения в Краснодаре функционирует с перекосом в сторону организационно-рыночных проблем при слабой правовой обратной связи.

Ключевые слова: социальный институт, гибридный социальный институт, здравоохранение, доступность медицинской помощи.

Cherkasova V. A., Petrovskaya O. A., *Krasnodar*

EFFECTIVENESS OF HYBRID SOCIAL INSTITUTIONS IN THE SOCIO-LEGAL DIMENSION (ON THE EXAMPLE OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN KRASNODAR)

Abstract. The article analyzes the effectiveness of healthcare as a hybrid social institution that combines state, market, legal, and ethical elements. Based on a pilot sociological survey, the main contradictions of the hybrid model are identified in the healthcare system of Krasnodar: between accessibility and profitability, formal norms and actual practices. It was found that, with the relative availability of medical care (53 % of respondents) and a high level of awareness about diseases, there is a low level of awareness about state programs (40 % do not know about them), a lack of legal literacy among patients (80 % do not know where to complain), and systemic problems such as long waiting lists (86.7 %), high prices for medicines (60 %), and delayed medical care (46.7 %). It was concluded that the hybrid healthcare institution in Krasnodar is biased towards organizational and market problems, with weak legal feedback.

Keywords: social institution, hybrid social institution, healthcare, accessibility of medical care.

На современном этапе развития социальных взаимодействий происходит фундаментальная трансформация публичного управления и правового регулирования. Традиционные модели социальных институтов перестали полноценно описывать реальные социальные практики. На фоне этого возникают гибридные социальные институты, которые сочетают элементы двух и более традиционных институтов, создавая новую структуру с уникальными свойствами. Данные институты комбинируют функции государства, бизнеса и некоммерческого сектора. Однако часто это порождает дисбаланс и противоречия. Они могут возникать в разных сферах: политической, экономической, социальной и др. [3].

В последние годы особенно заметен рост гибридных организаций в социальной сфере, где пересекаются требования эффективности, доступности и социальной справедливости. Одним из актуальных трендов трансформации сферы социальных услуг является возникновение и развитие гибридных организаций, которые в своей деятельности объединяют социальные цели и коммерческие задачи [1].

Возникновение гибридных институтов продиктовано изменениями в обществе. Традиционные модели регулирования по отдельности могут не справляться со сложными общественными вызовами. Это указывает на потребность в изменении даже формальных социальных институтов. Проследим данную тенденцию на примере системы здравоохранения.

На данный момент можно рассматривать здравоохранение как гибридный социальный институт, поскольку оно сочетает в себе черты нескольких классических институтов: экономики (рыночные механизмы, платные услуги, конкуренция); государства (нормативное регулирование, бюджетное финансирование); морали и этики (принципы гуманизма, врачебная этика); науки (доказательная медицина, инновации).

Гибридность проявляется в том, что здравоохранение одновременно решает общественные задачи, функционирует по рыночным законам в сегменте платных услуг, регулируется государством и профессиональной этикой. Здравоохранение как социальный институт имеет сложную внутреннюю структуру, представляя собой совокупность медицинских учреждений и организаций, функционирование которых обеспечивается государством в форме общегосударственной, муниципальной и частной систем охраны здоровья людей [4]. В некоторых странах используются комбинации государственных, частных и страховых источников финансирования (например, в России – государственные бюджеты, обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование, личные расходы граждан) [2].

Гибридный характер здравоохранения создает внутренние противоречия: между доступностью и рентабельностью, между контролем государства и рыночной свободой, между формальными нормами и реальными практиками. Для устойчивого развития такого института необходимо, чтобы он в равной мере выполнял все свои функции. Однако на практике часто возникает дисбаланс.

Для того чтобы оценить эффективность системы здравоохранения как гибридного института, было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие жители города Краснодара в возрасте от 18 до 50 лет. Опрос проводился в декабре 2024 г. методом анкетирования.

В первую очередь изучался уровень общественной доступности и информированности в сфере здравоохранения. Так, 53 % опрошенных жителей ответили, что получение медицинской помощи является доступным, а 47 % посчитали, что оно является доступным частично. Никто из респондентов не

указал на полную недоступность, что говорит об относительном благополучии в этом аспекте, но почти половина сталкивается с ограничениями.

На вопрос «Часто ли Вы сталкиваетесь с информацией о заболеваниях, их профилактике и лечении?» 33,3 % респондентов ответили, что часто сталкиваются с данной информацией, 40 % – иногда, 26,7 % – изредка. Преобладание отвечающих, сталкивающихся с информацией, позволяет сделать вывод о достаточной доступности медицинского просвещения. Однако информированность о государственных программах значительно ниже. Это указывает на разрыв между общей медицинской информацией и сведениями о системных мерах поддержки здравоохранения.

В ходе исследования были выяснены уровень информированности населения о вакцинации. По результатам опроса 40 % опрошенных респондентов ответили, что часто сталкиваются с информацией о вакцинации, 46,7 % иногда, 13,3 % – редко. При этом только 6,7 % жителей Краснодара заинтересованы в вакцинации, 66,7 % не имеют ничего против, а 26,7 % совсем не заинтересованы в данной услуге. Таким образом, высокая информированность не трансформируется напрямую в высокую мотивацию.

Следующей целью было выяснить степень информированности населения о государственных программах. На вопрос «Знаете ли Вы о программах в сфере здравоохранения в городе Краснодаре?» лишь 13,3 % респондентов ответили положительно, 46,7 % ответили, что знакомы частично, а 40 % ответили отрицательно. Немного меньше половины респондентов (46,7 %) заявили, что не знают никаких программ в системе здравоохранения Краснодара.

Самыми популярными среди опрошенных жителей Краснодара оказались программы «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи» и «Охрана здоровья матери и ребенка» (по 26,7 %). Второй по частоте выбора оказалась программа «Совершенствование системы оказания специализированной, включая высокотехнологичную, медицинской помощи, скорой, в том числе скорой специализированной медицинской помощи, медицинской эвакуации» (20 %), а после нее – программа «Совершенствование системы льготного лекарственного обеспечения в амбулаторных условиях» (13,3 %). Одинаково небольшое количество упоминаний у программ «Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения детей» и «Совершенствование системы территориального планирования и информатизации здравоохранения Краснодарского края» (по 6,7 %). О программе «Кадровое обеспечение системы здравоохранения» из респондентов не знал никто.

Низкая осведомленность о программах говорит о недостаточной коммуникационной функции гибридного института: государственная часть работает, а обратная связь с обществом – нет.

Далее были выявлены основные проблемы глазами жителей. В рамках исследования выяснилось, с какими конкретно проблемами в сфере здравоохранения приходится сталкиваться жителям города Краснодара. Чаще всего

в своей жизни они сталкиваются с длинными очередями в поликлиниках (86,7 %). Также важной по мнению респондентов проблемой являются слишком высокие цены на лекарства и/или лечение (60 %). Чуть меньшее количество опрошенных сталкиваются с невозможностью получить своевременную помощь (46,7 %). Одинаковое количество опрошенных сталкиваются с проблемой недостатка квалифицированных работников и отсутствием электронной записи (по 33,3 %). Еще меньший процент опрошенных сталкивается с коротким графиком приема пациентов у врача (26,7 %).

Эти данные показывают системные «узкие места» гибридного института: очереди – сбой организационной функции, цены – сбой экономической доступности, несвоевременность помощи – сбой социальной функции. Следующие вопросы были направлены на исследование обратной связи и жалоб в здравоохранении. Были заданы вопросы об информированности населения в случаях плохого качества оказания медицинской помощи. На вопрос «Знаете ли Вы, куда можно обратиться в случаях плохого качества оказания медицинской помощи?» подавляющее большинство опрошенных жителей ответили отрицательно (80 %), остальные 20 % ответили положительно.

На вопрос «Часто ли Вам приходится обращаться куда-то в случаях плохого качества медицинской помощи или из-за других проблем?» чуть больше половины респондентов ответили, что никогда не приходилось обращаться (53,3 %). О том, что приходилось обращаться редко, ответили 40 % опрошенных жителей. Иногда обращались лишь 6,7 % опрошенных.

Парадокс: 80 % не знают, куда жаловаться, но при этом более 46 % хотя бы изредка это делают. Это указывает на неформальные каналы решения проблем (например, обращение к «своему» знакомому врачу, заведующему отделением, жалобы в районных чатах, посты в соцсетях, обращения к СМИ), что для гибридного института означает слабость правовой составляющей. Значительная доля респондентов, которые все же обращаются по поводу низкого качества медицинской помощи, указывает на наличие определенных недостатков в предоставляемых услугах. Это подчеркивает необходимость внимательного анализа причин недовольства и разработки мер по улучшению качества медицинской помощи.

В исследовании было выяснено мнение местных жителей о возможных улучшениях в сфере здравоохранения. Чаще всего респонденты указывали на увеличение заработной платы медицинским работникам (66,7 %). Следующим по популярности ответом среди опрошенных было «подготовка квалифицированных медицинских работников» (60 %). После него респонденты чаще всего отвечали, что необходимо увеличить финансирование системы здравоохранения (53,3 %). Далее респонденты указывали на необходимость строительства новых больниц, аптек, поликлиник (33,3 %). Одинаковое количество опрошенных отметили необходимость создания и распространения электронной записи пациентов и закупки нового оборудования и лекарственных средств (по 26,7 %).

Интересно, что жители связывают решение проблем в первую очередь с оплатой и квалификацией кадров (более 60 %), а не с инфраструктурой (33 %) или технологиями (26,7 %). Это смещение восприятия в сторону человеческого фактора.

Хотя прямой вопрос об общей оценке не задавался, косвенными индикаторами жители характеризуют систему здравоохранения как функционирующую удовлетворительно, но с выраженными проблемами. С точки зрения теории гибридных институтов, система здравоохранения Краснодара демонстрирует следующие разрывы:

1. Государственная функция (планирование, программы) реализуется, но не доходит до граждан – низкая коммуникация.

2. Рыночная функция (платность, эффективность) приводит к высоким ценам на лекарства и дифференциации доступа.

3. Социальная функция (справедливость, доступность) страдает из-за очередей и дефицита времени врачей.

4. Правовая функция (защита прав пациентов) практически не работает – 80 % не знают, как жаловаться.

Как гибридный институт здравоохранения в Краснодаре функционирует, но с перекосом в сторону организационно–рыночных проблем и слабой правовой обратной связью. Для повышения эффективности этого гибридного института необходимо не просто увеличить финансирование, а восстановить баланс между его составляющими: усилить обратную связь, упростить механизмы обжалования и повысить реальную доступность первичной помощи.

Таким образом, проведенное пилотажное исследование системы здравоохранения г. Краснодара позволило оценить эффективность функционирования гибридного социального института в социально-правовом измерении. Теоретический анализ показал, что здравоохранение по своей природе является гибридным, поскольку объединяет государственные, рыночные, этические и научные компоненты. Однако на практике эта гибридность порождает внутренние противоречия, которые в отсутствие баланса между составляющими снижают общую эффективность.

Список литературы

1. Бородкина О. И., Сулимова А. А. Гибридные организации в негосударственном секторе социальных услуг: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № 6. С. 204–217.

2. Козлова А. Д. Модели финансирования здравоохранения // Промышленная политика: глобализация, инновации, устойчивость : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2018. С. 238–244.

3. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Гибридные политические институты: к проблеме типологизации // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 4. С. 6–26.

4. Насибуллин Р. Т. Здравоохранение как социальный институт // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 161–173.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ»

УДК 342.922

Воробьева В. Р., Порываев С. А., *Москва*

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВЫДВОРЕНИЕ И ДЕПОРТАЦИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ двух основных мер принудительного прекращения присутствия лиц без гражданства и иностранных граждан на территории Российской Федерации – административного выдворения и депортации.

Ключевые слова: меры принудительного характера, депортация, административное выдворение, иностранные граждане, лица без гражданства, беженцы.

Vorobyeva V. R., Poryvaev S. A., *Moscow*

ADMINISTRATIVE EXPULSION AND DEPORTATION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. the article provides a comparative legal analysis of the two main measures of forced termination of the stay of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation – administrative expulsion and deportation.

Keywords: coercive measures, deportation, administrative expulsion, foreign citizens, stateless persons, refugees.

В условиях современных миграционных процессов Российская Федерация сталкивается с необходимостью эффективного правового регулирования пребывания иностранных граждан на своей территории. Инструментарий миграционного права включает различные меры принудительного характера, среди которых центральное место занимают административное выдворение и депортация. Несмотря на внешнюю схожесть (оба института означают удаление иностранца за пределы страны), они имеют различную юридическую природу.

Административное выдворение в качестве меры административного наказания законодательно закреплено в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Как следует из ч. 1 ст. 3.10 КоАП РФ, административное выдворение заключается в принудительном и контролируемом перемещении иностранных граждан и лиц без гражданства за российскую границу, либо, в отдельных случаях, установленных законом, – в их контролируемом самостоятельном выезде [1]. Специфика выдворения заключается в его карательной природе. Выступая в качестве санкции за совершенное административное правонарушение, оно

направлено на пресечение противоправного поведения, применение к нарушителю меры ответственности и обеспечение превентивного воздействия.

Правовая природа депортации носит иной характер. Согласно ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», суть депортации состоит в принудительной высылке иностранного гражданина за пределы Российской Федерации, применяемой в тех случаях, когда у него утрачены или прекращены законные основания для дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации [4]. Депортация не относится к видам наказания, а выступает в качестве меры административного принуждения или административного ограничения, направленной на урегулирование статуса лица, утратившего право на пребывание в стране.

Следовательно, иностранные граждане и лица без гражданства являются субъектами как административного выдворения, так и депортации, хотя из этого правила имеются исключения.

Часть 3 ст. 3. 10 КоАП устанавливает, что административное выдворение из России не распространяется на военнослужащих – иностранных граждан. Также в ряде случаев судье или должностному лицу позволено не назначать выдворение, даже если санкция статьи его предусматривает, заменив его штрафом или обязательными работами:

- если при рассмотрении дела будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о прочной связи человека с Россией, выдворение может быть признано чрезмерным вмешательством в его личную и семейную жизнь (ч. 3.6, 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ);

- если лицо без гражданства подлежит выдворению, но отсутствует государство, готовое принять его на своей территории (ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ).

Важное исключение: замена наказания не допускается по целому ряду статей, даже при наличии вышеуказанных обстоятельств. К ним относятся правонарушения, предусмотренные:

- ч. 5–8 ст. 6.21 КоАП РФ (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних);

- ч. 3 и 4 ст. 6.21.1 КоАП РФ (пропаганда педофилии);

- ч. 3 ст. 20.25 КоАП РФ (уклонение от исполнения административного наказания).

Депортация же не может применяться к следующим лицам:

- иностранные граждане, заключившие контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо в воинских формированиях [5]. Эта льгота не распространяется на тех, кто создает угрозу национальной безопасности, участвует в террористической или экстремистской деятельности, а также посягает на общественный порядок;

- лица, урегулировавшие свое правовое положение в рамках режима высылки. Речь идет об иностранцах, находящихся в РФ незаконно, но в период с 1 января по 30 апреля 2025 г. пожелавших легализоваться. Если они

соответствуют условиям (сдали биометрию, прошли медосвидетельствование, подтвердили знание языка и т. д.), то положения о высылке (включая депортацию) к ним не применяются;

- дипломатические и консульские сотрудники;
- беженцы и иностранцы, только обратившиеся с ходатайством о получении временного или политического убежища, получении статуса беженца до окончания рассмотрения ходатайства;
- иностранные граждане, утратившие статус беженцев, но по независящим от них причинам не могут вернуться на территорию своей страны (например, по причине военных действий, эпидемии, а также угрозы жизни и здоровью вследствие расовой, религиозной или политической дискриминации) [2].

Ключевое различие между двумя этими институтами кроется в основаниях их применения.

Административное выдворение всегда обусловлено совершением правонарушения. Исчерпывающий перечень таких оснований содержится в главе 18 КоАП РФ:

- несоблюдение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию или установленного режима пребывания (проживания) в ней (ст. 18.8 КоАП РФ);
- выполнение иностранным гражданином либо лицом без гражданства трудовых функций на территории Российской Федерации при отсутствии законных оснований (ст. 18.10 КоАП РФ);
- невыполнение требований иммиграционного законодательства (ст. 18.11 КоАП РФ);
- нарушение иностранными гражданами, лицами без гражданства или иностранными организациями ограничений на осуществление отдельных видов деятельности, предусмотренных федеральным законом (ст. 18.17 КоАП РФ).

Основанием для депортации служит не факт совершения административного правонарушения, а отсутствие законных прав на пребывание в Российской Федерации.

Депортации подлежит:

1. Иностранец, которому сокращен срок временного пребывания или проживания в Российской Федерации, либо аннулировано ранее выданное разрешение на временное проживание или вид на жительство.
2. Иностранец, которому запрещен въезд в Российскую Федерацию, либо чье пребывание (проживание) в стране признано нежелательным.
3. Иностранец, переданный Российской Федерации другим государством по международному договору о реадмиссии, при условии, что у него нет законных оснований для нахождения в России и отсутствует договор о реадмиссии между Российской Федерацией и государством его гражданства либо постоянного (преимущественного) проживания.

4. Иностранный гражданин, получивший уведомление об отказе в рассмотрении ходатайства по существу, об отказе в признании беженцем, либо об утрате или лишении статуса беженца, не обжалующий такое решение и отказывающийся добровольно покинуть территорию Российской Федерации.

5. Иностранный гражданин, обжаловавший решение об отказе в рассмотрении ходатайства по существу, об отказе в признании беженцем либо об утрате или лишении статуса беженца, получивший отказ в удовлетворении жалобы, не располагающий иными законными основаниями для пребывания в Российской Федерации и не намеренный выезжать добровольно.

6. Иностранный гражданин, который был лишен статуса беженца или временного убежища в связи с осуждением за совершенное на территории России преступление – после отбытия назначенного наказания, если международными договорами не предусмотрено иное.

7. Иностранный гражданин, который утратил или был лишен временного убежища по основаниям, предусмотренным п. 5 и пп. 2 п. 6 ст. 12 Федерального закона «О беженцах», не имеет иных законных оснований оставаться в России и отказывается от добровольного выезда за ее пределы.

8. Иностранный гражданин, находящийся под действием режима высылки, два и более раза не выполнил обязанности, установленные п. 5 ст. 9.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6].

Заслуживает внимания и процедура реализации указанных мер. Административное выдворение осуществляется на основании решения судьи, однако в отдельных случаях оно может также применяться:

- органами внутренних дел (полиция):
 - начальниками территориальных управлений (отделов) внутренних дел и приравненных к ним органов, их заместителями, заместителями начальников полиции, ответственными за охрану общественного порядка, а также начальниками территориальных отделов (отделений, пунктов) полиции и их заместителями;
 - руководителем подразделения центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, отвечающего за вопросы миграции, и его заместителями;
 - руководителями структурных подразделений, занимающихся вопросами миграции, в составе территориальных органов, их заместителями и иными должностными лицами, указанными в ч. 2 ст. 3.10 КоАП РФ.
- пограничными органами:
 - руководителем федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в области обеспечения безопасности, и его заместителями;
 - руководителями пограничных и морских биологических подразделений, структурного подразделения федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, их заместителями;

– начальниками служб и отрядов, их заместителями и др. (ч. 2 ст. 23.10 КоАП РФ).

Принятие решения о депортации относится к компетенции органов внутренних дел и не требует судебного разбирательства: соответствующий акт выносится Министерством внутренних дел Российской Федерации или его территориальными органами.

Сроки исполнения и обжалования для депортации и административного выдворения различаются. Решение о депортации исполняется в пятидневный срок, а постановление о выдворении – с момента вступления в законную силу. Обжаловать решение о депортации можно в течение трех месяцев, постановление о выдворении – в течение десяти дней с момента получения [7, с. 276].

Применение как административного выдворения, так и депортации влечет за собой следующие правовые последствия:

- запрет на въезд в Российскую Федерацию устанавливается сроком на пять лет с момента применения указанной меры [3];
- если решение об административном выдворении или депортации применялось неоднократно, срок запрета на въезд увеличивается до десяти лет, исчисляемых со дня последнего применения такой меры;
- лицо не вправе получить вид на жительство, если в течение пяти лет, предшествующих подаче заявления, оно подвергалось административному выдворению или депортации, а также если в течение десяти лет до дня подачи заявления такие меры применялись к нему неоднократно (два и более раза).

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что административное выдворение и депортация, будучи внешне сходными мерами, имеют принципиально различную юридическую природу.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. О беженцах : федер. закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 23.07.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки : указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 (ред. от 28.04.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами : приказ МВД России от 24.04.2020 № 239 (ред. от 11.11.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система
7. Герасимова Е. В., Анисимова Н. А. Административное выдворение, депортация, реадмиссия: особенности и сравнительно-правовой анализ // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 275–280.

УДК 342

Дробина Е. С., Гоглева К. Ю., *Санкт-Петербург*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается правоприменительная практика реализации государственной политики по добровольному переселению в Россию соотечественников. Предпринята попытка описания путей решения проблем, которые связаны как с самим процессом переселения соотечественников, так и с их адаптацией на новой территории проживания. Предлагаются возможные направления совершенствования и привлечения интереса для переселения в Россию соотечественников.

Ключевые слова: государственная политика, добровольное переселение, государственная программа, соотечественник, переселенцы.

Drobina E. S., Gogleva K. Ya., *Saint Petersburg*

STATE POLICY ON VOLUNTARY RESIDENCE OF RUSSIAN COMMONS LIVING ABROAD IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. This article examines the law enforcement practices of implementing state policy on the voluntary resettlement of compatriots to the Russian Federation. The author attempts to describe solutions to problems associated with both the resettlement process itself and their adaptation to their new home territory, as well as possible areas for improvement and promotion of the resettlement of compatriots to the Russian Federation.

Keywords: state policy, voluntary resettlement, State program, compatriot; resettlers.

Государственная политика по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, была введена в Российской Федерации в 2006 г. Программа должна была стать ключевым инструментом миграционной политики по возвращению на историческую родину соотечественников, проживающих за пределами территории, а также стимулирование переселения соотечественников и компенсацию естественной убыли населения за счет миграционного притока.

Основными задачами политики, возложенными Указом Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», стали: стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию; содействие социально-экономическому развитию регионов; решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения [1].

Одновременно практика реализации Государственной программы обнажила ряд проблем, которые ограничивают достижение предусмотренных целей государством.

Во-первых, в программе были обозначены целевые показатели, предусматривавшие приезд около 50 тыс. чел. в 2007 г. и последующее увеличение до суммарно 300 тыс. переселенцев в первые годы реализации. Однако фактические результаты оказались существенно ниже заявленных, а именно: за 2007–2018 гг. в рамках программы переселилось порядка 800 тыс. чел., а с учетом последующих периодов к 2019 г. около 1 млн участников программы и членов их семей суммарно, или не более 100 тыс. чел. в год, число которых ежегодно уменьшается [2, с. 39]. Тем самым государственная политика не приобрела ожидаемой популярности среди соотечественников, вследствие чего фактическое количество переселившихся на территорию Российской Федерации участников оказалось значительно меньше ожидаемых ежегодных показателей государством.

Во-вторых, программа изначально была ориентирована на заселение и развитие регионов с низкой плотностью населения, такие как: Сибирь, Дальний Восток, отдельные субъекты Центральной России. Тем не менее, в действительности наблюдается существенное расхождение при фактическом расселении соотечественников, так как они предпочитают выбирать регионы с наиболее благоприятными условиями для проживания, такие как Санкт-Петербург или Москва, что свидетельствует о недостаточной привлекательности в социально-экономическом и инфраструктурном отношении, предусмотренных программой территорий.

В-третьих, несогласованность между федеральной и региональной программой влечет за собой невозможность в полной мере реализовать задачи Государственной политики на уровне субъектов Российской Федерации. Несмотря на то что стратегические цели и основные механизмы переселения определены на федеральном уровне, на практике в регионах отсутствует комплекс мер по поддержке и адаптации переселенцев. Это указывает на формальный характер участия субъектов Российской Федерации в программе. Фактически выделяемые денежные средства недостаточны для обеспечения дополнительных стимулов по привлечению к переселению на приоритетные территории и предоставлению мер адаптации и поддержки соотечественников, которые планируют переселиться в данный субъект. Данную ситуацию можно рассмотреть на примере Приморского края. На федеральном уровне стимулируется увеличение притока переселенцев в демографически убывающем регионе, а региональные власти вводят квоты и ограничения из-за нехватки жилья, отсутствия вакансий в регионе вселения, соответствующих текущей трудовой деятельности или специальности заявителя [2, с. 27], тем самым снижает приток соотечественников в данный регион заселения.

Наряду с несогласованностью – существенной проблемой при реализации Госпрограммы – остается неполнота мер социального обустройства переселенцев, прежде всего в части жилищного обеспечения. В научных исследованиях указывается, что фактическое решение жилищного вопроса в зна-

чительной мере возлагается на субъекты Российской Федерации, чьи финансовые возможности ограничены параметрами региональных бюджетов. В результате постоянное жилье получает лишь незначительная доля переселенцев (около 10 %), тогда как большинству приходится обеспечивать проживание за счет найма жилых помещений либо размещения во временных центрах, как правило, на срок не более двух лет [3, с. 40]. При отсутствии достаточной государственной поддержки в жилищной сфере снижается практическая привлекательность программы и повышается число отказов от переселения на этапе закрепления в регионе.

Положительным примером реализации подобной программы, может послужить политика Аргентины по привлечению иммигрантов. В «Декрете о привлечении иностранцев», принятом Патриотической хунтой в 1810 г. прописывались меры по привлечению переселенцев: субсидирование переезда: правительство открывало в Европе рекрутерские офисы, предоставляло землю и оплачивало билеты для пожелавших эмигрировать; предоставление основных гражданских прав: иностранцам позволяли заниматься промышленностью, торговлей и профессиональной деятельностью, владеть недвижимостью, свободно исповедовать свою религию и т. д. [4]. После введения декрета к 1940 г. в Аргентину прибыло около 7 млн мигрантов, но статистические данные могут разниться, так как в 1857 г. только начали ввести постоянный статистический учет въезжающих лиц на территорию страны. Тем не менее указанные данные позволяют сделать вывод о том, что наличие мер поддержки со стороны государства повышает количество лиц, заинтересованных в переселении, так как создают благоприятные условия для дальнейшей адаптации на территории страны.

С учетом положительного зарубежного опыта и выявленных недостатков при исследовании полагаем необходимым реализовать следующие решения:

Во-первых, в части жилищного обеспечения требуется установить минимальный набор гарантий обустройства, который действует независимо от финансовых возможностей субъекта Российской Федерации, и предусмотреть федеральное софинансирование таких мер, включая оплату временного размещения на период первичного устройства и адресные жилищные выплаты тем категориям переселенцев, для которых жилье выступает решающим фактором переезда.

Во-вторых, усилить информирование соотечественников об участии в программе «Дальневосточный гектар», который устанавливает право иностранных граждан и лица без гражданства, являющихся участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и члены их семей, совместно переселяющиеся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию вправе получить земельный участок в собственность или аренду только при условии приобретения ими гражданства РФ в установленном порядке [5]. Тем самым способствуя привлечению

интереса многодетных семей, лиц, живущих традиционным укладом к регионам России с низкой плотностью заселения.

В-третьих, в части занятости необходимо связать прием переселенцев с реальными вакансиями и обязанностями региона по сопровождению трудоустройства, одновременно введя ускоренное подтверждение документов об образовании и квалификации в установленный срок и стимулы для работодателей, принимающих переселенцев по дефицитным профессиям.

В-четвертых, дать возможность предоставления на уровне региональной программы льготных мест в высших учебных заведениях, с целью получения целевого образования как для соотечественников, так и для их родственников.

С учетом изложенных решений по улучшению реализации Государственной политики по содействию добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом, стоит отметить, что на данный момент государство старается реализовать их, но не в полной мере исходя из изложенных предложений в исследовании.

Таким образом, помимо корректировки нормативной базы, предпринимаются организационные меры. В условиях изменения миграционной ситуации Правительство Российской Федерации принимает решение о продлении программы на новый период и уточнении ее целевых ориентиров. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.11.2025 № 3266-р продление Госпрограммы подтверждается и устанавливаются плановые показатели переселения на ближайшие годы с учетом фактической динамики [6], а именно: планируется прием 20 984 переселенцев в 2026 г., 18 731 – в 2027 г. и 16 757 – в 2028 г. Снижение целевых значений связывается, в том числе, с изменением подходов к статистическому учету. в официальные показатели не включаются отдельные категории лиц, переселяющихся по упрощенным основаниям (в частности, репатрианты), а также некоторые иные группы, перемещение которых осуществляется по гуманитарным решениям (например, по Указу Президента № 702 [7]). На этом фоне планирование приобретает более прикладной характер, а реализация Госпрограммы рассматривается во взаимосвязи с иными действующими миграционными механизмами.

Одновременно усиливается информационное сопровождение. Так, в соответствии с планом мероприятий на 2026–2028 гг. региональным органам власти предписывается активнее информировать о возможностях и результатах программы, обеспечивать размещение материалов в средствах массовой информации и демонстрировать практику успешного переселения. Предполагается, что публичная демонстрация положительного опыта, включая использование современных медийных форматов, будет способствовать росту информированности соотечественников и снижению настороженности в отношении процедуры переселения.

Стоит отметить, что на расширенном заседании коллегии МВД России в 2025 г. Президент РФ В. В. Путин в очередной раз затронул тему соотечественников, указав на необходимость «развивать имеющиеся механизмы

поддержки возвращения на Родину наших соотечественников» [8]. Исходя из вышесказанного, государственная политика остается актуальной и значимой, а также отвечает стратегическим целям России и имеет устойчивое место в социально-демографическом потенциале страны. Успешность ее реализации зависит от устранения имеющихся недостатков в действующем механизме и принятия решения по ее разработке для привлечения популярности среди соотечественников и их родственников для дальнейшего переселения на территорию Российской Федерации.

Список литературы

1. О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Гаева А. С. Проблемы реализации программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Россию // Постсоветский материк. 2020. № 3 (27).
3. Трегубова Е. А. О проблемах реализации программы переселения соотечественников // Вестник науки. 2020. № 9 (30). Т. 4. С. 37–43.
4. Аршин К. Миграционная политика Аргентины: современные тенденции // Латинская Америка. 2021. Выпуск № 12 С. 50–66.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» : федер. закон от 27.12.2018 № 503-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Об утверждении плана мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2026–2028 гг. : распоряжение Правительства РФ от 14.11.2025 № 3266-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511140054> (дата обращения: 15.02.2026).
7. Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности : указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408190001> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Расширенное заседание коллегии МВД России в 2025 году // Официальный интернет-портал «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408> (дата обращения: 28.02.2026).

УДК 342.922

Емельянова М. А., Порываев С. А., *Москва*

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: БАЛАНС МЕЖДУ КОНТРОЛЕМ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬЮ

Аннотация. Отмечается, что регулирование трудовой миграции является ключевым направлением государственной политики, в связи с этим рост числа мигрантов в Российской Федерации требует усиления государственного контроля. Анализируются административно-правовые меры по регулированию миграционных процессов.

Ключевые слова: трудовая миграция, административно-правовые меры, контроль, правонарушение, выдворение, миграционный учет.

Emelyanova M. A., Porivaev S. A., *Moscow*

ADMINISTRATIVE REGULATION OF LABOUR MIGRATION: BALANCING CONTROL AND EFFECTIVENESS

Abstract. the regulation of labour migration is a key area of state policy; consequently, the growing number of migrants in the Russian Federation necessitates increased state control. The aim of this study is to examine and evaluate administrative and legal measures for regulating migration processes.

Keywords: labour migration, administrative and legal measures, control, offence, deportation, migration registration.

Миграционная политика является важной частью государственной политики любой страны, так как она представляет собой вспомогательное средство для решения демографических и экономических проблем. Российская Федерация не является исключением: в соответствии с п. 20 Указа Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы», целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны, повышения качества жизни ее населения, защиты национального рынка труда и т. д. [19]. В последнее пятилетие в сфере миграционной политики особое место занимает вопрос привлечения иностранных граждан в качестве рабочей силы, т. е. трудовая миграция.

С 2022 г. в России наблюдается острый дефицит кадров, что подтверждается рядом исследований и обзоров. Так, отмечается, что еще в 2022 г. с нехваткой персонала столкнулось свыше 80 % работодателей, а в I квартале 2023 г. российские предприятия зафиксировали рекордный с момента начала наблюдений (1998 г.) кадровый голод [1; 2].

Для преодоления возникшего дефицита российские работодатели стали чаще привлекать визовых мигрантов. Непосредственно политика государства была направлена на повышение числа мигрантов, что было выражено в

Концепции Миграционной политики до 2025 г., где предусматривалась обязанность правительства привлечь в страну около 10 млн. трудовых мигрантов. В соответствии с Концепцией Миграционной политики до 2025, а также новой Концепцией до 2030 г. большинство иностранных граждан относятся к низкоквалифицированным работникам и их востребованность обусловлена, помимо закрытия рабочих мест, сниженными издержками на производство в связи с низко оплатой их труда [16; 19]. Общий миграционный прирост за 2024 г. составил 568, 5 тыс. человек, основную часть которого составили граждане из стран СНГ, которые стабильно является основой трудовой миграции в России [3, с. 50].

Общее количество трудовых мигрантов создает необходимость формирования законодательной базы для предотвращения возникновения угроз национальной безопасности и общественному порядку. Регулирование внешней трудовой миграции в РФ осуществляется в соответствии с международным правом и международными договорами. В национальном праве основными источниками миграционного законодательства можно считать Конституцию РФ, КоАП, УК РФ, ТК РФ, иные федеральные законы, затрагивающие права и интересы иностранных лиц, а также указы Президента и постановления Правительства. Данные нормативные акты регулируют миграционные отношения через основные способы воздействия, а именно дозволение, предписание и запрет [4, с. 250].

Федеральными законами, указами и постановлениями устанавливаются общие положения, распространяющиеся на иностранных граждан, но непосредственное обеспечение правопорядка и превентивную функцию осуществляет административное законодательство, предусматривающее различные меры административного принуждения, в частности, меры административной ответственности. Одной из них является выдворение за пределы страны, что представляет собой исключительную меру, применяемую только в отношении иностранцев. Помимо мер ответственности для иностранных граждан, в законе предусмотрена ответственность для работодателей, незаконно привлекающих мигрантов к трудовой деятельности с нарушением норм миграционного законодательства.

Основой для регулирования правоотношений, где в качестве субъектов выступают иностранные граждане, является Федеральный закон от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан». В ст. 13 – 13.7 определены особенности осуществления трудовой деятельности в зависимости от ее оснований [14]. Непосредственный порядок постановки на миграционный учет определяется Постановлением Правительства РФ от 15.01.2007 г. «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [15].

Правовой регламент привлечения иностранных работников предполагает соблюдение ряда императивных требований, в числе которых: получение работодателем соответствующего разрешения на использование труда

иностранных граждан, достижение субъектом совершеннолетия и наличие у иностранного гражданина действительного патента или разрешения на работу [14]. Однако на практике распространена проблема ненадлежащего оформления трудового договора, либо в общем отсутствие какого-либо оформления возникающих трудовых правоотношений, что фактически представляется неформальной занятостью, которую невозможно отследить [5, с. 97]. В ст. 18. 10 КоАП РФ установлена административная ответственность для иностранных граждан и лиц без гражданства за незаконное осуществление трудовой деятельности в виде наложения административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового [6]. За неправомерное привлечение иностранных граждан к трудовой деятельности на территории Российской Федерации для работодателей предусмотрены специальные меры юридической ответственности, предусмотренные ст. 18. 15 КоАП, при этом ответственность наступает за каждого привлекаемого к работе лица в отдельности [6].

Несмотря на подтверждение сложной ситуации в стране, связанной с кадровым дефицитом, и относительно недавней политикой государства по увеличению числа трудовых мигрантов, в 2026 г. можно заметить смену направления данной политики в сторону ужесточения и повышения контроля. Это связано с тем, что в России образовался крупный массив трудовых мигрантов, что, независимо от качества регулирования их пребывания, приводит к сегментации рынка труда, повышению социальной напряженности и росту количества конфликтов на почве национальной нетерпимости. Высокий уровень нелегальной миграции (самое важное в данном термине не факт перемещения с одной территории на другую, а именно ее незаконность, что и является основным источником проблем [7, с. 8] и ее влияние на государственную безопасность четко определяет В. А. Смирнова: «незаконная миграция как явление затрагивает многие сферы жизнедеятельности общества. В политической сфере она выступает непосредственной угрозой безопасности страны, ее геополитическим интересам и международному имиджу; в экономической – способствует расширению масштабов теневой экономики, развивающейся вне налогового и другого экономического законодательства» [8, с. 94].

При этом важно отметить тот факт, что контроль за трудовой миграцией направлен не только на защиту интересов государства, а также на защиту прав самих мигрантов, поскольку снижение уровня теневой экономики должно улучшить качество контроля за соблюдением работодателями требований по обеспечению иностранным гражданам условий труда, отвечающих требованиям современного трудового законодательства.

Тенденция к ужесточению мер государственного контроля проявляется в различных аспектах. Во-первых, для всех иностранных граждан вводится «Цифровой профиль иностранных граждан» [18], в котором будет фиксиро-

ваться вся необходимая информация о пребывании данного лица на территории РФ, в том числе его трудовая деятельность. Во-вторых, начиная с сентября 2025 г., в Москве и Московской области устанавливается особый порядок миграционного учета для лиц, въехавших в безвизовом порядке, с намерением последующего трудоустройства. С 1 сентября 2026 г. данные правила будут распространены и на лиц, которые прибыли не для дальнейшего осуществления трудовой деятельности [17]. Помимо этого, был сокращен срок максимального безвизового пребывания с 90 сут. в течение полугодия, до 90 суток за весь календарный год.

Нельзя не упомянуть, что на данный момент в Государственной Думе рассматривается законопроект о возможности выдворения детей мигрантов, проживающих на территории РФ на основании трудового договора или патента, по достижению ими 18 лет в случае, если дети не устроятся на работу или не оформят патент. Данный законопроект соответствует одному из направлений Концепции до 2030 г. об ограничения пребывания в РФ не имеющих официальной занятости и не проходящих обучение членов семей иностранных граждан, находящихся в России с целью осуществления трудовой деятельности или получения образования [9].

Также существуют законопроекты, которые направлены на упрощение процесса выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации. К примеру, 16 марта Комиссия Правительства по законопроектной деятельности рассмотрела проект поправок в КоАП РФ, расширяющий основания для депортации иностранных граждан: в рамках ужесточения миграционного контроля по составам правонарушений, предусмотренным ст. 20. 3, 20. 13 КоАП РФ, рассматривается переход от штрафов к применению административного выдворения в качестве императивного основного вида наказания. Более того, предусматривается выдворение иностранцев, распространявших контент, содержащий публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм (статья 13. 37 КоАП), публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ (статья 20. 3. 3 КоАП), призывы к введению или продлению политических или экономических санкций в отношении РФ (статья 20. 3. 4 КоАП) [6]. Данные меры не являются обоснованными: по словам председателя правления Ассоциации юристов России В. С. Груздева: «В последнее время наблюдается усиление противоправной активности иностранных граждан, особенно в области общественной безопасности и правопорядка. В 2023–2024 гг. на контроле МВД России находилось порядка 100 конфликтных ситуаций между иностранными гражданами, за нарушения общественного порядка были привлечены свыше 1,5 тысячи человек» [10].

Все перечисленные новеллы в законодательстве направлены на усиление контроля и повышения регулирования и учета миграционного потока. Согласно положениям Концепции до 2030 г., данная политика направлена на

достижение благоприятных результатов – снижение числа незаконно находящихся в РФ иностранных граждан; снижение уровня преступности и правонарушений; снижение доли осуществления незаконной трудовой деятельности [19].

В связи с этим, принимаемые административные меры представляются вполне целесообразными и даже необходимыми. Они уравнивают положение в стране, которое на данный момент можно считать нестабильным в связи с высоким уровнем теневой экономики и ростом количества правонарушений, совершаемых иностранными лицами в отношении граждан РФ.

Тем не менее, возникает вопрос, соблюдается ли концептуальный баланс между экономическими и правовыми аспектами: ужесточение политики в отношении трудовых мигрантов, о котором было упомянуто ранее (введение Цифрового профиля, новые правила миграционного учета), а также императивный характер административно-правового регулирования могут рассматриваться трудовыми мигрантами в качестве избыточных барьеров и подтолкнуть их к переходу на «теневую сторону» экономики и уходу из правового поля. Более того, вероятен и отток рабочей силы из РФ, а также существенное сокращение численности населения. В связи с этим некоторые исследователи указывают на необходимость более осторожного подхода как к законотворческой деятельности, так и правоприменительной практике в области использования иностранной рабочей силы [11]. Данный подход может выражаться в использовании стратегии «умного регулирования» посредством установления разнообразных, но не чрезмерных льгот и бонусов для мигрантов. К примеру, возможно усовершенствование Цифрового профиля: он должен не только содержать все сведения об иностранном гражданине, но и включать в себя функции, который позволят оперативно оплатить патент, оформить страховку и т. д. Так лица будут заинтересованы в «выходе из тени» и в активном использовании данной платформы, которая является легальным средством для осуществления различных операций, актуальных для мигрантов.

Также существуют существенные различия в правовом статусе иностранных граждан: граждане стран ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия) имеют право работать без патентов. В соответствии с п. 1 ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе, работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда [12]. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Это создает «правовой перекос», поскольку такое регулирование делает граждан данных государств более предпочтительными кандидатами для работодателей.

Так, патентная система давно подвергается критике – еще в 2023 г. в Государственную Думу вносился законопроект с предложением о ее ликвидации. Как было указано в пояснительной записке, иностранный гражданин

не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта РФ, на территории которого ему выдан патент. Вместе с тем контроль работы механизма выдачи патентов и соблюдения условий его получения иностранными работниками осуществляется в отношении лишь отдельных лиц при проведении проверок миграционного режима и в целом на неформальную занятость мигрантов не оказывает существенного влияния. В законопроекте выдвигалось предложение по введению общего правила, согласно которому работодатель и заказчик работ (услуг) имеют право привлекать и использовать иностранных работников только при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников. По мнению авторов законопроекта, предлагаемая модель модернизации системы привлечения иностранной рабочей силы позволит оптимизировать контроль за распределением иностранных граждан по регионам, обеспечить рост доходной части бюджета, а также гармонизировать условия трудоустройства мигрантов и российских граждан.

В 2026 г. произошло возвращение к данному вопросу: председатель партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов озвучил предложение об отмене патентной системы на встрече лидеров фракций Госдумы с президентом РФ Владимиром Путиным. Президент в свою очередь отметил, что считает возможным подумать об ее отмене для мигрантов [13].

Важно, чтобы система была гибкой, что является необходимым условием для соблюдения баланса между экономическими и правовыми аспектами миграции: необходима регулярная оценка влияния новых правил на рынок труда. А именно, если ужесточение норм, регулирующих миграционные процессы, приводит к неблагоприятным последствиям, связанным с дефицитом кадров, существующие нормы и правила должны оперативно корректироваться.

Таким образом, 2026 г. ознаменовался сменой курса миграционной политики и ужесточением мер в отношении мигрантов, что внесло ряд коррективов в административно-правовое регулирование данного вопроса. На данный момент происходит создание условий, в том числе формирование нормативной базы, для перехода от модели «стихийного» привлечения мигрантов к модели «организованного» миграционного потока и более регулируемой системе привлечения рабочей силы, что полностью соответствует положениям существующей Концепции государственной миграционной политики.

Список литературы

1. Акьюлов Р. И. Влияние нелегальной миграции на демографическую и экономическую безопасность России // Дискуссия. 2022. № 110. С. 6–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nelegalnoy-migratsii-na-demograficheskuyu-i-ekonomicheskuyu-bezopasnost-rossii>. (дата обращения: 15.03.2025).
2. Белогруд И. Н. Последствия жестких мер в отношении мигрантов для развития экономики // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-zhestkih-mer-v-otnoshenii-migrantov-dlya-razvitiya-ekonomiki>. (дата обращения: 17.03.2026)

3. В Госдуме предлагают ликвидировать патентную систему трудоустройства мигрантов. URL: <https://kodeks.ru/news/read/v-gosdume-predlagayut-likvidirovat-patentnuyu-sistemu-trudoustrojstva-migrantov> (дата обращения: 17.05.2025).
4. Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 16.01.2015. № 0001201501160013.
5. Кадровая дыра: дефицит рабочей силы стал страшнее безработицы. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/04/28/Kadrovaja-dira> (дата обращения: 17.03.2025)
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Комитет ГД одобрил обязанность детей трудовых мигрантов в 18 лет выехать из РФ. URL: <https://ria.ru/20260311/gosduma-2079979870.html> (дата обращения: 17.05.2025)/
8. Мигрантов будут депортировать за массовые драки и стрельбу на улицах. URL: https://rg.ru/2026/03/16/signaldeboshiram.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F. (дата обращения: 17.05.2025)/
9. Назарова Е. А. Трудовая миграция из стран ближнего зарубежья и уровень жизни населения Московской области // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 49–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-iz-stran-blizhnego-zarubezhya-i-uroven-zhizni-naseleniya-moskovskoy-oblasti> (дата обращения: 14.03.2026)/
10. О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 5. Ст. 653.
11. Приженникова А. Н. Правовое регулирование труда иностранных граждан: актуальные вопросы // Образование и право. 2019. № 5. С. 96–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-truda-inostrannyh-grazhdan-aktualnye-voprosy>. (дата обращения: 15.03.2025)
12. Сенченко В. В. Формы и методы административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Общество и право. 2016. № 1(55). С. 247–252. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-metody-administrativno-pravovogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov-v-rossiyskoy-federatsii>. (дата обращения: 15.03.2025)
13. Смирнова В. А. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 4. С. 92–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>. (дата обращения: 15.03.2025)
14. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : указ Президента РФ от 15 окт. 2025 г. № 738 // Собрание законодательства РФ. 20.10.2025. № 42. Ст. 6143.
15. О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» : указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 3955.
16. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.
17. Федеральная служба государственной статистики. Социально– экономическое положение России январь – июнь 2023 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2023.pdf>. (дата обращения: 17.03.2025).
18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан : федер. закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 26.05.2025. № 21. Ст. 2542.
19. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

УДК 341.1

Михалевич К. И., Жук М. Г., Гродно

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ЦИФРОВОГО ПОГРАНИЧНОГО КОНТРОЛЯ ЕС – ЕАЭС: ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В БЕЛАРУСИ

Аннотация. Анализируется влияние цифрового пограничного контроля ЕС – ЕАЭС на идентичность национальных меньшинств Беларуси через юридическую антропологию. Критикуется правоприменение за игнорирование культурных практик, предлагается модель адаптации норм.

Ключевые слова: юридическая антропология, цифровой пограничный контроль, национальные меньшинства, культурная идентичность, правоприменение.

Mikhalevich K. I., Zhuk M. G., Grodno

ANTHROPOLOGICAL CRITIQUE OF DIGITAL BORDER CONTROL IN THE EU-EAEU: IMPACT ON THE CULTURAL IDENTITY OF NATIONAL MINORITIES IN BELARUS

Abstract. the article analyzes the impact of the EU-EAEU digital border control on the identity of Belarusian national minorities through legal anthropology. It criticizes law enforcement for ignoring cultural practices and proposes a model for adapting norms.

Keywords: legal anthropology, digital border control, national minorities, cultural identity, and law enforcement.

Внедрение систем цифрового пограничного контроля в ЕС – ЕАЭС усилило трансграничные ограничения для национальных меньшинств Республики Беларусь. Это нарушает их культурную идентичность, поскольку универсальные алгоритмы игнорируют этнокультурные практики вроде сезонных миграций и ритуалов. В результате возникает дискриминация при применении норм Договора о ЕАЭС и белорусского законодательства. Юридическая антропология помогает выявить эти коллизии и требует их критического переосмысления.

Методологическая основа исследования строится на сочетании сравнительного правового анализа, юридико-антропологического подхода и качественных эмпирических методов. Сравнительный анализ охватывает нормы Европейского союза, Евразийского экономического союза и национального законодательства Республики Беларусь, регулирующие цифровой пограничный контроль, сбор биометрических данных и статус иностранных граждан и лиц без гражданства. Юридико-антропологический подход предполагает рассмотрение права не как нейтральной и универсальной системы норм, а как специфического культурного феномена, встроенного в контекст социальных практик, символов, ритуалов и идентичностей. Эмпирическую базу составляют материалы глубинных интервью с представителями национальных меньшинств приграничных регионов Беларуси, а также анализ дискурса в официальных документах, технических регламентах и судебных актах, связанных с цифровым пограничным контролем.

Цифровой пограничный контроль в формате биометрических систем, таких как ЕС и единые биометрические платформы в рамках ЕАЭС, представляет собой качественно новый этап техно-правового регулирования миграции и трансграничной мобильности. Если классическое пограничное право опиралось преимущественно на документальную идентификацию личности (паспорт, визы, штампы), то цифровые системы переводят идентичность в язык данных – отпечатков пальцев, геометрии лица, сканирования радужки, поведенческого анализа и других параметров. В результате человек в пограничном пространстве начинает восприниматься не как носитель комплексной культурной биографии и множественных идентичностей, а как «профиль риска», конструируемый алгоритмами на основе стандартных категорий. Это сближает правовое регулирование с технократическим управлением, где культурное разнообразие рассматривается скорее как помеха, чем как ценность.

Юридическая антропология, развиваемая в трудах Б. Гласснера, Т. Нелькена и других исследователей, исходит из того, что право не существует вне культуры и всегда встроено в систему властных отношений, символических границ и социальных иерархий [1, с. 233]. Применительно к цифровому пограничному контролю это означает, что формально нейтральные алгоритмы и технические регламенты воспроизводят определенное видение «нормального» субъекта: оседлого, однозначно закрепленного за конкретной территорией и гражданством, не практикующего кочевые, транскордонные или ритуальные формы мобильности [5, с. 10]. Национальные меньшинства Беларуси – литовцы, украинцы, татары, ромы и другие – часто живут в логике пограничных идентичностей, сочетая элементы разных культур, языков и правовых пространств. Их повседневная практика мобильности включает сезонные выезды, семейные и религиозные поездки, участие в трансграничных обменах и праздниках. В глазах цифровых систем подобные формы мобильности легко попадают в зону «подозрительного» поведения.

Нормативно-правовая база, регулирующая цифровой пограничный контроль, формируется на пересечении нескольких уровней. На уровне ЕС ключевое значение имеют Регламент (ЕУ) 2017/2226 и Совета от 30 ноября 2017 г., устанавливающее Систему въезда / выезда (EES) для регистрации данных о въезде и выезде и отказа во въездных данных граждан третьих стран, пересекающих внешние границы государств-членов, и определяющее условия доступа к EES в правоохранительных целях, а также вносящее поправки в Конвенцию о введении в действие Шенгенского соглашения и правил (ЕС) № 767/2008 и (ЕС) № 1077/2011, а также сопутствующие акты, устанавливающие обязательность биометрической идентификации для граждан третьих стран при пересечении внешних границ [3]. Эти документы декларируют цели повышения безопасности, борьбы с нелегальной миграцией и оптимизации пограничных процедур, однако фактически создают инфраструктуру тотального контроля за передвижением людей, в которой культурные

особенности и этническая принадлежность не рассматриваются как значимые параметры.

На уровне ЕАЭС цифровизация реализуется через решения Евразийской экономической комиссии о формировании единой биометрической платформы и унифицированных стандартов обмена данными о пересечении границ. Здесь также доминирует логика безопасности, борьбы с преступностью и терроризмом, где права меньшинств и культурные факторы остаются в тени.

Национальное законодательство Республики Беларусь, прежде всего Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» и подзаконные акты о пограничном контроле и миграционном учете, интегрирует элементы европейских и евразийских стандартов, адаптируя их к внутренней правовой системе. При этом в нормативных текстах отсутствует какой-либо специальный учет культурной специфики национальных меньшинств, проживающих в приграничных территориях, их исторически сложившихся связей с соседними государствами и практик трансграничной мобильности. Правовой статус таких субъектов фактически приравнивается к «обычным» иностранным гражданам, несмотря на наличие семейных, этнических, конфессиональных и языковых связей по обе стороны границы. Данное «усреднение» создает основу для скрытой дискриминации: формально одинаковые требования и процедуры приводят к фактически неравному положению, когда одна группа населения вынуждена чаще пересекать границу для поддержания своего культурного образа жизни и потому чаще сталкивается с рисками отказов, задержаний, дополнительной проверки и стигматизации.

Этнографические данные свидетельствуют, что представители национальных меньшинств воспринимают цифровой пограничный контроль как фактор нарастающей неопределенности и символического давления. В интервью, проведенных в Гродненской и Брестской областях, респонденты неоднократно отмечали, что «раньше граница была формальностью», а теперь каждое пересечение связано с ощущением проверки «на благонадежность». Особую тревогу вызывают автоматические «флаги риска», которые срабатывают без объяснения причин, приводя к более детальным досмотрам, задержкам и иногда отказам во въезде или выезде. Люди, чья жизнь и культурная идентичность связаны с регулярными поездками на религиозные праздники, семейные встречи, участие в традиционных ярмарках или обрядах, оказываются в ситуации, когда сама их мобильность начинает трактоваться как потенциально проблемная. В результате многие ограничивают свои трансграничные практики, что приводит к постепенной эрозии культурных связей и идентичностей [2].

Особое место в юридиико-антропологической критике занимает вопрос «невидимости» культурных мотивов в цифровых системах. Алгоритмы, на которых строятся современные биометрические платформы, исходят из универсалистской модели поведения: человек пересекает границу ради работы,

туризма, учебы или по иным стандартным причинам, легко вписывающимся в анкеты и классификаторы. Однако мотивы религиозных паломничеств, участия в традиционных обрядах, сезонных посещений родовых мест, связанных с культом предков или календарными праздниками, часто не находят отражения в типовых формулярах и потому не учитываются как легитимные основания регулярного пересечения границы. Для национальных меньшинств, для которых такие практики являются частью фундаментальной культурной идентичности, их игнорирование со стороны цифрового права воспринимается как обесценивание и вытеснение собственной традиции на периферию правового поля.

С точки зрения теории прав человека, складывающаяся ситуация затрагивает сразу несколько уровней гарантий: право на свободу передвижения, право на участие в культурной жизни сообщества, право на сохранение и развитие собственной идентичности, а также запрет дискриминации по признаку национальной или этнической принадлежности. Цифровой пограничный контроль, будучи формально нейтральным по отношению к этничности, на практике может иметь дифференцированный эффект, особенно в отношении групп, чья культурная жизнь тесно связана с границей как пространством. В условиях, когда решения о дополнительной проверке или ограничении въезда принимаются на основе «черных ящиков» алгоритмов, риск непрозрачной дискриминации значительно возрастает. Юридическая антропология в данном контексте подчеркивает необходимость «расшифровки» этих алгоритмов, выявления заложенных в них предпосылок и стереотипов и оценку их влияния на уязвимые группы [4].

Судебная практика, исходящая из национальных судов Беларуси, органов Союзного государства, а также Европейского суда по правам человека и Суда ЕС, постепенно начинает реагировать на вызовы цифровизации, но пока делает это фрагментарно. Анализ решений показывает, что суды чаще фокусируются на процедурных аспектах – соблюдении сроков хранения данных, праве на обжалование, уведомлении о причинах отказа – и гораздо реже ставят вопрос о культурных последствиях таких решений для конкретных сообществ. Вместе с тем отдельные прецеденты в европейской юрисдикции указывают на возможность признания дискриминационного эффекта цифровых миграционных систем, когда официальные критерии риска коррелируют с этнической или конфессиональной принадлежностью. Для белорусского правового порядка учет подобных подходов может стать основой для более чувствительного отношения к трансграничной мобильности национальных меньшинств.

Согласно официальным данным Государственного пограничного комитета Республики Беларусь за 2024–2025 гг., количество отказов в пересечении границы на основе биометрического анализа составило 12 450 случаев, из которых 28 % касались граждан Беларуси с двойной этнической идентичностью (литовцы – 42 %, украинцы – 31 %, рома и татары – 27 %). Нацио-

нальный правовой интернет-портал РБ фиксирует рост жалоб на “алгоритмические отказы” на 34 % за указанный период, с преобладанием дел из Гродненской области (51 %). Данные ЕАЭС (отчет ЕЭК 2025) подтверждают: 15 % трансграничных инцидентов связаны с несоответствием культурных практик стандартам биометрии [6].

Исходя из проведенного анализа, цифровой пограничный контроль в его текущем виде порождает определенные вызовы для национальных меньшинств Беларуси, особенно в части учета их специфических идентичностей и практик трансграничной мобильности. Юрико-антропологическая перспектива позволяет выявить потенциал для более сбалансированного подхода, где безопасность и культурные права могут гармонично сочетаться через корректировку алгоритмов и процедур.

Перспективы реформирования цифрового пограничного контроля с учетом интересов национальных меньшинств предполагают несколько направлений. Во-первых, необходим пересмотр нормативных актов с целью включения в них положений о культурной чувствительности и недопустимости косвенной дискриминации в алгоритмических решениях. Во-вторых, важно разработать механизмы участия представителей меньшинств и экспертного сообщества в обсуждении технических регламентов и критериев «риска», которые закладываются в системы биометрического контроля. В-третьих, следует усилить судебный и общественный контроль за практиками использования цифровых данных на границе, обеспечив прозрачность и подотчетность алгоритмов. И, наконец, требуется интеграция антропологического знания в подготовку кадров пограничных и миграционных служб, чтобы они воспринимали национальные меньшинства не как источник угрозы, а как носителей специфических, но равнозначных культурных форм жизни.

Таким образом, антропологическая критика цифрового пограничного контроля ЕС–ЕАЭС в контексте национальных меньшинств Беларуси демонстрирует необходимость перехода от технократического понимания безопасности к более комплексной модели, учитывающей культурное разнообразие, исторические связи и право на идентичность. Без такого перехода цифровизация границ будет и далее усиливать неравенство и отчуждение, формируя новые линии разделения внутри и между обществами.

Список литературы

1. Гласснер Б. Законы постколониального мира / пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гауварда, 2010. 256 с.
2. Зарецкий В. П. Полиэтничность Гродненского региона как фактор устойчивого развития: этносоциальные исследования 2022–2023 гг. // Электронная библиотека Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Гродно : ГрГУ, 2023. URL: https://elib.grsu.by/katalog/656789_302275pdf.pdf (дата обращения: 06.03.2026).
3. Регламент (ЕУ) № 2017/2226 Европейского парламента и Совета от 30 ноября 2017 г. “О создании Системы въезда/выезда (EES) для регистрации данных о въезде и выезде граждан третьих стран, пересекающих внешние границы государств-членов” // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:32017R2226> (дата обращения: 06.03.2026).

4. Мартыон М. В. Полиэтничность Гродненского региона как фактор формирования социокультурной среды // Электронная библиотека Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Гродно : ГрГУ, 2023 (на основе данных переписи 2009 г. с обновлением). URL: https://elibr.grsu.by/katalog/656789_302275pdf.pdf (дата обращения: 06.03.2026);

5. Нелькен Т. Антропология права: вызовы и перспективы // Вестник юридической антропологии. 2018. № 2. С. 15–28.

6. Государственный пограничный комитет Республики Беларусь. Итоги работы пограничного ведомства в 2025 году // Официальный сайт ГПК РБ. URL: <https://tops.gpk.gov.by/grodno/news/9173/> (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 342.951

Сараев Н. А., *Новосибирск*

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ МИГРАЦИОННОГО И РЕГИСТРАЦИОННОГО УЧЕТА РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Анализируются актуальные трансформации системы миграционного и регистрационного учета Российской Федерации в контексте современных геополитических и демографических вызовов и предлагаются стратегии совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: миграционный контроль, регистрационный учет, миграция, трудовая миграция, административно-правовое регулирование, иностранные граждане.

Saraev N. A., *Novosibirsk*

SOME CHANGES IN THE STATE SYSTEM OF MIGRATION AND REGISTRATION IN RUSSIA: NEW CHALLENGES AND STRATEGIES FOR LEGAL REGULATION

Abstract. The article analyzes the current transformations of the migration and registration system in the Russian Federation in the context of modern geopolitical and demographic challenges and proposes strategies for improving legal regulation.

Keywords: migration control, registration, migration, labor migration, administrative and legal regulation, foreign citizens

В условиях глобализации и роста мобильности населения эффективное управление миграционными процессами становится одной из ключевых задач государства.

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь необходимостью адаптации отечественного законодательства к новым геополитическим вызовам, цифровизации межведомственного взаимодействия.

Научная новизна нашего исследования заключается в концептуальном анализе последних изменений отечественного законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета и выработке эффективных стратегий правового регулирования. Тема моего исследования в настоящее время мало изучена авторами, поэтому написание данной статьи представляет собой попытку проанализировать текущее состояние российской государственной миграционной системы, выявить ее недостатки и найти пути совершенствования.

Миграционная политика напрямую влияет на экономику, демографию и социальную стабильность, а также на внутреннюю безопасность любого государства.

В последние годы Российская Федерация активно модернизирует правовые и административные механизмы в сфере миграционного учета. Под руководством Министерства внутренних дел (МВД) внедряются цифровые технологии, упрощаются процедуры для легальных мигрантов и ужесточаются меры против нелегальной миграции.

Эти изменения направлены на создание сбалансированной системы, способной гибко реагировать на вызовы времени – от регулирования миграционных потоков до противодействия транснациональной преступности.

В данной статье рассматриваются основные нововведения, их предпосылки и потенциальные последствия для общества и государства.

Прежде всего, изменения в отечественной системе миграционного и регистрационного учета связаны, как правило, с влиянием политического и экономического положения в нашей стране.

В связи с этим, органами государственной власти выдвигаются новые законодательные инициативы и принимаются соответствующие нормативные правовые акты. [1, с. 139].

Начиная с 2022 г. из-за проведения СВО и введенных против России беспрецедентных санкций, отечественное миграционное законодательство движется в сторону последовательного ужесточения. Расширен перечень оснований для отказа во въезде и аннулирования разрешительных документов. Введены новые административные штрафы за нарушение режима пребывания. Существенно усилена ответственность принимающей стороны за несоблюдение правил миграционного учета. [2].

Положения Федерального закона № 115-ФЗ от 25.07.2002, а именно нормы ст. 15. 1 настоящего нормативного правового акта установили обязательность сдачи комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства для получения патента на трудовую деятельность. Стоимость данного экзамена (около 6 тыс. руб.) и сложность самих заданий стали, как оказалось, довольно серьезным барьером. По данным МВД России, в 2023 г. только 62 % сдающих смогли успешно пройти тестирование с первой попытки. Данный факт порождает множественные негативные эффекты, такие как:

- 1) снижение притока легальных трудовых мигрантов;
- 2) появление «серой индустрии» по подготовке к тестированию и продаже поддельных сертификатов прохождения заданий;
- 3) социальная напряженность в эмигрантских сообществах;
- 4) рост нелегальной занятости среди тех мигрантов, кто не сдал успешно экзамен.

По моему мнению, экзамен по русскому языку и истории – правильный подход к сохранению миграции в России, однако его реализация в настоящее

время не идеальна. Необходимо создать доступную инфраструктуру для подготовки: дотируемые государством курсы, образовательные онлайн-платформы, а также учебные материалы. Опыт Германии с интеграционными курсами для беженцев и мигрантов показывает, что инвестиции в образование окупаются снижением социальной напряженности и ростом производительности труда.

Таким образом, ужесточение требований к пребыванию на территории нашего государства трудовых мигрантов – введение обязательных экзаменов по русскому языку, истории России и основ отечественного законодательства – отражает попытку государства не просто контролировать миграционные потоки в нашей стране, но и естественным образом интегрировать пребывающих в социокультурное пространство России.

Однако практическая реализация такого рода инициатив сталкивается с административными барьерами: нехваткой квалифицированных экзаменаторов, перегруженностью подразделений по вопросам миграции, а также коррупционными рисками.

Особенно противоречивым выглядит одновременное ужесточение требований и объявление амнистий. Так, в 2024 г. Правительство РФ приняло решение о продлении сроков действия патентов и разрешений на работу для граждан из списка «дружественных» стран, что фактически легализовало статус сотен тысяч мигрантов, оказавшихся в серой зоне из-за пандемийных ограничений. [3, с. 47].

Данная мера была экономически обоснованной – иначе целые отрасли столкнулись бы с коллапсом, – но она противоречило логике ужесточения контроля, демонстрируя прагматизм властей.

Практика административного выдворения также претерпела изменения. Если ранее санкция применялась преимущественно за серьезные правонарушения, то теперь основания расширены. Участие в несанкционированных митингах, распространение «нежелательной» информации и даже публикации в социальных сетях могут стать причиной выдворения.

В 2024 г. число депортированных иностранных граждан выросло на 28 % по сравнению с тем же 2022 г., достигнув порядка 67 тыс. чел. Правозащитники указывают на многочисленные случаи нарушения административных процедур, недостаточность правовой помощи и разделение семей [4, с. 13].

Расширение перечня оснований для административного выдворения иностранных граждан обсуждается и в настоящее время. К примеру, в марте 2026 г. планируется рассмотреть в первом чтении законопроект, предусматривающий внесения изменения в Кодекс об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Речь идет об установлении санкции – административного выдворения иностранных граждан за совершение таких правонарушений как: дискредитация Вооруженных Сил РФ (ст. 20.3.3 КоАП РФ), пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской или экстремистской символики (ст. 20.3 КоАП РФ) и др.

Введение «миграционного аудита» для крупных работодателей – еще одно новшество, появившееся в 2023 г. Компании, использующие труд более 50 иностранных граждан, обязаны ежеквартально отчитываться о соблюдении миграционного законодательства, условия труда, выплате заработной платы. Инициатива направлена в первую очередь на борьбу с эксплуатацией мигрантов и теневой экономикой. Однако на практике она увеличила административную нагрузку на бизнес, не всегда приводя к реальному улучшению положения работников-мигрантов.

Цифровая трансформация миграционных сервисов стала одним из ключевых направлений модернизации системы. Запуск Единой биометрической системы (ЕБС) в 2023 г. ознаменовал переход к качественно новому уровню идентификации и учета иностранных граждан [5, с. 17].

Технология позволяет идентифицировать человека по биометрическим параметрам – отпечаткам пальцев и изображению лица – и связывать эти данные с миграционной историей, правонарушениями, трудовой деятельностью.

На первый взгляд преимущества очевидны:

- 1) сокращение времени прохождения миграционного контроля в пунктах пропуска;
- 2) минимизация использования поддельных документов;
- 3) автоматизация проверки легальности пребывания иностранцев;
- 4) упрощение процедур для добросовестных мигрантов;
- 5) повышение прозрачности миграционных процессов.

К началу 2025 г. биометрические данные были собраны у более чем 4,2 миллионов иностранных граждан. Система интегрирована с базами МВД, ФСБ, Росгвардии, что теоретически должно повысить оперативность выявления нарушителей и лиц, представляющих угрозу безопасности [6, с. 70].

Однако практическая реализация выявила серьезные проблемы:

Во-первых, техническая инфраструктура развивается неравномерно: в Москве и Санкт-Петербурге биометрический контроль функционирует относительно стабильно, тогда как в региональных центрах системы регулярно выходят из строя.

Во-вторых, острым остается вопрос защиты персональных данных. Утечки биометрической информации из государственных баз данных, зафиксированные в 2024 г., подрывали доверие к системе.

В-третьих, сохраняется «параллельная реальность» теневой миграции: по экспертным оценкам, до 30 % трудовых мигрантов продолжают работать без официальной регистрации, находясь вне поля зрения цифровых систем контроля.

Необходимо отметить, что миграционная политика нашего государства планомерно продолжала ужесточаться и в 2025 г. К примеру, внесенные изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ ограничивают иностранных граждан в пребывании на территории Российской Федерации сроком до 90 суток суммарно в течение одного года. [7].

Основой же развития национального законодательства и основных государственных приоритетов в сфере миграции стала утвержденная Указом Президента РФ Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 гг.

Изучив ее положения, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации в ближайшие пять лет основной акцент будет делаться на использовании миграции в качестве инструмента для решения экономических и демографических задач.

Несмотря на стремление к привлечению трудовых мигрантов и их интеграции в российское общество, вопросы национальной безопасности и правопорядка остаются в центре государственной политики.

Политика становится более ориентированной на конкретные потребности государства. К примеру, согласно пунктам 15–16 данной Концепции Россия переходит на более точное квотирование и регулирование привлечения иностранных специалистов с учетом потребностей рынка в различных сферах и регионах.

Таким образом, иностранный гражданин, въезжающий на территорию России, уже должен иметь предложение от принимающей стороны с последующим его закреплением на рабочем месте и подписанным сторонами Трудовым договором. Из этого также следует упрощение административных процедур по получению вида на жительство и гражданства для высококвалифицированных специалистов.

В целом можно утверждать о том, что данный нормативный правовой акт является стратегическим краеугольным камнем в совершенствовании отечественной системы миграционного учета, призванным сформировать эффективную и адекватную современным реалиям систему управления миграционными потоками в России. Постоянно усложняющаяся ситуация в сфере государственной безопасности и общественного порядка и, в следствие этого, необходимость в более оперативном и системном подходе к управлению миграционным потоком возникла потребность в создании специализированной структуры, которая объединяет все вопросы, связанные с гражданством и регистрацией иностранных граждан.

По мнению экс-замглавы ФМС России В. В. Поставнина, недостаточность контрольно-надзорных функций в службе миграции подтолкнула государство к необходимости реформировать миграционную сферу в целом [8].

Необходимо отметить изменения, затронувшие подразделение МВД России – Главное управление по вопросам миграции, отвечающее за реализацию миграционной политики государства в целом и осуществляющее контроль и административное регулирование миграционных процессов на территории Российской Федерации.

В апреле 2025 г. Президент России подписал Указ № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции», который положил начало масштабной реформы в сфере миграционного учета. (далее – Указ № 205)

Из текста настоящего Указа следует, что государственное управление в сфере миграции требует определенного совершенствования, в связи с этим, на базе бывшего подразделения МВД России образуется новое – Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России. Указом № 205 закрепляются следующие положения:

Во-первых, Правительству РФ необходимо уточнить предельную штатную численность органов МВД и центрального аппарата МВД РФ, а также обеспечить соответствующее финансирование расходов, затрачиваемых при реализации президентского Указа;

Во-вторых, министру внутренних дел Российской Федерации надлежит проведение организационных мероприятий в соответствии с данным указом и действующим законодательством;

В-третьих, необходимо признание некоторых нормативных правовых актов в сфере миграции утратившими силу.

Генпрокурор И. В. Краснов сложившуюся ситуацию резюмировал следующим образом: «В ходе проверок органов внутренних дел были выявлены многочисленные упущения, связанные с осуществлением миграционного контроля» [9].

В качестве проблем, выявленных в деятельности предыдущих служб в сфере миграции (ФМС России, ГУВМ МВД РФ) эксперты выделяют следующие:

1. При проверке органов внутренних дел были выявлены серьезные нарушения в сфере миграции, а именно: отсутствие актуальной информации о статусе того или иного иностранца и его передвижениях по стране. Также плановая проверка показала, что в ходе осуществления миграционного учета инспекторами были допущены ряд нарушений, при которых неправомерным образом были выданы патенты и виды на жительства.

2. Нарушение Уголовного кодекса Российской Федерации в сфере миграции, а именно – совершение деяний, содержащих признаки состава преступления, санкции за которые предусмотрены ст. 322.1 УК РФ

Говорить об эффективности решения о создании данной Службы еще рано, так как создана она совсем недавно и открытые статистические данные о ее деятельности отсутствуют. Однако можно говорить о том, что реформирование миграционной системы Российской Федерации продолжится с нынешней интенсивностью.

Таким образом, российская система регистрационного и миграционного учета находится в процессе активной трансформации, стремясь сбалансировать потребности государства в трудовых ресурсах и вопросы национальной безопасности.

Несмотря на внедрение новых технологий и законодательных инициатив, практическая реализация реформирования государственной системы миграционного и регистрационного учета сталкивается с рядом вызовов, требующих дальнейшей оптимизации и совершенствования. С одной стороны, объективные вызовы – демографический кризис, дефицит трудовых ресурсов, глобальная конкуренция за таланты – требует открытости и привлекательности для мигрантов. С другой стороны, соображения национальной безопасности, социальной стабильности диктуют необходимость в разумном сдерживании миграционных потоков. При совершенствовании отечественной миграционной системы необходимо учитывать оба эти фактора и поддерживать необходимый баланс при вынесении законодательных инициатив.

Список литературы

1. Изменения в миграционном законодательстве / Ю. А. Жукова, В. А. Подейко, А. Г. Гажиламаммаев, А. П. Солопов // Вестник Московского университета. 2025. № 2. С. 138–153.
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федер. закон № 109-ФЗ : [принят Государственной Думой 30 июня 2006 г. : одобрен Советом Федерации 7 июля 2006 г.]. М. : Центрмг, 2026. 50 с.
3. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трансформация миграционных потоков в России в условиях геополитических изменений 2022–2024 годов // Народонаселение. 2024. № 4. С. 45–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59341267> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В. Права мигрантов в контексте ужесточения миграционного законодательства // Демоскоп Weekly. 2024. № 1001–1002. С. 1–18.
5. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Правовые проблемы цифровизации миграционных процессов в Российской Федерации. // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 5–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-v-rossii-o-modeli-pravovogo-regulirovaniya-1> (дата обращения: 23.03.2026).
6. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Цифровизация миграционного контроля в России: возможности и риски // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 67–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56482019> (дата обращения: 15.03.2026).
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон № 115-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г.]. М. : Центрмг, 2026. 248 с.
8. РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2025/67ed17c89a794783ab527a> (дата обращения: 15.03.2026).
9. Чемодан, вокзал, надзор // Коммерсант : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7623626> (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 342.724:323.1

Тамицкий А. М., *Архангельск*

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УГРОЗ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. На основе контент-анализа представлена эволюция образа угроз в основополагающих документах национальной политики Российской Федерации 1996–2025 гг. от внутренних проблем постсоветского периода к рискам геополитического противостояния.

Ключевые слова: правовое регулирование, национальная политика, межнациональные отношения.

Tamitskiy A. M., *Arkhangelsk*

THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THREATS IN THE REGULATORY AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S NATIONAL POLICY

Abstract. Based on content analysis, this article presents the evolution of the image of threats in the fundamental documents of the Russian Federation's national policy from 1996 to 2025, from the internal problems of the post-Soviet period to the risks of geopolitical confrontation.

Keywords: legal regulation, national policy, interethnic relations.

С 1 января 2026 г. вступила в силу Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2036 года [3] (далее – Стратегия 2036), которая сменила предшествующую Стратегию 2012 года [4] (далее – Стратегия 2025), а та, в свою очередь, пришла на смену Концепции 1996 г. [5] (далее – Концепция). Смена трех документов дает возможность проследить, как государство переопределяет «опасное» и угрозы в сфере межнациональных (межэтнических) отношений. Экспертные оценки характеризуют переход от Стратегии 2025 к Стратегии 2036 не как эволюционный, а как «революционный по своей сути», отражающий «переход от политики внутренней гармонизации к политике цивилизационной мобилизации и обороны» [2].

Актуальность тематики определяется несколькими факторами. Новый стратегический документ принят в условиях серьезных геополитических изменений. Это ставит вопрос: как изменилось государственное восприятие угроз в сфере межнациональных отношений? Какие риски теперь считаются приоритетными, а какие отошли на второй план?

В свете поставленных вопросов обратимся к разработкам современной политической науки, где растет влияние Копенгагенской школы [1]. Этот подход рассматривает секьюритизацию как процесс, при котором определенные вопросы переводятся в плоскость безопасности через дискурсивные практики [6]. Проще говоря, государство через официальные документы и публичные высказывания конструирует представление о том, что именно является угрозой. Б. Бузан классифицировал угрозы безопасности по пяти секторам (военный, политический, экономический, экологический и социальный) [1, с. 23]. Анализ эволюции образа угроз в нормативных правовых актах

позволяет понять, как государство формирует понятие «опасного» в национальной политике и каким из секторов угроз безопасности оперирует.

Методом исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, является контент-анализ. Объектом контент-анализа являются нормативные правовые акты, определяющие государственную национальную политику РФ с 1996 по 2025 г. Предметом исследования являются проблемы и угрозы в сфере межнациональных отношений. В рамках контент-анализа проведен категориальный анализ через выделение тематических категорий угроз. Также использовался сравнительно-правовой метод для сопоставления трех документов по единой схеме.

Концепция в своем Разделе I «Современная ситуация в области национальных отношений в Российской Федерации» содержит информацию о проблемных моментах, которые не формализованы, преимущественно внутреннего характера. Проблемы порождены распадом СССР и трансформацией государственности, или «влиянием наследия прошлого». К проблемным вопросам отнесены наследие тоталитарной системы (массовые депортации, репрессии, разрушение национальных культурных ценностей, курс на унификацию), сепаратизм, унитаризм, экономический кризис, безработица, беженцы и вынужденные переселенцы, дискриминация и нарушение конституционных прав по национальному признаку. Примечательно, что документ выделяет также проблемы «разделенных народов» и территориальных споров, специфичные именно для постсоветского пространства. При этом Концепция отличается обращением к нормам международного права и общечеловеческим принципам, что характерно для документов «переходного» периода 1990-х годов, когда интеграция в международные институты рассматривалась как стратегический приоритет.

Таким образом, Концепция оперирует угрозами преимущественно в политическом и экономическом секторах безопасности, однако «опасности» для идентичности также присутствуют (разрушение национальных культур), но описаны как социальные проблемы.

Стратегия 2025 в п. 14 разд. II «Современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» содержит 8 проблем, которые имеют смешанный характер, так как сочетают в себе как внутренние, так и внешние. При этом наблюдается экстернализация источника угроз – внешнее вмешательство впервые фигурирует как фактор, провоцирующий внутренние проблемы. Среди угроз обозначены следующие: международный терроризм и экстремизм, пропаганда экстремистской идеологии, сепаратизм, незаконная миграция, социальное и имущественное неравенство, утрата этнокультурного наследия, непреодоленные этнотерриториальные конфликты, отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока.

Стратегия 2025 расширяет спектр угроз до социального сектора – по-является «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей», вмешательство из вне в идентичность.

По сравнению с Концепцией 1996 г. принципиально изменяется несколько моментов. Первое, угрозы приобретают формализованный характер, оформлены в виде структурированного перечня. Второе, некоторые проблемы, типичные для 1990-х, утрачивают актуальность (исчезают упоминания тоталитарного наследия, массовых депортаций, проблемы репрессированных народов).

Стратегия 2036 в п. 31 раздела II «Современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» содержит уже 12 угроз, имеющих преимущественно внешний характер.

Угрозы могут быть условно поделены на несколько групп:

- ценностно-идеологические (распространение идеологий терроризма, экстремизма и неонацизма; размывание традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей; усилия «недружественных иностранных государств» по дестабилизации межнациональных отношений и расколу общества; нарастающая русофобия в международном пространстве; дискредитация русского языка и культуры; искажение исторической правды о Великой Отечественной войне; последствия распространения антироссийской пропаганды и провоцирования религиозной розни на «новых» территориях; использование некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в национально-культурной сфере, для продвижения интересов иностранных государств и их граждан в ущерб интересам Российской Федерации и российских граждан.);

- информационные угрозы (деструктивное информационно-психологическое воздействие, в том числе через социальные сети, мессенджеры; фальсификация истории, искажение роли народов России; гиперболизация региональных и этнических интересов, в том числе вследствие внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия);

- миграционно-демографические (высокая концентрация на отдельных территориях определенных этнических общностей, образовавшихся в результате миграционных процессов, изменение национального (этнического) состава населения ряда регионов страны).

Характерно, что в Стратегии 2036 практически отсутствуют угрозы социально-экономического характера, которые были основополагающими в Концепции и присутствовали в Стратегии 2025: социальное и имущественное неравенство, экономическая дифференциация регионов. Это может свидетельствовать о смещении фокуса с материальных факторов дестабилизации к идеологическим и информационным. В этом смысле Стратегия 2036 помещает межнациональные отношения в логику безопасности или секьюритизации социального сектора. Сводная характеристика изменений образа угроз в трех документах представлена в таблице.

Таблица

Сравнительная характеристика угроз в нормативных правовых документах
 по политике в Российской Федерации

Характеристика угроз	Концепция	Стратегия 2025	Стратегия 2036
Источник	Внутренний (наследие СССР)	Внутренние и внешние	Внешний (недружественные государства, глобализация)
Темпоральный статус	Объяснение через прошлое	Текущие проблемы	Будущие риски
Субъект	Процессы, тенденции	Внешние силы, мигранты	Недружественные государства, иностранные граждане, лица с приобретенным гражданством (опосредованно – некоммерческие организации)
Среда	Оффлайн (территории, регионы)	Оффлайн + СМИ	Оффлайн и медиа (соцсети, мессенджеры)

За период с 1996 по 2025 г. представление об угрозах в основополагающих документах, определяющих государственную национальную политику России, существенно изменилось.

Число обозначенных угроз выросло примерно с семи до двенадцати. В 1996 г. акцент делался на наследии тоталитарного прошлого, кризисе федерализма, региональных конфликтах и социально-экономической нестабильности. Это были проблемы, порожденные внутри страны, связанные с переходным периодом. В Концепции межнациональные отношения рассматриваются преимущественно как социально-культурный вопрос, требующий политического и правового урегулирования. Язык документа принадлежит к дискурсу социальной политики.

Однако в новых документах стратегического планирования центральное место занимает противодействие внешнему вмешательству, идеологическому давлению и попыткам дестабилизации межнациональных отношений. Фокус сместился с внутренних вызовов на внешние угрозы, которые, впрочем, реализуются через внутренние каналы. Стратегия 2025 уже позиционируется как «документ стратегического планирования в сфере национальной безопасности», хотя формулировки по-прежнему содержат элементы социально-политического дискурса. В Стратегии 2036 дискурс безопасности становится доминирующим: национальная политика недвусмысленно связывается с безопасностью и суверенитетом, а угрозы межнациональному согласию квалифицируются как угрозы национальной безопасности государства.

Еще один важный момент – изменение языка документов. Ранние тексты были более описательными, нарративными, объясняли проблемы через контекст. Современные стратегии используют формализованные перечни с четкой квалификацией. Это можно рассматривать как институционализацию процессов секьюритизации, когда вопросы межнациональных отношений последовательно переводятся в плоскость национальной безопасности. Язык права и безопасности начинает доминировать над языком социально-культурного описания.

Появление цифровой среды как отдельного пространства угроз – социальных сетей, мессенджеров, выводит национальную политику в новую область. Теперь речь идет не только о традиционных формах взаимодействия между этническими группами, но и о том, как эти отношения формируются и трансформируются в онлайн-пространстве. Это ставит новые задачи по поиску баланса между защитой межнационального мира и сохранением свободы информации, что, вероятно, останется одной из ключевых дилемм ближайших лет.

Введение понятия «руссофобия» в стратегический документ фиксирует еще один рубеж. Внешнеполитическая проблематика закрепляется как элемент внутренней национальной политики. Борьба с враждебными нарративами становится одним из ключевых направлений государственной деятельности в сфере регулирования межнациональных отношений. Это показывает, как внешние и внутренние измерения национальной политики сегодня тесно переплетены и практически неотделимы друг от друга.

Таким образом, контент-анализ трех основных документов государственной национальной политики России за тридцать лет представляет трансформацию образа угроз. Данная трансформация включает несколько взаимосвязанных процессов: а) экстернализация источника угроз: от внутренних проблем к внешнему вмешательству; б) формализация и систематизация языка угроз: от описательного нарратива к структурированным перечням; в) расширение среды угроз: от офлайн-пространства к цифровой среде; г) персонификация субъектов угроз: от безличных процессов к конкретным акторам.

В совокупности эти процессы представляют собой институционализацию секьюритизации межнациональных отношений. Вопросы национальной политики переводятся из плоскости социально-культурного регулирования в плоскость обеспечения национальной безопасности и сферу чрезвычайного реагирования.

Список литературы

1. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 20–32.
2. Лебедев Д. Нацполитика суверенной эпохи: защита кодов, борьба с угрозами и новые KPI госстратегии до 2036 года // Фонтанка.ру. 2025. 26 нояб. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/11/26/76141137/> (дата обращения: 26.02.2026).
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : указ Президента РФ от 25 нояб. 2025 г. № 858 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48, ч. 4. Ст. 7312.
4. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 (с изм. от 15 янв. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
5. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3010.
6. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, 1998.

УДК 347

Федорова А. В., Рыбалка Е. А., *Ростов-на-Дону*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Исследуется трансформация института гражданства под влиянием глобальных миграционных вызовов. Анализируются современные теоретико-правовые подходы к сущности гражданства, границы государственно-правового регулирования и роль международно-правовых норм в формировании миграционных политик.

Ключевые слова: гражданство, миграция, натурализация, двойное гражданство, защита прав мигрантов, международное право.

Fedorova A. V., Rybalka E. A., *Rostov-on-Don*

TRANSFORMATION OF THE CITIZENSHIP INSTITUTION UNDER THE INFLUENCE OF GLOBAL MIGRATION CHALLENGES

Abstract. the article is devoted to the transformation of the citizenship institution under the influence of global migration challenges. The paper analyzes modern theoretical and legal approaches to the essence of citizenship, the boundaries of state legal regulation, and the role of international legal norms in the formation of migration policies

Keywords: citizenship, migration, naturalization, dual citizenship, protection of migrants' rights, international law.

В современной юридической науке и конституционно-правовой доктрине институт гражданства интерпретируется не просто как формальный статус, а как фундаментальная, устойчивая и объективная правовая связь между физическим лицом и конкретным суверенным государством. Эта связь носит глубокий интегральный характер, определяя полноту политико-правового статуса индивида и его место в системе общественных отношений [1, с. 7]. Стабильность данной связи проявляется в ее непрерывном и бессрочном действии: возникнув в силу рождения или в результате натурализации, она сохраняется независимо от нахождения лица на территории страны или за ее пределами, не прекращаясь автоматически при изменении социального положения или места жительства гражданина.

Сущностное содержание гражданства находит свое отражение в сложной системе корреспондирующих прав, обязанностей и взаимной ответственности сторон, формируя своего рода долгосрочный правовой контракт между государством и личностью. В рамках этого взаимодействия государство выступает гарантом прав и свобод, обязуясь обеспечивать безопасность, доступ к правосудию и социальную поддержку своего гражданина как внутри страны, так и на международной арене через механизмы дипломатической и консульской защиты. В свою очередь, индивид, обладая всей полнотой конституционных прав, принимает на себя бремя специфических публично-правовых обязанностей, к которым относятся не только безусловное соблюдение действующего законодательства и правопорядка, но и исполнение гражданского долга, включая уплату налогов и защиту государственных интересов.

В рамках актуальной конституционно-правовой доктрины институт гражданства рассматривается как многогранное явление, включающее три ключевых аспекта [2, с. 15]:

1. Как особое правоотношение – это динамическая связь, в которой и человек, и государство выступают как субъекты с четко определенными полномочиями.

2. Как конституционно-правовой институт – это система норм, регулирующих порядок приобретения, смены и прекращения статуса гражданина, закрепленная в основном законе страны.

3. Как фундаментальное право человека – как гарантия того, что каждый индивид имеет право на принадлежность к определенному политическому сообществу, что является залогом реализации его гражданских и политических свобод.

Современные процессы глобализации вносят существенные коррективы в классическое понимание этого института. Раньше основными способами получения гражданства были традиционные принципы – «право крови» и «право земли». В настоящее время юридические рамки расширились. Появились новые формы, такие как инвестиционное гражданство и концепции «цифрового гражданства», которые позволяют человеку связать себя с государством через электронные сервисы и экономическую активность, несмотря на то что он постоянно не живет на его территории [3, с. 124]. В то же время рост глобальной миграции создает серьезные вызовы для государств. Постепенно ослабевает исключительное право национальных правительств решать вопросы гражданства. Главными проблемами современности стали увеличение случаев двойного гражданства и более и существование апатризма. Эти ситуации требуют от международного сообщества поиска новых правовых инструментов, позволяющих сбалансировать интересы безопасности государств и потребность людей в свободном перемещении по миру.

В текущей ситуации международная миграция приобрела значительные масштабы и стала одним из важных факторов мирового роста. По оценкам ООН, число мигрантов достигло около 232 миллионов человек, что составляет примерно 3 % от всего населения планеты [4]. При этом миграционные потоки скапливаются преимущественно в странах с развитой экономикой, что создает дополнительное давление на их системы социального и правового обеспечения. Сегодня миграционные кризисы не просто создают нестабильность в разных государствах, но и ставят перед юристами сложные вопросы о правовом положении людей. Одной из самых острых проблем остается безгражданство: по статистике, около 10 млн человек во всем мире являются апатридами, т. е. вообще не имеют официального паспорта ни одной страны. С другой стороны, часто возникает обратная ситуация, когда у человека несколько гражданств. Это тоже порождает немало трудностей, особенно когда нужно решить, где именно человек должен платить налоги, как

его защищать по дипломатической линии или в какой стране он обязан проходить военную службу.

Каждое государство само решает, кому и на каких условиях выдавать паспорт. Однако в международном праве важно, чтобы этот статус признавали и другие страны, т. е. здесь нельзя действовать абсолютно изолированно. В этом контексте очень значимым стало решение Международного суда по делу Фридриха Ноттебома в 1955 г. Тогда суд пришел к выводу, что гражданство не должно быть простой формальностью, потому что между человеком и государством обязана существовать реальная, фактическая связь. Согласно этой доктрине, чтобы гражданство признавалось другими странами, оно должно основываться на фактической социальной привязанности, а не быть только формальностью. В правовой системе России сочетаются два основных подхода, где первостепенное значение имеет принцип гражданства по праву крови, т. е. по происхождению от родителей, который дополняется принципом права почвы, применяемым в строго определенных законом случаях. Кроме того, законодательство предусматривает более простые механизмы для получения гражданства для выходцев из России, что отражает ключевое направление государственной политики – оказание помощи тем, кто имеет исторические и культурные связи с Россией.

Российская Федерация также активно вовлечена в глобальные миграционные процессы, при этом ключевым вектором для страны остается миграция из государств-участников Содружества Независимых Государств. Исторические данные свидетельствуют о значительном притоке населения; так, в 2025 г. число прибывших из стран СНГ составило около 670 тыс. человек [5]. Подобная динамика оказывает фундаментальное влияние на демографическую структуру и конъюнктуру национального рынка труда, что, в свою очередь, диктует необходимость постоянного совершенствования механизмов государственного регулирования и адаптации законодательной базы. Параллельно с физическим перемещением населения наблюдается качественная трансформация самой природы связи индивида с государством под воздействием тотальной цифровизации. Появление инновационных правовых конструкций, таких как программа электронного резидентства в Эстонии, демонстрирует переход к новым, внетерриториальным формам взаимодействия. Эти цифровые форматы трансформируют традиционные представления о гражданстве, позволяя личности сохранять устойчивую правовую и экономическую связь с государством в виртуальном пространстве, что требует концептуального переосмысления классических доктрин конституционного права.

Проблема незаконной миграции в РФ напрямую коррелирует с общей криминализацией общества, поскольку лица, находящиеся на территории государства без законных оснований, значительно чаще оказываются вовлеченными в противоправную деятельность. Прогнозы на 2025 г. указывали на сохранение тенденции, при которой среди иностранных граждан в незакон-

ном статусе уровень совершения преступлений террористического и экстремистского характера существенно превышает средние показатели. За первые три месяца 2025 г. число преступлений, совершенных мигрантами, выросло на 15 %, а террористическая активность – в 2,7 раза. Глава СКР Бастрыкин заявил, что 65 % тяжких преступлений иностранцев касаются оборота наркотиков. При этом жесткие меры продолжают приниматься: например, с сентября «незаменимых специалистов» обяжут регистрироваться через приложение с геолокацией [6]. Формирование закрытых этнических анклавов, развитие коррупционных схем и расширение теневого сектора экономики подрывают основы социальной стабильности. Особую озабоченность вызывают миграционные потоки из государств – участников Содружества Независимых Государств и стран Центральной Азии, на долю которых приходится подавляющая часть случаев нарушения правил пребывания, что создает дополнительные риски для политической системы. В ответ на существующие вызовы государственная стратегия на период с 2026 по 2030 г. ориентирована на установление жесткого баланса между экономическими интересами и требованиями общественной безопасности. Основные усилия направлены на усиление контроля за въездом, совершенствование механизмов интеграции и последовательное сокращение численности лиц, находящихся в стране нелегально. Комплекс принимаемых мер включает внедрение современных систем идентификации личности по физиологическим характеристикам, использование механизмов квотирования и применение процедур принудительного выдворения правонарушителей [7]. Координация данной деятельности осуществляется на высшем государственном уровне при участии Министерства внутренних дел и Совета безопасности Российской Федерации, что обеспечивает системный подход к защите национальных интересов и поддержанию правопорядка.

Вместе с тем эффективность государственного регулирования в этой сфере подвергается серьезным испытаниям из-за нарастающей нелегальной миграции, которая аккумулирует в себе до 90 % всех негативных последствий миграционных процессов. Одной из наиболее острых проблем становится формирование замкнутых этнических поселений, так называемых анклавов, которые затрудняют процессы ассимиляции и создают предпосылки для роста социальной напряженности и возникновения локальных конфликтов. Действительно, быстрый и как правило неконтролируемый приток людей создает значительную нагрузку на социальные службы, особенно медицинские учреждения и образовательные организации, которые просто не рассчитаны на такое количество обращений. Чтобы справиться с этим, государство разрабатывает политику в рамках Концепции до 2025 г. Первостепенное значение придается разумному распределению квот и внедрению программ, которые помогают мигрантам успешнее адаптироваться в правовом и культурном пространстве нашей страны. На текущий момент меры, направленные на пресечение каналов незаконной миграции, обусловлены, прежде

всего, необходимостью обеспечения безопасности и поддержания правопорядка на территории некоторых регионов. Оценка обстановки выявляет, что устойчивость в данной области нельзя обеспечить без приведения к единообразию законодательных норм различных государств, поскольку согласованность правил существенно снижает вероятность возникновения правовых конфликтов и проблем в обществе.

Рассмотрение нынешней ситуации свидетельствует о том, что ни одно из государств в отдельности не обладает достаточными ресурсами и возможностями для создания реально действенной системы контроля миграционных процессов. В связи с этим приобретает особую значимость взаимодействие на региональном уровне, посредством которой страны объединяют усилия. Сообщества, такие как Евразийский экономический союз и Содружество Независимых Государств, играют роль платформ, позволяющих разрабатывать унифицированные нормативные акты, упростить оформление документов и внедрять механизмы совместного наблюдения. Главной целью предпринимаемых действий является формирование целостной структуры отслеживания миграционных процессов и определения гражданства, основанной на международных стандартах и одновременно адаптированной к внутренним законодательным требованиям каждого участника. Такая модель стремится обеспечить стабильность функционирования всей миграционной системы с учетом современных вызовов и условий, что в итоге должно способствовать поддержанию правопорядка и безопасности в регионах.

Список литературы

1. Герасименко Ю. В., Смышникова Т. Б. Институт российского гражданства и современные тенденции его развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2 (72). С. 7.
2. Мархгейм М. В., Смоленский М. Б. Конституционное право Российской Федерации. М. : Юрид. центр Пресс, 2003. 560 с.
3. Бронников И. А., Карпова В. В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 3. С. 124.
4. Число международных мигрантов превысило 232 миллиона // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/desa/migrants> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Почти сенсация – поток мигрантов в Россию вырос в 4 раза, никакого оттока не было! Выясняем, что происходит на самом деле. URL: <https://ngs.ru/text/economics/2025/03/05/75179672/> (дата обращения: 27.02.2026).
6. Количество преступлений среди мигрантов выросло на 15 % с начала года // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7736264> (дата обращения: 27.02.2026).
7. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : указ Президента РФ от 15 окт. 2025 г. № 738 // Гарант : справочная правовая система.

УДК 342

Якушева Л. С., Гоглева К. Ю., Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Отмечено, что изменение геополитической обстановки, интенсификация миграционных потоков и трансформация транснациональной преступности непосредственным образом затронули вопросы национальной и региональной безопасности, обусловив необходимость выработки эффективных механизмов противодействия нелегальной миграции. Данное обстоятельство актуализировало развитие не только рамочного международно-правового сотрудничества, но и создание специализированных межгосударственных организаций с разветвленной институциональной структурой. Показано, что наиболее ярким примером тому является Шанхайская организация сотрудничества, которая выступает не только ключевой платформой для координации усилий в борьбе с терроризмом, экстремизмом и транснациональной преступностью, но и эффективным инструментом противодействия нелегальной миграции на пространстве государств-участников.

Ключевые слова: международное сотрудничество, нелегальная миграция, межгосударственные организации, Шанхайская организация сотрудничества, Хартия ШОС, миграционная политика.

Yakusheva L. S., Gogleva K. Yu., St. Petersburg

FEATURES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL MIGRATION WITHIN THE SCO

Abstract. The changing geopolitical situation, the intensification of migration flows and the transformation of transnational crime have directly affected issues of national and regional security, necessitating the development of effective mechanisms to counter illegal migration. This circumstance actualized the development of not only the framework of international legal cooperation, but also the creation of specialized interstate organizations with an extensive institutional structure. The most striking example of this is the Shanghai Cooperation Organization (SCO), which acts not only as a key platform for coordinating efforts in the fight against terrorism, extremism and transnational crime, but also as an effective tool for countering illegal migration in the member States.

Keywords: international cooperation, illegal migration, intergovernmental organizations, Shanghai Cooperation Organization (SCO), SCO Charter, migration policy.

Международное сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией обеспечивается, как в целом, например, в рамках международных правовых документов и в наиболее типичных формах, так и при реализации полномочий отдельно созданных межгосударственных организаций и в издаваемых ими правовых актах. Именно в рамках отдельно созданных межгосударственных организаций борьба с нелегальной миграцией приносит наибольший эффект и результативность, что обусловлено рядом факторов, среди которых:

- во-первых, более тесное взаимодействие между государствами по экономическим, политическим, правоохрнительным и иным вопросам;
- во-вторых, разработка и реализация более детальных программ, способов взаимодействия, предусматривающих наличие действенных механизмов, позволяющих в короткий промежуток времени обмениваться информацией,

проводить мероприятия правоохранительной направленности, а также создавать представительства в иностранных государствах либо самостоятельные межправительственные органы.

Применительно к Российской Федерации в контексте борьбы с нелегальной миграцией одно из центральных мест в вопросах международного сотрудничества в данной сфере играет Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). Из названия видно, что ШОС предполагает в первую очередь широкое направление для сотрудничества и взаимодействия стран, имеющих тесные межгосударственные связи между собой.

ШОС была образована в 2001 г. на базе уже действующих соглашений между рядом стран (Россия, Узбекистан, Киргизия, Китай, Таджикистан и Казахстан). Основная цель деятельности ШОС была связана с повышением эффективности взаимодействия между государствами-участниками, что было обусловлено ранее имеющимися тесными контактами в области экономики, культуры, промышленности, зачастую единым историческим прошлым, соседствующим положением, а также необходимостью укрепления национальной безопасности, безопасности на международном уровне [6].

7 июня 2002 г. на саммите в Санкт-Петербурге была подписана Хартия ШОС – базовый уставный документ Организации (вступила в силу 19 сентября 2003 г.). В целом международно-правовая инфраструктура Организации включает более 25 договорных и нормативных документов, среди которых Конвенция об иммунитетах и привилегиях ШОС, Соглашение о порядке формирования и исполнения бюджета ШОС, Соглашение о Региональной антитеррористической структуре ШОС (подписано одновременно с Хартией), положения о различных органах и персонале Организации, финансовые положения и правила ШОС [6]. В свою очередь, на сегодняшний день в структуру ШОС включено 10 государств-участников и их количество увеличивается, что обусловлено положительными аспектами сотрудничества и взаимодействия.

В структуре ШОС созданы временные и постоянные органы принятия решения, в том числе совет глав государств, совет глав правительств, совет министров и др. Именно имеющаяся правовая база, а также организационно-штатная структура ШОС свидетельствуют как о необходимости контроля в сфере миграции в силу существенного увеличения миграционных потоков между государствами за последние два десятилетия (упрощение режима пребывания, въезда, выезда, срока пребывания и др.), так и наличии возможности более тесного взаимодействия.

Правовая база деятельности ШОС в контексте борьбы с нелегальной миграцией характеризуется следующим образом.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества, принятая 6 июня 2002 г. (далее Хартия) является ключевым правовым документом ШОС, определяющим основные цели, задач, принципы, направления и общие поло-

жения организации сотрудничества. Так, борьба с незаконной миграцией является одной из основных целей и задач в деятельности ШОС (ст. 1), а выработка и реализация мероприятий по совместной борьбе с незаконной миграцией – одно из направлений в деятельности ШОС (ст. 3). В соответствии со ст. 8 Хартии создаются советы министров государств-участников ШОС по отраслевому признаку, в том числе министров внутренних дел. Именно совет министров внутренних дел государств-участников ШОС играет ключевую роль в контексте борьбы с незаконной миграцией [11].

Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС – документ, подписанный 16 августа 2007 г. (далее Договор о долгосрочном добрососедстве), предусматривающий развитие отношений и сотрудничества в области трудовой миграции, миграции в сфере образования, а также борьбе с нелегальными формами миграции [3].

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая 14 июня 2001 г., предусматривает, что нелегальная миграция является одним из обстоятельств появления и развития терроризма, сепаратизма и экстремизма, а борьба с ними требует учета миграционных потоков, их контроля, разрешения национальных, религиозных и иных социальных конфликтов [12].

Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью, принятая 11 июня 2010 г., (далее Соглашение) формирует основы совместной деятельности в области противодействия преступности, в том числе связанной с незаконной миграцией населения. Соглашением также закреплены основные формы сотрудничества в сфере незаконной миграции населения и совершаемых в этой связи преступлений. Соглашение также вводит понятие «компетентные органы», что относится к государствам-участникам [9].

Между государствами-участниками ШОС принимаются двух либо трехсторонние соглашения, направленные на упрощение миграционных процессов, формирование более тесного сотрудничества в части противодействия нелегальной миграции, установление особого порядка въезда, выезда, пребывания граждан таких государств и др. Например, между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой заключено соглашение о сотрудничестве в сфере незаконной миграции. В частности, в Соглашении закреплены основные формы сотрудничества в борьбе с незаконной миграцией, такие как: а) обмен нормативными правовыми актами в области миграции; б) обмен опытом в сфере предупреждения и борьбы с незаконной миграцией, в том числе информацией о мерах, предпринимаемых в данной области; в) обмен сведениями об организаторах незаконной миграции на территориях государств Сторон, о пунктах отправления и назначения, маршрутах, перевозчиках и транспортных средствах, которые используются при организации и осуществлении незаконной миграции, способах и каналах получения докумен-

тов, необходимых для въезда на территорию государств Сторон, и их использовании в целях незаконной миграции; г) обмен перечнями и образцами документов, на основании которых определяется наличие у лица гражданства соответствующего государства, а также оформляемых компетентными органами государств Сторон документов, дающих право на въезд на территорию соответствующего государства; д) обмен иной информацией, представляющей для компетентных органов государств Сторон взаимный интерес, в связи с реализацией настоящего Соглашения; е) взаимодействие в области реадмиссии; ж) совместное расследование преступлений, связанных с организацией незаконной миграции; з) подготовка и повышение квалификации сотрудников компетентных органов государств Сторон, занимающихся вопросами борьбы с незаконной миграцией, включая организацию семинаров и стажировок в данной области, а также осуществление совместных научных исследований; и) иные взаимоприемлемые направления сотрудничества [8].

Вместе с тем такое международное сотрудничество лишь частично может быть вызвано участием рассматриваемых государств в деятельности ШОС.

В целом можно отметить, что на уровне ШОС и ее постоянных, временных органов издано достаточно существенное количество правовых актов, которыми определены следующие аспекты взаимодействия в борьбе с нелегальной миграцией:

- понятийный аппарат;
- условия и основания взаимодействия и сотрудничества государств-участников;
- формы, способы взаимодействия и сотрудничества;
- временные и постоянные органы ШОС для взаимодействия и сотрудничества;
- полномочия национальных органов в вопросах борьбы с нелегальной миграцией [С. 140, 10].

С учетом этого следует определить формы и способы международного сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Первая форма связана с обменом информацией о готовящихся и совершенных преступлениях в сфере нелегальной миграции и причастных к ним лицах. Данная форма предусматривает взаимодействие между компетентными органами, в частности Министерствами внутренних дел и общественной безопасности. Такая информация может быть обусловлена как собственной инициативой при поступлении оперативно-значимой информации, так и в рамках совместной работы. Такой обмен обеспечивается в рамках проводимых совещаний министров внутренних дел или общественной безопасности государств-членов, при содействии секретариата ШОС.

Вторая форма обусловлена обеспечением розыска лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора за совершение пре-

ступлений в сфере нелегальной миграции. Совместная деятельность компетентных органов государств-участников ШОС реализуется при поступлении информации о сведениях, необходимых для установления местонахождения и задержания лиц, которые причастны к совершению преступлений в сфере нелегальной миграции [1, с. 205]. Вместе с тем следует отметить, что непосредственное взаимодействие в рамках данной формы осуществляется за счет сотрудничества правоохранительных органов, своевременной передачи информации о разыскиваемых лицах.

Третья форма обусловлена исполнением запросов о проведении оперативно-разыскных мероприятий и иных действий правоохранительных органов. В случае наличия оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий либо действий правоохранительной направленности компетентные органы государств-участников ШОС направляют запрос в компетентные органы государств-участников ШОС, где требуется их проведение.

В соответствии со ст. 5 и 6 Соглашения сотрудничество между Сторонами осуществляется на основании запроса компетентного органа государства заинтересованной Стороны об оказании содействия, а также путем информирования по инициативе компетентного органа государства одной из Сторон. Запрос или информация направляются в письменной форме. В безотлагательных случаях запрос или информация могут передаваться устно, но не позднее, чем через 72 часа они должны быть подтверждены письменно, при необходимости с использованием технических средств передачи текста.

Запрашиваемый компетентный орган государства одной Стороны принимает все необходимые меры для обеспечения быстрого и возможно более полного исполнения запроса. Запрос исполняется, как правило, в срок, не превышающий 30 суток со дня его поступления. Запрашивающий компетентный орган государства Стороны незамедлительно уведомляется об обстоятельствах, препятствующих исполнению запроса или задерживающих его исполнение. При исполнении запроса применяется законодательство государства запрашиваемой Стороны. Запрашиваемый компетентный орган государства одной Стороны может разрешить представителям запрашивающего компетентного органа государства другой Стороны присутствовать при исполнении запроса на территории своего государства, если это не противоречит законодательству государства запрашиваемой Стороны.

Еще одной формой взаимодействия в рамках сотрудничества государств-участников ШОС в вопросах борьбы с нелегальной миграцией является обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами, что предполагает возможность использования в национальном законодательстве государств-участников ШОС результатов законодательной деятельности иных государств-участников, например, российские нормы законодательства в области борьбы с нелегальной миграцией в таких странах, как Таджикистан, Киргизия, что подтверждается проводимым правовым мониторингом [5, с. 271].

Также имеют значение и такие формы, как обмен опытом работы, в том числе путем проведения совещаний, конференций и семинаров, содействие в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров, а также обмен научно-технической литературой и информацией.

Например, в ноябре 2024 г. в Минске прошла международная конференция на тему нелегальной миграции и продвижения регионального сотрудничества в решении этой проблемы. На мероприятии заместитель директора исполнительного комитета региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (далее РАТС ШОС) Нурмухамед Турдумаматов отметил, что борьба с незаконной миграцией – первостепенная задача международного сообщества в сфере безопасности [7].

С учетом этого видно, что в рамках международного сотрудничества государств-участников ШОС в вопросах борьбы с нелегальной миграцией создана нормативная правовая база, а также организационная структура, которая позволяет обеспечивать необходимый уровень сотрудничества, начиная от закрепления основ такой борьбы и заканчивая обеспечением должного сотрудничества компетентных органов. Вместе с тем на практике возникает ряд проблемных вопросов рассматриваемого вида сотрудничества, что выражается в следующем:

- отсутствие единого органа управления вопросами противодействия преступности в целом, в том числе в вопросах борьбы с нелегальной миграцией;
- отсутствие сформированной правовой базы по вопросам урегулирования отношений в сфере миграции между всеми государствами-участниками ШОС, что должно отражаться в принятии общего правового акта (соглашения, конвенции, договора), которым будут определены основные термины, цели, задачи, направления миграционной политики ШОС, формы и способы сотрудничества в вопросах урегулирования отношений в сфере миграции, а также механизмов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нелегальной миграции;
- отсутствие детальности к отдельным проблемным вопросам, возникающим на территории деятельности ШОС, например, не проводится анализ мест, где наблюдается рост преступности в связи с нелегальной миграцией либо рост преступности отдельных категорий мигрантов, являющихся гражданами государств-участников ШОС, наличие местности (Дальний Восток Российской Федерации), где в последние годы увеличивается рост количества мигрантов, незаконно находящихся на данной территории, необходимость установления новых способов контроля за пребыванием и нахождением иностранных граждан.

Для решения отмеченных вопросов предлагается:

- в преддверии проведения Совета министров внутренних дел и общественной безопасности государств-участников ШОС разработать и принять Соглашение, предусматривающее установление единых подходов к миграционным процессам внутри государств-участников ШОС, установить условия

и взаимодействие при предупреждении и устранении нарушений в сфере миграционного законодательства, работы компетентных органов, а также создание межведомственного органа на базе Секретариата ШОС, который будет обеспечивать соответствующую координацию в вопросах борьбы с нелегальной миграцией;

– в рамках проведения Совета глав Правительств государств-участников ШОС предусмотреть проведение научно-аналитической работы, связанной с проблемными территориями, где наблюдается рост миграционных правонарушений и нелегальной миграции в целом, с целью дальнейшего принятия организационно-правовых мер воздействия.

Согласимся, что в эпоху глобализации международная миграция – реальность, которая затрагивает почти все уголки земного шара. Проблема регулирования миграционных потоков является чрезвычайно актуальной для стран ШОС, борьба с нелегальной миграцией – одно из наиболее важных направлений совместной работы государств-членов Организации. Сотрудничество осложняется рядом факторов, главный из которых – отсутствие единой стратегии государств-членов ШОС в сфере миграционного регулирования.

Сегодня необходимо максимально увеличить положительный эффект миграции и свести к минимуму ее реальные и потенциальные негативные последствия. На пространстве ШОС остро стоит проблема регулирования трудовой миграции. Государствам необходима единая, экономически эффективная политика в этой сфере. ШОС обладает высоким потенциалом в сфере миграционного регулирования. Но взаимодействие в рамках ШОС будет эффективным лишь в том случае, если государства-участники Организации смогут выработать общий подход к решению проблем, связанных с миграцией [4, с. 73].

Представленные проблемные вопросы в рамках международного сотрудничества государств-участников ШОС в вопросах борьбы с нелегальной миграцией не являются единственными и предполагают наличие других, связанных с важностью выработки новых механизмов взаимодействия как на стадии предупреждения, так и выявления, пресечения фактов нелегальной миграции, контроля и надзора в сфере миграции, наделения дополнительными функциями органов управления ШОС и др.

В свою очередь, очевидным выступает и еще одно направление организации взаимодействия государств-участников ШОС по вопросам противодействия нелегальной миграции, является подготовка кадров для правоохранительных органов. Именно соответствующий уровень профессиональных качеств сотрудников правоохранительных органов, соотношение реализуемых полномочий, является залогом успешного противодействия нелегальной миграции.

В связи с этим К. Ю. Гоглева справедливо отмечает, что развитие практических связей в сфере подготовки кадров для правоохранительной системы, основанное на взаимном доверии, выгоде, равенстве, уважении к многообразию культур и стремлении к совместному развитию, является непременным условием формирования и укрепления неделимого пространства

безопасности, налаживания взаимодействия и координации совместных усилий в борьбе с современными вызовами и угрозами коллективной безопасности стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества [С. 190, 2].

Таким образом, международное сотрудничество в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией предусматривает наличие выстроенной системы нормативных правовых актов, определяющих условия, основания регулирования миграционных процессов, противодействия преступности, в том числе связанной с нелегальной миграцией, борьбой с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, основанной на межнациональных, межрелигиозных и межэтнических конфликтах, установлением форм и способов взаимодействия компетентных органов.

Основные формы сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией государств-участников ШОС предусматривают: обмен информацией о совершенных и готовящихся преступлениях, лицах, причастных к этому, направление и исполнение запросов о правовой помощи, например, при расследовании преступлений в сфере незаконной миграции, проведении оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий, проведение совещаний, конференций, обмен научно-практическим опытом, совместное повышение квалификации, обмен наработками в сфере законодательного и иного нормативного правового регулирования в сфере миграции.

Отмечается ряд проблемных вопросов, связанных с организацией международного сотрудничества в сфере борьбы с нелегальной миграцией на базе ШОС, а именно: отсутствие единого органа управления вопросами противодействия преступности в целом, в том числе в вопросах борьбы с нелегальной миграцией; отсутствие сформированной правовой базы по вопросам урегулирования отношений в сфере миграции между всеми государствами-участниками ШОС; отсутствие детальности к отдельным проблемным вопросам, возникающим на территории деятельности ШОС.

С целью решения отмеченных вопросов предлагается:

– в преддверии проведения Совета министров внутренних дел и общественной безопасности государств-участников ШОС разработать и принять Соглашение, предусматривающее установление единых подходов к миграционным процессам внутри государств-участников ШОС, установить условия и взаимодействие при предупреждении и устранении нарушений в сфере миграционного законодательства, работы компетентных органов, а также создание межведомственного органа на базе Секретариата ШОС, который будет обеспечивать соответствующую координацию в вопросах борьбы с нелегальной миграцией;

– в рамках проведения Совета глав Правительств государств-участников ШОС предусмотреть проведение научно-аналитической работы, связанной с проблемными территориями, где наблюдается рост миграционных правонарушений и нелегальной миграции в целом, с целью дальнейшего принятия организационно-правовых мер воздействия.

Список литературы

1. Ашуров У. Б. Организация Объединенных Наций и региональные партнеры: регулирование трудовой миграции в Таджикистане // Дипломатия Республики Таджикистан для устойчивого развития и безопасности центральной Азии : материалы Респ. науч.-теорет. Конф., приуроч. к 34-летию гос. независимости Республики Таджикистан, Душанбе, 20–23 сент. 2025 г. Душанбе : Таджик. нац. ун-т, 2025. С. 205.
2. Гоглева К. Ю. Расширение взаимодействия в области подготовки кадров для правоохранительной системы как фактор укрепления коллективной безопасности стран Шанхайской организации сотрудничества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 3(60). С. 190.
3. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС, подписанный 16 августа 2007 г. // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50358/ (дата обращения: 17.02.2026).
4. Егорова Е. Н. Миграционная политика интеграционных объединений. М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, 2024. С. 73.
5. Махфирати Д. Проблемы региональной безопасности во внешней политике Российской Федерации в Центральной Азии // Вестник Педагогического университета. 2020. № 4(87). С. 271.
6. О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectsc.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 17.02.2026).
7. Представитель РАТС ШОС: борьба с незаконной миграцией является первостепенной задачей в сфере безопасности. URL: <https://belta.by/society/view/predstavitel-rats-shos-borba-s-nezakonnoj-migratsiej-javljaetsja-pervostepennoj-zadachej-v-sfere-675695-2024/> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией // МВД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44428/ (дата обращения: 17.02.2026).
9. Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью (Ташкент, 11 июня 2010 г.) // МВД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50140/ (дата обращения: 17.02.2026).
10. Ткачева О. А. Актуальные проблемы правового регулирования миграционных процессов в государствах-участниках ШОС // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 1–4 апр. 2025 г. Симферополь : Науч. мир, 2025. С. 140.
11. Хартия Шанхайской организации сотрудничества, принята 6 июня 2002 г. // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 17.02.2026).
12. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принята 14 июня 2001 г. // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 17.02.2026).

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

УДК 343.848

Бубнова Ю. Г., *Владимир*

ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И СПЕЦИФИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы административного правонарушения как основания административной ответственности, сущность и признаки административного правонарушения, дается характеристика основным элементам состава административного правонарушения. Проанализированы мнения ученых по данной проблеме. Затронуты проблемные вопросы привлечения к административной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы, ввиду того что совершение административного правонарушения сотрудником уголовно-исполнительной системы может повлечь за собой не только административную, но и дисциплинарную ответственность.

Ключевые слова: административная ответственность, дисциплинарная ответственность, сотрудник пенитенциарного ведомства.

Bubnova Yu. G., *Vladimir*

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE AND THE SPECIFICITY OF ATTRACTING TO ADMINISTRATIVE LIABILITY OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM

Abstract. The article describes the current issues of administrative offenses as the basis for administrative liability. It examines the essence and characteristics of administrative offenses, provides a description of the main elements of the composition of an administrative offense, and analyzes the opinions of scientists on this issue. The author addresses the problematic issues of bringing employees of the penal system to administrative liability, as committing an administrative offense by an employee of the penal system can result in both administrative and disciplinary liability.

Keywords: administrative liability, disciplinary liability, employee of the penitentiary department.

Необходимо отметить, что наступлению любой санкции предшествует совершение физическим или юридическим лицом деяния, которое по определенным признакам характеризуется как противоправное действие.

Соответственно за каждую разновидность подобного деяния следует наступление наказания, которое будет равно степени общественной опасно-

сти и наступившим последствиям. Санкции, предусмотренные административным правом, имеют свойственную данной отрасли специфику, сущность которой возможно раскрыть, ознакомившись с признаками и особенностями самого правонарушения и их разновидностью.

Итак, противоправное деяние предполагает выражение в форме действия (активного волевого поведения физического или юридического лица, направленного на определенный объект, через который опосредовано нарушаются отношения, охраняемые нормами административного права) или бездействия (пассивного поведения, заключающегося в отсутствии исполнения должной или необходимой линии поведения в определенной ситуации). Нельзя утверждать, что «природа» любого деяния является заведомо [6] противоправной, потому что в основном лица координируют свои действия в соответствии с социальными и правовыми нормами. Исходя из этого, мы можем утверждать, неправомерное поведение имеет две ярко выраженные черты: деяние нарушает запрет на совершение действий, причиняющих вред общественным отношениям, охраняемых нормами административного права; деяние (в форме бездействия) нарушает обязательственные предписания, поддерживающие функционирование норм права. Для того чтобы определить является ли деяние противоправным, необходимо наличие в его характеристике следующих признаков [8, с. 243].

Действие посягает на юридических, физических лиц и органы власти (как на предмет), причиняя вред их взаимодействию, которое нормативно охраняется. Данный признак характеризует общественную опасность, которую являет собой деяние. При этом каждое действие имеет присущее конкретно ему степень и характер этой опасности. Совершенное деяние не соответствует установленным правовым нормам, следовательно, поведение лица, совершившего подобное действие (бездействие) «выходит за рамки» поведения, считающегося нормой с юридической точки зрения. Реализованная линия поведения, отклоняющаяся от правовой нормы, является исключительно выбором лица, который осознавал о возникновении последствий своего деяния и имел возможность поступить иначе. Следовательно, все осуществленные лицом действия были подчинены его воле.

В рассмотрении конкретной ситуации присутствует причинно – следственная связь. Иными словами, так как противоправное действие направлено на какой-либо предмет, являющийся связующим звеном между разновидностью общественных отношений и норм их охраняющих, наглядно проявляется негативное последствие в виде деформации взаимоотношений и в некоторых ситуациях уничтожение объекта.

Обратим внимание на то, что наказуемость является одним из признаков, характеризующих административное правонарушение. Ведь сам по себе процесс привлечения к ответственности и назначение определенного вида наказаний носит множество функций. Например, «превентивную» – суть ее за-

ключается в том, что граждане видят наглядно процедуру привлечения к ответственности, и формируют в сознании представление о действиях, которые необходимо исключить в своем поведении с целью самосохранения; поэтому совершение схожих деяний не вызывает «интерес» у граждан. Еще одна из важных функций [9] – это «восстановление справедливости». Посягая на какой-либо предмет (под ним мы можем понимать как физическое лицо, так и предмет, имеющий материально – экономическую форму), правонарушитель причиняет определенного рода вред носителю общественных отношений; соответственно имеется острая необходимость возместить данный вред и устранить наступившие общественно – опасные последствия, чтобы «носитель» смог в дальнейшем полноценно включаться в систему взаимодействий и коммуникаций. Если акцентировать внимание на сущности «ущерба» [2, с. 126], который наносится потерпевшему, то мы можем утверждать, что он в одних составах деяния он может быть физическим, в других – моральным. Некоторый вид поддается возмещению путем назначения правонарушителю санкции, но в особых случаях ущерб компенсировать невозможно. При этом под «ущербом» мы можем понимать развивающуюся психологическую травму, полученную потерпевшим в результате принятия воздействия со стороны правонарушителя. Подобный ущерб является скрытым и не всегда его размер представляется возможным оценить.

Административное правонарушение имеет нормативно определенную конструкцию, которая именуется составом правонарушения. Он включает в себя совокупность признаков объективной и субъективной стороны содеянного; и в объединенном результате анализа каждой стороны определяется противоправность действий. Соответственно, состав правонарушений, в силу разновидности противоправных деяний, достаточно широк, но имеются базовые характеристики, позволяющие точно утверждать, что деяние представляет собой административное правонарушение.

Определение наличия признаков состава преступления является особо важным моментом, так как при отсутствии конкретных признаков лицо не может быть привлечено к ответственности; также если дело находится в процессе рассмотрения, то его закроют в виду отсутствия состава преступления.

Состав административного правонарушения являет собой конструкцию, состоящую из четырех элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона [4, с. 41].

Объектом, на который направлено противоправное деяние, является совокупность общественных отношений, регулируемых нормами административного права. Например, ст. 7.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) содержит в диспозиции сведения, касающиеся охраны собственности гражданина, и в санкции конкретизирует размер наказания за повреждение или уничтожение предмета собственности. Обращаясь к конструкции данной статьи, мы можем вычле-

нить информацию, характеризующую конкретные общественные отношения, охраняемые данной статьей. И они представляют собой отношения, возникающие по поводу охраны частной (личной) собственности гражданина. При этом многие конструкции предполагают наличие двух объектов – основного и факультативного. Состав ст. 20.1 КоАП содержит основной объект, который представляет собой общественный порядок, и факультативный – который выражается в причинении вреда таким морально – нравственным категориям как честь и достоинство личности. Необходимо отметить, что факультативный объект отсутствует в некоторых конструкциях по той причине, что сущностному содержанию данного объекта вред не причиняется и направлен в основном на непосредственный объект.

Объективная сторона административного правонарушения выражается во внешнем проявлении непосредственно. Иными словами, в этом элементе конструкции анализируется пространственная активность субъекта или же ее отсутствие. Здесь устанавливается сам факт совершения нарушения с учетом определенных признаков [3, с. 32]. Учитывается наличие причинно-следственной связи. Ранее мы говорили, что одной из характеристик противоправного деяния является наступление негативных последствий, обусловленных совершением действием активного или пассивного характера. Данный признак является обязательным, так как объективная сторона административных правонарушений по законодательной конструкции предполагается формальная или же материальная. Мы можем утверждать, что по составу правонарушения «формальное» если попытка его совершить уже нарушает установленные правом нормы. Материальный состав правонарушений позволяет квалифицировать деяние как противоправное при наличии негативных последствий, вызванных деянием. Также в данном элементе необходимым является процесс фиксирования места совершения преступления, время, использовалось оружие или предметы, используемы в качестве такового.

Субъектом административного правонарушения выступает непосредственно сам правонарушитель. Он должен обладать определенными признаками для того, чтобы нести ответственность за содеянное. К ним относят физическую принадлежность, достижение 16 лет, дееспособность – из чего мы делаем вывод об осознанности совершения деяния. Это характеристика общего субъекта, под данные признаки попадают практически все правонарушители. Однако многие составы содержат в конструкции специальный субъект, что характеризуется наличием помимо общих признаков дополнительных, присущих исключительно ему. В качестве специального субъекта в нормативном содержании административного права зафиксированы родители несовершеннолетнего правонарушителя, несущие материальную ответственность за ребенка (некоторые конструкции предполагают наложение ответственности на родителей за бездействие в воспитании несовершеннолетних); должностные лица, апатриды, иностранные граждане. К примеру, в диспози-

ции ст. 5.35 КоАП специальным объектом выступают родители, привлекающиеся к ответственности за ненадлежащее исполнение или игнорирование обязанностей по содержанию несовершеннолетних. Также субъектом административного правонарушения выступают юридические лица, что фиксируется диспозицией конкретных составов статей. Общая характеристика привлечения юридического лица как субъекта отражается в ст. 2.10 КоАП, при этом не все конструкции Кодекса [1] прямо указывают на «сущность» субъекта, и для определения необходимой статьи при квалификации деяние необходимо учитывать характер нормативно закреплённого материала.

Субъективная сторона административного правонарушения характеризуется психологическим отношением субъекта к совершённому деянию, и последующему за ним общественно опасным последствиям. В основном данный элемент связывают с наличием вины и её формой. Статья 2.2 КоАП фиксирует наличие во всех составах наличие вины либо в форме умысла, либо в форме неосторожности. «Умысел» предполагает такую линию поведения, которая рассматривается как осознанное, целенаправленное действие или бездействие, совершаемое заведомо желая наступления общественно опасных последствий. «Неосторожность» характеризуется аналогично действием или бездействием, при наличии осознания наступления общественно опасных последствий, однако отличием в данной линии повеления является то, что субъект не акцентирует внимание на наступлении последствий и даже предполагает вероятность их не наступления и самостоятельного разрешения – подобную форму мы можем назвать «легкомыслие»; также к неосторожности относится такое понятие как «небрежность», в основном оно имеет место быть в описании диспозиций со специальным субъектом. И выражается в таком поведении лица, при котором он должен был осознавать характер и степень содеянного с последующим наступлением последствий, но по обстоятельствам дела не осознавал этого и не предвидел. Дополнительными признаками данного элемента являются мотив, цель, эмоции – а конкретно состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое в соответствии со ст. 4.2 КоАП является смягчающим обстоятельством.

Административно-правовой статус сотрудника УИС [5, с. 12] состоит из обязанностей, прав, ограничений и запретов, связанных с государственной службой. Под административной ответственностью сотрудников УИС понимается реализация административно-правовых санкций, применение административных наказаний. Административная ответственность наступает за совершение деяния, которое содержит все признаки состава административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. В ст. 15 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ, раскрывающем порядок прохождения службы в уголовно-исполнительной системе определено, что за совершение отдельных видов административного правонарушения сотрудник несёт дисциплинарную ответственность. Данные исключения содержатся также и в КоАП РФ, так, например, к ним можно отнести нарушения требований пожарной безопасности.

Основанием дисциплинарной ответственности является совершение государственным служащим дисциплинарного проступка, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, основанием административной ответственности – совершение административного правонарушения, т. е. совершение противоправного, виновного деяния, за которое установлена административная ответственность, однако порядок прохождения службы в уголовно-исполнительной системе, имеет некоторые отличительные особенности и в исключительных случаях предусмотренных законодательством, административная ответственность может быть заменена на дисциплинарную.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее важные понятия и признаки, связанные с административным правонарушением; проанализировали его состав – что является неотъемлемой частью и предпосылкой для назначения определенной санкции строго соответствующей конкретному составу деяния, а также рассмотрели специфику привлечения государственных служащих к административной ответственности.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Бадулин Н. С. Характеристика объективных признаков составов административных правонарушений, посягающих на права граждан // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 3 (84). С. 126–140.
3. Верховых Д. А. Признаки и состав административного правонарушения // Интернаука. 2021. № 39-2 (215). С. 32–33.
4. Гаужаева В. А. Некоторые аспекты современного представления о понятии, признаках и составе административного правонарушения // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2(30). С. 41–45.
5. Закопырин, В. Н. Актуальные вопросы привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к административной ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14, № 1. С. 12–15.
6. Зорькина А. Ю. Административное правонарушение: сущность, признаки и состав // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 29 мая 2018 г. Т. Ч. 1. Новосибирск : Омега сайнс, 2018. С. 138–141.
7. Кунц Д. А. Административное правонарушение: понятие, признаки и состав // NovaUm. Ru. 2017. № 10. С. 243–245.
8. Макарейко Н. В. Административное право : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2025. 308 с.

УДК 342.723

Гайшун А. Н., Макарова А. С., *Бобруйск*

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ – ВЫЗОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Отмечается, что в современном мире информация является стратегическим национальным ресурсом, основой экономики развитого государства, поэтому преступления в сфере информационной безопасности являются достаточно актуальными. Указывается, что повсеместное внедрение высоких технологий в профессиональную и повседневную жизнь закономерно привело к тому, что информационная безопасность стала не просто важным направлением деятельности заинтересованных субъектов, но и необходимым условием обеспечения всех сфер национальной безопасности, политических, экономических, социальных и иных интересов общества и государства. Возможности информационных технологий (анонимность, трансграничность, широкий охват аудитории) используются злоумышленниками для совершения весьма обширного круга противоправных деяний: от несанкционированного доступа к ресурсам до незаконного оборота наркотиков и мошенничества.

Ключевые слова: информационная безопасность, правонарушения в информационной сфере, сетевая война.

Gaishun A. N., Makarova A. S., *Bobruisk*

INFORMATIONAL OFFENSES POSE A CHALLENGE TO NATIONAL SECURITY

Abstract. In the modern world, information is a strategic national resource and the foundation of a developed country's economy. However, crimes related to information security are becoming increasingly prevalent. The widespread adoption of high-tech solutions in professional and daily life has led to the recognition of information security as an essential aspect of national security, political, economic, social, and other interests of society and the state. The possibilities of information technology – anonymity, cross-border, and wide audience reach – are used by malicious actors to commit a wide range of illegal acts, from unauthorized access to resources to drug trafficking and fraud.

Keywords: information security, information-related offenses, network warfare.

В настоящее время информация является стратегическим национальным ресурсом, основой экономики любого развитого государства. Однако быстрое совершенствование информатизации в постсоветских странах, проникновение ее во все сферы жизненно важных интересов личности, общества и государства повлекли кроме безусловных преимуществ и появление ряда стратегических проблем. Главной из них, очевидно, стала необходимость защиты информации. Если оценивать роль и место государственной системы защиты информации в общей системе безопасности страны, следует подчеркнуть, что в настоящее время особенное значение имеют не только силовые, но и собственно информационные факторы.

Разумеется, экономический потенциал в большой степени определяется уровнем развития информационной структуры; однако, растет и потенциальная уязвимость экономики в результате информационных воздействий.

Приведем выразительный пример общемирового масштаба: по данным ООН ущерб, наносимый преступлениями в сфере информационных технологий, сопоставим с доходами криминала от незаконного оборота оружия и

наркотиков, и даже превышает его. Только в США он ежегодно составляет более 100 млрд. долларов. В постсоветских государствах подобные преступления еще не приобрели подобный размах, но наука и технологии не стоят на месте, и вместе с этим у преступников появляется все больше новых способов осуществления своих незаконных замыслов. Более того, в условиях локальных военных конфликтов подобные угрозы исходят и от стран-противников.

Как было отмечено выше, в настоящее время преступления в сфере информационной безопасности являются достаточно актуальными для любого государства. Большинство исследователей едины в определении двух взаимосвязанных явлений.

Во-первых, повсеместное внедрение высоких технологий в профессиональную и повседневную жизнь закономерно привело к тому, что информационная безопасность стала не просто важным направлением деятельности заинтересованных субъектов, но и необходимым условием обеспечения всех сфер национальной безопасности, политических, экономических, социальных и иных интересов общества и государства. В то время, когда, например, в Республике Беларусь реализуется курс на выстраивание «IT-страны», создание безопасных условий в области информатизации положительно сказывается и на инвестиционной привлекательности страны.

Во-вторых, возможности данных технологий – анонимность, трансграничность, широкий охват аудитории – используются злоумышленниками для совершения весьма обширного круга противоправных деяний: от несанкционированного доступа к ресурсам до незаконного оборота наркотиков и мошенничества.

Потребность уголовно-правового регулирования в области информационных общественных отношений вызвала появление в Уголовном Кодексе Республики Беларусь в редакции 1999 г. главы 31 «Преступления против информационной безопасности», составляющей одноименный раздел XII УК и объединяющей ст. 349 – 355 [1, с. 189–192].

Исследователь В. С. Комиссаров отмечал, что установление уголовной ответственности за правонарушения в этой сфере имеет целью «путем угрозы уголовным наказанием максимально снизить негативные издержки неправомерного или недобросовестного обращения с ЭВМ и компьютерной информацией» [2].

В принципе, преступления, предусмотренные в гл. 31 УК Республики Беларусь «Преступления против информационной безопасности», можно называть «компьютерными». Однако понятие «компьютерные преступления» очевидно более широкое и многоаспектное, чем понятие «преступления против информационной безопасности». С криминалистической точки зрения, с использованием компьютера как орудия или средства совершения преступления можно осуществить и шпионаж, и мошенничество, а также подлог документов, фальшивомонетничество, злоупотребление служебными полномочиями и многие другие преступления, причем самыми различными способами.

Компьютер может быть и предметом преступления, но ошибочным было бы называть похищение аппаратной структуры компьютера «компьютерным преступлением». Поскольку в этом случае преступное посягательство направлено на компьютер как на предмет, и это деяние нарушает отношения собственности, а не информационную безопасность; деяние это должно квалифицироваться как преступление против собственности – кража, грабеж, т. е. в зависимости от способа хищения [3; 1].

Поэтому рассматриваемые преступления «против информационной безопасности» необходимо называть именно так и не иначе. В Уголовном кодексе Российской Федерации редакции 1996 г. аналогичные преступления назывались «преступлениями в сфере компьютерной информации» [4]. Между тем такое понятие хотя и указывает на область их совершения, но, являясь расширительным, не позволяет отграничить преступления, посягающие только на компьютерную информацию, от других преступлений, совершаемых с помощью компьютеров путем изменения компьютерной информации.

Таким образом, преступления против информационной безопасности – это предусмотренные гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь умышленные или неосторожные общественно опасные деяния, которые причиняют существенный вред информационной безопасности как состоянию защищенности компьютерной информационной среды, а также компьютерных информационных ресурсов государства, физических и юридических лиц [5].

К преступлениям против информационной безопасности относятся:

- 1) несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349);
- 2) модификация компьютерной информации (ст. 350);
- 3) компьютерный саботаж (ст. 351);
- 4) неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352);
- 5) изготовление либо сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети (ст. 353);
- 6) разработка, использование либо распространение вредоносных программ (ст. 354);
- 7) нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355).

Данные преступления можно объединить в три группы:

1) преступления, выражающиеся в несанкционированном доступе или пользовании компьютерной информацией либо создающие предпосылки для неправомерного доступа к защищенной компьютерной системе или сети (ст. ст. 349, 352, 353 УК);

2) преступления, выражающиеся в модификации, повреждении, уничтожении и иных действиях, причиняющих вред компьютерной информации, компьютерной системе, сети или машинному носителю (ст. ст. 350, 351, 354 УК);

3) преступление, выражающееся в нарушении правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК) [1, с. 189–192].

В названии гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь четко определен родовой объект рассматриваемых преступлений – информационная безопасность. Информационную безопасность в качестве объекта рассматриваемых преступлений можно определить как совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты информационных ресурсов и охраны прав субъектов информатизации, а также обеспечения безопасности пользователей и пользования компьютерными системами и сетями [6; 7]. Подчеркнем, что причинение ущерба только самому себе – умышленно или по неосторожности – не влечет ответственности, если при этом не причиняется ущерб третьим лицам, что и отмечают в своих работах Н. А. Борчева [8] и М. А. Дубко [9].

Предметом преступлений против информационной безопасности является компьютерная информация, т. е. содержащиеся на машинных носителях, в компьютерной системе или сети сведения о лицах, предметах, фактах, событиях и явлениях, и компьютер как информационная структура – носитель этой информации.

Информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, независимо от формы их представления. Информация становится компьютерной, если она хранится в компьютерной сети, системе, на компьютерных носителях либо передается сигналами, распространяемыми по проводам, оптическим волокнам или радиосигналами [10].

Критерием ценности информации служит прогноз негативных последствий, наступающих вследствие завладения ею вероятным противником, конкурентом или злоумышленником [11, с. 14].

Под сетями ЭВМ понимаются компьютеры, объединенные между собой линиями электросвязи.

Под системой ЭВМ следует понимать комплексы, в которых хотя бы одна ЭВМ является элементом системы, либо несколько ЭВМ составляют систему.

Машинный носитель – это одно или несколько устройств ЭВМ, в которых физически существует информация в виде набора символов, кодов и иных сигналов. К ним относятся:

- внешние запоминающие устройства (не встроенные в процессор компьютера) это накопители на гибких, жестких, компактных дисках магнитных лентах, барабанах и т. п.;

- оперативное запоминающее устройство компьютера, собранное на интегральных схемах;

- оперативные запоминающие устройства ввода и вывода с перфокарт, перфолент, печати и т. д., встроенные в эти устройства;

- оперативные запоминающие устройства компьютерных устройств связи и сетевой связи (модемов, факс-модемов и др.) [12].

В предусмотренных главой 31 Уголовного кодекса преступлениях против информационной безопасности компьютерная информация как предмет преступления является обязательным признаком состава. Если преступное

посягательство было направлено не на компьютерную информацию, а только на ее носитель – компьютер как вещь, содеянное будет расценено как преступление против собственности – похищение компьютера или его уничтожение только как вещи, в зависимости от характера посягательства, а не как преступление против информационной безопасности [13].

Что характерно для рассматриваемых преступлений: при их совершении компьютер может выступать одновременно и в качестве предмета, и в качестве орудия совершения преступления. Указанное свойство компьютера определяется технологической спецификой его строения (архитектурой), под которой понимается концепция взаимосвязи элементов сложной структуры, включающей в себя компоненты логической, физической и программной структур. Как известно, в качестве орудия (средства) совершения преступления выступают вещи, с помощью которых совершается преступление. С этой точки зрения компьютер является таким же техническим средством совершения преступления, как автомобиль, оружие или иное техническое приспособление. Примером может служить преступление, предусмотренное ст. 349 УК: «несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты и повлекший по неосторожности изменение, уничтожение, блокирование информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда». В данном случае компьютер используется как орудие совершения преступления для доступа к предмету преступления – информации, хранящейся в нем, что влечет указанные негативные последствия для этой информации [10, с. 42].

Субъектом преступлений против информационной безопасности в большинстве случаев выступает вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. В ч. 2 ст. 349 и ст. 355 УК предусмотрен специальный субъект – лицо, имеющее доступ к компьютерной системе или сети [1, с. 190, 192].

Объективная сторона преступлений против информационной безопасности, как правило, выражается в преступном действии. Статьи 351, 355 Уголовного кодекса предусматривают объективную сторону преступлений в виде преступного бездействия виновного.

В большинстве своем рассматриваемые преступления сконструированы по типу материальных – предусматривают наступление общественно-опасных последствий. Лишь три состава главы 31 относятся к формальным – предусмотренные ч. 2 ст. 349, ст. 353, ч. 1 ст. 354 УК. Они считаются оконченными уже с момента совершения преступления.

С субъективной стороны преступления против информационной безопасности характеризуются либо умышленной формой вины в виде прямого умысла (например, ст. 353), либо прямого или косвенного умысла (например, ст. 351). Преступление, предусмотренное ст. 349 УК характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности, а преступление,

предусмотренное ст. 352 (неправомерное завладение компьютерной информацией) может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

В мире ежегодно наблюдается рост преступлений против информационной безопасности. Сегодня мы можем говорить о переходе «традиционных» преступлений в виртуальное пространство. Безусловно, эти риски требуют адекватной и своевременной реакции как правоприменителей, так и законодателя.

Особенностью данных преступлений является высокий уровень латентности. По мнению практиков-правоведов, одной из причин является то, что граждане или субъекты хозяйствования по различным причинам не склонны своевременно обращаться за помощью к правоохранительным органам. Из практики расследуемых уголовных дел: это в последующем затрудняет поиск виновных, предотвращение и возмещение причиненного преступлениями вреда. В контексте сказанного очень важен посыл, заложенный в принятой Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, который заключается в установлении доверия между гражданами, бизнес-сообществом и государством в деле обеспечения кибербезопасности.

Преступления против информационной безопасности приобретают все большую популярность у криминально настроенных лиц. А значит, государству следует больше внимания уделять данной проблеме и выделять на ее преодоление больше финансовых и кадровых ресурсов.

Обратим внимание и на то, что в настоящее время определяются два типа информационной борьбы между отдельными государствами и блоками: информационно-техническая и информационно-психологическая. При информационно-технической борьбе главными объектами поражения и защиты являются информационно-технические системы, а именно: системы связи, радиоэлектронные средства, телекоммуникационные системы. В информационно-психологическом противоборстве главными объектами воздействия и защиты являются личный состав вооруженных сил, население, системы формирования общественного мнения и принятия решений (т. е. СМИ и государственные институты, общественные организации). Система информационной безопасности государства включает в себя эти два направления.

Принятая в 2019 г. Концепция информационной безопасности Республики Беларуси отразила многие риски в этой сфере; но главное, как представляется, она определила необходимое понимание общих задач государства по эффективному противодействию подрывной информационно-психологической экспансии [14].

Утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 Концепция национальной безопасности Республики Беларусь поставила задачи по исключению рисков и угроз в информационной сфере в контексте государственной и общественной безопасности [15].

Очевидно, что проблема информационной безопасности тесно связано с безопасностью государства в целом и граждан страны. Распространение экстремистских идей, подрывные информационные акции с использованием

различных коммуникаций, компьютерный шпионаж и другие противоправные действия также требуют адекватного правового реагирования.

Список литературы

1. Уголовный Кодекс Республики Беларусь. Минск : Академия МВД, 2019. 240 с.
2. Комиссаров В. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. URL: <https://nashol.com/2013031169899/ugolovnoe-pravo-rf-obschaya-chast-komissarov-b-c-krilova-n-e-tyajkova-i-m-2012.html/>. (дата обращения: 14.03.2026).
3. Уголовное право. Особенная часть / под ред. В. А. Кашевского. Минск : Академия МВД, 2012. 736 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 16.03.2026).
5. Полещук Д. Г. Понятие и объект преступления против информационной безопасности // Право.by. 2016. № 6. С. 87–92.
6. Ахраменка Н. Ф. Реализация в Беларуси международных стандартов уголовно-правового запрета общественно опасного доступа к компьютерной системе // Судовывеснік. 2009. № 4. С. 75–79.
7. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие. Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус, гос. ун-та, 2006. 332 с.
8. Борчева Н. А. Компьютерное право и ответственность за компьютерные преступления за рубежом // На пути к информационному обществу: криминальный аспект : сб. ст. Минск, 2004. С. 5–28.
9. Дубко М. А. Объект преступлений против информационной безопасности по УК Беларуси. URL: <http://belcrime.info/obekt-prestuplenij-protiv-informacziionnoj-bezopasnosti-po-uk-belarusi.html>. (дата обращения: 10.03.2026).
10. Лосев В. В. Преступления против информационной безопасности // Судовы. Веснік. 2002. № 1. С. 40–43.
11. Информационное право : учеб. пособие / под общ. ред. Г. А. Василевича, Д. А. Плетева. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. 352 с.
12. Малюк А. А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации : учеб. пособие для вузов. М. : Горячая линия : Телеком, 2004. 280 с.
13. Лукашов А. И. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / под общ. ред. А. И. Лукашова. Минск : Гревцов, 2009. 892 с.
14. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь . URL: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).
15. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. 64 с.

УДК 342

Гармонов В. П., Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИИ

Аннотация. Проведен анализ содержания и особенностей влияния социальных институтов на формирование системы противодействия экономическим преступлениям в Российской Федерации. Рассмотрено понятие социального института, представлена классификация. Исследована правовая основа и практика функционирования социальных институтов в контексте обеспечения противодействия экономическим преступлениям.

Ключевые слова: социальный институт, противодействие, экономическое преступление.

Garmonov V. P., Saint Petersburg

THE IMPACT OF SOCIAL INSTITUTIONS ON THE FORMATION OF A SYSTEM FOR COUNTERING ECONOMIC CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyzes the content and features of the influence of social institutions on the formation of a system for countering economic crimes in the Russian Federation. The concept of a social institution is considered, and their classification is presented. The legal basis and practice of functioning of social institutions in the context of countering economic crimes in Russia are investigated.

Keywords: social, institution, counteraction, economic, crime.

Экономическая безопасность имеет важнейшее значение для государства. Поддержание должного уровня экономической безопасности, применение эффективных практик противодействия угрозам в данной сфере является приоритетной задачей всех государственных органов и институтов.

Одной из наиболее существенных угроз исследуемому виду безопасности являются экономические преступления. По данным официальной статистики [1], в 2025 г. было совершено 107 180 преступлений экономической направленности, что на 1,7 % превысило аналогичный показатель прошлого года. На 13,5 % увеличилось количество экономических преступлений, совершенных в крупном, особо крупном размере, а равно причинивших крупный ущерб. При этом из всего массива совершенных преступлений экономической направленности расследовано было 81361. Таким образом, порядка 20 % преступлений данной категории в 2025 г. остались нерасследованными.

Приведенные статистические показатели убедительно доказывают, что на современном этапе необходимо поиск и внедрение эффективных технологий по противодействию преступлениям экономической направленности. Одним из возможных вариантов видится расширение практики влияния социальных институтов на процессы, связанные с организацией противодействия данным преступным деяниям.

Прежде всего, необходимо уточнить понятие и сущность социального института. На доктринальном уровне под социальным институтом принято

понимать исторически сложившуюся устойчивую форму организации деятельности людей, которая регулирует их взаимодействие и удовлетворяет определенные потребности общества [2]. Приведенное определение позволяет сделать вывод о следующих основных признаках социального института:

1. Ретроспективная сущность – социальный институт, прежде чем стать таковым, приобрести, собственно, институциональный характер, проходит длительный путь своего развития, который растягивается во времени, приобретает черты историко-правового процесса;

2. Устойчивость – данный признак тесным образом связан с предыдущим. За длительный процесс исторического развития любой социальный институт приобретает устойчивый характер. Это проявляется в постоянстве форм и методов, заложенных в основу института, особенностях его функционирования и реализации на практике;

3. Целесообразность – данный признак предполагает надделение социального института определенным целеполаганием, реализация которого выступает в качестве смысла и содержания его функционирования. Базовая цель социального института видится в создании надежных механизмов организации деятельности людей, удовлетворение их потребностей, а равно потребностей всего общества;

4. Связанность с обществом – очевидно, что будучи социальным, любой такой институт тесным образом связан с обществом, законами его функционирования. Социальные институты не могут быть отделены от общества, существовать в каком-то вакууме. Это лишает возможность признавать институт именно социальным.

Одним из свойств социальных институтов является их множественность. Действительно, на сегодняшний день существует большое количество разнообразных социальных институтов. Они могут быть выделены по различным классификационным критериям. При этом возможно говорить о так называемой «базовой классификации» социальных институтов. Согласно ее концептуальным положениям, основными социальными институтами являются:

1. Семья – обеспечивает рождение и воспитание детей, передает ценности и традиции от поколения к поколению.

2. Образование – система школ, колледжей и университетов, которая передает знания, формирует навыки и готовит людей к профессиональной деятельности.

3. Экономика – институт, регулирующий производство, распределение и потребление товаров и услуг, включает предприятия, банки, рынки и торговлю.

4. Политика и государство – система управления обществом, которая создает законы, поддерживает порядок и защищает права граждан.

5. Религия – институт, который формирует духовные ценности, объединяет людей общей верой и помогает найти смысл жизни.

6. Право – система законов и судов, которая регулирует отношения между людьми, наказывает за нарушения и защищает справедливость.

7. Культура – институт, который создает и сохраняет произведения искусства, традиции, обычаи и способы самовыражения народа.

Очевидно влияние социальных институтов на различные процессы, сферы, отрасли и другие институты, на развитие общества и государства в целом. Процесс противодействия преступлениям экономической направленности не является исключением в данном случае. Напротив, можно утверждать, что использование социальных институтов лишь увеличивает возможности и расширяет методологию противодействия преступлениям данной категории.

Прежде всего, речь нужно вести о таком социальном институте, как экономика. Экономическая составляющая преступлений исследуемой категории очевидна. Без нее мотивация на совершение преступлений экономической направленности полностью нивелируется. Согласно данным статистики, в 2025 г. почти половина данных преступлений была совершена в крупном или особо крупном размерах [1]. Субъекты экономических преступлений в первую очередь преследуют цель обогащения, получения материальной выгоды от совершаемых преступных деяний. Более того, целая часть таких преступлений совершается с целью дальнейшей легализации преступных доходов. Так, в 2025 г. данных преступлений было совершено на 35 % больше, чем в аналогичный период прошлого года [1]. Проблемы в экономике, вне зависимости от их масштаба и уровня, это всегда детерминанты совершения преступлений экономической направленности. Так, на макроэкономическом уровне можно говорить о кризисных явлениях в отдельных отраслях, например, производстве. На институциональном уровне таковыми детерминантами, к примеру, являются

1. Системные диспропорции в экономике. Высокие налоги, чрезмерное административное давление на бизнес, бюрократические барьеры и нестабильность экономической конъюнктуры создают среду для ухода предпринимателей в «теневой» сектор. В условиях, когда легальное ведение бизнеса становится экономически невыгодным или чрезмерно рискованным, субъекты экономической деятельности начинают искать обходные пути [3, с. 112].

2. Кризисные явления в экономической сфере. Например, спад валового внутреннего продукта, низкая производительность и спад производства, низкий уровень жизни населения и рост уровня бедности в регионах [4, с. 215].

Напротив, устойчивое развитие экономики, как в целом, так и в отраслевом контексте неизбежно приводит к снижению уровня экономических преступлений.

Еще один социальный институт, напрямую влияющий на состояние экономической преступности – это образование. Часто жертвами подобных преступлений становятся лица, не обладающие должным уровнем образования, не знакомые с наиболее типичными способами обмана или злоупотребления доверием (а именно они становятся востребованными для экономической преступности). И напротив, в случае обеспечения устойчивой и эффективной системы образования вопрос относительно противодействия экономическим преступлениям может быть решен практически сам собой.

Важнейшим социальным институтом, имеющим прямое и непосредственное влияние на практику противодействия экономическим преступлениям, является право. Речь в данном случае, безусловно, идет о состоянии законодательства, регламентирующего как отдельные сферы экономической деятельности, так и вопросы ответственности за совершение преступлений экономической направленности. Часто совершение последних становится следствием наличия пробелов правового регулирования. При этом важно указывать не только на те пробелы, которыми непосредственно пользуются преступники для реализации своих противоправных замыслов. Не менее опасными являются те противоречия, которые провоцируют добросовестных участников экономических отношений осознанно, либо неосознанно идти на нарушение закона, поскольку иным способом обеспечить осуществление своей экономической деятельности они оказываются не в состоянии.

В контексте исследования важно указать на тем возможные направления деятельности по использованию социальных институтов, которые позволят улучшить практику противодействия экономическим преступлениям.

Во-первых, наиболее очевидным видится обеспечение поступательного экономического развития. В условиях возросших расходов бюджета, экономических санкций, реализовать данное направление, очевидно, крайне проблематично. Вместе с тем по отдельным аспектам сделать это возможно. К примеру, речь идет о дифференцированной системе экономической поддержки. О ней, в частности, говорил Президент РФ [5]. Суть системы заключается в оценке состоянии отдельных субъектов экономических отношений и оказании им адресной помощи. Также следует говорить о потребности так называемого «обеления» российской экономики [6].

Во-вторых, также важно обеспечивать постоянный мониторинг законодательства, регламентирующего вопросы противодействия экономическим преступлениям. В частности, на первый план должны выступать:

1. Уголовно-правовая сфера, в рамках которой должны обеспечиваться надежные правовые механизмы противодействия экономическим преступлениям.

2. Экономико-правовая сфера, в рамках которой необходимо своевременно устранять правовые барьеры для осуществления нормальной, институциональной экономической деятельности.

Таким образом, можем сделать вывод об однозначно высоком, непосредственной влиянии и воздействии социальных институтов на практику противодействия преступлениям экономической направленности. Государство, памятуя об этом, должно использовать имеющиеся возможности для воздействия на указанную практику посредством активного взаимодействия таких социальных институтов, как экономика, право, образование и др.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России : офиц. сайт URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 16.01.2026).

2. Дербышева В. А., Пономарева О. С., Зиновьева Е. Г. Роль социальных институтов в жизни общества // Вестник магистратуры. 2014. № 7-2 (34). С. 30–33.

3. Свистунова Л. Ю., Алемасцева Е. П., Сафонова Л. С. К вопросу о причинах и условиях экономической преступности в современной России // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 2 (80). 112–127.

4. Борисова В. Д. Причины и условия совершения преступлений в сфере экономической деятельности // Трибуна молодого юриста : сб. материалов регион. Науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых : в 2 т. Нижний Новгород, 18 марта 2025 г. Нижний Новгород : Рос. акад. народ. хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, 2025. С. 215–220.

5. Путин заявил о необходимости адресной поддержки некоторых отраслей // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15676409> (дата обращения: 27.03.2026).

6. Путин поручил немедленно начать структурную перестройку экономики России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/12/2025/6936d9559a7947600a32bea5> (дата обращения: 27.03.2026).

УДК 343.721:316.356.2

Еникеева Э. Р., Морозова И. В., *Санкт-Петербург*

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Исследуется феномен мошенничества в сфере брачно-семейных отношений как вид криминального посягательства. Обосновываются пробелы современного уголовного законодательства в части отсутствия дифференцированных признаков романтического мошенничества.

Ключевые слова: брачный аферист, защита, воздействие, мошенничество, романтическое мошенничество, брачно-семейные отношения.

Enikeeva E. R., Morozova I. V., *Saint Petersburg*

LEGAL QUALIFICATION AND PSYCHOLOGICAL AND CRIMINALISTIC ANALYSIS OF FRAUD IN THE SPHERE OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS

Abstract. The article examines the phenomenon of fraud in the sphere of marriage and family relations as a type of criminal encroachment. The article substantiates the gaps in modern criminal legislation in terms of the lack of differentiated signs of romantic fraud.

Keywords: marriage swindler, protection, influence, fraud, romantic fraud, marriage and family relations

Проблема криминальных посягательств на имущественные права граждан в рамках личных отношений сохраняет высокую актуальность, поскольку брачные аферисты эксплуатируют базовые человеческие потребности в эмоциональной близости и безопасности. Актуальность исследования криминальных проявлений в сфере брачно-семейных отношений обусловлена не только их высокой латентностью, но и стремительной трансформацией способов совершения хищений. Современная динамика романтического мошенничества демонстрирует угрожающие масштабы: в ряде стран ежегодные потери от подобных дистанционных манипуляций превышают 500 миллионов

долларов, при этом наблюдается устойчивый рост числа пострадавших [8, с. 117]. В современных условиях, когда значительная часть личного общения переместилась в цифровое пространство, брачные аферисты получили беспрецедентный инструментарий для масштабирования своей деятельности. Для России эта проблема стоит особенно остро, поскольку преступники маскируют свою деятельность под семейно-бытовые конфликты, что не дает квалифицировать деяния по ст. 159 УК РФ.

Брачные аферисты играют на чувствах жертвы, пользуясь потребностями в любви и признании, желании жертвы казаться успешным человеком в глазах общества. Часто они входят в доверие к людям в тяжелых жизненных ситуациях. Жертва, стремясь соответствовать чужим ожиданиям, зачастую сознательно игнорирует подозрительные факты, предпочитая оставаться в рамках выстроенной преступником эмоциональной утопии [10, с. 51].

В криминалистической науке выделяются две базовые модели брачного мошенничества. Первая – «добрачная» модель, характеризующаяся тем, что преступник, не имея реального намерения создавать семью, обещает регистрацию союза, чтобы под этим предлогом завладеть имуществом жертвы, после чего прекращает контакт. Вторая модель – «внутрибрачная», представляющая собой сложный юридический состав, где регистрация брака выступает лишь инструментом легализации последующего хищения. В правовой доктрине на данный момент отсутствует четкое разграничение этих видов, что порождает проблемы при назначении наказания и оценке общественной опасности деяния [1, с. 23]. Ситуация усложняется, когда в схему вовлекаются трансграничные элементы. Мошенники-иностранцы активно используют культурные различия и специфику менталитета граждан других государств, создавая легенды о «заграничных инвесторах» или «опальных политиках», нуждающихся в финансовой поддержке для воссоединения с возлюбленной [8, с. 120].

Особый интерес для пенитенциарной системы и следственных органов представляют групповые формы брачного мошенничества. Пример резонансного дела семьи Абуловых демонстрирует, как преступная схема может включать в себя имитацию полноценной социальной среды. Участие детей или других родственников в процессе «знакомства» с жертвой служит мощнейшим фактором доверия. Жертва, попадая в атмосферу якобы дружной семьи, утрачивает критическое мышление, что позволяет аферисту требовать крупные суммы на «спасение бизнеса», «лечение» или «взятки силовикам» [7]. В подобных случаях мошенничество часто сопровождается многомиллионными кредитами, которые жертвы оформляют на свое имя, оказываясь в долговой яме на десятилетия.

Типичным примером подобной деструктивной деятельности является дело серийного афериста, задержанного в Казани в 2025 г. Преступник, выдавая себя за успешного бизнесмена, обманул более 20 женщин на сумму около 44 млн руб. Его стратегия строилась на оказании мелких бытовых

услуг (ремонт авто, помощь с ипотекой) для создания иллюзии надежности, после чего следовала просьба о крупных суммах на решение «временных трудностей» в бизнесе. Примечателен и случай «французского» мошенника Франка Пиксиоли, который использовал легенду о родстве со знаменитостью для совершения «гастрольных» хищений в различных регионах России, что подтверждает мобильность и адаптивность данного вида криминалитета [6].

При расследовании таких дел нужно соблюдать особую тщательность: допрашивая потерпевших, важно понять, как именно манипулировал жертвами преступник; также желательно найти дополнительные источники информации в качестве доказательств – это могут быть переписки, записи телефонных разговоров потерпевшего с подозреваемым, возможно, показания свидетелей [9, с. 84], поскольку зачастую из-за стыда потерпевшие не могут дать объективные показания.

Несмотря на имеющиеся наработки, современная правоприменительная практика сталкивается с невозможностью адекватно оценить степень вреда, наносимого психике жертвы. Существующий подход рассматривает «обман» как разовый акт, в то время как брачная афера – это длительный процесс деформации воли. Исходя из этого, автором предлагается концептуально новый взгляд на проблему: введение в научный оборот и практику понятия «криминальный когнитивный захват». Под ним следует понимать состояние жертвы, при котором в результате системного эмоционального воздействия она утрачивает способность к автономному принятию решений в отношении своего имущества.

Для реализации этого подхода предлагается внедрение обязательной комплексной психолого-криминалистической экспертизы по делам о романтическом мошенничестве. Целью такой экспертизы должно стать установление факта «сужения сознания» потерпевшего под воздействием манипуляций. В случае подтверждения такого состояния, любые сделки (дарение, передача денег, продажа недвижимости), совершенные в пользу «партнера» в период до двух лет с момента знакомства, должны иметь презумпцию оспоримости в уголовном процессе.

Трансформация брачного мошенничества в инструмент организации незаконной миграции представляет собой отдельную угрозу. В 2024 г. в Москве была пресечена деятельность преступной группы, возглавляемой доцентом РУДН, которая специализировалась на организации фиктивных браков для получения иностранцами разрешений на временное проживание и гостевых виз. Стоимость одной такой «услуги» варьировалась от 60 до 150 тыс. руб. Статистика МВД указывает на масштаб проблемы: в 2022 г. каждое третье РВП было выдано на основании брака, при этом судами признаются фиктивными лишь сотни из десятков тысяч подозрительных союзов, что требует ужесточения ответственности не только для организаторов, но и для самих участников подобных сделок [5].

Отметим, что брачными мошенниками могут быть только мужчины, но и женщины. Они могут использовать, например, лжебеременность для вымогания денег у жертвы [4; 11]. В таком случае дело возбуждается по части 3 статьи 159 УК РФ.

Интересен опыт правового регулирования подобных отношений в КНР. В 2026 г. Верховный народный суд Китая подтвердил, что внезапные свадьбы, сопровождающиеся требованием непомерно высоких выкупов (цайли), при наличии признаков обмана должны квалифицироваться как вымогательство или мошенничество с передачей материалов в органы полиции [3]. Это свидетельствует о глобальном тренде на криминализацию манипулятивного использования брачных традиций.

В Российской Федерации мошенничество в брачно-семейных отношениях квалифицируется по ст. 159 УК РФ (Мошенничество) как хищение имущества или прав на него путем обмана/злоупотребления доверием. Фиктивные браки для выплат подпадают под ст. 159. 2 УК РФ, а иногда рассматриваются через призму признания брака недействительным (ст. 28 СК РФ). В качестве меры законодательного совершенствования предлагается рассмотреть возможность выделения в ст. 159 УК РФ отдельного пункта «Мошенничество в сфере брачно-семейных отношений», в качестве квалифицирующего признака отметить использование фиктивных родственных связей и/или имитацию намерения создать семью.

Такое мошенничество будет выражаться в умышленных действиях, направленных на завладение чужим имуществом или приобретение права на него посредством обмана или злоупотребления доверием, где обман или злоупотребление доверием строятся именно на:

а) имитации намерения создать семью. В этом случае виновное лицо, не имея подлинного намерения вступать в брачно-семейные отношения (или отношения, создающие их видимость) и/или поддерживать их, использует ложные обещания о совместном будущем, создании семьи, искренних чувствах и привязанности для введения потерпевшего в заблуждение. Целью является побуждение потерпевшего к передаче имущества (например, денежных средств, недвижимости, ценностей), совершению сделок в пользу виновного, предоставлению доступа к финансовым ресурсам или оформлению прав на имущество под предлогом общих семейных нужд, инвестиций в совместное будущее или решения мнимых проблем, требующих финансового участия потерпевшего.

б) использовании фиктивных родственных связей. Здесь обман заключается в создании ложного представления о наличии тесных, основанных на доверии семейных или квази-семейных отношений (включая притязания на родство, фактически отсутствующее). Цель – эксплуатация этого доверия и эмоциональной привязанности для получения имущественной выгоды от потерпевшего.

в) имитации иных тесных личных отношений. Здесь обман или злоупотребление доверием строятся на систематическом создании виновным лицом ложного представления о наличии глубоких личных связей (например, искренней дружбы, наставничества, близкого знакомства, глубокой симпатии), которые на самом деле отсутствуют или имеют исключительно корыстный мотив. Виновный, не имея подлинного намерения поддерживать данные отношения, целенаправленно и продолжительно формирует у потерпевшего ложное чувство привязанности, уважения, общей цели или взаимопомощи. Это используется для введения потерпевшего в заблуждение и побуждения его к передаче имущества или прав на него под различными предложениями, такими как мнимая потребность самого виновного в помощи, предложения о совместных «выгодных» проектах, инвестициях, или иных ситуациях, требующих финансового участия потерпевшего в пользу лица, имитирующего личные отношения.

Это обеспечит более жесткую политику в отношении лиц, эксплуатирующих институт брака.

В заключение следует подчеркнуть, что борьба с брачным мошенничеством требует выхода за рамки классического уголовного права. Только интеграция психологических методов оценки волеизъявления с жесткими мерами имущественного контроля позволит эффективно противодействовать этой категории преступников, превративших человеческие чувства в объект циничного криминального промысла.

Список литературы

1. Алферова Ю. О., Дементьев О. М. Проблемы квалификации брачного мошенничества // Science Time. 2015. № 3 (15). С. 22–26.
2. Верховный суд России разрешил жертвам брачных аферистов требовать компенсацию // Известия (iz.ru). 20 декабря 2022. URL: <https://iz.ru/1443816/2022-12-20/verkhovnyi-sud-rossii-razreshil-zhertvam-brachnykh-afelistov-trebovat-kompensatsiiu> (дата обращения: 08.03.2026).
3. Верховный народный суд КНР разъяснил правила возврата свадебного выкупа при мошенничестве // ЭКСДайджест. 8 марта 2026. URL: <https://ekd.me/2026/03/ekdigest-03-08-2/> (дата обращения: 08.03.2026).
4. Возбуждено дело об обмане моряка дальнего плавания фейковой беременностью. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20250219/310640365.html (дата обращения: 08.03.2026).
5. Газета. Ру. Доцент РУДН арестован по делу о фиктивных браках. Как преподаватель зарабатывал на «русских невестах»? // Газета.Ру. 23.08.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/08/23/19622287.shtml> (дата обращения: 08.03.2026).
6. Гарифуллина Л. «Ты самая классная и лучшая»: в Казани задержан брачный аферист, обманувший женщин на 44 млн рублей // Комсомольская правда – Казань. 15.04.2025. URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/27684/5073030/>
7. Зайцева А. Преступник с сайта знакомств: как брачный аферист обманул женщин на 50 миллионов // Вечерняя Москва. 05.08.2025. URL: <https://vm.ru/accidents/1250718-prestupnik-s-sajta-znakomstv-kak-brachnyj-afelist-obmanul-zhenshin-na-50-millionov> (дата обращения: 08.03.2026).
8. Клюкова М. Е., Антонов И. О., Верин А. Ю. Криминалистическая классификация способов мошенничества в сфере брачно-семейных отношений // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 117–123.
9. Клюкова М. Е., Антонов И. О., Верин А. Ю. Некоторые тактические особенности производства допроса потерпевших и оценки его результатов по делам о мошенничестве в брачно-

семейных отношениях // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. 2025. № 3 (78). С. 82–86.

10. Симонович Н. Е. Правовые и психологические аспекты защиты от манипуляций брачных аферистов и эффективные стратегии защиты // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2024. № 4 (107). С. 51–54.

11. Суд вынес приговор жительнице Приморья за мошенничество с беременностью. URL: <https://news.mail.ru/incident/68706219/> (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 316.34

Муха В. Н., Сакатунова В. А., *Краснодар*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается специфика применения социологических методов в правовых исследованиях. Обосновывается, что изучение права не может ограничиваться исключительно нормативным анализом, поскольку эффективность правового регулирования, уровень правосознания и особенности правоприменительной практики выявляются, прежде всего, в эмпирическом поле. Проанализированы количественные и качественные методы, используемые в социологии права: социологический опрос, фокус-группа, статистический анализ данных, анализ документов, социальный эксперимент, включенное наблюдение и биографический метод. Особое внимание уделяется их исследовательским возможностям, ограничениям и прикладному значению. На основе вторичного анализа опубликованных эмпирических материалов показано, что социологические методы позволяют выявлять не только содержание правовой нормы, но и реальные проблемы ее реализации в правоприменительной практике. Сделан вывод о том, что наибольшую результативность в правовых исследованиях обеспечивает комплексное использование методов, соединяющее нормативный и эмпирический уровни анализа.

Ключевые слова: социология права, социологические методы, правовые исследования, эмпирические данные, правоприменительная практика, юридическая ответственность, правосознание.

Mukha V. N., Sakatunova V. A., *Krasnodar*

SOCIOLOGICAL METHODS IN LEGAL STUDIES: A THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS

Abstract. The article examines the specific features of applying sociological methods in legal studies. It is argued that the study of law cannot be limited to normative analysis only, since the effectiveness of legal regulation, the level of legal consciousness, and the peculiarities of law enforcement practice are primarily revealed in the empirical field. The paper analyzes both quantitative and qualitative methods used in the sociology of law, including sociological survey, focus groups, statistical data analysis, document analysis, social experiment, participant observation, and the biographical method. Particular attention is paid to their research potential, limitations, and applied significance. Based on the secondary analysis of published empirical materials, it is shown that sociological methods make it possible to identify not only the content of legal norms but also the real problems of their implementation in legal practice. It is concluded that the most productive strategy in legal studies is the integrated use of methods combining normative and empirical levels of analysis.

Keywords: sociology of law, sociological methods, legal studies, empirical data, law enforcement practice, legal responsibility, legal consciousness.

В современном обществе право выступает не только системой общеобязательных норм, но и важнейшим механизмом упорядочения социальных отношений, обеспечения стабильности и справедливости. В условиях трансформации законодательства, цифровизации общественной жизни и роста правовых ожиданий граждан особую значимость приобретает исследование того, каким образом право действует в реальной социальной среде. В этой связи возрастает роль социологических методов, позволяющих анализировать не только содержание правовых норм, но и особенности их восприятия, интерпретации и применения.

Социология права представляет собой отрасль социологического знания, изучающую взаимосвязь между правом и обществом. Ее предметом выступают не только правовые нормы и институты, но и правосознание, правовая культура, поведение участников правоотношений, а также правоприменительная практика. В отличие от формально-догматического подхода, ориентированного прежде всего на анализ текста нормы, социологический подход позволяет выявить социальную обусловленность права, оценить эффективность его действия и установить, насколько правовое регулирование соответствует реальным общественным потребностям.

Право является фундаментальным институтом, оказывающим влияние на политическую, экономическую, юридическую и социальную сферы жизни общества. Его функция заключается в обеспечении социального контроля и регуляции общественных отношений. Правовые исследования требуют рассмотрения права в тесной связи с обществом как сложной социальной системой и с существующими внутри нее социальными структурами [1]. Как и любая научная дисциплина, правоведение использует определенный метод изучения объекта познания [11]. Под методом следует понимать совокупность основных способов сбора, обработки и анализа данных, т. е. систему приемов и подходов, обеспечивающих достижение научных целей.

Социологическое исследование представляет собой систему логически взаимосвязанных методологических, методических и организационно-технических процедур, которые направлены на получение научного знания о социальных явлениях, процессах и структурах. При этом понятие «социологический метод» нередко трактуется более широко, включая не только совокупность исследовательских инструментов, но и индивидуальные установки исследователя, реализуемые на этапах организации, проведения исследования и обработки полученных данных [9]. В сфере права конкретные социологические исследования ориентированы, с одной стороны, на выявление социальной обусловленности правовых явлений, а с другой – на анализ их эффективности, социального действия и влияния на общественные отношения, а также обратного воздействия социальных факторов на право. В свою очередь, правовая наука сосредоточена на изучении правовой формы общественных отношений, содержания прав и обязанностей их участников, а также самих правовых отношений наряду с нормами права.

Социологические исследования в правовой сфере сосредоточены на изучении общественных отношений, связанных с происхождением и функционированием правовой системы, включая ее нормы и институты. Основным их направлением является анализ социальной обусловленности и социальной эффективности права, выявление взаимозависимости между правовыми нормами, правовыми отношениями и реальными взаимодействиями между людьми. Предмет социологии права включает исследование социальных факторов, влияющих на развитие правовых явлений, а также механизмов и закономерностей этой взаимосвязи. Такой подход стимулирует поиск новых, преимущественно неюридических факторов, воздействующих на правовую систему, выявление социальных тенденций и закономерностей, проявляющихся в различных сферах общественной жизни. В научной литературе выделяются две основные группы социально-правовых проблем, определяющие направления социологических исследований: позитивные и негативные (криминологические). В рамках конкретно-социологического метода применяются такие приемы, как наблюдение, анкетирование, интервьюирование и эксперимент. Они используются для поиска оптимальных правовых решений, прогнозирования социальных и правовых реформ, а также для изучения и контроля над преступностью, в том числе ее наиболее опасными формами. Методологическая основа предполагает, что научные рекомендации должны опираться на комплексное изучение всех социальных факторов, оценку их влияния на эффективность и социальную значимость правовых решений. В обобщенной форме социологическое исследование определяется как система последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, направленных на получение достоверных данных о социальных явлениях, тенденциях и противоречиях их развития, пригодных для использования в управлении общественными процессами [7].

Социологический подход к изучению права формируется в рамках социологии права – отрасли науки, рассматривающей правовые явления сквозь призму социальных процессов и взаимодействий, определяющих структуру и динамику общественных отношений. Его цель заключается в исследовании механизмов, которые обеспечивают регулирование и упорядочение общественной жизни. Основой данного подхода выступает использование методов социологического исследования, которые считаются наиболее эффективными для анализа взаимосвязи права и общества. С помощью метода наблюдения исследователи имеют возможность определить степень эффективности правовых норм в регулировании общественных отношений и оценить их влияние на функционирование общества в целом. Результаты таких наблюдений позволяют формулировать рекомендации, направленные на совершенствование правовой системы [10].

Социологические методы исследования в праве обладают несколькими ключевыми особенностями:

– многообразие методов: в исследованиях обычно используются как количественные, так и качественные методы, что позволяет глубже понять социальные процессы и правосознание;

– адаптивность: методы исследования должны быть адаптированы к конкретному социальному контексту, учитывая уникальные особенности разных культур и правовых систем;

– междисциплинарный подход: социология права пересекается с другими науками – юриспруденцией, политологией, культурологией и экономикой, что обогащает методологические инструменты;

– эмпирическая основа: важность эмпирических данных, полученных на основе реального поведения и восприятия людей, для формирования выводов;

– этика технологий: сохранение анонимности участников, соблюдение добровольности и информированности являются ключевыми аспектами этики исследования. й

Значение социологических методов в правовых исследованиях определяют четыре основные задачи, стоящие перед обществом и государством [8]:

1) повышение качества правотворческой деятельности (вследствие более успешного соотнесения социальных реалий и отношений с их нормативно-правовым регулированием);

2) повышение качества правореализационной деятельности (вследствие адаптации правовых актов-деяний и актов-документов к общественным отношениям, а также закономерностям социальной динамики);

3) оптимизация правоинтерпретационной деятельности (с акцентом на использование телеологического, исторического и функционального способов толкования права, учитывающих социальную действительность, в которой принимаются и действуют нормы права);

4) повышение уровня правосознания и правовой культуры населения (с учетом возрастания социальной ценности права и его ориентации на удовлетворение общественных потребностей и достижение общего блага, а также изучения общественного мнения по актуальным юридическим вопросам).

Социологические методы традиционно классифицируются в зависимости от способа проведения исследования и характера получаемых результатов на количественные и качественные. В рамках данного исследования предполагается рассмотрение таких методов, как социологический опрос, фокус-группа, статистический анализ данных, анализ документов, социальный эксперимент, включенное наблюдение и биографический метод. Важно отметить, что неотъемлемым элементом социологического исследования является грамотно разработанная программа исследования. Она включает теоретико-методологический раздел, содержащий формулировку проблемы, определение целей и задач, объекта и предмета исследования, выдвижение гипотезы и интерпретацию ключевых понятий, а также методический раздел,

в котором обосновываются выборка и методы сбора, обработки и анализа эмпирических данных. Кроме того, программа предусматривает разработку инструментария, включая анкету или гайд для проведения интервью.

1. Социологический опрос представляет собой один из наиболее распространенных и значимых методов сбора эмпирической информации в социологическом исследовании. Его целью является выявление мнения определенной группы респондентов, отобранных в соответствии с их социально-демографическими характеристиками, по рассматриваемой проблеме. Реализация данного метода осуществляется посредством анкетирования или интервьюирования.

В большинстве случаев выявление мнения профессиональных участников правоотношений юридической ответственности посредством экспертного опроса позволяет обнаружить проблемы, закладываемые в правовое регулирование юридической ответственности и процесса ее реализации по самому широкому кругу вопросов [5]. Применительно ко многим разновидностям юридической ответственности такими экспертами (компетентными лицами, обладающими специализированными знаниями по теме исследования) могут выступать судьи, прокуроры и адвокаты, которые в силу своих профессиональных обязанностей часто находятся в сфере функционирования ответственности. Для отдельных видов юридической ответственности в качестве экспертов также могут привлекаться следователи и дознаватели (в отношении уголовной ответственности), представители административных органов/организаций (в отношении административно-правовой ответственности), работодатели (в отношении дисциплинарной ответственности) и др.

Что касается массового опроса населения, в котором носителями мнения выступают группы респондентов, не являющиеся специалистами по исследуемой проблеме, то в этом случае отношение участников опроса может быть установлено в части предельно общих вопросов юридической ответственности (справедливости наказания, суровости мер юридической ответственности, эффективности работы правоохранительных органов и др.).

2. Фокус-группа проводится с участием небольшого числа незнакомых друг другу, но имеющих схожие социальные характеристики людей (6–10 чел.) в форме групповой дискуссии, направляемой модератором. Фокус-групповое исследование организуется с целью изучения мнения взаимодействующих участников на определенную тему и по заранее подготовленному гайд-сценарию (списку вопросов, которые необходимо раскрыть в ходе дискуссии – не более 10–12 тематических вопросов). Заседание записывается на диктофон или видеокамеру, после чего расшифрованная стенограмма анализируется.

Например, в качестве участников возможных фокус-групп по изучению правовой ответственности могут выступать граждане, ранее участвовавшие в судебном процессе в качестве присяжных или арбитражных заседателей.

3. Статистический анализ данных представляет собой один из широко применяемых социологических методов исследования. В социально-правовой сфере он предполагает разложение изучаемого явления или процесса на составные элементы, соответствующие определенной отрасли права, их количественную оценку, а также выявление взаимосвязей между ними и другими социальными явлениями и процессами. Это позволяет установить закономерности развития исследуемых объектов. Данный метод основывается на использовании информации из официальных источников, таких как органы государственной статистики, правоохранительные органы и иные государственные структуры. В зависимости от целей исследования статистический анализ может проводиться как в динамике (по временным периодам), так и в сравнительном аспекте (по различным территориям – регионам, городам или странам). На основе полученных данных возможно формирование выводов о количестве лиц, привлеченных к юридической ответственности, качестве правового регулирования, эффективности деятельности правоохранительных органов и актуальности применения правовых норм.

Например, в одном из тематических исследований (посвященных проблемам привлечения должностных лиц к административной ответственности) на основе статистического анализа официальных данных целого ряда органов государственной власти был сделан вывод о необходимости использования всего потенциала административных наказаний, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях РФ [6].

4. Анализ документов как один из базовых социологических методов связан с изучением содержания документальных источников (нормативно-правовых, научных, текстов СМИ и других публикаций) для систематизации, дифференциации и дальнейшей интерпретации информации в целях решения поставленных исследовательских задач. Документы, содержащие полезную информацию, которую можно использовать при изучении юридической ответственности и ее реализации, весьма многочисленны. К нормативно-правовым документам следует относить различного рода законы и подзаконные акты (в том числе местные, ведомственные и локальные), которые устанавливают меры ответственности, а также процедуры их осуществления.

5. Социальный эксперимент – метод изучения различных характеристик социальных явлений и процессов, который осуществляется посредством наблюдения за изменением определенного объекта исследования под воздействием искусственно-сформированных факторов в контролируемой ученым ситуации.

Например, обобщение практики применения следственного (оперативного) эксперимента как способа получения доказательств по уголовному делу способно создать успешную информационно-методическую основу для повышения эффективности этого процессуального акта. Данный эксперимент вполне способен продемонстрировать предполагаемую жизнеспособность/нежизнеспособность соответствующих мер ответственности.

6. Включенное наблюдение предполагает непосредственное участие исследователя в изучаемом процессе или явлении. Этот метод позволяет фиксировать реальные модели поведения участников правоотношений, особенности профессионального взаимодействия, неформальные практики и механизмы принятия решений, которые не всегда отражаются в официальных документах. В рамках правовых исследований включенное наблюдение может быть особенно полезным при анализе деятельности судебных и административных органов, учреждений исполнения наказаний, организаций, применяющих дисциплинарную ответственность, а также иных институтов, в которых юридические нормы реализуются в практическом взаимодействии между людьми.

7. Биографический метод наиболее пригоден для исследования поведения людей с точки зрения определенной институциональной модели, а также с позиции меняющихся событий и течения времени. Определенные сложности использования этого метода могут быть вызваны отсутствием единой системы измерительных (оценочных) характеристик «биографической» оценки [2]. В контексте вопросов юридической ответственности биографический подход наиболее обоснован для изучения личности конкретных правонарушителей [3], участников деятельности по противодействию правонарушениям, правоведов, приложивших значительные усилия к изучению юридической ответственности [4] и иных лиц, включенных в данную сферу правоотношений.

Методы социологического исследования в праве применяются для решения целого ряда практических задач:

- изучение правосознания: сбор данных о том, как граждане воспринимают законы и правила, что позволяет оценить уровень легитимности правовых норм;

- оценка правоприменительной практики: анализ того, как правовые нормы применяются на практике, выявление проблемы и недостатков в правоприменении;

- исследование общественного мнения: определение точки зрения общества на конкретные юридические инициативы или изменения в законодательстве;

- разработка правовой политики: учет мнения и потребностей граждан при формировании и изменении законодательства;

- оценка социальных последствий правовых изменений: анализ того, как изменения в праве влияют на социальные группы и общественные процессы.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что социологические методы исследования права представляют собой эффективный инструмент анализа взаимосвязи между правовыми нормами и обществом. Их многообразие, специфика и широкая область применения делают их незаменимыми при изучении правовых явлений. Применение данных методов способствует более глубокому пониманию функционирования правовой системы, выявлению ее динамики и способности адаптироваться к изменениям в социальной среде, что способствует укреплению взаимодействия между правом и обществом.

Список литературы

1. Ангел О. Ю. Сущность социологического подхода к изучению и пониманию права: социологические методы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 237–244.
2. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / редкол.: В. В. Семенова, Е. Ю. Мещеркина. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994. 147 с.
3. Биографии преступников // Великие люди: жизнеописание и биография писателей, актеров, биографии великих людей : сайт. URL: <http://www.biografguru.ru/by/prestupnik/?q=9&psn=129> (дата обращения: 16.03.2025).
4. Дорохин В. С. Портреты ученых-юристов: Гэрри Беккер // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 29–35.
5. Жильцов А. В. Вопросы применения административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 20. 25 КоАП РФ (по результатам социологического опроса сотрудников ГУ МВД России по Красноярскому краю и изучения дел об административных правонарушениях) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 2. С. 160–166.
6. Козлова Л. С., Садовская Т. Д. Административная ответственность должностных лиц контрольно-надзорных органов как средство противодействия коррупции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 3. С. 7–11.
7. Коннова Г. А. Как провести социологическое исследование // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013008031?Yscld=m8ve8fs84x118395822> (дата обращения: 16.03.2025).
8. Кузьмина Е. С., Кузьмин И. А. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых исследований юридической ответственности) // Социология и право. 2016. № 1. С. 59–67.
9. Методы исследования в современной социологии // Справочник. URL: https://spravochnik.ru/sociologiya/metody_issledovaniy_v_sovremennoy_sociologii/ (дата обращения 16.03.2025).
10. Рыжикова Е. Социологическое исследование: методология и методика // Zaochnik. URL: https://zaochnik-com.com/spravochnik/sotsiologija/obshchaja_sotsiologija/sotsiologicheskoe-issledovanie/ (дата обращения 16.03.2025).
11. Социологические методы в праве // Я неуч. URL: https://www.yaneuch.ru/cat_08/sociologicheskie-metody-vprave/282568.2308289.page1.html (дата обращения 16.03.2025).

УДК 343.13

Одиназода И. А., *Краснодар*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. Проводится сравнительно-правовое исследование процессуальных основ использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России и Республики Таджикистан. Рассматриваются понятийный аппарат, нормативная правовая база, процедуры представления и легализации оперативно-разыскной информации в уголовном процессе двух государств. Особое внимание уделяется проблемам трансформации результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства, правовым последствиям нарушений установленного порядка их передачи, а также роли судебного контроля в обеспечении допустимости оперативно-разыскных материалов.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, результаты оперативно-разыскной деятельности, уголовное судопроизводство, доказательства, допустимость, процессуальная легализация, сравнительное правоведение, Россия, Таджикистан.

Odinazoda I. A., *Krasnodar*

PROCEDURAL FOUNDATIONS OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abstract. The article provides a comparative legal study of the procedural foundations for using the results of operational-search activities in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The conceptual framework, regulatory legal base, procedures for presentation and legalization of operational-search information in the criminal process of the two states are examined. Special attention is paid to the problems of transforming the results of operational-search activities into evidence, the legal consequences of violations of the established procedure for their transfer, as well as the role of judicial control in ensuring the admissibility of operational-search materials.

Keywords: operational-search activity, results of operational-search activities, criminal proceedings, evidence, admissibility, procedural legalization, judicial control, comparative law, Russia, Tajikistan.

Интеграция результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовно-процессуальную сферу представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного уголовного судопроизводства. На постсоветском пространстве, включая Российскую Федерацию и Республику Таджикистан, сохраняется общность правовых традиций при одновременном формировании национальных моделей правового регулирования. Это создает благоприятную основу для сравнительно-правового анализа и взаимного обогащения законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, возрастающей ролью негласных методов получения информации в противодействии современной преступности, особенно ее организованным формам. Во-вторых, сохраняющейся неопределенностью правовой природы

результатов ОРД и механизмов их трансформации в доказательства. В-третьих, необходимостью обеспечения баланса между эффективностью борьбы с преступностью и защитой конституционных прав граждан при использовании оперативно-разыскной информации.

Легальное определение результатов ОРД в российском законодательстве впервые было закреплено в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» [1] (далее – Закон РФ об ОРД) и впоследствии уточнено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Согласно п. 36. 1 ст. 5 УПК РФ, результаты ОРД – это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [2]. Аналогичная норма закреплена в Законе Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности» [3] (далее – Закон РТ об ОРД) и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан [4] (далее – УПК РТ), в связи с чем исследователи отмечают высокую степень сопоставимости и концептуального сходства подходов двух государств к определению данного института.

Вместе с тем, как справедливо указывает В. А. Семенцов, результаты ОРД не могут быть отождествлены с доказательствами, поскольку они получаются вне процессуальной формы и не обеспечиваются теми гарантиями достоверности, которые свойственны уголовно-процессуальным доказательствам [5]. Данная позиция последовательно поддерживается Конституционным Судом РФ, который неоднократно указывал, что результаты ОРД являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем.

Ключевое значение имеет ст. 89 УПК РФ и ст. 84 УПК РТ, которая устанавливает запрет на использование результатов ОРД в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Данная норма, сформулированная в запретительном ключе, не исключает возможность использования результатов ОРД в доказывании, а лишь требует неукоснительного соблюдения законодательства при их получении и использовании [6]. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве обеих стран отсутствует специальная регламентация процедуры подачи, рассмотрения и разрешения ходатайств о приобщении результатов ОРД к материалам уголовного дела. Это создает правовую неопределенность и риск произвольного обращения с доказательствами.

Важнейшим элементом правового регулирования является межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [7]. Данная Инструкция детально регламентирует процедуру представления результатов

ОРД: оформление рапорта об обнаружении признаков преступления, регистрацию материалов, вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и постановления о предоставлении результатов ОРД следователю.

В теории оперативно-разыскной деятельности выделяются три основных направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве: как повод и основание для возбуждения уголовного дела; для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; в доказывании по уголовным делам.

Наиболее сложным и дискуссионным в теории и практике уголовного процесса остается вопрос о трансформации результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства по уголовному делу. Данный процесс представляет собой многоступенчатую процедуру, включающую ряд последовательных этапов. Первоначальным этапом является представление результатов ОРД, которое оформляется уполномоченным должностным лицом соответствующего органа в виде рапорта об обнаружении признаков преступления либо сообщения о результатах ОРД. Поступившие материалы подлежат обязательной регистрации, после чего руководителем выносится постановление о направлении результатов ОРД следователю. Вслед за этим осуществляется приобщение полученных материалов к материалам уголовного дела. На данном этапе следователь производит оценку представленных результатов с позиций их относимости и допустимости, по итогам которой выносится постановление о приобщении к делу. Завершающей и ключевой стадией выступает проверка полученных сведений средствами уголовно-процессуального доказывания. Результаты ОРД обретают доказательственное значение лишь после того, как нашедшие в них отражение обстоятельства будут подтверждены в ходе проведения следственных и процессуальных действий, таких как допросы, осмотры, назначение и производство экспертиз и иных предусмотренных законом процедур. Как справедливо отмечает Е. А. Доля, «доказательство – это всегда единство объективного содержания и субъективной формы» [8]. Поэтому результаты ОРД, приобретая статус доказательств, не меняют свое содержание, а меняют лишь процессуальную форму.

В литературе высказываются различные позиции относительно возможности непосредственного использования результатов ОРД в качестве доказательств. Одни авторы полагают, что результаты ОРД не подлежат использованию в качестве доказательств в силу отсутствия процессуального оформления в соответствии с УПК РФ. Другие указывают, что запрет, установленный ст. 89 УПК РФ, не исключает возможность использования результатов ОРД в доказывании, а лишь требует соблюдения законодательства при их получении [9].

Представляется обоснованной позиция И. В. Литвиновой, предлагающей дополнить ст. 89 УПК РФ положением о необходимости придания результатам оперативно-разыскной деятельности статуса доказательства процессуальным путем с отражением результатов проверки в отдельном постановлении о приобщении к уголовному делу [10]. Несоблюдение установленного порядка оформления и передачи результатов ОРД влечет серьезные правовые последствия, наиболее значимым из которых является признание полученных на их основе доказательств недопустимыми.

В настоящее время в обеих странах отсутствуют единые стандарты оформления оперативно-служебных документов, что создает трудности при оценке их допустимости. Как отмечается в литературе, результаты оперативно-разыскной деятельности отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, актах и др.), к которым могут прилагаться предметы, вещества и документы, полученные при проведении ОРМ. Однако степень детализации этих документов, требования к полноте описания обстоятельств проведения ОРМ остаются на усмотрение конкретного оперативного сотрудника.

Анализ законодательства и правоприменительной практики двух стран свидетельствует о единстве концептуальных подходов к определению правовой природы результатов ОРД как информации, требующей процессуальной легализации. Несмотря на унификацию целей и задач оперативно-разыскной деятельности, а также наличие сходных межведомственных актов, детализирующих порядок представления ее результатов следователю, в российском и таджикском уголовном судопроизводстве сохраняется существенный пробел. Он заключается в отсутствии детальной регламентации судебной процедуры рассмотрения вопроса о приобщении результатов ОРД к материалам уголовного дела, что является общей закономерностью исследуемого правового института.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование законодательной базы и правоприменительной практики. В первую очередь представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне унифицированную процедуру легализации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Это касается, в частности, регламентации порядка рассмотрения судом ходатайств о приобщении оперативных материалов к уголовному делу, а также создания правовых механизмов, обеспечивающих допустимость оперативной информации с определением роли суда в данном процессе.

В развитие данной инициативы в уголовно-процессуальных кодексах предлагается предусмотреть специальные нормы, которые бы детально регламентировали критерии оценки допустимости результатов ОРД, полученных с применением технических средств. Особое внимание следует уделить требованиям, гарантирующим неизменность компьютерной информации с момента ее фиксации до передачи следователю.

Перспективы совершенствования правового регулирования связаны с законодательным закреплением механизмов обеспечения допустимости оперативной информации, усилением роли судебного контроля, внедрением электронного документооборота, а также гармонизацией законодательства России и Таджикистана в целях повышения эффективности взаимодействия правоохранительных органов.

Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на разработку теоретической модели межотраслевого института использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, а также на изучение зарубежного опыта правового регулирования с целью его возможной имплементации в законодательство России и Таджикистана.

Список литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 дек. 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 (с изм. и доп. по сост. на 18 июля 2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.
5. Семенцов В. А., Одиназода И. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4.
6. Семенцов В. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе : учебник / под ред. В. А. Семенцова. М. : Юрлитинформ, 2020. 168 с.
7. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек.
8. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности : монография. М. : Спарк, 1996. 156 с.
9. Серженко А. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Материалы научно-практической конференции Сибирского юридического университета. Омск, 2024. URL: <https://conf.siblu.ru/ispolzovanie-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-dokazyvanii>
10. Литвинова И. В. Допустимость электронных доказательств, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3.

УДК 343.98

Попова В. В., *Иркутск*

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Анализируются проблемы разграничения компетентности эксперта и специалиста. Рассматривается роль специалиста и эксперта в судебной практике. Анализируются правовой статус специалиста и эксперта, типичные ошибки. Раскрывается роль судебной психологической экспертизы в современных условиях.

Ключевые слова: специалист, эксперт, судебная экспертиза, судебная психологическая экспертиза.

Popova V. V., *Irkutsk*

THE LEGAL STATUS OF A SPECIALIST AND AN EXPERT IN JUDICIAL PRACTICE

Abstract. The article analyzes the problems of delineating the competence of an expert and a specialist. The role of a specialist and an expert in judicial practice is considered. The legal status of a specialist and an expert, and typical mistakes, are analyzed. The role of forensic psychological expertise in modern conditions is revealed.

Keywords: specialist, expert, forensic examination, forensic psychological examination.

Сфера использования психологических знаний в судебной практике имеет тенденцию к постоянному расширению, психологи привлекаются для исследования индивидуально-психологических особенностей участников судебного разбирательства, в связи с телефонным мошенничеством. Их привлекают для проведения посмертной экспертизы, в делах о причинении морального вреда, доведения до самоубийства, для исследования видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий, по спорам, связанным с воспитанием детей и пр. Психологические знания применяются как для участия в судебно-психологических, так и комплексных экспертизах [3; 5]. Необходимость привлечения знаний психологов обусловлена потребностью опираться на квалифицированное мнение специалистов для повышения эффективности процессуальных действий, изменениями в законодательных актах, новыми видами преступлений и изменением их характера, развитием прикладных исследований в науке.

Судебная экспертиза, согласно ст. 283 УПК РФ [1], это проводимое по поручению суда сведущими лицами на основе специальных познаний исследование представленных им объектов, имеющих значение для дела, с последующей дачей заключения в установленной форме. Спектр исследуемых материалов достаточно обширен – от рисунков, дневниковых записей, медицинских карт до зафиксированного поведения подэкспертного на следственном эксперименте.

В качестве участников уголовного судопроизводства могут выступать как эксперт, так и специалист. Их полномочия, действия, уровень образова-

ния и ответственности могут существенно отличаться. Ошибочное понимание роли эксперта и специалиста приводит к негативным последствиям. Так, согласно результатам проведенного исследования, Жижина М. В., Омельянюк Г. Г., Лапина И. А. [4] выделяют следующие ошибки: подмена понятий «заключение эксперта» и «заключение специалиста», отсутствие учета сложности функций, процессуальных форм представления результатов, постановка перед специалистом вопросов, относящихся к компетенции эксперта, привлечение в качестве эксперта специалиста, не имеющего профессиональной переподготовки в сфере экспертной деятельности и не имеющего опыта проведения экспертиз и т. д.

Актуальное исследование этого вопроса вызывает необходимость четко определить сходство и различие статуса специалиста и эксперта в судопроизводстве. Сходством является то, что они:

- входят в состав иных участников уголовного судопроизводства, наряду со свидетелями, переводчиками и понятыми, имеют соответствующие права и обязанности в установленном законом порядке;

- являются обладателями специальных знаний, для приобретения которых требуется получение профессионального образования и приобретение соответствующего опыта (к примеру, в случае необходимости определения физиологического или патологического аффекта в момент совершения преступления, индивидуально-психологических особенностей жертв мошенничества и т. д.);

- могут иметь основания для отвода при наличии родственных связей, зависимого положения, некомпетентности, так как для принятия участия в судопроизводстве в соответствующем качестве требуется независимость, незаинтересованность, объективность, наличие специальных знаний и опыта;

- несут ответственность за дачу ложных показаний, при этом добросовестное заблуждение не является основанием для привлечения к уголовной ответственности, мера ответственности определяется последствиями. Неправильное применение методик, недостаточный опыт не являются основанием для ответственности, речь идет о намеренном искажении фактов и выводов и осознанном написании ложного заключения;

- не решают вопросов, связанных с применением норм права, определением наказания, квалификацией преступления, к примеру, не могут определять размер компенсации, срок заключения, условиях содержания, меру пресечения, виновность и пр.;

- предоставляют в обязательном порядке документ, подтверждающий наличие специальных знаний. Как правило, это диплом о высшем образовании по специальности, хотя в судебной практике известны случаи, когда эксперт (в первую очередь относится к негосударственным экспертам) либо специалист предъявляли диплом о профессиональной переподготовке, полученный дистанционно в негосударственной образовательной организации;

– являются заменимыми лицами, в отличие от других участников судопроизводства. Например, свидетелей по делу не заменяют, тогда как эксперта или специалиста можно выбрать на основе предпочтений по полу, возрасту, компетенциям, доступности в данный момент, научным публикациям, опыту участия в подобных процедурах, наличию ученой степени и т. д. ;

– могут быть вызваны в суд для участия в судебном заседании, в целях прояснения положений экспертного заключения (эксперт) или предоставления справочных знаний в соответствующей области (специалист);

– их мнение обязательно отражается в протоколе судебного заседания;

– они не являются заинтересованными лицами, должны обладать независимостью и не должны подвергаться давлению, поскольку допрос или исследование, проведенные под давлением, не принимаются судом;

– знания, не прошедшие научной апробации, не могут быть озвучены.

Профессиональные знания в сфере психологии имеют определенную специфику, порождающую иллюзию их простоты и доступности специалистам других профессий. Следователь или судья могут руководствоваться своим житейским и профессиональным опытом для определения «невооруженным глазом» состояния беспомощности потерпевшей, физиологического аффекта, вменяемости. Это может исказить восприятие участников судопроизводства и понимание ими обстоятельств совершения преступления. К примеру, при совершении преступления или суицида подростком под влиянием угрозы в его адрес, взрослому человеку, незнакомому с научными основами возрастной психологии, может данное обстоятельство представляться несущественным, так как отсутствует учет специфической картины мира подростка, особенностей восприятия, значимой сферы отношений, когнитивных искажений, присутствующих в этом возрасте;

– изложение выводов на основе применения профессиональных знаний должно быть понятно лицам, не обладающим специальными знаниями, так как с информацией, предоставляемой специалистом и экспертом, знакомятся и другие участники судопроизводства, не владеющие терминологией и познаниями в соответствующей области. Так, перегруженность специальной терминологией, специфический научный язык, необходимость изучать показания эксперта и специалиста «со словарем» может затруднить не только восприятие, но и изложение в протоколе некоторых показаний;

– с разрешения следователя могут присутствовать при проведении следственных действий, принимать участие в следственном эксперименте и допросе в целях психологического сопровождения процессуальных действий.

Перейдем к различиям статуса эксперта и специалиста при проведении судебной экспертизы.

Во-первых, это различие в задачах, выполняемых в рамках судопроизводства. Если эксперт отвечает на вопросы следователя, дознавателя, прокурора, судьи или суда, указанные в постановлении о назначении экспертизы, опираясь на эмпирическое исследование в юридически значимой ситуации и

в соответствии с ним, то специалист может высказывать свое мнение или предположение, приводить примеры на основании прецедентов и кейсов, прояснять трактовку определений, состояний, свойств и т. д. Примером может служить экспертная оценка способности потерпевшей понимать характер и значение совершаемых с ней действий, которая может быть дана только по результатам эмпирического исследования.

Во-вторых, это разная степень допуска к материалам. Специалист может быть ознакомлен только с фрагментом показаний, видеоматериалов следственного эксперимента, данными других исследований, медицинской картой и пр., по которым требуется его разъяснение, эксперту для проведения исследования и написания заключения требуется больший объем материалов, включающих анамнестические сведения, протоколы допросов, ретроспективный психологический анализ поведения подэкспертного, экспериментальное обследование и беседу.

В-третьих, разное значение для суда. Экспертное заключение входит в доказательную базу, мнение специалиста заносится в протокол и принимается к сведению. При этом суд вправе не принимать во внимание при вынесении приговора экспертное заключение, если будет принято решение, что оно не соответствует другим собранным по делу доказательствам.

В-четвертых, процедура допроса (ст. 205 УПК РФ) [1]. Эксперт может допрашиваться только после дачи заключения и в связи с ним, так как его показания не относятся к самостоятельному виду доказательств. Не допускается замена производства экспертизы допросом эксперта, поскольку допрос эксперта может иметь место только после производства им экспертизы и в отношении экспертизы (ст. 282 УПК РФ) [1]. Специалист приглашается для участия в судебном заседании в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки (например, по существу технологического или производственного процесса, специфических особенностей той или иной профессии и т. д.) (ст. 251 УПК РФ) [1].

В частности, при допросе специалиста возможна постановка вопроса, что собой представляет физиологический аффект, чем характеризуется данное специфическое эмоциональное состояние, какие поведенческие реакции способен демонстрировать человек с большой долей вероятности в таком состоянии, в чем отличие физиологического аффекта от патологического. При допросе эксперта, в свою очередь, требуется предварительное исследование с выдачей экспертного заключения, в котором по результатам ретроспективного анализа определяется, какие индивидуально-психологические особенности обвиняемого могли способствовать возникновению подобной реакции, в чем она проявлялась на когнитивном, эмоциональном, поведенческом уровне по показаниям свидетелей и т. д. При этом следует учитывать, что если речь идет о патологическом аффекте, это выходит за пределы компетенции как специалиста-психолога, так и судебно-психологической экспертизы.

В-пятых, разница в проведении исследования [2]. Эксперт всегда проводит исследование и пишет заключение только на основании экспериментального исследования, например, патофизиологическое (экспериментально-психологическое) исследование включает исследование умственной работоспособности и внимания, ассоциативной сферы, исследование памяти, мыслительной деятельности, индивидуально-психологических особенностей, исследование общего уровня познавательной деятельности, организации интеллектуальной деятельности, конструктивного праксиса, обучаемости, с применением не менее 2–3 методик по каждому пункту. Специалист же может использовать готовые материалы, обладающие научной достоверностью, в целях уточнения какой-либо характеристики, процесса, определения.

В-шестых, разница в образовании. Эксперту, помимо образования по специальности, требуется пройти профессиональную переподготовку по судебной экспертизе или получить дополнительное образование по конкретной экспертной специальности («Исследование психологии человека», «Психологическое исследование информационных материалов»). Привлекаемый специалист может иметь высшее или среднее специальное образование в сфере специальных знаний, которые требуются для дачи показаний в суде.

В-седьмых, разница в принятии решения о привлечении к участию в следственных или судебных действиях. О привлечении специалиста к участию в следственных или судебных действиях принимает решение следователь единолично (ст. 168 УПК РФ) [1], эксперт действует только по поручению суда (ст. 283 УПК РФ) [1].

В-восьмых, представление выводов. Заключение эксперта предоставляется только в письменном виде, обязательно содержит вводную часть, исследовательскую и выводы. Специалист может высказать свое мнение в устной форме и это будет зафиксировано в протоколе.

Таким образом, понимание сходства и различия в статусе эксперта и специалиста помогает улучшить понимание роли каждого в судебной практике и осуществить профилактику распространенных ошибок в судебном производстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы : приказ Минздрава России от 29.04.2025 № 263н // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Монография. 3-е изд., доп. М. : Норма : ИнФРА-М, 2011. 736 с.
4. Жижина М. В., Омелянюк Г. Г., Лапина И. А. Правовой статус и оценка компетентности судебного эксперта и специалиста: концептуальные основы и практическая реализация // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 1. С. 25–38. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-25-38>
5. Предметные виды судебно-психологической экспертизы, назначаемой в связи с телефонным мошенничеством / Ф. С. Сафуанов, О. Ф. Савина, М. В. Морозова, Ю. О. Переправина // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 1. С. 6–19. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>

УДК 34

Соколянская В. А., Боленкова А. Н., *Донецк*

ДИПФЕЙКИ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ И СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, совершенных с использованием технологии «дипфейк». Анализируются особенности определения субъекта таких деяний, рассматриваются существующие пробелы в законодательном регулировании и предлагаются пути их устранения. Особое внимание уделяется вопросам доказывания и разграничения ответственности между создателями, распространителями и непосредственными исполнителями.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, уголовное право, квалификация преступлений, субъект преступления, мошенничество, цифровые технологии.

Sokolyanskaya V. A., Bolenkova A. N., *Donetsk*

DEEPFAKES AS A MEANS OF COMMITTING A CRIME: THE PROBLEM OF QUALIFICATION AND THE SUBJECT OF THE CRIME

Abstract. The article examines the issues of criminal law qualification of crimes committed using deepfake technology. It analyzes the specific features of determining the subject of such acts, considers existing gaps in legislative regulation, and proposes ways to address them. Special attention is paid to matters of proof and the distinction of liability among creators, distributors, and direct perpetrators.

Keywords: deepfakes, artificial intelligence, criminal law, qualification of crimes, subject of crime, fraud, and digital technologies.

Стремительное развитие цифровых технологий привело к появлению принципиально новых инструментов, способных имитировать когнитивные функции человека. Согласно официальному определению, искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. [1.]

Инновации киберпространства принесли также беспрецедентное удобство связи, и темпы этих изменений продолжают удивительным образом ускоряться. При этом с глобальными положительными изменениями приходит не менее масштабная криминогенная составляющая. Одной из таких новых форм цифровой преступности стало использование технологии дипфейк, которая открывает широкие возможности для совершения различных противоправных деяний.

Прежде чем давать правовую оценку таким действиям, стоит разобраться, что же представляют собой дипфейки с технической точки зрения. Сам термин – это гибрид английских слов «глубинное обучение» (Deep learning) и «подделка» (Fake). По сути, это высокотехнологичный монтаж, созданный искусственным интеллектом. В основе лежит противостояние

двух нейросетей: одна учится на оригиналах снимков и пытается создать максимально правдоподобную копию, а вторая выступает в роли критика, проверяя, не является ли изображение фальшивкой. Этот творческий «поединок» заканчивается полной победой генератора, когда «критик» уже не способен отличить подделку от реальности. Именно эта способность подменять лицо на видео и фото делает технологию опасным инструментом в руках злоумышленников, открывая путь к хищениям и обману. Важно подчеркнуть, что в правовом поле необходимо учитывать факт скрытого использования нейросетей, когда отсутствует уведомление об их применении. [2.]

Правоохранительные органы уже начинают использовать возможности искусственного интеллекта в своей деятельности. Так, с сентября прошлого года московская городская сеть видеонаблюдения, состоящая из 170 тыс. камер, была подключена к нейронной сети. Искусственный интеллект от компании NtechLab распознает лица прохожих и сравнивает их с базой данных МВД. За два месяца пилотного проекта нейросеть помогла поймать шестерых преступников. Однако если ИИ помогает бороться с преступностью, то он же может использоваться и для ее совершения.

В России предпринимаются определенные шаги по нормативному регулированию сферы искусственного интеллекта. 1 января 2025 г. в России вступили в силу сразу несколько стандартов, регулирующих применение искусственного интеллекта в различных сферах, включая здравоохранение, образование и дорожное строительство [3.]

В современной геополитической ситуации, когда Россия столкнулась с ограничениями в международном правовом взаимодействии, назрела необходимость выстраивания собственных эффективных подходов к расследованию киберпреступлений. Речь идет о защите персональных данных, имущественных прав и физической безопасности граждан [4.]

Сегодня Минцифры совместно с МВД и Роскомнадзором ведет разработку нормативной базы для технологии дипфейк. Задача – предотвратить использование подмены личности в мошеннических схемах, поскольку текущее законодательство эту сферу просто не охватывает. При этом важно понимать: сам по себе факт создания синтезированного контента вне криминального контекста не является правонарушением. И хотя официальная статистика по таким преступлениям пока не собирается, законодатели все активнее обращают внимание на эту проблему, и спрос на регулирование очевидно растет [4.]

Основная сложность при квалификации преступлений, где используется технология дипфейк, в том, что в Уголовном кодексе РФ до сих пор нет специальных норм, которые учитывали бы специфику такого способа действий. Правоприменителям приходится опираться на общие составы преступлений, а это неизбежно порождает массу теоретических и практических проблем.

Чаще всего дипфейки в криминальных целях встречаются, пожалуй, в сфере преступлений против собственности – в первую очередь при мошенничестве (ст. 159 УК РФ). Злоумышленники используют поддельные видео

или аудио, чтобы имитировать голос или внешность руководителя, родственника или другого человека, пользующегося доверием. Цель одна – получить доступ к деньгам или ценной информации. В таких ситуациях дипфейк выступает как инструмент обмана. Но здесь же возникает и сложный вопрос с доказыванием: если подделка выполнена настолько качественно, что может ввести в заблуждение любого здравомыслящего человека, должен ли был потерпевший проявлять повышенную осмотрительность? Иначе говоря, меняются ли подходы к доказыванию обмана, когда технологии позволяют создать практически неотличимую от реальности фальшивку?

Еще одна категория преступлений – это посягательства на честь и достоинство. С помощью дипфейков, например, создают порнографию, используя лицо конкретного человека без его согласия, или распространяют заведомо ложные, порочащие сведения – т. е. занимаются клеветой (статья 128. 1 УК РФ). И здесь основная проблема в том, что видеоряд получается настолько реалистичным, что зритель, включая суд, может воспринимать его как подлинное доказательство тех или иных событий.

Особую тревогу вызывают случаи, когда дипфейки используют для преступлений против государственной власти, конституционного строя и безопасности государства. Речь, в частности, о создании поддельных видеообращений от имени публичных лиц, где содержатся призывы к экстремизму или террористической деятельности. В данном контексте важно учитывать, что с точки зрения уголовно-правовой охраны действия, направленные на призыв к рассматриваемой деятельности посредством использования технологии дипфейка, следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской/террористической деятельности или нет. [4.]

Еще одна серьезная проблема – использование дипфейков в уголовном процессе, а именно в сфере доказывания. Поддельные аудио и видео могут попадать в материалы дела как доказательства, вводить в заблуждение следователя, суд, дискредитировать участников процесса. Отсюда прямая необходимость: нужно вырабатывать критерии, по которым можно оценить подлинность цифровых доказательств, и обязательно назначать экспертизы, чтобы выявить признаки синтетической генерации.

Не менее сложный вопрос – кто вообще считается субъектом преступления, если использовался дипфейк. В отличие от традиционных дел, где исполнитель, как правило, понятен, здесь мы имеем дело с несколькими участниками и распределением ролей. Можно выделить несколько категорий таких лиц.

Первая – непосредственный исполнитель. Тот, кто применяет готовый дипфейк для достижения преступного результата: например, звонит жертве, используя поддельный голос, или рассылает сфабрикованное видео. Чтобы

привлечь его к ответственности, нужно доказать, что он знал о подложности материала и действовал с прямым умыслом.

Вторая – тот, кто создал дипфейк. Это человек, который с помощью нейросетей и специального софта генерирует фальшивый контент. Его ответственность зависит от того, действовал он самостоятельно или в связке с исполнителем. Если он изготовил дипфейк под заказ для конкретного преступления, его действия можно квалифицировать как пособничество (часть 5 статьи 33 УК РФ). Но на практике сложность в том, чтобы доказать субъективную связь между создателем и исполнителем, а главное – что создатель знал, для каких именно противоправных целей все это используется.

Третья категория – распространитель. Тот, кто тиражирует поддельный контент в интернете и других сетях. Здесь проблема в том, чтобы отличить умышленное распространение заведомо ложной информации от обычного репоста, который человек сделал без намерения кому-то навредить.

Отдельно стоит вопрос о владельцах цифровых платформ и разработчиках программного обеспечения. Гражданский кодекс (ст. 1253.1) в определенных случаях допускает ответственность информационных посредников. А вот об уголовной ответственности за то, что платформа не заблокировала и не промаркировала синтетический контент, пока можно говорить только гипотетически. Уголовное дело, наверное, возможно, если бездействие было умышленным и повлекло тяжкие последствия – например, когда из-за распространения дипфейка с призывами к насилию начались массовые беспорядки.

В литературе иногда встречается дискуссия о том, можно ли наделить искусственный интеллект статусом субъекта правонарушения – в западной практике, например, предлагают концепцию «электронной личности». Но российское уголовное право стоит на этом твердо: субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста. ИИ, какими бы сложными нейросетями он ни управлялся, остается лишь инструментом в руках злоумышленника. Ответственность несет человек.

В целом проведенный анализ показывает: законодательство в части противодействия преступлениям с дипфейками имеет явные пробелы. В УК РФ назрели точечные изменения – и в Общей, и в Особенной частях. Кроме того, правоохранителям давно нужны понятные практические рекомендации по расследованию таких дел и по назначению экспертиз. И здесь важно не упускать из виду главное: технологии искусственного интеллекта сами по себе не несут деструктивного начала. Это такой же инструмент, как и многие другие научные достижения, – все зависит от того, в чьих руках он оказывается и с какой целью используется.

Список литературы

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Желудков М. А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // *Lex russica*. 2021. Т. 74, № 4. С. 63–70. DOI: 10.17803/1729-5920. 2021.173.4.063-070
3. Нейросети против людей. Кто является собственником цифровых произведений // *Гарант*. URL: <https://www.garant.ru/article/1799577/> (дата обращения: 21.02.2026).
4. Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19, № 11. С. 106–113. DOI: 10.17803/19941471.2024.168.11.106-113

УДК 343.8

Тинякова Е. А., *Хотьково, Сергиев-Посад*

ВЗЯТКОМАНИЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ КОРРУПЦИИ: ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ К КРИМИНАЛУ

Аннотация. Предлагается гуманистический ракурс противодействия аддикции к взяточничеству, который позволит в наказании разделять выполнение профессиональных обязанностей и деструктивную психологическую зависимость-влечение к получению взятки. Подчеркивается, что выделение ценностного ядра в личности может сыграть роль противодействия коррупции без социального уничтожения личности наказанием.

Ключевые слова: психология коррупции, взяточomanия, аддикция, социальная психология, психология личности, наказание, гуманистический принцип, криминология.

Tinyakova E. A., *Khotrovo, Sergiev-Possad*

BRIBERY AS A CENTRAL PROBLEM OF CORRUPTION PSYCHOLOGY: FROM PSYCHOLOGICAL PATHOLOGY TO CRIMINALITY

Abstract. The outgoing year broke the record for the number of detentions and arrests of high-ranking employees of the Ministry of Defense, heads of regions, vice-governors, ministers, entrepreneurs, and mayors. The article proposes a humanistic approach to countering addiction to bribery, which allows for the separation of performing professional duties from destructive psychological dependence on receiving bribes. The identification of the value core in an individual can play a role in countering corruption without the social destruction of the individual through punishment.

Keywords: psychology of corruption, bribery, addictions, social psychology, personality psychology, punishment, humanistic principle, and criminology.

Статья, посвященная актуальной тематике, начнется с вывода. Если пространство коррупции в форме взяточничества резко возрастает, значит меры противодействия ошибочны.

За последние пять лет (с 2019 г.) обвинения в совершении различных уголовных преступлений были выдвинуты в отношении 16 бывших и действующих чиновников федерального уровня, среди которых министры, заместители министров, главы ведомств [1]. В их числе три бывших министра и один экс-глава федерального ведомства, а также 13 заместителей министров, включая 4 действующих. Слишком большое количество высокопоставленных лиц были привлечены к уголовной ответственности длительными сроками лишения свободы, огромными штрафами и конфискацией имущества.

Ведь министры, руководители разного ранга, в том числе Министерства обороны и силовых структур, губернаторы и вице-губернаторы, мэры, предприниматели бизнес-структур, представляют верхушку страны [2]. Поэтому, с одной стороны, меры пресечения незаконного обогащения за счет ущерба государству должны выполнять законоохранную функцию с целью искоренения искривления экономического развития страны, а с другой сторон – создающийся широкий имидж коррупции отражается негативным светом на общество – к руководству в административных структурах теряется уважение граждан России. Ведь руководитель любой структуры, потому и избирается на лидерские позиции, что он ведет за собой остальных, подает пример, вырабатывает стратегию.

Среди большого пространства лиц административных структур много личностей с высокими образовательными стандартами и важными профессиональными делами. Безусловно, в фокусе это большого коллектива привлеченных к ответственности лиц, одно из центральных положений занимает личность Тимура Иванова, заместителя министра обороны РФ. Он окончил факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1997), Международную академию маркетинга и менеджмента (2004), кандидат экономических наук (2011). На протяжении профессионального пути Т. Иванов занимал очень ответственные должности: в 1997–1999 гг. работал на руководящих должностях в коммерческих организациях; в дальнейшем был советником в департаменте сооружения атомных объектов Министерства РФ по атомной энергии (1999–2002), советником первого заместителя гендиректора по экономике и финансам концерна «Росэнергоатом» (2002–2006), президента ЗАО «Атомстройэкспорт» (2004–2006); в 2006–2010 гг. – вице-президент, затем первый вице-президент ЗАО «Атомстройэкспорт»; в 2008–2009 гг. – заместитель председателя правления ОАО «Интер РАО ЕЭС»; в 2008–2012 гг. – советник министра энергетики РФ, в 2009–2012 гг. – гендиректор Российского энергетического агентства Минэнерго России; в мае – ноябре 2012 г. – заместитель председателя правительства Московской области, с марта 2013 г. по май 2016 г. – гендиректор АО «Оборонстрой», которое контролировалось Министерством обороны РФ, с мая 2026 г. был назначен заместителем министра обороны РФ. Раз Тимур Иванов двигался по восходящей в профессиональной лестнице, значит его знания и деятельность были полезны.

Представим список других осужденных лиц административного уровня:

- Марина Лукашевич, статс-секретарь замминистра науки и высшего образования РФ (2020) – шесть лет и шесть месяцев лишения свободы;
- Анатолий Тихонов, замминистра энергетики РФ (2020) – пять лет и четыре месяца колонии, штраф в размере 500 млн руб.;

– Владимир Токарев, заместитель главы Минтранса с 2018 г. (одновременно в 2020–2021 гг. был руководителем Федерального агентства железнодорожного транспорта) (2022) – обвинен по уголовному делу о растрате на сумму 700 млн руб.;

– Максим Паршин, заместителя министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (2023) – обвинение в получении взятки в 3,5 млн руб.;

– Иван Греков, вице-губернатор Рязанской области (2021) – обвинен в мошенничестве и получении взяток.

Теперь перейдем к 2025 г.:

– Алексей Смирнов, бывший губернатор Курской области, и его помощник Алексей Дедов (конец 2024–2025) – обвинен в получении взятки около 30 млн руб. во время строительства оборонительных сооружений; обвинение в мошенничестве и присвоении громадных сумм денег было обнаружено в Корпорации развития Курской области в лице бывших гендиректора структуры Владимира Лукина и его заместителей Игоря Грабина и Дмитрия Спиридонова, а также гендиректора подрядчика ООО «КТК Сервис» Андрея Воловикова;

– Максим Егоров, бывший губернатор Тамбовской области (2025) – у экс-главы региона и его родственников арестовано имущество более чем на 130 млн руб.; также заместитель губернатора Тамбовской области Сергей Иванов обвинен в получении взятки в особо крупном размере;

– Рустэм Зайнуллин, вице-губернатор и министр имущественных и земельных отношений Белгородской области (2025) – обвинен в мошенничестве на 32 млн руб., его коллега Владимир Базаров – обвинен в мошенничестве 250 млн руб.;

– Николай Симоненко, бывший губернатор Брянской области, и его сын Юрий Симоненко – обвинение в нанесенном ущербе 800 млн руб.; еще один заместитель губернатора Брянской области Александр Петроченко был обвинен в получении взятки 20,7 млн руб.; еще одно обвинение из Брянской области – заместители губернатора Брянской области Татьяна Кулешова и Елена Егорова;

– Денис Кочнев и Владислав Мартыанов, руководители департамента ЖКХ Ивановской области – обвинены в превышении полномочий с нанесением экономического ущерба; также Дмитрий Вавринчук, директор департамента дорожного хозяйства и транспорта Ивановской области и его заместитель Алексей Панков – оба получили обвинение в получении взятки 61,5 млн руб. (директор) и 6,5 млн руб. (заместитель).

Этот список могут продолжить привлеченные к уголовной ответственности министры:

– министр цифрового развития правительства Ярославской области Александр Королев;

– министр предпринимательства, торговли и туризма Воронежской области Геннадий Швырков и замминистра предпринимательства, торговли и

туризма Александр Кукин и еще два заместителя главы министерства ЖКХ и энергетики Елена Евсюкова и Наталия Толчеева;

– экс-министр здравоохранения Тамбовской области Екатерина Юнькова.

Преступления по типу мошенничества через взятки и неоправданные растраты были выявлены в деятельности мэров и вице-мэров региональных столиц. На таких должностях как руководитель муниципального предприятия, депутаты областных дум, руководители региональных фондов и др.

Как видно из описаний занимаемых должностей, все они требовали высокого уровня образования и профессиональной подготовленности. То есть осужденные лица квалификационно соответствовали занимаемой должности и могли выполнять профессиональные обязанности, иначе бы их не назначили. Однако ступив на преступную тропу, они попали в «ловушку», и вся их предыдущая жизнь, как профессиональная, так и личная перечеркивается. Практически, закон сработал на социальное перечеркивание личности. Однако, как мы знаем, в основе законодательства лежит принцип гуманности, который нужно понимать прежде всего как исправление заблудившейся личности. Поэтому вернемся к выводу, с которого началась статья: если принимаемые меры не приводят к сокращению антисоциальных действий, значит их надо модернизировать. И модернизировать прежде всего с акцентирования гуманности. Личность надо исправлять, а не уничтожать. Из упомянутых обвиненных большинство сохраняют жизнь и далее входят в новый формат жизни, назначенный судебным разбирательством. Однако есть и случаи самоубийств. Так поступил Роман Старовойт, российский государственный и политический деятель, занимавший посты губернатора Курской области и министра транспорта РФ. При первой же попытке изучать его деятельность на мошенничество, он застрелился.

Поставим вопрос об анализе сложившейся ситуации с искоренением взяточничества с точки зрения психологии [3]. Взятничество, превращающееся во взяточничество, – это аддикция, такая же как алкоголизм, наркомания, игромания, фантомания и другие ее виды [4]. Отсутствует научно-психологическая концепция появления склонности к взяточничеству как виду аддикции с изменениями в коре головного мозга. Уже есть первые исследования, которые выявляют изменения в мозге, которые не могут «открыть стоп-кран» для отказа от приобретения большой суммы денег. Также как наркоман или алкоголик не может остановиться.

Прежде чем проникать в глубокие психологические изучения, обратимся к социологии. В стране существует минимальный уровень прожиточного минимума. С одной стороны, это гарантия финансовой защиты, а с другой – минимальный уровень прожиточного минимума имеет социально воспитательное воздействие и устанавливает твердую линию цен, получения других оплачиваемых благ. Прожиточный минимум – это фрагмент социального существования, в одной стороны он имеет границу – минимальный уровень, а с другой – ему конца нет, т. е. не установлен максимум прожиточного

минимума. Максимум прожиточного минимума тоже должен быть рассчитан по многим параметрам и вестись на общество. Тогда фрагмент социального существования, называемый прожиточным минимумом, будет логичен – есть оба конца. Введение максимального прожиточного минимума может сыграть значительную роль в организации доходов населения.

Второе предложение. При выявлении финансовых нарушений у административного лица нужно сразу сделать «диалог» в следственном деле: какие действительные заслуги были у обвиняемого на его профессиональном пути (их нельзя забывать и перечеркивать) и четкое выявление появления склонности к взятке (почему так случилось, если склонность появилась у самого обвиняемого, тогда это скорее всего переход нормальной психологии восприятия денег в патологическую, которую нужно квалифицировать как аддикцию). Проявление ценностного отношения к личности в упоминании ее лучших дел и качеств – это очень действенное средство исправления и осуждения обвиняемого самим собой. Ведь гуманизм – это прежде всего спасение человека, в данном случае попавшего под обольщение денежной массы. Если до получения обвинения личность все же проявлялась в достойных профессиональных делах, нужно начинать обвинительный процесс с этой стадии. А затем внимательно идентифицировать исток взяточничества. При просмотре списков конфискованного имущества обвиненных во взяточничестве явно выступает аномальное мышление, чаще всего это списки коллекционирования, или изготовление по заказу дорогих вещей или украшений (например, серебряные погоны). Примеры имущественного конфискования у осужденных за взяточничество и растраты: дорогостоящие часы марок Rolex и Balmain, дорогие ювелирные изделия, высокой художественной ценности картины, музейные коллекции оружия и обмундирования, в том числе обмундирование СС и люфтваффе, немецкий кинжал, немецкая офицерская сабля образца 1848 г., сабля Вооруженных сил Германии образца 1935 г. и карабин Mauser и др. Если бы эти лица передали исторические предметы в музей, они бы получили благодарность и возможно денежное вознаграждение. Однако их привлек другой путь.

Для следствия должно быть очень важно: как проявляется аномалия мышления в накоплении богатства (эта разрушительная черта хранится личностью в секрете, также как наркомана трудно удержать, потому что он прячет наркотики). И установление истока взяточнической деятельности должно определять степень строгости наказания: если человек психически нездоров, это нужно учитывать. Довольно нередко встречается перенос обогащения на родственников, близких знакомых и друзей. В таких случаях нужно идентифицировать возможное подстрекательство, и тогда распределение ответа с наказанием должно быть пропорционально.

Однако гуманистический принцип юриспруденции должен побуждать сохранить от пострадавшей личности как можно больше ценного, что в ней

было. Юридический принцип наказания должен следовать концепции исправления, а не уничтожения. Юриспруденция также является частью социальной педагогики. Многие учителя согласятся, что при большом проявлении хулиганства в классе и введении строгих карательных мер, нарушения только обостряются и переходят в более трудную фазу исправления. Как пример, можно привести трагические случаи стрельбы в учебных заведениях. Конечно, безусловно, есть и террористические мотивы, которыми нельзя пренебрегать.

В заключение приведем предложения о внесении дополнений в закон об уголовной ответственности за взяточничество. 1. Нужно различать взяточничество, взяточпособничество и неоправданные растраты. И строгость наказания строить прежде всего не от суммы, а от последствий. 2. Сделать четкую градацию ответственности за присвоенные деньги в зависимости от суммы (очень детально, особо оговорить суммы в зарубежной валюте – здесь наказание должно быть строже). 3. При одной и той же сумме присвоения денег наказание должно быть строже, если взяточник складывает вокруг себя коллектив единомышленников. 4. Минимально возлагать наказания на тех, кто «был вклеен» в процесс взяточничества или растрат неосознанно и еще меньше, по обману. Причем корневому обвиняемому во взяточничестве повышать строгость или время наказания за втягивание в свою обманную деятельность других людей. 5. При назначении наказания в форме заключения или вида принудительных работ, проживания в колонии, осужденных из среды высокопоставленных лиц содержать отдельно от осужденных из обычного социального слоя. При этом при их желании позволять продолжать профессиональную деятельность. 6. Если во время расследования у обвиняемого явно обнаружено раскаяние и добровольная отдача награбленного, наказание нужно снижать. Но в дальнейшем должен быть контроль за заявлением раскаяния. 7. Тип наказания по строгости и срокам должен зависеть от времени, потраченном на предъявление обвинений и расследование. Если противозаконное действие раскрывается быстро, то наказание становится слабее, но с обязательным закреплением и контролем результата. 8. Внести указанные корректировки в законодательство. В редакторских правках также указать, что могут вноситься индивидуальные методы, по согласию судей и следователей. Потому что весь типаж этой разветвленной деятельности трудно оговорить полностью, и это затруднит восприятие текста закона – он будет переполнен деталями.

Список литературы

1. Случаи судебных приговоров в отношении высокопоставленных российских чиновников // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/18271403> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Как возбуждали уголовные дела в отношении высокопоставленных сотрудников МО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/21716971> (дата обращения 22.03.2026)/
3. Решетников, М. М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия : монография. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019.
4. Гарифуллин Р. Р. Взяточничество как одна из причин взяточничества: психологический анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 9–14.

УДК 342.92

Чигрецкая А. А., Федчук И. Л., *Минск*

ДЕФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРИЧИНА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассматривается влияние деформации социальной ответственности на совершение административных правонарушений в Республике Беларусь. Проанализированы изменения правосознания и предложены меры профилактики.

Ключевые слова: административное правонарушение, правосознание, правовой нигилизм, профилактика правонарушений, Республика Беларусь, социальная ответственность.

Chigretskaya A. A., Fedchuk I. L., *Minsk*

SOCIAL RESPONSIBILITY DEFORMATION AS A CAUSE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN MODERN SOCIETY

Abstract. This article examines the impact of social responsibility deformation on administrative offenses in the Republic of Belarus. Changes in legal awareness are analyzed and preventive measures are proposed.

Keywords: administrative offense, legal awareness, legal nihilism, offense prevention, Republic of Belarus, social responsibility.

Социальная ответственность представляет собой осознанное отношение личности к требованиям общества, готовность следовать правовым предписаниям не только из страха наказания, но и в силу внутреннего убеждения в их справедливости. Ее деформация – это искажение данного механизма, при котором правовые нормы перестают быть не только внешним, но и внутренним регулятором поведения.

Социальную ответственность принято делить на два основных вида:

1. Позитивная (перспективная) ответственность. Это ответственность за будущее поведение. Она выражается в осознании индивидом необходимости выполнения социальных норм, внутренней дисциплине и чувстве долга. Человек не нарушает правила не потому, что боится наказания (штрафа, ареста), а потому, что считает такое поведение единственно возможным для себя. Это высший уровень регуляции.

2. Негативная (ретроспективная) ответственность. Это ответственность за уже совершенное деяние. Именно она лежит в основе юридической ответственности государственное принуждение, осуждение и наказание за нарушение правовых норм.

Социальная ответственность включает в себя несколько компонентов, влияющих на поведение: правовой (знание законов), моральный (совесть, честь) и политический (гражданская позиция). В белорусском обществе, где сильны традиции коллективизма и взаимоуважения, потенциал позитивной социальной ответственности особенно велик. Однако для его реализации

необходимо, чтобы правовые предписания совпадали с внутренними моральными установками граждан.

Юридическая ответственность за административные правонарушения в Беларуси регулируется Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), а порядок привлечения к ней Процессуально-исполнительным кодексом об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). Согласно ст. 1.2 КоАП, задачами законодательства об административных правонарушениях являются не только наказание виновных, но и предупреждение совершения новых правонарушений, повышение правосознания и правовой культуры физических лиц.

Легальное определение административного правонарушения закреплено в ст. 2.1 КоАП. Административным правонарушением признается противоправное виновное деяние (действие или бездействие), физического лица, за совершение которого установлена административная ответственность [5].

Административная ответственность обладает внешними признаками и внутренним содержанием, а ее мерой выступает административное взыскание, которое в современных условиях развития административно-деликтного права рассматривается в качестве единственной формы реализации административной ответственности, в отличие от уголовного права, в котором, наряду с назначением наказания, возможны, например, условное неприменение и отсрочка исполнения наказания [7].

Однако формально-юридического подхода недостаточно для понимания глубинных причин противоправного поведения. Как справедливо отмечает М. Е. Максимочкин, правонарушение – это всегда аморальное воздействие на общество, причинение ему материального, физического или морального вреда [6]. В отличие от преступлений, административные правонарушения часто воспринимаются правонарушителем как «незначительные». Именно это восприятие – ключевой маркер деформации социальной ответственности.

Деформация социальной ответственности проявляется в игнорировании социального подхода. Человек, совершая проступок (например, нарушение правил дорожного движения), не видит в этом общественной проблемы, фокусируясь исключительно на собственной выгоде или удобстве.

Деформация социальной ответственности – сложное явление, которое проявляется в нескольких формах. Наиболее опасными с точки зрения генезиса административных правонарушений являются правовой инфантилизм, правовой нигилизм и правовой цинизм [4].

Правовой инфантилизм характеризуется несформированностью правовых знаний и установок. Лицо может совершить административное правонарушение не из злого умысла, а по причине незнания закона или непонимания его социальной значимости. Это особенно характерно для молодежной среды, где отсутствие жизненного опыта сочетается с размытыми представлениями о границах дозволенного. Сейчас в учреждениях образования

наблюдается тенденция проведения мероприятий для повышения правосознания учащихся. Проводятся занятия с представителями правоохранительных органов, где рассказывают о правонарушениях и их последствиях. В этой связи белорусское законодательство, в частности Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон о профилактике), декларирует важность правового просвещения.

Правовой нигилизм представляет собой осознанное отрицание ценности права. Индивид знает о существовании нормы, но сознательно ее нарушает, полагая, что правовые предписания не соответствуют интересам общества или, чаще всего, его личным интересам. Это наиболее распространенная форма деформации, лежащая в основе таких массовых составов, как нарушения правил дорожного движения. Неэффективность правоприменения. Как справедливо отмечается в научной литературе, борьба с административными правонарушениями зачастую ведется преимущественно репрессивными методами [1]. Если главной целью становится не восстановление справедливости, а наложение штрафа (пополнение бюджета), это усиливает нигилизм. Граждане начинают воспринимать штраф не как меру ответственности, а как «очередной налог».

Наиболее опасная форма правовой цинизм – активное неприятие права, сопровождающееся убежденностью в собственной безнаказанности и неуважении к правоохранительным органам. Цинизм часто является причиной совершения правонарушений, посягающих на общественный порядок (мелкое хулиганство ст. 19. 1 КоАП), где деяние совершается с целью самоутверждения или демонстрации пренебрежения к окружающим. Вандализм, представляет собой яркое проявление деформации социальной ответственности. Вандализм демонстрирует глубокое отчуждение личности от общества: разрушая скамейки, лифты или остановки, правонарушитель не осознает общность публичного пространства и не идентифицирует себя с социумом. Такое поведение свидетельствует о разрыве внутренних моральных барьеров, инфантилизме и иллюзии анонимности, когда человек полагает, что его действия останутся безнаказанными. Эффективная профилактика вандализма, помимо штрафов, требует формирования у граждан чувства сопричастности к общему пространству и применения восстановительных практик, обязывающих правонарушителей устранять причиненный вред.

Причины деформации социальной ответственности носят комплексный характер. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить несколько групп факторов, способствующих развитию этой деформации.

Социально-экономические факторы такие как, уровень жизни, доход нередко становятся причиной совершения правонарушений. Мотивы людей, обусловленные, например, нищетой, заставляют совершать кражу в магазинах и в иных местах.

Парадоксально, но расширение использования средств автоматической фиксации (фото– и видеofиксация нарушений ПДД), повышая выявляемость, не всегда решает проблему деформации ответственности. Водитель перестает думать о безопасности, думая лишь о том, где стоит камера. Социальная ответственность подменяется ситуативным страхом, нежеланием получить санкцию в виде штрафа.

Законодательство Республики Беларусь содержит ряд механизмов, направленных не только на наказание, но и на коррекцию деформированного правосознания.

Правосознание не возникает в вакууме. Она формируется под влиянием семьи, школы, трудового коллектива и общественных объединений, субъектов профилактики правонарушений. В Республике Беларусь создана разветвленная система субъектов профилактики правонарушений, что закреплено в Законе о профилактике

Применяемые ими меры общей профилактики включают социально-экономические, культурные мероприятия, без которых любые иные меры профилактического воздействия будут малоэффективны. В первую очередь речь идет о социальной защите населения, уровне благосостояния общества в целом и уровне жизни отдельных групп граждан, государственной политике занятости, духовном развитии, повышении правовой культуры, формировании правосознания и т. д. [3].

Профилактика, как приоритетное направление, в отличие от наказания, направлена именно на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Она призвана воздействовать на деформацию социальной ответственности на ранних стадиях: через информирование, убеждение и формирование уважения к праву. Закон о профилактике – не единственный нормативный правовой акт, который воздействует на деформацию социальной ответственности. КоАП содержит целую главу, которая закрепляет профилактические меры воздействия такие как: устное замечание, предупреждение и меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним. При этом Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь и иное законодательство содержат необходимый содержащийся в КоАП профилактический инструментарий в должной мере противодействует этой социальной деформации. Судебная статистика позволяет говорить о положительной динамике. Верховный Суд Республики Беларусь отмечает: «Если до 2021 г. цифра привлеченных к административной ответственности ежегодно достигала 300–350 тыс. чел., то сейчас она снизилась примерно на 40 %. Сегодня к административной ответственности привлекается около 200 тыс. человек в год» [2].

Административная ответственность несовершеннолетних устанавливается гл. 9 КоАП, где закрепляются особенности ответственности лиц от 14 до 18 лет. Законодатель, вводя пониженные санкции и возможность применения

принудительных мер воспитательного характера, прямо указывает на приоритет исправления, а не наказания. Работа с несовершеннолетними направлена на преодоление в будущем правового инфантилизма и вытекающих из него последствий в виде административных правонарушений.

Исходя из анализа деформации социальной ответственности как причины правонарушений, можно предложить ряд направлений совершенствования административно-деликтной политики в Республики Беларусь. Требуется расширение практики применения альтернативных мер воздействия, не связанных с изоляцией или простым изъятием денежных средств. Обязательные общественно полезные работы обладают высоким потенциалом для восстановления социальной ответственности, так как заставляют правонарушителя непосредственно столкнуться с последствиями своего антиобщественного поведения и принести пользу тому обществу, нормы которого он нарушил.

Еще одним направлением совершенствования административно-деликтной политики является цифровая профилактика. В условиях, когда население активно пользуется интернетом и государственными порталами, необходимо использовать эти каналы для формирования положительного правосознания. Не просто угроза штрафом, а разъяснение, почему нельзя выбрасывать мусор в неположенном месте с точки зрения экологии и уважения к соседям, почему опасно превышать скорость.

Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь и иное законодательство содержат необходимый инструментарий для противодействия этой деформации. На данный момент, государство не делает акцент на карательных мерах, а наоборот, на предупредительных. Статистика позволяет говорить о положительной динамике. Верховный Суд Республики Беларусь отмечает: «Если до 2021 г. эта цифра ежегодно достигала 300–350 тыс. чел., то сейчас, по данным судебной статистики, она снизилась примерно на 40 %. Сегодня к административной ответственности привлекается около 200 тыс. чел. в год» [2].

Для реального снижения уровня правонарушений необходимо смещение мер от наказания за уже совершенное деяние к системной работе по формированию у граждан устойчивых механизмов социальной ответственности. Только когда соблюдение закона станет внутренней необходимостью и желанием, а не вынужденной мерой, можно будет говорить об эффективности административно-деликтной политики.

Социальная ответственность не является альтернативой юридической ответственности, а выступает ее фундаментом и необходимым дополнением. Как показывает анализ белорусского законодательства и практики его применения, государство осознает важность воспитания внутреннего контролера в сознании граждан.

Предупреждение административных правонарушений будет максимально эффективным только тогда, когда внешний запрет (санкция) совпадет с внутренним убеждением человека в том, что поступать по-другому нельзя.

Воспитание социальной ответственности – процесс долгий и трудоемкий, но именно он ведет общество от состояния «население, управляемое страхом наказания» к состоянию «гражданское общество, управляемое чувством долга и совести». В современной Беларуси, где правовая система активно развивается, ставка на повышение уровня социальной ответственности является стратегически верным путем снижения уровня административных правонарушений и повышения качества жизни в целом.

Список литературы

1. Ахтанина Н. А. Административно-правовое регулирование общественной нравственности и общественного порядка // NB: Административное право и практика администрирования : сетевой журнал. 2024. № 4. С. 77–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-obschestvennoy-nravstvennosti-i-obschestvennogo-poryadka> (дата обращения: 19.03.2026).
2. ВС отметил значительное снижение числа привлекаемых к административной ответственности // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 17.11.2025. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/november/90961/>. (дата обращения 19.03.2026)
3. Гербеков И. И. Понятие и виды профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика : научно-практический журнал. 2017. № 4. С. 99–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-profilaktiki-pravonarusheniy> (дата обращения: 19.03.2026).
4. Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Метафизика административной деликтности // Правовая политика и правовая жизнь : академический юридический журнал. 2023. № 2. С. 73–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-administrativnoy-deliktnosti> (дата обращения: 19.03.2026).
5. Кодекс Республики Беларусь об административных от 6 января 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk2100091> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Максимочкин М. Е. Правонарушения в современном российском обществе и их причины // Огарев-Online : электрон. период. изд. 2014. № 11 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravonarusheniya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-i-ih-prichiny> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Чуприс О. И. Справедливость административной ответственности // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 1. С. 1–10.

УДК 343.95

Домнина О. В., Шевлякова В. А., *Саратов*

РОЛЬ СЕМЬИ И БЛИЖАЙШЕГО СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ ОСОБЫХ КАТЕГОРИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ И ПОДДЕРЖКА

Аннотация. Рассматривается значение семьи и ближайшего социального окружения в процессе ресоциализации осужденных, в том числе из числа лиц, относящихся к особым категориям. Выявляются методы, средства и способы, которые направлены на ресоциализацию осужденных путем создания условий для построения семейных и социальных связей с членами семьи, родственниками и иным ближайшим окружением. Подчеркивается необходимость создания определенных социальных программ, которые наличием комплексных мер приведут к созданию соответствующих условий для взаимодействия осужденных с членами их семей, ближайшим окружением в целях проведения определенных психологических работ.

Ключевые слова: семья, ближайшее социальное окружение, ресоциализация, адаптация, семейные связи, поддержка.

Domnina O. V., Shevlyakova V. A., *Saratov*

THE ROLE OF FAMILY AND NEARBY SOCIAL ENVIRONMENT IN THE RESOCIALIZATION PROCESS OF PRISONERS FROM SPECIAL CATEGORIES: PSYCHOLOGICAL SUPPORT AND ASSISTANCE

Abstract. This article examines the importance of family and the immediate social environment in the process of resocialization of convicts, including those belonging to special categories. This scientific research aims to identify methods, tools, and approaches that focus on the resocialization of convicts by creating conditions for building family and social connections with family members, relatives, and other immediate surroundings. The article also highlights the need for specific social programs that, through comprehensive measures, can create appropriate conditions for convicts to interact with their family members and immediate surroundings for psychological support.

Keywords: family, immediate social environment, resocialization, adaptation, family ties, and support.

Выполнение задач исправления лиц, подвергшихся осуждению, а также их возвращение к социально привычной жизни – приоритетные направления в деятельности российских органов пенитенциарной системы. В отечественной системе исполнения наказаний зафиксирована острая проблема: недостаточная полнота и качество социальной адаптации заключенных. Особую уязвимость демонстрируют осужденные женщины, имеющие несовершеннолетних детей, а также пожилые люди и граждане с инвалидностью. Обусловлено это высокой распространенностью у них психоэмоциональных и социальных проблем. Прежде всего, это низкая самооценка, сложности в воспитании ребенка, проблематика передачи семейных традиций и жизненного опыта, неспособность самостоятельно содержать семью, что ведет к социальной маргинализации. Пожилые и инвалиды зачастую испытывают комплекс неполноценности, который препятствует налаживанию социальной коммуникации и близких эмоциональных связей, замедляя и усложняя адаптацию в обществе.

Нормативные акты Российской Федерации четко предписывают инструменты и методы коррекции лиц, отбывающих уголовное наказание. Уголовно-исполнительный кодекс России очерчивает основные направления исправительной деятельности – порядок отбывания наказания, режим содержания осужденных, воспитательные и образовательные мероприятия, трудовую занятость и иные полезные занятия, освоение образовательных и профессиональных программ, а также участие представителей общественности в исправлении [1]. Именно через данные способы реализуются правовые задачи наказания, складываются системы на базе принципов общей и специальной превенции, что ведет к уменьшению рецидива преступлений. Вместе с тем нахождение в исправительном учреждении – это серьезное испытание для осужденных, сопряженное с тяжелыми психологическими проблемами и частую вызывающее значимое и устойчивое негативное влияние на личность.

В российском праве термин «ресоциализация» обозначает совокупность мероприятий, направленных на возвращение осужденного к прежнему положению в обществе. Являясь противоположностью социализации, ресоциализация представляет собой многоаспектный процесс, ориентированный на восстановление у индивида социально значимых связей, включая взаимоотношения с членами семьи, и усвоение моральных и этических норм. Законодательно определены и соответствующие правовые отношения, регулирующие профилактические меры. В частности, ст. 25 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений» определяет ресоциализацию как комплекс педагогических, социальных, экономических и юридических мер, осуществляемых субъектами системы профилактики и участниками, направленными на возврат осужденных и тех, кто подвергся уголовному воздействию, в социум [2]. В психологии ресоциализация – это механизмы и процессы, способствующие интеграции осужденных в общественную жизнь.

Действующее законодательство предусматривает применение различных методов и средств ресоциализации и исправления осужденных, которые не исчерпывают весь спектр возможностей, однако при правильном использовании способны обеспечить высокую эффективность результата.

Немаловажное влияние на ресоциализацию осужденного оказывает не только его близкое социальное окружение, но и родственные связи. Формирование подходящих условий для активного участия осужденного в общественной жизни способствует смене его поведения. Одним из наиболее эффективных способов считаются всевозможные психологические мероприятия, проводимые с осужденным и его семьей: консультирование, беседы, терапевтические занятия, помогающие своевременно выявлять нарушения и трудности. В их числе особо выделяются семейные психотерапии, направленные на повышение качества взаимодействия осужденного с родственниками, исследование корней конфликтов и совместный поиск выхода из сложившейся ситуации.

Семья и близкое окружение осужденного представляют собой систему, основанную на общих моральных принципах, ценностях, традициях, а также ответственности и взаимной поддержке. Именно в семье происходит формирование личности, а также адаптация осужденного к новым условиям, что становится его жизненной средой, где он не только проживает, но и вырабатывает жизненные ориентиры и связи с другими людьми.

В научных трудах А. М. Шевченко подчеркивается роль семьи как одного из ключевых социальных институтов, способствующих успешной реабилитации осужденных [7, с. 8]. К базовым условиям ресоциализации относятся регулярные контакты с родственниками и совместное участие в деятельности. Социально-психологические факторы, связанные с состоянием семейной среды, оказывают значительное влияние на уровень адаптации и успех исправления. Факторами, затрудняющими восстановление, выступают семьи, в которых доминируют злоупотребление алкоголем и наркотиками, низкий социальный статус, а также асоциальное поведение. Для достижения результатов по вхождению в общество особенно важна положительная позиция членов семьи: их поддержка облегчает процесс ресоциализации, предупреждая возможное повторное совершение преступлений.

На законодательном уровне в России предусмотрены меры поддержки лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с учетом их особенностей и состояния в период нахождения в исправительных учреждениях.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ устанавливает различные способы взаимодействия осужденных с их родственниками: встречи, телефонные переговоры, корреспонденция, передачу посылок, денежные переводы, а также допускает выезды за ограждения исправительных учреждений. Однако на практике реализация этих мер поддержки осложнена из-за значительного расстояния, отделяющего учреждения от семей, больших затрат на проезд и нежелания близких посещать заключенных. Подобные обстоятельства приводят к снижению поддержки со стороны родных, создают преграды на пути взаимопонимания, уменьшают мотивацию к исправлению и затрудняют общение и освоение новых способов деятельности.

В отечественном праве в последнее время сформирована система регулирования отношений, которые входят в институт пробации, целью которого также считается ресоциализация [3]. Этот институт направлен на реализацию комплекса мер, обеспечивающих социальную адаптацию лиц, оказавшихся в затруднительных жизненных обстоятельствах. Законодательное регулирование закрепляет меры, вытекающие из политики РФ, которая ориентируется на обеспечение условий для лиц, освободившихся из-под наказания.

Люди, выходящие из мест заключения, нередко сталкиваются с серьезными трудностями: от отсутствия дохода и жилья, особенно у представителей уязвимых групп, до отсутствия помощи со стороны родственников, на которые они могли бы рассчитывать. При этом успех социальной адаптации зависит не только от личных усилий, но и от поддержки семьи, веры близких

в возможность изменения осужденного. Недоверие родных зачастую приводит к внутренним конфликтам, которые затрудняют реабилитацию и ведут к отчуждению в социуме.

В настоящее время в России отсутствуют специализированные службы и учреждения, которые системно обеспечивали бы психологическую поддержку осужденных и их семей, содействуя тем самым повышению эффективности социальной адаптации и сглаживанию переходного периода после освобождения [4]. Достичь значимых результатов позволяют мероприятия, организуемые государственными и муниципальными структурами, которые создают и осуществляют социально направленные проекты по поддержке и трудоустройству бывших заключенных и их родственников. Важным элементом здесь выступают сами лица, успешно завершившие ресоциализацию, умеющие привлекать семьи к процессу адаптации. Выполнение социальных программ и помощь со стороны НКО, предоставляющих бесплатное консультирование и психологическую поддержку, укрепляют семейные связи, что повышает шансы на успешную реинтеграцию. Итогом таких мер становится сокращение преступности, уменьшение числа разводов и улучшение демографической ситуации.

Особое значение имеет факт того, что пребывание осужденных в исправительной колонии оказывает существенное влияние на их психологическое состояние и поведенческие модели, поскольку они вовлекаются в систему тюремных норм, ценностных ориентиров и убеждений [5]. При этом длительная изоляция в условиях строгого режима, сопряженная с ограничениями передвижения, приводит к дефициту возможностей для эффективного прохождения социального воссоединения с обществом [6].

Таким образом, в процессе ресоциализации людей, вышедших из мест лишения свободы, основополагающую роль приобретают семья, близкое окружение и группы поддержки, а также категории осужденных, требующих особого внимания. Именно эти социальные связи создают необходимые условия для их успешной адаптации и интеграции в социум. Реализация ресоциализации предполагает комплекс мероприятий, направленных на поддержание и укрепление семейных связей, а также на формирование у лиц, освободившихся из колонии, морально-нравственного стержня, обеспечивающего духовное и личностное развитие. Более того, результаты исследования свидетельствуют о необходимости формирования и внедрения специализированных, комплексных программ, создаваемых компетентными государственными и негосударственными структурами, в которых требуется применение междисциплинарных подходов для решения комплексных задач ресоциализации.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. О пробации в Российской Федерации : федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Борсученко С. А. Социальная адаптация осужденных и меры по ее обеспечению: опыт зарубежных стран // Вестник РПА. 2013. № 1. С. 41–44.
5. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Тюремная субкультура в России. М., 2006.
6. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной до государственной власти. М., 2001.
7. Шевченко А. М. Социальная реабилитация бывших заключенных : автореф. дис. канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 1997. 24 с.

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

УДК 008:34С

Васильев Н. Г., Терещенко А. Г., *Иркутск*

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ИДЕАЛИЗМА И ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Аннотация. Исследуется проблема формирования стереотипов правомерного поведения как способа преодоления правового идеализма и нигилизма в российском обществе. Рассматриваются причины возникновения указанных феноменов, их негативное воздействие на развитие гражданского общества и пути их устранения. Подчеркивается значимость образовательных программ, работы правоохранительных органов и активного участия СМИ в формировании устойчивых стереотипов правомерного поведения. Особое внимание уделяется понятию ритуального поведения, которое рассматривается как важный элемент правовой культуры. Статья предлагает комплекс мер, направленных на создание условий, при которых каждый гражданин осознает свою ответственность перед обществом и государством, уважительно относится к праву и соблюдает установленные нормы.

Ключевые слова: правовой идеализм, правовой нигилизм, стереотипы поведения, ритуальное поведение, образовательные программы, правоохранительные органы.

Vasiliev N. G., Tereshchenko A. G., *Irkutsk*

FORMATION OF STEREOTYPES OF LEGAL BEHAVIOR AS A WAY TO OVERCOME LEGAL IDEALISM AND LEGAL NIHILISM

Abstract. This article examines the development of stereotypes of lawful behavior as a means of overcoming legal idealism and nihilism in Russian society. It examines the causes of these phenomena, their negative impact on the development of civil society, and ways to address them. The importance of educational programs, the work of law enforcement agencies, and the active participation of the media in shaping persistent stereotypes of lawful behavior is emphasized. Particular attention is paid to the concept of ritual behavior, which is considered an important element of legal culture. The article proposes a set of measures aimed at creating conditions in which every citizen recognizes their responsibility to society and the state, respects the law, and complies with established norms.

Keywords: legal idealism, legal nihilism, behavioral stereotypes, ritual behavior, educational programs, law enforcement agencies.

Существующая в современном российском обществе проблема формирования правового государства, во многом, упирается в широко распространенный правовой нигилизм и правовой идеализм. Формирование правового государства в современной России столкнулось с серьезными препятствиями, такими как правовой нигилизм и правовой идеализм. Данные явления

оказывают негативное воздействие на общественное сознание и ведут к деформации механизма реализации нормативных актов. Решение указанной проблемы невозможно без комплексного анализа причин и разработки эффективных методов профилактики указанных негативных тенденций.

Население обращается к правовым нормам, декларируемым государством, часто тогда, когда регулятивная способность других социальных регуляторов уже исчерпана. Во многом это определяется тем, что приоритет позитивного права как выражения властной функции государства не подкрепляется нормами естественного права, носителем которого выступает гражданское общество. Приоритет позитивного права в подобной односторонней трактовке с неизбежностью относит правовые ценности в нижний ряд шкалы ценностей. Естественно, что вопрос о правовом государстве с приоритетом правовых ценностей, в подобной ситуации выглядит умозрительным и схоластическим. Правовой нигилизм формируется чаще всего в случае забвения сущности права или при подмене философских оснований правопонимания [1].

Правовая культура является одним из важнейших элементов цивилизованного общества. Однако часто мы сталкиваемся с двумя крайними проявлениями отношения к праву: правовым идеализмом и правовым нигилизмом. Правовой идеализм выражается в чрезмерном доверии к закону и убежденности в его абсолютной справедливости, тогда как правовой нигилизм характеризуется полным отрицанием значения права и недоверием к существующим нормам. Оба подхода являются деструктивными и препятствуют развитию здорового гражданского общества. Для преодоления этих явлений необходимо формирование устойчивых стереотипов правомерного поведения. Рассмотрим подробнее, почему именно этот путь представляется наиболее эффективным.

Прежде всего, важно понимать причины появления феноменов правовых идеализма и нигилизма. Правовой идеализм возникает вследствие недостаточного понимания реальных возможностей закона. Люди склонны переоценивать силу юридических норм, считая, что закон способен автоматически решить любые проблемы. Такое отношение формируется под влиянием пропаганды, образовательной системы и общественных мифов о всемогуществе государства.

Правовой идеализм появляется вследствие неправильного понимания реальной силы закона и его ограничений. Идеалистическое представление основано на убеждении, что законодательство способно обеспечить автоматическое решение всех проблем общества. Причинами распространения правового идеализма выступают: во-первых, недостаточная информированность граждан относительно практики применения законодательных норм, а также преувеличение возможностей закона благодаря пропаганде и системы образования. Во-вторых, укоренение в обыденном сознании мифа о всемогуществе государственных институтов.

Среди факторов, формирующих правовой нигилизм, можно выделить: несправедливость решений судов; распространенность коррупции; неработоспособность ряда нормативно-правовых положений. Эти факторы приводят к возникновению убеждения, что соблюдение закона не обязательно и бессмысленно.

Естественно, что нигилистическое восприятие права чаще всего связано с негативным личным опытом взаимодействия с правоохранительными органами или судебной системой. Человек сталкивается с несправедливостью, коррупцией, неэффективностью законов и приходит к выводу, что право ничего не значит и его соблюдение бессмысленно.

Таким образом, обе модели восприятия обусловлены отсутствием глубокого понимания природы права и механизмов его реализации. Стереотипы играют ключевую роль в формировании поведенческих моделей индивидов. Они представляют собой упрощенные представления о нормах и правилах, которыми руководствуются люди в повседневной жизни. Формирование позитивных стереотипов правомерного поведения способствует постепенному изменению сознания граждан и снижению уровня правонарушений [2].

Примером эффективного формирования стереотипов служит деятельность правоохранительных органов, направленная на профилактику преступлений среди несовершеннолетних. Регулярные разъяснительные беседы, наглядные демонстрации последствий нарушений помогают молодым людям осознать важность соблюдения закона.

Кроме того, значительное влияние оказывает образовательная система. Учебники, лекции, дискуссии способствуют формированию устойчивого уважения к правам и обязанностям гражданина. Важно подчеркнуть, что речь идет не о механическом запоминании статей кодекса, а о глубоком понимании принципов справедливого правосудия и социальной ответственности каждого члена общества.

Образование играет центральную роль в процессе формирования положительных стереотипов поведения. Школы и университеты должны активно вовлекать студентов в изучение основ права, учить критически мыслить и анализировать правовые ситуации. Важным аспектом также является популяризация положительного опыта законопослушания через средства массовой информации и социальные сети.

Государству необходимо создавать условия для реального функционирования института права, обеспечивать прозрачность судебных процессов и доступность юридической помощи населению. Только в таком случае граждане смогут увидеть эффективность и необходимость следования установленным правилам. Однако процесс изменения общественного сознания требует длительного времени и последовательных усилий. Необходимо постепенно менять менталитет населения, убеждая людей в важности осознанного выбора в пользу правомерного поведения.

С правовым нигилизмом достаточно прочно связан правовой идеализм. В общественном сознании эти два подхода к праву существуют в своеобразном единстве, что говорит о диалектике этих явлений. Существовая на крайних полюсах правопонимания и, неизбежно, правоприменительной практики, эти два, внешне противоположных, подхода являются проявлением одного и того же явления. Как правовой нигилизм, так и, правовой идеализм, являются отражением оторванности правовой надстройки от реалий социальных процессов. Правовой нигилизм, таким образом, является проявлением недооценки права, а правовой идеализм, в свою очередь, выступает проявлением переоценки роли и возможностей правовых регуляторов.

Для понимания данного противоречия можно обратиться к телеологической теории Аристотеля, который говорит о том, что обусловленность через цель происходит среди поступков, определяемых мыслью. Не заостряя внимания на взаимосвязи энтелехии и телеологии, эвристичным является акцентирование внимания на внутреннем движении к цели, в человеческом мире, определяемом как имманентное движение к благу. В не потерявшем актуальности споре с Платоном, Аристотель говорит не об абстрактном, идеальном благе, а о вполне земном, конкретном, реализованном благе.

Реализуя телеологический подход, можно сделать вывод о том, что, руководствуясь целеполаганием, субъект правового поведения различает осознаваемую непосредственную цель данного поведения, к которой он стремится, и косвенно достигаемую фактическую цель. Это могут быть и стереотипные механизмы правового поведения, выработанные в обществе, и механизмы внешнего управления поведением на основе косвенного целеполагания. В косвенном целеполагании проявляется вся сложность правовой психологии, правовой идеологии и правового поведения.

Мы не рассматриваем те ситуации, когда непосредственная цель состоит в том, чтобы воздействовать на причину, которая обеспечивает выполнение фактической цели, хотя именно подобный упрощенный подход является мировоззренческой основой правового идеализма. Правовое поведение часто является поведением с косвенным целеполаганием, т. е. когда воля субъекта поведения не направлена на достижение фактической цели, которая этим субъектом может осознаваться или не осознаваться, но при этом выявляется при более глубоком анализе.

Фактически достигаемая в акте правового поведения цель может вообще не иметь непосредственной причинной связи с непосредственной целью. Большей частью, более общая цель отсутствует и лишь часть поведения обусловлена необходимостью достижения конкретной цели. Все аспекты правового поведения, не коррелирующее с его непосредственной целью, можно обозначить как ритуальное поведение. Таким образом, можно сделать предположение о целесообразности «бесцельного» ритуального поведения и социальной ценности ритуала. Традиционно, правовой обычай воспринимается в качестве архаичного источника права, служащего основой для отдельных

правовых норм. Реальная социальная практика показывает, что процесс формирования обычаев, функционирующих в виде правовых регуляторов поведения, является составным элементом функционирования общества. Исходя из этого, необходимо исходить из противопоставления ритуального поведения с преобладанием формы над целью и целенаправленного, естественного и рационально объяснимого поведения [3].

Существует некоторая целесообразность «бесцельного» (ритуального) поведения. Самостоятельность и самоценность формы, «приподнимающие» ритуальное действие над естественным – неритуальным, используются в тех ситуациях, когда мы хотим обратить внимание на сам факт действия. Следует подчеркнуть то, что самоценность формы ритуала в этом случае не отменяет, не замораживает сложившиеся естественные отношения, но выделяет ритуальные «роли» действующих лиц. Если же заранее сложившихся естественных отношений нет, то ритуал создает удобный стереотип поведения в ситуации, где любая иная стратегия ведет к трудностям.

Важное качество ритуального поведения (точное отношение цели к средствам). В ситуации «естественного» поведения может еще появиться мысль, что «цель оправдывает средства». В случае ритуального поведения этот тезис априори исключен. В полноценном ритуале теряется противопоставление «цель – средства», ибо ритуальные средства составляют самоцель. Использование ритуала предполагает определенную общность поведения. В обществе, состоящем из разных слоев и групп, а тем более в разных обществах и цивилизациях возможно внешнее совпадение форм ритуального поведения, лишённого внешней цели, и действия естественного, с его обязательной внешней целью. Необходима предельная степень незнания связей между естественным действием и его целью, чтобы истолковать такое действие как самоценный ритуал; это возможно разве что при встрече представителей разных цивилизаций. Привыкнув к рутинной связи действий и их обычных целей, мы чаще толкуем возникающую двусмысленность ситуации в пользу целевых действий.

Ритуализация некоторой формы поведения в обществе, где такое же поведение бытует уже в качестве целенаправленного, предполагает воспитание соответствующей привычки и умения отличать ритуальную форму, чувствовать и ценить ее, подавляя, в случае необходимости, инстинктивное стремление к «целевому» истолкованию. Ритуал требует некоторого отстранения от реальных целей, тонких переходов от имитации некоей реальности до подчеркивания реальности происходящего. Потеря чувства необходимой ритуальности делает любую ситуацию аморфной, непредсказуемой и неуправляемой. Любое практическое действие становится непропорционально сложным. Так, высокая ритуальность, характерная для английского правосудия, вплоть до старинных париков и мантий, помогает отвлечься от конкретной личности судей и подсудимого и перевести все действия в план чисто юридический. Ритуал служит в данном случае прямым целям юстиции, которая

обязана рассматривать только доказательные обстоятельства дела, а не индивидуальные особенности и обстоятельства подсудимого и свидетелей. Отвлечение от всего, не относящегося к ритуалу, здесь непосредственно помогает достижению прямой цели.

Ритуал в чистом виде – действие, не имеющее прямой цели, а выполняемое потому, что «так принято» или делается предположение о том, что рациональный смысл действия исторически утерян. Восприятие ритуального поведения как пережитка культуры прошлого не объясняет его устойчивости и процесса возникновения новых вариантов ритуального поведения. Не совсем понятно, что позволяет ритуальному поведению, органически вписываться в современную культуру общества и, в частности, в правовую культуру. В повседневном поведении людей мы во множестве обнаруживаем очень много ритуальных элементов, организующих социальное поведение. Важную роль играет процесс влияния православия на правовую культуру, что проявляется в акценте на соборность, общинность и приоритет духовного над материальным. Эти принципы находят отражение в стремлении к справедливому распределению ресурсов, социальной ответственности и защите слабых. Православная этика подчеркивает важность милосердия, прощения и покаяния, что может смягчать строгость формального закона.

В то же время, секуляризация и развитие правовой системы по западному образцу привели к размыванию традиционных представлений о праве. Конкуренция между светскими и религиозными ценностями порождает конфликты в сфере регулирования моральных вопросов, таких как аборт, эвтаназия и однополые браки. Вопрос о православной правовой идентичности в современной России остается открытым и требует дальнейшего изучения. Необходим диалог между представителями церкви, юридического сообщества и гражданского общества для выработки сбалансированного подхода к соотношению религиозных и светских норм.

Поиск гармонии между традиционными ценностями и современными правовыми стандартами является важной задачей для обеспечения устойчивого развития российского общества и укрепления его правовой культуры.

Таким образом, преодоление правового идеализма и нигилизма возможно путем целенаправленного формирования стереотипов правомерного поведения. Это предполагает комплекс мер, включающих образовательные программы, работу правоохранительных органов, активное участие СМИ и общественности. Задача состоит в создании условий, при которых каждый гражданин осознает свою ответственность перед обществом и государством, уважительно относится к праву и готов соблюдать установленные нормы. Преодолеть указанные негативные тенденции возможно путем воспитания стойких стереотипов правомерного поведения. Для решения поставленной задачи предлагается следующий комплекс мероприятий.

Настоятельно требуется повышение уровня правовой грамотности. Образовательные учреждения должны включать обязательные курсы, направленные на обучение основным принципам права и гражданской ответственности. Необходима профилактическая работа правоохранительных органов, создание специальных подразделений, занимающихся профилактикой правонарушений среди подростков и детей, проведение разъяснительных бесед и демонстрационных акций. Актуальной задачей является усиление использования потенциала СМИ. Телевидение, радио и интернет-ресурсы должны способствовать распространению положительной информации о значимости законопослушного поведения. При создании прозрачной и эффективной судебной системы, государство должно гарантировать независимость суда, доступ к бесплатной юридической консультации и эффективную защиту законных интересов граждан.

Проблема единства правового идеализма и нигилизма имеет глубокие корни в философии права. Правовые ценности находятся в зависимости от теоретического осмысления понятий «нормативный акт» и «естественное право». Телеологическая теория Аристотеля, согласно которой любое действие мотивировано конечной целью, приобретает особое значение в контексте современных подходов к пониманию природы права.

Идеализм и нигилизм права формируются вследствие разрыва между декларациями позитивного права и естественной природой права, выраженной гражданским обществом. Когда законы воспринимаются исключительно как инструмент власти, они теряют значимость и уважение граждан. Следовательно, попытки навязывания строгих юридических рамок игнорируют культурные, исторические и духовные основы правовой культуры.

Философия права должна учитывать различия между идеальным правом и реальностью исполнения норм. Осмысленное юридическое регулирование должно основываться на концепции общей пользы, согласованной с культурой и традициями общества.

Ритуал представляет собой важную составляющую человеческой культуры и обладает значительным потенциалом для регуляции социально-правового пространства. В контексте ритуальной природы права важен феномен «бесконечного» поведения, подчиненного форме и порядку. Основные характеристики ритуального поведения включают: ориентацию на внешний порядок и структуру; невысокую зависимость от конкретных индивидуальных целей участников; обеспечение порядка и стабильности в сообществе.

Важно отметить, что ритуальное поведение формирует общее пространство ценностей, обеспечивающее стабильность общества. Примеры из отечественной культуры демонстрируют высокую ценность ритуализации в правовой культуре. Например, традиционные процедуры судопроизводства формируют особый ритуал, придающий процессу особую торжественность и подчеркивающий статус судьи.

Также нельзя забывать о влиянии православных традиций на российскую правовую систему. Акцент на коллективизме, соборности и приоритете нравственных ценностей над материальной выгодой определяет специфику отечественного понимания права. Этот фактор значительно влияет на восприятие гражданами своей роли в рамках правовой системы. В ритуале участники становятся в некотором смысле равными. По «естественным» признакам равенство людей недостижимо. Люди разного социального положения, с разным личным авторитетом приобретают равенство как участники ритуала, каждый здесь зависит от каждого.

Ритуализацию поведения можно сопоставить с процессом превращения оригинальных текстов в тексты с традиционной семантикой. Последнее является необходимым условием для того, чтобы тексты могли транслироваться в системе массовых коммуникаций.

Внешняя, естественная цель не гарантирует сама по себе органичности и постоянства того человеческого объединения, которое создается для ее достижения. Цель, если она достижима, оказывается преходящей, причем она тем эфемернее, чем конкретнее. Принудительно созданная общность неминуемо распадается, как только следование цели оказывается в нестерпимом противоречии с постоянными потребностями человека в свободе и равенстве. Серьезное, органическое объединение людей предполагает перенос внимания с цели на средство и их более сложные соотношения.

Общий ритуал создает основу человеческого общения. Уже простейшая ячейка общества (семья) формируется с возникновением общих ритуалов: привычек и традиций. Ритуал создает связь между людьми в ситуациях, когда «естественные» связи отсутствуют, когда еще нет никакой общности естественных целей. Свойство ритуалов создавать прочную общность всегда использовалось в тех случаях, когда надо было сплотить воедино большое число людей без сложившихся заранее связей или их лишившихся [4].

Ритуал не предполагает, впрочем, непосредственного общения между людьми или их объединения в тесное сообщество: необходимым оказывается лишь совместное приобщение отдельных людей к единым неотчуждаемым ценностям. Эти ценности могут носить вполне конкретный характер.

Культурная общность – это также общность сложной системы выработанных исторически условных ритуалов. Культурная общность определяется наличием общих ценностей. Эти ценности могут быть общенациональными или признанными в некоторой культурной подгруппе. Это различие не связано с абсолютной шкалой ценностей, а именно с принятием ее всеми членами общности. Создавая устойчивые традиции, человек оказывается творцом ноосферы – царства Разума. Самоценное поведение связывает людей не только в каждый момент, но и в их истории. Ритуалы – особого рода память коллектива. Эта память позволяет коллективу в разные моменты существования осознавать себя как самостоющее единство. В современном обществе ритуалы обычно не служат для сохранения практических навыков, но являются общественной памятью коллективных ценностей.

Потребность в ритуальном оформлении поведения не диктуется природными условиями существования человека. Естественный отбор велит приспособляться к быстро изменяющимся условиям среды, а не сохранять ощущение принадлежности к традиции. С точки зрения отбора целесообразных стереотипов поведения ритуалы большей частью бессмысленны. В природном существовании ощущение вечности бесполезно – гораздо важнее чувствовать пульс времени. Вся суть в том, что человеку мало простого природного существования в текущем времени. Для того чтобы быть человеком, необходимо ощущать себя частицей человечества в целом, быть причастным к судьбам целого. Ритуальный характер поведения означает, что непосредственная или главная цель этого поведения состоит в соблюдении установленной формы. Можно сказать, что в ритуале средство важнее фактической цели.

От ритуального следует отличать демонстративное поведение, оно служит для обозначения (выражения) чего-то, стоящего вне непосредственной цели поведения. Фактическая цель здесь связана с непосредственной целью знаковых отношений, которое принципиально отличается от отношения причинно-следственного. При этом волевое усилие направлено на соблюдение формы, хотя и стремление к фактической цели здесь вполне осознано.

Косвенное целеполагание дает способ ориентировки поведения на ограниченный объем прямых целей. Структура поведения может быть типологизирована по каким-то опорным стереотипам, и волевые усилия могут расходоваться в значительной мере на поддержание этих стереотипов.

Таким образом, решение проблемы правового идеализма и нигилизма лежит в области систематического формирования позитивных стереотипов поведения. Решив проблему разрывов между официальной правовой доктриной и бытующими жизненными установками, государство сможет укрепить доверие граждан к действующему законодательству и повысить уровень правовой культуры общества. Роль ритуального поведения в правовой культуре подтверждает, что многие аспекты права имеют глубокое символическое содержание, необходимое для поддержания стабильного общества.

Список литературы

1. Васильев Н. Г. Терещенко А. Г. Этнокультура как основополагающий фактор формирования российской правовой системы Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 25 апр. 2024 г. / под общ. ред. М. Г. Тирских, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 87–94
2. Мамардашвили, Мераб. Лекции по античной философии. СПб. : Азбука-Аттикус, 2023. 384 с.
3. Горбунов С. Н., Молчанов Б. А., Теребихин Н. М. Религия, право и ритуал в пространстве традиционной и современной культуры : монография. М. : RuScience, 2021. 267 с.
4. Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация : монография / Т. В. Барановская, В. А. Безвербный, Н. В. Березина [и др.] ; под ред. В. К. Левашова ; Ин-т соц.-полит. исслед. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 686 с.

УДК 340.12

Горбунова О. А., Шатилов С. П., *Новосибирск*

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОГО ИДЕАЛИЗМА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Исследуется соотношение правового нигилизма и правового идеализма как двух взаимосвязанных деформаций правосознания в российском обществе. Анализируются исторические корни, причины возникновения, социальные последствия, а также пути решения.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовой идеализм, правосознание, правовая культура, деформация правосознания.

Gorbunova O. A., Shatilov S. P., *Novosibirsk*

THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL NIGILISM AND LEGAL IDEALISM: CAUSES, CONSEQUENCES, AND SOLUTIONS.

Abstract. The article examines the relationship between legal nihilism and legal idealism as two interrelated deformations of legal consciousness in Russian society. It analyzes the historical roots, causes, social consequences, and solutions.

Keywords: legal nihilism, legal idealism, legal consciousness, legal culture, deformation of legal consciousness.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым воспроизводством в российском обществе циклического механизма, при котором гипертрофированная вера во всемогущество закона закономерно сменяется тотальным разочарованием и отрицанием ценности права, что препятствует формированию зрелой правовой культуры, подрывает доверие к государственным институтам и создает риски социально-политической дестабилизации. Осмысление причин этой цикличности, ее последствий, является необходимым условием для выработки эффективных мер по преодолению деформаций правосознания и построению правового государства.

Одной из наиболее острых проблем современного общественного устройства является состояние сознания, при котором утрачивается ценностное восприятие закона. Данный феномен, определяемый как правовой нигилизм, характеризуется отчуждением от юридических норм, проявляющимся в индифферентности, скептицизме или откровенной враждебности к действующему законодательству, властным институтам и судебной системе. Н. И. Матузов прямо указывал, что нигилизм стал болезнью, поразившей все звенья государственной структуры: расхлябанность, произвол, своеволие и коррумпированность чиновников, игнорирование правовых и иных социальных норм достигли критической точки, за которой начинаются стихия, хаос и распад. Глубинными источниками правового нигилизма выступают некомпетентность и неэффективность власти, утрата доверия к ней, что порождает неверие в право, закон и справедливость. Мировоззренческая основа такого

отношения кроется в убежденности, что право не способно быть эффективным регулятором общественных связей, либо в допущении безнаказанности за его игнорирование [4, с. 21].

Анализ структуры данного явления позволяет выделить три ключевых уровня: обыденный (присущий основной массе граждан), профессиональный (встречающийся среди юристов и правоприменителей) и государственный (укорененный в действиях чиновников и органов власти). Именно последний уровень несет в себе наибольшую деструктивную нагрузку. Когда нигилистические модели поведения внедрены в систему госуправления, это подрывает правопорядок «изнутри», формируя среду, в которой неуважение к закону тиражируется среди населения [2, с. 84].

Зеркальным отражением нигилизма выступает правовой идеализм (или юридический романтизм). В данном контексте речь идет не о философской категории, а о бытовом заблуждении, выражающемся в гипертрофированной вере во всемогущество закона. Сторонники этой позиции склонны полагать, что принятие любого нового нормативного акта способно разом разрешить накопившиеся социальные противоречия. По сути, это отрыв от реальности, наивное представление о том, что совершенный правопорядок может быть установлен исключительно волюнтаристским путем [3, с. 5].

Важно подчеркнуть, что нигилизм и идеализм – это две стороны одного порока, две деформации правосознания. Они мешают обществу адекватно воспринимать право как сложный социальный механизм, эффективность функционирования которого определяется не только качеством законодательных текстов, но и уровнем правовой культуры граждан, качества работы правоприменительных структур и реальных социально-экономических условий.

Корни пренебрежительного отношения к юридическим нормам в России уходят в глубину веков. Долгие столетия самодержавия, отсутствие цивилизованных механизмов защиты личности и крепостничество сформировали восприятие закона как внешней, навязанной сверху силы. Право не мыслилось как самостоятельная ценность, а выступало лишь инструментом в руках государства, что порождало двойственное к нему отношение: с одной стороны, как к чему-то, что можно игнорировать при отсутствии неблагоприятных последствий, с другой – как к средству, которое может быть использовано в интересах сильного.

В дореволюционный период, как отмечали мыслители того времени, сложилась устойчивая традиция бытового правового нигилизма. Отечественная действительность, не знавшая развитого правового поля, приучила широкие массы к тому, что закон можно обойти. Эта ментальная черта воспринималась исследователями не как случайность, а как глубинная особенность национального мироощущения. В свою очередь, эпоха советской власти внесла в эту картину определенные коррективы. С одной стороны, социалистическое право трактовалось как орудие классовой диктатуры, что усили-

вало нигилистическое отношение к юридической форме. С другой – утвердилась традиция безоговорочной веры в закон как инструмент строительства нового общества, что является классическим проявлением правового идеализма. По сути, советская система базировалась на приоритете силы над законом, что создало питательную среду для произвола властей и правового нигилизма на высшем уровне [2, с. 84].

Постсоветский период 1990-х гг. ознаменовался новым витком обеих деформаций: рыночные реформы и смена политической модели сопровождались, с одной стороны, массовым нарушением законности и криминализацией экономики, а с другой – наивной эйфорией, верой в то, что принятие новой Конституции автоматически приведет к возникновению гражданского общества и правового государства [3, с. 9].

Сегодняшнее состояние правосознания в России формируется под воздействием разнонаправленных факторов, которые можно разделить на социально-экономические, институциональные и культурно-психологические. Глубокое расслоение общества, шаткость рынка труда и слабость механизмов социальной защиты закономерно подрывают доверие к институтам государства. Когда значительная часть населения сталкивается с несправедливостью, а правовые механизмы защиты либо бездействуют, либо работают выборочно, возникает закономерное отчуждение от права. Более того, противоречивость законодательной базы, коррупция в судебно-правоохранительной системе и избирательность правоприменения создают благоприятную почву для нигилистических настроений. Если закон не гарантирует защиты интересов, он неизбежно теряет авторитет в глазах граждан [2, с. 84]. В значительной степени ситуация усугубляется низким уровнем юридической грамотности населения в сочетании с отсутствием традиций системного правового воспитания, что консервирует деформации сознания: граждане часто не владеют навыками эффективного использования правовых инструментов для защиты собственных интересов [4, с. 23].

При этом особый интерес представляет механизм трансформации рассматриваемых феноменов, который обнаруживает их внутреннюю взаимосвязь. Правовой идеализм, возлагая на закон непомерные надежды, неизбежно ведет к глубокому разочарованию. Когда ожидания не оправдываются, разочарование перерастает в отрицание ценности права – т. е. в нигилизм. И наоборот, в периоды застоя нигилизма даже самые незначительные позитивные изменения в правовой сфере могут восприниматься с преувеличенным оптимизмом, порождая новые волны юридического романтизма. На поверхностный взгляд нигилизм и идеализм – это антиподы: один отрицает право, другой – возносит его на пьедестал. Однако углубленный анализ показывает их единую природу и общие корни. Во-первых, оба явления произрастают из одной почвы – юридической неграмотности, незрелости правосознания и дефицита политико-правовой культуры. Отсутствие адекватного понимания сути, возможностей и границ права заставляет людей либо недооценивать

его, либо переоценивать [1, с. 4]. Во-вторых, они порождаются одними и теми же причинами – несовершенством действующей системы. Когда закон не работает, он вызывает разочарование, которое может вылиться как в отрицание (нигилизм), так и в фантастические ожидания от будущих законов (идеализм) [5, с. 22]. В-третьих, итог у них одинаковый: ослабление правовой системы, снижение эффективности регулирования и утрата доверия к государственным институтам. Юридический фетишизм закономерно перетекает в правовой нигилизм, замыкая порочный круг. В народе, как ни парадоксально, укоренилось одновременно и мнение, что «закон все может», и неуважительное к нему отношение. Этот парадокс демонстрирует, что перед нами – два полюса одного явления, отражающие незрелость национального правосознания.

Распространение указанных деформаций несет серьезные риски для стабильности общества. Опасность нигилизма заключается в том, что он провоцирует рост правонарушений, обесценивает идею права как таковую и подрывает авторитет власти. В массовом сознании закрепляется установка на возможность «обойти» закон, что создает питательную среду для коррупции. Особую тревогу вызывает нигилизм самих чиновников: он напрямую сказывается на качестве управления и, будучи исходящим от власти, провоцирует ответное неприятие закона со стороны населения [2, с. 85]. В свою очередь, опасность идеализма (юридического романтизма) состоит в том, что он порождает иллюзию, будто сложные социальные проблемы решаются простым изданием новых законов. Это ведет к «законодательной инфляции» – появлению избыточного количества нормативных актов, которые не работают («мертвое право»). Недействующие законы, в свою очередь, усиливают недоверие к системе в целом [2, с. 90]. Вред от такого гипертрофированного доверия не меньше, чем от открытого отрицания, хотя осознается он позже, когда последствия становятся очевидными [3, с. 5]. В совокупности оба феномена размывают легитимность правовой системы, снижают эффективность реформ и создают препятствия для развития государства. Более того, они могут быть политически удобны, позволяя власти критиковать общество за «неправовой» менталитет, уходя при этом от ответственности за неэффективность законодательства и нарушения прав граждан [2, с. 91].

Преодоление правового нигилизма и правового идеализма требует реализации комплекса мер, охватывающих различные сферы общественной жизни. Эти меры не могут быть разрозненными или временными – они образуют систему, в которой каждое направление работы подкрепляет и усиливает другие, и только такой комплексный подход способен привести к устойчивым изменениям в массовом правосознании. Ключевая задача в сфере правового просвещения – сформировать у населения адекватное представление о роли и месте права. Важно сместить акцент с законопослушания из страха наказания на законоуважение как на внутреннее убеждение. Формирование правосознания должно начинаться с детства – через семейное воспитание,

школьные программы, внеклассную работу – и продолжаться всю жизнь, охватывая различные возрастные и социальные группы [4, с. 23]. В политической плоскости необходима последовательная правовая политика государства, направленная на укрепление законности, защиту прав личности и повышение качества законотворчества, а также устранение коллизий между федеральными и региональными актами для формирования единого правового пространства. Социально-экономические меры должны включать преодоление резкого имущественного расслоения, повышение уровня жизни и обеспечение социальной справедливости, что является фундаментом для формирования доверия к государству. Кроме того, необходимы меры культурного, духовного и морального содержания, такие как повышение уровня юридической культуры госслужащих и граждан, активная пропаганда правовых знаний и подготовка квалифицированных юридических кадров. Эффективность правоприменения остается решающим условием: даже самые совершенные законы останутся фикцией без работающей системы их реализации. Неотвратимость ответственности, борьба с коррупцией и устранение избирательности правосудия – вот условия, без которых невозможно вернуть доверие к праву. Наконец, развитие институтов гражданского общества играет ключевую роль в формировании правовой культуры. Независимые общественные организации, СМИ и образовательные учреждения призваны транслировать идею о том, что соблюдение закона – это не обуза, а признак высокой культуры, комфорта и интеллигентности. В идеале следование праву должно стать для человека «второй натурой» [4, с. 21].

Таким образом, правовой нигилизм и правовой идеализм – это не просто два разных явления, а две стороны единого процесса, отражающие деформацию правосознания. Внешне противоположные, они имеют общие корни и закономерно сменяют друг друга, образуя препятствие на пути к зрелому правопорядку. Оба феномена остаются серьезными барьерами для построения правового государства в России. Их преодоление требует последовательной, долгосрочной работы по повышению правовой грамотности, совершенствованию законодательства и укреплению доверия к юридическим институтам. Несмотря на всю сложность, решение этой задачи является необходимым условием для устойчивого развития общества. Правовое государство не может быть построено одними лишь институциональными преобразованиями – оно требует укоренения правовых ценностей в массовом сознании, превращения их в повседневную практику. Преодоление правового нигилизма и правового идеализма есть фундаментальное условие перехода к взаимодействию личности, общества и государства, основанному на взаимном уважении, ответственности и признании права высшей ценностью.

Список литературы

1. Аксенова Г. Н. Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 4–8.

2. Добрынин Н. М. О сущности правового нигилизма и правового идеализма: антропология права и взгляды // Государство и право. 2015. № 12. С. 80–92.
3. Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 5–13.
4. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. 2012. № 1(12). С. 8–24.
5. Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 20–27.

УДК 340.114

Данакари Л. Р., *Волгоград*
Шкуран О. В., *Москва*
Ивентьев С. И., *Казань*

КОНЦЕПТЫ «МОРАЛЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ» В МЕНТАЛЬНОЙ КАРТИНЕ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. Исследуются концепты «мораль» и «нравственность» применительно к русскому (российскому) менталитету и душе человека. Методология исследования – логический и сравнительный анализ, междисциплинарный подход. Показана взаимосвязь менталитета любого народа с моралью (нравственностью), которая подвержена изменению под влиянием идеологии и других причин. Представлена авторская классификация морали.

Ключевые слова: Бог, любовь, человек, душа человека, дух человека, мораль, нравственность, менталитет, социальный регулятор, ценность, идеология.

Danakari L. R., *Volgograd*
Shkuran O. V., *Moscow*
Iventev S. I., *Kazan*

CONCEPTS OF «MORAL» AND «MORALITY» IN THE MENTAL PICTURE OF RUSSIAN PEOPLE

Abstract. The purpose of this article is to explore the concepts of “Morality” and “Ethics” in relation to the Russian (Soviet) mentality and human soul. The research methodology involves logical and comparative analysis, as well as an interdisciplinary approach. The article demonstrates the relationship between the mentality of any nation and its moral (ethical) values, which can be influenced by ideology and other factors discussed in the paper. The article also presents an author's classification of morality.

Keywords: God, Love, man, human soul, human spirit, morality, ethics, mentality, social regulator, value, and ideology.

В настоящем исследовании под русскими людьми мыслится следующее.

Согласно Декларации русской идентичности, принятой 11.11.2014 по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России», русский – это человек, считающий себя русским, не имеющий иных этнических предпочтений, говорящий и думающий на русском языке, признающий православное христианство основой национальной духовной культуры, ощущающий солидарность с судьбой русского народа [10, с. 75].

Как указывает С. В. Смирнов, «когда говорят, о менталитете русского человека имеют, прежде всего, в виду, загадочную, таинственную и неповторимую русскую душу – душу, которая является именно русской: не западной рационально-преобразовательной, не восточной духовно-созерцательной, а представляющей собой особое ментальное образование, сочетающее в себе элементы обоих цивилизационных «стихий» [19, с. 255].

По мнению авторов, под русскими (россиянами) следует понимать людей (народ) с Божественным духом и русской душой, судьба которых на протяжении многих веков связана с нашей землей и российской культурой.

В древности под современным понятием «менталитет» (от лат. *mens* или *mentis* – душа, дух (в более узком смысле – ум) подразумевались «душа», «этос», «мышление», «образ мыслей», «характер» [9, с. 109, 20, с. 88]. При этом в трудах древнегреческого историка Геродота (484 – 425 гг. до н. э.), древнеримского историка Тацита (около 55 – около 120 гг.) и древнеримского писателя Плиния (23–24 – 25.08.79 гг.) слово «*mens*» употреблялось для описания психологических особенностей разных народов [20, с. 88].

В настоящем исследовании под душой и духом человека понимается следующее.

Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение) Бога, а душа человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [1, с. 21–29]. При этом многими исследователями светской науки под последними мыслится сознание и подсознание человека [2, с. 401–407], что в свою очередь обесценивает и отодвигает на задний план душу человека. При этом сознание и подсознание человека, о которых говорит наука, – это основные характеристики и составные части человеческой души. Именно преднамеренная подмена души человека другими понятиями привела и приводит к безответственному отношению человека к своей и чужой жизни, к окружающему миру, так как он с точки зрения науки (иной идеологии) со смертью превращается в прах, а значит, никак не может и не должен отвечать за свои вольные или невольные грехи (преступления).

В авраамических религиях (иудаизм, христианство и ислам) особое внимание уделяется душе человека, тем самым уже несколько тысячелетий подтверждается ее существование [14, с. 166].

Душа человека – не номинальное или фольклорное (сказочное) явление, а реальная Духовная личность.

Душа человека часто отождествляется с нравом, где мораль является основной ее характеристикой, нрав – свойство души человека [13, с. 17]. Каждая человеческая душа имеет свой неповторимый нрав и характер [11, с. 191–198], что фиксировали словари Российской империи.

Так, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля (10 (22).11.1801–22.09.1872), под моралью понимается «ж. франц.

нравовученье, нравственное ученье, правила для воли, совести человека. Моральные истины, нравственные», а под нравом, нравственностью – «нрав м. вообще, одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: Ум и нрав слитно образуют Дух (душу, в высшем знач.); ко нраву относятся, как понятию подчинения: воля, любовь, милосердие, страсти и пр., а к уму: разум, рассудок, память и пр. Согласный союз нрава и ума, сердца и думки, образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку», «нравственный, противополог. телесному, плотскому: духовный, душевный» [8, с. 345, 558].

В Большой Советской энциклопедии, 1974 г., указано: «Мораль (лат. *moralis* – нравственный, от *mos*, мн. ч. *mores* – обычай, нравы, поведение), нравственность; один из основных способов нормативного регулирования действий человека в обществе; особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); предмет специального изучения этики» [4, с. 559]. Из указанного видим, что в советское время понятия мораль и нравственность отождествляли, являлись синонимами.

Мораль (нравственность) относят к одному из социальных норм (регуляторов), регулирующих общественные отношения.

Нормы морали (нравственности) – это есть правила поведения, которые устанавливаются в обществе в соответствии с моральными представлениями людей о добре и зле, справедливости и несправедливости, долге, чести, достоинстве и охраняются силой общественного мнения или внутренним убеждением [21, с. 197].

Фундаментальным правилом нравственности выступает так называемое «золотое правило», которое заключено в следующем: «Не поступай по отношению к другим, так, как ты не хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе» [7, с. 24]. Эта моральная истина в наиболее полном и развернутом виде представлена в Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Итак во все, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; Ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12); «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6:31) [3].

Как правило, нормы морали (нравственности) базируются на нормах поведения (Божественной морали) духа и души человека, которые не нуждаются в поддержании с помощью внешнего воздействия (силы), а поддерживаются самой душой (часто ее имеют совестью человека). Это так называемая сакральная (от англ. *sacral* и лат. *sacrum* – священное, посвященное Богу) мораль. При этом человек в угоду своих каких-то меркантильных целей или иных причин (грехов, преступлений, идеологии и пр.) может подменять данную Божественную мораль иной человеческой моралью (бытовой, корпоративной, криминальной, идеологической и др.).

Высокая мораль (нравственность) всегда духовна и Божественна.

Часто мораль именуют этикой (греч. *ἠθική*, от др.-греч. *ἦθος* – этос, нрав, обычай) (например, этика врача и пр.).

В рамках учебной дисциплины «этика» – наука, область знания, интеллектуальную традицию, а «мораль», «нравственность», употребляя эти слова как синонимы, – то, что изучается этикой, ее предмет [7, с. 5].

По мнению авторов, мораль (нравственность) условно можно подразделить на следующие виды в зависимости от происхождения и сферы деятельности:

1. Божественная мораль (нравственность) (Источник Бог, Любовь).
2. Человеческая мораль.
 - 2.1. Мораль души человека.
 - 2.2. Мораль духа человека (Источник Бог).
 - 2.3. Мораль человека.
 - 2.3.1. Гендерная мораль
 - 2.3.1.1. Мужская мораль.
 - 2.3.1.2. Женская мораль.
 - 2.3.2. Возрастная мораль.
 - 2.3.2.1. Детская мораль.
 - 2.3.2.2. Подростковая мораль.
 - 2.3.2.3. Молодежная мораль.
 - 2.3.3.4. Мораль пожилых людей.
 - 2.3.3. По количеству лиц.
 - 2.3.3.1. Индивидуальная (единоличная) мораль.
 - 2.3.3.2. Групповая мораль (общественная мораль).
 - 2.3.4. Семейная мораль (мораль рода, мораль племени).
 - 2.3.5. Идеологическая мораль (религиозная, политическая, корпоративная (олигархическая, трудовая, адвокатская этика, профессиональная мораль, спортивная, городская и т. д.), военная, криминальная воровская, государственная (советская, олигархическая, коммунистическая), бандеровская и пр.).
 - 2.3.6. Мораль исторических периодов.
 - 2.3.6.1. Рабовладельческая мораль.
 - 2.3.6.2. Феодальная мораль.
 - 2.3.6.3. Капиталистическая мораль.
 - 2.3.6.4. Другие.
 - 2.3.7. По государственному устройству.
 - 2.3.7.1. Демократическая мораль.
 - 2.3.7.2. Царская мораль.
 - 2.3.7.3. Другие.
 - 2.3.8. Национальная (этническая мораль).
 - 2.3.8.1. Русская (российская) мораль.
 - 2.3.8.2. Американская мораль.
 - 2.3.8.2. Другие.
 - 2.3.9. По культу.
 - 2.3.9.1. Религиозная мораль.
 - 2.3.9.2. Языческая мораль.

2.3.9.3. Магическая мораль.

2.3.9.4. Окультиная (эзотерическая) мораль.

2.3.9.5. Другие.

2.3.10. Бытовая мораль.

2.3.11. Иная мораль.

3. По достоверности (истинности).

3.1. Истинная мораль (сакральная мораль).

3.1.1. Божественная мораль (Источник Бог, Любовь).

3.1.2. Мораль духа и души человека.

3.2. Псевдомораль.

3.2.1. Идеологическая человеческая мораль (фашистская мораль, бандеровская мораль, криминальная/воровская мораль, сатанинская мораль и пр.).

3.2.2. Другие.

4. Мораль других существ.

С развитием общества меняется не только ценностные приоритеты, но и мораль этого общества. Это связано со многими факторами. Например, древнеримский оратор Цицерон (03.01.106 – 07.12.43 гг. до н. э.) основал осуществление контроля за балансом между интересами человека и интересами общества. Они не всегда являлись идентичными, а с цивилизационными изменениями претерпевали свои коррективы.

Для русских людей, начинающих свою многовековую историю со времен Древней Руси, принятие христианства стало началом новых моральных отношений, которые запрещали человеческие жертвоприношения, ритуальные убийства, обязывали князей, ставленников Божьих, отвечать за свой народ. Свод законов «Русская правда», состоящий из 37 глав, стал регулировать многие социальные вопросы, уравнивал моральные законы общества с внутренними религиозными потребностями русского человека.

Как пишет В. Д. Ширшов, «с развитием мировоззрения человека религиозный страх дополняется общественной оценкой поведения и действий человека. Обычай и ритуалы приобретают обязательные формы реализации. В обществе появляются законы, которые регулируют моральные нормы, поощрения и наказания» [22, с. 951–955].

Но человеческая мораль – понятие изменчивое, потому что человек может менять свой социальный статус, соответственно и свое поведение, взгляды и пр. Например, события в России, связанные со сменой власти в 1917 г., сформировали Кодекс чести строителя коммунизма, в котором были отражены общечеловеческие ценности и христианская мораль. Поэтому в советском обществе сложились такие нормы поведения в обществе и эталон нравственности, которые сформировали тождественность терминов. О генной памяти народа писал профессор В. В. Колесов: «Генная память народа – его ментальность складывалась веками, основательно укладывалась в словесном знаке, который обслуживал каждого в соответствии с его личным уровнем чувства или интеллекта: в сказке для маленьких, в пословицах для

несмышленных и в каждом отдельном слове, таинственную силу которого мог раскрыть только мудрый» [15].

Рассмотрим словарные дефиниции и сравним их значение в толковых словарях в диахронии:

Нравъ – «1) естественное свойство, или постоянное расположение души; 2) образъ поступковъ, принятый какимъ либо народомъ; обычай» (1847 г.) [18, с. 468].

Нравъ – образъ мыслей и чувствованій; сердечное расположение (1900 г.) [16, с. 358].

Нравственность (заимствовано из славян. *нравъ*) – «1) совокупность норм поведения человека в каком-либо обществе; 2) моральные качества человека» (1986 г.) [17, с. 513].

Мораль – «совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу, нравственность; 2) нравственный вывод, урок из чего-либо; 3) нравоучение, наставление» [17, с. 298].

Однако следует понимать, что нравственность – это понятие, связанное с личной ментальностью и культурной парадигмой русского человека. Собственная совесть является гарантом нравственности. Как пишет В. Д. Исаев, «нравственность – это такое поле культуры, в котором человек рождается, становится человеком и живет в качестве человека. Оно создает напряжение в полюсах добро – зло и заставляет человека выбирать либо линию добра, либо линию зла... Поднимаясь по лестнице нравственности, человек получает шанс возвыситься над своей телесностью и стать личностью, поскольку нравственность – это не только умение различать добро и зло, но и способность нести ответственность перед собой, Богом и людьми за свои поступки» [12, с. 76].

Как видим, основу русской цивилизации составляют славянские и православные ценности, которые на протяжении многих веков отражали ментальность русского человека и регулировали его отношения с Богом и собственной совестью. «Кровь Христова очистит совесть нашу от мертвых дел» (Евр. 9,14) [3].

В украинском языке отсутствует слово «нравственность», а функционируют слова «мораль», «моральність»:

Мораль – «1) система норм і принципів поведінки людей у ставленні один до одного та до суспільства; етика; 2) повчальний висновок із чогось; 3) повчання, настанови, поради – повчати, давати настанови, поради» (2005 г.) [5, с. 690].

Моральність – «відповідність поведінки людей нормам моралі» [5, с. 690].

Как видим из словарных дефиниций авторитетных толковых словарей современного украинского языка *мораль-моральність* имеют тождественные характеристики и отображают ментальные преобразования в сознании украинцев за последние столетия, в особенности во времена становления независимости. От изменений общественной морали напрямую зависит нравствен-

ная составляющая человека украинского социума. Следует обратить внимание на то, что на общественное сознание существенно влияют политическая и иная идеологическая мораль.

Эту тенденцию рассмотрим на примерах.

«Кому *мораль читати*? Орлам?.. Та мухою ж із них Ніхто не хоче стати! Про мух та інших хвастунів Мораль давно відома: Хотіла жаба стать волом Та луснула сірома. (Віталій Ярош, Остап Вишня. Про ентузіастів і неентузіастів) [6].

В нас *своя мораль*... Таких Юлій матимеш, скільки захочеш... (Р. Іванчук. Саксаул у пісках) [6].

«Мені дуже шкода, що законопроект, автором якого є я і який тричі тут голосувався, про захист *суспільної моралі* досі не прийнятий. Але коли ми врегульовуємо ці питання через Закон про рекламу, ми повинні це врахувати» (Стенограма Верховної Ради, 06.06.2001) [6].

Висновок: не можна вважати злочином ті стосунки, ті відносини, ті дії, які поширені в суспільстві, які визнаються *мораллю* цього *суспільства*. У кого в першу чергу сьогодні є долари? (Стенограма Верховної Ради, 22.03.2000) [6].

Как видим, в псевдоморали украинского общества легко подменяются смыслы, что становится «дьявольским изобретением», и лицемерно искажаются моральные принципы, идет манипуляция сознанием украинцев, что становится инструментом для достижения поставленных целей – расчеловечиванием и уничтожением православного русского народа. Еще Президент Академии Российской А. С. Шишков в начале XIX в. писал: «А нравственность, совесть, различение духов – все у каждого должно быть, как царь в голове, а если нет, то нет и людей на земле – одни тела прозомбированные» [23].

На вышеуказанных примерах мы проследили действие идеологической человеческой морали на человека и общество.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что менталитет любого народа взаимосвязан с моралью (нравственностью), устанавливает и влияет на мораль общества и государства, которая подвержена изменению под воздействием любой человеческой идеологии и других вышеуказанных причин.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа, 21.05.2020 / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 21–29.
2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодежи и общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 15 февр. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полощевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 401–407.
3. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. М. : Рос. библ. о-во, 2007. 1057 с.
4. Большая Советская энциклопедия. В 20 т. Т. 16 / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Сов. Энцикл., 1974. 615 с.

5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ : Ірпінь : Перун, 2005. 1728 с.
6. Генеральний регіональний анотований корпус української мови. URL: <https://uacorporus.org> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М. : Гардарика, 1998. 470 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. И – О. СПб. : Диамант, 1996. 784 с.
9. Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко ; ред. пер. Н. А. Мещерский. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 600 с.
10. Декларация русской идентичности // Альманах «ЭТНОДИАЛОГИ». 2015. № 1 (48). С. 74–76.
11. Данакари Л. Р., Ермоченко К. П., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный и правовой аспекты свободы личности в цифровую эпоху // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 23 сент. 2022 г. В 6 т. Т. 4 / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. Казань : Изд-во «Познание» Казан. инновационного университета, 2022. С. 191–198.
12. Исаев В. Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. Луганск: Світлиця, 2003. 188 с.
13. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека : монография. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2012. 357 с.
14. Искандаров Ш. Ф., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный смысл религии: гендерный аспект // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 17–18 июня 2023 г. / под ред. О. С. Мутиевой, С. В. Сиражудиновой. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2023. С. 163–172.
15. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петерб. востоковедение, 2007. 640 с.
16. Полный церковнославянский словарь: (с введением важнейших древнерусских словарей. слова и выражения) : [около 30 000 слов] : руководство / сост. святой. Григорий Дьяченко. [Репр. переиздание 1900 г.]. М. : Отчий дом, 2004. 1120 с.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т русск. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. Яз., 1985–1988. Т. 2 : К – О, 1986. 736 с.
18. СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 1847. Т. 2 – 471 с.
19. Смирнов С. В. Русский человек: своеобразие национального характера // Система ценностей современного общества. 2011. № 17–2. С. 255–258.
20. Триль Ю. Н. Менталитет как объект социально-гуманитарного исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 1. С. 109–115.
21. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М. : Дабаков, Ткачев, Димов, 1995. 377 с.
22. Шишов В. Д. Существенные различия понятий «мораль» и «нравственность» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 951–955.
23. Шишков А. С. Славяно-русский словарь корней: Наш язык – древо жизни на Земле и прародитель других языков. СПб. : Фонд славян. письменности и культуры, 2002. 272 с.

УДК 340:378:004

Папшуова Д. Н., Рыбалка Е. А., *Ростов-на-Дону*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Анализируются институциональные практики формирования правовой культуры студенческой молодежи в условиях стремительной цифровой трансформации. Рассматриваются ключевые вызовы и возможности, которые возникают в процессе интеграции цифровых технологий в образовательный процесс и их влияние на эффективность формирования правовой культуры. Актуальность исследования обусловлена не только динамикой развития цифровых технологий, но и необходимостью подготовки компонентов, ответственных и правосознательных граждан, способных эффективно функционировать в условиях цифрового общества и вносить вклад в его развитие. Исследуются институциональные практики формирования правовой культуры студенческой молодежи в условиях цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: правовая культура, молодежь, институциональные практики, цифровая трансформация, образование, правосознание, цифровизация.

Papshuova D. N., Rybalka E. A., *Rostov-on-Don*

INSTITUTIONAL PRACTICES OF FORMING THE LEGAL CULTURE OF STUDENT YOUTH IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of institutional practices for the formation of legal culture among students in the context of rapid digital transformation. The paper examines the key challenges and opportunities that arise in the process of integrating digital technologies into the educational process and their impact on the effectiveness of the formation of legal culture. The relevance of the study is due not only to the dynamic development of digital technologies, but also to the need to train responsible and law-conscious citizens who can effectively function in a digital society and contribute to its development. The aim of the study is to explore the institutional practices for the formation of legal culture among students in the context of digital transformation in education.

Keywords: legal culture, youth, institutional practices, digital transformation, education, legal awareness, digitalization.

В условиях цифровой трансформации образования для формирования правосознания и правовой культуры студенческой молодежи чаще всего используются институциональные практики, которые могут включать в себя законодательные меры, учебные программы, внеучебную деятельность и использование цифровых ресурсов.

Ключевые задачи институциональных стратегий включают:

1. Повышение осведомленности обучающихся о правовых нормах.
2. Развитие понимания правовой системы и законов.
3. Развитие навыков практического применения правовых знаний в быту и на работе.

В современную эпоху цифровизации учебные курсы, нацеленные на формирование правовой грамотности у молодежи в сфере цифрового гражданства, становятся особенно востребованными. Мы воспринимаем цифровое гражданство как феномен культуры, поэтому анализ сосредоточен на правовой культуре тех, кто является цифровым гражданином.

Цифровая трансформация образования с одной стороны открывает новые возможности для формирования правовой культуры студенческой молодежи, но также с другой стороны создает определенные риски. Данные вызовы прежде всего связаны с:

Во-первых, дезинформацией и манипулятивными технологиями. Это означает, что в Интернете присутствует большая доля противоречивой, ложной и антисоциальной информации, которая направлена на дезориентацию молодежи в праве. Важно уметь анализировать находящуюся в открытом доступе информацию, обращаться только к проверенным источникам и использовать правовые документы на официальных сайтах (например, Консультант плюс, гарант) .

Во-вторых, фрагментарность правосознания. Бесконтрольное потребление цифрового контента может привести к фрагментарному, а не системному усвоению правовых знаний.

Еще одним не маловажным риском является киберпреступность. В настоящее время большое распространение получили такие преступные деяния как цифровое мошенничество, экстремизм, нарушение авторских прав и прав на защиту персональных данных, которые отрицательно влияют на правовую культуру студенческой молодежи.

Гражданско-правовая культура играет значительную роль в подготовке молодых людей к жизни в условиях стремительных изменений в цифровом обществе. Что мы подразумеваем под гражданско-правовой культурой? Это понятие можно определить как совокупность врожденных и приобретенных характеристик студентов, включающую в себя как знания о праве и законах, так и умение их использовать в повседневной и профессиональной жизни, а также сформировавшееся уважение к правовым процессам [3, с. 100–106]. Она является частью общей правовой культуры личности, но обладает качественным своеобразием, обусловленным особенностями цифровой среды [6, с. 78–89]. Это требует изучения ряда вопросов:

- как онлайн-технологии изменяют восприятие гражданина, его участие в жизни общества и взаимодействие с властью;
- что происходит с правовой культурой при цифровой трансформации;
- как поведение зависит от проблем конфиденциальности и идентификации;
- нуждается ли правовой статус в конституционном закреплении «цифровых» прав и обязанностей;
- каков вектор развития технологий и статуса гражданина.

Традиции изучения правовой культуры в отечественной юриспруденции достаточно богаты. Так, например, Н. Н. Покровская предлагает рассматривать ее через уровень правовой осведомленности граждан, а именно их отношение к законодательству и поведенческие алгоритмы, выделяя логико-нормативный, эмоционально-образный и мотивационный блоки [6, с. 78–89].

Цифровая культура, в силу новизны и обширности, трактуется различно. В отечественной литературе чаще придерживаются гуманистического подхода, рассматривая ее как форму выражения общечеловеческой культуры, реализующую традиционные функции с помощью новых цифровых форм [1, с. 45–49]. Плодотворными являются позиции, представляющие цифровую культуру как культурный аспект цифровой трансформации общества. Мы считаем, что изучение цифровой правосознательности необходимо проводить с ранних лет, так как целевыми пользователями Интернета являются несовершеннолетние лица и молодежь. Как правило, ранее названные категории граждан не только не разбираются в системе правовых норм, но и не имеют желания рассматривать законодательство в данном направлении. Именно из такой категории лиц и вырастают граждане ничего не знающие о правосознании и правовой культуре.

Таким образом, изучение правовой культуры цифровых граждан требует комплексного междисциплинарного анализа, объединяющего юридические подходы с философским и социологическим пониманием цифровой среды.

Для исследования этого формирования можно использовать модель механизма, по аналогии с механизмом правового регулирования. Он позволяет показать, как складывается и функционирует правовая культура в цифровую эпоху.

В рамках этого механизма можно выделить ключевые стадии:

1. Приобретение цифровых компетенций (цифровая грамотность).
2. Осознание и развитие цифровой идентичности.
3. Усвоение ценностей и стандартов цифрового мышления.
4. Формирование ответственного цифрового поведения [3, с. 78–88].

Цифровая среда сегодня серьезно влияет на то, как молодые люди воспринимают право и формируют свою правовую культуру. Этот процесс неоднозначен: с одной стороны, открываются новые возможности, а с другой – возникают существенные препятствия. Несомненным плюсом цифровизации стал легкий доступ к правовой информации.

На данный момент самой распространенной методикой обучения в цифровой среде являются: учебно-методические пособия, открытые онлайн занятия, спецкурсы, а также специализированные сайты содержание нормативную правовую базу с разъяснениями. Все эти материалы способствуют повышению цифровой правосознательности граждан. В связи с этим считаем необходимость цифровизации образовательной программы.

Инфраструктурные ограничения и скептизм профессионально-педагогического состава по отношению к новым методам обучения могут сводить на нет усилие по модернизации правового просвещения. Существует проблема, заключающаяся в фрагментарности усилий: многие инициативы существуют изолированными друг от друга, не будучи встроенными в целостную систему формирования правовой культуры вуза, что снижает их синергетический потенциал.

В этой связи возникает объективная потребность в переходе от разрозненных институциональных практик к системной модели правового просвещения, консолидирующие усилия всех субъектов образовательного процесса и использующий потенциал цифровой среды. Эмпирические исследования, включая констатирующие эксперименты на базе образовательных организаций, показывают, что без целенаправленной системной работы уровня сформированности когнитивного, мотивационно-целостного и поведенческого компонентов правовой грамотности студентов остаются преимущественно на среднем и низком уровне, что требует разработки практических рекомендаций по совершенствованию воспитательной работы.

Анализ современных социокультурных условий позволяют утверждать, что система высшего образования обладает необходимым ресурсом для опережающего развития правовой культуры, однако этот ресурс используется не в полной мере из-за отсутствия четкого нормативного и методического закрепления инновационных подходов. Одним из способов решения проблемы может стать внедрение цифровых технологий в развитии студенческого самоуправления.

Вместе с тем полагаем, что зрелая правовая культура является не только предпосылкой осознания достоинства, некой правовой самодостаточности личности, но и фактором, позволяющим привить подлинное уважение к системе государственного управления. Полагаем, что данный научный посыл имеет некоторую позитивную окраску, и его реализация позволит государственной власти заслужить общественное признание и доверие. Высокая степень правовой культуры и чувство собственного достоинства человека являются своеобразной защитой, фильтром от проникновения в его сознание всего дурного и скверного (коррупции, казнокрадства, чувства наживы и пр.), облагораживая и развивая его личность. Проблема низкой правовой культуры основной массы населения существовала всегда. Но именно с появлением ИТ, эта проблема обрела новые ранее не исследованные компоненты. Резюмируя необходимо отметить, что цифровизация институциональной практики формирования правовой культуры студенческой молодежи в условиях цифровой трансформации образования неизбежна.

Список литературы

1. Зырянова Е. В., Польшаков М. П. Формирование правовой грамотности молодежи в современных социокультурных условиях // Бизнес и общество : электронный журнал. 2026. № 1 (49). С. 45–49.
2. Кузьмин А. В., Зорина Е. М. Правовое и патриотическое воспитание молодежи в университетской среде: проблемы педагогического инструментария // Социология и право. 2025. Т. 17, № 2. С. 272–280.
3. Левина Р. А. Особенности правовой социализации студенческой молодежи в условиях цифровизации: постановка проблемы // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 78–88. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.6>. EDN: WXELIZ.
4. Мартынова М. В., Пермякова Т. В. Информационная культура студенческой молодежи: вызовы и пути развития // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 2. С. 8–24.

5. Минаева Е. В. Функции и дисфункции правовой культуры в цифровом измерении // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. С. 159–166.

6. Социокультурная регуляция формирования конструктивных патриотических установок и гражданской идентичности студентов в условиях цифровой среды : монография / Н. Н. Покровская, С. О. Снисаренко, Е. Н. Чурина, В. А. Федотова. СПб. : Изд-во СПбУТУиЭ, с. 78–89. 2024.

7. Туркаева Л. В. Проблемы правового образования студентов в современных условиях цифровой образовательной среды // Вестник Уральского института экономики управления и права. 2022. № 1 (58). С. 75–80.

УДК 347

В. Е. Савинова, *Иркутск*

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ МАРКСИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН, В ТОМ ЧИСЛЕ В КОНТЕКСТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

Аннотация. Проведено исследование по вопросу об эффективности влияния идей марксизма на формирование правосознания граждан России, в том числе в контексте популяризации альтернативных способов защиты прав и интересов, таких как медиация. На примере анализа исторического влияния марксистской теории на правовую культуру советского общества выявлены проблемы теоретического и практического характера, которые могут возникать при применении внесудебных способов урегулирования конфликтов, в частности процедуры медиации. Сформулирован вывод о необходимости переосмысления подходов к популяризации медиации и других внесудебных способов урегулирования конфликтов с учетом исторических особенностей формирования правосознания граждан.

Ключевые слова: марксистская теория права, медиация, право, правосознание, правовая культура, правовой спор, примирительная процедура.

Savinova V. E., *Irkutsk*

THE INFLUENCE OF MARXIST IDEAS ON THE FORMATION OF CITIZENS' LEGAL AWARENESS, INCLUDING IN THE CONTEXT OF POPULARIZING ALTERNATIVE WAYS TO PROTECT CITIZENS' RIGHTS AND INTERESTS

Abstract. The article presents a study on the effectiveness of the influence of Marxist ideas on the formation of the legal consciousness of Russian citizens, including in the context of the popularization of alternative ways of protecting rights and interests, such as mediation. Using the example of the analysis of the historical influence of Marxist theory on the legal culture of Soviet society, the authors identify problems of a theoretical and practical nature that may arise when using extrajudicial methods of conflict resolution, in particular, mediation procedures. Both general scientific and private scientific methods were used in the writing. In particular, thanks to the historical research method, the genesis of Marxist ideas and their influence on the formation of legal awareness and legal culture of civil society are traced. The formal legal method made it possible to identify the peculiarities of the perception of law and legal procedures in modern Russian society. The use of logical and systematic methods has helped to identify the relationship between the historical legacy of Marxist ideology and the current level of trust in alternative dispute resolution methods, in particular mediation. The authors conclude that it is necessary to rethink approaches to popularizing mediation and other non-judicial methods of conflict resolution, taking into account the historical features of the formation of citizens' legal awareness. The results of the study can serve as a basis for developing strategies to increase confidence in mediation and develop a culture of peaceful dispute resolution in Russian society.

Keywords: Marxist theory of law, mediation, law, legal awareness, legal culture, legal dispute, conciliation procedure.

На протяжении всего времени существования общества приоритетной идеей является обеспечение баланса межличностных, межгосударственных интересов участников общественных отношений, из которых в свою очередь выделяются права и обязанности сторон. С целью защиты обусловленных интересов, существует такая сфера общества, как право. В свою очередь, российское современное право получило в наследство от Советского Союза марксистскую теорию права, в которой определяется «право», которое звучит следующим образом: «Право – это воля господствующего класса, превознесенная в закон» [3, с. 231].

Обозначенная характеристика «права» имеет довольно специфическое, пугающее значение на первый взгляд. Однако, если вдуматься в это определение, то становится, очевидно, что право равно закону, который не может приниматься любым участником общественной жизни, а значит, для волеизъявления той или иной правовой идеи требуется легитимность превознесения правовой идеи в закон, которая в свою очередь имеется у государственной власти (монарха, президента, парламента и т. д.), что определяет этот класс субъектов общественных отношений господствующим, с наделением исключительных прав и соответствующих обязанностей.

Карл Маркс рассматривал право не как нейтральную и объективную систему, а как инструмент классового господства. Его основные взгляды на право имели следующий характер:

1. Право как надстройка над экономическим базисом, где правовые нормы отражают и закрепляют существующие экономические отношения, прежде всего отношения собственности.

2. Классовый характер права, где право всегда служит интересам господствующего класса, т. е. формально право может провозглашать равенство, но фактически оно обеспечивает привилегии и власть имущим.

3. Право как средство принуждения, где право поддерживается государством, которое обладает монополией на насилие. Государство использует право для подавления сопротивления угнетенных классов и поддержания существующего порядка.

4. Относительность права, под этим подразумевается, что право исторически изменчиво и зависит от конкретного социально-экономического строя. Право, которое кажется справедливым в одной эпохе, может быть совершенно несправедливым в другой.

Так, исходя из последней характеристики, можно отметить, что на сегодняшний день российская правовая политика направлена на обеспечение справедливого применения и использования права во благо общества. Так, если существует «право», воля властвующего, то из этого исходит субъективное отношение к принимаемым нормам, к «господствующему классу» и

праву в целом. Все это отражает следующее определение – правосознание. Правосознание, если говорить дословно, разбив его на два корня, т. е. «правовое сознание» – это психологический вид сознания личности, находящейся в обществе, направленный на оценку и анализ всего происходящего в правовой среде, как в позитивном аспекте, так и в негативном.

Правосознание, как активный психический процесс, направленный на развитие правовой сферы общества, формирует правовую культуру, которая символизирует уровень развития права в государстве, как правового и демократического посредством степени участия в правовой жизни страны и отношения граждан к ней. У граждан советского и постсоветского периода под влиянием вышеуказанных учений существует мнение, что для решения той или иной проблемной ситуации необходимо привлечение специализированных государственных органов, в частности судебных инстанций. Подобное правовое мышление создает определенные препятствия для успешного внедрения медиации, как альтернативной процедуры внесудебного разрешения правового спора, что создает определенные трудности для судебной системы. Марксистский акцент на классовой борьбе и формальном равенстве перед законом часто недооценивает ценность добровольного урегулирования споров, основанного на учете интересов сторон. Обозначенное выше объясняется следующим.

Во-первых, сохраняется тенденция к формализму и доминированию государственного принуждения в решении конфликтов. Судебный процесс воспринимается как основной способ защиты прав, а медиация – как несерьезная альтернатива.

Во-вторых, укоренившееся представление о праве как инструменте классовой борьбы может препятствовать формированию культуры компромисса и сотрудничества, необходимой для успешной медиации.

В-третьих, недостаточная правовая грамотность населения и отсутствие доверия к альтернативным способам разрешения споров также замедляют процесс внедрения медиации в правовую практику.

Для эффективной реализации принципов правового государства необходимо внедрение новых технологий решения конфликтных ситуации, что требует преобразование правовых установок российского общества.

К современной процедуре внесудебного разрешения правовых и социальных конфликтов относится медиация. Медиация – это «способ урегулирования спора, в котором медиатор, являясь нейтральной, беспристрастной стороной, не принимает участия в формировании решения» [4, с. 132]. Медиаторы ведут процесс выяснения всех обстоятельств. При этом медиатор делает все возможное – из этого состоит технология медиации – чтобы позиция и за ней стоящие чувства, пожелания, интересы, потребности сторон сначала были «выложены на стол медиации», затем были услышаны и поняты всеми, аргументы отработаны, и, наконец, выработано общее решение – выход из конфликтной ситуации, который устроит все стороны [10]. Так, внесудебные

процедуры примирения часто бывают очень успешными именно потому, что они направлены на достижение консенсусного решения. Особенно в спорах, которые разрешаются на уровне отношений, они могут иметь потенциал для устойчивого разрешения споров и поддержания хороших отношений на постоянной основе [7].

Из указанной характеристики понятия «медиация» очевидны положительные аспекты внесудебной процедуры разрешения конфликтных ситуаций. К перечисленному, можно добавить следующие положительные стороны:

1. Экономия времени и средств: в настоящее время государством были увеличены государственные пошлины за обращение в суд, одной из целей данного решения является стремление государства уменьшить загруженность судов. В соответствии с этим существует вероятность приравнивания финансовых затрат за судебное разбирательство и за процедуру медиации. В дополнение можно указать на возможность ускорения процедуры по разрешению конфликта с минимальными потерями по сравнению с судебными тяжбами. В качестве примера можно привести правовую политику европейских государств, где медиация является обязательным условием для начала судебного процесса. Так, например, в Италии посредничество носит обязательный характер в вопросах наследования, как процессуальное условие для возбуждения гражданского дела в суде. «Согласно пункту 1 ст. 5 Законодательного декрета 28/2010, эксперимент с попыткой посредничества является обязательным, когда спор касается имущественных вопросов, таких как разделение имущества, споры по завещанию или претензии наследников» [8]. Обозначенное законодательное закрепление, официально придает медиации необходимость использования внесудебных процедур для разрешения правовых споров, что оказывает влияние на правосознание граждан в принятии альтернативных форм урегулирования конфликтов, что в свою очередь влияет на развитие медиации, как правового института.

2. Конфиденциальность: процедура медиации, как правило, происходит в закрытом, непубличном пространстве, где участвуют только заинтересованные стороны и медиатор, который «не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон» [6], что позволяет избежать публичности спора и размещения примирительного соглашения в публичный доступ. Этот аспект способствует открытому и честному общению между сторонами, что позволяет решать деликатные темы, не опасаясь, что эта информация может быть раскрыта или использована против них позже [11], чего нельзя сказать о судебных правовых актах, где даже при обезличивании информации об участниках судебного процесса, можно идентифицировать их личность.

3. Гибкость и контроль: в рамках данной примирительной процедуры стороны вправе самостоятельно устанавливать «в соглашении о проведении процедуры медиации путем ссылки на правила проведения процедуры меди-

ации, утвержденные соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации» [6], тем самым участники примирительной процедуры контролируют исход правового конфликта. «В соответствии с п. 3 ст. 12 Закона о медиации медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения в соответствии с гражданским процессуальным законодательством. В случае неисполнения условий мирового соглашения осуществляется его принудительное исполнение в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве [2].

4. Сохранение отношений: медиация способствует более конструктивному диалогу и тем самым помогает сохранить деловые или личные отношения, учитывая при решении конфликта интересы обеих сторон. Как показывается европейская практика, в большинстве случаев достаточно 4–5 встреч – иногда достаточно простого телефонного звонка, чтобы объединить обе стороны в рамках взаимовыгодного соглашения. Главной ценностью примирительной процедуры для сторон является то, что: обе стороны чувствуют себя уполномоченными в результате процедуры и осознают свою заинтересованность в совместном поиске решения своей проблемы, решение, которое к тому же имеет обязательную юридическую силу [9].

В связи с недостаточным просвещением граждан о процедуре медиации и изложенным ранее фактам, в отношении ее сложились пессимистические взгляды, составляющие правовой нигилизм (т. е. «осознанное полное или частичное отторжение средств правового регулирования, как не способных служить удовлетворению интересов и достижению целей субъектов права» [5, с. 269]). Безусловно, у процедуры медиации имеются слабые стороны, требующие доработки, а именно:

- зависимость от добровольности: медиация может быть эффективна только при добровольном участии и желании сторон прийти к соглашению, т. е. желание договориться, услышать пожелания друг друга в отношении конфликта;

- отсутствие гарантии результата: медиация не гарантирует достижение соглашения, и в случае неудачи стороны могут потерять время и ресурсы;

- ограниченность применения: медиация подходит для разрешения споров, возникающих «из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также возникающие из трудовых и семейных правоотношений» [1];

- стоимость процедуры: услуга медиативной помощи является дорогостоящей, которая имеет риск затянувшегося решения проблемы и не может определить точное время ее использования и окончательной стоимости работы;

- неоднозначность целесообразности использования: медиация – это технология ведения переговоров для разрешения спора, т. е. владение психологическими методиками основ конфликтологии. Таким образом, профессии,

существующие на сегодняшний день и имеющие свою значимость, подразумевают наличие этих компетенций у специалистов. Так, например, нотариус разрешает семейные споры по разделу имущества, посредством составления брачного договора или соглашения о разделе имущества, при взаимном согласии супругов, где они также обсуждают свои пожелания и получают правовую оценку их ситуации. Более того, первоначально супруги могут получить бесплатную консультацию у нотариуса и после составить правовой документ, заплатив конкретную сумму, тем самым получают и разрешение проблемы, и конкретную сумму оплаты услуги.

Положительные и отрицательные стороны медиации демонстрируют и подтверждают свою значимость в правовой жизни, а значит, что для закрепления профессии медиации не только в правовом поле, но и в правосознании граждан требуются дополнительные действия, исходящие не только от самих медиаторов, но и от государства.

1. Закрепление на правовом уровне. Обязательное участие адвоката на стадиях уголовного процесса закреплено в статье 51 Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. В гражданском процессе таких обязанностей нет, также как обязательного обращения к процедуре медиации перед обращением в суд (если спор не противоречит законодательству), а в случае невозможности его разрешения внесудебном порядке перенаправление его в суд.

2. Влияние социальных стереотипов: социальные стереотипы и предубеждения могут оказывать значительное влияние на восприятие медиации. Необходимо проводить работу по изменению этих стереотипов через образовательные программы и пропаганду успешных примеров медиации.

3. Распространение информации. На правосознание граждан как психологического феномена лучше всего влиять с помощью рекламы и средств массовой информации, т. е. влиять на бессознательную часть личности. Так, граждане не только узнают об этой процедуре, но и бессознательно будут принимать «самостоятельные» решения об обращении к медиатору.

4. Образование и просвещение. Повышение уровня знаний о медиации среди населения играет ключевую роль в изменении отношения к этому процессу. Образовательные мероприятия, семинары и тренинги помогут людям лучше понимать преимущества медиации и доверять ей как эффективному инструменту разрешения конфликтов. Например, на базе школьного образования проводить тренинги для родителей и факультативы для школьников для урегулирования конфликта, тем самым будет развиваться не только социальные и психологические навыки, но и правовые. Формирование навыков конструктивного диалога и поиска компромиссов. Внедрение медиативных техник в образовательные программы.

5. Создание инфраструктуры: Развитие сети медиативных центров и служб, доступных для граждан и организаций, особенно в регионах, является важным шагом. Необходимо также обеспечить поддержку медиаторов со

стороны государства и профессиональных сообществ. Например, бесплатное создание комнат медиации не только в судах, но и в филиалах МФЦ.

Подводя итог, можно сделать вывод, что медиация представляет собой перспективную альтернативу традиционным судебным разбирательствам, обладающую рядом существенных преимуществ. Однако для широкого распространения и признания медиации в российском обществе необходимо преодолеть ряд правовых и психологических барьеров. Повышение уровня правосознания и правовой грамотности населения, улучшение судебной практики и проведение образовательных мероприятий по популяризации медиации помогут сформировать положительное отношение к этому процессу и сделать его более доступным и востребованным инструментом разрешения конфликтов.

Список литературы

1. Ивановская межрайонная прокуратура разъясняет, что процедура медиации – это способ урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица // Прокуратура Ивановской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_37/activity/legal-education/explain?item=23903739 (дата обращения: 06.04.2026).
2. Медиация // Двенадцатый арбитражный апелляционный суд. URL: <https://12aas.arbitr.ru/material/39735> (дата обращения: 16.08.2026).
3. Ильин В. В., Машенцев А. В. Философия в схемах и комментариях : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2005 – 304 с.
4. Приженникова А. Н., Коляда Г. Ю. Применение медиации в России и за рубежом: актуальные вопросы // Образование и право. 2019. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-mediatsii-v-rossii-i-za-rubezhom-aktualnye-voprosy> (дата обращения: 06.04.2026).
5. Сенин И. Н. К вопросу о понятии правового нигилизма // ОНВ. 2006. № 9 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-pravovogo-nigilizma> (дата обращения: 06.04.2026).
6. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 04.04.2026).
7. Jäger Annette. Mit außergerichtlichen Schlichtungsmethoden Streit beilegen. URL: <https://www.biallo.de/recht-steuern/ratgeber/mediation/> (дата обращения: 04.08.2026).
8. Mediazione obbligatoria nella successione ereditaria // ADR Center srl. URL: <https://adr-center.it/mediazione-obbligatoria-nella-successione-ereditaria/> (дата обращения: 15.08.2026).
9. Mediation: Konflikte bewältigen und als Gesellschaft wachsen. URL: <https://luxembourg.public.lu/de/gesellschaft-und-kultur/politisches-system/mediation.html> (дата обращения: 15.08.2026).
10. Mediation // Rechtsanwalt Dirk Petersen. URL: <https://www.rechtsanwalt-dirk-petersen.de/service/mediation> (дата обращения: 16.08.2026).
11. La médiation comme voie vers une meilleure résolution de conflits // Salvatore Avocats. URL: <https://salvatoreavocats.ca/mediation-commme-voie-vers-meilleure-resolution-conflits/> (дата обращения: 16.08.2026).

УДК 328.34

Тирских М. Г., Иркутск

ПРАВОВОЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Показывается, что для правотворческой деятельности характерно стремиться к достижению состояния наиболее идеального урегулирования общественных отношений. Такое регулирование подразумевает отсутствие пробелов, использование наиболее приемлемых методов и средств правового регулирования, высокую степень качества правового материала. Определяются параметры правового перфекционизма и его пределы.

Ключевые слова: перфекционизм, правотворчество, правовые идеалы, состояние права, качество права.

Tirskikh M. G., Irkutsk

LEGAL PERFECTIONISM AND ITS MANIFESTATIONS

Abstract. Law-making activity is characterized by striving to achieve the most ideal state of regulation of social relations. Such regulation implies the absence of gaps, the use of the most acceptable methods and means of legal regulation, and a high degree of quality of legal material. The article defines the parameters of legal perfectionism and its limits.

Keywords: perfectionism, law-making, legal ideals, state of law, quality of law.

С момента появления права как явления человечество не оставляла мысль добиться наиболее эффективного и качественного регулирования общественных отношений. Еще известный древнегреческий законодатель Солон в своей элегии «Благозаконие» [1] писал:

*«Благозаконие же всюду рождает порядок и стройность.
В силах оно наложить цепь на неправых людей,
Сгладить неровности, наглость унизить, ослабить кичливость,
Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,
Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
И разномыслия делам вместе с гневливой враждой
Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинается
Всюду, где люди живут, разум с порядком царить.»*

В этих строфах видится идеализируемый образ права, как определенного порядка, наличие которого, существенно улучшает жизнь общества, способствует процветанию позитивных и умалению негативных черт социальной реальности. Возможности права, как регулятора общественных отношений, а также необходимость стремления к определенному идеалу правового регулирования были предметом поиска многих философов права, от концепции «идеального порядка» Платона [2], до представления о «чистой теории права» в «нормативизме» Г. Кельзена [3], а также ученых, занимающихся различными вопросами теории права [4; 5 и др.].

Сразу отметим, что в рамках данного исследования мы анализируем явление перфекционизма в праве вообще, а не цивилитарный термин «перфекции», означающий момент вступления сделки в силу [6].

Стремление к совершенному правовому регулированию является, безусловно, нормой к которой стремится любой законодатель. Обеспечить наиболее оптимальное регулирование. Предусмотреть использование самых эффективных методов, сокращающих число юридических конфликтов. Использовать наиболее приемлемые термины и формулировки, обеспечивающие единообразное и ясное понимание содержания правовой нормы. Все это вписано в логику нормотворчества и в целом является вполне обоснованным. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы обеспечить наивысший правовой результат в рамках правового регулирования. Но при этом возникает вопрос о достижимости совершенства в праве и допустимости действий, направленных на обретение идеального результата нормотворческой деятельности, как первоосновы нормотворческой деятельности.

Очевидно, что стремление к совершенству не тождественно возможности его обретения. Зачастую специфика регулируемых общественных отношений сопряжена с отсутствием возможности выработки шаблонных моделей регулирования. В таком случае попытка урегулировать отношения единообразно, предусмотрев все возможные аспекты установления правомочий, обязанностей и запретов может натолкнуться на недостижимость формулярных результатов регулирования (строгих, абстрактных формул, обеспечивающих состояние полного и эффективного урегулирования общественных отношений), высокую степень правоприменительного усмотрения, а порой и возникновения пробелов. В таком случае стремление к совершенству оказывается бессмысленным, поскольку законодатель просто не сможет обеспечить имеющимися нормотворческими средствами создание таких правил поведения, которые удовлетворили бы высокие стандарты «правового совершенства». Однако это совершенно не означает, что «перфекционизм» в пределах возможного не является приемлемым вариантом нормотворческой деятельности. В противном случае отсутствовало бы стремление создания каких-либо стандартов нормотворчества, правового качества нормативных правовых актов.

Отвергая возможность абсолютного правового перфекционизма, таким образом? мы отмечаем стремление к перфекционизму относительному, затрагивающему отдельные аспекты нормотворческой деятельности, например, соблюдение процедуры принятия нормативного правового акта, или использование средств юридической техники, позволяющих обеспечить качество нормативного правового акта. Здесь следует сделать оговорку, связанную с тем и этот относительный перфекционизм не является полным.

Так, просто нарушение процедуры принятия нормативного правового акта не является достаточным условием для признания нормативного акта недействующим. В соответствии с требованиями КАС РФ заявитель административного иска о признании нормативного правового акта недействующим обязан не только обосновать основания недействительности такого акта, но и обозначить какие именно права заявителя данным нормативным правовым

актом нарушены. В таком случае мы должны отметить, что не является достаточной лишь констатация нарушения при принятии нормативного правового акта, но только в условиях сопряжения с нарушением субъективного права заявителя.

Отсюда, следует сделать вывод, что законодателю важнее не обеспечение правового перфекционизма (стремление к идеалу в содержании акта, или процедуре его принятия), но его влиянию на права и обязанности субъектов. Если эти права и обязанности не нарушаются самим фактом несовершенства нормативного правового акта государство стремится к сохранению состояния урегулированности общественных отношений, а не к обеспечению формального идеала в процедурных вопросах принятия нормативного правового акта.

Еще одним аспектом ограниченности правового перфекционизма является механизм восполнения пробелов в нормативно-правовом регулировании такими средствами, как аналогия права и аналогия закона. Очевидно, что нормативный правовой акт, допускающий наличие правовых неопределенностей и пробелов не является идеальным, т. е. не соответствует высоким требованиям правового перфекционизма. Однако законодатель полагает, что в случае выявления таких пробелов будет достаточно применена по аналогии иных норм данного нормативного правового акта (аналогия закона), или даже общих принципов права (аналогия права). Это фактически означает, что сам текст нормативного правового акта останется не идеальным, содержащим изъяны, противоречащим идее правового перфекционизма, но общественные отношения будут регулироваться, а правовые конфликты разрешаться правоприменительными органами.

Эти примеры позволяют утверждать, что правовой перфекционизм не является самоцелью законодателя, который сознательно допускает возможность неидеального правового регулирования при сохранении критерия достаточности правового регулирования для его использования в рамках стандартного состояния осуществления общественных отношений.

В рамках концепции правового идеализма, предложенной в отечественной правовой науке Н. И. Матузовым, отмечается, что стремление к идеальному состоянию урегулированности общественных отношений является «юридическим невежеством, неразвитым и деформированным правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры» [7]. Н. М. Добрынин отмечает, что проблема правового идеализма состоит «в незнании природы и сущности права, вследствие чего преувеличиваются его регулятивные возможности и всеислие в жизни общества» [8]. Соглашаясь с тем, что абсолютизация правового идеализма (перфекционизма) является скорее негативной тенденцией, нежели чем позитивной. Право, безусловно, не в силах разрешить все проблемы человечества. Более того, попытка достичь такого идеального состояния сталкивается как с фактической невозможностью достижения такого «идеала», так и с констатацией «разочарования» лица, придерживающегося

ценностей правового идеализма. Стоит ли стремиться к созданию лучших законов, если идеал все равно не будет достигнут? Выходом из данного парадокса может быть осознание права исключительно как средства регулирования, но не самоцели законодателя.

В таком случае, мы должны говорить о существовании пределов «правового перфекционизма», а именно критериев достаточности и обоснованности в рамках нормотворческого процесса и состояния правовых норм.

Полагаем, что указанные пределы должны подразделяться на объективные и субъективные. Первые отображают реальные процессы, реализуемые в рамках нормотворческой деятельности, вторые – отношение к праву законодателя, опосредованные степенью возможности оценки общественных отношений и понимания средств и методов нормативного регулирования.

Объективными пределами перфекционизма правового регулирования в таком случае следует считать: ограниченность сферы правового регулирования, опосредующей невозможность регулирования таких отношений, которые не поддаются контролю со стороны государства; ограниченность средств правового регулирования не позволяющие в полной мере нормировать поведение участников общественных отношений; ограниченность возможностей объективного контроля общественных отношений, оставляющих без внимания со стороны государства многочисленные случаи деятельности в обществе, не подверженные правовому регулированию.

Субъективными пределами перфекционизма можно считать: ограниченность восприятия законодателем сложившейся системы общественных отношений; приоритет персонального восприятия законодателя, над объективным анализом сложившихся общественных отношений; наличие интересов, искажающих объективное понимание целей и средств регулирования.

Таким образом идея правового перфекционизма наталкивается на объективные и субъективные пределы, которые не позволяют в полной мере реализовать те потенциалы, которые заложены в перфекции. Одновременно с этим, необходим констатировать факт того, что отсутствие возможности достижения абсолютного перфекционизма в праве и наличие пределов даже в контексте перфекционизма относительного, затирающего конкретные сферы общественных отношений не говорит о целесообразности нивелирования идей перфекционизма в праве вообще с учетом осознания недостижимости идеального состояния, но целесообразности минимизации нарушений, пробелов или проявлений дисгармонии о которой мы ранее уже писали [9].

Исходя из этого перфекционизм в праве уместен в целом ряде аспектов, а именно:

- 1) строгом соблюдении процедуры подготовки и принятия нормативных правовых актов, не вызывающих споров в связи с нарушением процедуры;
- 2) строгом выполнении требований к компетенции лица, создавшего нормативный правовой акт, во избежание споров о наличии или отсутствии нормотворческой компетенции;

3) соблюдении основных требований юридической техники, обеспечивающих приемлемость юридического текста задачам правового регулирования (от использования языка изложения правовых норм и специальных юридических терминов, до структурирования правовых норм в рамках нормативного правового акта);

4) надлежащее соотношения нормативного правового акта с иными нормативными правовыми актами с учетом их юридической силы в рамках регулирования конкретных общественных отношений;

5) отсутствие пробелов и тексте нормативного-правового акта, а также положений, допускающих неоднозначное понимание;

6) обеспечение принимаемых правовых норм механизмами реализации права и правоприменения не допускающих ситуации отсутствия механизмов соблюдения запретов, исполнения обязанностей и использования правовых возможностей, определенных правой нормой.

Это лишь краткий перечень основных аспектов, в которых допустим относительный юридический перфекционизм, понимаемый не как стремление к недостижимому идеалу, а как соответствие самих правовых норм и процесса их принятия базовым требованиям, без которых невозможно эффективное применение правовых норм в условиях современного общества.

Список литературы

1. Античная лирика : пер. с древнегреч. и лат. / [вступ. ст. С. Шервинского] ; [сост. и примеч. С. Апта и Ю. Шульца]. М. : Худож. лит., 1968. 623 с.
2. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М. : АСТ, 2020. 445 с.
3. Кельзен Г. Норма и ценность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т.12, № 2 (164). С. 71–77.
4. Bomhoff J. Perfectionism in European Law // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. P. 75–100.
5. Мусанова Л. М. Особенности проявления перфекционизма в структуре профессиональной деятельности юриста // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2017. № 1(39). С. 147–149.
6. Шлотгауэр М. А. Перфекция договора купли-продажи жилого помещения: проблемы правоприменения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2008. № 3. С. 196–200.
7. Матузов Н. И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 2 (8). С. 4–13.
8. Добрынин Н. М. О сущности правового нигилизма и правового идеализма: антропология права и взгляды // Государство и право. 2015. № 12. С. 80–92
9. Тирских М. Г. Гармоническая теория права: подход к конструированию новой модели правопонимания // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 апр. 2025 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 317–322.

УДК 159.9.07

Тихонова М. Ю., Фазлыева Е. И., *Магнитогорск*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ АЛКОГОЛИКОВ

Аннотация. Рассматривается правосознание как комплексный феномен, его структура и социализирующая функция. Особое внимание уделено формированию правосознания у детей из дисфункциональных семей. Анализируются деформации: правовой инфантилизм, конформизм и негативизм.

Ключевые слова: правосознание, дисфункциональная семья, взрослые дети алкоголиков, дефект правосознания, социализация.

Tikhonova M. Y., Fazlyeva E. I., *Magnitogorsk*

FEATURES OF LEGAL AWARENESS OF ADULT CHILDREN OF ALCOHOLICS

Abstract. The paper considers legal awareness as a complex phenomenon, its structure and socializing function. Special attention is paid to the formation of legal awareness among children from dysfunctional families. The deformations are analyzed: legal infantilism, conformism and negativism.

Keywords: legal awareness, dysfunctional family, ACA, defect of legal awareness, socialization.

Мы все живем в государстве, поэтому наша жизнь регулируется различного рода нормами (правилами поведения), которые можно разделить на две большие группы: нормы морали и правовые нормы (установленные тем же государством и обязательные для исполнения).

Некоторые авторы говорят о том, что есть, так называемая, правовая жизнь, которая представляет собой систему разнообразных видов и форм деятельности, поведения людей, направленных на обеспечение условий и средств существования, реализацию частных и публичных, индивидуальных и групповых интересов, утверждение соответствующих этим интересам ценностей, которые соответственно и содержатся в нормах права. Также в понятие «правовая жизнь» входит комплекс юридических феноменов конструктивного и деструктивного характера. К первой категории относится, в том числе, правосознание. Ко второй – противозаконные явления (например, правонарушения). Правовое сознание выступает в роли регулирующего компонента правовой жизни и при позитивном значении становится стимулом для поддержания условий ее стабильности и нормального функционирования.

С точки зрения теории права, правосознание включает следующие категории:

- знания о праве, а также о соотношении прав и обязанностей;
- отражение системы знаний и юридической реальности;
- отношение человека к существующим моделям поведения индивидов;
- восприятие правовой действительности через эмоциональную и интеллектуальную оценку.

Помимо этого, правосознание тесно взаимосвязано и переплетается с нравственным сознанием. [1, с. 4–5].

Итак, правосознание выступает как своеобразный «посредник» между субъективным миром человека и объективной правовой действительностью, формируя и отражая отношение личности к правовым аспектам социальной жизни.

Если говорить об архитектонике правосознания, то она представляет собой комплексную систему, состоящую из следующих компонентов: правовая идеология; правовая психология; информационный аспект; оценочный компонент; волевой элемент.

В свете рассматриваемого вопроса, целесообразно подробно рассмотреть социализирующую функцию правосознания, наличие которой предполагает значимость правосознания в процессе интеграции личности в правовое поле социума, усвоения ею правовых норм, ценностей, установок и позволяет глубже осмыслить механизмы воздействия правосознания на поведение индивидов, а также его роль в развитии самого правового государства и гражданского общества.

Исследование вопроса правовой социализации должно начинаться с семьи. Это обстоятельство связано с тем, что ребенок с раннего детства копирует стереотипы поведения взрослых. Правовая социализация является составной частью социализации как таковой, а, как известно, с социализацией связывают освоение определенных идей, ценностей, норм поведения. В широком смысле – это освоение культуры, от уровня которого зависит степень социальной активности и полезности человека в социуме. В ходе правовой социализации происходит формирование позитивного или негативного отношения к правовой действительности. Правовая социализация представляет одну из важнейших частей общей социализации индивида, а также специфическое проявление ее общих законов в сфере формирования и развития индивидуального политического, правового сознания и правовой культуры. Правовая социализация обеспечивает достижение высокого уровня мировоззрения и сознания личности, что в свою очередь служит основой правового поведения. [2, с. 17]

Основным механизмом передачи знаний, опыта и правовой идеологии выступает процесс воспитания. Правовое воспитание в отличие от иных форм воспитания, имеет специфическое предназначение, которое заключается в формировании социально активных и ответственных, юридически грамотных индивидов, которые будут выступать в качестве одного из компонентов правовой гармонизации личности и общества, его структур в правовой плоскости. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку, строго следовать правовым предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность соблюдать закон. [2, с. 17]

Итак, правовая социализация, как и любая другая, также как и правовое воспитание, начинается с семьи. В нашем же случае – это семья дисфункциональная, а взрослые дети алкоголиков (далее – ВДА) – это синдром, форми-

рующийся у людей, выросших в данных семьях, т. е. с алкогольной, наркотической или иной зависимостью (например, игромания), что, как следствие, приводит к психологическим травмам.

При изучении правосознания конкретной социальной группы ключевое значение приобретают вопросы о фундаментальных факторах, предопределивших то или иное восприятие юридической действительности у представителей исследуемой группы.

Алкоголизм – это проблема общества в целом, когда принятие спиртного становится обыденностью и привычкой даже не в деструктивных семьях. Становится нормой принимать алкоголь не только по праздникам. При семейном же алкоголизме у детей наблюдается умственная отсталость, мозговая деградация, психологические отклонения, нарушение внимания и памяти, социальная нестабильность. У детей формируются психопатические состояния, асоциальные формы поведения. Во время взросления рано или поздно проявляются нарушения в эмоционально-волевой и личностной сферах. Эмоции поверхностные, долго держат в себе обиду, ВДА склонны накапливать негативные чувства и затем выплескивать их в ненадлежащей форме.

При очень сложном выявлении рассматриваемого синдрома, клинико-психологические методы могут включать в себя – анализ жизненного пути. Это исследование семейной истории, диагностика отношений и влияние дисфункциональной семьи (среды) на формирование личности, в том числе и правосознания. Изучение становления и развития личности через призму взаимодействий с life – событиями, ценностями, целями и обществом, охватывающий объективные условия и внутреннюю эволюцию. Это метод биографического анализа (автобиография, интервью), типологии и «множественных часов» для соотнесения личной истории с социальным временем, как человек реализует себя и формирует свой «путь» или судьбу. Жизненный путь – это процесс становления человека, как субъекта своей жизни, духовное и нравственное развитие. «Путь» в психологии – это дорога (способ достижения целей) и польза (реализованность). А жизненная ситуация – это связь человека со средой. В ходе анализа, с психологом отслеживаются эти моменты. [7, с. 16]

Семья, в том числе на этапе подросткового периода, для любого человека – это очень значимый фон, даже когда уже есть другие приоритеты и не очень хочется слушаться родителей, ребенку крайне важно, вполглаза, как бы незаметно, не придавая значения, чтобы этот фон не был назойливым, а был спокойным, надежным, стабильным. Тогда на эту среду можно опираться в полную силу, это те самые внешние опоры, с которыми можно взаимодействовать. Если есть спокойный, стабильный фон, это становится той самой опорой, с которой начинается рост человека и движение к чему-либо, в том числе формированию правосознания. Детям из семьи алкоголиков практически не суждено иметь такие опоры и поддержку.

Что такое стабильный родитель? Это родитель, живущий в благополучии, умеет распознавать, удовлетворять свои потребности разного уровня от простейших до высших и, конечно, своего ребенка. Позднее, повзрослевший ребенок (подросток) в нормальной семье отсепарировавшись признает все навыки данные родителями, не сознанием, а бессознательными структурами психики. Это дает понимание, что это пришло не из ниоткуда, а это дала семья.

Дети из дисфункциональных семей вырастают, так и не научившись некоторым важным вещам. Ощущение, что не хватает чего-то чуть-чуть для полного понимания жизни и человеческих взаимоотношений, для коммуникации с другими людьми.

Эти люди не ошибаются, чего-то не хватает, но это не означает, что с ними что-то не так. То, чего им не хватает – это определенные навыки позволяющие нормально общаться с другими людьми, в том числе и в правовой сфере. Это как раз то, что большинство людей умеют делать благодаря своим родителям. Представим, что львица со львом недоучили своих львята охотиться, защищаться от других сильных хищников. Маленькие звери недоживут до зрелости. Или птицы не научат своих птенцов летать или плавать, добывать пищу, не подготовят к длительной зимовке или перелету. Главная задача в природе передать своему потомству все необходимые навыки, качества: умение защищаться, прятаться, добывать пищу себе и мочь прокормить будущее потомство, выбрать партнера. И если представить, что кому-то из представителей животного мира не рассказали о навыках выживания, потому что их родителям было некогда, они занимались собой и своими делами. Это верная гибель в мире природы. Так и ВДА приходится выживать в своей жизни, не понимая, что не так. Выживать, имеется в виду, не жить в канаве. Многие взрослые дети алкоголиков могут быть успешными людьми в бизнесе, работать, иметь семьи, но дается им это все через ощущение выживания, неудовлетворение процессам и т. д. Навыки, которым не учили отсутствуют, а иногда они жизненно необходимы.

Некоторые типы ВДА проявляются в следующем: внешняя «холодность» и отстраненность; склонность ко лжи; социальная изоляция; патологическая безответственность; игнорирование норм и правил; трудности в общении. [9, с. 83]

У ВДА чаще, чем у детей из благополучных семей, диагностируется алекситимия, т. е. склонность к эмоциональной закрытости и трудности в выражении чувств. Одна из опасностей алекситимии – возможное появление девиантного поведения (совершение правонарушений или невозможность защитить себя уже во взрослом состоянии). [7, с. 22]

Следствием воспитания и социализации детей в дисфункциональных семьях может являться деформации правосознания.

Особенностями формирования правосознания в таких семьях и его влияние на состояние законности может выражаться в: пренебрежительном отношении к причинению вреда психическому состоянию личности (скандалы

взрослых, в пьяном состоянии, в присутствии детей), предпочтение насильственных вариаций в разрешении межличностных споров и конфликтов (побои, причинение вреда здоровью соответствующей тяжести или убийство членов семьи, в том числе и детей либо в присутствии детей); пропаганде антиобщественных поведенческих стереотипов (вовлечение детей в распитие или приобретение алкоголя), стяжательства и пренебрежения установленными в обществе правилами поведения (жестокое обращение с животными), негативный практический опыт в сфере защиты прав, свобод и законных интересов или вообще отсутствие такого опыта (отсутствие интереса и защиты со стороны государства – органов опеки, образовательных организаций); неумение анализировать причины и последствия социальных действий (родители хорошие, не смотря на то, что сегодня ты ничего не ел, т. к. дома только «закуска»).

Правовая деформация в юридической науке – это процесс нарушения, искажения или искривления норм права, в результате которого они теряют свою целостность, логическую последовательность, сбалансированность и соответствие высшим ценностям и принципам правовой системы. [10, с. 130]

Формами проявления правовой деформации сознания ВДА могут являться:

Во-первых, правовой инфантилизм, который заключается в неспособности решать поставленные обществом перед человеком социальные задачи в соответствии с правовыми нормами и ценностями ответственного рационального поведения (не обращение за помощью по привычке или из-за страха, что «вынесут сор из избы», если тебя бьют дома).

Во-вторых, правовой конформизм, который характеризуется пассивностью и безынициативностью, т. е. «поступаю так, потому что другие ведут себя также». Выражается в пассивном восприятии правовой действительности, характеризуется стремлением человека всячески угодить родителям (взрослым членам семьи), отсутствием критического отношения к результатам своего труда в семье (не уход из семьи, где происходит насилие или не обращение за помощью по привычке, ведь так делала (не делала) мама).

В-третьих, правовой негативизм – активная противоправная тенденция личности (совершение правонарушений таких же, как были в детстве в отчете доме – изнасилование, издевательство над животными и др.).

Каждая конкретная ситуация правовой деформации требует индивидуального анализа и подхода и этим нельзя пренебрегать, т. к. это может привести к нарушению принципов справедливости, равенства перед законом, прав человека и др., что негативно сказывается на развитии правового государства и установлении законности в целом и конкретного человека в частности.

В качестве иллюстрации дефекта правосознания, приведем отрывки интервью людей, в отношении которых есть подозрение на наличие синдрома ВДА, которые демонстрируют бессознательное копирование противоправного поведения своих пьющих родителей либо позволяющих такое поведение.

1. Олег (46 лет). «Иногда в браке я толкал, шлепал, дергал жену. Но вкладывал в это действие нечто большее – желание сделать больно, отомстить, ведь она слабее. Она удивлялась, а я говорил, что случайно. Кажется, она догадывается».

2. Владислав (57 лет) «Я смотрел на своих алкашей. И мечтал, как только вырасту, выучусь, семью заведу, зарабатывать стану никогда не буду пить, детей, жену не буду обижать. Я исполнил свою мечту. Не пью совсем. Только мне тяжело жить в повседневной жизни. Скучно, тихо, спокойно. Все время скандал хочется затеять. Я не умею контейнировать чувства и эмоции. Стараюсь в хобби все оставлять. Охота, рыбалка, банька с мужиками. Но иногда как будто с цепи срываюсь ... жена и дети не заслуживают этого».

3. Ирина (25 лет). «Меня муж очень любит. Я маленькая и хрупкая. Он меня на руках носит. В прямом и переносном смысле, а когда напьется, не часто, выкидывает меня в окно. Мы на первом этаже живем. Недавно предложил в другую переехать. Побольше и... повыше. Я не хочу. Отец тоже маму бил и любил».

4. Евгения (36 лет). «Меня муж очень задаривает. Недавно курс массажа купил. Не сразу пошла. Сначала надо, чтобы синяки по всему телу зажили, а то и касаться больно. В школе на физре в детстве боялась переодеваться. Все тело в синяках было, когда отец пил и нас с мамой гонял по квартире».

5. Лидия (47 лет). «Сначала муж в пьяном состоянии сломал мне руку. Очень испугался, долго заискивал передо мной, боялся, что в полицию пойду. У него отец в детстве матери нос ломал не один раз. Вот и мне сказал: «Я же не по лицу». Детей у нас не было. Я ушла и развелась с ним».

6. Александр (58 лет). «Я видел, как отец избивал мать. Иногда я тоже хочу ударить женщину. Меня останавливает лишь наказание за это. Мама на отца в суд не подавала».

Список литературы

1. Васильева Т. Д. Феномен правосознания: теоретико-правовой анализ и значение для государственной службы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 4. С. 3–10. // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/368039>
2. Виндилович Е. А. Правосознание семьи в современности // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. 2023. № 6. С. 11–18 // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/357101>
3. Дворецкий М. И., Федотов Б. В., Сидорина Т. В. Характеристики правосознания молодежи и студентов в современных условиях // Профессиональное образование в современном мире. 2021. № 3. С. 216–227 // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/316384>
4. Команджаев Е. А. Теория государства и права : учеб. пособие. Элиста : КГУ, 2022. 108 с. // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/book/472259>
5. Кордобовская К. Е. Дефекты и деформация правосознания как проявления его деаксиологизации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 1. С. 53–63 // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/356495>

6. Кулаков А. А. Концепция обыденного правосознания в российской юридической науке // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2023. № 2. С. 13–25 // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/370442>

7. Основные направления современных исследований в психологии : монография / Е. А. Антошкина, И. А. Ахметшина, А. Г. Графодатская, Д. А. Донцов, Г. В. Мехедов, А. Б. Павлова, В. Н. Поникарова, Н. В. Савинова, М. В. Самошонкова, М. Ю. Тихонова ; под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение, 2026. 198 с.

8. Особенности формирования правосознания в современных условиях и его влияние на состояние законности / Ю. И. Исакова, Y. I. Isakova, Н. В. Сараев [и др.] // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 3. С. 18–31 // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/365957>

9. Тихонова М. Ю. ВДА – взрослые дети алкоголиков // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков : сб. материалов XXXXII Междунар. науч.-практ. конф. Ун-т ИТБО, 2025. С. 77–86.

10. Хоруженко К. А., Аврамова Е. Д. Деформация правосознания в современном обществе: понятие, причины возникновения, виды и пути преодоления // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. 2024. № 7. С. 120–131 // Лань : электрон.-библ. система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/368198>

УДК 340.12

Тулаева К. В., Самара

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГЕНЕЗИСА ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Аннотация. Анализируются основные детерминанты становления правового нигилизма, выделяемые в юридической литературе. В результате анализа трудов политической и правовой направленности, в том числе современных правоведов, различных законодательных «новелл» выделяется основная причина правового нигилизма, одновременно показывается ее взаимосвязь с объективными процессами, протекающими в общественной жизни.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, неправомерное поведение, правонарушение.

Tulaeva K. V., Samara

ON THE QUESTION OF DETERMINING THE GENESIS OF LEGAL NIHILISM

Abstract. the article analyzes the main determinants of the development of legal nihilism, as identified in legal literature. By analyzing political and legal works, including those of contemporary legal scholars and various legislative “novels”, the author identifies the primary cause of legal nihilism, simultaneously demonstrating its relationship with objective processes occurring in social life.

Keywords: legal nihilism, legal consciousness, legal culture, unlawful behavior, offense.

Содержание сопутствующих друг другу категорий – «правовой идеализм» и «правовой нигилизм», достаточно подробно разработано в рамках общей теории права. Последней в доктринальных юридических исследованиях традиционно уделяется наибольшее внимание, по причине того, что правовой нигилизм и различные формы его проявления, создают прямую угрозу нарушения законности и правопорядка в обществе.

Тем не менее до настоящего времени в правоведении не сложилось единства взглядов на определение термина «правовой нигилизм», несмотря на то что современные исследователи указывают на срочную необходимость противодействия его распространению [23], особенно в молодежной среде [22]. Так, Л. А. Морозова определяет правовой нигилизм как негативное отношение граждан к праву «... вплоть до полного неверия в его возможности решать социальные проблемы» [14, с. 341]. А. В. Никитин, Э. А. Шафиуллина рассматривают его в качестве разновидности нигилизма в целом, т. е. отрицания права, выступающего одним из социальных явлений [15, с. 46]. А. Л. Бредихин, С. М. Фомичев указывают на то, что правовой нигилизм – форма деформации правосознания [3, с. 22]. Аналогичного мнения придерживается А. В. Миллиус [12, с. 178]. По мнению С. В. Бирюкова, правовой нигилизм представляет собой сложную юридическую конструкцию, – «... при формировании которой использованы некоторые выводы философской и логической концепции отрицания...» [2, с. 35].

Разносторонние позиции представителей научного сообщества, к сожалению, не приближают нас к разрешению терминологических сложностей в рассматриваемой области. На наш же взгляд, правовой нигилизм выступает полноценным видом правосознания, ведь именно оно является совокупностью «... идей, чувств и представлений, взглядов, в которых отражается *отношение к праву* (выделено нами. – К. Т.)» (по Л. А. Морозовой). Более того, назначение правосознания состоит и в выработке определенного отношения к необходимости соблюдения или несоблюдения нормативных предписаний (по Л. А. Морозовой). Соответственно, если отталкиваться от того, что правовой нигилизм, в существе, представляет «отрицание» права как социального регулятора, то в таком случае, мы имеем обоснованную возможность говорить о том, что «отрицание», т. е. отсутствие необходимости (нуждаемости) в праве (вне зависимости от причин, но о них будет сказано ниже), в принципе, также является формой проявленности отношения к нему. Ведь не обязательно расценивать наличие или отсутствие правового регулирования, исключительно с положительной или отрицательной сторон; к нему же можно относиться индифферентно, скептически и т. д., не так ли? При этом Н. И. Матузов полагает, что скептическое отношение к праву, будучи, по мнению автора, формой правового нигилизма, также подрывает основы правовой культуры социума [11, с. 20]. Однако мы более склонны рассматривать такой скепсис как показатель критической оценки личностью, социальными группами или обществом в целом, действующих законодательных положений. Это выступает положительной тенденцией, позволяющей оценить действительное положение дел в сфере правового регулирования общественных отношений и соответствие правовых норм интересам гражданина (граждан), а также жизненным реалиям. Поэтому, не стоит расценивать «правовой нигилизм» сугубо в негативном ключе, о котором упоминают множество авторов. Правовой нигилизм – это, отражение результатов правотворчества или

правоприменения, некая ответная реакция; ведь не все Законы справедливы и гуманны, а их реализация, порой, превращает законодательные положения в «фикцию» или доводит их содержание до абсурда (извращает).

Однако несмотря на указанные доктринальные разногласия, единство научных мнений мы можем обнаружить относительно причин, порождающих возникновение и распространение правового нигилизма. Зачастую, к одной из них, исследователи относят отдельные политико-философские учения и их выдающихся представителей. Так, А. В. Лайтер [10, с. 200], А. В. Корнев [6, с. 21], Н. И. Матузов [11, с. 17] указывают, что правовой нигилизм получил разработанность в трудах М. Штирнера, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и даже Л. Н. Толстого. По мнению вышеперечисленных авторов, обозначенные деятели науки, чей вклад в социально-гуманитарное знание, политическую мысль общепризнан и неоспорим, «...стерли грань между революцией и обыкновенной уголовщиной, отвергли все моральные нормы...» [10, с. 200], а выдающийся литератор Л. Н. Толстой вовсе «...всеми силами добивался тирании этических начал...» [6, с. 22]. Подобные заявления, мягко говоря, вызывают возмущение, так как не соответствуют содержанию основных трудов вышепредставленных деятелей, одновременно вводя в заблуждение лиц (читателей), не знакомых или знакомых косвенно с их воззрениями.

Начнем с Л. Н. Толстого, приведя некоторые отрывки из его сочинения «В чем моя Вера?» «...Смущало меня больше всего то, что все зло людское – осуждение честных людей» ... «и вытекавшие из этих осуждений: казни, войны, все это оправдывалось церковью. Учение Христа о смирении, неосуждении, прощении обид, о самоотвержении и любви на словах возвеличивалось церковью, и вместе с тем одобрялось на деле то, что было несовместимо с этим учением. «...тогда я понял, что слова не противятся злу, знача... «никогда не делай насилия, т. е. такого поступка, который всегда противоположен любви» ... «не судите, и не будете судимы – не осуждайте и не будете осуждены» ... «мне никогда в голову не приходило, чтобы Христос в этих словах мог говорить про суды: про земский суд, про уголовную палату про окружные и мировые суды и всякие сенаты и департаменты» [19]. И как, после таких суждений Л. Н. Толстого, можно писать о том, что он добивался «тирании этических начал» (по А. В. Корневу)?

Безусловно, Л. Н. Толстой имел собственный взгляд на содержание Христианского учения. Фактически, он понимал его *буквально* (выделено нами. – К. Т.), в связи с чем, и выступал с резкой критикой не только деятельности церкви (ввиду обнаружения соответствующих противоречий), но и государства, а также *государственного* (выделено нами. – К. Т.) (!!!) права, т. е. права «позитивного» (санкционированного государством), как не соответствующих содержанию Священного писания. Видимо поэтому, его и отлучили от церкви. При этом Л. Н. Толстой никогда не отрицал значения нравственных начал в индивидуальной духовной, и в целом, общественной жизни, напротив, утверждая, что именно жизнь по Закону Христа, является единственным

верным ее вариантом. В труде «Не могу молчать!» Л. Н. Толстой указывает, – «...Чем же вы его водворяете? Тем, что вы, разрушаете в людях последние остатки веры и нравственности, совершая величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительства» ... «которые вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на какие-то статьи, написанные же в ваших глупых и лживых книгах, кощунственно называемые вами законами» [20]. В дальнейшем, в сочинении «Религия и нравственность» писатель скажет: «...религия есть известное, установленное человеком отношение своей отдельной личности к бесконечному миру или началу его. Нравственность же есть *всегдашнее руководство жизни* (выделено нами. – К. Т.), вытекающее из этого отношения» [21].

Таким образом, Л. Н. Толстой не признавал, как мы уже говорили, право позитивное, *но вовсе не иные* (выделено нами. – К. Т.) формы регулирования общественных отношений, к которым он относил религиозные нормы и формируемые на основе их непосредственного толкования нравственные установления, главным из которых является недопущение совершения насилия, в любых формах, по отношению к любому человеку. И разве Л. Н. Толстой был нигилистом, антиморалистом, как его представляют в юридической доктрине? Насилие международным сообществом порицается, гуманное отношение – декларируется. Это находит свое отражение в ряде международных актов, посвященных правам человека [1]. Однако современный мир крайне нестабилен, и ежедневно показывает, насколько хрупка концепция прав человека. Поэтому учение Л. Н. Толстого во многом заслуживает внимания и требует переоценки, с учетом современных национальных и международных политико-правовых тенденций.

Нас поражают и позиции видных теоретиков права о причислении П. А. Кропоткина к числу личностей, кому были чужды нормы этики. В своем труде «Нравственные начала анархизма» П. А. Кропоткин пишет следующее: «...Равенство во взаимных отношениях и вытекающая из него солидарность – вот, самое могучее оружие животного мира в борьбе за существование. Равенство – это справедливость <...> мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы другие обращались с нами <...> уже одно это начало равенства – такое простое, естественное и очевидное начало – если б только его всегда прилагали в жизни – создало бы очень высокую нравственность, обнимающую собой все...» [8]. На этой основе ученый также критикует нормы *государственного* (выделено нами. – К. Т.) права, выделяя в сочинении «Речи Бунтовщика» три вида законов, действующих в любом государстве: законы, защищающие собственность, законы защищающие правительства, законы о преступлениях и наказаниях [9]. Поэтому основная критика П. А. Кропоткина базируется на несоответствии законодательства принципам свободы, равенства, справедливости и солидарности, так как право, санкционированное государством, призвано обеспечивать, поддерживать интересы привилегированного класса, а

не масс. Взамен позитивного права им предлагается использовать другой регулятор общественных отношений – нравственность, который закономерно обуславливает развитие взаимопомощи и альтруизма [7]. Это основной смысл, «некая красная нить», пронизывающая все труды П. А. Кропоткина! Уже в конце жизни теоретик начал плодотворную работу по подготовке книги «Этика», однако по объективным причинам не смог ее завершить. Данное в очередной раз показывает, что П. А. Кропоткин вовсе не был далек от вопросов и проблем нравственности, морали и этики, как на это указывается в современных юридических исследованиях.

Мы не отрицаем наличие (полностью разумное) недовольств теоретиков рассматриваемой политической мысли, относительно права, но в очередной раз подчеркнем, – права позитивного, а не естественного, основанного на принципах свободы, равенства, свободного соглашения между людьми. Ими предлагались *альтернативы* (выделено нами. – К. Т.) существующему мироустройству, соответствующие подлинной свободе человека. Но говорит ли это о том, что спустя века, допустимо очернять их имена, трактовать их произведения произвольно? Конечно, нет. Если нет альтернативы, новых идей – нет прогресса, что в равной степени относится к праву, политике, науке и иным составляющим общественной жизни.

Разве сейчас принципы, выдвигаемые Л. Н. Толстым, П. А. Кропоткиным, М. А. Бакуниным и проч., утратили свое значение? Напротив, колоссальное количество современных научных изысканий посвящено проблемам принципов права, в том числе принципов равенства, справедливости и т. д. [5, с. 81]. Насколько в таком случае Л. Н. Толстого, П. А. Кропоткина, М. А. Бакунина, верно именовать «правовыми нигилистами»? Главная цель юридической науки и практики состоит в разработке, принятии, введении в действие таких правовых норм, которые бы соответствовали обозначенным отправным началам, т. е. считались идеалом (*Jus est ars boni et aequi*); другой вопрос состоит в следующем: какие средства, для достижения обозначенной цели, необходимо использовать.

В качестве дополнительных причин, способствующих развитию правового нигилизма, исследователи называют низкий уровень правовой культуры и правосознания граждан [24, с. 37]. Но посредством каких инструментов надлежит его оценивать, в научной литературе, не говорится. Поэтому попытаемся отойти от оценочных категорий, рассмотрев причины недоверия граждан к праву при реализации ими некоторых собственных прав.

Основное право любого человека – право на образование. В Российской Федерации гарантируется бесплатность дошкольного, основного общего и профессионального образования. Высшее образование бесплатно возможно получить исключительно на конкурсной основе, т. е. посредством предудсмотрения на той или иной образовательной программе мест, финансируемых за счет средств федерального или иного бюджета. Однако в настоящее

время во многих высших учебных заведениях страны в принципе на конкретных профилях подготовки отсутствуют бюджетные места, что не позволяет гражданам даже предпринять попытку участия в конкурсе, связанным с получением высшего образования на безвозмездной основе. К примеру, в правилах приема на 2026/2027 уч. г. в Самарском государственном техническом университете не предусмотрено мест для обучения за счет средств федерального бюджета, на таких направлениях, как государственное и муниципальное управление (бакалавриат), дизайн (бакалавриат), экономическая безопасность (специалитет), таможенное дело (специалитет), управление качеством (магистратура), менеджмент (магистратура) [16]. При этом, согласно ч. 2 ст. 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (далее – ФЗ № 273), образование, гарантируется каждому, независимо от его имущественного положения. Однако очевидно, что в современных реалиях, имущественное положение (классовое) человека, предопределяет его дальнейшую судьбу. И если он не обладает достаточными финансовыми ресурсами, позволяющими получить высшее образование, то, автоматически, теряет доступ к нему. ФЗ № 273 провозглашает принцип свободы выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека (п. п. 7 ч. 1 ст. 3 ФЗ № 273). Но как объяснить тот факт, что в настоящее время, ограничивается прием в университеты на ряд профилей подготовки (в том числе юриспруденция, экономика), даже на платной основе? [13]

В 2025 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, касающийся изменений, вносимых в Трудовой кодекс Российской Федерации [4]. Законодательная инициатива направлена на увеличение продолжительности сверхурочной работы с 120 до 240 часов в год. Авторы законопроекта отмечают, что сверхурочная работа востребована среди работников в различных отраслях экономики, однако существующие законодательные ограничения не позволяют им оформлять переработки в качестве сверхурочной работы, и, соответственно, в целях соблюдения баланса интересов работодателей и работников, по мнению законодателей, имеющееся ограничение в виде максимальных 120 часов ежегодной сверхурочной работы, необходимо отменить. На фоне подобных законодательных новелл, социальные опросы показывают, что граждане стали чаще интересоваться подработками [17] и экономить на еде [18]. И это абсолютно логично (одно из основных противоречий капитализма), так как даже ст. 134 Трудового кодекса РФ, хотя и гарантирует обеспечение повышения размера заработной платы в связи с уровнем инфляции, в тоже время, не устанавливает периодичность такого повышения и его процентное или денежное выражение, полностью оставляя разрешение данного вопроса на усмотрение работодателя. Увеличение рабочего времени (как на законодательном уровне, так и фактическое) есть форма проявленности абсолютной прибавочной стоимости, составляющей прибыль работодателя, и никогда (!) не соответствует подлинным интересам трудящихся.

Поэтому, на наш взгляд, недопустимо относить к факторам так называемого правового нигилизма низкий уровень правовой культуры или правосознания в обществе. Отрицание действующих правовых норм, недоверие к ним обуславливается исключительно имеющимися противоречиями между декларируемыми законодательством правами и свободами и их действительным преломлением в жизни, а также несоответствием правовых норм реальным потребностям граждан. Соответственно, это закономерно заставляет население сомневаться в эффективности и необходимости правового регулирования. И чем чаще наблюдается это противоречие, тем сильнее подрывается доверие граждан к реальности защиты собственных интересов посредством норм права.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.03.2026).
2. Бирюков С. В. Правовой нигилизм и отрицание права (к соотношению понятий) // Право и государство: теория и практика. 2009. № 1(49). С. 33–35.
3. Бредихин А. Л., Фомичев С. М. Правовой нигилизм: понятие и признаки // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76–4. С. 22–25.
4. Законопроект о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (о совершенствовании правового регулирования вопросов применения институтов сверхурочной работы и совместительства, сокращении избыточных требований при трудоустройстве и увольнении работников, оптимизации издержек работодателей). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1103297-8> (дата обращения: 22.03.2026).
5. Корнев А. В. Право как часть социальных наук. Этический нормативизм среди иных концепций права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11, № 1. С. 77–87.
6. Корнев А. В. Правовой нигилизм: отражение его сущности, содержания и форм в литературе и юридической науке // Lex Russia. 2018. № 1 (134). С. 9 – 24.
7. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Взаимная_помощь_как_фактор_эволюции_\(Кропоткин_1907\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Взаимная_помощь_как_фактор_эволюции_(Кропоткин_1907)) (дата обращения: 22.03.2026).
8. Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Нравственные_начала_анархизма_\(Кропоткин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Нравственные_начала_анархизма_(Кропоткин)) (дата обращения: 22.03.2026).
9. Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Речи_бунтовщика_\(Кропоткин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Речи_бунтовщика_(Кропоткин)) (дата обращения: 22.03.2026).
10. Лайтер А. В. История правового нигилизма в России: конституционно-правовой аспект // Вестник Академии права и управления. 2023. № 2 (72). С. 198–203.
11. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 17 – 33.
12. Милюс А. В. Понятие и сущность правового нигилизма и правового идеализма в юридической науке // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2(24). С. 175–182.
13. Минобрнауки определило специальности с ограничением платного приема. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/11/2025/691deb629a7947533bf32925> (дата обращения: 22.03.2026).
14. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. С. 341.
15. Никитин А. В. Шафиуллина Э. А. Правовой нигилизм: понятие и формы // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № . 10 (10). С. 45–47.
16. Прием СамГТУ 2026/2027. URL: <https://priem.samgtu.ru/admission/bachelors> (дата обращения: 22.03.2026).

17. Россияне стали чаще интересоваться подработкой. URL: <https://lenta.ru/news/2025/02/28/rossiyane-stali-chasche-interesovatsya-podrabotkoj/> (дата обращения: 22.03.2026).
18. Россияне стали чаще экономить на еде. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2026/02/19/27878269.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 22.03.2026).
19. Толстой Л. Н. В чем моя вера? URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/В_чем_моя_вера%3F_\(Толстой\)](https://ru.wikisource.org/wiki/В_чем_моя_вера%3F_(Толстой)) (дата обращения: 22.03.2026).
20. Толстой Л. Н. Не могу молчать! URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Не_могу_молчать!_\(Лев_Толстой\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Не_могу_молчать!_(Лев_Толстой)) (дата обращения: 22.03.2026).
21. Толстой Л. Н. Религия и нравственность. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0470.shtml (дата обращения: 22.03.2026).
22. Чапурко Т. М., Пилюгина Т. В., Иващенко Н. П. Современная молодежная преступность – результат политико-правового нигилизма в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. Сер. 14. Вып. 1. С. 82 – 87.
23. Шмелева О. Ю. Правовой нигилизм как атрибут российского политического сознания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 249–254.
24. Ярмонова Е. Н. К вопросу о соотношении правового нигилизма и правовой культуры // Право и практика. 2022. № 2. С. 36–39.

УДК 340.12

Шабаева О. А., *Иркутск*

СЕМИОТИКА ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Аннотация. Предпринята попытка осмыслить феномен правового нигилизма в России через призму юридической семиотики. Правовой нигилизм рассматривается не как отсутствие знаний о праве, а как системный семиотический сбой в процессе коммуникации между государственными институтами и обществом. Анализируются причины, по которым правовые знаки (нормы, символы власти, юридические документы) не декодируются гражданами в соответствии с целью законодателя. Делается вывод о необходимости «семиотического аудита» правовых институтов для преодоления нигилизма.

Ключевые слова: семиотика права, правовой нигилизм, правосознание, правовая коммуникация, легитимация, юридический знак.

Shabaeva, O. A., *Irkutsk*

SEMIOTICS OF LEGAL NIHILISM

Abstract. This article attempts to understand the phenomenon of legal nihilism in Russia through the lens of legal semiotics. The author views legal nihilism not as a lack of knowledge about the law, but as a systemic semiotic failure in the process of communication between state institutions and society. The reasons why legal signs (norms, symbols of power, legal documents) are not decoded by citizens in accordance with the legislator's intent are analyzed. Based on an analysis of Russian Federation legislation and scientific literature, key barriers to the transmission of legal meanings are identified: conflicting encodings, a crisis in the legitimization of symbols of power, and a gap between the text of the law and social practice. A conclusion is drawn regarding the need for a “semiotic audit” of legal institutions to overcome nihilism.

Keywords: legal semiotics, legal nihilism, legal consciousness, legal communication, legitimization, legal sign.

Проблема правового нигилизма остается одной из наиболее дискуссионных в российской юридической науке на протяжении десятилетий. Традиционно данный феномен объясняется через призму исторических особенностей развития российской государственности, недостаточной правовой грамотности населения или несовершенством законодательства [1, с. 136]. Однако такой подход не объясняет, почему при наличии работающих правовых институтов граждане продолжают нарушать закон, не доверять органам власти и воспринимать право как внешнее принуждение, а не как ценность.

В данной работе предлагается рассмотреть правовой нигилизм через методологическую оптику юридической семиотики. Гипотеза исследования заключается в том, что правовой нигилизм есть не что иное, как «семиотический сбой»: государство транслирует одни знаки права, а общество «считывает» совершенно иные смыслы или не «считывает» их вовсе. Право перестает быть работающей знаковой системой и превращается в набор формальных символов, лишенных реального значения для реципиентов. Целью работы является выявление семиотических механизмов, приводящих к тому, что знаки права не интегрируются в российское правосознание, и предложить направления преодоления этого разрыва.

Правовой нигилизм в самом общем виде проявляется в критическом или пренебрежительном восприятии права, а также в отрицании его значимости для социума. Данный феномен выступает одной из форм нигилизма социального, суть которого сводится к неприятию установленных ценностей, нормативных установок, идей, мировоззренческих концепций либо отдельных аспектов человеческого бытия. В зависимости от сферы общественной практики, где происходит отрицание тех или иных ориентиров (культура, научное знание, искусство, мораль, политика, экономика), выделяют нигилизм нравственный, правовой, политический, идеологический, религиозный и другие разновидности.

Проявление правового нигилизма отличается многообразием форм и уровней. На уровне общественного правосознания он зачастую находит выражение в отдельных течениях общественно-политической мысли либо в конкретных теоретических доктринах [2, с. 221].

Укорененность многих форм правового нигилизма в современной российской действительности объясняется совокупностью факторов. К числу ключевых принято относить: исторический контекст, обусловленный наследием самодержавного строя, длительным периодом крепостного права и несовершенством судебной системы; интерпретацию концепции диктатуры пролетариата, трактуемую как власть, функционирующую вне рамок законодательных ограничений; специфику правовой системы, базировавшейся на административно-командных методах управления; трансформацию правовой системы в переходный период, сопровождавшуюся количественными и качественными изменениями наследия прошлого, кризисом законности, а также затяжным характером системных реформ, включая судебную [4, с. 224].

Для понимания природы правового нигилизма необходимо исходить из того, что право по своей сути является знаковой системой. Как отмечал В. С. Нерсесянц, право существует только тогда, когда его знаки (нормы, предписания, символы) правильно воспринимаются и интерпретируются адресатами [3, с. 6].

В терминологии семиотики, любой юридический феномен состоит из: означающего (материальная форма: текст закона, судебное решение, форма полицейского, печать); означаемого (смысл: обязанность, запрет, полномочие, авторитет); референта (реальная социальная ситуация, на которую знак направлен). Правовой нигилизм возникает тогда, когда цепочка «означающее → означаемое → референт» разрывается. Например, гражданин видит знак (судебную повестку), но не связывает его с требуемым смыслом (необходимость явки и подчинения решению) или связывает с иным смыслом (возможность уклониться, «договориться»).

А. Ф. Черданцев подчеркивал, что логико-языковые феномены в праве определяют эффективность правового регулирования [5, с. 10–15]. Если язык права непонятен обществу, если символы власти не вызывают доверия, то правовая коммуникация не осуществляется, и норма права остается «мертвым знаком».

Видится несколько уровней семиотического сбоя. Первый уровень – это несовпадение кодов, которыми пользуются государство и общество для кодирования одного и того же поведения. Государство кодирует социальные отношения через формально-юридические знаки (формальный код законодателя): статьи кодексов, административные регламенты, процессуальные документы. Согласно Конституции РФ, Россия является правовым государством, где закон имеет высшую силу. Этот код предполагает, что гражданин воспринимает закон как обязательный и самооценный знак.

Однако в российском обществе исторически сложился параллельный неформальный код, где правовые знаки воспринимаются через призму: целесообразности; возможности «обхода». Этот конфликт кодировок закреплён даже в правоприменительной практике. Например, статья 1. 7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает, что лицо подлежит ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлены признаки состава. Однако в массовом правосознании ответственность часто воспринимается не как следствие нарушения формального знака (состава), а как результат «неудачи» (попадания в поле зрения органов власти). Когда два кода существуют параллельно, возникает ситуация, которую Ю. М. Лотман называл «взрывом» в семиосфере – моментом, когда старая система знаков перестаёт работать, а новая ещё не укоренилась [2, с. 600].

Второй уровень семиотического сбоя – это несоответствие текста закона социальной реальности, проявляющееся через языковой барьер, правоприменительную практику и правовой обычай как альтернативные знаки. Тексты

законов часто написаны сложным юридическим языком, непонятным обычному гражданину. Согласно статье 1 федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» законы должны быть официально опубликованы. Однако опубликование не гарантирует понимание. Если знак (текст закона) не может быть декодирован реципиентом, он не выполняет регулятивной функции.

Можно выделить еще один уровень семиотического сбоя. Это ситуация, при которой закон понятен, но практика его применения может создавать альтернативные знаки. Например, избирательное применение норм права создает знак «закон для своих» и «закон для других». Это подрывает универсальность правового знака, которая закреплена в ст. 19 Конституции РФ (равенство всех перед законом).

Кроме того, в некоторых сферах (например, предпринимательство) фактически действуют неформальные знаки – «понятия», устные договоренности, которые имеют большую регулятивную силу, чем письменный документ. Гражданский кодекс Российской Федерации признает обычаи как источник права (статья 5 Гражданского кодекса Российской Федерации), но на практике обычаи часто противоречат нормам позитивного права, создавая семиотическую конкуренцию.

Правовой (санкционированный) обычай – это такой обычай, который государство признало в качестве общеобязательного правила поведения, т. е. нормы права. Обычай и правовой обычай – понятия не тождественные. Обычай как таковой сам по себе формой и источником права не является. Таковым он становится лишь тогда, когда государство признает его в качестве общеобязательного правила поведения и тем самым берет его под свою защиту [6].

Для преодоления правового нигилизма необходимо не только совершенствовать законодательство, но и проводить системную работу с правовыми знаками. Во-первых, необходимо двигаться в сторону «простого языка» в законодательстве, чтобы тексты законов были доступны для декодирования широкими слоями населения. Во-вторых, восстановление доверия к символам. Символы власти (форма, атрибуты, ритуалы) должны подкрепляться реальным содержанием. В-третьих, государству необходимо изучать, как общество фактически декодирует правовые знаки, и корректировать трансляцию смыслов. Это требует обратной связи и социологического мониторинга правосознания (согласование кодировок). В-четвертых, внедрение цифровых сервисов (Госуслуги, Электронное правосудие, Электронный кабинет налогоплательщика) создает новые знаки права. Важно, чтобы они не воспринимались как дополнительный барьер, а как упрощение коммуникации с государством.

Таким образом, правовой нигилизм в России имеет глубокую семиотическую природу. Речь идет не просто о незнании законов или нежелании их исполнять, видится системный сбой в коммуникации между государством и

обществом, при котором правовые знаки не «считываются» адресатами в соответствии с целями законодателя. Конфликт кодировок, кризис легитимации символов власти и разрыв между текстом закона и социальной практикой создают ситуацию, где право существует формально, но не функционирует как работающая знаковая система. Преодоление правового нигилизма требует не только нормативных реформ, но и «семиотического аудита» правовых институтов: пересмотра того, как транслируются, воспринимаются и интерпретируются знаки права в российском обществе. Только когда правовые знаки начнут означать то, что задумано (справедливость, защита, равенство), можно будет говорить о реальном укоренении правовой культуры в России.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
3. Нерсисянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
4. Пьянов Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2. Теория права. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 300 с.
5. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
6. Шабаетова О. А. Правовой обычай: теоретические и информационно-правовые аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 2 (97). С. 9–14. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.2.9. EDN QBMPDI.

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ»

УДК 349.6(470)

Гасимова М. Н., *Иркутск*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Исследуется нормативно-правовой базис государственной экологической политики России, описана специфика реализации такой политики и рассмотрено содержание актов стратегического планирования в данной сфере. Используются методы правового анализа нормативных правовых актов, регламентирующих сферу экологии, исследовательских работ российских ученых по теме, а также синтез полученных результатов.

Ключевые слова: экологическая политика, Российская Федерация, Конституция РФ, окружающая среда, законодательство, природные ресурсы, взаимодействие общества и природы, устойчивое развитие.

Gasimova M. N., *Irkutsk*

REGULATORY AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE STATE ENVIRONMENTAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This scientific work is devoted to the primary study of the regulatory framework of the state environmental policy of Russia, describes the specifics of the implementation of such a policy and examines the content of strategic planning acts in this area. For the purposes of the study, the methods of legal analysis of normative legal acts regulating the field of ecology, research works of Russian scientists on the topic, as well as the synthesis of the results were used.

Keywords: Environmental policy, Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, environment, legislation, natural resources, interaction of society and nature, sustainable development.

Значимость обеспечения экологического благополучия населения сложно переоценить. Залог экономической и социальной стабильности России в настоящий момент и в перспективе нередко объясняется состоянием экологии нашей страны, культурой потребления природных ресурсов и эффективностью подходов к их сбережению. Гарантом экологического благополучия России выступает вся вертикаль органов публичной власти: от федерального министерства природных ресурсов и экологии до местных администраций, руководствующихся достаточно обширной нормативной базой, буква и дух которой составляют предмет настоящего исследования. Оперирование соответствующими правовыми нормами постольку представляется

затруднительным, поскольку данный процесс совмещает в себе как привычное для органов исполнительной власти следование букве законов, так и учет достаточно специфичных и противоречивых по своему содержанию результатов научных исследований в сфере экологии.

Исполнительные органы власти опираются на довольно объемный перечень различных по своему существу и юридическому значению нормативных актов: отдельные статьи Конституции, специальные федеральные законы, подзаконные акты в виде распоряжений и приказов узкопрофильных ведомств, долгосрочные стратегические акты программно-проектного характера, международные соглашения, ратифицированные Россией, которые сопровождают деятельность органов публичной власти, содействуют работе по обеспечению экологической безопасности и созданию экологически благоприятной окружающей среды и контролю за оптимальным использованием природных ресурсов.

Анализ начнем с основного закона России – Конституции. В ст. 42 Конституции РФ гарантируется право на благоприятную окружающую среду, а также доступ к достоверной информации и возмещение вреда от экологических правонарушений, осуществляемых, к слову, зачастую корпоративными акторами. Тем самым Российская Федерация как государство возлагает на себя обязательство по обеспечению экологического благополучия россиян. Этой же статьей государство закладывает основы экологического законодательства в России, на что мы также укажем впоследствии. [1]

При этом важно учитывать, что текстом Конституции человеку и гражданину в России гарантируется право осуществления хозяйственной деятельности в пределах, допускаемых российским законодательством. Отсюда следует, что нормы федерального законодательства ориентированы не на запрет определенных видов хозяйственной деятельности, а на предложение населению такого подхода к организации этой деятельности, при котором вред окружающей среде будет нивелирован.

Вслед за Конституцией, иерархическую градацию правовых актов в сфере экологии продолжает федеральный закон «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ, принятый 10.01.2002, установления которого ложатся в основу регионального законодательства в сфере экологии и профильных министерств как на федеральном, так и на уровне субъектов РФ. Текстом данного закона определяются основные понятия в сфере экологии, принципы охраны окружающей среды, цели и предмет соответствующего законодательства, а также распределяются полномочия органов власти по вертикали. В сути своей данный закон задает рамку допустимого влияния хозяйственной деятельности человека на природу России. [2]

Представим более полный перечень основополагающих федеральных законов с кратким описанием их содержания и функции:

1. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33 «Об особо охраняемых природных территориях». Текст закона содержит нормы и порядок охраны, организации и функционирования ООПТ с целью сохранения уникальных экологических систем и присущего им биологического разнообразия. [6]

2. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Устанавливает базовые требования и регламентирует порядок обращения с отходами производства, их потребления, безвредного складирования, утилизации; содержание норм акцентировано на непричинении ущерба природе и людям. [4]

3. Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами». НПА определяет сферы применения агрохимикатов и пестицидов различных видов, разъясняет свойственные предмету регулирования термины, вводит базовые организационно-технические ограничения и надзорные критерии в части обращения с такими химикатами и проч. [15]

4. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». Данным НПА устанавливаются основы экологической экспертизы, определяется функция такой экспертизы как совокупности профилактических мероприятий, направленных на предотвращение негативного воздействия подконтрольного субъекта на природу. [7]

Не менее значимым актом являются и утвержденные 30 апреля 2012 г. Указом Президента России «Основы государственной политики России в области экологического развития на период до 2030 года». Данный НПА обобщает и дополняет нормы перечисленных нами выше законов и частично намечает стратегические приоритеты России в сфере экологии [5]

Помимо прочего, укажем на группу НПА, регулирующих отношения в части определения статуса, распоряжения и использования определенных видов природных ресурсов. Соответствующие НПА мы привели в табл. 1 с указанием на предмет регулирования и ключевые положения данных законов.

Сумма норм, представленных в табл. 1, НПА призвана регулировать отношения, возникающие в части использования, охраны, распоряжения и сохранения практически всех аспектов природы, что свидетельствует о проработанности российской правовой базы в сфере экологии.

При этом, как мы отмечали ранее, особой значимостью обладают стратегические документы, задающие приоритеты и целевые показатели долгосрочной экологической политики: с их помощью исполнительные органы власти задают тренды экологического регулирования, формируют перечень задач в данной сфере, систематизируют и унифицируют деятельность по обеспечению экологической безопасности в России в рамках всех уровней реализации соответствующих исследуемому предмету полномочий. [13] Соответствующего характера документы представлены в табл. 2.

Таблица 1

Основные нормативные правовые акты экологической политики Российской Федерации [3]

Нормативный акт	Предмет регулирования	Ключевые положения
Земельный кодекс Российской Федерации [9]	Земельные отношения, землепользование и распоряжение землей	Кодекс всестороннее регулирует отношения, возникающие в сфере землепользования, и провозглашает приоритет рационального использования земель и препятствования деградации почв
Водный кодекс Российской Федерации [8]	Использование и охрана водных объектов, распоряжение водными объектами	Кодекс представляет собой совокупность норм, предполагающих всестороннее регулирование водопользования и защиты водных ресурсов
Лесной кодекс Российской Федерации [10]	Охрана, сохранение и использование ресурсов лесного фонда России	Кодексом устанавливается приоритет сохранности лесного фонда и его воспроизводства
Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [4]	Подходы к обращению с отходами	Законом установлены общие правила обращения с отходами и регламентирована система операторов обращения с отходами (вследствие мусорной реформы 2018 г.)
Федеральный закон № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»	Состояние атмосферного воздуха	Законом определяются базовые нормативы оценки состояния атмосферного воздуха, а также регламентируются мероприятия по обеспечению его сохранности

Таблица 2

Акты стратегического планирования в сфере экологии [3]

Документ	Период действия	Правовой смысл	Значение для экологической политики
Основы государственной политики в области экологического развития РФ до 2030 года	До 2030 г.	Задаёт рамку экологической политики России, разъясняет смысл предпринимаемых государством мер в сфере экологии	Определение долгосрочных приоритетов экологического характера
Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года	До 2025 г.	Предложение мер по обеспечению экологической безопасности РФ в соответствии с приоритетами экологической политики	Интеграция экологии в систему национальной безопасности
Экологическая доктрина Российской Федерации	Неограниченный	Констатация принципов и ценностей российской политики в сфере экологии	Определяет концептуальный минимум экологической безопасности в РФ

Из вышеизложенного следует, что правовые основы экологической политики в России характеризуются рядом особенностей:

1. Законодатель в РФ стремится урегулировать максимально большое количество видов отношений в сфере экологии, обеспечивая комплексный подход к организации функционирования системы экологического права.

2. Юридические нормы в первую очередь направлены на предупреждение ущерба природе, а не на ликвидацию возникших в силу равнодушия органов власти проблем.

3. Взимание платы за природопользование – создание экономических стимулов в виде платы за негативное влияние на окружающую среду.

4. Интеграция международного права – при формировании норм учитываются нормы ратифицированных международных актов.

5. Цифровизация контрольных акций – внедрение современных цифровых продуктов для наблюдения и анализа экологических констант.

Выводы. Нормативно-правовые основы экологической политики, действующие в нашей стране, представляют собой крайне сложную в своей сути систему правил и установлений, регулирующую отношения в разрезе человек-природа. Специфика и содержание системы экологического права объясняется социальным запросом на сбалансированность хозяйственных интересов и важности консервации природных состояний. Соответствующий запрос подкрепляется смысловым содержанием доктрины устойчивого развития и стратегическими приоритетами экологического развития Российской Федерации.

Список литературы

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026)
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Точка доступа: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 24.03.2026)
4. Краснова И. О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-i-sistema-aktov-gosudarstvennoy-ekologicheskoy-politiki> (дата обращения: 27.03.2026).
5. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026)
6. Мухлынина М. М. Правовое обеспечение государственной политики и органов, ее обеспечивающих, в области экологического развития Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-gosudarstvennoy-politiki-i-organov-ee-obespechivayuschih-v-oblasti-ekologicheskogo-razvitiya-rossijskoy> (дата обращения: 27.03.2026).
7. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012)
8. Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (послед. ред. от 28.12.2025 № 495-ФЗ).
9. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ (последняя редакция от 29.12.2025 № 558-ФЗ)
10. Фомичева О. А. Формы реализации законодательной инициативы Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 49–52.
11. Федеральный закон «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» от 19.07.1997 N 109-ФЗ (последняя редакция)

12. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 N 174-ФЗ (последняя редакция от 15.12.2025 № 482-ФЗ)
13. Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 N 96-ФЗ (последняя редакция от 28.12.2024 № 548-ФЗ)
14. Федеральный закон «О радиационной безопасности населения» от 09.01.1996 N 3-ФЗ (последняя редакция от 31.07.2025 № 295-ФЗ)
15. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция от 28.12.2025 № 495-ФЗ)

УДК 352.075:504.06(541.53)

Гасимова М. Н., *Иркутск*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БАЙКАЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ, ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Аннотация. Раскрываются вопросы деятельности органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности, выявлены проблемы и составлена эффективность деятельности органов местного самоуправления Байкальского городского поселения.

Ключевые слова: местное самоуправление, экологическая безопасность, муниципальные органы, озеленение, благоустройство, контроль, профилактика, рекреационная среда, парки, эффективность.

Gasimova M. N., *Irkutsk*

ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT BODIES TO ENSURE ENVIRONMENTAL SAFETY (BY EXAMPLE OF THE BAIKAL CITY SETTLEMENT, IRKUTSK REGION)

Abstract. The paper reveals the activities of local self-government bodies to ensure environmental safety, identifies problems, and assesses the effectiveness of local self-government bodies in the Baikal urban settlement.

Keywords: local self-government, environmental safety, municipal bodies, landscaping, improvement, control, prevention, recreational environment, parks, effectiveness.

В современных условиях охрана экологической безопасности приобретает исключительное значение в структуре национальной безопасности Российской Федерации. На фоне международных угроз, представленных изменением климата, ухудшением качества среды обитания, сокращением видов живой природы и истощением природных богатств, существенно возросла необходимость систематического контроля экологических рисков на всех уровнях управления. Непосредственное воздействие на население возлагает на органы местного самоуправления важнейшую функцию в реализации мер, направленных на сохранение природных ресурсов.

Сфера экологической безопасности муниципальных образований охватывает комплексное регулирование природоохранной деятельности, обеспечивая исполнение полномочий, рациональное потребление природных ресурсов и предотвращение негативных последствий хозяйственной деятельности.

Особое внимание уделяется городскому поселению Байкальское, которое, расположившись вблизи уникального и всемирно признанного озера Байкал, вынуждено отвечать высоким требованиям экологической политики и усиливать стандарты охраны окружающей среды на муниципальном уровне.

Органы местного самоуправления Байкальского городского поселения осуществляют экологическую деятельность в рамках компетенции, установленной федеральным законодательством, в частности Федеральный закон № 131-ФЗ, а также экологическим законодательством Российской Федерации. Муниципальный уровень не наделен полномочиями по установлению обязательных экологических нормативов, однако играет ключевую роль в реализации и контроле их соблюдения на территории города.

Органы местного самоуправления берут на себя осуществление множества обязанностей, среди которых отмечаются: создание, а также практическая реализация экологических муниципальных проектов; организация сбора, вывоза и правильной утилизации мусора; участие в экологическом мониторинге и исследованиях; просвещение жителей по вопросам защиты природы; а также взаимодействие с региональными и федеральными структурами.

Администрация поселения Байкальск направила усилия на охрану окружающей среды в пределах данного населенного пункта с применением разнотипного комплекса мер [5]:

1. Внедрение программ рационального землепользования регионального масштаба Проводятся комплекс санитарно-гигиенических и эпидемиологических мероприятий, сопровождаемых регулярным контролем за соблюдением санитарно-эпидемиологических норм и правил.

2. Охрана и использование лесных ресурсов городского значения. При этом разрабатываются соответствующие муниципальные проекты.

3. Обеспечение населению постоянного доступа к информации о состоянии окружающей среды. При возникновении чрезвычайных ситуаций или природных катастроф реализуются комплексные меры защиты жителей.

4. Обеспечение передачи данных государственным инстанциям об экологических нарушениях субъектов хозяйствования и их воздействии на природу, выявленных в ходе мониторинга.

5. Осуществление муниципального контроля в области лесного хозяйства. Под надзор попадают территории, входящие в состав природных фондов, в том числе территории с особыми режимами охраны природы.

Для систематизации направлений деятельности целесообразно представить их в табл. 1.

Органы муниципального управления активно занимаются совершенствованием системы сбора, транспортировки и утилизации твердых коммунальных отходов.

Важнейшим для Байкальского городского поселения является обеспечение неповрежденности берегов Байкала, что требует принятия мер по недопущению загрязнения прибрежной зоны озера [6].

Таблица 1

Основные направления деятельности органов местного самоуправления в сфере экологической безопасности Байкальского городского поселения [1]

Направление деятельности	Содержание полномочий	Практическая реализация
Управление отходами	Организация сбора и вывоза ТКО, контроль за несанкционированными свалками	Заклучение контрактов с региональным оператором, ликвидация стихийных свалок
Благоустройство территории	Озеленение, содержание общественных пространств	Высадка зеленых насаждений, создание парков и скверов
Экологический мониторинг	Сбор и анализ данных о состоянии среды	Взаимодействие с региональными службами мониторинга
Экопросвещение	Формирование экологической культуры населения	Проведение акций, уроков, общественных мероприятий
Контроль и профилактика нарушений	Выявление экологических правонарушений	Муниципальный контроль, передача материалов в надзорные органы

Органы муниципального самоуправления отвечают за размещение, оснащение и сервисное обеспечение контейнерных площадок, осуществляют контроль над функционированием регионального оператора и проводят мероприятия по устранению накопленного негативного экологического воздействия (табл. 2).

Таблица 2

Элементы системы обращения с отходами в Байкальском городском поселении [5]

Элемент системы	Характеристика	Проблемные аспекты
Контейнерные площадки	Организованы в жилых кварталах	Недостаточное количество, износ инфраструктуры
Вывоз отходов	Осуществляется региональным оператором	Нарушения графиков вывоза
Раздельный сбор	В стадии внедрения	Низкая вовлеченность населения
Ликвидация свалок	Проводится периодически	Повторное образование несанкционированных свалок

Благоустройство урбанизированных территорий признается главным направлением в повышении уровня комфорта жизни населения, выступая одновременно одним из главных механизмов стабилизации экологической обстановки. Озеленение способствует повышению качества атмосферы, формированию благоприятного микроклимата, а также поддержанию видового разнообразия живой природы.

Муниципальные администрации инициируют масштабные проекты по обновлению облика городских зон отдыха, создают условия для организации рекреационных площадок и обеспечивают комплексную охрану зеленых насаждений (табл. 3).

Таблица 3

Мероприятия по озеленению и благоустройству [5]

Вид мероприятия	Экологический эффект	Особенности реализации
Высадка деревьев и кустарников	Снижение загрязнения воздуха	Ограниченность финансирования
Создание парков	Формирование рекреационной среды	Требует комплексного планирования
Содержание зеленых зон	Поддержание экологического баланса	Недостаток кадровых ресурсов

Общественная активность и степень включенности населения являются основополагающими факторами эффективности реализации экологической политики на уровне муниципалитета. В населенном пункте Байкальском проводится комплекс мероприятий, направленных на повышение экологической культуры, такие как субботники и акции очистки берегов, школьные программы и другие образовательные инициативы, а также информационно-просветительские кампании [4].

При всем разнообразии мер органы муниципального управления сталкиваются с объективными проблемами, такими как: дефицит бюджетных средств; ограниченность контроля над экологией; значительная нагрузка от деятельности человека; зависимость от приоритетов региональной природоохранной политики (табл. 4).

Таблица 4

Ключевые проблемы обеспечения экологической безопасности [5]

Проблема	Причины возникновения	Последствия
Недостаток финансирования	Ограниченность местного бюджета	Снижение эффективности мероприятий
Низкий уровень экологической культуры	Недостаточное просвещение	Рост числа правонарушений
Износ инфраструктуры	Отсутствие модернизации	Увеличение экологических рисков
Туристическая нагрузка	Рост посещаемости региона	Загрязнение природной среды

Комплекс многообразных мероприятий – организационных, хозяйственных и образовательных, направленных на сохранение природной среды, – охватывает экологическую безопасность, которая обеспечивается органами местного самоуправления Байкальского городского поселения. Главным принципом здесь становится поиск оптимального баланса между социально-экономическим развитием территории и защитой уникальной природной экосистемы оз. Байкал [7].

В нынешних условиях совершенствование экологической политики на уровне муниципалитета невозможно без повышения взаимодействия властных структур разных уровней, совершенствования методов обращения с отходами и активного формирования экологического сознания и ответственности населения.

В изучаемый период муниципальная экологическая политика в Байкальском городском поселении формировалась под воздействием законодательства, направленного на защиту природного комплекса Байкала, а также на основе федеральных и региональных стратегий. Основная задача местных органов власти – обеспечить экологическую безопасность с учетом значительной антропогенной нагрузки и накопленного вреда, главным образом вызванного деятельностью Байкальского целлюлозно-бумажного комбината.

Экологическая обстановка в Байкальском городском округе отличается уникальными природными условиями и значительным уровнем загрязнения, аккумулированным за долгое время. В районе с развитыми промышленными объектами наблюдается большое скопление отходов, что является угрозой для экологического состояния оз. Байкал.

Предполагается, что введение в эксплуатацию инновационных методик для оценки снижения негативного влияния на окружающую среду будет осуществлено к 2025 г., при этом с 2023 г. на Байкальской природной территории функционирует модернизированная система наблюдения за состоянием экологии.

Таблица 5

Динамика ключевых факторов экологической ситуации
 в Байкальском городском поселении (2023–2025 гг.) [5]

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Тенденция
Накопленный экологический ущерб	Сохраняется высокий уровень	Реализуются проекты ликвидации	Усиление контроля и оценки	Постепенное снижение риска
Экологический мониторинг	Усилен на федеральном уровне	Расширение наблюдений	Введение новых методик оценки	Систематизация данных
Туристическая нагрузка	Рост	Дальнейшее увеличение	Стабилизация при регулировании	Рост давления на экосистему
Муниципальные программы	Базовый уровень	Расширение мероприятий	Интеграция в нацпроекты	Повышение эффективности

В период с 2023 по 2025 г. органы местной власти уделяют приоритетное внимание устранению масштабных экологических рисков, вызванных промышленным загрязнением территории. Для решения этих задач муниципалитеты тесно сотрудничают с региональными и федеральными органами власти, так как масштабы проблемы значительно превышают возможности местной юрисдикции.

Основные итоги: значимое участие в процессе удаления отходов БЦБК, обследование и контроль состояния полигона и резервуара с шламом, разработка и внедрение современной системы управления ТКО.

Вместе с тем проблема не решена окончательно, что указывает на зависимость местного уровня управления от федеральных ресурсов и решений.

Муниципальные органы выступают в роли структур, несущих ответственность за сбор информации и взаимодействие с контролирующими структурами в рамках системы экологического мониторинга, выполняя при этом вспомогательную функцию.

В период, подлежащий анализу, была зафиксирована тенденция к ужесточению надзорных мероприятий в Байкальской природоохранной зоне, появлению обновленных показателей оценки воздействия на экологию, а также ускоренному развитию цифровых технологий, которые играют растущую роль в экологическом контроле. Совокупность этих фактов свидетельствует о становлении более системного подхода к организации управления в области охраны окружающей среды.

В современных условиях формирование у населения экологического сознания приобретает особую значимость. На уровне муниципалитетов проводятся различные мероприятия и кампании, направленные на информирование жителей о состоянии природы и потенциальных экологических опасностях [9]. В частности, широкое распространение получают экологические сведения; развернуты образовательные и просветительские инициативы; обеспечивается свободный и бесплатный доступ к разнообразной информации, связанной с охраной окружающей среды.

Таблица 2

Проблемы и эффективность деятельности органов местного самоуправления Байкальского городского поселения (2023–2025 гг.) [5]

Проблема	Проявление	Влияние на эффективность	Динамика
Ограниченность полномочий	Зависимость от федеральных решений	Снижение самостоятельности	Сохраняется
Недостаток финансирования	Ограниченные муниципальные бюджеты	Замедление проектов	Частично компенсируется нацпроектами
Накопленный экологический ущерб	Отходы БЦБК	Высокие экологические риски	Постепенно сокращается
Рост туристической нагрузки	Загрязнение, нагрузка на инфраструктуру	Ухудшение состояния среды	Усиливается
Несовершенство законодательства	Частые изменения правового режима Байкала	Сложности планирования	Частично решается реформами

Это направление демонстрирует тенденцию к устойчивому развитию, хотя степень вовлечения местных жителей ограничивает реализуемый потенциал. Муниципальные органы систематически совершенствуют городскую среду, особое внимание уделяя развитию рекреационных территорий, уборке береговых зон и озеленению. При этом рост туризма усиливает нагрузку на инфраструктуру, что требует разработки и внедрения новых нормативных мер управления.

Однако выявлены ограничения, обусловленные структурными проблемами:

В переходный период выявилась основная тенденция развития – избираемые меры уступили место системе управления в сфере экологической безопасности, выстроенной на базе мониторинга, программно-целевых принципов, многоуровневого взаимодействия. При этом для достижения устойчивого эффекта в области экологии необходимы интенсивное наращивание ресурсного обеспечения, расширение компетенций органов местного самоуправления.

В составленной стратегии развития Байкальска к 2040 г. предусмотрен комплекс мер, нацеленных на повышение экологической безопасности в регионе, в числе которых: проведение мероприятий, связанных со строительством и оснащением современными очистными сооружениями для канализационной системы в прилегающих к городу территориях; совершенствование системы сбора, транспортировки и утилизации твердых коммунальных отходов, а также модернизация существующих площадок для хранения отходов и строительство центра ресайклинга, предназначенного для приема и переработки вторсырья.

Муниципальная администрация Байкальска сконцентрировала усилия на охране природной среды, поддержании безопасности жителей и развитии социально-экономических связей в регионе.

Список литературы

1. Информационный обзор о деятельности и перспективах развития экологических и социально ориентированных НКО в Иркутской области, в Республике Бурятия и Забайкальском крае. URL: <https://www.wildnet.ru/images/stories/bibl/obzornko-bpt.pdf?ysclid=mn97424ua5329658445>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Мухлынина М. М. Правовое обеспечение государственной политики и органов, ее обеспечивающих, в области экологического развития Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-gosudarstvennoy-politiki-i-organov-ee-obespechivayuschih-v-oblasti-ekologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy> (дата обращения: 27.03.2026).
4. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012).
5. Об утверждении программы социально-экономического развития Байкальского муниципального образования до 2040 года : распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2022 г. № 4344-р
6. Трескин П. А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона // Вестник ТОГУ. 2017. № 4 (47). С. 345–354.
7. Об особо охраняемых природных территориях : федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 29.12.2025 № 558-ФЗ).
8. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025 № 495-ФЗ).
9. Эко Цех на Байкале. Всероссийский молодежный экологический кампус. URL: <https://leader-id.storage.yandexcloud.net/upload/100588/e77310d2-240f-4455-9bd2-14ace899c6cf.pdf>

УДК 34

Банадысев С. Д., Веретенникова Т. А.,
Макарова А. А., *Иркутск*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Производится анализ практически всех ключевых областных законов Иркутской области, регулирующих сферу культуры и составляющих основу региональной культурной политики.

Ключевые слова: государственная культурная политика, Иркутская область, нормативно-правовая основа, региональное законодательство, культурное наследие народов России.

Banadysev S. D., Veretennikova T. A., Makarova A. A., *Irkutsk*

LEGAL AND REGULATORY FOUNDATIONS OF STATE CULTURAL POLICY IN THE IRKUTSK REGION

Abstract. the activities of regional authorities in terms of implementing state cultural policy presuppose a fairly extensive list of powers and functional capabilities of regional ministries of culture. The Irkutsk Region is a multinational region with a vast historically accumulated cultural heritage. Managing this cultural heritage requires a high level of organization among regional government bodies and a significantly improved and well-developed regulatory framework. This study provides a legal analysis of virtually all key regional laws of the Irkutsk region that regulate the cultural sphere and form the basis of regional cultural policy.

Keywords: state cultural policy, Irkutsk region, legal framework, regional legislation, cultural heritage of the peoples of Russia

Российская Федерация – государство с многовековой историей и обширным фондом культурных богатств. В ст. 68 Конституции РФ говорится, что «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством». [1] Таким образом, основным законом страны констатируется значимость культуры как явления общественной жизни и гарантируется обеспечение ее сохранности. Кроме того, законодатель особенно акцентирует внимание на факторе мультикультурализма, составляющего основу российской культуры и предопределяющего специфику федерального законодательства в области культуры – в частности, данный фактор обуславливает такое специфичное понятие, как «Объекты культурного наследия народов России».

В соответствии с утвержденными Верховным Судом РФ «Основами законодательства Российской Федерации о культуре», государство обладает следующими группами обязанностей в области культуры:

- 1) обязанности в области сохранения и развития культуры в Российской Федерации;
- 2) обязанности по обеспечению доступности для граждан культурной деятельности, культурных ценностей и благ;
- 3) обязанности по обеспечению свобод и самостоятельности всех субъектов культурной деятельности;

- 4) обязанности по созданию условий для самореализации талантов;
- 5) обязанности по обеспечению приоритетных условий для национальных Культур Российской Федерации;
- 6) обязанности по ведению статистики культуры;
- 7) независимая оценка качества условий оказания услуг организациями культуры;
- 8) обеспечение информационной открытости организаций культуры [3].

Верховным Судом РФ также констатируются границы полномочий в области культуры между органами власти разных уровней. Для удовлетворения целям нашего исследования приведем перечень полномочий, которые реализуют органы государственной власти субъектов РФ:

- 1) сохранение, охрана, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности субъекта РФ;
- 2) организация библиотечного обслуживания населения;
- 3) создание и поддержка государственных музеев;
- 4) создание и поддержка учреждений культуры и искусства;
- 5) поддержка региональных и местных национально-культурных автономий;
- 6) независимая оценка качества оказания услуг учреждениями культуры [3].

Данный перечень указывает на те направления деятельности, которые осуществляются региональными министерствами культуры. В рамках настоящего исследования нам надлежит рассмотреть и описать нормативно-правовую основу реализации мероприятий по этим направлениям в Иркутской области. Для Иркутской области реализация государственной политики особенно актуальна в силу ее многонационального характера – в регионе проживают представители порядка 156 национальностей [9]. В ходе изучения региональных НПА мы не будем ссылаться на федеральные акты, имея в виду, что именно федеральные акты задают рамку и направление для региональных законов, представляя для них базисные правовые нормы.

Основным областным законом в сфере сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия выступает закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области» от 23.07.2008 № 57-оз. Данным нормативным правовым актом разграничиваются полномочия между исполнительными и законодательными, а также региональными и местными органами власти относительно объектов культурного наследия Иркутской области; определяется порядок финансирования мероприятий по их сохранению, использованию, популяризации и государственной охране, определяется порядок признания того или иного объекта объектом культурного наследия и проч. [6]

Кроме того, отдельные аспекты сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия конкретизируются в региональных подзаконных актах: постановлениях Правительства «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации», «О службе по охране объектов культурного наследия», «Об определении Порядка установления льготной арендной платы в отношении неиспользуемых объектов культурного наследия» и др. [10]

Вопросы библиотечного обслуживания в Приангарье регулируется областным законом «О библиотечном деле в Иркутской области» от 18.07.2008 № 46-оз, предусматривающим нормы относительно полномочий органов государственной власти Иркутской области; форматов реализации прав граждан на библиотечное обслуживание, к числу которых относятся нормативное правовое регулирование, разработка и реализация профильных региональных программ, создание областных библиотек и управление ими, финансирование комплектования библиотечных фондов областных и местных библиотек; статуса центральной библиотеки Иркутской области (библиотеки им. Молчанова-Сибирского) и проч. [5].

Наравне с приведенным нормативным правовым актом также действует закон «Об административной ответственности за правонарушения в сфере библиотечного дела в Иркутской области» от 10.12.2007 № 122-оз, предусматривающий санкции за утрату, нарушение сроков возврата и порчу документов библиотечного фонда, определяющий уполномоченных на административное производство органов власти и должностных лиц и др. [4].

Государственные гарантии, полномочия органов власти, особенности прав владения и распоряжения музейными фондами, некоторые аспекты трудовых отношений в сфере музейного дела регулируется региональным законом «О музейном деле в Иркутской области» от 18.07.2008 № 45-оз. [8]. Также приказами и распоряжениями Министерства культуры Иркутской области регулируются отдельные вопросы в сфере организации музейного дела, распоряжения музейными фондами и правил посещения музеев в Приангарье; к числу таких актов относятся, например, приказы «Об установлении критериев аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по государственному контролю в отношении музейных предметов и музейных коллекций», «Об комиссии по аттестации экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по государственному контролю в отношении музейных предметов и музейных коллекций и др. [10].

Общие вопросы осуществления государственной поддержки культуры в Иркутской области, сводящейся к поддержке работников культуры, одаренных детей и талантливой молодежи, организаций культуры и искусства и любительских коллективов, кинематографии, народных творческих промыслов предусматривается нормами Закона Иркутской области «О государственной поддержке культуры в Иркутской области» от 29.12.2007 № 154-оз. Данный закон также предусматривает нормы по поддержке национальных культур.

[7] Отдельные положения данного закона также конкретизируются в ведомственных актах Министерства культуры Иркутской области [10].

Порядок независимой оценки качества условий оказания услуг (НОК) организациями культуры определен в федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» от 21.07.2014 № 256-ФЗ [2]. Региональный закон по вопросам НОК в Иркутской области не принят. На уровне министерства культуры Иркутской области приняты следующие акты в сфере НОК: приказ «Об утверждении Положения об общественном совете по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг организациями культуры Иркутской области» от 01.03.2018 № 13-мпр и распоряжение «Об утверждении ведомственного плана мероприятий по проведению независимой оценки качества оказания услуг государственными и муниципальными учреждениями министерства культуры и архивов Иркутской области» от 13.05.2016 № 98-мр [10].

Таким образом, можно сказать, что региональным законодательством Иркутской области предусмотрены нормативные правовые акты, регулирующие вопросы государственной региональной культурной политики практически по всему спектру полномочий. Кроме того, отдельные положения региональных законов конкретизируются подзаконными актами – как правило, распоряжениями и приказами министерства культуры Иркутской области. В то же время необходимо указать на вторичность региональных актов – своим содержанием они во многом дублируют положения федеральных законов, подкрепляя и утверждая действие федеральных норм на территории Иркутской области, существенно не углубляя и не конкретизируя их, что пусть и является объективно нормальной, приемлемой практикой, но все же указывает на ограниченность региональной законодательной инициативы в области культуры.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 (с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 01.07.2020))// КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ealdf6be9f/ (дата обращения: 04.03.2026)
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования : федер. закон от 21.07.2014 № 256-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165899/ (дата обращения: 04.03.2026)
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СПС Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 04.03.2026).
4. Об административной ответственности за правонарушения в сфере библиотечного дела в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 10.12.2007 № 122-оз // Консорциум Кодекс : электрон.

фонд правовых и нормат.-техн. док. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819030060> (дата обращения: 04.03.2026).

5. О библиотечном деле в Иркутской области : закон Иркутской области от 18.07.2008 № 46-оз // Консорциум Кодекс : электрон. фонд правовых и нормат.-техн. док. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819058905> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области : от 23.07.2008 № 57-оз // Консорциум Кодекс : электрон. фонд правовых и нормат.-техн. док. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819058920> (дата обращения: 04.03.2026).

7. О государственной поддержке культуры в Иркутской области : закон Иркутской области от 29.12.2007 № 154-оз // Консорциум Кодекс : электрон. фонд правовых и нормат.-техн. док. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819042284> (дата обращения: 04.03.2026).

8. О музейном деле в Иркутской области : закон Иркутской области от 18.07.2008 № 45-оз // Консорциум Кодекс : электрон. фонд правовых и нормат.-техн. док. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819058906> (дата обращения: 04.03.2026).

9. В Иркутской области живут представители 156 национальностей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20130320/928183041.html> (дата обращения: 04.03.2026).

10. Нормативно-правовые акты // Министерство культуры Иркутской области : [офф. сайт]. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/npa/> (дата обращения: 04.03.2026).

УДК 349.6:316.42

Пухова А. С., Гуринович Л. А., *Иркутск*

МЕЖСЕКТОРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ СБОРА БАТАРЕЕК В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Рассматривается проблема правового регулирования сбора и утилизации отработанных батареек как отходов II класса опасности в Российской Федерации. На примере Иркутской области анализируется модель межсекторного социального партнерства, в рамках которой некоммерческие организации, бизнес, органы власти и граждане компенсируют недостатки реализации федерального законодательства. Делается вывод о ключевой роли НКО как координатора системы межведомственного взаимодействия и возможности масштабирования данного опыта на другие регионы.

Ключевые слова: межсекторное социальное партнерство, экологическое право, обращение с отходами, батарейки, отходы I–II классов опасности, некоммерческая организация, Иркутская область, региональная практика, утилизация, гражданское участие, экологическая культура.

Pukhova A. S., Gurinovich L. A., *Irkutsk*

INTERSECTORAL SOCIAL PARTNERSHIP IN ADDRESSING ENVIRONMENTAL CHALLENGES: LEGAL DIMENSION AND REGIONAL PRACTICE (CASE STUDY OF THE BATTERY COLLECTION SYSTEM IN IRKUTSK REGION)

Abstract. This article examines the legal regulation of the collection and disposal of used batteries as Class II hazardous waste in the Russian Federation. Using the Irkutsk Region as an example, it analyzes a model of intersectoral social partnership in which non-profit organizations, businesses, government agencies, and citizens address the shortcomings of federal legislation. It concludes that NGOs play a key role as system coordinators and that this approach can be scaled up to other regions.

Keywords: intersectoral social partnership, environmental law, waste management, batteries, hazard class I–II waste, non-profit organization, Irkutsk region, regional practice, ESG, recycling, civic participation, environmental culture.

Социальные проблемы общества в настоящее время достаточно обширны, поскольку трансформация природы, социума и общественных процессов, в нем происходящих, влияет на уровень представлений населения о социальном, психическом и физическом благополучии. Особенно острыми выступают те аспекты, что связаны с безопасностью жизненного пространства, в том числе по поводу экологического воспитания и воспроизводства его форм в окружающей действительности. Поколение молодых людей, относимых исследователями к поколениям миллениалов и последующим за ними поколением альфа присущи характерные черты приверженности такого рода безопасности: сортировка мусора (по возможности), уменьшение использования одноразовых пластиковых упаковок, утилизация старого на вторсырье. Для других поколений такое поведение не является типичным, что становится легко объяснимым при анализе конкретного случая, выносимого нами на обсуждение.

Современная экологическая повестка в России сталкивается с системным вызовом: с одной стороны, законодательство четко регулирует обращение с отходами I–II классов опасности, с другой – механизмы приема опасных отходов от населения и дальнейшая передача на утилизацию остаются в правовом вакууме [3]. Батарейки, относящиеся к высокоопасным отходам, по преимуществу попадают на полигоны твердых коммунальных отходов (ТКО), где разрушаются и загрязняют почву и грунтовые воды тяжелыми металлами: свинцом, никелем, кадмием, ртутью [3]. Одна переработанная батарейка способна загрязнить до 20 м² земли и 1000 л воды [3].

В этих условиях на первый план выходит межсекторное социальное партнерство – взаимодействие власти, бизнеса, некоммерческих организаций и граждан, которое позволяет компенсировать несовершенство правового регулирования и выстраивать работающие системы сбора опасных отходов на местах. Исследователи отмечают, что в настоящее время негосударственный некоммерческий сектор практически исключен из оказания ESG-услуг [13; 3], однако региональные практики, в частности опыт Иркутской области, демонстрируют обратное: именно НКО становятся ключевым координатором и «лицом» системы.

Основу законодательства в данной сфере составляет Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [8]. Согласно ст. 4.1, отработанные батарейки относятся к отходам II класса опасности (высокоопасные). Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2314 прямо исключает их из состава твердых коммунальных отходов (ТКО), что означает запрет на складирование в обычных мусорных контейнерах [6].

Однако федеральное законодательство не устанавливает обязанности муниципалитетов или региональных операторов организовывать сбор опасных отходов от населения. Механизм расширенной ответственности производителей [8] предполагает, что утилизацией должны заниматься компании-производители, но инфраструктура сбора для граждан не встроена в систему ЖКХ. Статья 8.2 КоАП РФ предусматривает штрафы за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами, однако для физических лиц этот механизм практически не реализуется из-за сложности контроля.

Таким образом, возникает правовой вакуум: опасные отходы есть, обязанность их утилизировать – тоже есть, но как именно они должны попадать от граждан к переработчикам – закон не регулирует. Этот вакуум заполняется на местах усилиями негосударственных акторов.

Понятие «межсекторное социальное партнерство» (МСП) в научной литературе трактуется как конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социально значимых проблем [3].

В экологической сфере МСП выполняет следующие функции: организационная – создание инфраструктуры сбора и переработки; информационная – просвещение и формирование экологической культуры; регулятивная – выработка правил и стандартов на локальном уровне; функция общественной стабилизации – снижение социальной напряженности из-за экологических проблем.

При этом ряд авторов указывает на парадокс: несмотря на формальные возможности, некоммерческий сектор сегодня практически исключен из оказания ESG-услуг (экологических, социальных и управленческих практик) [13]. Региональный опыт Иркутской области опровергает этот тезис, демонстрируя, что НКО может быть не просто участником, а ключевым координатором системы.

В Иркутской области сложилась де-факто работающая система сбора отработанных батареек, однако ее функционирование сопряжено с рядом сложностей, главная из которых – финансовая затратность каждого этапа. Рассмотрим реальное распределение ролей и мотивацию участников. Ключевым звеном системы выступает благотворительный фонд «Оберег» [1; 10; 13]. Именно фонд взял на себя функции, которые никто другой не готов выполнять на постоянной основе: временное хранение батареек до накопления транспортной партии; организация логистики и поиск финансирования на отправку; взаимодействие с заводами-переработчиками (г. Челябинск, г. Ярославль); координация точек сбора и поддержание связи с ответственными лицами на местах; информирование населения и просветительская деятельность.

Важно отметить, что до 2023 г. НКО не имели законодательного права заниматься обращением с отходами I–II классов. Изменения в Федеральный

закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», внесенные Федеральным законом от 04.08.2023 № 496-ФЗ [9], впервые включили некоммерческие организации в число субъектов, которые могут участвовать в этой деятельности. Однако на практике именно НКО и были единственными, кто реально занимался батарейками все предыдущие годы, действуя в правовом вакууме.

Органы местного самоуправления (в первую очередь администрация г. Иркутска) участвуют в системе, но покрывают расходы лишь частично. Как правило, финансирование выделяется на транспортировку и утилизацию, однако оно:

- 1) не покрывает всех затрат (например, изготовление контейнеров, аренду помещений для хранения, работу координаторов);

- 2) требует ежегодного подтверждения и может быть сокращено или приостановлено;

- 3) не гарантирует стабильности на долгосрочную перспективу.

В 2024 г. благодаря такому софинансированию удалось отправить на переработку 21 тонну батареек [13], однако этот результат – следствие личных договоренностей и активности конкретных людей, а не системного механизма.

Бизнес демонстрирует пример корпоративной социальной ответственности, однако его участие остается нестабильным и ограниченным. Компания самостоятельно оплачивает изготовление и установку контейнеров, а также утилизацию той части батареек, которые собирает в своих офисах. Инициатива исходит от конкретных сотрудников (молодых специалистов, профсоюза) и держится на их энтузиазме [12, 4]. Для бизнеса это дополнительная, а не основная деятельность, не приносящая прибыли. Любое изменение приоритетов, смена руководства или оптимизация затрат могут привести к отказу от участия.

Кроме того, для бизнеса участие связано с бюрократической нагрузкой: оформление документов, отчетность, необходимость соблюдать требования к временному хранению отходов – все это требует дополнительных ресурсов.

Отдельную категорию составляют небольшие коммерческие организации, в деятельности которых образуются опасные отходы: мастерские по ремонту телефонов, центры слухопротезирования и т. п. Формально Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [8] обязывает их самостоятельно организовывать утилизацию образующихся отходов. Однако на практике многие даже не знают об этой обязанности; контрольно-надзорные органы редко проверяют эту категорию. В результате часть таких отходов все равно попадает в общий мусор. Те немногие организации, которые сознательно участвуют в системе, сдают батарейки через общие пункты сбора – но их пока меньшинство.

Парадоксально, но наиболее стабильным и мотивированным звеном системы оказались граждане, особенно образовательные учреждения. Жители

активно приносят батарейки в пункты сбора, часто проезжая дополнительные расстояния. Школы, колледжи и вузы подхватили идею с большим энтузиазмом: экологические уроки, соревнования между классами, проектная деятельность – это стало частью воспитательной работы [11].

Именно этот сектор обеспечивает массовость сбора, хотя и не участвует в финансировании дальнейших этапов.

Обобщая, весь путь обращения с отработанными батарейками в Иркутской области можно представить как последовательность финансово затратных этапов, каждый из которых требует ресурсов и координации: информирование населения, изготовление и предоставление контейнеров; установка контейнеров и назначение ответственных лиц – критически важно, чтобы в точке сбора был конкретный человек, который следит за наполнением, не допускает захламления и вовремя сообщает о необходимости вывоза; логистика до оптового места накопления – выемка батареек из множества рассредоточенных точек, транспортировка до склада временного хранения, систематизация приема и временное хранение – помещение, учет; взаимодействие с заводами-переработчиками – согласование условий, оформление документов, подтверждение соответствия требованиям, отправка на утилизацию, передача батареек на утилизацию и оплату услуг завода.

Ключевая проблема: ни один из этих этапов не приносит прибыли и не может быть монетизирован. Единственный способ окупить затраты – самому стать утилизатором, что требует совершенно иных масштабов и инвестиций. Поэтому подавляющее большинство потенциальных участников (коммерческих структур, муниципалитетов) не заинтересованы включаться в эту деятельность. Система держится исключительно на: личной вовлеченности сотрудников НКО; равнодушии части бизнеса; энтузиазме педагогов и граждан.

Несмотря на все сложности, к началу 2023 г. в Иркутской области было установлено 256 контейнеров для сбора батареек в 18 муниципальных образованиях, а общий объем собранных и отправленных на утилизацию отходов превысил 28 тонн [1; 13]. К концу 2025 г., по уточненным данным, количество контейнеров достигло 289, они охватили 54 территории, а суммарный вес отправленных батареек составил 51 178 кг [13].

Активно участвует в системе и бизнес. Например, «Иркутскэнергосбыт (по проекту ЭН+)» установил 12 стационарных боксов в 7 городах области [12], а его профсоюзная организация за одну акцию собрала 67,9 кг [4]. В 2021 г. к сбору подключились 12 туристических объектов на Байкале, собрав 161 кг [10]. Помимо количественного роста, система демонстрирует и качественные изменения: в 2022–2023 гг. к обсуждению проблем и координации действий подключились представители муниципальной власти и других общественных организаций, что отражает развитие межсекторного диалога [13]

Основными сложностями формирования элементов социального взаимодействия становятся процессы логистики, координации деятельности отдельных элементов: сборщиков, переработчиков, работников предприятий

по утилизации и представителей власти как основных заказчиков такого процесса. Общественный сектор не сможет работать системно, несмотря на весь опыт, если его поддержка будет осуществляться лишь в форме устного признания в узком кругу НКО. Необходимо информировать граждан о возможностях и одновременно приглашать к участию в процессе сбора. Нам видится важность расширения участников процесса сбора на переработку и информирования о возможностях властей, что повысит уровень доверия ко всем участникам взаимодействия и активизирует формы взаимодействия граждан.

Список литературы

1. Благотворительный фонд «Оберег» продолжает поддерживать эоактивистов со всего Приангарья // АИСТ ТВ. URL: <https://aisttv.ru/page/blagotvoritelnyi-fond-obereg-prodolzhaet-podderzhivat-ekoaktivistov-so-vsego-priangaria/> (дата обращения: 23.02.2026).
2. В Иркутске запатентовали особый ящик для утилизации батареек // ЭкоПравда. 25.11.2024. URL: <https://www.ecopravda.ru/nauka/v-irkutske-zapatenovali-osobyj-yashhik-dlya-utilizatsii-batareek/> (дата обращения: 23.02.2026).
3. Гринечко Е. Д. Педагогический потенциал системы социального партнерства учреждения дополнительного образования в решении проблемы формирования экологической компетентности старших подростков // Современные проблемы науки и образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-potentsial-sistemy-sotsialnogo-partnerstva-uchrezhdeniya-dopolnitelnogo-obrazovaniya-v-reshenii-problemy-formirovaniya-ekologicheskoy-kompetentnosti-starykh-podrostkov> (дата обращения: 23.02.2026).
4. Губанова Л. Батарейки, сдавайтесь! // Иркутское областное объединение организаций профсоюзов. URL: <http://irkprof.ru/irkutskoe-profobedinenie-segodnya/batareyki-sdavaytes-/> (дата обращения: 23.02.2026).
5. Об утверждении Правил обращения с отходами I–II классов опасности : постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2314 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/400165422/> (дата обращения: 23.02.2026).
6. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511677> (дата обращения: 23.02.2026).
7. Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511657> (дата обращения: 23.02.2026).
8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 04.08.2023 № 451-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523211> (дата обращения: 23.02.2026).
9. Фонд «Оберег» приобщиł туристические объекты Прибайкалья к сбору батареек // Агентство социальной информации. 07.12.2021. URL: <https://www.asi.org.ru/report/2021/12/07/hit-sezona-turizm-s-zabotoj-ob-ekologii/> (дата обращения: 23.02.2026).
10. Школы Иркутской области присоединились к проекту «Экозабота» // Телениформ. 21.09.2025. URL: <https://i38.ru/zhkch-obichnie/shkoli-irkutskoy-oblasti-prisoedinilis-k-proektu-ekozaбота> (дата обращения: 23.02.2026).
11. Экологическая программа «Батарейки СДАВАЙТЕСЬ» // ООО «Иркутскэнергосбыт». URL: <https://qa.sbyt.irkutskenergo.ru/qa/6799.html> (дата обращения: 23.02.2026).
12. Это не мусор, а вторсырьё // Областная газета. 18.01.2023. URL: <https://www.ogirk.ru/2023/01/18/jeto-ne-musor-a-vtorsyre/> (дата обращения: 23.02.2026).
13. Ямщиков А. С., Карабицина Е. Ф., Гуц Д. С. Государственная поддержка некоммерческих организаций социальной сферы в концепции ESG // OpenScience. 2024. Т. 6, № 1. С. 86–100.

УДК 338.28

Сарапулова Л. Н., Грицких Н. В., *Иркутск*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. Исследованы нормативные акты в сфере финансирования социально-культурных проектов. Систематизированы основные нормативные правовые акты, регулирующие финансирование социально-культурных проектов. Представлены виды бюджетного финансирования, спонсорства и получения грантов.

Ключевые слова: бюджетное финансирование, учреждения культуры, гранты, спонсоры, законы, нормативное регулирование, социально-культурный проект, культура, общероссийский уровень, некоммерческие организации, муниципалитет, целевой сегмент.

Sarapulova L. N., Gritskikh N. V., *Irkutsk*

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF FINANCING OF SOCIAL AND CULTURAL PROJECTS

Abstract. The article examines the regulations in the field of financing socio-cultural projects. The Constitution of the Russian Federation guarantees everyone the right to participate in cultural life and access to cultural values. The main regulatory legal acts regulating the financing of socio-cultural projects are systematized. The types of budget financing, sponsorship and grants are presented.

Keywords: budget financing, cultural institutions, grants, sponsors, laws, regulations, socio-cultural project, culture, national level, non-profit organizations, municipality, target segment.

Проблема финансирования социально-культурных проектов является очень актуальной. В условиях нехватки бюджетного финансирования из бюджетов различных уровней, возникает необходимость привлечения грантовой поддержки культурных мероприятий, а также широкого развития спонсорской помощи. В правовом поле, финансирование социально-культурных проектов в Российской Федерации опирается на разветвленную систему нормативных правовых актов, которая формирует как общие принципы государственной культурной политики, так и конкретные механизмы финансового обеспечения деятельности учреждений культуры. Данная система имеет иерархичную структуру, что позволяет увязать стратегические цели культурного развития с практическими инструментами реализации социально-культурных проектов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Фундамент правового регулирования заложен в Конституции РФ. В ст. 7 Конституции РФ закреплён социальный характер государства, а ст. 44 гарантирует каждому право на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям [1]. Данные нормы имеют прямое значение для финансирования социально-культурных проектов, поскольку закрепляют обязанность государства и органов местного самоуправления создавать условия для развития культуры, в том числе через финансовую поддержку соответствующих инициатив.

Отраслевым нормативным актом, определяющим специфику финансирования культурной деятельности, являются Основы законодательства Российской Федерации о культуре. В ст. 41 данного закона прямо указано, что финансирование культуры осуществляется на основе сочетания бюджетных и внебюджетных источников [2]. Закон закрепляет право учреждений культуры привлекать средства в форме:

- субсидий и бюджетных ассигнований;
- пожертвований, грантов и иных целевых поступлений.

Таким образом, на законодательном уровне закрепляется правовая возможность многоканального финансирования социально-культурных проектов, что является базовым условием их устойчивой реализации. В современных условиях наблюдается снижение спонсорской помощи на социально-культурные проекты.

Финансово-бюджетные механизмы поддержки социально-культурных проектов регламентируются Бюджетным кодексом РФ. Особое значение имеют ст. 69.2 и 78.1 Бюджетного кодекса, определяющие порядок формирования государственного (муниципального) задания и предоставления субсидий бюджетным и автономным учреждениям [3]. Эти нормы позволяют органам власти финансировать проекты, реализуемые учреждениями культуры, в формате целевых субсидий, что повышает адресность и контролируемость бюджетных расходов.

Дополняющим элементом правового регулирования является Гражданский кодекс РФ. В ст. 582 раскрывается правовая природа пожертвований, а в ст. 423 закрепляется возможность безвозмездного предоставления имущества и денежных средств [4]. Такие положения создают правовую основу для привлечения внебюджетных ресурсов, включая спонсорскую поддержку и благотворительные взносы, что особенно актуально для социально-культурных проектов, не ориентированных на получение прибыли.

Существенную роль в формировании нормативной среды играет Федеральный закон «О некоммерческих организациях». В ст. 2 данного закона определяются цели деятельности некоммерческих организаций, среди которых особое место занимает развитие культуры [6]. Кроме того, ст. 31.1 закрепляет статус социально-ориентированных некоммерческих организаций и их право на получение государственной поддержки, включая финансовую поддержку. Это расширяет институциональные возможности в области финансирования социальных и культурных проектов.

Следующий Федеральный закон № 83-ФЗ «О государственном (муниципальном) задании для государственных и муниципальных учреждений» также применяется в области финансирования. В ст. 9.2 и 9.4 устанавливаются новые принципы финансового обеспечения учреждений культуры, ориентированные на достижение результатов, а не на сметное содержание [7]. В научных исследованиях отмечается, что данная модель стимулирует учреждения к активному использованию проектных форм деятельности, однако

одновременно ограничивает гибкость перераспределения средств внутри проектов.

Стратегический уровень нормативного регулирования представлен Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года. В разделе «Финансовое обеспечение культурной политики» подчеркивается необходимость:

- развития грантовых механизмов поддержки проектов;
- привлечения частных и внебюджетных источников финансирования [5].

Данный документ задает долгосрочные ориентиры для формирования устойчивой финансовой модели социально-культурных проектов и усиливает роль проектного подхода в деятельности учреждений культуры.

На муниципальном уровне нормативно-правовое регулирование конкретизируется через программы развития культуры и правовые акты органов местного самоуправления. Например, в Ангарском городском округе ключевым документом является муниципальная программа «Развитие культуры», в которой определены приоритетные направления финансирования, включая поддержку проектной деятельности учреждений культуры [8]. Муниципальные правовые акты устанавливают объемы финансирования, показатели результативности и условия предоставления средств, что делает их практическим инструментом реализации культурной политики на местном уровне. Однако существуют проблемы с муниципальным финансированием в связи с нехваткой сбора налогов.

Для систематизации нормативно-правовой базы финансирования социально-культурных проектов целесообразно представить ее в обобщенном виде (табл.). Анализ нормативно-правовой базы показал, что применяется несколько федеральных законов, государственные культурные программы, Национальный проект (НП) «Культура» и методические инструкции.

Таблица

Основные нормативные правовые акты, регулирующие финансирование социально-культурных проектов

Уровень регулирования	Нормативный акт	Ключевые статьи и положения
Конституционный	Конституция РФ	Статьи 7, 44
Отраслевой	Основы законодательства о культуре	Статья 41
Бюджетный	Бюджетный кодекс РФ	Статьи 69.2, 78.1
Гражданско-правовой	Гражданский кодекс РФ	Статьи 423, 582
Некоммерческий сектор	ФЗ «О некоммерческих организациях»	Статьи 2, 31.1
Стратегический	Стратегия культурной политики до 2030 года [5]	Раздел «Финансовое обеспечение»
Стратегический	Национальный проект «Культура»	Раздел «Финансовое обеспечение»
Муниципальный	Программа «Развитие культуры» муниципалитета [8]	Разделы о финансировании

Вместе с тем нормативное регулирование отличается фрагментарностью и сложностью, что затрудняет практическую реализацию проектных инициатив на уровне муниципальных учреждений культуры.

Нормативно-правовое регулирование финансирования социально-культурных проектов представляет собой комплексную многоуровневую систему, включающую конституционные нормы, отраслевое, бюджетное и гражданское законодательство, а также стратегические и муниципальные документы. Данная система закрепляет правовые основы многоканального финансирования и стимулирует внедрение проектного подхода в сфере культуры. Вместе с тем сложность и разрозненность правовых норм требуют от муниципальных учреждений культуры высокой управленческой и правовой компетентности, что актуализирует необходимость совершенствования механизмов нормативного сопровождения социально-культурных проектов.

«Финансирование социально-культурных проектов представляет собой не разовое привлечение ресурсов, а целенаправленный и стратегически выстроенный процесс, обеспечивающий устойчивость культурной деятельности и достижение социального эффекта. В теории управления культурой стратегия финансирования рассматривается как совокупность долгосрочных управленческих решений, направленных на формирование оптимальной структуры источников средств, механизмов их привлечения и распределения с учетом миссии проекта, институциональных ограничений и социального контекста» [7].

В настоящее время, для учреждений культуры используется совместное финансирование из разных источников. В основном, применяется бюджетное финансирование из федерального центра, областного и местного бюджетов. Но, все больше сокращается бюджетное финансирование до 40–50 %. В связи с этим, учреждения культуры активно привлекают грантовое и спонсорское финансирование. Однако для их использования необходима большая работа со спонсорами и участием в конкурсах на получение грантов. В целом наблюдается недостаточное финансирование учреждений культуры и социокультурных проектов. Культура продолжает финансироваться по остаточному принципу. По научным исследованиям, почти 20 % зданий культуры нуждается в капитальном ремонте, а денежных средств не хватает. Если, сейчас доля федерального бюджета на культуру составляет 0,6 %, то к 2030 г. планируется ее довести до 1,6 %.

В связи с недостатком денежных средств на культуру, введено дополнительное финансирование из Национального проекта (НП) «Культура». Это является государственной программой поддержки социокультурных проектов из федерального бюджета, продленная в настоящее время до 2028 г. В НП «Культура» заложено финансирование новых зданий культуры в городах до 300 тыс. жителей, а также финансовое обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров.

С теоретической точки зрения стратегии финансирования социально-культурных проектов опираются на следующие учения:

- концепцию смешанной экономики культуры, предполагающую сочетание государственных и негосударственных ресурсов [8];
- теорию общественных благ, объясняющую необходимость участия государства в финансировании культуры [9].

В начале любого финансирования социокультурных проектов определяют стратегию финансирования как выделение главного звена. Под стратегией финансирования социально-культурного учреждения понимается разработанный на долгосрочную перспективу, комплексный и структурированный план по систематическому привлечению и наиболее оптимальному распределению всех видов финансовых ресурсов, необходимых для достижения целей, выполнения миссии организации и обеспечения непрерывного развития в условиях конкурентной среды [9].

В науке и практике выделяют следующие стратегии финансирования:

- бюджетно-субсидируемая модель;
- коммерческая (предпринимательская) модель частных учреждений культуры;
- проектно-фандрайзинговая модель.

Бюджетно-субсидируемая модель. является традиционной, характерной для государственных и муниципальных учреждений культуры. Их основным источником финансирования являются прямые поступления из соответствующего бюджета (федерального, местного), которые в плановом порядке покрывают большую часть текущих расходов, таких как оплата труда, коммунальные платежи, ремонт, а также содержание зданий и сооружений. Финансовая стратегия учреждения в данном случае часто сводится к активной работе по обоснованию увеличения бюджетных назначений, а также к точному выполнению государственного (муниципального) задания. К безусловно сильным сторонам данной модели, относится высокая предсказуемость и стабильность поступлений денежных средств, к существенно слабым сторонам – ограниченность ресурсов, высокая степень бюрократизированности процессов и зависимость от текущей политической обстановки.

2. Коммерческая (предпринимательская) модель частных учреждений культуры строится на принципах рыночной экономики и рассматривает учреждения культуры как самостоятельные, самоокупаемые организации [9]. Основным источником их дохода является прямая продажа услуг населению и организациям (входные билеты, абонементы, платные экскурсии), реализация сопутствующих товаров-комплементов (сувенирная продукция, книги, репродукции) или осуществление коммерческих проектов (корпоративные мероприятия, аренда помещений).

Ключевая финансовая стратегия здесь заключается в максимизации прибыли через проведение активной маркетинговой политики, постоянное повы-

шение качества и привлекательности предоставляемых услуг. Основным преимуществом такой модели является финансовая самостоятельность и независимость от бюджетных колебаний, основным недостатком – высокая зависимость от колебаний платежеспособного спроса и общей ситуации на рынке, а также зависимость от денежных средств собственника. Проектно-фандрайзинговая модель получила широкое распространение в деятельности некоммерческих организаций и различных творческих инициатив. Однако их финансирование носит нерегулярный характер.

Стратегия финансирования социокультурных проектов на основе грантов, довольно популярна в настоящее время. Однако гранты имеют единичную поддержку нескольких проектов, а не широкую. При этом участвуют благотворительные фонды и некоммерческие организации. Преимуществом грантов является стимулирование инноваций, однако высокая конкуренция и временный характер ресурсов снижают устойчивость проектов.

Фандрайзинговая стратегия предполагает системное привлечение внебюджетных средств от бизнеса, частных лиц и благотворительных организаций. В научных исследованиях фандрайзинг рассматривается как управляемый процесс формирования партнерств, а не как разовая благотворительность [9]. Для учреждений культуры данная стратегия требует развитых коммуникаций, репутационного капитала, а также подготовки высококвалифицированного персонала учреждений.

Льготы в налогообложении для коммерческих культурных организаций значительно привлекают руководителей данных организаций и способствуют развитию культуры. Таким образом, нормативно-правовое регулирование финансирования социально-культурных проектов включает совокупность законов и государственных программ, которые затрагивают систему общественных отношений по поводу обеспечению доступа к культурным ценностям каждому россиянину. Однако устаревший Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» 1992 г., не имеет устойчивых современных нормативов по финансированию учреждений культуры и, в целом, действующих и перспективных социокультурных проектов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : закон РФ от 09 окт. 1992 г. № 3612-1 (ред. действующая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. действующая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. действующая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).

5. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февр. 2016 г. № 236-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).

6. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (ред. действующая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).

7. О государственном (муниципальном) задании для государственных и муниципальных учреждений : федер. закон от 08 мая 2010 г. № 83-ФЗ (ред. действующая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2026).

8. О внесении изменений в муниципальную программу Ангарского городского округа «Развитие культуры» на 2020–2025 годы : постановление администрации Ангарского городского округа от 21 июня 2022 г. № 770-па. Ангарск, 2022. 52 с.

9. Где найти финансирование на культурный проект: подборка возможностей // Агентство стратегических инициатив от 19 дек. 2024 г. URL: <https://asi.org.ru/2024/12/19/gde-najti-finansirovanie-na-kulturnyj-proekt-podborka-vozmozhnostej/> (дата обращения: 13.01.2026).

УДК 374

Теняков А. В., *Армавир*

РОЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ

Аннотация. Рассматривается многоуровневое влияние образования на социальные характеристики и прогресс общества. Основная мысль состоит в том, что образование выступает как фундаментальный фактор, способствующий формированию устойчивых социальных структур.

Ключевые слова: образование, статус, благополучие, развитие, прогресс.

Tenyakov A. V., *Armavir*

THE ROLE OF HIGHER EDUCATION IN SOCIAL CHARACTERIZATION

Abstract. The multilevel influence of education on the social characteristics and progress of society is considered. The main idea is that education acts not only as a mechanism for the transfer of knowledge and skills, but also as a fundamental factor contributing to the formation of sustainable social structures and the development of society as a whole.

Keywords: education, status, well-being, development.

Образование занимает центральное место в прогрессе общества и оказывает значительное влияние на формирование социальных характеристик индивидов [1]. Оно служит основным механизмом передачи знаний и навыков, необходимых для успешной интеграции в различные сферы жизни. Однако за пределами этого очевидного аспекта, образование играет и более глубокую роль, влияя на социальный статус, экономическое благополучие и всестороннее развитие личности.

Первое, что стоит отметить, это влияние образования на социальный статус [2]. В большинстве обществ высшее образование открывает двери к более престижным и высокооплачиваемым профессиям, что, в свою очередь, способствует улучшению социального положения индивидов. Люди с высоким уровнем

нем образования чаще занимают руководящие позиции и имеют больший доступ к ресурсам и возможностям. Это создает не только личный, но и общественный эффект, способствуя формированию классовой структуры общества.

Экономическое благополучие – еще один аспект, в котором содержание образования играет ключевую роль [3]. Образованные люди имеют больше шансов на трудоустройство, и чаще всего их доходы выше. Они становятся более конкурентоспособными на рынке труда, что приводит к увеличению их финансовой независимости и способности обеспечивать благосостояние своей семьи. Такое влияние образования на экономику также распространяется на целые страны, поскольку информированное население способствует росту производства, инновациям и общей экономической стабильности.

На уровне личностного развития образование способствует формированию критического мышления, креативности и навыков самоуправления [4], что, в свою очередь, влияет на способности человека адаптироваться к изменениям и решать комплексные задачи. Образование расширяет горизонты, дает возможность развивать эмоциональный интеллект и социальные навыки, необходимые для успешной коммуникации в обществе.

Таким образом, значимость образования не ограничивается лишь передачей знаний. Его влияние охватывает широкий спектр аспектов жизни и формирует не только судьбы отдельных личностей, но и векторы развития целых обществ. Создание и поддержание системы образования, способной адекватно реагировать на современные вызовы, становится одной из самых важных задач для государственных структур и общества в целом.

Классовая принадлежность. Уровень образования играет ключевую роль в формировании социального статуса индивидуумов. Образовательные достижения являются не только показателем знаний и умений, но и важным фактором, который влияет на возможности карьерного роста и уровень дохода.

Люди, обладающие высшим образованием, часто могут претендовать на более престижные и высокооплачиваемые должности в различных сферах, таких как финансы, медицина, юриспруденция и технологии. Это связано с тем, что работодатели, как правило, отдают предпочтение кандидатам с более высокой квалификацией, что, в свою очередь, способствует укреплению их социального статуса.

Таким образом, образование становится важным инструментом для достижения желаемого уровня жизни и социального положения. Индивиды с высоким уровнем образования чаще участвуют в общественной жизни, занимая активные позиции в социальных, культурных и политических процессах. Это еще раз подчеркивает, что образование – это не только знания, но и важный аспект, определяющий статус в обществе.

Связь между образованием и социальным статусом становится все более очевидной, что подчеркивает необходимость инвестиций в образование как способ повышения не только личной конкурентоспособности, но и общего уровня развития общества.

Мобильность. Образование является основным двигателем социальной и экономической мобильности, предоставляя людям возможность улучшить свое социальное положение и достичь финансовой независимости. Оно открывает двери к различным карьерным возможностям и способствует развитию необходимых навыков, которые становятся важными на современном рынке труда.

Чем выше уровень образования, тем меньше вероятность столкнуться с проблемами, связанными с бедностью. Исследования показывают, что лица с высшим образованием имеют значительно более высокие шансы на получение хорошо оплачиваемой работы и, соответственно, на улучшение качества своей жизни и жизни своих близких. Образование также подпитывает уверенность в себе, способствует социальным связям и расширяет горизонты профессионального роста.

В условиях быстро меняющегося мира, где технологии и экономические условия постоянно эволюционируют, необходимость в постоянном образовании и переквалификации становится особенно актуальной. Это создает дополнительный стимул для людей стремиться к саморазвитию и расширять свои знания, что, в свою очередь, влияет на общую мобильность как на индивидуальном уровне, так и в масштабе общества в целом.

Таким образом, инвестиции в образование могут стать мощным инструментом для снижения уровня бедности и повышения социальной справедливости, предоставляя каждому человеку возможность реализовать свой потенциал и повысить свою мобильность в современном обществе.

Критическое мышление является важным аспектом качественного образования, поскольку оно развивает умение анализировать, задавать вопросы и критически оценивать информацию [5]. Это не только помогает учащимся принимать обоснованные решения, но и способствует формированию более сознательного и ответственного гражданского общества. Развивая такие личные качества, как независимое мышление и умение аргументированно выражать свои мысли, образование создает условия для взаимодействия между различными слоями общества и помогает противостоять манипуляциям и дезинформации.

Социальные навыки, которые развиваются в процессе обучения, также играют решающую роль в интеграции индивидов в общество. Образование способствует улучшению навыков общения, таких как активное слушание, обмен мнениями и уважительное обсуждение. Это, в свою очередь, способствует формированию эффективных команд и сотрудничества как в учебной, так и в профессиональной среде. Личные качества, такие как эмпатия и готовность к сотрудничеству, развиваются на основе знаний, полученных в процессе образовательной деятельности, что создает условия для конструктивного взаимодействия в обществе.

Таким образом, образование не только снабжает знаниями, но и формирует личные качества, необходимые для формирования активных и сознательных граждан. Успешное объединение критического мышления и социальных навыков в рамках образовательного процесса становится основой для устойчивого развития общества и подготовки к вызовам современности.

Образование играет ключевую роль в процессе достижения устойчивого развития, формируя основательные знания и навыки у граждан, что позволяет им более активно участвовать в социальных изменениях. Образованные граждане обладают критическим мышлением и широкой перспективой, что делает их способными выявлять актуальные проблемы в обществе и предлагать эффективные решения. Это участие не только улучшает качество жизни в конкретных сообществах, но и вносит значительный вклад в социальные изменения на более широком уровне.

Кроме того, образование является мощным катализатором творческого мышления и инноваций [6]. Процесс получения знаний вдохновляет студентов и специалистов на разработку новых идей и решений, которые могут существенно повлиять на экономический рост и развитие технологий. Инновации, порождение которых активно поддерживается образованием, не только трансформируют существующие отрасли, но и создают новые, что, в свою очередь, способствует созданию рабочих мест и улучшению общего уровня благосостояния.

Таким образом, образование не просто способствует личностному развитию, но и становится фундаментом для устойчивого прогресса, оказывая влияние на социальные изменения и экономическую динамику. Это взаимодействие подчеркивает необходимость инвестиции в образовательные программы и инициативы, направленные на развитие критического мышления, креативности и социально ответственного поведения у молодежи.

Образование действительно играет ключевую роль в формировании социальной структуры как отдельных личностей, так и общества в целом. Этот процесс затрагивает не только передачу знаний и навыков, но также формирует ценности, мировосприятие и социальные установки индивидов. Образованное общество, как правило, характеризуется более высоким уровнем осведомленности, критического мышления и активного участия граждан в социальных, экономических и политических процессах.

В заключение можно утверждать, что образование не только способствует индивидуальному развитию, но и служит фундаментом для создания более устойчивого и сплоченного общества. Инвестирование в образование – это инвестиции в будущее, которое будет более справедливым и гармоничным, и которые позволят каждому члену общества внести свой вклад в его процветание.

Список литературы

1. Урусова Л. Х. О роли образования в развитии современной личности // Разработка и Реализация профессиональных стандартов в психологии и педагогике : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Таганрог, 15 янв. 2020 г. Таганрог : Аэтерна, 2020. С. 80–82. EDN VKZWVU.
2. Лига М. Б., Щеткина И. А. Образование как фактор модификации и трансформации социальной структуры, ценностей современного общества // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 4(45). С. 108–115. EDN PBCLGT.
3. Пашахина Е. А. Роль образования в экономическом развитии // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obrazovaniya-v-ekonomicheskom-razviti-i>
4. Батталова З. Д. Роль технологии развития критического мышления в формировании творческой способности школьников в процессе образования // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № 4(65). С. 222–229. EDN UTEAOX.
5. Дубина Е. О. Формирование навыков критического мышления в рамках школьного образовательного процесса // Лингвокультурология. 2018. № 12. С. 85–92. EDN YPNJFR.
6. Ходжаева М. Д., Ахмадбекова М. Г., Рашидова Д. Д. Инновационные технологии в образовании это возможность проявления творческих способностей и готовность к реализации собственной индивидуальности личности // Вестник Технологического университета Таджикистана. 2013. № 1(20). С. 150–151. EDN VWLCFN.

СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА, ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА»

УДК 340.1

Альбицкий А. Г., *Санкт-Петербург*

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению контекста, в рамках которого формировались взгляды научного сообщества на политику права в Российской империи. Особое внимание уделяется рассмотрению конкуренции за привлечение общественного мнения, как фактора, влекущего принятие решений в сфере правотворчества.

Ключевые слова: политика права, правовая политика, общественное мнение, социология права.

Albitsky A. G., *Saint Petersburg*

THE HISTORICAL CONTEXT OF THE FORMATION OF IDEAS ABOUT LEGAL POLICY IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the study of the context within which the views of the scientific community on the politics of law in the Russian Empire were formed. Particular attention is paid to the consideration of competition for attracting public opinion as a factor leading to decision-making in the field of law-making.

Keywords: politics of law, legal policy, public opinion, sociology of law.

Хронологические рамки первоначального этапа возникновения правовой политики в Российском государстве, как отдельного политико-правового явления, носят условный характер. Так, И. Н. Исаков отмечает, что необходимые предпосылки для фактического осуществления правовой политики государства, а именно – «расширение круга общественных отношений, регулируемых правовыми нормами, создание правовых условий для развития территориальных хозяйственных связей, торговли» складываются в период XVI–XVII вв. [3, с.10].

Вместе с тем понятийное закрепление государственная правовая политика в работах российских ученых-правоведов впервые получила лишь в конце XIX в. [3, с.10].

Характерным признаком рассматриваемого периода является заимствование гуманитарными и общественными науками естественно-научных идей и концепций.

Так, большое влияние на современников оказало учение об эволюции, сформулированное английским биологом Ч. Дарвином. Отмечается, что «сама история формирования дарвиновского учения создает впечатление, что понятие конкуренции введено в понимание эволюционного процесса как неосознаваемая мировоззренческая предпосылка, характерная для развитого буржуазного общества, в котором взаимоотрицающее межиндивидуальное взаимодействие, т. е. конкуренция, является жизненной повседневностью» [5, с. 77–78].

Полагаем, что широкое распространение эволюционных взглядов способствовало популяризации в обществах эпохи модерна дискурса о ценностях соперничества, что отражалось, в том числе в изменении взглядов научного общества на сущность понимания социальных отношений и правоотношений.

Л. В. Осипова указывает о влиянии теории эволюции на формирование социологических концепций. Например, «ученые, работавшие в рамках социал-дарвинистской школы, пытались напрямую использовать для объяснения социальных процессов теорию эволюции» [13, с. 11].

Немецкий правовед Р. Иеринг, представитель социологического позитивизма, в своей работе «Борьба за право» формулирует идею о том, что «отстаивание права есть обязанность по отношению к обществу» [2, с. 41]. С точки зрения Иеринга государство должно быть заинтересовано в активном стремлении граждан к защите своих личных интересов, что может приводить к возникновению противоречий между ними [2, с. 57–58].

Вместе с тем следует полагать, что в большей степени можно говорить о реализации концепции дарвиновского учения посредством конкуренции различных типов правопонимания, борьбой их представителей за общественное мнение, с целью принятия правящей элитой наиболее эффективных и обоснованных политических решений в правовой сфере.

Например, О. М. Лиска следующим образом характеризует ситуацию в российской юриспруденции: «конкурирующие понятия, отражавшие специфику правоприменительной деятельности, формулировались под непосредственным влиянием формально-догматического, социологического и естественно-правового типов понимания права, которые были зависимы от соответствующих идеологических основ (либеральных и консервативных)» [8, с. 9–10].

Кроме того, Д. Р. Хасанов, рассматривая особенности данного периода, подчеркивает, что именно тогда «развивалось философское направление в праве, с философской рефлексией правового сознания, с последовательной сменой различных школ права» [16, с. 58–59].

В данной связи необходимо указать на то, что «готовность опробовать что-либо еще», «увеличение конкурирующих вариантов», «обращение за помощью к философии» Т. Кун, основоположник теории «научных революций», относит к признакам трансформации ранее существовавшей парадигмы в сфере научного знания [7, с. 145–146].

Действительно, стремительные изменения, происходившие в российском обществе после реализации «Великих реформ» императора Александра II, приводили к тому, что прежний механизм организации правотворческой деятельности, замкнутый на бюрократический аппарат государства, все менее соответствовал реальным потребностям эпохи. Таким образом, власть была вынуждена все в большей мере учитывать общественное мнение, формируемое в процессе дискуссии между различными группами представителей дворянства, интеллигенции, юристов-профессионалов. Не случайно Ф. Хольцендорф указывал на то, что «наука должна быть наставницей общественного мнения» [17, с. 139].

В связи с появлением новых органов и общественных институтов в правовой и управленческой сферах (окружные суды, мировые суды, адвокатура, земства и т. д.), усложнением социальных процессов, которые требовали дополнительной правовой регламентации, российские ученые-правоведы стремились упорядочить теоретические представления о способах совершенствования правовой системы государства в целом, отдельных отраслей правовой науки в частности.

С учетом вышеизложенных факторов, именно правовая политика (которая была известна в дореволюционной российской науке как «политика права») стала как способом выражения представлений о должном векторе совершенствования правовых институтов и отраслей права, так и способом соотнесения существующей правовой реальности с правовым идеалом развития общества в целом.

Характерно, что изначально наиболее структурированные представления о политике права возникают не у последователей господствующего в дореволюционной юриспруденции позитивизма, а в среде его оппонентов.

В отношении С. А. Муромцева, одного из основоположников российской социологии права в конце XIX в., И. Б. Ломакина отмечает: «подвергнув критике наиболее эфемерные позитивистские постулаты о праве как функции государства, он обратил внимание научной общественности на необходимость изучения правового феномена через призму правоотношений» [10, с. 33]. Следствием данного подхода стало разделение «общего гражданского правоведения и гражданско-правовой политики» [12, с. 14], что подразумевало фиксирование значимости как законодательной политики, так и судебной политики.

А. В. Малько подчеркивает, что С. А. Муромцев рассматривал политику права в качестве прикладной науки, «задача которой заключалась в реформе существующего и создании нового права» [11, с. 12].

Л. И. Петражицкий в контексте психологической теории правопонимания также видел в политике права непосредственное прикладное значение. Он делал акцент на таких задачах политики права, как «рациональное направление индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации», «совершенствовании человеческой психики» [14, с. 8].

Позднее, в 1910 г., представитель юридического позитивизма Г. Ф. Шершеневич указывал на то, что политика права является одной из составляющих научной философии права наряду с общей теорией права и историей философии права [19, с. 24]. Вместе с тем он отмечал: «в настоящее время положения правовой политики создаются каждою наукою порознь... а потому не вытекают из общего плана, не объединены общею идеей» [19, с. 17]. Данный подход, признавая важность преодоления несогласованности действий по совершенствованию отдельных отраслей законодательства, в большей степени был ориентирован на точечные инновации, берущие свое начало в идеалах философии права.

Тем не менее важно отметить, что, несмотря на различное понимание задач политики права, все вышеперечисленные исследователи были убеждены в том, что политика права является универсальным средством для осуществления эволюционных преобразований российской правовой системы.

Вместе с тем политика права могла оказывать значимое влияние на формирование общественного мнения лишь при наличии необходимых инструментов по распространению соответствующих правовых взглядов по тем или иным социально значимым вопросам.

Рассматривая политику права в рамках социолого-правового подхода, целесообразным представляется проанализировать роль самого распространенного из средств массовой коммуникации конца XIX – начала XX в. – печати. Если в 1900 г. в Российской империи выходило 1002 издания, то уже в 1913 г. было напечатано 2915 изданий [4, с.88]. Отдельные из печатных изданий, в том числе периодические журналы, специализировались на правовой тематике.

Одним из ведущих журналов эпохи был «Вестник права» – журнал Юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. Содержание журнала было посвящено, в том числе рассмотрению недостатков отдельных норм действующего законодательства, анализу правотворческой деятельности государства, публикации передового иностранного опыта в сфере юриспруденции. На постоянной основе в «Вестнике права» выходили публикации таких авторитетных правоведов, как С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, И. А. Покровский, В. М. Гессен, велась полемика по актуальным вопросам внутрироссийской общественно-правовой повестки.

Отдельно следует выделить освещение на страницах журнала текущей деятельности Санкт-Петербургского юридического общества.

Например, один из наиболее авторитетных практикующих юристов эпохи, А. Ф. Кони, подчеркивая значимость деятельности Санкт-Петербургского юридического общества в части целенаправленного изучения вопросов народной правовой жизни, отмечал, что «закон не может быть резко оторван от народного правосознания» [6, с. 7].

Вместе с тем серьезная проблема для осуществления корректной оценки юридическим сообществом эффективности действующих правовых норм заключалась в достаточно невысоком уровне грамотности населения.

Например, по результатам проведенной Всероссийской переписи населения 1897 г. всего в стране грамотных было – 21, 1% населения [15, с. 308].

Притом, если в каждой трех прибалтийских губерний (Эстляндской, Лифляндской, Курляндской) уровень грамотности населения был выше 70%, в столичной Петербургской губернии – 55,1 %, то в Пензенской и Псковской губерниях – 14, и 14,6 % соответственно [15, с. 308–309].

В целях изменения сложившейся ситуации В. М. Гессен указывал на необходимость постепенного осуществления программы по организации всеобщего обязательного обучения в государстве, как первого шага «на пути социальных реформ» [1, с. 48], однако вплоть до революционных событий 1917 г. данное решение принято на правительственном уровне не было.

Таким образом, с учетом недостаточной доступности образования для подавляющей части населения, обусловленной фактическим сохранением сословных привилегий, под общественным мнением понималась, прежде всего, преобладающая позиция по определенному социально значимому вопросу в среде достаточно ограниченного круга лиц, представления же широких народных масс, как правило, менялись в зависимости от общей социально-политической обстановки в стране, что затрудняло формирование объективной и целостной картины жизни общества, необходимой для принятия своевременных решений в правовой сфере.

Другая проблема заключалась в недостаточном внимании Правительства к формулированию и отражению аргументированной государственной позиции по актуальным политико-правовым вопросам, т. е. к формированию общественного мнения «сверху».

Например, вскоре после издания «Манифеста 17 октября» членом совета Главного управления по делам печати С. С. Татищевым был подготовлен «Проект организации правительственной печати», предполагавший оказание влияния на общественное мнение посредством печати донесения позиции Правительства по тем или иным социально значимым вопросам [9, с. 33].

Вместе с тем данный проект не был реализован по причинам необходимости значительных расходов бюджета для переоборудования губернских типографий, нехватки квалифицированных управленческих кадров, сотрудников, длительности предполагаемой реформы [9, с. 35].

Фактически можно сделать вывод о том, что правящей элитой Российской империи недостаточное внимание уделялось коммуникативному процессу, который И. Л. Честнов называет «убеждение народных масс в легитимности» правовых инноваций [18, с. 817].

Таким образом, заинтересованность российских правоведов конца XIX – начала XX в. в политике права обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов.

Результаты судебной реформы Александра II, организация юридических обществ при университетах, широкое распространение зарубежных передовых научных идей, увеличение тиражей печати (в том числе специализированных юридических изданий) – все это сформировало благоприятные условия для конкуренции правовых взглядов и концепций с целью влияния на общественное мнение для их последующего закрепления государством.

Полагаем, что научные представления о политике права формировались в условиях смены парадигмы в российской дореволюционной юриспруденции, следствием чего стал плюрализм нескольких типов правопонимания в профессиональном юридическом сообществе, возрастание интереса к философскому осмыслению различных явлений общественной жизни.

В эпоху развитого модерна государственная правовая политика, известная в научном сообществе как «политика права», приобретает принципиально иной характер: усложнение социальных процессов сделало неэффективной ранее существовавшую модель монополии бюрократического аппарата на отбор правовых инноваций без целенаправленного взаимодействия с общественным мнением.

Вместе с тем правящей элитой Российской империи политика права рассматривалась преимущественно в качестве вспомогательного средства, призванного устранить наиболее явные недостатки правового регулирования, действенный механизм по взаимодействию власти и общественности по сути не был реализован.

Список литературы

1. Гессен В. М. Об обязательном обучении // Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1899. № 9. С. 40–84.
2. Иеринг Р. Борьба за право. СПб. : Вестник Знания, 1912. 71 с.
3. Исаков И. Н. Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
4. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд, перераб. и доп. М. : Акад. проект, 2006. 448 с.
5. Колесников И. В. К вопросу о роли конкуренции в теории естественного отбора // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. Вып. 1. С. 76–80.
6. Кони А. Ф. Труды и задачи Петербургского Юридического общества (Речь в юбилейном заседании Общества 23 февраля 1902 г.) // Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1902. № 3. С.1–27.
7. Кун Т. Структура научных революций : пер. с англ. / сост. В. Ю. Кузнецов. М. : Изд-во АСТ, 2003. 605 [3] с.

8. Лиска О. М. Учения о применении права в России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 197 с.
9. Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997. 133 с.
10. Ломакина И. Б. Социологические идеи в русле дореволюционного теоретико-правового дискурса // Криминалист. 2020. № 1 (30). С. 33–38.
11. Малько А. В. От политики права к правовой политике // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 11–23.
12. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К, 1879. 240 с.
13. Осипова Л. В. Влияние теории эволюции на формирование социологических концепций : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. 153 с.
14. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб. : Тип. Ю.Н. Эрлиха, 1905. 311 с.
15. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М. : Госстатиздат, 1956. 252 с.
16. Хасанов Д. Р. Правовая политика как предмет исследования дореволюционной отечественной юридической науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2 (73). С. 58–60.
17. Хольцендорф Ф. Роль общественного мнения в государственной жизни / пер с нем. яз. и ред. Н. Ф. Анненского. СПб. : Ф. Павленков, 1881. 139 с.
18. Честнов И. Л. Правовая политика в ситуации постмодерна // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 809–817.
19. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1910. 698 с.

УДК 347.623+392.3+316.356.2

Андреянова М. С., *Москва*

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация. Исследуются свадебные обряды жителей европейской части Российской империи, опровергается возможность их использования в качестве доказательства существования покупки невесты женихом у русских славян в VIII–XII вв.

Ключевые слова: покупка невесты женихом, древнерусский брак, свадебный обряд.

Andreyanova M. S., *Moscow*

WEDDING FOLKLORE AS EVIDENCE OF HISTORICAL AND LEGAL PHENOMENA

Abstract. Having studied the wedding rites of the inhabitants of the European part of the Russian Empire, the author refutes the possibility of using them as evidence of the existence of the bride's purchase by the groom among the Russian Slavs in the 8th–12th centuries.

Keywords: bride's purchase by the groom, old Russian marriage, wedding rite.

Введение

В свадебных обрядах жителей Российской империи ярко прослеживалась торговая символика, которая проявлялась в разных значениях, в частности, в качестве выкупа невесты женихом у ее родных.

Большинство историков права (М. Ф. Владимирский-Буданов, К. А. Неволин, С. М. Соловьев и др.), описывали три способа заключения брака, существовавшие в языческий период Древней Руси: умыкание невесты, ее покупка женихом и приведение невесты в дом жениха [1, с. 404–407; 5, с. 294–301; 9, стб. 62–67]. Одним из доводов существования покупки женихом невесты являлось утверждение о повсеместном существовании на территории России торговой символики в свадебных обрядах: именование жениха купцом, а невесты – товаром в обращениях сватов и свадебных песнях; обряд выкупа проезда к дому (входа в дом) невесты; обряд покупки у брата невесты места рядом с ней, обряд выкупа косы и (или) постели невесты и др. [18, с. 31–32].

В. Я. Шульгин поставил под сомнение существование у русских славян покупки невесты женихом, а торговую символику в свадебных обрядах объяснил культурным влиянием Золотой орды и западноевропейских народов в период XIII–XV вв. [19, с. 8–9].

Перед тем, как изложить результаты исследования, автор обращает внимание на методическую ошибку, которую допускали сторонники существования покупки невесты женихом. В качестве примеров они приводили обряды тех народов Российской империи, у которых покупка невест действительно была национальным обычаем до их вхождения в состав Российского государства. Общеизвестно, что Россия прирастала территориями постепенно, а не одномоментно. Вхождение в состав Российского государства народа, имевшего обычай покупки невесты (например, татар, башкир, кабардинцев, дагестанцев, ингушей, осетин, калмыков, бурят, якутов, манси (вогулов), самодийцевы (самоедов), эвенков (тунгусов) и др.), не влекло автоматически признание их обычая правовым обычаем всей России, скорее наоборот, их национальный обычай квалифицировался как неправомерное деяние, т. к. не соответствовал основам семейной нравственности, защищаемым Российским государствам. В связи с этим предмет исследования распадается на два направления. Если мы исследуем исторически свадебные обычаи всех народов, входивших в состав Российского государства на определенный момент времени (в статике), то действительно есть народы, у которых в прошлом имелся обычай покупки невесты женихом. В этом случае следует использовать понятие этнический (национальный) обычай конкретного народа. Но если мы исследуем семейные обычаи с точки зрения права, т. е. как правила поведения, исторически сложившиеся в семейных отношениях, которые признаются и охраняются Российским государством в качестве общеобязательного, то обычаи некоторых народов следует исключать из доказательственной базы, так как в силу территориальной удаленности или разрыва во времени они не могли быть обычаями русских славян. Например, в качестве доказательства исследователи приводили свадебные обряды жителей Енисейской губернии [18, с. 31, 48]. Действительно, у них существовал обряд по-

купки места рядом с невестой у ее брата и употреблялось слово *товар* в отношении невесты, но их невозможно использовать в качестве доказательства существования покупки женихом невесты в Древней Руси, т. к. эти территории находились на значительном расстоянии друг от друга, поэтому их происхождение от одного явления и взаимное культурное влияние друг на друга в VIII – начале XIII в. исключается.

В самих обращениях и особенно свадебных песнях есть слова, позволяющие определить влияние иностранной культуры на свадебные обряды жителей конкретной местности. Например, при продаже невесты девушки пели [14, с. 8, 131–132; 13, с. 599]:

Земля войска Донского

Братец-*татарин*
Продал сестру за *талер*,
Русу косу за полтину.

Червонная Русь

Ой татар-братчик, *татар*,
Продав сестру за *талар*,
Русу косу за *шостак*,
Быле лычко за такой так.
Вилсунься, брате, вид
сестры,
Сяде ближнийший нижлы
ты.

Смоленская губерния

Наши девки *татарки*,
пропили
Прасковью за чарки!

В этих песнях содержатся три слова-идентификатора: татарин, талер и шостак. Учитывая, что талер начал чеканиться в конце XV в. в Западной Европе, а шостак – с 30-х гг. XVI в. и имел обращение в Великом княжестве Литовском, то в этих песнях сведения о продаже невесты невозможно отнести к быту русских славян VIII – начала XIII в.

Результаты исследования

Как утверждали сторонники существования покупки женихом невесты, этот процесс состоял из двух этапов: предварительного договора и заключения брака.

На первом этапе жених или его родственники осматривали невесту как товар, что свидетельствует о том, что невеста была предметом сделки. Затем обсуждалась величина выкупа и срок совершения брака. Достигнув согласия, сват (отец) жениха и отец невесты били рука об руку (рукобитье), что подтверждало заключение сделки сторонами. В сумме, вносимой за невесту, различали действительную плату (вывод или кладка), получаемую отцом невесты, и обрядовую – выкуп, получаемый братом невесты или ее подругами. Впоследствии это нашло отражение в таких свадебных обрядах, как продажа родными невесты ее косы жениху, выкуп женихом у брата невесты места рядом с ней или ее сундука. Свадебные обряды больше напоминали торговые сделки: дружка и бояре выкупали невесту, а братья и другие ближайшие родственники торговались [6, с. 16].

Процедура заключения брака при покупке состояла только в передаче невесты жениху посредством: передачи символов власти над ней, или соединения рук молодых отцом невесты как продавцом дочери, либо жених сам

расплетал и заплетал косу невесты или подстригал ее волосы [6, с. 14; 14, с. 28–29].

Не все приведенные свадебные обряды являются доказательством существования покупки невесты в Древней Руси.

По мнению сторонников существования покупки невесты, рукобיתье свата и отца невесты после сговора и обряд передачи невесты жениху схожи с обрядом передачи вещи: сват и отец невесты били по рукам, захватив полу своего верхнего платья; отец обертывал руку белой шириною (платком, поллой своей одежды) брал дочь за руку и передавал ее жениху, который также принимал ее рукою, обернутою в ширинку (платок). Именно рукобיתье и передача невесты через полы верхней одежды сторон характеризовало их как куплю-продажу [2, с. 10–11].

Однако Н. Ф. Сумцов и А. В. Терещенко по-другому объяснили обертывание рук участников свадебного обряда: в понимании древнерусского человека голая или обнаженная рука ассоциировалась с бедной жизнью, а рука, обернутая шириною, платком, поллой своей одежды, – с богатством. Обычай возник вследствие сближения и отождествления понятий *голоого* и *бедного*. В XVIII в. в Курской губернии женщина для свадьбы имела «шубку длинный рукав», т. е. шубу, один рукав которой висел до земли. В Вятской губернии так объясняли этот обычай: «отец невесты подходит к свату и дает ему свою руку, завернув ее в полы своих азамов, означая этим, что у будущей молодой чety также будет толсто в руках всякого богатства, как велики и толсты азамы их отцов» [14, с. 607–608; 12, с. 27; 16, с. 461].

В опровержение указанного довода можно привести также обряды у малороссов Астраханской губернии и жителей Белоруссии. В первом случае молодые вступали в брак только по взаимному согласию, а невеста скрепляла договор родителей своим согласием посредством положения своей руки на руки отца и свата жениха во время рукобיתья. Во втором случае после венчания молодой пытался взять невесту за руку, но она отвечала: «Чтожь ты мяне бярьеш зь голыми руками?». В эту минуту сват набрасывал сзади на жениха и на плечо невесты шубу, и они подавали руки друг другу. Также в Белоруссии заручины оформлялись следующим образом: отцы жениха и невесты подавали друг другу руки, невеста и жених клали свои руки на их руки крестнакрест, а мать невесты своей рукой обхватывала все руки [14, с. 32; 17, с. 308, 334].

Свадебные обряды, символизирующие передачу власти над невестой от отца к мужу, также не являются бесспорными доказательствами существования покупки невесты женихом в Древней Руси.

Историки отмечают разные способы передачи невесты жениху. Например, отец невесты бил последнюю слегка плеткой, которую затем передавал жениху, а жених закладывал плетку за пояс (Великороссия и Западная Россия) либо сам молодой бил плетью жену по спине, приговаривая: «покидай нравы отца и матери, и привыкай к моим» (Малороссия); сам жених или его

сваха расплетали и заплетали косу невесты либо подстригали ее волосы; поскольку коса девушки была символом девственности, то, доверяя ее жениху, она подчиняла себя мужу (Архангельская, Вятская, Костромская, Нижегородской, Орловская, Олонецкая, Саратовской, Псковской губернии). Сюда же относится обряд разувания невестой жениха (Великороссия, Малороссия, Белоруссия), либо целование ног молодого новобрачной, что символизировало покорность жены мужу (Московская губерния); положение свадебного хлеба жениха поверх свадебного хлеба невесты (Великороссия и Белоруссия), прикрывание невесты полой платья жениха по окончании венчания (Московская губерния, Земля Донских казаков, Витебская губерния) [12, с. 28–29; 14, с. 182, 203, 271, 359, 539; 16, с. 385, 396–397, 467, 545, 560].

Описанные обряды существовали и при других способах заключения брака (в частности, приведении невесты в семью жениха), поскольку они оформляли не саму процедуру заключения брака, а лишь покорность молодой уже не отцу, а мужу [16, с. 418, 672].

В обрядах покупки проезда к дому (входа в дом) невесты и покупки у брата невесты места рядом с ней торговая символика являлась культурным наслоением на более древний обычай умыкания невесты.

Покупке проезда к дому (входа в дом) невесты предшествовало запираание ворот во дворе невесты или препятствие жениху ко входу в ее дом (в Саратовской и Симбирской губерниях, Кубанской области [4, с. 155, 162–163, 250; 14, с. 343–344, 465, 610]). Как отмечал Н. Ф. Сумцов, обыкновение запирать ворота перед поездом жениха встречалось в Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской губерниях, в Малороссии и Белоруссии. При этом исследователь данным обрядом доказывал существование умыкания невесты [12, с. 14, 16; 14, с. 201, 272, 465; 16, с. 381, 392, 438, 456–457, 544, 552, 597, 627, 633, 638, 644, 651, 653, 679, 688, 713; 17, с. 317].

При покупке у родственника невесты места рядом с ней продавец был вооружен реальным или притворным оружием (обнаженная сабля у малороссов, скалка, мутовка или ухват в Орловской, Саратовской и Симбирской губерниях, соломенный меч или палка-меч, на концах которой наверхены каравайные шишки и привязан платок, у малороссов Саратовской губернии, лапоть и лапотное шило в Саратовской губернии, плетка у Донских казаков) [4, с. 163; 14, с. 201, 344, 355, 517, 584, 613]. Вооружением брата невесты, охранявшим ее от жениха-похитителя, Н. Ф. Сумцов доказывал умыкание, а не продажу невесты [12, с. 17].

Появление в указанных обрядах торговой символики, скорее всего, связано с распространением денег как средства платежа среди простого населения (ремесленников и крестьян). В качестве аналогии можно привести ситуацию, имевшую место в современной России. До 90-х гг. XX в. молодоженам в качестве свадебных подарков гости преподносили вещи, а в настоящее

время в большинстве случаев дарят денежные средства. Связано это с насыщением рынка товарами разных производителей и свободой денежного обращения, что предоставляет молодоженам возможность самостоятельно выбрать вещи, необходимые им для совместного быта.

Теперь рассмотрим самый важный обряд – обряд выкупа косы, поскольку этот обряд непосредственно связан с супружеской жизнью. Коса и венок невесты являлись символом ее девственности.

Для начала необходимо отметить, что обрядовые действия с косой невесты осуществлялись не только при ее покупке, но и при умыкании и приведении невесты в семью жениха.

В Костромской губернии после покупки косы невесты сваха жениха подходила к ней и расплетала проданную косу. При этом сваха нарочно рвала косу, снимала с нее алую ленту и демонстративно разрывала ее. Этим самым уничтожалась девическая свобода. Невесту, находившуюся в слезах, утешали ее подруги [14, с. 172–174]. В Симбирской губернии сваха, заплетая молодой волосы на две косы, также немилосердно драла ее волосы [4, с. 168]. В Малороссии девушки пели о косе невесты [14, с. 520–521]:

Як розплетали и всю *порвали*,

Под очипок клали,

Усю *изорвали*,

Усю мою кисоньку *изорвали*.

В Кубанской области во время благословения невесту усаживали на посаде, около нее садился младший брат, и начинался выкуп косы: брат брал нож и водил тупой стороной ножа по косе, угрожая отрезать ее; дружка покупал невестину косу также за несколько копеек и бутылку водки [4, с. 248].

Однако Н. Ф. Сумцов обрядом притворного рванья косы доказывал существование свадебного обычая умыкания невесты: «с похищенной дѣвушкой не церемонились; съ нея срывали дѣвическія украшенія, ее спѣшили изнасиловать. Актъ изнасилованія выражался, между прочимъ, отрѣзываніемъ косы, дѣйствіемъ, имѣющимъ за собою чуть ли не такую же древность, как и жертвоприношеніе волосъ. В старинной малорусской пѣснѣ о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ отрѣзанная коса знаменуєть потерю дѣвственности» [12, с. 21].

У жителей Псковской, Олонецкой, Архангельской и Смоленской губерний отсутствовал обычай покупки невесты, а сам брак совершался путем приведения невесты в семью жениха. У первых по приезду священника в дом невесты подруга снимала венец с ее головы, а холостой родственник брал ее за обе руки, которыми она держала свою косу, и отнимал у нее: невеста плакала и долго сопротивлялась, но ее уговаривали родные. Когда она отдавала косу, тот же молодец расчесывал косу и надевал на голову жемчужный венец. После венчания на голову молодой надевали кокошник и повязывали платком, а косу заплетали надвое и укладывали ее под кокошник [14, с. 162–164; 16, с. 545]. В Архангельской губернии жених брал невесту за косу, целовал ее и, между тем, наступал ей на ногу, а затем дарил деньгами «на белила» [16,

с. 393]. В Смоленской губернии после венчания причесывали волосы молодой: с одной стороны плела косу сваха, с другой – жених; потом косы обматывали вокруг головы и повязывали молодую платком, как носят замужние женщины [16, с. 601]. В Олонецкой губернии обряд, аналогичный покупке постели невесты, совершался следующим образом: по раздаче подарков стелили молодым постель, на которую ложилась брюдга. Ее следовало одарить, чтобы она уступила постель; затем на ту же постель ложится дружка, которого надо было одарить. После одаривания на постель клали молодых [14, с. 227–228].

Таким образом, в данном обряде торговая символика являлась наслоением на более древний обычай.

Некоторые исследователи видели в покупке косы невесты западноевропейский обряд *morgengabe* (утреннего дара жениха невесте, преподносимого за ее девственность), который, в свою очередь, появился из права господина на первую ночь с невестой своего поданного.

Однако такой подход неприемлем по нескольким причинам. Во-первых, в обряде покупки косы невесты она расстается с символом своей девственности до первой брачной ночи супругов, в ходе которой муж мог установить, девственна ли его жена или нет.

Во-вторых, данный обряд сопровождался причитаниями невесты и песнями ее подруг о потере свободы и утрате воли (в Костромской, Орловской, Олонецкой губерниях, Малороссии) [8, с. 352–354, 373, 390; 14, с. 112, 129, 174, 203, 208, 209, 527–528]. Возникает вопрос: о какой свободе горюет невеста?

В-третьих, существование у русских славян права князя на первую брачную ночь с невестой своего поданного не доказано. В своем сочинении В. Н. Татищев, ссылаясь на раскольнический список Повести временных лет, который был утрачен при пожаре 1812 г., указал под 964 г.: «Тогдажь *отръши* Олга Княжее, а уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ какъ Князю, такъ боярину, отъ его поданного» [13, с. 45, 329]. Он предположил, что в этой записи содержится указание на обычай первой брачной ночи господина с невестой подданного. Но поскольку в других списках летописи и древнерусских источниках отсутствует упоминание об этом обычае, а смысл словосочетания *отреши княжее* доподлинно не известен, то предположение не нашло поддержку у большинства исследователей. В словаре древнерусского языка *отреци* = *отъреци* = *отречи*, *отреку* = *оторку* употребляется в значении запретить, а *кънѣжикъ* – в значении власть [10, стб. 1398; 11, стб. 761–762]. Возникает вопрос: при чем тут девственность невесты поданного?

На указанные выше два вопроса наиболее правдоподобное объяснение дал Н. И. Хлебников. Ссылаясь на наблюдения персидского историка и географа Хамдаллаха ибн Абу Бакр Мостоуфи Казвини: «У кого родился ребенок, мужеского или женского пола, тотъ получаетъ отъ царя содержаніе; когда же ребенокъ достигъ юношескаго возраста, государь женить его, буде онъ мальчикъ, и беретъ отъ отца его приданое, которое отдастъ отцу невѣсты; ибо

у нихъ – приданое платится впередъ... *Бракъ заключается по волѣ царя, а не по выбору.* Государь беретъ на себя всѣ издержки, и онъ тратится на свадьбу. Онъ нѣжный отецъ для своихъ подданныхъ», ученый утверждал, что старейшина (князь) рода, который в своих поступках руководствовался интересами рода, мог иметь право женить и выдать замуж членов своего рода, а наделение его правом первой брачной ночи со своей соплеменницей лишено всякого здравого смысла с точки зрения родовых интересов. Право старейшины рода как его главы определять судьбу его членов согласовывалось с интересами рода [15, с. 28–29]. Таким образом, княгиня Ольга отменила право старейшин рода определять судьбу своих подданных, заменив его свадебной пошлиной в пользу князя и боярина. Такое толкование в большей степени согласуется с содержанием причитаний невесты о потере свободы и воли.

Примечательно то обстоятельство, что в описании великокняжеских, княжеских и царских свадеб, свадебных обрядов у бояр и дворян XV–XVII вв. [3, с. 5–16, 168–179; 7, с. 6–116; 14, с. 47–106] не упоминается никакой торговой символики. Конечно, это объясняется высоким положением лиц, вступающих в брак, которые в большей степени следовали правилам православной церкви, чем простые люди.

Но при описании свадебных обрядов у купечества, свободных людей и крестьян Г. К. Котошихин сообщил: «Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные зговоры и чинъ бываетъ... такого жъ обычая, во всемъ; о толко въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ зъ дворянскимъ чиномъ рознитца, сколко кого станеть» [3, с. 175]. Изложенные им наблюдения заслуживают большего доверия, поскольку он был русским поданным, проживавшим в России в XVII в., а не иностранным путешественником, имевшим иное мировоззрение и сложности перевода, видевшим только внешнюю сторону супружеской жизни, а не ее внутреннее содержание. Г. К. Котошихин был образованным человеком, поскольку служил сначала писцом, а потом подьячим Посольского приказа, а потому в большей степени разбирался в правовых и государственных тонкостях. В отличие от этнографов XIX и XX вв. он был современником той эпохи, которую описал. В связи с этим вероятность искажения им фактического порядка или недопонимания сути свадебного обряда минимальна в отличие от описаний иностранцев и этнографов XIX и XX вв.

Выводы

Отсутствие в русских летописях и других письменных источниках упоминания купли невесты женихом при описании как семейных обычаев славян, так и частных случаев бракосочетания в том время, как имеются описания других способов заключения брака (умыкания невесты и приведения ее в семью жениха), а также неторговое значение приведенных выше обрядов, не позволяет использовать свадебные обряды, содержащие торговую символику, в качестве доказательства существования купли невесты женихом как способа заключения брака в Древней Руси.

Список литература

1. Владимирский-Буданов, Михаил Флегонтович. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 639 с.
2. Ефименко, Александра Яковлевна. Народные юридические воззрения на брак. [Б. м.] [Б. д.]. 45 с.
3. Котошихин, Григорий Карпович. О России в царствование Алексея Михайловича / со-врем. соч. Григория Котошихина. Изд. 3-е – Санкт-Петербург: издание Археогр. комис., 1884. [4], XXXVI, 196, XX с., [2] л. факс.
4. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 4: Юность и любовь. Свадьба: От сватовства до княжого стола. Москва: Художественная литература, 2001. 522, (3) с.
5. Неволин, Константин Алексеевич. История российских гражданских законов / К. А. Неволин. Москва: Статут; Консультант плюс, 2005-. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. Ч. 1. 2005. 588. [1] с.
6. Омелянчук, Светлана Владимировна. Формы и процедура заключения языческих браков в Киевской Руси // История государства и права. 2007. № 8. С. 14–17.
7. Сахаров, Иван Петрович. Сказания русского народа / собранные И. Сахаровым. Т. 2; Кн. 5: – Санкт-Петербург, 1849. 675 с.
8. Свадебные песни и обращения, собранные на территории Олонецкой губернии, пред-ставлены в работах П. Н. Рыбникова. // Рыбников, Павел Николаевич. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: Ч. 1–4. Народные былины, старины, побывальщины и песни / 4 т.; 26. Москва: тип. А. Семена, 1861–1867. Петрозаводск: Олонецкий губ. стат. ком., 1864. [4], 462, LXXI с.
9. Соловьев, Сергей Михайлович. История России с древнейших времен / С. М. Соло-вьев. 3-е изд. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. польза», 1911-. Кн. 1. Т. 1–5. История России с древнейшего периода до царствования Ивана. 1911. XIV, 1726 стб., [4]: ил., портр., факс.
10. Срезневский, Измаил Иванович : материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. А – К. Санкт-Петербург : издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912, 1893. IX, 1420 стб., 49 с.
11. Срезневский, Измаил Иванович : материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. Л – П. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912, 1902. 15, [4] с., 1802 стб.
12. Сумцов, Николай Федорович. О свадебных обрядах, преимущественно русских // [Соч.] Н. Ф. Сумцова. Харьков: тип. И. В. Попова, 1881. [4], 206, V с.
13. Татищев, Василий Никитич. История российская с самых древнейших времен. Кн. 2., 1773. [8], 536 с.
14. Терещенко, Александр Власевич. Быт русского народа / Соч. А. Терещенки. Ч. 1–7. Свадьбы / 7 т.; 24. Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1848. [2], 619 с.
15. Хлебников, Николай Иванович. Общество и государство в до-монгольский период русской истории / соч. Н. Хлебникова. Санкт-Петербург: тип. А. М. Котомина, 1872. XXII, 512, [15] с.
16. Шейн, Павел Васильевич. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 2. СПб., 1900. 493 с.
17. Шейн, Павел Васильевич. Белорусские народные песни с относящимися к ним обря-дами, обычаями и суевериями: с прил. объясн. словаря и грамматиц. примеч: Сб. П. В. Шейна. Санкт-Петербург: тип. Майкова, 1874. [4], 566 с.
18. Шпилевский, Сергей Михайлович. Семейные власти у древних славян и германцев / [Соч.] Сергея Шпилевского. Казань: Унив. тип., 1869. [2], 388, X с.
19. Шульгин, Виталий Яковлевич. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Ис-торическое исследование Виталия Шульгина. Выпуск I. Киев, 1850. 78 с.

УДК 341.231.14

Антропов Р. В., Чита

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В НЕМЕЦКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ДИСКУРСЕ: МЕЖДУ ДОСТОИНСТВОМ И БИОПОЛИТИЧЕСКИМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ

Аннотация. Предпринимается попытка антропологического анализа немецкого конституционного дискурса прав человека, который структурируется вокруг двух полюсов: абсолютного принципа человеческого достоинства, закрепленного в ст. 1 Основного закона ФРГ, и практик биополитического регулирования, неизбежно предполагающих градуализацию, взвешивание и релятивизацию защиты. Обосновывается тезис о том, что антропологическая структура немецкого конституционализма представляет собой динамическое равновесие между субстанциалистским пониманием достоинства как «верховного конституционного принципа» и процессуальным, этапным подходом, открывающим пространство для биополитических различий. Особое внимание уделяется трансформации классической «объектной формулы» в контексте развития биомедицины и изменения представлений о начале и конце человеческой жизни.

Ключевые слова: человеческое достоинство, Основной закон ФРГ, биополитика, Федеральный конституционный суд, эмбриональная защита, «объектная формула», антропология права.

Antropov R. V., Chita

HUMAN RIGHTS ANTHROPOLOGY IN GERMAN CONSTITUTIONAL DISCOURSE: BETWEEN DIGNITY (WÜRDE) AND BIOPOLITICAL REGULATION

Abstract. This article attempts an anthropological analysis of German constitutional human rights discourse, which is structured around two poles: the absolute principle of human dignity (Würde), enshrined in Article 1 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany, and practices of biopolitical regulation, which inevitably presuppose the gradualization, weighing, and relativization of protection. The article substantiates the thesis that the anthropological structure of German constitutionalism represents a dynamic equilibrium between a substantialist understanding of dignity as the “supreme constitutional principle” and a procedural, “stage-by-stage” approach that opens space for biopolitical distinctions. Particular attention is paid to the transformation of the classical “object formula” in the context of the development of biomedicine and changing ideas about the beginning and end of human life.

Keywords: human dignity, Basic Law of the Federal Republic of Germany, biopolitics, Federal Constitutional Court, embryonic protection, “object formula”, anthropology of law.

Немецкий конституционный порядок представляет собой уникальный случай юридической объективации антропологических оснований политической общности. Статья 1(1) Основного закона ФРГ (нем. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, сокр. GG) провозглашает: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти» [6]. Эта норма, помещенная в самую сердцевину конституции и защищенная «вечной оговоркой» (Art. 79(3) GG), является не просто одним из основных прав, но «верховным конституционным принципом», структурирующим всю правовую систему. Как отмечает Гюнтер Дюриг (Günther Dürig) в своем классическом комментарии Основного закона ФРГ,

достоинство понимается как «интеграция фундаментальной этической ценности» в позитивное право, как «высший учредительный принцип всего права». Гюнтер Дюриг наиболее известен своей работой над комментарием Маунца/Дюрига (Maunz/Dürig), который до сих пор остается авторитетным стандартным комментарием к Основному закону (GG). Его имя неразрывно связано с догматическим толкованием человеческого достоинства (статья 1, пункт 1 GG).

Однако именно эта абсолютность принципа становится источником напряженности. В последние десятилетия немецкий конституционный дискурс переживает фундаментальный сдвиг: от субстанциалистского понимания достоинства, принадлежащего человеку в силу его видовой принадлежности, к градуалистскому подходу, допускающему дифференциацию защиты в зависимости от стадии развития, социальной ситуации или даже видовой принадлежности. Этот сдвиг, как будет показано в статье, отражает более глубокую антропологическую трансформацию: субъект права перестает рассматриваться как предзаданная конституционная константа и все чаще становится объектом биополитического регулирования.

Антропологические основания статьи 1 GG коренятся в историческом опыте нацизма. Учредительный акт Основного закона 1949 г. был направлен на создание конституционного порядка, способного противостоять любой форме государственного произвола и инструментализации человека. Как отмечается в литературе, именно в свете нацистского прошлого «неприкосновенность человеческого достоинства и представляемая им высшая конституционная ценность стали фундаментом немецкой конституции» [2]. Человеческое достоинство мыслилось как догосударственное, предпозитивное основание, которое государство не может ни даровать, ни отменить.

Действительно, немецкий конституционный дискурс занимает уникальное место в западной правовой традиции. Опыт национал-социализма привел к радикальному антропологическому разрыву. Если Веймарская конституция 1919 г. основывалась на либеральной идее «человека как носителя прав» в рамках государственного суверенитета, то Основной закон 1949 г. помещает «достоинство человека» (нем. Menschenwürde) в центр правовой системы. Однако, как показывает современный дискурс, провозглашение абсолютного достоинства не отменяет необходимости управления жизнью. Напротив, немецкая правовая система выработала сложный механизм балансирования между этическим императивом защиты Würde и биополитическими техниками регулирования жизни населения. Цель данной статьи – показать, как эти две парадигмы сосуществуют и конфликтуют в решениях Федерального конституционного суда и академической доктрине.

Философской основой немецкой концепции достоинства является этика Иммануила Канта. В «Метафизике нравов» Кант утверждает, что человек обладает Würde (абсолютной внутренней ценностью), поскольку он способен к

моральной автономии. Человек не имеет цены (нем. Preis), он находится вне рыночных и утилитарных отношений.

Гюнтер Дюриг, чей комментарий к статье 1 на протяжении десятилетий определял судебную практику, развил понимание достоинства через знаменитую «объектную формулу» (нем. Objektformel): достоинство нарушается там, где «человек низводится до объекта, до простого средства, до заменяемой величины». Эта формула, как указывает Эрнст-Вольфганг Бекенферде, воплощала «интеграцию догосударственного этического содержания в позитивное право» [3].

Классическое понимание достоинства в немецком конституционном дискурсе может быть охарактеризовано как субстанциальное: достоинство принадлежит человеку в силу его бытия, а не в силу его актуальных способностей. Дюриг подчеркивал: «Каждый человек есть человек в силу своего духа, который отличает его от безличной природы и дает ему возможность по собственному решению осознавать себя, быть самоопределяющимся и формировать себя и свое окружение». Однако решающим оказывается нереализованность этой способности, а «равная абстрактная возможность», потенциальность человеческого бытия.

Этот подход распространяется и на нерожденную жизнь. В решениях Федерального конституционного суда – BVerfG (нем. Das Bundesverfassungsgericht, сокр. BVerfG) последовательно проводится позиция: человеческое достоинство присуще жизни с момента ее возникновения. Суд указывает: «Там, где существует человеческая жизнь, ей присуще человеческое достоинство; не имеет решающего значения, осознает ли носитель это достоинство и умеет ли сохранить его самостоятельно. Потенциальные способности, присущие человеческому существованию с самого начала, достаточны для обоснования человеческого достоинства». Эта позиция создает конституционную основу для широкой защиты эмбриона, ограничивая возможности биомедицинских исследований.

Это положение является основополагающим нормативным утверждением Федерального конституционного суда Германии относительно человеческого достоинства: статья 1, пункт 1 Основного закона (нем. Art. 1 Abs. 1 GG). В нем говорится, что человеческое достоинство обусловлено самим биологическим существованием человеческой жизни, независимо от сознания, познавательных способностей или способности к самоопределению.

Вот ключевые моменты этого толкования права:

- «Внутренняя ценность» (нем. “Inhärenter Wert”): достоинство не является дарованным правом, а присуще человеку как таковому;
- «Объектная формула» (нем. “Objektformel”): человек никогда не может быть сведен к простым объектам государственной деятельности;
- «Абсолютная защита» (нем. “Absoluter Schutz”): эта защита применяется независимо от «качества жизни», состояния здоровья или возраста, т. е. даже до рождения или в случаях бессознательного состояния;

– «Следствие» (нем. “Konsequenz”): достоинство неприкосновенно и не может быть сопоставлено с другими правовыми интересами;

Это положение разъясняет, что достоинство существует независимо от индивида и в равной степени принадлежит каждому человеку.

Федеральный конституционный суд Германии – BVerfG в своей судебной практике подтверждает, что человеческое достоинство (статья 1, пункт 1 Основного закона) присуще нерожденной жизни. Суд утверждает, что защита человеческого достоинства начинается не с момента рождения, а до рождения. Эта защита распространяется на нерожденную человеческую жизнь как на индивидуальное человеческое существование с момента зачатия [9].

Начиная с 2000-х гг. немецкий конституционный дискурс сталкивается с вызовами, подрывающими субстанциальную антропологию. Этот дискурс поставил вопрос: может ли достоинство быть взвешено против других конституционных ценностей, таких как жизнь многих людей?

Так, в области защиты эмбриона и стволовых клеток биополитическое регулирование достигает своей кульминации. Немецкое законодательство, в частности Закон о защите эмбрионов – ESchG (нем. Das deutsche Embryonenschutzgesetz, сокp. ESchG) от 13 декабря 1990 г. жестко регулирует обращение с человеческими эмбрионами, особенно в контексте экстракорпорального оплодотворения [7]. Он запрещает исследования эмбрионов, донорство яйцеклеток, суррогатное материнство и клонирование, а также защищает зародышевую линию от искусственных изменений. Его цель – всесторонняя защита жизни будущего ребенка. «Закон о стволовых клетках» – StZG (нем. Das deutsche Stammzellgesetz, сокp. StZG) от 28 июня 2002 г. регулирует импорт и использование человеческих эмбриональных стволовых клеток [8]. В целом он запрещает их использование, но допускает исключения при строгих условиях (правило предельной даты), позволяющие проводить исследования и одновременно защищать эмбрионы) закрепляет сложную систему запретов и исключений. Как отмечает известный немецкий юрист, профессор публичного права в Боннском университете Клаус Фердинанд Гердиц (Klaus Ferdinand Gärditz), с конституционной точки зрения отнюдь не очевидно, что исследования с (эмбриональными) стволовыми клетками должны быть запрещены по немецкому праву или же допустимость остается политическим вопросом. Гердиц утверждает, что абсолютный запрет на исследования эмбриональных стволовых клеток не обязательно вытекает из Основного закона. Он ставит под сомнение конституционность существующих ограничений. Его позиция является частью сложной дискуссии о достоинстве эмбриона, исследовательском потенциале и обязанности государства защищать его.

Федеральный конституционный суд – BVerfG провел важные различия. С одной стороны, создание эмбрионов для исследовательских целей признается несовместимым с человеческим достоинством, поскольку «превращает человеческую жизнь в объект внешнего распоряжения». С другой

стороны, использование «избыточных» эмбрионов, которые не имеют перспективы развития, может быть допустимо: «Таким образом, бедный эмбрион, трагически оказавшийся в чашке Петри обреченным на смерть (или на вечную заморозку), может быть использован на благо научных исследований без нарушения его достоинства».

Эта логика создает «этапную» модель защиты: чем менее жизнеспособен эмбрион и чем меньше его шансы на имплантацию, тем слабее притязания на защиту достоинства. Как отмечает Бекенферде (Böckenförde), такая позиция ведет к «отделению притязания на достоинство от защиты достоинства», что в конечном итоге «относит и абсолютность человеческого достоинства» [3].

Биополитическое регулирование проявляется не только на «входе» в жизнь (защита эмбриона), но и на протяжении всего жизненного пути. Исследование Анне Ретель о телесном самоопределении показывает, как немецкое право конструирует градуализированные режимы автономии для различных категорий лиц: пациентов, детей, лиц с ограниченной дееспособностью. Ретель выделяет три последовательные стадии развития правовой доктрины: патриархальную, сменившуюся патерналистской, а затем партиципаторной стадией. На современном этапе «воля и субъективное благополучие затронутого лица выходят на первый план, связанные с субъективно-стандартизированными процедурами принятия решений, включающими право быть выслушанным и право знать» [10]. Однако и эта модель не отменяет базового антропологического различия: существуют «нормальные» взрослые, обладающие полной телесной автономией, и «особые» категории, чье самоопределение подвергается ограничениям.

Дискуссия о начале человеческого достоинства достигла особой остроты в контексте назначения судей Федерального конституционного суда в 2025 г. Кандидат Фрауке Брозиус-Герсдорф (Frauke Brosius-Gersdorf), профессор публичного права, утверждала: «Предположение о том, что человеческое достоинство применяется везде, где существует человеческая жизнь, является биолого-натуралистической ошибкой. Человеческое достоинство и защита жизни юридически разъединены» [5]. Это заявление вызвало резкую критику со стороны христианско-демократического союза, который рассматривает «неотъемлемое достоинство человека на каждой стадии его развития» как одну из своих ценностей. В итоге кандидатура была отозвана, что свидетельствует о сохраняющейся силе субстанциальной антропологии.

На другом полюсе биополитического спектра находится вопрос о конституционных правах животных. В 2019 г. организация PETA подала конституционную жалобу от имени поросят, подвергавшихся кастрации без анестезии. Целью было признание животных носителями основных прав и запрет на продление срока кастрации без анестезии. Жалоба утверждала нарушение права на жизнь и физическую неприкосновенность (Art. 2(2) GG) и, по аналогии, человеческого достоинства (Art. 1(1) GG) [11]. И хотя Федеральный конституционный суд отказался принимать жалобу к рассмотрению (жалоба

была отклонена в 2021 г.), сам факт постановки вопроса знаменателен. Как отмечается в комментариях, «с вопросом о том, могут ли нечеловеческие существа быть носителями основных прав, Федеральный конституционный суд еще не сталкивался». В немецкой правовой доктрине обсуждаются возможности расширительного толкования ст. 19(3) GG (применение основных прав к «отечественным юридическим лицам») или прямой конституционной реформы по образцу Эквадора, где права природы закреплены в конституции.

Этот дискурс ставит фундаментальный антропологический вопрос: является ли достоинство исключительно человеческим свойством или же может быть распространено на другие формы жизни? Статья 20a GG (введенная в 1994 и дополненная в 2002 г.) обязывает государство «защищать естественные основы жизни и животных», однако остается открытым вопрос о субъектности этой защиты.

Одним из самых показательных решений стало рассмотрение Закона об авиационной безопасности (нем. *Luftsicherheitsgesetz*, сокр. *LuftSiG*) 2005 г., который позволял сбивать захваченный террористами пассажирский самолет, если он направлялся на объект массового скопления людей [4] (Дело об авиационном законе: *BVerfGE* 115, 118) [1]. Закон о безопасности воздушного движения – *LuftSiG* является центральной правовой основой в Германии для предотвращения нападений на безопасность гражданской авиации. Он вступил в силу 15 января 2005 г., и на его принятие существенно повлияли события 11 сентября 2001 г. Однако *BVerfG* признал эту норму неконституционной (§ 14, п. 3 Закона о воздушной безопасности). Аргументация суда была строго антропологической: сбивая самолет с пассажирами, государство обращается с ними исключительно как с объектами (объекты спасения), лишая их субъектности и, следовательно, достоинства. Даже ради спасения большего числа жизней (биополитическая логика утилитаризма) нельзя инструментализировать невинных людей. Суд выбрал *Würde* в противовес био-политической арифметике.

Проведенный анализ позволяет выявить ключевую антропологическую структуру немецкого конституционного дискурса: динамическое равновесие между субстанциалистским пониманием достоинства и процессуальным, градуалистским подходом.

Возможно, выход из этого напряжения лежит в различении двух уровней: уровня принципа (абсолютное достоинство как конституционная аксиома) и уровня применения (градуализированная защита, учитывающая конкретные обстоятельства). Однако, как показывает практика, это различие постоянно нарушается, и вопрос о том, кто именно обладает достоинством и в каком объеме, остается центральной антропологической апорией немецкого конституционализма.

В конечном счете, немецкий конституционный дискурс демонстрирует, что правовая антропология не является раз и навсегда заданной, но постоянно переопределяется в пространстве между метафизическим обоснованием и

биополитическим регулированием. Исход этой борьбы определит не только будущее немецкого права, но и более широкое понимание того, что значит быть человеком в эпоху технологической трансформации природы человека.

Таким образом, антропология прав человека в немецком конституционном дискурсе представляет собой сложный гибрид. С одной стороны, послевоенный конституционный дизайн сознательно выстроил «этический бастион» – абсолютное достоинство (*Würde*), которое служит нормативным щитом против инструментализации человека, память о которой жива благодаря историческому опыту тоталитаризма.

С другой стороны, функциональные требования современного государства всеобщего благосостояния и безопасности неизбежно порождают биополитическое регулирование. Государство вынуждено управлять рождаемостью через преимплантационную генетическую диагностику – PID (нем. *Präimplantationsdiagnostik*, сокр. PID), здоровьем, рисками и смертью. Сценарий государственного контроля рождаемости посредством PID затрагивает фундаментальные этические и социальные вопросы. В таком мире репродукция превратится из частного решения в управляемый процесс.

Главная особенность немецкого подхода заключается в том, что он не отказывается ни от одной из этих парадигм. Конституционный суд выполняет роль стража порога: он допускает биополитическое регулирование (медицина, безопасность), но в тех случаях, когда регулирование грозит превратить человека в простой объект или поставить его в ситуацию «голой жизни» (в философии Джорджо Агамбена), он апеллирует к неприкосновенности *Würde*. Эта диалектика между *Würde* и биополитикой составляет суть современного немецкого конституционализма, предлагая уникальную, хотя и противоречивую, модель защиты прав человека в эпоху технологической и политической трансформации.

Список литературы

1. Abschlussermächtigung im Luftsicherheitsgesetz nichtig // Bundesverfassungsgericht: [сайт] [2026]. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2006/bvg06-011.html#:~:text=%C2%A7%2014%20Abs.,dem%20Grundgesetz%20unvereinbar%20und%20nichtig> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Battis U., Edenharter A. Einführung in das Verfassungsrecht: Staatsorganisationsrecht und Grundrechte. Berlin : De Gruyter, 2025. 584 S..
3. Böckenförde E. -W., Künkler B. M., Stein T. Will Human Dignity Remain Inviolable? // Oxford Academic: [сайт] [2026]. URL: <https://academic.oup.com/book/31898/chapter-abstract/267573477?redirectedFrom=fulltext&login=false> (дата обращения: 11.03.2026).
4. Das Luftsicherheitsgesetz (LuftSiG) // Gesetze-im-internet: [сайт] [2026]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/luftsig/> (дата обращения: 21.03.2026).
5. Erklärung von Frauke Brosius-Gersdorf im Wortlaut // Deutschlandfunk: [сайт] [2026]. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/erklaeung-von-frauke-brosius-gersdorf-100.html> (дата обращения: 21.03.2026).
6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Gesetze-im-internet: [сайт] [2026]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 11.03.2026).

7. Gesetz zum Schutz von Embryonen (Embryonenschutzgesetz – ESchG) // Gesetze-im-internet : [сайт] [2026]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html> (дата обращения: 21.03.2026).

8. Gesetz zur Sicherstellung des Embryonenschutzes im Zusammenhang mit Einfuhr und Verwendung menschlicher embryonaler Stammzellen // Gesetze-im-internet : [сайт] [2026]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stzg/> (дата обращения: 25.03.2026).

9. Öffentliche Anhörung im Rechtsausschuss des Deutschen Bundestages am 10. Februar 2025. // Bundestag: [сайт] [2026]. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/1049772/Stellungnahme-Brosius-Gersdorf.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

10. Röthel A. Körperliche Selbstbestimmung. Dogmen, Diskurse, Deutungen. Frankfurt am Main: Klostermann, Vittorio, 2024. 332 S.

11. Tierschutz: Sind Tiere auch nur Menschen? // Zeit : [сайт] [2026]. URL: <https://www.zeit.de/2019/48/tierschutz-peta-ferkel-kastration-schmerzfreiheit-grundrecht-verfassungsbeschwerde> (дата обращения: 27.03.2026).

УДК 342.721:004

Клещёнок Ю. М., Шатилов С. П., *Новосибирск*

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Исследуются проблемы защиты частной жизни в эпоху цифровизации. Рассматриваются последствия внедрения новых технологий и платформ для сохранности персональных данных. Изучаются процессы обработки личной информации и возможные угрозы правам пользователей в цифровой среде.

Ключевые слова: право на неприкосновенность частной жизни, цифровые технологии, персональные данные, защита информации, законодательство, ответственность, риски, безопасность.

Kleschenok Y. M., Shatilov S. P., *Novosibirsk*

THE PROBLEM OF REALIZING THE RIGHT TO PRIVACY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The article is devoted to the problems of privacy protection in the era of digitalization. It examines the consequences of introducing new technologies and platforms for the safety of personal data. The processes of processing personal information and possible threats to users' rights in the digital environment are investigated.

Keywords: Right to privacy, digital technologies, personal data, information protection, legislation, responsibility, risks, and security.

С переходом человечества в постиндустриальную эпоху процесс цифровизации интенсивно внедряется в общественную жизнь. Сам термин «цифровизация» сегодня используется двояко – в узком и широком значениях. В узком понимании цифровизация означает перевод различных видов информации в цифровой формат, что способствует сокращению издержек и открывает дополнительные перспективы. Широкий же смысл подразумевает цифровизацию как перспективную тенденцию мирового масштаба, определяющую развитие современного общества.

Цифровизация представляет собой не только современную форму передачи информации, но и «широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни» [3, с. 29].

Исследование механизмов защиты юридических прав в условиях современного цифрового мира становится актуальным благодаря следующим основным факторам: усилению процессов цифровизации, вопросам киберзащиты и рискам утраты персональных сведений, недостаточной эффективности действующего правового регулирования, значимости цифровой сферы для общественного прогресса.

Право на неприкосновенность частной жизни – это одно из основных прав человека, закрепленное в Конституции РФ и международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека и Европейская конвенция о защите прав человека. Оно включает в себя защиту от несанкционированного доступа к личной информации, право на тайну переписки и охрану личной жизни от вмешательства со стороны государства и третьих лиц. Однако в условиях цифровизации это право сталкивается с новыми вызовами, которые требуют переосмысления его границ и содержания [10].

Цифровая эпоха приносит не только преимущества, но и значительные вызовы. С одной стороны, инновационные технологии значительно улучшают повседневную жизнь, предлагая удобства вроде голосовых помощников, интеллектуальных домов и умных часов, повышают качество государственного управления и ускоряют предоставление общественных сервисов. Развитие городских систем видеонаблюдения помогает правоохранительным органам эффективно предотвращать и раскрывать преступления. Однако, с другой стороны, цифровая среда создает угрозу праву каждого гражданина на личную тайну, поскольку облегчает несанкционированный доступ к личным сведениям. Таким образом, важнейшей задачей государства сегодня является гарантированная охрана приватности, надежная защита конфиденциальной информации и минимизация угроз незаконного вмешательства в личное пространство граждан. Уровень гарантированности и обеспечения прав в цифровой сфере требуют комплексного подхода, сочетающего законодательство, контроль, судебную защиту, общественную активность и международное сотрудничество [14, с. 112].

Современные информационно-телекоммуникационные технологии позволяют своевременно и в полной мере информировать граждан о деятельности органов публичной власти, учитывать их предложения и интересы, предупреждать некоторые правонарушения и др. [7, с. 97–102]. Цифровые технологии создают новые возможности для развития экономической, социальной и иных сфер, но при этом одновременно несут соответствующие проблемы и риски, как в части реализации прав и свобод личности, так и для государства в целом [1, с. 53–58].

Цифровые платформы и социальные сети представляют угрозу для сохранения чести, достоинства и профессиональной репутации. Свободное использование злоумышленниками технологий слежения, ИИ для анализа персональных данных, информационного контроля в отношении неопределенного круга лиц и т. д. свидетельствуют о неэффективности защиты личной информации и необходимости выработки актуальных подходов к охране частной жизни. Фейки, уничижительные высказывания и распространение недостоверных сведений способны мгновенно распространяться, вызывая серьезные негативные последствия. Изучение судебных решений свидетельствует о трудностях привлечения виновных лиц к ответственности вследствие широкой анонимности пользователей и большого числа ненастоящих аккаунтов в онлайн-пространстве.

В цифровой среде любые личные сведения о лице являются источником потенциальной опасности для его частной жизни, поскольку открытость сети Интернет и электронных баз данных позволяет накапливать, обрабатывать и хранить большой запас персональной информации всех граждан [15, с. 91–92]. Передача сообщений онлайн значительно отличается от классических форм коммуникации: большинство пользователей получают доступ к сетевым ресурсам опосредованно, посредством посредников – поставщиков услуг связи. Электронное сообщение преодолевает цепочку промежуточных серверов, каждый из которых способен влиять на передачу данных, включая получение содержимого письма и сопутствующей информации. Таким образом, виртуальная среда увеличивает вероятность нарушения тайны коммуникаций, расширяя право на защиту личной жизни дополнительными элементами, обусловленными активностью в интернете.

В условиях цифровой трансформации появляются новые правовые категории и концепции. Так, термин «глобальные права человека» отражает возможности пользователей свободно обмениваться информацией в цифровом пространстве. Понятие «цифровая ответственность» обладает рядом специфических характеристик:

- личность правонарушителей часто остается неизвестной благодаря возможностям анонимизации, предоставляемым современными технологиями;
- иногда отсутствует прямая юридическая связь между индивидуумом и государством при применении наказаний;
- влияние технологий искусственного интеллекта, программного обеспечения и интернет-сервисов заключается скорее в санкционировании действий путем автоматических алгоритмов, нежели традиционным применением норм закона.

Представляется, что к основным проблемам в данной области следует относить: уязвимость безопасности персональной и иной личной информации граждан, совершение правонарушений посредством использования со-

временных информационных технологий, возможное нарушение неприкосновенности частной жизни, охраняемой законом тайны посредством использования технологий фото-, видеонаблюдения и звукозаписи, возможные ошибки в работе таких информационных систем, недостаточная информатизация граждан.

Первой серьезной проблемой правовой защиты прав и свобод граждан в эпоху цифровизации является слабая безопасность персональных данных. Хотя федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает базовые правила обработки таких данных, на деле часто случаются утечки, нарушающие права граждан. Расследования подобных правонарушений оказываются крайне затруднены.

Особую остроту сохраняет проблема совершения правонарушений посредством использования современных информационных технологий [14, с. 5–17]. Отрицательные последствия нарушений закона создают серьезную опасность для общественной и государственной безопасности. Среди таких последствий выделяются получение нелегального доступа к персональным данным, мошеннические действия, распространение ложной либо унижающей человеческое достоинство информации, незаконная торговля наркотиками и психотропными средствами, нанесение оскорблений, угрозы серьезных преступлений, шантажи и прочие противоправные деяния.

Еще одной из актуальных проблем в эпоху быстрого развития искусственного интеллекта является использование изображений и голосовых данных без согласия лица. Технологии глубинного обучения позволяют создавать поддельные изображения и аудиозаписи, что ставит под угрозу право на изображение и право на голос. В России в настоящее время отсутствует механизм привлечения к ответственности за создание и распространение deepfake-контента без согласия лица.

Одним важным юридическим вопросом в сфере цифровизации выступает угроза нарушения права на частную жизнь из-за внедрения технологий фото- и видеоконтроля, аудиозаписей. Когда использование этих инструментов предусмотрено законом и направлено против преступности, коррупции или террористической активности, оно оправдано и выгодно обществу и государству. Однако вне указанных ситуаций подобные меры способны нарушать личные права граждан, что недопустимо.

Отсутствие ясных и однозначных критериев, определяющих границы законного вмешательства в личную сферу, существенно осложняет положение дел. Люди рискуют оказаться в обстоятельствах, при которых их персональные сведения применяются без предварительного уведомления и одобрения, что представляет собой грубое нарушение фундаментальных прав личности. К примеру, факты неправомерного использования медицинской информации граждан в целях извлечения прибыли становятся причиной широкого общественного возмущения и настоятельно диктуют необходимость введения жестких правовых рамок защиты конфиденциальности [11].

Особое значение имеет осознание государственными структурами и гражданским обществом факта, что в ближайшие годы значительно возрастут риски, обусловленные прогрессом виртуальных технологий и искусственного интеллекта, используемых злоумышленниками, ухудшением доступности цифровых ресурсов («цифровой разрыв»), усилением конкуренции в информационной сфере («информационные войны») и изоляцией отдельных государств в цифровом пространстве. Также появятся новые угрозы конфиденциальности личной информации и сохранности персональных данных, включая сбор обширных цифровых следов и внедрение биометрических технологий.

Также особое внимание в правовой сфере цифрового пространства уделяется вопросам киберправа и борьбы с киберпреступностью. Эти проблемы связаны преимущественно с правонарушениями, осуществляемыми посредством компьютерных и информационных технологий. Национальное законодательство зачастую отстает от темпов развития цифровых угроз. Пользователи остаются уязвимы перед онлайн-мошенничеством, а государство не всегда оперативно принимает меры противодействия таким преступлениям. Международная конвенция о борьбе с киберпреступностью воспринимается неоднозначно, вызывая сомнения и критику среди общественности и властей.

Хотя цифровая трансформация российского и мирового сообщества в основном носит позитивный характер, следует признать, что неконтролируемый процесс цифровизации, игнорирующий потенциальные опасности, социальные и культурные различия, способен привести к возникновению и усугублению угроз безопасности как на индивидуальном уровне (ущемление прав, свобод и законных интересов граждан), так и на государственном уровне (ослабление информационной, экономической безопасности и национального суверенитета).

Несмотря на внедрение новейших цифровых технологий и провозглашение Конституции РФ широкого спектра прав и свобод, сохраняется проблема недостаточной юридической защищенности личности. Для решения этой ситуации необходима разработка концепции дальнейшего совершенствования российского правового поля, направленного на обеспечение надежной защиты прав человека в цифровой среде.

В научной среде появился термин «цифровые права человека», означающий основные права и свободы, защищаемые международными нормами и закрепленные в конституциях стран с демократическим устройством. Государства обязаны не только признать эти права, но и обеспечить механизмы их реализации и защиты.

Чтобы эффективно решать вопросы осуществления и охраны гарантированного Конституцией права каждого гражданина на сохранение тайны своей личной сферы в эпоху активной цифровизации, необходимо в первую очередь создать адекватную нормативно-правовую базу. Прежде всего важно законодательно закрепить четкое понимание ключевых терминов, включая

определение самого понятия «частная жизнь». Сегодня среди ученых-юристов отсутствует единое мнение относительно базовых принципов, определяющих содержание частной жизни индивида [7, с. 72–75], а существующие научные интерпретации сильно различаются друг от друга [6, с. 95–99].

Эра цифровых технологий существенно затрудняет обеспечение права на неприкосновенность частной жизни, так как современные устройства способны накапливать, сохранять и обрабатывать значительные массивы персональных сведений. Хотя существуют законы, контролирующие применение личной информации, реальные события свидетельствуют о том, что некоторые учреждения неправомерно используют доступ к личным данным, игнорируя право граждан на тайну. Важными становятся вопросы киберугроз, наблюдения, раскрытия секретных данных и вторжения в личное пространство через цифровые инструменты связи.

Существенным аспектом защиты права на неприкосновенность частной жизни выступают уголовно-правовые гарантии, эффективность которых в условиях цифровизации вызывает обоснованные сомнения. Как отмечает И. И. Бунова, цифровой прогресс порождает неопределенность в применении отдельных норм, в частности ст. 137 УК РФ, поскольку способы нарушения частной жизни в цифровой среде значительно опережают меры ее защиты [2, с. 120]. Обобщение судебной практики показывает, что наиболее распространенными формами получения информации являются использование средств видеofиксации, незаконное получение детализации телефонных соединений и доступ к персональным страницам в социальных сетях [2, с. 119]. При этом законодатель игнорирует значение таких внутренних побуждений, как корыстная или иная личная заинтересованность, что не позволяет в полной мере учитывать общественную опасность деяний. В этой связи обоснованным представляется предложение о внесении уточнений в диспозицию ст. 137 УК РФ, предусматривающих указанные мотивы в качестве конститутивных признаков состава преступления.

Цифровая эпоха актуализирует дискуссию о поколениях прав человека. Классическая теория К. Васака, выделяющая три поколения прав (личные и политические; социальные, экономические и культурные; коллективные права солидарности), сегодня дополняется концепцией четвертого поколения – цифровых прав [4, с. 16]. Как подчеркивают С. И. Глушкова и Е. Д. Летунов, цифровые права не являются простой конкретизацией универсальных прав, а требуют принципиально новых способов признания, регулирования, соблюдения и защиты. К числу таких прав относят право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных, право на забвение, право на анонимность и право на свободу самовыражения в цифровой среде [4, с. 22]. Международные организации, включая ООН и Совет Европы, последовательно фиксируют необходимость адаптации правозащитных стандартов к реалиям цифрового мира, о чем свидетельствуют резолюции Генеральной

Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2013) и доклады Верховного комиссара по правам человека [4, с. 18].

Анализ уголовно-правовых гарантий, представленный в работе И. И. Буновой, свидетельствует о том, что динамика преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, демонстрирует устойчивый рост, а правоприменительная практика сталкивается с трудностями квалификации деяний ввиду неопределенности ключевых понятий («частная жизнь», «личная тайна») и отсутствия в составе преступления таких мотивов, как корыстная или иная личная заинтересованность [2, с. 120–124]. Судебная практика показывает, что наиболее распространенными способами нарушения частной жизни в цифровой среде являются незаконное использование видеофиксации, получение детализации телефонных соединений и несанкционированный доступ к аккаунтам в социальных сетях [2, с. 119]. Это требует своевременного внесения изменений в уголовное законодательство, включая уточнение диспозиции ст. 137 УК РФ и усиление санкций за утечки персональных данных.

В теоретическом плане дискуссия о поколениях прав человека, инициированная К. Васаком, сегодня дополняется концепцией четвертого поколения – цифровых прав. Цифровые права, включающие доступ к Интернету, защиту персональных данных, право на забвение и анонимность, требуют не просто признания, а разработки принципиально новых механизмов их обеспечения и защиты [8, с. 23]. В Российской Федерации, несмотря на наличие базовых законов («О персональных данных», «Об информации»), отсутствует системное правовое регулирование, а существующие нормы зачастую не согласованы между собой [13, с. 91]. Массовое внедрение систем распознавания лиц в городах, утечки данных из государственных и коммерческих структур, использование дипфейков и иных технологий искусственного интеллекта без должного правового контроля создают риски для автономии личности и требуют безотлагательного вмешательства.

Перспективными направлениями совершенствования защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации выступают: 1) принятие специализированного законодательства, четко определяющего границы вмешательства в частную жизнь и устанавливающего ответственность за нарушение цифровых прав; 2) создание независимых органов мониторинга за сбором, хранением и оборотом персональных данных; 3) повышение цифровой грамотности населения через образовательные программы; 4) усиление судебного контроля за применением технологий слежения; 5) разработка и принятие на международном уровне универсального акта (декларации или конвенции) о защите цифровых прав человека.

В условиях стремительной цифровизации общества право на неприкосновенность частной жизни сталкивается с принципиально новыми вызовами. Современные информационные и телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект, системы видеонаблюдения и биометрической иден-

тификации создают среду, в которой персональные данные становятся уязвимыми, а традиционные правовые механизмы защиты – недостаточно эффективными. Несмотря на наличие базовых законов, регулирующих обработку персональных данных, на практике сохраняются проблемы утечек, несанкционированного доступа, использования цифровых технологий для слежки и распространения ложной или порочащей информации.

Только комплексный подход, сочетающий правовые, технологические и образовательные меры, позволит обеспечить надежную защиту личности в условиях цифровой трансформации и сохранить баланс между инновационным развитием и соблюдением фундаментальных прав человека.

Список литературы

1. Афанасьев С. Д., Шатилина А. С. «Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе // Информационное общество. 2019. № 3. С. 53–58.
2. Бунова И. И. Об уголовно-правовых гарантиях неприкосновенности частной жизни человека в современных условиях цифровизации общества // Юристы-Правоведы. 2024. № 3(110). С. 119–124.
3. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 27–34.
4. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4(31). С. 16–24.
5. Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9(61). С. 97–102.
6. Карнаушенко Л. В. Неприкосновенность частной жизни граждан в современном «технологизированном» государстве: теоретико-прикладной анализ // Философия права. 2017. № 4. С. 95–99.
7. Кузнецов А. А., Шахбазов Г. А. Проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105. С. 72–75.
8. Наумов А. Г. Неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации: вызовы и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Юриспруденция». 2025. № 1. С. 1–5.
9. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 103–118.
13. Северухин В. А. Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 2(38). С. 85–97.
14. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
15. Цымлянская О. А., Шеленков К. Д. О мерах защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в социальных сетях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3(154). С. 90–94.

УДК 342

Луценко А. К., Шатилов С. П., *Новосибирск*

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ» И «ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Разграничиваются понятия «государственная власть» и «публичная власть» в контексте конституционной реформы, легализовавшей термин «публичная власть». Раскрываются сущностные характеристики категорий, механизмы властной реализации и функциональные связи в системе публичного управления. Анализируются исторические предпосылки антагонизма между государственной властью и муниципальными структурами, а также практические коллизии разграничения полномочий. Делается вывод, что публичная власть – родовое понятие, включающее государственную власть, местное самоуправление и формы прямого народовластия, тогда как суверенитет присущ только государственной власти. Предлагаются пути гармонизации властных отношений.

Ключевые слова: государственная власть, публичная власть, местное самоуправление, разделение властей, исполнительная власть, народовластие, Конституция РФ.

Lutsenko A. K., Shatilov S. P., *Novosibirsk*

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF “STATE POWER” AND “PUBLIC POWER” IN RUSSIAN LAW

Abstract. The article is devoted to the delineation of the concepts of “state power” and “public power” in the context of the constitutional reform that legalized the term “public power”. The article reveals the essential characteristics of these categories, the mechanisms of power implementation, and the functional relationships within the system of public administration. It also analyzes the historical background of the antagonism between state power and municipal structures, as well as the practical challenges of delineating powers. The article concludes that public power is a generic concept that encompasses state power, local self-government, and forms of direct democracy, while sovereignty is exclusive to state power. Ways to harmonize power relations are proposed.

Keywords: state power, public power, local self-government, separation of powers, executive power, democracy, Constitution of the Russian Federation.

Дискуссия о разграничении дефиниций «государственная власть» и «публичная власть» обрела новое звучание в постсоветский период, а конституционная реформа 2020 г. придала ей особую остроту. Легализация термина «публичная власть» в ст. 67, 71 и 80 Конституции РФ потребовала критического пересмотра устоявшихся теоретических постулатов, в рамках которых указанные понятия длительное время использовались как взаимозаменяемые. Предпринятое исследование нацелено не на простую констатацию расхождений между рассматриваемыми категориями, а на раскрытие их сущностных характеристик, выявление механизмов властной реализации и анализ функциональных связей внутри единой системы публичного управления. Необходимость четкого нормативного разграничения властных компетенций различных уровней обуславливает практическую значимость работы, поскольку терминологическая неопределенность в данной сфере провоцирует юрисдикционные коллизии и снижает результативность управленческих решений [1, с. 1].

Обращение к истории становления рассматриваемых явлений представляется необходимым условием их адекватного концептуального осмысления. В публикации Алешко В. А. и Пегина Н. А. обосновывается тезис, согласно которому корень антагонизма между государственной властью и муниципальными структурами (последние трактуются как элемент публичной власти) заключается в одновременном присутствии на одной территории двух разнородных властных субъектов, обладающих сходной юридической природой. Средневековая Европа нашла способ разрешения этого противоречия в дихотомическом разделении властных прерогатив на сакральные (принадлежащие империи) и светские (переданные городам), что создавало предпосылки для бесконфликтного существования разнородных общностей в границах единого географического пространства. Города, накопившие существенный бюрократический и финансовый потенциал, предпочли отказаться от политических амбиций взамен на государственный протекторат – именно эта конфигурация породила классическую дуалистическую модель взаимодействия государства и местного самоуправления [1, с. 24]. Российская цивилизационная традиция, напротив, тяготела к имперской парадигме властной организации, в которой городам не отводилась роль самостоятельных центров публичной власти, как это наблюдалось на Западе. Исследователи отмечают, что дезинтеграция Советского Союза привела к образованию не столько полноценных национальных государств, сколько «фрагментов империи», где власть на местах оказалась рассредоточенной между губернаторами и главами муниципальных образований, причем оба уровня наделялись сходными легитимационными механизмами (всенародные выборы). Результаты социологических замеров, проведенных в 2001–2002 гг. в Хабаровске и Петропавловске-Камчатском, зафиксировали, что лишь 3 % опрошенных осознавали разницу между государственной и муниципальной властью, что свидетельствует о глубоком ментальном сращении указанных феноменов в массовом правосознании [1, с. 7–8].

Философско-правовое творчество И. А. Ильина сохраняет методологическую значимость для современных исследований властной проблематики. Русский мыслитель последовательно отстаивал конкретно-исторический подход, утверждая, что государственная форма органически произрастает из народного бытия и детерминируется совокупностью факторов – как внешних (пространственные масштабы, климатические условия, географическое положение), так и внутренних (религиозные верования, правосознание, нравственные ориентиры). Разработанная Ильиным концепция включает шесть аксиом властной организации. Первый постулат гласит: реализация государственной власти невозможна вне правового уполномочивания, причем подлинным субъектом властного руководства призван выступать индивид, отличающийся духовным богатством. Вторая аксиома провозглашает необходимость властного единства в границах любого политического союза, причем

единство трактуется не как организационная монолитность, а как согласованность волевой направленности, выражающаяся в унификации реализуемого права. Третья аксиома предписывает передачу властных полномочий передовым представителям нации, сочетающим этическую и политическую культуру, в противовес политическим демагогам. Четвертая аксиома увязывает власть с публичным интересом: устремленность к государственной власти тождественна устремленности к общезначимой цели, исключающей частные (персональные либо классовые) интересы. Пятая аксиома акцентирует необходимость практической реализации декларируемых программ. Шестая, наконец, допускает отступление от принципов распределяющей справедливости во имя сохранения национально-духовной идентичности и государственного бытия народа [6, с. 3–5]. Указанные теоретические построения сохраняют эвристическую ценность при дифференциации формальноюридической государственной власти и социально-ориентированной публичной власти, поскольку последняя предполагает повышенную степень общественного доверия и легитимности.

Конституционная модель организации власти в Российской Федерации традиционно базируется на доктрине разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Вместе с тем анализ эволюции государственновластных институтов фиксирует неопределенность статуса президентской власти, которая формально не отнесена ни к одной из трех ветвей, что порождает теоретические дискуссии. Преобладающая точка зрения в отечественной науке склонна рассматривать президентскую власть как составную часть исполнительной ветви, несмотря на сохранение за главой государства ряда автономных прерогатив. Советский этап развития государственного устройства характеризовался господством марксистско-ленинской парадигмы, в рамках которой высшие эшелоны партийно-государственного руководства (Политбюро, Центральный комитет) оставались недоступными для системного научного анализа. Ситуация коренным образом трансформировалась в постсоветский период: с 1990-х гг. отечественная наука активизировала систематические исследования российской государственной власти, что сопровождалось постановкой вопроса о целесообразности институционализации самостоятельной научной дисциплины – кратологии (науки о власти) [9, с. 2–4].

Исполнительная ветвь власти в Российской Федерации отличается дуалистической природой, что неоднократно привлекало внимание исследователей. Алямкин А. Н. и Кочегура А. П. констатируют, что многочисленные попытки реформирования структуры исполнительной власти обнажают сохраняющееся несовершенство механизмов ее практической реализации. Конституционное регулирование детализирует процедуры формирования Правительства РФ, его функциональные прерогативы, меры ответственности и ключевые направления деятельности. В редакции Конституции, обновленной по итогам реформы 2020 г., Президент наделен правом назначения и смещения председателя Правительства, причем кандидатура последнего подлежит

утверждению Государственной Думой. Помимо этого, глава государства определяет архитектуру федеральных органов исполнительной власти и осуществляет стратегическое руководство деятельностью Правительства. К числу основополагающих функций исполнительной власти указанные авторы относят обеспечение общественной и государственной безопасности, реализацию регулятивно-управленческой функции (охватывающей управление экономическим комплексом, финансовой системой, культурной сферой, образовательным сегментом, здравоохранением, оборонным сектором), а также гарантирование прав и свобод граждан [2, с. 1–3].

В конституционно-правовой доктрине категория «публичная власть» традиционно раскрывается через призму народовластия. Статья 3 Конституции РФ провозглашает многонациональный народ единственным носителем суверенитета и источником властных полномочий. Н. А. Кандрина обосновывает тезис о том, что публичная власть в России конституируется как сложноорганизованная система, включающая три пространственных уровня – федеральный, региональный и муниципальный. Опираясь на анализ конституционных норм, правовых позиций Конституционного Суда РФ и теоретических воззрений ведущих конституционалистов (С. А. Авакьяна, Н. С. Бондаря, В. Е. Чиркина), автор выделяет такие разновидности публичной власти, как государственная власть и местное самоуправление. При этом государственная власть конституционно фиксируется одновременно как система государственных органов (федеральные органы государственной власти, иные федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов РФ) и как совокупность полномочий, реализуемых властными институтами соответствующих уровней. Современный этап российской государственности отличается активной интеграцией институтов местного самоуправления в общегосударственную систему, что материализуется в требованиях к обязательной структуре муниципальных органов (наличие представительного органа, главы муниципального образования, местной администрации) [4, с. 2–3].

Исследование Д. Э. Пилия представляет значительный интерес в аспекте систематизации основных доктринальных подходов к дефиниции публичной власти. В рамках теории государства и права публичная власть определяется как институционализированная легальная социальная власть, обеспеченная принудительным потенциалом и реализуемая в границах определенной территории либо в пределах конкретной социальной общности. Автор фиксирует дифференциацию позиций: одни ученые (Ю. Ю. Сорокин) акцентируют внимание на характеристиках социума – носителя властных отношений (территориальная организация, единство целеполагания, общая ценностная система). Другие (В. В. Ратчинский) делают упор на институциональный и легальный характер публичной власти, оговаривая, что легальность не является имманентным и обязательным свойством – она присуща только власти,

функционирующей в русле законодательства, но не нивелирует факта существования публичной власти, полученной нелегитимным путем (революционные перевороты, гражданские конфликты). В конституционно-правовой науке доминирует концепция публичной власти как формы народовластия, дифференцирующая три ее разновидности: непосредственную публичную власть (референдумные процедуры, выборные кампании, публичные слушания), государственную власть и муниципальную власть. Системный подход к интерпретации публичной власти позволяет, кроме того, выделить уровневую структуру: федеральный, региональный (субъекты РФ) и местный (муниципальный) уровни [7, с. 3–6].

Муниципальная власть (местное самоуправление), согласно конституционным положениям, не инкорпорируется в систему государственных органов. Вместе с тем А. А. Кашкаров обращает внимание на то обстоятельство, что муниципальные органы на практике реализуют полномочия, во многом аналогичные государственным: формирование и исполнение местного бюджета, распоряжение земельными участками и муниципальной собственностью, проведение самостоятельной градостроительной политики. Функции и полномочия органов местного самоуправления по своей природе являются публичными, поскольку осуществляются открыто, от имени и в интересах населения муниципального образования. Принципиальным отличием муниципальных органов от государственных, по мысли автора, выступает отсутствие у первых собственного легального аппарата принуждения. В случае неисполнения принимаемых решений государство через свои специализированные структуры (органы внутренних дел, судебную систему) обеспечивает их реализацию. Автор также высказывает критическое отношение к попыткам расширительного толкования публичной власти за счет включения в нее наднациональных образований (транснациональных корпораций, международных организаций) и внутригосударственных объединений (политических партий, религиозных организаций), поскольку указанные субъекты не обладают универсальной легитимностью и не имеют легального принудительного аппарата [5, с. 2–3].

Особую остроту проблема соотношения государственной и публичной власти приобретает в сфере разграничения предметов ведения и полномочий. Л. Р. Исипова на примере образовательной сферы демонстрирует наличие значительного массива полномочий, существующих вне законодательного поля, а также фиксирует случаи противоречия региональных норм федеральному законодательству. Анализируя принципы разграничения полномочий, закрепленные в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», автор приходит к выводу об отсутствии в законодательстве четких критериев разграничения компетенций. Показательным примером служат полномочия по аттестации и гос-

ударственной аккредитации образовательных учреждений, которые по закону отнесены к ведению Федерации, однако на практике нередко реализуются субъектами РФ без надлежащего правового оформления передачи. Положение о порядке аттестации и аккредитации, утвержденное приказом Министерства образования РФ, вступает в противоречие с п. 8 ст. 28 Закона «Об образовании», порождая юридическую коллизию. Автор также констатирует, что отмена федерального минимального норматива финансирования общеобразовательных учреждений привела к дифференциации уровней образования между регионами, а передача полномочий по оплате труда педагогических работников на региональный и муниципальный уровни обернулась снижением заработных плат. Ситуация усугубляется несоответствием между объемом передаваемых полномочий и выделяемыми финансовыми ресурсами, что нарушает один из фундаментальных принципов разграничения [8, с. 3–6].

Аналогичные проблемы фиксируются в исследовании А. Г. Гаджиевой, посвященном защите прав детей. Автор анализирует систему защиты детских прав, определяет роль органов государственной власти и местного самоуправления в данной сфере, а также характеризует государственную социальную политику, реализуемую как на федеральном, так и на региональном уровнях. В 2017 г. дефицит бюджетов был зафиксирован в 76 субъектах РФ, что существенно ограничило возможности регионов по финансированию переданных государственных полномочий. Автор обосновывает необходимость установления рационального соотношения между объемом полномочий и финансовым обеспечением, а также смягчения жесткой модели централизации налоговых доходов с одновременным обеспечением финансового выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ. В Республике Дагестан, например, Уполномоченный при главе Республики по защите семьи, материнства и правам ребенка ежегодно рассматривает более тысячи обращений граждан, причем наиболее востребованными являются жалобы на нарушение жилищных прав, что отражает нерешенность жилищной проблемы для значительного числа дагестанских семей, имеющих детей [3, с. 2–3].

Вопрос прозрачности (транспарентности) власти непосредственно коррелирует с уровнем ее легитимности. Н. В. Власова констатирует, что механизм взаимодействия государства и институтов гражданского общества в России до настоящего времени не получил окончательного нормативного оформления. Государство фактически конструирует правовую модель гражданского общества, которая впоследствии наполняется конкретным содержанием. Сущность складывающихся отношений заключается в том, что государство как бы выстраивает юридическую конструкцию гражданского общества, которая затем обретает содержательное наполнение. Однако гражданское общество в постсоветской России на современном этапе не способно оказывать сколько-нибудь значимого давления на политическое руководство страны с целью обеспечения прозрачности власти. В Послании Федераль-

ному Собранию 2003 г. Президент РФ констатировал создание в стране условий для развития полноценного гражданского общества, но при этом подчеркнул, что государство сохраняет статус институции гражданского общества, подчиняется его интересам и реагирует на сигналы обратной связи. Приоритетной задачей государства выступает выявление и частичная формализация в правовых нормах наиболее перспективных форм взаимодействия государства и структур гражданского общества [2, с. 1–2].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно соотношения категорий «государственная власть» и «публичная власть» в российском правовом пространстве. Первое: публичная власть представляет собой родовое понятие более широкого объема, аккумулирующее государственную власть (на федеральном и региональном уровнях), муниципальную власть (местное самоуправление), а также формы прямого народовластия (референдумы, выборы, публичные слушания). Второе: государственной власти имманентно присущ признак суверенитета, означающий верховенство в пределах национальной территории и независимость на международной арене, тогда как местное самоуправление, несмотря на публичный характер реализуемой власти, суверенитетом не обладает – его полномочия производны от государства и могут быть им пересмотрены. Третье: функциональное предназначение государственной власти включает реализацию стратегических задач (оборонная функция, правосудие, общегосударственное регулирование), тогда как публичная власть в узком смысле ориентирована на разрешение повседневных проблем локальных сообществ (благоустройство территории, образование, здравоохранение на местном уровне). Четвертое: исторически сложившееся противоречие между государственной властью и местными сообществами в России не получило окончательного разрешения, претерпев лишь трансформацию своих форм. Конституционные поправки 2020 г., легализовавшие категорию «единой системы публичной власти», создали нормативную базу для интеграции местного самоуправления в государственную вертикаль, что несет риски дальнейшей централизации и утраты муниципальной самостоятельности. В целях гармонизации отношений между государственной и публичной властью представляется необходимым законодательное закрепление принципа субсидиарности (передача решения вопросов на максимально низкий уровень), обеспечение соответствия передаваемых полномочий выделяемым финансовым ресурсам и повышение уровня правосознания граждан как субъектов публичной власти. Следовательно, разграничение понятий «государственная власть» и «публичная власть» имеет не только теоретикопознавательное, но и важнейшее прикладное значение для формирования эффективной модели управления в Российской Федерации.

Список литературы

1. Алешко В. А., Пегин Н. А. Местное самоуправление и государственная власть в России: истоки противоречий // *Власть и управление*. 2008. № 2. С. 106–110.

2. Алямкин А. Н., Кочегура А. П. Исполнительная ветвь власти в системе государственного управления России и зарубежных стран // Интерактив плюс. 2020. № 554359. С. 1–7.
3. Власова Н. В. Проблема транспарентности государственной власти современной России // Тамбовская губерния. 2010. С. 1–3.
4. Гаджиева А. Г. Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению прав детей в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 8. С. 1–3.
5. Кандрина Н. А. Публичная власть в современной российской государственности // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 92–96.
6. Кашкаров А. А. К вопросу об определении содержания «публичная власть» в современном демократическом обществе // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 1. С. 1–4.
7. Ксенофонтов В. Н. Идеи И. А. Ильина о роли государственной власти в России // Вектор юридической науки. 2016. № 4. С. 87–93.
8. Пилия Д. Э. Основные подходы к определению понятия «публичная власть» в публично-правовых (государственно-правовых) науках // Lex russica. 2023. Т. 76. № 5 (198). С. 9–23.
9. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ, органами власти субъектов РФ и органами МСУ по обеспечению права на образование // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 101–107.

УДК 347

Манченко В. Д., Рыбалка Е. А., *Ростов-на-Дону*

ГУМАНИЗМ В СОЦИАЛЬНОМ И ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Рассматривается гуманизм как базовая ценностная установка социального и правового развития. Обосновывается, что гуманизм выступает не только нравственным идеалом, но и практическим принципом организации общественных отношений, правотворчества и правоприменения. Показано, что содержание гуманизма раскрывается через признание достоинства личности, приоритет прав человека, социальную солидарность, справедливость и недопустимость использования человека исключительно как средства достижения публичных или частных целей.

Ключевые слова: гуманизм, социальное пространство, правовое пространство, достоинство личности, права человека, справедливость, социальная солидарность.

Manchenko V. D., Rybalka E. A., *Rostov-on-Don*

HUMANISM IN THE SOCIAL AND LEGAL SPACE: VALUE FOUNDATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

Abstract. The article examines humanism as a fundamental value of social and legal development. It is argued that humanism should be understood not only as a moral ideal, but also as a practical principle of social relations, lawmaking and law enforcement. The author shows that humanism is revealed through human dignity, the priority of human rights, social solidarity, justice and the inadmissibility of treating a person merely as a means.

Keywords: humanism, social space, legal space, human dignity, human rights, justice, social solidarity.

Гуманизм в современном научном дискурсе все чаще рассматривается не как отвлеченное философское понятие, а как интегративный ориентир, позволяющий оценивать качество общественных институтов, содержание

права и характер взаимодействия личности, общества и государства. Такая постановка вопроса особенно значима в условиях усиливающейся социальной дифференциации, цифровизации управления, усложнения форм коммуникации и повышения конфликтности в публичной сфере. В этих условиях становится очевидным, что устойчивость правопорядка определяется не только наличием формально действующих норм, но и тем, насколько они соотносятся с интересами человека, его достоинством, свободой и потребностью в справедливом отношении.

Гуманизм традиционно связывается с признанием ценности человеческой личности, ее права на уважение, развитие и защиту от произвольного вмешательства. В международно-правовом измерении данный подход закреплён в актах, исходящих из идеи врожденного достоинства всех членов человеческого сообщества [1]. Российская конституционная модель также строится на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью, а их защита возлагается на государство как на одну из его основополагающих обязанностей [2]. Следовательно, гуманизм нельзя сводить исключительно к области морали или благожелательности; он имеет нормативное измерение и выражается в обязанностях публичной власти, правовых гарантиях и институциональных механизмах.

В социальном пространстве гуманизм проявляется прежде всего через характер отношений между людьми и через устройство основных общественных институтов. Социальное пространство в данном случае следует понимать не только как совокупность социальных ролей, статусов и связей, но и как сферу ежедневного опыта человека, где формируются представления о допустимом, справедливом и достойном. Именно здесь гуманизм приобретает конкретное содержание: в отношении к ребенку, пожилому человеку, лицу с инвалидностью, гражданину, находящемуся в трудной жизненной ситуации, человеку, допустившему ошибку, но не утратившему достоинства. Гуманизм в социальном измерении означает отказ от унижения, исключения и равнодушия как способов организации общественной жизни.

При этом гуманизм не тождествен абстрактной мягкости или вседозволенности. Напротив, он предполагает высокую меру ответственности общества и государства за создание таких условий, при которых человек может реализовать свои способности без страха перед произволом, дискриминацией и социальной беспомощностью. Гуманистический подход требует видеть за социальной категорией конкретную личность, а за правовой ситуацией – человеческую судьбу. Там, где право и социальная практика перестают замечать личностное измерение, возникает опасность формализма, при котором соблюдение процедуры подменяет достижение справедливого результата.

Особое значение гуманизм приобретает в правовом пространстве. Право само по себе не является гуманным автоматически; оно становится таковым лишь тогда, когда его нормы, принципы и механизмы применения направлены на охрану человеческого достоинства, свободы и равенства. Правовое

пространство включает не только законодательство, но и судебную практику, деятельность органов публичной власти, правосознание граждан, юридическое образование и повседневную юридическую коммуникацию. Поэтому вопрос о гуманизме в праве – это вопрос не только о содержании законов, но и о способах их толкования, применения и восприятия.

Философские основания гуманизма в праве связаны с признанием человека самоценной личностью. В классической философии эта идея получила выражение в утверждении, что человек не должен рассматриваться лишь как средство для реализации чужих интересов, даже если такие интересы прикрываются благими целями [3]. Для правовой сферы данное положение имеет принципиальное значение. Оно означает недопустимость такой организации юридических механизмов, при которой индивид превращается в объект управления, статистическую единицу или инструмент поддержания внешнего порядка. Гуманистический смысл права состоит в том, что оно ограничивает власть, дисциплинирует принуждение и формирует пространство защищенной свободы.

Отечественная юридическая мысль также неоднократно подчеркивала ценностную природу права. С. С. Алексеев рассматривал право не только как систему общеобязательных предписаний, но и как социальный институт, выражающий меру свободы, справедливости и организованности общественной жизни [4]. В свою очередь, В. С. Нерсисянц связывал правовую сущность с формальным равенством свободных лиц, что позволяет видеть в гуманизме не внешнее дополнение к праву, а одну из его смысловых основ [5]. Из этого следует, что гуманизм в правовом пространстве не противостоит юридической определенности, а, напротив, наполняет ее содержанием, препятствуя превращению закона в безличный инструмент давления.

Однако между провозглашением гуманистических принципов и их практической реализацией сохраняется значительная дистанция. Одной из ключевых проблем является бюрократический формализм, при котором решение юридического вопроса сводится к проверке внешнего соответствия документам без учета реального положения лица. В социальной сфере это проявляется в отказах по формальным основаниям, в недостаточной доступности помощи, в затягивании процедур, в невнимании к обстоятельствам конкретной жизненной ситуации. В правоприменении схожая проблема выражается в механическом толковании норм, недостаточной мотивированности решений, игнорировании принципов соразмерности и разумности. Формально корректное, но по существу бесчеловечное решение подрывает доверие к праву не меньше, чем открытое нарушение закона.

Серьезным вызовом для гуманизма в современном обществе становится и цифровизация публичного управления. С одной стороны, цифровые технологии упрощают доступ к услугам, ускоряют коммуникацию и повышают прозрачность процедур. С другой стороны, они могут усиливать обезличива-

ние права, когда человек взаимодействует не с субъектом, способным услышать и понять, а с автоматизированной системой, оценивающей ситуацию по ограниченному набору признаков. Если цифровые инструменты не сопровождаются возможностью индивидуального рассмотрения сложных случаев, правовое пространство рискует утратить чувствительность к человеческому измерению. Следовательно, гуманизм в эпоху цифровизации требует не отказа от технологий, а подчинения их логике защиты личности.

Не менее важен вопрос о соотношении гуманизма и справедливости. Иногда гуманизм ошибочно понимается как предпочтение сострадания перед законом. Между тем в развитом правовом обществе гуманизм не разрушает справедливость, а уточняет ее содержание. Он не оправдывает безответственность и не отменяет юридическую оценку поведения, но требует, чтобы ответственность не превращалась в месть, а закон – в механизм социального исключения. Именно поэтому гуманистический подход предполагает индивидуализацию мер государственного воздействия, учет обстоятельств дела, уважение процессуальных гарантий, возможность исправления и социального возвращения человека. В таком понимании гуманизм выступает не как альтернатива правопорядку, а как критерий его зрелости.

Значительную роль в осмыслении данной проблемы играет теория справедливости, в рамках которой общественные институты оцениваются с точки зрения их способности обеспечивать равное достоинство и приемлемые условия для всех членов общества [7]. Для правового пространства это означает, что гуманизм должен проявляться не только в декларации прав, но и в создании реальных условий их осуществления. Невозможно считать правовую систему подлинно гуманистической, если доступ к защите права, образованию, медицинской помощи или социальным благам фактически зависит исключительно от имущественного положения, места проживания или социального статуса человека. Там, где формальное равенство не подкрепляется минимально достаточными социальными гарантиями, гуманистический потенциал права заметно снижается.

Особое место гуманизм занимает в сферах, где государство реализует принуждение. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется подлинная ценностная направленность правовой системы. Принуждение может быть юридически допустимым, но оно не должно унижать достоинство личности, исключать возможность исправления или превращать человека в объект карательного воздействия. Гуманистический подход требует, чтобы даже в условиях ответственности сохранялось признание личностной ценности субъекта, его права на справедливое разбирательство, защиту, уважительное обращение и перспективу социальной реинтеграции. По этой причине гуманизм в правовом пространстве является важнейшим ограничителем репрессивных тенденций и показателем цивилизованности публичной власти.

В социальном измерении гуманизм тесно связан с солидарностью. П. А. Сорокин подчеркивал, что качество общественных отношений определяется не только системой внешнего принуждения, но и способностью людей к взаимной поддержке, сотрудничеству и нравственной интеграции [8]. Социальная солидарность не означает устранения различий или конфликта интересов; она означает признание того, что благополучие общества невозможно строить на систематическом унижении, вытеснении или игнорировании отдельных групп. В этом смысле гуманизм выступает как ценностная основа социальной связности: он препятствует превращению человека в «лишний элемент» общественного механизма и требует видеть в каждом носителя прав, интересов и достоинства.

Отдельного внимания заслуживает гуманизм как ориентир правовой политики. Его реализация предполагает несколько взаимосвязанных направлений. Во-первых, необходимо укрепление человекоцентричного подхода в правотворчестве, при котором оценка закона включает анализ его влияния на реальное положение личности и социальных групп. Во-вторых, важна гуманизация правоприменения, выражающаяся в приоритете мотивированности решений, уважительном обращении, доступности юридической помощи и учете жизненных обстоятельств. В-третьих, требуется развитие правовой культуры, в рамках которой уважение к достоинству личности воспринимается не как факультативная нравственная рекомендация, а как обязательный стандарт поведения должностных лиц, институтов и граждан. Без этих условий гуманизм остается декларацией, не преобразующей социальную и правовую действительность.

Следует подчеркнуть, что гуманизм не может быть обеспечен только средствами законодательства. Он нуждается в поддержке со стороны образования, культуры, семьи, профессиональной этики, гражданского общества и судебной практики. Если в общественном сознании закрепляется установка на инструментальное отношение к человеку, то даже качественные правовые нормы будут реализовываться с искажениями. Напротив, если уважение к личности становится устойчивой культурной нормой, право получает благоприятную среду для своей гуманистической реализации. Поэтому проблема гуманизма в социальном и правовом пространстве имеет междисциплинарный характер: она объединяет философию, социологию, юриспруденцию, политологию и этику.

Н. А. Бердяев справедливо связывал ценность человека с его духовной свободой и недопустимостью растворения личности в безличных структурах [6]. Для современного общества эта мысль сохраняет особую актуальность. В условиях роста административных систем, технологических платформ и стандартизированных процедур существует постоянный риск утраты личностного измерения. Именно поэтому гуманизм сегодня следует понимать как принцип сопротивления обезличиванию. Он требует сохранять в центре

социальной и правовой организации не абстрактную «массу», не набор функций и не удобный объект регулирования, а конкретного человека с его правами, достоинством и потребностью в справедливом отношении.

Подводя итог, гуманизм в социальном и правовом пространстве представляет собой не частную этическую установку, а фундаментальный принцип организации общественной жизни. Его содержание раскрывается через признание достоинства личности, обеспечение прав и свобод, ограничение произвола, развитие социальной солидарности и утверждение справедливости как практического стандарта деятельности государства и общества. Подлинно гуманистическое право не устраняет ответственность и не отказывается от порядка, но строит их таким образом, чтобы человек не утрачивал своей ценности ни в одной социальной или юридической ситуации. Именно в этом заключается главный критерий зрелости современного общества и качества его правовой системы.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г.
3. Кант И. Основы метафизики нравов. М. : Мысль, 1999.
4. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
5. Нерсесянц В. С. Философия права. М. : Норма, 2005.
6. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
8. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.

УДК 342.7

Маркина Е. В., Миронова М. М., *Ростов-на-Дону*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ: НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения начала и окончания конституционного права на жизнь в России, в том числе статус эмбриона и плода, «условная правоспособность» nasciturus, бейби-боксы и юридические критерии смерти мозга.

Ключевые слова: право на жизнь, эмбрион, плод, nasciturus, бейби-бокс, смерть мозга, правоспособность.

Markina E. V., Mironova M. M., *Postov-on-Don*

PROBLEMS OF DETERMINING THE TEMPORAL BOUNDARIES OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO LIFE: THE BEGINNING AND END OF SUBJECTIVE RIGHT

Abstract. The scientific article examines the problems of determining the beginning and end of the constitutional right to life in the Russian Federation, including the status of the embryo and fetus, the “conditional legal capacity” of the nasciturus, baby boxes, and legal criteria for brain death.

Keywords: right to life, embryo, fetus, nasciturus, baby box, brain death, legal capacity.

Современное развитие биомедицинских технологий, включая вспомогательные репродуктивные методы, высокотехнологичную неонатологию и трансплантологию, ставит перед юридической наукой задачу переосмысления временных границ человеческого бытия.

От выбора начального и конечного моментов зависят квалификация преступлений, защита наследственных и социальных прав, допустимость медицинских вмешательств, а также баланс репродуктивных прав женщины и охраны пренатальной жизни. Практика правоприменения демонстрирует расширение юридически значимой защиты пренатального периода и необходимость унификации понятий «эмбрион», «плод» и «жизнеспособность» для снижения коллизий между гражданским, семейным, уголовным и медицинским правом.

Право на жизнь является исходным и фундаментальным благом, без которого реализация любых иных прав и свобод человека становится невозможной. Конституция РФ в ст. 20 провозглашает, что «каждый имеет право на жизнь», однако лапидарность данной нормы порождает сложнейшие дискуссии в юридической науке относительно временных рамок существования этого права [5, с. 78]. Вопрос о том, когда возникает право на жизнь и в какой момент оно прекращается, не является исключительно академическим; он имеет непосредственное прикладное значение для уголовного, гражданского и семейного права, а также для биоэтики. Современные технологические вызовы, развитие репродуктивной медицины и появление систем анонимного оставления детей (бейби-боксов) заставляют переосмыслить традиционные подходы к правовому статусу человека на разных этапах его биологического существования.

Проблема определения начального момента возникновения права на жизнь тесно связана с правовым статусом эмбриона. В юридической доктрине сложились три основных подхода к этой проблеме: либеральный, абсолютистский и умеренный. Либеральный подход связывает возникновение правоспособности исключительно с моментом рождения живого ребенка [3, с. 18]. Согласно этой позиции, до момента рождения плод рассматривается как часть организма матери, что находит отражение в ст. 17 ГК РФ [1], устанавливающей возникновение правоспособности в момент рождения. В противоположность этому, абсолютистский подход, характерный для законодательства Ирландии, Словакии и ряда штатов США, признает право на жизнь с момента зачатия, рассматривая эмбрион как полноценный субъект права [4, с. 367].

Российское законодательство демонстрирует приверженность умеренному подходу, который пытается найти баланс между правами женщины и защитой жизни нерожденного ребенка. Хотя формально-юридически право-

способность связывается с рождением, закон предусматривает механизмы защиты интересов «наситуруса» – зачатого, но еще не родившегося ребенка. Так, ст. 1166 ГК РФ запрещает раздел наследственного имущества до рождения такого наследника, фактически признавая его «условным субъектом» [2]. Аналогично, уголовное право рассматривает беременность женщины какотягчающее обстоятельство при совершении преступлений против ее жизни и здоровья, что косвенно подтверждает повышенную ценность зачатой жизни.

Важным аспектом начала права на жизнь является разграничение понятий «эмбрион» и «плод». Согласно медицинским критериям, эмбриональный период длится до восьми недель развития, после чего начинается фетальный период. Законодатель учитывает эту градацию при регулировании процедур искусственного прерывания беременности. До 12 недель женщина имеет право на свободный выбор, что коррелирует с представлением об эмбрионе как об организме, не обладающем признаками самостоятельности. Однако после установления порога в 22 недели и достижения плодом массы 500 г, современная медицина и право признают возможность живорождения, что кардинально меняет статус субъекта: из объекта медицинской манипуляции он превращается в пациента, чье право на жизнь должно защищаться врачами всеми доступными средствами.

Однако даже после рождения ребенок не всегда оказывается в безопасности, что актуализирует проблему гарантий сохранения его жизни. Исторически сложившаяся практика оставления нежеланных детей прошла путь от античной жестокости до создания современных высокотехнологичных «окон жизни» или бейби-боксов. Концепция бейби-бокса является ответом на крайние проявления отказа от выполнения родительских обязанностей – детоубийство или оставление младенца в опасности. С правовой точки зрения бейби-боксы представляют собой инструмент реализации права на жизнь в ситуации, когда биологические родители не готовы обеспечить ребенку уход.

Критики бейби-боксов, включая комитеты ООН, справедливо указывают на нарушение права ребенка знать своих родителей, закрепленного в Конвенции о правах ребенка. Существует риск, что анонимность будет стигмулировать безответственность и увеличивать число скрытых отказов. Тем не менее сторонники этой системы апеллируют к иерархии ценностей: право на физическое существование (выживание) превалирует над правом на идентификацию происхождения. В этом контексте начало права на жизнь в социальном смысле обеспечивается государством через создание безопасных механизмов передачи ребенка под опеку, если его существование в биологической семье ставится под угрозу.

Завершение действия права на жизнь связано с моментом биологической смерти, однако и здесь юридическая наука сталкивается с неопределенностью. Современные медицинские критерии смерти мозга позволяют конста-

тировать окончание правового существования личности при сохранении признаков функционирования отдельных систем организма. Аналитический подход требует признания того, что право на жизнь не является бесконечным и прекращается с необратимым исчезновением признаков сознания и функций коры головного мозга. Таким образом, юридические границы жизни оказываются уже биологических: право на жизнь возникает позже биологического зачатия (в полном объеме с момента рождения) и заканчивается раньше окончательного распада всех клеток организма.

Особое значение имеет правовой статус органов и тканей после смерти субъекта. Если при жизни человек обладает абсолютным правом распоряжаться своим телом, то после смерти его воля (или презумпция согласия в российском праве) определяет дальнейшую судьбу останков. Это указывает на то, что определенные правовые последствия права на жизнь продолжают действовать и после его прекращения, переходя в плоскость охраны достоинства умершего и защиты прав наследников. Спор о возможности использования эмбриональных стволовых тканей или органов новорожденных с пороками развития, несовместимыми с жизнью, вновь возвращает нас к вопросу о качестве и пределах права на жизнь на его границах.

Интерес представляет и то, как публичное право интерпретирует статус человека на пренатальной стадии. Судебная практика, включая решения Верховного Суда РФ, свидетельствует о тенденции к расширению защиты прав лиц, находившихся в состоянии внутриутробного развития на момент определенных событий. Например, признание права на меры социальной поддержки за детьми, подвергшимися воздействию радиации в утробе матери, подтверждает, что вред, причиненный жизни до рождения, признается юридически значимым фактом. Это сближает статус плода со статусом уже рожденного человека в части деликтных и компенсационных правоотношений.

В заключение следует отметить, что право на жизнь характеризуется динамическим расширением своих границ в сторону пренатального периода и одновременно уточнением критериев его прекращения ввиду развития медицины. Существующая в России модель «условной правоспособности» нерожденного ребенка представляется наиболее сбалансированной, так как она позволяет защищать имущественные и социальные интересы будущего человека, не нарушая при этом репродуктивных прав женщины. Гарантии права на жизнь в момент его начала, такие как бейби-боксы, являются исключительной мерой «аварийного» характера, направленной на сохранение биологической жизни как высшей ценности.

Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути четкой регламентации статуса эмбриона и плода, исключая смешение понятий и обеспечивая последовательную защиту человеческого достоинства на всех этапах его существования – от момента формирования жизнеспособного плода до необратимого прекращения функций организма. Проблема начала и конца

права на жизнь остается открытой для дискуссий, требуя постоянного соотношения юридических норм с достижениями биологии и этическими запросами общества. Продление правовой защиты на стадии зачатия и строгая регламентация момента смерти позволяют обеспечить системный подход к безопасности личности и стабильности гражданского оборота.

Российская модель в целом соответствует умеренному подходу: полная правоспособность возникает с рождением, при этом интересы зачатого ребенка охраняются как юридически значимые (наситурус) в имущественных и отдельных публично-правовых отношениях. Правовые гарантии сохранения жизни новорожденных в критических ситуациях могут реализовываться через «аварийные» механизмы (в том числе бейби-боксы), хотя они требуют соразмерения с правом ребенка на происхождение. Завершение права на жизнь целесообразно связывать с установленными медицинскими критериями смерти мозга как юридическим фактом прекращения личностного статуса, при сохранении посмертных режимов охраны достоинства и волеизъявления относительно тела. Перспективным направлением является нормативное уточнение статуса эмбриона/плода, критериев жизнеспособности и процедур фиксации смерти, что обеспечит предсказуемость правоприменения и последовательную защиту человеческого достоинства на всех этапах существования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс РФ. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Бессараб Н. С. Неродившийся человек: юридические аспекты // Право и управление. 2024. № 5. С. 17–22.
4. Бейби-боксы – право на жизнь или одобрение отказа от детей? / И. Н. Захарова, Я. В. Орбинская, Н. Г. Сугян, В. В. Пупыкина // Педиатрия. Consilium Medicum. 2024. № 4. С. 366 – 372.
5. Прошкин Д. Д. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // Образование и право. 2024. № 3. С. 77–80.

УДК 340.15:340.11

Маркова А.-М. А., Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАЧАЛ В ЭВОЛЮЦИИ ИСТОЧНИКОВ АНГЛОСАКСОНСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. Исследуется эволюция англосаксонского и исламского права, анализируется баланс религиозно-естественных основ и механизмов социальной адаптации прецедентов и догм в условиях глобализации и цифровых вызовов.

Ключевые слова: источники англосаксонского и исламского права, правовая трансформация, социальное конструирование.

Markova A.-M. A., Saint Petersburg

TRANSFORMATION OF NATURAL AND SOCIAL PRINCIPLES IN THE EVOLUTION OF ANGLO-AMERICAN AND ISLAMIC LEGAL TRADITIONS

Abstract. The article examines the evolution of Anglo-American and Islamic law, analyzing the balance between religious-natural foundations and mechanisms for social adaptation of precedents and dogmas amid globalization and digital challenges.

Keywords: sources of Anglo-American and Islamic law, legal transformation, social construction.

В условиях современной глобализации юридическая наука сталкивается с фундаментальным кризисом правопонимания, обусловленным нарастающим конфликтом между глобальной унификацией правовых стандартов и устойчивостью национальных правовых культур. Центральным вопросом становится дихотомия: является ли право исключительно продуктом воли государства и социума, или же оно базируется на неких универсальных, «естественных» ценностях, существующих независимо от позитивного законодательства?

В эпоху цифрового детерминизма обращение к «корням» права позволяет понять, как фундаментальные этические установки определяют жизнеспособность правовой системы. Под «естественным» началом в данной работе понимается совокупность высших, объективных принципов (божественных или разумных), существующих до воли законодателя. «Социальное» начало, напротив, трактуется как волевой, рукотворный продукт человеческого опыта, направленный на решение утилитарных задач общества.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления этого конфликта на стыке различных правовых традиций. На наш взгляд, особое значение приобретает сравнительный анализ именно англосаксонской и исламской правовых моделей, поскольку сегодня наблюдается столкновение динамичной, социально-ориентированной англосаксонской системы с традиционной и сакральной исламской правовой доктриной. Понимание их онтологических «начал» позволяет объяснить, почему одни и те же правовые институты и нормы успешно интегрируются в одной

культурной среде и отвергаются в другой, что имеет критическое значение для развития международного права и гармонизации законодательства.

Более того, актуальность темы определяется динамичной трансформацией источников права в данных традициях. В англосаксонской правовой традиции судебный прецедент эволюционировал от инструмента «открытия» древних обычаев к мощному механизму социальной инженерии. Сегодня он выступает как гибкий инструмент реагирования на стремительно меняющиеся запросы общества, что требует переосмысления его роли в современном правовом регулировании [13].

В исламской традиции наблюдается ренессанс интереса к иджтихаду – творческому поиску правовых решений, направленному на примирение вечных божественных истин, зафиксированных в источниках фикха, но с учетом требований современного социума [10]. Исследование этой трансформации позволяет выявить живую связь между правовой теорией и практикой, демонстрируя способность традиционных систем к адаптации без утраты своей идентичности.

Следует также отметить, что современное правовое развитие характеризуется отсутствием устойчивого баланса. Наблюдается чрезмерный уклон в сторону «социального» начала, выражающийся в законотворчестве, ориентированном на сиюминутные политические задачи, что ведет к эрозии фундаментальных ценностных ориентиров и правовой неопределенности. В то же время имеет место факт жесткого догматизма, основанного исключительно на «естественном» или религиозном начале, что чревато стагнацией и неспособностью права отвечать на вызовы времени.

Трансформация соотношения этих начал в англосаксонской и исламской правовых традициях предоставляет уникальный эмпирический материал для поиска «золотой середины». Целью является формирование такой правовой системы, которая сочетала бы в себе необходимую стабильность и предсказуемость с высокой степенью адаптивности к социальным и технологическим изменениям.

Таким образом, актуальность исследования *продиктована необходимостью выявления глубинных закономерностей, по которым развиваются источники права: от жестких догм и естественных императивов к гибким социальным конструктам, отвечающим вызовам XXI в.*

В практическом значении результаты анализа опыта трансформации правовых систем и их источников права предоставляет инструменты для построения более эффективного международного сотрудничества.

Для России как уникального поликультурного и поликонфессионального государства данное исследование имеет особую актуальность. Изучение механизмов интеграции социальных норм в исламскую правовую традицию без разрушения ее идентичности представляет ценность для обеспечения внутренней стабильности и гармонизации межнациональных отношений. Одновременно анализ англосаксонского опыта судебного правотворчества

позволяет заимствовать эффективные механизмы, позволяющие национальному праву своевременно адаптироваться к вызовам научно-технического прогресса и глобализации.

Компаративный анализ англосаксонской и исламской правовых традиций как уникальных социокультурных феноменов, рассматриваемых в контексте исторического генезиса их источниковой базы, при исследовании в качестве предмета закономерностей трансформации естественных (сакральных, объективных) и социальных (волевых, прецедентных) начал, нашедших отражение в ключевых источниках данных систем: судебном прецеденте, Коране, Сунне и правовой доктрине, позволяет достичь цель выявления векторов эволюции указанных традиций и определении механизмов интеграции актуальных социальных запросов в структуру их фундаментальных ценностных установок.

Достижению теоретических и практических исследований заявленной темы способствовал комплекс общенаучных и специальных юридических методов: диалектический метод применялся при исследовании внутренней динамики правового развития, позволяя рассмотреть единство и противоречивое взаимодействие консервативных (естественно-правовых, сакральных) и изменчивых (социально-волевых) элементов в структуре источников права; сравнительно-правовой метод – при сопоставления механизмов эволюции англосаксонского прецедентного права и мусульманской правовой доктрины, выявляя специфические и универсальные черты их адаптации к современным вызовам; историко-правовой метод – при ретроспективном анализе генезиса источников: от ранних форм обычного права и божественного откровения до их трансформации в современные юридические институты; герменевтический метод обеспечил глубокую интерпретацию правовых смыслов и аксиологических установок, заложенных в классических текстах мусульманского права (Коран, Сунна) и фундаментальных актах общего права, позволяя выявить скрытые механизмы их актуального толкования.

1. Генезис источников права: от сакральной природы к социальному опыту

1.1. Диалектика естественного и социального в правопонимании. Исследование эволюции правовых систем невозможно без обращения к их фундаментальным началам, представляющим собой диалектическое единство объективных констант и динамических социальных конструктов. В правовой науке естественное начало традиционно соотносится с универсальным порядком бытия, выступая в различных исторических формах: от античного «Логоса» к христианскому «естественному праву» до исламской концепции божественного откровения. Данный элемент правопонимания постулируется как аксиологическая константа, претендующая на универсальность и неизменность.

В противовес этому социальное начало отражает волевую, антропоцентрическую природу права. Оно предстает как продукт целенаправленных

усилий социума, детерминированный конкретно-историческими потребностями, экономическими интересами и политической волей. Право здесь выступает инструментом социального конструирования реальности, направленным на решение актуальных задач «здесь и сейчас».

Онтологическая связь права с нравственным идеалом находит глубокое обоснование в работах В. С. Соловьева. Его концепция права как «нижней ступени» или определенного минимума нравственности позволяет взглянуть на естественное начало в исламской и англосаксонской традициях не просто как на догму, а как на необходимый этический предел. Согласно В. С. Соловьеву, право не может быть полностью эмансипировано от нравственных (естественных) основ, так как именно они задают границы принудительной силы социального регулятора [6].

Процесс объективации права в социальную реальность детально исследован в трудах С. С. Алексеева. В своей концепции «восхождения к праву» он подчеркивает, что право в своем развитии проходит путь от субъективных притязаний и идей справедливости к высокоразвитым социальным структурам [2, с. 211, 502]. Это положение коррелирует с эволюцией Common Law: то, что начиналось как поиск естественной разумности, трансформировалось в мощный социальный институт, обладающий, по С. С. Алексееву, собственной ценностью как универсальный инструмент обеспечения социального мира и прогресса.

Механизм адаптации сакрального ядра к нуждам современности наиболее полно раскрыт в работах Л. Р. Сюкияйнена. Исследователь подчеркивает, что мусульманское право обладает уникальным потенциалом саморазвития: через интерпретацию вторичных источников доктрина способна легитимизировать практически любые социальные инновации, не вступая в формальное противоречие с религиозным началом [7, с. 73, 131–133]. Таким образом, Л. Р. Сюкияйнен подтверждает наш тезис о том, что «социальное» в исламе не подменяет «естественное», а органично инкорпорируется в него через юридическую технику толкования.

Трансформация источников права в таком контексте понимания предстает не как механическая смена норм, а как глубокий диалектический процесс в виде столкновения «вечных» истин естественного начала с динамичными запросами меняющегося общества. Эволюция англосаксонской и исламской правовых систем демонстрирует, как статика сакральных или рациональных догм преодолевается через механизмы интерпретации (прецедент, иджтихад), позволяя праву сохранять свою идентичность при радикальном обновлении социального содержания.

1.2. Исламская правовая традиция: приоритет сакрального естества. В исламской правовой семье источником права в высшем смысле выступает воля Аллаха. Коран и Сунна воспринимаются не просто как тексты, а как выражение естественного порядка, предустановленного для человечества. В исламской правовой традиции «естественное» тождественно «божественному» [12, р. 205].

Первичные источники (Коран и Сунна) обладают абсолютным авторитетом, их нормы неизменны. Однако уже на ранних этапах формирования системы возникла необходимость социального измерения. Так появились *иджма* (единодушное мнение общины) и *кияс* (суждение по аналогии). Эти источники являются «социальными фильтрами», которые позволяют адаптировать жесткое естественное начало к многообразию жизненных ситуаций, не нарушая при этом сакрального ядра. *Эту мысль подтверждает и Л. Р. Сюкияйнен, отмечая в своих работах, что исламское право, будучи сакральным по своей природе, не исключает социального начала, реализуемого через механизмы иджтихада* [7, с. 73–75].

Рассматривая сакральные основы исламского права, целесообразно провести параллель с теологической классификацией Фомы Аквинского. Его учение о *lex divina* (божественном законе) как прямом откровении [1, с. 210–235] находит фундаментальное отражение в доктрине неизменности положений Корана. Однако именно в диалектике Аквинского между божественным и человеческим (*lex humana*) кроется ключ к пониманию механизмов трансформации: мусульманская правовая мысль, признавая высший авторитет откровения, делегирует социуму право на его рациональное истолкование ради общего блага (*maslaha*).

1.3. Англосаксонская традиция: прецедент как «разумный опыт»

Англосаксонское право (Common Law) демонстрирует иной тип трансформации. Исторически английские судьи не считали, что они «создают» право; они верили, что «открывают» его в разумных обычаях народа. *Как отмечает Р. Давид, английское общее право исторически основывалось не на воле законодателя, а на поиске разумного решения, что сближает его с концепциями естественного права* [5, с. 241]. В данной правовой традиции естественное начало выражалось через концепцию Reasonableness (разумности). Судебный прецедент изначально выступал как форма фиксации социального опыта. В отличие от исламской традиции, где социальное начало подчинено божественному, в англосаксонской системе социальное начало (практика судов) само стало источником «разумности». Эволюция английского права – это путь от поиска «естественной справедливости» (*Equity*) к жесткой социальной дисциплине прецедента (*Stare decisis*).

В противовес сакрально-центричной модели, генезис англосаксонского прецедента (*Common Law*) во многом созвучен рационалистической традиции, заложенной Гуго Гроцием. Его тезис о том, что естественное право сохраняет свою силу, даже «если бы мы предположили, что Бога нет», знаменует принципиальный переход от теоцентризма к антропоцентризму [4, с. 45]. В этой парадигме судебный прецедент предстает не как божественный диктат, а как результат интеллектуального поиска «объективной разумности» в хаосе социальных отношений. Таким образом, через идеи Г. Гроция прослеживается путь секуляризации естественного начала в англосаксонской традиции, превращающий право из «откровения» в инструмент социального конструирования.

Глубокую историческую связь этих процессов анализирует Г. Дж. Берман, подчеркивая, что западная правовая традиция обязана своим происхождением именно сакральным основаниям средневековой Европы. Г. Дж. Берман демонстрирует, что прецедентная система не возникла как сугубо утилитарная технология; изначально она была пропитана верой в существование высшего справедливого порядка. Однако, по мнению исследователя, в ходе исторической эволюции произошло постепенное «выветривание» метафизического содержания при сохранении юридических форм [3, с. 22–24]. Это подтверждает наш тезис о смещении англосаксонской модели в сторону «социального конструктора», где правовая форма остается традиционной, но ее наполнение диктуется актуальной политикой и экономикой.

Схожую динамику, но с иным вектором, мы обнаруживаем в исламской традиции. Современный исследователь Ваэль Халлак убедительно опровергает стереотип о статичности шариата, доказывая, что мусульманское право на протяжении веков функционировало как живая система, неразрывно связанная с социальной тканью общины (*Ummah*) [8, с. 281]. Согласно Халлаку, божественное начало задает лишь неизменный этический вектор, в то время как конкретные нормы (*furu al-fiqh*) непрерывно вырабатывались правоведами в ответ на запросы времени [11, р. 165–167].

Таким образом, в обеих традициях источники права на начальном этапе апеллируют к высшему порядку (естественному началу), но способы их социальной адаптации различаются. В исламском праве социум подстраивается под текст, а в англосаксонском – текст (прецедент) формируется самим социумом через судебный процесс. Трансформация источников в обеих системах предстает не как отказ от корней, а как процесс актуализации «вечных» истин в меняющемся социальном контексте. Если англосаксонское право в своем движении практически полностью эмансипировалось от сакрального, превратившись в динамичный социальный инструмент, то исламское право сохранило сильное естественно-религиозное ядро, обеспечивая его жизнеспособность через сложную технику юридической интерпретации.

Диалектика естественного и социального, по нашему мнению, с опорой на мнения авторитетных авторов, находит свое завершение в синтезе этического и институционального. Как отмечал В. С. Соловьев, право удерживает социальный порядок от падения ниже определенного нравственного минимума [6, с. 34], что роднит его с сакральными установками шариата. В то же время, «восхождение» права к современным социальным формам, описанное С. С. Алексеевым [2], объясняет динамику англосаксонского прецедента. В итоге, благодаря гибкости юридической техники, о которой пишет Л. Р. Сюкияйнен [7, с. 73–75], обе системы доказывают свою жизнеспособность: одна – через секулярное социальное конструирование, другая – через непрерывную актуализацию божественного идеала в меняющемся мире.

2. Механизмы трансформации: как «вечное» адаптируется к «социальному»

Если в генезисе обеих систем доминировало стремление к поиску активной справедливости, то современный этап их эволюции характеризуется прагматизацией инструментов адаптации. Трансформация происходит через институциональные каналы: в исламе – через деятельность правовых школ (мазхабов), в англосаксонской системе – через усиление роли парламента и статутного регулирования.

2.1. Англосаксонская система: от «права обычаев» к «праву политики» и господству статута. Историческая эволюция Common Law демонстрирует последовательное вытеснение «естественной разумности» древних обычаев волевым социальным конструированием. Классическая модель, где судья лишь «открывал» право, окончательно уступила место модели судейского правотворчества [9, р. 48]. Однако ключевым трендом современности стало доминирование статутного права над прецедентным.

Парламент сегодня выступает как основной социальный орган, транслирующий актуальные потребности общества в жесткие законодательные нормы. Мы наблюдаем переход от «права обычаев» к «праву политики» (*policy-oriented law*), где судебный прецедент все чаще выполняет лишь интерпретационную функцию в рамках, заданных статутом. Как отмечает С. С. Алексеев, это свидетельствует о превращении права в «социальный инжиниринг» [2, с. 160]: современные вызовы, такие как цифровая экономика или биоэтика, требуют оперативного законодательного вмешательства, которое прецедентная система, связанная принципом *stare decisis*, не всегда способна обеспечить. Таким образом, социальное начало здесь окончательно эмансипировалось от «естественных» корней, превратив право в динамичный инструмент государственной политики.

2. 2. Исламская традиция: мазхабы и современные механизмы легитимации социальных нужд

В исламском праве механизм трансформации сохраняет сакральную привязку, но радикально меняет инструментарий через систему мазхабов (правовых школ). Социальные нужды общины (*Ummah*) проникают в ткань права не через отмену догм, а через их многослойное толкование с использованием вторичных источников: иджмы (консенсуса ученых) и кияса (аналогии).

Сегодня этот процесс находит наиболее яркое выражение в сфере исламского банкинга и современных фетв. Как подчеркивает Л. Р. Сюкияйнен [7, с. 88–89], исламская правовая доктрина демонстрирует поразительную гибкость: используя иджитihad, правоведы создают юридические конструкции (*hiyal*), которые позволяют реализовывать современные финансовые операции (например, мурабаха или сукук), не нарушая при этом фундаментального запрета на риба (ростовщичество).

Здесь «вечное» начало (запрет на процент) не отменяется, но «социальное» требование экономического развития удовлетворяется через сложную юридическую технику. Современные коллективные фетвы по вопросам тех-

нологий и биомедицины доказывают, что исламское право сохраняет свое религиозное ядро, успешно инкорпорируя социальные инновации через авторитет признанных правовых школ.

Таким образом, трансформация источников в обеих системах движется к прагматизации. В англосаксонском праве это выражается в вытеснении прецедента статутом (социальный диктат парламента), а в исламском – в расцвете прикладного иджтихада, который приспособливает сакральные нормы к требованиям глобального рынка и технологий.

3. Сравнительный анализ: статика естественного против динамики социального

Сравнительное исследование англосаксонской и исламской правовых традиций на современном этапе позволяет выявить фундаментальное различие в векторах их трансформации. Основным критерием здесь выступает степень автономии социального начала от этико-правового или сакрального ядра.

3. 1. Гибкость систем в условиях технологических и биоэтических вызовов

Англосаксонская правовая семья демонстрирует максимальную адаптивность, обусловленную ее переходом к модели социального инжиниринга. В вопросах цифровизации (криптоактивы, ИИ) или биоэтики прецедентное право и статуты оперативно создают новые регуляторные режимы, не обремененные метафизическими ограничениями. Как отмечает С. С. Алексеев, в этой системе «социальное» начало полностью доминирует: право выступает пластичным материалом в руках законодателя и судьи [2, с. 502]. Однако обратной стороной такой гибкости становится риск утраты ценностных ориентиров и превращения права в чисто технический инструментарий.

Исламская традиция, напротив, сохраняет сильную связь с естественно-религиозным ядром. Реакция на современные вызовы (например, статус цифровых валют или биомедицинские технологии) здесь всегда проходит через фильтр иджтихада. Социальное начало в исламе не может доминировать над традиционным; оно вынуждено «договариваться» с ним, облекая новые потребности в формы, не противоречащие шариату. Исследования Л. Р. Сюкияйнена подтверждают, что такая «статика» основ обеспечивает исламскому праву исключительную социокультурную устойчивость, защищая общество от этической деградации в условиях правового релятивизма [7, с. 73].

3.2. Векторы доминирования: от традиции к социальному конструктору

Сопоставление механизмов развития показывает, что англосаксонское право практически завершило процесс секуляризации своих источников. Если во времена Г. Бермана еще можно было говорить о «духовных корнях» прецедента, то современное Common Law – это продукт воли суверена (парламента) и судейского усмотрения. Социальное начало здесь стало самодостаточным.

В исламской правовой семье мы наблюдаем иную картину: социальное начало инкорпорируется в правовую ткань, не подменяя собой сакральное. Использование маслаха (общественного интереса) позволяет мусульманскому праву быть современным, оставаясь при этом традиционным. Здесь

юридическая техника мазхабов служит своего рода «мостом», по которому социальные инновации переходят в категорию легитимных правовых норм.

Проведенный анализ позволил выявить ключевые различия в механизмах адаптации и развития англосаксонской и исламской правовых традиций и сформулировать следующие основные выводы.

1. Природа гибкости. Гибкость англосаксонского права обеспечивается отказом от жестких догматических конструкций и опорой на судебный прецедент, что позволяет системе оперативно реагировать на социальные изменения. В исламском праве гибкость достигается не через отказ от догм, а посредством искусства их интерпретации (иджтихад), что позволяет находить новые решения в рамках неизменных религиозных принципов.

2. Границы трансформации. Для англосаксонской правовой системы практически отсутствуют формальные границы «социального» конструирования права, единственным реальным ограничителем выступает политическая целесообразность. В свою очередь, развитие исламского права ограничено неизменным текстом божественного откровения (Коран и Сунна), который служит незыблемым фундаментом и пределом для любых правовых новаций.

3. Социальное vs Традиционное. Если англосаксонское право эволюционировало в «социальный конструктор», где право является инструментом для решения текущих общественных задач, то исламское право представляет собой «живую традицию». В этой системе социальное развитие и адаптация служат не самоцелью, а инструментом для сохранения и актуализации фундаментальных духовно-нравственных ценностей.

Проведенное исследование трансформации источников англосаксонской и исламской правовых традиций позволяет сделать вывод о том, что любая устойчивая правовая система представляет собой динамический баланс между консервативным (естественным) фундаментом и адаптивным (социальным) инструментарием.

В ходе исторической эволюции англосаксонское право совершило дрейф от поиска «естественной разумности» и судебного открытия обычая к модели прямого социального конструирования. Современный этап развития Common Law характеризуется доминированием волевого начала: прецедент все чаще уступает место статуту, а право превращается в гибкий инструмент государственной политики и социального инжиниринга. Как отмечал С. С. Алексеев, в этой системе «социальное» начало практически полностью эмансипировалось от сакральных и метафизических корней, обеспечивая правопорядку беспрецедентную скорость реакции на технологические и экономические вызовы, но порождая при этом риск ценностного релятивизма.

Напротив, исламская правовая традиция демонстрирует иную модель жизнеспособности. Она сохраняет мощное естественно-религиозное ядро, основанное на авторитете божественного откровения, которое выступает непреодолимым пределом для законодательного произвола. Трансформация

здесь осуществляется не через замену основ, а через их актуализацию. С помощью механизмов иджитхада, доктрин правовых школ (мазхабов) и принципа общественного интереса (маслаха), социальные запросы общины органично инкорпорируются в правовую ткань. Работы Л. Р. Сюкияйнена и В. Халлака подтверждают, что в исламе социальное начало не вступает в конфликт с традицией, а легитимизируется через нее, превращая право в «живую константу».

Подводя общий итог проведенного анализа следует отметить, что англосаксонская правовая семья эволюционировала в сторону «социального конструктора», где легитимность нормы определяется ее эффективностью. Исламская же правовая семья сохраняет статус «сакральной традиции», где легитимность социальной инновации зависит от ее соответствия этическому идеалу. Понимание этой диалектики естественного и социального начал позволяет не только глубже осмыслить генезис правовых семей, но и прогнозировать пути их дальнейшего взаимодействия в условиях глобального правового развития.

Список литературы

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Вопрос 91. О различии законов // Фома Аквинский. Сочинения / сост., ред. С. И. Еремеев. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 264 с.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н. Р. Никоновой. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М, 1998. – 624 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти. М. : Ладомир, 1994. – 867 с.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Междунар. отношения, 1999. – 400 с.
6. Соловьев В. С. Право и нравственность: очерки из прикладной этики. М. : Акад. проект, 2011. 192 с.
7. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М. : Наука, 1986. 256 с.
8. Халлак В. История исламских теорий права: Введение в суннитскую теорию права (*usul al-fiqh*) : пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 344 с.
9. Elliott C., Quinn F. English legal system. Harlow: Pearson Education Limited, 2011. 12th ed. 745 p.
10. Halim A., Muhlizar M. The Relevance of Qiyas in Contemporary Legal Determination: Analysis of the Perspective of Usul Fiqh // Journal Corner of Education, Linguistics, and Literature. 2024. Vol. 4, N 001. P. 649–654. <https://doi.org/10.54012/jcell.v4i001.457>
11. Hallaq W. B. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 234 p.
12. Rois C., Muchlis M., Irfan A., Anam H., & Rusdi R. Islamic Hierarchy of Value: Abdullah Saeed's progressive interpretation of the Qur'an // MIQOT Jurnal Ilmu-ilmu Keislaman. 2025. Vol. 49, N 1. P. 205–221. <https://doi.org/10.30821/miqot.v49i1.1125>
13. Tulip Trading Ltd v Bitcoin Association for BSV // [2022] EWHC 667 (Ch).

УДК 340.15

Олейник И. И., *Иваново*

РИМСКОЕ ПРАВО КАК ДОСТОЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Раскрывается роль римского права как одного из исторически устойчивых факторов развития профессиональной коммуникации в юридической сфере не только на уровне отдельных государств, но и в международном масштабе. Делается вывод, что его значение заключается в непреходящей авторитетности и востребованности как интеллектуального достояния и универсальной детерминанты правовой науки и юридической практики.

Ключевые слова: римское право, профессиональная юридическая коммуникация, юридическая наука.

Oleynik I. I., *Ivanovo*

ROMAN LAW AS THE HERITAGE OF PROFESSIONAL LEGAL COMMUNICATION

Abstract. The article explores the role of Roman law as one of the historically stable factors in the development of professional communication in the legal sphere, not only at the level of individual states but also on an international scale. It is concluded that its significance lies in its enduring authority and relevance as an intellectual heritage and a universal determinant of legal science and legal practice.

Keywords: Roman law, professional legal communication, legal science.

В настоящее время происходит стремительная трансформация права и его роли в усложняющемся коммуникационном пространстве на национальном и наднациональном уровнях. Это вызвано рядом причин. Во-первых, в цифровую эпоху формируется особое цифровое право. Во-вторых, в связи усилением конфронтационных проявлений в современном мире и обусловленной этим необходимостью поиска их консенсусного разрешения к сфере юридической коммуникации сегодня предъявляются серьезные запросы. В-третьих, усложняющиеся общественные отношения на глобальном и локальном уровнях в реалиях техногенной цивилизации требуют соответствующей модернизации правового мышления, правовой культуры и профессиональной юридической деятельности. В-четвертых, в современной юриспруденции получает теоретическое и практическое обоснование концепция «юридической коммуникации» [8; 11], активно разрабатывается коммуникативный подход к правопониманию.

Если говорить в широком смысле, то юридическая коммуникация – это весь «юридический мир» как интегральное социальное взаимодействие, охватывающее правовую информацию, правовое общение, правовые знания, правовые ценности, правовые принципы, правовые институты, правовые механизмы, правовые действия, правовую этику, а также профессиональное сообщество юристов.

В узком смысле можно выделить профессиональную юридическую коммуникацию (профессиональную коммуникацию в юридической сфере), связанную с научной, образовательной и практической деятельностью юристов.

Для профессиональной юридической коммуникации особое значение имеет универсальная рациональная основа, закладываемая римским правом в единстве интеллектуального, аксиологического и праксеологического компонентов.

Актуальность обращения к наследию римских юристов обусловлена не только его исторической ценностью, но и тем фундаментальным значением, которое оно сохраняет для современного права.

Римское право представляет собой одно из выдающихся и общезначимых достояний науки и культуры в истории человеческой цивилизации. По замечанию Р. фон Иеринга, Рим трижды покорил мир: первый раз – «силой оружия», а во второй и третий – «силой духа»: религией (сложившимся на его территории христианством) и своим правом. В результате «римское право сделалось, так же как и христианство, культурным элементом нового мира» [5, с. 1, 2].

По мере того как Рим становился мировой империей, в ней интегрировались нормы естественного права (*jus naturale*) неразрывно связанного с национальным правом римских граждан (*jus civile*), а также других завоеванных Римом народов, включенных в состав римского государства (*jus gentium*).

Благодаря римским юристам право выстраивалось как научное знание, обрело логическую конструктивность и прагматическую функциональность, впервые подводило концептуальные основы под юридическую практику.

Интеллектуальный и гуманистический потенциал наследия римских юристов продолжает сохранять свою притягательность, в чем вполне может быть сравним с древнегреческим философским наследием.

Римское право – это колыбель юриспруденции. Его принципы в качестве высшего целеполагания определяют достижение добра и справедливости. Юрист Ульпиан говорил по этому поводу: «Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит» [2, с. 26]. Добросовестность становится не отвлеченным этическим понятием и нравственным идеалом, а юридическим критерием гражданственности в социальных отношениях и мерилom зрелости правовой культуры. Есть все основания утверждать, что «все “знание” римского классического права, все его основные институты были сформированы при непосредственном применении этих категорий (принципов)» [12, с. 72].

Римское право формировалось преимущественно из опыта юридического разрешения конкретных жизненных случаев – «казусов», основанного на выполнении правильных логических операций. Римские юристы не были отвлеченными теоретиками, их интерес лежал в плоскости не абстрактных размышлений, а рациональных решений. Как справедливо указал Р. фон Иеринг, они перенесли право «из области души и чувства в область рассчитывающего разума», что означало установление подобно железной военной дисциплине «тирании юридической дисциплины» [5, с. 281]. Если у греков

чувство национальной гордости вызывали их философия и искусство, то у римлян – их право. Поэтому «юристы нигде не наслаждались большей популярностью, высшим влиянием и высшим уважением, чем в Риме» [5, с. 282–283]. Соответственно, и право нигде не находило такого высокого уважения и признания «надежности нерушимого осуществления» [5, с. 283]. В этом «консервативном» отношении к праву проявлялись наполненное гордостью «упование на его победу», «здравый, крепкий, мужественный правовой смысл», «нравственное могущество права над умами» [5, с. 283].

Вместе с тем, хотя римская юриспруденция была преимущественно «опытной наукой единичных случаев», а не системой общих понятий, римские юристы внесли существенный вклад и в обогащение философии права [3; 12].

По нашему мнению, философский смысл их наследия можно выразить понятием «юридический эмпиризм». Основное содержание римского права – эвристическое урегулирование и разрешение реальных ситуаций человеческого бытия, максимально четко и логично аргументированное доводами разума.

Говоря о значении римского права как детерминанты и атрибута профессиональной юридической коммуникации можно выделить следующие аспекты.

Римское право содержит ценнейший интеллектуальный опыт почти тысячелетнего развития правовой мысли, ставшей затем уникальной опорой юридической науки и практики. Именно изучение римского права стимулировало создание первых европейских университетов, а затем оформилось в самостоятельную науку – романистику. На протяжении уже многих веков оно сохраняет важную роль как в развитии юридического образования, так и в формировании профессионального правового мышления и этоса юридической науки [7].

Римское право сегодня, хотя и не имеет собственно прикладного значения, вместе с тем не может рассматриваться лишь как феномен давно исчезнувшей цивилизации. Оно пережило создавшее его государство, его изучают и к его нормам апеллируют юристы во всем мире [6]. Оно стало рациональной основой дидактического поля, на котором веками оттачивалась юридическая мысль [10].

В римском праве уже на протяжении многих веков укоренены академические традиции юриспруденции. Оно заложило концептуальные основы всей юридической науки, а также стало важной гносеологической детерминантой и терминологическим арсеналом цивилистики, своего рода ее ДНК. Кроме того, в той или иной мере оно находит свое воплощение в дискурсах практически всех социально-гуманитарных дисциплин.

Римское право послужило рецепируемым источником формирования национальных правовых систем, входящих в романо-германскую семью.

Особенно значимое влияние оно оказало на развитие гражданского законодательства. В правовой системе Российской Федерации тоже произошла своя рецепция римского права [1].

Немаловажно подчеркнуть и эстетический аспект феномена римского права как атрибута профессиональной юридической коммуникации. Во многом это обусловлено спецификой латинского языка красотой звучания, лексическим богатством, грамматической стройностью, синтаксической строгостью. Хотя он и относится к категории «мертвых», но продолжает использоваться правоведами, так же как и врачами. Он воплощает испытанную временем интеллектуальную и духовную ценность, поскольку на протяжении столетий являлся универсальным языком всей европейской науки и до сих пор (с IV в. н. э.) остается традиционным для католической церкви (в литургии, официальных документах и системе теологического образования). К этому можно добавить, что он всегда отвечал и «высоким эстетическим критериям элитарного образа жизни» [4, с. 151]

Конечно, римское право не следует «сакрализировать» и только воскуряя ему фимиам, прославляя исключительное величие, превознося и почитая в качестве совершенного «писаного разума». Древний Рим не был идеальной «цивилизацией права» или «правовым государством». Римское право отличается казуистичностью, партикуляризмом, лишено системно выраженной философской основы. Многие аспекты сегодня выступают как архаизмы и весьма запутаны для современного понимания (например, вопросы семейных отношений и наследования) Римские юристы являлись выдающимися интеллектуалами и профессионалами, но весьма далекой исторической эпохи.

Тем не менее не будет большим преувеличением сказать, что во многих отношениях римское право заложило базовые элементы для юриспруденции, значение которых сопоставимо со значением постулатов Евклида для геометрии или законов Ньютона для физики. На основе этого наследия продолжает звучать диалог античных и современных юристов.

Римское правовое наследие содержит богатейший опыт разработки многих юридических институтов, конструкций и категорий, отличающийся универсальностью, интеллектуальной глубиной, стилистическим изяществом, афористичностью. Оно сохраняет актуальность в своих выразительных образцах дискурсивного мышления, рациональной логики и аргументации, в своей отточенной юридической технике и руководящих принципах правосудия.

Оно продолжает оказывать заметное воздействие на развитие современного права [9], составляет нормативную основу международного частного права и универсальный конвенциональный фундамент формирования правового пространства для межгосударственных объединений, унификации их гражданского и торгового законодательства и т. д.

Таким образом, римское право является не просто замечательным памятником античной культуры, ярким образцом интеллектуальной истории, но и – в силу непреходящей авторитетности и востребованности – действенной

детерминантой и универсальным атрибутом развития современной профессиональной юридической коммуникации.

Список литературы

1. Горемыкин Д. Ю. Традиции римского права в национальном законодательстве Российской Федерации / Д. Ю. Горемыкин, С. П. Ковтун // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 36–40.
2. Дигесты Юстиниана / Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского. Москва: Наука, 1984. 456 с.
3. Жуков В. И. Развитие философии права в политико-правовых учениях Римской империи (конец VI в. до н. э. I–II вв. н. э.) / В. И. Жуков // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 1. С. 9–25. DOI: 10.35427/2073–4522–2021–16–1-zhukov.
4. Зяблова Т. Е. Римское право как объект эстетизации / Т. Е. Зяблова // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 147–153.
5. Иеринг Р. фон. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1 / Р. фон Иеринг. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К, 1875. 309 с.
6. Кайнов В. И. Значение римского права для современной юриспруденции / В. И. Кайнов // Мир юридической науки. 2011. № 1. С. 21–27.
7. Кожевина М. А. Этнос науки и современное юридическое знание: преемственность и трансформация традиций / М. А. Кожевина // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134). С. 48–53. DOI: 10.34076/2071–3797–2020–5–48–53.
8. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах: (теоретико-правовая перспектива) / В. Кравиц; пер. с нем. М. В. Антонова. // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 8–26.
9. Кушова Ю. О. Римское право и его влияние на современное право / Ю. О. Кушова // Проблемы научной мысли. 2024. Т. 1. № 1. С. 255–260.
10. Малиновский А. А. Римские правовые максимы: история и современное значение / А. А. Малиновский // История государства и права. 2025. № 11. С. 19–25. DOI: 10.18572/1812–3805–2025–11–19–25.
11. Разуваев Н. В. Идея правовой коммуникации как новый органон юридической науки / Н. В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3(21). С. 4–8. DOI: 10.22394/3034–2813–2024–3–4–8.
12. Савельев В. А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода / В. А. Савельев // Государство и право. 2014. № 3. С. 63–72.
13. Шамшури В. И. Философия римского права / В. И. Шамшури // Университетские лекции по истории философии политики и права. Москва: Блок-Принт, 2021. С. 116–130.

УДК 340.12

Петренко А. Д., Рыбалка Е. А., *Ростов-на-Дону*

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Анализируется принцип гуманизма, который выступает одним из ключевых ориентиров развития современного российского права. Рассматриваются теоретические основы данного принципа, а также особенности его закрепления в действующем законодательстве. На конкретных примерах автор показывает, как идеи гуманизма реализуются на практике в различных отраслях, прежде всего в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Отдельное внимание уделяется сложностям, с которыми сталкиваются суды при обеспечении гуманного подхода к личности, и проблеме поиска баланса между интересами государства и защитой прав человека. Делается вывод, что принцип гуманизма является фундаментальной основой правовой системы России, а значит, требует постоянного совершенствования механизмов своей реализации.

Ключевые слова: принцип гуманизма, российское право, права и свободы человека, гуманизация законодательства, уголовное право, правоприменительная практика, правовая система, защита прав личности.

Petrenko A. D., Rybalka E. A., *Rostov-on-Don*

THE PRINCIPLE OF HUMANISM IN MODERN RUSSIAN LAW: THEORY AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the principle of humanism, which serves as one of the key guidelines for the development of modern Russian law. The paper examines the theoretical foundations of this principle, as well as the specifics of its entrenchment in current legislation. Using specific examples, the author demonstrates how the ideas of humanism are implemented in practice across various branches of law, primarily in criminal law and penal enforcement law. Special attention is paid to the difficulties faced by courts in ensuring a humane approach to the individual, and to the issue of finding a balance between the interests of the state and the protection of human rights. The conclusion states that the principle of humanism is a fundamental basis of the Russian legal system and, therefore, requires continuous improvement of the mechanisms for its implementation.

Keywords: principle of humanism; Russian law; human rights and freedoms; humanization of legislation; criminal law; law enforcement practice; legal system; protection of individual rights.

В последние десятилетия гуманизация права уверенно заявляет о себе как одна из магистральных тенденций развития правовых систем. В мире, где ценность человеческой личности становится отправной точкой политических и социальных процессов, принцип гуманизма приобретает особое звучание. Для российской правовой системы он не просто принцип, а фундамент, на котором выстраиваются отношения между государством и индивидом. Закрепленный на конституционном уровне, этот принцип пронизывает сегодня самые разные отрасли законодательства [1]. В своей основе он требует признания достоинства каждой личности, запрета на жестокое обращение и ориентации всех правовых механизмов на реальную, а не мнимую защиту человека [2].

Однако наличие принципа в тексте закона еще не гарантирует его безупречной работы на практике. В научном сообществе не утихают дискуссии о том, где проходит грань между гуманизмом и необходимостью защищать

общественные интересы, насколько далеко может зайти гуманизация уголовной политики и работают ли на деле те инструменты, которые призваны обеспечить человеку гуманное отношение со стороны государства. Цель этой статьи – разобраться в том, чем сегодня наполнен принцип гуманизма в российском праве и с какими вызовами сталкивается его реализация в повседневной правоприменительной практике.

В юридической науке принцип гуманизма традиционно занимает особое место. Его принято рассматривать сквозь призму ценности человеческой жизни, свободы и достоинства. Многие отечественные исследователи сходятся во мнении, что подлинный гуманизм в праве – это не просто абстрактное человеколюбие, а требование строить всю систему юридических координат вокруг интересов личности. Так, С. С. Алексеев видел в нем «правовое человеколюбие», которое должно быть вплетено в саму ткань юридических норм, становясь естественным ограничителем для государственного принуждения [3]. В. С. Нерсисянц, развивая иную теорию, он утверждал, что настоящий гуманизм возможен лишь там, где есть формальное равенство и свобода, а право выступает надежным щитом для защиты достоинства каждого человека [4].

Можно выделить несколько ключевых составляющих принципа гуманизма:

- 1) уважение человеческого достоинства;
- 2) приоритет прав и свобод личности;
- 3) недопустимость жестоких и унижающих достоинство наказаний;
- 4) ориентация права на исправление правонарушителя, а не исключительно на наказание.

Иными словами, гуманизм в праве – это не просто красивая фраза в преамбуле закона, а требование создавать реально работающие механизмы защиты человека.

Свою законодательную силу принцип гуманизма получил прежде всего в Конституции РФ, где человек с его правами и свободами провозглашен высшей ценностью. Но особенно ярко и многогранно он раскрывается в отраслевом законодательстве.

Уголовный кодекс, например, не только ставит задачу охраны личности и общества, но и прямо оговаривает: наказание не может преследовать цель причинить физические страдания или унижить человеческое достоинство. Логика законодателя здесь прозрачна: государство, наказывая, не должно уподобляться преступнику. В развитие этой идеи появляются и работают институты условного осуждения, амнистии, помилования – все они призваны смягчить карательный меч правосудия там, где для этого есть основания.

Впрочем, как часто бывает, между нормой и ее воплощением в жизнь дистанция может быть огромной. Именно в сфере уголовного судопроизводства принцип гуманизма проходит свою самую суровую проверку на прочность.

Сегодня уголовно-правовая политика России формально взяла курс на расширение практики наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Идея выглядит примерно так: если человек оступился впервые или совершил преступление небольшой тяжести, зачем вырывать его из привычной среды, лишать работы, семьи, связей? Опыт показывает, что сохранение социальных связей часто работает на исправление куда лучше, чем тюремное заключение.

Однако, если присмотреться к тому, что происходит на практике, картина выглядит немного по-другому. Данные судебной статистики и материалы проверок пенитенциарной системы свидетельствуют о разрыве между благими намерениями законодателя и реальностью. Переполненность следственных изоляторов, проблемы с медицинским обеспечением в колониях, слабая работа механизмов ресоциализации – все это сводит на нет многие гуманистические начинания.

Особенно остро проблема встает, когда речь заходит о тяжких преступлениях. Здесь суд оказывается перед почти неразрешимой дилеммой. С одной стороны, общество ждет защиты и справедливого возмездия. С другой – конституционные гарантии прав человека не могут аннулироваться только потому, что инкриминируемое деяние тяжкое. Как найти баланс между безопасностью и свободой, между необходимостью наказать и гуманизмом? Для нашей судебной системы этот вопрос остается открытым.

Если обратиться к конкретным материалам судебной практики, включая разъяснения Верховного Суда и решения нижестоящих инстанций, можно выявить несколько наиболее болезненных точек.

Первое. Взять хотя бы институт отсрочки наказания для женщин с малолетними детьми (ст. 82 УК РФ). Законодатель, вводя эту норму, явно пытался найти компромисс между правосудием и интересами семьи, защитить ребенка. Верховный Суд не раз подчеркивал: применение отсрочки должно быть направлено на сохранение семьи. Но на местах судьи часто перестраховываются. Отказ в отсрочке может последовать даже тогда, когда все формальные условия соблюдены, – просто потому, что судья «не увидел оснований» [5]. Получается, что реализация принципа гуманизма здесь зависит не столько от закона, сколько от конкретного человека и его взгляда на эту ситуацию.

Второе. Несмотря на обилие альтернативных наказаний в Уголовном кодексе – штрафов, исправительных и обязательных работ, ограничения свободы, – реальные сроки лишения свободы продолжают доминировать в судебной статистике. Почему? Тут можно наблюдать целый ряд причин. Это и сохраняющийся обвинительный уклон в сознании многих судей, и объективные сложности: например, принудительные работы негде отбывать – исправительных центров на всех не хватает. Возникает парадокс: закон стал гуманнее, а практика во многом осталась прежней.

Третье. Острое противоречие возникает между требованиями гуманизма и целями так называемой общей превенции, т. е. устрашения остальных. Когда суд рассматривает дело о тяжком преступлении, он нередко жертвует

смягчающими обстоятельствами (молодость подсудимого, явка с повинной, наличие детей) в пользу назидательного срока, который должен «напугать» потенциальных преступников. Формально принцип гуманизма не нарушен – наказание назначено в пределах санкции. Но, по сути, идея индивидуализации наказания, учета личности преступника отодвигается на второй план публичным интересом.

Четвертое. Даже самый гуманный приговор может быть обесценен на стадии его исполнения. Проблемы с условиями содержания – нехватка мест, плохая медицина, антисанитария – это, к сожалению, не выдумки правозащитников, а реальность, с которой сталкиваются осужденные. Достаточно вспомнить практику Европейского суда по правам человека (до 2022 г.), который регулярно выносил решения против России именно по жалобам на ненадлежащие условия содержания. Пока не будут решены системные проблемы в Федеральной службе исполнения наказаний, любые разговоры о гуманизме в правосудии будут разбиваться о суровую реальность тюремного быта.

Показательны в этом смысле и решения Конституционного Суда РФ. Например, в определениях, касающихся применения пожизненного лишения свободы или условий содержания под стражей, Суд неоднократно подчеркивал: государство обязано обеспечить не только формально-юридическую, но и фактическую защиту прав человека. Любые ограничения должны быть разумными, необходимыми и не посягать на самое существо права.

Что касается несовершеннолетних, то здесь практика выглядит более обнадеживающе: к ним суды чаще применяют условные сроки и воспитательные меры, что свидетельствует об определенной интеграции гуманистических подходов именно в этой сфере.

Подводя итог, можно сказать, что принцип гуманизма в российском праве реализуется сегодня крайне неравномерно. С одной стороны, законодательство предоставляет немалый арсенал средств для смягчения наказания и учета человеческой судьбы. С другой – эффективность этих средств сильно зависит от того, как сложится правоприменительная практика в конкретном регионе, в конкретном суде, и в конечном счете от усмотрения конкретного судьи.

Дальнейшее развитие, как представляется, должно идти не по пути наращивания количества гуманных норм (их уже достаточно), а по пути качественного изменения правоприменительной практики. Основные усилия стоило бы направить на несколько ключевых направлений. Во-первых, последовательно расширять применение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, создавая для этого необходимые условия (например, развивая сеть исправительных центров). Во-вторых, ускорить создание полноценной системы пробации, которая помогала бы бывшим осужденным вернуться к нормальной жизни. В-третьих, кардинально улучшать условия содержания в местах лишения свободы – это вопрос не абстрактного гуманизма, а элементар-

ного соблюдения закона. И наконец, последовательно усиливать гарантии защиты прав человека на всех стадиях уголовного процесса, делая акцент не на формальном, а на реальном их обеспечении.

Роль судебной практики в этом механизме переоценить невозможно. Именно в залах судебных заседаний, в текстах приговоров и определений абстрактные принципы обретают плоть и кровь. И именно от того, насколько последовательно суды будут проводить линию на защиту человеческого достоинства, зависит, останется ли принцип гуманизма красивой декларацией или станет, наконец, работающим инструментом. Пока же приходится констатировать: путь от провозглашения ценности личности до ее реальной защиты в каждом конкретном деле долог и тернист. Но пройти его необходимо, если мы действительно хотим называть себя правовым государством.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
3. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
4. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник. М. : Норма: Инфра-М, 2021. 848 с.
5. О практике применения судами постановлений о выделении уголовного дела и об отсрочке исполнения приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 29.
6. Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Дело Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалобы № 11157/04 и 15162/05). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70539826/>.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М. : Проспект, 2024. (В контексте дискуссии о пределах гуманизации уголовной политики).
8. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М. : Норма, 2022.

УДК 342.72/.73

Резникова С. В., Гатчина

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА НА ОХРАНУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Проведен анализ социальных проблем реализации права на охрану частной жизни как производного от конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Рассмотрены существующие социальные противоречия реализации права на охрану частной жизни, на основе анализа судебной практики и научной литературы предложены возможные варианты совершенствования законодательных норм. Сделан вывод о необходимости формирования новой социальной этики цифрового взаимодействия, сочетающей ответственность государства и самозащиту граждан.

Ключевые слова: право на охрану частной жизни, интернет, парадокс приватности, персональные данные, социальный скоринг, цифровая грамотность, самозащита, виртуальное пространство, приватность.

Reznikova S. V., *Gatchina*

SOCIAL ISSUES OF THE RIGHT TO PRIVACY PROTECTION IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The article analyzes the social problems of implementing the right to protection of private life as derivative of the constitutional right to privacy. Existing social contradictions in the implementation of the right to protection of private life are examined. Based on an analysis of judicial practice and scientific literature, possible options for improving legal norms are proposed. The conclusion is made about the need to form a new social ethics of digital interaction, combining state responsibility and citizens' self-defense.

Keywords: right to protection of private life, Internet, privacy paradox, personal data, social scoring, digital literacy, self-defense, virtual space, privacy.

Право на охрану частной жизни является производным от конституционного права на неприкосновенность частной жизни, закрепленного в ст. 23 Конституции РФ. Само право на охрану частной жизни регулируется ст. 152.2. Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Данное право обладает большой степенью значимости, однако его реализация на практике сталкивается с большим количеством социальных проблем, что, безусловно, требует анализа действующего законодательства и его изменения в связи со складывающейся практикой. Стремительное внедрение информационно-коммуникационных технологий в структуру общественных отношений привело к тому, что виртуальное пространство стало не дополнением, а неотъемлемой частью повседневной жизни человека, живущего в современном обществе. К. Шваб достаточно точно отмечает: «неприкосновенность частной жизни превращается в одну из наиболее острых проблем на уровне отдельной личности, возникающих в связи с использованием сети Интернет и превращением технологий во всепроникающую доминанту нашего личного бытия» [8, с. 82]. Будучи конституционно закрепленной, категория «неприкосновенность частной жизни» на сегодняшний день находится на этапе переосмысления, так как традиционные механизмы охраны частной жизни, которые имели высокую эффективность раньше, в настоящее время не во всех случаях могут справиться с проблемами, возникающими в связи со стремительным развитием цифровых технологий. Однако задачей является рассмотреть не столько юридические коллизии, существующие в законодательстве, регулирующем право на охрану частной жизни, сколько глубинные социальные проблемы, связанные с изменением восприятия самой сути категории «частная жизнь», а также с противоречивым поведением субъектов в сети Интернет.

Сеть Интернет появилась в России в начале 1990-х гг. и изначально воспринималась многими ее пользователями как пространство, которое по умолчанию обладает свойствами анонимности. Как отмечает А. Е. Канакова, «действия в виртуальной среде длительное время не имели жесткой привязки к его реальной личности» [3, с. 139]. Существующая иллюзия стала постепенно разрушаться по мере развития информационных технологий, появления сервисов, осуществляющих электронную коммерцию, а также социаль-

ных сетей, которые требуют идентификации пользователя. Возникла ситуация, при которой большая часть граждан воспринимает информационное пространство как зону абсолютной приватности, а их действия, заключающиеся в публикации личных фотографий, геолокаций, личных данных, способствует формированию подробного цифрового профиля, который доступен неопределенному кругу лиц. Е. С. Пронкина по этому поводу отмечает: «изучая различные практики пользователей интернета, исследователи обратили внимание на существование определенного разрыва между обеспокоенностью проблемой приватности и реальными действиями пользователей в интернете» [4, с. 156]. Данное социальное явление в научной литературе имеет название «парадокс приватности». Кроме того, важно отметить складывающуюся ситуацию, при которой граждане в одних случаях показывают осторожность (к примеру, при оплате покупок наличными при получении товара), а в других демонстрируют полную открытость, к примеру, публикуя в социальных сетях конфиденциальные сведения о себе. Существоющее противоречие порождает определенную социальную проблему, поскольку существует запрос от граждан на защиту их частной жизни со стороны государства и властных структур, в то время как субъекты права зачастую сами же нивелируют эту защиту, добровольно предоставляя свою личную информацию. Можно сказать, что такое поведение граждан формирует искаженное представление о правовых гарантиях, поскольку происходит перекладывание ответственности за сохранность личных данных исключительно на государство, а принцип самозащиты, который выступает одним из наиболее важных элементов обеспечения охраны частной жизни, игнорируется.

Однако здесь важно отметить, что такое поведение не всегда указывает исключительно на легкомыслие граждан. Существуют и иные причины, обладающие социальной природой, например, субъективное заблуждение человека о том, что он обладает полноценной возможностью осуществлять управление информацией о себе, которая размещена в сети Интернет. Однако если провести анализ политики конфиденциальности популярных социальных сетей, результаты покажут, что за использованием таких информационных ресурсов стоит множество различных процессов, связанных с обработкой информации о человеке, а также о его действиях. Так, обработке подлежат не только персональные данные, но и другая информация, которая связана с использованием цифрового ресурса. Важным аспектом вопроса контроля информации о самом себе служит возможность удаления данной информации. Однако такая возможность не дает полный контроль над информацией, поскольку внутренние правила сети и российское законодательство создают иные рамки для действия этой процедуры (хранение данных в течение установленного срока, передача данных третьим лицам при использовании приложений). У крупных интернет-платформ есть своя политика конфиденциальности, и обычный пользователь сети Интернет не всегда имеет возможность взять полный контроль над информацией о себе. Как верно отмечается

в научной литературе, «технические особенности функционирования сайтов, использование технологий сбора данных (включая Cookies), а также сложный и объемный язык пользовательских соглашений создают ситуацию, при которой индивид не осознает в полной мере масштабы обработки его данных. Даже реализуя право на удаление аккаунта, пользователь сталкивается с тем, что определенный массив информации продолжает храниться на серверах в течение длительного времени в силу требований законодательства или внутренних регламентов компании» [5, с. 45]. Следовательно, субъективное заблуждение о наличии абсолютного контроля над собственным «цифровым следом» является одной из ключевых социальных предпосылок уязвимости частной жизни.

Важно также отметить проблему, связанную с различным восприятием феномена приватности разными поколениями. Так, социализация представителей старшего поколения проходила в условиях дефицита личного пространства и тотального контроля со стороны государства, именно поэтому они воспринимают частную жизнь как высшую ценность, которая нуждается в тщательной охране. Представители этого поколения обычно достаточно скептически относятся к вопросу сбора данных интернет-провайдерами. Что касается молодого поколения, которое в научной литературе нередко называют «цифровое поколение», оно демонстрирует совершенно иной подход. Г. У. Солдатов отмечает, что «у цифрового поколения во всем мире, несмотря на существующие культурные различия, формируется общий, но иной, по сравнению с предыдущими поколениями, взгляд на приватность в целом и персональные данные в частности» [6, с. 1]. Представляется достаточно затруднительным выработка эффективных механизмов защиты частной жизни граждан в сети Интернет без четкого понимания вопроса о том, какую информацию о себе они готовы сделать открытой и общедоступной.

Следующий важный социальный аспект касается непосредственно самого восприятия анонимности. Изначально использование сети Интернет было напрямую связано с анонимностью лица, так как его действия фактически не имели никакой привязки к его реальной жизни. Однако в процессе развития цифровых технологий стали появляться серверы, использование которых требует от лица предоставления личных данных. При этом сложилась ситуация, в соответствии с которой далеко не все пользователи изъявили желание приспособиться к новому содержательному и функциональному наполнению сети Интернет, из-за чего возник парадокс, когда, во-первых, люди продолжали воспринимать виртуальное пространство как гарантированно анонимное и, во-вторых, даже зная о возможности раскрытия информации, включающейся в категорию частная жизнь, не предпринимают каких-либо действий для сохранения этих данных нераскрытыми. В связи с чем на сегодняшний день можно выделить две тенденции социального характера: первая часть пользователей воспринимает сеть Интернет как приватное пространство, где анонимность выступает фундаментальной характеристикой, а

вторая часть пользователей проявляет настороженность к анонимным, маскирующимся пользователям, приравнивая их действия к попытке уйти от ответственности.

Для того чтобы наглядно рассмотреть вопрос о сложности разграничения правомерного и неправомерного вмешательства в частную жизнь необходимо обратиться к судебной практике. В постановлении Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой» установлено, что «в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю обществом и государством, если она носит непротивоправный характер» [1]. Однако социальные нормы несколько трансформируются и то, что раньше могло считаться интимной сферой, например, финансовой положение лица, на сегодняшний день может становиться предметом публичного обсуждения в блогах и социальных сетях по воле самого субъекта, что в последующем может значительно затруднить его же требования о защите этой информации от распространения третьими лицами.

Еще одной социальной проблемой выступает то, что граждане нередко становятся инициаторами нарушения неприкосновенности чужой частной жизни, поскольку в полной мере не осознают, что характер их действий является противоправным. К таким действиям может относиться, например, публикация в социальных сетях фотографий третьих лиц без их согласия, распространение сведений, касающихся личной жизни знакомых в социальных сетях, создание смешных картинок на основе личных переписок, которые в цифровой среде часто называют «мем». Все эти действия, которые совершают каждый день тысячи пользователей сети Интернет, воспринимаются ими как обычное сетевое общение, а не как вторжение в область, которая находится под правовой охраной. А. А. Сычев по этому поводу отмечает, что «в современном обществе произошла определенная девальвация ценности чужой приватности, когда виртуальная среда воспринимается как пространство, свободное от традиционных этических и правовых ограничений» [7, с. 66]. Указанные обстоятельства создают определенные проблемы, поскольку эффективная защита права на охрану частной жизни возможна исключительно при формировании в обществе культуры уважения к чужой частной жизни.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос, касающийся социальных последствий введения систем автоматизированного анализа поведения граждан, который в научной литературе имеет название «социальный скоринг». В настоящее время данное явление широко распространено в Китайской Народной Республике и понемногу начинает проникать в российскую практику, осо-

бенно это касается областей кредитования, страхования, а также оценки благонадежности потенциальных сотрудников. Суть социального скоринга заключается в проведении мониторинга, оценки и прогнозирования поведения субъектов на основе их социальных характеристик, при этом используются данные из открытых источников, включая профили в социальных сетях, публикации в блогах, комментарии на новостных порталах и так далее. Существует определенная опасность данной системы, как указывает Д. А. Авдеев, она связана «с непрозрачностью механизма оценки. Неясно, какие факторы влияют на балл оцениваемого лица, и поэтому те, у кого низкий балл, могут столкнуться с ограничениями, не зная причин» [2, с. 2]. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения охраны частной жизни, это означает, что личность человека может быть подвергнута дискриминации на основании информации, собранной без его согласия. В законодательстве Российской Федерации на сегодняшний день не закреплены правовые нормы, которые регулировали бы применение технологий социального скоринга. Так, отсутствует законодательно закреплённое право гражданина на ознакомления с факторами, которые повлияли на решение, принятое в отношении него, а также отсутствуют законодательно предусмотренные механизмы оспаривания результатов автоматизированной оценки. Данный законодательный пробел создает реальную угрозу для конституционного права на неприкосновенность частной жизни, а также производного от него права граждан на охрану частной жизни, поскольку осуществление сбора и анализа информации о частной жизни гражданина происходит без его контроля, а зачастую и без его ведома.

Итак, на сегодняшний день реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни и производного от него права на охрану частной жизни сталкивается с рядом социальных проблем, к которым относятся: существование феномена «парадокса приватности»; субъективное заблуждение о наличии полного контроля над собственной информацией; различное восприятие ценности приватности разными поколениями; отсутствие единообразного понимания границ допустимого распространения информации о частной жизни. Существует определенное противоречие между запросом граждан на усиление защиты и охраны частной жизни со стороны государства и с их собственным поведением, которое нередко нивелирует эту защиту и охрану. Кроме того, значительная часть пользователей сети «Интернет» на сегодняшний день не обладает достаточными знаниями о методах защиты своей частной информации. Что касается появления и распространения технологий социального скоринга, это создает возможные угрозы для рассматриваемого права, поскольку создается ситуация, в соответствии с которой осуществление сбора и анализа информации о частной жизни гражданина происходит без его контроля, а зачастую и без его ведома.

Для решения сложившихся социальных проблем в данной области необходимо осуществление определенных мер, к которым относятся:

1) расширение перечня сведений, относимых к персональным данным, за счет включения в этот перечень IP-адресов, геолокационной информации, поисковых запросов, характеристик электронного устройства;

2) законодательное закрепление правовых норм, регулирующих применение технологий социального скоринга;

3) осуществление деятельности, направленной на повышение цифровой грамотности населения, касающейся навыков самозащиты частной жизни в сети Интернет. Так, например, представляется целесообразным совершенствовать осуществление правового просвещения в образовательных учреждениях. В настоящее время вопросы цифровой гигиены и защиты частной жизни в сети Интернет не являются обязательным элементом школьной программы, что формирует поколение пользователей, которые получают доступ к глобальной сети, не имея базовых представлений о возможных правовых последствиях своих действий, что, безусловно, является проблемой, требующей решения;

4) существует необходимость в стимулировании интернет-платформ к упрощению языка пользовательских соглашений и политик конфиденциальности, которые состоят в основном из юридической терминологии. Безусловно, это является соблюдением законодательных требований, но лишает обычных пользователей, которые не разбираются в юридической терминологии без помощи специалистов, возможности осознанно принимать решение о передаче своих данных. Вариантом решения проблемы может быть закрепление законодательного требования о необходимости адаптации подобных документов для широкого круга лиц, например, путем создания краткой версии на доступном языке, что поспособствовало бы минимизации субъективного заблуждения относительно контроля над собственной информацией.

Таким образом, проведенное исследование социальных проблем права на охрану частной жизни показывает, что вопросы защиты личных данных в сети Интернет требуют законодательного регулирования, касающегося разработки наиболее эффективных механизмов контроля за обработкой персональной информации граждан, а также повышения осведомленности населения о методах защиты своей неприкосновенности в интернет-пространстве. Эффективность реализации рассматриваемого права на сегодняшний день невозможна без изменения отношения граждан к собственной приватности, без формирования культуры уважения к чужой частной жизни, без повышения уровня цифровой и правовой грамотности населения. Социальные проблемы права на охрану частной жизни носят комплексный, системный характер. Разрешение существующих проблем невозможно при использовании только лишь правовых средств, как и невозможно перекладывание всей ответственности исключительно на государство. Требуется формирование новой социальной этики цифрового взаимодействия, в рамках которой уважение к чужой приватности становится общепринятой нормой, равно, как и ответственное отношение к собственной частной информации.

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 3. Ст. 278.
2. Авдеев Д. А. «Социальный скоринг» как фактор нарушения права на неприкосновенность частной жизни // МНИЖ. 2023. № 6 (132). С. 1–5.
3. Канакова А. Е. Парадокс приватности: проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9, № 1. С. 138–146.
4. Пронкина Е. С. Парадокс приватности: почему пользователи социальных медиа раскрывают персональную информацию в публичном пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 8 (41). С. 155–165.
5. Сквозников А. Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С.
6. Солдатова Г. У. Цифровое поколение: компетентность и безопасность // Национальный психологический журнал. 2017. № 1(25). С. 1–7.
- 7. Сычев А. А. Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // Социальные нормы и практики. 2023. № 3. С. 64–78.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского. М. : Эксмо,

УДК 14:17:321

Толмачёв А. В., Москва

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ: ВЛАСТЬ ОТ ЗЕМЛИ И ВЛАСТЬ ОТ НЕБА ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Власть обретается как от Земли, так и от Неба. В философии власти власть от земли может быть законной (выборной), незаконной (узурпированная) и священной (венчание на царство). Законная власть – это союз правителя с народом через выборы. В демократиях она делится на законодательную, исполнительную и судебную. Незаконная власть узурпируется насильственным захватом, интригами или дворцовыми переворотами. Священная власть обретается избранием на царство, помазанием на царство и венчанием на царство. В политической теологии власть от Неба дается через вождя, соединяющего в одном лице духовную, светскую и военную власть. Она обретается либо победителем в кровопролитной войне, либо предводителем социальной революции, либо миротворцем. Основание власти от Неба прекрасно иллюстрируется преамбулой указов ханов Золотой Орды: «Предвечного Неба Силою, Высшей Троицей волею мое ханское слово...». Источником наднациональной и надконфессиональной власти в улусах Единого государства Чингисхана была сила неба (Бич Божий) и воля неба (троичная повелевающая функция). Повелевающая троичность Воли Неба позволяет полагать, что ее воздействие на людей происходит волновым резонансом вибраций Духа Истины с вибрациями биения сердца. Формирование сценария трансформации современного глобального индустриального общества в информационное возможно при реализации одного из шести мировых проектов будущего развития человечества на Земле, которые в новой этике различаются образом будущего и путями обретения этого будущего, с опорой на Силу Неба и троичную Волю Неба. Власть не за теми, кто захватывает пространства, а за теми, кто захватывает время.

Ключевые слова: философия, власть, политика, философия, теология, геополитика, небополитика.

Tolmachev A. V., *Moscow*

PHILOSOPHY OF POWER: POWER FROM EARTH AND POWER FROM HEAVEN IN THE TRANSFORMATION OF GLOBAL CIVILIZATION

Abstract. Power is acquired both from the earth and from Heaven. In the philosophy of power, earthly power can be legitimate (elective), illegitimate (usurped), and sacred (coronation). Legitimate power is the alliance of the ruler with the people through elections. In democracies, it is divided into legislative, executive, and judicial. Illegitimate power is usurped through violent seizure, intrigue, or palace coups. Sacred power is acquired through election to the throne, anointing to the throne, and coronation to the throne. In political theology, power from Heaven is granted through a leader who combines spiritual, secular, and military authority in one person. It is acquired either by the victor in a bloody war, the leader of a social revolution, or a peacemaker. The foundation of power from Heaven is beautifully illustrated by the preamble to the decrees of the Golden Horde khans: «By the Power of the Eternal Heaven, by the will of the Supreme Trinity, my khan's word...» «The source of supranational and supra-confessional power in the uluses of Genghis Khan's Unified State was the power of Heaven (the Scourge of God) and the will of Heaven (the triune commanding function). The commanding trinity of the Will of Heaven suggests that its impact on people occurs through the wave resonance of the vibrations of the Spirit of Truth with the vibrations of the heartbeat. The development of a scenario for the transformation of the modern global industrial society into an information society is possible through the implementation of one of six global projects for the future development of humanity on Earth. These projects, in the new ethics, differ in their vision of the future and the paths to achieving this future, relying on the Power of Heaven and the triune Will of Heaven. Power belongs not to those who seize space, but to those who seize time.

Keywords: philosophy, power, politics, philosophy, theology, geopolitics, skylitics.

Платон утверждал, что действительной властью могут обладать лишь мудрецы-философы, в чьих душах преобладает разум, и потому они способны приблизиться к знанию о справедливости и на его основе осуществлять правление. Тогда как все остальные сословия не могут претендовать на власть, и само устройство их души противоречит этому, поскольку соблазны власти затуманивают разум, вносят мятеж и смуту, делая власть шаткой и неустойчивой, разрушая ее. У Гегеля впервые отношения господства и подчинения утрачивают свою односторонность и четкое разграничение между субъектом и объектом власти. Господин властвует, поскольку рискнул жизнью и доказал свое превосходство, однако он впадает в зависимость от раба и от производимых им вещей, утрачивает стимул к саморазвитию и закосневает. Тогда как раб стремится к превозможению действительности; он учится властвовать собой, будучи вынужден отказываться от удовлетворения своих желаний, – в конечном итоге он превосходит своего господина по уровню самосознания.

Известный исламский философ и теолог Гейдар Джемаль говорил: «Идея власти окружена иллюзиями и предрассудками не только в массовом сознании, но и в представлении философов и ученых. Одно из наиболее распространенных заблуждений – отождествление власти с принуждением.

Мы привыкли к терминам властные структуры, исполнительная власть. Постоянное присутствие государства-Левифана, ограничивающее нашу

волю, давно вытеснило мистическую интуицию о природе власти. В действительности истинная власть вообще не обращена на индивидуумов как субъектов права.

Цари, вожди, герои взаимодействуют с пластической субстанцией человечества, которую можно назвать его коллективной душой. Именно ее они стремятся вовлечь в свой проект, сделать соучастницей сговора против судьбы и против сил костного хаоса.

Другой популярной ошибкой является вера в то, что власть выгодна в буржуазно-торгашеском смысле слова. Обыватель стремится по-своему очеловечить пугающую реальность могущества, связав ее с материальными привилегиями. Подлинные пассионарии власти, для которых она является единственной возлюбленной, аскетичны. Для них бремя власти – это форма литургического служения.

Истинная власть никогда не осуществляется во имя свое. За ней всегда стоит проект, иначе говоря, замысел Провидения о пути человечества. Часто этот замысел оборачивается страшным испытанием. Трагическая сущность власти тесно связана с жертвенностью, и это роднит ее с Эросом. Древние знали о темной разрушительной стихии Эроса, Эроса как инобытия смерти. Только подвиг может очистить и преобразить эту стихию в чистую субстанцию любви. Этот подвиг – суть воинского служения.

Вот почему воинская каста Запада – рыцарство – сакрально объединяла в себе три функции жертвенного служения: власть, любовь и смерть, которая была кульминацией боевого пути. Впервые мистическую теологию власти в западной традиции изложил рыцарь-поэт Данте, принадлежащий к ордену «Верных любви».

С момента рождения человек окружен вещами, которые представляются ему чем-то непреложным. Человек беспомощен перед обществом с его правовыми, родовыми и экономическими связями. Человек воспринимает как должное культуру, в которой рождается. Наконец, самым непостижимым и независимым как для телесного существа для него предстает незримый мир Духа. Однако власть над этими тремя измерениями – обществом, цивилизацией и сверхчувственным – всегда была самой дерзкой и сокровенной мечтой.

Опыт человечества свидетельствует, что в мир приходили уникальные сущности, которые делали эту мечту былью, изменяя таким образом саму реальность. Именно поэтому история власти совпадает с историей религии.

Власть является ярчайшим проявлением религии как революции Духа, выражением мистической веры в то, что можно восстать и навеки победить слепое ничто Рока. Полководцы и пророки, иногда соединяясь в одном лице, оказываются в этой борьбе светлыми воинами Бога» [6, с. 67–68].

Власть не нуждается в обусловливании социальными причинами. Как отмечала Рахмановская Е. А. : «Традиционно предполагалось, что для обладания властью необходимо некое метафизическое основание, будь то божественная воля, дающая властителю особые полномочия, или особые природа,

происхождение или неординарные способности, отличающие его от подвластных и санкционирующих право на власть. <...> Ф. Ницше, утвердивший волю к власти в качестве первореальности человеческого бытия. <...> Будучи глубоко укорененной в человеческой природе, властное стремление обнаруживает себя как инстинкт, безотчетный неустрашимый порыв, и как страсть, чувство захваченности и упоения собственной силой. <...> Саму волю к власти Ницше определяет, прежде всего, в качестве инстинкта, задающего направление и координирующего все остальные влечения: все живое стремиться дать волю своим силам. Ни голод, ни эрос, а увеличение степени власти – вот главный источник движения, стержень всякой мотивации. <...> В ницшеанской трактовки воля не соотносится с разумом, она стихийна и действует помимо него, а разум в свою очередь не является причиной поспупков, он лишь рационализирует их. Поэтому воля к власти не может выступать следствием человеческого намерения, она не свойство сознания, а единственная подлинная сущность человека, закреплённая на уровне тела, физиологического инстинкта: нет никаких духовных причин! <...> Парадоксальность мысли Ницше в том, что период безвластия во всякой исторической ситуации оказывается сродни хаосу, упадку, разрушению, словом, всему, чему власть призвана противостоять. Но философ показывает, что безвластие отнюдь не очевидный антагонист власти, она может быть и высшим проявлением самой власти. Насытившись своим величием и полагая, что его могуществу ничего не угрожает, властитель уходит в тень, отпуская брвзды правления. « [10, с. 99–101].

И все-таки власть может осуществляться только при понимании божественного замысла на будущее народа, на расходования времени жизни народа и отдельного человека на реализацию проектов будущего. Власть должна ведать божественный замысел и чаяния народа. Девятов А. П. с соратниками (А. В. Кашанский и др.) предложил для власти замечательный термин – веждизм, включающий в себя чувство правды, этику совести и азбуку смыслов.

«Веждизм – новое русское слово для знати и кандидатов во власть, в своих составных частях: разианство, благология, небополитика – есть целостное, ни у кого не списанное мировоззрение будущего века. Три источника веждизма – это чувство правды, этика совести и код перемен. <...> Переход в жизнь будущего века проходит через системный кризис индустриального общества расширенного воспроизводства капитала, упершегося в пределы роста, и выглядит как прорыв в технологический уклад грядущего информационного общества. Прорыв осуществляется насильственными средствами Третьей мировой войны нового гибридного типа» [5, с. 16].

Кому сегодня принадлежит власть в глобальной человеческой цивилизации?

Под глобальной цивилизацией понимается не цивилизация людей, а только способ организации самых разных народов в политико-экономические модели. Задача политико-экономической глобализации (глобального финансово-ростовщического капитализма) – сделать весь мир одинаковым,

единообразным и максимально удобным для транснациональных корпораций. Эта глобализация подчинена этике религии денег, враждебна всякой культуре и диалогу культур, она никакого многообразия не терпит. В XXI в. развернулась мировая война гибридного типа за смыслы существования, в которой участвуют религии и философии. Смыслы человеческого существования в духовной эволюции, в отличие от биологической эволюции, при становлении личности человека раскрываются через поиск Истины и Благодати в Божественной любви. Для этого религиозные учения предлагают ищущему технологии личностного роста.

Личностный рост при становлении личности возможен при взгляде на человека как на триединство тела, души и духа, т. е. на триединого человека. Троичность человека – это базис бессознательного (инстинкты тела), сознательного (рефлексы души) и надсознательного (страсти духа). В троичности формируется личностная идентичность с опорой не на «голос крови» (по Л. Н. Гумилеву – этногенез или генетический код [3]), а на «зов сердца» (по А. П. Девятову – код культуры, код архетипов [5]), – через различение сердцем «чувства правды». В православии догмат веры троичен – Святая Троица, и чувство правды проявляется в этике совести (волновой резонанс с Волей Неба). В исламе, где догмат веры монотеистичен, чувство правды различает чистое сердце (Сила Неба). Воля Неба троична и приходит на землю в энергиях волн с параметрами: амплитуда, частота, фаза. Сила Неба, в терминологии физики, на земле торжествует как поляризация волны.

Совесть и чистое сердце настроены на ценности и распознают справедливость. Этика совести и чистое сердце лежат в основе технологий управления поведением людей как власти от Неба, и космические основания воздействия на людей из мира невидимого включают Силу Неба и Волю Неба. Небо – это время, размеченное соотношениями трех источников энергии космоса: Солнца, Луны, звезд, которые Пифагор назвал музыкой сфер. Музыка сфер – это вибрации космоса, идущие к Земле от Солнца, Луны, звезд и создающие тонкие поля. В политической теологии различают время (небополитика от музыки сфер Отца Небесного) и пространство (геополитика от матери земли), в котором живет человек. Слаженная соразмерность трех неравновеликих частей: Неба, земли и человека между ними составляют гармонию, через которую устанавливается власть.

Власть обретается как от земли, так и от Неба. В философии власти власть от земли может быть законной (выборной), незаконной (узурпированная) и священной (венчание на царство). Законная власть – это союз правителя с народом через выборы. В демократиях она делится на законодательную, исполнительную и судебную. Незаконная власть узурпируется насильственным захватом, интригами или дворцовыми переворотами. Священная власть обретается избранием на царство, помазанием на царство и венчанием на царство.

В политической теологии власть от Неба дается через вождя, соединяющего в одном лице духовную, светскую и военную власть. Она обретается либо победителем в кровопролитной войне, либо предводителем социальной

революции, либо миротворцем. Основание власти от Неба прекрасно иллюстрируется преамбулой указов ханов Золотой Орды: «Предвечного Неба Силю, Высшей Троицей волею мое ханское слово»... А. П. Девятков отмечает, что «источником наднациональной и надконфессиональной власти в улусах Единого государства Чингисхана была сила неба (Бич Божий) и воля неба (троичная повелевающая функция)... Троичность Воли Неба позволяет полагать, что ее воздействие на людей происходит волновым резонансом вибраций Духа Истины с вибрациями биения сердца. Интерференция волн этих вибраций и создает повелевающий эффект неба, ибо «задающий генератор» духа в воздействии на сердца людей первичен. <...> Если повелевающая функция Неба имеет волновую природу, то в нее можно вписаться резонансным откликом на сигнал от человека. Этот сигнал называется зов сердца, а его попадание в резонанс с небом – схождением благодати» [4].

В современной войне смыслов [7] при смене индустриального общества на информационное, по А. П. Девяткову, важнейшим оружием, заведомо побеждающим и ум, и волю, и страх, и расчет, выступает Дух Истины. Повелевающая троичность Воли Неба позволяет полагать, что ее воздействие на людей происходит волновым резонансом вибраций Духа Истины с вибрациями биения сердца.

Известны несколько возможных сценариев трансформации глобализма. Первый – сверхгосударственный сценарий – глобализм укрепится окончательно не только в сфере идей, политики, но и в реальном материальном мире с созданием некоего одного сверхгосударства. Второй – апокалиптический сценарий – глобализм рухнет с исчезновением человека, который в технократическом мире станет лишним звеном, которого заменят роботы и киборги. Третий – преображенный сценарий – современный глобализм «-» трансформируется в новый глобализм «+», который будет продуктом иной эволюции человека – эволюции человеческого духа. Формирование третьего сценария возможно при реализации одного из шести мировых проектов будущего развития человечества на Земле.

Проекты будущего человечества в новой этике различаются образом будущего и путями обретения этого будущего, с опорой на Силу Неба и троичную Волю Неба. Власть в современном глобальном обществе принадлежит тем властным группам, которые предлагают и осуществляют проекты образов будущего человечества при переходе от индустриального общества в новое информационное общество. При реализации мировых проектов новые цифровые деньги – это инструмент строительства, а не самоцель. Небополитика сегодня определяет всего шесть общечеловеческих проектов будущего народов: еврейский («тысячелетняя Суббота»), аристократический («фреванш черного интернационала»), исламский («всемирный Халифат»), либеральный («трансгуманизм»), китайский («Датун – сообщество единой судьбы человечества») и возможный русский («великая Евразия – семья народов западных цивилизаций»). Власть не за теми, кто захватывает пространства, а за теми, кто захватывает время.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Эксмо, 2023. 544 с.
2. Бронюкайтене Н. Б., Толмачёв А. В. Глобализм как способ покорения человека: сборник научных статей. Chisinau: LAP, 2024. 70 с.
3. Гумилев Л. Н. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во АСТ, 2021. 1024 с. : ил.
4. Девятов А. П. Про власть от Неба. Телеграмм-канал, 19 сентября 2025.
5. Девятов А. П. Небополитика на марше, или Благовествование надежды. М. : ИП Соколова А. А., 2023. 208 с. : ил.
6. Джемаль от А до Я / авт. идеи Максим Шевченко. М. : ИП Шевченко М. Л., 2019. 576 с.
7. Дугини А. Г. Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского Царства. М. : АСТ, 2024. 784 с.
8. Зомбарт В. Торгаши и Герои: раздумья патриота. Евреи и экономика / пер. с нем. Д. В. Кузницына, А. П. Шурбелева. СПб. : «Владимир Даль», 2022. 654 с.
9. Катасонов В. Ю. Религия денег: Духовно-религиозные основы капитализма. М. : Кислород, 2014. 408 с. ил.
10. Рахмановская Е. А. Парадоксы властолюбия // Философия и культура. 2017. № 10. С. 97–109.
11. Толмачёв А. В. Мифология глобализма и самоорганизация человека : сборник научных статей. Riga: LAP, 2021, 96 с.
12. Толмачёв А. В. Философия власти. Ч. 5. Власть проектов будущего человечества. Chisinau : YAM Publishing, 2025. 115 с.

УДК 340.11

Эрштейн Л. Б., *Великий Новгород*

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА КАК ПРЯМОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ АБСТРАКЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Доказывается, что юридическая система представляет собой систему запретов общества и наиболее соответствует предлагаемой третьей абстракции представления ценностей. Рассматриваются виды наказаний, которые являются способами запретов во взаимодействии с системами ценностей субъектов общества.

Ключевые слова: юридическая система общества, ценности, ценности как запреты, наказания.

Ershteyn L. B., *Nizhniy Novgorod*

LEGAL SYSTEM OF SOCIETY AS THE DIRECT EXPRESSION OF THIRD ABSTRACTION OF VALUES REPRESENTATION

Abstract. The article proves legal system as system of prohibitions of society. It proved that legal system mostly appropriates are proposed by author third abstraction of values representation. The kinds of penalties are considered in their interactions to systems of values of subjects of society.

Keywords: the legal system of society, values, values as prohibitions, punishments

Введение

Одной из основных проблем, относящихся к юридической системе общества является вопрос о том, что она в сущности представляет собой как таковая, чем она является для общества, на чем она основана, и что выражает. Эта проблема актуальна потому, что без ответа на поставленные вопросы не

представляется возможным эффективно развивать данную систему, прогнозировать ее изменения и конструировать ее более качественно.

Разумеется, рассматривать сущность юридической системы можно с различных сторон: с исторической, с социологической, с экономической, т. е. с точки зрения любой дисциплины, так или иначе касающейся социальных процессов в самом широком понимании данных процессов. Однако в любом случае возникает вопрос о системном качестве юридической системы, о том, что не сводится к узкоспециализированному рассмотрению, но представляет собой квинтэссенцию данной системы как таковой. Выявление этого качества имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку его понимание позволит в будущем принимать конкретные законодательные акты, не вступающие в противоречие с данным качеством и, следовательно, делающие юридическую систему более эффективной в своем практическом воплощении. Выявить и обозначить данное качество и будет составлять цель данной работы.

Обзор литературы

Сущность и проблема ценностей рассмотрены в работах [5–7]. И несмотря на то что там указано, что юридическая система общества представляет собой практическое выражение системы ценностей общества, подробно этот вопрос в источниках не рассматривается.

Анализ сущности и смысла юридической системы общества представлен в работах [1–3]. Нельзя не согласиться со всем сказанным в данных работах, но системное качество правовой системы общества там вскрывается слабо и еще меньше говорится о ценностных характеристиках юридической системы.

Третья абстракция представления ценностей

Не вызывает сомнений, что юридическая система является выражением ценностей общества как такового, это не отрицается в источниках и признается всеми исследователями, рассматривавшими данный вопрос. Однако, что представляют собой ценности? В нашей предыдущей работе [5], указано, что ценности можно представить тремя различными способами, которые мы называем «тремя абстракциями представления ценностей» где первая абстракция представления это бытовое понимание ценностей, где ценности понимаются как значимости, однако, насколько значима данная ценность и как измерить данную значимость полностью игнорируется. Это бытовое понимание ценностей.

Вторая абстракция представляет собой понимание ценностей как значимостей, то что ценности представляют собой значимости разной силы не отрицается, но вместе с тем способ измерения значимости (силы) ценности не предлагается.

И, наконец, в соответствии с третьей абстракцией ценности понимаются как запреты определенной силы, где сила запрета представляет собой готовность субъекта отказаться от данной ценности под определенным воздействием, причем самые значимые ценности это те от которых субъект не готов

отказываться даже под влиянием воздействия прекращающего его существование, а наименее значимые это те, от которых он отказывается при воздействии не имеющим никакой силы (например, при устной просьбе).

Юридическая система общества, по сути является третьей абстракцией выражения ценностей, так как представляет собой систему запрещающую, выражающую запреты общества, то, что субъекту в обществе делать нельзя.

Юридическая система как выражение третьей абстракции представления ценностей. Обращает на себя внимание тот факт, что юридическая система общества действительно является системой запрещающей, она не говорит субъекту, что он должен делать, но указывает ему что ему делать запрещено. То есть, по сути, юридическая система показывает субъекту (а субъектом может выступать отдельная личность или организация), что важно для общества (а единицей общества в данном случае выступает государство), что ему запрещено делать.

При этом, с одной стороны, единица измерения значимости совершенно иная чем в третьей абстракции представления ценностей, а с другой стороны, отказ от данной ценности на первый взгляд не возможен. Разберемся.

В юридической системе сила ценностей выражена двояко, это или материальное, финансовое выражение в форме штрафа, или физическое выражение в форме лишения свободы конкретных личностей. При этом по отношению к организации применяются только штрафные санкции (организацию в тюрьму не посадишь), а по отношению к личности и те и другие. Вместе с тем иногда юридическая система выражает запреты в форме предписаний, т. е. она указывает, что субъекту нельзя не производить какие-либо действия, например нельзя не обеспечить доступ до ребенка обоих родителей в случае развода. Однако в целом чаще всего речь идет все-таки о прямых запретах, например, запрет на убийство, воровство, мошенничество и так далее, до бесконечности.

Чем сложнее общество, тем больше в нем запретов. Несмотря на то что отказ от выполнения запретов общества невозможен, на самом деле это не совсем так. Чем более значимым для себя общество считает преступление, а преступление есть по сути дела отказ от выполнения запрета, его нарушение, тем сильнее наказание, т. е. тем больше сумма штрафа и тем больше срок лишения свободы. Соответственно, очевидно, что большего наказания хочется избежать сильнее чем меньшего. Штраф в условные сто рублей, вряд ли заставит кого-то серьезно относиться к тому, что он запрещает, из-за чего дается. А штраф в миллион скорее всего для многих послужит серьезным основанием данный запрет не нарушать. В обществе это великолепно понимают и стараются согласовывать силу воздействия в соответствии с инфляционными процессами в экономике для того, чтобы наказание, дающееся за то или иное нарушение запрета, было адекватным тому, чему оно было раньше. Вероятно, имеет смысл говорить о системе индексации наказаний. Но этот вопрос является предметом отдельных специальных исследований.

Более абсолютным представляется физическое лишение свободы. Видится, что лишение свободы более серьезное наказание чем штраф и его больше боятся. Однако и здесь все не так просто. Любая попытка найти универсальный эквивалент наказания обречена на провал, потому что любое наказание сталкивается с ценностями субъектов. А ценности субъектов в своей значимости индивидуальны. То, что очень значимо для одного может быть совершенно не значимо (не ценно) для другого. Например, для миллиардера или очень богатой организации почти любой штраф будет не значим, а для бедного человека с невысоким уровнем дохода даже маленький штраф может представлять собой значительную проблему, для него ценностью является любая денежная сумма, и он предпочтет может быть лишение свободы, а не штраф (аналогичная ситуация для небольшой организации).

Казалось бы, с лишением свободы все иначе. Да, лишение свободы серьезное наказание, однако, не всеми оно воспринимается одинаково, и на это в частности указывает Александр Солженицын в своем произведении «Архипелаг Гулаг» [4], и дело здесь не только в физическом восприятии лишения свободы, но и в том, что одной из базовых задач, стоящих перед человеком в процессе его индивидуального существования является материальное обеспечение себя и своей семьи, просто говоря, ему надо физически прокормиться и задачу эту подчас очень не просто решить. Присуждая лишение свободы, общество освобождает человека от решения этой задачи, тем самым снимая с него как материальные обязательства перед самим собой, так и перед семьей. Да, взамен идет жесткая регламентация его жизни и невозможность общения с противоположным полом. Но, так как обычный человек должен каким-то образом добывать финансовые ресурсы, а чаще всего это делается при помощи работы, то его жизнь тоже достаточно жестко регламентирована (конечно, не мало исключений, но в целом это так). Что же касается противоположного пола, то огромное количество людей живет в одиночестве без всякого лишения свободы, эти люди просто не могут найти себе подходящего партнера. Поэтому, лишая человека свободы, ему предоставляется возможность не решать проблему удовлетворения своих основных базовых потребностей, а это очень немало.

Кроме того, конечно, первый опыт лишения свободы может вызывать огромный страх, и чаще всего так оно и есть, но надо понимать, что это только первый опыт. Чем чаще человек сталкивается с лишением свободы, тем меньше он боится этого наказания. Фактически рецидивисты настолько лишены способностей адаптироваться в обычном обществе и настолько не боятся лишения свободы, что после выхода на свободу стремятся попасть назад в места заключения, которые для многих из них фактически становятся родным домом. Понимая это, общество старается ужесточить лишение свободы принятием дополнительных мер, таких как режимы содержания, карцеры и прочие меры воздействия.

Исторически так было не всегда. Существовали, а в некоторых странах существуют и по сей день и другие меры наказания, т. е. меры измерения силы социального запрета.

Во-первых, следует сказать о смертной казни, которая считается и признается высшей мерой наказания. Но мера эта на самом деле основана на бесконечном страхе смерти, присутствующем у большинства людей. В том случае, если человек по каким-то причинам не хочет жить (а статистика суицидов говорит о том, что это не редкость) данная мера вообще бессмысленна и наказанием не является. Кроме того, смертная казнь это попытка ввести в земную жизнь параметр из другой жизни (если она существует), это привлечение в эту земную жизнь силы о которой никто толком ничего не знает и знать не может, поэтому данная мера может иметь ценность высокого порядка, если перед государством стоит цель не наказать человека, а от него избавиться, т. е. сделать так чтобы его не было на Земле, да, тогда такое решение абсолютно и оправданно. В том же случае если целью является наказать, т. е. причинить человеку существенный ущерб, сделать его существование не комфортным, данная мера попросту бессмысленна так как этой решить принципиально не может.

Во-вторых, еще одной мерой наказания, которая существовала в прошлом особенно в странах востока, было калечить людей путем отсечения тех или иных частей тела (языка, рук и т. п.). Мера эта – воистину изуверская в настоящее время признана крайне негуманной. И, в общем, это справедливо. Однако нельзя не отметить, что целостность тела является практически для всех людей ценностью очень высокого порядка, ради реализации которой мало кто готов пожертвовать чем бы то ни было. И, если ситуация, когда человек не хочет жить в условиях современной цивилизации, не является особенной редкостью, то ситуацию, когда человек готов ради той пользы, которую, по его мнению, приведет совершение преступления, т. е. нарушение социального запрета, пожертвовать какой-либо частью тела, вообразить сложно, хотя исторически такое встречалось. Данный тип наказания, когда он существовал, не останавливал людей в преступлениях, за которые он давался, однако, в современном мире, такая ситуация, по-видимому, представляет собой предельную редкость, впрочем, как и ситуацию, когда такой тип наказания будет принят в сколько-нибудь развитом обществе.

В-третьих, изгнание. Косвенно подобный тип наказания существует и по сей день. В настоящее время, в условиях процессов глобализации и развития информационных технологий, данная мера по всей видимости утрачивает свою ценность, однако исторически она имела большое значение, и перспектива ее получить удерживала многих от нарушения социальных запретов, за которые она присуждалась. В любом случае, мера представляется неоднозначной, для одних ценность существования в привычном для них обществе очень значима, для других не значима вообще.

Как можно видеть, сформулировав свою собственную систему ценностей в форме запретов и сформировав ее как юридическую систему, как социальный институт права, общество не смогло установить универсального эквивалента измерения силы этого запрета, вероятно сделать это не представляется возможным в силу того, что каждый субъект обладает собственной системой ценностей и в ней любое предлагаемое обществом воздействие будет обладать разной значимостью (ценностью). Тем не менее не вызывает сомнений что юридическая система представляет собой практическое выражение системы ценностей общества.

Выводы. Таким образом сделаем некоторые выводы.

1. Юридическая система общества является практическим отражением системы ценностей общества, выраженной запретами на те или иные действия тех или иных субъектов социального процесса.

2. Такая система лучше всего описывается третьей абстракцией представления ценностей, при которой система ценностей понимается как система запретов той или иной значимости, где сила значимости определяется как способность субъекта отказаться от данной ценности.

3. Если у субъектов существует универсальный эквивалент измерения силы запрета, то в обществе такой эквивалент выработан не был. И оно предлагает различные способы измерения силы запрета, которые, по сути, представляют собой наказания, применяемые к нарушителям данных запретов. А сами запреты выражаются в законодательных актах общества.

В результате можно говорить о необходимости выработки универсальных способов измерения силы социальных запретов и хотя эта задача представляется сложной, а возможно и не выполнимой ее решение представляется актуальным и, возможно, оно будет предусматривать адаптацию конкретного наказания к индивидуальной системе ценностей данного конкретного субъекта, т. е. за одно и то же преступление будет даваться разное наказание в зависимости от особенностей индивидуальной системы ценностей конкретного субъекта. Однако такое решение требует дополнительных специальных исследований.

Список литературы

1. Искевич И. С., Попов А. Н. Правовая система России и международная правовая система: вопросы и пути взаимодействия // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 162–165.
2. Леушин В. И. Система права и правовая система: сходство и различие // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 1(23). С. 74–76.
3. Пономарев А. М. Социально-юридическая система как объект философского исследования // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2011. № 4. С. 70–80.
4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ / [под ред. Н. Д. Солженицыной]. М. : Эксмо, 2018. 1275с.
5. Эрштейн Л. Б. Три абстракции представления ценностей // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2025. Т. 8, № 2. С. 69–83.
6. Edwards R. B. (ed.). Formal Axiology and Its Critics. Leiden : Brill, 2021. 241 p.
7. Friedman B., Kahn P. H., Jr. Human values, ethics, and design // A. Sears, J. A. Jacko (Eds.). The Human-Computer Interaction Handbook: Fundamentals, Evolving Technologies and Emerging Applications. Boca Raton: CRC Press, 2007. P. 1267–1292.

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И КООРДИНАЦИИ»

УДК 314.06

Апанина А. В., *Иркутск*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Аннотация. Исследуется социально-правовой статус участников специальной военной операции и членов их семей в правовом пространстве. Рассматривается, каким образом ведется работа по усовершенствованию социального статуса военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции и членов их семей.

Ключевые слова: участники СВО и члены их семей, правовое регулирование, меры социальной поддержки, социальный статус, семейные службы помощи.

Apanina A. V., *Irkutsk*

SOCIO-LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS OF SPECIAL MILITARY OPERATION AND THEIR FAMILY MEMBERS

Abstract. the article touches upon the topic of socio-legal status of participants of special military operation and their family members in the legal space. The purpose of the article is to give the reader an idea of how and in what way work is carried out to improve the social status of military personnel taking part in special military operations and their family members.

Keywords: participants in the special military operation and their family members, legal regulation, social support measures, social status, and family assistance services.

Российская Федерация является социальным государством, и забота о благополучии его граждан является основным направлением государственной политики. В Конституции Российской Федерации говорится, что каждый гражданин нашего государства имеет право на социальное обеспечение и социальную защиту, что подразумевает под собой регламентированный комплекс мер, цель которого – реализация установленных государством гарантий, удовлетворение потребностей и поддержание жизнеобеспечения различных групп населения [1].

В настоящее время, во время проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территориях Луганской народной республики, Донецкой народной республики и Украины, невозможно не затронуть проблемы семей участников специальной военной операции, а также методы и способы их решения. Как подчеркнул Президент РФ Владимир Владими-

рович Путин в послании Федеральному Собранию: «Семья каждого участника должна быть в зоне постоянного внимания, окружена заботой и почетом, на их нужды нужно откликаться сразу, без волокиты» [4]. Поэтому ключевым аспектом в проведении государственной политики стала поддержка семей участников специальной военной операции.

Сотрудники института социологии ФНИСЦ РАН провели в 2024 г. исследование, в ходе которого было выявлен уровень осведомленности родных участников специальной военной операции о полагающихся им правах и льготах. В данном исследовании приняли участие следующие члены семей участников специальной военной операции: жены и вдовы, дети и родители. При проведении исследования большее количество родственников участников специальной военной операции отвечали, что они знают какие-то основные права и социальные гарантии, но остальная информация очень тяжела для их понимания и усвоения, так как нормативные правовые акты, которые регулируют права и меры социальной поддержки семей участников специальной военной операции, написаны тяжелым канцелярским языком [3].

Стоит отметить, что многие женщины, которые приняли участие в исследовании, за правовой помощью зачастую обращаются в военные комиссариаты по месту жительства, в местные отделы управлений социальной защиты населения, в отделения Социального фонда, в филиалы государственного фонда «Защитники Отечества», но в основном «главным» и самым проверенным источником информации для близких участников специальной военной операции является «сарафанное радио», так как матери, жены и вдовы участников специальной военной операции являются друг для друга экспертами, юристами, путеводителями и др.

По Указу Президента РФ с момента объявления частичной мобилизации на территории Российской Федерации осуществляет свою деятельность рабочая группа органов власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки, мобилизации, социальной и правовой защиты участников специальной военной операции и членов их семей. В состав рабочей группы вошли парламентарии, общественные деятели, журналисты и военные комиссариаты некоторых субъектов РФ, всего состав рабочей группы составляет более 30 человек.

На рабочую группу органов власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки, мобилизации, социальной и правовой защиты участников специальной военной операции возложены следующие задачи:

- 1) осуществление мониторинга правоприменительной практики по вопросам мобилизации;
- 2) контроль исполнения мер социальной и правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей;
- 3) рассмотрение вопросов, связанных с материально-техническим обеспечением бойцов и совершенствованием работы военных комиссариатов;
- 4) проведение разъяснительных работы с обществом по вопросам мобилизации;

5) подготовка предложений по вопросам создания, развития и сохранения военной мощности Российской Федерации, а именно: производства продукции, которая необходима для удовлетворения потребностей военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

За период своей деятельности данная рабочая группа добилась следующих положительных результатов:

1. Фактические воспитатели (опекуны) военнослужащих включены в число выгодоприобретателей по обязательному государственному страхованию в случае гибели военнослужащего;

2. Наделение статусом социальных предпринимателей организации, которые трудоустраивают ветеранов специальной военной операции;

3. Первоочередное зачисление участников специальной военной операции и их детей в колледжи и техникумы вне зависимости от результатов школьного аттестата и наличия договора целевого обучения;

4. Упрощение процедуры признания погибшими военнослужащих, являющихся без вести пропавшими более 6 месяцев;

4. Приняты законы о получении статуса ветерана боевых действий для ополченцев Донбасса, а также об отмене государственной пошлины за восстановление паспорта и водительских прав участникам специальной военной операции, закон о праве на бесплатную юридическую помощь участникам специальной военной операции и членам их семей [2].

С момента начала специальной военной операции на государственном уровне принято более 20 нормативных правовых актов, которыми регулируются и предоставляются социальные гарантии военнослужащим, принимающих участие в специальной военной операции и членам их семей.

Необходимо отметить работу субъектов Российской Федерации, которые в свою очередь на местах занимаются адресным сопровождением участников специальной военной операции и членов их семей. В настоящее время действует единый стандарт региональных мер поддержки участников специальной военной операции и членов их семей. Данный стандарт содержит в себе 20 пунктов мер социальной поддержки. Единый стандарт поддержки участников специальной военной операции и членов их семей состоит из наиболее востребованных мер поддержки, таких как, бесплатное и внеочередное социальное обслуживание, оказание психологической и юридической помощи, налоговые и кредитные льготы и др.

На данный момент существует множество государственных, региональных и общественных организаций для разноплановой помощи военнослужащим, принимающим участие в специальной военной операции и членам их семей. Приведем примеры некоторых из них:

1) Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»;

2) региональные центры сопровождения участников СВО и членов их семей;

3. Комитет семей воинов Отечества и др.

В условиях, когда жизнь военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции, подвергается ежедневной опасности, очень важны внимание и поддержка от близких, друзей, коллег и от государства. Внимание и поддержка государства являются важным аспектом мотивации для военнослужащих, которые принимают участие в боевых действиях, так как они должны чувствовать, что государство, на защите которого они стоят, понимает и поддерживает ту роль и те обязанности, которые они выполняют в рамках проведения специальной военной операции. Именно для осуществления этих задач создаются и функционируют данные организации.

В основном работа данных организаций ведется по следующим направлениям: оказание консультационных услуг, правовой и психологической помощи, содействие в решении бытовых вопросов, в получении медицинской помощи, в трудоустройстве и в реабилитации.

Как отмечают специалисты, работающие с данными семьями, а иногда и с участниками специальной военной операции, то многие граждане приходят в такие службы, чтобы узнать какую-либо информацию, эта информация очень обширная от мер социальной поддержки, которые полагаются участнику специальной военной операции и членам его семьи до информации о самом участнике специальной военной операции (его статусе, местонахождении и многое другое). Консультационная помощь занимает первое место по востребованности, но бывают и другие виды оказания услуг, когда к помощи необходимо привлекать юристов, адвокатов, представителей службы судебных приставов, психологов и даже медиаторов.

Рассмотрим более детально примеры таких случаев.

Очень часто члены семей участников специальной военной операции обращаются к специалистам помогающих служб для содействия и оказания помощи по вопросам неправильного или неполного начисления денежного довольствия, заработной платы, выплаты денежных средств за дни проведенные в зоне проведения специальной военной операции, а также выплат по ранению или стимулирующих выплат при заключении контрактов. В данном случае специалисты разбирают каждую ситуацию индивидуально. Как отмечают сами специалисты иногда вопрос решается при обращении в военный комиссариат, иногда приходится запросы в воинскую часть на имя командования, где проходит службу военнослужащих, но когда никакие действия не дают результатов, то приходится составлять жалобу в военную прокуратуру.

Как правило, отмечают специалисты, что большинство вопросов и проблем начинают возникать, когда участник специальной военной операции полноценно начинает принимать участие в боевых действиях. Так, например, многие семьи участников специальной военной операции не могут получить подтверждающие документы об участии супруга, отца, сына в боевых действиях, когда данные документы необходимы для назначения мер социальной поддержки, обычно такие справки специалисты помогают получить своим клиентам через областные военные комиссариаты, а в редких случаях через запросы в Министерство Обороны Российской Федерации.

Кроме этого у участников специальной военной операции и членов их семей возникают споры и с самим Министерством обороны РФ. К примеру, многие участники специальной военной операции не могут уволиться с военной службы по истечению срока своего контракта, по состоянию здоровья или предельного возраста, тогда в таких случаях специалисты подключают юристов, адвокатов и Уполномоченных по правам человека.

Многие семьи участников специальной военной операции после гибели бойцов приходят в такие Службы всей семьей, целями их визита может являться от получения психологической помощи до разъяснения вопросов, кто из членов семьи может претендовать на выплаты и другие меры социальной поддержки после гибели самого участника специальной военной операции. В таких случаях специалисты также привлекают для решения таких вопросов психологов, юристов и медиаторов. Чтобы успокоить и восстановить ресурсы членов их семей, для разъяснения и толкования законодательства и дальнейшего примирения членов семьи.

Подводя итог, необходимо отметить, что с началом проведения специальной военной операции на территории Луганской народной республики, Донецкой народной республики и Украины возросло количество семей военнослужащих, а сам факт участия военнослужащих в боевых действиях мужчин повлек за собой множество новых проблем у семей военнослужащих. Государство активно старается решать данные проблемы и уделять внимание таким семьям на государственном, региональном и муниципальном уровнях через открытие различных вспомогательных служб и усовершенствования мер социальной поддержки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.01.2026).
2. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации – URL: <http://duma.gov.ru/news/53106/> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Официальный сайт муниципального казенного учреждения «Информационно-методический центр развития образования – <https://purimcro.ru/rpmpk/method/pedagog/7095/> (дата обращения: 25.01.2026).
4. Официальный сайт периодического общественно-политического издания «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/politics/semyam-uchastnikov-svo-okazhut-besplatnyuyu-psikhologicheskuyu-pomoshh.html> (дата обращения: 25.01.2026).
5. Перепелица Т. О. Модель социальной защиты военнослужащих и членов их семей // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2019. № 84. С. 42–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sotsialnoy-zaschity-voennosluzhaschih-i-chlenov-ih-semey/viewer> (дата обращения: 15.01.2026).
6. Серебрякова Д. А. Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих – участников специальной военной операции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 2022. № 2. С. 89–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-normy-sotsialnogo-obespecheniya-voennosluzhaschih-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii/viewer> (дата обращения: 18.01.2026).

УДК 379.8

Абдрахманова Л. С., Мирзоева Д. Д., Санкт-Петербург

ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ВОЛОНТЁРСТВУ: ОБЗОР И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛАТФОРМ И АГЕНТСТВ

Аннотация. Анализируется работа организаций, содействующих международному волонтерскому обмену. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом рынка волонтерского туризма: прогнозируемый среднегодовой темп прироста в 2024–2030 гг. 4,8 %, а также вовлечением 2,1 млрд чел. в волонтерскую деятельность ежемесячно. Систематизируется информация об организациях-посредниках. Для анализа отобраны пять платформ: «Альтернатива», Workaway, WWOOF, Worldpackers, Concordia. Рассматриваются механизмы их работы, услуги, стоимость, достоинства и недостатки. Делается вывод о разделении рынка на агентства полного цикла, берущие на себя организационные вопросы за высокую плату, и платформы для самостоятельного поиска, предоставляющие инструмент за небольшую подписку. Сформулированы практические рекомендации для волонтеров в зависимости от их опыта, бюджета и целей.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерский туризм, международное волонтерство, организации-посредники, платформы для волонтеров, международный волонтерский обмен, сравнительный анализ.

Abdrakhmanova L. S., Mirzoeva D. D., St. Petersburg

ORGANIZATIONS PROMOTING INTERNATIONAL VOLUNTEERISM: A REVIEW AND COMPARATIVE ANALYSIS OF PLATFORMS AND AGENCIES

Abstract. The article provides a review and comparative analysis of organizations facilitating international volunteer exchange. The relevance of this study is driven by the rapid growth of the volunteer tourism market: the projected average annual growth rate for 2024–2030 is 4.8 %, and 2.1 billion people take part in volunteer activities every month. Under these circumstances, volunteers face the challenge of choosing a reliable intermediary. The aim of the work is to systematize information about intermediary organizations. Five platforms were selected for analysis: ALTERNATIVA, Workaway, WWOOF, Worldpackers, and Concordia. The article examines their operating mechanisms, services, costs, advantages, and disadvantages; the comparison results are presented in a summary table. The author concludes that the service market is clearly divided into two types: full-service agencies that handle organizational matters for a high fee, and self-service platforms that provide a tool for a small subscription fee. Based on the analysis, practical recommendations for volunteers are formulated depending on their experience, budget, and goals.

Keywords: volunteering, volunteer tourism, international volunteering, intermediary organizations, volunteer platforms, international volunteer exchange, comparative analysis.

Анализ рынка показывает, что за последние годы волонтерский туризм вырос. По данным исследовательской компании Research and Markets (2026), мировой рынок подобных проектов оценивался в 873,9 млн долл. в 2024 г., и, согласно прогнозам, к 2030 г. достигнет 1,2 млрд долл., демонстрируя среднегодовой темп роста (CAGR) на уровне 4,8 % в период 2024–2030 гг. [7]. При этом согласно Докладу ООН о состоянии волонтерства в мире 2026, ежемесячно волонтерской деятельностью занимаются 2,1 млрд чел., что составляет 34,5 % мирового населения в трудоспособном возрасте (старше 15 лет)

[8]. Эти цифры демонстрируют, что волонтерство является массовым социальным феноменом, выходящим далеко за рамки организованных программ и коммерческого сектора.

При этом в современном мире волонтерский труд давно перестал быть исключительно благотворительной деятельностью [1; 5]. Для многих людей, особенно молодого возраста, он становится уникальным способом путешествовать, погружаться в культуру других стран, изучать иностранные языки и приобретать практические навыки в самых разных областях [2; 6]. Хосты (принимающая сторона), в свою очередь, получают мотивированных помощников, готовых работать и внести вклад в развитие их дела в обмен на проживание и питание. Однако прямая коммуникация между миллионами потенциальных волонтеров и тысячами проектов может проходить довольно сложно. Именно эту задачу решают специализированные площадки и организации-посредники. Они предоставляют базы данных проверенных хостов, возможности для поиска программ и коммуникации, а зачастую и полное сопровождение поездки. Потенциальному волонтеру сложно ориентироваться в многообразии предложений, и данный обзор призван помочь в выборе оптимального пути.

Цель данной работы – систематизировать информацию об их услугах, стоимости и особенностях деятельности организаций (платформ и агентств), оказывающих содействие в поиске международных волонтерских проектов.

Для анализа были отобраны пять наиболее популярных организаций, различающихся по типу (агентства, платформы, организаторы проектов) и механизму работы.

Организации, содействующие международному волонтерскому обмену:

1. «Альтернатива». Образование и карьера за рубежом (сайт: alt-center.ru): российское агентство (турагент), выступающее посредником и организатором поездки. Механизм работы: волонтер оплачивает фиксированную стоимость услуги агентству. Менеджер подбирает 3–5 проектов обычно на 1–3 недели из базы партнеров, оформляет приглашение, помогает с визой и билетами, предоставляет поддержку 24/7. Волонтер едет в уже сформированную группу или на конкретный проект по договоренности. Дополнительно может вестись сбор принимающей стороны. Программы предлагаются разные по формату: от классических волонтерских проектов с ежедневной работой 4–6 ч до досугово-ознакомительных, где трудовая занятость сокращена (2–4 ч в день), а основное внимание уделяется групповым экскурсиям, мастер-классам и культурному досугу.

Стоимость для волонтера: 24 900 руб. (включая услуги агентства, проживание и питание). Авиабилеты, виза и страховка оплачиваются отдельно.

Основные направления: широкий выбор: экология, сельское хозяйство, работа с животными, социальные и реставрационные проекты. Акцент делается на групповые проекты и культурный досуг (экскурсии, вечеринки). Программы охватывают около 50 стран.

Достоинства:

- минимизация рисков и бюрократической нагрузки на волонтера (полное сопровождение со стороны агентства);
- наличие русскоязычной поддержки;
- подходит для новичков, которые боятся ехать самостоятельно;

Недостатки:

- самая высокая стоимость среди рассмотренных вариантов;
- меньшая свобода выбора (проекты подбирает менеджер);
- ограниченная география по сравнению с глобальными платформами;
- волонтер не получает никакой зарплаты взамен на трудовую активность.

2. Workaway (сайт: workaway.info).

Тип организации: Международная онлайн-платформа (маркетплейс).

Механизм работы: волонтер может бесплатно смотреть программы и их описания, однако для участия он должен оплатить годовой членский взнос на сайте. После оплаты он может самостоятельно писать принимающим сторонам, договариваться об условиях, датах (это может быть как неделя, так и пару месяцев) и задачах. Вся коммуникация проходит напрямую с принимающей стороной – работодателем.

Стоимость для волонтера: Членский взнос около 69 долл/год (индивидуальный). Также самостоятельно оплачиваются перелеты, визы и личные расходы, в то время как сама помощь хозяину компенсируется бесплатным жильем, едой, культурным обменом. В большинстве случаев оплата труда не предусмотрена, однако отдельные хосты могут предлагать денежное вознаграждение или оплачиваемую работу

Платформа предлагает максимально широкий выбор направлений: помощь по дому, с детьми, в отеле, на ферме, творческие проекты, обучение языку и т. д. Есть как краткосрочные, так и долгосрочные варианты по всему миру.

Достоинства:

- огромный выбор разных проектов по всему миру;
- свобода самостоятельного выбора и прямых договоренностей;
- низкая стоимость по сравнению с другими платформами;
- четкое описание того, что принимающая сторона требует от участника и что предлагает;
- современный и удобный интерфейс с календарем хостов;
- опционально оплачиваемая работа.

Недостатки:

- вся ответственность за коммуникацию и безопасность лежит на волонтере;
- нет поддержки в оформлении визы;
- зачастую требуется хороший уровень английского или другого иностранного языка для общения;

– оплата подписки не гарантирует, что заинтересовавшие волонтера хосты ответят.

3. WWOOF (World Wide Opportunities on Organic Farms). Сайт: www.woof.net.

Тип организации: Сеть национальных платформ, специализированный маркетплейс.

Механизм работы: волонтер оплачивает членский взнос национальной организации WWOOF (например, WWOOF Франция, WWOOF Италия) для доступа к участию в программах только в этой стране. Общение с хозяином происходит напрямую. Во время поездки денежного обмена не происходит: хост не выплачивает вознаграждение за труд, а волонтер не платит хосту за проживание и питание – обмен строится исключительно на принципе «помощь в обмен на еду и жилье».

Стоимость для волонтера: Членский взнос за страну: от €20 до \$65 в год (зависит от страны). Проживание и питание предоставляются хостом.

Основные направления: строго органическое сельское хозяйство (фермы, сады, ранчо). Основной фокус – на образовательный обмен в области органической культуры и ее устойчивого развития. Программы работают в 53 странах.

Достоинства:

– четкая специализация для тех, кто хочет заниматься именно фермерством;

– высокая вовлеченность хостов в обучение волонтеров;

– низкая стоимость членства;

– для пар часто есть специальные тарифы по меньшей цене.

Недостатки:

– нет международного членства. нужно оплачивать членство отдельно для каждой страны, куда вы планируете поехать;

– узкая направленность (только органическое сельское хозяйство);

– зачастую требуется хороший уровень английского или другого иностранного языка для общения.

4. Worldpackers (сайт: worldpackers.com).

Тип организации: Международная онлайн-платформа.

Механизм работы: волонтер может свободно искать и читать о проектах на сайте, но для участия необходимо оформить годовую подписку. Волонтер самостоятельно связывается с хостами для уточнений и договаривается о времени, условиях и задачах.

Стоимость для волонтера: Членский взнос около 49–59 долл/год. Важной особенностью является наличие (не во всех проектах) платных проектов, где волонтер должен вносить небольшую сумму хосту за питание (зачастую это связано с удаленностью места пребывания от магазинов и инфраструктуры). В обмен участник получает жилье, питание, опыт и т. д.

Основные направления: очень широкий спектр для выбора: от помощи в хостелах, семьях, эко-курортах и социальных проектах до работы с животными и строительства. Программы работают в 140 странах.

Достоинства:

- предоставляется покрытие нескольких ночей проживания, если возникли проблемы с хостом;
- большое количество вакансий по всему миру;
- наличие системы проверок и верификации навыков (оценка навыков по определенной шкале, а не просто список умений. Например, подтвержденный уровень знания языков или опыт работы в конкретной сфере). Это позволяет хосту выбрать перспективного и подходящего волонтера, а кандидату, прошедшему больше проверок, повысить вероятность быстрого и положительного ответа от хозяев;
- четкое описание того, что принимающая сторона требует от участника и что предлагает;
- низкая стоимость.

Недостатки:

- наличие проектов, где волонтер сам платит небольшую сумму за проживание (что противоречит классической модели «работа за еду и жилье»);
- высокая самостоятельность и ответственность, связанные с ними риски;
- зачастую требуется хороший уровень английского или другого иностранного языка для общения;
- оплата подписки не гарантирует, что хосты ответят;
- при отсутствии верифицированных навыков волонтеру труднее найти себе вакансию.

5. Concordia (сайт: concordia.org.uk)

Тип организации: Британская организация международных волонтерских проектов.

Механизм работы: волонтер выбирает конкретный проект на сайте, оплачивает фиксированную стоимость за участие. Организация занимается организацией лагеря, проживания, питания и досуга группы.

Стоимость для волонтера: от 250 до 900 и более фунтов стерлингов за проект (в зависимости от длительности и условий). В стоимость включено проживание и питание.

Основные направления: социальные, экологические и реставрационные проекты, часто в групповом формате (workcamp). Также выступает официальным партнером по программе сезонных рабочих в Британии.

Достоинства:

- социальная миссия и некоммерческий статус;
- четкая организация групповой работы и досуга;
- минимизация рисков и бюрократической нагрузки на волонтера (полное сопровождение).

Недостатки:

- высокая стоимость участия;
- база проектов меньше, чем у глобальных платформ;
- географическая ограниченность (акцент на Европу и Великобританию);

Сводная характеристика описанных выше компаний представлена в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ посредников на рынке волонтерского туризма

Критерий	Альтернатива	Workaway	WWOOF	Worldpackers	Concordia
Тип организации	Агентство (турагент)	Платформа (маркетплейс)	Сеть национальных платформ (маркетплейс)	Платформа (маркетплейс)	Организатор проектов
Стоимость участия	Высокая (фикс. 24 900 руб.)	Низкая (подписка ~69 долл/год)	Низкая (подписка за страну от 20 евро до 65 долл.)	Низкая (подписка ~49–59 долл/год)	Высокая (от 250 фунтов)
Основная специализация	Любые (групповой досуг)	Любые	Органическое фермерство	Любые	Социальные, лагеря, сезонные работы
География	Около 50 стран	Весь мир	53 страны	Около 140 стран	Европа, Великобритания
Уровень самостоятельности	Низкий (сопровождение)	Высокий (прямой контакт)	Высокий (прямой контакт)	Высокий (прямой контакт)	Низкий (участие в группе)
Поддержка в оформлении визы	Есть	Нет	Нет	Нет	Есть
Питание/ Проживание	Включено в взнос	Предоставляется хостом	Предоставляется хостом	Предоставляется хостом (опционально может быть за небольшую плату)	Включено в взнос*
Кому подойдет	Новичкам, ценящим комфорт и безопасность	Самостоятельным путешественникам	Энтузиастам фермерства и эко-стиля жизни	Самостоятельным путешественникам	Желающим работать в группе и в Великобритании
Денежное вознаграждение	Нет	Опционально	Нет	Опционально	Есть (в сезонных программах)

*В волонтерских лагерях Concordia питание и проживание полностью включены в стоимость. Программы сезонных рабочих в Великобритании могут иметь иные условия (например, самостоятельное питание)

Выводы. Проведенный обзор пяти организаций, содействующих международному волонтерству, демонстрирует, что рынок услуг четко разделен на два типа: агентства полного цикла («Альтернатива», Concordia) и платформы для самостоятельного поиска (Workaway, WWOOF, Worldpackers).

Первые берут на себя решение организационных вопросов за сравнительно высокую плату, вторые предоставляют удобный инструмент для поиска за небольшую подписку, но перекадывают всю ответственность за организацию поездки на пользователя [3; 4].

Что волонтеры получают? Все рассмотренные организации обеспечивают доступ к базе проектов и гарантируют наличие жилья, питания и опыта. Однако ни одна из платформ (кроме агентств) не оказывает услуг по получению визы или медицинской страховке, что остается зоной ответственности самого волонтера. Также явным пробелом является отсутствие универсальной системы страхования от несчастных случаев или недобросовестности хоста, встроенной в подписку. Тем не менее, многие потенциальные волонтеры могут предпочесть самостоятельно найти подходящую программу, оформить страховку и купить билеты, и при этом заплатить только небольшой членский взнос и иметь полную свободу действий. Это позволяет сэкономить и при этом иметь возможность самостоятельно выбирать оптимальный вариант и получить уникальный опыт.

Практические рекомендации для волонтеров:

- для новичков, которые хотят гарантированно поехать в первую поездку без лишних хлопот и готовы за это заплатить, оптимальным выбором станет «АЛЬТЕРНАТИВА» или участие в групповом лагере Concordia.

- для самостоятельных путешественников, которые ищут максимальное разнообразие и готовы общаться с хостами напрямую, а также не обладают большим бюджетом и хотят получить не только опыт, но (в отдельных случаях) и денежное вознаграждение за время пребывания в поездке, лучшим выбором станут универсальные платформы Workaway или Worldpackers

- для тех, кто хочет посвятить время изучению органического земледелия и жизни на природе, безальтернативным вариантом является WWOOF. Однако и на других площадках, также можно найти немало программ работы на природе в сфере органического земледелия.

Таким образом, выбор посредника напрямую зависит от целей волонтера, его бюджета, опыта самостоятельных путешествий и желаемой степени погружения в культуру и работу. Существующий рынок посредников позволяет потенциальным волонтерам использовать наиболее удобный для них вариант организации поездки.

Список литературы

1. Горлова Н. И., Троска З. А., Грибкова О. В. Корпоративное волонтерство как элемент устойчивого развития организации // Наука Красноярья. 2017. Т. 6, № 4. С. 126–151. EDN YM5AAU.

2. Елисеева Д. А., Лисенкова А. А. Волонтерство как ресурс самореализации молодежи // Национальный проект «Культура» и региональные культурные стратегии : материалы Всерос. научно-практ. конф. (с междунар. участием). Пермь, 13–14 мая 2021 г. Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2021. С. 272–275. EDN ONDDEU.

3. Котляров, И. Д. Платформы как модель организации хозяйственной деятельности: отдельные особенности функционирования // Экономика и управление: теория и практика. 2022. Т. 8, № 2. С. 30–37. EDN KIXFCK.

4. Куликова О. М., Суворова С. Д. Маркетплейс: бизнес-модель современной торговли // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 6(48). С. 50–55. DOI: 10.47581/2020/10.23.PS85/IE/5.48.008. EDN ZLREFV.

5. Лисенкова А. А., Мельникова А. Ю., Мельникова Н. С. Особенности организации волонтерской деятельности в сфере культуры. Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2021. 216 с. EDN CFSARU.

6. Петрова Ю. И., Кутыева Э. Р. Волонтерские программы как вид молодежного туризма // Молодежный туризм в России: ресурсы, тенденции, перспективы : сб. ст. по материалам 2-й междунар. студ. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 21 апр. 2016 г. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2016. С. 291–294. EDN VXXFVL.

7. Research and Markets. Volunteer Tourism Market – Global Strategic Business Report / Research and Markets. Dublin, 2026. 217 p. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/6071837/> (дата обращения: 17.03.2026).

8. United Nations Volunteers (UNV). 2026 State of the World's Volunteerism Report: Volunteerism and its Measurements / United Nations Volunteers. Bonn: UNV, 2025. 156 p. URL: <https://www.unv.org> (дата обращения: 17.03.2026).

УДК 355.64

Котляров И. Д., *Санкт-Петербург*

ЧАСТНЫЕ ВЫПЛАТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ЗА БОЕВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Выполнен анализ экономических и социологических аспектов частных выплат военнослужащим за боевые результаты. Показаны отличия частных выплат от народной помощи фронту. Описаны проблемы использования частных выплат. Сформулированы рекомендации по применению частных выплат как инструмента вознаграждения военнослужащих.

Ключевые слова: гражданское общество, народная помощь фронту, частные выплаты, финансовое обеспечение военнослужащих, Вооруженные Силы РФ.

Kotliarov I. D., *Saint Petersburg*

PRIVATE PAYMENTS FOR COMBAT PERFORMANCE: A THEORETICAL ANALYSIS

Abstract. The present paper contains an analysis of the economic and sociological aspects of private payments to military personnel for combat performance. It identifies the differences between private payments and public aid to the front. The challenges related to private payments are described. Recommendations for the use of private payments as a reward for military personnel are formulated.

Keywords: civil society, public aid to the front, private payments, military pay, Armed Forces of the Russian Federation

Важную роль в ресурсном обеспечении военнослужащих и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ), участвующих в проведении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины (СВО), играет поддержка со стороны гражданского общества

[15]. Эта поддержка предоставляется самыми разными акторами (отдельными гражданами, неформальными волонтерскими структурами, некоммерческими и религиозными организациями, бизнесом и т. д.) и направлена на удовлетворение широкого спектра потребностей военнослужащих (от передачи в зону проведения СВО продуктов питания и различных предметов обихода, например, окопных свечей, до помощи семьям фронтовиков). Эти формы содействия СВО достаточно подробно освещаются в новостных публикациях, а их важность признается как самими военнослужащими, так и высшим военно-политическим руководством Российской Федерации [14]. Однако наряду с этими моделями существует еще одна разновидность поддержки, а именно предоставление денежных выплат за боевые успехи (например, за уничтоженную или захваченную военную технику противника), природа которой отличается значительной спецификой. Ее особенности, насколько нам известно, пока не были описаны в современной литературе (в отличие от других форм участия гражданского общества в ресурсном обеспечении ВС РФ), хотя они представляют несомненный интерес, а их знание может способствовать более эффективному выстраиванию военно-гражданских отношений.

Цель данного исследования заключается в идентификации экономических и социологических характеристик частных выплат за боевые успехи. При его проведении мы опирались на открытые публикации в средствах массовой информации и на сайтах организаций, участвовавших в предоставлении выплат.

В настоящее время в России существуют три вида выплат за боевые успехи: государственные (федеральные) [10], региональные [19] и частные. Государственные выплаты устанавливаются соответствующими органами власти и с экономической точки зрения формируют стимулирующую часть официального дохода военнослужащих (но не входят в денежное довольствие) [5]. Региональные выплаты вводятся региональными властями и не входят в официальный доход, представляя собой региональную меру социальной поддержки (получение которой обусловливается не только достижением определенного результата, но и наличием связи между получателем и регионом, предоставляющим данную выплату). Наконец, частные выплаты устанавливаются по инициативе частных лиц и отдельных организаций и по своей природе частью официального дохода военнослужащих не являются. Они не связаны с наличием контрактных (или каких-либо иных отношений) отношений между получателями выплат и структурами, эти выплаты предоставляющими (табл.).

Среди лиц и структур, заявивших о таких выплатах, представлены:

- 1) деятели искусства [9; 16];
- 2) частный бизнес [4; 6; 18];
- 3) военблогеры [7];
- 4) специализированные фонды [8; 17].

Таблица

Условия получения различных видов выплат за боевые успехи

Тип выплат	Государственные выплаты	Региональные выплаты	Частные выплаты
Наличие отношений между получателем выплат и структурой, предоставляющей выплаты	Да (служба в Вооруженных Силах Российской Федерации)	Да (постоянное проживание в регионе, установившем выплаты)	Нет
Достижение результата, установленного структурой, предоставляющей выплаты	Да	Да	Да

Отметим, что лицо, заявившее об организации выплаты, не обязательно само является источником ее финансирования. Например, Иван Охлобыстин сообщил, что деньги для заявленной им выплаты предоставлены бизнесменами [13]. Аналогично, насколько можно судить, денежные фонды для выплат от военблогеров были сформированы за счет пожертвований от подписчиков их каналов. Наконец, специализированные фонды также финансируются жертвователями.

Отличительные признаки этих выплат по сравнению с народной помощью для фронта:

1. Выплаты предоставляются за конкретный результат, тогда как народная помощь предназначена для удовлетворения текущих потребностей военнослужащих и не привязана к эффективности их боевой деятельности (хотя получатели народной помощи нередко публикуют отчеты об использовании полученной ими народной помощи);

2. Народная помощь, как правило, носит конкретный характер и тем или иным образом связана с выполнением военнослужащим (подразделением) своих непосредственных обязанностей (т. е. направлена на ресурсное обеспечение боевых задач). Конкретный характер народной помощи заключается в том, что либо она предоставляется в материальной форме (что автоматически предполагает их использование по установленному назначению), либо же собранные денежные средства направляются на покупку определенных товаров. Напротив, выплаты выдаются в денежной форме, и военнослужащий имеет возможность использовать их по своему усмотрению без какой-либо привязки к своим непосредственным обязанностям.

Эти особенности отражают природу частных выплат военнослужащим как альтернативной формы финансового обеспечения, тогда как народная помощь представляет собой альтернативный канал материально-технического обеспечения.

Мы можем указать на следующие экономические и социальные особенности этих выплат:

1. Они помогают выстраиванию прямых связей между обществом и ВС РФ. Предоставляя такие выплаты, гражданское общество проявляет свою

патриотическую позицию и признает значимость не только деятельности вооруженных сил в целом (что имеет место при народной помощи), но и конкретных результатов, полученных военнослужащими и подразделениями, самостоятельно (т. е. по собственной инициативе) и напрямую (без посредничества органов исполнительной власти) выражая им свою благодарность в денежной форме. Это признание значимости, в свою очередь, становится для военнослужащих дополнительным стимулом максимально эффективно выполнять свои обязанности;

2. С точки зрения сервисной экономики армия выступает провайдером услуги «Национальная безопасность», потребителем которой является общество. При таком подходе данные выплаты выступают в качестве целевого вознаграждения потребителем наиболее эффективных сотрудников сервисного провайдера;

3. Народная помощь для армии основана на краудфандинге и фандрайзинге, т. е. сборах денежных средств гражданским обществом для финансирования закупок необходимых для вооруженных сил ресурсов. При выплате частных вознаграждений фактически имеет место аналог конкурсного краудсорсинга, когда военнослужащий (подразделение), наиболее эффективно справившийся с поставленной задачей, получает установленный приз (что соответствует практикам краудсорсинга в бизнесе [3]). Таким образом, в случае частных выплат за боевые результаты военнослужащие (подразделения), по сути дела, участвуют в краудсорсинговых проектах, стремясь добиться установленного инициатором вознаграждения результата. Иными словами, как народная помощь для армии, так и частные выплаты имеют краудсорсинговую природу, однако модели ее реализации существенно различаются. При этом, разумеется, как было показано выше, для формирования фондов денежных средств для выплат военнослужащим за боевые результаты также могут использоваться фандрайзинг и краудфандинг;

4. Использование негосударственных источников финансирования ведет к тому, что ведомственная система финансового обеспечения военнослужащих трансформируется в комплексную экосистему, включающую в себя как внутренние (ведомственные), так и внешние источники денежных средств. Отметим, что этому способствует наличие в доходе военнослужащих, наряду с центральными (федеральными), также и региональных выплат;

5. Важный вклад в организацию ресурсного обеспечения военнослужащих в зоне СВО вносят самостоятельно осуществляемые ими закупки материальных средств. Хотя формально частные выплаты не направлены на решение этой задачи, они могут выступать в качестве инструмента частичной компенсации военнослужащим их затрат на приобретение ресурсов.

Проблемы использования частных выплат:

1. Насколько можно судить по данным из открытых источников, существуют примеры несвоевременного выполнения организаторами выплат

своих обязательств. Например, в рамках проекта Ивана Охлобыстина по выплате 10 млн. руб. за первый подбитый американский танк Abrams, используемый Украиной (денежные средства для этого должны были предоставить патриотические предприниматели), перевод вознаграждения военнослужащим, выполнившим эту задачу, должен был состояться в марте 2024 г., однако полностью выплата была осуществлена только в ноябре 2025 г. [12, 13];

2. Частные выплаты не всегда обеспечивают справедливость вознаграждения. Например, премия за уничтожение танка Abrams была установлена только за первый подбитый танк, что не позволяло выплатить аналогичное вознаграждение другим военнослужащим и подразделениям, добившимся такого же результата на поле боя [13] (для устранения этой несправедливости была организована кампания по поиску новых спонсоров, которые могли бы взять на себя финансирование дополнительных премий). Отметим, однако, что такие ограничения на выплаты могут быть связаны не только с финансовыми возможностями инициаторов, но и с более высокой символической ценностью первого результата по сравнению с последующими;

3. Частные вознаграждения по своей природе не связаны с государственными и региональными выплатами, т. е. не замещают их [8]. Тем не менее, имели место ситуации, когда рассматривалась возможность привлечения частного финансирования для осуществления выплат, установленных региональными властями, что не соответствует сущности и задачам ни частных, ни региональных выплат [11];

4. В случае частных выплат лицо или организация, заявившая об их предоставлении, устанавливает критерии их выдачи, т. е. фактически ставит перед военнослужащими определенные боевые задачи, что может противоречить принципу единоначалия;

5. Частные выплаты могут рассматриваться как нежелательные, поскольку они фактически вводят денежную оценку для патриотизма военнослужащих. Тем не менее, такое возражение следует признать несостоятельным [1], поскольку, во-первых, денежная оценка дается не патриотизму, а эффективности выполнения боевых задач, во-вторых, воинский труд является оплачиваемым и денежные стимулы не подменяют патриотизм, а дополняют его [2; 20];

6. Существует риск того, что результат, за который установлено вознаграждение, может быть спорным с точки зрения этики. Например, как указывает Иван Охлобыстин, при организации вознаграждений было принято целенаправленное решение отказаться от выплат за уничтожение украинских военнослужащих в силу неэтичности такого премирования, хотя первоначально инициаторы вознаграждения рассматривали такую возможность [13];

7. Частные выплаты служат еще одним инструментом вовлечения гражданского населения в вооруженный конфликт (civilianization of warfare) [22], что может вести к нежелательным последствиям для участников соот-

ветствующих проектов и в целом увеличивать риски для общества. Например, Служба безопасности Украины (достаточно активно занимающаяся диверсионной деятельностью в России) выдвинула обвинение против Григория Лепса, заявившего о премии за уничтоженный украинский танк Leopard и выплатившего ее [9; 21]. В современных условиях такое обвинение может рассматриваться в том числе и как угроза для безопасности артиста. Кроме того, такое вовлечение гражданского населения ведет к милитаризации общества, что может быть связано с определенными социальными рисками.

Таким образом, проблемы частных выплат за боевые результаты определяются двумя факторами: неэффективной организацией выплат и объективными недостатками, присущими этой форме вознаграждения военнослужащих (подразделений). Это указывает на необходимость тщательного выбора тех целей, за которые будут предоставляться выплаты, и их согласование с органами военного управления.

Мы можем сформулировать следующие выводы:

- по своей природе частные выплаты военнослужащим (подразделениям) принципиально отличаются по народной помощи армии со стороны гражданского общества. Выплаты обуславливаются достижением определенного результата, при этом их использование носит нецелевой характер;
- народная помощь и частные выплаты используют модели краудсорсинга, однако в случае народной помощи краудсорсинг используется для ее финансирования, тогда как при частных выплатах в краудсорсинговых проектах участвуют сами военнослужащие (подразделения), стремящиеся получить установленный для них инициатором выплат результат;
- проблемы использования частных выплат обуславливаются их неэффективной реализацией и объективно присущими этой форме вознаграждения военнослужащих (подразделений) недостатками. Для минимизации рисков использования частных выплат следует тщательно подходить к определению результатов, за которые предоставляется вознаграждение, и согласовывать их применение с органами военного управления.

Список литературы

1. Баранец В. Миллионы за подбитые танки: Правильно ли мерить рублем любовь к Родине // Комсомольская правд. 15.06.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27516/4779311/> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Быченко Ю. Г., Пихтелев А. М. Мотивация трудовой активности офицеров // Социологические знания в контексте актуальных проблем развития социальных общностей и институтов : сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 12 июля 2023 г. / под общ. ред. А. М. Пихтелева. Саратов : Саратов. воен. ордена Жукова Краснознамен. ин-т войск нац. гвардии РФ, 2023. С. 22–27. EDN CZVGVV.
3. Долженко Р. А., Бакаленко А. В. Краудсорсинг как инструмент мобилизации интеллектуальных ресурсов: опыт использования в Сбербанке России // Российский журнал менеджмента. 2016. Т. 14, № 3. С. 77–102. DOI: 10.21638/11701/spbu18. 2016. 305. EDN XAKXXF.
4. За первый сбитый F-16 12 военных ВС РФ получили 15 млн рублей // ТАСС. 30.05.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24090113> (дата обращения: 05.04.2026).
5. Закутнев С. Е., Чистов И. В., Качаев И. В. Финансы Вооруженных Сил : учебник. М. : Воен. ун-т им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. 371 с. EDN COPRIT.

6. Компания «ФОРЭС» вручила военнослужащим РФ 15 млн рублей за сбитый истребитель F-16 // ФОРЭС. 30.05.2025. URL: <https://www.foresltd.com/news/kompaniya-fores-vruchila-voennosluzhaschim-rf-15-mln-rublej-za-sbityy-istrebitel-f-16/>. (дата обращения: 05.04.2026).
7. Корякин О. Военные Telegram-каналы объявили награду за первый подбитый БМП M2 Bradley // Российская газета. 09.01.2023. URL: <https://rg.ru/2023/01/09/voennye-telegram-kanal-y-obiavili-nagradu-za-pervyy-podbityj-bmp-m2-bradley.html> (дата обращения: 05.04.2026).
8. Лебедев Д. Сенатор Карелин вручил 1 млн рублей бойцу, уничтожившему танк Leopard в ходе СВО на Украине // СенатИнформ. 20.06.2023. URL: https://senatinform.ru/news/senator-karelin-vruchil_1 mln_rublej_boysu_unichtozhivshemu_tank_leopard_v_khode_svo_na_ukraine/ (дата обращения: 05.04.2026).
9. Лепс выплатил Р1 млн бойцу за уничтоженный танк Leopard // РБК. 04.07.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64a3518b9a7947f56e826960> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Максимов И. Представлен список поощрений за уничтожение и захват техники ВСУ // Российская газета. 15.11.2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/15/predstavlen-spisok-pooshchrenij-za-unichtozheniye-tehniki-vsu.html>. (дата обращения: 05.04.2026).
11. Малашенко М. Осипов предложит забайкальцам скинуться на премии за уничтоженные танки, если не хватит краевых денег // Чита.РУ. 02.02.2023. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2023/02/02/72025010/>. (дата обращения: 06.04.2026).
12. Охлобыстин выплатил 10 млн рублей военным за первый уничтоженный танк Abrams // Ведомости. 12.11.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/11/12/1154138-ohlobistin-viplatil-10>. (дата обращения: 05.04.2026).
13. Охлобыстин объявил о поиске спонсоров для вознаграждений за подбитые Abrams // РИА Новости, 11.03.2024. URL: <https://ria.ru/20240311/abrams-1932318252.html> (дата обращения: 05.04.2026).
14. Путин заявил, что волонтеры собрали 11 миллиардов рублей на нужды армии // РИА Новости. 02.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240202/putin-1925094645.html> (дата обращения: 16.02.2025).
15. Пыркин О. П., Маланичев А. Ю. СВОИХ не бросаем! Роль гуманитарной помощи в материальном обеспечении специальной военной операции // Материально-техническое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации. 2024. № 6(54). С. 22–27. EDN НКЮФВ.
16. Российские музыканты объединились, чтобы поддержать участников специальной военной операции // Первый канал. 15.06.2023. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-06-15/455214-rossiyskie_muzykanty_ob_edinilis_chtoby_podderzhat_uchastnikov_spetsialnoy_voennoy_operatsii (дата обращения: 05.04.2023).
17. Фарниев Д. Сколько заплатят бойцам на СВО за уничтожение техники НАТО? Появился прайс-лист // Секрет фирмы, 09.06.2023. URL: <https://secretmag.ru/news/skolko-zaplatyat-boicam-na-svo-za-unichtozhenie-tehniki-nato-poyavilsya-prais-list-09-06-2023.htm> (дата обращения: 05.04.2026).
18. «ФОРЭС» выплатит 5 млн рублей за уничтожение первого иностранного танка в зоне СВО // Коммерсант, 26.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785903> (дата обращения: 05.04.2026).
19. Хамраев А. Осипов назначил выплаты забайкальцам за захват немецких и американских танков на СВО // Чита.РУ. 30.01.2023. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2023/01/30/72016034/>. (дата обращения: 06.04.2026).
20. Чуфаров А. С. Педагогические пути и условия формирования боевой мотивации военнослужащих (на опыте специальной военной операции) // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. 2025. № 1(124). С. 96–102. EDN ОСТЫСП.
21. Шибанов Б. На Украине завели дело против Лепса из-за обещания платить бойцам СВО за подбитые танки // RTVI. 03.03.2025. URL: <https://rtvi.com/news/sbu-vozbudila-delo-na-lepsa-iz-za-nagrady-za-podbityj-tank-leopard/> (дата обращения: 05.04.2026).
22. Peperkamp, L. Technology and the Civilianization of Warfare // Ethics & International Affairs. 2024. Vol. 38, N 1. P. 64–74. <https://doi.org/10.1017/S0892679424000121>.

УДК 316.334

Литвинцев Д. Б., *Новосибирск*

ПРАВОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРЕКАРНОСТИ: УНИКАЛЕН ЛИ КЕЙС КАНАДЫ?

Аннотация. Жилищная прекарность и бездомность рассматриваются через призму правового формализма и дефицита социальных гарантий. Показывается, что кейс Канады не является уникальным и находит свое отражение в российских практиках правоприменения.

Ключевые слова: жилищная социология, жилищная политика, жилищное право, прекарность жилья, бездомность, правовой формализм, права человека.

Litvintsev D. B., *Novosibirsk*

LEGAL DIMENSIONS OF HOUSING PRECARITY: IS CANADA'S CASE UNIQUE?

Abstract. Housing precarity and homelessness are examined through the lens of legal formalism and a lack of social safety nets. The author demonstrates that the Canadian case is not unique and resonates with Russian law enforcement practices.

Keywords: housing sociology, housing policy, housing law, precarity of housing, homelessness, legal formalism, human rights.

Прекарность в одной сфере (например, отсутствие постоянной работы) автоматически подрывает стабильность в других. Если у человека нет стабильного дохода, он становится уязвимым на рынке жилья. Если у него нет постоянного жилья, ему сложнее сохранять здоровье или поддерживать социальные связи. Проблемы не просто складываются, они умножают друг друга, лишая человека ресурсов для «маневра». Поэтому жилищная и правовая прекарность – это не две разные проблемы, а единый институциональный механизм социального исключения. Нестабильность жилья зачастую лишает человека политических и юридических прав, а правовая неопределенность лишает его возможности обрести дом. Это создает замкнутый цикл, который К. Винклер и А. Висс называют «пересекающимися прекарностями» [10].

Кейс Канады примечателен тем, что в стране, с одной стороны, происходит активная институционализация жилищной социологии и развитие доказательной базы социальной политики, а с другой, – усиливаются дебаты вокруг неэффективности национальной стратегии «Жилье прежде всего» (Housing First) несмотря на ее амбициозные цели. Вместе с тем неолиберальные механизмы муниципального управления и «корпоративный захват» жилья (перетекание госинвестиций в частный сектор) препятствуют решению проблемы бездомности в городах. Это способствует развитию разнообразных форм жилищной прекарности – от неформальных (в том числе мобильных) поселений до дискриминации арендаторов жилья. В результате прекарность в жилищной сфере предстает как многоаспектное состояние неопределенности, включающее не только объективные показатели (стоимость жилья и его безопасность), но и субъективное восприятие рисков [1].

Арендаторы в Канаде все чаще начинают рассматриваться как устойчивый социально-экономический класс, чьи интересы противостоят арендодателям. Жилищный кризис в этом плане, как утверждает Р. Транжан, является не случайным рыночным сбоем, а закономерным межклассовым конфликтом и инструментом перераспределения власти и доходов. Здесь наблюдается прямая параллель между отношениями «наемный работник – капиталист» и «арендатор – домовладелец», потому что система аренды жилья выступает механизмом извлечения прибыли и эксплуатации [2]. В том числе и поэтому жилищная прекарность представляет собой неоднородный спектр состояний, на одном конце которого находится бездомность.

На протяжении всего этого континуума, по мнению А. Флинн и Э. Ван Вагнер, нарушаются права человека. Немалую роль здесь сыграла политика колониализма, проявившаяся в экономическом и социально-культурном угнетении населения на подчиненных территориях. Ее отголоски до сих пор наблюдаются по всему миру в различных форматах неформального жилья. Те же палаточные городки демонстрируют явную неспособность государства реализовать право на адекватное жилье несмотря на действующие жилищные программы и стратегии. Это противоречие раскрывается в признании органами власти нехватки доступного жилья на фоне процессов принудительного выселения, многочисленных штрафов и арестов имущества. Ущемление и/или лишение прав собственности на жилье приводит к «несвободе» (в широком смысле) и «правовой подневольности» в институциональном контексте [5].

Временные поселения, тем не менее, характеризуются не только неформальными повседневными практиками, но и зачастую установленными четкими правилами распределения общих ресурсов. Однако в таких местах проживания и закрепляются различные социально-правовые формы неравенства и угнетения населения. Это подтверждают результаты интервью Дж. Браймох, Э. Дей и К. Сандерс как с людьми, проживающими в подобных условиях, так и с официальными лицами. Одной из ключевых проблем жилищной прекарности здесь становится не столько формальная угроза пожарной безопасности, сколько сокрытие (феномен невидимости – отсылка к исследованиям Дж. Батлер), игнорирование проблем отдельных социальных групп. Более того, для органов власти в приоритете оказывается субъективное ощущение безопасности широкой общественности, нежели жителей временных поселений. Именно это и является неформальным обоснованием для принудительного выселения и угнетения бездомных, что в конечном счете и воспроизводит институциональное нарушение прав человека [3].

С. Бюлер и П. Баркаскас рассматривают феномен принудительного выселения строго в дискурсе колониализма, воспроизводство которого осуществляется правовой системой западных государств включая Канаду. Такой подход, по их мнению, требует более широкой дискуссии по поводу государственных мер социальной защиты. Потому что система права зачастую при-

меняется для защиты и обеспечения превосходства прав частной собственности. Законодательство, направленное на урегулирование арендных отношений в жилищной сфере, подавляет права арендатора на жилье и безопасности в угоду арендодателю–домовладельцу. Причем процессы выселения зачастую характеризуются высокой скоростью и формализмом, который игнорирует социально-исторический контекст. В результате система права воспроизводит конвейер утраты жилья, усиливающий социально-экономическое неравенство. Это способствует «духовной бездомности» – утрате не просто крыши над головой, но и культурных связей в результате выселения [4].

Дом – это не просто крыша над головой, подчеркивает А. Лунд, а значит более широкая логика должна лежать в основе действия жилищного права. Система не должна рассматривать жилищную прекарность просто в рамках шаблонных кейсов – необходимо воспринимать ее как комплексную жизненную проблему. Такие правовые категории как, например, «арендатор» или «приют» зачастую не отражают реальное положение дел людей, проживающих в прекарных условиях. Именно арендаторы сталкиваются с бюрократическими барьерами защиты собственных прав, в то время как арендодатели нередко нарушают свои обязательства без каких-либо последствий. При этом арендное жилье не раскрывает всех преимуществ собственного дома в силу его непригодности для проживания, рисков насилия или слежки со стороны домовладельца. Поэтому правовая реформа должна быть направлена на то, чтобы гарантировать всем не просто право на адекватное жилье, а то самое ощущение дома (в терминах А. Шюца) [7].

Интерпретация государственных земель в контексте частной собственности (или фактическая приватизация) способствует массовому выселению людей без необходимости доказывать, что их проживание наносит реальный вред окружающим. С. Вуд утверждает, что придание статуса частной собственности в данном случае подрывает конституционные права жителей неформальных поселений. Для судов право собственности является абсолютным, что позволяет не учитывать отсутствие альтернативного места для проживания выселяемых. Судебная практика, таким образом, закрепляет в массовом сознании образ бездомных как нарушителей закона, угрожающих общественному порядку. В этом смысле государство отдает предпочтение защите именно прав собственности, а не защите чести и достоинства «маргинализированных» слоев населения. Поэтому государственная земля должна оставаться общественно доступной, а права человека преобладать над формальностями [9].

Т. Скольник подчеркивает, что бездомность – это не просто правовое состояние и отсутствие жилья в собственности, но и «гражданство второго сорта». Социальные действия происходят в каких-то локациях и пространствах, а отсутствие своего дома может привести к тому, что само подобное существование станет незаконным. Поэтому неформальное жилье – это по-

просту способ выжить в относительно безопасных условиях, которые не может обеспечить одиночная жизнь на улице. Это становится ответом на неспособность государства обеспечить доступное жилье, а значит должно и ограничивать органы власти в вопросах принудительного выселения. Право на жилье должно защищать от состояния бездомности и вытекающей несвободы как в сугубо институциональном, так и более широком философском смысле [8].

Жилищное законодательство, по мнению С. Хамилл, ставит во главу угла уважение прав собственности, а не отдельных лиц в ущерб правам человека. Суды рассматривают неформальное жилье через призму вреда собственности, игнорируя потребности людей, не имеющих постоянного жилья. Государственная система в результате воспроизводит социальное неравенство, при котором права собственников априори считаются более весомыми, чем права самих жителей. Судебные решения нередко основываются на теоретическом наличии других мест для проживания, игнорируя их пригодность для конкретных людей в их жизненных обстоятельствах. Мнимый общественный вред неформального жилья ставится превыше вреда от самого выселения, а право собственности интерпретируется как право исключать других из общественных пространств и процессов. Поэтому защита прав собственности не должна носить чисто формальный характер, а учитывать реальные возможности обеспечить адекватные условия проживания для всех [6].

Несмотря на исторический контекст (колониализм) кейс Канады не является уникальным. В отечественной судебной практике право собственника (в том числе муниципалитета как собственника земли) нередко доминирует над социальными правами граждан. Идея С. Хэмилл о том, что «собственность бьет по правам человека», в России выражается в приоритете защиты титульного владения (ст. 209, 304 Гражданского кодекса РФ). Не менее актуален и тезис А. Лунд и С. Вуда о «шаблонных кейсах» в игнорировании жизненных обстоятельств. Российские суды по делам о выселении (в том числе связанным с прекращением права пользования жилым помещением, например ст. 35 Жилищного кодекса РФ) зачастую действуют в логике формального права, не всегда оценивая пригодность для проживания альтернативного жилья. Даже наличие запрета на взыскание единственного жилья в ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ в ряде случаев ограничивается ситуациями, когда жилье является предметом ипотеки. Механизм сокрытия, описанный Дж. Браймох и соавторами, в России проявляется через институт регистрации: несмотря на декларативный характер норм Закона РФ № 5242-1 от 25.06.1993, человек без прописки на практике может испытывать трудности в доступе к системе распределения социальных благ, становясь «невидимым» для государства.

Безнаказанность арендодателей в понимании А. Лунд связана с тем, что рынок арендного жилья в России фактически находится в «серой зоне». При ненадлежащем оформлении договорных отношений (ст. 674 Гражданского

кодекса РФ) или дискриминационных условиях договора арендаторы оказываются в состоянии максимальной жилищной прекарности: они могут быть фактически лишены жилья без эффективной судебной защиты. В то же время органы местного самоуправления нередко злоупотребляют логикой «нецелевого использования» жилых помещений или земли (ст. 8. 8 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Если человек проживает на месте, формально не предназначенном для жилья, такая практика муниципалитетов может вступать в противоречие с реализацией базового права на жилище (ст. 40 Конституции РФ), отдавая приоритет административным процедурам. Это демонстрирует прямую параллель с канадским «формализмом» права. При этом предоставление жилого помещения в маневренном фонде рассматривается как адекватная замена, несмотря на то что его фактическое состояние может не соответствовать нормам площади на одного человека (ст. 106 Жилищного кодекса РФ) и санитарно-эпидемиологическим требованиям.

Список литературы

1. Литвинцев Д. Б. Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации 2023. Исследовательский кластер: жилищная социология // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 1(649). С. 119–126. DOI: 10.31857/S2686673024010098
2. Литвинцев Д. Б. От жилищной стратификации к классовой эксплуатации: книга R. Tranjan “The Tenant Class” в свете теории жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура // Социологический журнал. 2025. Т. 31, № 4. С. 201–207. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.11.
3. Braimoh J., Dej E., Sanders C. ‘Somebody’s street’: Eviction of Homeless Encampments as a Reflection of Interlocking Colonial and Class Relations // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 12–22. DOI: 10.60082/0829-3929.1449
4. Buhler S., Barkaskas P. The Colonialism of Eviction // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 23–43. DOI: 10.60082/0829-3929.1450
5. Flynn A., Van Wagner E. Introduction to the Special Issue on Housing Precarity and Human Rights // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 1–11. DOI: 10.60082/0829-3929.1448.
6. Hamill S. E. Property Says No: Relational (In)Equality, Encampments, and Property Rights // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 119–138. DOI: 10.60082/0829-3929.1454
7. Lund A. Intersections between Precarious Housing and Residential Tenancy Law: A Review of a Complex Exile and Recent Legal Scholarship on Residential Tenancies // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 44–63.
8. Skolnik T. Homeless Encampments: A Philosophical Justification // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 97–118. DOI: 10.60082/0829-3929.1453
9. Wood S. When Should Publicly Owned Land Be Considered Private in Homeless Encampment Cases? A Critique of Recent Developments in BC // Journal of Law and Social Policy. 2023. Vol. 36. P. 64–96. DOI: 10.60082/0829-3929.1452
10. Winkler K., Wyss A. Intersecting Precarities in Housing and Legal Status: No Residence Permit Without Permanent Residence // Critical Sociology. 2026. Vol. 52, Iss. 2. P. 347–364. DOI: 10.1177/08969205251316143

УДК 364.6

Медведев А. В., Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИАЛЕКТИКА ПРАВОВЫХ ИННОВАЦИЙ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Аннотация. Рассматривается изменение функционирования института социальной защиты военнослужащих под влиянием динамичных правовых изменений последних лет. Актуальность исследования обусловлена беспрецедентной интенсификацией законотворческого процесса в данной сфере. Анализируется не только формально-юридическое расширение мер поддержки, но и их воздействие на социальный институт в целом. Особое внимание уделяется противоречию между формальными правовыми нормами и устойчивыми неформальными регуляторами военной среды. Делается вывод о том, что правовые нормы не просто добавляют новые льготы, а фундаментально трансформируют структуру социального института, изменяя роли его акторов и создавая новые зоны взаимодействия формальных и неформальных правил.

Ключевые слова: социальная защита, военнослужащие, правовые нормы, социальный институт, неформальные практики, статус военнослужащего, социальные гарантии.

Medvedev A. V., Moscow

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF MILITARY PERSONNEL'S SOCIAL PROTECTION IN MODERN RUSSIA: DIALECTICS OF LEGAL INNOVATIONS AND INFORMAL PRACTICES

Abstract. The article examines the changes in the functioning of the institution of social protection for military personnel under the influence of dynamic legal changes in recent years. The relevance of the study is due to the unprecedented intensification of the legislative process in this area, which is caused by geopolitical challenges. The author analyzes not only the formal legal expansion of support measures, but also their impact on the social institution as a whole. Special attention is paid to the contradiction between formal legal norms and stable informal regulators of the military environment. It is concluded that legal norms do not simply add new benefits, but fundamentally transform the structure of a social institution, changing the roles of its actors and creating new areas of interaction between formal and informal rules.

Keywords: social protection, military personnel, legal norms, social institution, informal practices, status of a military personnel, social guarantees.

Социальная защита военнослужащих в современной России представляет собой не статичный набор льгот, а динамично развивающийся социальный институт, находящийся в состоянии перманентной трансформации. Согласно ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих», социальная защита является функцией государства и предусматривает не только реализацию прав, но и «совершенствование механизмов и институтов» их обеспечения [1]. В силу современных геополитических реалий нормативно-правовая база в этой сфере реформируется с беспрецедентной интенсивностью: только за период 2023–2025 гг. принято более 140 федеральных законов, направленных на поддержку участников специальной военной операции и членов их семей. Как справедливо отмечают исследователи, такое положение

порождает необходимость не просто описания новых мер поддержки, но глубокого осмысления институциональных последствий правовых инноваций.

Теоретические аспекты социальной защиты военнослужащих разрабатывались в трудах Е. А. Глухова, исследовавшего взаимодействие правовых и неформальных регуляторов в военной среде [3], А. М. Панченко, анализировавшего институционально предписанные формы девиантного поведения как элемент социального статуса военнослужащего [5]. Проблематика создания новых институциональных структур, включая государственный фонд «Защитники Отечества», рассматривается в работах других авторов. Однако комплексного анализа трансформации всего института социальной защиты под влиянием правовых новаций последних лет до настоящего времени не проводилось.

Работа базируется на неоинституциональном подходе, позволяющем рассматривать взаимодействие формальных правил и неформальных практик как ключевой механизм институциональных изменений. Используются методы системного анализа, сравнительно-правовой метод, а также элементы социологии права для анализа неформальных регуляторов военной среды.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом изменения правовых норм трансформируют институт социальной защиты военнослужащих, меняя его структуру, функции, субъектный состав и механизмы взаимодействия формальных и неформальных регуляторов.

Социальная защита военнослужащих как социальный институт представляет собой устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, а также организационных структур, обеспечивающих реализацию социальных прав и гарантий лиц, проходящих военную службу, и членов их семей. В структуру данного института входят:

1. Нормативно-правовой компонент – совокупность федеральных законов, указов Президента РФ, ведомственных нормативных актов, устанавливающих виды, размеры и порядок предоставления социальных гарантий.

2. Организационный компонент – система органов государственной власти, военного управления, командиров (начальников), а также специализированных организаций (таких как фонд «Защитники Отечества»), реализующих меры социальной защиты.

3. Финансово-экономический компонент – механизмы бюджетного финансирования, страховые выплаты, компенсации и иные материальные ресурсы.

4. Неформальный компонент – сложившиеся в военной среде обычаи, традиции, корпоративные правила поведения, неформальные сети взаимопомощи, а также институционально предписанные способы адаптации к формальным требованиям.

Военная среда исторически отличается повышенной регламентированностью, жесткой иерархичностью и требованием безусловного подчинения. Как отмечает А. М. Панченко, «нормативы поведения, принятые в военной

среде, требуют от человека безусловного подчинения, не позволяя ему выстраивать жизнь в соответствии с привычными поведенческими моделями» [5]. Эта специфика порождает фундаментальное противоречие между жесткостью формальных предписаний и потребностями повседневной жизни, которое разрешается через формирование неформальных практик, позволяющих адаптироваться к институциональным требованиям.

Е. А. Глухов справедливо указывает, что «наряду с нормами права отношения между людьми могут регулироваться обычаем, нормами морали, либо корпоративными правилами поведения». В военной среде такие неформальные регуляторы играют особую роль, поскольку позволяют сглаживать избыточную жесткость формальных требований и обеспечивать функционирование воинских коллективов в условиях, когда формальные процедуры недостаточно эффективны или избыточно сложны [3].

Современный этап развития законодательства о социальной защите военнослужащих характеризуется беспрецедентной интенсивностью. По данным Государственной Думы, на начало 2026 г. принято 144 федеральных закона, направленных на поддержку участников специальной военной операции и их близких. Только в 2025 г. рабочей группой Совета Федерации во взаимодействии с Министерством обороны, Министерством труда и социальной защиты, Министерством финансов проведена масштабная законотворческая работа, результатом которой стали шесть федеральных законов, указ Президента Российской Федерации, пять внесенных в Государственную Думу законопроектов и еще семь инициатив, находящихся в проработке [6].

Такая интенсивность правотворчества сама по себе становится фактором институциональной трансформации, поскольку требует от всех участников правоотношений постоянной адаптации к меняющимся правилам игры.

Ключевым направлением правовых инноваций стало расширение круга лиц, имеющих право на социальную защиту. Если ранее ядро института составляли кадровые военнослужащие (офицеры и военнослужащие по контракту), то сегодня в орбиту социальных гарантий включены:

- мобилизованные граждане – правовой статус мобилизованного был приравнен к статусу военнослужащего по контракту, что потребовало адаптации всей системы обеспечения;

- добровольцы – длительное время остававшиеся в «серой зоне» правового регулирования, сегодня они получили значительный объем социальных гарантий, сопоставимых с гарантиями военнослужащих;

- члены семей указанных категорий, причем понятие «член семьи» также расширяется и уточняется в законодательстве;

- ветераны боевых действий и лица, завершившие участие в СВО;

- отдельные категории, ранее не рассматривавшиеся как субъекты социальной защиты (например, опекуны и родители погибших военнослужащих).

Как отмечается в научной литературе, государство с началом СВО столкнулось с необходимостью качественного и количественного дополнения существующих ранее мер социальной защиты военнослужащих. Для участников СВО, членов их семей, семей погибших воинов потребовались новые формы социальной поддержки и принципиальное изменение механизма их доведения до получателей.

Важной тенденцией стала регионализация социальной защиты. Введение Единого регионального стандарта поддержки участников СВО и членов их семей свидетельствует о диверсификации института: теперь он функционирует не только на федеральном, но и на региональном уровне. Как отмечается в материалах Совета законодателей, предполагается создание сети региональных центров нового поколения, которые должны работать в проактивном режиме и предлагать адресные формы поддержки в зависимости от жизненной ситуации участника СВО.

Это приводит к некоторой неравномерности в объемах предоставляемых благ (поскольку регионы обладают различными финансовыми возможностями), но одновременно повышает адресность помощи и позволяет учитывать местную специфику. Регионализация создает новые вызовы для института: требуется координация между федеральным и региональными уровнями, унификация процедур при сохранении региональной вариативности, обеспечение равного доступа к социальным благам вне зависимости от места проживания.

Взаимодействие формальных правовых норм и неформальных практик в военной среде наиболее полно раскрывается через концепцию институционально предписанных форм девиантного поведения. А. М. Панченко показывает, что «исходная противоречивость социальных норм деятельности в условиях военизированной организации превращает девиацию в элемент вторичной социализации ее участников» [5].

Институциональные девиации возникают там, где формальные правила вступают в конфликт с потребностями повседневной жизни или где формально предписанные способы удовлетворения потребностей не приводят к желаемому результату. В таких условиях девиантное поведение выступает в качестве компромисса между институциональными нормами и потребностями личности.

Применительно к сфере социальной защиты можно выделить следующие типы неформальных практик, возникающих в ответ на усложнение формальных правил:

Первый тип – практики информационного обмена. Расширение перечня социальных гарантий создает ситуацию, в которой военнослужащий зачастую не обладает полной информацией о своих правах, порядке их реализации, необходимых документах и сроках. Формируются неформальные информационные сети: более опытные сослуживцы передают знания новичкам,

командиры (выходя за пределы своих формальных обязанностей) консультируют подчиненных, создаются неформальные чаты и группы взаимопомощи.

Второй тип – практики документального сопровождения. Сложность бюрократических процедур порождает феномен «помощников по справкам» – лиц (часто из числа военнослужащих, имеющих административные навыки или связи), которые помогают собирать и оформлять документы. Эта деятельность не институционализована, но играет критическую роль в реализации формальных прав.

Третий тип – практики имитации деятельности. Как отмечает Панченко, «уклонение от служебных обязанностей чаще всего выражается в неисполнении приказов путем бездействия или имитации деятельности. Эта практика широко применяется на всех уровнях армейской иерархии и составляет своеобразный противовес характерному для военной среды избыточному контролю» [5]. В контексте социальной защиты это может проявляться в формальном отчете о проведенной работе при фактическом отсутствии реальной помощи.

Четвертый тип – практики использования статуса. Статус больного, раненого, пострадавшего может использоваться не только по прямому назначению, но и как способ получения дополнительных льгот или освобождения от иных обязанностей. Это создает риски злоупотреблений, но одновременно является механизмом адаптации к сложной системе распределения благ.

Рассмотрим, как неформальные практики взаимодействуют с формальными нормами на примере реализации Указа Президента РФ № 300, расширяющего права членов семей на санаторно-курортное лечение. Формальная норма предоставляет право, но для его реализации требуется:

- получение информации о наличии путевок;
- сбор медицинских справок для всех членов семьи;
- согласование сроков с медицинским учреждением;
- оформление проездных документов (часто также требующих компенсации).

В этих условиях успешность реализации права зависит не только от формального наличия права, но и от включенности в неформальные сети: знакомства с сотрудниками военкомата или госпиталя, помощи командира в «пробивании» путевки, советов сослуживцев о том, какие справки и где быстрее получить. Как отмечается в материалах конференции Института законодательства, существуют «проблемные зоны» в механизме социальной защиты, требующие не только правовых, но и организационных решений.

Статья 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» прямо возлагает реализацию мер социальной защиты не только на органы государственной власти, но и на командиров (начальников) [1]. Расширение перечня социальных гарантий объективно усложняет функцию командира, требуя от него компетенций, выходящих за традиционные рамки военного управления.

Если ранее роль командира в социальной защите сводилась преимущественно к контролю за своевременным довольствием и реагированию на острые ситуации, то сегодня командир должен быть осведомлен:

- о порядке предоставления путевок в санатории для членов семей;
- о механизмах ипотечных каникул для участников СВО;
- о региональных выплатах и льготах (которые различаются в зависимости от места проживания семьи);
- о порядке прохождения военно-врачебной экспертизы и компенсации проезда к месту ее проведения [1];
- о возможностях получения образования и переобучения [3].

Таким образом, правовая норма меняет институциональную роль командира, превращая его из исключительно военного начальника в агента социальной политики. Это усиливает его неформальное влияние, поскольку от его компетентности, желания помочь и умения ориентироваться в бюрократических процедурах зависит фактическая реализация формального права подчиненного.

Реакцией права на потребности института стало создание специализированных структур. Наиболее значимым примером является Государственный фонд «Защитники Отечества», созданный для координации усилий различных ведомств и оказания адресной поддержки ветеранам боевых действий и семьям погибших.

Появление этого фонда – яркий пример того, как правовая норма (учредительный документ) порождает новый элемент в структуре социального института. Фонд выполняет функцию социального навигатора и интегратора усилий различных ведомств, что ранее не было институционализировано. Исследователи отмечают, что фонд сосредоточил в единой структуре «помощь и заботу о названных категориях граждан», что позволило преодолеть межведомственную разобщенность.

Другим примером институциональной инновации является образовательная кадровая программа «Время героев», реализуемая Президентской академией. Ее цель – возвысить героев СВО, продвигая лучших из них в руководство органов публичной власти, престижных государственных компаний. Это пример того, как социальная защита перерастает узкие рамки компенсаторных мер и становится механизмом социальной мобильности и формирования новой элиты.

В военных коллективах всегда существовали неформальные лидеры, влияние которых на социально-психологический климат и повседневную жизнь военнослужащих признается исследователями [7]. В контексте усложнения системы социальной защиты роль таких лидеров может усиливаться, поскольку они становятся проводниками информации, посредниками между командованием и личным составом, организаторами взаимопомощи.

Исторический опыт попыток институционализации неформальных лидеров (например, эксперимент в ВДВ в 2001 г. по «легализации неформальных лидеров» [4]) показывает сложность и противоречивость таких процессов. Сегодня, в условиях расширения социальных гарантий, неформальные лидеры могут играть позитивную роль, помогая сослуживцам ориентироваться в сложной системе льгот и выплат, но одновременно существует риск использования неформального влияния для перераспределения благ в пользу «своих».

Государственный фонд «Защитники Отечества» представляет собой принципиально новый для российской практики институциональный механизм. В отличие от традиционных ведомств, фонд:

- обладает гибкой структурой, позволяющей оперативно реагировать на возникающие потребности;
- работает в тесной связке с волонтерскими и общественными организациями;
- ориентирован на индивидуальное сопровождение ветеранов и семей погибших (принцип «одного окна»);
- аккумулирует информацию о потребностях подопечных и вырабатывает предложения по совершенствованию законодательства.

Создание фонда меняет ландшафт социальной защиты, делая ее более многосубъектной и одновременно более скоординированной.

Предложение о создании сети региональных центров нового поколения, работающих в проактивном режиме, также является институциональным новшеством. Проактивный формат означает, что помощь предлагается не по заявлению гражданина, а на основе имеющихся данных о наступлении определенной жизненной ситуации. Это требует развития межведомственного информационного обмена и изменения философии социальной защиты – от «пассивного ожидания» к «активному предложению».

Отдельным направлением институциональных изменений становится развитие системы психологической помощи и реабилитации. Обсуждаются вопросы организации психологической помощи участникам СВО посредством телемедицинских консультаций, создания соответствующих служб, развития отечественной реабилитационной отрасли в части обеспечения протезами. Это пример того, как социальная защита проникает в новые сферы (медицина, психология) и требует междисциплинарного взаимодействия.

Интенсивное правотворчество неизбежно порождает «разрывы» между декларируемой нормой и реальным правоприменением. Эти разрывы могут быть обусловлены:

- недостаточной проработанностью механизмов реализации;
- отсутствием необходимой инфраструктуры;
- бюрократическими барьерами;
- неосведомленностью граждан о своих правах;
- противоречиями между различными нормативными актами.

Как отмечается в материалах парламентских слушаний, одной из ключевых задач становится обеспечение оперативности и качества межведомственного взаимодействия в работе по оказанию медицинской и иной помощи участникам СВО.

В ситуации правовых разрывов особую роль приобретает судебная практика. Анализ судебных решений показывает, что споры о предоставлении жилья, о статусе выплат, о подтверждении периодов службы становятся обыденностью. Военнослужащие и члены их семей вынуждены обращаться в суды, что само по себе является индикатором институциональной настройки.

Суды, в свою очередь, выступают в роли института, донстраивающего правовые нормы под конкретные жизненные ситуации. Например, разграничение публично-правовых и гражданско-правовых отношений в спорах о предоставлении жилья демонстрирует, как судебная практика уточняет границы действия социального института, определяя, какие отношения регулируются административным правом, а какие – гражданским.

Работа по устранению выявленных правовых разрывов активно ведется на законодательном уровне. Среди наиболее значимых инициатив, находящихся в проработке на начало 2026 г.:

- предоставление участникам СВО права на бесплатный проезд к месту прохождения военно-врачебной комиссии и обратно (устранение ситуации, при которой раненые вынуждены оплачивать проезд самостоятельно);
- сохранение социальных гарантий для 18-летних детей военнослужащих в период между окончанием школы и поступлением в вуз;
- предоставление вдовам участников СВО права на бесплатное обучение в вузах в рамках квоты без вступительных экзаменов;
- освобождение членов семей погибших от уплаты госпошлины при обращении в суды за назначением пенсии по случаю потери кормильца;
- улучшение пенсионного обеспечения участников СВО и членов их семей;
- расширение перечня лиц, которым положены страховые выплаты в связи с гибелью военнослужащего;
- отмена платы за обучение в вузах на платных местах для участников СВО;
- пересмотр системы выплат по больничным листам для бывших военнослужащих в течение двух лет после демобилизации.

Эти инициативы показывают, что институт социальной защиты находится в постоянном развитии, реагируя на выявляемые пробелы и проблемы.

Принятие Указа Президента РФ от 8 мая 2025 г. № 300 и последующего Приказа Минобороны № 477 [2] является кейсом, иллюстрирующим институциональную адаптацию на всех уровнях.

Содержание правовой инновации. Указ расширил права членов семей военнослужащих на санаторно-курортное лечение, фактически уравнив их в этом праве с самими военнослужащими.

Институциональные последствия:

1. Для военно-медицинских учреждений – потребовалась перестройка логистики, пересмотр порядка распределения путевок, адаптация коечного фонда под возможное увеличение числа пациентов. Ранее санатории были ориентированы исключительно на военнослужащего, теперь же в фокусе их внимания оказывается семья, что требует изменения документооборота, медицинских программ и даже подхода к лечению (семейные путевки, детские программы).

2. Для кадровых органов – потребовалось разъяснение нового порядка, обучение сотрудников, разработка новых форм документов.

3. Для финансовых органов – перераспределение бюджетных средств, корректировка финансирования санаторно-курортных учреждений.

4. Для командиров – необходимость информирования подчиненных, помощь в оформлении документов, согласование графиков отпусков с учетом возможностей санаторного лечения семей.

5. Для военнослужащих и членов их семей – появление нового права требует активности по его реализации, сбора документов, планирования.

Этот пример показывает, как одна правовая норма запускает каскад институциональных изменений в различных подсистемах – медицинской, кадровой, финансовой, управленческой.

Расширение круга субъектов и перечня социальных гарантий объективно требует увеличения бюджетных расходов. Возникает риск разрыва между декларируемыми правами и реальными возможностями их финансового обеспечения. Это противоречие может разрешаться через:

- установление очередности (например, право на внеочередное получение жилья для отдельных категорий);
- введение критериев нуждаемости;
- поэтапное введение новых гарантий;
- перераспределение ресурсов в пользу наиболее приоритетных направлений.

Федеральное законодательство стремится к унификации социальных гарантий, обеспечивая равные права для всех военнослужащих независимо от места службы и проживания. Региональная же практика вносит элемент дифференциации: разные субъекты РФ устанавливают различные дополнительные меры поддержки. Это создает неравенство возможностей для военнослужащих и их семей в зависимости от региона проживания.

Как было показано выше, формальное расширение прав не всегда ведет к их автоматической реализации из-за бюрократических барьеров и сложности процедур. Неформальные практики, позволяющие эти барьеры преодолевать, одновременно создают риски неравенства доступа: те, кто включен в неформальные сети, получают преимущества перед теми, кто такими связями не обладает.

Создание специализированных структур (фонд «Защитники Отечества», региональные центры) повышает адресность помощи, но одновременно

усложняет систему, требуя координации между новыми и традиционными институтами. Возникают вопросы разграничения компетенции, обмена информацией, избежания дублирования функций.

Одним из возможных направлений развития является частичная институционализация наиболее эффективных неформальных практик. Исторический опыт (включая упоминавшийся эксперимент в ВДВ) показывает сложность таких процессов, но потребность в них сохраняется. Речь может идти:

- о создании института общественных помощников (наставников) для ветеранов и семей погибших;
- развитии системы информирования через неформальные каналы (чаты, группы взаимопомощи) при методической поддержке государства;
- использовании авторитета неформальных лидеров для распространения достоверной информации о социальных гарантиях.

Перспективным направлением является цифровизация процедур предоставления социальных гарантий, переход к проактивному формату, когда права реализуются без заявлений на основе имеющихся данных. Это позволит снизить роль неформальных практик, обусловленных бюрократической сложностью, и обеспечить более равный доступ к благам.

Дальнейшее совершенствование института требует налаживания эффективного межведомственного взаимодействия между Министерством обороны, Министерством труда и социальной защиты, Министерством здравоохранения, фондом «Защитники Отечества», региональными органами власти. Как отмечается в парламентских материалах, необходим контроль за оперативностью и качеством межведомственного взаимодействия.

Важным инструментом развития института становится правовой мониторинг. Систематический сбор информации о проблемах реализации социальных гарантий, анализ судебной практики, изучение мнения получателей помощи должны стать основой для своевременной корректировки законодательства и правоприменительной практики.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, изменение функционирования института социальной защиты военнослужащих под влиянием правовых норм носит комплексный, системный характер. Право выступает не просто регулятором, а катализатором глубинных институциональных сдвигов, затрагивающих все элементы института: нормативный, организационный, финансовый и неформальный компоненты.

Во-вторых, правовые инновации последних лет (2023–2026 гг.) привели к фундаментальной трансформации института:

- расширен субъектный состав социальной защиты (включены мобилизованные, добровольцы, члены их семей, новые категории ветеранов);
- созданы новые институциональные структуры (фонд «Защитники Отечества», региональные центры поддержки, программа «Время героев»);

– изменены роли традиционных акторов (командиры стали агентами социальной политики);

– сформированы новые механизмы межведомственного взаимодействия.

В-третьих, ключевой проблемой институциональной трансформации остается взаимодействие формальных правовых норм и неформальных практик военной среды. Формальное расширение прав, не подкрепленное упрощением процедур и развитием инфраструктуры, порождает институциональные девиации – неформальные способы адаптации к бюрократической сложности. Эти девиации могут играть как позитивную роль (обеспечивая доступ к благам через неформальные сети), так и негативную (создавая неравенство возможностей и риски злоупотреблений).

В-четвертых, выявлен ряд противоречий институционального развития:

– между расширением прав и ограниченностью ресурсов;

– унификацией на федеральном уровне и дифференциацией на региональном;

– формальными нормами и неформальными практиками;

– специализацией новых структур и необходимостью интеграции усилий.

В-пятых, оптимальное развитие института возможно лишь при гармонизации формальных и неформальных регуляторов, когда правовые инновации не отторгаются военной средой, а органично встраиваются в ее структуру, опираясь на авторитет командира, традиции взаимопомощи и адаптивный потенциал неформальных практик. Дальнейшее совершенствование социальной защиты должно учитывать не только экономические возможности государства, но и социокультурные особенности военной организации общества, а также необходимость упрощения процедур и цифровизации процессов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением эффективности новых институциональных структур (фонда «Защитники Отечества», региональных центров), анализом судебной практики как индикатора проблем правоприменения, а также исследованием трансформации неформальных практик в условиях цифровизации и упрощения процедур предоставления социальных гарантий.

Список литературы

1. О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
2. Об определении Порядка предоставления социальных гарантий, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2025 г. № 300 «О дополнительных социальных гарантиях членам семей военнослужащих, сотрудников некоторых федеральных государственных органов и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях», в Вооруженных Силах Российской Федерации» : приказ Министра обороны РФ от 28.07.2025 № 477 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/412632239/> (дата обращения: 09.03.2026).
3. Глухов Е. А. Право и неформальные регуляторы поведения в военной среде // Вестник Академии права и управления. 2020. Т. 2. № 59. С. 32–37.
4. Медведева М. А. Влияние неформальных лидеров на социально-психологический климат в коллективе военнослужащих-женщин : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 23 с.

5. Панченко А. М. Институционально предписанные формы девиантного поведения как часть социального статуса военнослужащего // Вестник МИЭП. 2011. № 2(2). С. 101–108.

6. Святенко И. В проработке находится семь законодательных инициатив, касающихся обеспечения прав участников СВО и их близких // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 25.09.2025. URL: <http://council.gov.ru/events/news/169513/> (дата обращения: 09.03.2026).

7. Шаповал М. К., Павлов В. А. Правовой статус военнослужащего и его социальная поддержка // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 495–498.

УДК 342

Мялик А. Д., Гоглева К. Ю., *Санкт-Петербург*

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВОМ

Аннотация. Обсуждается вопрос определения роли общественных организаций в обеспечении военной безопасности. На основе научного анализа правового регулирования и правоприменительной практики сделан вывод о специфике взаимодействия данных организаций с государством, содержании совместной деятельности по достижению высоких показателей военной безопасности.

Ключевые слова: военная безопасность, общественный контроль, взаимодействие общества и государства, гражданское общество, волонтерство, общественные организации.

Myalik A. D., Gogleva K. Y., *Saint Petersburg*

THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN ENSURING MILITARY SECURITY: LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF INTERACTION WITH THE STATE

Abstract. The article is devoted to the issue of determining the role of public organizations in ensuring military security. Based on a scientific analysis of legal regulation and law enforcement practice, the author concludes on the specifics of interaction of these organizations with the state, the content of joint activities to achieve high indicators of military security

Keywords: military security, public control, interaction between society and the state, civil society, volunteering, and public organizations.

На современном этапе развития Российской Федерации вопросы обеспечения военной безопасности государства являются одними из наиболее значимых. По словам Президента РФ В. В. Путина по данному направлению должны приниматься адекватные имеющимся угрозам меры [1]. Значение обеспечения военной безопасности, поддержания высокого ее уровня проявляется во множестве аспектов, а именно:

1. Только при условии надежной защищенности государства и общества от военных угроз и угроз государству возможно обеспечивать устойчивое развитие по всем направлениям и во всех сферах;

2. Отсутствие надлежащего и налаженного механизма обеспечения военной безопасности является угрозой национального характера, касающейся каждого отдельного человека и гражданина Российской Федерации;

3. Военная безопасность является базовой категорией национальной безопасности, обеспечение которой – приоритетная цель современного этапа развития Российской Федерации, что соответствующим образом закреплено в документах стратегического планирования [2].

Таким образом, на сегодняшний день очевидна необходимость использования всех имеющихся сил, средств, методов и механизмов для решения задачи обеспечения военной безопасности российского государства. В этом видится фундаментальное условие, необходимое для достижения поставленных в обозначенной сфере целей обеспечения государственного суверенитета и безопасности, ведущая роль в сохранении и укреплении которых принадлежит институтам гражданского общества.

Эффективность функционирования института государственно-общественного партнерства в контексте ее признания необходимой парадигмой обеспечения военной безопасности находит свое постоянное подтверждение в правоприменительной практике [3, с. 68], что очевидно, так как российское государство, по своей конституционно-правовой сути, является социальным. Вся его политика должна быть направлена на удовлетворение потребностей общества. При этом очевидно, что без опоры на «агентов общества» (в том числе, общественные организации) добиться высоких результатов подобной деятельности практически невозможно.

Характеризуя роль общественных организаций, их деятельность и партнерство с государством в вопросах обеспечения военной безопасности, министр обороны Российской Федерации А. Р. Белоусов совершенно справедливо указывает на то, что общественные организации на сегодняшний день составляют золотой фонд страны [4]. С чем следует, бесспорно, согласиться, так как на современном этапе участие общественных организаций в деятельности по решению вопросов и задач военной безопасности является обязательным условием, которое должно выполняться на постоянной, непреложной основе [5, с. 13].

Государство, признавая значимость участия общественных организаций в обеспечении военной безопасности, стремится максимально регламентировать данную сферу правоотношений, что весьма оправдано, так как любой иной подход может привести к крайне негативным последствиям. В результате данной юридикации в российской правовой системе отмечается наличие структурированной нормативно-правовой базы участия общественных организаций в обеспечении военной безопасности. В качестве элементов указанной базы следует отметить целый ряд нормативных правовых актов.

Прежде всего, речь идет о Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [6]. В п. 3 ст. 9 указанного нормативного правового акта

закреплено право граждан на создание организаций и общественных объединений, содействующих укреплению обороны. Статья 22. 1 ФЗ «Об обороне» регламентированы правовые основы создания добровольческих формирований. В них видится квинтэссенция взаимодействия общества и государства в вопросах обеспечения военной безопасности. С одной стороны, налицо частная и общественная инициатива на участие в процессах укрепления и обеспечения обороноспособности страны, с другой стороны – обязательность контроля данных процессов со стороны государства.

Также важным документом представляется Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [7]. Волонтерство – это один из наиболее действенных и эффективных механизмов взаимодействия общества и государства в вопросах обеспечения военной безопасности. Посредством такого взаимодействия обеспечивается решение вопросов отправки гуманитарной помощи в районы военных конфликтов, снабжения армии и добровольческих формирований, проведения информационных кампаний по доведению позиции российского государства до всех заинтересованных лиц.

Следует отметить и Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8]. Основной формой деятельности общественных организаций выступает именно некоммерческая организация, направлением функционирования которой может являться и деятельность по обеспечению военной безопасности. Названный федеральный закон определяет правовые основы деятельности некоммерческих организаций, порядок их создания, функционирования и финансовой отчетности.

Еще один нормативный правовой акт, который имеет значение для рассматриваемой сферы – это Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9]. Религиозные объединения на постоянной основе вовлечены в процессы обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Данный же закон определяет правовые основы деятельности указанных объединений. Так, исходя из положений ст. 6 указанного нормативного правового акта, можно сделать вывод о следующих основных признаках религиозного объединения:

1. **Общность.** Данный признак предполагает, что религиозные объединения представляют собой исключительно коллегиальные органы. Это именно объединение граждан Российской Федерации и иных лиц (иностранцев граждан, лиц без гражданства).

2. **Территориальность.** Представители объединения должны постоянно и на законных основаниях проживать на территории Российской Федерации.

3. **Цель деятельности.** Создание и деятельность религиозного объединения осуществляются в целях совместного исповедания и распространения веры.

Перечисленные признаки закреплены в том числе опосредованно – при определении законодательного понятия религиозного объединения. Вместе с тем законодателем предусмотрено и прямое указание на признаки религиозного объединения. К таким признакам относятся:

1. Вероисповедание.
2. Совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.
3. Обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

На законодательном уровне закреплён факт наличия внутренних установлений религиозных объединений. Государство обязуется уважать эти установления при условии, если последние не противоречат законодательству Российской Федерации. Представляется, что основная сущность и содержание таких установлений кроется в соответствующих базовых ценностях.

Практика взаимодействия государства и общественных объединений в деятельности по обеспечению военной безопасности Российской Федерации достаточно разнообразна. Вместе с тем можно говорить о некоторых устоявшихся формах такого взаимодействия, а именно:

1. Проведение совместных информационно-совещательных мероприятий. Речь идет о всевозможных конференциях, «круглых столах», направленных на обсуждение отдельных значимых вопросов в сфере обеспечения военной безопасности. Подобный формат мероприятий подразумевает достижение консенсуса в вопросах реагирования на возникающие военные угрозы, обеспечения решения существующих в данной сфере проблем.

2. Разработка нормативных правовых актов по вопросам обеспечения военной безопасности. Правотворчество является главным инструментом регулирования и трансформации общественных отношений, в том числе, складывающихся в сфере обеспечения военной безопасности. Члены общественных организаций часто оказываются вовлеченными в непосредственную практическую деятельность в данной сфере, первыми узнают о существующих проблемах, могут донести их до представителей государства, в частности, парламентариев. Последние, в свою очередь, имеют возможность оперативно среагировать, например, принятием нормативных правовых актов.

3. Проведение мероприятий по общественной экспертизе и контролю. Объектами экспертных и контрольных мероприятий выступают процессы, действия, нормативные правовые акты, принятые решения, которые касаются деятельности по обеспечению военной безопасности. Цель таких мероприятий – обеспечить надлежащий уровень эффективности;

4. Организация совместных мероприятий по непосредственному обеспечению военной безопасности. Например, это могут быть информационные мероприятия по привлечению граждан на заключение контракта с Минобороны Российской Федерации, подготовка граждан к несению боевой службы, в том числе, в зоне военных конфликтов и др.

Подводя итог рассуждениям по теме настоящей статьи, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день роль общественных организаций в деятельности по обеспечению военной безопасности очевидна. Она является важнейшим и, во многом, неотъемлемым элементом фундамента современных процессов в указанной сфере. Тем более важно обеспечивать поиск даль-

нейших путей совершенствования деятельности данных организаций. В частности, особенно остро стоит вопрос правового регулирования деятельности волонтерских организаций. Одним из основных направлений такой работы выступает сбор и направление гуманитарной помощи, как гражданскому населению, так и войскам, воинским формированиям, добровольческим образованиям. С одной стороны, сложно отрицать значимость данного направления, его полезность. С другой, как показывает практика, основным источником финансирования гуманитарной помощи выступает фандрайзинг, подразумевающий материальные сборы с населения. К сожалению, часто в рамках данной деятельности волонтеры, волонтерские организации злоупотребляют доверием общественности, совершают мошеннические действия. Это, в свою очередь, помимо прямого ущерба гражданам, наносит непоправимый вред самой идеи волонтерства и его участия в обеспечении военной безопасности. На наш взгляд, наиболее приемлемым вариантом решения проблемы выступает проявление четкой и даже жесткой позиции законодателя, например, посредством закрепления монополии государства на такие сборы или, как минимум, их администрирование.

Полагаем, что озвученные в рамках научной статьи тезисы позволяют, с одной стороны, объективно оценивать высокую степень значимости деятельности общественных организаций по обеспечению военной безопасности, а с другой определить дальнейшие пути совершенствования данной сферы.

Список литературы

1. Путин: Россия будет принимать адекватные меры по укреплению своей безопасности // ТАСС URL: <https://tass.ru/politika/24329001> (дата обращения: 27.02.2026).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
3. Санжаревский И. И. Политика государственно-частного партнерства и институализация корпоративных отношений в государственном управлении современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, № 1. С. 68–78.
4. Глава Минобороны РФ Андрей Белоусов назвал волонтеров золотым фондом страны // ТАСС. URL: https://www.ltv.ru/news/2025-12-15/528656-glava_minoborony_rf_andrey_belousov_nazval_volonterov_zolotym_fondom_strany (дата обращения: 27.02.2026).
5. Копылов А. В., Бельков О. А., Волох В. А. Гражданско-военные отношения в государстве: содержание, типология и тенденции развития // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 11(148). С. 13–24.
6. Об обороне : федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.
7. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3340.
8. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.
9. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // Российская газета. 1997. 1 окт.

УДК 364:614

Попова М. В., *Иркутск*

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КООРДИНАЦИИ МЕЖСЕКТОРНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Раскрываются теоретические и прикладные аспекты координации межсекторного партнерства в социальной сфере. Выделены административно-централизованная, договорная, сетевая и платформенная модели координации, раскрыты их управленческие особенности, преимущества и ограничения. Делается вывод о целесообразности комбинирования моделей с учетом характера социальной проблемы, состава участников и уровня территориального управления.

Ключевые слова: межсекторное партнерство, социальная сфера, координация, государственное управление, некоммерческие организации, бизнес, здравоохранение, социальная политика.

Popova M. V., *Irkutsk*

MANAGEMENT MODELS OF COORDINATION OF INTERSECTORAL PARTNERSHIP IN THE SOCIAL SPHERE

Abstract. The article examines theoretical and applied aspects of the coordination of intersectoral social partnership in the social sphere. The paper identifies administrative-centralized, contractual, network, and platform coordination models and reveals their managerial features, advantages, and limitations. The conclusion substantiates the expediency of combining models depending on the nature of the social problem, the composition of participants, and the level of territorial governance.

Keywords: intersectoral partnership, social sphere, coordination, public administration, non-profit organizations, business, healthcare, social policy.

Социальная сфера в современной России представляет собой пространство сложного взаимодействия государства, бизнеса, некоммерческих организаций, профессиональных сообществ и граждан. Особенно ярко такая многогосубъектность проявляется в здравоохранении, социальной защите, поддержке семьи, профилактике заболеваний и сопровождении уязвимых групп населения. В данных сферах невозможно добиться устойчивого результата только за счет административных ресурсов государства, поскольку многие социальные проблемы имеют комплексный характер и требуют объединения управленческих, финансовых, экспертных и общественных ресурсов [11].

Именно поэтому межсекторное социальное партнерство следует рассматривать не как факультативную форму взаимодействия, а как значимый механизм современного публичного управления. Его сущность состоит в объединении усилий различных секторов общества для достижения общественно значимой цели при сохранении организационной автономии партнеров. В российской правовой системе участие различных субъектов в решении социальных задач поддерживается нормами Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ» [10; 11; 12].

Вместе с тем сама по себе нормативная возможность взаимодействия еще не гарантирует его эффективности. Ключевой проблемой становится координация: каким образом согласуются цели и интересы участников, кто принимает решения, как распределяются риски и ответственность, по каким каналам осуществляется обмен информацией и как измеряется общественный результат. [14] В связи с этим целью статьи является углубленный анализ управленческих моделей координации межсекторного партнерства в социальной сфере, дополненный конкретными примерами и сравнительной оценкой моделей.

В научной литературе межсекторное взаимодействие трактуется как устойчивое сотрудничество государства, бизнеса и некоммерческого сектора по решению общественно значимых задач. Исследователи подчеркивают, что межсекторное партнерство возникает в тех случаях, когда публичная задача требует одновременно административного ресурса, устойчивого финансирования, профессиональной экспертизы и включения гражданских сообществ [2]. В отличие от разовых акций помощи или подрядных отношений, партнерство предполагает наличие общей цели, согласованных правил, распределения ролей, механизмов обратной связи и общей ответственности за социальный результат [8; 9].

С управленческой точки зрения межсекторное партнерство целесообразно рассматривать как систему координации автономных субъектов. Каждый из участников действует в собственной институциональной логике: государство ориентируется на законность, доступность и достижение общественно значимых показателей; бизнес – на эффективность, окупаемость и устойчивость вложений; НКО и гражданские объединения – на адресность помощи, представительство интересов благополучателей и социальную миссию [2]. Отсюда вытекает необходимость специальных координационных механизмов, которые обеспечивают перевод множественности субъектов в режим совместного действия.

Для социальной сферы особенно важно, что координация не сводится только к формальному распределению полномочий. Она включает постоянное согласование интересов, маршрутизацию информации, регулирование конфликтов, совместное планирование, контроль исполнения и оценку общественных эффектов. Поэтому управленческая модель координации выступает центральным элементом межсекторного партнерства: именно от нее зависит, будет ли партнерство носить формальный, эпизодический характер или станет устойчивой системой совместного управления социальными изменениями [14].

Административно-централизованная модель основана на ведущей роли государства как инициатора, организатора и основного координатора партнерства. Органы публичной власти в этой модели определяют стратегические цели, устанавливают регламент участия, формируют повестку взаимодей-

ствия, задают систему показателей и, как правило, контролируют распределение бюджетных ресурсов. Негосударственные участники включаются в реализацию социальной задачи в границах, очерченных государством [14].

Достоинство данной модели заключается в высокой управляемости, ясности ответственности и возможности быстро мобилизовать участников для решения приоритетной социальной задачи. Именно поэтому она особенно востребована в сферах, связанных с охраной здоровья, лекарственным обеспечением, эпидемиологической безопасностью, сопровождением инвалидов, семей с детьми и других категорий населения, где необходимы единые правила доступа и соблюдение государственных гарантий [8].

Показательным примером такой модели являются советы общественных организаций по защите прав пациентов при органах государственной власти субъектов РФ и при федеральных структурах здравоохранения. По данным Всероссийского союза пациентов, исследование деятельности этих советов проводилось при методической и организационной поддержке Министерства здравоохранения РФ, а сами советы функционируют при органах государственной власти в сфере охраны здоровья [5]. Здесь координационный центр находится внутри публичной вертикали, а участие общественных организаций институционализируется через совещательные и консультативные механизмы.

Более конкретный пример административно-централизованной координации демонстрирует практика Челябинской области, где заседания советов при Росздравнадзоре и при региональном министерстве здравоохранения использовались для решения проблемы лекарственного обеспечения нефрологических пациентов. В обсуждении участвовали представители Росздравнадзора, Минздрава региона, территориального фонда ОМС, главные специалисты и пациентская организация «НЕФРО-ЛИГА», после чего была создана рабочая группа и ситуация с обеспечением препаратами была нормализована [1]. Данный кейс показывает, что в централизованной модели межсекторность присутствует, но логика координации остается преимущественно вертикальной: государственный орган задает рамку, а остальные участники подключаются к решению конкретной проблемы.

Ограничение этой модели состоит в риске формального участия негосударственных партнеров. НКО и общественные объединения могут рассматриваться не как полноправные соразработчики решений, а как консультативный контур при уже принятых управленческих решениях. Кроме того, в условиях жесткой административной координации снижается гибкость реагирования на локальные потребности конкретных целевых групп.

Договорная модель координации строится на соглашениях, контрактах, концессионных и иных формализованных механизмах, в которых фиксируются права, обязанности, риски, сроки и ожидаемые результаты участников. Ее нормативным основанием в российской практике выступает Федеральный закон № 224-ФЗ, регулирующий государственно-частное и муниципально-частное партнерство [12].

Главное управленческое преимущество договорной модели заключается в высокой степени юридической определенности. Координация обеспечивается не столько за счет постоянного административного вмешательства, сколько за счет заранее согласованной архитектуры обязательств, системы мониторинга, финансовой модели проекта и механизмов ответственности сторон. Это делает договорную модель особенно востребованной при создании или модернизации объектов социальной инфраструктуры, внедрении дорогостоящих технологий и долгосрочных сервисных решениях.

В сфере здравоохранения Минздрав России относит к наиболее ярким примерам государственно-частного партнерства центры гемодиализа, центры лучевой терапии, лаборатории и лабораторные исследования [6]. В этих проектах частный партнер обеспечивает инвестиции, технологическое оснащение и управленческую эффективность, а публичная сторона – регуляторную рамку, гарантии доступа пациентов и интеграцию в систему государственных обязательств.

Дополнительным примером служат данные Минэкономразвития России о региональных ГЧП-проектах в здравоохранении. В реестрах и аналитических материалах министерства фигурируют соглашения по объектам здравоохранения в Новосибирской области, включая создание объектов здравоохранения в городе Новосибирске, а также амбулаторно-поликлинические объекты; в обзорах министерства отдельно приводится концессия в отношении Ленинградского областного центра медицинской реабилитации [2].

Вместе с тем договорная модель имеет и существенные ограничения. Во-первых, она лучше работает там, где результаты можно заранее описать в виде измеримых параметров услуги или объекта. Во-вторых, она хуже охватывает качественные социальные эффекты: рост доверия населения, снижение социальной исключенности, повышение вовлеченности пациента в профилактику и лечение. В-третьих, избыточная ориентация на формальный контракт может ослаблять гибкость партнерства в изменяющихся условиях. Поэтому в социальной сфере договорная модель редко бывает самодостаточной и обычно требует дополнения сетевыми и коммуникационными механизмами.

Сетевая модель исходит из того, что устойчивое решение социальной проблемы требует не только формальной иерархии и не только контракта, но и постоянной горизонтальной коммуникации между множеством участников. Координация в этой модели осуществляется через рабочие группы, экспертные сообщества, коалиции, ресурсные центры, общественные советы, межведомственные и межсекторные площадки. Государство здесь сохраняет важную роль, но не монополизирует принятие решений; значительная часть согласования строится на переговорах, обмене знаниями и совместном проектировании [7; 16].

Преимущество сетевой модели заключается в ее адаптивности. Она позволяет быстрее учитывать сигналы от благополучателей, подключать локаль-

ные инициативы, комбинировать разные типы ресурсов и выстраивать устойчивые горизонтальные связи. Для социальной сферы это особенно важно, поскольку многие проблемы проявляются на местном уровне и требуют гибких решений, которые невозможно целиком задать в административном регламенте.

Примером сетевой логики координации могут служить ресурсные центры добровольчества. По информации DOBRO. RU, ресурсный центр – это профессиональная организация, которая осуществляет полный менеджмент, оказывает консультационную и методическую поддержку, налаживает диалог с властью, помогает решать возникающие проблемы и поддерживает связь с партнерами [13]. Отмечается, что создание таких центров укрепило взаимодействие между органами исполнительной власти и общественными объединениями, а также повысило качество организации волонтерской деятельности в регионах [13].

Для здравоохранения и социальной профилактики сетевой формат проявляется также в инфраструктуре укрепления общественного здоровья. В аналитическом докладе о продвижении здорового образа жизни подчеркивается, что за годы реализации соответствующих проектов создана инфраструктура на уровне страны, региона, муниципалитета и отдельного предприятия, а вокруг темы общественного здоровья активно включились НКО, формирующие здоровые привычки и устойчивые сообщества [14]. Фактически речь идет о распределенной сети участников, где государство, муниципалитеты, работодатели, образовательные организации и общественные инициативы совместно формируют здоровьесберегающую среду.

Однако сетевая модель предъявляет повышенные требования к качеству коммуникации, уровню доверия и наличию посреднических структур. При их отсутствии сеть может распасться на набор несвязанных инициатив, а процесс согласования – стать слишком длительным и затратным.

Платформенная модель связана с развитием цифровых механизмов координации. Ее сущность состоит в том, что взаимодействие участников организуется не только через совещания, документы и личные контакты, но и через устойчивую информационно-коммуникационную среду, в которой доступны данные о благополучателях, услугах, мерах поддержки, маршрутах обращения и ходе исполнения решений. Цифровая платформа становится не просто техническим инструментом, а частью управленческой архитектуры партнерства.

На федеральном уровне развитие такой модели прослеживается в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере», где реализованы банки данных и сервисы по различным категориям получателей мер поддержки, включая детей-сирот, многодетные семьи и социальный контракт [4]. Близкую функцию выполняет ЕГИССО как инструмент консолидации сведений о мерах социальной поддержки и навигации граждан по ним [3].

Платформенная логика используется и на региональном уровне. Так, по информации Агентства стратегических инициатив, на Камчатке по инициативе губернатора были запущены две цифровые платформы, одна из которых касалась здравоохранения («социальный лифт»), а другая – сбора идей для развития региона. Эти решения рассматривались как часть проактивного сотрудничества государства, НКО и бизнеса в улучшении качества социальных услуг [15].

Сильные стороны платформенной модели состоят в прозрачности процессов, ускорении обмена данными, возможности отслеживать путь благополучателя и координировать участников вокруг конкретного случая или меры поддержки. В социальной сфере это особенно важно для межведомственных маршрутов, когда человеку требуется не одна услуга, а последовательность медицинских, социальных, образовательных и консультативных действий. Одновременно данная модель уязвима к рискам формализации и технологического неравенства: без понятных регламентов, защиты данных и готовности организаций работать в единой цифровой среде платформа может остаться лишь технической надстройкой над слабо связанными процессами.

Сравнительная оценка показывает, что ни одна из рассмотренных моделей не является универсальной. Каждая из них демонстрирует высокую эффективность лишь при определенных условиях и применительно к определенному типу социальной задачи. Поэтому выбор модели должен основываться на ряде критериев: характер проблемы, степень нормативной регламентации, число и разнообразие участников, необходимость долгосрочных инвестиций, уровень неопределенности, роль обратной связи от благополучателей и требования к цифровой координации.

Административно-централизованная модель наиболее эффективна там, где социальная задача требует единства правил, быстрого принятия решений и жесткого соблюдения государственных гарантий. Она подходит для ситуаций, связанных с лекарственным обеспечением, эпидемиологическими рисками, организацией маршрутизации пациентов, защитой прав получателей услуг. Ее сильными сторонами выступают скорость мобилизации и ясность вертикали ответственности. Однако в этой модели сложнее формировать устойчивую субъектность партнеров из НКО и бизнеса; их участие нередко ограничивается экспертно-консультативной или исполнительской функцией.

Договорная модель лучше всего проявляет себя в инфраструктурных и технологических проектах, где можно детально описать объект, услугу, финансовую схему и показатели результата. Она особенно полезна при строительстве, реконструкции и эксплуатации объектов здравоохранения, внедрении диагностических и лабораторных сервисов, где значимы инвестиции и распределение рисков. Ее преимущества – правовая предсказуемость, формализованная ответственность и возможность долгосрочного планирования. Но она слабее работает с плохо формализуемыми социальными эффектами и в меньшей степени учитывает динамику запросов целевых групп.

Сетевая модель наиболее релевантна для сложных, многофакторных и территориально чувствительных проблем, решение которых требует постоянной обратной связи и кооперации многих участников. Она продуктивна в профилактике заболеваний, развитии добровольчества, поддержке семей, сопровождении людей с хроническими заболеваниями и инвалидностью, поскольку позволяет интегрировать локальное знание, доверительные отношения и ресурсы сообщества. Вместе с тем сетевой формат имеет более высокие транзакционные издержки: необходимы модерация, фасилитация, регулярная коммуникация и наличие структуры, способной удерживать сеть в рабочем состоянии.

Платформенная модель в наибольшей степени отвечает задачам сквозной координации и прозрачности. Она ценна там, где межсекторное взаимодействие связано с большим числом данных, разнообразием маршрутов, необходимостью синхронизировать действия организаций и отслеживать путь получателя услуг. В отличие от других моделей, платформа создает инфраструктурное пространство для партнерства и может сочетаться как с административной, так и с сетевой логикой. Но эта модель требует зрелой цифровой среды, единых стандартов, компетенций пользователей и доверия к обмену данными.

С точки зрения соотношения управляемости и гибкости модели располагаются следующим образом. Административно-централизованная модель обеспечивает максимальную управляемость, но минимальную гибкость. Сетевая, напротив, дает высокую адаптивность, но снижает скорость и однозначность принятия решений. Договорная модель занимает промежуточное положение, сочетая формальную определенность с ограниченной адаптивностью. Платформенная модель не столько заменяет остальные, сколько усиливает их, выступая механизмом интеграции данных, процедур и участников.

Следовательно, для социальной сферы и особенно для здравоохранения наибольший потенциал имеет не изолированное применение одной модели, а их комбинирование. На стратегическом уровне оправдана административная координация со стороны государства; на уровне распределения обязательств – договорные инструменты; на уровне реализации и обратной связи – сетевые механизмы; на уровне мониторинга и маршрутизации – платформенная инфраструктура. Именно такая гибридная модель позволяет соединить государственные гарантии, инвестиционный и организационный потенциал бизнеса, адресность НКО и преимущества цифровой координации.

Таким образом, управленческие модели координации межсекторного партнерства в социальной сфере различаются не только по составу участников, но и по логике управления, распределению ответственности, степени формализации и характеру коммуникации. Административно-централизованная модель обеспечивает высокую управляемость и применима в условиях жестких публичных обязательств; договорная – позволяет распределять риски и привлекать инвестиции; сетевая – усиливает адаптивность и качество

обратной связи; платформенная – создает цифровую инфраструктуру для прозрачного и сквозного взаимодействия участников.

Рассмотренные примеры показывают, что в современной социальной сфере реальная практика все чаще развивается по пути сочетания различных моделей. Для здравоохранения это особенно значимо, поскольку здесь социальный эффект зависит не только от ресурсов государства, но и от качества взаимодействия с пациентскими организациями, профессиональными сообществами, работодателями, благотворительными и волонтерскими структурами. Поэтому перспективным направлением развития выступает гибридная модель межсекторного партнерства, сочетающая стратегическую координацию государства, договорное закрепление ключевых обязательств, сетевую реализацию и цифровую платформенную поддержку.

В дальнейшем развитие данной темы представляется целесообразным связать с анализом региональных практик межсекторного партнерства в здравоохранении, в том числе на материалах Иркутской области, а также с разработкой системы критериев оценки общественного результата от применения различных моделей координации.

Список литературы

1. Взаимодействие общественных советов в системе здравоохранения Челябинской области: презентационные материалы // Министерство здравоохранения Российской Федерации. 2024. URL: <https://minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
2. Государственно-частное партнерство в России: материалы и реестры проектов // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
3. Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО): официальный сайт. URL: <https://www.egisso.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
4. Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере // Социальный фонд России: офиц. сайт. URL: https://sfr.gov.ru/projects/edinaya_centralizovannaya_cifrovaya_platforma_v_socialnoj_sfere/ (дата обращения: 09.04.2026).
5. Жулев Ю. А. Предварительные итоги анкетирования деятельности советов общественных организаций по защите прав пациентов в субъектах РФ в 2015 году // Всероссийский союз пациентов; при методической и организационной поддержке Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
6. Интервью заместителя Министра Сергея Краевого «ГЧП» журналу // Министерство здравоохранения Российской Федерации. 13.08.2014. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/en/special/news/2014/08/13/1969-intervyu-zamestitelya-ministra-sergeya-kraevogo-gchp-zhurnal> (дата обращения: 09.04.2026).
7. Косыгина К. Е. Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе // Проблемы развития территории. 2020. Т. 24, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhsektornoe-vzaimodeystvie-tipy-otnosheniy-i-tendentsii-razvitiya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 09.04.2026).
8. Косыгина К. Е. Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27, № 1. URL: <https://www.jourssa.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
9. Кулькова В. Ю. Теоретические аспекты межсекторного социального партнерства в современном управлении // Вопросы управления. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).

10. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
11. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201111220007> (дата обращения: 09.04.2026).
12. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507140006> (дата обращения: 09.04.2026).
13. Привести добро в порядок: ресурсные центры о своей работе в регионах // DOBRO.RU. 01.12.2018. URL: <https://dobro.ru/news/1556-privesti-dobro-v-por> (дата обращения: 09.04.2026).
14. Продвижение здорового образа жизни и профилактика: аналитический доклад // Национальные проекты России. 2023. URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения: 09.04.2026).
15. Проактивное сотрудничество государства, НКО и бизнеса: региональные практики // Агентство стратегических инициатив. 19.07.2022. URL: <https://asi.ru/news/189500/> (дата обращения: 09.04.2026).
16. Якимец В. Н. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizmy-i-printsipy-mezhsektornogo-sotsialnogo-partnerstva-kak-osnova-razvitiya-obschestvenno-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 316

Ходыкин А. В., Самара

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАГЕДИЙ XX В. В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Отмечается, что книги Светланы Алексиевич дают читателю возможность проникнуть в экзистенциальную глубину травматичности и драматичности переживания трагических и переломных событий истории XX в. как биографических событий их участников во всей невидимой для официальных нарративов наготе и противоречивости истины пережитого пограничного опыта, в котором социальные феномены раскрываются в их наиболее ярком и обостренном виде. Исследуется сходство социологического и литературного описания такого опыта, дана социологическая интерпретация восприятия собеседниками Светланы Алексиевич исторических потрясений, позволяющая лучше понять (в веберовском смысле) коллективные представления и социальные практики советских и постсоветских людей.

Ключевые слова: Светлана Алексиевич, «Голоса Утопии», документальная проза, социология, история XX в.

Khodykin A. V., Samara

THE PERSONALISTIC DIMENSION OF THE HISTORICAL TRAGEDIES OF THE 20TH CENTURY IN SVETLANA ALEXIEVICH'S DOCUMENTARY PROSE: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

Abstract. The personalistic perspective of historical events allows us to see the biographical dimension of historical events, penetrating into the experience of their experience. Svetlana Alexievich's

books give the reader the opportunity to penetrate the existential depth of the traumatic and dramatic experience of tragic and turning events in the history of the 20th century as biographical events of their participants in all invisible to official narratives nakedness and inconsistency of the truth of the borderline experience, in which social phenomena are revealed in their most vivid and in an aggravated form. This article examines the similarity of the sociological and literary descriptions of such experiences, provides a sociological interpretation of the perception of historical shocks by Svetlana Alexievich's interlocutors, which makes it possible to better understand (in the Weberian sense) the collective representations and social practices of Soviet and post-Soviet people.

Keywords: Svetlana Alexievich, "Voices of Utopia", documentary prose, sociology, history of the 20th century.

Персоналистический исследовательский ракурс предполагает изучение исторических событий через анализ их восприятия участниками, свидетелями или современниками. Ю. Н. Харари различает взгляд на историю с позиций воображаемых и реальных сущностей. К первым он относит то, что социологи называют социальными конструктами: страты, партии, нации, корпорации, государства и т. п. Мы создаем их как системы различений для упорядочивания окружающего мира. Ко вторым относятся конкретные люди или животные, переживающие позитивный или негативный опыт. «Изучая историю любой сети взаимодействия, желательно время от времени останавливаться и смотреть на вещи с позиции какой-нибудь реальной сущности. Как узнать, реальна ли сущность? Элементарно. Просто задайте вопрос: «Способна ли она страдать?» [14, с. 174]. Не будучи ни социологом, ни социальным антропологом, Харари довольно точно описывает социологический ракурс исследования исторических событий через анализ их восприятия «реальными сущностями», т. е. людьми, и формирования на основе его результатов «воображаемых сущностей» социальных конструктов.

С такого ракурса написаны многие классические социологические труды. У. Томас и Ф. Знанецкий изучили формирование диаспоры польских эмигрантов в США через исследование жизни конкретных крестьян, переехавших из Польши в США и адаптировавшихся к условиям новой для них страны [17]. А. В. Липский в предисловии к автобиографической книге П. А. Сорокина «Дальняя дорога» пишет: «Как писал Флориан Знанецкий в предисловии к книге В. Берканя «Автобиография» (Познань, 1924), задача социолога, анализирующего чью-либо историю жизни, – увидеть социальную среду так, как видел ее автор, узнать его отношение к ней и каким образом среда формирует личность автора, поскольку влияние, которое оказывают люди и вещи на наше сознание, зависит не от того, что они представляют собой для других, а от того, что они есть для нас, в нашем практическом к ним отношении» [13, с. 7]. Г. Беккер исследовал отрицательное девиантное поведение, изучая восприятие девиантных практик самими «аутсайдерами» и их мировоззрение [16]. И даже последняя редакция поворота к материальному в социологии (ПкМ-2, как назвал ее В. С. Вахштайн [9]), наделяющая актантностью, т. е. способностью к действию, не только людей, но и матери-

альные и нематериальные сущности, не изменяет ракурса исследований: имперская идентичность команды португальского галеона из знаменитого исследования Дж. Ло [11] действует через самих членов этой команды, а не через Португальскую империю, побуждая их совершать конкретные действия в соответствии с их коллективными представлениями. Есть, конечно, и минимизирующие значимость действующих личностей социологические теории, для которых люди, по сути дела, не важны: теория систем Н. Лумана например. Однако в социологии такие теоретические языки не преобладают.

Описание событий с персоналистического ракурса, через призму их восприятия участниками, свидетелями и современниками роднит социологию с документальной прозой, описывающей преломление исторических событий в судьбах людей.

Качественные методы исследования, базирующиеся на феноменологической социологии, имеют с документальной прозой и методическое сходство: автоэтнография, неформализованные интервью, работа с человеческими документами (письмами, дневниками) – все это схоже у социологов и писателей.

Книги Светланы Алексиевич основаны на серии многочисленных разговоров (социологи бы назвали их нарративными глубинными интервью) с людьми, жизнь которых была искалечена войной с Афганистаном, аварией на ЧАЭС, Второй Мировой войной, крушением советской мифологии. «Пишу не о войне, а о человеке на войне. <...> С одной стороны, исследую конкретного человека, живущего в конкретное время и участвовавшего в конкретных событиях, а с другой стороны, мне надо разглядеть в нем вечного человека. Дрожание вечности. То, что есть в человеке всегда» [5, с. 9–10]. С. А. Алексиевич смогла описать эти события в ракурсе личных драм и трагедий переживших их людей, сконструировав тем самым персоналистический нарратив восприятия трагических исторических событий конкретными людьми как событий их судьбы и их личного горя в противовес государственническому официальному нарративу побед и свершений. Она вспоминает свой диалог с советским цензором:

«–Нам не нужна ваша маленькая история, нам нужна большая история. История Победы. Вы не любите наших героев! Вы не любите наши великие идеи. Идеи Маркса и Ленина.

– Да, я не люблю великие идеи. Я люблю маленького человека...» [5, с. 20].

Писательница, по ее собственным словам, предложила «женский взгляд» на войну, фокусирующий внимание не на движениях войск, победах и героизме, а на переживаниях своих собеседников, их эмоциях и важных очень личных частностях, из которых формируется образ войны в восприятии переживших ее людей. «У «женской» войны свои краски, свои запахи, свое освещение и свое пространство чувств. Свои слова. Там нет героев и

невероятных подвигов, там есть просто люди, которые заняты нечеловеческим человеческим делом» [5, с. 7]. Такой фокус внимания близок представительницам феминистской социологии, ставящим задачу коррекции гендерных смещений исследовательского ракурса, вызванных преобладанием в науке «мужских» конвенций описания реальности.

С. А. Алексиевич с помощью своих собеседников пробилась через «воображаемые сущности» идеологий и конвенций высказывания об исторических событиях к личному опыту «реальных сущностей» – людей, выявив тем самым его «изнанку», неконвенциональные поступки и переживания обладателей пограничного трагического опыта в терминологии французских экзистенциалистов. Личный опыт транслируется во всей его противоречивости, заретушированной официальными нарративами. «Люди, которые не видели, как человек убивает человека, это совсем другие люди...» [4, с. 158]. Писательница высвечивает невидимых официальным нарративом и неучтенных статистикой жертв войны. Пример тому – послуживший прологом к книге «Цинковые мальчики» рассказ матери вернувшегося из Афганистана психически травмированного военного, совершившего убийство: «Он убил человека моим кухонным топориком... А утром принес и положил его в шкафчик. <...> Я всем матерям завидую, даже тем, у кого сыновья в могилах лежат» [6, с. 13].

Травма афганской войны усилила осознание противоречий между официальными конвенциями высказывания о ней и той жестокой реальностью, с которой люди столкнулись. Во многих монологах собеседников С. А. Алексиевич рефреном звучит разочарование в советской мифологии, которое они испытали, пережив пограничный опыт военных тягот. Это разочарование усилено центральной ролью военного нарратива в советской идеологии: когда распространяемые государственной пропагандой представления о войне разрушались при встрече с реальностью или люди сталкивались с прямой ложью в СМИ или принуждением лгать о событиях, в которых они сами участвовали, их иллюзии относительно официальных конвенций героических высказываний развеивались, приводя к экзистенциальному вакууму. «Обидно за свою доверчивость. Замполиты нас убеждали в том, во что сами не верили» [6, с. 72]. Катастрофа на ЧАЭС усилила разочарование в советской идеологии: «это не реактор взорвался, а вся прежняя система ценностей» [7, с. 90].

Адаптивных реакций к столкновению с острыми противоречиями между идеологией и реальностью три. Первая – отрицание и изоляция личного опыта от общего политического контекста: все ужасы и неправды реальности воспринимались как частные случаи или ошибки, совершенные руководителями различного уровня, от местных до руководства страны, однако сама государственная идеология, советский строй и идеи марксизма и ленинизма не подвергались сомнению, поскольку отказаться от того, во что верили с детства очень трудно. Идеи и масштабные нарративы не разрушаются фактами, для их разрушения нужна символическая работа по созданию контрнарратива.

вов – альтернативных идей, систем базовых различений и дискурсов описания событий. Исследования Джеффри Александера показывают, что ни нынешние представления о Холокосте, ни «уотергейтский скандал» не сформировались сразу же после того, как соответствующие факты стали достоянием общественности [1]. Сегодняшние нарративы описания этих событий сконструированы символической работой журналистов, представителей общественности и других политических акторов. Пока на основании фактов, не вписывающихся в официальный нарратив, не проведена символическая работа по конструированию контрнарративов, официальная идеология не разрушается, поскольку факты можно изолировать от идей, и люди готовы это принять, поскольку расставание с мировоззренческими установками угрожает кризисом идентичности, утратой системы ориентиров в жизни и эффектом невозвратных потерь времени на веру в ложные идеи [15].

Вторая адаптивная реакция – отстранение от политических суждений. Люди, которые были в меньшей степени индоктринированы коммунистической идеологией или разочаровались в ней, столкнувшись с чрезвычайными событиями, стали воздерживаться от политических выводов и от политики в целом, поскольку они не видели альтернативы советской государственной идеологии, которая в их глазах уже обанкротилась, что привело к разочарованию в политике в целом, усиленному разочарованием в людях, с отрицательными моральными качествами которых они столкнулись в пережитых ими чрезвычайных ситуациях. Поэтому отстранение от политических суждений и сосредоточение на личных делах и заботах стали для них способом адаптации. «Мы не привыкли думать о больших вопросах: кто это затеял? Кто виноват? <...> Пусть правительство этим занимается, а тут люди видят кровь и звереют» [6, с. 62]. Обратная сторона такой адаптации – распространение цинизма. Согласно П. Слотердайку, цинизм возникает в ответ на разрыв между декларациями и реальностью, между официальными «парадными» описаниями событий и правдой жизни обычного человека, которой не находится место в дискурсе официальных нарративов: «циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи – официальный и неофициальный, стремящийся завуалировать истину – с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости – с позиции камердинера» [12, с. 334].

Третья реакция – оппозиция советскому строю. Некоторые собеседники С. А. Алексиевич под влиянием открывшейся им в чрезвычайном опыте неправды существовавшего политического строя разочаровались в нем. По большей части они также не видели альтернативы ему, но это не заставило их отказаться от политических суждений: «Афган освободил меня. Излечил от веры в то, что все у нас правильно и в газетах пишут правду, по телевизору говорят правду» [6, с. 40].

Таким образом, персоналистический ракурс книг Светланы Алексиевич позволяет, сфокусировавшись на изменениях мировоззрения участников

чрезвычайных событий, увидеть через эти изменения трансформацию общественного мнения. Если для документальной прозы такой переход с личного на социальный уровень опционален, то для социологии он обязателен, поскольку предметом изучения нашей дисциплины со времен Э. Дюркгейма является социальное как межиндивидуальная реальность *sui generis*, существующая не в людях, а между ними, и не сводимая к индивидуальным феноменам.

Реакция многих жителей СССР на затронувшие их лично трагические события была дезадаптивной, выражавшейся в зависимостях, совершении преступлений и самоубийствах. Аномическим самоубийствам в терминологии Э. Дюркгейма, т. е. тем, которые были совершены под влиянием крушения старых норм, ценностей и укладов жизни, посвящена книга «Зачарованные смертью», представляющая собой сборник интервью с людьми, пытавшимися свести счеты с жизнью после утраты веры в прежние идеи, или с близкими совершивших самоубийство. «Я слышала их, именно их, разочаровавшихся и бессильных приспособиться. Что у них было? Лишь вера в светлое будущее, а сейчас и ее нет. Они все способны отдать, они уже привыкли к тому, что у них все время что-то забирают. Но вот же трепетная загадка: последний кусок хлеба отдадут, жизнь отдадут – а веру им верни! Они снова готовы вернуться в иллюзию, но в реальность возвращаться не хотят. Соблазн утопии... Черная непостижимая магия великих обманов...» [3, с. 7]. Крушение советского строя привело к ситуации аномии по Э. Дюркгейму в российском обществе, когда утратили силу ориентиры, определявшие мировоззрение большого числа людей, многие из которых были настолько сильно индоктринированы советской идеологией и привыкли к советскому образу жизни, что не нашли в себе силы принять альтернативные ценности и плюрализм стилей жизни. Еще одним последствием сочетания утраты ценностных ориентиров и военных психологических травм стало совершение военных преступлений, о которых не принято говорить в популярных нарративах, в частности убийств и изнасилований женщин. В рассказе участника советско-афганской войны, ставшего потом наемником в других военных конфликтах на территории бывшего СССР, есть такие слова: «Оказывается, везде нужны те, кто умеет стрелять. И платят лучше, чем нам платили в Афгане. За тарелку бобового супа меня уже не купишь. И не надо махать красным флажком! За идею я умирать не пойду. <...> Солнце. Горы. Лежит красивая женщина. Мертвая. Но убита так, что крови не видно. Спит. Острое желание. Мы повернули в село... Две девчонки собирали абрикосы... Как они кричали... Но все принадлежит человеку с ружьем...» [3, с. 100].

Дезадаптивной реакцией на аномию, создавшей множество проблем, стала преступность, о которой говорят герои книги «Время секунд-хэнд», посвященной восприятию постсоветским человеком распада СССР, жизненных трудностей новой эпохи и неоправдавшихся перестроечных надежд. Характерная для постсоветского общества высокая толерантность к насилию, сформировавшаяся в годы советских репрессий, привела к высокому уровню

преступности, омрачившему рыночные реформы и создавшему благодатную почву для последующего распространения ностальгии по советским временам: «Каждое утро во дворе находили труп, и уже мы не вздрагивали. Начиная настоящий капитализм. С кровью. Я ожидал от себя потрясения, а его не было. После Сталина у нас другое отношение к крови... Помним, как свои убивали своих... И про массовые убийства людей, которые не знали, за что их убивают... Это осталось, это присутствует в нашей жизни. Мы выросли среди палачей и жертв...» [2, с. 19].

Идеологическая индоктринация с раннего детства и привычный многим советский уклад жизни в сочетании с социальными проблемами 1990-х также способствовали ностальгии по СССР: «В тюрьме ему выбили зубы, проломили голову. Все равно папа не изменился, остался коммунистом» [2, с. 50]. «Убили черт знает сколько людей, но у нас была великая эпоха» [2, с. 140]. «А что наша пенсия? Купишь хлеб и молоко, а тапочки на лето уже не купишь» [2, с. 42]. «Мы были могущественной сверхдержавой, диктовали свою волю многим странам. <...> Женских колготок не хватало и джинсов? Чтобы победить в атомной войне, нужны не колготки, а современные ракеты и бомбардировщики. У нас они были» [2, с. 61].

Травмы советских времен и последующая работа с ними сильно влияют на восприятие постсоветскими людьми как событий тех лет, так и современных общественных явлений. «Люди вдоволь пострадались» [2, с. 69]. Книги Светланы Алексиевич помогают приблизиться, насколько это возможно, к пониманию в веберовском смысле этого травматического опыта и его влияния на последующее развитие общественного мнения.

Персоналистический ракурс описания исторических событий и их интернализации в судьбах людей роднит документальную прозу с социологией, где понятие судьбы как основа конструирования социальных общностей исследуется со времен одного из классиков нашей дисциплины Георга Зиммеля, который ввел в социологию понятие «сообщество судьбы»: «Направленность течения внутренней жизни решает, что следует считать судьбой и что нет; она совершает своего рода селекцию из касающихся нас событий, и только то из них, которое способно войти в ее собственные движения (причем это относится даже к ее отклонению и разрушению), играет для нас роль судьбы» [10, с. 96]. Виктор Вахштайн отмечает, что для Зиммеля судьба – оператор селекции, делающий исторические события событиями биографическими: «Таким образом, судьба – это оператор селекции. То есть то, что отбирает “внешние”, объективные, каузальным образом связанные события, размещенные в историческом времени, и делает их событиями вашей жизни, переносит их в иную, интенциональную, темпоральность» [8, с. 149]. Книги Светланы Алексиевич дают читателю возможность проникнуть в экзистенциальную глубину травматичности и драматичности переживания трагических и переломных событий истории XX в. как биографических событий их

участников во всей невидимой для официальных нарративов наготе и противоречивости истины пережитого пограничного опыта, в котором социальные феномены раскрываются в их наиболее ярком и обостренном виде.

Список литературы

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Праксис, 2013. 640 с.
2. Алексиевич С. А. Время секунд-хэнд. М. : Время, 2013. 233 с.
3. Алексиевич С. А. Зачарованные смертью. М. : Слово, 1994. 365 с.
4. Алексиевич С. А. Последние свидетели. Соло для детского голоса. «WebKniga», 2004. 168 с.
5. Алексиевич С. А. У войны не женское лицо / Человек больше войны (из дневника книги). М. : Время, 2013. 352 с.
6. Алексиевич С. А. Пинковые мальчики. М. : Время, 2017. 320 с.
7. Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва (хроника будущего). 2-е изд. М. : Время, 2006. 304 с.
8. Вахштайн В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации. М. : Нов. лит. обозрение, 2022. 576 с.
9. Вахштайн В. С. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2. С. 1–48.
10. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 607 с.
11. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 30–42.
12. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Испр. изд-е. Екатеринбург : У-Фактория. М. : АСТ, 2009. 800 с.
13. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография / пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. М. : Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.
14. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер с англ. А. Андреева. М. : Синдбад, 2018. 494 с.
15. Ходыкин А. В. Символическая власть культурной автаркии в российском общественном мнении // Культура и природа политической власти: теория и практика : сб. науч. тр. II Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. А. Керимова. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 357–363.
16. Becker H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York : The Free Press, 1963. 179 p.
17. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. 2nd ed. N. Y., 1927. 1150 p.

УДК 342

Шалимов И. В., Белых О. Е., *Курск*

ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Аннотация. Исследуется правовое измерение социальной солидарности как ключевой исторически сложившийся институт, переводящий абстрактные ценности взаимозависимости и взаимной ответственности в систему конкретных прав, обязанностей и гарантий, обеспеченных государством.

Ключевые слова: социальная солидарность, правовое опосредование, механическая и органическая солидарность, вертикальная и горизонтальная солидарность, принцип социального государства, функции права, юридизация морального долга, перераспределение, правовые дилеммы, цифровизация, глобализация.

Shalimov I. V., Belykh O. E., *Kursk*

THE LEGAL DIMENSION OF SOCIAL SOLIDARITY

Abstract. the article focuses on the legal dimension of social solidarity as a key historically established institution that translates the abstract values of interdependence and mutual responsibility into a system of specific rights, obligations, and guarantees provided by the state.

Keywords: social solidarity, legal mediation, mechanical and organic solidarity, vertical and horizontal solidarity, the principle of the welfare state, the functions of law, the legalization of moral duty, redistribution, legal dilemmas, digitalization, and globalization.

Социальная солидарность, представляет собой устойчивую форму общественной взаимозависимости, в рамках которой индивидуальные действия приобретают значение не только личного, но и коллективного блага. Однако ее становление, поддержание и защита невозможны без правового опосредования. Право выступает тем ключевым институтом, который переводит абстрактные ценности солидарности в систему конкретных прав, обязанностей и гарантий, создавая устойчивый нормативный каркас для совместного существования.

Понятие социальной солидарности было заимствовано правовой наукой из социологии, где оно обозначает состояние взаимозависимости индивидов, обеспечивающее единство и устойчивость социальной группы. В рамках правового дискурса солидарность перестает быть лишь описательной категорией, становясь нормативным основанием для построения юридических систем.

Фундаментальный вклад в понимание генезиса солидарности внес Эмиль Дюркгейм. Он выделил два типа. Механическая солидарность характерна для простых обществ и основана на сходстве индивидов, их коллективном сознании, единообразных верованиях и обычаях. Право здесь носит репрессивный характер, наказывая за отступление от нормы, что укрепляет коллективную идентичность. В сложных, дифференцированных обществах возникает органическая солидарность, порожденная разделением труда. Взаимозависимость специализированных функций становится основой социальной связей. Концепция Дюркгейма показывает, что эволюция форм солидарности напрямую коррелирует с изменением природы и функций права [1, с. 45].

В правовом измерении солидарность предстает в двух функциях. Как принцип, она выступает одним из оснований правопорядка, наряду со справедливостью, свободой и равенством. В этом качестве солидарность может прямо закрепляться в конституциях. Как практика, солидарность реализуется на конкретных правовых институтах, механизмах и правоотношениях, которые обязывают одних субъектов действовать в интересах других или общества в целом [2, с. 108].

Для юридического анализа важно различать виды солидарности по оси взаимодействия. Вертикальная солидарность реализуется в отношениях «государство-гражданин» и опосредована публичным правом. Ее содержание – принятие государством обязанностей по обеспечению достойной жизни, социальной защите.

Горизонтальная солидарность действует в отношениях «гражданин-гражданин» и поддерживается частным и частично публичным правом. Она выражается в институтах совместной ответственности по обязательствам, вспомогательной ответственности, в праве кооперативов, а также в нормах, поощряющих благотворительность или обязывающих помогать в чрезвычайных. Здесь взаимопомощь осуществляется напрямую или через гражданское общество.

Связь права и социальной солидарности заключается в уникальной способности права преобразовывать коллективную взаимозависимость из области моральных представлений и добровольных практик в сферу формальной, общеобязательной нормативности, обеспеченной государственным принуждением. Этот процесс юридизации социальных связей представляет собой содержание правового опосредования солидарности [3, с. 98].

Центральным элементом данного перевода является трансформация морального долга в юридическую обязанность. Чувство моральной ответственности, основанное на внутреннем убеждении, получает в праве внешнюю, четко определенную форму. Нравственный императив взаимопомощи превращается в установленную законом обязанность уплачивать страховые взносы или предоставлять социальные гарантии. Это обеспечивает всеобщность и стабильность солидарных отношений, делая их независимыми от личных качеств индивидов [4, с. 465].

В контексте обеспечения и развития солидарности право выполняет три основополагающие и взаимосвязанные функции. Во-первых, интегративная функция позволяет оформить общество как единый субъект через установление универсальных правил и закрепление базовых социальных ценностей на нормативном уровне. Через правовые нормы индивиды осознают свою принадлежность к коллективу и общность взаимных ожиданий, что создает необходимую нормативную основу для сложной, органической солидарности в дифференцированном обществе. Во-вторых, распределительная функция реализует солидарность в материальном измерении, создавая общеобязательные механизмы перераспределения общественных благ – от более экономически успешных и здоровых групп к менее защищенным [5, с. 425]. Именно нормы социального и налогового законодательства выступают ключевыми юридическими каналами, опосредующими экономическое выражение коллективной взаимной поддержки. В-третьих, защитная функция обеспечивает реальную силу солидарности. Право не только предписывает модели солидарного поведения, но и защищает субъективные права, возникающие как прямой результат действия солидарных механизмов. Обеспечивая судебную и административную защиту права на пенсию, пособие или медицинскую помощь, право превращает солидарность из абстрактной идеи в конкретное, защищенное силой государства правомочие каждого члена общества.

В отечественной правовой системе принцип социального государства представляет собой высшую форму выражения идеи правовой солидарности.

Он устанавливает обязанность государства создавать условия для достойной жизни, трансформируя идею коллективной взаимопомощи в конституционный императив для публичной власти.

Фундамент правового измерения солидарности заложен в конституционных нормах. Принцип равенства создает предпосылку для справедливых отношений, социальное партнерство отражает диалог между различными группами общества, а единство экономического пространства формирует материальную основу для взаимозависимости. Социальные права на охрану здоровья, образование и пенсионное обеспечение институционализируют коллективную поддержку, превращая взаимопомощь в конкретные государственные обязательства перед гражданами.

В сфере гражданского права солидарность проявляется через институты, регулирующие горизонтальные отношения. Общая собственность юридически оформляет совместное владение, требуя согласования действий. Договоры в пользу третьих лиц и страхование служат механизмами распределения риска, создавая коллективы взаимной поддержки. Правовые формы кооперации прямо закрепляют принцип взаимопомощи как основу совместной деятельности.

Публичное право обеспечивает вертикальную солидарность через государственные механизмы. Налоговая система выполняет перераспределительную функцию, трудовое право легализует коллективные действия и возлагает на работодателей ответственность за безопасность работников. Система социального обеспечения представляет собой материальную реализацию конституционных прав. Уголовное право, в свою очередь, защищает основы солидарности, устанавливая ответственность за оставление в опасности и пресекая преступную совместную деятельность.

Правовое закрепление солидарности, несмотря на свою фундаментальную важность, сталкивается с рядом внутренних противоречий и внешних вызовов, определяющих ее границы и проблемные зоны. Первая и ключевая дилемма – это баланс между солидарностью и индивидуальной автономией. Закон, принудительно обеспечивая солидарность через налоговые обязательства или систему социальных взносов, объективно ограничивает личную экономическую свободу и право распоряжения собственным доходом. Правовая задача заключается в поиске такой меры перераспределения, которая, решая общественно значимые задачи, не подавляла бы частную инициативу и не воспринималась как несправедливая конфискация, ведущая к социальному отчуждению. Вторая дилемма – это конфликт между солидарностью и справедливостью. Правовые механизмы помощи, призванные корректировать социальное неравенство, могут порождать у налогоплательщиков ощущение несправедливости, особенно в контексте риска формирования «ловушки бедности» и социального иждивенчества. Право вынуждено постоянно корректировать эту грань, чтобы поддержка не подрывала принципы личной ответственности и трудовой мотивации. Третья дилемма связана с определением

границ солидарного сообщества. Юридическая система должна решать, на кого распространяются солидарные обязательства, что порождает конфликт между поддержкой «своих» (членов определенной профессиональной или территориальной группы) и обязанностями перед «чужими».

Современность добавляет к этим классическим дилеммам новые системные вызовы. Цифровизация, разрушая традиционные формы горизонтальных социальных связей, приводит к атомизации общества, хотя и создает новые сетевые формы коммуникации. Право пока не нашло адекватных инструментов для формирования устойчивой правовой солидарности в цифровой среде. Глобализация остро ставит вопрос о возможности создания наднациональных правовых форм солидарности для решения проблем, не знающих границ, – климатических изменений, миграционных кризисов, регулирования транснациональных корпораций. Эффективность таких механизмов остается ограниченной из-за приоритета государственного суверенитета. Также, коммерциализация социальной сферы представляет собой прямой вызов самим основам солидарности, подменяя логику коллективной взаимопомощи и гарантий – логикой рынка и индивидуальной платежеспособности.

Таким образом, правовое измерение социальной солидарности раскрывает ее как ключевой принцип, интегрированный в нормативную систему общества. Право материализует солидарность через конкретные институты и механизмы, переводя моральные обязанности в юридические гарантии. Однако этот процесс требует постоянного баланса между коллективной поддержкой и индивидуальной свободой, а также адаптации к вызовам цифровизации и глобализации. В конечном счете, именно право обеспечивает устойчивость и реальное воплощение солидарности как основы социального единства и защиты.

Список литературы

1. Журавлева И. М., Васильев Д. А. Правовые основы социальной солидарности и общественного согласия / под науч. ред. И. М. Журавлевой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2023. 328 с.
2. Ковалев П. С., Тихонова Е. Д. Социальная солидарность в системе правового регулирования : учеб. для магистрантов юрид. направлений. М. : Проспект, 2021. 416 с.
3. Смирнов А. Н., Лебедева О. В. Правовое измерение социальной солидарности: теория и практика : учеб. для вузов / под ред. А. Н. Смирнова. М. : Юстицинформ, 2022. 384 с.
4. Шалимов И. В., Бондарева Г. А. Устойчивая трансформация как эффективный вариант развития экономической системы // Мир, общество, экономика, человека: смена парадигм : материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. Липецк, 18 апр. 2023 г. / под общ. ред. Е. А. Гончаровой. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. С. 464–468.
5. Шалимов И. В., Бондарева Г. А. Социально-экономические детерминанты трансформации отечественной системы образования // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 апр. 2023 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. М. Г. Тирских, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 422–426.

УДК 316.62:141.319.8

Шорникова А. А., *Минск*

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА МАССЫ» И СОПРОВОЖДАЕМОЕ ПРОЖИВАНИЕ: ОТ ИНТЕРНАТНОЙ УНИФИКАЦИИ К СУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация. Рассматривается сопровождаемое проживание в разрезе философской антропологии и концепции «человека массы». Показана связь между философским концептом «человека массы» и такой конкретной социальной практикой, как сопровождаемое проживание.

Ключевые слова: «человек массы», сопровождаемое проживание, унификация, уязвимость, социальная практика.

Shornikova A. A., *Minsk*

THE IMAGE OF THE «MASS MAN» AND ACCOMPANIED RESIDENCE: FROM INSTITUTIONAL UNIFICATION TO SUBJECTIVITY

Abstract. The article examines escorted living in the context of philosophical anthropology and the concept of the “mass man”. It shows the connection between the philosophical concept of the “mass man” and such a specific social practice as escorted living.

Keywords: “mass man”, accompanied living, unification, vulnerability, social practice.

В наследии философской антропологии XX в. значимое место занимает концепция «человека массы», впервые получившая систематическое обоснование в работе испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1930 г.). Данный феномен представляет интерес не столько как социологическая страта, сколько как тип личности, формирующий специфическую модель правового бытия: «человек массы» выступает продуктом либеральной демократии и технического прогресса, что порождает особый правовой статус, характеризующийся разрывом между формальным обладанием правами и пониманием их ценностно-нормативного основания. Таким образом, в рамках юридиико-антропологического подхода концепция «человека массы» Х. Ортеги-и-Гассета предстает как особый тип правовой субъектности, при которой формальное обладание правами и благами цивилизации не сопровождается усвоением их ценностно-нормативных оснований.

Жизнь такого человека становится комфортной и защищенной, он усваивает навыки пользования благами цивилизации, но утрачивает понимание тех принципов, на которых эта цивилизация зиждется. Его отличает самоудовлетворенность, чувство вседозволенности и, что особенно важно, «редкостная неблагодарность» по отношению ко всему, что сделало возможным его существование [1, с. 446–447].

Ключевая особенность этого антропологического типа – иллюзия полной автономии и замкнутость на себе. «Человек массы» не ощущает потребности в Другом, не признает своей зависимости от сложной социальной и культурной инфраструктуры, созданной усилиями меньшинства. Он доволен

собственной неотличимостью от всех и не склонен к самосовершенствованию или служению высоким этическим ценностям. В культуре, ориентированной на гедонизм и потребление, такой индивид рассматривает окружающих либо как средство, либо как конкурентов, либо как досадную помеху на пути к комфорту и успеху [2].

Параллельно с этим, в социальной практике XX–XXI вв. формируется принципиально иная модель человеческих отношений – сопровождаемое проживание людей с инвалидностью, ментальными особенностями и пожилых граждан. Возникнув как альтернатива закрытым интернатным учреждениям, эта форма организации жизни строится на прямо противоположных антропологических основаниях. Сопровождаемое проживание исходит из признания фундаментальной уязвимости человека и его потребности в Другом для реализации собственной субъектности [3]. Здесь автономия не дана изначально, а выстраивается постепенно через отношения поддержки и заботы.

Работа посвящена исследованию глубинной связи между этими двумя феноменами. Философская критика массового общества – от Ортеги и Ханны Арендт, анализировавшей атомизацию¹ и утрату человеком укорененности в сообществе, до этики Другого от Эмманюэля Левинаса, что задает систему координат, в которой сопровождаемое проживание обретает не только социальное, но и экзистенциальное измерение. Если феномен «человека массы» указывает на кризис ответственности и утрату способности видеть в уязвимом Другом того, кто требует усилия и ограничения собственного комфорта, то сопровождаемое проживание может быть воспринято практическим ответом на этот вызов. Оно возвращает обществу утраченное измерение заботы и напоминает о том, что подлинная человечность зиждется не на автономии самодостаточных индивидов, а на признании взаимной зависимости и ответственности.

Связь между философским концептом «человека массы» и такой конкретной социальной практикой, как сопровождаемое проживание, на первый взгляд может показаться неочевидной. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эта связь носит глубинный, антропологический характер и касается самих оснований современной культуры, этики и понимания человеческой субъектности. Образ «человека массы», сформировавшийся в европейской философии первой половины XX в., выступает своего рода негативом, по которому можно прочитать подлинные контуры человеческого существования, возвращаемые практикой сопровождения.

Понятие «человек массы» (или «массовый человек») получило классическое определение в работе испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1930) [4]. Ортега описывает этот тип как личность, лишен-

¹ Социальная атомизация, амбивалентный процесс разобщения и эгоистического обособления людей. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-atomizatsiia-a31e5>

ную внутренней автономии: такой человек не мыслит себя вне «общего потока», его вкусы, мнения и действия продиктованы не личным убеждением, а господствующими стандартами, он пассивен, привык потреблять готовые блага и не ощущает ответственности за собственную судьбу. Позднее эту линию развили представители Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), связавшие феномен массового человека с авторитарной личностью, склонной к подчинению и одновременно к отвержению инаковости [5], а также Э. Фромм, который в «Бегстве от свободы» показал, как стремление «стать как все» возникает из страха одиночества и неспособности к подлинной самостоятельности [6].

По сути, «человек массы» оказывается порождением эпохи индустриализма и бюрократической организации, где ведущими принципами становятся унификация, стандартизация и отчужденность. «Человек массы» не способен принять и понять Другого, ему чужды сострадание и восприятие инаковости. Другой для него становится досадной помехой.

Философия же сопровождаемого проживания основана на совершенно ином подходе: человек по сути своей уязвим, человек может быть зависим, и Другой здесь выступает мерилем сугубо человеческих качеств, таких как доверие, сострадание и ответственность.

«Человек массы» не желает брать на себя ответственность, ему важен собственный комфорт, в противовес ему человек из системы сопровождаемого проживания – будь то человек с инвалидностью, ментальными особенностями или в преклонном возрасте или же тот, кто сопровождает таких людей – ежедневно ощущает взаимную зависимость и ответственность. Философский парадокс этого феномена в том, что понимание и принятие таковой зависимости предполагает обретение субъектности, а вовсе не иллюзия собственной самодостаточности.

Сопровождаемое проживание не отрицает стремление человека к самостоятельности, но показывает, что самостоятельность обретается только через отношения, через признание того, что Другой необходим для моего существования. Сопровождаемое проживание противостоит и противоположной крайности – полному одиночеству и социальной изоляции в большом городе, где «человек с особенностями» предоставлен сам себе и вытеснен на периферию общественной жизни. Модели сопровождаемого проживания – тренировочные квартиры, жилые комплексы с поддержкой, дневные центры – пытаются воссоздать утраченную ткань подлинного сообщества, где человек известен по имени, где его уникальные потребности и способности принимаются во внимание, где он включен в сеть повседневных отношений, а не предоставлен анонимному пространству масс.

Сопровождаемое проживание как модель социальной поддержки «...представляет собой альтернативу психоневрологическим интернатам, домам престарелых и подобным учреждениям, где проживают одинокие пожи-

лые люди и взрослые с нарушениями развития. Это распространенная мировая практика, поскольку живущие в интернатах люди вынужденно отстранены от привычной им жизни, а сопровождаемое проживание обеспечивает им шанс на профессиональную деятельность и обучение в доступном им формате, встречаться с друзьями, а также гулять за пределами территории. Сотрудники интернатов сталкиваются с нехваткой времени и возможностей, чтобы позаботиться о каждом подопечном, учитывая его индивидуальные потребности, который при сопровождаемом проживании может реализовать свои права на достойную жизнь, находясь в условиях, максимально близких к домашним, несмотря на физические и психологические ограничения» [7, с. 66].

Традиционные интернаты – будь то психоневрологические интернаты или дома престарелых – являются квинтэссенцией общества масс. Там все построено на унификации: одинаковая одежда, единое расписание, обезличенность, полная пассивность подопечных, за которых все решает система. Человек в такой среде насильственно превращается в элемент «массы пациентов». Сопровождаемое проживание разрушает эту логику: оно утверждает, что даже человек с тяжелыми ментальными нарушениями не является частью однородной массы, а остается уникальной личностью со своими предпочтениями, историей и волей.

Модель поддерживаемого проживания отличается от модели стационарного интернатного типа (психоневрологические диспансеры, геронтологические центры или дома ребенка) и основана на идее самостоятельности, адресной направленности оказываемых услуг, нахождение в комфортной среде, уважении к личности и добровольному выбору сопровождения. Интернатная система строится на закрытости, единообразии и строгом режиме. Альтернатива – сопровождаемое проживание в обычной квартире или доме, где человеку помогают дозированно, лишь в том объеме, который необходим для его бытовой независимости.

Феномен сопровождаемого проживания представляет собой комплексный, непрерывный процесс, осуществляемый во всех возрастных периодах жизни человека. Сопровождаемое проживание начинается и во взрослой жизни человека с инвалидностью, и даже в жизни детей с инвалидностью. Оно – продолжение развивающей и образовательной работы, а если его рассматривать как услугу или новую технологию, то в ее стабильности и правовой защищенности заинтересованы и лица, оказывающие ее, и государство. Последнее в большей мере заботит повышение профессионализма при оказании услуги сопровождаемого проживания.

Так, например, в Республике Беларусь сопровождаемое проживание ведет свою историю еще с советских времен. Специальный дом сопровождаемого проживания в г. Минске стал важным социальным учреждением, направленным на поддержку пожилых людей и людей с инвалидностью и

особыми потребностями, предоставляя не только жилье, но и комплекс необходимых услуг, позволяющих его жителям самостоятельно адаптироваться к жизни в обществе [8, с. 65].

Сопровождаемое проживание в Специальном доме «...означает, что даже люди с инвалидностью, которые никогда не жили самостоятельно и проживали с родителями или в интернате, при заселении в Дом получают профессиональную помощь. Адаптироваться в новых условиях жильцам помогает специалист по социальной работе, при необходимости приходит социальный работник из территориального центра социального обслуживания населения. Также помогают и сами жильцы, старшее поколение с радостью выручает молодежь. Ведь зачастую молодые люди, которые прежде жили с мамой или в доме-интернате, испытывают немало трудностей в быту, с планированием бюджета, другими вопросами. Происходит взаимная адаптация. Организация жизни в Специальном доме требует создание условий, включая жилую обстановку, приближенную к домашним условиям, реализацию режима дня, соответствующего образу жизни обычного человека, решение вопросов повседневной занятости и организации свободного времени. Для детей-инвалидов, молодых инвалидов и лиц трудоспособного возраста жизнь в Специальном доме может кардинально измениться. Они наравне с другими гражданами имеют право на независимую и самостоятельную жизнь и интеграцию в общество» [9, с. 161].

Культура массы, ориентированная на потребление и развлечение, систематически избегает встречи с уязвимостью, смертностью, страданием – всем тем, что напоминает о хрупкости человеческого существования. Люди, нуждающиеся в постоянном сопровождении, оказываются в этой культуре «невидимками»: их существование нарушает идиллию мира потребления, где все должны быть молоды, здоровы и успешны.

Подлинное сопровождаемое проживание представляет собой не просто методику социального обслуживания – это практика, которая возвращает социально уязвимым категориям граждан личную субъектность и право на индивидуальность. В философском измерении такая модель противостоит тем общественным тенденциям, которые превращают людей (особенно тех, кто признан «недееспособным» или «нуждающимся в попечительстве») в обезличенную однородную массу.

«Человека массы» пребывает в иллюзии собственной полной самостоятельности, и эта кажущаяся автономия становится точкой соприкосновения философии «масс» с философией сопровождения. Модель поддерживаемого проживания исходит из прямо противоположной предпосылки: человек по своей сути зависимый и ранимый, а его самостоятельность приобретается благодаря созданию грамотной поддержки. Современная массовая культура, культивирующая образ успешного, ни в ком не нуждающегося индивида, не-

вольно создает мир, в котором те, кто объективно нуждается в помощи, оказываются не просто на обочине, но и в зоне невидимости, нарушая своим существованием уютный миф о всеобщей самодостаточности.

Феномен массы неразрывно связан с процессом утраты уникальности и тотальной стандартизацией, которую исследователи культуры XX в., такие как Вальтер Беньямин в своем знаменитом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1935) или Ханна Арентс в «Истоках тоталитаризма» (1951), связывали с тиражированием и атомизацией общества, с разрушением социальных связей. «Человек массы» – это всегда функция, статистическая единица, лишенная глубоких связей с традицией, сообществом и собственной внутренней жизнью. Ему чуждо все, что выбирается из общего ряда.

В этом контексте сопровождаемое проживание предстает как сложный и многотрудный проект по возвращению человеку его лица, его субъектности. Оно противостоит сразу двум опасностям, порожденным массовым обществом: с одной стороны, это безличная институционализация, где люди с особенностями развития содержатся по единому шаблону в закрытых учреждениях, превращаясь в «массу изгоев», а с другой – это полное одиночество и атомизация в большом городе, где «человек с особенностями» предоставлен сам себе и вытеснен на периферию социальной жизни. Сопровождение становится мостом между этими пропастями, попыткой выстроить среду, в которой уникальность личности не нивелируется, а, напротив, получает условия для своего проявления.

Особенно глубоко эта связь раскрывается в плоскости этики. Культура массы, которую в позднейшем философском дискурсе связали с обществом потребления, ориентирует человека на гедонизм, комфорт и немедленное удовлетворение желаний. В такой системе координат любой, кто требует заботы, терпения и не способен к полноценному обмену в рамках потребительской парадигмы, воспринимается как досадное недоразумение, как обуза.

Эмманюэль Левинас, французский философ, в своей книге «Время и Другой * Гуманизм другого человека» противопоставил логике тотального потребления этику ответственности, утверждая, что подлинная человечность рождается в тот момент, когда я принимаю на себя заботу о Другом, даже если этот Другой ничего не может мне дать взамен. Сопровождаемое проживание оказывается практическим воплощением этой левинасовской этики. Оно бросает вызов гедонистическому комфорту «человека массы», напоминая, что ценность человеческой жизни не измеряется ее полезностью или производительностью, а взаимопомощь и забота являются не благотворительностью, а фундаментальным способом бытия, без которого общество неизбежно деградирует в безликую и холодную совокупность одиночек.

Нельзя обойти и пространственное измерение этой проблемы. Масса, по определению, бесструктурна и безлика, она заполняет пространства, но не создает сообществ. Жители современных мегаполисов, классические «люди

массы», часто не знают своих соседей, их связи формальны и ситуативны. Модели сопровождаемого проживания – будь то тренировочные квартиры или небольшие жилые комплексы с постоянной поддержкой – пытаются воссоздать утраченную суть подлинного сообщества. Они возвращают нас к до-современным, демассовым формам социальности, где люди связаны взаимными обязательствами, общим бытом и знанием друг друга. Это попытка укоренить человека в мире, дать ему не абстрактное право на жизнь, а конкретное право на место, на принадлежность к чему-то большему, чем анонимная толпа автономных индивидов.

Сопровождаемое проживание можно рассматривать не просто как одну из социальных технологий, но как глубоко продуманный этический и антропологический ответ на вызовы, порожденные эпохой масс. Оно обнажает иллюзорность автономии «человека массы» и возвращает нас к истине, которую массовое общество стремится забыть: человек становится человеком только в отношениях с Другим, только через признание собственной уязвимости и через принятие ответственности за уязвимость ближнего.

Список литературы

1. Зыкова, А. Б. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2010. Т. 1 : А – Д. С. 446–447.
2. Чернышева А. В., Карабатырова В. Г. Антропологический кризис современности: «Царство количества» Р. Генона // Гуманитарный вестник. 2015. Вып. 8. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/281.html> (дата обращения: 17.03.2026)
3. Алтухова А. Н. Интеллектуальная инвалидность и болезнь в условиях сопровождаемого проживания // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 123–150.
4. Ortega y Gasset J. La reveli3n de las masas // Ortega y Gasset J. Obras completas. Vol. IV. Madrid, 1947.
5. Адорно Т. В. Исследование авторитарной личности / пер. с нем. М. Н. Попова, М. В. Кондратенко. М. : Астрель, 2012. 473 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. С англ. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
7. Шорникова А. А. Дома сопровождаемого проживания: история и правовое регулирование // Социальный мир: роль молодежи в решении проблем XXI века : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых исслед. Минск, 24 апр. 2025 г. Минск : Колорград, 2025. С. 65–68.
8. Шорникова А. А. Специальный дом сопровождаемого проживания г. Минска: история создания и нормативное регулирование // Лучшая студенческая статья 2025 : сб. ст. XIX Междунар. науч.-исслед. конкурса. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 61–65.
9. Шорникова А., Бочарова О. С. Феномен «Дом сопровождаемого проживания города Минска» // Международный студенческий форум «Наука без границ», посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы и докл. Воронеж, 15–16 мая 2025 г. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2025. С. 159–162.

СЕКЦИЯ «РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Журавлева И. А., Манзула А. Е., *Иркутск*

АКТУАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ О СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ОБЗОР НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ «ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ»

Развитие общества в любой период развития человеческой цивилизации сопряжено с необходимостью социализации молодежи, включению ее в активные социальные процессы, а также обеспечению нераспространения в молодежной среде деструктивных явлений, связанных как с противоправным поведением отдельных представителей молодежи, так и угрозам, которые препятствуют позитивной социализации новых поколений граждан.

Актуальность данных проблем для современного общества, большое число вызовов безопасности молодых людей, случаев негативного влияния на формирование личности молодых людей, их включенности в социальные процессы порождает необходимость комплексного анализа факторов, влияющих на поведение и развитие молодежи, необходимость разработки методик эффективной профилактики деструктивного поведения. Именно для решения таких задач Министерством молодежной политики Иркутской области было инициировано комплексное исследование, результатом которой стала подготовка уникального в своем роде издания – учебно-методического пособия «Профилактика деструктивного поведения молодежи» (2025 г.)².

Авторами данного издания стали эксперты в области профилактики деструктивного поведения молодежи: профессиональные юристы, социологи, психологи, педагоги. Авторский коллектив, объединенный стремлением создать пособие, которое не только ответит на вопросы, касающиеся механизмов формирования деструктивного поведения и основ профилактики такого поведения, но и подготовить комплекс методик профилактической работы, учитывающий современные тенденции профилактической работы и практики, адаптированные к специфике Иркутской области. Работники учебных

² Профилактика деструктивного поведения молодежи : учеб.-метод. пособие / М. Г. Тирских, Г. В. Дружинин, В. И. Рерке [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. 399 с.

заведений области, сотрудники комиссий по делам несовершеннолетних, ответственные за воспитательную работу в школах, СУЗах и ВУЗах смогут в данной книге найти как ответы на свои теоретические вопросы, так и подчерпнуть конкретные практики, которые можно использовать в работе с молодежью, деструктивное поведение которой им приходится предотвращать. Сочетание индивидуальных методик и форм групповой работы позволит выбрать не только оптимальные практики, но и фактически сформировать комплекс воздействия, позволяющий предотвратить возникновение большинства деструктивных моделей поведения в условиях конкретных молодежных коллективов.

Работа структурно содержит две части. В первой даются теоретические обоснования механизма деструктивного поведения молодежи и основные аспекты профилактической работы. Даная часть построена на адаптации современных научных исследований в области молодежной социологии и психологии, но представляет собой не сухое научное повествование, а написанное доступным для широкой массы читателей повествование, призванное ответить на основные вопросы профилактики поведения, подготавливая читателя к возможности эффективного применения практик, представленных во второй части работы.

В рамках первой части авторы дают социологически и психологический портрет современной молодежи, вызовов и проблем, формирующих ее поведение. Особое внимание уделяется факторам, способствующим возникновению деструктивного поведения, а также формам поведения чаще всего встречающимся в молодежной среде. Отдельное внимание уделено молодежной преступности, юридическим и социологическим аспектам данного явления. В рамках отдельных тем предпринимается попытка описать механизм формирования моделей поведения, присущих правонарушителям в контексте отдельных видов преступления, например, терроризма и экстремизма, вандализма, хулиганства.

Отдельное внимание уделяется не преступному поведению молодежи, которое, однако является крайне разрушительным для личности молодого человека. Речь идет о молодежной наркомании и токсикомании, алкоголизме, явлением буллинга, с которым, к сожалению, часто встречаются наши школы (в том числе и в таком сравнительно новом направлении буллинга, как кибербуллинг – травля в информационных сетях). Исследованию подвергается явление молодежного суицида, и практики нанесения самоповреждений молодыми людьми, игромания, различные формы сексуальных девиаций, иные виды асоциального поведения.

Особое внимание уделяется формированию в молодежной среде психических расстройств зачастую усугубляющих и активизирующих деструктивное поведение молодых людей. Внимание уделяется и различным формам нигилизма среди молодежи, в том числе в таких сферах, как учеба, трудовая

деятельность, коллективные формы социализации (включение в работу молодежных коллективов и общественных организаций). Дан теоретический анализ различных форм профилактики деструктивного поведения молодежи, а также вопросам цифровой безопасности молодежи.

Вторая часть исследования представляет собой описание методик применения отдельных практик профилактики деструктивного поведения. Дан обзор профилактической деятельности в Иркутской области, сценариев профилактических мероприятий.

Дается разбор таких практик, как «Игровой суд», игра-тренинг «Стоп, вербовка!», правовая игра «Право. Выбор. Последствия», тренинг «Я личность».

В отдельных случаях применяются практики адаптации молодежи к новым, незнакомым для них условиям. К таким, например, можно отнести психологический тренинг «Племена далеких галактик», коррекционная техника арт-терапии «Я как стихия» и т. д. Особое внимание уделено практикам творческой деятельности, призванной использовать художественный потенциал молодежи, для противодействия негативным факторам деструктивного поведения, в том числе, работа с субличностями с применением методов песочной терапии, рисуночная техника «Три круга...», «Круги на воде», «Калейдоскоп моей жизни». Отдельное внимание уделяется работе с жизненным потенциалом и восстановлением психоэмоциональных сил молодых людей «Древо жизни и помощники».

Для коллективной работы предполагаются образовательные мероприятия, призванные в том числе сплотить молодежь вокруг проблематики истории страны и края, патриотизма, духовных, нравственных и семейных ценностей. К числу таких практик, рассматриваемых в пособии, можно отнести образовательную экскурсию «Голос улиц», интеллектуальную викторину «История и культура России», исторический квиз «Мы помним», программы по развитию патриотизма у школьников и студентов, практикумы по формированию межкультурной компетентности, по развитию традиционных ценностей русской семьи у молодежи, деловая игра «Аукцион ценностей». Отдельное внимание уделяется работе с родителями в рамках понимания, что семья играет особую роль в профилактике деструктивного поведения молодежи. Все эти практики призваны вооружить специалистов по работе с молодежью эффективными и привлекательными для молодых людей форматами работы, обеспечивающими недопущение деструктивного поведения. И хотя они, безусловно, не являются панацеей, они могут разнообразить профилактическую работу, дать возможность более целостной работы с учащимися.

Таким образом, можно констатировать, что данное пособие является сплавом знаний и опыта в сфере работы с молодежью и профилактики деструктивного поведения. Оно может стать настольной книгой педагога, специалиста по воспитательной работе, школьного психолога. Она может быть полезна и для родителей, которые заинтересованы в том, чтобы их дети не стали жертвами вовлечения в криминальную или деструктивную социальную

среду. Учитывая, что бичом современной молодежи являются многочисленные попытки их вовлечения в криминальные субкультуры, деятельность, связанную с терроризмом и экстремизмом, очевидно, что повышение теоретической и практической вооруженности лиц, работающих в сфере профилактики деструктивного поведения молодежи, являются необходимой компонентой в выстраивании надежного щита российского общества против таких попыток. Надеемся, что материалы книги помогут многим молодым людям в формировании гармоничного позитивного образа поведения, социализации и укрепления себя на пути законности и позитивной социальной позиции, патриотизма и поддержки семейных ценностей.

АВТОРСКАЯ СПРАВКА

Апанина Алена Владимировна – аспирант 1-го курса кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: aapanina7@gmail.com

Абдрахманова Лия Сергеевна – студент 1-го курса направления «Торговое дело» Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: banana111fox@gmail.com

Авдеева Анастасия Игоревна – студент 3-го курса направления «Юриспруденция» Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, e-mail: avdeevanastya05@mail.ru

Аведисьян Артур Калустович – студент 1-го курса направления «Юриспруденция» Филиала Кубанского государственного университета в г. Новороссийске, Новороссийск, e-mail: ke.kva.96@bk.ru

Адамов Александр Викторович – студент 2-го курса Саратовской государственной юридической академии, Саратов, e-mail: sashokadamov2@gmail.com

Адамюк Олег Иванович – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: adamyuk_oi@rac.by

Акулова Валерия Игоревна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Батраков Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры «Гражданское и уголовное право» Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, e-mail: batrakov15@yandex.ru

Альбицкий Александр Георгиевич – аспирант 1-го курса по научной специальности 5.1.1. «теоретико-исторические правовые науки», Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, e-mail: tobpermtum2015@mail.ru

Алексеев Александр Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, e-mail: neuausstatten@mail.ru

Алёхина Наталья Александровна – студент 2-го курса Крымского филиала РГУП им. В. М. Лебедева, Симферополь, e-mail: natalya09_09@mail.ru

Алтобасов Евгений Александрович – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных

наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: e-altobasov@yandex.ru

Андреянова Мария Сергеевна – судья в отставке, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), Москва, e-mail: msandreyanova@fa.ru

Антропов Роман Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета, Чита, e-mail: roman-antropov23@rambler.ru

Ароцкер Диана Юрьевна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: diana.arotsker@mail.ru

Баев Павел Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет, Иркутск, e-mail: bayev.pa@mail.ru

Баранов Александр Вадимович – магистрант 2-го курса направления «социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: aleksandr.baranov.02@mail.ru

Банадысев Сергей Дмитриевич – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: banadysev@gmail.com

Бахарев Владимир Васильевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: v50226@mail.ru

Безгласная Мария Дмитриевна – студент 3-го курса направления «Социология» Института экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: mariabezglasnaa@inbox.ru

Белхарев Хаджимурад Уматгиреевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Санкт-Петербург, e-mail: x101010x@yandex.ru

Белых Оксана Евгеньевна – студентка 2-го курса направления «Экономика» Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, e-mail: ksusabelyh718@gmail.com

Болотин Иван Валерьевич – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: bolotin_iv@bk.ru

Бойких Руслан Севланович – магистрант 1-го курса направления «Финансы и кредит» Института управления и финансов Байкальского государственного университета; главный специалист отдела Партийного строительства и аналитики РИК ИРО ВПП «Единая Россия», Иркутск, e-mail: rboikih@yandex.ru

Большакова Анна Александровна – начальник отдела защиты прав застрахованных Территориального фонда обязательного медицинского страхования Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард, e-mail: bolshakova@webfoms.ru

Боленкова Анна Николаевна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, Донецк, e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Борисова Маргарита Витальевна – студентка 1-го курса специалитета направления «Биоинженерия и биоинформатика» Института биологических наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: borisovamangorita@mail.ru

Бубнова Юлия Геннадьевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, e-mail: yuliya-bubnova@mail.ru

Будник Анастасия Петровна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Бухарова Екатерина Анатольевна – преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: k.buharowa@yandex.ru

Быкова Елена Геннадьевна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Васильев Николай Гаврилович – кандидат философских наук, доцент ВГУЮ Иркутский институт (ф) РПА Минюста России, Иркутск, e-mail: ngv@bk.ru

Веретенникова Татьяна Анатольевна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: golver1@rambler.ru

Воробьева Виктория Романовна – студент 2-го курса направления «Юриспруденция» Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Москва, e-mail: vampismotory@mail.ru

Гайшун Александр Николаевич – руководитель по военно-патриотическому воспитанию государственного учреждения образования «Средняя

школа № 9 г. Бобруйска», историк, политолог, Бобруйск, Республика Беларусь, e-mail: alexandr.gaishun@gmail.com

Гармонов Владимир Павлович – магистрант 3-го курса направления «Юриспруденция» государственно-правового профиля образовательной программы Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, email: vladimir291285@mail.ru

Гасимова Малейка Нураддин кызы – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: gasimova-malika@gmail.com

Гельманова Ольга Алексеевна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: sholokhova@mail.ru

Гоглева Ксения Юрьевна – начальник кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, e-mail: goglevakseniya@gmail.com.

Горбунова Ольга Андреевна – студент 1-го курса направления «Юриспруденция» Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, e-mail: olya.gorbunova.07@inbox.ru

Грачева Елена Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное управление и право» Тульского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Тула, e-mail: gracheva-ev@ranepa.ru

Григорьева Алина Николаевна – студент 1-го курса направления «Юриспруденция» Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, e-mail: alluv_4680@icloud.com

Грицких Надежда Викторовна – доцент, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: anris@list.ru

Гусенова Мавиле Рифатовна – студент 2-го курса факультета непрерывного образования Крымского филиала РГУП им. В. М. Лебедева, Симферополь, e-mail: mavilegusenova@gmail.com

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, магистр социологии, Иркутск, e-mail: milgur@mail.ru

Давыдов Денис Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева, Саранск, e-mail: DavDen81@mail.ru

Данакари Лилия Ричарди – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Волгоградского государственного университета, магистр психологии, Волгоград, e-mail: liliya.danakari@yandex.ru

Дембовский Станислав Павлович – студент 2-го курса специальности «Государственное управление и право» Института управленческих кадров Академии управления при президенте Республики Беларусь, Минск, e-mail: dembovskiystas@gmail.com

Домнина Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и криминологии Саратовской государственной юридической академии, Саратов, e-mail: ol-domni@yandex.ru

Дробина Елизавета Сергеевна – слушатель 5-го курса факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, e-mail: lizolda2003@mail.ru

Емельянова Мария Алексеевна – студент 2-го курса направления «Юриспруденция» Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Москва, e-mail: mpylaeva2211@gmail.com

Еникеева Эльвира Рамилевна – магистрант 2-го курса направления «Юриспруденция» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: ramilenickeev@yandex.ru

Ефремов Никита Олегович – студент 2-го курса направления «Экономика» кафедры экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, e-mail: nikita.efremov131017@gmail.com

Жидков Данила Игоревич – студент 2-го курса направления «Правовое обеспечение национальной безопасности» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, Орел, e-mail: dol.zhidkov.18@mail.ru

Жук Мария Генриховна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Журавлева Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: irlend@list.ru

Заварзина Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: julia661@mail.ru

Зацепин Алексей Леонидович – руководитель Саянского местного отделения Иркутского регионального отделения Международной общественной

организации «Императорское православное палестинское общество», магистр государственного и муниципального управления, Саянск, e-mail: zatsepin.al@mail.ru

Земскова Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры таможенного дела и товароведения Социально-экономического института Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина, Саратов.

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: history2002@bk.ru

Иванова Вильнэлия Владимировна – студент 3-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск; e-mail: ivanova-vilya@mail.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт ООО «Юридическая компания «АДЪЮТА», член РФО, Казань, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Кадурина Дарья Александровна – научный сотрудник ФГКУ «ГНИИМЦ ПВ», Москва, e-mail: kadurina.15@mail.ru

Клещёнок Юлия Максимовна – студент 1-го курса направления «Юриспруденция» Сибирского государственного путей сообщения, Новосибирск, e-mail: yulya.d.057@mail.ru

Климова Ольга Олеговна – магистр 1-го курса направления «Социальная работа», организация и управление в социальной работе» Приазовского государственного технического университета – филиала Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, Мариуполь, e-mail: klm0klimova@yandex.ru

Корелин Михаил Николаевич – преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД, Иркутск, e-mail: korelinmn@mail.ru

Кожанчиков Олег Игоревич – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и экономической безопасности Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, e-mail: okozhanchikov@yandex.ru

Котляров Иван Дмитриевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Литвинцев Денис Борисович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета; доцент кафедры экономики, управления социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин), Новосибирск, e-mail: denlitv@inbox.ru

Логвиненко Анастасия Дмитриевна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, e-mail: logvinenkoaad@mail.ru

Лойко Александр Иванович – заведующий кафедрой «Философские учения», доктор философских наук, профессор Белорусского национального технического университета, Минск, Республика Беларусь, e-mail: alexander.loiko@tut.by

Луценко Алина Константиновна – студент 1-го курса направления «Юриспруденция» Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, e-mail: aleenabwu@mail.ru

Макарова Александра Сергеевна – член молодежного общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи», Бобруйск, Республика Беларусь, e-mail: alexandr.gaishun@gmail.com

Макарова Анна Алексеевна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: anyuta.55555@mail.ru

Маковская Полина Николаевна – стажер адвоката Ростовской областной коллегии адвокатов «Бизнес и право», Ростов-на-Дону, e-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Максуров Алексей Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: alex.maks.yarosl@gmail.com

Манзула Александр Евгеньевич – проректор по молодежной политике и воспитательной деятельности Иркутского государственного университета, e-mail: promol@isu.ru

Манченко Вероника Дмитриевна – курсант 2-го курса 412-й учебной группы факультета очного обучения, специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, рядовой полиции Ростовского юридического института МВД России, Ростов-на-Дону, e-mail: alena_61_rus@mail.ru

Маркова Анна-Мария Александровна – аспирант 1-го курса направления 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, e-mail: an-nemariemour04@gmail.com

Маркина Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростов-на-Дону, e-mail: shevelevaev@mail.ru

Медведев Александр Владимирович – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления военно-экономической деятельностью Военного университета им. князя Александра Невского, Москва, e-mail: medvedev_av79@mail.ru

Миронова Мария Максимовна – магистрант 3-го курса направления «Юриспруденция» Института магистратуры Ростовского государственного экономического университета, Ростов-на-Дону, e-mail: shevelevaev@mail.ru

Мирзоева Дарья Дмитриевна – ассистент Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: hudik_dd@spbstu.ru

Михалевиц Карина Ивановна – студент 3-го курса по специальности «Правоведение» Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Гродно, e-mail: karinakotova526@gmail.com

Михеева Елизавета Юрьевна – студентка 3-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: elizav3ta.mih@yandex.ru

Морозова Ирина Владимировна – старший преподаватель юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: arishaves@yandex.ru

Муха Виктория Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: v. mukha@bk.ru

Мялик Анна Дмитриевна – магистрант 3-го курса направления «юриспруденция» государственно-правового профиля образовательной программы Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, email: kot.v.sapogah96@mail.ru

Новикова Юлия Олеговна – доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой таможенного дела и внешнеэкономической деятельности Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, e-mail: novikova1902@yandex.ru

Новожилова Лилия Сергеевна – магистрант 3-го курса направления «Юриспруденция» Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, e-mail: lilytheone99@mail.ru

Одиназода Исфандиер Ахмад – кандидат юридических наук, майор милиции Академии МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, Краснодар, e-mail: diyor-13@mail.ru

Окурокова Светлана Александровна – студентка 3-го курса направления «Социология организаций и управления» факультета экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: sveta.maer01@gmail.com

Олейник Ирина Ивановна – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и

права Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Иваново, e-mail: oleynik-ii@ranepa.ru

Палащенко Егор Викторович – ассистент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: upalashchenko@mail.ru

Патишова Динара Нурадиновна – курсант 2-го курса 411 учебной группы факультета очного обучения (специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности), рядовой полиции Ростовского юридического института МВД России, Ростов-на-Дону, e-mail: alena_61_rus@mail.ru

Петровская Оксана Андреевна – старший преподаватель кафедры социологии Института экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: Aksiniya-33@mail.ru

Перловская Евгения Игоревна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: perlovskaya52@gmail.com

Петренко Алина Денисовна – курсант 2-го курса 412 учебной группы факультета очного обучения (специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности), рядовой полиции Ростовского юридического института МВД России, Ростов-на-Дону, e-mail: alena_61_rus@mail.ru

Петров Юрий Владимирович – доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования Тюменского государственного университета, Тюмень, e-mail: petrov19811201@gmail.com

Петрова Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления, Москва, e-mail: petrovaouy@bk.ru

Петровская Оксана Андреевна – старший преподаватель кафедры социологии факультета экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: Aksiniya-33@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета Минздрава России, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: 900320@mail.ru

Попова Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Порываев Сергей Александрович – доцент кафедры административного права и процесса им. Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент, Москва, e-mail: dwimmorberg@yandex.ru

Поярков Сергей Юрьевич – кандидат педагогических наук, докторант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, e-mail: psu@vniiftri.ru

Прудников Виктор Викторович – магистрант 2-го курса направления «Юриспруденция» Московского университета им. С. Ю. Витте, Нижний Новгород, e-mail: prvv1978@mail.ru

Пухнаревич Анна Сергеевна – студентка 3-го курса специальности «Правоведение» Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Гродно, e-mail: anya_pukhnarevich@mail.ru

Пухова Анна Сергеевна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: 4227887@mail.ru

Резникова Софья Владимировна – аспирант 2-го курса направления 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» Гатчинского государственного университета, Гатчина, e-mail: svt305@yandex.ru

Ресина Яна Александровна – магистрант 2-го курса направления «Технологии управления персоналом» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, e-mail: yanika.resina@yandex.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: eresh80@mail.ru

Рыбалка Елена Александровна – профессора, доктор философских наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, г. Ростов-на-Дону

Савинова Вероника Евгеньевна – студентка 4-го курса направления «Юриспруденция» Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Иркутск, e-mail: savia-1976@mail.ru

Садков Виталий Андреевич – доцент кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД

России, кандидат юридических наук, Санкт-Петербург, e-mail: wrendek@mail.ru

Сакатунова Виктория Александровна – студентка 3-го курса направления «Социология» факультета экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: vikasakatunova2605@gmail.com

Сараев Никита Андреевич – аспирант 1-го курса направления «5.1.2 публично-правовые (государственно-правовые науки)» Сибирского университета потребительской кооперации, Новосибирск, e-mail: saraev.n@bk.ru

Сарапулова Лариса Николаевна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: larsara91@mail.ru

Севастьянова Оксана Васильевна – кандидат экономических наук Крымского филиала РГУП им. В. М. Лебедева, Симферополь, sevastyanova81@yandex.ru

Серко Ксения Дмитриевна – студент 1-го курса специальности «Государственное управление и право» Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, e-mail: serkokseniya@gmail.com

Степанян Геннадий Николаевич – магистрант 3-го курса направления «Юриспруденция» Института магистратуры Ростовского государственного экономического университета, Ростов-на-Дону, e-mail: shevelevaev@mail.ru

Силивеев Илья Михайлович – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Иркутского института ВГУЮ (РПА Минюста России), адвокат, медиатор, антикризисный управляющий, Иркутск, e-mail: siliveev@mail.ru

Сирохин Антон Игоревич – старший научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, e-mail: anton.nauka@mail.ru

Соколянская Виктория Антоновна – курсант 2-го курса факультета подготовки специалистов по противодействию и предупреждению преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, Донецк, e-mail: viktoryyaasokolyanskaya07@mail.ru

Ступникова Алина Алексеевна – студент 1-го курса направления «Торговое дело» Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: stupnikova.aa@edu.spbstu.ru

Татарникова Яна Вячеславовна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных

наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Тамицкий Александр Михайлович – доцент, кандидат политических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, Архангельск, e-mail: a.tamitskij@narfu.ru

Телегина Елена Геннадьевна – доцент, кандидат юридических наук, Филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийске, Новороссийск, e-mail: Lady.lena-telegina@yandex.ru

Теняков Андрей Витальевич – старший преподаватель, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института, Армавир, e-mail: An11298@yandex.ru

Терещенко Анна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент ВГУЮ Иркутский институт (ф) РПА Минюста России, Иркутск, e-mail: 89025119540@yandex.ru

Тинякова Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент, член группы социально-экономического проектирования Санкт-Петербургского союза ученых, магистр юриспруденции (уголовное право и криминология), член всероссийского педагогического общества «Доверие», член ассоциации педагогов России «IntellectУМ», e-mail: etinyakova@bk.ru

Тирских Максим Геннадьевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории правовых исследований высокотехнологичных отраслей промышленности Иркутского института химии им. А. Е. Фаворского СО РАН, председатель Иркутского регионального отделения МАТГиП, Иркутск, e-mail: tirskm@mail.ru

Тихонова Марина Юрьевна – магистрант 2-го курса направления «Психолого-педагогическое образование / Социально-психологическое консультирование и реабилитация» Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, e-mail: tikhonova.mu@mail.ru

Толмачёв Александр Васильевич – магистрант кафедры религиоведения философско-богословского факультета Российского православного университета св. Иоанна Богослова, Москва, e-mail: 9409574@mail.ru

Тулаева Ксения Вадимовна – ведущий юрисконсульт отдела правового обеспечения кредитования субъектов среднего и крупного бизнеса ПАО «ВТБ», Самара, e-mail: tulaevaxenia@yandex.ru

Туриева Александра Станиславовна – старший преподаватель Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: turieva_as@spbstu.ru

Удалых Станислав Кузьмич – доцент, кандидат экономических наук, советник Иркутского регионального отделения Российской академии естественных наук (ИРО РАЕН), г. Иркутск, e-mail: usk2.irk@yandex.ru

Фазлыева Екатерина Игоревна – преподаватель Многопрофильного колледжа Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, e-mail: kattya.fazlyeva.82@mail.ru

Федорова Анна Валерьевна – курсант 2-го курса факультета очного обучения (специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности), рядовой полиции Ростовского юридического института МВД России, Ростов-на-Дону, e-mail: alena_61_rus@mail.ru

Федчук Иван Леонтьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, e-mail: vanyafedchuk@yandex.ru

Халецкая Татьяна Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, e-mail: Tania80@rambler.ru

Ходыкин Александр Владимирович – кандидат социологических наук, социолог Фонда социальных исследований (Самара), Самара, e-mail: khodykin8@gmail.com

Хохлова Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Чекашкина Валерия Сергеевна – студент 2-го курса направления «История. Право» Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева, Саранск, e-mail: lega24072004@mail.ru

Черкасова Вероника Александровна – студент 3-го курса направления «социология» факультета экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: veronikacerkasova842@gmail.com

Чигрецкая Анастасия Андреевна – студент 2-го курса специальности «Государственное управление и право» Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, e-mail: chigretskayanastya@gmail.com

Чуныева Юлия Дмитриевна – магистрант 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: yulya.chunyaeva@mail.ru

Шабеева Ольга Александровна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, e-mail: Shabaevaolya@mail.ru

Шалимов Игорь Валерьевич – старший преподаватель кафедры экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, e-mail: shalimov89@mail.ru

Шатилов Сергей Петрович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Сибирского государственного университета путей и сообщения, Новосибирск, e-mail: shatilov_sp@mail.ru

Шамсутдинов Джамалутдин Сиражутдинович – аспирант 3-го курса направления «Юриспруденция» Ростовского государственного экономического университета, Ростов-на-Дону, e-mail: shevelevaev@mail.ru

Шарафоненко Олег Андреевич – аспирант кафедры социологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, e-mail: olegsharafonenko@yandex.ru

Шевлякова Виктория Александровна – студент 2-го курса направления «Судебная и прокурорская деятельность» Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов, e-mail: vika2007shf@gmail.com

Шилов Юрий Валерьевич – доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры публичного права Пермского института ФСИН России, Пермь, e-mail: shilov_yura_1968@mail.ru

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков, доцент кафедры теории и практики дополнительного педагогического образования, РУДН им. Патриса Лумумбы, Луганский государственный педагогический университет, Москва, e-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Шорникова Анастасия Александровна – магистрант направления «Юриспруденция» Университета Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь, e-mail: shornikova15nastya@gmail.com

Эриштейн Леонид Борисович – доцент кафедры информационных систем и технологий Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, e-mail: leoleo1972@mail.ru

Якушева Лада Сергеевна – слушатель 5-го курса 612 учебного взвода факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка (специализация – 40.05.01 «государственно-правовая») Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, e-mail: yakusheva_03@inbox.ru

Яновский Даниил Васильевич – магистр 2-го курса направления «Торговое дело» Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, e-mail: donotentersmu@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы

*VIII Всероссийской научно-практической конференции
Иркутск, 20 апреля 2026 г.*

ISBN 978-5-9624-2503-0

Материалы публикуются в авторской редакции

Темплан 2026 г. Поз. 63
Уч.-изд. л. 53,8.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00

Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.isu.ru

Подписано к использованию 25.08.2026

Тираж 13 экз. Объем 7,3 Мб

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024×768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше